ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ

за 1890 годъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1890.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ

за 1890 годъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1890.

1782

ОТЪ РЕДАКЦІИ СБОРНИКА.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ постановило издать въ 1890 г. сборникъ историческихъ статей, возложивъ его редактированіе на комитетъ, управляющій дѣлами Общества. Приступить къ составленію и печатанію сборника оказалось возможнымъ лишь въ концѣ сентября 1890 г. съ тѣмъ расчетомъ, чтобы изданіе было готово 1 янв. 1891 г. Въ виду этого комитету пришлось печатать лишь тѣ статьи, которыя ему были доставлены за это время, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ доставлялись. Къ сожалѣнію, за все это время въ его распоряженіи не было ни одной работы по русской исторіи, такъ какъ обѣщанныя ему или имъ заказанныя статьи, касающіяся исторіи Россіи или русской исторической литературы, не были имъ своевременно получены. По той же причинѣ отдѣлъ исторической хроники не могъ выйти такъ полонъ, какъ того желалъ бы комитетъ, и пришлось отложить до слѣдующаго тома библіографію историческихъ статей въ русскихъ журналахъ за 1890 г., составленіе которой было начато, но не могло быть доведено до конца къ назначенному сроку. Комитетъ Общества приметъ мѣры, чтобы въ слѣдующихъ томахъ сборника не было такихъ пробѣловъ, и расчитываетъ въ этомъ отношеніи на помощь со стороны самихъ членовъ Историческаго Общества.

12 декабря 1890 г.

ОТДѢЛЪ I.

Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки [1].

Н. И. Карѣева.

Среди задачъ, указываемыхъ Историческому Обществу при Петербургскомъ университетѣ его уставомъ, въ качествѣ совершенно самостоятельной задачи, значится *разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки.* Посвящая значительную часть своего времени изслѣдованіямъ въ области теоріи исторіи, я лично особенно былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы при организаціи нашего Общества ему, между прочимъ, была поставлена и такая цѣль, надѣясь, съ одной стороны, время отъ времени обмѣниваться съ его членами мыслями по указаннымъ вопросамъ, съ другой—вызвать къ этимъ вопросамъ большій интересъ у спеціалистовъ и тѣмъ самымъ подвинуть впередъ разработку теоріи нашей науки. На мнѣ, конечно, лежитъ поэтому и обязанность объяснить вамъ, что разумѣлъ я подъ теоретическими вопросами исторической науки, когда составлялся проектъ устава Историческаго Общества, и намѣтить въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ оно могло бы заниматься разработкой этихъ вопросовъ; вотъ этому-то и посвящаю я свое сообщеніе, тѣмъ самымъ приступая къ выполненію намѣченной задачи нашего Общества.

---

[1]) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Историческаго Общества при Петербургскомъ университетѣ 24 января 1890 г. Помѣщенный первоначально въ мартовской книжкѣ *Русской Мысли* за 1890 г., онъ печатается здѣсь съ кое-какими измѣненіями и съ дополненіями, частью заимствованными изъ двухъ рефератовъ автора „Юриспруденція и теорія историческаго процесса“ и „Вопросъ о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса“, читанныхъ имъ въ московскихъ Юридическомъ и Психологическомъ обществахъ въ апрѣлѣ 1890 г. См. № 7 и 8 *Юрид. Вѣстн.* и 4 книгу *Вопросовъ философіи и психологіи.*

Имѣя въ числѣ его членовъ представителей разныхъ научныхъ спеціальностей, я намѣренъ, кромѣ того, показать, въ какихъ случаяхъ они могли бы намъ помочь при разработкѣ теоретическихъ вопросовъ, а для этого мнѣ придется коснуться вопроса объ отношеніи другихъ наукъ къ теоретической части исторіи.

Позвольте мнѣ начать изложеніе своихъ мыслей о томъ, въ чемъ должна заключаться разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки, съ краткаго обзора того, какъ ставились до сихъ поръ эти вопросы въ научной и философской литературѣ. Литература эта достигаетъ громадныхъ размѣровъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается [1]): въ ней, конечно, прежде всего, нужно разобраться, опредѣливъ, что ею уже сдѣлано, и отмѣтивъ, чѣмъ она до сихъ поръ пренебрегала, дабы тѣмъ самымъ установить, въ чемъ же, главнымъ образомъ, должна заключаться дальнѣйшая разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки. Замѣчу напередъ, что изъ послѣднихъ я выдѣляю теперь для нашего разсмотрѣнія одну только категорію, а именно вопросы, касающіеся самого историческаго процесса, какъ предмета науки, оставляя въ сторонѣ вопросы о томъ, какъ слѣдуетъ писать [2]) или изучать [3]) исторію, и вопросы, относящіеся къ теоріи исторической критики [4]) или къ исторической методологіи [5]). Міръ явленій, къ которому принадлежитъ и исторія, представляетъ изъ себя совокупность весьма

---

[1]) Обзоры этой литературы существуютъ въ довольно значительномъ количествѣ, хотя и не всегда отличаются полнотою. Называемъ главнѣйшіе: *Flint.* „The philosophy of history in Europe“ (есть и франц. переводъ). *Marselli.* „Scienza della storia“. *Rocholl.* „Die Philosophie der Geschichte“. *Rougemont.* „Les deux cités. La philosophie de l'histoire aux différents âges de l'humanité“. *Стасюлевичъ.* „Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи“. Указанія на менѣе значительные обзоры см. въ началѣ первой главы первой книги моихъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*, въ коихъ есть, кромѣ того, также и обзоръ самой литературы (подробный въ 1 изд., сокращенный во 2). См. также новѣйшее (1889 г.) сочиненіе *Bernheim'a* „Lehrbuch der historischen Methode“.

[2]) Первый извѣстный трактатъ объ этомъ предметѣ принадлежитъ жившему во II в. по Р. Х. Лукіану Самосатскому: „Πῶς δεῖ τὴν ἱστορίαν συγγράφειν“.

[3]) Объ этомъ предметѣ существуетъ обширная литература, начиная съ сочиненія *Бодена* (въ XVI в.) „Methodus ad facilem historiarum cognitionem“ и кончая названнымъ въ прим. 1 сочиненіемъ *Бернгейма.* Указанія на нее въ *Осн. вопр. фил. ист.*

[4]) Исторической критикѣ посвящались или отдѣльныя сочиненія (изъ новѣйшихъ см. *Smedt.* „Principes de la critique historique“), или главы въ сочиненіяхъ болѣе общаго содержанія (см., напр., въ книгѣ *Бернгейма* главу IV, стр. 202—389).

[5]) Объ этомъ можно повторить то, что сказано въ предъидущемъ примѣчаніи. Изъ отдѣльныхъ сочиненій укажемъ здѣсь на русскую книгу *Стронина* „Исторія и методъ“.

разнообразныхъ процессовъ, изъ коихъ каждый, отличаясь отъ другихъ особенными, ему только свойственными, чертами, долженъ имѣть свою теорію, и вотъ въ этомъ-то смыслѣ я буду говорить въ настоящемъ своемъ рефератѣ о теоріи исторіи, о теоріи историческаго процесса.

Впервые съ идеей теоріи историческаго процесса мы встрѣчаемся у писателей XVIII вѣка и ранѣе всѣхъ у Вико, автора прославившейся только въ нашемъ столѣтіи *Новой науки*, которая вышла въ свѣтъ въ 1726 г. [1]). Съ легкой руки первыхъ переводчиковъ и популяризаторовъ этой книги (въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка [2]), значеніе итальянскаго мыслителя, остававшагося совершенно одинокимъ въ свое время, было нѣсколько преувеличено, хотя и несомнѣнно, что онъ былъ первый, кто поставилъ наукѣ новую задачу—изслѣдовать то, что впослѣдствіи стали называть историческими законами. Въ исторіи отдѣльныхъ народовъ Вико подмѣтилъ нѣкоторое единообразіе, которое и объяснилъ себѣ, какъ результатъ ихъ общей природы и вытекающаго отсюда единства въ способѣ ихъ развитія: передъ его воображеніемъ даже носилась нѣкоторая „идеальная и вѣчная", какъ самъ онъ выражается, исторія всѣхъ народовъ, ибо онъ думалъ, что дѣла человѣческія повторяются, когда націи возобновляются, и что потому вполнѣ возможно установить „единообразный ходъ націй". На его воззрѣніяхъ, какъ слѣдуетъ думать, сказалось вліяніе древней философіи: съ одной стороны, идеализмъ Платона внушилъ ему мысль о вѣчной исторіи, повторяемой всѣми народами, какъ объ „идеѣ" исторіи; съ другой—у Аристотеля онъ заимствовалъ принципъ, что наука должна говорить лишь о вѣчномъ и общемъ. Вико не оказалъ никакого вліянія на современниковъ, и первую оцѣнку его мысли нашли только черезъ сто лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ его *Новой науки*. Въ томъ же XVIII вѣкѣ, только нѣсколько позднѣе, идея о томъ, что исторія должна имѣть свою теорію, стала встрѣчаться у французскихъ и нѣмецкихъ писателей, положившихъ начало цѣлой историко-философской литературѣ, но исходный пунктъ у нихъ былъ уже иной, чѣмъ у Вико: интересовало ихъ не то, какъ совершается исторія у каждаго народа, т.-е. не сущность историческаго процесса, отвлеченно взятаго, а то, что представляетъ изъ себя дѣйствительная исторія всѣхъ на-

---

[1]) *Giambattista Vico*. „Scienza nuova dell' origine delle nazioni". 1726. Объ этомъ оригинальномъ мыслителѣ существуетъ цѣлая литература (книги *Ferrari*, *Werner*'a, *Flint*'a и масса статей).

[2]) Нѣмецкій переводъ *Новой науки* сдѣланъ *Веберомъ* въ 1822 г., французскій—*Мишле* въ 1827 г. Кромѣ того, есть другой французскій переводъ 1844 г.

родовъ, образующихъ человѣчество, или философія всемірной исторіи. Если писатели эти и касались вопросовъ, входящихъ въ составъ теоріи историческаго процесса въ его отвлеченной сущности, то вовсе не сознавая возможности положить этимъ начало особой теоретической наукѣ: ихъ занимала, главнымъ образомъ, идея прогресса въ приложеніи ко всему теченію всемірной исторіи, взятой въ цѣломъ, и именно съ этой точки зрѣнія писали свои извѣстные труды Тюрго и Кондорсэ во Франціи, Гердеръ въ Германіи [1]). Въ эту эпоху, собственно говоря, и началось сознательное приложеніе философіи къ исторіи, и оно приняло, главнымъ образомъ, какъ разъ такое направленіе. Конечно, изъ общаго правила были исключенія, но они остались безъ замѣтнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе историко-философской литературы; въ ней на первомъ планѣ стояло не изслѣдованіе того, что́ такое историческій процессъ вообще и какъ онъ совершается, а обработка всемірной исторіи съ точки зрѣнія идеи прогресса.

Изъ философовъ такую именно задачу ставилъ Кантъ въ своей книжкѣ 1784 г. *Идея о всемірной исторіи съ космополитической точки зрѣнія* [2]): онъ прямо говоритъ тутъ о необходимости и возможности въ настоящее время философской попытки представить всемірную исторію по плану природы, имѣющему цѣлью совершенное гражданское общество. Это была плодотворная мысль, но она заключала въ себѣ и вредную сторону: хотя великій философъ и оговаривался, что рекомендуетъ свою точку зрѣнія, какъ руководящую идею, однако, этимъ онъ не гарантировалъ предложенный имъ методъ отъ возможныхъ злоупотребленій, отъ примѣненія его не къ философіи исторіи, а къ самой исторіи, къ конструированію послѣдней не такъ, какъ она была, а какъ того требовалъ упомянутый планъ. Двѣ наиболѣе крупныя попытки философіи исторіи, сдѣланныя въ XIX в., представляютъ собою не что иное, какъ осуществленіе идеи Канта: и Гегель [3]), и Огюстъ Контъ [4]) дали въ своихъ знаменитыхъ исто-

---

[1]) *Turgot*. „Sur les progrès successifs de l'esprit humain". 1750. *Condorcet*. „Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain". 1794. *Herder* „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit". 1785.

[2]) *Kant*. „Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlichen Absicht". 1784.

[3]) *Hegel*. „Philosophie der Geschichte". 1829. Объ этомъ сочиненіи писалось очень много, и у него было весьма много послѣдователей. См. *Springer*. „Die Hegel'sche Geschichtsanschauung" и др.

[4]) *Comte*. „Cours de philosophie positive". T. V—VI. „Système de politique positive". T. III, contenant la dynamique sociale ou traité général du progrès humain (la philosophie d'histoire"). О Контѣ есть цѣлая литература, извѣстная и у насъ. Лучшее изложеніе въ книгѣ *Jules Rig*'a: „La philosophie positive".

рико-философскихъ трудахъ обзоры всемірной исторіи, въ коихъ прошлое человѣчества конструируется по апріорному плану, такъ что къ нему, въ сущности, чисто-искусственнымъ образомъ и подгоняется дѣйствительная исторія. Отъ книжки Канта объ идеѣ исторіи и отъ современныхъ ей *Идей о философіи исторіи человѣчества* Гердера, *Очерка успѣховъ человѣческаго ума* Кондорсэ и вызванныхъ идеей Канта *Основныхъ очертаній прагматической исторіи міра, какъ попытки свести ее къ одному принципу*, Пелитца [1]), до нашихъ дней не прекращаются такія попытки философскихъ обзоровъ всемірной исторіи [2]) и, вѣроятно, не прекратятся до тѣхъ поръ, пока люди не перестанутъ интересоваться вопросомъ, откуда и куда идетъ человѣчество въ своемъ историческомъ развитіи. Философію исторіи мы считаемъ поэтому вполнѣ законнымъ явленіемъ въ литературѣ, лишь бы занимающіеся такимъ дѣломъ не нарушали главнѣйшихъ требованій научности; но философія исторіи, по нашему мнѣнію, не можетъ замѣнить того, что мы называемъ теоріей историческаго процесса.

Задача философіи исторіи есть задача синтетическая, тогда какъ теорія историческаго процесса можетъ быть лишь результатомъ анализа. Одна представляетъ намъ то, что было одинъ разъ въ извѣстной послѣдовательности, другая должна заниматься тѣмъ, что бываетъ всегда и вездѣ, гдѣ только совершается историческая жизнь. Одна немыслима безъ внесенія нѣкоторыхъ субъективныхъ элементовъ, заключающихся въ идеѣ прогресса, въ оцѣнкѣ исторіи съ точки зрѣнія нашего идеала, въ нашихъ нравственныхъ и общественныхъ взглядахъ; другая, какъ и всякая вообще теорія, стремящаяся понять, какъ происходятъ тѣ или другія явленія, не должна сходить съ почвы строго-научнаго объективизма.

Говоря о такой теоріи, мы обязаны, прежде всего, поставить вопросъ, возможна ли она? Въ XVIII в. или вѣрили въ ея возможность безъ доказательства, какъ наприм., Вико, или совсѣмъ не подымали этого вопроса. Послѣдній, по моему мнѣнію, сводится вотъ къ чему: могутъ ли вообще факты, изучаемые исторіей, быть предметомъ теоріи? Нѣмецкіе философы конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, впервые поставившіе такой вопросъ, разрѣшили его въ неблагопріят-

---

[1]) *Pölitz*. „Grundlinien zur pragmatischen Weltgeschichte, als ein Versuch sie auf ein Princip zurückzuführen". 1795. Обозрѣватели историко-философской литературы обыкновенно пропускаютъ эту книгу, несмотря на ея важность, какъ перваго опыта примѣненія идеи Канта.

[2]) См. въ извѣстномъ повременномъ обзорѣ исторической литературы *Jahresberichte der Geschichtswissenschaft*. Главныя указанія (до 1887 г.) можно найти и въ первомъ приложеніи къ I тому *Осн. вопр. фил. ист.* во второмъ изданіи.

номъ для историческихъ фактовъ смыслѣ. Особенно рѣзко по этому предмету высказался Шеллингъ [1]): ставя вопросъ о самой возможности философскаго отношенія къ исторіи (ist eine Philosophie der Geschichte möhlich?), онъ вырываетъ цѣлую пропасть между философіей и исторіей. „Чтó можно опредѣлить (berechnen) à priori,—говорятъ онъ,—что совершается по необходимымъ законамъ, не есть предметъ исторіи, и наоборотъ, то, что составляетъ предметъ исторіи, не можетъ опредѣляться à priori". Противъ такого утвержденія въ общей его формѣ мы не можемъ ничего возразить, но философъ дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что между философіей и исторіей нѣтъ и быть не можетъ никакихъ точекъ соприкосновенія: „для того, для чего возможна апріорная теорія, невозможна исторія, и наоборотъ, только то имѣетъ исторію, что не имѣетъ апріорной теоріи". „Theorie und Geschichte sind völlig Entgegengesetzte",—заявляетъ онъ еще. Съ высоты своей философіи Шеллингъ съ такимъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на занятіе исторіей, что предаваться послѣднему могли, по его мнѣнію, только самыя тупыя головы (die geistlosesten Köpfe). Самъ онъ допускалъ лишь философское конструированіе всемірной исторіи, и его послѣдователями сдѣлано было нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи [2]). Съ аналогической точки зрѣнія отрицалъ научность исторіи и Шопенгауэръ [3]). По его словамъ, исторія есть нѣчто, прямо противуположное и противное философіи, а потому существуетъ рѣзкая разница между философскими и историческими головами. Исходя изъ того принципа, что философъ долженъ заниматься только общимъ (φιλοκαθόλου γὰρ ὁ φιλόσοφος), онъ думаетъ, что философское (=теоретическое) знаніе прямо немыслимо для историка. Исторія не можетъ войти въ рядъ наукъ, ибо ея матеріалъ неспособенъ къ субординаціи, а только къ координаціи: „поэтому нѣтъ системы исторіи, какъ всякой другой науки. Науки, будучи системами понятій, всегда говорятъ о родахъ, исторія всегда—объ индивидуумахъ, первая—о томъ, что

---

[1]) Взгляды Шеллинга на этотъ предметъ см.: *a*) въ его статьяхъ „Aus der allgemeinen Uebersicht der neuesten philosophischen Literatur" (подъ лит. B: ist eine Philosophie der Geschichte möglich?), далѣе *b*) въ „System des transcendentalen Idealismus", *c*) въ „Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums", именно въ 10-й лекціи, *d*) въ „Philosophie und Religion", *e*) въ „System der gesammten Philosophie und der Naturphilosophie insbesondere" и *f*) въ „Einleitung in die Philosophie der Mythologie. Изъ одного этого перечня можно видѣть, какъ часто возвращался Шеллингъ къ вопросу.

[2]) Шеллингистъ *Stutzmann* въ своей *Philosophie der Geschichte der Menschheit* (1808). Эмпирическая исторія подчинена философіи, ибо не можетъ быть философіи у предмета, противорѣчащаго разуму.

[3]) *Schopenhauer*. „Ueber Geschichte" (Die Welt als Wille und Vorstellung) T. II, гл. 38. Имѣется въ русскомъ переводѣ.

бываетъ всегда, вторая—о случившемся однажды и болѣе не существующемъ". Взглядъ Шеллинга мы привели, какъ образецъ крайне неблагопріятнаго отношенія къ исторіи со стороны нѣмецкихъ метафизиковъ начала XIX вѣка: отрицая возможность теоріи исторіи, такъ какъ всякая теорія казалась имъ по существу дѣла необходимо апріорною, они не затруднялись, однако, проповѣдовать апріорное конструированіе всемірной исторіи, дискредитировавъ на долгое время самую идею философіи исторіи. Другое дѣло—Шопенгауэръ: онъ отрицалъ научное значеніе исторіи потому, что она не есть наука теоретическая, подобно наукамъ естественнымъ, и думая, что самый матеріалъ исторіи неспособенъ къ теоретической обработкѣ. Послѣдняго онъ, однако, не доказалъ: изъ того, что исторія не похожа на естественныя науки теоретическаго характера, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы матеріалъ ея не могъ быть предметомъ теоріи. Самъ же Шопенгауэръ высказалъ ту мысль, что „главы исторіи народовъ различны, въ сущности, только по именамъ и цифрамъ годовъ", ибо „настоящее, существенное содержаніе вездѣ одно и тоже": вотъ это-то содержаніе, повторяющееся во всякой исторіи, и должно сдѣлаться предметомъ теоріи историческаго процесса.

Мысль о возможности и необходимости такой теоріи нужно считать прочно обоснованною впервые только въ позитивной философіи Конта. Во-первыхъ, онъ показалъ, что все подлежащее нашему знанію, можетъ быть изучаемо двоякимъ образомъ, а именно или абстрактно, или конкретно. „Однѣ науки,—говоритъ онъ,—абстрактныя, общія, имѣющія предметомъ открытіе законовъ, которые управляютъ разными родами явленій; другія—конкретныя, особенныя, описательныя, состоятъ въ примѣненіи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существующихъ предметовъ". Мы можемъ назвать абстрактныя науки номологическими, конкретныя—феноменологическими и сопоставить съ этимъ дѣленіемъ наукъ то, что Шопенгауэръ говоритъ объ исторіи въ сравненіи съ другими науками: ошибка нѣмецкаго философа состояла въ томъ, что онъ требовалъ отъ исторіи—науки феноменологической, конкретной—качествъ наукъ номологическихъ, абстрактныхъ. Во-вторыхъ, Контъ положилъ начало и для номологической науки объ обществѣ, которую назвалъ соціологіей, и, что особенно для насъ важно, раздѣлилъ эту науку на соціальную статику, изучающую общественныя явленія въ состояніи спокойствія (законы одновременныхъ явленій), и на соціальную динамику, изучающую тѣ же явленія въ состояніи движенія (законы послѣдовательныхъ явленій): динамическая часть соціологіи и должна была бы изучать in abstracto то, чѣмъ въ конкретныхъ проявленіяхъ занимается исторія. Къ сожалѣнію, Контъ отступилъ отъ собственной идеи, когда заду-

малъ дать соціальную динамику въ своемъ *Курсѣ положительной философіи*: вмѣсто теоретическаго представленія о томъ, какъ происходитъ всякая исторія, онъ далъ философскій обзоръ всемірной исторіи съ точки зрѣнія своего ученія о трехъ фазисахъ міросозерцанія, т.-е. далъ науку, по его же опредѣленію, конкретную, такъ какъ только примѣнялъ въ ней соціологическій законъ трехъ фазисовъ къ дѣйствительной исторіи человѣчества.

На то, что соціальная динамика въ идеѣ и соціальная динамика въ осуществленіи вышли у основателя позитивизма совершенно разными, никто до сихъ поръ не обращалъ вниманія, а между тѣмъ, въ указанномъ обстоятельствѣ заключается одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ соціологіи Конта: невѣрное исполненіе было принято послѣдователями позитивизма за нѣчто совершенное, и ихъ мысль не направлялась поэтому на дѣйствительную теорію историческаго процесса, отвлеченно взятаго. И въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, бывшихъ вообще послѣ зарожденія историко-философской литературы и въ частности послѣ извѣстной намъ книжки Канта, философскій обзоръ всемірной исторіи принимался за единственно возможную и нужную историческую теорію. Впервые вполнѣ сознательно отнеслись къ такому смѣшенію задачъ основатели такъ-называемой *Völkerpsychologie*, Лацарусъ и Штейнталь[1]), которые изложили свои мысли объ этомъ новомъ направленіи психологіи въ первомъ же выпускѣ своего журнала (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*) и, между прочимъ, указали на то, что „психологія народовъ" должна сдѣлаться своего рода теоріей исторіи: „не думайте,—писали они здѣсь,—что задача эта разрѣшена философіей исторіи или что оттуда слѣдуетъ ждать ея разрѣшенія", ибо, „вмѣсто того, чтобы открывать законы развитія народовъ, философія исторіи давала только квинтъ-эссенцію исторіи". Лацарусъ и Штейнталь, правда, вовсе не имѣли въ виду соціальной динамики Конта, когда это писали, но ихъ слова вполнѣ къ ней примѣнимы.

На нашъ взглядъ, такое смѣшеніе задачъ исторіи, науки феноменологической, и соціальной динамики, науки номологической, весьма вредило обѣимъ: первую весьма часто принижали за то, что она не похожа на науки теоретическія, т.-е. за то, что она не даетъ системы общихъ понятій и не открываетъ законовъ; вторую отожествляли съ философіей исторіи, которая становилась на мѣсто теоріи историческаго процесса in abstracto. Въ такомъ смѣшеніи можно обвинить и

---

[1]) *Lazarus und Steinthal.* „Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie" (1860).

Бокля. Въ одномъ мѣстѣ своей *Исторіи цивилизаціи въ Англіи* [1]) онъ жалуется на отсталость исторической науки, формулируя свою мысль слѣдующимъ образомъ: „Несчастная особенность исторіи человѣка состоитъ въ томъ, что хотя искусно изслѣдованы ея отдѣльныя части, все же почти никто не пробовалъ слить ихъ въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь. Во всѣхъ другихъ сферахъ вѣдѣнія,— продолжаетъ Бокль,—необходимость обобщенія признана всѣми и сдѣланы благородныя попытки возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, управляющіе этими фактами. Но историки такъ далеки отъ подобнаго взгляда, что между ними преобладаетъ мысль, будто все дѣло ихъ—разсказывать событія, оживляя по временамъ этотъ разсказъ нравственными и политическими соображеніями, которыя могутъ показаться имъ полезными". Не касаясь вопроса о томъ, насколько вѣрно представляетъ Бокль современное ему состояніе исторической науки и насколько основательнымъ можно назвать его утвержденіе, будто почти никто не пытался слить отдѣльныя части исторіи въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь, нельзя не остановиться, приводя эти слова, именно на томъ смѣшеніи понятій, которое проявилъ англійскій мыслитель, формулируя свои требованія отъ исторической науки. Дѣло въ томъ, что „слить части исторіи въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь" далеко не одно и то же, что „возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, ими управляющіе": мы можемъ соединить частныя исторіи отдѣльныхъ народовъ и цивилизацій въ исторію всеобщую или всемірную, изслѣдовавъ при этомъ преемственность, между ними существовавшую, но это само по себѣ не даетъ намъ еще знанія сущности историческаго процесса, отвлеченно взятаго, силъ, его создающихъ, психологическихъ и соціологическихъ законовъ, въ немъ проявляющихся. Въ своей *Соціальной динамикѣ* Контъ какъ разъ, вѣдь, сливалъ въ одно цѣлое отдѣльныя части исторіи, а это-то, какъ мы осмѣливаемся утверждать, и отклонило его отъ настоящей задачи динамической части соціологіи, какъ науки абстрактной (номологической), отъ изслѣдованія того, что такое историческій процессъ самъ по себѣ, гдѣ бы и когда бы онъ ни совершался.

Идея о необходимости понять сущность этого процесса in abstracto не затеривалась, однако, и у тѣхъ писателей, которые, главнымъ образомъ, интересовались не столько этимъ предметомъ, сколько составленіемъ цѣльнаго взгляда на прошлыя судьбы человѣчества: само составленіе такого взгляда требовало отъ нихъ выработки нѣкоторыхъ теоретическихъ основъ. Такъ, наприм., Гегель дѣлаетъ введеніе въ

[1]) *Bukle.* „Hystory of civilisation in England". Два русскихъ перевода.

свою *Философію исторіи*, чтобы установить, объяснить и оправдать свою теоретическую точку зрѣнія. Равнымъ образомъ и Огюстъ Контъ стремился найти, какъ самъ онъ выразился, „основную теорію исторической эволюціи", которая могла бы „стоять во главѣ построенія философіи исторіи". Гегель и Контъ не представляютъ собою исключеній: почти всѣ авторы философій исторіи высказывались въ томъ же смыслѣ [1]). Къ сожалѣнію, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, теорія историческаго процесса у писателей этой категоріи играла роль подчиненную, служебную: она должна была служить именно цѣлямъ составленія общаго философскаго взгляда на историческія судьбы человѣчества. До извѣстной степени и самъ я, принимаясь за изслѣдованіе основныхъ вопросовъ философіи исторіи, понималъ сначала не иначе задачу теоріи историческаго процесса, пока пристальное, въ теченіе многихъ лѣтъ, занятіе теоретическими вопросами исторической науки не привело меня къ болѣе ясному пониманію самостоятельной важности этихъ вопросовъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на философію всемірной исторіи, несомнѣннымъ должно быть для всѣхъ, что лишь очень незначительный процентъ историковъ можетъ по своимъ склонностямъ, да и долженъ въ интересахъ самой исторической науки, предаваться занятію философіей исторіи: громадное большинство историковъ будетъ всегда работать въ области исторіи одного какого-либо народа, одной эпохи, одного явленія. Самые замѣчательные и самые вліятельные историки XIX вѣка были именно историками отдѣльныхъ націй, отдѣльныхъ періодовъ, отдѣльныхъ событій и движеній: за философскія построенія прошлыхъ судебъ человѣчества брались большею частью философы, бывшіе только дилеттантами въ исторической наукѣ. Но если послѣдніе не могли сдѣлать ни одного шага безъ нѣкоторыхъ теоретическихъ воззрѣній,—все равно, были ли эти воззрѣнія истинны или ложны, развивались ли они подробно, или только вкратцѣ формулировались,—не могли безъ нихъ обходиться и крупные представители исторической науки XIX в., являющіеся иногда основателями цѣлыхъ школъ и направленій. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, почти даже всегда, постигнуть сущность ихъ теоретическихъ воззрѣній оказывается возможнымъ, только изучая ихъ историческіе труды: сами они

---

[1]) Приводимъ нѣсколько точныхъ указаній: *Altmeyer*. „Cours de philosophie de l'histoire" (1840), стр. 12—13. *Iselin*. „Ueber die Geschichte der Menschheit" (1786), I, 3. *Görres*. „Ueber Grundlage, Gliederung und Zeitfolge der Weltgeschichte" (1830), стр. 56 (по изд. 1880 г.) *Jenisch*. „Universal-historischer Ueberblick der Entwickelung des Menschengeschlechts" (1801), I, 31. *Krause*. „Die reine d. i. allgemeine Lebenlehre und Philosophie der Geschichte" (1843), стр. 1—13. *Hermann*. „Philosophie der Geschichte" (1870), стр. 647 и т. д.

пренебрегали изложеніемъ своихъ теорій, лишь изрѣдка, при случаѣ давая какое-либо общее разсужденіе, наприм., о роли великихъ людей въ исторіи, и, очень можетъ быть, даже не отдавали себѣ яснаго отчета въ принципахъ собственнаго своего пониманія исторической жизни. Къ сожалѣнію, за немногими исключеніями, и труды крупнѣйшихъ историковъ нашего вѣка не изслѣдовались ихъ біографами и критиками съ точки зрѣнія задачи опредѣлить, какое пониманіе сущности историческаго процесса лежитъ въ основѣ научной работы того или другого историка. Едва ли, однако, возможно, чтобы и впредь такъ было: съ середины текущаго столѣтія такъ часто и съ столь разнообразныхъ точекъ зрѣнія оспаривалось право исторіи называться наукой, предлагались столь многія и непохожія одна на другую „реформы" исторіи, возникли въ ней такія новыя направленія и даны такіе новые отвѣты на старые вопросы, что историкъ, желающій сознательно относиться къ своей работѣ, долженъ такъ или иначе разобраться въ этомъ настоящемъ подчасъ хаосѣ мнѣній. Дѣло уже не идетъ теперь о томъ, „какъ слѣдуетъ *писать* исторію": эта тема, подымавшаяся еще древними (Πῶς δεῖ τὴν ἱστορίαν συγγράφειν—Лукіана Самосатскаго во II в. по Р. Х.), тема историческаго искусства (artis historicae) давно уже уступила мѣсто темѣ историческаго изслѣдованія, т.-е. вопросамъ исторической критики и историческаго метода. Но не идетъ точно также дѣло и объ одномъ томъ, какъ слѣдуетъ *изучать* исторію, тѣмъ болѣе, что главныя основанія исторической методологіи (беря это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ) можно считать установленными прочно, по крайней мѣрѣ, практикой научныхъ изслѣдованій, если не ихъ теоріей [1]): дѣло идетъ о томъ, какъ слѣдуетъ *понимать* исторію. Наука наша достигла уже той степени развитія, на которой чувствуется потребность въ теоріи: исключительныя точки зрѣнія „искусства" и „метода", на мой взглядъ, ею пережиты, и доказательство этого можно видѣть и въ томъ, что самая жизнь все шире и шире начинаетъ пониматься въ современныхъ историческихъ трудахъ, и въ томъ, что замѣчается стремленіе къ теоретическому обоснованію такого пониманія. Я думаю, что историкамъ самимъ въ скоромъ времени предстоитъ заняться тѣмъ дѣломъ, за которое прежде брались большею частью философы, именно den concreten Mechanismus der Geschichte in allgemeine (abstracte) Untersuchungen blosszulegen und zu erläutern, говоря сло-

---

[1]) См. сочиненія по „историкѣ", главнымъ образомъ въ нѣмецкой литературѣ: *Bernheim*: „Lehrbuch der historischen Methode". *Droysen*: „Grundriss der Historik". *Gervinus*: „Grundzüge der Historik" и мн. др.

вами автора одной изъ неудачныхъ, правда, попытокъ создать теорію исторія [1]).

Теорія историческаго процесса, мысль о которой зародилась еще у Вико, или соціальная динамика, какъ назвалъ ее Контъ, въ рукахъ философовъ и философствующихъ историковъ-дилеттантовъ не могла представлять изъ себя ничего болѣе, какъ идею науки еще не осуществленную, нѣчто вродѣ формы безъ содержанія. Историки, коимъ, главнымъ образомъ, слѣдовало бы превратить эту идею въ дѣйствительность, наполнить содержаніемъ эту форму, долго не чувствовали потребности въ такой теоріи, да и теперь многимъ кажется, что она—нѣчто, пожалуй, и лишнее. Тѣмъ не менѣе, было бы ошибочно думать, что научнымъ движеніемъ XIX в. не создано никакого содержанія для теоріи историческаго процесса, для соціальной динамики, кому больше нравится терминъ Конта, или исторіологіи, какъ недавно было передано въ одной исторической статьѣ то же понятіе [2]): если не историки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то представители другихъ наукъ о человѣкѣ, какъ существѣ духовномъ и общественномъ, уже приготовили весьма большой матеріалъ для будущей постройки теоріи историческаго процесса, если не по плану, то, по крайней мѣрѣ, по идеѣ философовъ и соціологовъ, указавшихъ на изученіе законовъ исторической жизни, какъ на новую задачу для науки о человѣкѣ.

Въ дальнѣйшемъ я позволю себѣ сдѣлать краткій очеркъ исторіи разработки отдѣльныхъ, конечно, наиболѣе важныхъ теоретическихъ вопросовъ исторической науки: вы увидите, какіе вопросы уже поднимались и такъ или иначе рѣшались и какіе почти еще совсѣмъ до сихъ поръ не затрогивались. Изъ этого обзора мы увидимъ также, на какого рода помощь мы имѣемъ право расчитывать, при рѣшеніи этихъ вопросовъ, со стороны представителей другихъ научныхъ спеціальностей.

Теоретическіе вопросы, о коихъ будетъ идти рѣчь, могутъ быть распредѣлены на нѣсколько категорій. Довольно значительная ихъ часть, прежде всего, приводитъ нашу науку въ соприкосновеніе съ естествознаніемъ. Еще въ прошломъ столѣтіи Монтескье [3]) затронулъ

---

[1]) *Dörgens*. „Ueber das Bewegungsgesetz der Geschichte als Einführung in das Verständniss der Weltgeschichte“.

[2]) Проф. *Герье* въ статьѣ о Тэнѣ въ янв. книгѣ *Вѣстн. Евр.* 1890 г. Замѣчу кстати, что такія изслѣдованія объ отдѣльныхъ историкахъ, какое представляетъ изъ себя статья проф. Герье, имѣютъ весьма важное значеніе при разработкѣ теоріи историческаго процесса. То же можно сказать и по поводу статьи проф. Виноградова о Фюстель де-Куланжѣ въ янв. книгѣ *Русской Мысли* 1890 г.

[3]) *Montesquieu*. „Esprit des lois“. Livres XIV—XVII.

интересную тему о вліяніи природы страны на культуру и соціальную организацію ея обитателей, а за нимъ и Гердеръ широко поставилъ вопросъ о значеніи для исторіи тѣхъ естественныхъ условій, при которыхъ она совершается. *Идеи о философіи исторіи человѣчества* были, какъ извѣстно, первымъ трудомъ, утвердившимъ мысль о необходимости для историковъ обращаться къ естествознанію, причемъ Гердеръ отчасти уже намѣчалъ задачу антропологіи, этой, по позднѣйшему опредѣленію Вайца [1]), посредницы между естественно-исторической и исторической отраслями нашего знанія о человѣкѣ, имѣющей выяснять естественно-историческія основы исторіи. Въ XIX в. мысль Монтескье и Гердера сдѣлалась весьма популярной, перешедши даже въ учебники. Главнымъ ея представителемъ, сводившимъ къ климатическимъ и инымъ естественнымъ вліяніямъ объясненіе существеннѣйшихъ культурныхъ и соціальныхъ фактовъ, былъ, конечно, Бокль, но, и помимо него, ее раздѣляли многіе историки [2]), хотя теоріи этой была противопоставлена другая теорія, которую, въ отличіе отъ „теоріи среды", называютъ „теоріей расы" [3]). Хотя уже Гердеръ обратилъ вниманіе на различія въ организаціи народовъ, но только XIX вѣку суждено было, съ одной стороны, выдвинуть въ исторической наукѣ вопросъ объ этнографическихъ условіяхъ исторіи, съ другой—создать цѣлую новую отрасль знанія о человѣкѣ, антропологію въ современномъ значеніи этого слова. Возникло даже столкновеніе между взглядомъ, пріучавшимъ преувеличивать вліяніе факторовъ внѣшней природы на исторію, и взглядомъ, не безъ пре-

---

[1]) *Вайцъ*. „Антропологія первобытныхъ народовъ". Объ отношеніи исторіи къ естествознанію писалось очень много, но нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ предметъ исчерпывался бы или которое, по крайней мѣрѣ, заключало въ себѣ подведеніе итоговъ подъ всѣмъ, что объ этомъ писалось съ разныхъ точекъ зрѣнія. Для примѣра отмѣтимъ нѣсколько книгъ и статей. *Bagehot*. „Physics and Politics" (переведено по-русски). *Buckle*. „Hist. of civ. in England". *Droysen*. „Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft". *Du Bois-Reymond*. Kulturgeschichte und Naturwissenschaft" и т. д. См. также въ книгѣ *Бернгейма* стр. 70 и слѣд.

[2]) Вопросъ подвергался теоретической обработкѣ, но общаго свода результатовъ и взглядовъ не существуютъ. См., напр., *Bertillon*. „De l'influence du milieu". *Durand*. „De l'influence des milieux sur les caractères des races de l'homme". *Беръ*. „О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и на исторію человѣчества". *Peschel*. „Einfluss der Ländergestaltung auf die menschliche Gesittung" и т. д. См. подробнѣе въ *Осн. вопр. фил. ист.*, т. II, стр. 162 и слѣд. (117 и слѣд. по 2 изд.).

[3]) И по вопросу о значеніи расъ въ исторіи не существуетъ общаго свода добытыхъ результатовъ и высказанныхъ мнѣній. Ср. *Осн. вопр. фил. ист.*, т. II, стр. 163 и слѣд. и 172 и слѣд. (118 и 144 и слѣд. по 2 изд.). Между тѣмъ, въ теоретическихъ представленіяхъ объ исторіи въ нашемъ столѣтіи идея племеннаго происхожденія играетъ весьма важную роль.

увеличенія также ставившимъ исторію народа въ исключительную зависимость отъ его происхожденія или этнографическаго состава. Во всякомъ, однако, случаѣ, историки некомпетентны въ рѣшеніи весьма многихъ теоретическихъ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ разсматриванія исторической жизни въ ея зависимости отъ естественно-историческихъ условій, именно, поскольку дѣло касается вліянія внѣшней природы и происхожденія на самого человѣка, а не на его привычки и нравы, на его вѣрованія и идеи, на его занятія и общественныя отношенія [1]).

Въ XIX вѣкѣ естествознанію пришлось оказать и иного рода вліяніе на развитіе исторіологическихъ ученій. Не говоря уже о томъ, что, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ успѣховъ естествознанія основная задача теоріи историческаго процесса была опредѣлена, какъ задача открыть для исторіи такіе же непреложные законы, какіе открыты науками, изучающими природу, два естественно-историческихъ ученія особенно считались пригодными (положимъ, не среди самихъ историковъ) для выясненія самой сущности исторической жизни. Одно изъ этихъ ученій—біологическая теорія Дарвина, другое—новое воззрѣніе на индивидуальный организмъ, какъ на своего рода «общество» болѣе элементарныхъ живыхъ существъ. Дарвинизмъ оказалъ, несомнѣнно, громадное вліяніе на всѣ почти крупные отдѣлы человѣческаго знанія, и, между прочимъ, сдѣлано было нѣсколько попытокъ свести главнѣйшія явленія исторической жизни къ «борьбѣ за существованіе», «естественному подбору», «наслѣдственности», т.-е. понять историческій процессъ, какъ повтореніе—въ новыхъ формахъ—процесса природы въ творчествѣ видовъ растительнаго и животнаго царства [2]). Многія изъ такихъ попытокъ были крайне грубы, пере-

---

[1]) Въ 1889 г. вышла въ свѣтъ любопытная книга *Л. Мечникова* La civilisation et les grands fleuves historiques. Авторъ, профессоръ географіи въ Лозаннѣ (нынѣ умершій), изложилъ свои взгляды и въ статьѣ „Географическая теорія развитія историческихъ народовъ". *Вѣстн. Евр.* 1889 г. III.

[2]) Это слишкомъ обширная тема для того, чтобы говорить о ней въ краткомъ по необходимости примѣчаніи. Отсылаемъ къ соч. *Роёу*. „Le positivisme", гдѣ перечислены ученые разныхъ спеціальностей, на которыхъ ученіе Дарвина оказало вліяніе, и къ статьѣ *Zitelmann*'a „Der Materialismus in der Geschichtsschreibung" (Preussische Jahrbücher), а для примѣра отмѣтимъ: *Clémence Royer*. „Origine de l'homme et des sociétés". *Bagehot*. „Lois scientifiq. es du developpement des nations". *Hellwald*: „Culturgeschichte in ihrer natürlichen Entwickelung". *Winwood Read*. „The martyrdom of man". *Dean*. „History of civilisation". *Trezza*. „Il darvinismo e le formazioni storiche". *Gumplowicz*. „Grundriss der Sociologie". *Фикъ*. „Теорія Дарвина на юридической почвѣ". *Шлейхеръ*. „Теорія Дарвина въ примѣненіи къ наукѣ о языкѣ" и т. п. У насъ критикой дарвинизма въ примѣненіи къ общественнымъ отношеніямъ занимались гг. *Михайловскій*, *Южаковъ*, и др., а въ послѣднее время *Данилевскій*. См. также *Осн. вопр. филос. ист.*, кн. III, гл. III

нося цѣликомъ въ объясненіе человѣческой исторіи понятія, обобщающія только явленія чисто-матеріальной жизни, но между писателями, усвоившими новую точку зрѣнія, были такіе, которые отнеслись къ своей задачѣ критически, поставивъ вопросъ о томъ, что̀ и какъ можетъ быть взято изъ дарвинизма для объясненія исторіи, принимая въ расчетъ различіе между человѣкомъ и животными, между соціологіей и біологіей [1]). Рядомъ съ попытками приложенія дарвинизма къ теоріи историческаго процесса развивалось другое направленіе въ соціологіи, которое, отождествляя «общественный организмъ» съ организмомъ индивидуальнымъ, въ исторіи, разсматриваемой, какъ жизненный процессъ общественнаго организма, усмотрѣло простое повтореніе жизненнаго процесса организма индивидуальнаго. Всѣмъ извѣстно, что главнымъ представителемъ этой идеи является Гербертъ Спенсеръ [2]): онъ теоретически понимаетъ исторію, именно какъ органическую эволюцію, какъ безличный процессъ развитія соціальнаго организма. Эта точка зрѣнія также нашла многочисленныхъ критиковъ даже среди лицъ, принявшихъ основную мысль о нѣкоторой аналогіи между организмомъ и обществомъ: цѣлью критиковъ было, между прочимъ, выяснить различіе, существующее между процессомъ историческимъ и развитіемъ индивидуальнаго организма [3]). Это направленіе соціологіи имѣетъ тѣмъ большее право на вниманіе со стороны историковъ, что мысль объ органичности культурнаго и общественнаго развитія высказывалась еще задолго до примѣненія

---

[1]) Къ сожалѣнію, общаго свода и разбора теоретическихъ воззрѣній на исторію, образовавшихся подъ вліяніемъ дарвинизма, тоже не имѣется въ научной литературѣ. Съ точки зрѣнія біологическаго эволюціонизма важное значеніе получаютъ изслѣдованія о животныхъ общежитіяхъ. См., наприм., соч. *Espinas*'а „Les sociétés animales“ (переведено по-русски).

[2]) *Herbert Spenser*. „The principles of Sociology“ (переведено по-русски). Кромѣ Спенсера, представителями біологической аналогіи являются *Lilienfeld*. „Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft“ (изъ пяти томовъ по-русски переведенъ только первый). *Schäffle*. „Bau und Leben des socialen Körpers“. Особое воззрѣніе представляетъ изъ себя ученіе о „договорномъ организмѣ“ въ книгѣ *Fouillée* „La science sociale contemporaine“.

[3]) Болѣе всего критикой спенсеровскаго воззрѣнія на общество въ нашей литературѣ занимался г. *Михайловскій* (см. Собраніе сочиненій этого автора). Съ своей стороны мы посвятили разбору органическаго взгляда статью *Общество и организмъ* (*Юридическій Вѣстникъ* 1883 г.) и значительную часть 3 главы III книги *Осн. вопр. фил. ист.* Изъ крупныхъ явленій иностранной соціологической литературы отмѣтимъ большой трудъ *Lester Ward*'а „Dynamic Sociology“, о которомъ была обстоятельная статья въ послѣднихъ книгахъ *Русской Мысли* 1889 г. Книга *Уорда* имѣетъ важное значеніе для теоріи историческаго процесса, и потому нельзя не порадоваться, что будетъ русскій переводъ этой книги въ изданіи г. *Солдатенкова*.

къ соціологіи новѣйшихъ біологическихъ воззрѣній на организмъ, а историкамъ вторили и лингвисты, видѣвшіе въ языкахъ тоже своего рода организмы [1]), и юристы, примѣнявшіе къ праву идею органическаго развитія (такъ называемая историческая школа [2]), и представители государствовѣдѣнія (die organische Staatslehre [3]). Конечно, кому, какъ не историку, судить о сущности историческаго прогресса, и историки не безъ основанія могутъ жаловаться на то, что въ сферу ихъ вѣдѣнія вторгаются натуралисты, сторонники біологическихъ аналогій, рѣшающіе безъ спеціальной подготовки вопросъ о сущности историческаго процесса, но это-то и обязываетъ историковъ самихъ заняться установленіемъ основъ правильной исторической теоріи и критикой попытокъ ея построенія, идущихъ со стороны некомпетентныхъ людей.

Біологическія аналогіи въ соціологіи грѣшатъ забвеніемъ того, что общественныя явленія вырастаютъ на почвѣ духовной жизни человѣка и что потому «общественный организмъ» не можетъ быть разсматриваемъ, какъ нѣчто подходящее подъ одну категорію съ организмами растительными и животными: между біологіей и соціологіей должна помѣститься психологія, которая и есть истинная основа второй изъ названныхъ наукъ. Попытки рѣшенія вопроса о сущности историческаго процесса дѣлались въ XIX в. и на почвѣ «науки о духѣ» [4]). Я уже упоминалъ выше о *Völkerpsychologie* Лацаруса и Штейнталя, поставившихъ своей наукѣ, между прочимъ, задачу открывать законы развитія народовъ, и совершенно съ тѣмъ же характеромъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ основанія журнала для «психологіи народовъ» явилась попытка основанія «психологіи общества», сдѣланная Линднеромъ въ книжкѣ *Ideen zur Psychologie der Gesellschaft* [5]). Лацарусъ, Штейнталь и Линднеръ прилагали къ дѣлу

[1]) См. указанную въ прим. стр. 16 брошюру *Шлейхера* и его книгу: „Die deutsche Sprache", а также статью *Штейнберга:* „Органическая жизнь языка" (*Вѣстникъ Европы* 1871 г.).

[2]) Ср. статью нашу *Два взгляда на процессъ правообразованія* въ *Юридическ. Вѣстн.* 1889 г.

[3]) *Van Krieken.* „Ueber die organische Staatstheorie".

[4]) Къ сожалѣнію, вопросъ объ отношеніи психологіи къ исторіи мало разработанъ. См., однако, *Vacherot.* „Essais de philosophie critique" (кн. II: „La psychologie et l'histoire"). *Steinthal.* „Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen". Важны нѣкоторыя статьи *Лацаруса* въ „Zeitschrift für Völkerpsychologie", каковы напр., „Einige synthetischen Gedanken für Völkerpsychologie", „Ueber die Ideen in der Geschichte" и др. Вопроса касаемся и мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осн. вопр. фил. ист. и новой книги своей *Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи.*

[5]) Подробное изложеніе взглядовъ *Линднера* было сдѣлано г. *Онигирскимъ* въ журналѣ *Дѣло* 1872 г.

въ своихъ ученіяхъ взглядъ общаго своего учителя Гербарта, говорившаго, что психологія будетъ всегда оставаться наукою односторонней, пока будетъ разсматривать человѣка, взятаго особнякомъ. Не касаясь вопроса о томъ, что̀ дали для научной теоріи исторіи труды названныхъ лицъ и ихъ послѣдователей, отмѣчу здѣсь важность самой идеи о коллективной психологіи: историческій процессъ совершается при помощи психическихъ вліяній, оказываемыхъ одними людьми на другихъ, и вся историческая жизнь сводится въ послѣднемъ анализѣ къ психическому взаимодѣйствію между индивидуумами и національностями. Къ сожалѣнію, эта сторона коллективной психологіи—психическое дѣйствіе человѣка на человѣка, единицы на массу и массы на единицу—совсѣмъ не разработана, и никто не могъ бы быть компетентнѣе историка въ рѣшеніи многихъ общихъ и частныхъ вопросовъ, касающихся этого предмета [1]). Психологія и исторія вообще слишкомъ далеко стоятъ одна отъ другой въ настоящее время. Недавно въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ, въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ обсуждался вопросъ о свободѣ воли, и изъ рефератовъ по этому предмету составилась даже порядочная книжка [2]). При чтеніи этой книжки невольно обращаешь вниманіе на слѣдующія два обстоятельства: съ одной стороны именно, въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ обсужденіи вопроса о свободѣ воли, не упоминается ни одного спеціалиста по исторической наукѣ, съ другой же—въ самихъ рефератахъ не указывается на то, что вопросъ этотъ, интересующій философа и психолога, моралиста и криминалиста, не лишенъ интереса равнымъ образомъ и для историка. Эти два обстоятельства остались бы для меня незамѣченными, еслибы не представляли изъ себя новаго подтвержденія того явленія, что вообще въ разработкѣ теоретическихъ вопросовъ нашей науки спеціалисты-историки принимали участіе въ неизмѣримо меньшей степени, нежели могли бы и должны были бы это дѣлать и нежели дѣлали это представители другихъ научныхъ областей. И теперь, когда Психологическое Общество въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ своихъ было занято обсужденіемъ вопроса о причинности и притомъ о причинности въ дѣлахъ человѣческихъ, ни одинъ историкъ не явился сказать свое слово по столь важному и для него предмету. Съ другой стороны, и представители разныхъ научныхъ спеціальностей, разсуждавшіе здѣсь о свободѣ воли и о причинности, ни разу не вспомнили о томъ значеніи,

---

[1]) Эту мысль я старался доказать, между прочимъ, въ рефератѣ „Къ вопросу о свободѣ воли", изъ коего дѣлаются здѣсь выдержки.

[2]) О свободѣ воли. Опыты постановки и рѣшенія вопроса. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Москва. 1889.

какое онъ имѣетъ при разсматриваніи человѣческихъ поступковъ, складывающихся въ прагматическій процессъ исторіи, и все это для меня опять-таки не есть простая случайность. Дѣло въ томъ, что слишкомъ индивидуалистическое направленіе современной „науки о душѣ“ сказалось какъ въ рефератахъ, такъ и въ преніяхъ по вопросу о свободѣ воли, имѣвшихъ мѣсто въ Психологическомъ Обществѣ: и сторонники, и противники свободной воли въ разныхъ ея пониманіяхъ разсматривали человѣка, его душу, его волю, взятыхъ особнякомъ, внѣ прагматической и культурной зависимости единичной личности отъ другихъ личностей и внѣ прагматическихъ и культурныхъ вліяній, которыя она сама на нихъ оказываетъ. Вотъ почему, кажется мнѣ, никому изъ читавшихъ въ Психологическомъ Обществѣ рефераты о свободѣ воли и не приходило въ голову обратиться къ тому, что могло-бы дать для уясненія этого предмета разсмотрѣніе историческаго процесса, который—въ прагматической своей сторонѣ—состоитъ въ вызовѣ поступковъ однихъ людей поступками другихъ. Такимъ образомъ, на одномъ примѣрѣ мы видимъ и безучастное отношеніе историковъ къ разработкѣ нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ, имѣющихъ громадное значеніе и въ изучаемой ими наукѣ, и отсутствіе особаго интереса у психологовъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя возникаютъ на почвѣ психическаго взаимодѣйствія индивидуумовъ.

Соціальныя науки въ современномъ своемъ состояніи также не могутъ считаться не имѣющими никакого значенія въ выработкѣ понятій и обобщеній для теоріи историческаго процесса. Сама соціологія, какъ наука объ обществѣ, по сущности своей должна заниматься, между прочимъ, и этою теоріей, ибо исторія и есть жизнь общества во времени, въ послѣдовательной смѣнѣ поколѣній и эпохъ. Развитію соціальной динамики весьма много вредили ошибочное отождествленіе ея задачи съ философіей исторіи, внесеніе въ нее біологическихъ аналогій и нерѣдко пренебреженіе къ исторической наукѣ (напр., у Спенсера). Съ другой стороны, науки политическія, юридическія и экономическія уже тѣмъ самымъ подготовляютъ матеріалъ для теоріи исторіи, что все болѣе и болѣе ставятъ свои вопросы на почву историческаго изученія и поднимаютъ, кромѣ спеціальныхъ вопросовъ, вопросы общіе. За послѣднее время особаго вниманія заслуживаетъ та точка зрѣнія, съ которой главнѣйшія историческія явленія имѣютъ свою основную подкладку въ экономическихъ отношеніяхъ общественнаго тѣла, причемъ иногда отрицается всякое значеніе той психологической стороны исторіи, къ которой, наоборотъ, послѣдняя цѣликомъ сводится у Тэна [1]). Не отрицая возможности

[1]) Осн. вопр. фил. ист., кн. III, гл. 1.

одностороннихъ взглядовъ на сущность историческаго процесса при выработкѣ его теоріи съ спеціальныхъ точекъ зрѣнія государствовѣдѣнія, юриспруденціи и политической экономіи, мы должны признать, что никто такъ, какъ представители названныхъ спеціальностей, не можетъ считаться призваннымъ освѣщать соціологическую сторону исторіи: общій историкъ на то и долженъ существовать, чтобы производить синтезъ между спеціальными взглядами политиковъ, юристовъ и экономистовъ. Нечего говорить, что въ томъ же отношеніи онъ долженъ стоять къ историкамъ отдѣльныхъ элементовъ духовной культуры, каковы: религія, философія, литература, художества, и что представители такихъ исторій, равнымъ образомъ, создаютъ матеріалъ для теоріи историческаго процесса вообще, если только въ какой бы то ни было мѣрѣ заботятся о сведеніи результатовъ своей работы къ высшимъ теоретическимъ обобщеніямъ.

Особенно важными въ теоретическомъ отношеніи нужно признать тѣ историческія работы въ только-что указанныхъ областяхъ, которыя имѣютъ и общій, такъ сказать, философскій характеръ. Укажу для примѣра изслѣдованіе Фюстель де-Куланжа о государственной жизни грековъ и римлянъ, воззрѣнія Іеринга на силы, дѣйствующія въ исторіи права, взглядъ Маркса на процессъ первоначальнаго накопленія капитала и т. д. Такой характеръ пріобрѣтаютъ изслѣдованія по исторіи религій и вообще вѣрованій, идей, по исторіи поэзіи и вообще искусства, по исторіи политическихъ, юридическихъ и экономическихъ отношеній, когда дѣлаются съ эволюціонной точки зрѣнія, сравнительнымъ методомъ, при помощи не одного историческаго, но и этнографическаго матеріала. Эволюціонная точка зрѣнія есть по существу своему точка зрѣнія теоріи историческаго процесса: процессъ измѣненій въ духовномъ и общественномъ быту народовъ и есть культурно-соціальная эволюція, открытіе законовъ которой ставитъ себѣ задачей соціальная динамика. Но для открытія общихъ началъ въ развитіи отдѣльныхъ элементовъ культуры и отдѣльныхъ сторонъ общественнаго быта лучшее средство — сравнивать исторію этихъ элементовъ и этихъ сторонъ въ жизни разныхъ народовъ: съ этой точки зрѣнія сравнительный методъ служитъ важную службу теоріи историческаго процесса, давая готовыя обобщенія, какъ матеріалъ для дальнѣйшихъ теоретическихъ операцій. Примѣненіе сравнительнаго изученія къ историческимъ явленіямъ, наконецъ, расширило область послѣднихъ, какъ предмета науки: изученіе народнаго быта въ смыслѣ „фольклора", обычнаго права и т. п., а также изученіе первобытной культуры съ такъ называемыми „переживаніями" внесли въ лабораторію теоретиковъ историческаго процесса массу новаго матеріала въ видѣ обобщеній, касающихся такихъ сторонъ жизни

и такихъ эпохъ, которыми историки не занимались. Литература сравнительнаго изученія отдѣльныхъ проявленій духовной, общественной и исторической жизни человѣчества достигла громадныхъ размѣровъ, и это обстоятельство даже затрудняетъ приведеніе ея научныхъ результатовъ къ одному знаменателю [1]).

Изъ отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ я остановлюсь здѣсь нѣсколько подробнѣе лишь на юриспруденціи. Дѣло въ томъ, что устанавливаемому нами различенію между исторіей и теоріей историческаго процесса въ области юриспруденціи соотвѣтствуетъ разница между исторіей права и тѣмъ, что можно назвать теоріей правообразованія: исторія права показываетъ, какъ развивалось право, наприм., у римлянъ, у германцевъ, у славянъ, или во Франціи, въ Англіи, въ Россіи, или же вообще у всѣхъ народовъ, тогда какъ задача теоріи правообразованія—выяснить, какія соціальныя силы создаютъ право вообще, какъ оно вообще возникаетъ, упрочивается, развивается, измѣняется, разлагается и какіе законы управляютъ какъ отношеніемъ его къ другимъ областямъ соціальной жизни и къ потребностямъ человѣка, такъ и его собственной эволюціей. Съ этой точки зрѣнія исторія права является частью исторической науки вообще, а теорія правообразованія входитъ въ составъ теоріи историческаго процесса, какъ совокупности цѣлаго ряда культурно-соціальныхъ эволюцій, каковы эволюціи религіозная, философская, научная, политическая, юридическая, экономическая. Уже этимъ однимъ опредѣляется значеніе историко-философской юриспруденціи для теоріи историческаго процесса: историко-философская юриспруденія можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ общей теоріей правообразованія, безъ научныхъ результатовъ которой въ теоріи историческаго процесса были бы весьма важные пробѣлы, т.-е., во-первыхъ, потому, что въ составъ этого процесса входитъ и юридическая эволюція общества, а во-вторыхъ, и потому, что отвлеченное изслѣдованіе этой эволюціи въ состояніи освѣтить вообще историческій процессъ съ такихъ сторонъ, которыя могли бы остаться совсѣмъ незатронутыми, если бы мы ихъ разсматривали только съ точекъ зрѣнія другихъ спеціальностей. И, наоборотъ, думаю я, лишь при помощи общей теоріи историческаго про-

---

[1]) Эта литература такъ громадна, что мы затрудняемся дать здѣсь перечень хотя бы главныхъ ея явленій. Указываемъ, наприм., на сочиненія по первобытной культурѣ *Тэйлора*, *Макъ-Леннана*, *Моргана*, *Мэна*, *Леббока*, *Бахофена*, *Зибера*, *М. Ковалевскаго* и др., на этнографическую соціологію *Летурно* (нѣсколько отдѣльныхъ трудовъ), на сравнительныя изученія религіи, права, политики и т. д. въ работахъ *Макса Мюллера*, *Поста*, *Фримана*, *Hearn'a* и др., на разныя общія исторіи культуры, каковы „Исторія общественности“ *Стронина*, особенно же „Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau“ *Липперта* и пр., и пр.

цесса, какъ синтеза теорій, вырабатываемыхъ историко-философскимъ изученіемъ религій, общественныхъ организацій, литературъ, экономическихъ формъ и т. п., можетъ надлежащимъ образомъ ставить и, какъ слѣдуетъ, рѣшать свои научные вопросы и теорія правообразованія. Другими словами, теорія правообразованія и теорія историческаго процесса должны находиться въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Весьма жаль, что, при возникновеніи современной соціологіи какъ юридическія явленія, такъ и юридическія знанія были оставлены въ сторонѣ основателями новой науки. Когда критикуютъ соціологію Конта, обыкновенно указываютъ на болѣе нежели странное отношеніе его къ политической экономіи, отъ коей онъ сторонился, какъ отъ доктрины метафизической, но таково же было,—на что обыкновенно не обращается достаточнаго вниманія,—и его отношеніе къ юриспруденціи. Контъ даже прямо выкидывалъ изъ науки объ обществѣ самую идею права, говоря, что la notion du droit doit disparaître du domaine public. Юридическій элементъ, какъ извѣстно, отсутствуетъ и въ ученіи современнаго корифея соціологической литературы, Герберта Спенсера. То же самое можно сказать о многочисленныхъ послѣдователяхъ позитивизма, дѣлавшихъ предметомъ своихъ изслѣдованій соціальныя явленія, но не считавшихъ нужнымъ ни давать праву подобающаго ему мѣста въ жизни общества, ни обращаться къ юридической литературѣ. Съ другой стороны, и среди юристовъ идея соціологіи, какъ положительной науки объ обществѣ, нашла не очень большое количество адептовъ. Между тѣмъ только чрезъ соціологію, какъ общую науку объ обществѣ, можетъ юриспруденція пріобщиться ко всѣмъ другимъ гуманнымъ и соціальнымъ наукамъ въ позитивномъ смыслѣ этого слова, и только въ соціологіи могутъ найти центръ своего тяготѣнія всѣ изслѣдованія въ области права, которыя производятся съ эволюціонной точки зрѣнія, при помощи сравнительнаго метода и на основаніи не только историческаго, но и этнографическаго матеріала [1]).

---

[1]) Нѣтъ, разумѣется, правила безъ исключенія, и среди юристовъ можно указать на лицъ, воспринявшихъ—въ томъ или другомъ объемѣ—мысль о необходимости изученія соціальныхъ явленій по типу положительныхъ наукъ. Благодаря такимъ ученымъ, съ одной стороны, въ область юриспруденціи проникаютъ новыя для нея идеи и данныя современной соціологіи, а съ другой—и область соціологіи расширяется изученіемъ цѣлаго ряда общественныхъ явленій, коими пренебрегали и Контъ, и Спенсеръ и вся соціологическая литература, къ нимъ непосредственно примыкающая. Указываю, нар., на „Лекціи по общей теоріи права“ проф. Коркунова, усвоившаго и примѣнившаго къ праву понятіе закона въ научномъ смыслѣ и вдвинувшаго изученіе права въ рамки современной соціологіи, хотя основная точка зрѣнія, проходящая черезъ всѣ его „лекціи“, не есть точка зрѣнія историческая, такъ

Позволю себѣ указать еще на одинъ случай, гдѣ теорія историческаго процесса можетъ пользоваться выводами юриспруденціи. Исторія событій есть исторія дѣятельности людей, причемъ въ общемъ ходѣ событій дѣйствія однихъ людей вызываются дѣйствіями другихъ, какъ слѣдствія своими причинами, а это предполагаетъ, что одни люди оказываютъ вліяніе на другихъ или вмѣстѣ съ ними участвуютъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Какъ мы еще увидимъ, теорія историческаго процесса по отношенію къ явленіямъ этого рода совсѣмъ до сихъ поръ не разработана: мы не имѣемъ ни сколько-нибудь выработаннаго ученія о причинности историческихъ фактовъ, ни сколько-нибудь выработаннаго ученія о дѣйствіи человѣка на человѣка и о содѣйствіи однихъ людей другимъ въ генезисѣ историческаго прагматизма. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ историковъ опередили криминалисты, разрабатывавшіе и вопросъ о причинной связи въ уголовномъ правѣ, и вопросъ о стеченіи многихъ лицъ въ одномъ преступленіи,—два вопроса, имѣющихъ отношеніе къ каузальному сцѣпленію человѣческихъ дѣйствій, и къ вызову поступками одного человѣка поступковъ другого. Я не хочу сказать, чтобы наука уголовнаго права создала по обоимъ этимъ вопросамъ ученія, совсѣмъ пригодныя для того, чтобы быть включенными въ теорію историческаго процесса: юристы и въ дѣлѣ причинной связи въ уголовномъ правѣ, и въ дѣлѣ стеченія многихъ лицъ въ одномъ преступленіи (или такъ-называемаго соучастія) преслѣдовали свои спеціальныя цѣли, которыя по необходимости съуживали постановку вопроса и вносили въ его рѣшенія нѣкоторую условность, но съ такою оговоркою я готовъ защищать право криминалистическихъ ученій о причинности и содѣйствіи на большое вниманіе со стороны лицъ, болѣе или менѣе серьезно интересующихся теоріей историческаго процесса, ибо криминалисты даютъ намъ и нѣкоторыя идеи, которыя стоитъ только обобщить въ цѣляхъ этой теоріи для приданія имъ исторіологическаго значенія, и примѣры того анализа человѣческихъ дѣйствій и ихъ сцѣпленія, безъ коего невозможно создать теорію прагматической причинности въ историческомъ процессѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь кримина-

---

какъ и курсъ его въ сущности представляетъ изъ себя курсъ по такъ называемой энциклопедіи права, а не по его исторіи: авторъ „Лекцій по общей теоріи права" является въ нихъ юристомъ, продолжающимъ, на новыхъ только началахъ, традицію стараго философскаго правовѣдѣнія, и хотя я далеко не отрицаю важности послѣдняго для теоріи историческаго процесса, все-таки большее значеніе приписываю чисто исторической юриспруденціи, проникшейся новыми философскими стремленіями. Какъ на представителя послѣдней въ нашей литературѣ, указываю на *проф. Муромцева*, о трудахъ котораго съ этой стороны см. стр. 264 и слѣд. реферата объ „Юриспруденціи и теоріи историческаго процесса".

листы стараются опредѣлить, когда вообще дѣйствія человѣка могутъ считаться причиною явленія, дабы послѣднее можно было вмѣнить ему въ вину, но та же самая задача ставится и теоріи историческаго процесса, когда въ ней возникаетъ вопросъ о роли личности въ ходѣ событій: когда, спрашивается тутъ, дѣйствія человѣка могутъ признаваться причинами событій, дабы послѣднія могли считаться произведенными этимъ человѣкомъ? Правда, если уголовное право и беретъ поступокъ, какъ причину, то какъ причину такого слѣдствія, которое есть явленіе, запрещенное положительнымъ законодательствомъ; но для теоріи исторіи весьма легко освободить общій вопросъ отъ такого ограниченія и затѣмъ воспользоваться для своихъ цѣлей результатами работы мысли цѣлаго ряда юристовъ, занимавшихся причинною связью въ уголовномъ правѣ. Вѣрно и то, что юристъ подъ явленіемъ, причину коего онъ ищетъ въ человѣческомъ поведеніи, разумѣетъ извѣстное запрещенное закономъ явленіе, тогда какъ съ точки зрѣнія теоріи прагматическаго процесса такимъ явленіемъ долженъ былъ бы быть другой поступокъ, вызванный первымъ, какъ своей причиной, но и такой точки зрѣнія не чужда наука уголовнаго права—именно, напримѣръ, въ ученіи о подстрекательствѣ къ преступленію. Уже оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что при рѣшеніи вопроса о причинности съ спеціальной точки зрѣнія криминалисты не могли обойти многихъ его сторонъ, имѣющихъ и общій интересъ, важнымъ мнѣ кажется, что и криминалистика, и теорія историческаго процесса интересуются вопросомъ о причинности по отношенію къ одному и тому же предмету, т.-е. по отношенію къ тому, какое значеніе имѣютъ отдѣльные человѣческіе поступки въ мірѣ событій. Можно сожалѣть, что историки не шли въ этомъ отношеніи по стопамъ юристовъ, какъ ни схоластичны бывали подчасъ возникавшія между послѣдними контроверсы. Въ исторіи, далѣе, мы имѣемъ дѣло съ совокупнымъ дѣйствіемъ людей, и съ теоретической точки зрѣнія интересно было бы опредѣлить и дѣйствіе каждаго человѣка въ отдѣльности, и способъ соединенія дѣйствія многихъ людей, но ни коллективная психологія, ни теорія историческаго процесса еще не приступали сколько-нибудь серьезнымъ образомъ къ разработкѣ этой научной темы, такъ что по отношенію къ человѣческимъ дѣйствіямъ вопросомъ о „составленіи причинъ“ занималась пока опять-таки одна лишь наука уголовнаго права, конечно, преслѣдовавшая при этомъ свои спеціальныя цѣли. Послѣдними-то и опредѣляется, что криминалисты изучаютъ не всѣ случаи стеченія преступниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи, а только соучастіе, какъ опредѣленную его форму, а всѣ случаи содѣйствія безъ соглашенія оставлены были ими внѣ изслѣдованія. Но и въ той преднамѣренно

съуженной области, которая сдѣлалась предметов подробной разработки, наука уголовнаго права подняла массу вопросовъ, могущихъ представить общій интересъ при рѣшеніи вопроса о роли личности въ исторіи.—Весьма интересные вопросы возникаютъ—и получаются очень важныя соображенія и тогда, когда мы обращаемся къ изученію историками и экономистами хозяйственныхъ явленій, но эта тема такая, что удобнѣе будетъ здѣсь только ее намѣтить, для того, чтобы поговорить объ этомъ отдѣльно.

Не останавливаюсь я равнымъ образомъ на отношеніи, которое должно существовать между теоріей историческаго процесса и теоріей исторіи литературы, такъ какъ разъ существуетъ исторія литературы, должна существовать и ея теорія, а послѣдняя, понятное дѣло, не можетъ не имѣть значенія для общей теоріи исторіи [1]): разсмотрѣніе этого вопроса увлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Я повторю еще разъ, что и важный обобщенный матеріалъ, и интересныя отдѣльныя теоретическія положенія или общіе историческіе взгляды мы могли бы извлечь и изъ сочиненій главныхъ представителей исторической науки въ XIX вѣкѣ, но вмѣстѣ съ этимъ еще разъ приходится выразить сожалѣніе по поводу того, что эти историки рѣдко высказывались по теоретическимъ вопросамъ. Замѣчу мимоходомъ, что еще у насъ, въ Россіи, сравнительно чаще профессора исторіи хоть разъ въ жизни считали нужнымъ излагать свою научную profession de foi: для доказательства назову здѣсь К. Н. Бестужева-Рюмина, В. И. Герье, Грановскаго, Кудрявцева, Куторгу, И. В. Лучицкаго, проф. Надлера, Петрова, Рославскаго-Петровскаго, Соловьева, М. М. Стасюлевича, А. С. Трачевскаго [2]), хотя боль-

---

[1]) Мысль эту мы проводимъ въ книгѣ *Литературная эволюція на Западѣ* (Воронежъ, 1886, стр. 335—337). Представители исторіи литературы начинаютъ различать между исторіей литературы и теоріей ея исторіи, которая, конечно, есть теорія не литературы (эстетическая), а именно ея исторіи. Наприм., въ петербургскомъ университетѣ на 1890—91 г. проф. А. Н. Веселовскій объявилъ курсъ, прямо озаглавленный: „исторія литературы и ея теорія“.

[2]) Называемъ указанныя работы: *Бестужевъ-Рюминъ*. „Русская исторія“, (введеніе). *Герье*. „Очеркъ развитія исторической науки“. *Грановскій*. „О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи“. *Кудрявцевъ*. „О современныхъ задачахъ исторіи“. *Куторга*. „Историческое развитіе понятія объ исторіи“. *Лучицкій*. „Отношеніе исторіи къ наукѣ объ обществѣ“. *Надлеръ*. „Миѳическій элементъ въ исторіи“. *Петровъ*. „Новѣйшая національная исторіографія“. *Рославскій-Петровскій*. „Рѣшеніе вопроса: въ чемъ состоитъ истинное значеніе прагматической исторія и какова должна быть ея обработка?“ *Соловьевъ*. „Историческія письма“. *Стасюлевичъ*. „Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи“. *Трачевскій*. „Современныя задачи исторической науки“ и *его-же* „Современныя задачи историческаго знанія“.

шинствомъ упомянутыхъ лицъ написано было по теоретическимъ вопросамъ исторіи очень мало и болѣе или менѣе случайно (большею частью публичныя рѣчи, вступительныя лекціи, небольшія статьи и т. п.). Послѣднее можно сказать и о западно-европейскихъ историкахъ, которые только затрогивали такъ-называемую у нѣмцевъ „историку" (теорію историческаго знанія). Слѣдуетъ прибавить и то, что опять-таки въ громадномъ большинствѣ случаевъ, теоретическіе вопросы исторіи брались учеными историками и на Западѣ, и у насъ въ смыслѣ именно теоріи историческаго изслѣдованія, а не въ смыслѣ теоріи историческаго процесса.

Между тѣмъ, есть такіе вопросы въ теоріи исторіи, которые съ успѣхомъ могутъ быть разрѣшены только спеціальными представителями исторической науки: если по вопросамъ о вліяніи природы на человѣка и о значеніи прирожденныхъ способностей племени въ исторіи историкъ зависитъ отъ натуралиста; если отъ психологовъ онъ долженъ ждать разработки явленій психическаго вліянія человѣка на человѣка и психическаго взаимодѣйствія, совершающагося въ обществѣ; если въ спеціальныхъ вопросахъ духовнаго и общественнаго быта народовъ ему необходимо искать указаній у филологовъ, фольклористовъ, этнографовъ, историковъ литературы и искусства, у политиковъ, юристовъ, экономистовъ,—то есть у него и своя собственная область вопросовъ, не затрогиваемыхъ представителями иныхъ наукъ или затрогиваемыхъ только философами, и притомъ, бо́льшею частью, съ слишкомъ общихъ точекъ зрѣнія и съ слишкомъ общими результатами.

Я остановлюсь на двухъ примѣрахъ. Примѣръ первый. Еще во II вѣкѣ до Р. Х. греческимъ историкомъ Полибіемъ поставлена была нашей наукѣ задача связывать изучаемые ею факты причинною связью: историческіе факты суть слѣдствія по отношенію къ однимъ и причины по отношенію къ другимъ,—это истина общепризнанная, и нѣкоторые историки даютъ наставленія относительно ошибокъ, въ какія можно впадать вслѣдствіе неумѣлаго примѣненія этого принципа. Но, спрашивается, изслѣдована ли историческая причинность сама по себѣ? Общій законъ связи причины со слѣдствіемъ проявляется въ разныхъ формахъ въ зависимости отъ характера причиняющихъ и причиняющихся явленій: человѣкъ не такъ повинуется своимъ желаніямъ, какъ камень—силѣ тяжести. Общую постановку вопросъ о причинности всегда, конечно, получалъ въ философіи, но послѣдняя,—что́ разумѣется также само собою,—въ своихъ рѣшеніяхъ равнымъ образомъ не выходила изъ области соображеній общаго свойства, не останавливалась на томъ, что спеціализируетъ проявленіе причинности въ механикѣ, въ химіи, въ психологіи или въ исторіи. Закономъ при-

чинности въ человѣческихъ дѣйствіяхъ занимались психологи, но они имѣли всегда въ виду человѣка, „взятаго особнякомъ“, тогда какъ въ исторіи дѣйствуютъ люди, взятые, наоборотъ, въ совокупности. Въ логикахъ наукъ (у Милля, у Бэна, у Джевонса и т. д.) причинность разсматривается съ особой точки зрѣнія въ связи съ теоріей наведенія и въ цѣляхъ открытія законовъ, и какъ-разъ такія логики наукъ разсматриваютъ почти исключительно случаи причинности въ явленіяхъ матеріальныхъ, въ предметахъ естествознанія. Есть, какъ мы видѣли, еще одна спеціальность, представители коей тоже разрабатывали вопросъ о причинной связи, но опять-таки не имѣя въ виду цѣлей историческаго знанія: это, какъ было показано,—уголовное право, такъ какъ для криминалистовъ въ теоріи причинности только и можно было найти основанія для теоріи вмѣненія. Конечно, и философы, и психологи, и логики, и криминалисты даютъ кое-что пригодное и для историковъ, но историки-то имъ съ своей стороны ничего взамѣнъ дать не могутъ по этому вопросу, такъ какъ сами теоретически совсѣмъ не занимались послѣднимъ.

Другой примѣръ—вопросъ объ историческомъ значеніи „героевъ“, великихъ людей, о роли личности въ прагматической исторіи. Объ этомъ предметѣ много говорилось въ ту или другую сторону—за героевъ противъ толпы и за массы противъ великихъ людей, за значеніе личности противъ непреодолимости историческаго рока и за значеніе силы вещей противъ самостоятельной роли личности, но какъ и что говорилось? На нѣсколькихъ строчкахъ, много если на двухъ-трехъ страницахъ, высказывались двѣ-три-четыре мысли, успѣвшія стать общими мѣстами, рѣдко когда приводились кое-какія соображенія, нѣсколько болѣе продуманныя, а еще рѣже, въ видѣ исключенія, предмету посвящалось то, что можно было бы назвать статьей съ самостоятельнымъ содержаніемъ [1]). Впрочемъ, и тутъ, если подсчитать, чтó въ такой „литературѣ“ вопроса принадлежитъ собственно спеціалистамъ исторической науки, то придется сдѣлать кое-какія ограниченія, такъ какъ окажется, что эти строки, страницы, статьи

---

[1]) Не считая отдѣльныхъ мѣстъ, встрѣчающихся у историковъ (напримѣръ, у Гизо, Ранке, Соловьева, Бестужева-Рюмина, Пыпина и др.) или у философовъ (у Гегеля, Кузена, Милля, Спенсера и др.), вотъ почти всѣ главныя книги (отдѣльныя главы) и статьи, въ коихъ затрогивается вопросъ о роли личности въ исторіи. *Carlyle*. „On heroes, hero-worship and the heroic in history“. *Гр. Л. Толстой*. „Война и миръ“. *Миртовъ*. „Историческія письма“ и нѣкоторыя журнальныя статьи. *Joli*. „Psychologie des grands hommes“. *Hennequin*. „La critique scientfiique“. *Bourdeau*. „L'histoire et les historiens“. *Михайловскій*. „Герои и толпа“. *Lombroso*. „Tre tribuni studiati da un aliensita“. *Лотце*. „Микрокозмъ“. *Tarde*. „Les lois de l'imitation“.

выражають мнѣнія людей, на которыхъ историки могутъ съ бо́льшимъ или меньшимъ правомъ смотрѣть, какъ на простыхъ дилеттантовъ историческаго знанія, даже какъ на профановъ въ „настоящей“ наукѣ. Роль личности въ культурной исторіи, роль личнаго творчества въ эволюціи матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта разъяснена еще менѣе, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что юристы, задававшіеся теоріей правообразованія, опередили здѣсь общихъ историковъ или философовъ, вообще мало работавшихъ надъ разрѣшеніемъ этого вопроса [1]). Скажу даже болѣе: роясь въ разныхъ спеціальныхъ литературахъ въ поискахъ за отвѣтами, какіе давались на вопросъ о роли личнаго творчества въ отдѣльныхъ культурныхъ и соціальныхъ эволюціяхъ, я только въ области юриспруденціи и въ теоріи литературы и находилъ сколько-нибудь подробныя, хотя иногда и очень только поверхностныя разсужденія объ этомъ предметѣ. Такимъ образомъ для юристовъ можно даже сдѣлать почетное исключеніе, подающее надежду на то, что дальнѣйшее развитіе правильной теоріи правообразованія въ скоромъ времени приведетъ ихъ къ необходимости поставить и рѣшить цѣлую массу частныхъ вопросовъ, которые вытекають изъ общаго вопроса о значеніи инноваторской инициативы и подражательнаго повторенія въ возникновеніи, распространеніи, сохраненіи, измѣненіи и исчезновеніи правовыхъ отношеній и постановленій. Если теорія историческаго процесса, дѣлающая свои выводы и на основаніи общихъ соображеній, и изъ данныхъ спеціальнаго изученія отдѣльныхъ элементовъ общественной культуры, можетъ во многихъ отношеніяхъ освѣтить путь юриста, работающаго въ историко-философскомъ направленіи, то и сама теорія эта ждетъ отъ его работы важныхъ результатовъ. Ставя теоріи правообразованія задачу изслѣдовать условія, при которыхъ проявляется психическая дѣятельность, участвующая въ правообразованіи, ея формы и послѣдствія, мы позволили бы себѣ здѣсь намѣтить рядъ вопросовъ, относящихся къ этой задачѣ. Въ чемъ заключается, какъ происходитъ и въ какихъ формахъ проявляется личная иниціатива въ правовыхъ отношеніяхъ и правовыхъ постановленіяхъ? При какихъ условіяхъ возможно ея возникновеніе и какія слѣдствія она можетъ имѣть? Какъ другъ къ другу могутъ относиться въ личной иниціативѣ личный мотивъ и сознаніе назрѣвшей общественной потребности? Какими путями въ области права личная иниціатива дѣлается общественнымъ достояніемъ? Въ чемъ заключаются условія распространенія новизны путемъ подражанія, повиновенія приказанію и т. п.? Каковы общія

[1]) См. мою статью „Два взгляда на процессъ правообразованія“. *Юридич. Вѣстн.* 1889.

причины консерватизма въ области права? Въ чемъ заключается борьба новизны съ установленнымъ порядкомъ? Къ чему можно свести общія условія побѣды и пораженія инноваций, вводимыхъ въ право личною дѣятельностью и т. п.? [1]).

Эти два примѣра, стоящіе въ связи съ новымъ моимъ сочиненіемъ *Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи* я могъ бы дополнить многими другими, но это значило бы начертать цѣлую програму теоретическихъ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ обязаны, по моему мнѣнію, заниматься историки, такъ какъ кромѣ нихъ вопросами этими и некому заняться, размѣры же настоящаго обзора не позволяютъ этого сдѣлать. Подобныхъ вопросовъ—и крупныхъ, существенныхъ, и мелкихъ, менѣе важныхъ—наберется немало, и всѣ они могутъ остаться не только не рѣшенными, но даже и не затронутыми, если за нихъ не возьмутся сами историки, потому что для представителей другихъ, перечислявшихся нами наукъ многіе изъ указанныхъ вопросовъ не представляютъ интереса, или же они не обладаютъ необходимымъ для того матеріаломъ.

Я не говорю здѣсь ничего о философіи и о томъ, чего мы могли бы желать и ждать отъ нея въ смыслѣ постановки и рѣшенія историологическихъ вопросовъ, такъ какъ предметъ этотъ завлекъ бы меня слишкомъ далеко, и о немъ удобнѣе трактовать отдѣльно. Но нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, какія проблеммы теорія историческаго процесса ставитъ логикѣ наукъ, въ которой видятъ одну изъ частей философіи. Система отвлеченныхъ научныхъ понятій и теорія научныхъ методовъ являются болѣе или менѣе выработанными только въ примѣненіи къ явленіямъ природы. Во всякой научной теоріи нашего времени большую роль играетъ понятіе закона, возникшее на почвѣ естествознанія, и способы изслѣдованія законовъ составляютъ важную сторону методологіи наукъ. Теорія историческаго процесса въ этомъ отношеніи не избалована вниманіемъ представителей научной логики, хотя они и пробовали писать логики соціальныхъ наукъ. Наприм., въ общемъ ученіи о законахъ, управляющихъ явленіями всякаго рода, существуетъ весьма важный пробѣлъ, который обнаруживается преимущественно при примѣненіи понятія „законъ“ къ явленіямъ исто-

[1]) Въ этихъ вопросахъ я вовсе не думаю дать цѣлую программу изслѣдованія: это, такъ сказать, примѣрные вопросы, установленіе же программы я считаю возможнымъ лишь на основаніи нѣкотораго общаго изслѣдованія. Одно время оно даже было у меня въ мысляхъ, но я его оставилъ, такъ какъ это отвлекло бы меня въ сторону отъ моихъ главныхъ занятій и потребовало бы цѣлаго ряда спеціальныхъ изысканій. Думалъ я объ этомъ именно, когда сдѣлалъ подобную работу по вопросу о роли личности въ исторіи литературы и изложилъ общіе свои взгляды на послѣдній вопросъ въ книгѣ о *Литературной эволюціи на Западѣ*.

рической жизни. По моему мнѣнію, нужно вообще различать два рода законовъ: законы причиненія, или каузальные, и законы развитія, или эволюціонные [1]): напримѣръ, по закону первой категоріи нагрѣваніе тѣла сопровождается его расширеніемъ (а не другимъ какимъ-либо явленіемъ), а по закону второй категоріи птичій организмъ измѣняется въ опредѣленномъ порядкѣ, проходя стадіи зародыша, вылупившагося изъ яйца птенца и т. д. (а не какія-либо другія формы). Весьма часто не дается точнаго опредѣленія, о какихъ законахъ идетъ рѣчь. Въ однихъ случаяхъ какъ бы общая формула закона гласитъ: при такихъ-то условіяхъ происходитъ то-то, но это есть только формула закона каузальнаго. Въ другихъ, наоборотъ, называется закономъ и такая формула, которая утверждаетъ, что въ жизни каждаго народа наблюдается одинаковая смѣна культурныхъ формъ, а это относится уже къ числу законовъ эволюціонныхъ. Впрочемъ, различеніе каузальныхъ и эволюціонныхъ законовъ сдѣлано мною самимъ очень недавно, и я указываю на это, какъ на новую задачу научной логики, такъ какъ теорія этихъ законовъ не отличается еще тою степенью выработанности, какую имѣетъ теорія законовъ каузальныхъ.

Дѣлаю еще исключеніе для философскаго вопроса о свободѣ воли, имѣющаго значеніе и для теоріи историческаго процесса, но лишь потому дѣлаю для него исключеніе, что выше уже пришлось упомянуть о немъ. Желательно было бы, чтобы философы, занимающіеся изслѣдованіемъ этого вопроса, обратили вниманіе на то, что личность человѣка въ его поведеніи и волѣ, при рѣшеніи вопроса о свободѣ или несвободѣ послѣдней, нельзя брать, какъ единичное *я*, рядомъ съ коимъ нѣтъ другихъ *я*, на него дѣйствующихъ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, когда ставится и рѣшается вопросъ о свободѣ или несвободѣ воли, отдѣльная личность берется особнякомъ отъ другихъ личностей, съ коими она всегда тѣсно связана тысячами часто неуловимыхъ узъ. Помимо этого, нельзя не высказаться и противъ сведенія понятія о человѣческой личности, взятой не особнякомъ, къ простой суммѣ однородныхъ индивидуумовъ, т.-е. въ нашемъ случаѣ—къ совокупности людей, раздѣляющихъ однѣ и тѣ же идеи и проникнутыхъ одними и тѣми же чувствами: дѣло не въ томъ, чтобы—или статистически, т.-е. отвлеченно, или художественно, т.-е. конкретно—представить себѣ нѣкоторую сумму людей, имѣющихъ между собою нѣчто общее, а въ томъ, чтобы уловить процессы, происходящіе въ общественныхъ группахъ съ далеко не однороднымъ составомъ, представить себѣ отдѣльныя

---

[1]) „Сущность историческаго процесса", стр. 419 и слѣд.

[2]) Подробнѣе смотри въ упомянутомъ рефератѣ нашемъ „Къ вопросу о свободѣ воли".

личности, ихъ образующія, не какъ слагаемыя извѣстной суммы, въ которой проявляется дѣйствіе какой-либо общей причины, или не какъ однородные экземпляры нѣкоего общаго типа, а какъ живыя личности—каждую съ ея индивидуальной физіономіей и особою ролью, каждую въ ея особенной зависимости отъ другихъ и съ особеннымъ на другихъ вліяніемъ. Наконецъ, слѣдуетъ сохранить понятіе самостоятельной личности. Скажу даже болѣе: я хотѣлъ бы вообще отстоять это понятіе отъ научныхъ воззрѣній, сводящихъ его къ нулю. Послѣднее дѣлается въ настоящее время, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ, имѣющихъ разные исходные пункты, но приводящихъ къ одному и тому же результату: одно направленіе разлагаетъ индивидуальное *я* на „вереницу совершающихся въ немъ событій", дѣлаетъ изъ личности собирательное обозначеніе мелкихъ психологическихъ процессовъ, другое-же, наоборотъ, превращаетъ каждое такое *я* въ одно изъ отраженій духа времени или народа, видитъ въ личности простое созданіе окружающаго общества, всецѣло изъ него объясняющееся, и такимъ образомъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія личность не есть нѣчто единое и цѣльное,—будучи или суммою раздѣльныхъ психическихъ явленій, или частицею нѣкоего высшаго духовнаго цѣлаго, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, какъ мы наблюдаемъ это въ общеисторической концепціи Тэна [1]). За недостаткомъ времени я не могу также останавливаться на вопросѣ о томъ, что есть вѣрнаго въ обоихъ воззрѣніяхъ, разрушающихъ понятіе единой и цѣльной личности, и въ чемъ заключается ошибочность сдѣланныхъ выводовъ о природѣ индивидуальной души.—Конечно, индивидуальный духъ зависитъ и отъ физіологическихъ или психо-физіологическихъ процессовъ организма, и отъ коллективно-психическихъ или соціальныхъ процессовъ общества, но при философскомъ рѣшеніи вопроса о свободѣ воли зависимость второй категоріи забывается: обсуждая вопросъ, вообще весьма часто ссылаются на зависимость, говоря коротко, духа отъ матеріи, совершенно почти упуская изъ виду зависимость одного духа отъ другого духа,—обращаютъ вниманіе на то, какъ воля обусловливается чѣмъ-то такимъ, что само по себѣ не есть другая воля, совсѣмъ почти игнорируя случаи опредѣленій одной воли другими волями или ихъ проявленіями, словомъ—говорятъ объ отношеніи *я* къ не-*я* и не говорятъ о взаимныхъ отношеніяхъ между собою разныхъ *я*. Нельзя, конечно, смотрѣть на человѣка, какъ на существо, въ своей жизни и дѣятельности соприкасающееся только съ предметами и явленіями одного матеріальнаго міра: разъ человѣкъ живетъ и дѣй-

---

[1]) См. статью *В. И. Герье* о Тэнѣ въ *„Вѣстникѣ Европы"* за 1890 г., янв., стр. 54 и слѣд.

ствуетъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, онъ связанъ съ ними многочисленными и разнообразными отношеніями, подвергаясь въ своемъ поведеніи многостороннимъ вліяніямъ, идущимъ отъ другихъ людей, и собственнымъ поведеніемъ оказывая на ихъ поведеніе вліянія также весьма различнаго свойства. Въ сущности вѣдь и вопросъ о свободѣ воли въ той своей сторонѣ, которою онъ соприкасается съ практическими вопросами человѣческаго бытія, стоитъ въ тѣсной связи съ общественною жизнью людей: и этика, и криминалистика, принимающія столь дѣятельное участіе въ разработкѣ вопроса, берутъ человѣка не особнякомъ, а въ извѣстномъ отношеніи къ другимъ людямъ. Этому должно было бы соотвѣтствовать и чисто теоретическое обсужденіе того же предмета: ему именно не слѣдовало бы упускать изъ виду, что причинность въ дѣлахъ человѣческихъ состоитъ между прочимъ въ большей или меньшей зависимости поступковъ однихъ лицъ отъ поступковъ другихъ лицъ и что на этомъ основаніи при теоретическомъ рѣшеніи вопроса о свободѣ воли весьма важно брать человѣка въ его взаимоотношеніяхъ съ другими людьми.

Принявши дѣятельное участіе въ организаціи при Петербургскомъ университетѣ Историческаго Общества, я, между прочимъ, и имѣлъ въ виду, съ одной стороны, подвергать обсужденію своихъ товарищей по наукѣ собственныя работы въ области исторіологическихъ изслѣдованій, съ другой—доставить возможность и другимъ высказываться по этимъ вопросамъ, даже прямо вызвать болѣе дѣятельный обмѣнъ мыслей теоретическаго характера между нашими членами. Кромѣ рефератовъ на подобныя темы, мы могли бы прибѣгнуть и къ другимъ способамъ коллективной работы: напримѣръ, мы могли бы ставить общіе и частные вопросы по теоріи исторіи, на которые желательно было бы имѣть отвѣты, или представлять на обсужденіе тезисы, заключающіе въ себѣ какія-либо мысли теоретическаго характера. Что касается рефератовъ, то содержаніе ихъ можетъ быть весьма разнообразно: въ нихъ могли бы найти мѣсто и рѣшеніе отдѣльныхъ вопросовъ исторической теоріи, и критика взглядовъ, высказывающихся въ литературѣ, и изслѣдованіе отдѣльныхъ направленій исторической науки, въ основѣ коихъ лежитъ то или другое пониманіе сущности историческаго процесса, и опредѣленіе историческаго міросозерцанія отдѣльныхъ историковъ, русскихъ и иностранныхъ, и разборъ книгъ или статей теоретическаго содержанія, появляющихся въ нашей и западно-европейской литературѣ, и т. п. Когда, наконецъ, намъ удастся осуществить нашу мысль о научно-историческомъ журналѣ, какъ органѣ нашего Общества, мы оказали бы важную услугу исторической наукѣ, если бы отвели въ немъ подобающее мѣсто статьямъ и рефератамъ по теоретиче-

скимъ вопросамъ. Съ своей стороны, по крайней мѣрѣ, убѣжденный въ важности этого дѣла, я буду употреблять всѣ усилія, чтобы поддерживать въ нашемъ Историческомъ Обществѣ интересъ къ теоріи исторіи, будучи увѣренъ въ томъ, что такое, пока еще совсѣмъ у насъ новое дѣло многими членами Историческаго Общества, дѣйствительно, считается за дѣло важное.

Новѣйшія работы по исторіи французской революціи [1]).

Н. И. Карѣева.

Значеніе столѣтняго юбилея революціи для исторической науки.—Крупные историческіе труды передъ 1889 г.—Историческій журналъ французской революціи.—Общество исторіи французской революціи.—Историческія изданія города Парижа и французскаго правительства.—Историческіе журналы.—Состояніе Франціи при старомъ порядкѣ.—Новыя изданія *cahiers*.—Книги по исторіи революціи, вышедшія въ свѣтъ въ 1889 и 1890 гг.—Попытки подведенія итоговъ подъ послѣдними работами.—Заключеніе.

Въ 1889 г. французы отпраздновали столѣтній юбилей своей великой революціи. Это былъ годъ историческихъ воспоминаній. Рядомъ съ всемірной художественно-промышленной выставкой, устроенной въ 1889 году въ Парижѣ, французы и многочисленные иностранцы, пріѣзжавшіе въ этомъ году въ столицу Франціи, могли посѣщать разныя другія выставки, имѣвшія уже чисто историческій интересъ. Въ дни, ознаменованные какими-либо важными событіями 1789 г., организовались торжества, и газеты напоминали своимъ читателямъ, въ чемъ заключается историческое значеніе такихъ чиселъ, какъ 5 мая, 14 іюля или 4 августа. Тотъ же коммеморативный смыслъ имѣютъ и разныя популярныя изданія, посвященныя исторіи революціи, вышедшія въ свѣтъ по поводу знаменательной годовщины. Юбилей былъ отпразднованъ, выставленные предметы спрятаны, газетныя статьи и брошюры прочитаны, и послѣ торжествъ наступили будни. Мы не станемъ разсматривать, какія политическія послѣдствія можно приписать юбилейному празднованію 1889 г.: оно не прошло безслѣдно и для исторической науки. Дѣло въ томъ, что, кромѣ коммеморативныхъ статей и брошюръ, которыя были свое-

[1]) Сокращенное изложеніе этой статьи составляло содержаніе реферата, читаннаго въ Историческомъ Обществѣ 10 окт. 1890 г.

временно прочитаны и забыты, столѣтняя годовщина 1789 г. вызвала появленіе исторических трудовъ, авторы коихъ думали не объ удовлетвореніи мимолетныхъ потребностей текущей минуты, а о томъ, чтобы внести что-либо новое, по части матеріала или по части идей, въ научную разработку исторіи французской революціи. Эта эпоха, представляетъ такой громадный интересъ вообще и, конечно, въ особенности для французовъ, что, по количеству изданныхъ источниковъ и написанныхъ книгъ, съ историческою литературою о французской революціи едва ли можетъ сравняться еще какая-либо литература, спеціально посвященная той или другой исторической эпохѣ. Немудрено поэтому, что во Франціи постоянно выходятъ въ свѣтъ научныя работы, относящіяся къ области историческаго изученія революціи 1789 г., такъ что юбилейная годовщина могла только оживить дѣятельность французскихъ историковъ, направленную на выясненіе хода событій конца прошлаго вѣка и ихъ историческаго смысла. Тѣмъ не менѣе съ положительною увѣренностью можно утверждать, что именно приближенію столѣтняго юбилея революціи обязана историческая наука нѣкоторыми учеными предпріятіями, поставившими своею цѣлью содѣйствовать лучшему знанію и пониманію событій 1789 и слѣд. годовъ. Нѣкоторыя изъ предпріятій этихъ имѣютъ чисто личный характеръ, другія—характеръ коллективный, и среди послѣднихъ мы отмѣтимъ особенно спеціальный журналъ и спеціальное ученое общество, посвященные исторіи французской революціи и вызванные къ жизни именно празднованіемъ сотой ея годовщины. Вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что было издано въ 1889 г. о французской революціи, этотъ журналъ и это общество останутся навсегда тѣмъ слѣдомъ, безъ котораго не могъ пройти юбилейный годъ въ области національной исторіографіи французовъ. Понятное дѣло, что многое изъ того, чему съ хронологической точки зрѣнія мы готовы приписать юбилейный характеръ, относится просто, такъ сказать, къ текущей литературѣ, и лишь случайное появленіе того или другого изданія въ 1889 г. придаетъ ему этотъ характеръ, но это не мѣшаетъ намъ ставить ихъ рядомъ съ тѣмъ, что было написано и публиковано ad hoc, тѣмъ болѣе, что труды подобнаго рода, какъ наименѣе похожіе на pièces de circonstances, особенно могутъ считаться важными въ научномъ отношеніи.

Въ настоящей статьѣ мы познакомимъ читателя со всѣмъ главнымъ, что сдѣлано исторической наукой по изученію французской революціи въ 1889 и 1890 г., указавъ предварительно на самые важные труды по исторіи той же эпохи, вышедшіе въ свѣтъ въ предыдущіе два-три года.

Послѣдними крупными историческими изслѣдованіями о французской революціи были передъ наступленіемъ юбилейнаго года сочиненія Тэна, Шереста и Car Сореля. Третій и послѣдній томъ „Революціи“ Тэна, составляющій вторую часть его „Les origines de la France contemporaine“ вышелъ въ свѣтъ въ 1885 году, и, доведши въ немъ исторію эпохи до 18 брюмера, авторъ обратился къ изученію наполеоновскаго времени, коему и посвятилъ уже извѣстные свои этюды въ „Revue des deux mondes“. Въ 1884—86 гг. вышло въ свѣтъ трехтомное, оставшееся неоконченнымъ за смертью автора сочиненіе Шереста о паденіи стараго порядка въ 1787—1789 гг. [1]), въ коемъ изложеніе доведено до іюльскихъ событій 1789 г. Наконецъ въ 1885 и 1887 г. появились первые два тома замѣчательнаго труда Альберта Сореля „Европа и французская революція“ [2]), продолженія коего съ нетерпѣніемъ долженъ ожидать каждый интересующійся исторіей этой эпохи. Книга Сореля [3]) самое важное пріобрѣтеніе исто-

[1]) *Aimé Chérest*. La chute de l'ancien régime. Paris. 1884—1886.

[2]) *Albert Sorel*. La France et la révolution française. Paris. 1885—1887.

[3]) О книгѣ *Сореля* мы предполагаемъ дать подробный отчетъ впослѣдствіи, когда она будетъ закончена. Для общей характеристики книги дѣлаемъ здѣсь краткое изложеніе того, что говоритъ о своей задачѣ самъ авторъ во вступительной главѣ этого прекраснаго труда, отличающагося между прочимъ и увлекательностью формы. Авторъ ставитъ своей задачей собрать воедино главныя черты взаимныхъ отношеній между революціонною Франціей и монархической Европой съ 1789 г. до эпохи конвента, когда эти отношенія уже совершенно выяснились. Побѣда Франціи была банкротствомъ „стараго порядка“ и внѣ ея предѣловъ, но въ этомъ смыслѣ особое значеніе имѣла эпоха Наполеона I. Указавъ на общій смыслъ и характеръ борьбы между Франціей и Европой съ 1792 г. по самый вѣнскій конгрессъ, Сорель отмѣчаетъ разное отношеніе къ принципамъ 1789 г. у разныхъ народовъ Европы. Всеобщность и отвлеченность этихъ принциповъ способствовали ихъ распространенію, но по той же причинѣ примѣненіе ихъ было неодинаковымъ въ зависимости отъ среды, въ которой они распространялись: усвоеніе принциповъ 1789 г. массами искажало ихъ сущность. „Чистый разумъ не дѣло политиковъ, которые руководятся государственной пользой, и не дѣло народовъ, которые управляются своими страстями. Какъ для государства, такъ и для народовъ существуютъ традиціи, столь же древнія, какъ ихъ исторія, ибо онѣ берутъ начало изъ одного съ нею источника и развиваются параллельно съ нею. Ихъ дѣйствіе на умы инстинктивное, и тѣмъ болѣе оно властно, что умы менѣе всего думаютъ ему подчиняться. Въ кризисахъ, которые захватываютъ человѣка въ расплохъ, онъ не находитъ въ себѣ иного рессурса и волей-неволей, сознательно или безсознательно, уступая ли или сопротивляясь, онъ поддается неминуемо вліянію унаслѣдованныхъ началъ и господствующихъ въ немъ самомъ и вокругъ него страстей. Съ этими-то данными онъ понимаетъ новыя идеи и пытается ихъ осуществить. Французы и другіе европейскіе народы именно такъ истолковывали принципы революціи и приспособляли ихъ къ традиціямъ своего прошлаго“. Поэтому задачей своей Сорель ставитъ „показать, что французская революція, которая представляется для однихъ ниспроверженіемъ, для другихъ—возрожденіемъ стараго европейскаго міра, есть не что иное, какъ естественное и необходимое продолженіе (suite) исторіи Европы, и доказать, что у революціи не было ни

рической литературы вообще о революціи—за всѣ восьмидесятые годы, и нужна была бы отдѣльная статья для того, чтобы дать понятіе о ея научномъ значеніи.

Кромѣ этихъ трехъ крупныхъ трудовъ, во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ появились нѣкоторыя сочиненія и менѣе важныя. Старый порядокъ и революція нашли въ этихъ же годахъ своего историка также еще въ лицѣ Рамбо, извѣстнаго нашей публикѣ по своимъ трудамъ въ области русской исторіи. Говоря это, я имѣю въ виду не маленькую его „Исторію французской революціи" [1]), вышедшую въ свѣтъ лѣтъ семь тому назадъ, а второй томъ его „Исторіи французской цивилизаціи" [2]), заключающій въ себѣ исторію абсолютной монархіи въ XVII и XVIII вв., и служащую продолженіемъ этой работы „Исторію современной цивилизаціи во Франціи" [3]), первая часть коей посвящена обзору идей, учрежденій, общественныхъ отношеній, науки, образованности, искусства, промышленности и нравовъ въ революціонную эпоху. Рамбо подводитъ итоги (но самые общіе) подъ новѣйшими изслѣдованіями въ этой области. Значеніе подведенія итоговъ подъ прежними работами по исторіи революціи могла бы имѣть вышедшая въ 1887 г. книжка Э. Шампіона „Духъ французской революціи" [4]), если бы она не была книжкой своего рода полемической, направленной противъ „récents détracteurs de la révolution" (стр. 2). Цѣль себѣ авторъ этотъ ставитъ почтенную—уяснить причину противорѣчія у историковъ и объяснить то, что ими необъяснено (стр. 1). Къ сожалѣнію, его изложеніе чисто отрицательное, какъ будто онъ далъ себѣ слово ничего не утверждать: „люди 89 г. вовсе не метафизики, отправившіеся въ походъ" и пр. (стр. 8); у Руссо нѣтъ политическаго догмата (стр. 13); послѣдователи Монтескье и Руссо не составляли двухъ школъ (стр. 29) и т. п. Тѣмъ не менѣе мы можемъ представить

одного слѣдствія, даже самаго необычайнаго, которое не вытекало бы изъ этой исторіи и не объяснялось бы прецедентами стараго порядка". Сорель блестящимъ образомъ разрѣшилъ задачу, которую не особенно удачно поставилъ себѣ Зибель въ извѣстномъ своемъ трудѣ, и съ гораздо бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Тэнъ, могъ бы сказать, что отнесся къ своему предмету, какъ натуралистъ, изучающій превращенія насѣкомаго.

[1]) *Alfred Rambaud.* Histoire de la révolution française. P. 1883. Въ книжкѣ около 300 страничекъ и 80 политипажей въ текстѣ.

[2]) Histoire de la civilisation française. T. II, depuis la Fronde jusquà la révolution. P. 1887.

[3]) Histoire de la civilsation contemporaine en France. Paris. 1888.

[4]) *Edme Champion.* Esprit de la révolution francaise. Ему же принадлежитъ брошюра (1884 г.) L'instruction publique en France d'après les cahiers de 89.

себѣ вкратцѣ общій взглядъ Шампіона на революцію. Указавъ на вліяніе, какое люди 1789 г. испытывали со стороны философовъ XVIII в. (гл. I), изобразивъ состояніе Франціи при Людовикѣ XVI (гл. II), авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что революція была неизбѣжна, что всѣ ея желали, не зная еще, что изъ нея выйдетъ. Онъ довольно интересно анализируетъ общественное мнѣніе въ 1789 г. (гл. III), опираясь на *cahiers*, брошюры и рѣчи, причемъ оправдываетъ первые отъ обвиненія ихъ со стороны Токвиля въ томъ, будто *cahiers* трехъ сословій заключали въ себѣ великій заговоръ противъ всѣхъ законовъ и учрежденій страны (стр. 78 и слѣд.): „ужасъ Токвиля, говоритъ онъ, дѣлается совершенно непонятнымъ, разъ мы входимъ въ подробное разсмотрѣніе *cahiers* (стр. 80), ибо „во всѣхъ углахъ Франціи мы встрѣчаемся съ рѣшимостью удовольствоваться частными, неполными реформами“ (стр. 84), и за немногими исключеніями будущіе республиканцы были еще монархическаго образа мыслей (стр. 89). Non, ce n'est pas un cri de guerre ni de haine que poussa la France au printemps de 89 (стр. 99),—такъ можно резюмировать содержаніе этой главы. Учредительному собранію авторъ посвящаетъ три главы (IV—VI). Онъ отмѣчаетъ умѣренность и терпѣніе членовъ конституанты (стр. 104 и слѣд.); на дорогу революціи ихъ толкнули привилегированные и дворъ „своими необдуманными поступками, своимъ сопротивленіемъ малѣйшимъ реформамъ, безумными вызовами по ихъ адресу и всякаго рода заговорами“ (стр. 109). Контръ-революція, не безъ основанія замѣчаетъ Шампіонъ, еще ждетъ своихъ историковъ (стр. 112), и онъ собираетъ факты (большею частью общеизвѣстные) для доказательства своего тезиса, не всегда впрочемъ, критически относясь къ источникамъ (будто, напр., еще въ концѣ 1788 г. министры Людовика XVI черезъ эмиссаровъ бунтовали народъ противъ дворянъ, стр. 120). Въ другой главѣ (Méthode de l'assemblée constituante), авторъ отвергаетъ то представленіе о дѣятельности учред. собр., будто оно хотѣло все разрушить, дабы все построить заново: если оно такъ и поступало, то лишь тогда, когда обстоятельства его принуждали (стр. 141). Давая интересный анализъ законодательства конституанты, онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что критиковать конституцію 1791 г. можно лишь слѣдя за исторіей ея выработки (стр. 163 и слѣд.), но нельзя сказать, чтобы онъ искусно защищалъ „гражданское уложеніе о духовенствѣ“ въ спеціально ему посвященной главѣ (VI), хотя исторія ея возникновенія разсказана интересно. Шампіонъ думаетъ, что собраніе было вообще компетентно устраивать по своему церковь, и только съ точки зрѣнія современнаго просвѣщенія (éclairés comme nous le sommes aujourd'hui) онъ находитъ, что, требуя присяги „гражданскому уложенію“, собраніе сдѣлало ошибку

(стр. 184). Причину оппозиціи духовенства этому уложенію онъ склоненъ видѣть (peut-être) въ недовольствѣ на конфискацію церковныхъ имуществъ (стр. 186 и слѣд.). Паденію королевской власти Шампіонъ посвящаетъ особую главу (VII), въ которой отвѣтственность за случившееся слагаетъ на того, кто палъ. Къ конвенту (гл. VIII) онъ болѣе, чѣмъ благосклоненъ: je sais les titres de la Convention au respect, à la reconnaissance éternelle de la France et du genre humain; j'admire ses actes bienfaisants, cette extraordinaire liberté d'esprit и т. д. (стр. 213). Но и для него исторія конвента, исторія Дантона, „наилучшимъ образомъ представляющаго политику этой эпохи“ (стр. 215), наполнены вопіющими противорѣчіями. По его словамъ, конвентъ—прямой наслѣдникъ конституанты, и все различіе между ними объясняется скорѣе обстоятельствами, чѣмъ какими-либо другими причинами (стр. 216): между эпохой свободы и эпохой равенства нѣтъ принципіальнаго различія. Въ своей оппозиціи принятому тезису онъ даже утверждаетъ, будто учредительное собраніе „съ Монтескье и Руссо“ уклонилось отъ свободы, а конвентъ „съ Вольтеромъ“ формулировалъ и узаконилъ ея истинные принципы (стр. 224, гдѣ дѣло идетъ о свободѣ совѣсти по конституціи III года). Шампіонъ даже сглаживаетъ различіе между Жирондою и Горою (гл. IX), находя, что исторія искажается, когда становятся на ту или другую изъ этихъ двухъ сторонъ. Въ главѣ, посвященной этому предмету, онъ особенно злоупотребляетъ своимъ негативнымъ методомъ, хотя частныя его мысли заслуживаютъ вниманія, и во многихъ отношеніяхъ жирондисты и якобинцы оказываются въ изображеніи Шампіона болѣе сходными, чѣмъ принято ихъ представлять. Интересны взгляды автора на Дантона и Робеспьера. Терроръ тоже составляетъ содержаніе особой главы (X). „Вмѣсто того, чтобы терять время, черня терроръ, говоритъ Шампіонъ (стр. 263), поищемъ его происхожденія“, начало же его онъ видитъ въ іюнѣ или іюлѣ 1789 г., возлагая отвѣтственность за его происхожденіе на контръ-революцію. Довольно сомнительно, чтобы страна дала свое согласіе (le pays y consentit) на терроръ 1793 г., „какъ на ужасную, но спасительную необходимость“, вслѣдствіе чего Шампіонъ знать не хочетъ объясненія террора общей трусостью и апатіей: признавать эту причину, говоритъ онъ, значитъ не понимать (méconnaître) истинный характеръ террора , не возбуждавшаго противъ себя всеобщаго неудовольствія (стр. 264). Террористы дѣлались таковыми „ни по вкусу, ни по системѣ“: ихъ создавали „неслыханныя обстоятельства“ (стр. 269), и для смягченія ихъ дѣлъ Шампіонъ вспоминаетъ драгонады, инквизицію и т. п.! Глава объ обыденной жизни во время революціи (XI) имѣетъ несомнѣнный интересъ по собраннымъ здѣсь фактамъ, но это—эпизодъ въ исторіи разыгрывавшейся политической драмы. Рес-

публика послѣ 9 термидора (гл. XII) представляется Шампіону въ слѣдующемъ видѣ. „Собственно говоря, термидоръ ничего не оканчиваетъ, не оканчиваетъ даже террора“ (стр. 295). Послѣдній не былъ дѣломъ ни единичной личности, ни отдѣльной партіи (стр. 298), и если Франція 1795 г. представляетъ изъ себя въ дѣйствительности контрастъ Франціи 1793 г., то менѣе всего въ этомъ виноватъ термидоръ: Шампіонъ думаетъ, что все улеглось, благодаря побѣдамъ французовъ надъ союзниками (стр. 301). Директорія кажется ему совсѣмъ недурнымъ правительствомъ (стр. 306 и слѣд.). Мало того: переворотъ 18 фруктидора, по его мнѣнію, вовсе не имѣлъ тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, какія ему приписывали, но своего тезиса онъ не доказываетъ (стр. 313). Весьма рѣшительно высказывая свои мнѣнія по труднѣйшимъ вопросамъ исторіи, Шампіонъ признаетъ нѣсколько „неразрѣшимыхъ вопросовъ“, коимъ посвящаетъ главу XIII. Слѣдующая глава уже говоритъ о „Бонапартѣ“, и въ ней авторъ оправдываетъ старыхъ революціонеровъ, сдѣлавшихся орудіями деспотизма, тѣмъ, что «autre chose être dupe, autre renegat», и что столько уже дѣлалось coups d'état раньше 18 брюмера людьми, которые не считались врагами свободы (стр. 326).

Я остановился подробно на сочиненіи Шампіона потому, что 1) это образецъ довольно еще распространенной манеры трактовать революцію, казня и милуя, и что 2) мнѣ придется говорить далѣе еще объ одномъ подведеніи итоговъ, исходящемъ изъ другого лагеря, гдѣ и казнятся, и милуются уже не тѣ люди и событія, что у Шампіона.

Въ исторіографіи французской революціи еще до 1889 г. наступилъ періодъ детальнаго изученія и изданія архивныхъ матеріаловъ, но на это оказалъ вліяніе приближавшійся юбилей. Для исторіи французской революціи съ недавняго времени существуютъ спеціальный органъ, особое ученое общество и разныя издательскія предпріятія.

Историческій журналъ французской революціи (La révolution française, Revue historique) возникъ еще въ 1881 году. Его основатели Дидъ (сенаторъ и первый редакторъ журнала), Кольфаврю (депутатъ) и Шаравэ предприняли свое дѣло въ виду приближавшейся столѣтней годовщины 1789 г., и въ числѣ первыхъ его участниковъ мы встрѣчаемъ имя сенатора Ипполита Карно, сына „организатора побѣды“ въ эпоху революціонныхъ войнъ и отца теперешняго президента французской республики: первая статья въ журналѣ (Unité de la révolution française) вышла изъ подъ пера именно Ипполита Карно, который потомъ сдѣлался и основателемъ Общества исторіи французской революціи (Société de l'histoire de la révolution française). Въ журналѣ

этомъ печатаются детальныя изслѣдованія и документы [1]), а съ 1889 года онъ расширилъ свою программу и сталъ обозначаться на заголовкѣ, какъ „журналъ новой и современной исторіи“, такъ какъ теперешній его редакторъ Оларъ (Aulard) поставилъ себѣ задачу помѣщать въ журналѣ статьи о событіяхъ, подготовлявшихъ переворотъ 1789 г., и особенно о тѣхъ, которыя происходили послѣ 1789 г., не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ Европы [2]).

Кромѣ журнала, въ настоящее время существуетъ съ марта 1888 г. и Общество исторіи французской революціи, которое возникло изъ особаго комитета, образовавшагося по иниціативѣ и подъ предсѣдательствомъ Ипполита Карно изъ членовъ редакціи историческаго журнала французской революціи и имѣвшаго своей первоначальной задачей историческую подготовку празднованія сотой годовщины 1789 г. Карно былъ выбранъ въ предсѣдатели новаго общества, но въ томъ же мартѣ 1888 г. онъ умеръ и, не выбирая ему преемника, члены-учредители обратились къ его сыну, президенту республики, съ просьбою принять на себя почетное предсѣдательство въ Обществѣ, на что и получили согласіе. Такимъ образомъ комитетъ, расчитанный только на временное существованіе, превратился въ постоянное ученое учрежденіе, въ скоромъ времени приступившее къ издательской дѣятельности. Въ самомъ началѣ именно рѣшено было издать знаменитую брошюру Сійэса о третьемъ сословіи, мемуары Фурнье-Американца (по предложенію Олара, секретаря общества) и списокъ членовъ конвента съ біографическими примѣчаніями. Эти изданія уже увидѣли

[1]) Для примѣра приводимъ существенное содержаніе первыхъ шести выпусковъ журнала за юбилейный годъ. *Январь.* Статья объ Archives Parlementaires. Республиканскія арміи отъ 1792 до 1800 г. Рикаръ, членъ конституанты отъ Гарда. Отчеты Дантона. Списокъ императорской знати (продолженіе). *Февраль.* По поводу новаго изд. мемуаровъ маркизы де-ля-Рошжакеленъ. Ассигнаты (продолженіе). Членъ Конвента Леонардъ Бурдонъ. Неизд. докум. о чл. конв. Ле-Карпантье и оріенталистѣ Ланглэ. Списокъ импер. знати (прод.). *Мартъ.* Вопросъ объ Archives parlementaires. Революціонные праздники въ Нижнихъ Альпахъ. Два письма Журдана къ Клеберу. Списокъ имп. знати (прод.). *Апрѣль.* Королевская программа на выборахъ 1789 г. Парижскія учрежденія въ 1789 г. Литературная оппозиція при консульствѣ. Конвентскій комитетъ земледѣлія. Списокъ импер. знати (оконч.). *Май.* Бернардъ де Сэнтъ. Колонна свободы на мѣстѣ Бастиліи. Миссія Кассани къ соединеннымъ итал. и альп. арміямъ. Оконч. статьи о литерат. оппозиціи. *Іюнь.* Переписка Пеллана (секрет. Мирабо) съ Ла-Маркомъ и Мерси. Воинственныя произведенія А. Шенье. Переписка сельской общины въ эпоху революціи. Засѣданіе 16 іюня 1789 г.

[2]) Редакторъ этого журнала занимаетъ спеціальную каѳедру исторіи французской революціи, основанную при парижскомъ faculté des lettres муниципальнымъ совѣтомъ.—Замѣтимъ, кромѣ того, что во Франціи издается еще въ фанатическо-реакціонномъ направленіи Revue de la révolution (издатели—Bord и d'Héricault)

свѣтъ въ печати; къ нимъ успѣли присоединиться и другія, не считая тѣхъ, которыя Общество подготовляетъ въ настоящее время. Впрочемъ, 1888 и начало 1889 г. прошли главнымъ образомъ въ устройствѣ исторической выставки французской революціи, открывшейся въ апрѣлѣ 1889 г. въ луврской grande salle des états, благодаря энергической дѣятельности одного изъ членовъ Общества (Кальмета) и встрѣченной имъ отовсюду помощи. Каталогъ этой выставки входитъ въ число изданій Общества. Первое общее собраніе членовъ состоялось только 2 марта 1890 г., за то комитетъ могъ представить на немъ уже цѣлый отчетъ о своей дѣятельности за истекшіе два года [1]).

Уставъ общества весьма кратокъ: его можно было бы помѣстить на одной страницѣ. Въ первомъ параграфѣ цѣли Общества опредѣляются такимъ образомъ: на главномъ мѣстѣ ставится внесеніе научнаго духа въ изслѣдованіи о французской революціи; второю цѣлью является дать возможность всѣмъ занимающимся этой эпохой какъ въ Парижѣ, такъ и въ департаментахъ, вступить между собою въ болѣе тѣсное единеніе; третья задача—публикація неизданныхъ или рѣдкихъ текстовъ или оригинальныхъ сочиненій, касающихся исторіи Франціи послѣ 1789 г.; далѣе идетъ устройство историческихъ лекцій въ столицѣ и въ провинціи, и, наконецъ, Общество должно было приготовить выпадавшую на его долю часть юбилейнаго праздника. Члены Общества раздѣляются на membres fondateurs и membres adhérents: первые дѣлаютъ единовременный взносъ minimum въ 500 франковъ, вторые платятъ ежегодно по 20 франковъ. Общество управляется особымъ комитетомъ (comité directeur), состоящимъ изъ 32 членовъ и назначающимъ изъ своей среды бюро общества (предсѣдателя, трехъ товарищей предсѣдателя, секретаря, товарища секретаря и казначея). Составъ комитета въ 1889 г. былъ слѣдующій. Почетный предсѣдатель—Карно, президентъ республики; предсѣдатель—ваканція; товарищи предсѣдателя — депутатъ Кольфаврю, сенаторъ Дидъ, членъ французской академіи Жюль Клареси; секретарь—профессоръ исторіи французской революціи въ Сорбоннѣ Оларъ—товарищъ секретаря и казначей—архивистъ палеографъ Шаравэ; остальными членами комитета были шесть депутатовъ и одинъ сенаторъ, пять публицистовъ, три преподавателя исторіи [2]), затѣмъ идутъ лица, служащія въ центральныхъ учрежденіяхъ, и лица разныхъ профессій, изъ коихъ нѣкоторыя извѣстны своими публикаціями, относящимися къ исторіи французской революціи.

---

[1]) См. Société de l'histoire de la révolution française. Compte rendu de l'assemblée générale du 2 mars 1890. Paris. 1890.

[2]) Проф. Рамбо и два лицейскихъ преподавателя (Monin и Thénard).

Своего рода proffession de foi общества мы находимъ въ отчетѣ секретаря, прочитанномъ имъ въ общемъ собраніи 2 марта 1890 г. „То. чего мы дѣйствительно хотѣли,—сказано, между прочимъ, въ этомъ отчетѣ,—это прежде всего дѣлать научное дѣло. Намъ казалось, что давнымъ-давно было уже пора перестать смотрѣть на исторію революціи, какъ на матеріалъ для памфлетовъ, и примѣнить къ этой исторіи тѣ же правила исторической критики, какія употребляются при изученіи болѣе отдаленныхъ эпохъ". Указавъ на то, что съ полной свободой заняться изученіемъ этой исторіи сдѣлалось возможнымъ только при третьей республикѣ, отчетъ отмѣчаетъ и другое, еще болѣе важное въ данномъ случаѣ обстоятельство. „Еще недавно, въ Собраніи и въ прессѣ были писатели и ораторы, которыхъ называли робеспьеристами, дантонистами, жирондистами... Теперь этотъ архаизмъ, къ счастью, вышелъ изъ моды, и смѣшно было бы къ нему возвратиться... Поэтому въ настоящее время историкъ можетъ, сколько ему угодно, критиковать Верньо, Робеспьера или Дантона, не заставляя тѣхъ или другихъ людей, либо тѣ или другія партіи нашего времени печалиться или радоваться по поводу какихъ-нибудь неблагосклонныхъ или льстивыхъ намековъ". Родоначальникомъ новаго направленія въ изученіи французской революціи отчетъ называетъ Эдгара Кинэ, который, какъ тамъ сказано, „подалъ примѣръ смотрѣть на этотъ періодъ національной исторіи тѣми же глазами, какими смотрятъ и на другіе періоды, не въ качествѣ вѣрующихъ, а въ качествѣ критиковъ".—„Мы, говорится нѣсколько далѣе, мы любимъ революцію, мы живемъ ея духомъ, но мы желаемъ, чтобы ея факты передавались вѣрно, безъ фанатическаго почтенія, передавались на основаніи документовъ, какъ будто бы дѣло шло о царствованіи Филиппа Августа или Людовика XIV. Будучи въ одинаковой степени непріятелями легендъ правой и легендъ лѣвой, мы и написали во главѣ нашего устава, что мы желаемъ содѣйствовать внесенію научности въ изученіе революціи". Исходя изъ такихъ намѣреній, основатели Общества обратились съ приглашеніемъ примкнуть къ нему—ко всѣмъ лицамъ, которыя занимались исторіей революціи «sans ésprit de dénigrement et de passion systématique», и отвѣты получены были большею частью благопріятные. Самому соединенію этому всѣхъ такихъ лицъ въ *ученое* общество (слово это подчеркнуто въ отчетѣ) ставится въ послѣднемъ и соотвѣтственная цѣль — взаимная критика: Общество должно быть далеко отъ того, чтобы въ немъ могли увидѣть une société d'admiration mutuelle. Наконецъ, по словамъ отчета, Общество является необходимостью, какъ средство поощренія къ занятію новѣйшей исторіей Франціи, особенно въ провинціяхъ. „Нужно, говорится тамъ, пожить подальше отъ Парижа для того, чтобы понять, какой силой воли должны обладать разро-

зненные работники, изучающіе современные архивы. Другихъ поощряютъ мѣстныя ученыя Общества, общество исторіи Франціи, Институтъ. Нашимъ друзьямъ рѣдко удается сунуть какую-либо статью о революціи въ то или другое провинціальное изданіе; Общество исторіи Франціи самымъ уставомъ своимъ ограничено изслѣдованіями въ области исторіи до-революціонной Франціи, а что касается до Института, то онъ до сихъ поръ награждалъ только книги враждебныя революціи" [1]).

Отчетъ перечисляетъ и работы членовъ Общества. Во-первыхъ, онъ называетъ нѣсколько провинціальныхъ ученыхъ, издававшихъ тексты или писавшихъ мѣстныя изслѣдованія, выдѣляя изъ нихъ Селестена Пора (Port), архивиста въ деп. Мэнъ-э-Луаръ, члена Института, разсказавшаго исторію de la Vendeé angevine въ книгѣ, имѣющей значеніе окончательнаго приговора [2]). Далѣе указаны труды, вошедшіе въ составъ большой коллекціи документовъ, издаваемыхъ подъ патронатомъ парижскаго муниципальнаго совѣта. Наконецъ отмѣчены нѣкоторыя работы, которыя только теперь приготовляются къ печати. Отчетъ жалуется, однако, на недостатокъ средствъ, не позволяющій Обществу предпринять такія изданія, каковы публикаціи, начатыя министерствомъ народнаго просвѣщенія и парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ казначейскаго отчета за 1888—1889 г. мы видимъ, что Общество имѣло къ 1 января 1890 г. дефициту около 600 франковъ (при 800 франкахъ недоимокъ по членскимъ взносамъ), и только выставка при валовомъ доходѣ въ 72 т. фр. дала чистой прибыли для Общества болѣе 17 т. фр.

Секретарскій отчетъ содержитъ въ себѣ нѣсколько страницъ и объ исторической выставкѣ 1889 г. Укажемъ только на то, что, выставляя въ Луврѣ разные предметы, напоминающіе революцію, организаторы выставки руководились тѣмъ же духомъ научнаго безпристрастія. Ихъ цѣлью было—„показать во всемъ его цѣломъ, безъ односторонней благосклонности къ одной какой-либо легендѣ, великій переворотъ, изъ коего вышла новая Франція. Мы, продолжаетъ отчетъ, помѣстили враждебныя каррикатуры рядомъ съ льстивыми изображеніями. Мы представили въ одномъ и томъ же освѣщеніи Людовика XVI, жирондистовъ, монтаньяровъ, Дантона, Робеспьера, всѣ секты, всѣ акты, всѣхъ людей". Оканчивается отчетъ указаніями на предпринятыя членами Общества работы (кое-что уже вышло въ свѣтъ) и на дальнѣйшіе планы, изъ коихъ отмѣтимъ предположеніе собрать

---

[1]) Послѣднее не вполнѣ вѣрно, не подходя, напр., къ книгѣ Сореля, которая получила академическую премію (grand prix Gobert).

[2]) Книга эта вышла въ свѣтъ въ 1888 г.

для изданія *всѣ*, какіе найдутся въ архивахъ, *cahiers* 1789 г. и завести собственный періодическій органъ. До сихъ поръ Общество издало слѣдующія книги и брошюры:

1. Qu'est ce que le tiers état? par *Emmanuel Sieyès*, précédé de l' Essai sur les privilèges, édition critique avec une introduction par *Edme Champion*. P. 1888. Вполнѣ научное изданіе съ варіантами, комментаріемъ и введеніемъ. Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы сопоставить идеи автора брошюры съ идеями другихъ писателей, дабы выяснить ихъ генезисъ и обозначить ихъ мѣсто въ исторіи политическихъ ученій, Шампіонъ [1]) пускается въ полемику съ историками (до Тэна включительно), не очень высоко ставившими знаменитаго аббата.

2. Liste des membres de la noblesse impériale, dressée d' après les registres de lettres patentes conservés aux archives nationales par Emile Campardon. P. 1889. Этотъ списокъ имѣетъ значеніе для біографической стороны исторіи французской революціи.

3. Les conventionnels, listes par departements et par ordre alphabétique des députés et des suppléants à la Convention nationale, dressés d'après les documents originaux des archives nationales, avec nombreux détails biographiques inédits, par *Jules Guiffrey*. P. 1889. Самое заглавіе показываетъ, въ чемъ состоитъ содержаніе этой книги. Прежніе списки членовъ конвента были полны ошибокъ (между прочимъ, въ ороографіи собственныхъ именъ), пропусковъ и противорѣчій. Гиффрэ провѣрилъ списки по документамъ и по собственноручнымъ подписямъ членовъ конвента и собралъ массу біографическихъ подробностей, интересныхъ для историка той эпохи.

4. Catalogue des objets formant l'exposition historique de la révolution française. P. 1889 [2]).

5. Compte rendu de l'Assemblée générale du 2 mars 1890. Paris. 1890.

6. Mémoires secrets de *Fournier l' Américain* publiés pour la première fois d' après le manuscrit des Archives Nationales avec introduction et notes par *F. A. Aulard*. Paris. 1890. Фурнье игралъ роль въ народныхъ движеніяхъ революціонной эпохи, и мемуары его охватываютъ время отъ іюля 1789 по сентябрь 1792 г. Редакторъ изданія даетъ краткую біографію Фурнье, основанную на архивныхъ данныхъ, списокъ его публикацій, краткую характеристику его мемуаровъ и многочисленныя примѣчанія къ ихъ тексту. Мемуары Фурнье не

---

[1]) Авторъ разсмотрѣнной выше книги.

[2]) Независимо отъ этого см. Tableaux historiques de la révolution française. (A l'occasion de l'expositiou historique). Предисловіе подписано *G. de Wailly*.

особенно обширны: съ примѣчаніями Олара и съ пробѣлами они занимаютъ менѣе ста страницъ. Читаются они съ интересомъ, но личность ихъ автора (Fournier est un brutal, говоритъ издатель) является же очень-то симпатичной, чтобы не сказать болѣе.

Изъ обѣщаній Общества особаго вниманія заслуживаетъ то, которое касается *cahiers* 1789 г. Извѣстно, какое важное значеніе имѣютъ эти наказы избирателей депутатамъ генеральныхъ штатовъ 1789 г. и какое вниманіе обращено на нихъ въ современной исторической литературѣ [1]). Изданъ, однако, далеко не весь этотъ матеріалъ [2]), и даже самое большое собраніе *cahiers*, сдѣланное Мавидалемъ и Лораномъ [3]), заключаетъ въ себѣ большею частью только сводные наказы бальяжей и сенешальствъ и самое ограниченное количество наказовъ приходскихъ. Въ этомъ дѣлѣ Обществу предстоитъ прежде всего привести въ извѣстность всю совокупность *cahiers* какъ изданныхъ, такъ особенно не изданныхъ, хранящихся въ архивахъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, во Франціи образовалось въ нынѣшнемъ году особое ученое Общество для изученія новѣйшей исторіи: Société d'histoire contemporaine. „Современная" исторія начинается съ 1789 г., на которомъ останавливается старое Société de l' histoire de France, и такимъ образомъ новое общество не только будетъ конкурировать съ Société de la révolution, но и изучать вообще исторію XIX вѣка. Судя по фамиліямъ членовъ совѣта, Общество будетъ болѣе или менѣе аристократическимъ. Работы его еще впереди.

Въ дѣлѣ изданія новыхъ матеріаловъ по исторіи революціи съ 1889 года принимаютъ еще большое участіе парижскій муниципальный совѣтъ и само правительство.

Парижскій муниципальный совѣтъ постановилъ издавать собраніе документовъ, касающихся исторія Парижа во время революціи, ассигновавъ на это большую сумму. Съ цѣлью изученія городскихъ архивовъ и изданія наиболѣе важныхъ матеріаловъ при городскомъ

---

[1]) См. мою книгу „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в." (Москва 1879), гдѣ на стр. 375 и слѣд. дается также литература и библіографія *cahiers* до 1878 года, а также книгу *проф. Герье* „Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 г." (М. 1884), стр. 50 и слѣд.

[2]) Послѣ 1878 г., до котораго изданы были *cahiers* и сочиненія о *cahiers*, отмѣченные въ моей книгѣ о франц. крестьянахъ, было напечатано еще не мало этого матеріала. Ниже я указываю на тѣ изданія, которыя относятся къ 1889 и 1890 г., а въ скоромъ времени мы должны ожидать появленія полной библіографіи *cahiers*.

[3]) Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs des chambres françaises par *Laurent et Mavidal*. Всего вышло около ста томовъ, и обошлось изданіе чуть не въ два милліона. См. замѣтку *Guiffrey*'я въ Rév. franç. (revue), 1889, 14 janvier.

управленіи французской столицы образовался даже особый „комитетъ историческихъ работъ“ [1]). До послѣдняго времени обнародованы уже слѣдующія работы [2]): *Monin*. Etat de Paris en 1789. *Chassin*. Les élections et les cahiers de Paris en 1789. *Charavay*. Assemblée électorale de Paris (1790—1791). *Aulard*. Société des Jacobins, documents pour servir à l'histoire du club des Jacobins de Paris. *Robiquet*. Le personnel municipal de Paris pendant la révolution. Кромѣ того, благодаря содѣйствію муниципальнаго совѣта, вышли въ свѣтъ первые томы двухъ большихъ коллекцій по источниковѣдѣнію французской революціи.

Книга Монена заключаетъ въ себѣ описаніе административной, судебной и финансовой организаціи Парижа съ статистическими данными и неизданными документами. Цѣлая половина труда посвящена парижскому парламенту. Что касается до труда Шассена, то въ немъ дано мѣсто даже cahiers (и другимъ аналогичнымъ заявленіямъ) отдѣльныхъ лицъ, причемъ особенно любопытны анонимные cahiers духовныхъ лицъ изъ янсенистовъ, въ коихъ уже предчувствуется знаменитая constitution civile du clergé (см. т. II). Кромѣ cahiers, мы находимъ здѣсь исторію выборовъ въ генеральные штаты, представленную въ цѣломъ рядѣ документовъ (томъ I). Третье изъ названныхъ изданій заключаетъ въ себѣ протоколы парижскаго избирательнаго собранія: 91 т. активныхъ гражданъ назначили 913 избирателей, которые отъ 18 ноября 90 г. до 18 іюня 91 г. должны были выбрать массу разныхъ должностныхъ лицъ. Любопытно, что $^9/_{10}$ активныхъ гражданъ не пользовались своими правами, а изъ избирателей собиралась только треть общаго числа. Остальные относились къ дѣлу очень добросовѣстно. Изданіе будетъ продолжено до 1800 года. Особенно важна работа объ якобинцахъ, сдѣланная Оларомъ. Наиболѣе выдающимся сочиненіемъ до труда Олара по этому предмету была двухтомная работа Цинкейзена „Der Jacobiner Klub“, вышедшая въ свѣтъ еще въ 1852 и 1853 годахъ. Разумѣется, сочиненіе такого знатока исторіи французской революціи, какимъ слѣдуетъ считать профессора этого предмета въ первомъ словесномъ факультетѣ Франціи, оставляетъ далеко за собою трудъ нѣмецкаго историка, вышедшій притомъ въ свѣтъ почти сорокъ лѣтъ тому назадъ. Собственно то, что даетъ намъ Оларъ, представляетъ изъ себя систематическое собраніе документовъ съ постоянными примѣчаніями

---

[1]) La commission municipale des recherches sur l'histore de Paris pendant la révolution.

[2]) Collection de documents relatifs à l'histoire de Paris pendant la révolution française.

всякаго рода, съ обстоятельнымъ историческимъ введеніемъ и библіографическимъ указателемъ. Одинъ изъ рецензентовъ этого изданія, именно цюрихскій профессоръ Штернъ, самъ много занимавшійся исторіей этой эпохи [1]), поставилъ въ вину Олару то, что онъ пользуется почти исключительно источниками только на французскомъ языкѣ, тогда какъ о французскихъ событіяхъ 1789 г. есть множество свидѣтельствъ на иностранныхъ языкахъ, благодаря пребыванію въ Парижѣ въ этомъ и слѣд. годахъ многихъ чужеземцевъ, отъ коихъ осталась переписка, дневники и т. п., причемъ кое-что изъ всего этого было оглашено въ печати: здѣсь тоже слѣдовало бы искать извѣстій о якобинцахъ. На одинъ изъ такихъ источниковъ на нѣмецкомъ языкѣ критикъ указалъ въ отдѣльной статьѣ, которая была помѣщена въ издаваемой Квидде „Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft" [2]), а въ своей критической замѣткѣ назвалъ и другіе Рецензентъ въ „Revue historique" (1890, mai-juin, 92) отмѣтилъ нѣкоторыя неточности въ комментаріяхъ Олара. Все это не мѣшаетъ его труду быть весьма важнымъ и замѣчательнымъ. Наконецъ, Робике въ своей работѣ даетъ не только подробныя свѣдѣнія о личномъ составѣ парижскаго городского управленія во время революціи (пока за конституціонный періодъ), но дѣлаетъ много важныхъ извлеченій изъ протоколовъ городского совѣта. Любопытны и данныя, касающіяся исторіи дѣятельности парижскаго городского управленія: два года, состоя изъ цвѣта парижской интеллигенціи, работалъ онъ надъ установленіемъ порядка и благосостоянія въ столицѣ, и если его усилія не увѣнчались успѣхомъ, виноваты въ этомъ были не столько люди, сколько „ужасныя обстоятельства".

Вообще для исторіи Парижа въ эпоху революціи дѣлается очень много. Въ нынѣшнемъ году предпринято расчитанное на пять томовъ изданіе библіографіи по исторіи Парижа за это время [3]). Первый томъ заключаетъ въ себѣ библіографію матеріаловъ для внѣшней исторіи Парижа въ періодъ революціи; дальнѣйшіе четыре тома будутъ посвящены: второй—организаціи парижскаго управленія и выясненію ея политической роли; третій обниметъ матеріалы по исторіи нравовъ и учрежденій; четвертый—біографіи и мемуары; въ пятомъ будетъ напечатанъ сводный указатель. Въ вышедшемъ томѣ дается описаніе судьбы большихъ коллекцій печатнаго матеріала по исторіи

---

[1]) Въ № 11 Götting. gelehrt. Anzeig. за 1890. См. стр. 475.

[2]) *A. Stern*. Konrad Engelbert Oelsner's Briefe und Tagebücher. Eine vergessene Quelle der Geschichte der französischen Revolution.

[3]) *Tourneux*. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la révolution française. T. I. Préliminaires. Evénements.

революціи и свѣдѣнія о библіотекахъ, въ коихъ находятся эти собранія. Здѣсь обозначено 5234 нумера. Параллельно съ этою библіографіею печатныхъ матеріаловъ по исторіи Парижа предпринято также изданіе свода и рукописныхъ матеріаловъ. Въ настоящее время вышелъ пока первый томъ этого собранія, обнимающій періодъ генеральныхъ штатовъ и эпоху учредительнаго собранія до провозглашенія конституціи 1791 г. [1]). Документы сгруппированы по днямъ, къ коимъ они относятся. Важность ихъ не подлежитъ сомнѣнію въ виду того обстоятельства, что ими исправляются многія извѣстія мемуаровъ, оказывающіяся не вполнѣ точными. Кромѣ того, во введеніи даются указанія на архивы, гдѣ помѣщаются рукописные источники по исторіи революціи.

Другая коллекція, издаваемая государствомъ (по иниціативѣ министерства народнаго просвѣщенія) и потому печатаемая въ національной типографіи, состоитъ прежде всего изъ собранія документовъ, редактируемаго Оларомъ. Оно имѣетъ несомнѣнно большой интересъ и необходимымъ образомъ дополняетъ одно громадное сочиненіе по эпохѣ конвента, которое было недавно издано въ цѣлыхъ пяти томахъ (см. ниже о книгѣ Валлона): это—„Собраніе актовъ комитета общественнаго спасенія и оффиціальной корреспонденціи его съ конвентскими коммиссарами и регистръ временного исполнительнаго комитета“ [2]). Въ 1889 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ этого изданія. Заключаетъ онъ въ себѣ документы, относящіеся ко времени отъ 10 авг. 1792 г. до 21 янв. 1793 г., т.-е. къ весьма интересной эпохѣ, когда во Франціи была установлена республика и въ то же время французы заняли Савойю съ Ниццей и Бельгію. Какъ и другія изданія, вышедшія подъ той же редакціей, это собраніе снабжено обстоятельнымъ введеніемъ и примѣчаніями редактора. Недавно (въ 1890 г.) появился второй томъ этого изданія, за которымъ въ весьма непродолжительномъ времени ожидается и третій.

Для эпохи законодательнаго собранія далъ важный матеріалъ Гильомъ, напечатавшій „Протоколы комитета общественнаго образованія“ [3]), который имѣлся въ легислативѣ и, кромѣ своего прямого дѣла, занимался многимъ другимъ. Между прочимъ, кое-что касается здѣсь того пріема, какой былъ оказанъ населеніемъ провинцій церков-

---

[1]) *Tuetey*. Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française.

[2]) Recueil des actes du Comité de salut public avec la correspondance officielle des représentants en mission et le registre du conseil executif provisoire. P. 1889. *Aulard* издалъ недавно еще мемуары о франц. рев. *Louvet de Couvrai*.

[3]) *Guillaume*. Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de l'Assemblée législative. Paris. 1889.

нымъ новшествамъ революціи. Аналогичная работа ожидается и для конвентскаго comité d'instruction publique [1]).

Укажу еще на то, что съ января 1889 г. сталъ выходить въ свѣтъ отдѣльными ливрезонами „Dictionnaire parlementaire de la France depuis 1787 jusqu'à nos jours", заключающій въ алфавитномъ порядкѣ имена и біографіи членовъ всѣхъ представительныхъ собраній Франціи за сто лѣтъ, равно какъ исторію самихъ собраній, политическихъ группъ, выборовъ по департаментамъ и округамъ, преній по законодательнымъ вопросамъ и законовъ за все столѣтіе.

Во французскихъ историческихъ журналахъ тоже появились новыя работы по исторіи революціи, но ихъ значеніе второстепенное. Въ „Revue historique" въ 1889 и 90 гг. было мало статей, относящихся къ революціи. Въ выпускѣ за мартъ—апрѣль (стр. 282—322) цюрихскій профессоръ А. Штернъ помѣстилъ статью о клубѣ швейцарскихъ патріотовъ въ 1790—1792 гг. Статья эта имѣетъ интересъ, между прочимъ, по вошедшему въ нее неизданному матеріалу. Далѣе отмѣтимъ замѣтку Пейра (Peyre) объ одной пиренейской сельской общинѣ въ началѣ революціи (сент.—октябрь). Въ двухъ первыхъ выпускахъ этого журнала за 1890 г. помѣщена статья Функъ-Брентано о Бастиліи на основаніи архивныхъ документовъ, а въ выпускѣ 4—неизданные документы о революціи въ деп. Жиронды [2]).

---

[1]) Отмѣтимъ кстати работу *Liard'a* Hist. de l'enseignement supérieur pendant la révolution. О состояніи авиньонскаго университета въ 1789 г. вышла недавно книжка *Laval'я.*

[2]) Приводимъ списокъ главнѣйшихъ статей по исторіи революціи, помѣщенныхъ въ *Revue historique* за тринадцать лѣтъ (1876—1888). Les comités des Assemblées révolutionnaires, 1789—1795, le comité de l'Agriculture et du Commerce, par J.-J. Guiffrey.—La mission de Custine à Brunswick en 1792, par Albert Sorel.—Le parti Girondin dans le département de la Haute-Vienne, par L. Guibert.—La propagande révolutionnaire en 1793 et 1794, par H. von Sybel. Réponse, par Albert Sorel.—La paix de Bâle, étude sur les négociations qui ont précédé le traité du 15 germinal an III (4 avril 1795) entre la France et la Prusse, par Albert Sorel. —La diplomatie française et l'Espagne de 1792 à 1796, par Albert Sorel.—Henri Grégoire. évêque constitutionnel de Loir-et-Cher, 1791—1801, par A. Gazier.— Notre-Dame de Paris après la Terreur, d'après les registres originaux de la *Société catholique* de cette église, par A. Gazier.—Un volontaire de 1792, le général Chérin, par Bougier.—Hohenlinden et les premiers démêlés de Bonaparte et de Moreau, d'après les mémoires inédits du général Decaen, par J. Tessier.—Les idées politiques de Mirabeau, par Fr. Decrue.—L'Autriche et le Comité de Salut public, par Albert Sorel.—La neutralité de l'Allemagne du Nord en 1795, par Albert Sorel.— Le Comité de Salut public et la question de la Rive gauche de Rhin en 1795, par Albert Sorel.—La diplomatie française et le Comité de Salut public; les frontières constitutionelles en 1795, par Albert Sorel. — La mission de Poterat à Vienne (1795—1796), par Albert Sorel. — Une correspondance politique de Mallet du Pan

Кромѣ того, въ послѣдней книжкѣ „Revue historique“ за 1889 г. редакторъ этого журнала, Моно, помѣстилъ небольшую статью подъ заглавіемъ „Le centenaire de 1789“ (стр. 329—347). Не представляя систематическаго отчета о юбилейной литературѣ, статья эта заключаетъ въ себѣ обзоръ нѣсколькихъ книгъ, въ коихъ, какъ говоритъ авторъ, наиболѣе серьезнымъ и безпристрастнымъ образомъ трактуются историко-политическіе вопросы, поднятые празднованіемъ юбилея. Какъ самый очеркъ Моно, такъ и книги, которыя онъ разбираетъ, имѣютъ болѣе значенія для характеристики историческаго момента, переживаемаго современной Франціей, чѣмъ для исторической науки, какъ таковой, хотя и этого значенія за ними совсѣмъ отрицать нельзя. Вотъ названія книгъ, разбираемыхъ Моно: *Guéroult*. Le centenaire de 1789. Évolution politique, philosophique, artistique et scientifique de l'Europe depuis cent ans.—Le livre du centenaire du *Journal des débats*.—*Chaudordy*. La France en 1889.—*Goumy*. La France du centenaire.—*Ferneuil*. Les principes de 1789 et la science sociale. Оканчивается статья Моно двумя-тремя страничками, посвященными выставкѣ французской революціи. Такихъ сочиненій, какія разбираются въ статьѣ Моно, можно указать еще нѣсколько, и если почтенный историкъ ихъ не отмѣтилъ, то, конечно, лишь потому, что они не подходили подъ требованіе серьезности и безпристрастія. Напримѣръ, это замѣчаніе вполнѣ приложимо къ брошюрѣ извѣстнаго Фреппеля „La révolution française à propos du centenaire de 1789“ [1]). Характеръ памфлета имѣетъ и большой иллюстрированный томъ д'Эрико (d'Héricault), носящій названіе La France révolutionnaire. Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать никакихъ свѣдѣній о книжкѣ *Ollivier* подъ заглавіемъ „1789 et 1889“, равно какъ о книжкахъ *Conny* „Un homme. Cent ans de révolutions“, *Pemjean* „Cent ans après“ и нѣк. друг. [2]).

Въ „Revue des question historiques“ за 1889 и 90 гг. мы находимъ статьи о французской и генуезской республикахъ въ 1794—99 гг., о заключеніи Людовика XVI въ Тамплѣ, о французскомъ обществѣ наканунѣ революціи [3]), объ отношеніяхъ между француз-

---

avec la cour de Vienne (1794—1798), par A. Michel.—Grégoire et l'Eglise de France, par A. Gazier.—Le général Decaen aux Indes, par J. Tessier.—Sur le mouvement populaire du 14 Juillet 1789, par J.-J. Guiffrey.—Les mémoires de La Reveillère-Lépeaux, par J. Destrem.—Les déportations du Consulat, par J. Destrem.—Deux lettres de Mirabeau, par A. Stern.

[1]) Ср. *Trogan*. L'équivoque sur la révolution française. Réponse à Monseigneur Freppel.

[2]) То же должны сказать о новомъ изданіи исторіи жирондистовъ *Guadet*.

[3]) *Marius Sepet*. La société française à la veille de la révolution въ апрѣльскомъ выпускѣ.

ской и батавской республиками и нѣкоторыя другія. Кромѣ того, въ хроникѣ январскаго выпуска за 1889 г. есть 2½ страницы по поводу юбилея 1789 г.

Переходимъ къ обзору книгъ и брошюръ. Начнемъ съ тѣхъ, которыя посвящены „старому порядку“ и 1789 г.

Въ 1889 г. была переиздана важная книга Буато о состояніи Франціи въ 1789 г., первое изданіе коей было сдѣлано въ 1861 г. [1]). За смертью автора, въ новомъ изданіи сдѣланы кое-какія добавленія архивистомъ Грассорейлемъ. Книга украшена портретомъ Буато († 1886), краткая біографія котораго, написанная Леономъ Роке, знакомитъ насъ съ его личностью и сочиненіями. Далѣе, въ книгѣ Ипполита Готье „1789 годъ“ [2]) сдѣлана попытка воскресить 1789 г., такъ сказать, изо дня въ день. Это — исторія общественнаго мнѣнія и настроенія въ анекдотахъ, памфлетахъ, пѣсенкахъ и гравюрахъ того времени. Виконтъ де-Брокъ выпустилъ въ 1889 г. продолженіе своей работы о Франціи при старомъ порядкѣ [3]), заключающее въ себѣ описаніе нравовъ и обычаевъ (usages et moeurs) старой Франціи (начало труда посвящено было правительству и учрежденіямъ). Неутомимый Альбертъ Бабо издалъ въ 1889 г. книгу о „военной жизни при старомъ порядкѣ“ [4]), а въ нынѣшнемъ году появился и второй томъ этого труда, оканчивающійся тремя главами о военномъ духѣ, о патріотизмѣ и о революціи. Но особенно интересна его юбилейная книжка о „Парижѣ въ 1789 г.“ [5]). Эти работы дополняютъ ту длинную серію книгъ, въ которыхъ Бабо даетъ намъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ картину дореволюціонной Франціи. Спеціально духовенству при старомъ порядкѣ посвящена книга Межа [6]), написанная въ духѣ чисто ультрамонтанскомъ. Наконецъ, съ характеромъ юбилейнаго изданія является и „Исторія французскаго общества“ Гонкуровъ [7]), знатоковъ XVIII вѣка со стороны свѣтской жизни. Книга роскошно иллюстрирована портретами, модными картинками, каррикатурами и т. п., вполнѣ соотвѣтствующими тексту, который

---

[1]) *Boiteau.* État de la France en 1789. Книга эта слишкомъ извѣстна всѣмъ занимающимся эпохой. Отмѣтимъ здѣсь же *Levasseur.* La population française. Hist. de la population avant 1789.

[2]) *H. Gautier.* L'an 1789.

[3]) *Vic. de Broc.* La France sous l'ancien régime. 1886.

[4]) *A. Babeau* La vie militaire sous l'ancien régime.

[5]) Paris en 1789. Съ 96 политипажами и фотогравюрами.

[6]) *Elie Mège.* Le clergé sous l'ancien régime. 1890.

[7]) *De Goncourt.* Histoire de la société française. См. еще *Gautier.* Memorial du centenaire avec 60 reproductions des gravures de 1789.—Révolution française. Album de centenaire. Avec 436 gravures.

изображаетъ общественную жизнь эпохи въ салонахъ, на улицахъ, въ кофейняхъ и театрахъ. Всѣ указанныя книги являются цѣнными вкладами въ исторію „стараго порядка", безъ которой непонятна исторія самаго переворота.

Мѣстная исторія во Франціи разрабатывается весьма успѣшно, и по поводу сотой годовщины революціи вышло большое количество сочиненій по исторіи этого событія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно имѣютъ общее значеніе. Не имѣя возможности представить здѣсь всю провинціальную литературу, я отмѣчу только новѣйшія изданія *cahiers* 1789 г.

Генеральный совѣтъ департамента Haute-Vienne „въ воспоминаніе перваго столѣтія французской революціи" издалъ сборникъ „Doléances provinciales de 1789" подъ редакціей мѣстнаго архивиста Альфреда Леру, и этимъ положено было начало цѣлой публикаціи „Революціоннаго архива Верхней-Вьенны". Общій интересъ этихъ doléances заключается въ томъ, что означенный департаментъ входитъ въ составъ провинціи, которою въ концѣ царствованія Людовика XV управлялъ Тюрго. Приходскіе cahiers версальскаго и медонскаго бальяжей, сосѣднихъ съ Парижемъ, были изданы въ 1889 г. Тенаромъ [1]), собравшимъ ихъ два съ половиной десятка. Тенаръ же издалъ еще cahiers понтуазскаго бальяжа [2]). Для Керси то же самое сдѣлано Комбарьё [3]). Къ числу такихъ же книгъ относится и „Le Vivarais aux états généraux de 1789", появившійся въ прошломъ году (авторъ Henry Vaschalde): здѣсь разсказываются выборы въ депутаты, а также и біографіи послѣднихъ и даются интересныя „pièces justificatives". Далѣе, драгиньянскіе *cahiers* 1789 г. нашли издателя въ лицѣ варскаго (Var) архивиста Мирёра [4]), который снабдилъ ихъ комментаріями и указателемъ. Для Пуату въ 1789 г. важно изданіе избирательныхъ протоколовъ и *cahiers* духовенства, сдѣланное Г. и П. Боше-Фильо въ двухъ выпускахъ, изъ коихъ одинъ относится къ третьему сословію [5]), а другой къ духовенству [6]). Въ предисловіи къ изданію его появленіе объясняется приближеніемъ „centenaire'а":

---

[1]) *Thénard*. Bailliages de Versailles et de Meudon. Les cahiers de paroisse, avec commentaires, accompagnés de quelques cahiers de curés.

[2]) *Thénard*. Les élections et le cahier du bailliage de Pontoise en 1789.

[3]) *Combarieu*. Assemblées du Quercy etc.

[4]) *Mireur*. États généraux de 1789. — Cahiers des doléances des communautés de la sén. de Draguignan. Veux du clergé et de la noblesse. P. 1889.

[5]) *Beaucher-Filleau*. Tiers état du Poitou en 1789. Procés-verbaux, cahiers des doléances et liste des electeurs. 1888.

[6]) *Beaucher-Filleau*. Clergé du Poitou en 1789. Procés-verbaux, cahiers des doléances etc. Introduction par l'abbé *A. Largeault*. 1889.

издатели нашли нужнымъ, какъ сами они заявляютъ, „воскресить истинныя стремленія прежнихъ населеній“, причемъ выдвигается на первый планъ то, что отъ одной только монархіи нація ожидала осуществленія всѣхъ реформъ и уничтоженія всѣхъ злоупотребленій. Поэтому издатели запиываютъ 1789 годъ (не вполнѣ основательно) на счетъ монархіи, оставляя на долю республики 1793 г. съ потоками крови, ею пролитой. Это указываетъ на то, что и въ изданіе документовъ все еще вносится партійность. Подъ заглавіемъ „Сѣверъ Франціи въ 1789 г.“ [1]), Ардуенъ-Дюмазе издалъ книгу о cahiers тѣхъ мѣстностей, которыя составляли впослѣдствіи департаменты Сѣвера и Па-де-Кале. Отмѣчу еще „Les cahiers et la Lorraine aux états généraux de 1789“ Жегу (Gegout) и публикацію Жадара, содержащую въ себѣ *cahier* реймскаго юридическаго факультета въ 1789 г.[2]). Нельзя еще не напомнить здѣсь о попыткѣ аббата Аллена сдѣлать сводъ изъ желаній *cahiers* относительно народнаго образованія [3]). Все это составляетъ весьма обильный историческій матеріалъ. Къ этимъ же публикаціямъ я присоединяю статью (въ Revue historique) о „деревенской общинѣ въ Пиринеяхъ въ началѣ революціи“ Пейра (Peyre), представляющую извлеченія изъ регистровъ коммуны Артиглувъ въ деп. Нижнихъ Пиринеевъ въ 1789 и 1790 г. Они имѣютъ тотъ интересъ, что изъ нихъ видно, что и въ захолустныхъ мѣстностяхъ Франціи въ 1789 г. желали реформъ и относились сочувственно къ дѣятельности конституанты, но что и тутъ заправленіе всѣми дѣлами все болѣе и болѣе переходило въ руки немногихъ лицъ.

Среди краткихъ исторій французской революціи, вышедшихъ по случаю юбилея, благодаря имени автора и внутреннимъ достоинствамъ, займетъ видное мѣсто книжка Жане, который разсказываетъ и обсуждаетъ событія революціи на 284 страницахъ [4]). Отмѣтимъ еще появленіе французскаго перевода извѣстнаго сочиненія Зибеля по исторіи французской революціи.

Подъ заглавіемъ „Вокругъ 1789 г.“ Корантенъ Гюйо соединилъ рядъ статей, въ коихъ рѣчь идетъ о разныхъ временахъ—отъ С. Симона до нашихъ дней [5]).

---

[1]) *Ardouin-Dumazet.* Le Nord de la France en 1789.

[2]) *Jadart.* Cahier des dol. de la fac. de droit de Reims en 1789.

[3]) *Allain.* Cahiers des états généraux relatifs à l'instruction publique.

[4]) *Paul Janet.* Centenaire de 1789. Histoire de la révolution francaise. Изъ болѣе раннихъ краткихъ исторій революціи отмѣтимъ еще: *Carnot.* La révol. franç., résumé historique. 1883. *M-me Ernest Duvergier de Hauranne.* Histoire populaire de la révolution française. 1885.

[5]) *Corentin-Guyho.* Autour de 1789. P. 1889.

Три тома „Variétés révolutionnaires" Пелле (Pellet), изъ коихъ первый вышелъ въ свѣтъ въ 1886 г., а послѣдній появился въ 1890 г., составлены изъ разныхъ журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ. Въ 1889 г. была переиздана „анекдотическая исторія французской революціи" Жана-Бернара, носящая названіе „Les lundis révolutionnaires" (первое изд. 1885 г.)

Одною изъ важнѣйшихъ сторонъ въ дѣятельности революціонныхъ собраній и правительствъ является отношеніе ихъ къ католической церкви. Всѣ безпристрастные историки этой эпохи указываютъ на то, что здѣсь были совершены крупныя политическія ошибки. Исторія такъ называемаго „гражданскаго уложенія о духовенствѣ" во многихъ отношеніяхъ объясняетъ намъ тотъ ходъ, какой приняли революціонныя событія, и за послѣднее время она привлекала вниманіе изслѣдоватей эпохи [1]). Не останавливаясь на не особенно важной книгѣ Робиду, посвященной этому предмету [2]), и на третьемъ изданіи сочиненія Прессансе [3]), отмѣтимъ здѣсь одну мѣстную исторію по дѣламъ церкви во время революціи [4]). Еще знаменитый Грегуаръ задумалъ написать исторію конституціонной церкви и для этого въ 1796 г. опубликовалъ рядъ вопросовъ по этому предмету. Отвѣтомъ изъ коррезской епархіи воспользовался теперь Рене Фажъ для освѣщенія исторіи духовенства въ эпоху революціи. По исторіи религіознаго преслѣдованія въ департаментѣ Соны и Луары изданъ также громадный (900 стр.) томъ Бозономъ [5]). Кромѣ того, Газье, авторъ статей о Грегуарѣ въ „Revue historique", предпринялъ изданіе „Этюдовъ по религіозной исторіи французской революціи", собравъ въ видѣ перваго выпуска воедино свои прежнія работы о Грегуарѣ [6]).

Валлонъ, извѣстный своими трудами по исторіи террора [7]),

---

[1]) Въ 1887 г. въ одномъ томѣ вышла въ свѣтъ „Histore de la constitution civile du clergé et de la persécution révolutionnaire" Л. Сіу (*Ludovic Sciout*), представляющая сокращеніе четырехтомнаго труда, появившагося съ 1872 по 1882 г. Книга эта въ 1883 была увѣнчана французской академіей (second prix Gobert). Замѣтимъ, что авторъ ея работаетъ въ клерикальной „Revue des questions historiques".

[2]) *B. Robidou*. Histoire du clergé pendant la révolution française. P. 1889 (I томъ) и 1890 (II томъ).

[3]) *E. de Pressensé*. L'Église et la révolution française. 3 изд. 1890 г.

[4]) *René Fage*. Le diocèse de la Corrèze pendant la Révolution. 1890.

[5]) *Bauson*. Recherches historiques sur la persécution religieuse dans le département de Saône-et-Loire pendant la révolution. 1889.

[6]) *Gazier*. Études sur l'histoire religieuse de la révolution française. О статьяхъ Газье см. выше въ перечнѣ статей „Revue hist."

[7]) Вотъ названія болѣе раннихъ его сочиненій по исторіи революціи. Hist. du tribunal révol. de Paris avec le journal de ses actes, 6 томовъ.—La rév. du 31 mai et le fédéralisme de 1793, ou la France vaincue par la Commune de Paris,

началъ въ 1889 г. (и въ 1890 окончилъ) изданіе новаго обширнаго сочиненія „Représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départaments en l'an II", положивъ въ основу своего труда документы парижскихъ архивовъ. Обозрѣвъ вообще исторію „посылокъ" (missions) представителей народа въ департаменты, авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію ихъ дѣятельности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, начиная съ Вандеи. Къ сожалѣнію, Валлонъ взялъ только одну сторону дѣятельности комиссаровъ, именно террористическую, упуская изъ виду, что комиссары совершали не однѣ только жестокости (въ родѣ знаменитаго Карье), но являлись и въ другихъ роляхъ, наприм., делегатами при арміяхъ, организаторами защиты, администраторами, а потому совершенно вѣренъ приговоръ критики, находящей, что и послѣ весьма цѣннаго труда Валлона полная и окончательная исторія конвентскихъ комиссаровъ ждетъ еще своего автора [1]). Впрочемъ, въ документальномъ изданіи „Актовъ комитета общественнаго спасенія" представлена уже и другая сторона дѣятельности конвентскихъ комиссаровъ, именно сторона дѣловая и полезная [2]). Въ вышедшемъ недавно пятомъ томѣ сочиненія Валлона говорится о посылкахъ на сѣверо-востокъ Франціи, а вторая часть этого тома заключаетъ въ себѣ исторію термидоріанской реакціи и преслѣдованія террористовъ со стороны ихъ бывшихъ товарищей, безъ попустительства которыхъ террористы не могли бы развернуть всей своей дѣятельности. Эта заключительная исторія называется у автора les châtiments. Въ общемъ Валлонъ даетъ массу выписокъ изъ архивныхъ документовъ.

Исторію революціонныхъ войнъ описываетъ Бонналь въ сочиненіи объ арміяхъ республики [3]), но критика не приписываетъ ему особаго значенія, чтобы не сказать болѣе. Таже самая тема затрогивается въ книгѣ Буассонада, касающейся волонтеровъ одной только мѣст-

---

два тома.—La Terreur. Études critiques sur l'histoire de la révolution française, 2 тома.

[1]) Замѣтимъ еще, что въ 1888 г. уже 3 изданіемъ *Eugène Despois* выпустилъ книгу „Le vandalisme révolutionnaire", на заголовкѣ которой значится, что содержаніе ея касается „литературныхъ, научныхъ и артистическихъ фундацій конвента": авторъ поставилъ себѣ задачей показать, чтó сдѣлалъ конвентъ для науки и образованія въ самыя трудныя и бурныя времена своего существованія, и этимъ снять съ него обвиненіе въ вандализмѣ. О революціонныхъ судахъ см. еще книгу *Fayard*. Hist. des tribunaux rév. de Lyon et de Feurs. Для Парижа въ эпоху террора см. новую книжку *Biré* подъ этимъ заглавіемъ.

[2]) Revue historique. 1890, sept.-oct., 102.

[3]) *Bonnal*. Les armées de la Republique. P. 1889.

ности [1]). Общее значеніе этого труда въ подтвержденіи того, что было уже раньше высказано авторомъ работъ по исторіи революціонныхъ войнъ Шюке (Chuquet), который дѣлаетъ различіе между прекрасными волонтерами 1793 и 1794 гг. и добровольцами 1793 г., только по имени имѣвшими право на этотъ титулъ.

Эрнестъ Доде продолжаетъ свои начатыя ранѣе изслѣдованія по исторіи эмиграціи [2]), и новый томъ этой исторіи, недавно появившійся, носитъ названіе „Coblentz". Къ дѣлу эмиграціи авторъ относится съ симпатіей, но сами эмигранты рисуются у него людьми не особенно высокаго полета и по уму, и по характеру, а также представлены и раздоры въ ихъ средѣ. Принцевъ (братьевъ Людовика XVI) Доде положительно винитъ въ печальной судьбѣ короля [3]).

„Исторіи философіи въ эпоху революціи" [4]) посвятилъ цѣлую книгу Ферразъ, авторъ трехтомной „Исторіи философіи во Франціи въ XIX в.", выдержавшей отдѣльными томами по два и по три изданія. Оба сочиненія стоятъ въ тѣсной связи, и въ мало вообще изслѣдованной философіи революціоннаго періода (1789—1804) авторъ совершенно справедливо видитъ не только конецъ философіи XVIII вѣка, но и начало новой философіи, которая продолжаетъ старую, хотя и является совсѣмъ на нее непохожею. По его опредѣленію главнымъ философскимъ теченіемъ въ это время былъ сенсуализмъ, принимающій названіе идеологической философіи, и Ферразъ изучаетъ ее какъ въ ея теоріи (часть I), такъ и въ ея приложеніяхъ къ исторіи, морали, политикѣ и религіи (часть II). Какъ второстепенныя теченія философской мысли, представлены у него раціонализмъ, мистицизмъ и традиціонализмъ (часть III). Въ краткомъ введеніи Ферразъ дѣлаетъ характеристику философіи XVIII в., продолженіемъ коей была философія революціонной эпохи, и показываетъ, какъ эта философія въ качествѣ философіи воинствующей, перешла (во время революціи) изъ книгъ въ своды законовъ, и вышла во всеоружіи изъ головъ для того, чтобы проникнуть въ общественные факты. За то въ наиболѣе бурные годы революціи, продолжаетъ авторъ, она почти совершенно исчезла, какъ умозрѣніе, что понятно само собою,

---

[1]) *P. Boissonade.* Hist. des volontaires de la Charente pendant la révolution. 1890.

[2]) *E. Daudet.* Les Bourbons et la Russie.—Les émigrés et la seconde coalition.

[3]) Для эмиграціи см. еще *Pingaud.* Correspondance du comte de Vaudreuil avec le comte d'Artois pendant la révolution. 1889. Недавно вышелъ въ свѣтъ третій томъ „Общей исторіи эмигрантовъ" *Форнерона* (Les émigrés et la société française sous Napoléon).

[4]) *M. Ferraz.* Histoire de la philosophie en France pendant la révolution. Paris. 1889.

если не считать „Les Ruines" Вольнея и знаменитаго сочиненія Кондорсэ. Только когда револющія изъ періода борьбы вышла въ періодъ организаціи, и философія организуется, переживъ паденіе стараго порядка: это все таже философія XVIII вѣка. Ея представители рисуются намъ умѣренными сторонниками революціи и посредниками между энциклопедистами XVIII вѣка и либералами эпохи реставраціи. Но въ это же время зарождается и реакція традиціонализма, въ которой поэзія побѣждала идеологію. Такова общая схема Ферраза, и въ этихъ общихъ рамкахъ онъ изображаетъ намъ ученія Гара, Ларомильера, Дестюта де-Траси, Кабаниса, де-Жерандо, Мэна де-Бирана, Ривароля, Кондорсэ, Вольнея, С. Мартена, Ж. де-Местра, Бональда и Шатобріана.

„Дневникъ парижскаго буржуа во время революціи" Монена [1]) представляетъ изъ себя популярное изложеніе событій 1789 г. съ 1 января по 31 декабря. Авторъ задался представить въ этой книжкѣ, такъ сказать, средняго парижскаго гражданина, „просвѣщеннаго и чувствительнаго", который ежедневно записываетъ крупныя событія и мелкія происшествія, свидѣтелемъ коихъ онъ былъ, и свои впечатлѣнія отъ всего видѣннаго и слышаннаго. „Этотъ дневникъ,—говоритъ о немъ самъ авторъ въ предисловіи, — фиктивный по формѣ, не можетъ быть однако названъ романомъ. Конечно, я не могу гарантировать абсолютную вѣрность всѣхъ анекдотовъ, всѣхъ разныхъ фактовъ, которые онъ въ себѣ содержитъ,—въ такомъ дѣлѣ сколько партій, столько версій, — но самая выбранная мною рамка налагала на меня обязанность, подъ страхомъ погрѣшности противъ вѣрности фактамъ, самое мелочное уваженіе къ исторіи въ разсказѣ о крупныхъ событіяхъ, въ изложеніи наиболѣе замѣчательныхъ политическихъ споровъ, наконецъ въ самомъ точномъ анализѣ постепеннаго развитія революціонныхъ идей". Своею цѣлью авторъ ставитъ „оживить и приблизить къ общему пониманію крупную эпоху, облегчить ея научное и философское изученіе, возбудить интересъ къ чистой исторіи и подлиннымъ текстамъ", имѣя въ виду главнымъ образомъ юныхъ читателей (Моненъ состоитъ преподавателемъ въ collège Rollin), но его книжка не безъ удовольствія и пользы прочтется и взрослымъ.

Другое значеніе имѣетъ вышедшій въ нынѣшнемъ году „Журналъ одного студента во время революціи" [2]), въ которомъ напечатаны извлеченія изъ писемъ студента Жеро (Geraud), писавшаго ихъ изъ Парижа между концомъ 1789 и концомъ 1792 г. На письмахъ юноши отра-

---

[1]) *H. Monin*. Journal d'un bourgeois de Paris pendant la révolution française (Année 1789). Paris. 1889.

[2]) *Maugras*. Journal d'un étudiant pendant la révolution.

зились перипетіи общественнаго мнѣнія въ Парижѣ за первые три года революціи, и для исторіи настроенія сторонниковъ революціи въ эпоху конституанты и легистативы они очень важны. Издатель Могра снабдилъ текстъ своими примѣчаніями.

Окончимъ эту часть обзора указаніями на біографическую литературу.

Въ 1889 г. особенно посчастливилось въ исторической литературѣ главному политическому дѣятелю 1789 г., графу Мирабо. Обо всемъ родѣ этого замѣчательнаго человѣка нѣсколько лѣтъ тому назадъ было предпринято обширное изслѣдованіе членомъ французской академіи Луи де-Ломени, но за смертью автора, успѣвшаго, однако, выпустить въ свѣтъ два большихъ тома о предкахъ и отцѣ Мирабо [1]), сочиненіе это оставалось неоконченнымъ. Въ 1889 г. оно не только было переиздано, но и продолжено третьимъ томомъ, содержащимъ въ себѣ біографію Мирабо-сына до 1789 г.: этимъ продолженіемъ мы обязаны сыну автора первыхъ двухъ томовъ Шарлю де-Ломени, которому отецъ подготовилъ большой матеріалъ [2]). Другой трудъ (въ двухъ томахъ), посвященный также біографіи революціоннаго трибуна, принадлежитъ профессору цюрихскаго федеральнаго политехникума Альфреду Штерну [3]), который прямо заявляетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что необходимо было bei der hundertjährigen Wiederkehr der grossen Erinnerungstage des dämonischen Mannes nicht zu vergessen. Ломени въ своемъ богатомъ новыми матеріалами трудѣ не дошелъ еще до событій 1879 и слѣд. годовъ, а у Штерна они составляютъ содержаніе второго тома. Можно даже сказать, что послѣдній представляетъ изъ себя цѣлую исторію первыхъ двухъ лѣтъ революціи (4 мая 1789—2 апр. 1791 г.), поскольку въ событіяхъ этихъ участвовалъ Мирабо. Въ другомъ мѣстѣ я даю подробный отчетъ объ этомъ трудѣ [4]). Оба эти сочиненія совершенно устраняютъ все то, что было писано о Мирабо во французской [5]) и нѣмецкой [6]) литературѣ. Оба они, кромѣ того, находятся въ нѣкоторой связи между собою: передъ выпускомъ въ свѣтъ своего труда Ломени напечаталъ о Мирабо нѣсколько статей, которыми очень пользовался Штернъ въ первомъ томѣ своей книги; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ кое-какіе матеріалы Штерну, который

---

[1]) *Louis de Loménie.* Les Mirabeau. Новое изданіе 1889.

[2]) Объ этомъ томѣ см. рецензію въ *Русской Мысли* за апрѣль 1890 г.

[3]) *Alfred Stern.* Das Leben Mirabeaus Berlin.. 1889.

[4]) Большая статья моя объ этой книгѣ должна появиться въ одной изъ послѣднихъ книгъ *Русской Мысли* за 1890 г.

[5]) *Merilhon* въ полномъ собраніи соч. Мирабо (1825—27), *Montigny* (1841), *Dumont* (1832), *V. Hugo* (1834), *Vermorel* (1864—66), *Raynald* (1872).

[6]) Двухтомное соч. *Пипитца* (1850) и неоконченный трудъ *Левитца* (1852).

въ свою очередь сообщалъ свои матеріалы Ломени и посылалъ ему корректурные листы своего труда.

Другой крупный дѣятель революціи, Дантонъ, также нашелъ біографа въ лицѣ Робине, посвятившаго ему, какъ государственному человѣку, большой томъ въ 450 слишкомъ страницъ, надъ заголовкомъ котораго поставлены слова: «centenaire de 1789» [1]) и который представляетъ изъ себя „цивическое приношеніе“ автора муниципальному совѣту Парижа. Цѣлая половина книги занята документами и pièces justificatives, а тонъ текста нельзя иначе назвать, какъ панегирическимъ. Общій взглядъ автора проявляется, напр. въ слѣдующихъ строкахъ: «Son nom,—un des plus grands dans notre histoire,—sans autres taches que celles que lui ont infligées, pour un temps après tout bien precaire, l'envie, la haine et l'iniquité des partis reste donc inséparable à jamais du souvenir de la république triomphante et de la patrie sauvée» (стр. 243).

Къ числу біографическихъ книгъ по исторіи революціи относятся еще новыя работы о Маріи-Антуанетѣ де ля Рошетери [2]), де Нольяка [3]) и Голо [4]), а также книжка дю-Бле „Les grands causeurs de la Révolution» (1889), заключающая въ себѣ характеристики нѣсколькихъ дѣятелей и современниковъ революціи [5]). Но, собственно говоря, такихъ книгъ гораздо больше, чѣмъ мы имѣемъ возможности назвать [6]).

Критическое подведеніе итоговъ подъ такою массою научной работы составляетъ весьма заманчивую задачу, но ни одно изъ новыхъ изданій, дѣлающихъ попытки въ этомъ смыслѣ, не можетъ восполнить того пробѣла, который чувствуется въ исторіографической литературѣ.

[1]) *Robinet.* Danton, homme d'état. 1889. Съ портретомъ Дантона.

[2]) *Maxime de la Rocheterie.* Histoire de Marie Antoinnette. Два тома.

[3]) *P. de Nolhac.* La reine Marie-Antoinnette.

[4]) *Gaulot.* Un complot sous la terreur. Marie-Antoinnette, Toulan, Jarjayes. 1889. См. еще *Chaix-d'Est-Ange.* Marie Antoinnette et le procès du Collier suivi du procès de la reine Marie-Antoinnette.

[5]) Сюда вошли Ривароль, Мори, Делиль, Монлозье, Малле-дю-Панъ, Мирабо, Мармонтель, Талейранъ, Лафайетъ и т. д. Книга издана съ предисловіемъ герцога де Броля, которому она и посвящена авторомъ.

[6]) См. напр., *Rabaud.* Un ministre chrétien sous la terreur. P. 1889. *Guillois.* Pendant la terreur. Le poète Roucher. 1890. *E. Carette et A. Sanson.* Thouret. 1890. *Franc. Mège.* Gaultier de Biauzat, sa vie et sa correspondance 1890. Изъ другихъ книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ очень недавно, назовемъ слѣдующія: *Fournel.* Les hommes du 14 juillet. Gardes françaises et vainqueurs de la Bastille. *Lambert.* Les fédérations en Franche — Comté et la fête de la Révolution du 14 juillet 1790.—Henri de la Rochejaquelin et la guerre de la Vendée d'après des decuments inédits.—*Leroy-Beaulieu.* La révolution et le libéralisme. Essais de critique et d'histoire. *La Bouëre.* La guerre de la Vendée (мемуары). *Trousset.* Histoire d'un siècle (иллюстрир. изд., вышло пока 3 тома до 1799 г.).

Примѣръ Поля Жане, выпустившаго въ свѣтъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ краткую исторіографію французской революціи [1]), долженъ былъ бы найти подражателей, хотя, конечно, книжку Жане мы и не ставимъ въ образецъ: вѣдь послѣ того, какъ онъ писалъ (1875 г.), появилось много общихъ и частныхъ трудовъ по исторіи революціи, и французская исторіографія могла бы отпраздновать юбилей 1789 г. изданіемъ обзора трудовъ по исторіи революціи. Или, по крайней мѣрѣ, книжка Жане должна была бы быть дополнена: во время ея выхода въ свѣтъ послѣднимъ словомъ науки были сочиненія Кинэ, Токвиля, де-Лаверня [2]) и Зибеля. Замѣтимъ, впрочемъ, что книжка была переиздана въ послѣдній разъ (третье изданіе) въ 1888 г.

Переходимъ, однако, къ новѣйшимъ попыткамъ подведенія итоговъ.

Такой именно характеръ имѣетъ книжка Гастона Фёжера подъ заглавіемъ „Французская революція и современная критика“ [3]), изданная въ 1889 г. мало извѣстной фирмой Victor Lecoffre, которая, судя по анонсу на обложкѣ, занимается публикаціей сочиненій клерикальныхъ авторовъ. И по духу это сочиненіе совершенно не напоминаетъ разсмотрѣнной нами книги Шампіона: это—два крайнія воззрѣнія. Однако, и на немъ мы остановимся подробнѣе въ виду того, что въ немъ все-таки подводятся итоги.

Книга Фёжера распадается на двѣ части. Въ первой авторъ разсказываетъ исторію революціи, ставя своей задачей выясненіе наиболѣе существенныхъ пунктовъ на основаніи новѣйшихъ и наиболѣе вѣрныхъ изслѣдованій историковъ и критиковъ. Эта часть содержитъ въ себѣ 245 страницъ. Вторая, меньшая (въ 150 стр.) состоитъ изъ девяти отдѣльныхъ статеекъ, написанныхъ (и, быть можетъ, раньше гдѣ-либо напечатанныхъ) по поводу выхода въ свѣтъ нѣкоторыхъ сочиненій, относящихся къ революціи, и это тоже придаетъ ей нѣкоторое значеніе, хотя мы не посовѣтовали бы по ней знакомиться съ „современной критикой“: книга неполна, и авторъ гнетъ все въ одну сторону, хотя и отмѣчаетъ въ самомъ началѣ предисловія „новый характеръ“ работъ по исторіи революціи: въ нихъ стало больше справедливости и правдивости, что нанесло сильный ударъ „революціонному апологетизму“. Въ настоящее время совершается пересмотръ исторіи революціи, и онъ, говоритъ Фёжеръ, „уже настолько подвинулся впередъ, что мы уже теперь можемъ собрать и упрочить нѣ-

[1]) *P. Janet.* Philosophie de la révolution française. P. 1875.

[2]) *L. de Lavergne.* Économie rurale de la France depuis 1789. Другое сочиненіе того же автора (Les assemblées provinciales sous Louis XVI. 1863) не упоминается у П. Жане.

[3]) *Gaston Feugère.* La révolution française et la critique contemporaine. 1889.

сколько главныхъ результатовъ, которые могутъ считаться окончательными. Таковъ и есть предметъ этой книги". Подводя итоги подъ новѣйшими изслѣдованіями, авторъ нерѣдко полемизируетъ со взглядами, которые высказывались прежде. Первая глава (la veille de la révolution) прямо и начинается съ заявленія объ ошибочности раздѣленія исторіи Франціи на двѣ совсѣмъ не похожія одна на другую части, благодаря революціи 1789 г.

Въ своемъ взглядѣ на предреволюціонную эпоху Фёжеръ опирается на книгу де-Лавернія о провинціальныхъ собраніяхъ при Людовикѣ XVI [1]), извлекая изъ нея тотъ главный выводъ, что „Франція по винѣ революціи скорѣе была остановлена въ своей преобразовательной работѣ, обманута и повреждена въ своихъ истинныхъ интересахъ": въ 1789 г., говоритъ онъ, „почти всѣ важнѣйшія и рѣшительныя реформы были уже совершены или готовы были совершиться", прибавляя, что „привилегіи повсюду уступали", и что „сопротивленіе реформамъ началось лишь тогда, когда почувствовалось разрушительное дыханіе революціи". Авторъ говоритъ даже о „братскомъ и истинно національномъ согласіи всѣхъ французовъ" относительно дурныхъ сторонъ стараго порядка: мирному его преобразованію помѣшалъ „революціонный духъ". Лишь мимоходомъ и нехотя упоминаетъ онъ о „многочисленныхъ причинахъ, которыя погубили дѣло Тюрго и Неккера".

Объ учредительномъ собраніи Фёжеръ говоритъ очень мало: ему посвящена одна только глава менѣе 30 страничекъ. Здѣсь опровергается тотъ тезисъ, что насилія революціи вызваны лишь сопротивленіемъ стараго порядка совершеннымъ ею реформамъ. Опирается авторъ, конечно, на Тэна, который дѣйствительно пролилъ много свѣта на происхожденіе анархіи въ 1789 г. Разбирая дѣятельность конституанты, Фёжеръ едва и ее затрогиваетъ, указывая только на прямыя ошибки собранія или на слабыя стороны его реформъ. Вполнѣ Тэну же слѣдуетъ онъ въ изложеніи причинъ покоренія Франціи якобинцами и паденія монархіи (глава II). „Революціонный духъ" и тутъ портитъ то, что начато было хорошо. Разбирая въ частности ошибки легислативы, авторъ пользуется и критикой Сореля, научный духъ коего мѣстами приходится, однако, повидимому, не по вкусу автору. Замѣтимъ кстати, что въ этой же главѣ Фежеръ объясняетъ и оправдываетъ эмиграцію самосохраненіемъ отъ народнаго буйства, не дѣлая эмигрантовъ отвѣтственными за судьбу королевской власти. Книга Сореля доставила Фежеру и матеріалъ для главы (IV) о разрывѣ революціи съ Европой, гдѣ между прочимъ одна изъ причинъ побѣды Франціи надъ коалиціей объясняется у автора тѣмъ, что въ арміи были эле-

---

[1]) *E. de Lavergne.* Les assemblées provinciales sous Louis XVI. 1863.

менты не тронутые революціоннымъ духомъ, съ ссылкою на сочиненіе Альберта Дюрюи, показавшее, что старый порядокъ завѣщалъ новой Франціи въ сущности очень хорошее войско. Кромѣ того, авторъ унижаетъ военное значеніе волонтаріата 1792 г. „Романъ и исторія жирондистовъ"—такъ называется слѣдующая (V) глава, на которой равнымъ образомъ сказывается вліяніе Тэна. Къ сожалѣнію, авторъ очень коротко разсказываетъ здѣсь исторію жирондистской легенды, которую раньше прослѣдилъ Эдмондъ Бире. Отвѣтъ на вопросъ, почему провинціальная Франція не оказала энергичной поддержки жирондистамъ, дается въ главѣ (VI) о „федерализмѣ въ 1793 г." Фежеръ приписываетъ весьма важное значеніе послѣднему и, пользуясь книгой Валлона [1], разсказываетъ его исторію, объясняя причины неудачи федерализма превосходствомъ якобинской организаціи и тѣмъ, что провинціи защищали дѣло жирондистовъ безъ всякаго энтузіазма. Въ этомъ отношеніи иное зрѣлище представляетъ собою Вандея, и ей вмѣстѣ съ Бретанью авторъ посвящаетъ поэтому особую (VII) главу, выдвигая на первый планъ исключительно религіозный характеръ вандейскаго возстанія. Онъ защищаетъ (ссылаясь на Валлона же) вандейцевъ отъ разныхъ нападокъ со стороны „революціонныхъ историковъ", которые сами „превратили въ репрессаліи жестокости, совершавшіяся революціонными арміями". Вандея, какъ и Бретань, не была сначала враждебна революціи: вина возстанія падаетъ на революціонеровъ. Валлонъ руководитъ Фежеромъ и въ главѣ (VIII) о террорѣ. Новая глава (IX) объ отношеніи конвента къ церкви и о паденіи Робеспьера начинается ссылкою на архіеп. Фреппеля, который въ своей книжкѣ „La révolution française à propos du centenaire de 1789" выдвигаетъ на видъ раціоналистическій характеръ революціи. Впрочемъ, ошибочность мѣропріятій революціи касательно церкви можетъ быть доказана и съ другой точки зрѣнія, нежели та, на которую становится Фреппель. Для главы (X) „Послѣ 9 термидора" матеріалъ и сужденія доставляютъ автору, кромѣ Тэна, Тюро-Данженъ [2]) и мемуары и переписка Малле-дю-Пана, изданные Сайу лѣтъ сорокъ тому назадъ и представляющіе изъ себя дѣйствительно драгоцѣнный матеріалъ для исторіи эпохи, что признано, напр., и Тэномъ. Малле-дю-Панъ руководитъ Фежеромъ въ разборѣ исторіи директоріи до 18 фруктидора (глава XI). 18 фруктидора начался снова терроръ, исторія коего посвятилъ цѣлое изслѣдованіе Викторъ Пьеръ [3]), давшій этимъ матеріалъ для главы (XII) о „la seconde terreur". Прежніе

---

[1]) *Wallon*. La révolution de 31 mai et le fédéralisme de 1793.
[2]) *Thureau-Dangin*. Royalistes et républicains.
[3]) *Victor Pierre*. La terreur sous le directoire.

историки молчатъ или едва говорятъ объ этомъ предметѣ, и то, что даетъ тутъ Пьеръ, имѣетъ большой интересъ. Общій выводъ изъ этихъ двѣнадцати главъ авторъ дѣлаетъ въ особомъ заключеніи, сущность котораго сводится къ слѣдующему. Революція могла развиваться мирно, и нѣтъ надобности оправдывать анархію и войну роковою силой увлеченія, необходимостью сломить слѣпое сопротивленіе, указаніемъ на достигнутые результаты. Эти результаты могли быть получены естественнымъ прогрессомъ идей, правильнымъ развитіемъ учрежденій, особенно же лойяльнымъ согласіемъ націи и монархіи. Какую бы пропасть ни вырывали между старой и новой Франціей, нельзя не признать, что Франція обязана своимъ бытіемъ христіанству и монархіи. Надъ этими-то двумя основами и одержала побѣду (хотя и частью только) революція, но нужно знать и цѣну, какою эта побѣда была куплена. Революція поставила все подъ вопросъ, и никто, говоритъ Фёжеръ, лучше Гуми [1]) не понялъ этой стороны дѣла. За Гуми идетъ Фреппель, которому авторъ и предоставляетъ чуть не послѣднее слово въ первой части своей книги.

Тѣ девять статеекъ, изъ коихъ состоитъ вторая часть книжки (Études diverses sur l'histoire de la révolution) Фежеръ съ успѣхомъ могъ бы размѣстить между главами первой части. Книга Обертена о политическомъ и парламентскомъ краснорѣчіи до 1789 г. [2]) даетъ автору случай наговорить много хорошаго о старомъ порядкѣ, такъ какъ онъ далеко не считаетъ возможнымъ „принять всѣ идеи Обертена", „человѣка 1789 г.". Одна изъ работа Бабо [3]) представляетъ собою новую тему для разсужденія о старомъ порядкѣ, на счетъ котораго выстроено-де цѣлое „зданіе изъ лжи и клеветы", причемъ Фёжеръ сознательно отмѣчаетъ только одну сторону дѣла. Нѣкоторыя изъ излюбленныхъ имъ идей повторяются въ статейкахъ о Риваролѣ (по поводу изданія его Oeuvres choisies), о мемуарахъ Бриссо, о мемуарахъ герцогини де-Турзель (гувернантки дѣтей Людовика XVI), объ Андрэ Шенье и якобинцахъ (по поводу работы Оскара де-Балле). Затѣмъ прямо авторъ могъ бы воспользоваться въ первой части своего труда работой Форнерона [4]) объ эмигрантахъ, которая даетъ матеріалъ для отдѣльной статейки во второй части, съ характеромъ критическаго разбора. То же можно сказать и о работѣ Андре Лебона „L'Angleterre et l'émigration française de 1794 à 1801», трактующей о предметѣ, равнымъ образомъ составляющемъ содержаніе той главы въ книгѣ

[1]) *Goumy.* La France du centenaire.

[2]) *Aubertin.* L'éloquence politique et parlementaire avant 1789.

[3]) *Babeau.* L'ouvrier sous l'ancien régime.

[4]) *Forneron.* Hist. des émigrés.

Тюро-Данжена „Роялисты и республиканцы“, гдѣ разсматривается вопросъ о монархіи и республикѣ между 9 термидоромъ и 18 брюмеромъ (Книга Лебона вышла съ предисловіемъ Сореля). Наконецъ по поводу книги аб. Сикара [1]) авторъ говоритъ о „нравственномъ и гражданскомъ воспитаніи до и во время революціи“.

То, что Фёжеръ хотѣлъ сдѣлать для исторіи революціи, для времени, непосредственно ей предшествующаго, предпринялъ Маріюсъ Сепе (Sepet), авторъ книги „Préliminaires de la Révolution“, изданной въ 1889 г., но его трудъ неизмѣримо выше сочиненія Фежера. И онъ, впрочемъ, думаетъ, что Франція могла бы избѣжать революціи, но онъ недостаточно отмѣчаетъ злоупотребленія и недостатки организаціи, дѣлавшіе невозможнымъ дальнѣйшее существованіе стараго порядка. Съ другой стороны, у него выясняются причины паденія монархіи: погибла она не столько потому, что на нее нападали, сколько вслѣдствіе того, что ее мало защищали [2]).

„Франція до и во время революціи“ Эд. Оливье [3]) представлятъ изъ себя также общіе выводы изъ новыхъ работъ по исторіи революціи, но въ свою книгу авторъ вноситъ слишкомъ много полемики по современнымъ вопросамъ и, кромѣ того, до-нельзя сгущаетъ краски, почерпая изъ сочиненія Тэна все, чтó только характеризуетъ насилія и крайности революціи. Тэнъ въ этомъ отношеніи является неисчерпаемымъ источникомъ для многихъ новѣйшихъ историковъ.

Юбилейный интересъ къ 1789 г. не ослабѣлъ во Франціи и въ 1890 году. На торжественныхъ собраніяхъ, по окончаніи судебныхъ вакацій, во многихъ мѣстахъ говорились рѣчи на историческія темы, среди коихъ переворотъ 1789 г. играетъ большую роль. Этому году посвятилъ свою рѣчь генералъ-прокуроръ кассаціоннаго суда. Въ Канѣ (Caen) темой была уголовная процедура до 1789 г. и реформы, коихъ требовало въ своихъ cahiers канское третье сословіе. Въ Нанси мѣстный товарищъ прокурора произнесъ рѣчь о лотарингскихъ cahiers 1789 г., а въ Парижѣ одинъ адвокатъ — о парижскихъ выборахъ того же года. Реннскій товарищъ прокурора взялъ своимъ предметомъ бретанскій парламентъ въ 1789 г. [4]) и т. д. Болѣе прочное значеніе имѣютъ, конечно, тѣ ученыя предпріятія, которыя хотя и возникли въ связи съ юбилеемъ, но расчитаны были на болѣе долгое время: таковыми являются журналъ и общество исторіи французской революціи и изданія министерства народнаго просвѣщенія и париж-

---

[1]) *Sicard.* Les études classiques avant la révolution. 1887.

[2]) Rev. hist. 1890, mai—juin, 114.

[3]) *Ed. Olivier.* La France avant et pendant la révolution. P. 1889.

[4]) Rev. hist., 1890, sept.-oct., 215—216.

скаго муниципальнаго совѣта. Примѣру столицы слѣдуютъ и провинціи, раскапывающія свои архивныя сокровища. Можно сказать, что съ восьмидесятыхъ годовъ начинается вообще новый періодъ въ исторіографіи французской революціи, и среди продолженія старыхъ традицій или возвращеній къ отжившимъ точкамъ зрѣнія все болѣе и болѣе замѣчается движеніе впередъ—къ большей научности въ пониманіи такого сложнаго и исполненнаго противорѣчій событія, какимъ была революція 1789 г. Только сопоставляя успѣхи, сдѣланные въ этой области исторической наукой, мы въ состояніи дать надлежащую оцѣнку тѣмъ новѣйшимъ исторіямъ революціи, которыя наиболѣе читаются въ наше время, хотя не всегда то, что́ наиболѣе читается, выражаетъ собою то, что соотвѣтствуетъ результатамъ кропотливаго научнаго труда и что долгимъ процессомъ элиминаціи противоположныхъ увлеченій и крайностей вырабатывается изъ хаоса пристрастныхъ сужденій.

Мы разсмотрѣли только одну новѣйшую французскую литературу (кромѣ книги Штерна), потому что въ другихъ литературахъ ничего замѣчательнаго по исторіи революціи не появилось. Юбилей 1789 г. вызвалъ въ Германіи нѣсколько популярныхъ изложеній этой исторіи съ весьма разныхъ точекъ зрѣнія да нѣсколько спеціальныхъ работъ по исторіи военныхъ событій [1]). Приблизительно тоже самое можно сказать объ Англіи и объ Италіи [2]).

---

[1]) Ср. Deutsche Zeitschr. für Geschichtswissenschaft von L. Quidde. 1889, IV, 529.

[2]) Отмѣтимъ появленіе въ 1889 г. новой переработки нѣм. перевода „Франц. револ." Карлейля, англійской исторіи франц. революціи Макъ-Карти и т. д. Въ 1890 г. вышла въ свѣтъ книга *Guglia*. Die Conservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution. Zustände und Personen.

Къ вопросу о внѣшней политикѣ Швеціи въ 30-лѣтнюю войну. (Отношенія къ Франціи).

Г. В. Форстена.

Главною причиною, побудившей Швецію принять участіе въ 30-лѣтней войнѣ, было желаніе утвердиться на южномъ побережьѣ Балтійскаго моря, присоединить себѣ Померанію, Мекленбургъ и часть Пруссіи. Истинную причину своихъ стремленій шведскіе правители прикрывали болѣе высокими стремленіями—возстановить политическую и религіозную свободу Германіи.

Основаніемъ къ господству Швеціи на Балтійскомъ морѣ послужило занятіе шведами Ревеля въ 1561 году. Утвержденіе шведовъ на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря вызвало долгую борьбу съ Польшей, Россіей и Даніей. Являясь важной страницей въ исторіи борьбы протестантизма съ католицизмомъ, это столкновеніе сѣверныхъ и восточныхъ державъ было замѣчательно по своимъ слѣдствіямъ: оно подготовило періодъ величія Швеціи, періодъ ея европейскаго значенія. Господство на Балтійскомъ морѣ становится со второй половины 16 ст. яснымъ и опредѣленнымъ стремленіемъ государей изъ дома Вазы. Постоянныя войны создали Швеціи военную силу, не имѣвшую себѣ равной въ тогдашней Европѣ по выправкѣ, дисциплинѣ, выносливости и патріотизму. Балтійское господство обезпечило за Швеціей первенствующее положеніе и въ сѣверной Европѣ.

Вступивши на престолъ въ 1611 году, Густавъ II Адольфъ все царствованіе свое провелъ въ войнахъ съ Даніей, Россіей, Польшей и Германіей; цѣлью всѣхъ этихъ войнъ было желаніе распространить господство Швеціи на востокѣ и югѣ Балтійскаго моря. Упорнѣе всего была борьба съ Польшей, такъ какъ это была и борьба съ католической реакціей. Успѣху католической реакціи въ Европѣ содѣйствовало глав-

нымъ образомъ то обстоятельство, что католическіе государи Европы, за исключеніемъ одной только Франціи, были рѣшительно въ рукахъ іезуитовъ, были ихъ креатурой, исполнителями ихъ воли; вспомнимъ только Сигизмунда III Польскаго, Филиппа III Испанскаго, Максимиліана Баварскаго и Германскихъ Императоровъ, начиная съ Рудольфа: все это питомцы іезуитовъ, съ молокомъ матери всосавшіе въ себя ихъ принципы и идеи, доходившіе до экстаза въ своемъ поклоненіи Божьей Матери, Мадоннѣ, до фанатизма преслѣдовавшіе и губившіе каждое проявленіе свободной воли, останавливавшіе каждый шагъ къ прогрессу. Послѣ рѣшительной неудачи окатоличить Англію, іезуиты, опираясь на своихъ коронованныхъ питомцевъ, раскинули свои сѣти по всей сѣверной и сѣверо-восточной Европѣ. Но здѣсь, къ великому своему разочарованію, они не нашли такого гостепріимнаго пріюта, какъ въ южной и средней Европѣ, здѣсь свободный духъ націй не стерпѣлъ ихъ ига и сразу проявилъ свою силу, съ которою не справиться было іезуитскимъ фалангамъ. Въ Швеціи іезуиты въ началѣ царствованія Іоанна III надѣялись на успѣхъ своей пропаганды, но и онъ ради политическихъ разсчетовъ не счелъ возможнымъ поддаться своему сочувствію католицизму и, хотя даровалъ католикамъ полную религіозную свободу, однако самъ оффиціально исповѣдывалъ лютеранство. Со смертью Іоанна, когда польскій король Сигизмундъ III—приверженецъ іезуитовъ—сдѣлался и королемъ Швеціи, іезуиты были твердо увѣрены въ томъ, что уже теперь навѣрно утвердятся въ Швеціи, откуда легко проникнутъ и въ Россію. О самостоятельной національной политикѣ Польши въ первой половинѣ 17 столѣтія говорить нельзя: ея не существовало. Польша была форпостомъ іезуитизма и папизма на востокѣ Европы. Польская національная политика обратилась въ іезуитскую, папистскую; всѣ стремленія Сигизмунда Вазы клонились только къ тому, чтобы въ Польшѣ окончательно искоренить ересь и изъ Польши распространить католическую церковь на страну схизматиковъ—русскихъ и шведовъ. О стремленіяхъ папистовъ и іезуитовъ много любопытныхъ подробностей раскрываютъ два политическихъ трактата, хранящіеся въ Ватиканской библіотекѣ и вошедшіе въ нашъ сборникъ актовъ и писемъ для исторіи Балтійскаго вопроса подъ №№ 92 и 93, а именно: „Dello stato spirituale et politico del Regno di Suetia“ и „Discursus circa praesentem Regnorum Suetiae et Gothiae Statum“.

Для утвержденія католицизма въ Швеціи, говорится въ нихъ, необходимо завладѣть Кальмаромъ и Эльфсбургомъ и юго-западнымъ побережьемъ Финляндіи. Финляндія погранична съ Московіей, и нѣтъ сомнѣнія, что изъ этой провинціи, изобилующей инфантеріей, легко и безъ труда можно проникнуть въ Россію; ужъ если Стефанъ Ба-

торій одними своими силами успѣлъ сломить московскаго царя, то какого же успѣха должно ожидать отъ соединенія шведскихъ силъ съ польскими. Всѣ выгоды на сторонѣ Польши; завладѣвъ Финляндіей и двумя упомянутыми гаванями Швеціи, ей легко будетъ отрѣзать всякое сообщеніе Россіи съ Западомъ и захватить въ свои руки всю Балтійскую торговлю. А Россія, какъ скоро ея торговлѣ будетъ положена преграда, совершенно обѣднѣетъ. О важности занятія Кальмара и говорить нечего: Кальмаръ—это ключъ къ Балтійскому морю, и кто завладѣетъ имъ, безъ труда станетъ на этомъ морѣ господствовать. Даніи нанесенъ будетъ ударъ задержкою всѣхъ иностранныхъ кораблей на пути изъ Риги въ Зундъ, и опасаться датскаго короля не будетъ никакого основанія. Чтобы не зависѣть отъ Зунда, необходимо занять Эльфсбургъ, и тогда помимо Зунда возможно будетъ имѣть сношенія съ западной Европой. Въ Эльфсбургѣ въ короткое время можно построить многочисленный флотъ и имъ оберегать Балтійское море отъ датчанъ и голландцевъ; это море должно быть исключительнымъ владѣніемъ однихъ только католиковъ. Какъ скоро католики завладѣютъ Финскимъ побережьемъ и упомянутыми приморскими гаванями, все христіанство будетъ торжествовать великую побѣду.

Итакъ вотъ стремленія католиковъ: утвердиться въ Швеціи и отсюда распространить свое вліяніе и на Россію, и на Данію.

Въ Швеціи поднялось общее неудовольствіе противъ Сигизмунда и іезуитовъ. Все населеніе, какъ одинъ человѣкъ, стало около Карла Зюдерманландскаго, дяди Сигизмунда, и съ энергіей начало борьбу съ антинаціональными тенденціями іезуитовъ. Сигизмунда принудили удалиться изъ предѣловъ Швеціи, и тогда-то у іезуитовъ созрѣлъ другой планъ: утвердиться въ Россіи и отсюда уже дѣйствовать противъ Швеціи.

Густавъ II Адольфъ рѣшилъ воспользоваться временемъ борьбы Польши съ Россіей и объявилъ первой войну. Она удачно окончилась присоединеніемъ къ Швеціи Ливоніи и части Курляндіи. Владѣніе восточными балтійскими провинціями представляло Швеціи большія выгоды, главнымъ образомъ вслѣдствіе географическаго положенія на пути къ Россіи и Польшѣ и вслѣдствіе плодородія. Сюда доставляли изъ Польши и Россіи хлѣбъ, и эти остзейскія провинціи стали житницами Западной Европы, какъ Сицилія для Спарты древняго міра. Для торговли съ Россіей гавани Ингерманландіи и Эстляндіи были весьма важны; Рига также производила значительные торговые обороты съ Россіей, но еще больше съ Литвой. Вывозъ хлѣба изъ всѣхъ восточно-балтійскихъ гаваней былъ весьма значительный. Съ древнихъ временъ владѣтели этихъ провинцій присвоили себѣ право разрѣшать или не разрѣшать вывозъ хлѣба. Густавъ Адольфъ

широко воспользовался этимъ правомъ; только съ его разрѣшенія или съ разрѣшенія его канцлера можно было вывозить хлѣбъ за границу. Изъ Ревеля ежегодно вывозили до 120,000 тоннъ хлѣба, а изъ Риги до 200,000. Ливонцы смотрѣли на Густава Адольфа какъ на величайшаго героя освободителя и надѣялись, что онъ, добившись императорской короны, соединитъ Ливонію съ Германіей. Но не таковы были вовсе планы короля; въ его политикѣ Балтійскій вопросъ былъ главной движущей силой; господство на Балтійскомъ морѣ должно было служить ему основою для господства на всемъ скандинавскомъ сѣверѣ. Не будь несчастной Люценской битвы, и ливонскому провинціализму никогда не достигнуть было того ненормальнаго развитія, какого онъ дѣйствительно достигъ. Въ разсужденіи о своихъ привилегіяхъ, какъ и о шведской редукціи, ливонцы до сихъ поръ допускаютъ рядъ софизмовъ и завѣдомой лжи.

Справившись съ Сигизмундомъ III, Густавъ-Адольфъ сдѣлалъ вызовъ его родственнику, императору германскому Фердинанду II, съ тѣмъ чтобы подчинить себѣ Померанію и Мекленбургъ, и въ іюнѣ 1630 г. высадился на нѣмецкой территоріи. Успѣшныя дѣйствія шведовъ сразу расположили въ пользу Густава нѣмецкихъ протестантскихъ князей и нѣкоторыхъ государей, въ началѣ относившихся къ нему съ недовѣріемъ. Шведскій король сдѣлался центральною личностью во враждебномъ Габсбургамъ лагерѣ, и Франція первая оцѣнила всю важность сближенія съ нимъ. Къ разбору этихъ шведско-французскихъ отношеній мы теперь и перейдемъ [1]).

Во внѣшней политикѣ Бурбоновъ ясно сказалось стремленіе ослабить Габсбургскій домъ, расширить восточныя и южныя границы свои и пріобрѣсти здѣсь нѣкоторые стратегическіе пункты, которые бы и обезпечивали Францію со стороны какъ нѣмецкихъ, такъ и испанскихъ Габсбурговъ. Бурбоны не упускали ни одного случая, когда только представлялась какая-нибудь возможность ослабить своихъ соперниковъ—Габсбурговъ. Такъ, еще при жизни Матѳія, когда возникъ вопросъ объ избраніи ему наслѣдника, Франція указала на Максимиліана Баварскаго, какъ на достойнѣйшаго кандидата на императорскій престолъ. Его избраніе составитъ благо Германіи, говорили въ своихъ письмахъ и донесеніяхъ французскіе дипломаты; оно обезпечитъ въ Германіи будущность католической церкви и облегчитъ борьбу съ турками; Габсбургу князья не

[1]) Въ основаніи нашего разбора политическихъ отношеній Швеціи и Франціи легли архивныя данныя, хранящіяся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Разборъ этихъ данныхъ въ нашей статьѣ: Архивныя занятія въ Парижѣ, Брюсселѣ, Копенгагенѣ и Стокгольмѣ. Журналъ М. Н. Пр., часть CCLI, отд. 4.

давали „Türkenpfennig", боясь, что онъ расширитъ свои обширныя владѣнія еще пятою монархіей, а Максимиліану Баварскому они съ готовностью окажутъ помощь [1]). Всего болѣе французское правительство опасалось универсальныхъ тенденцій Габсбургскаго дома; французскіе дипломаты сравнивали политику универсальной монархіи Габсбурговъ съ таковой же политикой римлянъ [2]). Стремленія Габсбурговъ къ универсализму такъ очевидны, что остается или рабски склонить голову подъ Испанско-Австрійское ярмо, или мужественно стряхнуть съ себя это ненавистное всѣмъ господство [3]). Французскіе дипломаты-публицисты указывали на то, что важнѣе всего на первыхъ же порахъ освободить Германію изъ-подъ вліянія Испаніи; Германія, по признанію самого императора, есть основаніе, на которомъ покоится августѣйшій домъ Австріи (le fondement de la très auguste maison d'Austriche). Потерять владѣнія Индіей было бы для Габсбурговъ менѣе чувствительно, нежели потерять Германію—это могущественное государство въ Европѣ, состоящее изъ многихъ славныхъ княжествъ, свободныхъ городовъ, богатыхъ своею торговлей. Въ Германіи, какъ центрѣ Европы, Габсбургамъ всего удобнѣе основать мѣстопребываніе своего монарха; получая отъ входящихъ въ составъ Имперіи князей и городовъ только по одной ротѣ кавалеріи, императоръ пріобрѣтетъ силу, достаточную для успѣха всѣхъ его предпріятій. Съ другой стороны, какъ скоро Габсбурги вполнѣ подчинятъ себѣ приморскіе города—Гамбургъ, Любекъ, Бременъ, Эмбденъ и др., у нихъ будетъ и морская сила, съ помощью которой легко будетъ удержать весь сѣверъ Европы въ своей власти. Они остановятъ всю торговлю Франціи, Англіи, Даніи и Швеціи; они покорятъ себѣ государства, еще не испытавшія на себѣ ихъ силы, и тогда они будутъ близки къ тому идеальному универсализму, къ которому стремятся уже два вѣка Габсбурги [4]).

---

[1]) Arch. du Ministére des aff. Etr. 48. M-r de Noyerà M-me la Baronne de Reekun. 1618. Ср. также Collection Godefroy въ Bibliothèque de l'Acad., Tome 269. Письмо графа Лотарингскаго къ Людовику XIII изъ Нанси 5 авг. 1622 г.

[2]) См. Advis Salutaire sur lestat present des affaires d'Allemagne. Arch. du Min. des Aff. Etr. „Il y a quelque centaines années que la maison d'Austriche aspire ambitieusement à la Monarchie universelle, et surtout la branche qui domine l'Espagne. Eux mêmes et leurs historiens n'en font point la petite bouche et l'aduouent par leurs parolles et par leurs escrits".

[3]) Il faut donc désormais que tous les Princes et peuples de l'un et l'autre monde ou subissent ce joug laschement, ou le secouent courageusement.

[4]) L'Allemagne est encore bastante pour leur dessein, comme le plus ample, riche et puissant royaume de la Chrestienté, et auquel sout tant de grands Princes, Villes Imperialles, la plus part marchandes et opulentes sises sur grandes rivières, le tout au milieu de l'Europe; qui leur sera un grand avantage

То, чтó въ этомъ разсужденіи французскаго дипломата говорится о стремленіи Габсбурговъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ и въ Скандинавскихъ государствахъ, совершенно вѣрно. Императоръ Фердинандъ II дѣйствительно желалъ усилиться на берегахъ Балтійскаго моря, чтобы съ этой стороны дѣйствовать въ пользу Сигизмунда въ Швеціи [1]). Къ усиленію на Балтійскомъ морѣ стремилась и Испанія: оба представителя Габсбургскаго дома—Фердинандъ II и Филиппъ III— надѣялись съ утвержденіемъ на Балтійскомъ морѣ безъ труда подчинить Швецію Сигизмунду III, унизить Данію, лишить голландцевъ выгодныхъ торговыхъ сношеній съ сѣверными и сѣверо-восточными государствами Европы, и такимъ образомъ открыть широкій доступъ въ еретическую Европу католической пропагандѣ, что составляло святую цѣль всѣхъ ихъ предпріятій.

Сначала Фердинандъ II и Филиппъ III надѣялись путемъ дипломатическихъ переговоровъ достигнуть утвержденія на Балтійскомъ морѣ, и агенты ихъ ѣздили изъ города въ городъ, указывая, какія выгоды послѣдуютъ для всѣхъ ганзейскихъ городовъ, какъ скоро они отдадутся подъ власть Имперіи, а именно: богатыя торговыя сношенія съ Португаліей и Испаніей, униженіе Голландіи, ихъ давнишней соперницы на сѣверѣ. Ихъ прельщали самыми заманчивыми привилегіями и льготами, обѣщали защиту противъ всѣхъ, кто бы посягнулъ на эти привилегіи. Но все это было тщетно! Тогда обратились къ силѣ: Валленштейнъ началъ осаду Стральзунда [2]). Всѣ

---

pour y establir le siege de la Monarchie; car quand ce pretendu Monarque ne tireroit de chacune bonne ville et de chasque puissant Prince que lentretenement d'une compagnie de Caualllerie ou dinfanterie, cela suffira pour avoir tousiours en pied une grosse armee, suffisante pour tous leurs desseins, et de plus, si une fois ils ont en leur pouvoir les villes Anséatiques et maritimes, Hambourg, Lubec, Breme, Emden et autres qui sont tant plus proches du peril que les armes et armées ennemies en sont près, ils auront moyen dy dresser et equisper flottes et navires pour tenir en bride le septentrion et incommoder le Midy, non seulement pour empescher le commerce des Danois, Anglois et François, mais aussi pour conquerir ce qu'ils n'ont pas et reconquerir ce qu'ils auront perdu: c'est pourquoi on les voit si aspres et animez à attaquer de toutes leurs forces le Roy de Dannemark et les villes et pais de la basse Saxe, de laquelle ils ont ja occupé bonne partie et peu sen faut qu'ils ne soient tantost maistres du total si on les laisse faire et que leur Roy vienne a succomber et ainsi toute l'Allemagne subjuguée leur servira de marche pied pour monter ou plustost de fondement ferme et assuré pour y esleuer leur bastiment monarchique et triompher en fin de toute la chrestienté.

[1]) Aduis d'un gentilhomme François amené de Pologne par M. de Charnasse. 1626.

[2]) О стремленіи Габсбурговъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ см. Reichard—Die Maritime Politik der Habsburger, Berlin. 1867 и прекрасное изслѣдо-

надѣялись на успѣхъ предпріятія, и рѣшено было уже вознаградить виновника морского могущества Габсбурговъ Пфальцскими владѣніями, а Италіи уступить всю южную побережную линію Балтійскаго моря. Послѣдней державѣ открывалась самая блестящая перспектива въ будущемъ, т.-е. господство на Балтійскомъ морѣ, совершенное униженіе Голландіи и окатоличеніе Скандинавскаго сѣвера.

Въ виду такихъ грандіозныхъ замысловъ Габсбурговъ, Франціи необходимо было подумать о средствахъ—остановить дальнѣйшее распространеніе ихъ власти. Лучшимъ средствомъ для Франціи казалось примирить Швецію съ Польшей, привлечь Густава-Адольфа къ обширному союзу противъ Испаніи и Австріи и сблизиться съ курфюрстами Баварскимъ, Саксонскимъ и Бранденбургскимъ. Такъ какъ взаимное недовѣріе Испаніи и Баваріи, явно уже обнаружившееся въ 1626 и 1627 гг., стало еще сильнѣе къ 1630 г., то послѣднее предположеніе и казалось вполнѣ достижимымъ. 14 сентября 1630 года Максимиліанъ Баварскій собралъ всѣхъ членовъ католической лиги, и они рѣшили между особою—не давать болѣе императору субсидій. Съ этихъ же поръ начинается сближеніе Баваріи съ Франціей [1]). Франціи, по мнѣнію патера Іосифа, было бы весьма важно войти въ сношенія съ Саксоніей и Бранденбургомъ и увѣрить ихъ въ помощи Франціи, какъ скоро императоръ станетъ ихъ стѣснять. Полезно было бы также раздать нѣкоторымъ министрамъ германскихъ княжескихъ дворовъ пенсіи, чтобы тѣснѣе связать ихъ съ Франціей (на это можно было бы ассигновать 10,000 экю), такъ напр. въ Бранденбургѣ ни на что нельзя надѣяться, не подкупивши Шварценберга [2]).

Къ 1630 году замѣтно стало и разъединеніе интересовъ Вѣнскаго и Мюнхенскаго дворовъ: императоръ Фердинандъ II занятъ былъ мыслью разорвать лигу, Максимиліанъ же стоялъ за поддержку ея. Въ Испаніи открыто говорили о симпатіяхъ Баваріи къ Франціи и о враждебномъ настроеніи курфюрста къ Испанской партіи; Максимиліана прямо обвиняли въ стремленіи сдѣлаться Римскимъ королемъ,

ваніе Mareš'а „Die Maritime Politik der Habsburger“ (Mittheilungen des Instituts für oesterreichische Geschichte. 1880—81).

[1]) См. наши акты и письма къ исторіи Балт. вопроса въ XVI и XVII ст., Спб. 1889, № 104 и № 107.

[2]) Depèsche du père Josephe, 15 сент. Arch. du Min. des Aff. Etr.

[3]) Il est necessaire que nous puissions asseurer l'Electeur de Saxe et celui de Brandenbourg que lempereur les moleste le Roy les assistera puissamment; nous le faisons bien desia, mais il est bon que nous ayons ung ordre expres, et qu'il nous soit permis de promettre quelques pensions a quelque ministre des princes iusqu'a 10000 escuz en tout. Il ne faut manquer de satisfaire le Comte de Schwartzenbourg. Sans cela il n'y a pas moyen d'agir. Arch. du Min. des Aff. Etr.

Максимиліанъ же въ лигѣ видѣлъ залогъ цѣлости и неприкосновенности германской имперіи, ея конституціи [1]).

Недовольство императоромъ замѣтно было во всей курфюрстской коллегіи; такъ, курфюрстъ Саксонскій, въ присутствіи de Mazan, прямо сказалъ графу Гогенлоэ: „Укажите мнѣ, пожалуйста, хотя на одинъ пунктъ, который бы императоръ выполнилъ изъ всего имъ обѣщаннаго!“ Всѣ курфюрсты въ одинъ голосъ говорили, что императоръ заботится только объ увеличеніи владѣній своего дома и о томъ, чтобы сдѣлать своего сына Венгерскимъ королемъ. Поговаривали даже о томъ, что императоръ доволенъ вмѣшательствомъ Швеціи въ войну, такъ какъ имѣетъ теперь возможность всегда держать на-готовѣ войско. За достовѣрное выдавали тотъ фактъ, что императоръ не опасался ни Швеціи, ни протестантскихъ князей; одинъ изъ его приближенныхъ сказалъ: „если вмѣшается въ дѣло Франція—мы погибли“ [2]). De Mazan доносилъ Ришелье, что во время его пребыванія въ Германіи, къ нему неоднократно обращались съ вопросомъ: „неужели вашъ король не воспользуется выгодными политическими обстоятельствами и не заступится за нѣмецкихъ князей? Послѣ Бога онъ одинъ можетъ возстановить дѣла Имперіи въ ихъ прежнемъ видѣ и даровать намъ миръ“.

Дипломатическія сношенія Франціи съ Швеціей начались во время польской войны Густава-Адольфа. Франція предложила королю свое посредничество для примиренія его съ Польшей, что было принято Густавомъ и приведено въ исполненіе. Въ январѣ 1630 года французскій посолъ Шарнассэ явился въ Стокгольмъ и, по порученію Ришелье, склонялъ короля начать войну съ Фердинандомъ II. „Стоитъ

---

1) L'empereur continue à vouloir rompre la ligue catholique, le Duc de Bauiere sy oppose ouvertement. Les Espagnols disent tout haut que cette ligue est au Roy, que le duc se Bauiere le retire de la faction de l'Empire et a quelque mauvais dessein et aspire a l'eslection du Roy des Romains. Cela fait qu'il ne se veut engager a prendre la charge de general, ny aussy l'Empereur ne la luy veut confier. Le Duc de Bauiere ayme mieux faire subsister la ligue qui est le plus certain pour luy, et pour la seurete de lempire, ce qui le pourra tenir dans la confiance du Roy et dans la defiance du Roy d'Espagne. Ibidem.

2) Un brave homme et qui a chargé soubs l'Empereur a dit dernierement ces mots à un de mes amis. Nous ne nous soucions du roy de Suede ni des protestants rebelles (c'est la qualité quils donnent à ceux qui ont esté nouvellement assemblez a Leipzich); mais si le roy de France s'en mesle nous sommes perdus. Autant en a dit un officier de Tresues il ny a pas longtemps, Je me suis trouvé cent fois en compagnie ou on ma demande en ces mots: Est il possible, que le Roy vostre maistre n'ouvre jamais les yeux aux occasions qui se présentent? Il n'y a que luy apres Dieu qui puisse restablir les affaires et nous faire jouir de la paix que nous avions cy devant. Ibid.

королю явиться въ Германію, говорилъ Шарнассэ, какъ всѣ нѣмецкіе князья соберутся подъ его знаменемъ; нѣмцы ожидаютъ его, какъ нѣкогда евреи ожидали Мессію. Король безъ труда покоритъ себѣ Померанію, Силезію, Моравію, Богемію и наслѣдственныя австрійскія земли. Этого мало: съ помощью Франціи онъ утвердится и въ Турціи.

Шарнассэ сильно ошибался, когда думалъ, что подобными лживыми рѣчами побудитъ Густава-Адольфа принять предложеніе Ришелье—за 300,000 экю служить интересамъ Франціи. Густавъ-Адольфъ съ достоинствомъ и тактомъ отвѣчалъ послу христіаннѣйшаго короля, что политическія конъектуры въ Германіи совершенно не соотвѣтствуютъ тому, что онъ доносилъ. что курфюрстъ Баварскій враждебно настроенъ къ протестантамъ и что курфюрстъ Саксонскій скорѣе соединится съ императоромъ, нежели со Швеціей. Король выговаривалъ себѣ полную свободу дѣйствій въ Германіи и не желалъ вовсе быть орудіемъ въ рукахъ ловкаго французскаго дипломата. Ришелье потерпѣлъ неудачу. Густавъ-Адольфъ безъ Франціи началъ войну съ Фердинандомъ II. Въ началѣ 1631 года Ришелье рѣшился возобновить переговоры съ шведскимъ королемъ и для этого отправилъ того же Шарнассэ въ Бервальде, небольшой городокъ къ сѣверу отъ Кюстрина. На этотъ разъ переговоры привели къ формальному трактату, подписанному 23 января 1631 года. Цѣлью сближенія обоихъ королевствъ выставлялось желаніе помочь притѣсненнымъ нѣмецкимъ князьямъ, обезпечить свободу плаванія и торговли на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, возстановить политическія права нѣмецкихъ князей, уничтожить крѣпости и укрѣпленія на Балтійскомъ морѣ, въ Вальтелинѣ и Граубюнденѣ, наконецъ, привести Германію въ состояніе, въ которомъ она была до войны. Для достиженія всего этого шведскій король обязывался выставить въ Германіи армію въ 30000 чел. пѣхоты и 6,000 конницы, а Франція обязалась доставлять ему ежегодно субсидію въ одинъ милліонъ ливровъ. По отношенію къ католическимъ князьямъ Германіи, Баваріи и другихъ членовъ лиги рѣшено было сохранить полнѣйшій нейтралитетъ, если и они будутъ держаться таковаго по отношенію къ Швеціи и протестантамъ [1]).

Въ концѣ 1631 года Густавъ-Адольфъ былъ господиномъ всей сѣверной Германіи. Никто не оказывалъ ему сопротивленія. Въ то время, какъ курфюрстъ Саксонскій углублялся въ Богемію и занималъ Прагу, Густавъ-Адольфъ вторгся въ Франконію, подчинилъ себѣ Вюрцбургъ и Майнцъ. Онъ твердою ногою стоялъ въ Германіи, число его союзниковъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, въ его рукахъ находились Одеръ, Эльба, Везеръ и Рейнъ. Оставалось утвердиться еще

[1]) Бервальдскій трактатъ неоднократно печатался. О немъ во всѣхъ исторіяхъ 30-лѣтней войны.

на Дунаѣ, завоевать Баварію, а тамъ путь былъ уже открытъ и къ Вѣнѣ. Зиму 1631—32 гг. Густавъ провелъ частью въ Майнцѣ, частью во Франкфуртѣ на М.; здѣсь онъ давалъ по 20 аудіенцій въ день, принималъ иностранныхъ пословъ, распоряжался судьбой Германіи. Его пребываніе въ Майнцѣ сравниваютъ съ пребываніемъ Наполеона въ Эрфуртѣ.

Успѣхи шведскаго оружія сильно обезпокоили Ришелье; онъ желалъ ослабить Австрію, лишить ее помощи лиги и обезпечить за католическими князьями Германіи полную политическую свободу; онъ стремился утвердить вліяніе Франціи въ Эльзасѣ и по всему лѣвому берегу Рейна, а тутъ Густавъ II Адольфъ, котораго онъ желалъ направить противъ Фердинанда II, начинаетъ тѣснить Баварію. Всего болѣе испугался Ришелье приближенія шведовъ къ Рейну и границамъ Франціи. Онъ рѣшился во что бы то ни стало убѣдить побѣдоноснаго короля перенести театръ войны на востокъ, въ наслѣдственныя австрійскія земли и очистить западную Германію. Вотъ цѣль его дальнѣйшей политики по отношенію къ Швеціи. Въ ноябрѣ 1631 года Ришелье отправилъ Шарнассэ въ Мюнхенъ, чтобы убѣдить Максимиліана заключить съ Швеціей трактатъ о нейтральности отъ своего имени и имени всей лиги. Только этимъ путемъ, по его мнѣнію, возможно было достигнуть и заключенія общаго мира (paix générale) въ Германіи. Тѣснимый шведами, Максимиліанъ Баварскій выразилъ готовность начать переговоры съ Густавомъ-Адольфомъ, но съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ всѣ земли, отнятыя имъ у католиковъ. Ришелье отправилъ 1 января 1632 г. de l'Isle въ Майнцъ. Посолъ долженъ былъ указать королю, что вторженіемъ въ Баварію или католическія епископства—Триръ, Майнцъ, Кельнъ—король нарушаетъ постановленія Бервальдскаго договора. Густавъ-Адольфъ отвѣчалъ, что принимаетъ предложеніе Франціи, если лигисты распустятъ всѣ свои войска и воздержатся отъ всякой вражды съ нимъ. 9 января къ королю явился второй посолъ отъ Ришелье, Шарнассэ, но также мало успѣлъ. Дальнѣйшіе переговоры поручены были маркизу de Brézé и St.-Estienne.

Первая аудіенція Brézé у короля состоялась 18 января 1632 г. Густавъ-Адольфъ соглашался на миръ съ католиками только при невозможно высокихъ требованіяхъ, выполнить которыя было рѣшительно нельзя, писалъ Brézé 26 января изъ Франкфурта [1]). О возстановленіи Майнца, Вюрцбурга, Вормса и Шпейера король не желалъ и слышать [2]). Brézé, въ переговорахъ съ Густавомъ 31 января, ука-

[1]) Quant à la paix le Roy de S. n'a pas intention de la faire qu'avec des conditions si aduantageuses que ie ne la voye point faisable de cette sorte. M. le marquis de Brézé, a Francfort, 26 Janv. a 8 heures du soir.

[2]) Je vous suplie de vous souvenir sil vous plaist de ne rien poser sur

зывалъ ему на то, что отказъ даровать нейтралитетъ католическимъ князьямъ противорѣчитъ слѣдующему выраженію въ трактатѣ короля съ Франціей: „et ubi catholica Romana reperitur in integro remaneat“. Короля, однако, нельзя было ничѣмъ убѣдить и сказавши, что католикамъ и теперь еще слишкомъ хорошо, онъ перешелъ къ другой темѣ. Когда Brézé, въ переговорахъ съ королемъ 31 января, указалъ ему на желаніе своего правительства, чтобы Густавъ-Адольфъ перенесъ войну въ наслѣдственныя земли Габсбурговъ, король отвѣчалъ ему, что раньше чѣмъ идти на востокъ въ наслѣдственныя земли Австріи, ему необходимо обезпечить за собою обладаніе Мозелемъ; испанцы сильно вооружаются, и онъ ради дружбы съ Франціей рискуетъ потерпѣть пораженіе отъ нихъ. Пусть Франція обезпечитъ спокойствіе западной Германіи и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы тамъ не начали вооружаться противъ него; только утвердившись на Мозелѣ и взявши Франкендаль, онъ двинется на Австрію. Относительно Людовика XIII Густавъ-Адольфъ выразился такъ: „я боюсь, что французскій король удовлетворится спасеніемъ своихъ священниковъ и герцога Баварскаго и дальше этого не пойдетъ“ [1]). Brézé возразилъ ему на это, что король вовсе не намѣренъ бездѣйствовать, а къ марту соберетъ на западной границѣ 30,000 пѣшаго и 6,000 коннаго войска. „Время все покажетъ“, сказалъ король и попросилъ разрѣшенія набрать для себя въ тѣлохранители отъ 2 до 3 тысячъ французовъ.

При новомъ свиданіи съ Brézé Густавъ-Адольфъ сообщилъ ему

---

les fondements de la restitution de Mayence, Wirtsburg, Worms et Spire car absolument le Roy de Suede n'en fera rien au moings tant que la fortune luy ria..... 31 января: Je vous diroy que j'ay encore aujourdhuy parlé au Roy de Suede aveq le quel il ny a point moyen de faire d'advantage pour le bien des ecclesiastiques que ce qu'on y a fait, car il ne veult point ouyr parler de restituer ny places ny biens et ne respond rien quand ie luy represente que laissant les choses en lestat au quel elles sont quant a ce regard, que c'est absolument contrevenir a l'article du traitté dans le quel il est porté и т. д.

[1]) Au reste le Roy de Suede ma dit quil craignoit fort que le Roy se contentast d'avoir sauvé ses prestres—ce sont les mesmes termes—et le Duc de Bauiere et quil se tint la pour les regarder faire; ce a quoy je luy ay respondu que je n'avois point du tout ouy parler de cela, mais que je ne croyois pas que le Roy mist ensemble une si grande armee pour ce seul dessein, et ce que me confirmait dans cette opinion estoit que depuis que le Roy estoit asseuré de la Neutralité pour lesditz Electeurs Catholiques, que sa Majesté n'avoit pas laissé de donner ordre quil luy vint outre les troupes quil a qui estoient de 40 mil hommes de pied et 10000 chevaux—30 autres mil hommes de pied et 6000 chevaux lesquelz debuoient estre dans le 20 de mars tous joints en un seul corps d'armée, sur quoy il ne m'a rien dict sinon que fort peu de temps luy feroit scauoir ce qui en seroit d'autant quil estoit temps de travailler, si on le vouloit faire.

о большихъ денежныхъ сборахъ, дѣлаемыхъ папою и герцогомъ Флорентійскимъ въ пользу императора, что французскій король могъ бы запретить. Brézé указалъ королю, что еслибы онъ согласился возстановить католикамъ ихъ церкви и имущества, то французскій король гораздо дѣятельнѣе помогалъ бы ему: теперь ему это запрещаетъ голосъ совѣсти и чести. На это Густавъ-Адольфъ только отвѣтилъ: папу заботить, какъ бы Богъ не наказалъ его наравнѣ съ его епископами. Brézé сказалъ королю, что папа, какъ викарій Христа, находится подъ Его покровительствомъ, и если всѣ католики погибнутъ съ оружіемъ въ рукахъ, то онъ, все-таки, останется невредимъ: ему не такъ легко сбить тіару, какъ епископу Майнцскому [1]). Король рѣзко перемѣнилъ разговоръ и справился о численности войскъ французскаго короля. Brézé отвѣчалъ ему, что у короля 40,000 чел. пѣхоты и 10,000 чел. конницы. „И все одни только французы?"—спросилъ король. Получивши утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „какъ жаль, что такая армія бездѣйствуетъ; если бы я имѣлъ ее, я бы много успѣлъ сдѣлать. Богъ не даетъ такихъ силъ тѣмъ, кто имѣлъ бы охоту употребить ихъ въ дѣло" [2]).

10 февраля Brézé доноситъ французскому двору, что Густавъ-Адольфъ рѣшительно настаивалъ на продолженіи военныхъ дѣйствій; король увѣрялъ французскаго посла, что на слова курфюрста Баварскаго положиться нельзя, что онъ переговорами старается только выиграть время и приготовиться въ борьбѣ [3]).

---

[1]) Il m'a parlé des grandes leuées d'argent que le Pape et le Duc de Florence faisoient pour secourir l'empereur et qu'il seroit bon que le roy l'empeschast, sur quoy j'ay pris subject de luy dire quil ostoit tout moyen au Roy de luy rendre ces offices la par le mauvais [traittement qui renuoient (?) les Eclesiastiques et sur cela je me suis fort estendu et luy ay dit que sil auoit agreable de les restablir dans leurs Eglises—et tout ce que sen suit sur cette matiere conformement a mon instruction et memoire de Persode, quil donneroit bien plus de moyen au Roy mon maistre de l'assister plus puissamment quil n'ose faire par plusieurs raisons de conscience et dhonneur que jay desduites fort amplement et le plus patetiquement que j'ay peu, sur quoy il ne m'a rien respondu sinon que le Pape se prenne garde, que Dieu ne le veille aussi bien punir comme il a desja fait ces euesques, a quoy j'ay respondu que comme vicaire de Jesus Christ il estoit dans sa protection et qu'il falloit que tous les Catholiques mourussent les armes a la main, avant quil eust mal, et que son bonnet n'estoit pas sy aisé a abbattre que celuy de l'Euesque de Mayence.

[2]) .....Mais Dieu ne donne pas ces puissances la a qui en auroit bien la volonté..... Le Roy de Suede n'avoit pas plus de 10 ou 12 mil hommes.

[3]) .....cessation d'armes et actes d'hostilité qui sont termes desquels le Roy de Suede ne veut point ouyr parler. Il croit qu'il (герцогъ Баварскій) ne cherche tous ces destours que pour gaigner autant de temps et avoir plus de moyen de tromper, lon a pris de ses lettres qu'il escrivoit a l'Electeur de Cologne les quelles le Roy de Suede m'a dit faire paroistre fort peu de sincerité.

Густавъ-Адольфъ, между тѣмъ, настойчиво требовалъ отъ епископа Майнцскаго уплаты ему 80,000 рейхсталеровъ, которые католическое духовенство обязалось доставить ему. Но большая часть клира разъѣхалась, а оставшимся не подъ силу было произвести эту уплату; тогда имъ стали грозить конфискацiей всего ихъ имущества. Brézé попытался склонить Густава-Адольфа къ уменьшенiю контрибуцiи, но король оставался непреклоннымъ. Brézé прибѣгалъ ко всевозможнымъ уловкамъ; такъ, онъ выставлялъ передъ королемъ ревность своего государя къ дѣлу католической церкви. „Дѣла религiи всего болѣе трогаютъ моего короля", сказалъ онъ Густаву и предложилъ ему еще разъ перечитать заключительныя слова Бервальдскаго договора: „et ubi catholica Romana" и т. д., которыя очевидно забыты. Король сказалъ, что отлично помнитъ ихъ и уже исполнилъ все имъ обѣщанное относительно католиковъ.

Бреве продолжалъ настаивать на своемъ, тогда король прервалъ его словами: отъ меня требуютъ больше, чѣмъ мнѣ даютъ; отъ Майнцскаго епископа „не получено еще ничего изъ той суммы, какую онъ обязанъ мнѣ дать". Не желая продолжать разговора о вещахъ совершенно лишнихъ, король прибавилъ, что не понимаетъ, отчего такъ стремятся поддержать въ духовныхъ лицахъ ихъ привычку и склонность къ ничего недѣланiю.

Послѣ свиданiя съ королемъ, Brezé имѣлъ еще аудiенцiю у Оксенштерны, но и отъ него не могъ ничего добиться въ пользу католиковъ [1]). 14 февраля онъ доносилъ своему правительству, что

---

[1]) Le Roy de Suede sollicite grandement le payement des 80 mil richsdalles aus quelles le Clergé de Mayence s'est obligé vers luy, la plus part des quels s'en est enfuy et l'aultre qui est restée comme pour garder les maisons, est grandement pressée dudit payement et menacée d'emprisonnement et embrasement de touttes leurs maisons, sur quoy allant trouver le Roy de Suede pour tascher de ralentir ceste violence a peine me voulut il escouter et moy luy disant que ce qui regardoit le faict de la religion estoit ce qui touchoit le plus sensiblement le Roy mon maistre (sic!) et que je le supliois de vouloir prendre la peine de relire le traitté quil avoit faict avec luy et que tres asseurement il en auoit oublie la clause „et ubi catholica Romana" sur quoy il me respondit quil sen souvenoit fort bien et quil n'y contrevenoit point puisquil la permettoit, et moy la dessus luy ayant reparty des choses si pressantes et toute fois aveq respect, quil ne scavoit que me respondre, il me dist quon vouloit exiger de luy plus de punctualitez quon ne luy en rendoit et quil avoit receu lettres du 16 du mois passé par lesquelles il aprenoit que son homme n'avoit encores rien touché de largent quon luy avoit promis. Enfin Monsieur pour ne Vous point ennyer de choses superflues je ne voy pas quil y ait moyen par quelque biais ueu qu'on sy puisse prendre de rien faire a l'advantage des Ecclesiastiques. J'ay esté encore tout ce matin aveq le chancelier aveq le quel je n'ay pas faict d'avantage retenu par les sentiments du Roy de Suede.

нѣтъ никакой надежды склонить шведскаго короля къ принятію нейтралитета, хотя онъ поднималъ съ нимъ этотъ вопросъ и на публичныхъ, и на частныхъ аудіенціяхъ; часто говорилъ онъ съ нимъ о католическихъ церквахъ и монастыряхъ, о іезуитахъ Майнца, старался возбудить къ нимъ сочувствіе короля, но все напрасно: король нетерпѣливо слушалъ его, когда онъ заговаривалъ съ нимъ о католикахъ. Такъ, когда Brezé ему однажды сталъ говорить о Майнцскихъ іезуитахъ, Густавъ Адольфъ прервалъ его и сказалъ: „это вовсе не тема для дипломатическихъ переговоровъ съ иностраннымъ посломъ; я не касаюсь религіи французскихъ подданныхъ, нечего касаться и религіи моихъ подданныхъ“. Къ этимъ словамъ онъ присоединилъ просьбу больше съ нимъ не говорить при аудіенціяхъ на эту тему. Brezé отвѣчалъ королю, что онъ касается религіозныхъ вопросовъ по порученію своего короля, въ основѣ всей политики котораго лежитъ религія [1]). На одномъ обѣдѣ у короля, гдѣ Brezé принималъ участіе, какъ частное лице, Густавъ Адольфъ сказалъ ему: Не дурно было бы вашему королю приняться за исправленіе вкравшихся въ вашу церковь заблужденій [2]). Brezé отвѣчалъ общими фразами, указывалъ на то, что въ католической церкви недостатковъ или погрѣшностей нѣтъ, что папа и епископы заслуживаютъ особеннаго уваженія, какъ представители этой церкви и т. д. „Неужели—возразилъ ему король—Вы хо-

[1]) Depuis ma derniere despesche que le sieur de la Saludie vous a portée iay ueu plusieurs fois le Roy de Suede quelques vnes en audience reglée, et dautres en particulier, pour luy parler de divers interets de plusieurs et monasteres et autres esglises, comme aussi de l'affaire des jesuites de Mayance et ce sans pouvoir faire quoy que ce puisse estre pour le bien des uns ni des autres non plus que pour les Teutoniques, pour lesquels javois faict touttes les instances possibles avant qu'avoit receu la lettre que vous mescrives sur leur sujet, laquelle ils mont gardée si longtemps quelle ne me fut randue qu'hier. A ma premiere audiance ie ne manqueray pas den reparler et dy faire tous mes efforts, mais ie ne croy pas de pouuoir rien obtenir, car le Roy de Suede porte si im patiamment quon luy parle de ce que regarde la religion, quil me dist unilour quil mavoit donné audiance, luy parlant de l'afaire des jesuittes de Mayence, que ce nestoient pas la des affaires dont un ambassadeur put parler avec bienseance, et cestoient des choses qui regardoient ses sujets et quil ne se mesloit point du tractement que ceux du Roy recevoient de luy, et qnil me prioit de ne luy en parler plus. A quoy je respondis que sil ne minterdisoit de luy parler absolument de toutes choses, que ie ne pouvois pas mempescher de luy parler de celle la, puisque le Roy mon maistre m'en envoioit ordre expres, et que cestoient bien les veritables matieres dont les ambassadeurs devoient traiter puisquil ny en a point au monde de ci considerables que celles qui regardent la relligion, et les choses portees dans les traites sont celles que les ambassadeurs doivent negocier principalement puisque tout ce qui s'execute soit en paix soit en guerre, doit estre sur le pied des traitez que l'on fait.

[2]) Il seroit bon que votre Roy voulust oster les Erreurs de Vre Relligion.

тите сказать мнѣ, что образъ жизни, какой ведутъ всѣ эти епископы здѣсь и въ другихъ католическихъ государствахъ, не есть заблужденіе и грѣхъ? А развѣ не заблужденіе, не идолопоклонство оказывать Вашему папѣ столь великія почести? Онъ ни болѣе какъ обыкновенный смертный, а часто стоитъ и ниже. И почему это онъ почитается первымъ изъ всѣхъ епископовъ [1])?

Густавъ Адольфъ хотѣлъ предложить Brezé еще рядъ вопросовъ, но онъ просилъ незатруднять его ими, такъ какъ вести споры съ королемъ считаетъ для себя невозможнымъ. Король взялъ Brezé за руку, крѣпко пожалъ ее и съ улыбкою сказалъ: „не думайте же на самомъ дѣлѣ, что я такой врагъ Вашего папы, какимъ себя выказываю“. Разсмѣявшись онъ прибавилъ: „безъ меня онъ былъ бы ни болѣе, чѣмъ капелланъ Испанцевъ“ [2]).

Brezé и въ концѣ переговоровъ своихъ съ Густавомъ Адольфомъ продолжалъ ходатайствовать о іезуитахъ; король—однако—не обращалъ на его старанія никакого вниманія и велѣлъ даже предать заключенію вицеректора Майнцскихъ іезуитовъ. Брезе, между прочимъ, представилъ королю, что постоянно притѣсняемые шведами католики не могутъ собрать такой большой контрибуціи, какой онъ требуетъ отъ нихъ и предлагалъ королю разсмотрѣть цифры прихода Майнцской епископіи, чтобы убѣдиться, какая малая часть ихъ приходится на долю іезуитовъ; согласно съ ихъ доходами ихъ слѣдовало бы и таксировать. „Король не согласился на мое предложеніе—пишетъ Brezé,—какъ будто я предлагалъ ему самую несправедливую вещь въ мірѣ и сказалъ: если бы я зналъ, что Вы опять поведете со мной рѣчь о іезуитахъ, я бы Васъ не допустилъ до аудиенціи“ [3]).

---

[1]) Et me voules vous dire—me repliqua il que le fasson dont vivoient tous ces evesques dici et beaucoup dautres ailleurs ne soit pas une erreur? Et votre Pape me dist il, nest ce pas une Erreur que de luy rendre tant d'honneur et de respect; cela sent bien son idolatrie. „Mais dedist il ce nest quun homme comme les autres et bien souvent des moindres. Mais ie vous supplie pourquoy le faittes vous le premier euesque“?

[2]) Et luy me reprenant la main quil mauoit quitée et me la serrant me dit en riant ne croies pas pour ce que ie uous ay dit que ie sois ennemi de vostre pape, et redoublant son rire continua, car sans moy il ne seroit que le Chapelain des Espagnols.

[3]) ....et ce apres avoir represente audit Roy que le mauvais traittement que tous les Ecclésiastiques recevoient partout de ses armes, avoit faire fuir ceux de Mayence, et que les contributions quil tiroit de touttes les villes voysines, estoient cause que ces pauvres gens avoient de la peine et mesme de l'impossibilité a trouver de l'argent, quil n'y avoit personne dans touttes les maisons religieuses et quil me donnast du temps pour les rassembler, et faire que tous ensemble peussent donner des seuretez pour trouver de largent, que d'ail-

Онъ сталъ грозить сжечь Майнцъ. Brezé указалъ ему, что пожаръ Майнца и двадцати другихъ городовъ не прибавятъ въ его казну и рейхсталера. „Это для меня безразлично, сказалъ король,—я покрайней мѣрѣ отомщу имъ за себя. Когда гнѣвъ покинетъ Ваше Величество—отвѣчалъ посолъ,—Вы увидите, что такая месть была бы недостойною Вашей рыцарской натуры [1])!

Въ концѣ февраля 1632 года Brezé вмѣстѣ съ другимъ посломъ Шарнассэ возобновили съ шведскимъ королемъ переговоры о нейтральности католическихъ князей Германіи, но встрѣтили такой отпоръ со стороны короля, что—какъ они доносили въ Парижъ—дальнѣйшія [2]) требованія легко могли бы повести къ объявленію войны Франціи. Первые вопросы Густава, съ войною или миромъ они явились отъ французскаго короля и не выступили-ли противъ него уже французскія войска [3])—такъ удивили пословъ, что они въ первую минуту не нашлись, что отвѣчать ему; они принялись говорить о расположеніи къ королю ихъ монарха и перечислять всѣ заслуги его передъ Швеціей; такъ желая отвлечь вниманіе Испаніи отъ шведскаго короля, Людовикъ XIII выставилъ свои войска на границѣ Люксембурга; постоянно старался разъединить императора и католическую лигу, поднялъ противъ Испаніи

leurs il leur en ostait le moyen ayant fait prendre tous les grains et vins et autres commodites, qui estoient chez eux, et que pour ce qui estoit des jesuites ny ayant personne dans les autres couvents, je luy offrois de luy faire veoir lestat du reuenu entier de tout le clergé de Mayence, il qua proportion de celuy que les jesuites y avoient, il les taxast luy mesme et quils estoient prets de payer ce quil me reffusa comme si je luy eusse proposé la chose du monde la plus injuste, en me disant que sil eust creu que je ne luy eusse d'entreparler dautre chose, il ne m'eust accorde l'audiance.

[1]) .....et se mettant a jurer me dit quil mettroit le feu aux 4 coins et au milieu de Mayence, sur quoy luy représentant d'un ton de voix respectueux que quand il auroit brusle 20 villes, comme celle la, il ne luy en viendroit pas une richsdalle et qu'au contraire, il en seroit blasmé tout autant de temps que lon parleroit de ces lieux la, a quoy il me respondit quil ne s'en soucioit pas pourveu quil se vangeast, a quoy je luy respondis, que quand il ne seroit plus en colere il verroit bien que cette vengeance la estoit bien basse pour un courage releve comme le sien.—„En un mot cela vous peut faire cognoistre quels sont les mouvements de son esprit et pour moy je croy que si on veut sauver la Religion en ce pays par negotiation quil fault la faire ailleurs, car vous pouvez bien preparer qu'on n'en scauroit faire icy selon les bonnes intentions du Roy"—такъ заключаетъ посолъ свое письмо отъ 20 февраля.

[2]) Depuis mon dit sieur de Charnace et moy auons eu audience a la bord de la quelle nous trouvasmes le Roy de Suede si aigre que si nous eussions voulu rompre et luy declarer la guerre, nous l'eussions faict aveq autant de facilité que je croy que nous aurons d'impossibilité de conclure la Neutralité.

[3]) Dabord il demanda a M. de Charnace si le Roy avoit eu agreable les articles de la Neutralité et si il luy apportoit la paix ou la guerre et si les trouppes du Roy s'advancoient contre luy.

Голландцевъ, чтобы лишить Испанію возможности помочь императору.—Король нѣсколько успокоился. Когда зашла рѣчь о курфюрстахъ, онъ назвалъ ихъ плутами и измѣнниками [1]), съ которыми не желаетъ имѣть никакого дѣла; если къ нему явятся депутаты отъ нихъ, онъ велитъ ихъ повѣсить. Относительно нейтральности король сказалъ, что остается при прежнихъ условіяхъ своихъ; послы хорошо сдѣлаютъ, если примутъ ихъ, такъ какъ всякое замедленіе поведетъ за собою измѣненіе этихъ условій. Обратившись къ Шарнассэ, Густавъ Адольфъ спросилъ, что будетъ дѣлать Франція, если договоръ о нейтралитетѣ католическихъ державъ вовсе не состоится, чего ему ждать отъ нея [2])? Французскій король, сказалъ Густавъ, обманутъ герцогомъ Баварскимъ, который ни чуть не думаетъ о нейтралитетѣ, а старается только выиграть время, чтобы снова сойтись ближе съ императоромъ. Франція должна бы теперь также объявить войну императору, такъ какъ болѣе удобнаго случая не представится и черезъ 400 лѣтъ [3]). Послы отвѣчали, что дѣйствія короля и кардинала будутъ зависѣть отъ результата переговоровъ съ королемъ о нейтральности католическихъ князей. Шарнассэ, по увѣренію Brezé, съ такимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ повелъ рѣчь о религіи, что тронулъ бы всякаго, только не шведскаго короля. Густавъ Адольфъ прервалъ рѣчь посла и просилъ болѣе не говорить объ этихъ негодяяхъ католикахъ, если желаютъ продолжать переговоры съ нимъ потому что ему тяжело слушать такіе доводы въ пользу католиковъ [4]).

Перемѣнивши разговоръ, Густавъ снова замѣтилъ, что французскій король долженъ былъ бы объявить и со своей стороны открытую войну императору; о возможности мирнаго разрѣшенія политическихъ дѣлъ Европы король не допускалъ и рѣчи, такъ какъ оно сопряжено съ большими потерями для всѣхъ участниковъ войны. Густавъ Адольфъ находился подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія: онъ то грозилъ вовсе

---

[1]) „Coquines et traitres"; sils venoient il les feroit pendre.

[2]) A quoy le Roy de Suede respondit que cela (переговоры о нейтр.) estoit inutile nestant besoin que de ratiffications et non de contestations, luy estant bien loin d'en rabbattre quelque chose, que sil estoit a donner les conditions, il les proposeroit bien autres, et que sils attendoient encore un peu, ils n'en seroient pas quittes a si bon marche. Puis se retournant vers M-r de Charnace luy demanda avec cholere ce que feroit le Roy en cas que le traitté neust point lieu et ce quil en debuoit attendre.

[3]) .....Apres cela il vint a nous parler des affaires presentes et si le Roy et M. le Cardinal ne se vouloient pas servir de l'occasion qui ne se retrouvera pas en 400 ans et peut estre jamais.

[4]) Sur quoy luy representant ce a quoy les conventions du traitté l'obligeoient et moy luy aliguant mot a mot la close dudit traitté il me respondit quil estoit bien pesant a un Prince d'ouir semblables allegations.

покинуть Германію и вернуться въ Швецію, то говорилъ о неумѣстности княжескаго конвента въ Нюрнбергѣ, о томъ, что до императора ему нѣтъ никакого дѣла, что съ нимъ ему трактовать не о чемъ, то вдругъ разсмѣявшись спрашивалъ: а что бы сказали во Франціи, если бы я принялъ титулъ «Franconiae rex» [1]). Въ заключеніи этой аудіенціи король говорилъ съ послами о планѣ своихъ будущихъ дѣйствій, прежде всего онъ находилъ необходимымъ занять Гейдельбергъ, затѣмъ возстановить курфюрста пфальцскаго въ его владѣніяхъ, а тамъ уже возможно будетъ выступить и противъ императора. Въ Майнцѣ Густавъ Адольфъ занялся укрѣпленіемъ стѣнъ и построилъ мостъ черезъ Рейнъ; онъ соорудилъ также у города цитадель въ томъ мѣстѣ, гдѣ раньше находилось католическое аббатство, которое онъ велѣлъ уничтожить. Всѣ были удивлены этими мѣрами короля, и каждый по своему объяснялъ ихъ [2]). Число недовольныхъ королемъ все возрастало, всѣми овладѣлъ страхъ. Французскіе послы доносили въ Парижъ, что такъ дѣла не могутъ продолжаться, и нѣмцы ухватились бы за всякій исходъ изъ своего настоящаго положенія [3]). Король недостойно третировалъ каждаго, кто обращался къ нему съ предложеніемъ мира. Такъ принца Дармштадтскаго, своего родственника, онъ поднялъ на смѣхъ, когда тотъ отъ имени императора обратился къ нему съ мирными предложеніями [4]) Густавъ Адольфъ присваивалъ себѣ титулъ принца и шефа Германскихъ протестантовъ, который ему далеко не всѣ склонны были давать [5]).

---

[1]) Въ письмѣ отъ 20 февр. Brezé говоритъ, что Густавъ-Адольфъ назвалъ себя „Protecteur perpetuel du bas Palatinat“.

[2]) Toutte l'Allemagne est extresmement estonnee de cette fortification et vn chacqun en fait de terribles conjectures.

[3]) Les mescontentements sont universels aussy bien que la terreur et je ne crois pas que cela puisse longtemps subsister en un mesme estat, si les Allemans avoient une refuitte ils la prendroient volontiers..... Saxe et Brandenbourg font esclatter leur mescontentement, le duc de Mekelbourg n'en faict pas moins, le Palatin et l'Ambassadeur d'Angleterre ne sont pas plus contents que les autres, leur traité n'est pas plus avance que le premier jour et Suede s'en mocque.

[4]) Le Prince Darmstat son gendre qui luy avoit porté quelques propositions de paix de la part de l'Empereur, il fut lautre jour traicté par le Roy de Suede en ridicule, l'appelant tout haut son pacificateur et apres quelques autres discours de raillerie.

[5]) Gustave Adolphe ne pretendoit point traitter comme Roy de Suede, mais seulement comme Euesque de Mayence ou Prince et chef des Protestans d'Allemagne, que sont des qualitez que je ne crois pas que l'Empereur luy veille accorder ny les Princes d'Allemagne non plus.... Or cecy Monsieur je le scay du Prince Darmestat qui ma dict sur les asseurances que je lui donnai que le Roy ne desiroit rien plus que la paix d'Allemagne, il n'est pas trop fin et eusse bien apres davantage de luy sil en eust sceu.

20 апрѣля французскій резидентъ въ Мюнхенѣ M. de St. Estienne явился къ Густаву Адольфу въ лагерь передъ Ингольштадтомъ, чтобы возобновить съ нимъ переговоры о примиреніи его съ Баваріей [1]). Въ присутствіи короля Богемскаго, герцога Голштинскаго и др. высокопоставленныхъ лицъ St. Estienne передалъ королю порученіе своего правительства. Король холодно высказалъ свою увѣренность въ томъ, что герцогъ Баварскій не имѣетъ никакого желанія войти съ нимъ въ соглашеніе, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя его перехваченныя письма къ императору и обратно; въ нихъ императоръ обѣщалъ доставить герцогу черезъ три дня 50,000 человѣкъ подъ начальствомъ Валленштейна. Впрочемъ, прибавилъ король, это извѣстіе только радуетъ меня, потому что этимъ маневромъ страна герцога Баварскаго будетъ въ конецъ раззорена [2]).

St. Estienne говорилъ, что его правительство ничего такъ не желало, какъ нейтралитета для католическихъ князей Германіи. Густавъ Адольфъ указалъ ему на нападеніе Баварцевъ на Шведскую армію при Бамбергѣ. Резидентъ сталъ приводить въ оправданіе Максимиліана, что все это случилось безъ его вѣдома и что Тилли отъ него непосредственно не получалъ никакого приказанія аттаковать Шведовъ, а поступилъ по настоятельнымъ просьбамъ одного жителя Бамберга. Король замѣтилъ, что въ этомъ слишкомъ явно кроется обманъ, и что если Тилли дѣйствовалъ помимо воли герцога, то его слѣдовало за самовольство наказать. Когда резидентъ снова сталъ восхвалять герцога и пересчитывать всѣ его хорошія качества и при этомъ замѣтилъ, что герцогъ всегда говоритъ о королѣ съ большимъ почтеніемъ и уваженіемъ, Густавъ Адольфъ прервалъ его и сказалъ: и я бы могъ пересчитать множество прекрасныхъ качествъ вши, этого полезнѣйшаго насѣкомаго, постояннаго и вѣрнаго человѣку, у котораго она высасываетъ дурную кровь; но, сказалъ король, я слишкомъ хорошо знаю герцога Баварскаго и его подлыхъ поповъ, которые обманываютъ его и сами извѣстны своимъ легкомысліемъ и вѣроломствомъ. Герцогъ носитъ на себѣ двойную маску и показываетъ то синюю сторону ея, то красную, съ крестомъ Бургундіи, а иногда сразу оба цвѣта, но на этотъ разъ все его искусство безполезно и меня онъ не обманетъ. Резидентъ сталъ довольно безцеремонно опро-

---

[1]) Discours de ce qui fust passe entre le Roy de Suede et Mr. de St. Estienne le 20 Aur. 1632 a Munich. Envoié par le Sr. de Mazan avec sa depesche du 24 May 1632.

[2]) .....de quoy le dit Roy estoit bien content, mesmes qu'il en estoit bien aise, veu que par ce moyen la Duche de Baviere seroit tant plus tost ruinee, et que son armee n'en recevroit nul desastre.

вергать короля, и тогда Густавъ Адольфъ прямо велѣлъ ему замолчать: я прощаю Вамъ Ваше невѣжество, сказалъ онъ, но Вы слишкомъ злоупотребляете свободой французовъ выражаться: я не привыкъ къ такому легкомыслію французовъ [1]). Резидентъ просилъ извинить его и сказалъ, что имѣетъ сообщить ему одно предложеніе своего короля. Густавъ отвѣтилъ ему, что какъ скоро герцогъ Баварскій распуститъ свою армію и положитъ оружіе, онъ предпишетъ ему свои условія. Король видѣлъ, что цѣль резидента обмануть его и выиграть время, что онъ прямо и заявилъ ему, прибавивши: не найдетъ прощенія у Бога грѣшникъ, который безъ разскаянія будетъ молить его о прощеніи. Герцогъ Баварскій, подобно такому грѣшнику, ищетъ мира съ нами съ оружіемъ въ рукахъ [2]). „Если герцогъ Баварскій, сказалъ король, распуститъ свою армію и не передастъ ее императору и если онъ лично поклянется впродолженіи трехъ лѣтъ не воевать съ нимъ, тогда король, какъ истинный рыцарь, обѣщаетъ не причинять никакого вреда ни герцогу, ни его подданнымъ. Если ему это неугодно, то пусть дастъ королю свободный проходъ черезъ Ингольштадтъ и пусть дастъ ему удостовѣреніе, что ни въ какой формѣ не будетъ помогать его врагамъ, что возвратитъ друзьямъ и союзникамъ короля все, что у нихъ захвачено и—наконецъ—что распуститъ все свое войско, оставивъ въ странѣ самое незначительное количество. Резидентъ отвѣчалъ королю, что герцогъ, какъ генералъ императорской и лигистской арміи, не можетъ этого сдѣлать; короля это заявленіе не убѣдило, и онъ просилъ передать Максимиліану, что если черезъ день, т.-е. къ 21 августу, онъ не приметъ его предложеній, то шведы произведутъ такой разгромъ въ Баваріи, что герцогъ увидитъ, что имѣетъ дѣло съ врагомъ: ничему не будетъ пощады, все будетъ предано огню и грабежу. Объ этомъ герцогъ можетъ дать знать французскому королю чрезъ Шарнассэ, недавно бывшаго у него; но если и французскій король будетъ противъ него,

---

[1]) Comme le Resident voulut repartir et refuter ce que le Roy avoit dit, se faisant trop familier avec Sa Majeste, le Roy luy commanda de se taire, et dit je pardonne a vostre ignorance: vous abusez par trop de la liberté françoise en parlant et scaurez quil y a meilleure correspondance entre moy et vostre Roy, que vous ne pensez..... il vous convient de parler a moy avec plus grand respect, et vous souvenir, a qui et en quel lieu vous parlez: ie ne suis accoustumé de ceste legerete francoise.

[2]) .....le Roy donna ceste response, quil voyoit bien que le Resident estoit venu pour le tromper et cercher delay jusqu'à ce que son ennemy se fut renforcé: que luy mesme devoit penser, que si un povre pecheur se presenteroit devant la Maté divine la requerant avec despit et bravade de luy pardonner ses pechez, sans avoir au prealable fait penitence, il n'obtiendroit rien. Ainsi le Duc de Baviere vouloit maintenant faire accord avec luy, l'espee a la main.

онъ прибѣгнетъ къ союзу съ турками, которыхъ любитъ больше, чѣмъ папистовъ съ ихъ идолопоклонствомъ. Онъ твердо увѣренъ, что Всевышній не оставитъ его, какъ это было и въ битвѣ подъ Лейпцигомъ [1]).

Недовольство французскаго правительства поведеніемъ шведскаго короля все усиливалось; субсидіи, которыя Людовикъ XIII обязывался доставлять ежегодно Густаву, уплачивались не аккуратно, а къ осени 1632 года и вовсе прекратились. Спустя мѣсяцъ послѣ безплодныхъ переговоровъ St. Estienne съ королемъ, Ришелье обратился къ Густаву Адольфу съ вопросомъ, до какихъ поръ онъ будетъ продолжать свои завоеванія и когда онъ остановится. Густавъ лаконически отвѣчалъ ему: когда того потребуютъ мои интересы. На угрозу Ришелье выставить противъ короля французскую армію, Густавъ Адольфъ отвѣчалъ: „пусть французскій король не даетъ себѣ такого труда, я самъ явлюсь къ нему въ Парижъ во главѣ 100,000 арміи, и мы скоро сведемъ съ нимъ наши счеты“. Люценская битва предупредила открытую вражду Франціи и Швеціи.

---

[1]) Car il scavoit que le Tout puissant qui estoit par dessus luy, l'assistoit suivant sa promesse, comme il l'auoit experimenté devant Lipsic, ou il avoit eu sa revenche, et estimoit, que le soufflet quil avoit alors baillé a lempereur valoit bien le Castor, le quel il luy avoit enleve en Prussie.

Маколей, какъ историкъ [1].

П. Д. Погодина.

Ужъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появились произведенія Маколея, и самъ онъ сошелъ въ могилу, а блестящее впечатлѣніе, произведенное обаятельнымъ авторомъ, продолжаетъ оставаться въ прежней, если не большей силѣ; кругъ его поклонниковъ ростетъ съ каждымъ годомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ростетъ и число его критиковъ. Въ ихъ глазахъ Маколей былъ раньше побѣдителемъ [2]; теперь же онъ превратился въ обвиняемаго, которому ставятъ въ упрекъ недодѣланное, а о сдѣланномъ умалчиваютъ.

Философы обвиняютъ его въ недостаткѣ глубокомыслія и въ отсутствіи философскаго образованія (Люисъ). Литераторы упрекаютъ его въ излишней любви къ реторикѣ, пристрастіи къ антитезамъ, однообразномъ построеніи фразъ. Историки порицаютъ въ немъ превратное изображеніе прошлаго съ моральной и партійной окраской,

---

[1]) Основаніемъ этого очерка послужили главнымъ образомъ сочиненія самого Маколея (Tauch. Ed.): „The History of England“ 10 v., „Critical and Historical Essays“ 5 v. „Speeches“ 2 v. „Biographical essays“ 1 v. „Lays of ancient Rome“ vol. „William Pitt, Atterbury“ и его біографія „The life and letters of lord Macaulay“ by his nephew George Otto Trevelyan. 4 v. (Tauch. Ed.). Пособія: рецензія Крокера на исторію Маколея (Quarterly Review, 84 т., стр. 549—630, 1849 г). A. French Critic on Milton. Quar. Rev., т. 143 стр. 186—191, 1877 г. Статья Гладстона по поводу біографіи лорда Маколея, ib. за 1876 г. т. 142, ст. 1—50. Iohn Wilson Croker, 1876 г., т. 142, стр. 83—126 ibid. L. Macaulay. The Westminster Review т., 50 стр. 1—28, 1876 г. Вызинскій. Лордъ Маколей, его жизнь и сочиненія. Спб., 1860. Taine. Hist. de la litter. angl. т. V. Lèon Boucher. Lord Macaulay, sa vie et sa-personne d'aprés une publication récente (Rev. d. deux Mond. 16 т. 1876. 51—76). Delbrück рец. на біографію л. Маколея (Sybel's Hist. Zeitschr. 1877, 386. 347—358).

[2]) Въ особенно хвалебномъ тонѣ писалъ объ немъ Вызинскій, видящій въ немъ одни достоинства.

неумѣніе возвыситься отъ внѣшности событій до пониманія ихъ законовъ, ихъ внутреннихъ причинъ; въ громадномъ успѣхѣ, какой выпалъ на долю Бокля, они видятъ осужденіе Маколея, какъ историка, воспитавшаго читателей на описаніи прошлаго, а не на его объясненіи. Вопреки всему этому Маколей продолжаетъ оставаться любимцемъ публики; каждое его слово, каждый взглядъ, манера писать, историческій методъ пріобрѣтаютъ особое значеніе; они могущественно дѣйствуютъ на состояніе историческаго образованія въ обществѣ, на характеръ его историческихъ идеаловъ, потому что „произведенія несравненнаго историка", какъ говоритъ Ранке, „распространены не только по всей Европѣ, но даже по всему свѣту". Наряду съ Библіей и Шекспиромъ „Исторію Англіи" можно найти повсюду у простыхъ колонистовъ въ Австраліи. Въ Германіи появилось одновременно шесть соперничающихъ переводовъ лорда Маколея; его сочиненія изданы на языкахъ польскомъ, датскомъ, шведскомъ, итальянскомъ, французскомъ, голландскомъ, испанскомъ, венгерскомъ, русскомъ, чешскомъ и даже персидскомъ (Trevelyan. The life of Macaulay. IV, 176). Только одинъ издатель въ Америкѣ распродалъ свыше 120.000 „Критическихъ и историческихъ опытовъ". Въ количествѣ 130.000 разошлись они отдѣльными оттисками въ серіи, носящей названіе „Библіотека Путешественника". Въ Англіи одинъ Лонгмэнъ до 1876 года въ теченіе 33 лѣтъ распродалъ свыше 135.000 полныхъ собраній сочиненій Маколея. Спросъ на нихъ на родной почвѣ, говоритъ Trevelyan, такъ великъ, такъ постояненъ, что онъ явственно повышается и понижается соразмѣрно общему состоянію народнаго благосостоянія (Tr. III, 149).

Какія же особенности снискали Маколею такой обширный кругъ читателей и сдѣлали его популярнѣйшимъ историкомъ изъ когда-либо писавшихъ? Отвѣтъ на это нужно искать въ его индивидуальныхъ особенностяхъ, какъ автора и человѣка, поскольку онѣ отразились въ его сочиненіяхъ, гдѣ онъ прямо о себѣ, впрочемъ, избѣгаетъ говорить, а главнымъ образомъ въ его письмахъ и въ дневникѣ, откуда его біографъ дѣлаетъ обширныя выписки. Между тѣмъ работа Trevelyan'а въ русскомъ языкѣ прошла безслѣдно; изъ нея не извлечены тѣ свѣдѣнія, которыя можно было почерпнуть для объясненій Маколея, какъ историка; Вызинскій писалъ по этому вопросу раньше. Если для направленія, принимаемаго ученымъ, какова бы ни была избранная имъ область, имѣютъ большое значеніе его индивидуальныя особенности и его умственный обликъ, то по преимуществу въ историкѣ важно его отношеніе къ современности, ибо въ немъ коренятся его взгляды на прошлое. Въ біографіи, написанной, Trevelyan'омъ, Маколей предстаетъ предъ нами, какъ живой человѣкъ. Мы узнаемъ, что внушала

ему семья въ дѣтскіе годы, чему онъ научился въ школѣ, въ университетѣ, какія мысли почерпнулъ онъ изъ книгъ и что было ему навѣяно общеніемъ съ друзьями. Образованіе и развитіе его благороднаго характера совершается передъ нашими глазами; мы присутствуемъ при зарожденіи всѣхъ его литературныхъ особенностей и пристрастій; мы видимъ, какъ однѣ изъ нихъ измѣняются, другія исчезаютъ, третьи остаются постоянно ему свойственны впродолженіе всей жизни. Одна изъ самыхъ любопытныхъ задачъ психологіи слѣдить, какъ за авторомъ стоитъ человѣкъ и какъ нерѣдко совершенно внѣшнія обстоятельства въ жизни человѣка оказываютъ продолжительное вліяніе на всю его литературную дѣятельность.

Маколей прожилъ счастливо свой вѣкъ; онъ переходилъ отъ успѣха къ успѣху; постигавшія его неудачи были такъ рѣдки или такъ ничтожны, что ему самому приходилось про себя говорить: „счастливъ человѣкъ, который можетъ огорчаться такими пустяками". Съ ранняго возраста, находясь подъ благотворнымъ нравственнымъ вліяніемъ своего отца Захарія, друга извѣстнаго Вильберфорса и такого же горячаго поборника освобожденія негровъ, обязанный первыми шагами на пути умственнаго развитія такой выдающейся женщинѣ, какъ Анна Моръ, Маколей былъ поставленъ въ самыя счастливыя условія для образованія своего нравственнаго характера. Его выдающіяся умственныя дарованія были воспитаны на основательномъ и широкомъ изученіи классиковъ, дававшихъ полное удовлетвореніе его любви къ изяществу и къ обработанности формы, и скоро обратили на него всеобщее вниманіе. На 25 году жизни Маколей сдѣлался литературной знаменитостію; его опытъ о Мильтонѣ, юношеское произведеніе, сильнѣе другихъ окрашенное реторизмомъ, снискалъ ему извѣстность. Его другіе опыты оживили Единбургское Обозрѣніе, въ которомъ, несмотря на внѣшнее процвѣтаніе, уже сказывались признаки упадка. Его рѣчи въ пользу билля о парламентской реформѣ утвердили за нимъ на 31 году жизни славу, если не перваго оратора въ палатѣ общинъ, то перваго стилиста и реторика. Этотъ успѣхъ облегчилъ ему перенесеніе матеріальныхъ невзгодъ, постигшихъ его семью, которую онъ горячо любилъ и которой усердно помогалъ своими трудами. Впрочемъ, лишенія, переносимыя имъ, продолжались не долго, какъ разъ настолько, чтобы сообщить его характеру мужественность и развить въ немъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ—состраданіе къ нуждающимся и отзывчивость къ чужому горю. Въ 1835 году онъ получилъ выгодное мѣсто въ Индіи. Четыре года, проведенные тамъ, пошли на составленіе кодекса, борьбу съ злоупотребленіями и дальнѣйшее самообразованіе исключительно на образцахъ древнихъ. Его знаніе греческихъ и римскихъ писателей

не только эпохи процвѣтанія, но и упадка, важныхъ и второстепенныхъ, языческихъ и христіанскихъ, поражаетъ своею глубиною и основательностію. Чтеніе было его страстью, онъ самъ называетъ себя книжнымъ червемъ; читалъ онъ много и удивительно быстро; но ни одни писатели не имѣли для него такой притягательной силы, какъ греки. „Всякій разъ, говоритъ онъ, какъ я къ нимъ возвращаюсь, я чувствую, что не зналъ раньше, что такое умственное удовольствіе. О дивный народъ! нѣтъ искусства, нѣтъ знанія, про которое нельзя было бы сказать словами Лукреція primus Graius homo (Tr. II, 217). Всѣ побѣды истины и генія надъ предразсудкомъ и насиліемъ, во всѣхъ странахъ, во всѣ вѣка были побѣдами Аѳинъ. Ихъ могущество обнаруживается и въ судѣ, и въ народномъ собраніи, и на полѣ битвы, и въ философскихъ школахъ; но не тутъ ихъ слава. Тамъ, гдѣ литература утѣшаетъ горе и облегчаетъ страданія; тамъ, гдѣ она возвращаетъ веселіе глазамъ, истомленнымъ мукой, гдѣ отираетъ слезы и умѣряетъ страхъ предъ вѣчною смертію; тамъ въ благороднѣйшей формѣ обнаруживается безсмертное вліяніе Аѳинъ“ (On Mitfords History of Greece. Misc. writ. ed. 1871, p. 101). И въ новой литературѣ Маколей предпочиталъ давнее современному. Таланты, выдающіяся способности, даже геній писателей XIX вѣка оставляли его холоднымъ, хотя онъ ихъ и признавалъ. Онъ зналъ, что Байронъ несравненен въ описаніяхъ и выраженіяхъ чувствъ, хотя не имѣетъ драматическаго дара (Es. I, 341, 342, 347), что имя его умретъ только вмѣстѣ съ англійскою литературою; онъ отдавалъ должное воображенію, богатству и музыкальности Кольриджа и Шелли (Es. I, 325); онъ цѣнилъ заслуги Вальтеръ-Скотта; онъ даже въ нелюбимомъ Вордсвортѣ видѣлъ достоинства въ пониманіи внѣшней красоты (Tr. II, 215. Es. I, 337); но все это дѣйствовало на него меньше, чѣмъ старинныя произведенія Драйдена, Поппа, Свифта, Адиссона, Джонсона, Бѣніана, Ричардсона. Любая изъ шотландскихъ балладъ, которыхъ онъ былъ знатокомъ и любителемъ, служила для него источникомъ бо́льшаго удовольствія, чѣмъ самая совершенная изъ новѣйшихъ поэмъ.

Привычка заниматься наукой и литературой вкоренилась у Маколея такъ глубоко, она такъ полно удовлетворяла всѣмъ его наклонностямъ, давая пищу его воображенію, услаждая изящество вкуса и освѣжая его умъ постояннымъ притокомъ новыхъ идей, что, вернувшись въ Англію, онъ уже не сталъ съ прежнимъ рвеніемъ заниматься политикой. Онъ всецѣло погрузился въ изученіе лѣтописей прошлыхъ временъ, находя, „что онѣ однѣ въ состояніи предохранить людей отъ умственной узкости, которую они съ трудомъ могутъ избѣжать, находясь въ общеніи съ однимъ поколѣніемъ и съ одной окружающей

средой, дѣлая выводы на основаніи недостаточнаго матеріала и потому постоянно перепутывая исключенія и правила, случайное и существенное" (Es. I, 398). Своимъ парламентскимъ мѣстомъ, министерствомъ онъ мало дорожилъ и для нихъ ничѣмъ жертвовать не хотѣлъ. Всю его политическую дѣятельность отличаетъ духъ благородной независимости, которую онъ умѣлъ проявлять въ отстаиваніи своихъ убѣжденій и отъ враговъ, и отъ друзей. Даже въ ту пору, когда онъ находился въ наиболѣе стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, онъ не колебался рисковать своимъ мѣстомъ въ случаѣ разногласія съ своими друзьями, стоящими у власти. Онъ не шелъ на уступки, онъ не заискивалъ у тѣхъ, кто можетъ давать и отнимать. Этимъ объясняется то пораженіе, какое онъ потерпѣлъ на выборѣ въ Эдинбургѣ въ 1847 году, отчего вся его партія и за ней Англія пришла въ справедливое негодованіе, ибо среди его единомышленниковъ не было человѣка, который бы такъ безкорыстно служилъ и такъ много оказалъ услугъ дѣлу свободы; ему принадлежитъ видное участіе въ дѣлѣ парламентской реформы (Sp. I, 1--112); онъ боролся за то, чтобы работа дѣтей на фабрикахъ не превышала 10 часовъ (Sp. II, 196); онъ говорилъ за уступки Ирландіи (Sp. II, 155); онъ содѣйствовалъ развитію и правильной постановкѣ образованія въ Индіи; онъ одинъ отстоялъ уничтоженіе судебныхъ преимуществъ, принадлежавшихъ тамъ англичанамъ въ сравненіи съ туземцами, (Tr. II, 175, 59, 181) и достигъ того, чтобы было уничтожено явное рабство (Tr. II, 244). Вообще Маколей былъ вигомъ по убѣжденіямъ, хотя его семейныя традиціи были иными. Въ ранней молодости, когда еще онъ былъ студентомъ Кембриджскаго университета, онъ встрѣтился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который въ литературѣ не оставилъ имени только потому, что ею не занимался, но который, благодаря своимъ выдающимся дарованіямъ, сильной логикѣ и отмѣнному образованію, оказывалъ подавляющее вліяніе на всѣхъ, кто съ нимъ сталкивался. Этого не избѣгъ и подружившійся съ нимъ Маколей (Tr. I, 92). Разъ принявши новыя убѣжденія, какъ государственный человѣкъ и какъ историкъ, Маколей проводилъ ихъ въ жизни смѣло и рѣшительно, не пугаясь тѣхъ послѣдствій, какія они могли за собою повлечь. Онъ думалъ, что „единственное лѣкарство противъ несчастій, злоупотребленій недавно пріобрѣтенной свободы, есть свобода, такъ какъ противоположныя мнѣнія взаимно исправляютъ другъ друга. Если людямъ ждать, говорилъ онъ, свободы до тѣхъ поръ, пока они не станутъ мудрыми и добрыми въ рабствѣ, имъ придется ждать вѣчно". (Es. I, 71). Онъ не видѣлъ въ монархіи и аристократіи цѣли государственнаго устройства, онъ считалъ ихъ только средствами. „Народы, говоритъ онъ, процвѣтали и безъ наслѣдственныхъ государей

или палатъ знатныхъ. Хотя мнѣ было бы чрезвычайно прискорбно видѣть Англію республикой, я не сомнѣваюсь, и республикой она можетъ пользоваться благосостояніемъ, спокойствіемъ и высокимъ значеніемъ. Страхъ и отвращеніе, питаемые мною къ всеобщей подачѣ голосовъ, уменьшились бы въ большей степени, еслибы я могъ думать, что худшія послѣдствія, которыя она можетъ произвести, выразятся въ замѣнѣ короля и палаты лордовъ избирательнымъ президентомъ и сенатомъ" (Sp. I, 311). Въ 1840 г. онъ даже былъ увѣренъ, что палату лордовъ постигнетъ таже участь, что и Old Sarum и Гаттонъ. (Tr. III, 69). За противодѣйствіемъ, которое она оказывала ирландскому церковному биллю, по его ожиданію, должно было послѣдовать столкновеніе крайнихъ взглядовъ; короткое время насильственный гнетъ, за нимъ реакція и съ ней гибель капитала, перства, церкви и трона. Этого достаточно, говоритъ онъ, для того, чтобы въ самомъ ревностномъ роялистѣ вызвать революціонныя мысли о томъ, въ какой зависимости находится общее спасеніе или общая гибель отъ одного человѣка, возведеннаго судьбой на такую высоту, куда навѣрное бы не подняли его добродѣтели и способности" (Tr. II, 61). Такимъ образомъ, въ политикѣ взгляды Маколея были настолько же либеральны, насколько консервативны его литературные вкусы. Изъ взаимодѣйствія этихъ отчасти противоположныхъ, отчасти другъ друга порождающихъ теченій [1]), образовался характеръ Маколея въ той области, которая была дороже всего въ его глазахъ.

Область эта была наука и литература. Не смотря на то, что онъ имѣлъ большой и заслуженный успѣхъ, какъ политическій дѣятель и какъ увлекательный ораторъ, не смотря на то, что повсюду въ обществѣ, гдѣ бы онъ ни появлялся, его принимали съ распростертыми объятіями, какъ знаменитость и какъ рѣдкаго по своей занимательности собесѣдника, его привлекала только одна извѣстность. „Что слава и могущество Цезаря и Александра въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ обладаетъ Гомеръ. Подумать только, чего стоитъ увѣренность, что обитатели Мономотапа будутъ плакать надъ чьимъ-либо произведеніемъ въ 4551 г. отъ Р. Х." (Tr. III, 250). Если ни одинъ родъ славы, кромѣ научно-литературной, не плѣнялъ Маколея, то ни одинъ родъ дѣятельности, кромѣ занятій научно-литературныхъ, не могъ дать ему полнаго удовлетворенія. Чтеніе, для нихъ необходимое, уже само по себѣ для него было источникомъ удовольствія, кабинетный трудъ, изрѣдка прерываемый бесѣдой съ друзьями за хорошимъ зав-

[1]) (Tr. I, 114). Объясняя отцу свою измѣну торійскимъ взглядамъ, Маколей ссылается на то вліяніе, которому онъ подвергся, читая Цицерона и Тацита.

тракомъ или обѣдомъ, вполнѣ отвѣчали его любви къ домашней обстановкѣ, въ тиши которой ему работалось такъ хорошо. Успѣхъ, постоянно сопровождавшій его труды, давалъ ему новыя силы къ продолженію начатаго пути, въ концѣ котораго стояла столь желанная ему слава. Ему не пришлось даже дѣлать особаго выбора въ научно-литературной области; выборъ намѣтился самъ собой. Естественныя науки оставляли его равнодушнымъ, математика возбуждала въ немъ отвращеніе, онъ считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ, когда приходилось выводить формулы или открывать логариѳмическія таблицы (Tr. I, 105). Философія точно также мало его привлекала. Его уму было въ высшей степени чуждо созерцательное настроеніе. Его знакомство съ философами ограничивалось преимущественно древними, да и въ нихъ онъ больше цѣнилъ литературную форму, чѣмъ самое содержаніе. Въ Платонѣ его удивлялъ не ходъ разсужденій, въ которыхъ онъ тѣмъ болѣе разочаровывался, чѣмъ больше ихъ читалъ, а неподражаемость ироніи, которую онъ ставилъ выше Вольтеровской и даже Паскалевской (Tr. IV, 141). Вотъ что онъ говоритъ про Канта: „Сегодня я получилъ переводъ Канта. Я попытался прочесть его, но нашелъ въ высшей степени непонятнымъ, какъ будто бы онъ былъ написанъ по-санскритски. Ни одно его слово не пробудило во мнѣ и подобія мысли, кромѣ латинской цитаты изъ Персія. Мнѣ кажется, что истинную теорію метафизики можно было бы объяснить мнѣ словами, для меня понятными. Я могу понимать Локка, Беркли, Юма, Reid и Стиварта. Я могу понимать academica Цицерона и большую часть Платона. Мнѣ кажется страннымъ, что я не могу понять ни слова въ книгѣ объ основахъ метафизики“. (Tr. IV, 3).

Непониманіе Маколеемъ отвлеченныхъ теорій нѣмецкаго философа въ такой же мѣрѣ зависѣло отъ недостатка его образованія въ этой области, сколько отъ характера его умственныхъ способностей, гдѣ на первомъ мѣстѣ стояли воображеніе и память, но то не было творческое воображеніе, отличающее поэта. Маколей не могъ черты, запавшія въ его душу изъ окружающей жизни, возводить самостоятельной духовной переработкой въ высокій художественный образъ, отражающій въ такой же степени дѣйствительность, какъ и личность своего творца. Не имѣя данныхъ, чтобы стать поэтомъ, Маколей обладалъ всѣми качествами, необходимыми для историка-художника. Ему было по преимуществу свойственно то воображеніе, которое по нѣсколькимъ чертамъ возстановляетъ полную картину прошлаго, дополняя ихъ, связуя и одухотворяя. „Задача историка, говоритъ онъ, не въ томъ, чтобы создавать новый міръ и населять его новыми существами. Цѣль историка—подражаніе не тому, что находится внутри его, а тому, что

внѣ. Историкъ изображаетъ не міръ внутренній, а внѣшній. Это не видѣнія красоты и величія, различаемыя только его собственными глазами, а постоянно существующіе образцы, которые не имъ сдѣланы и не могутъ быть имъ измѣнены. Но изображеніе не должно быть механическимъ. Торжество его искусства въ томъ, чтобы выбрать тѣ части, которыя производятъ впечатлѣніе цѣлаго, подчеркнуть характеристическія черты, положить свѣтъ и тѣнь такъ, чтобы эффектъ увеличивался". (Es. II, 282)[1]). Искусству правильно писать исторію мѣшаетъ, какъ думаетъ Маколей, часто и охотно возвращающійся къ этой мысли (Hist. I, 3), превратное мнѣніе о какомъ то достоинствѣ, которомъ должны отличаться сочиненія въ этой области. „Историкъ не долженъ писать пустяковъ, онъ долженъ ограничиваться важнымъ, это совершенно вѣрно, говоритъ онъ, но многіе писатели, кажется, никогда не обращали должнаго вниманія на то, что имѣетъ историческую важность. Они, кажется, не замѣчаютъ, что значеніе факта, разсматриваемаго въ связи съ его ближайшими послѣдствіями, и значеніе того же факта, разсматриваемаго, какъ часть матеріала для построенія науки, двѣ совершенно различныя вещи. Количество добра и зла, произведеннаго извѣстнымъ событіемъ, отнюдь не стоитъ въ обязательной зависимости съ количествомъ свѣта, имъ проливаемаго. Исходъ, напр., битвы при Деліонѣ былъ важнѣе для Аѳинянъ, чѣмъ судьба „Всадниковъ" Аристофана. Для насъ значеніе перваго исчезло, между тѣмъ какъ знакомство со второй расширяетъ нашъ кругозоръ: общество представляется намъ подъ новымъ угломъ зрѣнія. Мы могли читать и много путешествовать. Мы можемъ посѣтить всѣ страны Европы и образованнѣйшихъ народовъ Востока. Мы можемъ наблюдать нравы нѣсколькихъ варварскихъ племенъ. Но тутъ нѣчто совершенно отличное отъ всего, что мы видѣли будь-то у образованныхъ народовъ или дикарей. Здѣсь община политически, умственно и нравственно непохожая на тѣ общины, о которыхъ понятіе мы можемъ составить. Это и есть истинно-драгоцѣнная часть исторіи, зерно, которое, однако, нѣкоторые молотильщики тщательно отдѣляютъ отъ мякины, чтобы собрать мякину въ житницу, а зерно бросить въ огонь". (Es. III 163—165).

Никто, подобно Маколею, не обладалъ въ такой степени способностью выбирать эти характеристическія черты, потому что онъ жилъ въ прошломъ, онъ видѣлъ его какъ бы совершающимся передъ своими глазами, принималъ въ немъ участіе, совершенно какъ его современникъ.

---

[1]) Лучшіе портреты тѣ, въ которыхъ есть примѣсь каррикатуры, и я не увѣренъ, говоритъ Маколей, чтобы лучшими источниками не были тѣ, кто разумно пользуется преувеличеніемъ вымысловъ. (Es. I, 109).

„Моей точностью въ фактахъ, говоритъ онъ, я обязанъ причинѣ, въ которой многіе не захотятъ признаться. Я обязанъ ей любви строить воздушные замки. Прошлое въ моемъ умѣ превращается въ романъ. Для людей въ моемъ родѣ малѣйшая черта представляетъ большой интересъ и, можетъ быть, бóльшій, чѣмъ самыя замѣчательныя событія. Проводя столько времени въ одиночествѣ, мой умъ притупился бы отъ глазѣнія въ окна магазиновъ. А теперь, какъ только я на улицѣ, я переношусь въ Грецію, Римъ, въ эпоху французской революціи. Точность въ числахъ, день и часъ, когда кто нибудь родился, становятся для меня совершенно необходимыми. Незначительный фактъ, фраза, слово важны въ моемъ романѣ. Разговоры, которые я составляю для великихъ людей прошлаго, продолжительны и очень оживлены“ (Tr. I, 219).

„Въ каждой части громадныхъ кипъ индѣйскихъ дѣлъ, говоритъ Маколей про Бэрка,—что въ значительной степени можно примѣнить къ нему самому,—дѣлъ, отталкивающихъ всякаго иного читателя, его умъ, и политическій, и философскій находилъ себѣ поученіе и наслажденіе. Его анализъ разбиралъ и переваривалъ эту громадную и безóбразную массу; его воображеніе одушевляло и раскрашивало ее; изъ мрака, тьмы, путаницы онъ образовывалъ множество остроумныхъ теорій и живыхъ картинъ. Онъ обладалъ въ высокой степени благородной способностію, посредствомъ которой человѣкъ способенъ жить въ прошломъ и будущемъ, отдаленномъ и несуществующемъ. Индія съ ея обитателями были для него, не такъ какъ для большинства англичанъ, простыми именами и отвлеченіемъ, но реальной страной и реальнымъ народомъ“ (Es. IV, 316).

Здѣсь лежитъ источникъ силы Маколея и источникъ его слабости,—силы потому, что никто не можетъ съ нимъ сравниться въ яркости и увлекательности разсказа, гдѣ ключемъ бьетъ прошлая жизнь, слабости потому, что при такихъ условіяхъ невозможно было иное отношеніе къ прошлому, кромѣ въ высшей степени субъективнаго. Поставляя свою исключительную цѣль въ вѣрной передачѣ исторической картины, сложившейся въ его воображеніи, Маколей не считалъ нужнымъ провѣрять и объяснять ея основу. Онъ самъ былъ по преимуществу наблюдателемъ: въ его умѣ было гораздо болѣе поверхностности, чѣмъ глубины. Его рѣдкая память, запечатлѣвая быстро, скоро и прочно цѣльные образы въ его мозгу, освобождала его отъ той кропотливой работы надъ источниками, отъ того утомительнаго сличенія множества различныхъ свидѣтельствъ объ одномъ и томъ же предметѣ, откуда только съ трудомъ и выясняется истина. Онъ не умѣлъ холодно и безпристрастно изслѣдовать причины и слѣдствія, ихъ относительный вѣсъ и взаимодѣйствіе. Его отталкивала утомительность критиче-

скихъ вопросовъ, которые по возможности онъ старался обходить. Внѣшняя связь событій представляется ему такъ ясно, что о внутренней и говорить много не приходится. Побужденія и свойства главныхъ историческихъ дѣятелей онъ видѣлъ такими, какими бы они могли показаться ихъ современнику, и такъ ихъ изображалъ. Въ этой области критика сдѣлала на Маколея всего больше удачныхъ нападеній. Ненамѣренно опороченные имъ Импей, Варренъ Гастингсъ, даже Крокеръ оправданы передъ судомъ потомства, а главнѣйшіе его герои утратили бо́льшую часть своего блеска при безпристрастномъ изученіи другими изслѣдователями. Если Маколей что-нибудь исправлялъ въ своемъ сочиненіи, то никакъ не основу, а только внѣшность, форму; если онъ бывалъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, то исключительно внѣшней, а не внутренней обработкой. А недоволенъ онъ бывалъ часто, ибо мѣтилъ, по собственному признанію, высоко; онъ стремился совершить нѣчто достопамятное; передъ его глазами носился 2000 и 3000 годъ, ни одной мысли, ни одного выраженія не приносилъ онъ въ жертву современной модѣ. Ему все казалось, что онъ недостаточно совершенно передалъ образъ, носившійся передъ его мысленнымъ взоромъ; ему все мнилось, что читателю не дано возможности такъ же живо чувствовать прошлое, такъ же ярко воображать его, жить въ немъ, какъ это дѣлалъ самъ авторъ.

Его сочиненія написаны такъ страстно, его картины такъ ярки, такъ цѣльны, свѣтъ и тѣнь наложены такъ явственно, что читателю ничего не нужно дѣлать; книга сама ложится въ его голову; она читается, выражаясь словами ея автора, съ тѣмъ малымъ умственнымъ трудомъ, который составляетъ истинное удовольствіе; изложеніе, въ которомъ нѣтъ равнаго Маколею, льется такъ плавно, такъ увлекательно, что читатель невольно отдаетъ себя его теченію, считая себя въ надежныхъ рукахъ. Какая разница съ другими хорошими историческими сочиненіями: тамъ кропотливая мозаика свѣдѣній, заимствованныхъ отовсюду, тамъ есть невольные пробѣлы, тамъ сухи и утомительны цѣлыя главы, тамъ приходится запоминать, мыслить, повѣрять, тогда какъ здѣсь положись только на автора, и все готово.

Писать въ такомъ духѣ побуждали Маколея, кромѣ его умственныхъ особенностей, характеръ его образованія, носившаго исключительно классическій отпечатокъ. Историка выше Ѳукидида онъ не признавалъ; со всѣми другими еще могла быть надежда сравняться, съ нимъ никогда (Tr. IV, 4). Что было у него хорошо, то несравненно лучше всего того, что можно найти у другихъ (Tr. IV, 5). Его онъ зналъ чуть не наизусть и тѣмъ не менѣе перечитывалъ его, равно какъ и Геродота, для того, чтобы узнать насколько онъ ниже своихъ образцовъ (Tr. IV, 168. Tr. III, 281).

Даже Плутархъ удивительно какъ ему нравился. „Онъ не точенъ, говоритъ онъ, это вѣрно, и романтиченъ; но исторію онъ разсказываетъ очаровательно, а его описаніе и очерки характеровъ равны по достоинству лучшимъ образцамъ древняго краснорѣчія. До сихъ поръ я еще не оцѣнилъ его надлежащимъ образомъ“ (Tr. II, 226).

Между новѣйшими историками, которыхъ онъ плохо зналъ, по его мнѣнію, небыло ни одного, кто осуществилъ бы великій идеалъ, представляемый древними. Если свойства, отличавшія ихъ, передались кому-нибудь изъ позднѣйшихъ писателей, то никакъ не историкамъ ex profession, а мемуаристамъ въ родѣ герц. С. Симона. (Tr. IV, 33). Послѣ Өукидида и Геродота слѣдуетъ Fra Paolo, за нимъ Davila, „лучшій военный историкъ новыхъ временъ, разсказъ котораго о битвѣ при Иври достоинъ самого автора пелопонесской войны“ (Tr. II, 238).

Если на основаніи отмѣтокъ въ Маколеевѣ дневникѣ составить списокъ книгъ историковъ древнихъ и историковъ новыхъ, то отношеніе между ними будетъ замѣчательно. Насколько обширенъ, разностороненъ будетъ первый, настолько же ничтоженъ второй. Вольтеръ, Гиббонъ, Мармонтель, Сисмонди, Дарю, Ранке, отчасти Галламъ, Макинтошъ, источники по новѣйшей исторіи Англіи, вотъ главное, что читалъ Маколей. Ни Монтескье, ни Тьерри, ни Токвиль, ни Карлейль, ни другія историческія звѣзды не могли оторвать Маколея отъ благоговѣйнаго созерцанія его излюбленныхъ свѣтилъ.

Нѣмцевъ онъ мало зналъ и не особенно цѣнилъ. Нѣмецкому языку онъ научился только на 39 году жизни (Trev., IV, 254) и потомъ его такъ забылъ, что пришлось возстановлять эти знанія (1858). „Прочитавши первыя книги Ливія, я перечелъ Нибура; мнѣ жаль сказать, что раньше я не безъ сомнѣнія относился къ его заслугамъ и что теперь я въ нихъ не вѣрю вовсе. Это не значитъ, чтобы онъ не имѣлъ заслугъ. Его ученость громадна, его остроуміе велико. Но его умъ лишенъ способности отличать доказанную истину отъ шаткаго предположенія. Онъ не довольствуется тѣмъ, что допускаетъ возможность какого-нибудь событія, онъ увѣренъ, что оно случилось именно такъ, какъ онъ предполагаетъ. Ученость Нибура неизмѣримо выше моей, но я считаю себя такимъ же судьею очевидности, какъ и онъ. Даже болѣе: какую вѣру могу я имѣть къ его сужденію причинъ и слѣдствій во времена, мало намъ извѣстныя когда онъ пишетъ невозможный вздоръ относительно того, что про исходитъ передъ нашими глазами“ (Tr. II, 223).

Тьера онъ не любилъ, и онъ ему не нравился. „Читалъ, пишетъ онъ, исторію австрійской кампаніи 1809 г. Тяжело“ (Tr. II, 88).

Не высокаго онъ былъ мнѣнія о своихъ соотечественникахъ. „У Юма, Робертсона, Гиббона есть заслуги, безъ сомнѣнія. Но это не то.

У меня болѣе вѣрное понятіе объ исторіи, чѣмъ у нихъ. Исполненіе—другое дѣло. Но я надѣюсь усовершенствоваться" (Tr. IV, 34). „Читалъ цѣлый день Бокля и кончилъ истомленный. Человѣкъ съ талантомъ и начитанный, но склонный къ парадоксамъ и непослѣдовательный. Онъ хочетъ строить теорію, не собравши матеріала" (Tr. IV, 257).

Классическіе идеалы, которыми былъ проникнутъ Маколей, могли внушить ему только внѣшнюю форму для изображенія прошлыхъ судебъ его родины; но самое содержаніе было до такой степени отлично отъ того, что писали Өукидидъ съ Геродотомъ, что сюда ихъ вліяніе распространиться не могло: тутъ сказались самостоятельныя воззрѣнія Маколея, какъ они сложились изъ его врожденныхъ особенностей, литературныхъ вкусовъ, партійныхъ симпатій и національнаго характера. Воображеніе было главной чертой умственной организаціи знаменитаго историка; но рядомъ съ нимъ въ его головѣ отлично уживалась англійская практичность взглядовъ. Ему было совершенно непонятно, какъ можетъ писатель, желающій приносить пользу людямъ, заниматься устройствомъ будущихъ государствъ и забывать о существующихъ; для него звучала дико формула: la science politique n'est pas la science de ce, qui est, mais de ce, qui doit être. Онъ не хотѣлъ отрѣшаться отъ дѣйствительности для того, чтобы строить умозаключенія на отвлеченной почвѣ. Онъ не признавалъ справедливости для жизни ни одной апріорной мысли, разъ выводы изъ нея шли въ разрѣзъ съ опытомъ прошлаго или съ наличностію современныхъ историческихъ условій, какъ бы заманчива и убѣдительна она ни казалась на первый взглядъ. Ему представлялось страннымъ вѣрить въ непреложность какой-нибудь политической системы, родившейся въ головѣ отдѣльнаго мыслителя: онъ далекъ былъ отъ мысли, чтобы исповѣдовать въ ней единственный истинный источникъ людского счастія, а все, съ ней несогласное, считать подлежащимъ уничтоженію, какъ ненужное, негодное, обветшалое, своимъ присутствіемъ отнимающее мѣсто у полезнаго. Люди въ его глазахъ были не отвлеченными единицами, надъ которыми удобно оперировать, а живыми существами съ различными умственными и нравственными свойствами, добродѣтелями и пороками, наклонностями и привычками. Онъ признавалъ, что жизнь не можетъ быть устраиваема по одной общей мѣркѣ, что противорѣчія, странно поражающія въ логикѣ, отлично примиряются между собою въ дѣйствительности.

По его мнѣнію, „необходимо помнить, что аргументація строится на одинъ ладъ, а правительство — на другой. Въ логикѣ только идіотъ можетъ отрицать слѣдствія, допуская основанія. На практикѣ же мы замѣчаемъ, что великія и просвѣщенныя общины,

поколѣніе за поколѣніемъ, упорно утверждають извѣстные принципы и упорно отказываются по нимъ дѣйствовать. Сомнительно, чтобы настоящая политика, когда-либо существовавшая, соотвѣтствовала чистой идеѣ этой политики (His. VI, 125).

„Какъ краснорѣчіе, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, существуетъ раньше синтаксиса и пѣсня—раньше просодіи, такъ правительство можетъ достигать высокой степени совершенства прежде, чѣмъ въ точности намѣтятся границы властей законодательной, исполнительной и судебной“ (Hist. I, 30).

Съ особенною любовію возвращается Маколей къ преимуществамъ, принадлежащимъ тѣмъ государственнымъ устройствамъ, которыя возникли путемъ продолжительнаго историческаго развитія и выработались изъ взаимодѣйствія и даже борьбы противоположныхъ силъ, наконецъ, другъ друга уравновѣсившихъ и нашедшихъ себѣ соотвѣтствующее мѣсто и кругъ дѣятельности. Къ числу такихъ государственныхъ устройствъ относится англійская конституція, имѣвшая въ глазахъ Маколея особую цѣну. Его счастливый характеръ, успѣхъ въ жизни, современное ему благосостояніе Англіи не могли вызвать въ немъ озлобленія противъ дѣйствительности. Въ его условіяхъ было бы странно съ любовію обращать взоры назадъ, въ глубь вѣковъ, когда Англія процвѣтала подъ сѣнью наслѣдственной монархіи и когда начала ея политической свободы находились еще въ зачаточномъ состояніи. Ему не приходилось съ озлобленіемъ отвертываться и отъ настоящаго, и отъ прошлаго и возлагать все упованіе на будущее, ожидая для возрожденнаго человѣчества новаго счастія на развалинахъ старины. По его мнѣнію, благосостояніе людей въ настоящемъ настолько же выше благосостоянія ихъ въ прошедшемъ, насколько ниже въ будущемъ. Благо той странѣ, гдѣ не было насильственныхъ переворотовъ, гдѣ всѣ учрежденія принимали сообразно измѣненію историческихъ условій иной видъ, сохраняя старую основу.

„Часто уже повторялось, говоритъ онъ еще, и никогда не должно быть забываемо, что наша политика въ значительной степени отличается отъ тѣхъ политическихъ ученій, которыя въ продолженіе послѣднихъ 80 лѣтъ методически составлялись, разбивались на правила и получали утвержденіе въ народныхъ собраніяхъ. Она развилась въ грубомъ вѣкѣ. Ея нельзя всецѣло найти ни въ одномъ отдѣльномъ органѣ. Пограничная полоса, отдѣляющая область вѣдѣнія государя отъ области вѣдѣнія законодательной власти, долгое время была предметомъ споровъ. Постоянно совершались захваты, и если они были не особенно оскорбительны, ихъ охотно терпѣли. Нарушенія границъ часто оставались безъ послѣдствій. Только тогда, если эти нарушенія причиняли положительный вредъ, потерпѣвшая сторона отстаивала свое право и тре-

бовала, чтобы граница была обозначена столбами и чтобы оттолѣ разграниченія строго соблюдались". (Hist. VI, 240).

То необыкновенное уваженіе къ старинѣ, которое отличаетъ англійскихъ государственныхъ людей въ глазахъ Маколея, было одной изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ англійскихъ нравовъ. Онъ самъ не разъ изъ-за традиціи отступалъ отъ своихъ принциповъ (Sp. II, 295—314, Дѣло объ исключеніи судей изъ палаты общинъ) и въ другихъ съ особенною тщательностію выставлялъ на видъ подобный образъ дѣйствій. „Государственный человѣкъ, судящій на основаніи нашихъ принциповъ, вспомнитъ, что міръ переполненъ учрежденіями, которыя, хотя бы, быть можетъ, совершенно не должны были быть устанавливаемы, разъ установленныя, не должны быть рѣзко уничтожаемы, и что часто на практикѣ представляется мудрымъ довольствоваться уменьшеніемъ злоупотребленій, которыя, разсуждая отвлеченно, пріятно было бы поскорѣе устранить" (Es. III, 323). „Совершенный законодатель составляетъ середину между чистымъ теоретикомъ, не видящимъ ничего, кромѣ общихъ принциповъ, и дѣловымъ человѣкомъ, непризнающимъ ничего, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ. Онъ совсѣмъ не долженъ заботиться о симметріи, больше всего онъ долженъ думать объ удобствѣ, никогда не устранять исключеній, только потому, что они исключенія" (His. IV, 85). Хотя онъ долженъ быть практикомъ по преимуществу, но и отвлеченные вопросы философіи правительства не должны быть ему совершенно чужды. Въ тиши кабинета онъ долженъ продумать свою политическую программу, привести въ систему и обосновать свои политическіе взгляды: не то, когда онъ выступитъ неприготовленнымъ на арену общественной дѣятельности, застигнутый врасплохъ, онъ станетъ высказывать такія мысли, отъ которыхъ впослѣдствіи по зрѣломъ обсужденіи ему придется отречься (Es. III, 253, 254). Изъ такихъ отвлеченныхъ вопросовъ для государственнаго человѣка важнѣе всего знать, гдѣ лежитъ граница правительственной дѣятельности.

Отъ правильнаго распредѣленія правъ и обязанностей государства и гражданъ зависитъ не только безпрепятственное развитіе жизненной энергіи народа, но также степень личной свободы, доступной гражданамъ, которые могутъ быть безвыходно порабощенными при самомъ свободномъ государственномъ устройствѣ. Дѣйствительно, государство есть надежнѣйшій и вѣрнѣйшій оплотъ свободы; извнѣ оно охраняетъ отъ враговъ свою независимость какъ политическаго цѣлаго; изнутри оно мѣшаетъ отдѣльнымъ лицамъ порабощать другъ друга. Но, охраняя свободу личности отъ постороннихъ посягательствъ, оно не можетъ охранить его отъ себя; стремясь къ полнѣйшему достиженію своей цѣли, оно, изъ желанія

увеличить къ тому свои средства, присвоиваетъ себѣ то, чтó раньше составляло неотъемлемое достояніе отдѣльныхъ лицъ. „Можетъ подлежать еще сомнѣнію“, говоритъ Спенсеръ (The Man versus the State), что человѣкъ зачатъ во грѣхѣ и рожденъ въ беззаконіи, но государство безспорно порождено захватомъ отъ захвата“. И даже не столько правители, сколько сами управляемые толкаютъ его впередъ по этому пути; заблуждаясь объ истинномъ его назначеніи, они видятъ въ немъ мощнаго проводника всего необходимаго для благополучнаго теченія народной жизни, надѣляя его безграничными правами и безграничными обязанностями; они не замѣчаютъ, что это идетъ въ ущербъ ихъ же самодѣятельности и ихъ индивидуальной свободѣ. Только немногіе, въ сознаніи опасности, стремятся предотвратить ее, съуживая до минимума кругъ государственнаго вѣденія. Оба эти теченія отразились въ двухъ противоположныхъ политическихъ теоріяхъ, задавшихся цѣлію ихъ объяснить и ихъ обосновать. Одна учитъ: „не управлять слишкомъ много“, „laissez faire, laissez passer“, „собственность, безопасность, свобода—вотъ весь соціальный порядокъ“, „il mondo va da se“; другая за государствомъ утверждаетъ безграничныя права и обязанности, называя его высшимъ проявленіемъ личности. Обѣ онѣ обратились къ исторіи и обѣ нашли себѣ доказательство, ибо обѣ одинаково коренятся въ формахъ, пережитыхъ обществомъ. А постепенность ихъ измѣненія, по Спенсеру, приблизительно такова. Человѣкъ первичный и человѣкъ мало цивилизованный не обладаетъ отъ природы необходимыми качествами къ тому, чтобы сознательно сдѣлаться участникомъ въ общемъ предпріятіи. Невозможно предположить въ немъ способности разумно соединять свои силы съ силами другихъ, ему подобныхъ, для совершенія дѣла, результатъ котораго лишенъ непосредственности и осязательности, а таково большинство предпріятій, отличающихъ новое время. Они были недоступны для человѣчества на первыхъ ступеняхъ его развитія, какъ по отдаленности цѣли, такъ и по недостатку средствъ къ ея осуществленію. Они предполагаютъ способность добровольнаго подчиненія участниковъ цѣлому ряду руководителей, а способность эта могла привиться только подъ вліяніемъ военнаго устройства, пережитаго обществомъ. Государство, какъ военная община, получало неограниченныя права надъ своими подданными; для успѣха борьбы необходима безусловная покорность волѣ вождя; если въ военное время ему привыкли повиноваться, какъ полководцу, то въ мирное ему стали подчиняться, какъ законодателю и судьѣ. Къ военнымъ цѣлямъ было приспособлено все государственное устройство; народъ представлялъ войско, каждый гражданинъ—солдата, одинаково связаннаго дисциплиной и въ мирное, и въ военное время. Повиновеніе было безусловно, размѣры правительственной власти без-

предѣльны; она была тѣмъ сильнѣе, что опиралась еще на семейное начало,—отецъ былъ главою семьи,—и на божественное,—монархъ признавался богомъ или посланникомъ небесъ. Только тогда, когда, утвердивъ безопасность, государство исполнило свое главное назначеніе, индивидуальная свобода, ему порабощенная, во избѣжаніе худшаго рабства, подняла голову и стала отстаивать свои права. Отчасти подъ вліяніемъ промышленной и торговой дѣятельности, развивающей въ людяхъ самостоятельность, возникло иное понятіе о государствѣ, приспособленное къ новымъ потребностямъ; въ немъ стали видѣть не принудительное сотоварищество для борьбы съ внѣшними и внутренними врагами, съ безграничными правами надъ его участниками, а добровольный союзъ отдѣльныхъ лицъ для осуществленія цѣли всѣмъ одинаково важной, а между тѣмъ, недоступной разрозненнымъ усиліямъ.

Для характеристики политическихъ воззрѣній всякаго историка, и Маколея въ томъ числѣ, представляется въ высшей степени важнымъ знать, какое положеніе занято имъ въ этомъ вопросѣ. Стоялъ ли онъ за всемогущество государства, за теорію, одинаково признаваемую такими противоположными началами, какъ Contrat Social и абсолютныя монархіи, повсюду въ Европѣ распространенную и утвердившуюся такъ прочно, что нѣтъ даже отдаленныхъ признаковъ ея упадка, или, наоборотъ, держался иного взгляда, своимъ голосомъ подкрѣпляя новое направленіе, осмѣливающееся слабо поднимать голову, если не въ политикѣ, то въ литературѣ, какъ противовѣсъ крайностямъ, въ какія дѣломъ и словомъ впадаютъ его противники? Какъ вигъ и борецъ за свободу, Маколей примыкалъ ко второй теоріи скорѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ, ибо рѣдко входилъ въ разсмотрѣніе отвлеченныхъ историческихъ вопросовъ. Только одинъ разъ, по поводу книги Гладстона „Государство и Церковь", онъ коснулся отношеній между личностію и государствомъ. Это единственная статья, гдѣ его политическіе взгляды излагаются въ системѣ, а не случайно отрывками, какъ въ другихъ мѣстахъ его сочиненія. Вотъ въ какомъ видѣ представляется тамъ возникновеніе государства, кругъ его правъ и обязанностей.

Въ нѣкоторыхъ цѣляхъ государства (Es. III, 259) всѣ согласны. Неоспоримыми могутъ быть признаны тѣ положенія, что оно предназначено принуждать насъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей не грабежемъ, но предусмотрительною дѣятельностію, къ разрѣшенію нашихъ распрей не насиліемъ, а судомъ, къ единодушной защитѣ противъ нападеній чуждыхъ общинъ (ib., 268). Для достиженія этихъ цѣлей люди и образовываютъ государства, поставляя въ его главу правительство, облеченное сильною властію и подлежащее строгой отвѣтственности. Способъ государственнаго устройства весьма различенъ

и въ большинствѣ случаевъ ему далеко до совершенства; во многихъ царятъ злоупотребленія, однако, каковы бы они ни были, полная анархія еще хуже (ib. 271). Государство должно преслѣдовать исключительно мірскія цѣли, ему свойственныя, хотя интересы отдѣльныхъ лицъ, его составляющихъ, простираются за предѣлы земного, ибо жизнь человѣческая кончается не въ здѣшнемъ мірѣ (ib. 313). Если бы даже государство и было свѣдущимъ судіей въ вопросахъ вѣры, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ (ib. 283), оно не должно въ нихъ вмѣшиваться, потому что въ этой области безсильны тѣ средства, которыми оно дѣйствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, каковы они? Награда и наказаніе, но та и другое можетъ вліять только на одну внѣшность и совершенно неспособно коснуться сердца. Требуя благочестія со стороны подданныхъ, правительство развиваетъ только фарисейство и вредитъ добродѣтели (Es. II, 155). Религіозныя преслѣдованія идутъ въ разрѣзъ съ главною цѣлію, которую призвано осуществить государство, охраняющее собственность и личность; религіозная нетерпимость его ослабляетъ, сокращая число людей, способныхъ ему служить. Государство можетъ расширять кругъ своего вѣденія не иначе, какъ если коренныя цѣли будутъ осуществлены. Только тогда религіозная пропаганда, имъ предпринятая, можетъ принести много добра и мало вреда (Es. III, 317). Только тогда она можетъ выступить на путь покровительства промышленности, искусствамъ, наукамъ, народному воспитанію и образованію. Во всякомъ случаѣ законодатели должны помнить, что (Es. I, 249) нѣтъ ничего болѣе раздражающаго народа, если только онъ не привыкъ къ этому отъ рожденія, какъ отеческое или иными словами во все вмѣшивающееся правительство, которое учитъ, что читать, что говорить, что ѣсть, что пить и что носить. „Не вмѣшательствомъ этого идола нѣкоторыхъ, всевѣдущаго и всемогущаго государства, но благоразуміемъ и энергіей народа Англія дѣлала успѣхи на пути прогресса; на это же самое благоразуміе и энергію мы смотримъ теперь съ увѣренностію и надеждой. Наши правители лучше станутъ содѣйствовать успѣхамъ народа, строго ограничивая себя въ предѣлахъ законодательной дѣятельности, предоставляя капиталу находить наивыгоднѣйшее обращеніе, удобствамъ ихъ высшую цѣну, промышленности и умственной дѣятельности соотвѣтствующее имъ вознагражденіе, лѣнности и безумію естественное наказаніе, поддерживая миръ, защищая собственность, уменьшая стоимость судопроизводства, соблюдая во всемъ строгую бережливость. Народъ сдѣлаетъ остальное“ (Es. I, 266).

Въ этихъ краснорѣчивыхъ строкахъ, предостерегающихъ отъ излишняго распространенія круга государственныхъ обязанностей, сказалась несравненная способность Маколея въ передачѣ его историче-

скихъ впечатлѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ неумѣніе его и нелюбовь, повѣрять эти впечатлѣнія и доказывать ихъ справедливость путемъ разсудочнымъ. А между тѣмъ мысли эти, вѣрны ли онѣ или нѣтъ, у лицъ, ихъ раздѣляющихъ, находятъ научное оправданіе. Вотъ напр., что говоритъ Ип. Тэнъ, такой же сторонникъ наибольшаго невмѣшательства государства въ частную жизнь гражданъ. Учрежденіе единственное въ своемъ родѣ, дѣйствующее сверху и издалека съ принудительною властію, располагающее военною силою, государство распространяетъ посредствомъ обязательныхъ предписаній кругъ своихъ дѣйствій сразу на цѣлую страну; отданные на основаніи общихъ соображеній, не приспособленные къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, указы эти приводятся въ исполненіе чиновничьей іерархіей, дѣйствующей въ тѣсныхъ предѣлахъ, заранѣе намѣченныхъ центральнымъ правительствомъ. Чисто внѣшній двигатель, заставляющій работать правительственную машину, слишкомъ слабъ и недостаточенъ для предпріятій, нуждающихся въ побужденіяхъ, несравненно болѣе сильныхъ. Ему не вызвать той энергіи, тѣхъ жертвъ, всего того, на что рѣшаются люди и что они переносятъ, подстрекаемые надеждой на личныя выгоды, возбуждаемые семейной привязанностію, движимые ученою любознательностію или воспламененные вѣрой, состраданіемъ, любовію къ ближнимъ. Тамъ, гдѣ нужны быстрота, глазомѣръ, твердая и увѣренная рука, неустанная настойчивость въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, неизсякающая изобрѣтательность и неоскудѣвающій починъ, государство дѣйствуетъ механически, его пріемы рутинны, медленны и неловки. Источникъ дѣйствія помѣщается через-чуръ высоко, его распоряженія, процѣженныя сквозь волокна іерархической лѣстницы, замедляются формальностами и теряются въ перепискѣ. Обезличенныя, обезцвѣченныя, расчитанныя на среднее, не подходящія въ точности ни къ одному опредѣленному случаю, неподвижныя, хотя имъ приходится имѣть дѣло съ вѣчно мѣняющимися фактами человѣческой жизни, распоряженія эти представляютъ родъ платья, сшитаго по обязательному покрою, которое центральное правительство разсылаетъ повсюду въ тысячахъ экземпляровъ, заставляя носить всѣхъ во всякое время года. Поэтому государство плохой промышленникъ, земледѣлецъ и купецъ, неумѣлый распредѣлитель труда и средствъ къ жизни, неспособный посредникъ въ производствѣ, обмѣнѣ и потребленіи, благотворитель, лишенный проницательности при отысканіи лицъ, дѣйствительно нуждающихся. Въ этихъ областяхъ принесенная польза и добытые результаты не могутъ искупить своей дорогой стоимости. Такъ бываетъ всякій разъ, когда извѣстный социальный инструментъ, созданный для одного назначенія, пытается вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить и другое. Изъ двухъ дѣлъ, которыя онъ совершаетъ, одного,

исключительно ему принадлежащаго и другого, ему присвоеннаго, оба совершаются дурно, такъ какъ одно мѣшаетъ другому. Но вредъ расширенія обязанностей государства этимъ не ограничивается. Оно не только плохо работаетъ въ области, ему несвойственной, стоитъ дороже и достигаетъ меньшаго, чѣмъ учрежденія, сами собой возникающія для удовлетворенія какой-нибудь потребности, оно своею подавляющей конкуренціей убиваетъ такія учрежденія, съуживая кругъ дѣйствія личности и уменьшая индивидуальную свободу.

Если, какъ историкъ, Маколей признаетъ необходимымъ наибольшее ограниченіе круга государственныхъ обязанностей, то, какъ политическій дѣятель (см. его рѣчи), онъ охотно сходитъ съ этой точки зрѣнія. Распространеніе, напр., образованія и развитіе благосостоянія народныхъ массъ до такой степени важны въ его глазахъ, что ради ихъ достиженія онъ готовъ отступиться отъ своего страха передъ вездѣсущимъ и всемогущимъ правительствомъ. Непослѣдовательность эту нельзя ему ставить въ упрекъ; онъ самъ ее сознавалъ, и все-таки ее дѣлалъ, утверждая, что аргументація ведется на одинъ ладъ, а политическія дѣла на другой. Крайность совершеннаго государственнаго невмѣшательства въ сдѣлки между отдѣльными лицами тамъ, гдѣ затронуто благо народа, ему представляется столь же пагубной, какъ противоположное ей безмѣрное расширеніе круга его вѣдѣнія. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о здоровьѣ и нравственности, государственное вмѣшательство должно быть оправдываемо (Sp. II, 201—205). Если государство, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, имѣетъ право карать, то оно обязано также учить. Цѣль, достигаемая тутъ, одна; различны только пути; первый дѣлаетъ людей несчастнѣе, второй счастливѣе и мудрѣе (Sp. II, 238). Если наука о государствѣ есть наука опытная, то высшая степень образованности, достигнутая шотландскимъ простымъ народомъ, путемъ обязательнаго обученія (Hist. VIII, 240), должна служить убѣдительнымъ доводомъ и для Англіи (Sp. II, 252).

Если отсутствіе цѣльнаго историческаго міросозерцанія заставило Маколея высказывать противоположные взгляды на отношеніе личности и государства, смотря потому, что въ немъ одерживало верхъ, либерализмъ ли его партіи или участіе въ государственной жизни, искони протекающей по болѣе широкому руслу, чѣмъ то, въ которое хотятъ заключить ее сторонники наибольшей индивидуальной свободы, то въ оцѣнкѣ великихъ людей и ихъ значенія та же причина отдавала его мысль на произволъ двухъ началъ, боровшихся въ его умѣ. Съ одной стороны, въ немъ говорило художественное чувство, ни въ чемъ иномъ по своей природѣ не находящее себѣ предмета, болѣе достойнаго, чѣмъ величіе лицъ, системъ и событій, съ

другой, англійскій трезвый взглядъ на вещи, на практикѣ умѣрявшій въ немъ крайности теоріи государственнаго невмѣшательства, показывалъ ему, что какъ бы ни былъ высоко поставленъ человѣкъ и какъ бы ни сильна была на видъ его власть, онъ все-таки связанъ по рукамъ и по ногамъ въ своихъ дѣйствіяхъ окружающей средой. Подъ вліяніемъ первыхъ началъ Маколей называетъ великихъ людей благодѣтелями человѣчества, виновниками важнѣйшихъ перемѣнъ въ его судьбахъ, и онъ же, настроенный иначе наблюденіемъ хода обыденной жизни, говоритъ, что великіе люди своею мнимою ролью обязаны круговороту, случайно выбросившему ихъ впередъ. Въ отношеніи къ этому вопросу сказался талантъ Маколея до такой степени цѣлостный, что онъ накладываетъ неизгладимую печать какъ на все сочиненіе, такъ и на каждую отдѣльную его часть. Великіе люди и ихъ дѣятельность для него не предметъ разсужденія, но описанія. Ему чужды отвлеченныя мысли о томъ, какія эпохи наиболѣе благопріятствуютъ ихъ появленію, чѣмъ подготовляется ихъ величіе въ прошломъ, что берутъ они отъ окружающей среды и что ей даютъ взамѣнъ. Онъ не думаетъ заниматься повѣркой своихъ впечатлѣній въ этой области, сводить ихъ въ систему и обосновывать, производя надъ ними утомительную работу мысли, но за то какая неподражаемость въ передачѣ этого впечатлѣнія! Какъ тонки всѣ оттѣнки, какъ изященъ рисунокъ! Если искусство писать, по мнѣнію Маколея, у него не достигаетъ до идеала, сложившагося въ его головѣ, то во всякомъ случаѣ стоитъ на такой высотѣ, куда немногіе могутъ подняться. Для того, чтобы не становиться между читателемъ и самимъ историкомъ, я обращаюсь къ выпискамъ, располагая ихъ въ такой системѣ, которая способна наиболѣе цѣльно передать взгляды Маколея. „Великіе люди тѣ, чья исторія полна великими событіями. „Гемпденъ, Пимъ, Венъ, Кромвель отличаются отъ искуснѣйшихъ политиковъ послѣдующаго поколѣнія тѣми рѣзкими чертами, которыми запечатлѣны люди, производящіе революцію въ отличіе отъ тѣхъ, которыхъ она производитъ. Руководитель во время великаго переворота, человѣкъ, пробуждающій уснувшее общество, ниспровергающій насквозь прогнившую систему, можетъ быть испорченнымъ человѣкомъ, но едва ли онъ можетъ быть лишенъ нѣкоторыхъ нравственныхъ качествъ, которыя вызываютъ невольное удивленіе даже у враговъ настойчивость въ преслѣдованіи цѣли, твердость воли, энтузіазмъ, не менѣе гордый и постоянный, хотя онъ иногда и былъ прикрытъ призракомъ хладнокровія, порабощающій себѣ силы обстоятельствъ и сопротивленіе враждебно настроенныхъ умовъ). Эти качества, вошедшія въ различныя сочетанія съ добродѣтелями и по-

роками, могутъ быть открыты, думаемъ мы, въ большей части виновниковъ великихъ гражданскихъ и общественныхъ движеній, въ Цезарѣ, Магометѣ, Гильдебрантѣ, Доминикѣ, Лютерѣ, Робеспьерѣ; и эти качества не въ малой степени отличали руководителей партіи оппозиціоноой Карлу I" (Es. III, 153).

Кромѣ этихъ признаковъ, общихъ великимъ людямъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, есть на нихъ еще особый отпечатокъ, какимъ они отличаются другъ отъ друга; его они получаютъ отъ того народа и отъ той среды, гдѣ имъ приходится дѣйствовать. „Кромвель, напр., говоритъ Маколей, обладалъ въ высокой степени той мужественной и зрѣлой силой здороваго и равномѣрно развитаго ума, которая, если національное пристрастіе не вводитъ насъ въ заблужденіе, особенно отличаетъ англійскихъ государственныхъ людей. Никогда еще ни одинъ правитель не былъ рожденъ въ такой мѣрѣ для престола. Чаша, опьянявшая другихъ, давала ему только трезвость. Его духъ бозпокойный вслѣдствіе своей силы до тѣхъ поръ, пока онъ находился на низшихъ ступеняхъ, затихъ въ величественномъ покоѣ, лишь только достигъ родной ему высоты. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ обширнымъ классомъ людей, которые отличаются, занимая низшіе посты, но неспособность которыхъ ярко обнаруживается, какъ только общественный голосъ заставитъ ихъ принять руководство. Его значеніе росло быстро, но умъ развивался еще быстрѣй" (Es. I, 181).

Величіе, сверхъ основныхъ чертъ, ему присущихъ внѣ различія временъ и народовъ, и національнаго отпечатка, налагаемаго на него средой, можетъ обладать свойствами, дѣлающими его наиболѣе способнымъ проявляться преимущественво въ той или другой области человѣческой дѣятельности. Великими могутъ быть государственные люди[1]) и

[1]) „Природа щедро одарила Вильгельма качествами великаго правителя и воспитаніе развило ихъ въ рѣдкой степени. Съ сильнымъ природнымъ умомъ, съ рѣдкой твердостію воли, онъ очутился, лишь только у него начались проблески сознанія, ребенкомъ безъ отца и матери во главѣ великой, хотя подавленной и лишенной предводителя партіи; онъ унаслѣдовалъ обширныя и неопредѣленныя права, которыя возбуждали страхъ въ олигархіи, царившей тогда въ Голландіи. Окруженный со всѣхъ сторонъ западнями, въ которыхъ погибъ бы обыкновенный юноша, Вильгельмъ научился дѣйствовать рѣшительно и твердо. Его положеніе способно было разслабить слабаго, но оно закаляетъ твердаго. „History, III, 2. Битвы, въ которыхъ онъ предводительствовалъ, если не даютъ ему право на имя великаго тактика, то обличаютъ въ немъ великаго человѣка. Никакое пораженіе не лишало ни на одну минуту твердости и обладанія всѣми его способностями". His., III, 5.

поэты [1]), полководцы [2]) и нравственные подвижники [3]), государи [4]) и ученые [5]); имъ только слѣдуютъ или подражаютъ остальные люди. „Ихъ удѣлъ быть руководителями человѣчества по пути прогресса, основывать на развалинахъ прежнихъ системъ болѣе счастливое и долговѣчное царство, пользоваться уваженіемъ потомства въ качествѣ славнѣйшихъ изъ благодѣтелей человѣчества" (Es. III, 56). Какъ бы ни было велико ихъ право на удивленіе и благодарность потомства, величайшіе люди двѣсти лѣтъ тому назадъ не могутъ во многомъ подняться до уровня міросозерцанія обыкновеннаго человѣка нашихъ дней. Но ужъ это было бы слишкомъ, если бы благодѣтели человѣчества, терпя отъ глупцовъ своего времени порицаніе за то, что они пошли слишкомъ далеко, стали терпѣть порицаніе отъ глупцовъ ближайшаго поколѣнія за то, что не пошли довольно далеко. Тенденція послѣднихъ лишить благодѣтелей человѣчества ихъ доброй славы и подвести подъ одинъ уровень лучшихъ и худшихъ людей прошлаго. Виновники великихъ преобразованій никогда не пользуются популярностію въ свое время. Въ безпокойствѣ и опасностяхъ про-

---

[1]) „Купера (Cowper) и Алфіери нельзя назвать великими поэтами; въ нихъ нѣтъ творчества въ высокой степени „видѣнія" и божественной способности, но они обладаютъ сильной мыслію, горячимъ чувствомъ, и тѣмъ, что въ ихъ обстоятельствахъ имѣло особенную важность, мужественностью вкуса, приближающеюся къ грубости" (Es. I, 331).

[2]) „Про Якова II думали, что онъ въ молодости обладалъ не только тѣмъ среднимъ сортомъ храбрости, которая позволяетъ солдату безъ позора совершить походъ, но и той высокой и спокойной (serene) неустрашимостію, которая отличаетъ великихъ полководцевъ" (His. VI. 21).

[3]) „Не въ нашемъ обычаѣ дѣлать идола изъ мертвыхъ или изъ живыхъ. На нашъ взглядъ, нѣтъ большаго доказательства, слабости и дурнаго направленія ума, чѣмъ эта склонность, которую за неимѣніемъ лучшаго имени мы назовемъ босвелизмомъ. Но есть нѣсколько характеровъ, которые устояли противъ пристальнѣйшаго разбора и сильнѣйшихъ испытаній, которые были испробованы огнемъ и оказались чистыми, которые были положены на вѣсы и явились полновѣсными, которые были съ общаго согласія человѣчества объявлены безукоризненными и которые видимо запечатлѣны образомъ Всемогущаго. Такихъ великихъ людей, думаемъ мы, что умѣемъ хвалить" (Es. I, 59).

[4]) „Людовикъ XIV не былъ великимъ полководцемъ, онъ не былъ великимъ законодателемъ, но былъ великимъ королемъ. Онъ былъ окруженъ великими людьми, побѣдоносными полководцами, проницательными государственными людьми. Онъ до послѣдней степени пользовался ихъ услугами, обходя опасность ихъ соперничества" (Tr. I, 102).

[5]) „Время идетъ; накопляются факты, зарождаются сомнѣнія: начинаются проявляться слабые проблески истины, разгораясь все сильнѣе и сильнѣе. Великіе умы, подобно вершинамъ горъ, первые освѣщаются и отражаютъ дальше свѣтъ. Они сіяютъ, пока все, что ниже ихъ, еще во мракѣ" (Es. II, 291).

ходитъ ихъ жизнь. Для пользы человѣчества память такихъ людей должна служить предметомъ уваженія; надежда имѣть великое и нетлѣнное имя должна ихъ поддерживать противъ презрѣнія и ненависти современниковъ" (Es. II, 294).

Но если великія свойства, отличающія героевъ, направленныя на добро, способны облагодѣтельствовать человѣчество, то они же дѣлаютъ несчетное зло, когда ими дурно пользуются. „Какъ будто, восклицаетъ Маколей, исторія не совершалась злодѣяніями выдающихся лицъ, какъ будто самые извѣстные разрушители и обманщики нашего рода, основатели деспотическихъ государствъ и ложныхъ религій, не были необыкновенными людьми, какъ будто девять десятыхъ несчастій, постигшихъ человѣчество, имѣли иное начало, чѣмъ соединеніе высокаго ума съ низкими стремленіями" (Es. III, 54).

Какъ странно звучитъ послѣ такихъ рѣшительныхъ утвержденій, что столько добра и зла исходитъ отъ великихъ людей, полное и совершенное отрицаніе ихъ значенія въ исторіи; а между тѣмъ, сдѣлать это яснѣе и краснорѣчивѣе, чѣмъ сдѣлано у того же Маколея, трудно. Вотъ что мы у него читаемъ: „Главы партій, подобно головамъ змѣй, приводятся въ движеніе туловищами (Sp. I, 214). Надъ великими измѣненіями въ мірѣ нравственномъ, я думаю, мы имѣемъ власть столь же малую, какъ надъ великими измѣненіями міра физическаго. Мы не въ состояніи помѣшать тому, чтобы съ теченіемъ времени измѣнялось распредѣленіе собственности и образованія, мы не болѣе того можемъ помѣшать собственности и образованію стремиться къ политической власти, чѣмъ если бы стали пытаться воспрепятствовать смѣнѣ временъ года или остановить приливъ. Среди мира или разгрома, при помощи самихъ старыхъ учрежденій, если они поддаются измѣненію, или на ихъ развалинахъ, если они непокорно сопротивляются, совершается и долженъ совершаться великій прогрессъ общества. Слабыя усилія отдѣльныхъ личностей возвратить его вспять пропадаютъ и сметается мощнымъ стремленіемъ, съ какимъ совершается это движеніе. Тѣ, которые, повидимому, руководятъ движеніемъ, на самомъ дѣлѣ только выброшены круговоротомъ впередъ. Тѣ, кто дерзаютъ ему сопротивляться, падаютъ, раздавленные имъ. Столько великихъ и страшныхъ революцій измѣнили видъ общества только потому, что правители не обращали достаточнаго вниманія на степень этого великаго движенія, потому, что они не знали цѣны его силамъ и его законамъ". Sp. I, 93.

„По всему представляется вѣроятнымъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что тотъ, кто казался руководителемъ въ дѣлѣ убіенія Карла I, въ сущности принужденъ былъ только слѣдовать и, что какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ важномъ случаѣ, нѣсколькими годами

позже онъ пожертвовалъ своимъ мнѣніемъ и наклонностями убѣжденію арміи. Ибо власть, вызванная имъ къ бытію, была властію, которую онъ самъ не всегда могъ обуздывать. Чтобы повелѣвать ей въ обыкновенное время, онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ былъ ей повиноваться" (Hist., I, 122).

Какъ бы внимательно ни изучали мы сочиненія Маколея, какъ бы ни вчитывались мы въ его дневникъ и въ его переписку, отъ насъ ускользаетъ тотъ путь, которымъ мысль его доходила до такихъ крайнихъ рѣшеній одного и того же вопроса. Только въ одномъ мѣстѣ его „Опытовъ" можно найти слѣдъ, оставленный измѣненіями его мысли въ этой области. Вотъ что мы тамъ читаемъ:

„Мірская власть, долгое время незаслуженно подавленная, возвращала съ тревожной быстротой свое вліяніе и значеніе. Измѣненіе это, само собою, должно быть приписано отвращенію, возбужденному тѣмъ, какъ церковь злоупотребляла своею властію и своими успѣхами. Но нѣчто нужно приписать характеру и положенію отдѣльныхъ лицъ. Человѣкъ, который принималъ главное участіе въ осуществленіи этого переворота, былъ Филиппъ IV, деспотъ по положенію, деспотъ по темпераменту, суровый, неумолимый, неразборчивый на средства, одинаково готовый на насиліе и на хитрости, окруженный преданнымъ войскомъ и юристами" (Es. IV, 108).

Вотъ какъ неустойчивы были общіе взгляды Маколея и какъ рѣзко измѣнялись они. Увлекаясь своимъ воображеніемъ и свою впечатлительностію, Маколей нерѣдко шелъ путемъ, далекимъ отъ логическаго вывода изъ слѣдствій имъ же установленныхъ принциповъ. Но за то другія, положительныя стороны его манеры письма, навсегда спасутъ „Исторію Англіи„ и „Опыты" отъ зависти вѣковъ, всегда будутъ привлекать читателей, а невольныя увлеченія, пристрастность и ошибки простятся ради симпатичной личности автора.

---

[1]) „Вотъ какъ онъ высказываетъ туже мысль по иному поводу. Питтъ младшій, говоритъ онъ, былъ во главѣ своихъ товарищей, далеко превосходилъ ихъ, и, казалось, велъ ихъ. На самомъ же дѣлѣ они силой толкали его, и если бы онъ сталъ упираться немного побольше того, нежели онъ это сдѣлалъ, они бы столкнули его съ дороги или раздавили бы подъ своими ногами. Онъ покорился потоку, и отсюда пошли всѣ его несчастія". Wil. Pitt, 117. „Можетъ быть, Шафтсбери нашпорилъ свою партію такъ, что ужъ не могъ болѣе обуздать ее, и въ дѣйствительности былъ стремглавъ увлеченъ тѣми, которыми, казалось, руководилъ". His. I. 257. „Шресбери былъ предводителемъ виговъ; подобно всѣмъ предводителямъ партій, онъ часто былъ подталкиваемъ впередъ противъ воли, тѣми, которыми онъ наружно предводительствовалъ". His. V. 181.

Философія, исторія и теорія прогресса.

Н. И. Карѣева.

I. Философія и наука.—II. Задача философіи исторія.—III. Явленія, законы и принципы личной и общественной жизни.—IV. Бевсознательная философія общества.—V. Теорія прогресса.

Въ статьѣ своей *Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки* я коснулся только *научной* стороны предмета, поскольку рѣчь шла у меня о теоріи историческаго *процесса*, взятаго отвлеченно и *объективно*, но въ числѣ этихъ же самыхъ вопросовъ есть и *философскіе*, особенно, когда дѣло идетъ о теоріи культурно-соціальнаго *прогресса*, не мыслимой безъ *субъективныхъ* элементовъ. Говоря довольно подробно, насколько это позволяли размѣры статьи, объ отношеніи исторіологіи къ другимъ наукамъ, я едва затронулъ вопросъ объ ея отношеніи къ философіи. Настоящая статья будетъ служить прямымъ дополненіемъ къ только что указанному реферату.

I.

Прежде всего условимся въ опредѣленіи понятія философіи, такъ какъ употребляетсяэто слово въ довольно различныхъ смыслахъ, поэтому намъ нужно сначала будетъ разсмотрѣть главныя категоріи опредѣленій философіи.

Говоря вообще, категорій этихъ три: къ первой относятся всѣ тѣ опредѣленія, которыя разсматриваютъ философію, какъ *специальную науку* въ ряду другихъ такихъ же наукъ, различно, однако, обозначая ея предметъ; опредѣленія второй категоріи дѣлаютъ изъ философіи *науку универсальную*, опять-таки очень неодинаково понимая отно-

шеніе этой общей науки къ наукамъ частнымъ; наконецъ, по опредѣленіямъ третьей категоріи, понятіе философіи *противополагается понятію науки*, хотя точно такъ же въ довольно различныхъ смыслахъ. Изъ этихъ трехъ основныхъ способовъ пониманія философіи намъ и нужно сдѣлать выборъ, которымъ опредѣлится и то̀, въ какомъ значеніи съ точки зрѣнія исторической науки должна быть поставлена задача теоріи прогресса, которая имѣла бы философскій характеръ.

Первая категорія опредѣленій философіи видитъ въ ней одну изъ спеціальныхъ наукъ. Но что такое вообще спеціальныя науки? Каждому хорошо извѣстно, что̀ обозначается этимъ именемъ: спеціальная наука состоитъ въ изученіи опредѣленной области познаваемыхъ нами вообще предметовъ, за границы которой ни одна научная спеціальность не выходитъ, какъ таковая, но въ предѣлахъ которой ничего по возможности не оставляетъ неизслѣдованнымъ. Другими словами, научныя спеціальности имѣютъ каждая свой предметъ, коимъ должны заниматься исключительно и вполнѣ его исчерпывая: этимъ та или другая наука выдѣляется въ особую и самостоятельную отрасль знанія и получаетъ внутреннее единство объекта и задачи. Всѣ попытки ограничить подобнымъ образомъ и философію не имѣли до сихъ поръ успѣха: всегда оказывалось, что у философіи, какъ спеціальной науки, нѣтъ такого предмета, который она вѣдала бы исключительно и всецѣло. Не касаясь вопроса о познаваемости или непознаваемости сущности вещей, мы не можемъ отождествить философію съ метафизикой, которая дѣлаетъ своимъ предметомъ именно сущность вещей: не расширяя произвольно значенія слова *метафизика*, обозначающаго познаваніе того, что лежитъ за предѣлами міра явленій, отождествленіе философіи съ метафизикой лишаетъ первую права заниматься многимъ изъ того, что до сихъ поръ входило въ область ея вѣдѣнія, наприм., моралью, правомъ, государствомъ. Особенно было бы странно такъ ограничивать область философіи, когда ея представители были главными творцами системъ именно нравственной философіи, или этики. Не болѣе удачна попытка опредѣлить философію, какъ науку о духѣ: во-первыхъ, и природа была всегда, хотя, быть можетъ, и въ меньшей степени, предметомъ, занимавшимъ философовъ, а во-вторыхъ, многія отрасли нашихъ знаній о духѣ, каковы, напр., психофизика или психіатрія, не обращали на себя вниманія философовъ, предоставлявшихъ разработку такихъ наукъ ученымъ спеціалистамъ. Еще болѣе спеціализируя задачу философіи, нѣкоторые думаютъ свести ее цѣликомъ на теорію познанія, но и тутъ оказывается, что философія въ своемъ историческомъ развитіи ставила себѣ болѣе широкія цѣли и далеко не всѣмъ интересовалась въ упомянутой теоріи. Наконецъ, философію

объявляли наукой о принципахъ, но сами-то принципы что такое, какъ не продукты уже самой философіи? Принциповъ, какъ предметовъ, подобныхъ тѣмъ, коими занимаются науки, не существуетъ: предметы, дѣлающіеся объектомъ той или другой спеціальности, существуютъ раньше спеціальностей, ихъ изучающихъ, принципы могутъ явиться только въ качествѣ результатовъ нашего мышленія. Довольно этихъ примѣровъ отождествленія философіи съ спеціальной наукой: изъ нихъ уже можно видѣть, какія трудности возникаютъ, когда дѣлается попытка ограничить область философіи, какъ мы ограничиваемъ области дѣйствительно спеціальныхъ наукъ. Конечно, въ пользу каждаго ограниченія философіи, какъ спеціальной науки, говорится то или другое, и для него, слѣдовательно, имѣются извѣстныя основанія, но самое существованіе нѣсколькихъ различныхъ опредѣленій философіи, какъ спеціальной науки, изъ которыхъ одно противорѣчитъ другому, указываетъ на трудность задачи обозначить предметъ, подлежащій исключительному и всеисчерпывающему вѣдѣнію философіи. Съ другой стороны, противъ каждаго такого отрицанія—вся исторія философіи: если мы потрудимся поближе познакомиться съ тѣмъ, какія области знанія входили въ составъ философіи, то увидимъ, что она занималась почти всѣмъ, если не всѣмъ дѣйствительно,—и сущностью вещей, и природой, и духомъ, и познаніемъ, и моралью, и правомъ, и государствомъ, и исторіей, и принципами. Значитъ, приходится отказаться отъ мысли о философіи, какъ спеціальной наукѣ, и приписать ей характеръ универсальности.

Другія категоріи опредѣленій философіи и имѣютъ въ виду именно этотъ ея универсальный характеръ. Но и здѣсь дѣло не можетъ рѣшиться простой ссылкой на универсальныя задачи философіи, потому что возникаетъ новый вопросъ, вопросъ объ отношеніи между философіей и наукой, допускающій два рѣшенія и дающій начало двумъ новымъ категоріямъ опредѣленій нашего понятія. Одна изъ этихъ категорій находится въ родствѣ съ первой, опредѣляя философію все-таки, какъ науку, другая, хотя и сближается съ только что указанной, отрицая спеціальный характеръ философіи, но одинаково удаляется отъ обѣихъ, прямо уже противополагая философію наукѣ вообще, т.-е. не считая философію за науку, а за нѣчто особое въ области знанія. Давая философіи значеніе универсальной науки, мы можемъ вкладывать въ это опредѣленіе весьма различный смыслъ, но въ сущности есть только два основныя рѣшенія вопроса: или философія есть не что иное, какъ простая сумма всѣхъ наукъ, и тогда это только синонимъ науки вообще, или же это—сумма конечныхъ выводовъ всѣхъ наукъ, и тогда она равнымъ образомъ не заключаетъ

въ себѣ ничего, что рѣзко отличало бы ее отъ наукъ, суммированіемъ выводовъ которыхъ она занимается. Первое рѣшеніе вопроса слишкомъ грубо и едва ли найдетъ серьезныхъ защитниковъ, второе не показываетъ, что же сами философы производятъ, если только на ихъ долю выпадаетъ лишь заносить въ свои реестры выводы спеціальныхъ наукъ. Съ другой стороны, одно рѣшеніе предполагаетъ немыслимый въ наше время научный энциклопедизмъ, а другое предоставляетъ подведеніе научныхъ итоговъ самимъ спеціальностямъ, превращая всѣхъ ученыхъ, занимающихся научнымъ синтезомъ, въ философовъ. Оба эти воззрѣнія возникли на общей почвѣ отрицанія чего бы то ни было внѣ науки и въ сущности упраздняютъ философію: защитники отождествленія философіи и науки съ предикатомъ универсальности для первой очень просто разрѣшаютъ вѣковой споръ между обѣими, объявляя, что нѣтъ философіи и науки, а есть только наука, которая и должна называться философіей.

Если мы сведемъ вмѣстѣ на очную ставку разсмотрѣнныя нами категоріи, то увидимъ, что кое-что изъ нихъ можно извлечь. Какъ, спрашивается, могло возникнуть такое крупное противорѣчіе въ опредѣленіи одного и того же понятія? Какъ случилось, что одной и той же вещи приписываютъ взаимно уничтожающіеся предикаты спеціальности и универсальности? Не могло же это произойти безъ всякаго основанія. Мнѣ кажется, что опредѣленія первой категоріи исходнымъ пунктомъ своимъ имѣютъ совершенно вѣрную мысль, именно мысль о необходимости обособленія философіи; ошибка сдѣлана только въ томъ отношеніи, что обособленіе это было понято въ такомъ смыслѣ, будто у философіи должна быть такая же спеціальная область вѣдѣнія, какъ и другихъ наукъ, тогда какъ основы для этого обособленія нужно искать совсѣмъ на иномъ основаніи въ виду несомнѣнной универсальности философіи, на которую напираютъ опредѣленія второй категоріи. Дѣйствительно, есть возможность обособить философію и въ то же время не лишить ее универсальнаго характера, если мы только обратимъ наши взоры къ третьей категоріи опредѣленій философіи, противополагающихъ ее наукѣ.

Противоположеніе философіи наукѣ, различіе между ними, то инстиктивно чувствуемое, что ясно выражаемое, нельзя игнорировать при опредѣленіи понятія философіи: въ силу существованія множества взглядовъ, сводящихся къ тому, что философія и наука—двѣ различныя вещи, не приходится опредѣлять философію, какъ науку—все равно, спеціальную ли, или универсальную. Въ этихъ взглядахъ существуетъ множество оттѣнковъ, начиная отъ мысли о нѣкоторомъ антагонизмѣ между философіей и наукой и кончая мыслью о возможности научной философіи и философскаго элемента въ наукѣ. Я опять не стану разсма-

тривать всѣ опредѣленія философіи, относящіяся къ этой третьей категоріи, и возьму только три случая: первымъ будетъ крайній взглядъ на философію и науку, какъ на двѣ вещи непримиримыя, вторымъ—полюбовное между ними размежеваніе, которое отдаляетъ одну отъ другой, третьимъ—нахожденіе нѣкотораго высшаго единства, примиряющаго философію и науку и сближающаго ихъ между собою. Во всѣхъ трехъ случаяхъ мы постараемся найти общую основу для противоположенія философіи и науки.

Съ точки зрѣнія опредѣленій этой категоріи удобнѣе всего разсмотрѣть сначала первый случай. Читателю, конечно, извѣстны толки объ антагонизмѣ между философіей и наукой, который нерѣдко приводилъ къ взаимнымъ пререканіямъ между ихъ представителями. Пререканія эти очень характерны, и общій смыслъ ихъ полезно уловить. Философъ, говорятъ иногда люди науки, похожъ на человѣка, который, желая отправиться изъ Европы въ Америку, рѣшился бы идти туда пѣшкомъ на томъ основаніи, что пѣшее путешествіе поэтичнѣе, чѣмъ ѣзда на пароходѣ; философъ—верхоглядъ и фантазеръ, строящій воздушные замки, нанизывающій на паутинную нить самые тяжелые предметы, пытающійся въ пустыхъ словахъ найти „начало всѣхъ началъ". Философы съ своей стороны въ долгу не остаются: нерѣдко для нихъ ученый—синонимъ буквоѣда и фактопоклонника, чернорабочаго, громоздящаго безформенныя кучи сырого матеріала, неспособнаго понять плана зданія, надъ которымъ работаетъ, думающаго, что перечислить всѣ видимые признаки и наружныя части предмета—конецъ и вѣнецъ всякаго знанія: онъ воображаетъ, что колба и реторта—единственное средство рѣшать всякіе вопросы, на томъ основаніи, что эти инструменты дали ему возможность кое-что состряпать. Такъ или приблизительно такъ и вообще въ этомъ родѣ пререкаются и пререкались представители философіи и науки, получавшіе въ этомъ спорѣ обидныя клички пустословія и крохоборства. Такого пререканія не могло бы возникнуть, если бы дѣйствительность не давала для него поводовъ, но читатель, конечно, понимаетъ, что тутъ берутся крайности, въ которыя нерѣдко впадали и философія, и наука: исказить можно все, но не слѣдуетъ судить о вещи по ея искаженному виду.

Другой случай представляетъ изъ себя, такъ сказать, полюбовный раздѣлъ между философіей и наукой: вотъ мое, вотъ твое, будемъ каждый владѣть своимъ, не мѣшая другъ другу и не ссорясь. На почвѣ такого дѣлежа возникло множество различныхъ взглядовъ, которые всѣ въ сущности сводятся къ слѣдующему: достояніе философіи—отвлеченныя понятія, ея методъ—умозрѣніе, ея цѣль—общія истины, а на долю науки приходятся конкретные предметы, опытъ и наблю-

деніе, частныя истины. Не думаю, чтобы такое размежеваніе было возможно и полезно. Въ самомъ дѣлѣ, мыслима ли какая-либо наука безъ отвлеченныхъ понятій, обобщающихъ отдѣльные классы дѣйствительныхъ предметовъ, и во что превратятся отвлеченныя понятія философіи, если ихъ нельзя будетъ примѣнять къ разрядамъ дѣйствительныхъ предметовъ, существующихъ и возможныхъ въ мірѣ? Равнымъ образомъ, развѣ наука можетъ обойтись безъ усмотрѣнія и что станется съ умозрѣніемъ философіи, если опытъ и наблюденіе будутъ его побивать на каждомъ шагу? Наконецъ, какъ это такъ разграничить истины частныя и общія? Вѣдь и наука стремится къ обобщенію своего знанія, и всякая общая истина предполагаетъ процессъ, который добываетъ ее изъ суммы истинъ частныхъ. Въ сущности эта размежевка есть тотъ же антагонизмъ, о которомъ сказано выше, только замаскированный: отвлеченности, не имѣющія корня въ фактахъ, умозрѣніе, не стѣсняющееся данными опыта и наблюденія, общія положенія, существующія независимо отъ частныхъ,—вотъ всѣ атрибуты фантазерства; одни конкретные предметы, одни данныя опыта и наблюденія, однѣ частности безъ стремленія найти ихъ общую подкладку,—вотъ всѣ атрибуты фактопоклонства. Но въ этой замаскированной формѣ, антагонизмъ между философіей и наукой уже не такъ рѣзокъ и дозволяетъ намъ провидѣть дѣйствительное между ними различіе. Замѣнимъ „фантазерство" „творчествомъ", „фактопоклонство" „зависимостью отъ объекта", и мы увидимъ, что подъ эти два понятія подойдутъ тѣ признаки философіи и науки, которые приписываются имъ полюбовнымъ размежеваніемъ. Отвлеченныя понятія, отдаваемыя въ собственность философіи, суть продукты нашего творчества: это мы ихъ образуемъ, готовыми дѣйствительность ихъ намъ не даетъ; умозрѣніе есть одинъ изъ видовъ также нашего творчества, какъ процессъ, въ которомъ первая роль принадлежитъ уму, созидающему знаніе; добываніе общихъ истинъ изъ совокупности частныхъ относится равнымъ образомъ къ творческому процессу мысли. Съ другой стороны, видя только конкретные предметы, зная только то, что даетъ намъ опытъ и наблюденіе, довольствуясь самыми частными истинами, относящимися къ отдѣльнымъ фактамъ, мы находимся въ совершенномъ подчиненіи нашимъ объектамъ. Вотъ почему я полагаю, что и открытый антагонизмъ между философіей и наукой, отрицающій одну ради другой, и полюбовный раздѣлъ между ними, обрекающій каждую изъ нихъ на невозможное существованіе, суть только весьма несовершенныя указанія на то, что философіи хотятъ вообще приписать предикатъ творчества, какъ наукѣ—предикатъ подчиненія объекту. Съ этой точки зрѣнія можно установить третій способъ пониманія противоположности между философіей и наукой: считая

характернымъ признакомъ послѣдней подчиненіе объекту, но не отрицая значенія въ ней и творчества, мы можемъ сказать, что главное въ наукѣ подчиненіе объекту, въ предѣлахъ котораго долженъ оставаться и творческій процессъ мысли, а тогда на долю философіи останется творчество, ставящее себѣ тѣ же цѣли, что и въ наукѣ, но уже выступающее за предѣлы упомянутаго подчиненія. Такъ какъ этого именно положенія я и добивался всѣмъ предыдущимъ разсужденіемъ и такъ какъ изъ него я вывожу свое опредѣленіе философіи, то на немъ необходимо остановиться.

Что наука невозможна безъ подчиненія даннымъ своего объекта, понятно каждому, но мысль о творчествѣ въ предѣлахъ подчиненія даннымъ объекта требуетъ объясненія. Говоря выше объ образованіи отвлеченныхъ понятію, которыми оперируетъ наука, объ умозрѣніи, имѣющемъ задачей построеніе знанія въ систему, объ общихъ истинахъ, которыя каждая наука ставитъ себѣ, какъ цѣль, я упомянулъ, что во всемъ этомъ дѣйствуетъ наше творчество, а потому безъ него наука невозможна. Но въ наукѣ творчество связано объектомъ изученія, т.-е. не имѣетъ права ничего создавать, что въ то же время не давалось бы дѣйствительностью, частныя истины о которой намъ открываютъ опытъ и наблюденіе. Высшій идеалъ науки — точность знанія, т.-е. полное соотвѣтствіе ея истинъ съ дѣйствительностью, котораго не можетъ быть безъ примѣненія къ изученію критическихъ пріемовъ мысли: научной истиной мы называемъ такую мысль, содержаніе которой добыто именно этимъ, а не какимъ-либо инымъ путемъ и можетъ быть постоянно провѣрено; точныя науки, обладающія такими истинами въ наибольшемъ количествѣ, мы ставимъ въ образецъ другимъ, менѣе совершеннымъ наукамъ и имъ, точнымъ наукамъ, наиболѣе довѣряемъ въ нашей практической дѣятельности. Само творчество во всѣхъ своихъ проявленіяхъ подчиняется здѣсь требованіямъ точности. Научныя представленія и понятія должны соотвѣтствовать даннымъ въ дѣйствительности предметамъ и ихъ классамъ; соединеніе разрозненныхъ элементовъ знанія въ систему должно изображать дѣйствительныя отношенія между данными предметами или ихъ классами; гипотезы, это угадываніе истины, къ которому вынуждена прибѣгать наука, должны выдерживать испытаніе провѣркой, чтобы получить научное значеніе, не говоря уже о добываніи общихъ истинъ путемъ обобщенія частныхъ. Но творческій процессъ мысли на этомъ не останавливается и, преслѣдуя тѣ же цѣли, что и въ наукѣ, начинаетъ дѣйствовать и внѣ той области, въ которой возможенъ строго-научный методъ, дающій намъ точное знаніе о дѣйствительныхъ предметахъ. Рядомъ съ научными понятіями умъ нашъ творитъ идеи,

какъ нѣкоторыя общія представленія, образованныя совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ научныя представленія и понятія: послѣднимъ соотвѣтствуютъ дѣйствительные предметы или ихъ классы, тогда какъ въ идеяхъ и идеалахъ намъ дается нѣкоторое содержаніе, коему въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ, т.-е. это—представленія и понятія не о существующемъ, а о возможномъ или должномъ, к а ковы всѣ принципы, которые мы кладемъ въ основу вещей, или идеалы, какъ разумные ихъ типы. Далѣе, творческій синтезъ построяетъ знаніе въ систему и за предѣлами того, на что насъ уполномочиваютъ опытъ и наблюденіе,—выбирая для этого построенія ту или другую форму изъ нѣсколькихъ, допускаемыхъ даннымъ содержаніемъ. Наконенъ, мы обобщаемъ наше знаніе и съ помощью такихъ гипотезъ, научная провѣрка которыхъ немыслима. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ творчествомъ внѣнаучнымъ, хотя и ставящимъ себѣ тѣ же цѣли, что и наука, т.-е. познаніе. Эта внѣнаучность заключается въ невозможности строгой провѣрки нѣкоторыхъ идей, построеній и гипотезъ данными въ дѣйствительности предметами и классами предметовъ, ихъ взаимными отношеніями, ихъ причинами, а между тѣмъ такое внѣнаучное творчество взывается потребностями того же знанія, хотя и стремится сообщить ему нѣчто иное, нежели то, что способна сдѣлать наука. Уже наука при всей своей заботѣ о точности хлопочетъ о полнотѣ, стройности и цѣлостности знанія, которыхъ можно достигнуть только путемъ творчества, но именно внѣнаучное творчество ставитъ себѣ задачею эту полноту, стройность, цѣлостность, хотя бы при этомъ и не достигалось точности. Вотъ такое-то творчество и создаетъ область философіи въ ея отличіе отъ науки, и въ этомъ именно смыслѣ я противополагаю философію наукѣ, говорю о творчествѣ, какъ объ основномъ признакѣ первой, и о подчиненіи предмету, какъ о столь же основномъ признакѣ второй. Какъ красная нить, проходитъ творчество черезъ все многовѣковое развитіе философіи: характеромъ и направленіемъ творчества опредѣляются уже другіе, болѣе случайные и непостоянные признаки философіи. Она, сказали мы, заключается въ творчествѣ идей, и уже для опредѣленія философіи вообще вопросъ второстепенный, какъ получаетъ она эти идеи и какое значеніе имъ приписываетъ: будутъ-ли это преобразованныя представленія и понятія изъ тѣхъ, съ которыми можетъ имѣть дѣло и наука, или продукты чистой фантазіи, будемъ ли мы имъ приписывать лишь субъективное значеніе или ихъ объективировать внѣ себя, какъ нѣкія сверхчувственныя сущности, во всякомъ случаѣ вырабатываетъ ихъ творческій процессъ мысли, имѣющій цѣлью полноту знанія, соединеніе реальнаго съ идеальнымъ, не знаніе одного того, что есть, но и того что должно быть

для удовлетворенія нашихъ субъективныхъ потребностей. Философія, далѣе, стремится внести въ знаніе стройность; и здѣсь возможны разные пути, слѣдованіе которымъ опредѣляетъ ту или другую философію уже дальнѣйшимъ образомъ: будемъ-ли мы добиваться порядка въ знаніи путемъ строгаго мышленія или путемъ чистаго вообраafженія, будемъ-ли только продолжать научныя построенія за предѣлами науки или исходить при этомъ изъ мысли о полномъ тождествѣ связи между нашими идеями и связи между вещами, насъ главнымъ образомъ будетъ занимать одно—внесеніе въ знаніе стройности. Наконецъ, цѣлостность знанія, къ которой стремится философія, требуетъ необходимо творчества нѣкоторыхъ обобщающихъ гипотезъ, и именно эту цѣлостность мы имѣемъ въ виду, сводя свое міросозерцаніе къ извѣстнымъ основамъ, станемъ-ли мы видѣть въ нихъ лишь наиболѣе вѣроятныя гипотезы или выдавать ихъ за самыя несомнѣнныя истины, будемъ ли создавать эти гипотезы методомъ мысли, постоянно провѣряющей свои основанія, или путемъ полнаго субъективнаго произвола, постараемся-ли свести этотъ гипотетическій элементъ до minimum'a, заботясь въ то же время, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не противорѣчилъ наукѣ, или предпочтемъ громоздить гипотезы на гипотезы, не взирая на то, какую цѣну каждая изъ нихъ будетъ имѣть въ глазахъ науки. Итакъ, если идеалъ науки — точность знанія, то полнота въ единомъ и стройномъ цѣломъ—идеалъ философіи.

Пререканія между философами и учеными могли возникнуть лишь при взаимномъ отчужденіи философіи и науки. Когда первая видѣла въ своихъ идеяхъ нѣкоторыя сущности, лежащія въ основѣ вещей, но научнымъ анализомъ не открываемыя, когда идеи эти плохо гармонировали съ соотвѣтственными понятіями науки; когда она связывала элементы знанія чисто фантастическою связью, полагаясь на одно умозрѣніе, на одну связь идей; когда она покидала міръ явленій, съ коимъ имѣетъ дѣло наука, чтобы вращаться въ такой области, гдѣ знаніе безсильно, гдѣ царство вѣрованія и воображенія, давая однѣ гипотезы и претендуя давать достовѣрныя истины, стремясь къ знанію и игнорируя науку,—тогда именно вооружалась наука противъ философіи, протестуя противъ идеализаціи дѣйствительности, какъ невѣрнаго ея воспроизведенія, противъ идеологіи, какъ извращенія умозрѣнія, противъ метафизики, какъ незаконнаго вмѣшательства поэзіи въ дѣло познаванія міра. Съ своей стороны, представители философіи, имѣвшіе возвышенное понятіе о знаніи, съ презрѣніемъ должны были смотрѣть на науку, которая, коснѣя на конкретномъ, не создавала общихъ понятій, сколько-нибудь способныхъ обогатить содержаніе и освѣтить значеніе философскихъ идей, — которая,

не возвышаясь надъ эмпирическимъ, оставляла свою область въ хаотическомъ безпорядкѣ, не заботясь о систематизаціи своихъ истинъ, сколько-нибудь пригодной, чтобы служить цѣлямъ стройнаго знанія,— которая, наконецъ, занимаясь однѣми частностями, не хлопотала о выработкѣ общихъ теорій, могущихъ найти мѣсто въ цѣлостномъ міросозерцаніи послѣ своего свѣдѣнія къ еще болѣе общимъ гипотезамъ. Но это—крайности, при которыхъ философія начинаетъ превращаться въ особый видъ поэзіи, взявшей на себя роль познаванія міра, а наука едва замѣтными чертами отдѣляется отъ совокупности эмпирическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ каждомъ техническомъ дѣлѣ. Полюбовная размежевка между философіей и наукой, о которой мы говорили выше, также не рѣшаетъ вопроса о надлежащихъ между ними отношеніяхъ: отдавая философіи отвлеченныя понятія, эта размежевка не показываетъ, какія именно понятія—философскія, потому, что безъ нихъ и наука обойтись не можетъ; дѣлая философію обладательницей умозрѣнія, она не опредѣляетъ, что въ немъ нужно считать философскимъ, такъ какъ безъ умозрѣнія нѣтъ и науки; ставя философіи выработку общихъ истинъ, этотъ дѣлежъ молчитъ о томъ, чѣмъ же отличаются общія истины философіи отъ общихъ истинъ, которыя вырабатываются и наукой. Между тѣмъ, каждому хорошо извѣстно, что, напр., понятіе о государствѣ, какъ оно есть, и идея государства, какъ оно должно быть,—двѣ вещи разныя, и только нѣкоторая идеализація дѣйствительности позволяла отождествлять реальную основу вещи съ идеаломъ нашего разума. Или еще: мы хорошо знаемъ, что умозрѣніе, приходящее лишь на помощь опыту и наблюденію, и умозрѣніе, только пользующееся данными опыта и наблюденія, не одно и то же, и называемъ идеологами тѣхъ, которые думаютъ, что чистое умозрѣніе одно способно замѣнить опытъ и наблюденіе и совершенно безъ него обойтись. Наконецъ, не менѣе чувствуется нами разница между общими истинами, которыя мы можемъ провѣрить, и такими, которыя подобной провѣркѣ не подлежатъ, и только одна догматическая метафизика воображаетъ, что ея общія положенія о сущности вещей—не гипотезы, а истины, не нуждающіяся въ провѣркѣ и скорѣе сами сообщающія всякому знанію достовѣрность.

Если обобщить все, что можно сказать о понятіяхъ, построеніяхъ и общихъ положеніяхъ философіи, то существеннымъ ихъ признакомъ должно признать ихъ гипотетичность: каждая философская идея есть гипотеза, говоримъ ли мы о принципѣ чего-нибудь или какомъ-либо идеалѣ, ибо приписать какому-нибудь явленію тотъ или другой принципъ значитъ предположить, что въ основѣ его лежитъ та или другая цѣль, которой оно служитъ, ибо создать идеалъ зна-

читъ равнымъ образомъ предположить возможность существованія нѣкотораго явленія; гипотетическій характеръ имѣетъ и каждое философское построеніе, ибо въ основѣ его лежитъ предположеніе, что изъ всѣхъ возможныхъ формъ построенія, допускаемыхъ даннымъ содержаніемъ, избранная нами форма наиболѣе удовлетворительна; наконецъ, именно отсутствіе провѣрки отличаетъ философскія положенія отъ положеній науки, и въ основѣ каждой философской системы лежитъ всегда гипотеза или рядъ гипотезъ, какъ бы при этомъ ни былъ малъ научно недоказуемый элементъ каждой гипотезы и какъ бы ни незначительно было количество такихъ исходныхъ предположеній. Чѣмъ сильнѣе развитъ этотъ основный признакъ философіи, тѣмъ она дальше стоитъ отъ науки, и въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ здѣсь откровенно идеалистическимъ системамъ, видящимъ въ идеяхъ дѣйствительныя сущности внѣ міра явленій или воплощенныя въ явленіяхъ, признающимъ возможность построенія знанія одной умственной операціей надъ этими идеями, сводящимъ всѣ явленія міра къ одной или нѣсколькимъ сущностямъ. Весь идеализмъ есть не что иное, какъ творчество разнообразныхъ гипотезъ, и если только мы стремимся къ примиренію философіи и науки, мы должны опредѣлить законныя границы идеализма, творчества, гипотетическаго элемента философіи. Только такое опредѣленіе дастъ намъ возможность устранить антагонизмъ между философіей и наукой и произвести между ними не обидную ни для той, ни для другой размежевку.

Наука имѣетъ весьма многое сказать противъ идеалистической философіи: ея гипотезы, вносящія въ знаніе цѣльность, либо противорѣчатъ научнымъ теоріямъ явленій, либо не имѣютъ съ ними точекъ соприкосновенія, а потому наука отворачивается отъ метафизики, основываясь сама на реализмѣ въ смыслѣ ученія о познаваемости одного феноменальнаго міра; вмѣстѣ съ этимъ наука возстаетъ противъ идеологіи, вносящей въ знаніе стройность безъ всякаго руководства со стороны опыта и наблюденія, на которыхъ основанъ реализмъ науки въ смыслѣ воспроизведенія отношеній, данныхъ въ дѣйствительности; и идеализація противорѣчитъ трезвому реализму науки, признающей въ дѣйствительности только то, что открыто научнымъ анализомъ. Но есть одна область, гдѣ идеализмъ неприступенъ: это творчество идеаловъ, оцѣнка явленій съ принципіальной точки зрѣнія, и такой идеализмъ всегда будетъ имѣть мѣсто въ философіи. Однако и сами идеи, принципы, идеалы должны не находиться въ противорѣчіи съ наукой, если только философія хочетъ быть научной: каждая идея должна быть преобразованнымъ научнымъ понятіемъ при помощи возведенія въ принципъ одного изъ элементовъ его содержанія, а идеалы должны имѣть за себя хотя бы самую общую вѣроятность,

по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, чтобы относились къ явленіямъ, съ которыми и наука имѣетъ дѣло. Идея, для которой въ наукѣ нѣтъ соотвѣтственнаго понятія, идеалъ, осуществимый только внѣ міра явленій, не имѣютъ пунктовъ соприкосновенія съ тѣмъ, чѣмъ занимается наука.

Въ томъ же смыслѣ наука опредѣляетъ роль творчества въ философіи: оно получаетъ право создавать идеи, которымъ не приписывалось бы ничего, кромѣ того, что въ нихъ мы выражаемъ наши субъективныя требованія отъ вещей; оно получаетъ право вносить стройность въ знаніе, продолжая этимъ дѣло науки за ея предѣлами, но не вводя существенно новыхъ пріемовъ мысли въ эту работу; оно получаетъ право создавать внѣнаучныя теоріи, но не выходя за предѣлы того міра явленій, которымъ занимается наука, и пользуясь послѣдними выводами самой науки.

Говоря другими словами, тамъ, гдѣ философія не превращается въ идеализированіе дѣйствительности, не разрѣшается въ идеологическія построенія, не сводитъ свою задачу къ полученію цѣлостнаго міросозерцанія при помощи недоступной познаванію сущности вещей, —тамъ философія можетъ дѣйствовать свободно, не мѣшая наукѣ дѣлать свое дѣло и не встрѣчая съ ея стороны недоброжелательства. Такая философія только предвосхищаетъ то, что стремится узнать наука и что можетъ осуществить дѣйствительность: она не ставитъ себѣ задачъ, которыя наука по существу считаетъ неразрѣшимыми, и не выходитъ за предѣлы того міра явленій, который дѣлаетъ наука предметомъ своего изученія. Съ этой точки зрѣнія всю философію въ ея вѣковомъ развитіи мы можемъ разсматривать какъ творчество, колеблющееся между двумя полюсами—полюсомъ вѣры и полюсомъ знанія, откуда два противоположные вида философіи—философія религіозная и философія научная съ цѣлымъ рядомъ переходныхъ ступеней, средній моментъ между которыми занимаетъ метафизика, никогда не бывшая въ состояніи дать ни вѣры жаждущей душѣ, ни знанія любознательному уму. Во всякой, однако, философіи полнота, стройность и цѣлостность міросозерцанія ради удовлетворенія субъективныхъ стремленій духа стояли всегда на первомъ планѣ, и ни въ чемъ до такой степени не сходились между собою религіозная, метафизическая и научная философіи, какъ именно въ творчествѣ идеаловъ. Дѣйстительность—область науки, только философія творитъ тѣ гипотезы, которыя мы называемъ идеалами.

Не считая философію ни спеціальной, ни универсальной наукой, противополагая ее вообще наукѣ, мы находимъ, что противоположеніе это не ведетъ непремѣнно къ ихъ антагонизму или разобщенію и что возможно между ними примиреніе и сближеніе. До сихъ поръ

мы разсматривали то приближеніе философіи къ наукѣ, которое дѣлаетъ первую научной, не лишая ее характерныхъ и отличительныхъ ея признаковъ. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть другую сторону дѣла. Если философія можетъ приближаться къ наукѣ и включать въ себя ея переработанныя данныя, то нельзя-ли признать необходимымъ, чтобы и наука приближалась къ философіи и вносила въ себя философскій элементъ? Мы ограничимся пока первой половиной вопроса, обѣщая возвратиться ко второй въ другомъ мѣстѣ.

Мы видѣли, что безъ творчеста не обходится и наука, и указали, какими гарантіями оно въ ней обставлено. Согласно съ нашимъ опредѣленіемъ философіи, тѣмъ болѣе приближается къ ней наука, чѣмъ значительнѣе въ ней элементъ творчества. Въ этомъ отношеніи можно раздѣлить всѣ науки прежде всего на конкретныя и абстрактныя, по преобладанію въ нихъ описательно-повѣствовательнаго элемента или отвлеченія: первыя имѣютъ дѣло съ единичными фактами, вторыя—съ фактами, обобщенными, съ общими представленіями и понятіями. Простое описаніе единичныхъ фактовъ, собственно говоря, не наука даже, а лишь научный матеріалъ, обладаніе которымъ мы называемъ ученостью, а не научностью. Съ иной точки зрѣнія это раздѣленіе получаетъ новый характеръ, изучаемъ-ли мы самыя явленія или ихъ законы: науки объ явленіяхъ можно назвать феноменологическими, науки о законахъ—номологическими. Каждая феноменологія можетъ быть конкретной и абстрактной, смотря по тому, изучаемъ ли мы явленія, стремясь къ точному, полному, всестороннему изображенію ихъ въ ихъ конкретности, или довольствуемся болѣе отвлеченными схемами, общими характеристиками, краткими формулами, существенными признаками и т. д.; напр., исторія есть наука феноменологическая, что не мѣшаетъ намъ различать конкретныя историческія изображенія, способныя при художественномъ талантѣ историка, возвысить исторію на степень искусства, и абстрактныя историческія изображенія, въ которыхъ многіе и полагаютъ сущность философіи исторіи. Что касается до наукъ номологическихъ, то онѣ, занимаясь общими отношеніями между явленіями, которыя мы называемъ законами, абстрактны уже по самой своей сущности. Наконецъ, возможно еще дѣленіе наукъ на болѣе спеціальныя и болѣе общія. Въ каждой категоріи между обоими типами наукъ существуютъ постепенные переходы: конкретность и абстрактность могутъ имѣть разныя степени, и чѣмъ абстрактнѣе наука, тѣмъ она дальше отъ простого собиранія научнаго матеріала; между чистой феноменологіей, изучающей причинную связь опредѣленныхъ по мѣсту и времени явленій, и номологіей, изслѣдующей ихъ необходимыя отношенія гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, стоятъ науки классификаціонныя, распредѣляющія предметы

по группамъ; наконецъ, существуетъ масса переходовъ между мелкими спеціальностями, ставящими себѣ задачей изслѣдовать часть предмета, и общими науками, стремящимися охватить цѣлыя большія области предметовъ. То различіе между конкретнымъ и абстрактнымъ, эмпирическимъ и умозрительнымъ, частнымъ и общимъ, къ которому хотѣли свести противоположность между наукой и философіей, имѣетъ несомнѣнное существованіе въ наукѣ. Не разбирая вопроса въ подробности, мы не ошибемся, если скажемъ, что если философія когда-либо пренебрежительно относилась къ наукѣ, то именно только къ такой наукѣ, которая отождествляла себя съ простой эрудиціей, или обладаніемъ конкретными представленіями научнаго матеріала, сводила свою задачу къ констатированію чисто эмпирической связи между предметами и къ исчерпывающему ихъ „перечисленію до конца“ и, зарывшись въ своей маленькой области, игнорировала все остальное. Философія, имѣвшая сколько-нибудь высокое мнѣніе о наукѣ, всегда требовала, чтобы послѣдняя давала общія понятія, открывала законы, обобщала болѣе или менѣе обширныя области знанія,— и только къ одной феноменологической наукѣ относилась съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ смотрѣла на науки номологическія, именно, къ исторіи въ виду того, что ею удовлетворяются извѣстныя субъективныя потребности нашего духа, да и тутъ философія требовала извѣстной абстрактности и цѣльности, находя излишними мелочныя подробности и недостаточными монографическія обработки. Требованіямъ философіи наука удовлетворяетъ, когда заботится о полнотѣ своего знанія, которая заключается не въ „перечисленіи до конца“, конечно,—о стройности, которую наиболѣе способны представить изъ себя науки номологическія, какъ системы законовъ,—о цѣлостности знанія, когда обобщаетъ его элементы въ одну теорію той или другой частной области міра. Особенно же всегда приближались къ философіи и иногда даже долго сначала именно въ формѣ философіи только и существовали тѣ науки, которыя должны имѣть дѣло съ явленіями, затрогивающими субъективную сторону нашего бытія: это явленія, изучаемыя феноменологически въ исторіи, номологически—въ психологіи и соціологіи, наукахъ о духовной и общественной жизни человѣка,—явленія, имѣющія для насъ принципіальную сторону и пункты соприкосновенія съ нашими идеалами. И въ эти-то самыя науки, какъ мы увидимъ, наиболѣе возможно внесеніе философскаго элемента, какъ, съ другой стороны, наиболѣе годны для объединительнаго творчества философіи бываютъ только отвлеченныя понятія, номологическія построенія, самыя общія теоріи.

Таково значеніе философіи, какъ творческаго процесса, объединяющаго знаніе въ полное, стройное и цѣлостное міросозерцаніе. По

существу своему философія едина, а наукъ много, но когда философской обработкѣ мы подвергаемъ какую-либо частную область, внося въ нее единое связующее начало, особенно если оно имѣетъ нѣкоторое соприкосновеніе съ вопросами нашего духа, возникаютъ частныя философіи природы, духа, исторіи, морали, права, государства, общества, прогресса.

II.

Весьма часто приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ, будто исторія не есть наука. Разсматривая аргументы, которые обыкновенно приводятся въ пользу такого положенія, можно придти къ тому заключенію, что въ основѣ ихъ лежитъ условный и односторонній взглядъ на науку: подъ послѣдней разумѣютъ въ такихъ случаяхъ, собственно говоря, только извѣстный видъ науки, а не науку въ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы видѣли, что характерный признакъ науки вообще есть подчиненіе знанія своему объекту, и съ этой стороны противъ научности исторіи сказать ничего нельзя. Во-первыхъ, исторія только воспроизводитъ факты, данные въ дѣйствительности, и ихъ только обобщаетъ; во-вторыхъ она построяетъ свое знаніе, слѣдуя дѣйствительной связи между отдѣльными фактами и ихъ группами; въ-третьихъ, свои общія положенія она выводитъ изъ фактовъ же, а если прибѣгаетъ къ догадкамъ, то провѣряетъ ихъ опять-таки на матеріалѣ, данномъ въ дѣйствительности. И для исторической науки точность знанія представляетъ собою высшую цѣль, а точность есть именно соотвѣтствіе знанія съ дѣйствительностью, которое достигается его подчиненіемъ объекту изученія. Отрицающіе научность исторіи только одно доказываютъ, что исторія занимается самими явленіями, взятыми каждое въ отдѣльности или обобщенными, а не ихъ законами, т. е. что исторія есть наука феноменологическая. Въ силу особаго значенія историческихъ явленій мы изучаемъ прилежнѣе отдѣльные, конкретные факты изъ этой области, нежели такіе же одиночныя явленія изъ другихъ областей, цѣнимъ знаніе ихъ индивидуальной, неповторяющейся стороны. И историческая наука, какъ и всякая другая, можетъ такъ обрабатывать свой матеріалъ, чтобы все ближе и ближе подходить къ философіи. Этого она достигаетъ, во-первыхъ, посредствомъ обобщенія отдѣльныхъ фактовъ, во-вторыхъ, чрезъ внесеніе нѣкоторой стройности въ изображеніе ихъ связи, въ-третьихъ, соединяя всю ихъ область въ одно цѣлое.

Первыя явленія, на которыя обратила вниманіе и которыми стала заниматься исторія, были выдающіяся „дѣянія“, res gestae, потомъ

вообще дѣятельность людей, и такое направленіе исторической науки можно назвать прагматическимъ. Позднѣе обращено было вниманіе науки на явленія другой категоріи, на „бытъ" людей, на то, что называется культурой, и въ этомъ смыслѣ возникло другое направленіе исторической науки—культурное. Въ интересахъ научной спеціализаціи возможно отдѣльное существованіе прагматическаго и культурнаго направленій, исторіи „дѣяній" и исторіи „быта", но каждое въ отдѣльности взятое не даетъ полнаго историческаго знанія и можетъ существовать только, какъ ступень къ нему. Полнота историческаго знанія достигается только объединеніемъ обоихъ направленій, но не въ смыслѣ механическаго соединенія прагматическаго разсказа съ культурнымъ описаніемъ, а въ мыслѣ стремленія узнать значеніе „дѣяній" для „быта" и „быта" для „дѣяній". Съ этой точки зрѣнія мы въ дѣятельности людей видимъ рядъ фактовъ, которые имѣли вліяніе на культуру, а въ культурѣ другой рядъ фактовъ, которые обусловливали людскую дѣятельность. Иными словами, задачей наукѣ ставится изображеніе взаимодѣйствія между „дѣяніями" и „бытомъ", въ которомъ и состоитъ историческій процессъ: здѣсь историкъ не имѣетъ уже права строго отдѣлять прагматическій разсказъ отъ культурнаго описанія; онъ долженъ изображать жизнь общества во всей ея полнотѣ, исходя изъ того взгляда, что эта жизнь состоитъ въ дѣятельности его членовъ, результатомъ коей являются перемѣны въ его культурѣ,—и въ измѣненіи этой самой культуры, отражающемся на характерѣ дѣятельности членовъ общества. Не прагматическія или культурныя явленія дѣлаются тутъ предметомъ науки, а явленія общественныя съ ихъ прагматически-культурнымъ содержаніемъ. Человѣческое общество есть совокупность индивидуумовъ, объединенныхъ въ цѣлое активными взаимодѣйствіями и общими культурными формами: общественныя явленія,—лишь разныя стороны которыхъ представляютъ изъ себя поступки людей и культурыя формы народовъ,— и составляютъ предметъ исторической науки въ ея высшемъ направленіи, примиряющемъ односторонности прагматизма и описанія быта, въ направленіи, которое можно назвать культурно-прагматическимъ. Имъ только и достигается полнота историческаго знанія посредствомъ обобщенія двухъ бросающихся въ глаза категорій историческихъ явленій подъ одной болѣе общей категоріей явленій соціальныхъ.

Историческая наука стремится внести и извѣстную стройность въ свое знаніе. На первыхъ порахъ прагматическое направленіе не шло далѣе простой хронологической связи между „дѣяніями" и только съ теченіемъ времени выработало и развило въ себѣ привычку къ изображенію послѣдовательности фактовъ, какъ длинной цѣпи причинъ и слѣдствій: nihil sine causa sufficiente, ничто безъ достаточнаго

основанія,—таковъ девизъ историческаго прагматизма, разсматривающаго каждый фактъ, какъ слѣдствіе одного и причину другого. Съ другой стороны, и культурное направленіе свои явленія разсматривало только въ хронологическомъ порядкѣ, пока не стало доискиваться связи между двумя послѣдовательными совокупностями культурныхъ формъ, какъ возникающими одна изъ другой: natura non facit saltus, природа скачковъ не дѣлаетъ,—это изреченіе было распространено и на исторію, и культурное направленіе нашей науки стало на точку зрѣнія постепеннаго трансформизма всего того, что̀ мы называемъ культурой, исключая всякую мысль о новомъ, которое не было бы преобразованіемъ стараго или не имѣло бы въ немъ корней. Послѣдовательность фактовъ, основанная на причинной связи, послѣдовательность явленій, основанная на постепенномъ трансформизмѣ,—вотъ тѣ двѣ формы, которыми пользуются два направленія исторической науки, чтобы расположить элементы своего знанія въ болѣе или менѣе стройномъ порядкѣ. Но въ предѣлахъ самой науки дѣло на этомъ остановиться не можетъ.

Изображеніе причинной связи послѣдовательныхъ человѣческихъ дѣйствій необходимо предполагаетъ и описаніе измѣненія тѣхъ условій, среди которыхъ совершается эта дѣятельность, условіями же этими являются культурныя формы общества: значитъ, чистый прагматизмъ не принимаетъ въ расчетъ, что причинная послѣдовальность въ разные моменты обусловлена различно, что каждый фактъ нужно брать не только въ связи съ его причиной и слѣдствіемъ, но и съ условіями, среди которыхъ онъ совершается. Притомъ каждое „дѣяніе“ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ не одно другое „дѣяніе“, но и какую-либо перемѣну въ культурной обстановкѣ послѣдующихъ „дѣяній“. Съ другой стороны, изобразить послѣдовательность культурныхъ явленій, какъ ихъ трансформацію, невозможно, не указавъ на тѣ дѣятельности, которыя участвуютъ въ этой трансформаціи: не сами же собою измѣняются культурныя формы, а дѣйствіями людей, и потому понять измѣненіе формъ можно, только обратившись къ разсказу о тѣхъ „дѣяніяхъ“, которыя производили перемѣны. Чисто культурное направленіе, такъ сказать, должно игнорировать, что культурный трансформизмъ имѣетъ корень въ измѣняющейся дѣятельности людей, что каждую культурную форму нужно брать не только въ связи съ той, изъ которой она возникла, и съ той, въ которую превратилась, но и въ связи съ тѣми причинами, безъ участія коихъ не могло бы быть измѣненія, а послѣднія суть человѣческія дѣятельности. Притомъ каждая культурная форма не только перерабатывается въ новую, но и обусловливаетъ человѣческія дѣянія. Съ этой точки зрѣнія историческій процессъ представляется намъ не какъ причинная послѣдовательность

дѣйствій и постепенный трансформизмъ культуры, взятые въ отдѣльности или рядомъ другъ съ другомъ существующіе, но какъ взаимодѣйствіе двухъ процессовъ: процесса дѣятельности людей, подчиненнаго причинности, и процесса измѣненія культуры, совершающагося постепенно. Эта послѣдовательность общественныхъ явленій съ ихъ прагматическимъ и культурнымъ содержаніемъ, подчинена одновременно самымъ общимъ законамъ всѣхъ явленій въ мірѣ, закону причинности (nihil sine causa sufficiente) и закону постепенности всякихъ измѣненій (natura non facit saltus), а оба они обобщаются въ понятіи эволюціи, развитія: историческая наука вноситъ стройность въ свое знаніе, изображая жизнь общества, какъ его эволюцію, состоящую во взаимодѣйствіи дѣятельности его членовъ съ существующими въ немъ культурными формами. Если полнота знанія въ исторической наукѣ достигается соединеніемъ знанія о „дѣяніяхъ" членовъ общества съ знаніемъ его „быта", то стройность получается только при изображеніи развитія общества, какъ результата взаимодѣйствія между этими „дѣяніями" и „бытомъ".

Историческая наука можетъ дѣлать своимъ предметомъ эволюцію каждаго общества, взятаго въ отдѣльности, но вслѣдствіе этого получаются только частныя исторіи тѣхъ или другихъ народовъ. Знаніе исторіи только тогда сдѣлается цѣльнымъ, когда оно обратится ко всѣмъ когда-либо существовавшимъ и нынѣ существующимъ обществамъ и соединитъ частныя исторіи въ общую исторію, поставивъ ей задачу—изобразить эволюцію всѣхъ человѣческихъ обществъ, дать полное, стройное и цѣлостное знаніе всѣхъ историческихъ явленій, болѣе конкретное или болѣе абстрактное. Чѣмъ абстрактнѣе будетъ это изображеніе всемірной исторіи, тѣмъ легче будетъ достигнуть полноты, стройности и цѣлостности знанія, и вотъ почему. Во-первыхъ, понятіе „жизнь общества" абстрактнѣе, чѣмъ понятія „дѣяній" и понятія „быта", но оно полнѣе, ибо объединяетъ оба послѣднія; во-вторыхъ, при болѣе абстрактномъ изображеніи эволюціи мы упрощаемъ это изображеніе, сводя, такъ сказать, перепутывающіяся и хаотическія нити исторіи къ немногимъ болѣе простымъ господствующимъ и менѣе изъ стороны въ сторону колеблющимся, а потому болѣе правильнымъ линіямъ; въ-третьихъ, знаніе наше дѣлается болѣе цѣлостнымъ, какъ скоро мы соединяемъ совокупность конкретныхъ, но разрозненныхъ народовъ, какъ части одного абстрактнаго цѣлаго человѣчества.

На этой ступени своего объединенія историческое знаніе можетъ съ наибольшимъ удобствомъ сдѣлаться предметомъ обработки философской, цѣлью которой должны быть еще бóльшая цѣлостность, стройность и полнота знанія. Вполнѣ цѣлостнаго историческаго зна-

нія наука, какъ таковая, дать не въ состояніи: мы научно можемъ знать только исторію прошедшаго, исторію настоящаго, но не исторію будущаго, потому что наукѣ дается не вся исторія отъ ея начала до ея конца. Будущее есть область внѣнаучная, и съ этой-то именно стороны историческая наука не даетъ вполнѣ цѣлостнаго знанія. Она не можетъ дать и совершенной его стройности, если не представитъ себѣ естественнаго предѣла того взаимодѣйствія между человѣческой дѣятельностью и ея культурными условіями, которое лежитъ въ основѣ всякаго историческаго процесса, а такой естественный предѣлъ мыслимъ лишь подъ условіемъ цѣли, достиженіе которой мы можемъ приравнять наступленію такого момента, когда культурныя формы вполнѣ будутъ соотвѣтствовать основнымъ мотивамъ человѣческой дѣятельности. Наконецъ, наука, изучая дѣйствительныя общественныя явленія, какъ они есть, не имѣетъ цѣлью изслѣдовать, какими они должны быть, достигши высшей степени своего развитія. Такимъ образомъ историческая наука на послѣдней ступени объединенія своего знанія приводитъ насъ къ философіи, которой мы въ данномъ случаѣ имѣемъ право дать названіе исторіософіи, на томъ же основаніи, на какомъ философію природы называютъ натурфилософіей. Здѣсь начинается область творчества. Первый его моментъ—творчество идеала общественныхъ явленій, возводящее научное понятіе общества, какъ оно есть, на степень идеи общества, какъ оно должно быть. Этотъ идеалъ, въ построеніи коего должны участвовать наши субъективные принципы и наше знаніе законовъ общественныхъ явленій, представленіе о томъ, чѣмъ общество должно быть, и знаніе о томъ, чѣмъ оно быть можетъ и чѣмъ не можетъ, мы разсматриваемъ, какъ цѣль нашей разумной общественной дѣятельности и всѣхъ желательныхъ культурныхъ измѣненій. На этой почвѣ у насъ возникаетъ идея прогрессивныхъ дѣятельностей и измѣненій культуры, какъ ведущихъ насъ къ этой цѣли. Второй моментъ упомянутаго творчества заключается въ построеніи того общаго порядка, въ которомъ можетъ осуществляться прогрессъ, въ созданіи формулы прогресса: идеалъ общества можетъ быть осуществленъ только историческимъ процессомъ, и мы для полученія формулы прогресса начинаемъ смотрѣть на идеалъ, какъ на цѣль историческаго процесса, а въ законахъ послѣдняго искать тѣ средства, которыя дѣлаютъ возможнымъ его осуществленіе, создавая такимъ образомъ представленіе объ идеально-прогрессивномъ историческомъ процессѣ. Третій моментъ указаннаго творчества заключается въ такомъ объединеніи исторической науки, чтобы на дѣйствительный ходъ исторіи можно было взглянуть съ точки зрѣнія формулы прогресса, т. е. подойти къ реальной исторіи съ предположеніемъ для нея извѣстной идеаль-

ной цѣли, достигающейся извѣстнымъ образомъ, и, изслѣдовавъ, насколько эмпирическій ходъ исторіи не соотвѣтствуетъ формулѣ прогресса, произвести судъ надъ доселѣ совершившимися историческими явленіями, сдѣлать оцѣнку всего хода исторіи, какъ его намъ изображаетъ наука, понять общій смыслъ всѣхъ уже извѣстныхъ намъ перемѣнъ въ судьбахъ человѣчества. Такое субъективное отношеніе къ научному изображенію эволюціи всѣхъ человѣческихъ обществъ и создаетъ философію исторіи. Философія исторіи есть изображеніе исторіи съ точки зрѣнія гипотезы, что у жизни человѣчества должны быть только одна разумная цѣль, одна разумная послѣдовательность въ ея достиженіи, одна общая всѣмъ людямъ основа этой послѣдовательности. Къ такой задачѣ можно отнестись научно и не научно: не научное отношеніе заключается въ идеализаціи исторіи, т. е. въ представленіи дѣйствительнаго ея хода, какъ совершенно разумнаго, въ идеологіи, стремящейся умозрѣніемъ построить самый ходъ исторіи, въ метафизикѣ, которая подъ покровомъ реальной исторіи желаетъ открыть какой-то идеальный процессъ развитія самой сущности вещей. Научная философія исторіи не идеализируетъ дѣйствительность, но судитъ ее съ точки зрѣнія идеала; научная философія исторіи не построяетъ ея хода, а беретъ его такимъ, какимъ намъ даетъ его наука, и только оцѣниваетъ его съ точки зрѣнія нѣкоторой умозрительной формулы; научная философія исторіи ищетъ смыслъ исторіи, но не какъ ея сверхчувственную сущность, а какъ значеніе ея перемѣнъ для человѣчества. Чтобы философія исторіи была научной, необходимо соблюденіе двухъ условій: во-первыхъ, матеріалъ ея—факты, ихъ послѣдовательность, ихъ соединеніе — долженъ быть ей доставленъ наукой; во-вторыхъ, та формула прогресса съ точки зрѣнія коей она объединяетъ историческое знаніе, должна играть роль только мѣрки, которую мы прикидываемъ къ дѣйствительной исторіи. а не планомъ, по которому она происходитъ, и сама мѣрка эта должна соотвѣтствовать измѣряемому предмету, т. е. не заключать въ себѣ такого идеала, чтобы его не могла осуществить исторія, не указывать къ нему путей, не находящихъ себѣ мѣста среди условій историческаго процесса вообще, не искать основы движенія къ этому идеалу внѣ міра явленій человѣческой жизни. Ненаучная философія исторіи не только произвольно распоряжается съ данными исторической науки, но пользуется и ненаучной исторіософіей, создавая фантастическій идеалъ, построяя научно невозможный путь его осуществленія, принимая чисто фиктивную основу историческаго движенія.

Въ каждой философіи исторіи необходимо соединены два элемента—научный и философскій, элементъ подчиненія объекту знанія и элементъ чистаго творчества. Философія исторіи въ томъ научномъ

смыслѣ, о которомъ мы говоримъ, не должна вносить въ исторію ничего, чего не дала бы сама наука, кромѣ точки зрѣнія, руководящей идеи, объединяющаго принципа; это та же историческая наука только съ философскимъ элементомъ суда надъ историческими явленіями, оцѣнки ихъ послѣдовательности, исканія смысла въ ихъ совокупности, съ извѣстнымъ освѣщеніемъ фактовъ. Эту руководящую идею даетъ исторіософическая формула прогресса, т.-е. есть гипотетическое построеніе его законовъ основанное на внесеніи въ научное изслѣдованіе духовной и общественной эволюціи—объединяющаго принципа разумной цѣли, къ которой должна стремиться эта эволюція: существенное содержаніе исторіософіи то же, что и въ номологическихъ наукахъ, изучающихъ законы развитія духовной и общественной жизни, т.-е. въ психологіи и соціологіи, только построенное съ особенной точки зрѣнія идеала, который должно осуществлять это развитіе. Самый идеалъ этотъ есть не что иное, какъ особый видъ отношенія къ явленіямъ духовной и общественной жизни, не описаніе ихъ или разсказъ о нихъ, не изслѣдованіе ихъ законовъ, а построеніе идеальной жизни съ точки зрѣнія извѣстныхъ принциповъ или принципа. Эти принципы ипредставляютъ исходный пунктъ философствованія: они лежатъ въ основѣ идеаловъ личнаго и общественнаго бытія, создаваемыхъ индивидуальной и соціальной этикой; послѣдніе лежатъ въ основѣ той формулы прогресса, которую вырабатываетъ исторіософія; эта формула, наконецъ, лежитъ въ основѣ философскаго отношенія къ исторіи, дающаго начало философіи исторіи. Выше мы раздѣлили науки на феноменологическія и номологическія, отнесши къ первымъ исторію, ко вторымъ психологію и соціологію: философія исторія есть философская феноменологія, исторіософическая формула прогресса—философская номологія, и въ обоихъ случаяхъ философскій характеръ историческимъ или психологическимъ и соціологическимъ занятіямъ сообщается деонтологическимъ элементомъ, понимая подъ деонтологіей знаніе должнаго въ отличіе отъ онтологіи не въ старомъ метафизическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ знанія о дѣйствительномъ, будетъ ли—это знаніе явленій (феноменологія) или знаніе ихъ законовъ (номологія). Деонтологія, изслѣдованіе вещи, какъ она должна быть съ точки зрѣнія того, что мы отъ вещи требуемъ, можетъ быть только продуктомъ, нашего творчества: здѣсь творчество со стороны науки ограничено только, такъ сказать, отрицательно указаніями на то, чѣмъ данная вещь по самой своей природѣ не можетъ быть, иначе идеалы наши будутъ невѣроятны, фантастичны. Уже слабѣе творчество въ философской номологіи, въ формулѣ прогресса: здѣсь оно получаетъ новое ограниченіе со стороны науки, указывающей на тѣ дознанные ею законы, дѣйствіе которыхъ въ состояніи вести къ осуществленію идеала, иначе наша фор-

мула прогресса будетъ произвольна, не правдоподобна. Еще болѣе ограничивается роль творчества въ философіи исторіи: явленія, о которыхъ она говоритъ, ихъ послѣдовательность, которую она изображаетъ, ихъ совокупность, которой она занимается, даны намъ самимъ опытомъ, и только точка зрѣнія на эти явленія, руководящая идея въ разсмотрѣніи ихъ послѣдовательности, объединяющій принципъ въ обозрѣніи ихъ совокупности суть продукты нашего творчества, а самихъ явленій, ихъ послѣдовательности и совокупности мы не придумываемъ, ибо иначе исторія будетъ совершенно фиктивная, никогда на самомъ дѣлѣ несуществовавшая. Узнать *a priori* реальные факты исторіи, ея настоящій ходъ, все ея дѣйствительное содержаніе—невозможно, но вполнѣ возможно отнестись ко всему этому съ апріорной точки зрѣнія, подойти ко всему этому съ апріорной руководящей идеей, внести въ знаніе всего этого апріорный объединяющій принципъ. Точно также *a priori*, однимъ идеологическимъ умозрѣніемъ нельзя узнать законовъ развитія духа и общества, не изучая дѣйствительныхъ психическихъ и соціальныхъ явленій: *a priori* можно только поставить этому развитію цѣль и изслѣдовать, какъ это развитіе могло бы осуществлять указанную цѣль, нисколько не предрѣшая того, что вообще на самомъ дѣлѣ производитъ это развитіе. Вполнѣ апріорны только тѣ принципы, которые мы кладемъ въ основу нашихъ идеаловъ, они одни—продукты наиболѣе чистаго творчества: идеалы личной и общественной жизни находятся въ постоянномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью, и съ ихъ точки зрѣнія эту дѣйствительность мы судимъ и стремимся преобразовать прогрессивною дѣятельностью; дѣйствительный ходъ исторіи также не совпадаетъ съ нашимъ требованіемъ, чтобы онъ былъ всегда прогрессивенъ, и въ идеѣ прогресса мы имѣемъ руководящую идею при оцѣнкѣ дѣйствительнаго хода исторіи и при предъявленіи требованій нашихъ къ имѣющей еще совершаться исторіи; вся совокупность дѣйствительной исторіи не укладывается въ рамки цѣлостнаго процесса, имѣющаго одну только основу, но съ объединяющимъ принципомъ мы вносимъ въ историческое знаніе цѣлостность, стремясь узнать общій смыслъ всей совокупности историческихъ фактовъ, имѣющихъ столь разнообразныя основы. Съ эмпирической точки зрѣнія исторія должна представляться необозримымъ множествомъ отдѣльныхъ фактовъ, и высшее единство въ эту совокупность разрозненныхъ элементовъ возможно внести только двумя путями, либо предположивъ нѣкоторое объективное единство въ ихъ основѣ, какъ поступала метафизика, стремившаяся вывести всю исторію изъ одного начала, что приводило ее въ концѣ концовъ къ фиктивнымъ пантеистическимъ концепціямъ, либо ставя себѣ задачу создать субъективное единство разсмотрѣнія исторіи,

опредѣляя ея смыслъ для человѣка. Съ эмпирической точки зрѣнія ходъ исторіи долженъ представляться намъ крайне хаотическимъ, и стройности историческаго знанія можно достигнуть, лишь предположивъ, что хаосъ этотъ лишь одна видимость, но что въ основѣ его лежитъ гармоничный планъ, какъ это и дѣлала метафизика, думавшая найти этотъ планъ своей идеологіей и потомъ искажавшая дѣйствительный ходъ исторіи, чтобы подогнать его къ своимъ измышленіямъ, или же требуемый стройности знанія можно достигнуть, оцѣнивая дѣйствительный ходъ исторіи съ точки зрѣнія нѣкоторой воображаемой, а потому чисто-субъективной гармоніи прогрессивнаго процесса. Съ эмпирической точки зрѣнія явленія исторіи не заключаютъ въ себѣ всей полноты знанія о судьбахъ человѣка; полноту эту метафизика думала найти, идеализируя дѣйствительность, т.-е. приписывая каждому явленію воплощеніе идеала на той или другой ступени его развитія, но научная философія не перекрашиваетъ дѣйствительность въ цвѣта оптимистической фантазіи, а достигаетъ полноты знанія, беря явленія такими, каковы онѣ суть на самомъ дѣлѣ, чтобы судить ихъ съ точки зрѣнія того, чѣмъ онѣ должны быть: она не отождествляетъ необходимое, какъ имѣющее достаточныя основанія для своего существованія, съ должнымъ, какъ имѣющимъ достаточныя основанія, чтобы быть желательнымъ.

Всѣмъ этимъ и опредѣляется взаимное отношеніе научнаго и философскаго элементовъ въ философіи исторіи: наука даетъ знаніе исторической дѣйствительности, какъ совокупности множества явленій, ихъ хаотической послѣдовательности и необходимости этой послѣдовательности въ зависимости отъ разныхъ случайностей, стремясь объединить многое, насколько это возможно, найти въ хаосѣ относительные порядки, свести случайности къ условнымъ необходимостямъ; въ изображеніе обработаннаго такимъ образомъ матеріала философія вноситъ исканіе субъективнаго смысла въ томъ единствѣ, къ которому наука сводитъ многое,—стремленіе оцѣнить тѣ относительные порядки, которые наука находитъ въ хаосѣ своего матеріала, съ точки зрѣнія порядка идеальнаго,—желаніе произнести свой судъ надъ условными необходимостями, къ коимъ наука сводитъ все случайное, съ точки зрѣнія безусловно должнаго. Такимъ образомъ если высшая задача исторической науки состоитъ въ томъ, чтобы представить объективно эволюцію всѣхъ человѣческихъ обществъ, то философія исторіи есть не что иное, какъ субъективное отношеніе къ этой эволюціи, разсмотрѣніе ея съ точки зрѣнія прогресса въ жизни единаго по своей природѣ человѣчества.

Историческая наука есть объективная феноменологія жизни человѣчества; философія исторіи есть таже феноменологія съ субъектив-

нымъ элементовъ суда, оцѣнки, критики явленій. Только къ феноменологіи духовной и общественной жизни человѣчества въ ея развитіи можетъ существовать такое субъективное отношеніе безъ всякой метафизики. Философія исторіи природы (не сама философія природы, объединяющая наши физическія знанія при помощи общихъ гипотезъ) въ такомъ смыслѣ невозможна, по крайней мѣрѣ, на научной почвѣ. Если провести черту между міромъ природы и міромъ исторіи и между соотвѣтственными науками, то и въ философіи можно создать двѣ особыя области, философію міра природы, или натурфилософію, и философію міра исторіи, или исторіософію: обѣ онѣ, какъ философскія теоріи природы и исторіи, будутъ преслѣдовать однѣ и тѣ же цѣли, внося полноту, стройность и цѣлостность въ свое знаніе, но есть и коренное различіе между ними, состоящее въ томъ, что натурфилософія имѣетъ дѣло съ однимъ дѣйствительно существующимъ, тогда какъ исторіософія, сверхъ того, занята вопросомъ и о должномъ, т.-е. первая имѣетъ характеръ чисто онтологическій, а во второй есть и деонтологическій элементъ. Поэтому исторію природы (а не вообще ея міръ) нельзя дѣлать предметомъ философской обработки въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы философски обрабатываемъ не только міръ исторіи въ исторіософіи, но и самоё исторію въ философіи исторіи. Человѣческой дѣятельности и измѣненіямъ культурныхъ формъ, составляющихъ историческій процессъ, мы можемъ поставить идеальную цѣль, не выходя за предѣлы міра явленій; дѣйствію слѣпыхъ силъ природы и измѣненіямъ въ ея существахъ, составляющимъ процессъ природы, мы не можемъ поставить цѣли, не выходя за предѣлы міра явленій, т.-е. не становясь на ненаучную точку зрѣнія метафизики. Человѣческая исторія изучаетъ дѣятельность людей и ихъ результаты, но человѣческая дѣятельность ставитъ себѣ вообще цѣли, между которыми мы можемъ найти цѣли разумныя, какъ истинные принципы, долженствующіе руководить поведеніемъ людей и примѣненіе которыхъ создаетъ благо; исторія природы изучаетъ дѣйствіе слѣпыхъ ея силъ и результаты этого дѣйствія,—дѣйствіе, цѣлей себѣ не ставящее и такъ сказать, равнодушное къ добру и злу, которое можетъ происходить для кого бы то ни было отъ его результатовъ. Человѣческая исторія слѣдитъ за измѣненіями духовной культуры и соціальной организаціи, но и та, и другая существуютъ не сами для себя, а создаются людьми для удовлетворенія ихъ потребностей, а потому мы имѣемъ право оцѣнивать дѣйствительныя культурныя и соціальныя формы съ точки зрѣнія идеальныхъ, т.-е. вполнѣ удовлетворяющихъ человѣка, ихъ безсознательно или сознательно творящаго. И исторія природы можетъ слѣдить за измѣненіемъ формъ ея бытія, формъ механическихъ и органическихъ, но такъ какъ

мы не знаемъ, для кого объективно онѣ существуютъ, то въ разсказѣ, напр., о томъ, какъ одни животные виды смѣнялись другими, мы не можемъ дѣлать оцѣнки этихъ измѣненій съ точки зрѣнія цѣлей, коимъ эти формы служатъ. Только и возможенъ тутъ научно одинъ взглядъ: это—взглядъ на исторію природы, какъ на подготовленіе міра исторіи, и тогда только исторія природы можетъ быть разсмотрѣна съ субъективной точки зрѣнія; но это точка зрѣнія не натурфилософіи, а историософіи, вынесеніе историческихъ идей за предѣлы міра исторія въ міръ природы, разъ мы видимъ въ послѣднемъ лишь подготовленіе исторіи, процессъ, приводящій къ моменту, когда возникаютъ нѣкоторыя существа, способныя создавать себѣ идеалы и стремиться къ ихъ осуществленію. Историософія естественно становится на антропоцентрическую точку зрѣнія, ибо и на самомъ дѣлѣ человѣкъ—центръ міра исторіи, чрезъ котораго и для котораго происходитъ все совершающееся въ исторіи. Антропоцентрическая точка зрѣнія въ натурфилософіи, наоборотъ, есть только фикція, законная лишь въ субъективномъ смыслѣ: объективно природа существуетъ не только не чрезъ человѣка, но и не для человѣка.

Занимаясь науками, изучающими какую бы то ни было категорію предметовъ, мы имѣемъ въ виду не одно удовлетвореніе нашей любознательности, но и добываніе знаній, необходимыхъ въ практической жизни. Такія знанія имѣютъ характеръ правилъ, коими долженъ руководиться человѣкъ въ томъ или другомъ дѣлѣ, и совокупность извѣстныхъ правилъ представляетъ изъ себя теорію того или другаго искусства, то-есть той или другой дѣятельности, направленной на приспособленіе природы или человѣка къ тѣмъ или инымъ цѣлямъ. Такихъ теорій столько же, сколько разныхъ родовъ дѣятельности: онѣ изслѣдуютъ средства, ведущія къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ, но цѣли существуютъ такъ или иначе уже раньше, нежели возникаютъ соотвѣтствующія теоріи. И опытомъ исторіи или вообще духовной и общественной жизни пользуется человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣятельностяхъ, во всѣхъ своихъ теоріяхъ: не даромъ говорится, что исторія есть наставница жизни. И въ областяхъ, гдѣ искусство не состоитъ въ прямомъ воздѣйствіи на природу, возникаютъ такія теоріи, теорія воспитанія людей, теорія управленія ими, теорія занятія науками и т. п. Сами по себѣ, однако, онѣ не заключаютъ въ себѣ разработки вопроса о цѣляхъ воспитанія, управленія, занятія науками и т. п., ибо эти цѣли онѣ принимаютъ, какъ нѣчто извнѣ данное, готовое: разработкой самыхъ цѣлей дѣятельности занимается особое направленіе критической и творческой мысли, изслѣдующее вопросы о должномъ, деонтологія. Намъ недостаточно знать, какими средствами долженъ пользоваться воспитатель или правитель для достиженія

своихъ цѣлей, необходимо еще подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ, какія цѣли воспитанія или управленія нужно считать цѣлями разумными и хорошими. Примѣняя все сказанное къ историческому процессу, какъ дѣятельности человѣчества, мы создаемъ, такъ сказать, теорію жизни въ виду разумныхъ цѣлей исторіи, теорію, которая есть только совокупность правилъ, какія только можно извлечь изъ формулы прогресса и подкрѣпить примѣрами изъ философіи исторіи. Во всѣхъ теоріяхъ искусствъ, имѣющихъ предметомъ человѣческія отношенія, все зависитъ отъ основного принципа, во имя котораго ставится та или другая цѣль, которымъ опредѣляется то или другое правило, которымъ указывается, что̀ подлежитъ переработкѣ нашей дѣятельностью: мы различаемъ между цѣлями хорошими и дурными, оцѣниваемъ правила не только со стороны ихъ цѣлесообразности, но и со стороны ихъ нравственнаго значенія, разсматриваемъ предметы не только, какъ удобные для воздѣйствія нашего, но и какъ его достойные и его требующіе. Другими словами, въ извѣстнаго рода дѣятельностяхъ мы находимъ принципіальную сторону, изслѣдуя основной принципъ поставленныхъ нами себѣ цѣлей, основной принципъ правила, коимъ хотимъ руководствоваться, основной принципъ вещи, подлежащую нашему преобразованію, т.-е. принципъ вещи, въ развитіи коего должно состоять ея преобразованіе. Эта принципіальная сторона существуетъ только въ дѣятельностяхъ, направленныхъ на міръ человѣческихъ отношеній: наши цѣли при воздѣйствіи на природу могутъ быть только достижимыми или недостижимыми, въ родѣ, напр., жизненнаго элексира или философскаго камня, дающихъ безсмертіе и превращающихъ все въ золото, но не имѣютъ значенія дурныхъ или хорошихъ, если только чрезъ воздѣйствіе на природу мы такъ или иначе не задѣваемъ человѣка; равнымъ образомъ и техническія правила переработки природы бываютъ цѣлесообразными или нецѣлесообразными, не имѣя никакого отношенія къ нравственности, какъ соотвѣтствующія или несоотвѣтствующія ея требованіямъ; наконецъ, преобразованіе предметовъ природы состоитъ въ измѣненіи тѣхъ или другихъ ихъ признаковъ, которымъ мы не приписываемъ принципіальнаго значенія. По отношенію къ природѣ всѣ наши цѣли одинаково хороши, всѣ наши правила одинаково нравственны, всѣ предметы въ природѣ для насъ имѣютъ одинаковое внутреннее достоинство, ибо къ природѣ у насъ нѣтъ нравственнаго отношенія. Вотъ почему въ теоріяхъ искусствъ, имѣющихъ цѣлью прямое воздѣйствіе на природу, не возникаетъ вопроса о достоинствѣ цѣлей, которыя мы преслѣдуемъ: медицина принимаетъ здоровье, какъ свою цѣль, безъ дальнѣйшихъ разсужденій и создаетъ въ виду этой цѣли научную теорію своихъ правилъ. Иное дѣло съ искусствами другого рода: тутъ недостаточно

знать, что необходимо соблюдать такія-то правила, дабы достигнуть такой-то цѣли, нужно еще изслѣдовать, какія же цѣли изъ всѣхъ ставившихся, напр., государству или праву слѣдуетъ принять, какъ разумныя, истинныя, нравственныя. Вѣдь въ пониманіи, положимъ, государства человѣчество колебалось между діаметрально-противоположными воззрѣніями на его сущность, а потому и на тотъ идеалъ, осуществленію котораго слѣдуетъ содѣйствовать. Одна научная теорія правилъ поведенія, имѣющихъ цѣлью осуществленіе идеала, насъ удовлетворить не можетъ: мы противополагаемъ такой научной теоріи политическаго искусства философскую теорію политическаго идеала.

Это, я думаю, объясняетъ, почему отношеніе философіи къ міру духовной и общественной жизни, а слѣдовательно и къ міру исторіи, должно быть инымъ, чѣмъ къ міру матеріальнаго бытія, къ міру природы. Этимъ же объясняется и значеніе философіи въ историческомъ знаніи.

Во-первыхъ, занятіе исторіей, какъ и всякая искусственная дѣятельность, должно имѣть свою теорію, дающую извѣстныя правила, коими долженъ руководствоваться историкъ. Совокупность этихъ правилъ мы называемъ историкой, а къ ней можно отнестись просто научно или и философски, когда мы начертываемъ при помощи философскихъ идей идеалъ историческаго знанія: тогда историка превращается въ исторіософію.

Во-вторыхъ, теорія исторической науки немыслима безъ теоріи тѣхъ явленій, коими наука эта занимается, т.-е. безъ знанія законовъ психологіи и соціологіи; равнымъ образомъ и исторіософія немыслима безъ изслѣдованія того, что выше было названо формулой прогресса. Исторіософію создаетъ такимъ образомъ внесеніе философскаго элемента въ историку, какъ теорію историческаго знанія, и въ психологію съ соціологіей, какъ теоріи историческихъ явленій.

Въ-третьихъ, на историческую науку мы смотримъ, какъ на наставницу жизни, но въ научныхъ предѣлахъ она можетъ давать только чисто эмпирическія указанія; наставницей жизни должна быть и философія, которая ставитъ жизни цѣли и создаетъ формулу прогресса, какъ планъ жизни въ виду идеальной цѣли исторіи.

Въ-четвертыхъ, историческое знаніе только тогда можетъ быть полно, стройно и цѣлостно, когда мы пользуемся матеріаломъ науки не ради удовлетворенія одной любознательности чисто объективной, но и для удовлетворенія потребности нашей судить явленія, какъ дурныя и хорошія, оцѣнивать ихъ смѣну, какъ переходъ къ худшему или къ лучшему, находить во всей совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ тотъ или другой общій смыслъ, поддержку безсознательнаго пессимизма или оптимизма, съ которыми мы относимся къ жизни человѣчества

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вопросъ о прогрессѣ занимаетъ центральное мѣсто. Исторіи, какъ наукѣ, ставится задача изображенія эволюціи, но что такое эта эволюція, если ей не поставить идеальной цѣли? Не все ли равно она, что смѣна фигуръ калейдоскопа? Какъ можно внести въ историческую науку философскій элементъ, который позволилъ бы смотрѣть на эволюцію, какъ на прогрессъ? Что далѣе въ эволюціи заключается такого, что позволяетъ ей быть прогрессивной и какія отсюда могутъ быть выведены правила для нашего поведенія, какъ историческихъ дѣятелей? Наконецъ, если стать на эту точку зрѣнія, какой смыслъ имѣетъ для человѣчества все, что доселѣ осуществлено исторіей, какую оцѣнку можно сдѣлать ея ходу въ прошломъ, какой приговоръ произнесетъ судъ надъ исторической дѣйствительностью съ точки зрѣнія прогресса? Есть ли вмѣстѣ съ тѣмъ въ прошломъ доказательство того, чтобы прогрессъ въ немъ сколько-нибудь осуществился, малѣйшее ручательство того, что наши попытки располагать свою дѣятельность по формулѣ прогресса подвинутъ насъ хоть немного впередъ?

Но что такое прогрессъ самъ въ себѣ, въ своей идеѣ, т. е. какъ историческій процессъ съ опредѣленной основой, формой и цѣлью, безотносительно къ тому, что въ дѣйствительной исторіи можно назвать прогрессивнымъ. Этотъ вопросъ есть исходный пунктъ философіи прогресса, которую мы просимъ не смѣшивать ни съ научной теоріей развитія, ни съ философіей исторіи: отъ первой она отличается своимъ философскимъ характеромъ, сохраняя ея номологическое направленіе, отъ второй—своимъ номологическимъ направленіемъ, сохраняя ея философскій характеръ. Взглядъ свой на сущность и задачу философіи исторіи и научныя основы теоріи прогресса мы изложили въ другомъ мѣстѣ: считаемъ исчерпаннымъ вопросъ объ отношеніи философіи къ исторіи въ философіи исторіи и достаточно уясненными тѣ научныя данныя, которыми мы уже имѣемъ право пользоватся въ теоріи прогресса, и идемъ далѣе.

III.

Въ предыдущемъ мы говорили между прочимъ о деонтологическомъ знаніи, въ основѣ котораго лежитъ то, что мы называемъ принципами: принципъ вещи не есть совокупность ея признаковъ, не есть законъ, ею управляющій, не есть ея вѣчная и неизмѣнная основа, а выражаетъ собою лишь наше къ ней субъектив ное отношеніе или ея значеніе для насъ,—такъ сказать, внутренній смыслъ вещи. На почвѣ нашихъ субъективныхъ требованій отъ вещи возникаетъ ея идея, которая состоитъ не въ понятіи вещи со всѣми ея признаками, а въ возведеніи въ принципъ одного изъ ея при-

знаковъ, принимаемаго нами за самый существенный съ чисто объективной точки зрѣнія. Только на почвѣ метафизики возможно было отождествить этотъ принципъ съ неизмѣнною сущностью вещи, съ закономъ, господствующимъ въ извѣстныхъ явленіяхъ: тогда наше субъективное требованіе отъ вещи объявлялось ея дѣйствительною сущностью, хотя бы и искаженною въ дѣйствительности, ея закономъ, хотя бы и имѣющимъ массу исключеній, научнымъ понятіемъ, хотя бы подъ него и нельзя было подвести дѣйствительные факты, т.-е. то, чѣмъ вещь должна быть, признавалось за ея дѣйствительную основу, за ея законъ, за ея объективно-существенный признакъ. Результаты пріемовъ, годныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, каковы, напр., должны быть мораль, право, государство, принимались за нѣчто, существующее внѣ нашего сознанія, какъ законъ, управляющій бытіемъ положительныхъ морали, права, государства, какъ неизмѣнная основа всякой положительной морали, права, государства. Идеальное считалось реальнымъ, и не обращалось вниманія на то, что дѣйствительныя мораль, право и государство могутъ имѣть и на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ основѣ разные принципы, что законы, управляющіе взаимными отношеніями членовъ общества, далеко не соотвѣтствуютъ принципамъ идеальнаго поведенія, что объективная сущность, т.-е. главные реальные признаки моральныхъ доктринъ, правовыхъ системъ, государственныхъ учрежденій въ дѣйствительности крайне измѣнчивы, и что неизмѣнными остаются только чисто формальные признаки, которые позволяютъ намъ создать научное понятіе государства. Только сравнительно очень недавно вопросъ о такихъ предметахъ былъ поставленъ на научную почву и сдѣлано было различеніе между вещью, какова она есть, и вещью, какова она должна быть, между законами, управляющими явленіями, и правилами нашего поведенія, предписаніями долга, между реальной подкладкой явленія и идеальнымъ требованіемъ разума: прежде не обращали достаточнаго вниманія на это различеніе. Правда, метафизики, идеологи и идеализаторы, изучавшіе духовную и общественную жизнь человѣка, говорили, что идеи вещей существуютъ внѣ конкретныхъ явленій, что естественный ихъ порядокъ прямо не наблюдается, что въ дѣйствительности онѣ искажены,— и такимъ образомъ переводили вопросъ изъ области міра явленій въ область законовъ, но только развитіе положительной науки показало, что такой методъ не годится для познанія дѣйствительности, хотя бы и не въ ея конкретныхъ явленіяхъ, а въ законахъ, которыми эти явленія управляются. Гуманныя и соціальныя науки въ этомъ дѣлѣ стали подражать естествознанію: для образованія научныхъ понятій онѣ стали изучать самые предметы, данные въ дѣйствительности, и ихъ классифицировать; для открытія законовъ онѣ прибѣгли къ срав-

нительному изученію явленій и къ другимъ методамъ, употребляющимся въ естествознаніи; для отысканія основы вещи, онѣ обратились къ изученію реальныхъ причинъ ея существованія. Чистый анализъ идей, изслѣдованіе ихъ логической связи, обращеніе къ принципамъ, которые должны осуществляться вещами, какъ къ ихъ дѣйствительнымъ основамъ, оказались безсильными открыть законы явленій въ томъ же научномъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о законахъ паденія тѣла, отраженія звука, преломленія свѣтового луча. Разныя „естественные" состоянія, порядки, права, законы, какъ основы явленій оказались чистыми фикціями, если только имъ не приписывалось деонтологическаго характера: въ основѣ, напр., каждаго положительнаго права мы не находимъ какого-то естественнаго права, разумное право не есть нѣчто, изначала вложенное во всякое положительное, а только идеалъ, приближенія къ которому мы отъ него требуемъ. Въ результатѣ такого познаванія духовнаго и соціальнаго міра получались построенія, которыя изъ одной и той же идеи думали объяснить дѣйствительность и вывести моральныя и соціальныя предписанія. Вотъ почему гуманныя и общественныя теоріи такъ долго не были науками, а оставались философіями и притомъ ненаучными: только недавно онѣ стали эманципироваться отъ чистаго творчества мысли и подчиняться дѣйствительнымъ даннымъ своихъ объектовъ.

Такое смѣшеніе двухъ задачъ, каковы задача найти законы поведенія людей въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы находимъ законы распространенія, отраженія и преломленія свѣтовыхъ лучей, и задача установить принципы этого поведенія въ смыслѣ правилъ идеальной нравственности, или каковы задача найти законы возникновенія, существованія, развитія и трансформизма соціальныхъ организацій и задача выяснить принципы идеальной соціальной организаціи,—такое смѣшеніе не было однако случайнымъ. Почему въ самомъ дѣлѣ это смѣшеніе и чаще проявлялось, и дольше держалось именно по отношенію къ моральной и соціальной жизни? Значитъ, есть въ ней нѣчто такое, что способствуетъ этому смѣшенію.

Съ самаго начала возникновенія философіи и науки ради чистой любознательности, обѣ онѣ не удовлетворялись простымъ эмпирическимъ знаніемъ явленій, а стремились узнать ихъ сущность, не единое являющееся (τὸ φαινόμενον), но и мыслимое (τὸ νούμενον), какъ его основу. Это стремленіе и породило метафизику. Знаніе, направленное на природу, ранѣе освободилось отъ этого внѣнаучнаго стремленія за предѣлы явленій и ограничилось задачей открытія постоянныхъ, неизмѣненныхъ, безусловныхъ, правильныхъ между ними отношеній, которыя были названы законами явленій, или иначе знаніе тутъ было либо описывающее явленія, почему-либо интересныя (феноменологія)

либо изслѣдующее ихъ законы (номологіи), а призракъ сущностей (нуменологія) сталъ отходить на задній планъ, пока сама критическая философія не объявила ихъ непознаваемыми. Въ иномъ положеніи находились науки, имѣвшія предметомъ моральный и соціальный міръ: законы его въ научномъ смыслѣ по крайней сложности явленій открываются съ превеликимъ трудомъ, и самая мысль о томъ, что должны же и тутъ существовать законы, ясно была формулирована лишь въ XIX вѣкѣ, да и то дала поводъ къ массѣ недоразумѣній; съ другой стороны, въ этихъ явленіяхъ обнаруживали такую особенность, которой въ явленіяхъ природы не находили, именно принципы, т.-е. субъективное пониманіе сущности вещи въ смыслѣ ея значенія для нашего внутренняго міра, не то, что въ вещи для насъ является, но и то, что въ ней нами мыслится, какъ ея raison d'être. Вотъ эта-то сущность вещи, при ближайшемъ ея разсмотрѣніи оказывающаяся лишь той ея стороной, коей мы наиболѣе дорожимъ, утвержденія коей желаемъ, къ развитію коей стремимся для удовлетворенія нашихъ субъективныхъ потребностей, и принималась за сущность вещи, какъ ея реальная подкладка, ея истинное содержаніе, ея объективно-обязательный типъ. Другими словами, при метафизическомъ настроеніи мысли, при вѣчномъ стремленіи духа къ полному, стройному и цѣлостному знанію субъективный принципъ, по которому вещь должна быть такой-то и такой-то (деонтологія), принимался за ея объективную подкладку, за ея объективный raison d'être, за ея объективно-мыслимое содержаніе, за ея нуменъ, сущность. При этомъ дѣйствительныя вещи либо игнорировались, либо объявлялись искаженіемъ ихъ истинной, изначальной природы, либо идеализировались, т.-е. возводились на степень идеала, вполнѣ якобы осуществляющаго принципъ: одни витали въ сферѣ идей, думая, что это только и есть истинное знаніе, а дѣйствительность не заслуживаетъ вниманія; другіе объявляли, что дѣйствительность есть искаженіе естественнаго порядка; третьи доказывали, что все дѣйствительное разумно, и все разумное дѣйствительно. Въ сущности же деонтологическимъ идеямъ придавалось во всѣхъ этихъ случахъ нуменологическое значеніе.

Изъ всего сказаннаго можно установить четыре основныя формы знанія: знаніе нуменологическое, ищущее сущности явленій, феноменологическое, имѣющее дѣло съ самими явленіями, номологическое, открывающее ихъ законы, и деонтологическое, дающее принципы нашихъ идеаловъ. Нуменологія въ нашъ вѣкъ критической философіи и положительной науки можетъ считаться только областью вѣры и воображенія, а не знанія: она выдаетъ продукты нашего творчества за объективно данныя сущности, и будемъ ли мы объявлять за основу міра матерію или духъ, мы только примемъ за сущность міра

одинъ изъ результатовъ нашего обобщающаго творчества, не объяснивъ себѣ происхожденія ни духа изъ матеріи, ни матеріи изъ духа. Знанію приходится ограничиться только явленіями и ихъ законами да принципіальною ихъ стороною, дозволяющей намъ творить идеалы, какъ представленія о должномъ, а не въ смыслѣ сущностей, имѣющихъ бытіе внѣ нашего сознанія, какъ истинныя основы явленій и управляющихъ ими законовъ.

Явленія, законы и принципы—вотъ три объекта нашего знанія, и мы видѣли значеніе ихъ, напр., въ философіи исторіи: въ основу идеальной цѣли исторіи мы кладемъ извѣстные принципы, которые должны осуществляться явленіями личной и общественной жизни (деонтологія); эти идеалы мы ставимъ цѣлью, достиженіе коей можетъ совершиться лишь въ порядкѣ, указываемомъ законами развитія духа и общества, и получаемъ формулу прогресса (философская номологія); судъ надъ историческими явленіями, оцѣнка ихъ дѣйствительной послѣдовательности, исканіе смысла во всей ихъ совокупности съ точки зрѣнія этой формулы создаетъ философію исторіи (философская феноменологія).

Въ пониманіи того, что такое явленія и въ чемъ состоитъ ихъ знаніе, не можетъ возникнуть недоразумѣнія; правильному пониманію того, что такое законы и какъ они могутъ быть открываемы, я въ другомъ мѣстѣ посвятилъ немало страницъ; но что такое принципы или, какъ иначе сказано, принципіальная сторона явленій личной и общественной жизни, это я считаю еще недостаточно выясненнымъ. Къ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ здѣсь заняться выясненіемъ поставленнаго вопроса такъ, какъ я этого хотѣлъ бы, вслѣдствіе чего приходится отложить его разсмотрѣнія до другого раза.

IV.

Если мы будемъ разсматривать принципіальную сторону явленій культурнаго и соціальнаго свойства у какого-нибудь народа въ ту или другую эпоху его историческаго бытія, то получимъ право говорить о нѣкоторой безсознательной философіи общества, къ которой можно свести эти явленія. Дѣло въ томъ, что въ силу взаимодѣйствія, происходящаго между членами общества, въ немъ вырабатываются нѣкоторыя распространенныя міровоззрѣнія, нѣкоторыя господствующія моральныя идеи, нѣкоторыя общепринятыя и защищаемыя нормы взаимныхъ отношеній между людьми, ихъ поведенія, соедине-

нія въ группы и пр. и пр. Совокупность этихъ идей и нормъ проявляется такъ или иначе во всѣхъ элементахъ культуры и соціальныхъ формахъ, въ дѣятельностяхъ членовъ общества и въ крупныхъ историческихъ теченіяхъ. Она не имѣетъ одного систематическаго выраженія, но наблюдается въ разныхъ фактахъ культурной и соціальной жизни, составляя то, что называется духомъ времени или безсознательной философіей общества: часто эти общераспространенныя міровоззрѣнія, господствующія идеи, общепринятыя и защищаемыя нормы ясно не формулированы, не приведены въ стройную систему, не объединены въ какомъ-нибудь общемъ началѣ, и это именно большею частью такъ и бываетъ, но даже ясно не формулированныя, разрозненныя и необъединенныя, онѣ проявляются рѣшительно во всемъ: съ разныхъ сторонъ эти принципы, которыми живетъ общество, мы наблюдаемъ и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и въ философіи, и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ политическихъ учрежденіяхъ, и въ правѣ, и въ экономическомъ строѣ. Историкъ, дѣлая характеристику какой-либо эпохи, въ сущности только формулируетъ, систематизируетъ, обобщаетъ ея безсознательную философію, пользуясь конкретными явленіями, какъ примѣрами, иллюстрирующими то или другое общее положеніе, ища основные принципы всѣхъ наблюдаемыхъ имъ культурныхъ и соціальныхъ явленій въ мнѣніяхъ членовъ даннаго общества, такъ или иначе выраженныхъ, или въ самыхъ фактахъ, такъ или иначе намъ извѣстныхъ. Самый богатый матеріалъ для историка въ этомъ отношеніи представляютъ собою факты изъ исторіи мысли во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и въ объективныхъ фактахъ, каковы взаимныя отношенія между членами общества, ихъ группировки, вся ихъ дѣятельность, онъ ищетъ также принциповъ, которыми живетъ данное общество, хотя бы эти принципы въ свое время никѣмъ не были формулированы.

Вотъ почему до извѣстной степени исторія человѣчества можетъ быть сведена къ изображенію смѣны тѣхъ принциповъ, коими оно жило, къ изображенію эволюціи его безсознательной философіи,—потому именно, что всѣ общія явленія исторіи могутъ быть сведены къ принципамъ, хотя бы послѣдніе современниками ясно не высказывались и даже не существовали въ ихъ сознаніи въ формѣ идей съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Историкъ, въ этомъ смыслѣ доходящій до корня вещей, уже философствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ беретъ не просто явленіе, но усматриваетъ за нимъ принципъ, что позволяетъ эту представить болѣе полное знаніе этого явленія; онъ не просто построяетъ взаимныя отношенія между отдѣльными фактами, но и изучаетъ связь между лежащими въ ихъ основѣ принципами; онъ не просто даетъ намъ изображеніе всей совокупности того, что называется ис-

торической дѣйствительностью, но характеризуетъ и общій духъ эпохи. Въ этой работѣ историку выпадаетъ задача опредѣленно формулировать то, что членами общества часто прямо не высказывалось и даже ясно не сознавалось, т.-е. возсоздавать отдѣльные принципы безсознательной философіи общества; вмѣстѣ съ этимъ ему приходится найти систему этихъ принциповъ и ихъ общую основу.

Но что такое эта система и эта общая основа? Дѣло въ томъ, что связь между отдѣльными принципами, которыми живетъ общество, должна быть основана на извѣстной логикѣ. Возьмемъ для примѣра соціальную организацію. Она распадается на разныя системы отношеній, въ каждой изъ которыхъ въ данное время господствуетъ извѣстный принципъ: понятно, что соціальные принципы даннаго общества въ данное время не могутъ находиться между собой въ противорѣчіи, потому что странно было бы допустить, чтобы множество людей и очень долгое время могло въ разныхъ направленіяхъ своего общественнаго поведенія руководиться діаметрально-противоположными принципами. Говоря вообще, въ соціальной организаціи можно обнаружить три главныя системы отношеній, которыя мы называемъ политическими, юридическими и экономическими. Представьте себѣ, что эти три системы несогласованы между собою по своимъ принципамъ, вообразите себѣ, напр., демократическую республику съ распространеніемъ права голоса и на женщинъ, въ которой существовали бы сословія съ различными юридическими правами и юридическое неравенство половъ, и вся территорія которой со всѣми капиталами принадлежала бы одному сословію и непремѣнно лицамъ одного пола,—и вы получите нѣчто немыслимое. Или представьте себѣ государство съ деспотомъ во главѣ, цѣликомъ поглощающее личность и въ то же время въ основу частнаго права кладущее принципъ индивидуализма, строго его защищая, но не вмѣшивающееся въ экономическія отношенія ни ради своихъ интересовъ, ни ради интересовъ единицъ: опять получится нѣчто немыслимое. Рядомъ съ соціальной организаціей въ обществѣ мы видимъ духовную культуру, область вѣрованій, идей, знаній. Возможно-ли, чтобы эта область находилась въ противорѣчіи съ соціальной организаціей, чтобы въ обществѣ, въ которомъ господствуетъ религія, проникающая собою его поэзію, искусство, философію и т. д., соціальная организанія была совершенно свѣтская, чтобы власти не приписывалось непосредственно-божественное происхожденіе, чтобы въ основу права не была положена воля божества, чтобы весь экономическій строй не считался получившимъ освященіе свыше? Такимъ образомъ между принципами отдѣльныхъ элементовъ культуры существуетъ извѣстный consensus: единица, подвергаясь многоразличнымъ и разнообразнымъ вліяніямъ, еще можетъ жить,

безпрестанно себѣ противорѣча, но долговременное противорѣчіе множества людей съ самими собою немыслимо. Но если между всѣми принципами даннаго общества существуетъ нѣкоторая связь, то мыслить ее можно, лишь принявъ нѣкоторый принципъ, ихъ объединяющій, нѣкоторую общую ихъ основу.

Само собою разумѣется, что формулированіе такихъ принциповъ, построеніе такой системы, нахожденіе такого объединяющаго принципа для характеристики даннаго общества въ извѣстную эпоху его исторіи, все это имѣетъ значеніе чисто идеальнаго построенія. Во-первыхъ, не всѣ принципы, въ томъ видѣ, какъ ихъ формулируетъ историкъ на основаніи изучаемыхъ имъ явленій, были дѣйствительными фактами сознанія; еще менѣе мы имѣемъ право говорить о системѣ принциповъ, какъ о чемъ-то существовавшемъ въ сознаніи всѣхъ членовъ общества, а основной принципъ, къ которому мы сводимъ систему, еще того менѣе можетъ быть разсматриваемъ, какъ таковой фактъ. Во-вторыхъ, явленіе не исчерпывается своей принципіальной стороной, а потому дѣйствительная связь между явленіями не управляется одними чистыми законами логики, и вся совокупность явленій не можетъ быть выведена изъ одного основнаго принципа. Мы говоримъ, наприм., что принципомъ античной государственной жизни было поглощеніе личности государствомъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ греки имѣли этотъ принципъ ясно формулированнымъ въ своемъ сознаніи: о существованіи принципа мы узнаемъ изъ фактовъ государственной жизни Греціи да изъ кое-какихъ теорій, возводившихъ въ идеалъ ея отличительный признакъ. Еще меньше фактами сознанія античныхъ народовъ была связь этого принципа съ другими, каковы тѣ, на которыхъ были основаны, наприм., римская potestas patria, рабство и т. п., съ одной стороны,—и основа этой связи въ принципѣ, отрицавшемъ полную самостоятельность каждой личности, съ другой. Слѣдовательно, историкъ, сводящій явленія политической жизни античнаго міра къ принципамъ, связывающій между собою эти принципы и находящій ихъ общее начало, разсматриваетъ нѣчто, не имѣющее значенія дѣйствительнаго факта, а создаетъ лишь нѣкоторую идеализацію явленій, которая отличается отъ настоящей идеализаціи дѣйствительности съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ и отличается именно тѣмъ, что мы не считаемъ идеалы, воплощенные въ античной политической дѣйствительности, истинными, соотвѣтствующими нашимъ принципамъ. Притомъ никогда принципъ не можетъ быть осуществленъ въ дѣйствительности цѣликомъ, ибо ему приходится считаться съ массой противоположныхъ тенденцій, а потому проявляться не въ чистомъ видѣ и подвергаться множеству исключеній. Поэтому античное государство, дѣйствительно, не было только чѣмъ-то поглощающимъ личность, не

могло поглощать все ея бытіе и распространять одинаково свою силу на всѣхъ: въ немъ были другія стороны, съ указанной точки зрѣнія не имѣвшія принципіальнаго значенія, были сферы жизни, подчинить которыя себѣ оно было безсильно, являлись личности, подымавшія знамя индивидуализма. Вмѣстѣ съ этимъ отношеніе политической жизни античныхъ народовъ къ другимъ сторонамъ общественнаго ихъ бытія не исчерпывалось однимъ родствомъ принциповъ, лежавшихъ въ ихъ основѣ: государство не только поглощало личность, но имѣло и другія стороны, наприм., защищало свое существованіе отъ враговъ; рабство не было только отрицаніемъ личности, но и играло извѣстную роль въ экономической жизни, и потому тутъ возникали другія отношенія, не объясняющіяся логикой принциповъ, наприм., извѣстное отношеніе между внѣшней силой государства и его экономическимъ состояніемъ. Наконецъ, если многія явленія античнаго общества, которыхъ не знаетъ современность, каковы неограниченная власть государства, potestas patria, рабство и т. п., могутъ быть сведены къ нѣкоторому основному принципу, къ отрицанію правъ человѣка во имя чего бы то ни было, то изъ этого принципа не можетъ быть выведена вся античная соціальная дѣйствительность: въ ней была масса явленій, не имѣвшихъ никакого отношенія къ этому принципу, ни положительнаго, ни отрицательнаго, т.-е. не бывшихъ ни случаями общаго правила, ни исключеніями изъ него.

Итакъ то, что мы назвали безсознательной философіей общества, есть совокупность принциповъ, лежащихъ въ основѣ его отношеній и между собою родственныхъ, а потому сводимыхъ къ одному общему началу, но не существующихъ въ сознаніи членовъ общества ни какъ опредѣленныя идеи, ни въ видѣ стройной системы, объединенной однимъ принципомъ, и, кромѣ того, не исчерпывающихъ всѣхъ явленій общества. Тѣмъ не менѣе для историка возможность вкладывать смыслъ въ обобщенныя явленія исторической жизни, формулировать безсознательную философію даннаго общества въ данную эпоху имѣетъ важное значеніе: только съ помощью такого способа онъ можетъ давать общія характеристики жизни, полныя, стройныя и цѣлостныя ея изображенія, заключающія въ себѣ и приговоръ надъ нею. Въ такихъ характеристикахъ, какія мы и находимъ у многихъ историковъ, отдѣльные факты приводятся въ видѣ доказательствъ (ссылки на прямо выраженные принципы въ произведеніяхъ слова) или въ видѣ наиболѣе рельефныхъ примѣровъ, частныхъ случаевъ общаго правила. Надъ историческими явленіями нельзя произнести приговора, не указавши на ихъ принципіальную сторону: историкъ только судитъ и оцѣниваетъ безсознательную философію даннаго общества съ точки зрѣнія своей общественной философіи, подобно тому, какъ каждый философъ или

ученый критикуетъ философію или науку своихъ предшественниковъ.

Безсознательная философія общества не остается неизмѣнной: она измѣняется, и высшій интересъ историческаго знанія заключается въ томъ, чтобы слѣдить за измѣненіями этой философіи, отмѣчая ея движеніе впередъ или назадъ, ея прогрессъ или регрессъ. Понятно, что это движеніе не можетъ быть чисто логическимъ развитіемъ принциповъ, поскольку, какъ сказано выше, содержаніе явленій не исчерпывается ихъ принципіальной стороной, связь между ними не обусловливается одной логикой, и вся ихъ совокупность не есть выводъ изъ одного начала, а результатъ множества разнообразныхъ причинъ. Измѣненія въ культурѣ и въ соціальной организаціи являются не вслѣдствіе того только, что ихъ желали люди, но и вслѣдствіе независящихъ обстоятельствъ, съ коими желаніямъ приходится имѣть дѣло: нерѣдко наши дѣйствія приводятъ къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ мы стремились достигнуть. Критика принциповъ является и тогда, когда ихъ развитіе дѣлаетъ слишкомъ очевиднымъ ихъ односторонность или когда постепенно начинаютъ возникать и выясняться принципы прямо противоположные: но и то, и другое зависитъ отъ условій, въ данномъ принципѣ не заключающихся. Но если взять принципы въ ихъ абстрактности, то можно представить себѣ идеальный порядокъ процесса ихъ измѣненій, идеальный порядокъ эволюціи безсознательной философіи общества, хотя и тутъ одна логика дѣлу помочь не можетъ: указанія на то, какіе принципы могли и должны были развиться раньше другихъ, при какихъ условіяхъ и когда могли и должны были возникнуть принципы, вытѣснившіе болѣе ранніе и т. д.,—указанія на все это можно найти только въ общихъ законахъ развитія духа и общества. Наприм., явленія, болѣе или менѣе сводимыя къ отрицанію личности, необходимо предшествовали явленіямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ утвержденіе правъ личности: это будетъ совершенно понятно, если мы примемъ въ расчетъ степень индивидуальнаго развитія и единственно возможныя формы соціальнаго быта при переходѣ изъ чисто зоологическаго существованія въ существованіе историческое. Безъ этого мы впадемъ въ чистѣйшую идеологію, воображающую, что діалектическій порядокъ идей,—синтетическій или аналитическій,—есть порядокъ и вещей. Въ образованіи того идеальнаго порядка, о которомъ идетъ рѣчь, должна участвовать не одна логика идей, но, такъ сказать, и механика законовъ, да и въ дѣйствительности порядокъ этотъ не можетъ осуществиться въ чистомъ видѣ, такъ какъ для дѣйствія того или другого закона необходимы извѣстныя условія, которыя сами суть результаты множества частныхъ причинъ въ ихъ хаотическомъ взаи-

модѣйствіи. Возникновеніе того или другого принципа въ жизни общества есть результатъ дѣйствія того или другого закона, но для того, чтобы это дѣйствіе наступило, необходимы извѣстныя условія, числу которыхъ въ каждомъ данномъ случаѣ нѣтъ конца.

Если мы сводимъ явленія, совершающіяся въ обществѣ, къ нѣкоторой безсознательной философіи его членовъ, то этимъ мы не идеализируемъ дѣйствительности: правда, въ ней мы видимъ воплощеніе извѣстныхъ идей, идеаловъ, но эти идеи мы критикуемъ, идеалы эти не наши. Напр., въ фактахъ, представляемыхъ соціальными организаціями античнаго міра, мы находимъ воплощенными идеалы грековъ и римлянъ, но къ нимъ мы относимся отрицательно во имя высшаго принципа, выработаннаго исторіей. Равнымъ образомъ мы не занимаемся идеологіей, если стремимся дать абстрактную формулу эволюціи безсознательной философіи общества и ея улучшенія, разъ утверждаемъ, что въ построеніи такой формулы должно играть роль знаніе законовъ духовной и общественной жизни, основанное на изученіи дѣйствительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы снимаемъ съ себя обвиненіе и въ идеализаціи хода исторіи, когда заявляемъ, что дѣйствительная исторія зависитъ отъ массы причинъ, въ этой формулѣ не содержащихся.

Придавая важное значеніе въ историческомъ знаніи формулированію безсознательной философіи человѣческихъ обществъ на разныхъ ступеняхъ ихъ развитія, я долженъ былъ сдѣлать эти двѣ оговорки относительно идеализаціи и идеологіи, отвергнутыхъ мною за ихъ ненаучность. Но я предвижу еще возможность одного упрека, т. е. обвиненія въ томъ, что указываемое мною сведеніе принциповъ, построенныхъ въ систему, къ одному принципу ничѣмъ не отличается отъ метафизики въ исторіи, противъ которой я такъ возстаю. Обвиненіе это было бы основательно, если бы я полагалъ этотъ объединяющій принципъ внѣ міра явленій, какъ нѣкоторую *Ding an und für sich*, но именно этого-то у меня и нѣтъ. Каждый мыслящій человѣкъ ищетъ внутренняго смысла во всемъ, что его окружаетъ: метафизическіе вопросы о сущности и цѣнности бытія, считаемые мною на основаніи всей критической философіи послѣ Канта за неразрѣшимые, возникаютъ именно на почвѣ этого исканія, которое могутъ удовлетворить только вѣра или воображеніе. Но въ мірѣ есть разрядъ явленій, исканіе смысла коихъ удовлетворяется творчествомъ идеаловъ: это явленія, обязанныя бытіемъ своимъ дѣятельности людей. Напр., естественно возникаетъ извѣстный рядъ явленій, и причины ихъ мы можемъ научно указать, не выходя изъ феноменальнаго міра вообще въ туманныя области *вещи самой въ себѣ*; этотъ рядъ явленій и аналогичные ему мы обобщаемъ

подъ именемъ государства и вотъ у насъ естественно возникаетъ вопросъ о смыслѣ существованія государства, т. е. почему и для чего оно существуетъ. На первый вопросъ давались разные отвѣты, ненаучные и научные, но вообще на научной почвѣ вопросъ этотъ разрѣшается удовлетворительно. На второй вопросъ *зачѣмъ*?—также давались весьма неодинаковые отвѣты, либо выраженные въ формѣ разсужденія политическими писателями, либо выраженные въ отдѣльныхъ поступкахъ или въ цѣломъ поведеніи гражданъ. Государство не только существовало объективно съ своими существенными признаками, отличающими его отъ всего остальнаго, но и мыслилось, какъ нѣчто имѣющее опредѣленный смыслъ по своей цѣли, причемъ смыслъ ему придавался различный, смотря по тому, находилъ-ли гражданинъ, что пріятно умереть, защищая государство, или возвѣщалъ, что оно должно только оберегать насъ отъ воровъ, мошенниковъ и разбойниковъ. Объективная сущность государства (конечно, въ значеніи совокупности существенныхъ признаковъ) оставалась та же, но внутренній смыслъ его измѣнялся съ каждымъ новымъ отвѣтомъ на вопросъ: *зачѣмъ*? Массою людей рѣдко давался отвѣтъ на этотъ вопросъ, выраженный въ мысли и словѣ: она отвѣчала своимъ поведеніемъ, своими поступками; пониманіе смысла государства выражалось въ инстинктѣ, въ привычкѣ, въ образѣ дѣйствій. Если мы говоримъ о принципѣ, то лишь представляя себѣ, какая сознательная мысль могла бы лежать въ основѣ отдѣльныхъ поступковъ и всего поведенія. Но такъ же точно рѣшался вопросъ о правѣ, объ экономическихъ отношеніяхъ и т. п.: смыслъ ихъ опредѣлялся по цѣли ряда явленій, существующихъ чрезъ человѣческую дѣятельность, причемъ это опредѣленіе давалось поступками, поведеніемъ, основу для которыхъ уже самъ историкъ подъискиваетъ, формулируя мысль, имъ соотвѣтсвующую. Итакъ, всему существующему чрезъ человѣческую дѣятельность мы опредѣляемъ цѣль, сообщающую ему смыслъ, хотя бы на цѣль эту указывали только людскіе поступки. Но сами цѣли имѣютъ для насъ смыслъ только въ виду одной обобщающей ихъ цѣли. Это обобщеніе совершается нами въ пониманіи смысла нашей жизни, которое опять-таки можетъ быть формулировано въ словахъ или проявляться во всемъ нашемъ поведеніи. Объективная сущность процесса жизни (опять въ значеніи существенныхъ его признаковъ) остается неизмѣнной, но внутренній смыслъ жизни измѣнялся съ каждымъ новымъ отвѣтомъ на вопросъ *зачѣмъ*? Пониманіемъ смысла жизни, существующимъ въ обществѣ, выражаемомъ въ словѣ или проявляемомъ въ поведеніи, и объединяются принципы государства, права, экономическихъ отношеній и пр. и пр.: это и есть общій основной принципъ безсознательной философіи общества, инстиктивно принимаемый его членами въ зависимости отъ

множества разныхъ условій. Пониманіемъ смысла жизни обусловливалися у средневѣковаго аскета его взглядъ на государство, какъ на орудіе церкви; пониманіемъ смысла жизни обусловливался взглядъ древняго грека на государство, какъ на такую вещь, за которую нужно умирать; пониманіемъ смысла жизни объясняется взглядъ буржуа, что роль государства—оберегать общество отъ воровъ, мошенниковъ и разбойниковъ. То или другое пониманіе этого смысла обусловлено, говоря общо, переживаемымъ историческимъ моментомъ, степенью нашего развитія, воспитаніемъ въ извѣстной обстановкѣ и т. п. Это не есть „идея народа" или основа жизни, почему она существуетъ, какъ говорятъ метафизики, а лишь субъективное отношеніе людей къ своему существованію, сообразно съ которымъ человѣкъ даетъ въ словахъ и поступкахъ своихъ свою безсознательную философію жизни. Что обще въ этомъ отношеніи всѣмъ индивидуумамъ, находящимся въ духовномъ и соціальномъ взаимодѣйствіи, или громадному ихъ большинству, то составляетъ безсознательную философію общества, и то или другое рѣшеніе ея основного вопроса—о смыслѣ жизни—ложится въ основу всей системы принциповъ, которые проявляются въ разныхъ сторонахъ общественнаго бытія. Это-то и даетъ намъ право говорить, не впадая въ метафизику, объ основномъ принципѣ безсознательной философіи даннаго общества въ данную эпоху и заставляетъ насъ приписывать такую важность изученію исторіи религіи, философіи, науки, литературы, искусства, политической, юридической, соціальной мысли, въ которыхъ яснѣе всего проявляется взглядъ на смыслъ жизни, какъ изученіемъ исторіи соціальной организаціи, государства, права, экономическаго строя мы дорожимъ, чтобы найти, какой результатъ давалъ тотъ или другой взглядъ на смыслъ жизни для самой жизни въ зависимости отъ всѣхъ природныхъ и историческихъ условій, въ которыя она поставлена.

Въ исторіи человѣчества главный вопросъ, который мы себѣ ставимъ, есть вопросъ о смыслѣ исторіи. Объективная сущность историческаго процесса (признаки, отличающіе его отъ всякаго иного процесса) остается неизмѣнною, но смыслъ исторіи измѣняется, смотря по тому, куда она насъ ведетъ, какое пониманіе смысла жизни въ насъ вырабатываетъ, низшее или высшее, ложное или истинное, и смотря по тому, удовлетворяетъ ли или не удовлетворяетъ все вырабатываемое исторіей самыя общія и основныя цѣли жизни. Взглянуть на дѣйствительную исторію съ этой точки зрѣнія есть задача философіи исторіи. Идеальный порядокъ уясненія смысла жизни и удовлетворенія ея требованій есть задача философіи прогресса, ибо прогрессъ есть не что иное, какъ уясненіе смысла жизни чрезъ постановку ей все высшихъ и высшихъ цѣлей и удовлетвореніе этихъ цѣлей съ по-

мощью совершенствующейся культуры и соціальной организаціи, позволяющих нам съ бóльшим успѣхомъ оказывать воздѣйствіе и на природу.

V.

Человѣкъ не только живетъ, онъ вкладываетъ въ свою жизнь извѣстный смыслъ: выясненіе смысла жизни составляетъ одну изъ выдающихся сторонъ духовной исторіи человѣчества, составляя содержаніе религіи, философіи, науки, публицистики, поэзіи и художествъ. Человѣкъ не только ставитъ своей жизни цѣли, но создаетъ для ихъ удовлетворенія цѣлыя системы средствъ, въ числѣ которыхъ однимъ изъ видныхъ является соціальная организація, равно какъ разныя техническія искусства и ихъ теоріи, возникающія на почвѣ философіи и науки. Въ историческомъ знаніи съ философской точки зрѣнія мы ищемъ отвѣтовъ на вопросы о томъ, какъ уяснялся смыслъ жизни и насколько удовлетворялись безсознательно или сознательно ставившіяся ей цѣли: когда мы замѣчаемъ большее уясненіе смысла жизни, лучшее удовлетвореніе ея потребностей, мы говоримъ о прогрессѣ; когда, наоборотъ, обнаруживается возвращеніе къ менѣе полному, стройному и цѣлостному пониманію жизни, паденіе болѣе совершенныхъ средствъ удовлетворенія ея потребностей, мы говоримъ о регрессѣ. Но для того, чтобы имѣть право говорить о прогрессѣ или регрессѣ въ этомъ значеніи, необходимо намъ самимъ имѣть нѣкоторое представленіе о смыслѣ жизни, которое мы считаемъ за самое истинное, нѣкоторое представленіе о системѣ средствъ, служащихъ для удовлетворенія ея цѣлей, которую мы принимаемъ за наилучшую. Только на почвѣ такого идеализма возникаютъ идеи прогресса или регресса, безотносительно къ усовершенствованію чего бы то ни было нашею дѣятельностью, ибо часто совершенствоваться могутъ предметы, которые соотвѣтствуютъ не высшему, а низшему пониманію жизни. Эти двѣ вещи часто смѣшиваются: совершенствованіе искусства повальнаго истребленія людей на войнѣ не составляетъ прогресса, поскольку прогрессъ именно и состоитъ въ установленіи отношеній между людьми на принципахъ солидарности, коопераціи и права. Совершенствованіе военнаго искусства заключается въ пользованіи плодами прогресса въ наукѣ для непрогрессивныхъ цѣлей, именно лучшимъ знаніемъ законовъ природы и большею властью надъ нею, сообщаемою этимъ знаніемъ, для цѣлей, которыя нисколько не возвышаютъ насъ надъ дикарями, также имѣющими кое-какія средства для истребленія людей. Тогда, напр., и замѣну простой стрѣлы отравленною пришлось

бы назвать явленіемъ прогрессивнымъ. Совершенствованіе какого-либо искусства заключается въ замѣнѣ средствъ менѣе цѣлесообразныхъ болѣе цѣлесообразными, и въ этомъ совершенствованіи дѣйствительно есть указаніе на происшедшій прогрессъ въ нашемъ умѣніи подчинять природу цѣлямъ нашей жизни, но въ замѣнѣ простой стрѣлы отравленною, стараго ружья скорострѣльнымъ не сдѣлано ни малѣйшаго шага впередъ въ уясненіи смысла жизни. Прогрессомъ въ военномъ дѣлѣ можно назвать только подчиненіе побѣдителей извѣстнымъ обычаямъ или законамъ, указывающимъ на болѣе высокій принципъ, положенной нами въ основу пониманія смысла жизни. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на совершенствованіе всѣхъ искусствъ, принимая въ расчетъ, какому пониманію смысла жизни—высшему или низшему, какому принципу соотвѣтствуетъ цѣль искусства. Есть цѣли и цѣли, только о совершенствованіи такихъ искусствъ, цѣли коихъ соотвѣтствуютъ принципамъ высшаго пониманія смысла жизни, можно говорить, какъ о прогрессѣ. Совершенствуется, напр., искусство добывать отъ природы средства, необходимыя для жизни, когда мы получаемъ большее количество нужныхъ намъ предметовъ и предметовъ лучшаго качества при меньшей затратѣ нашихъ силъ и нашего времени, но это совершенствованіе не будетъ прогрессивнымъ, если сдѣлается только орудіемъ большей эксплуатаціи одной части общества другою, т.-е. будетъ служить такой цѣли, принципъ которой соотвѣтствуетъ низшему пониманію смысла жизни. Вообще можно сказать, что простое совершенствованіе того или другого искусства само по себѣ не составляетъ прогресса, если не дѣлается орудіемъ достиженія цѣлей прогрессивныхъ, а это можно сказать именно обо всѣхъ искусствахъ, въ которыхъ человѣкъ подчиняетъ себѣ силы природы: въ этомъ подчиненіи заключается только возможность прогресса или указаніе на нѣкоторый прогрессъ въ области объективнаго знанія, нисколько не свидѣтельствуя объ уясненіи смысла жизни и о достиженіи именно тѣхъ цѣлей, которыя и сообщаютъ ей этотъ самый смыслъ. Въ пользованіи силами природы для повальнаго избіенія людей или для эксплуатаціи однихъ людей другими заключается именно только возможность прогресса, т.-е. употребленія своихъ техническихъ знаній для лучшихъ цѣлей, и указаніе на нѣкоторый прогрессъ міросозерцанія, но для уясненія смысла жизни и для самой жизни, сообразной съ ея субъективнымъ пониманіемъ, этимъ ничего не сдѣлано. Вотъ почему, строго говоря, усовершенствованія въ искусствѣ пользоваться силами природы не только не составляютъ основы идеи историческаго прогресса, но даже не входятъ въ его содержаніе, ибо сущность историческаго процесса не во взаимодѣйствіи человѣка съ природой: тутъ мы имѣемъ въ природѣ и умѣніи подчинять

ее себѣ одни только условія исторической жизни и совершающагося въ ней прогресса.

Дѣятельности человѣка, направленныя на природу, не имѣютъ принципіальнаго значенія: здѣсь господствуетъ одинъ девизъ—извлекай изъ природы все, что можешь. Принципіальное значеніе этимъ дѣятельностямъ сообщается только тогда, когда чрезъ нихъ мы дѣйствуемъ на жизнь людей (и на свою собственную въ томъ числѣ), сообразно съ тѣмъ или другимъ пониманіемъ смысла этой жизни. Поэтому принципіальное значеніе сами по себѣ имѣютъ лишь дѣятельности, направленныя непосредственно на жизнь людей, ибо въ нихъ прямо заключается то или другое пониманіе смысла жизни вообще и въ частности нашей собственной или чужой. На почвѣ этихъ дѣятельностей возникаютъ всѣ тѣ продукты общества, которые мы называемъ культурными и соціальными, т.-е. религія, философія, наука, искусство, государство, право, экономическая кооперація: совершенствованіе только этихъ вещей, въ основѣ которыхъ лежатъ извѣстные принципы истины, справедливости, всеобщаго блага, и составляетъ настоящее содержаніе историческаго прогресса; совершенствованіе ихъ заключается въ уясненіи смысла жизни и въ подчиненіи требованіямъ высшаго пониманія этого смысла, которое само есть результатъ указаннаго уясненія. Но и здѣсь весьма часто подъ совершенствованіемъ разумѣется нѣчто особенное, о чемъ стоитъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Всѣмъ упомянутымъ дѣятельностямъ, направленнымъ не на природу, а на людей (а въ томъ числѣ и на самихъ себя), соотвѣтствуютъ разнаго рода искусства, раздѣляющія людей на профессіи, занятіе которыми имѣетъ цѣлью не производство матеріальныхъ предметовъ, а оказываніе разнаго рода услугъ (подъ категорію услугъ, замѣчу мимоходомъ, я ставлю и передачу произведеннаго предмета лицомъ, его произведшимъ, другому, которому онъ нуженъ, хотя бы въ основѣ такой передачи лежалъ принципъ do ut des). Каждая профессія требуетъ извѣстнаго искусства, и каждое такое искусство можетъ совершенствоваться. Спрашивается, можно-ли назвать всякое совершенствованіе всякой такой профессіи прогрессомъ? Съ той точки зрѣнія, съ которой всякое совершенствованіе есть прогрессъ, прогрессомъ слѣдовало бы назвать всякій успѣхъ въ оказываніи фактически требуемыхъ услугъ, но весь вопросъ именно въ томъ, каковы эти услуги. Есть такія профессіи, которыя возможны только при низкомъ уровнѣ безсознательной философіи общества, и совершенствованіе соотвѣтственныхъ имъ профессій никакъ уже нельзя назвать прогрессомъ: иначе пришлось бы называть прогрессомъ совершенствованіе въ такихъ мерзостяхъ, что не приведи Богъ. Или возьмемъ другой примѣръ:

представимъ себѣ государство, основанное на принципѣ поглощенія личности цѣлымъ; выполняя свою задачу, государство создаетъ разныя профессіи, каждая изъ которыхъ будетъ оказывать ему ту или другую услугу, а каждая изъ нихъ и вся ими образуемая государственная машина могутъ совершенствоваться, т.-е. полнѣе и легче достигать своихъ цѣлей, но этого мы не назовемъ совершенствованіемъ государства, политическимъ прогрессомъ: это будетъ только совершенствованіемъ правительственной машины, политическаго искусства, обусловливающимъ только возможность прогресса, если эта машина и это искусство будутъ направлены на другія цѣли, и указывающимъ лишь на нѣкоторый прогрессъ объективнаго знанія общественной жизни. Совершенствованіе государства, политическій прогрессъ состоитъ въ улучшеніи государства въ виду той цѣли, ради которой только и мыслимо его разумное существованіе какъ соотвѣтствующее основному мотиву, заставившему общество людей подчиниться общей власти. Совершенствованіе это состоитъ въ уясненіи принципа государства и въ его постепенной перестройкѣ сообразно съ уясняющимся принципомъ. Въ такомъ уясненіи принциповъ и всего остальнаго культурнаго и соціальнаго содержанія жизни человѣка и въ переработкѣ этого содержанія согласно уясняющимся принципамъ состоитъ прогрессъ и философіи, и науки, и права, и экономическихъ отношеній.

Опять мы встрѣчаемся съ идеей уясненія принциповъ и съ идеей удовлетворенія ихъ формами мысли и жизни. Для историка весь вопросъ въ томъ, въ какомъ порядкѣ это происходитъ. Одна логика разрѣшить не можетъ вопроса: уясненіе это происходитъ въ зависимости отъ множества условій, послѣдовательная смѣна которыхъ сама обусловлена множествомъ причинъ. Во-вторыхъ, формы мысли и жизни не могутъ измѣняться въ совершенно произвольномъ порядкѣ: въ ихъ смѣнѣ должна быть извѣстная закономѣрная послѣдовательность. Возьмемъ, напр., соціальную организацію: прямого скачка отъ простѣйшей своей формы до самой сложной она сдѣлать не можетъ, и ея усложненіе должно совершаться въ извѣстномъ порядкѣ, который опять-таки видоизмѣняется въ частностяхъ въ зависимости отъ разныхъ условій, въ различныхъ отношеніяхъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ для усложненія общественной организаціи.

Чѣмъ же въ такомъ случаѣ можетъ быть формула прогресса, его теорія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, какое значеніе можетъ имѣть вообще подобная формула. Объ одномъ ея значеніи нами было сказано достаточно. Она должна дать идеальную мѣрку для оцѣнки хода исторіи, безъ каковой оцѣнки невозможенъ судъ надъ дѣйствительной исторіей, невозможно отысканіе ея смысла. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ судить прошлое

съ современной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ, то постановимъ очень произвольный приговоръ: то, что теперь представляется намъ несовершеннымъ, въ свое время было высшимъ пунктомъ, до котораго дошелъ прогрессъ, относительнымъ и сравнительнымъ совершенствомъ,—относительнымъ именно по своему значенію для людей, иначе понимавшихъ жизнь и предъявлявшихъ ей иныя требованія, нежели мы, сравнительнымъ въ ряду другихъ еще менѣе совершенныхъ явленій. Напр., замѣна убіенія военно-плѣнныхъ обращеніемъ ихъ въ рабство для насъ не имѣетъ значенія совершенства людскихъ отношеній, насъ вполнѣ удовлетворяющаго, но въ свое время для людей, которые брали въ плѣнъ и въ него попадали при неразвитомъ пониманіи смысла жизни, было великимъ благомъ въ сравненіи съ временами, когда производилось избіеніе плѣнныхъ и даже насыщеніе побѣдителей ихъ кровью и мясомъ. Въ дѣйствительности нѣтъ ничего абсолютно совершеннаго: есть только именно такія относительныя и сравнительныя совершенства, а ихъ мы можемъ расположить въ извѣстномъ порядкѣ 1) по степени ихъ удаленія отъ несовершеннаго и приближенія къ совершенному съ нашей точки зрѣнія и 2) по отношенію къ тому, какъ уяснялся смыслъ жизни. Примѣняя этотъ идеальный порядокъ къ послѣдовательности историческихъ фактовъ, мы оцѣниваемъ ходъ исторіи, какъ совпадающій или несовпадающій съ этимъ идеальнымъ порядкомъ, т.-е. какъ прогрессивный или регрессивный и, подводя общій итогъ, высказываемъ свой судъ надъ цѣлымъ дѣйствительной исторіи, опредѣляемъ его смыслъ. Итакъ, желаніе имѣть философію исторіи, т. е. философски понять исторію приводитъ насъ къ необходимости создать нѣкоторую формулу, какъ мѣрку, и по существу дѣла намъ остается представить общее совершенствованіе въ видѣ переходовъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному.

Другое значеніе теоріи прогресса слѣдующее. Мы, формируя свои убѣжденія, объединяемъ частныя цѣли своей нравственной дѣятельности въ общій планъ жизни, согласный съ убѣжденіемъ. Здравое убѣжденіе требуетъ своего дальнѣйшаго развитія, т.-е. такого плана жизни, который осуществлялъ бы личное развитіе. Такъ какъ мы члены общества, культурою и организаціей котораго обусловливается жизнь личности, и измѣненіе этой культуры и организаціи зависитъ отъ нашей дѣятельности, то возможно расширеніе плана жизни въ виду личнаго развитія въ планъ жизни въ виду прогресса того общества, къ которому мы принадлежимъ. Но наше общество есть лишь элементъ въ цѣломъ человѣчества и моментъ въ цѣломъ его исторіи: тутъ возникаетъ планъ жизни въ виду прогресса всего человѣчества и представленіе о нѣкоторомъ идеальномъ планѣ, по

которому должна (должна не въ смысмѣ необходимости, а въ смыслѣ обязательности) совершаться людьми дальнѣйшая исторія. Разумѣется, въ общихъ своихъ чертахъ планъ этотъ не можетъ быть чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же переходомъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному. Но того же требуетъ формула прогресса и въ смыслѣ мѣрки, прилагаемой къ ходу исторіи въ философіи исторіи. Это совпаденіе объясняется очень просто: и въ обыденной жизни однимъ и тѣмъ же принципомъ мы руководимся и въ нашемъ нравственномъ поведеніи, и въ судѣ надъ поведеніемъ другихъ.

Этимъ опредѣляется деонтологическій элементъ теоріи прогресса: чтобы выйти изъ-подъ суда съ нѣкоторымъ оправданіемъ, чтобы получить сколько-нибудь удовлетворительную оцѣнку, чтобы не быть признанной за совершенно безсмысленную смѣну явленій, дѣйствительная исторія должна сколько-нибудь соотвѣтствовать постепенному переходу отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному; съ другой стороны, чтобы наша дѣятельность не противорѣчила плану жизни въ виду прогресса человѣчества, мы себѣ вмѣняемъ въ долгъ, и другимъ на него указываемъ—дѣйствовать въ смыслѣ осуществленія все бо́льшаго и бо́льшаго совершенства. Но въ теоріи прогресса долженъ быть и элементъ номологическій: необходимо знать природу человѣческаго духа и общества, чтобы понять, какъ возможны эти отдѣльные переходы отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному ибо недостаточно указать цѣль, нужно еще указать средства, а это возможно только при формулировкѣ законовъ. Каждый законъ въ научной формѣ есть прежде всего выраженіе связи причины съ слѣдствіемъ: если произошло А, должно произойти В, а отсюда выводъ тотъ, что для полученія В нужно произвести А. То, что съ одной точки зрѣнія есть причина и слѣдствіе, съ другой есть средство и цѣль: отъ слѣдствія мы заключаемъ къ причинѣ, отъ цѣли—къ средству. Слѣдовательно, если мы желаемъ имѣть формулу прогресса, какъ руководство въ разумной дѣятельности, мы должны отъ цѣли заключать къ средствамъ, а для полученія той же формулы, какъ общаго объясненія уже совершившагося прогресса, заключать отъ слѣдствій къ причинамъ. Но связь причины съ слѣдствіемъ и есть законъ въ научномъ значеніи этого слова: цѣль есть только неосуществленное слѣдствіе еще не созданной причины. Съ этой точки зрѣнія ни одинъ частный переходъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному не можетъ не быть слѣдствіемъ извѣстной причины. Послѣдовательно разсуждая, для каждаго перехода мы должны указать его причину: если необходимая причина дана, переходъ будетъ результатомъ ея дѣйствія. Назовемъ буквами А, В, С, D..... рядъ возрастающаго совершенства, идеально построенный, такъ что переходъ отъ А къ В, отъ В къ С и т. д.

будетъ переходомъ отъ меньшаго совершенства къ большему. Но каждый переходъ есть слѣдствіе какой-либо причины: назовемъ причину перваго перехода (отъ А къ В) буквой x, второго (отъ В къ С)—буквой y, третьяго (отъ C къ D)—буквой z и т. д. Этимъ опредѣлится необходимая для послѣдовательности переходовъ послѣдовательность ихъ причинъ, а отсюда мы получимъ такой рядъ: необходимо, чтобы самъ x, производя переходъ отъ А къ В, или сопровождающія переходъ этотъ обстоятельства создали и y, какъ необходимое условіе перехода В къ С; равнымъ образомъ необходимо, чтобы самъ y, создавая переходъ отъ В къ С, или сопровождающія переходъ этотъ обстоятельства произвели z, какъ необходимую причину перехода С къ D и т. д. Другими словами, чтобы возможна была послѣдовательность A, B, C, D....., необходима послѣдовательность x, y, z.. .., чѣмъ бы эта послѣдняя ни была обусловлена, т.-е. мы утверждаемъ только, что для послѣдовательности переходовъ нужна извѣстная послѣдовательность причинъ, слѣдствіями которыхъ они являются. Разъ законъ есть главнымъ образомъ связь причины съ слѣдствіемъ, то остается только признать, что для послѣдовательности переходовъ нужна извѣстная послѣдовательность дѣйствія законовъ, а она, отдѣльно взятая отъ переходовъ, не можетъ быть совершенно случайной: для рѣзкости примѣра скажемъ, что законы психологическіе не могли дѣйствовать раньше біологическихъ, біологическіе—раньше химическихъ и т. п. Въ томъ же смыслѣ невозможно, напр., образованіе сложной соціальной организаціи безъ предварительнаго развитія нѣкоторой духовной культуры.

При этомъ еще и то необходимо принять въ расчетъ, что одновременно въ обществѣ дѣйствуетъ не одинъ законъ, а цѣлая ихъ масса, и что комбинаціи ихъ бываютъ весьма разнообразными въ зависимости именно отъ условій, представляемыхъ дѣйствительностью: при разныхъ побочныхъ условіяхъ одна и таже причина будетъ давать не совсѣмъ одинаковыя слѣдствія. Дѣйствіе одной и той же причины, по которой тѣла падаютъ на землю, при разныхъ условіяхъ будетъ имѣть различные результаты: пузырь, наполненный воздухомъ, падаетъ внизъ по вертикальной линіи при безвѣтріи, при вѣтрѣ будетъ отнесенъ въ сторону, опущенный на дно рѣки подымается вверхъ на поверхность воды и т. п. То же самое и въ дѣлахъ человѣческихъ: дѣйствіе какой-либо причины x, чтобы привести къ переходу отъ А къ В, а не что-либо иное, нуждается въ помощи побочныхъ благопріятныхъ условій, или можетъ случиться, что данныя условія при желательномъ переходѣ отъ B къ С будутъ такого рода, что вызовутъ дѣйствіе не закона y, которое имѣетъ слѣдствіемъ переходъ отъ В къ С, а дѣйствіе закона z, которое, будучи примѣнено къ С,

обусловливаетъ переходъ къ D, т.-е. осуществляетъ прогрессъ, а будучи примѣнено къ B, возвращаетъ его къ A, т.-е. производитъ регрессъ. Правительственная опека, способствовавшая въ XVII вѣкѣ развитію промышленности, убила бы ее въ XIX вѣкѣ: дѣйствіе одно, результаты разные. Пустой пузырь падаетъ въ воздухѣ и подымается въ водѣ. Что приноситъ пользу при одномъ состояніи общества, то при другомъ можетъ оказаться вреднымъ. Одно и тоже въ разное время, въ разныхъ количествахъ, по разнымъ своимъ сторонамъ и т. п. можетъ быть и причиной прогресса, и препятствіемъ къ нему. Все это, собственно говоря, крайне усложняетъ номологію прогресса и дѣлаетъ выработку ея теоріи особенно въ подробностяхъ и въ виду практическихъ наставленій для жизни, въ высшей степени затруднительнымъ. Какъ историку, такъ и практическому дѣятелю приходится для каждаго отдѣльнаго случая постановлять особое рѣшеніе вопроса, но несомнѣнно, что оба они должны, во-первыхъ, говоря о прогрессѣ или желая прогрессивно дѣйствовать, опираться на какую-либо деонтологію, а во-вторыхъ, въ обоихъ указанныхъ случаяхъ имѣть общее знаніе законовъ, первый для того, чтобы, отмѣчая какое-либо прогрессивное явленіе, показать, что вообще оно не могло произойти инымъ какимъ-либо путемъ или путемъ неаналогичнымъ, не эквивалентнымъ, второй—для того, чтобы найти средство для своей цѣли наиболѣе подходящее или ему равносильное. Во всякомъ случаѣ въ теоріи прогресса должны находиться оба элемента—деонтологическій и номологическій и быть въ извѣстномъ взаимодѣйствіи, чтобы не давать знанія цѣлей безъ знанія средствъ, такъ какъ первое превратилось бы тогда въ простую идеологію, равно какъ не давать знанія средствъ безразлично для какихъ бы то ни было цѣлей,—знанія, которое не будетъ имѣть никакой стройности. Вотъ почему, изображая единственно возможный порядокъ прогресса, его общая формула должна ограничиться только самыми общими указаніями, не предрѣшая вопроса о томъ, какъ происходилъ прогрессъ въ дѣйствительности въ зависимости отъ разныхъ условій, и что при всякихъ обстоятельствахъ долженъ предпринимать прогрессивный дѣятель. Формула прогресса можетъ только показать, достиженіе чего дѣлаетъ возможнымъ достиженіе и дальнѣйшаго: достиженіе какого-либо пункта только тогда становится прочнымъ пріобрѣтеніемъ прогресса, когда одновременно пріобрѣтены и многія другія вещи, когда оно не преждевременно. Практическій вопросъ о своевременности и вообще цѣлесообразности того или другого поступка и научный вопросъ о положительномъ значеніи того или другого факта въ исторіи прогресса имѣютъ общую подкладку въ вопросѣ о томъ, какой порядокъ дѣйствія законовъ можетъ считаться ближе ведущимъ къ цѣли:

сравнивая съ этимъ идеальнымъ порядкомъ дѣйствительный ходъ исторіи, мы разрѣшаемъ одну изъ задачъ философіи исторіи; подчиняя ему свою дѣятельность при постоянномъ руководствѣ данными опыта, т.-е. указаніями дѣйствительности, создаваемой нашею дѣятельностью въ соединеніи съ теченіемъ вещей, не отъ насъ зависящихъ, мы выполняемъ програму жизни въ виду прогресса какъ нашего общества, такъ и всего человѣчества.

Постановка вопроса о прогрессѣ на такую точку зрѣнія устраняетъ всякую узкость взгляда въ его рѣшеніи: оно не указываетъ прогрессу тождественнаго вездѣ пути, но только намѣчаетъ одинъ путь въ смыслѣ множества аналогичныхъ или эквивалентныхъ. Если мы открываемъ, что для перехода отъ a къ b нужно дѣйствіе причины x, мы не говоримъ, что это x существуетъ только въ единственной формѣ, а допускаемъ ея проявленія въ различныхъ формахъ или указываемъ на иныя сочетанія, дѣйствіе которыхъ можетъ быть равносильно дѣйствію x, или на какую-либо другую причину w, которая способна дѣйствовать въ смыслѣ x, хотя бы не такъ быстро и не съ такимъ вѣрнымъ успѣхомъ, какъ x: если послѣднее по даннымъ обстоятельствамъ не могло существовать въ прошломъ или не можетъ существовать въ будущемъ, приходится довольствоваться существованіемъ или возможностью w и видѣть въ немъ причину совершившагося прогресса или средство для долженствующаго совершиться. Но вообще формула прогресса должна имѣть въ виду главнымъ образомъ такія причины, которыя быстрѣе, вѣрнѣе и прочнѣе другихъ осуществляютъ прогрессъ. Дѣло теоретика прогресса—вообразить, въ какомъ порядкѣ дѣйствіе законовъ, т.-е. возникновеніе причинъ, необходимо приводящихъ къ извѣстнымъ слѣдствіямъ, лучше всего осуществляетъ прогрессъ: какъ онъ осуществлялся въ дѣйствительности и осуществлялся ли вообще въ разныя времена и насколько можно проводить въ жизнь вполнѣ, т.-е. безъ всякихъ излишнихъ уступокъ дѣйствительности, найденную формулу, будетъ зависѣть уже отъ разныхъ условій: чѣмъ благопріятнѣе были эти условія для полнаго, быстраго и прочнаго прогресса, тѣмъ прогрессъ долженъ былъ ближе подходить къ этой формулѣ, не совпадая однако съ нею совершенно, поскольку никогда и нигдѣ не складывались абсолютно благопріятныя для него условія. Другими словами, теорія прогресса должна представить, какъ совершался бы онъ при абсолютно благопріятныхъ условіяхъ, подобно тому, какъ физикъ говоритъ о томъ, какъ должно было бы падать тѣло въ абсолютно пустомъ пространствѣ. Чередованіе абсолютно благопріятныхъ условій и должно было бы дать рядъ причинъ и слѣдствій, въ которомъ каждая причина именно имѣла бы своимъ слѣдствіемъ переходъ отъ меньшаго совершенства къ большему.

Въ выведеніи закона паденія тѣлъ въ физикѣ мы имѣемъ болѣе простой примѣръ построенія подобной же формулы.

Выводя формулу паденія тѣла, мы называемъ паденіемъ движеніе тѣла по направленію къ центру земнаго шара, являющемуся цѣлью, къ коей стремится всякое падающее тѣло. Такую же цѣль мы можемъ поставить прогрессу, разумѣя подъ нимъ поступательное движеніе къ идеалу. Разница вся въ томъ, что первая цѣль есть нѣчто объективно данное, вторая—нѣчто субъективно построенное: нужно только, чтобы вторая цѣль представляла изъ себя нѣчто возможное вообще и не была бы по отношенію къ прогрессу тѣмъ, чѣмъ была бы для падающаго тѣла какая-либо точка, находящаяся внѣ пространства вообще, т.-е. нѣчто немыслимое, ибо совершающееся въ пространствѣ движеніе тѣла не можетъ быть движеніемъ къ точкѣ, положеніе которой намъ не было бы дано въ пространствѣ. Далѣе, причина стремленія падающаго тѣла къ земному центру объясняется изъ общаго закона всемірнаго тяготѣнія, и тутъ указанная разница получаетъ большое значеніе: паденіе тѣла съ необходимостью объясняется изъ этого закона, тогда какъ для прогресса такой ссылки на нѣкоторый общій законъ сдѣлать нельзя. Тутъ идетъ только рѣчь о возможности достиженія извѣстной цѣли, и аналогію этому представляетъ тотъ случай, когда математикъ самъ ставитъ точку, къ которой должно двигаться тѣло, и вычисляетъ путь этого движенія, указывая на количество и направленіе силы, которая должна отклонить движущееся тѣло отъ стремленія къ центру земнаго шара: такъ, вычисляется, напр., полетъ ядра. Въ сущности, однако, задача изслѣдователя формулы движенія тѣла въ обоихъ случаяхъ одна и та же: только говоря о паденіи, мы принимаемъ въ расчетъ дѣйствіе одной силы, въ другомъ—комбинируемъ дѣйствіе двухъ силъ. Въ дѣлѣ прогресса основу движенія составляетъ стремленіе человѣка къ улучшенію своего состоянія: это то же, что въ случаѣ движенія тѣла стремленіе къ центру земли, и если отвлечься отъ представленія другихъ силъ, содѣйствующихъ человѣку въ этомъ его стремленіи, то мы въ сущности и въ случаѣ прогресса будемъ имѣть то же, что и въ случаѣ паденія тѣла: тѣло постоянно притягивается землей, человѣкъ постоянно стремится улучшить свое положеніе; если тѣло не падаетъ, значитъ, его что-либо поддерживаетъ, если человѣкъ не улучшаетъ своего состоянія, значитъ, что-либо его задерживаетъ. Для вывода закона паденія тѣла, физика беретъ тѣло, на которое дѣйствуетъ только одна сила притяженія, и представляетъ себѣ паденіе въ безвоздушномъ пространствѣ, т.-е. при отсутствіи условій, задерживающихъ паденіе (сопротивленіе воздуха, вообще среды); точно также и формула прогресса

можетъ взять человѣка или общество людей, дѣятельность которыхъ обусловливается однимъ стремленіемъ къ улучшенію своего положенія, и разсматривать ихъ движенія при условіи отсутствія всего, что ему препятствуетъ. Но тутъ-то и выступаетъ различіе: такъ какъ падающее тѣло имѣетъ опредѣленную точку, какъ цѣль, къ которой стремится,—и подчиняется дѣйствію одной только силы, то всякое падающее тѣло въ концѣ концовъ падаетъ въ одномъ направленіи, какъ бы ни отклонялось оно отъ линіи движенія въ безвоздушномъ пространствѣ: тѣло, говоря метафорически, знаетъ, гдѣ конецъ его движенія. Такого знанія нѣтъ у человѣка: улучшая свое состояніе, онъ ставитъ себѣ весьма неодинаковыя цѣли и для достиженія однихъ и тѣхъ же цѣлей пользуется очень нецѣлесообразно разными средствами. Должны же, однако, существовать единственное состояніе, которое удовлетворило бы всѣхъ людей, и единственный вѣрный путь, къ нему ведущій: изъ того, что ядро, летящее изъ пушки, движется не къ центру земли, а летитъ снизу вверхъ и останавливается на верху высокой насыпи, не слѣдуетъ, что центръ земли въ концѣ концовъ не есть пунктъ, къ которому ядро стало бы стремиться, если бы оно не застряло въ высокой насыпи. Слѣдовательно, mutatis mutandis, формула прогресса можетъ быть построена, какъ формула паденія тѣла: для обоихъ процессовъ мы можемъ указать цѣль, въ обоихъ случаяхъ необходимость движенія вывести изъ нѣкоторой основной причины, въ обоихъ же случаяхъ представить путь, по которому должно идти движеніе при благопріятныхъ условіяхъ. Но паденіе тѣла мы можемъ представить себѣ внѣ всякой матеріальной среды, тогда какъ говорить объ улучшеніи состоянія человѣка, какъ о процессѣ, совершающемся внѣ всякой среды, немыслимо. Представить прогрессъ въ идеально благопріятной средѣ значило бы представить прогрессъ уже совершившимся: остается, слѣдовательно, вообразить себѣ именно постепенное улучшеніе самой среды, или такое ея движеніе, которое было бы наиболѣе благопріятно и для улучшенія состоянія самого человѣка, и для дальнѣйшаго движенія самой среды въ смыслѣ созиданія ею все болѣе и болѣе благопріятныхъ условій для прогресса. Какъ видитъ читатель, выработка формулы прогресса посложнѣе выведенія закона паденія тѣлъ, но умственныя операціи и первою, и вторымъ требуется одинаковыя: нужно найти цѣль обоихъ движеній, объяснить ее изъ природы того, что находится въ движеніи, а послѣднее представить совершающемся при отсутствіи препятствующихъ условій. Вся разница въ томъ, что цѣль прогресса можетъ быть построена только субъективно, что историческое движеніе не выводится изъ дѣйствія одной силы, какъ движеніе падаю-

щаго тѣла, и что сами благопріятныя условія въ дѣйствительности бываютъ таковыми только сравнительно и относительно: каждое условіе жизни есть многосторонняя сложность, въ которой одно благопріятствуетъ прогрессу, другое ему препятствуетъ, и не одно и то же бываетъ одинаково благопріятно въ разные моменты прогресса.

Новыя явленія въ области разработки древнегреческой исторіи.

А. И. Покровскаго.

Нерѣдко приходится слышать, и даже читать, что историческія судьбы античнаго міра достаточно извѣстны, что въ будущемъ возможно лишь выясненіе подробностей, не имѣющихъ существеннаго значенія, что роль еллиновъ и римлянъ въ исторіи человѣчества окончательно опредѣлилась [1]). Нижеслѣдующій очеркъ покажетъ, что дисциплина античной исторіи не только не выродилась, не только не отжила свой вѣкъ, а, напротивъ, недавно лишь начала жить настоящей жизнью. Авторъ не имѣлъ, конечно, возможности ставить на счетъ все состояніе дисциплины: онъ ограничивается лишь древнегреческой исторіей, и отмѣчаетъ лишь главныя направленія, указываетъ лишь наиболѣе яркія явленія въ области ея разработки за послѣднее время.

I.

Начать съ того, что съ каждымъ днемъ растетъ матеріалъ, надъ которымъ имѣетъ оперировать древнегреческая исторія,—и ма-

---

[1]) Не дальше какъ въ прошломъ году, въ той самой книжкѣ *Historische Zeitschrift*, гдѣ напечатана замѣчательная по новизнѣ пріемовъ и выводовъ статья B. Niese (Zur Verfassungsgeschichte Lakedämons), было заявлено, что не долго ждать—и средневѣковье будетъ лежать позади насъ, ähnlich abgeschlossen wie das klassische Griechenthum und Römerthum (LXII, 101). Любятъ указывать на подавляющую массу работъ (особенно нѣмецкихъ диссертацій и программъ) по самымъ мелочнымъ вопросамъ античной исторіи, и въ этомъ явленіи видятъ вырожденіе дисциплины. Нельзя не согласиться,—многія изъ этихъ работъ, дѣйствительно, представляютъ собою переливанье изъ пустого въ порожнее; но во 1-хъ, въ большинствѣ случаевъ это работы не историческія, а филологическія, а во 2-хъ, ими одними не исчерпывается, къ счастью, все состояніе дисциплины.

теріалъ первой важности и солидности; въ полномъ смыслѣ слова dies diem docet. Все еще отыскиваются папирусы, палимпсесты съ остатками неизвѣстныхъ доселѣ, но важныхъ для исторіи произведеній античной литературы. Не буду говорить о томъ, какія драгоцѣнныя данныя для исторіи Египта при Птолемеяхъ получаемъ мы изъ египетскихъ папирусовъ, полнаго собранія которыхъ, обѣщаннаго U. Wilken'омъ, мы ждемъ съ нетерпѣніемъ; не буду распространяться и о найденномъ 10 слишкомъ лѣтъ тому назадъ въ Fayyûm'ѣ знаменитомъ „Берлинскомъ папирусѣ № 163", который даетъ — почти несомнѣнно—отрывки Аристотелевской 'Αθηναίων πολιτεία [1])... Въ 1888 г. R. Reitzenstein издалъ найденные имъ на двухъ листкахъ одного ватиканскаго палимпсеста обрывки VII книги Арріановскихъ τῶν μετ' 'Αλέξανδρον: здѣсь сообщаются нѣкоторыя подробности [2]), неизвѣстныя намъ, въ такой связи, изъ другихъ источниковъ... Увы, правъ Reitzenstein,—его находка въ большей степени возбуждаетъ doloris irritamentum, нежели solacium. Сами по себѣ эти два жалкіе фрагмента даютъ лишь отрывочныя свѣдѣнія; но зато они ясно показываютъ, какъ неточны и не обстоятельны остальные источники по исторіи этого чреватаго событіями времени, и какъ много мы потеряли съ утратой Арріановской исторіи діадоховъ [3]).

Можно, конечно, питать хоть слабую надежду и на дальнѣйшія находки рукописныхъ матеріаловъ по греческой исторіи; но есть у насъ и другой источникъ новыхъ свѣдѣній въ этой области: живымъ ключемъ бьетъ этотъ почти неизсякаемый источникъ. Давно миновало то время, когда исторія еллинскаго міра разработывалась заглаза, исключительно на основаніи античныхъ писателей, которымъ вѣрили на-слово. Мало-по-малу поняли, какъ и въ этомъ дѣлѣ важно разслѣдованіе на мѣстѣ. Сначала, конечно, это разслѣдованіе шло

---

[1]) Тутъ мы имѣемъ чрезвычайно важныя свѣдѣнія по исторіи аттическихъ сословій и ихъ соціальныхъ отношеній, архонтата, реформы Клисѳена и ѳемистокловой реорганизаціи флота; тутъ мы воочію видимъ, что слишкомъ ненадежна наша традиція о болѣе раннихъ эпохахъ, что нельзя уже рисовать древнѣйшую исторію Аттики такъ, какъ она представлялась воображенію и соображеніямъ атѳидографовъ и хронографовъ. (Новѣйшая литература: Diels въ *Abhandl. d. Berl. Akad.* 1885, S. 11 ff. Wilken въ *Hermes* XXII (1888), S. 464 ff; *Rose*, Aristotelis qui fereb. libr. fragm., 1886, p. 270, отрицаетъ принадлежность Аристотелю).

[2]) Объ отношеніяхъ Пердикки къ Птолемею сыну Лаги, Антигону и разнымъ малоазійскимъ сатрапамъ въ 322—1 гг.

[3]) Arriani τῶν μετ' 'Αλέξανδρον l. VII fgm. ed. *Reitzenstein.* Breslau 1888.—U. Köhler въ *Sitz.-Ber. d. Berl. Ak.* 1890, S. 557—588, хорошо выяснилъ характеръ этого сочиненія. Русскую читающую публику съ вновонайденными отрывками познакомилъ г. Жебелевъ, *Ж. М. Нар. Просв.* 1889 г.

не глубоко: довольствовались тѣмъ, что жили подъ тѣмъ небомъ, что́ и древніе еллины, дышали тѣмъ же воздухомъ; сами не искали античныхъ памятниковъ, но не пренебрегали уже тѣмъ, что́ попадалось на глаза; потомъ сами стали искать, но кое-гдѣ и кое-какъ. Лишь въ очень недавнее время пришли къ мысли о необходимости строго-систематическихъ раскопокъ. Слишкомъ популярно имя того, кто положилъ начало этимъ раскопкамъ [1]). Теперь разслѣдованія, раскопки и находки производятся во всѣхъ предѣлахъ еллинскаго міра [2]).

Чтобы наглядно показать, чего можемъ мы ожидать отъ систематическихъ изысканій, я позволю себѣ остановиться на вышедшемъ въ прошломъ (1889) году роскошномъ изданіи: Reisen in Lykien, Milyas, und Kibyratis, von E. Petersen и F. v. Luschan. Здѣсь сообщаются результаты австрійскихъ экспедицій въ Ликію въ 1882 г.; результаты экспедицій 1881 г. изложены въ I томѣ, изданномъ въ 1884 г. [3]). Къ этому I тому приложена карта Ликіи Киперта, куда внесены и поправки 1882 г. Уже по этой картѣ—если сравнить ее съ прежними картографическими изображеніями Ликіи—можно судить о значеніи новыхъ изысканій для исторической географіи; но

---

[1]) Правда, Шлиманъ плохой ученый: добывая матеріалъ онъ достоинъ всякаго уваженія, разработывая его онъ достоинъ, иногда, чуть не смѣха; но склонность къ комбинаціи—качество драгоцѣнное для производящаго раскопки, и популярность Шлимана находитъ, конечно, полное оправданіе въ его косвенныхъ услугахъ наукѣ. Болѣе удачно послѣднее изданіе Шлимана: „Tiryns" Lpz. 1885 (обстоятельно разобранное G. Perrot, въ *Journal des Savants*, 1890, pp. 107—112, 233—246, 333—348). См. *Schuchhardt*, 'Schlemanns Ausgrabungen im Lichte der heutigen Wissenschaft', Lpz. 1890. И теперь трудится неутомимый археологъ: такъ, въ нынѣшнемъ году, чтобы опровергнуть теорію Беттихера, онъ произвелъ новыя, самыя тщательныя изслѣдованія Иссарлыка (см. Hissarlik-Ilion. Protokoll der Verh. zw. Schliem. u. Bött. Lpz. 1890; Niemann въ *Kunstchronik* 1890 № 16, S. 241—254; P. Habel въ *N. Jahrbb. f. cl. Phil.* 1890, CXLI, 563—567; *Academy*, 1890, № 950, p. 56). Массу практическихъ услугъ греческой археологіи оказалъ и ученый архитекторъ Дерпфельдъ. Всѣмъ извѣстны также раскопки—не говоря уже объ аѳинскомъ акрополѣ (ср. Collignon въ *Rev. d. d. Mondes*, 1890, XCVII, 835—863)—въ Олимпіи, въ Дельфахъ, на Дилосѣ, въ Пергамѣ и т. п.

[2]) Греческая ἀρχαιολογικὴ Ἑταιρία, нѣмецкій археологическій институтъ, французская и американская школы въ Аѳинахъ, австрійскія экспедиціи соревнуютъ другъ другу на этомъ поприщѣ. Всѣ эти ученыя учрежденія издаютъ свои журналы и сборники. Теперь въ Аѳинахъ устраивается и британская археол. школа (*Athenaeum*, 1890, № 3272, p. 72).

[3]) *Benndorf u. Niemann*, Reisen im südwestlichen Kleinasien, Wien 1884 Ими же издано Das Heroon von Gjölbaschi-Trysa. I. Wien 1889. Очень обстоятельную исторію ликійцевъ написалъ *O. Treuber*, Geschichte der Lykier. Stuttg. 1887 (ср. его же Beiträge z. G. d. L. Tübing. 1886, и Weitere Beiträge z. G. d. L. Tüb. 1887).

во II томѣ находимъ еще кое-какія поправки (въ распредѣленіи античныхъ географическихъ названій). Выдающіяся въ географическомъ отношеніи мѣстности, физическія свойства страны, мѣстныя явленія природы, растительность, дороги, внѣшній бытъ нынѣшнихъ жителей, этнографическія и антропологическія отношенія—все это тщательно изслѣдовано. Обращено вниманіе и на топографію: отъ пониманія ея много зависитъ и пониманіе древнихъ сооруженій; этимъ путемъ получается, напр., основаніе для знакомства съ строеніемъ ликійскаго города. Раскапывать австрійскія эспедиціи не имѣли права; приходилось довольствоваться тѣмъ, что не было слишкомъ засыпано. Такъ, напр., удалось обслѣдовать сооруженіе Опромоаса въ Родіаполѣ, хлѣбные магазины Адріана въ Андракахъ, стѣны Иноандскихъ укрѣпленій [1]). Особенно обстоятельно изслѣдованы ликійскія надгробныя сооруженія [2]). Болѣе древнія и лучше выполненныя гробницы расположены близь берега моря и въ долинѣ Ксанѳа; дальше внутрь страны гробницы ликійскаго стиля встрѣчаются рѣже, да и то въ недодѣланномъ видѣ. Точно также и епихорическія надписи найдены почти исключительно въ Мирѣ и Лимирѣ. Изъ греческихъ надписей, нѣкоторыя восходятъ до IV в. до Р. Х.; но большинство относится къ римской эпохѣ [3]). Изъ болѣе обширныхъ документовъ назову остатки разныхъ постановленій Трисійскаго народа, отрывки болѣе подробнаго, нежели извѣстный уже раньше [4]), сборника оракуловъ по костямъ, большія иноандскія и вальвурскія надписи родовъ, изъ которыхъ ясно видно, какъ извѣстные роды чрезъ нѣсколько поколѣній играли выдающуюся роль въ своихъ городахъ. Но

---

[1]) Послѣднія, по своей структурѣ, представляютъ поразительное сходство съ стѣнами пергамскихъ укрѣпленій Евмена II: отсюда является предположеніе, что этотъ городъ, въ верхней области Ксанѳа, образовалъ собой, послѣ битвы при Магнисіи, звено въ цѣпи укрѣпленныхъ пограничныхъ пунктовъ пергамскаго царства противъ Ликіи или противъ родосцевъ.

[2]) Наблюдено, между прочимъ, что надгробныя надписи не дѣлались на гробницахъ, а вырѣзались или на особыхъ стилахъ, или на сосѣднихъ скалахъ; выяснилось, что ликійскіе саркофаги представляютъ собою архитектурный типъ деревянныхъ построекъ. Скульптурныя украшенія гробницъ знакомятъ насъ и съ домашнимъ бытомъ, и съ вѣрованіями ликійцевъ.

[3]) Это преимущественно надгробныя надписи (иныя изъ нихъ выражаютъ запрещеніе постороннему пользоваться усыпальницей подъ угрозой денежнаго штрафа); затѣмъ слѣдуютъ почетныя надписи на базисахъ статуй. Всѣ эти, на первый взглядъ ничтожные, документы дороги для опредѣленія античныхъ мѣстностей и ихъ предѣловъ, для религіозной и культурной исторіи страны, для знакомства съ правовыми и семейными отношеніями того времени, а также для исторіи языка.

[4]) Ср. Kaibel, *Hermes* XXIII (1888), 583; Keil, *ib.* XXV (1890), 313.

все это оставляется въ тѣни надписями съ сооруженія Опрамоаса въ Родіаполѣ. Это самый обширный изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ доселѣ епиграфическихъ памятниковъ на греческомъ языкѣ. На внѣшнихъ стѣнахъ целлы небольшаго храмообразнаго зданія были высѣчены въ 20 колоннахъ около 70 документовъ, относящихся къ біографіи ликіарха Опрамоаса, и расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Большихъ усилій стоило возстановить это теперь развалившееся строеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и надписи; зато результатъ оказался блестящій. Серія документовъ открывается на зап. стѣнѣ письмами римскихъ намѣстниковъ Помпея Falco и Юлія Frugi къ родіаполитамъ относительно почетныхъ наградъ Опрамоасу за прохожденіе городскихъ должностей и архифилакіи Ликіи (письма относятся, вѣроятно, къ 20-мъ годамъ II стол. по Р. Х.). Далѣе слѣдуютъ рѣшенія союза (χοινόν) относительно прохожденія архифилакіи, письма намѣстника Требія Максима и прокуратора Цэлія Флора; послѣднее относится къ путешествію по Востоку импер. Адріана (вѣр. $12^{8}/_{9}$ г.). Затѣмъ идутъ рѣшенія союза и подтвердительные декреты римскихъ намѣстниковъ, утверждающіе Опрамоаса въ разныхъ почетныхъ должностяхъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, до союзнаго жречества и ликіархіи. Пожертвованіе 55000 денаровъ доставило Опрамоасу почетное гражданство всѣхъ ликійскихъ городовъ: дальнѣйшія крупныя пожертвованія, дорогія сооруженія и учрежденія, щедрыя литургіи въ разныхъ союзныхъ городахъ снискали ему глубокую признательность ликійцевъ. Союзъ рѣшаетъ представить заслуги Опрамоаса чрезъ намѣстника, потомъ съ согласія намѣстника чрезъ особое посольство, на благоусмотрѣніе императора. Тутъ прерываются постановленія союза; на южной стѣнѣ, т.-е. на фасадѣ строенія, нѣсколько нарушая общую связь, вырѣзаны, кругомъ входа, свыше 12 грамотъ импер. Антонина Пія (140—150 гг.) съ признаніемъ заслугъ Опрамоаса, причемъ рядомъ съ римской датой документовъ указывается по ликійскому календарю день внесенія въ союзный архивъ. Дальше опять продолжаются постановленія союза, покрывающія и половину восточной стѣны целлы. Тутъ говорится о новыхъ громадныхъ пожертвованіяхъ Опрамоаса ликійскимъ городамъ на возстановленіе разрушеннаго землетрясеніемъ 141 или 142 г. Уже изъ этого краткаго изложенія видно, какія неоцѣненныя свѣдѣнія по внутренней исторіи ликійскаго союза во II в. по Р. Х. даетъ новонайденный архивъ Опрамоаса; затѣмъ—не говоря уже о каталогѣ римскихъ намѣстниковъ Ликіи за 30 почти лѣтъ—здѣсь хорошо выясняется, каковы были формы сношенія провинціаловъ съ императоромъ, какъ рѣшенія союзнаго совѣта вполнѣ зависѣли отъ placet намѣстника, и т. п.[1]).

[1]) Мы еще разъ встрѣчаемся здѣсь также съ явленіемъ, знакомымъ изъ

На этомъ примѣрѣ ясно видно, какія разнообразныя свѣдѣнія даетъ намъ систематическое разслѣдованіе на мѣстѣ. Не говорю уже объ общемъ впечатлѣніи еллинской природы, о томъ, что для историка, собственно говоря, можетъ имѣть значеніе каждый античный памятникъ, напр., хотя бы недавно раскопанная могила павшихъ подъ Мараѳономъ [1]). Какъ много уясняетъ дѣло изученіе самаго театра событій,—это, конечно, всѣмъ понятно [2]). Историческая географія и топографія Греціи сдѣлали за послѣднее время много успѣховъ [3]). Топографическія изысканія подтвердили, напр., ѳукидидовскій разсказъ объ осадѣ аѳинянами Сиракусъ и болѣе точно опредѣлили линію отступленія аѳинянъ [4]); точно также послѣднія раскопки

другихъ надписей: съ обѣднѣніемъ городскихъ общинъ и обогащеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ гражданъ.

[1]) Болѣе чѣмъ подробный отчетъ о раскопкахъ даетъ г. Селивановъ въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1890, CCXXI, кл. ф., 2—11. Эти раскопки имѣютъ значеніе и для опредѣленія мѣста битвы (противъ теоріи *Eschenburg'a*, Topogr., arch. u. milit. Betracht. auf dem Schlachtfeld v. Marathon, Berlin 1887). *Athenaeum*, 1890, № 3272, p. 70.

[2]) Представимъ себѣ небольшой Сароническій заливъ: въ центрѣ его Эгина, а кругомъ Тризинъ, Епидавръ, Коринѳъ, Мегары и Аѳины. Очевидно, отношенія этихъ политій обусловливаются не столько племенной рознью, сколько слишкомъ тѣснымъ сосѣдствомъ. Кто смотритъ съ аѳинскаго акрополя, для того Саламинъ естественная принадлежность Аттики; перейдетъ онъ на мегарскій акрополь—и для него такъ же понятны и законны притязанія г этого города; точно также и прочіе сосѣдніе города могли преуспѣвать только на счетъ другъ друга. (Ср. H. Nissen въ *Hist. Zeitschr.*, 1889, LXIII, 388 ff). Или, напр., нашествіе галатовъ въ III в. на М. Азію для насъ неясно въ своемъ общемъ значеніи; можно подозрѣвать, что памятники литературы и искусства слишкомъ ужъ преувеличиваютъ дѣло. Но взглянемъ на Галатію: это самая пустынная, самая непріютная область М. Азіи. Едва ли удовольствовались бы ею галаты, сдѣлавшіе М. Азію своей данницей: скорѣе можно допустить, что эта скудная земля была уступлена наемникамъ, и войны ихъ были только попытками выбиться оттуда или достать себѣ добычу (*Humann u. Puchstein*, Reisen in Kleinasien u. Nordsyrien, Berl. 1890, S. 50). Много важныхъ замѣчаній историкъ найдетъ у *Neumann* u. *Partsch*, Physik. Geogr. v. Griechenland mit bes. Rücksicht auf d. Alterthum, 1885.

[3]) Въ прошломъ году издана Кипертомъ превосходная карта персидскаго и македонскаго царства; въ этомъ году онъ подарилъ наукѣ большую спеціальную карту зап. части М. Азіи. Для греч. топографіи особенно много потрудился Lolling. Изъ новѣйшихъ сочиненій укажу: *Pomtow*, Beiträge z. Topographie v. Delphi, Berl. 1889.—*Stein*, Topogr. d. alt. Sparta, Glatz 1890.—*Fabricius*, Theben, Unters. üb. die Topogr. u. Gesch., Freiburg 1890.—*C. Wachsmuth*, die Stadt Athen im Alterthum. II, 1. Lpz. 1890.—*Gr. Lanckoronski*, Städte Pamphyliens u. Pisidiens. I. Wien, 1890.—*W. Gurlitt*, Ueber Pausanias. Untersuchungen. Graz 1890.

[4]) *Holm*, Zur Topogr. d. Rückzugs der Athener v. Syrakus, *Verhandl.*

въ Киликіи дали новое опредѣленіе дорогѣ Александра на Иссъ [1]). Топографическое изслѣдованіе Аттики показало, какой трудолюбивый народъ населялъ эту неплодородную страну: она почти вся была культивирована; даже въ скалистой области Эгалея съумѣли—хоть по склонамъ лощинъ—искусственно создать доступную плугу почву [2]). Тщательныя изслѣдованія остатковъ разныхъ аѳинскихъ стѣнъ дали много важныхъ для исторіи Аѳинъ данныхъ [3]). Иродотъ разсказываетъ (II, 30) о двухъ „лагеряхъ", устроенныхъ Псаммитихомъ I на обоихъ берегахъ самаго восточнаго рукава Нила для іонійскихъ и карійскихъ наемниковъ (въ его время здѣсь находились лишь обломки кораблей да развалины домовъ); теперь разрытъ одинъ изъ этихъ лагерей. Посрединѣ обширнаго, образованнаго двойнымъ валомъ прямоугольника открытъ фундаментъ большого форта, самой прочной постройки, основаннаго, какъ видно изъ положенныхъ при закладкѣ подъ углы дощечекъ, Псаммитихомъ I; вокругъ форта ютились другія, болѣе мелкія, зданія, и въ нихъ, или около нихъ, найдены обломки древне-греческихъ расписанныхъ вазъ, весьма драгоцѣнные для внѣшней исторіи древнѣйшей греческой культуры. Открыты также кучи оружія, стрѣлы, золото и серебро, и слѣды обширной обработки здѣсь мѣди и особенно желѣза; вообще многіе признаки, напр., найденные въ большомъ количествѣ вѣсы, показываютъ, что здѣсь былъ одинъ изъ центровъ ремесленной и меркантильной дѣятельности грековъ: къ военному поселенію тотчасъ примкнуло и ремесленное производство. Найденные здѣсь датированные предметы относятся ко времени

---

der 36. Philologenvers. S. 262 ff. См. также *Holm*, Topogr. arch. di Siracusa, Palermo 1883 (нѣм. пер. *B. Lupus'a*, Strassb. 1887) и ст. Lupus'a въ *N. Jahrbb. f. cl. Ph.*, 1890, CXLI, 33—50.

[1]) *Athenaeum*, 1890, № 3273, p. 104—105. Какъ ясно и живо представляемъ мы себѣ военныя операціи Цезаря въ Греціи, благодаря тому, что французская экспедиція шагъ за шагомъ прослѣдила на мѣстѣ всю его кампанію (*L. Heuzey*, Les opérations milit. de J. César ét. par. la mission de Macéd. Paris 1886). Ср. *Strecker-Pascha*, Ueb. d. Rückzug der Zehntausend. Berl. 1886, и *Tomaschek*, Topogr. Erläut. der Küstenfahrt Nearchs. Wien, 1890.

[2]) *Curtius u. Kaupert*, Karten von Attika (текстъ Milchhöfer'a); послѣдній выпускъ (1889) посвященъ Мараѳону (Н. 3—6). Теперь выясняется расположеніе большинства атт. димовъ. Въ настоящемъ году въ Аттикѣ производятся систематическія изслѣдованія могильныхъ холмовъ (результаты въ Δελτίον ἀρχ.). См. еще Milchhöfer, Antikenbericht aus Attika. въ *Mitth d. athen. Instit.*, XII, 81 ff, 277 ff; XIII, 337 ff.

[3]) Дерпфельдъ въ *Mitth. d. athen. Inst.* XIII, 224 f. 430 ff.—Ср. *Wilamowitz-Moellendorff*, Philol. Unters., I, 97 ff. — Древній Пирей теперь тоже намъ довольно хорошо извѣстенъ (отчасти благодаря надписямъ). Ср. *Gurlitt*, Ueb. Pausanias, Graz. 1890, S. 221 ff.—Планъ акрополя въ Δελτίον, 1889, № 3.

отъ Псаммитиха I до Амасиса [1]). Амасисъ, по Иродоту (II, 178) уничтожилъ эти (и подобныя) греческія факторіи, и указалъ еллинамъ для поселенія городъ Ναύκρατις. Flinders Petrie открылъ теперь этотъ знаменитый городъ [2]). Онъ лежалъ на берегу самаго западнаго рукава Нила, на высокомъ холмѣ—по обычаю египетскихъ поселеній: разливъ не доходилъ до его площади. Узкія улицы пересѣкали этотъ небольшой городъ вдоль и поперекъ, хотя не по прямой линіи. Южную треть холма занимало сильно-укрѣпленное Ἑλλάνιον; внутри стѣнъ сохранились здѣсь развалины огромнаго зданія съ мелкими подраздѣленіями, въ нѣсколько этажей; входъ въ него лежалъ на высотѣ 17′. Очевидно, это было зданіе для склада товаровъ. Теперь для насъ ясно, почему Иродотъ называетъ Елланій χρησιμώτατον τέμενος, и почему здѣсь была установлена должность προστάται τοῦ ἐμπορίου. Посрединѣ западнаго края холма, гдѣ скрещивались улицы, лежала древняя святыня Афродиты; на сѣверѣ расположились обнесенные крѣпкими стѣнами свящ. округи Діоскуровъ, Аполлона Милитскаго и Иры самосской [3]); въ свящ. округѣ Аполлона найдено много обломковъ глиняныхъ сосудовъ съ посвященіями богу [4])... Найденные въ Этруріи, Кампаніи и Сициліи сосуды наглядно показали, что торговыя сношенія Аѳинъ съ западомъ были значительны еще въ VI столѣтіи [5]). Особенное значеніе имѣютъ для насъ, конечно, археологическія находки такъ наз. доисторической эпохи: кромѣ данныхъ діалектологіи, это единственный для той эпохи источникъ. Недавно опубликованы

---

[1]) *H. Petrie,* Tanis. II . Nebesheh and Defenneh. London. 1888.

[2]) *Fl. Petrie,* Naukratis Part. I².—*E. Gardner*, Part. II. London 1888.

[3]) Тутъ же, вѣроятно, находилась и названная Иродотомъ (II, 178), но еще не отысканная эгинитская святыня Зевса; зато Иродотъ не называетъ святынь Афродиты и Діоскуровъ, — можетъ быть потому, что это были, первоначально, исконныя святыни навкратитовъ.

[4]) При помощи этихъ обломковъ съ надписями и другихъ находокъ (фабрика скарабеевъ у храма Афродиты, существ. до 580 г.) пытались было опредѣлить время поселенія здѣсь еллиновъ, т.-е. сдѣлать выборъ между иродотовской (II, 178) и стравоновской (p. 801) традиціей; но, къ сожалѣнію, не пришли пока къ твердымъ результатамъ. (*Hirschfeld* въ *Rhein. Mus.* 1887, XLII, s. 209 ff., 1889, XLIV, 467 ff.; „Naukratis“, I p. 5, 67 etc.); сама по себѣ вѣроятнѣе, конечно, иродотовская традиція, и новыя находки нисколько не противорѣчатъ ей. Процвѣтаніе Навкратиса, по обыкновенію греч. далекихъ поселеній, падаетъ на первое время его существованія, какъ это видно изъ Иродота, и какъ съ полною ясностью подтвердили раскопки.—Обломки древнѣйшей эгейской культуры (?) въ Fayyûm'ѣ,—*Academy*, 1890, № 935, p. 242.

[5]) Ср. H. *Droysen*, Athen und der Westen vor d. sicil. Expedition Berlin. 1882. Приведенныя теперь въ извѣстность (см. C I A, IV, 2, ed. 1887) надписи съ посвященныхъ въ аѳинскія святыни статуй свидѣтельствуютъ о томъ, какъ много иноземныхъ ваятелей работало въ Аѳинахъ еще до персидскихъ войнъ; слѣдовательно, тогда уже подготовлялась руководящая роль Аѳинъ.

новыя находки этого рода: въ куполообразной гробницѣ Вафіо близъ Амиклъ нашли золотые кубки съ превосходно выполненными изображеніями ловли туровъ: это тоже произведенія такъ-наз. „микинской культуры“... [1])

Болѣе непосредственныя свѣдѣнія даютъ историку нумизматическія находки. Теперь приведено въ извѣстность очень много монетъ еллинскаго міра [2]). Какіе широкіе вопросы можетъ захватывать нумизматика, показываетъ, хотя бы, статья I. G. Droysen'a, Zum Münzwesen Athens [3]). Монеты много помогаютъ, напр., установить

---

[1]) Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική, 1889, σ. 129—172 (π. 7—10). Ср. Wolters въ *Mitth. d. ath. Inst.*, XIV (1889), S. 204 ff. — Теперь мы имѣемъ много крупныхъ и мелкихъ произведеній этой культуры, и пора уже подвести имъ итогъ. „Микинская“ культура древнѣе всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ греческихъ памятниковъ, древнѣе гомеровской культуры. Соотношенія съ искусствомъ передней Азіи (Фригіи, Лидіи, Каріи), Египта, Вавилоніи и народа сѣв. Сиріи (можетъ быть хетитовъ) замѣтны; но, при всемъ томъ, сохранился и своеобразный отпечатокъ. „Микинское“ искусство создало оригинальные царскіе дворцы и куполообразныя гробницы, создало собственную систему декорацій; оно живѣе и вѣрнѣе изобразило одушевленную и неодушевленную природу. Въ послѣднее время былъ опять поднятъ вопросъ,—кто были носители этой культуры? Путемъ весьма остроумныхъ соображеній Тренделенбургъ приходитъ къ мысли, что тѣ были пеласги (*Berl. Phil. Wochenschr.*, 1890, S. 1254 ff.)... И, въ самомъ дѣлѣ, не пора ли историкамъ перестать—по примѣру филологовъ—дѣлать изъ этого народа Noli me tangere! Въ этомъ смыслѣ высказывается и Ed. Meyer въ *Philologus* 1889, XLVIII, 486.

[2]) Изъ послѣднихъ работъ укажу: C. Greenwell, On a find of arch. Greek coins in Egypt, *Num. Cronicle*, III (1890), p. 1—32 (w. pl.).—*Svoronos*, Numismatique de la Crète ancienne. Paris 1890 (Дополненія—въ Ἐφημ. ἀρχ. 1889, σ. 193—212, π. 11—13). *Catalogue of Greek coins in the Brit. Museum*. Corinth, colonies etc. ed. by Head. Lond. 1889.—Pontus, Bithynia, Bosporus, ed. by Wroth. Lnd. 1890.—*Imhoof-Blumer*, Griech. Münzen (Neue Beitr. u. Unters.), въ *Abh. d. bayer. Akad. d. W.*, 1889, S. 525—798.

[3]) *Sitz.-B. d. Berl. Ak.* 1882. Здѣсь, напр., выставлена (S. 1204) слѣдующая альтернатива: „Или это („Wappenmünzen“) аттическія монеты; тогда придется понимать солоновское устройство иначе, нежели какъ его привыкли понимать на основаніи литературныхъ свидѣтельствъ, и была бы заслуга Писистратидовъ, что они подвинули впередъ идею μία πόλις и въ дѣлѣ самостоятельной чеканки общеаттическихъ монетъ (какъ въ другихъ отношеніяхъ, напр. возвышеніемъ Панаѳиней до большаго государств. праздника); или это монеты не аттическія: тогда Аттика до Писистратидовъ не имѣла собственныхъ денегъ, и редукція Солона состояла въ томъ, что онъ чужія деньги,—еввійскія, или вычеканенныя по еввійской системѣ другихъ городовъ,—принялъ вмѣсто доселѣ употреблявшихся эгинитскихъ“. — Монеты проливаютъ, напр., новый свѣтъ и на восточныя отношенія Селевка (Ср. ст. Howorth'a въ *Numism. Chr.* 1889). Нумизматика помогла, хотя случайно, хронологическому опредѣленію знаменитыхъ гортинскихъ законовъ (*Bull. de corr. hell.*, 1888, XII, 405—418.

отношенія городовъ „аѳинской державы“ (т.-е. 1-ой аѳинской симмахіи) [1]), ахейскаго союза [2]), существованіе торговыхъ (и иныхъ) связей отдѣльныхъ городовъ, и т. п. Но особенное значеніе имѣетъ нумизматика для исторіи мелкихъ еллинизованныхъ державъ: только благодаря нумизматикѣ выясняется исторія тѣхъ мелкихъ государствъ Азіи, которыя играли роль въ періодъ паденія Еллады и возвышенія Рима [3]). Не говорю уже о томъ, что монеты даютъ важныя данныя для исторіи искусства, культовъ, нарѣчій.

Но прежде всего историкъ Еллады долженъ, конечно, считаться съ епиграфическими находками. Число извѣстныхъ греческихъ надписей очень велико, и ростетъ съ каждымъ днемъ, благодаря неутомимымъ розыскамъ ученыхъ [4]).

Надписи представляютъ собою историческій источникъ во многихъ отношеніяхъ стоящій выше литературной традиціи. Въ большинствѣ случаевъ это оффиціальные документы, и потому здѣсь мы имѣемъ самыя точныя показанія, безъ всякой тенденціозности, отъ которой не могли быть свободны самые лучшіе античные историки [5]). Такимъ образомъ надписи очень часто иллюстрируютъ или исправляютъ традицію и еще чаще ее пополняютъ. Лишній разъ съ полною

---

[1]) Разнообразіе монетъ было здѣсь очень незначительно: объ этомъ заботились трапезиты. Аѳиняне естественно старались распространять, по возможности, свою серебряную монету; но, конечно, они не могли отнять у союзниковъ право чеканки (о чемъ впрочемъ имъ много жалѣть не приходилось, такъ какъ серебро добывалось у нихъ же, изъ лаврійскихъ рудниковъ). Изъ Кикладовъ только Сифнъ чеканилъ монету; слѣдовательно эти острова были въ большей зависимости отъ Аѳинъ, нежели ѳракійскіе и малоазійскіе города (впрочемъ Милитъ — славившійся въ VI ст. богатымъ производствомъ монетъ изъ илектра — теперь такъ тѣсно примкнулъ къ Аѳинамъ, что не имѣлъ своей чеканки). *Holm*, Gr. Gesch. II (1889), 259 ff. Ср. *Head*, Doctrina nummorum. Oxf. 1887.

[2]) Weil, D. Münzwesen d. ach. B., *Ztschr. f. Numism.*, IX, 199 ff.

[3]) Не могу не отмѣтить здѣсь и русской книжки г. *Орѣшникова*,—Боспоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ по ндп. и ц. монетамъ. М. 1884.

[4]) Вновь находимыя надписи публикуются въ Ἀρχαιολ. Δελτίον, Ἐφημ. ἀρχαιολογική, Bulletin de corr. hell., Mitteilungen d. deutsch. arch. Inst. in Athen, и т. п. Много надписей издано русскими учеными (проф. Соколовымъ и учениками его гг. Латышевымъ, Корольковымъ, Никитскимъ, Новосадскимъ и Щукаревымъ). Г. Латышевъ печатаетъ теперь II-й томъ своего превосходнаго сборника надписей сѣв. побережья Чернаго м., посвященный Воспору (ок. 500 ндп.). Берлинская Академія наукъ издаетъ теперь Supplementa (IV) къ C. I. A.; въ настоящее время готовятся къ печати дополненія ко II тому; та же Академія печатаетъ и сборники гр. надписей сѣв. Греціи и всего Запада (т.-е. греч. надписи, найденныя въ Италіи, Сициліи, Франціи, Германіи и Англіи).

[5]) Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ и оффиціальные документы могутъ прикрашивать или скрашивать дѣло, но тутъ всегда легко отличить примѣси.

очевидностью показали это недавнія статьи U. Köhler'a [1]). Внѣшняя и внутренняя исторія аѳинскихъ союзовъ довольно точно извѣстна намъ лишь изъ епиграфическихъ документовъ [2]). Исторія III-го столѣтія, гдѣ насъ окончательно покидаетъ сколько-нибудь связная традиція, выясняется теперь лишь изъ надписей [3]). Разсказывая о нападеніи галловъ въ 279—8 г. на дельфійскую святыню, авторы тенденціозно умалчиваютъ о пожарѣ храма; между тѣмъ въ надписяхъ мы читаемъ, что храмъ сгорѣлъ, причемъ погибли и важные документы [4]). Превосходно характеризуетъ политическія воззрѣнія Филиппа V македонскаго обширное письмо его къ ларисейцамъ, сохраненное намъ на камнѣ [5]). Изъ авторовъ мы уже знали о торжественномъ объявленіи Нерономъ „свободы Еллады"; недавно найденная акрэфійская надпись сообщаетъ подлинный текстъ какъ предложенія императора еллинамъ собраться въ Коринѳъ, такъ и рѣчи держанной имъ предъ собравшимися „толпами". „Вы всѣ, еллины, примите—говорилъ императоръ—свободу, съ освобожденіемъ отъ податей,—свободу, которой вы всѣ не имѣли даже въ счастливѣйшія времена, подчиняясь то иноземцамъ, то другъ другу... Города освобождали и другіе вожди,

[1]) Köhler, Z. Gesch. d. Pentekontaetie, *Hermes*, 1889, XXIV, 85—100; Id. Boiot. Inschr. aus d. theb. Zeit, *Ibid.*, S. 636—643.

[2]) Вотъ, напр., какія, совершенно новыя, свѣдѣнія по исторіи аѳинской политики нач. IV в. даетъ атт. постановленіе о Клазоменахъ въ связи съ двумя другими обломками.—Послѣ уничтоженія спарт. флота при Книдѣ, Аѳины пытаются возстановить свое морское господство; онѣ взимаютъ съ городовъ, подчиняющихся имъ, 1/20 ввозной или вывозной пошлины (τὴν ἐπὶ Θρασυβούλου εἰκοστήν) и ставятъ тамъ гарнизоны; во Ѳракіи также возстановляется авторитетъ Аѳинъ еще съ 390 г. Такимъ образомъ Аѳины перешли отъ прямыхъ налоговъ къ косвеннымъ (которые отдаются на откупъ). Дата клазоменскаго постановленія точнѣе опредѣляетъ и время заключенія „царскаго" (анталкидова) мира (386 г., т.-е. позднѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ). *Mitth. d. ath. Inst.*, VII, 174 ff. 313 ff.—Любопытныя для исторіи 2-го аѳ. союза свѣдѣнія находимъ и въ аркесинской надписи, *Bull. de corr. hell.* XII, 224. Недавно сдѣлалась намъ точнѣе извѣстна и надпись о симмахіи аѳинянъ и керкирейцевъ, 375 г. (*B. c. h.*, XIII, 1889, 354—363).

[3]) Ср. ст. проф. Соколова въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1886, CCXLVI, 2, стр. 1 сл.—Между прочимъ, аттическія надписи III в. разработаны въ этомъ смыслѣ проф. Соколовымъ (*Ж. М. Н. Пр.* 1879 г., № 11) и г. *Щукаревымъ* (Изсл. въ обл. кат. аѳ. арх., Спб. 1889). Благодаря надписямъ выясняется, напр., и роль острововъ въ политической исторіи съ III столѣтія.

[4]) Dittenberger въ *Hist. u. phil. Aufsätze f. E. Curtius*, Berl. 1884. S. 294.

[5]) *Mitth. d. athen. Inst.* VI, 61 ff. Ср. *Bull. de corr. hell.* VI, 140 Mommsen u. Robert въ *Hermes* XVII, 479 ff. Изъ письма видно также, какъ еллинскіе города формально сохраняютъ полную демократію при безусловномъ подчиненіи Македоніи.

а Неронъ даетъ свободу цѣлой провинціи" [1]). Массу драгоцѣнныхъ, для исторіи отношеній Рима къ Елладѣ, документовъ далъ намъ новонайденный архивъ митилинскаго асклипіиона [2]).

Но не въ однѣхъ только частностяхъ епиграфика существеннымъ образомъ пополняетъ литературную традицію. Античная исторіографія интересуется почти исключительно важными политическими и военными событіями, не останавливаясь ни на чемъ пребывающемъ. Но, вѣдь, народная жизнь слагается не изъ того только, что невольно бросается въ глаза всѣмъ и каждому. Надписи, напротивъ, рисуютъ намъ не только политическую, но и соціальную жизнь еллиновъ и весь, какъ праздничный, тáкъ и будничный, ихъ бытъ. Античная исторіографія—по сволько она дошла до насъ—имѣетъ дѣло почти исключительно съ видными политическими центрами, съ театромъ важнѣйшихъ событій; надписи отыскиваются во всѣхъ предѣлахъ еллинскаго міра, вездѣ гдѣ только произносилось еллинское слово. Благодаря епиграфикѣ выясняется внѣшняя и внутренняя исторія отдѣльныхъ областей и городовъ,—напр. о. Дилоса [3]). Недавно открытыя, въ большомъ количествѣ, любопытныя аркесинскія надписи хорошо знакомятъ насъ съ бытомъ скромнаго еллинскаго города [4]). Исключительно изъ надписей мы узнали, напр., и организацію ѳессалійскаго [5]) и магнитскаго [6]) союзовъ. Лампсакскія надписи сообщаютъ

[1]) Надпись содержитъ въ себѣ также постановленіе акрэфійцевъ воздвигнуть въ честь императора-филеллина, „новаго солнца, озаряющаго еллиновъ" алтарь „Нерону Зевсу Освободителю" возлѣ алтаря Зевса Спасителя, и статуи (его и богини Августы Мессалины) въ святынѣ Аполлона. *Bull. de corr. hell.*, XII (1888), 510—528. Ср. *Callegari*, l'is crizione di Akraephiae. Torino. 1890.

[2]) Ср. *Fabricius*, Rom und Mytilene, Lpz. 1889. Cichorius въ *Sitz.—b. d. Berl. Ak.* 1889, S. 9—45.

[3]) Ср. превосходный трудъ московскаго ученаго *V. v. Schöffer*, De Deli insulae rebus (Berl. Stud. XVI, 1) 1889.

[4]) Ср. *Bull. de corr. hell.* VII, 23 сл., 372 сл., 447 сл, *Museo italiano* 1885, I, 227 сл.; *Mitth. d. ath. Inst.* XI. 99 сл., *B. c. h.* XII, 224—236; 326—327; XIII, 342—345, и пр. Въ *Bull. de corr. hell.* 1890 (XIV) изданы надписи акрэф. святыни (р. 1—64, 181—203), Аликарнасса (90—121), Тельмесса (162—176), области Меандра (224—289), Родоса (275—291) и пр. Для характеристики того что даютъ надписи для мѣстной исторіи, любопытна тризинская надпись (*B. c. h.* X, 139—143, 335--338). Здѣсь сообщается, какъ въ виду опасности отъ непріятеля (вѣроятно, Клеомена III) городъ постановляетъ, чтобы граждане пожертвовали своимъ имуществомъ на сооруженіе стѣнъ и укрѣпленій; для исполненія постановленія и пріема вкладовъ избирается коммиссія; тутъ же сообщаются рѣшенія патрій и родовъ относительно пожертвованій; каждая корпорація имѣетъ своихъ представителей.

[5]) Monceaux въ *Revue archeol.*, 1888, X, 221 et suiv. *B. de c. h.* 1889, XIII, 378—406.

[6]) *Mitth. d. ath. Inst.* VII, 71—75. 335—341. *Bull. de corr. hell.*, XIII,

намъ интересныя свѣдѣнія о существованіи здѣсь ежегоднаго праздника въ честь Ѳемистокла, и о посольствѣ лампсакцевъ, встрѣтившемся въ 196 г. въ Коринѳѣ съ Фламининомъ, доѣзжавшемъ до Массаліи и всюду завязывавшемъ сношенія и связи съ своимъ городомъ [1]). Недавно найдена, на дорогѣ изъ Траллъ въ Магнисію, увѣковѣченная на камнѣ грамота царя царей Дарія сына Истаспа къ Гадатѣ рабу. Дарій хвалитъ Гадату за то, что онъ акклиматизировалъ екзотическія деревья въ М. Азіи: „великая благодарность ожидаетъ тебя во дворцѣ царя". Но Гадата не угодилъ царю тѣмъ, что заставилъ священныхъ (ἱεροὺς) садовниковъ святыни Аполлона воздѣлывать мірскую (βέβηλον) землю, и царь грозитъ ему своимъ гнѣвомъ, если онъ не отмѣнитъ своего распоряженія [2]). Изданная въ этомъ году интереснѣйшая надпись съ ἱεροθέσιον Антіоха I коммагенскаго († 38 до Р. Х.) прекрасно знакомитъ насъ съ характеромъ апоѳеозы еллинистическихъ царей, съ культурой послѣднихъ временъ еллинизма, представлявшей собою такую странную смѣсь греческихъ и восточныхъ элементовъ [3]).

Такъ надписи даютъ намъ культурную исторію еллинскаго міра, чуть не на всемъ ея хронологическомъ и географическомъ протяженіи. Исторія еллинской религіи, особено внѣшней стороны культовъ, извѣстна намъ преимущественно по лапидарнымъ извѣстіямъ [4]). Раскопки въ епидаврійской святынѣ Асклипія познакомили насъ съ практикой святынь-лечебницъ [5]). Только-что найдена въ Магнисіи (на Меандрѣ) над-

---

271—279. Новые документы по исторіи віотійскаго союза, B. c. h., XIII 1—23, 225—229.

[1]) *Mith. d. ath. Inst.* VI, 95 ff.

[2]) *Bull. de corr. hell.* XIII (1889), p. 529—542.

[3]) *Humann u. Puchstein*, Reisen in Kleinasien u. Nordsyrien, Berl. 1890. S. 228—371. Недавно напечатанъ и указъ ц. Антіоха II сир., установляющій во Фригіи культъ царицы Лаодики (*B. c. h.* XIII, 523—529). Очень любопытны и новонайденныя въ Египтѣ греческія надписи (*Academy*, 1890, № 932 p. 194 и 934 p. 227).

[4]) Епиграфическіе документы говорятъ намъ, какія божества и какъ почитались въ данной мѣстности, какія совершались въ честь ихъ праздества, какія имъ дѣлались приношенія, какіе и на какихъ условіяхъ состояли въ ихъ святыняхъ жрецы и служители, какъ мѣстное управленіе относилось къ культу, и т. п.

[5]) О раскопкахъ см. ст. г. Александровскаго въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1890, № 7. (Надписи теперь у Collitz, *SGDI*, III, 3, № 3324 fl) Напрасно изслѣдователи относятся съ такимъ пренебреженіемъ къ большимъ надписямъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ Асклапіемъ чудесныхъ болѣзней (вродѣ пятилѣтней беременности). Конечно не абсолютную истину будемъ мы искать въ этой тенденціозной кодификаціи возникшихъ подъ вліяніемъ практики асклипіiона легендъ, приправленныхъ и непосредственными измышленіями жрецовъ; но если мы внимател-

пись, разсказывающая о возникновеніи здѣсь культа Діониса [1]). Около тегейской святыни Аѳины Алеи въ прошломъ году найдена была надпись, IV в., содержаніе которой я здѣсь намѣчу. Жрецу отводится пастбище для 25 овецъ, пары воловъ и одной козы... Совершающій жертву долженъ закалать только животныхъ безъ всякаго порока; животныхъ съ порокомъ онъ отдаетъ іеромнамону (который самъ не можетъ однако отыскивать таковыхъ въ стадѣ). Въ теченіе трехдневнаго праздника (τριπανάγορσις) жертвеннымъ животнымъ отводится пастбище внѣ свящ. округа; если же на землѣ святыни будетъ пойманъ скотъ, его можетъ взять себѣ іеромнамонъ. Останавливающемуся въ Алеѣ пріѣзжему дается пастбище для его упряжки на одну ночь и одинъ день, подъ угрозой штрафа въ случаѣ злоупотребленія. Жертвенныя животныя, прогоняемыя мимо, пользуются тѣмъ же правомъ пастбища; въ случаѣ нарушенія Пятьдесятъ и Триста назначаютъ денежныя пени. Кто осмѣлится приблизиться съ огнемъ къ храму,—платитъ 12 драхмъ; половина идетъ въ кассу святыни, другая іеромнамонамъ; точно также изъ платы за проѣздъ (по 3 овола съ каждой повозки) половину получаетъ касса святыни, другую —іеромнамоны. Во время праздничнаго сборища іеромнамоны вмѣстѣ съ даміоргами должны имѣть наблюденіе за лавками, т.-е. за ярмаркой... Къ сожалѣнію, надпись эта пока не можетъ быть понята вполнѣ точно [2]), а конецъ ея окончательно погибъ для насъ; но уже и то, что́ въ ней понятно, даетъ много любопытнаго: мы видимъ, что

нѣе приглядимся къ этимъ разсказамъ (вспомнивъ и направленіе медицины въ тѣ времена), то различимъ здѣсь и реальныя черты. Надпись Апеллы (II в. по Р. Х.) даетъ уже прямо фактическія свѣдѣнія (освѣщая собой извѣстныя рѣчи ритора Аристида). Недавно найдена на мѣстѣ критскаго асклипіiона надпись, такъ же обстоятельно описывающая лѣченіе отъ кровохарканія (*Philologus*, 1889, XLVIII, 401 ff. 576).

[1]) Молнія расщепила платанъ,—и въ дуплѣ нашли изображеніе Діониса. Тогда жители Магнисіи послали въ Дельфы посольство, и оракулъ отвѣчалъ имъ 14-ю гексаметрами, что магнисійцы должны воздвигнуть святыню Діонису, а за жрицами обратиться въ Ѳивы. На обратномъ пути посольство пригласило уже трехъ ѳиванскихъ мэнадъ: Коско, Вуво и Ѳетталу, которыя и учредили въ Магнисіи три діонисіастическихъ коллегіи, а послѣ смерти сподобились геройскихъ почестей. Новый свѣтъ на культъ Артемиды и Аполлона проливаютъ найденныя во Фригіи надписи (изд. въ *Journ. of hell. St.*, X, 1889, p. 216—230). Или вотъ, напр., найденная въ Додонѣ дощечка: на одной сторонѣ ея, послѣ обычной формулы („Боги, доброе счастье"), читаемъ: „Спрашиваетъ Антіохъ Зевса и Діону о здоровьѣ своемъ, отца своего и сестры: какого Бога или героя ему лучше было бы почитать?" На другой сторонѣ отвѣтъ оракула: „Иди въ Ерміову" (*B. c. h.*, XIV, 1890, 155).

[2]) *Bull. de corr. hell.* XIII (1889), p. 281—293; Meister въ *Ber. d. sächs. Ges. d. Wiss.*, 1889, S. 71—98; *Danielsson*, Epigraphica, Upsala 1890.

около тегеатской святыни Алеи группируется аркадская амфиктіонія. Упомянутый въ алейской надписи совѣтъ Трехсотъ—вѣроятно совѣтъ Тегеи, существованіе котораго засвидѣтельствовано уже другими надписями. Вообще надписи сообщаютъ намъ о разныхъ совѣтахъ, собраніяхъ, ихъ компетенціи, самой процедурѣ ихъ, о разныхъ должностяхъ и т. п. Эти извѣстія имѣютъ не одно частное, мѣстное значеніе: сопоставленіе ихъ можетъ дать важные результаты общаго порядка; такъ, если мы знаемъ, что какой-либо институтъ существовалъ въ нѣсколькихъ областяхъ,—мы получаемъ возможность судить по этому и о взаимномъ отношеніи этихъ областей, и объ основномъ характерѣ самаго института [1]). Больше всего свѣдѣній мы имѣемъ, конечно, о государственныхъ установленіяхъ Аѳинъ: такъ—не говоря уже о совѣтѣ, народномъ собраніи и должностяхъ [2])—надписи выясняютъ намъ устройство аттическихъ димовъ, фратрій [3]), родовъ, исторію финансовъ и финансовыхъ установленій, соціально-экономическаго быта, и т. п. [4]). Недавноизданныя митилинскія надписи даютъ намъ очень обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, какъ велось поземельное хозяйство на Лесвосѣ [5]). Епиграфическіе памятники знакомятъ насъ

[1]) Недавно изъ надписей мы узнали, м. пр., о иліэѣ въ Арголидѣ (*B. c. h.* IX, 352; Ἐφ ἀρχ. 1888, 155; Ср. *Philologus* XLVIII, 185 ff. 762 f).

[2]) Ср. ст. Swoboda, Bem. z. polit. Stellung d. athen. Strategen, въ *Rhein. Mus.*, 1890, XLV, S. 288 ff.

[3]) Недавно отыскался новый обломокъ знаменитой надписи Демотіонидовъ. Ср. *Wien.-St.*, XII (1890), S. 70.

[4]) Мы, напр., знали уже кое-что о сильномъ повышеніи цѣнъ въ Аттикѣ незадолго до смерти Александра М.: болѣе точныя свѣдѣнія даетъ намъ большая (въ 80 строкъ) надпись, содержащая въ себѣ пять документовъ относящихся къ Ираклиду, крупному хлѣбопромышленнику изъ (кипрскаго) Саламина. Сначала читаемъ народное постановленіе отъ 325—4 г. въ честь Ираклида, который при покупкѣ зерна въ 328—7 г. внесъ отъ себя 300 др.; онъ увѣнчивается золотымъ вѣнкомъ и признается проксеномъ и благодѣтелемъ народа. Затѣмъ идетъ другое народное постановленіе отъ 329—8 г. Здѣсь Ираклидъ тоже получаетъ золотой вѣнокъ за то, что онъ во время голода по дешевой цѣнѣ поставилъ въ Аѳины зерновой хлѣбъ (3000 медимновъ по 5 др.); такъ какъ въ дорогѣ на Ираклида напали иракліоты и захватили паруса съ его судовъ,—рѣшено послать къ тиранну ираклійскому Діонисію аѳ. посла, съ просьбой выдать Ираклиду паруса и на будущее время не трогать кораблей идущихъ въ Аѳины. Дальше слѣдуетъ народное рѣшеніе, предлагающее совѣту внести προβούλευμα относ. Ираклида, самое προβούλευμα, и наконецъ προβούλευμα относящееся къ тому народному постановленію, съ котораго начинается надпись. Между прочимъ, надпись Ираклида устанавляетъ и хронологію рѣчи Димосѳена пр. Формiона (*Mitth. d. ath. Inst.* VII, 211 ff.; ср. *Hermes*, XXIV, 1889, S. 136 ff. 146 ff). Превосходно рисуетъ общественный бытъ аѳинянъ надпись 352 г., изд. въ *Bull. de corr. hell.*, XIII (1889). 433—467.

[5]) *Mitth. d. ath Inst.*, XIII (1888), 43—53. Ср. также *B. d. c. h.* XIV (1890), 389—511.

и съ мѣстными умственными интересами и литературными вкусами. Такъ одна надпись нач. II в. до Р. X. знакомила посѣтителей епидаврійской святыни Асклипія съ поэтическими произведеніями, религіознаго и политическаго содержанія, довольно посредственнаго мѣстнаго поэта Исилла [1]); другая, почти современная, надпись сохранила намъ начало историческаго сочиненія нѣкоего Филиппа, сына Аристида, изъ Пергама [2]). Епиграфика дала намъ также свѣдѣнія крайне важныя для исторіи драмы и драматическихъ состязаній (особенно въ Аѳинахъ), для исторіи архитектуры, пластики. Надписи выясняютъ и исторію воспитанія (напр. характеръ аѳинскаго института ефивовъ). Нѣкоторыя надписи представляютъ собою частные документы: контракты, долговыя обязательства, закладныя, завѣщанія, и т. п. Какое значеніе имѣютъ надписи для діалектологіи,—это само собою понятно, а историкъ долженъ, конечно, считаться съ ея данными, особенно при изученіи древнѣйшей исторіи еллинскихъ племенъ [3]). Наконецъ благодаря надписямъ устанавливается хронологія: особенно важны въ этомъ отношеніи прескрипты документовъ [4]).

¹) *Wilamowitz-Mollendorff* написалъ цѣлую книгу объ этой надписи („Isyllos v. Epid.“ Phil. Unters. IX. Berl. 1886); напрасно только онъ относитъ ее не ко II, а къ нач. III стол.

²) Вотъ это начало: „Чистой рукой, неповинной ни въ разныхъ несчастіяхъ, ни въ непрерывной рѣзнѣ, которая происходитъ теперь и въ Азіи, и въ Европѣ, и у ливійскихъ племенъ, и въ городахъ Островитянъ, я изложилъ еллинамъ исторію новыхъ событій, дабы, узнавъ и отъ меня, сколько зла порождаетъ заискиванье предъ народомъ, безмѣрное корыстолюбіе, внутренніе раздоры, нарушеніе вѣрности, они, видя чужія несчастія, сами стремились бы къ исправленію“. Въ четверостишіи Филиппъ называется „царемъ исторіи“. *Bull. de corr. hell.* III, 274. Въ аркесинской надп. (*Mitth. ath. Inst.* XI, 102) упоминается, какъ должность, „философъ епикурейскій“. Одна найденная на аѳ. акрополѣ надпись даетъ намъ систему стенографическаго письма изъ IV ст. до Р. X. (Ср. *Mitzchke*, griech. Kurzschrift, Lpz. 1885, и Landwehr въ *Philolog.*, XLIV, 193 ff).

³) Какъ важны въ этомъ отношеніи даже надписи на монетахъ,—можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: легенды монетъ елимскихъ городовъ показываютъ, что елимы говорили на малоазійскомъ, или островномъ іоническомъ нарѣчіи, а это убѣждаетъ насъ въ томъ, что греки, вошедшіе въ составъ этого сицилійскаго племени, были не изъ Фокиды (какъ читаемъ у Ѳукид. VI, 2), а изъ Фокэи. *Zeitschr. f. Numism.* XVI (1889), 187—207. Изданіе Collitz'a *Sammlung der griech. Dialektinschriften*, заключающее въ себѣ всѣ главныя надписи въ обработкѣ спеціалистовъ, принесетъ, конечно, большую практическую пользу и историку (послѣдніе выпуски: III, 3. Argivische Inschriften; II, 2. Orakelinschr. aus Dadona. Inschr. Achaias).

⁴) Теперь пополняются каталоги аѳинскихъ, дельфійскихъ архонтовъ, этолійскихъ и аѳинскихъ стратиговъ и т. п. Новыя работы: Pomtow, Fasti Delphici, *N. Jahrbb. f. Phil.*, CXXXIX (1889), 513—578. *Щукаревъ,* Изсл. въ обл. хат. аѳ арх. III в. Спб. 1889.

II.

Уже изъ этихъ бѣглыхъ указаній видно, что надписи чрезвычайно живо рисуютъ намъ всю жизнь еллиновъ. Не будь ихъ, мы знали бы лишь наиболѣе крупныя явленія въ области мысли, знали бы—и то не совсѣмъ точно и полно—только исторію важнѣйшихъ политическихъ событій, ходъ разныхъ военныхъ предпріятій, да развѣ еще, изъ ораторовъ и лексикографовъ, кое-какія частныя подробности. Невольно удивляешься, почему античные историки такъ мало удѣляли вниманія епиграфическимъ документамъ: Өукидидъ хотя пользовался ими, но былъ слишкомъ далекъ отъ нашей дипломатической точности, и подлинные акты теперь едва можно узнать въ его обработкѣ [1]); Поливій сознательно занимается въ архивахъ [2]); но большинство античныхъ историковъ не восходитъ до первоисточниковъ, довольствуясь компиляціей своихъ предшественниковъ, изрѣдка развѣ вставляя сюда документы изъ какого-нибудь кратеровскаго свода псифисмъ [3]); матеріалъ не подвергается критикѣ,—развѣ въ случаѣ явной несообразности или противорѣчія; взамѣнъ того являются иногда искусственныя комбинаціи. Вѣдь цѣль античнаго историка не столько объективное возсозданіе прошедшаго, сколько художественное описаніе великихъ событій, въ назиданіе и въ наслажденіе читателямъ [4]). Оттого „древній историкъ не скрывается за описываемыми имъ событіями: напротивъ, онъ вноситъ въ разсказъ свою личность и употребляетъ все доступное ему искусство для передачи собственнаго воззрѣнія на данный предметъ“ [5]).

Такой характетъ античной исторіографіи заставляетъ насъ съ крайней осторожностью относиться къ ея показаніямъ, брать отъ нихъ не больше чѣмъ они даютъ. Еще до Нибура началось критическое изслѣдованіе античной традиціи и теперь, благодаря совокупнымъ усиліямъ историковъ и филологовъ, разрослось до громадныхъ

---

[1]) См. особ. Herbst въ *Hermes* XXV (1890), 374—399.

[2]) *Scala*, Studien d. Polybios, I (Stuttg. 1890), 268.

[3]) Ср. *Krech*, de Crateri ψηφ. συν. Greifsw. 1888.—Что въ сборникѣ Кратера были не одни псифисмы, показалъ Köhler, 'Hermokopiden-Inschriften' въ *Hermes*, XXIII, 392 ff.

[4]) Оттого разсказъ идетъ такъ плавно, въ неизмѣнно-хронологическомъ порядкѣ: только когда ужъ нельзя обойтись безъ объясненія мотивовъ, на помощь являются или, въ большей или меньшей степени измышленныя, рѣчи, или, въ крайнемъ случаѣ, дигрессіи.

[5]) Слова Грановскаго.

размѣровъ. Масса спеціальныхъ работъ занимается изслѣдованіемъ взаимныхъ отношеній разныхъ античныхъ авторовъ, выясненіемъ генезиса ихъ показаній; почти ни одно сочиненіе по древней исторіи не обходится безъ предварительнаго сопоставленія источниковъ во всемъ ихъ объемѣ. Разумѣется, не удалось уберечься отъ недоразумѣній, крайностей, излишествъ. Такъ, центръ тяжести очень многихъ изслѣдованій лежитъ не на оцѣнкѣ того, что̀ сохранилось, а на проблематическомъ возстановленіи того, что̀ утеряно: подобныя работы могутъ, конечно, показать остроуміе изслѣдователей, но даютъ слишкомъ мало практическихъ результатовъ для историка. Параллельныя мѣста подыскиваются такъ старательно, что очень часто достаточно самаго незначительнаго, совершенно-случайнаго сходства,—и изслѣдователь выводитъ уже заключеніе о зависимости одного писателя отъ другого, и, выдавая вѣроятное за вѣрное, возможное за несомнѣнное, строитъ на этой шаткой почвѣ дальнѣйшія обобщенія и выводы [1]. Но особенно ярко механическое отношеніе къ дѣлу высказалось въ такъ наз. „Einquellenlehre“, т.-е. ученіи, по которому античные историки—особенно поздніе—клали въ основаніе каждаго отдѣла одинъ какой-либо главный источникъ, и къ нему дѣлали только дополненія и поправки, преимущественно риторическаго свойства,—подобно средневѣковымъ лѣтописцамъ, или какимъ-нибудь Sarpi и Pallavicino [2].

Такъ произвольный и безполезный схематизмъ сильно сковалъ собою живое изслѣдованіе античной литературной традиціи. Но, къ счастію, нѣтъ недостатка и въ попыткахъ выбиться изъ этихъ оковъ [3],

---

[1]) Напр., до насъ дошли фрагменты историковъ III стол.—Іеронима, Дурида и Филарха, которые даютъ, разумѣется, понятіе объ ихъ сочиненіяхъ, и Плутархъ, конечно, пользовался ими, посредственно или непосредственно; и вотъ всѣ хорошо написанные пассажи плут. біографій III в. приписываютъ несомнѣнно Іерониму, всѣ анекдоты Дуриду, всѣ разсказы о женщинахъ Филарху и т. п. (Ср. напр., *R. Schubert*, Gesch. d. Agathokles, Breslau 1887).—Не свободенъ отъ подобнаго механизма и *Scala*, Studien des Polybios, I. Stuttg. 1890.

[2]) Исходнымъ пунктомъ послужили изысканія Ниссена объ источникахъ 4-й и 5-й декады Ливія; потомъ стали примѣнять эти пріемы къ позднимъ греческимъ историкамъ: напр., доказывали, что Плутархъ въ біографіяхъ III ст. не прямо пользовался Іеронимомъ, Тимеемъ, Филархомъ, а чрезъ Агаѳархида Книдскаго, или что Діодоръ для исторіи Александра пользовался лишь Клитархомъ, для исторіи діадоховъ Іеронимомъ и т. п.; постепенно эта точка зрѣнія получала все большее распространеніе: ее примѣнили даже на періигитическихъ партіяхъ Павсанія. Въ послѣднее время обратили вниманіе и на изслѣдованіе источниковъ Поліэна, Фронтина, Эліана; но и тутъ явились „посредствующія пособія“ („компендіи“, „руководства“ и т. п.).

[3]) Противъ „карточныхъ домиковъ“ возстаетъ *Bröcker*, Moderne Quellenforscher und antike Geschichtschreiber, Insbr. 1882.—Ср. *Evers*, Ein Beitrag z. Unters. d. Quellenben. bei Diodor, Berl. 1882; *Haake*, Ein Beitrag z.

а также нѣтъ недостатка и въ трезвыхъ, чуждыхъ всякой предвзятости работахъ по источниковѣдѣнію. Если не считать указанныхъ мною уродливыхъ отклоненій,—источниковѣдѣніе идетъ теперь къ своей цѣли треия путями. Или изслѣдуется, поскольку отразилось на историческихъ сочиненіяхъ цѣлое направленіе эпохи, т.-е. современное умственное или общественное движеніе, и ставится вопросъ о томъ, что сдѣлали греческіе мыслители для методическаго изученія и философскаго пониманія исторіи. Оказывается, напр., что уже древніе хорошо понимали связь между природой и исторіей [1]); выяснено также, какъ—вѣроятно подъ вліяніемъ эпохи Александра и діадоховъ—стали считать главной дѣйствующей силой въ исторіи—притомъ силой, которой можно только слѣпо подчиняться,—судьбу [2])... Такая постановка вопроса имѣетъ значеніе, конечно, для пониманія не столько изображаемой, сколько изображающей эпохи: историческое сочиненіе разсматривается здѣсь не какъ сумма историческихъ показаній, а какъ продуктъ умственнаго движенія своего времени.

Или изслѣдованіе обращается на самого историка и на внѣшнюю исторію его сочиненія, съ цѣлью выяснить степень его общей достовѣрности. Такъ напр., защищена теперь отъ навѣта скептиковъ подлинность уцѣлѣвшихъ фрагментовъ Акусилая, Ксанѳа, Ишпія, Екатэя [3]).

Historiographie D.'s. Hagen 1884; *Neuber*, Spuren selbstst. Thät. b. Diodor, Bautzen 1890.—*Graf*, 'Plutarchisches' въ Comm. phil. f. O. Ribbeck. Lpz. 1888, S. 57 ff.

[1]) Въ иппократическомъ трактатѣ περὶ ἀέρων со всею рѣзкостью и односторонностью научной аксіомы выставляется ученіе о зависимости физическихъ и духовныхъ свойствъ народа отъ климата населяемой имъ страны; историки, хотя развиваютъ это ученіе, присоединяя сюда и другія вліянія природы, но указываютъ на судьбы и роль самихъ народовъ. Страбонъ уже прямо выставляетъ преобладающее значеніе нравственныхъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ жизни народовъ. *Pöhlmann,* Hell. Ansch. üb. d. Zusammenh. zw. Natur u. Geschichte, Lpz. 1879.

[2]) *Rösiger*. Die Bedeutung der Tyche bei d. spät. Histor. Pgr. Konstanz 1880. Ср. *R. Scala,* Die Studien des Polybios. I. Stuttg. 1890, S. 159 ff. Работъ по древней исторіографіи съ вышеуказаннымъ направленіемъ вообще мало. Кромѣ книги Скалы, отмѣчу еще *Eiers,* Die Theorie der Geschichtschreib. d. Dionys v. Halic. Pgr. Waldenburg. 1886; *Busolt*, Diodor's Verhältniss zum Stoicismus, *N. Jahrbb. f. Phil.*. 1889, CXXXIX, 297—314; *Schwartz*, Hekataeos von Teos, *Rhein. Mus.*, 1885, XL, 223—262 (послѣдній идетъ, впрочемъ, очень далеко въ отыскиваніи у Діодора фрагм. Екатэя).

[3]) *Lipsius*, Quaestiones logograph. Lips. 1885—6. Diels, Herodot u. Hekataios, въ *Hermes* XXII, 411 ff. По всей вѣроятности, Иродотъ пользовался этими авторами. Правда Heil доказывалъ, что Иродотъ никогда ничего не читалъ; зато *Panofsky* (De hist. Herod. fontibus. Berl. 1884) считаетъ Иродота за плагіатора, и притомъ за самаго безсовѣстнаго, такъ какъ выписанное изъ разныхъ книгъ онъ выдавалъ за слышанное и видѣнное имъ самимъ; лже-

Ѳукидиду, какъ извѣстно, былъ „воздвигнутъ культъ, равнаго которому нельзя встрѣтить во всей исторической литературѣ" [1]); но теперь культъ этотъ разрушается. Болѣе внимательное знакомство съ текстомъ и композиціей исторіи Ѳукидида убѣдило въ томъ, что сочиненіе это не было окончательно отдѣлано авторомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оказались нѣкоторыя несогласія въ хронологическихъ указаніяхъ, нѣкоторыя ошибки сравнительно съ эпиграфическими данными и т. п. Чтобы объяснить эти погрѣшности и вмѣстѣ спасти культъ Ѳукидида, стали все неточное, неясное, запутанное ставить на счетъ не самому Ѳукидиду, а его издателямъ и интерполяторамъ; постепенно интерполяцію стали отыскивать вездѣ, въ каждомъ отступленіи,—и въ тѣхъ пассажахъ, которые недостойны Ѳукидида, и въ тѣхъ, которыхъ Ѳукидидъ недостоинъ (напр., въ знаменитомъ описаніи аттической чумы) [2]). Иные, впрочемъ немногочисленные, изслѣдователи приписывали Ѳукидиду умышленную неполноту и неясность, даже умышленную ложь... [3]) Но всѣ эти изслѣдователи, и такъ строго судившіе Ѳукидида, и тратившіе столько остроумія въ погонѣ за разными интерполяціями, забывали одно,—что Ѳукидидъ былъ человѣкъ, аѳинянинъ конца V в., описывавшій современныя войны. Совершенно трезво смо-

---

цомъ и выдумщикомъ считаетъ Иродота, какъ извѣстно, и Сэйсъ; но противъ этого „чрезъ мѣру строгаго суда" справедливо возстали многіе ученые (въ томъ числѣ и проф. Мищенко). Во время путешествій Иродотъ разспрашивалъ обо всемъ кого попало и вѣрилъ всѣмъ розсказнямъ, особенно въ Дельфахъ и въ Египтѣ (Croiset, La veracité d' H. въ *Revue d. Etudes grecques* I, 133); своихъ предшественниковъ онъ слишкомъ низко цѣнилъ, и потому не счелъ нужнымъ основательно изучить ихъ (A. Hauvette, H. et les Joniens, *ibid.* p. 257); наконецъ, трудъ его носитъ на себѣ и кое-какіе слѣды политическихъ воззрѣній автора (Nissen въ *Hist Ztschr.*, 1889, LXIII, 419 ff.): все это говоритъ, конечно, противъ абсолютной достовѣрности Иродота, но не противъ его добросовѣстности; онъ самъ обманывался, но и не думалъ обманывать другихъ... (Изъ послѣднихъ работъ укажу на кн. *Schubert'a* H's Darstellung der Cyrussage. Bresl. 1890).

[1]) *Schmidt*, Perikl. Zeitalt., II., 289. — Нибуръ такъ благоговѣлъ предъ Ѳукидидомъ, что называлъ дураками собиравшихся писать греческую исторію, „гдѣ мы имѣемъ Ѳукидида". Гротъ тоже слѣпо вѣрилъ его разсказу, разсматривая даже рѣчи какъ подлинные акты (хотя, впрочемъ, въ оцѣнкѣ политич. событій и дѣйств. лицъ иногда расходился съ нимъ).

[2]) Новѣйшее изслѣдованіе съ этой тенденціей—Junghahn, Agos-Sühne bei Thuk. 1 126—139. Berl 1890.

[3]) Lange, Z. Fr. üb. d. Glaub. d. Thuk., *N. Jahrb. f. Ph.*, CXXXV, 721 ff.—Особенно нападаетъ на Ѳукидида Мюллеръ-Штрюбингъ, у котораго „кровожадный интерполяторъ" постепенно замѣняется кровожаднымъ Ѳукидидомъ, а этотъ, въ свою очередь, обращается то въ автора военно-дидактической эпопеи, или военной новеллы, то въ навязчиваго доктринера, даже въ «профессора». Ср. *Bauer*, Thukydides und H. Müller-Strübing, Nördl. 1887.

трить на дѣло, въ прошлогодней статьѣ своей, Ниссенъ. По его словамъ, съ именемъ Ѳукидида связано идеальное представленіе, противорѣчащее дѣйствительности; правдивости Ѳукидида предъявляются настолько высокія требованія, что имъ не въ силахъ удовлетворить несовершенная человѣческая природа. Чтобы выяснить свою мысль, Ниссенъ подробно изслѣдуетъ возникновеніе пелопоннисской войны—сравнительно съ ѳукидидовскимъ разсказомъ, который по своему искусственному расположенію представляетъ собою драму въ 5 актахъ. Ошибка современной критики заключается въ томъ, что она выработанные ею принципы считаетъ безусловно-обязательными и для древняго писателя. Хотя Ѳукидидъ и насиловалъ иногда факты, все же онъ правдивый повѣствователь: античный читатель не могъ ожидать отъ него разсказа безъ аѳинской окраски; онъ былъ убѣжденъ, что всякій историкъ имѣетъ право представлять въ благопріятномъ свѣтѣ дѣло своей родины, своей партіи; это понималъ и Поливій (XVI, 14), не допускавшій только, чтобы историки разсказывали о своей родинѣ не то, что́ было. И Ѳукидидъ можетъ-быть замалчиваетъ факты, но никогда ихъ не измышляетъ [1]).

Третій путь, которымъ идетъ источниковѣдѣніе, имѣетъ наибольшее для историка практическое значеніе, ведетъ къ непосредственно-важнымъ для него результатамъ: это путь, на который поминутно приходится вступать изслѣдователю исторіи, путь, въ которомъ, собственно, сходятся и два первые пути. Я говорю о критическомъ разборѣ отдѣльныхъ свидѣтельствъ античной литературы. Напр., Белохъ сдѣлалъ очевиднымъ, что разсказъ Филохора и Плутарха о лишеніи Перикломъ гражданскихъ правъ 4,760 гражданъ—основанъ на недоразумѣніи [2]). Тщательная критика свидѣтельствъ нашихъ

---

[1]) *Historische Zeitschrift*, LXIII (1889), 385—427. Живое отношеніе къ Ѳ. находимъ и въ трудѣ проф. *Мищенка*: Ѳукидидъ и его сочиненіе. (Послѣсл. къ перев. М. 1888 (см. особ. стр. CCII и сл.); ср. его же статью; Ѳукидидъ какъ сторонникъ аѳ. демократіи въ *Ж. М. Н. Пр.*, CCLXX (1890), кл. ф., 33—48. Изъ работъ, интересующихся Плутархомъ, а не тѣмъ, какія изъ недошедшихъ до насъ авторовъ легли въ основаніе той или другой его біографіи, укажу: *Simon*, Quomodo Plutarchus Thucydidem legerit. Berl. 1881 (Ср. *Heidlingsfeld*, Quomodo Plutarchus Thucydide usus sit in comp. Niciae v. Liegn. 1889); Graff, „Plutarchisches" въ *Comm. philol. f. O. Ribbeck*, Lpz. 1888, S. 57 ff; ср. *N. Jhrbb.*, *Ph.*, CXXXVII, 557 ff.; *Chenevière*, De Plutarchi familiaribus. Paris 1886 (*Hanske*, Plutarch als Böoter Wurz. 1884, ограничивается, къ сожалѣнію, Пелопидомъ); Holzapfel, Ueb. die Echth. d. plut. Schr. de Herod. malign., въ *Philologus*, XLII, 23 ff.

[2]) *Beloch*, Die Bevölkerung d. griech. röm. Welt, Lpz. 1886, S. 75 ff. Напрасно, слѣдовательно, эта „страшная сказка" (ср. Schenkl въ *Wien. St.* II, 170 ff) повторяется въ руководствахъ (ср., напр., *Латышевъ*, Оч. греч. др.,

источниковъ для древней исторіи Аттики—особенно разныхъ атеидографовъ, хронографовъ, лексикографовъ,—показала, что нельзя относиться къ нимъ съ безусловнымъ довѣріемъ 1).

Особенно важна тщательная критика традиціи для древнѣйшихъ эпохъ еллинской исторіи. Эпосъ и трагедія черпали, конечно, свое содержаніе изъ народныхъ преданій; но слишкомъ многое нужно отнести и на долю самихъ поэтовъ,—какъ это выясняется теперь, особенно послѣ изслѣдованій Niese [2]); да и вообще въ эпосѣ (и въ

Г², 197. 204; также у *Бузескула*, Периклъ, 241—243). Philippi показалъ, что извѣстія Исократа объ Алкивіадѣ, возникшія заднимъ числомъ, не заслуживаютъ полнаго довѣрія (*Hist Ztschr.*, LVII, 1887, S. 398 ff); опираясь на Аристотеля, Bass доказываетъ, вопреки общей античной традиціи, знатное происхожденіе Діонисія I сиракусскаго (*Wien. Stut.* III, 151 ff.), и т. п. Укажу здѣсь еще нѣсколько новыхъ работъ: Herbst, Zur 'Urkunde in Thuk. V, 47, *Hermes*. XXV (1890), 374—399; Nissen, D. Ausbruch d. peloponn. Krieges, *Hist. Ztschr.*, LXIII (1889), 385—427; Abbot, The siege of Plataea, *Class. Review*, IV (1890), 1—3, Rohrmoser, Zeugenverhör üb. die Befreiung Thebens 379 v. Chr., *Ztschr. f. d. österr. Gymn.* XLI (1890), 581—593; *Funch*, de Thebanorum ab a. 378 u. ad a. 362 actis. Berl. 1890; *Punt*, Quaestiones Corinthiacae sive de auctoritate qua in Peloponn. societ. Corinthii valuerint, praecipue belli Archidamici tempore. Leid. 1889; *Niehues*, de Pausania, Cleombroti filio, Laced. Münst. 1890; Klatt, Chr. Unters. üb. d. Regierungszeit d. K. Kleom. III, *Rhein. Mus.*, XLV (1890), 335—360; Robert, Die Schlacht bei Sinoa, *Hermes* XXV (1890), 412 ff.; *Immerwahr*, Die Lakonika des Pausanias. Berl. 1889; Zeller, üb. die ältesten Zeugnisse z. Gesch. d. Pythagoras, въ *Sits.-B. d. Berl. Akad.* 1889, S. 985—996.

¹) Критическія работы въ этой области начались уже давно (Шеманъ, Гильбертъ, Люгебиль, Ланге, Филиппи, Виламовицъ-Меллендорфъ, Дункеръ) и особенно оживились послѣ изданія „Берлинскаго папируса № 163“. H. Landwehr въ своихъ Forschungen z. ält. att. Geschichte (*Philologus* V, V. *S.—B.* 1884, S. 97—196) слишкомъ преувеличиваетъ, конечно, значеніе папируса и особенно своихъ въ немъ возстановленій; зато онъ ясно показываетъ, „что нельзя дальше идти по обычной дорогѣ“; (поправки къ нему даетъ Diels, *Abh. d. Berl. Ak.* 1885, S. 11 ff). Традицію о Солонѣ подвергаетъ критикѣ B. Niese (*Hist. Unters. A. Schäfer., gewidm.*, Bonn 1882, S. 1 ff), также *Stettirne* (Ad Solonis aet. quaestt. crit. Königsb. i. P. 1885), и др. Изъ болѣе новыхъ изслѣдованій укажу *Toepffer*, Quaestt. Pisistr. Dorp. 1886; Holzapfel въ *Berl. Stud.*, VII, 3 (1888); *F. Cauer* Parteien u. Politiker in Meg. u. Ath., Stuttg. 1890, S. 45—97. Вообще съ точки зрѣнія новой критики изложеніе соотвѣтствующихъ отдѣловъ въ курсахъ проф. Трачевскаго (Учебникъ исторіи, I², 1889, с. 150—158), проф. Петрова (Лекціи по всем. ист. I, 1888, с. 129—136) и г. Латышева. (Оч. греч древн., Г², 1888, с. 137—164) представляется теперь совершенно ненаучнымъ.

²) *B. Niese*, Die Entwicklung der Homer. Poesie. B. 1882. Что касается до послѣднихъ работъ по гомеровскому вопросу, то и здѣсь замѣтно болѣе живое отношеніе къ дѣлу (напр., у *Bärwinkel*, Zur Odyssee, Sondersh. 1889). По *Bougot*, Étude sur l'Iliade, Paris 1888, Иліада—произведеніе одного поэта; несогласія, недочеты неизбѣжны въ поэт. импровизаціи. *Weissenborn*, Achilleis

трагедіи) больше отражается быть изображающей, нежели изображаемой эпохи [1]). Собственно историческая литература первоначально (до Иродота) имѣетъ мѣстный характеръ, и синхронизмы возникли уже впослѣдствіи, путемъ вычисленія; разрабатывавшіе древнѣйшую исторію не ограничивались простымъ сообщеніемъ преданія, но часто исправляли и измѣняли его путемъ спекуляціи, комбинацій и риторики. Мы не знаемъ собственно, гдѣ начинается сколько-нибудь достовѣрная исторія: „die Lust am Fabuliren" никогда не покидала грековъ, и мѣсто сагъ заступили политическія легенды, новеллы [2]) и анекдоты; съ другой стороны, хотя мы и имѣемъ надписи VII—VI в., но онѣ такъ незначительны въ качественномъ и количественномъ отношеніи, что едва ли на нихъ могла основываться древняя исторіографія [3]). Такимъ образомъ для древнѣйшихъ эпохъ мы должны собственно довольствоваться лишь общими картинами,—опираясь при томъ не столько на литературную традицію, сколько на данныя археологіи, топографіи, діалектологіи, а также заключая—съ большою, конечно, осторожностью—отъ послѣдующаго къ предыдущему.

Остановимся, напр., на послѣднихъ работахъ по древнѣйшей исторіи Лакедэмона. Ed. Meyer сдѣлалъ самое обстоятельное изслѣдованіе всѣхъ традицій о законодательствѣ Ликурга [4]). Исходя изъ

---

und Jlias, Münch. 1890, полагаетъ, что Иліада возникла изъ одной Ахиллеиды (въ 2000 ст.), постепенно расширенной разными поэтами, дополнявшими поэму въ духѣ своего учителя. Brandt находитъ возможнымъ указать разницу между 1-й и 2-й редакціей „гнѣва Ахилла", *N. Jahrbb. f. Ph.*, CXLI (1890), 81—103. *Reicher*, Ueb. d. zweiten Theil d. Odyssee, Berl. 1889, признаетъ лишь 2 составныхъ части Одиссеи.

[1]) Ср. *Schmidt*, D. subiect. Element bei Homer, Wien 1889.—*Schuchter*, die gegens. Abhäng. d. relig. u. eth. Vorstell. in den Epen Homers. Brixen 1889. (Ср. также *E. Rohde* „Psyche", Freib. i. B., 1890, S. 37 ff). Относительно трагедіи ср., напр., F. B[uecheler], Aeschylus u. d. Parthenon, *Rh. Mus.*, XL, 627 ff; Tucker, Notes on Thuc. VIII a. Aesch. S.C.T. *Class. Review*, III (1889), 435—6; Giles, Political allusions in the „Supplices" of Euripides, *Class. Rev.* IV (1890), 95—98; *Berlage*, Comm. de Euripide philosopho, Leyd. 1888.

[2]) Ср. *Erdmannsdörfer*, D. Zeitalter d. Novelle in Hellas. B. 1870.

[3]) Послѣднее мнѣніе было высказано, когда нашлись обломки аѳинскаго постановленія VI в. о саламинскихъ клирухахъ (Köhler, *Mitth. d. arch Inst.* IX, 117 ff; *CJA* IV, 2, 1 a; Foucart въ *Bull. d. c. h.*, XII, 1888, p. 1 et suiv.; Gomperz въ *Mitth.*, XIII, 1888, S. 137 ff; Lipsius въ *Leipz. Stud.*, XII, 1890, 221 ff).

[4]) Ed. Meyer, Die Entwickelung der Ueberlieferung üb. die lykurg. Verfassung, *Rhein. Mus.* XLI (1886), 560—591, и XLII (1887), 81—101. Уже *Wilamowitz-Möllendorff*, Philol. Unters., VII (1884), 267—285, далъ нѣсколько важныхъ замѣчаній по исторіи ликурговской легенды. *Mayr*, Die Tradition üb. die Heimatstätten d., lykurg. Verfassung, Marb. a. D., 1888, примыкаетъ къ Мейеру. Новыя точки зрѣнія находимъ также въ статьяхъ *Fustel de Coulanges*, Etude sur la propriété à Sparte, въ *Séances et travaux de l'académie des sciences*

Стравона, онъ прежде всего старается установить традицію Ефора. Ефоръ зналъ мѣстное, сообщаемое Иродотомъ, преданіе о критскомъ происхожденіи спартанскаго устройства; но, кромѣ того, онъ пользовался сочиненіемъ царя Павсанія, написаннымъ противъ Лисандра, гдѣ было выдвинуто дельфійское происхожденіе законодательства Ликурга, и подтверждено тогда только составленными стихотворными изреченіями оракула; тогда же сложилось и преданіе о послѣликурговскомъ (вопреки Иродоту) происхожденіи ефората и о ликурговскомъ раздѣлѣ земли. Аристотель не удовольствовался комбинаціей Ефора (изъ Иродота и Павсанія), и призналъ болѣе, чѣмъ оракулы Павсанія, надежными ликурговскія ритры (сохраненныя намъ Плутархомъ); а эти ритры—по Meyer'у—были просто самыя общія формулировки спартанскаго государственнаго права—не обосновавшія его, а имъ обоснованныя. Павсанію же Meyer приписываетъ и разсказъ о клятвѣ, взятой Ликургомъ со спартанцевъ, и о его добровольной смерти. Уже та прямолинейность, съ какою излагаетъ Meyer исторію ликурговской легенды, возбуждаетъ недовѣріе къ его гипотезѣ: вѣдь уже Иродотъ знаетъ и о дельфійской традиціи; точно также нѣтъ никакихъ основаній утверждать, будто стихи и оракулы, относящіеся къ Ликургу, возникли не раньше времени Павсанія; трудно допустить, чтобы Ефоръ такъ тѣсно примыкалъ къ Павсанію, а Аристотель къ Ефору; а главное—слишкомъ мало вѣроятно [1]), чтобы политическое тенденціозное сочиненіе могло имѣть такое рѣшающее вліяніе на все дальнѣйшее развитіе ликурговской легенды. Зато нельзя не признать полной основательности весьма многихъ частныхъ замѣчаній Meyer'а, также какъ и того общаго положенія, что историческія воспоминанія Спарты начинались собственно Θеопомпомъ (о немъ говорили стихи Тиртэя), что Ликургъ лишь произвольно вводится въ искусственную [2]) генеалогію спартанскихъ царей, что онъ былъ богъ, или герой, имѣвшій въ Спартѣ святыню и ежегодныя празднества. Примыкая къ послѣднему мнѣнію, B. Niese беретъ предметомъ своего изслѣдованія [3]) приписываемое Ликургу спар-

---

morales et politiques. 1880. XIII—XIV, и Houssaye, La loi agraire à Sparte, въ *Annuaire de l'assoc. des études Grecques*, 1884, XVIII; ср. также *Duncker*, G. d. A., V, 268 ff, и въ Abhandl. aus. d. griech. Gesch. Lpz. 1887 ст. „Die Hufen der Spartiaten." Cantarilli, I μόθακες spartani, въ *Rivista di filologia*, XVIII (1889), 465—483.

[1]) Даже если принять предлагаемую Meyer'омъ (*Rh. M.*, XLI, 575 ff) реконструкцію Стравона VIII, 5, 5.

[2]) Ср. Anhang: Die Stammbäume der lakon. Königshäuser, *Rh. M.*, XLII, 98—101 (Ср. *I. Dum.* Die spart. Königslisten. Innsbruck. 1879. Unger въ *Philol.* XL, 96 ff.; Busolt въ *Rhein. Mus.* XXXIX, 478 ff.).

[3]) B. Niese, Z. Verfassungsgeschichte Lakedämon's, *Histor. Zeitschr.* LXII (1889) 58—84.

танское государственное устройство: онъ дѣлаетъ попытку изъ знакомства съ существовавшимъ строемъ представить его значеніе и возникновеніе (пользуясь притомъ и другими античными извѣстіями— для сравненія и объясненія). Отвергая въ античной традиціи возведеніе всего устройства Спарты къ Ликургу, онъ однако удерживаетъ „все что въ ней отмѣчено какъ существенное и характеристичное для спарт. устройства, а слѣдовательно и его возникновенія" [1]).

[1]) Разсматривая госсударственное управленіе Лакедэмона, Низе указываетъ на противуположность между наслѣдственной и пожизненной царской властью и выборнымъ, на годъ, ефоратомъ. Царская власть сохранила древній, патріархальный, знакомый изъ Гомера, характеръ (царь—вождь, жрецъ и судья); напротивъ, ефоратъ не заключаетъ въ себѣ ничего патріархальнаго: это орудіе крѣпкой общинной власти; очевидно, ефоратъ возникъ позднѣе царской власти. О постепенномъ усиленіи столь могущественнаго потомъ ефората не знаетъ ни одинъ изъ античныхъ авторовъ: по нимъ онъ возникъ какъ верховная общинная должность; характеристическія свойства этой должности представляютъ полное единство. Что цари, вслѣдствіе установленія ефората, утратили первенствующее значеніе — это было тѣмъ болѣе возможно, что царской власти доряне не приписывали божественнаго происхожденія: спартанцы считали царское право основаннымъ на клятвенномъ договорѣ, обновлявшемся ежемѣсячно (причемъ отъ лица гражданъ присягали ефоры). Какъ въ другихъ государствахъ, такъ и въ Спартѣ договоръ между царями и народомъ былъ вызванъ внутренними смутами, причемъ царямъ пришлось подчиниться законамъ, т.-е. народу, благодаря чему они удержали значительныя права. Такъ ефоратъ сталъ основаніемъ спартанскаго устройства. Особенно ясенъ его демократическій характеръ. Спарта была первая *демократія* на греческой почвѣ. Своеобразная черта спартанскаго устройства заключается въ отношеніи города Спарты къ области Лакедэмону. Лакедэмонъ болѣе древнее и, вмѣстѣ, болѣе широкое понятіе, и Спарта только часть его; оттого госсударство оффиціально носитъ всегда имя Лакедэмонянъ; но эти Лакедэмоняне заступаются исключительно Спартой. Спарта полнѣе, нежели какой-либо другой городъ, воплощала въ себѣ понятіе города, особенно въ политическомъ отношеніи. Ни одинъ гражданинъ не могъ жить внѣ города; оттого имя: спартіатъ указывало и на мѣсто жительства, и на право гражданства. Всѣ эти граждане жили не работой рукъ своихъ, а военной и мирной службой общинѣ. Земля спартіатовъ была лучшая часть Лакедэмона, почти вся долина Еврота, населенная и обработываемая т. наз. илотами. Остальной частью Лаконіи владѣли періики; они жили вокругъ области спартіатовъ, въ своихъ городахъ, которые не были связаны между собою, но состояли въ зависимости отъ Спарты. Своеобразность спартанскихъ отношеній состоитъ не столько въ существованіи періиковъ и илотовъ, сколько въ той строгости, съ какой развилась илотія. Соединеніе всѣхъ гражданъ въ городѣ (синойкизмъ) имѣло рѣшающее значеніе для спарт. госуд. устройства; но какъ оно произошло—не извѣстно; исконнымъ однако синойкизмъ не былъ. При соединеніи граждане оставляли мѣстечки, обращавшіяся въ села. Описаніе Лаконіи въ гомер. каталогѣ кораблей изображаетъ состояніе до синойкизма, такъ какъ рядомъ со Спартой являются Фарисъ, Амиклы, Врисія. Синойкизмъ принадлежитъ, слѣдовательно, дорійской Спартѣ. Это полное соединеніе всѣхъ

III.

Мы видѣли, какъ ярко освѣтили жизнь античной Еллады новыя археологическія находки, особенно надписи; мы видѣли, какъ благотворно оживилось изученіе ея исторіи болѣе жизненнымъ отношеніемъ къ античной традиціи (заставившимъ насъ, напр., вспомнить, что и античные писатели были люди, которымъ не было чуждо ничто человѣческое). Прибавлю еще, что большое оживленіе внесено было въ нашу дисциплину и новыми открытіями и изслѣдованіями въ области исторіи древняго Востока [1]). Все это дало намъ возможность

гражданъ въ городѣ стоитъ также въ необходимой связи съ воспитаніемъ и дисциплиной, т. наз. ἀγωγή. Α'γωγή, при всей строгости, задумана совершенно въ демократическомъ духѣ. Эта совмѣстная жизнь, дисциплина и воспитаніе возникли, когда Спарта находилась на военномъ положеніи и должна была собирать свои силы. Это указываетъ на время внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ волненій, какъ ихъ изображаетъ Тиртэй во 2-й полов. VII стол. Эти стихотворенія относятся ко времени развитія спартанскаго устройства; ефората Тиртэй еще не знаетъ. Учрежденіемъ его закончились междуусобія и установилось единство.—Изъ послѣднихъ работъ по древнѣйшей греческой исторіи укажу еще *Gröger*, De Argonaut. fabulae historia. Bresl. 1889 (исторія традиціи—до Аполлонія *Род.*; Gr. показываетъ м. пр., S. 41 ff., какъ отразилось на судьбѣ сказанія постепенное расширеніе географ. познаній); *Thraemer* Pergamos. Unters. üb. d. Frühgesch. Kleinasiens u. Griechenlands. Lpz. 1888 (авторъ даетъ исторію и пытается доказать автохеонію миеовъ о Танталѣ и Танталидахъ; дѣлаетъ замѣчанія о Гомерѣ и киклич. эпосахъ; излагаетъ древнѣйшую исторію Теверанів и Пергама; затѣмъ, изслѣдуя „положеніе теверанійцевъ между народами М. Азіи“, Thr. обстоятельно разбираетъ этнограф. вопросы); *Immisch*, Klaros, Forsch. üb. gr. Stiftungssagen въ *Jahrbb. f. cl. Ph.-VII S.-B.* (1889), S. 125 ff. (выводы—на S. 210); *Studniczka*; Kyrene, eine altgriech. Göttin, Arhaeol. u. mythol. Unters., Lpz. 1890 (изслѣдуетъ миеич. исторію Спарты, Өиры и Кирины); *Heisterbergk*, Fragen d. ält. Gesch. Siziliens. Berl. 1889 (о Сиканіи, р. Сиканѣ, Сиканахъ и Сикулахъ). E. Meyer. Die Pelasger in Attika und auf Lemnos, *Philologus*, XLVIII, 1889, 466—486 (пытается выдѣлить, что внесено въ традицію, съ Елланика, путемъ ошибочныхъ комбинацій); E. Meyer, Herodot üb. die Jonier, *Philol. LXVII I*, 268—274 (объясняетъ Herod. IV, 95 и I, 29; аеиняне слыли за іонійцевъ; но „чистые“ и „настоящіе“ іоняне—въ М. Азіи); Curtius, Wie die Athener Jonier wurden, *Hermes* XXV (1890) 141—151 (указываетъ на постепенное переселеніе іонійскихъ родовъ изъ М. Азіи на аттич. берегъ, отчего Ае. и стали потомъ полит. центромъ, съ особымъ племенн. характеромъ).

[1]) Кромѣ извѣстныхъ трудовъ *E. Meyer'a* (Gesch. d. Alterthums. I. Gesch. d. Orients b. z. Begründ. d. Perserreiches. Stuttg. 1884), *Wiedemann'a* (Aeg. Gesch. 2 Bde. Gotha. 1884. S.-B. 1888; его же: Die ält. Bez. zwischen Griech. u. Aeg. Lpz. 1883), *Ermann'a* (Aegypten u. aegypt. Leben im Alterhum. 2 Bde. Tüb. 1886),

ближе подойти къ еллинамъ, разсматривать ихъ безъ благоговѣйнаго трепета, видѣть въ нихъ не одинъ только духъ, но и плоть.

Какъ извѣстно, филологи, а съ ними самые вліятельные историки Греціи (Гротъ и Курціусъ) идеализировали и опоэтизировали древнихъ еллиновъ и особенно аѳинянъ [1]). Такъ возникла отвлеченная точка зрѣнія на судьбы еллиновъ, отъ которой только недавно начала отрѣшаться наука. Теперь интересуются не исключительно аѳинянами; на основаніи новыхъ находокъ разработывается понемногу и исторія отдѣльныхъ областей и городовъ [2]): это подготовительныя работы для общей исторіи еллинскаго міра; вмѣстѣ съ географическимъ, наша дисциплина получаетъ и хронологическое распространеніе: полное право на существованіе имѣетъ теперь и исторія Греціи въ эпоху діадоховъ и епигоновъ и въ римскую эпоху.

Новая наука старается освободиться отъ старыхъ предразсудковъ. Примѣръ тому мы уже видѣли на отношеніи новѣйшей критики къ Ѳукидиду. Въ противуположность прежнимъ осужденіямъ аѳинской демократіи (исходившимъ изъ аристократической теоріи государства), Гротъ дошелъ до преувеличенія ея культурно-историческаго значенія, вмѣсто того, чтобы быть безпристрастнымъ историкомъ— сталъ „адвокатомъ демоса"; его точку зрѣнія усвоили и послѣдующіе

Tiele (Babyl.-assyr. Geschichte. 2 Bde. Gotha. 1886—88),—особенно важны: Aufsätze zur persischen Geschichte. Von Th. *Nöldeke*, Lpz. 1887, и Geschichte Jrans und seiner Nachbarländer von Alexander d. Gr. bis z. Unterg. d. Arsaciden, v. *A. v. Gutschmid*. Tübing. 1888. Изъ послѣднихъ работъ укажу *Hoffmann*, Ueb. einige phön. Inschr. Gött. 1889; *Weissbach*, Die Achämenideninschriften zweiter Art. Lpz. 1890; *Strassmayer*, Babyl. Texte, 1—9; Imbert, Stela of Xanthus, *Babylonian Record*, IV (1890), p. 153 sqq.; *Iensen*, Die Kosmologie der Babylonier, Strassb. 1890; *Prašek*, Medien u. d. Haus d. Kyaxares, Berl. 1890; *Iudeich*, Persien u. Aegypten im IV Jatrh. v. Chr. Marb. 1889; *Levi*, Quid de Graecis veterum Indorum monumenta tradiderint. Paris. 1890. Недавно найдены анналистическія записи клинообразнаго письма изъ временъ Селевкидовъ (пока еще не изданы).

[1]) Къ тому же Гротъ не засталъ еще строгой методической критики источниковъ, а Курціусъ слишкомъ пренебрегаетъ ею; филологи же въ этомъ отношеніи вдались въ сухія и излишнія (для историка) подробности. Какою любовью пользуются Гротъ и Курціусъ—это показываютъ многочисленныя ихъ изданія (недавно вышло 6-е изданіе Курціуса); любопытно появленіе такой книги, какъ *Jacoby*, Geist d. griech. Geschichte, Auszug aus Grotes Gesch., her. v. F. Kühl, Berl. 1884. О Гротѣ ср. статью Pöhlmann'а въ *Deutsche Ztschr. f. Geschichtswiss.*, III (1890), 1.

[2]) Изъ болѣе новыхъ работъ укажу *Haubold*, De rebus Iliensium, Lpz. 1888; *Schöffer*, De Deli insulae rebus, Berl. 1889; *Lenschau*, De rebus Priennensium, *Leips. Sbug.* XII (1890), 1 ff. (ср. ст. г. Селиванова въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1890, № 11); Szanto, z. Gesch. v. Thasos, въ *Mitth. d. athen. Inst*, XV, 1890, 72 ff; Judeisch, Iasos, *ib.* 137 ff (ср. Hicks въ *Journ. of. hell. St.*, VIII, 83—118).

историки и филологи. Противъ этого „предразсудка“ съ крайнею рѣзкостью и страстностью возсталъ Ю. Шварцъ [1]), ставящій вопросъ, насколько аѳинская демократія содѣйствовала интеллектуальному, моральному и матеріальному развитію человѣчества или—какъ онъ выражается—человѣческаго капитала. Отвѣтъ получается самый безотрадный. Вся книга Шварца представляетъ собой нескончаемый рядъ самыхъ ѣдкихъ и злыхъ нападокъ на аѳинянъ; написанная съ большимъ одушевленіемъ и остроуміемъ, она полна ироніи и сарказма [2]). „Величіе Аѳинъ состоитъ (по словамъ Шварца) исключительно въ рѣдкой способности аѳинянъ—или части ихъ—къ пластикѣ, зодчеству, драмѣ и краснорѣчію“; но „человѣчество никогда не достигло бы своей настоящей высоты, если бы всѣ государства подражали аѳинской демократіи“. Тутъ господствовала полная нетерпимость ко всякой свободѣ мысли и изслѣдованія (стóитъ вспомнить ψήφισμα Діопиѳа); знанія получали здѣсь мало развитія и еще меньше распространенія въ массѣ; старинныя знатныя фамиліи постоянно сохраняли свое преобладающее значеніе, особенно при общей политической незрѣлости; продажность, самыя свободныя сдѣлки съ совѣстью, измѣна родинѣ были обычными явленіями; презрѣніе къ ра-

---

[1]) Die Demokratie. Von *I. Schwarz.* I. B. Die Demokratie von Athen. Lpz. 1882. (2-te Titelaufl. 1884).

[2]) Шварцъ глубокій знатокъ источниковъ,—хотя и пользуется ими тенденціозно, читая въ нихъ иногда больше, чѣмъ можно, или принимая на вѣру всякое злословіе комедіи и анекдота, безусловно вѣря явному ненавистнику демократіи—автору Ἀθηναίων πολιτεία, но считая Иродота подкупленнымъ свидѣтелемъ, а Ѳукидида—ограниченнымъ умомъ, съ не чистой, вдобавокъ, совѣстью. Шварцъ судитъ все и всѣхъ съ своей предвзятой точки зрѣнія, совершенно забывая, что древніе аѳиняне жили не въ XIX в. Солоновская реформа, съ ея принципомъ государственнаго вмѣшательства, выдвинула богатыхъ; на духовное развитіе народа не было обращено никакого вниманія. Въ противуположность „жалкому“ Солону, Писистратъ рисуется глубокимъ и яснымъ умомъ, сильнымъ характеромъ; но за его тиранніей Шварцъ не признаетъ демократическаго характера; заговоръ Армодія и Аристогитона—дѣло неестественной любви, а не политики; свой конецъ тираннія нашла лишь благодаря чужому оружію, благодаря деньгамъ „юнкеровъ,“ надъ коими тяготѣло проклятіе, да интригамъ „поповъ.“ Демократія Клисѳена не дала ни равенства, ни свободы совѣсти; демократіи Аристида и Ефіальта тоже не создали никакого ощутительнаго прогресса въ политической жизни: культъ аристократіи еще процвѣталъ и уровень общаго просвѣщенія въ Аѳинахъ все еще былъ слишкомъ низокъ. Впрочемъ нашъ авторъ называетъ позорными даже „мечтанія“ Платона, разглагольствованія Аристотеля пустыми, умъ Ксенофонта ограниченнымъ, а Димосѳена стоявшимъ не на высотѣ современной интеллектуальной жизни; зато его героемъ является Димитрій Фалиреецъ, этотъ ученый и мыслитель, оказавшій такія услуги свободѣ мысли.

ботѣ, рабство, униженіе женщинъ, пытки еще сгущали мрачный колоритъ картины. Персидскія войны не имѣли, по Шварцу, всемірно-историческаго значенія, и не Аѳины спасли цивилизацію бѣлыхъ расъ, а побѣдитель при Имерѣ. Въ ущербъ культурному значенію Аѳинъ, Шварцъ слишкомъ высоко оцѣниваетъ восточныя цивилизаціи. Словомъ, если въ Гротѣ и филологахъ аѳинская демократія нашла себѣ адвоката,—въ Шварцѣ она обрѣла безпощаднаго прокурора: одна крайность неизбѣжно вызвала другую. И въ этомъ—не говоря уже объ отдѣльныхъ вѣрныхъ замѣчаніяхъ—существенное значеніе труда Шварца: это, по-истинѣ, „гроза, очищающая воздухъ во время лѣтняго удушливаго зноя". Съ легкой руки Шварца, повторилось и отрицательное отношеніе къ Периклу и его эпохѣ [1]). Одинъ изъ противниковъ Перикла, Белохъ, считаетъ также Димосѳена „вульгарнымъ демагогомъ", а въ его защитѣ „свободы и независимости эллиновъ" видитъ только фанатизмъ, фразерство, пустую болтовню, „адвокатское завиранье"; напротивъ, Эсхинъ—благородная натура, чистый характеръ, государственный мужъ не принадлежащій къ числу тѣхъ, патріотизмъ которыхъ оканчивается на границахъ Аттики; къ Димаду также очень расположенъ Белохъ, и удивляется его „ясному политическому взгляду"; Ѳераменъ—одинъ изъ величайшихъ аѳ. государственныхъ мужей, а Еввулъ принадлежитъ къ первымъ финансовымъ геніямъ исторіи [2]). Припомнимъ еще, что Виламовицъ-Меллендорфъ пытается очернить Димохара, а Фокке „спасти" даже Алкивіада [3]). Эти новые взгляды опять-таки слѣдуетъ разсматривать

---

[1]) По Шварцу, вліяніе Перикла на внутреннюю жизнь аѳинской демократіи было слишкомъ ничтожно и ему приходилось унижаться до трусливой лести предъ демосомъ, потворствовать его предразсудкамъ; эпоха Перикла вовсе не была періодомъ процвѣтанія и благоденствія. Оцѣнивая военную дѣятельность Перикла, *Pflugk-Harttung* (Perikles als Feldherr, Stuttg. 1884), пришелъ къ убѣжденію, что Периклъ былъ хорошій военный министръ, но никуда негодный полководецъ, не умѣвшій пользоваться ни средствами, ни обстоятельствами; все значеніе его сводится, въ сущности, къ тому, что онъ былъ великій Bürgermeister въ собственномъ смыслѣ этого слова; сильное государство онъ направилъ на путь упадка. Подобный же взглядъ высказалъ *Beloch* (Die attische Politik seit Perikles. Lpz. 1884). Но особенно порицаетъ Перикла M. *Duncker* (G. d. A., N. F., I и II., Lpg. 1884 — 86), осуждающій его за недостатокъ прозорливости и энергіи. Очень обстоятельный разборъ этихъ мнѣній въ диссертаціи г. *Бузескула*: Периклъ, Харьк. 1889. Ср. также *Nedwed*, Perikles. Ein Lebensbild. Iglau. 1889, и H. *Delbrück*, D. Strategie d. Perikles, Berl. 1890.

[2]) *Beloch*, Die att. Politik seit Perikles. Lpz. 1884.

[3]) *Wilamowitz-Moellendorff*, Philol. Unters., IV, 189 ff. (ср. *Щукаревъ*, Изслѣдов., 146—147); *Fokke*, Rettungen d. Alkibiades. I. Emden. 1883. II. Emd. 1886. Болѣе основаній имѣетъ попытка защитить Клеона, смотрѣть на него

какъ реакцію противъ старыхъ предразсудковъ,—реакцію зашедшую, конечно, нѣсколько далеко (какъ и всякая реакція); „они будятъ сомнѣнія и вызываютъ новый пересмотръ вопроса (въ результатѣ чего явится болѣе безпристрастное и болѣе сознательное отношеніе къ дѣлу); они служатъ крайнимъ выраженіемъ того духа критики, который такъ характеризуетъ современную науку“ [1]); они—прибавимъ—являются результатомъ, или, вѣрнѣе, симптомомъ, болѣе живаго отношенія къ еллинской исторіи...

Тщательная критика традиціи, особенно строго-критическое отношеніе къ Гомеру, новыя археологическія и топографическія изысканія, отчасти и діалектологическія изслѣдованія [2]), указываютъ возможность представить, современемъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ культурныхъ картинахъ, древнѣйшую исторію Еллады [3]); вообще новыя изслѣдованія отрѣшаются отъ прежняго схематизма и прямолинейности [4]). Широта взгляда сказалась уже въ трудѣ Дункера; но

не съ ѳукидидовской точки зрѣнія. *Lange,* Kleon bei Thuk., Burgst. 1886 (ср. *Emminger*, D. Athen. Kleon, Eichst.; 1881, *Couat*, Aristophane, Paris. 1889, p. 156 et suiv.; *Delbrück*, Strategie d. Perikles, Berl. 1890, S. 189 ff.).

[1]) *Бузескулъ* по поводу новыхъ взглядовъ на Перикла, „Периклъ“, 399—400

[2]) Здѣсь отмѣчу труды *R. Meister'a*, Die griech. Dialekte (auf Grundlage von Ahrens Werk). II. Gött. 1890; его же Zum eleisch., arkad. и kypr. Dialekte. Lpz. 1890. (См. также *Schrader*, Sprachvergl. u. Urgeschichte, Iena 1889, и *Bradke,* Ueb. Meth. u. Ergebn. d. arisch. Altertumswiss., Giessen. 1890).

[3]) Такъ, теперь выясняется понемногу вопросъ о восточныхъ вліяніяхъ на Елладу; дѣлаются попытки опредѣлить, чѣмъ Еллада одолжена Востоку, чѣмъ Востокъ Елладѣ. См., напр., замѣчательную по ерудиціи книгу *O. Gruppe*, Die griech. Kulte u. Mythen in ihr. Bezieh. z. d. orientalischen, I, Lpz. 1887. Изъ новыхъ работъ заслуживаетъ особеннаго вниманія ст. A. Weber'a, Die Griechen in Indien, въ *Sitz-Ber. d. Berl. Ak.*, 1890, S. 901—952.

[4]) Спускаясь въ глубь вѣковъ, считаются и съ сохранившимся въ историческое время порядкомъ вещей,—какъ это мы видѣли въ статьѣ Niese по исторіи Лакедэмона. Съ той же точки зрѣнія ведется замѣчательное по широтѣ взгляда сочиненіе *E. Kuhn'a* Ueber die Entstehung der Städte der Alten. Komenverfassung und Synoikismos, Lpz. 1879; дополненіемъ къ нему могутъ служить труды *Feldmann'a* (Analecta epigr ad. hist. synoecismorum et sympolitiarum Graec. Str. 1885). и Hirschfeld'a (z. Typologie griech. Ansiedelungen въ *Hist. u. phil Aufs. E. Curtius gewidm.*, S. 355 ff, и Entwickelung d. Stadtbildes, въ *Ztschr. d. Berl. Ges. f. Erdk*. 1890, S. 295 ff.). Выясняется и сущность колонизаціи (ср. статьи *Curtius'a*, особ. Die Griechen in der Diaspora, въ *Sitzb. d. Berl Ak.* 1887, 943 ff; много важныхъ замѣчаній въ кн. *Roscher-Jannasch*, Kolonien, Kolonialpolitik u. Auswanderung), періода царской власти (ср. *Curtius*, D. Königtum bei den Alten, въ *Altertum u. Gegenwart*, III, Berl. 1889), тиранніи (Zeller, Ueb. d. Begriff d. Tyrannis, въ *Sitz.-b. d. Berl. Ak.*, 1887, s. 1137 ff) и т. п. Ставится на очередь и вопросъ о пеласгахъ (ср. *Hesselmeyer*, die Pelasgerfrage u. ihre Lösbarkeit, Tüb. 1890). Valeton (Ἑλλας, II, 1890, 27—

особенно живое изложеніе основныхъ чертъ политической исторіи Греціи мы находимъ въ краткомъ очеркѣ Пельманна [1]). Изъ послѣднихъ изслѣдованій съ этимъ направленіемъ, я укажу на работы F. Cauer'a и Whibley [2]). Первый изслѣдуетъ вопросъ о партіяхъ и политикахъ въ Мегарахъ и Аѳинахъ въ эпоху тиранніи. Можно, конечно, не соглашаться со многими частными замѣчаніями Кауера; но изслѣдованіе его замѣчательно по живому отношенію къ вопросу: подобно Landwehr'у [3]), Кауеръ выдвигаетъ экономическіе вопросы и отношенія [4]).

48) и Kothe (*N. Jahrb. f. Ph.*, CXLI. 1890, 184 ff) изслѣдуютъ вопросъ о древнѣйшихъ торговыхъ сношеніяхъ грековъ съ сѣверомъ и западомъ (торговля янтаремъ). Beloch изслѣдуетъ вопросъ о дорійскомъ переселеніи (*Rhein. Mus.*, 1890, XLV, 555—598). Саги о дорійскомъ и ѳессалійскомъ переселеніи возникли, по его мнѣнію, не раньше конца VIII стол.; миѳы о племенномъ передвиженіи возникли подъ вліяніемъ эпоса и не имѣютъ никакого значенія для реконструкціи древнѣйшей греческой исторіи; нѣтъ необходимости для объясненія исчезновенія микинской культуры (современной гомеровской культурѣ) принимать переворотъ, произведенный дорійскимъ вторженіемъ. Дѣйствительно, пора отрѣшиться отъ „племенной теоріи", противъ которой справедливо возстаетъ и O. Grupрe (l. l.); что эта теорія доселѣ продолжаетъ господствовать, это видно изъ (замѣчательнаго во всякомъ случаѣ) изслѣдованія *Studniczka* Kyrene, Lpz. 1890.

[1]) *R. Pöhlmann*, Grundzüge d. polit. Gesch. Griechenlands, въ Handb. d. cl Alterthumsw., III, 355 ff. Nördl. 1888; русскій переводъ г. Шамонина, Кр. оч. греч. ист., М. 1890. (къ сожалѣнію, безъ всякихъ дополненій и поясненій). Пельманъ превосходный знатокъ новѣйшей литературы предмета, но пользуется новыми гипотезами безъ всякой мѣры и осторожности; его Grundzüge— своего рода реакція противъ полнаго преклоненія предъ старинными авторитетами, отъ котораго не свободны не только руководства, но даже такой превосходный трудъ, какъ Griechisehe Geschichte, v. *A. Holm* (I-й т. вышелъ въ 1886 г., III-й, доведенный до смерти Александра М.,—въ декабрѣ 1890 г.), гдѣ выдвигается и культурная исторія. Въ другой новѣйшей Griechische Geschichte, *Busolt'a* (I-й т.—1885, II-й—1888), преобладаетъ детальная сторона. Живое отношеніе къ исторіи замѣчается особенно въ изслѣдованіяхъ Vischer'a, Hug'a, Beloch'a, Landwehr'a.

[2]) *F. Cauer*. Parteien u. Politiker in Megara u. Athen. Stud. z. Gesch. Griech. im Zeit. d. Tyrannis. Stuttg. 1890. *Whibley*, Political parties in Athen dur the peloponn. war. Cambr. 1889.

[3]) *H Landwehr*, Forsch. z. ält. att. Gesch., *Philologus*, *V. S.—B.*, 1884 S. 97—196.

[4]) Экономическій кризисъ, въ к. VII и в. VI стол. (вызванный переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному), оказался роковымъ для Мегаръ; здѣсь произошла революція; въ Аѳинахъ тоже сначала происходили волненія, вызванныя экономическимъ угнетеніемъ крестьянства; но Писистратиды употребили аттическій капиталъ на внѣшнюю торговлю, чтó способствовало процвѣтанію аттич. крестьянства. Касаясь исторіи атт. знати, Cauer не пользовался къ сожалѣнію, трудомъ *Töpffer'a*, Attische Genealogie, Lpz. 1889. (Ср. его же Nachlesen, въ *Rhein Mus.*, 1890, XLV, 371 ff).

Whibley болѣе точно и ясно устанавливаетъ отношенія партій въ Аѳинахъ во время пелопониссой войны [1]).

Болѣе живому отношенію къ античной исторіи способствуетъ и техническая критика традиціи. Такъ, H. Delbrück разбираетъ традицію о персидскихъ войнахъ съ военно-исторической точки зрѣнія, и приходитъ къ новымъ, чрезвычайно-важнымъ результатамъ [2]). Въ послѣднемъ трудѣ своемъ Delbrück подвергаетъ обстоятельной экспертизѣ стратегію Перикла, и прекрасно защищаетъ его отъ нападокъ Pflugk-Harttung'а и Дункера [3]). Kobert превосходно выяснилъ медицинскій характеръ аѳинской чумы 430 и слѣд. годовъ [4]).

Новыя епиграфическія находки познакомили насъ и съ тѣми сторонами еллинской жизни, какія остались почти не отмѣченными античными историками. Теперь, напр., мы имѣемъ рядъ изслѣдованій объ аѳинскомъ государственномъ хозяйствѣ [5]). Изслѣдованіе Swobod'ы знакомитъ насъ съ устройствомъ греческихъ банковъ, или—лучше сказать—сокровищницъ [6]). Изъ литературныхъ источниковъ мы знали

---

[1]) Особенно обстоятельно излагаетъ Wh. исторію „средней (какъ онъ называетъ) партіи",—„средняго крестьянства". *Stern*, Gesch. d. spart. u. theb. Hegemonie, Dorp. 1884, и *Beloch*, l. l., тоже указываютъ болѣе широкія точки зрѣнія; *Dubois* (ученикъ Fustel de Coulanges) даетъ живое изслѣдованіе ахейскаго и этолійскаго союзовъ (Les ligues Étol. et Ach. Paris. 1885, ср. *Мищенко* въ *Ж. М. Н. Пр.* 1890, № 5, 154—163, и Елл. союзы и Поливій, М. 1890). Nissen (*Hist Zischr.*, LXIII, 388—418) чрезвычайно живо рисуетъ возникновеніе пелопоннисской войны, не сковывая себя Ѳукидидомъ, ясно изображая всѣ сложныя отношенія эпохи.

[2]) *H. Delbrück*, Die Perserkriege und die Burgunderkriege. Zwei combinirte kriegsgesch. Stud. Berl. 1887.

[3]) *H. Delbrück*, D. Strategie d. Perikles erläut. d. d. Strat. Friedr. d. Gr. Berl. 1890.—Д. исходитъ изъ той мысли, что наряду съ „Niederwerfungs-Strategie" имѣетъ полное право на существованіе и «Ermattungs-Strategie», и Аѳины, въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ ихъ застала пелопоннисская война, могли примѣнить лишь послѣднюю стратегію.

[4]) Оказывается, это было отравленіе хлѣбомъ, зараженнымъ, въ зернѣ, особымъ насѣкомымъ (Claviceps purpurea). См. Zur Geschichte des Mutterkorns, въ *Hist. Stud. a. d. pharmak. Jnst. d. Univ. Dorpat*, I. (Halle 1889). S. 1—47.

[5]) Не случайно, конечно, то обстоятельство, что начало этимъ работамъ положилъ знаменитый издатель Corp. inscr. graec., A. *Boeckh*. Его классическое сочиненіе Die Staatshaushaltung der Athener вышло, въ 1886 г., 3-мъ изд. подъ ред. Fränckel'я; тому же Fränckel'ю, Busolt'у, Beloch'у принадлежитъ большинство новыхъ работъ въ этой области; изъ послѣднихъ изслѣдованій укажу старательную диссерт. *Lehner*, Ueb. d. athen. Schatzverzeichnisse d. IV Jahrh. Strassb. 1890.

[6]) Swoboda, Üb. griech. Schatzverwaltung, въ *Wiener Studien*, **XI** (1889), 65—87. Первоначально храмовыя сокровища находились въ вѣдѣніи

о сильной задолженности еллинскихъ городскихъ общинъ въ I стол. до Р. X.; Wachsmuth [1]) и Szanto [2]); на основаніи надписей, пытаются прослѣдить отдѣльныя черты экономическаго развитія, приведшаго къ такому результату. Haussoullier—превосходно рисуетъ жизнь аттическихъ димовъ (преимущ. въ IV ст.) [3]). Beloch пытается установить статистику населенія въ античномъ мірѣ [4]).

Изслѣдованіе духовной жизни еллиновъ также нѣсколько оживилось. Мы видѣли, что археологическія (особенно епиграфическія) находки ближе знакомятъ насъ съ религіей еллиновъ; вопросъ о происхожденіи миѳологіи далекъ еще конечно отъ разрѣшенія [5]); но отдѣльныя явленія въ этой области понемногу проясняются [6]). Полнаго вниманія заслуживаетъ превосходный трудъ E. Rohde, изслѣ-

---

жрецовъ; постепенно, съ возрастаніемъ богатствъ, ихъ стали употреблять и на государственныя надобности: въ Аѳинахъ эта реформа имѣла мѣсто еще до персидскихъ войнъ; такъ или иначе, но во всѣхъ общинахъ сокровищницы святыни поступили подъ контроль государства. Государство брало деньги въ случаѣ нужды; частнымъ лицамъ деньги давались въ долгъ не всѣми святынями (и если давались, то по большей части подъ залогъ); часть храмовыхъ суммъ обращалась и на покупку земель, которыя отдавались потомъ въ аренду.

[1]) C. Wachsmuth, Oeffentl. Credit in d. hell. Welt währ. der Diadochenzeit, въ *Rhein. Mus.*, XL, 283—303. Изъ объясняемыхъ Ваксмутомъ аркесинскихъ надписей оказывается, на какихъ необычайно-жестокихъ условіяхъ давались деньги въ долгъ городамъ частными капиталистами.

[2]) E. Szranto, Anleihen griech. Staaten, въ *Wien. Stud.* VII, 232—252; VIII, 1—36.

[3]) *Haussouiller*, La vie municipale en Attique. Paris. 1884. Исторія димовъ еще выясняется благодаря археологическимъ изысканіямъ; изъ новыхъ публикацій—укажу на американскія раскопки въ мѣстности Икарійскаго дима (Merriam, въ *Arch. Jnst. of America*, VI, 1889, p. 39—101; *Americ. Journ. of Arch*, IV, 1888, p. 421—6; V, 1889, p. 9—33).

[4]) *Beloch*, Die Bevölk. d. griech.—röm. Welt, Lpz, 1886. (Здѣсь не рѣшается окончательно вопросъ, но собирается, по крайней мѣрѣ, матеріалъ, и указывается, какъ нужно имъ пользоваться). Ср. *Pöhlmann*, Ueberbevölkerung d. ant. Grossstädte (im Zusammenh. m. d. Gesammtentwickelung d. städt. Civilisation) Lpz. 1884.

[5]) Новыя работы (напр. *Görres*, Stud. z. griech. Mythol. I. Berl. 1889; *Laistner*, Räthsel der Sphinx, 2 Bde, Berl. 1889; *Wendorff*, Erklär. aller Mythol. Berl. 1889) только увеличиваютъ собою число болѣе или менѣе произвольныхъ гипотезъ.

[6]) Roscher, Ausf. Lexicon d. griech u. r. Mythologie (20 вып. доведенъ до буквы J включ.). *Hoffmann*, Hermes u. Kerykeion, Marb. 1890; Kern, die boiot. Kabiren, *Hermes*, XXV, (1890), 1—16; *Studnicska*. Kyrene, eine altgriech. Göttin, Lpz. 1890; много статей миѳол. содержанія—въ Festschrift f. C. Robert, B. 1890.—*Hermenjat*, Les dieux et l'homme chez Thucydide, Laus. 1888, даетъ „этюдъ о религіозной мысли въ Греціи V стол." *Göttsching*, Apollonius v. Tyana, Berl. 1889,—очень обстоятельная, критическая работа.

дующій культъ усопшихъ и вѣру въ безсмертіе у грековъ [1]). Ученикъ Роде, Марксъ дѣлаетъ критическое изслѣдованіе греческихъ сказокъ о благодарныхъ животныхъ [2]). Couat далъ живо-написанное сочиненіе объ Аристофанѣ и о томъ обществѣ, среди котораго ему пришлось жить [3]). Scala задается цѣлію объяснить, какъ составился весь умственный капиталъ Поливія, изъ какихъ элементовъ и подъ какими вліяніями сложилось его міровоззрѣніе; „этимъ путемъ мы получаемъ картину литературно-научнаго вкуса, или даже всей духовной жизни той эпохи", узнаемъ, поскольку „въ умахъ ея отражались созданія того времени, когда еллины жили полной жизнью" [4]). Исторія греч. философской мысли также обогатилась за послѣднее время нѣкоторыми обстоятельными изслѣдованіями [5]). Превосходна Geschichte der wissensch. Erdkunde der Griechen, 2-й томъ которой вышелъ въ этомъ году. P. Girard даетъ увлекательно-написанную, обстоятельную исторію аѳинскаго воспитанія въ V—IV ст.; онъ поль-

---

[1]) *E. Rohde,* Psyche. I. Hälfte. Freiburg i. B. 1890. (Роде обладаетъ рѣдкою способностью соединять обстоятельность содержанія съ живостью изложенія; всѣмъ извѣстна его книга о греческомъ романѣ). Ср. Meuss, Vorstell. üb. Gotth. u. Schiksal (*N. Jahrbbf. Ph.*, CXXXIX. 1889, S. 445 ff) u. vom Dasein nach dem Tode (*ibid.*, 601 ff) bei d. att Rednern. Ein Beitr. z. Gesch. d. gr. Volksreligion. Daniel, A future life as repr. bey the Greek traged. (развитіе трансцендентализма у трагиковъ), *Claes. Rev.* IV, 1890, 81—95.

[2]) A. Marx, griech. Märchen v. dankbar. Tieren u. Verwandtes. Stuttg. 1889. „Все античное знаніе, поскольку оно не спекулятивно, (говоритъ Marx) проникнуто легендами и сказками; то же слѣдуетъ сказать относительно естеств. исторіи, въ частности зоологіи". *Martin.* Stud. auf d. Geb. d. griech. Sprüchwortes, Pl. 1889; о греч. загадкахъ—ст. Дестуниса въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1890, № 7, с. 66 сл.

[3]) *Couat,* Aristophane et l'ancienne comédie. Paris. 1889. Любопытны здѣсь главы о современныхъ государственныхъ людяхъ, философахъ и поэтахъ (pp. 128—186; 267—355) дополненіемъ къ труду Couat можетъ служить ст. Haley, The social a. domestic posit. of women in Aristoph., въ *Havard Stud. of class. Phil.* I, 1890, p. 159—186, такъ какъ Couat не касается этого вопроса. Любопытна дисс. *Steiger,* Die Eigennamen in d. att. Komödie, Erl. 1888. Здѣсь, кстати укажемъ еще *Dürrbach,* L'orateur Lycurge, Et. hist. et litt. Paris. 1890.

[4]) R. *v. Scala,* Die Studien des Polybios. I. Stuttg. 1890. Въ этомъ I томѣ Scala слѣдитъ вліяніе родины на Поливія и разбираетъ отношеніе его къ поэзіи и философіи.

[5]) Сочиненіе *Dümmler'a,* Akademika, Giessen. 1889, указываетъ отношенія Платона къ Сократу (любопытны также Anh. II u. III); интересны статьи Chiappelli, Per la storia della sofistica greca, въ Arch. f. Gesch. d. Philossophie, 1890, III, 1—21 u. 240—274. Замѣчательна по широтѣ и жизненности взгляда книга *P. Tannery,* Pour l'histoire de la science hellène. De Thalès à Empédocle Paris. 1887. *Windelband*, Gesch. d. Philos. I. Freib. 1890, дѣлаетъ новую попытку построенія исторіи гр. философіи.

зуется не только литературными и епиграфическими данными, но и художественными изображеніями [1])...

Моей задачей не было изображеніе всего роста дисциплины древне-греческой исторіи; я отмѣтилъ лишь самое существенное, ограничиваясь по возможности двумя послѣдними годами (1889—90). Но уже изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ надѣюсь, видно, какъ благотворно оживилось изученіе древне-еллинской исторіи, благодаря открытію новыхъ данныхъ, благодаря отрѣшенію отъ механической и ходульной точки зрѣнія. Новая наука низвела античныхъ грековъ съ ихъ пьедестала, и классическія статуи стали живыми людьми, знакомство съ жизнью которыхъ дастъ, конечно, не одно только эстетическое удовольствіе...

---

[1]) *P. Girard,* L' éducation Athén. au V et au IV s. Paris. 1889.

Обзоръ современнаго состоянія польской исторіографіи.

А. И. Павинскаго.

Лѣтомъ нынѣшняго (1890) года, въ іюлѣ мѣсяцѣ, происходилъ во Львовѣ съѣздъ польскихъ историковъ. Съѣздъ этотъ былъ организованъ львовскимъ Историческимъ Обществомъ, которое учреждено недавно, года четыре тому назадъ, и которое издаетъ спеціальный историческій журналъ, посвященный по преимуществу критикѣ трудовъ, являющихся въ области польскаго дѣеписанія. Два эти явленія— съѣздъ историковъ, а также существованіе научнаго органа Историческаго Общества составляютъ весьма удобную точку отправленія для референта, цѣль котораго представить бѣглый очеркъ движенія, господствующаго въ современной польской исторіографіи. Въ спеціальномъ журналѣ отражаются какъ нельзя лучше научныя требованія по отношенію къ являющимся въ данной области сочиненіямъ, на съѣздахъ же подводятся итоги всему сдѣланному за послѣднее время и подвергаются совмѣстному обсужденію общіе вопросы, касающіеся дальнѣйшей разработки необслѣдованныхъ еще предметовъ, нерѣшенныхъ еще задачъ, поставленныхъ на очередь вслѣдствіе замѣченныхъ въ литературѣ пробѣловъ или недостатковъ. Въ виду такихъ двухъ явленій и представляется возможность охарактеризовать направленіе пройденнаго уже пути, опредѣлить результаты достигнутые въ данный моментъ времени, а также познакомиться съ тѣми цѣлями, которыя намѣчены для трудовъ и изслѣдованій въ ближайшемъ будущемъ.

Фактъ существованія критическаго журнала свидѣтельствуетъ о живой научной дѣятельности, равно какъ объ укоренившемся уже сознаніи въ необходимости контролировать и оцѣнивать происходящее въ данной области движеніе. *Kwartalnik historyczny*, издаваемый львовскимъ Историческимъ Обществомъ каждые три мѣсяца (четыре

книги въ годъ) пустилъ уже глубокіе корни и получилъ твердое и прочное основаніе. Онъ вступилъ въ четвертый годъ своего существованія, снискалъ себѣ много сотрудниковъ, не мало подписчиковъ и сдѣлался авторитетнымъ органомъ исторической критики. Отъ французскихъ Revue historique или Revue des Questions Historiques, отъ зибелевой Historische Zeitschrift и отъ другихъ нѣмецкихъ, англійскихъ или вообще западно-европейскихъ журналовъ *Kwartalnik* отличается тѣмъ, что въ немъ отводится немного мѣста статьямъ и изслѣдованіямъ, а помѣщаются главнымъ образомъ критическіе разборы и рецензіи всѣхъ сочиненій и трудовъ, являющихся по польской исторіи въ польской, русской или вообще въ мѣстной и заграничной литературѣ. Программа его довольно обширна, ибо онъ обнимаетъ не одну только исторію въ тѣсномъ значеніи этого слова, а вообще все прошлое: доисторическую археологію, исторію права, исторію литературы, искусства, равно какъ нумизматику, сфрагистику и пр. Этою централизаціею объясняется отчасти успѣхъ журнала, существованіе котораго обезпечено вслѣдствіе достаточнаго числа подписчиковъ. Но не въ одномъ этомъ заключается польза, происходящая отъ подобнаго рода расширенной программы. Такая централизація имѣетъ еще ту хорошую сторону, что она постоянно напоминаетъ читателямъ журнала о тѣсной связи всѣхъ историческихъ явленій, а также о необходимости соединять узкую спеціальность съ всестороннимъ знаніемъ въ области извѣстнаго историческаго цѣлаго. Львовскій историческій журналъ хотя и помѣщаетъ небольшія статьи въ родѣ самостоятельныхъ изслѣдованій, но не считаетъ этого (по моему, совершенно справедливо) своею настоящею и главною задачею. Онъ слѣдитъ преимущественно за современнымъ движеніемъ въ литературѣ и подвергаетъ критическому разбору всѣ явленія, входящія въ его широкую программу. Число сотрудниковъ довольно значительно и разнообразно. Они набираются не изъ однихъ лишь членовъ Историческаго Общества, а изъ разныхъ группъ, изъ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ научныхъ центровъ, такъ что нельзя упрекнуть редакцію въ какой-либо односторонней исключительности направленія взглядовъ или идей. Много сотрудничаютъ, конечно, члены львовскаго Историческаго Общества, мѣстныя, такъ сказать, силы, выработавшіяся и воспитавшіяся подъ руководствомъ профессора Лиске, въ теченіе его 20-ти-лѣтней дѣятельности въ качествѣ университетскаго преподавателя и руководителя историческаго, семинарія при Львовскомъ университетѣ: журналъ и издается по почину и подъ редакціею самого же профессора. Критическія статьи, которыя въ немъ помѣщаются, отличаются по большей части безпристрастіемъ и основательностью анализа. Многіе разборы, по добросовѣстному и глубокому изученію предмета, могутъ быть признаны

настоящими и самостоятельными изслѣдованіями. Вообще въ критикахъ *Kwartalnik*'а обнаруживается ясное сознаніе требованій строго-научнаго историческаго метода, особенно относительно технической, такъ сказать, стороны дѣеписательскихъ работъ. Но иногда встрѣчаются, вмѣсто основательныхъ разборовъ, только обыкновенныя рецензіи, въ которыхъ передается содержаніе сочиненія и указывается на главныя въ немъ положенія или на достигнутые авторомъ результаты. Конечно, это можно объяснить себѣ недостакомъ наличныхъ силъ по спеціальному предмету, къ которому относится то или другое вновь появившееся сочиненіе.

Эта случайная неравномѣрность, отражающаяся въ отчетахъ, рецензіяхъ и критикахъ, почти неизбѣжна. Однако же, и на счетъ рецензій существуютъ извѣстныя требованія. Между тѣмъ бываютъ въ *Kwartalnik*'ѣ такіе единичные случаи, что просто приводятъ читателя въ недоумѣніе. Такое, напр., смутное и спутанное поверхностное фразерство, которое обнаруживается въ рецензіи на 10 страницахъ послѣдняго выпуска журнала въ нынѣшнемъ году (Kwart. IV, стр. 790—801) можетъ сбить съ толку неопытнаго адепта исторической науки и послужить поощреніемъ опаснаго всегда диллетантизма у молодыхъ писателей [1]). Въ общемъ, журналъ старается, однако же, и при томъ не безъ успѣха, оберегать интересы науки, содѣйствовать подъему научнаго уровня и высоко держать знамя критики добросовѣстной, истинной и безпристрастной. Рецензіи и разборы печатаются обо всѣхъ книгахъ, которыя касаются польской исторіи, написанныхъ на томъ или другомъ языкѣ. О русскихъ сочиненіяхъ имѣются въ *Kwartalnik*'ѣ всегда болѣе или менѣе обстоятельныя оцѣнки. Книгамъ профессоровъ Карѣева и Любовича посвящаются иногда весьма подробные, обширные разборы.

Львовское Историческое Общество, оказавшее несомнѣнно значительныя услуги польской образованности, создавъ въ своемъ научномъ органѣ центръ исторической критики, взяло на себя въ нынѣшнемъ году новый трудъ, именно по устройству съѣзда польскихъ историковъ. Усилія Общества были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ: съѣздъ состоялся во Львовѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1890 года. Предварительный комитетъ по устройству съѣзда состоялъ исключительно изъ мѣстныхъ членовъ Историческаго Общества. Чтобы заручиться успѣхомъ, избѣгнуть на съѣздѣ поверхностнаго многословія, были приняты нѣкоторыя своеобразныя мѣры. Члены съѣзда, изъявившіе желаніе принять въ немъ участіе, должны были заранѣе, за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія съѣзда, прислать ученому комитету свои письменные рефераты, ко-

---

[1]) Рецензія J. B. Antoniewicz'а на сочиненіе Лозинскаго. См. ниже.

торые, по одобреніи ихъ, печатались въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ. Напечатанные рефераты были посылаемы всѣмъ членамъ предполагаемаго съѣзда, чтобы дать имъ возможность подготовиться къ основательнымъ, обдуманнымъ возраженіямъ, или, по крайней мѣрѣ, слѣдить болѣе сознательно за ходомъ преній, которыя должны были быть возбуждены оффиціальнымъ оппонентомъ или по-референтомъ, назначеннымъ для каждаго письменнаго реферата. Такъ какъ словесныя предложенія или сообщенія были совершенно исключены изъ програмы предполагавшагося съѣзда, всѣ же письменные рефераты должны были быть заранѣе напечатаны, то при такомъ устройствѣ не могло быть никакихъ неожиданностей, никакихъ импровизированныхъ предложеній. По напечатаніи всѣхъ рефератовъ, ученому комитету, организовавшему съѣздъ, равно какъ членамъ, получившимъ заранѣе напечатанныя статьи, было уже напередъ извѣстно, въ какомъ направленіи и по какимъ предметамъ будутъ на съѣздѣ происходить пренія. Подобнаго рода устройство съѣзда, съ необходимою при этомъ, довольно сложною процедурою, можетъ иногда повліять охлаждающимъ образомъ на такихъ членовъ, у которыхъ такая mise en scène отниметъ охоту отправиться на словесное состязаніе, на ученый диспутъ; но оно имѣетъ тоже и хорошія стороны. Главное удобство такой организаціи состоитъ въ томъ, что заранѣе можно заручиться извѣстнымъ успѣхомъ съѣзда и предохранить пренія и бесѣды на немъ отъ мелочности, фразерства и дилеттантизма. Предварительный комитетъ по устройству съѣзда, повидимому, предпочелъ расчитывать болѣе на скромный, но вѣрный и положительный успѣхъ, чѣмъ на блестящій эффектъ ораторовъ, сочиняющихъ свои рѣчи и сообщенія exprоmtu.

Предварительный комитетъ не выработалъ, къ сожалѣнію, для съѣзда болѣе обстоятельной програмы. Онъ не указалъ на такіе вопросы, по которымъ было бы желательно получить обстоятельные рефераты. Онъ самъ не подвелъ общихъ итоговъ и не намѣтилъ спеціально тѣхъ цѣлей, которыя должна себѣ ставить современная польская исторіографія. Программа предполагавшагося съѣзда не остановилась на какихъ-либо главныхъ предметахъ: она въ общихъ чертахъ только намекала на то, что съѣздъ обратитъ вниманіе на синтезъ польской исторіи, въ которомъ должны будутъ отразиться результаты изслѣдованій за послѣднее время оживленія польской исторіографіи. Кромѣ того, на очередь былъ поставленъ вопросъ о способахъ изданія исторіографичесикхъ матеріаловъ, необходимыхъ для дальнѣйшей разработки польской исторіи.

Въ предварительный комитетъ поступили разные письменные рефераты въ числѣ 29, изъ которыхъ бо́льшая часть касалась чисто историческихъ предметовъ. Они и были напечатаны и опубликованы

еще до открытія съѣзда въ отдѣльномъ сборникѣ п. з. *Pamiętnik drugiego zjazdu historyków polskich we Lwowie* (*Lwów*. 1890). О ходѣ преній на съѣздѣ пока еще не имѣется оффиціальныхъ отчетовъ. Они будутъ напечатаны въ скоромъ времени. Нынѣ у насъ подъ руками лишь два отчета, составленные частнымъ образомъ лицами, принимавшими участіе въ съѣздѣ. На основаніи этихъ матеріаловъ, мы имѣемъ возможность охарактеризовать родъ вопросовъ, которые подвергались на съѣздѣ совмѣстному обсужденію [1]).

Выдающаяся черта научнаго движенія въ польской исторіографіи за послѣднее время, именно за 20 лѣтъ—это издательская дѣятельность на поприщѣ публикаціи историческихъ матеріаловъ. Она не прекращается еще въ настоящую минуту; напротивъ, она усиливается изъ года въ годъ, поглощая почти всѣ наличныя научныя силы. Эта особенность и отразилась естественнымъ образомъ на рефератахъ, которые были присланы на съѣздъ, она и обусловила собою характеръ сообщеній, которыя въ большинствѣ случаевъ были посвящены вопросамъ по приведенію въ извѣстность историческаго матеріала, хранящагося еще въ мѣстныхъ и заграничныхъ библіотекахъ и архивахъ. Многое сдѣлано уже въ этомъ отношеніи за послѣднее время, но тѣмъ не менѣе всѣми ощущается крайняя необходимость выводить на свѣтъ какъ можно больше источниковъ всякаго рода. Въ этомъ вполнѣ справедливомъ желаніи ясно сказывается сознаніе потребности воспроизводить прошлое на твердомъ, незыблемомъ основаніи. Почти у всѣхъ современныхъ польскихъ историковъ замѣчается отсутствіе наклонности къ обобщеніямъ, къ разработкѣ болѣе широкихъ вопросовъ, правильное рѣшеніе которыхъ поставлено въ зависимость отъ приведенія въ извѣстность разнообразнаго, пока еще неизслѣдованнаго матеріала. Въ одномъ изъ рефератовъ высказано по этому поводу замѣчаніе профессоромъ Кубалею, что источники, что историческій матеріалъ творятъ и создаютъ историковъ, или говоря иначе, что наличностью извѣстнаго матеріала вызывается дѣятельность ученыхъ. Если недостаетъ матеріала, то и зодчихъ быть не можетъ. Но съ другой стороны, раздавались и голоса членовъ съѣзда, настаивавшихъ на томъ, что слѣдовало бы уже историкамъ заняться синтетическими работами, по воспроизведенію отдѣльныхъ эпохъ, отдѣльныхъ періодовъ или извѣстныхъ группъ явленій въ области политики, внутренняго устройства, общественнаго развитія и пр.

И эти послѣднія требованія тоже небезосновательны, но осу-

---

[1]) Отчетъ Корзона въ *Ateneum*. Варшава. Сентябрьская книжка. Отчетъ E. G. въ *Biblioteka Warszawska*. Ноябрьская книжка. Только первая часть отчета.

ществленіе ихъ обусловливается многими обстоятельствами, тормазящими успѣшное развитіе исторической литературы, устраненіе которыхъ зависитъ далеко не отъ одного лишь рѣшенія или постановленія съѣзда. Wo die Koenige bauen, говоритъ Гёте, da haben die Kärrner zu thun. Для царей, для великихъ зодчихъ нужны чернорабочіе, но чернорабочихъ пріискать гораздо легче, чѣмъ найти способныхъ архитекторовъ. Историческіе семинаріи, существующіе при университетахъ въ Краковѣ и во Львовѣ, руководимые опытными профессорами, подготовляютъ молодыхъ историковъ, даютъ ихъ занятіямъ направленіе, знакомятъ ихъ вообще съ требованіями историческаго метода. Молодые историки получаютъ извѣстную дрессировку, они пріобрѣтаютъ умѣнье обращаться съ источниками. Но школа, практическія упражненія въ историческихъ семинаріяхъ, хотя бы образцовыхъ, какіе имѣются въ Германіи, не въ состояніи создать таланты или, по крайней мѣрѣ, не въ состояніи снабдить членовъ семинаріевъ тѣми обширными и глубокими познаніями, которыя необходимы при рѣшеніи высшихъ задачъ исторической науки. Умственныя силы созрѣваютъ медленно. Ихъ ростъ подчиняется общему закону развитія. Таланты сами преодолѣваютъ трудности. Способные писатели являются въ одно и то же время зодчими и каменщиками, особенно въ области новой исторіи, чему лучшій примѣръ— Леопольдъ Ранке, не выжидавшій того момента, когда наконецъ будутъ опубликованы всѣ матеріалы, хранящіеся во всѣхъ европейскихъ архивахъ.

Такъ и вышло, что на львовскомъ съѣздѣ нынѣшняго года, по примѣру перваго съѣзда, состоявшагося въ Краковѣ въ 1880 году занимались почти исключительно вопросами объ организаціи издательской дѣятельности въ ближайшемъ будущемъ. Были подведены итоги всему уже сдѣланному въ этомъ отношеніи, а также были указаны тѣ пробѣлы, которые слѣдовало бы восполнить приведеніемъ въ извѣстность заключающагося въ архивахъ историческаго матеріала. По исторіи средневѣковой Польши, дѣйствительно, опубликовано очень много источниковъ, документовъ, грамотъ, особенно за первый ея періодъ—пястовскій—по 1386 г. Едва ли можно ожидать, чтобы новыми открытіями историческаго матеріала обогатилась эта область. Значитъ, поле расчищено, камни обдѣланы, а между тѣмъ пока еще никто не взялся написать полную картину и освѣтить ее свѣтомъ новѣйшихъ результатовъ, изслѣдованій по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ, никто не счелъ себя настолько подготовленнымъ, чтобы сдѣлать то, что сдѣлалъ лѣтъ 50 тому назадъ Roepell, изложившій въ своей Geschichte Polens исторію Польши до конца XIII ст. Сочиненіе нѣмецкаго историка можно, конечно, считать устарѣвшимъ по многимъ

вопросамъ. За послѣднее время подверглись переработкѣ основные предметы политическаго и общественнаго устройства Польши, а между тѣмъ когда приходится указать на какой-либо общій научный опытъ по первоначальной исторіи Польши, то всегда ставится на первый планъ сочиненіе нѣмецкое 40-хъ годовъ. Въ подобномъ положеніи находится и вопросъ относительно исторической литературы по XIV столѣтію и по началу XV вѣка (по 1430). И за этотъ періодъ богатство матеріала, если не исчерпано, то по меньшей мѣрѣ довольно уже значительно. А между тѣмъ континуаторъ Репелля проф. Саго, вздавшій въ 1888 году пятый томъ своего нѣмецкаго труда по исторіи Польши, доведенной имъ до 1506 г., остается пока единственнымъ авторомъ, изложившимъ полную, научную картину историческаго развитія Польши въ XIV и XV вѣкахъ. Изъ польскихъ историковъ никто еще не взялся оспаривать пальму первенства у профессора бреславльскаго университета. Въ одномъ изъ рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ, настаивалъ проф. крак. унив. Левицкій на необходимости собрать матеріалы и изслѣдовать обстоятельно отдѣльные вопросы за періодъ времени отъ 1430 по 1506 г. И это было кстати, такъ какъ внутреннее развитіе Польши, вступающей въ фазисъ сеймоваго и сеймиковаго устройства, нуждается въ подробномъ анализѣ элементовъ и обстоятельствъ, при которыхъ такъ быстро совершилась одна изъ самыхъ важныхъ эволюцій государственнаго и общественнаго организма въ Польшѣ. На недостатокъ опубликованныхъ по XVI столѣтію матеріаловъ менѣе жаловались члены съѣзда, но за то заявляли (проф. Кубаля) желаніе, чтобы Академія Наукъ въ Краковѣ, въ которой сосредоточивается главнымъ образомъ издательская дѣятельность, обратила вниманіе на пополненіе источниковъ по XVII вѣку, почти заброшенному, крайне мало обслѣдованному. О XVIII столѣтіи почти не говорилось. Цѣлые клады хранятся въ архивахъ, свойство же этого матеріала,—дипломатическаго въ заграничныхъ, административнаго въ мѣстныхъ—по обширности и по другимъ причинамъ тормазитъ свободное развитіе дѣла публикаціи. Такъ и выходитъ, что современная дѣятельность, зародившаяся лѣтъ какихъ-нибудь двадцать тому назадъ или собственно со времени учрежденія Академіи Наукъ въ Краковѣ въ 1873 году, и будетъ сосредоточиваться все еще на трудахъ, направленныхъ къ созданію самаго широкаго операціоннаго базиса. Центростремительная сила издательской дѣятельности исчерпалась далеко еще не вся: она, на сколько можно предвидѣть, на долго сохранитъ свое прежнее напряженіе. Указывая на этотъ выдающійся признакъ современной научной дѣятельности въ польской исторіографіи, нельзя не отмѣтить и то, что на внутреннее развитіе въ прошломъ обращается теперь особенное вниманіе, что ему дается предпочтеніе передъ внѣшнею исторіею дипло-

матическихъ сношеній и пр. Въ глубоко обдуманномъ рефератѣ Виндакевича намѣчена необходимость разработки исторіи образованія въ средневѣковой Польшѣ [1]), въ рефератѣ проф. Соколовскаго указана важность исторіи торговли въ Польшѣ [2]), Семковичъ затронулъ вопросъ объ исторіи городовъ, особенно же исторіи города Львова на основаніи имѣющихся въ городскомъ архивѣ актовъ. Вообще, насколько можно оріентироваться по даннымъ, которыя заключаются въ печатномъ сборникѣ рефератовъ съѣзда, пунктъ тяжести преній, замѣчаній и дезидератовъ находился въ области организаціи будущей дѣятельности по изданію матеріаловъ.

При такомъ направленіи умовъ, при такомъ предрасположеніи наличныхъ силъ съѣзда, рефераты болѣе общаго содержанія, затрогивавшіе существенные, принципіальные вопросы исторической науки, не находили для себя благодарной почвы и отзывчивости. Только Корзонъ предложилъ на обсужденіе съѣзда интересную тэму п. з. „Ошибки или недостатки нашей исторіографіи въ воспроизведеніи исторіи Польши.“ [3])

Предметомъ его критическихъ замѣчаній сдѣлались именно сочиненія нѣкоторыхъ ученыхъ, дѣйствовавшихъ еще недавно въ Краковѣ или нынѣ еще дѣйствующихъ (Валевскій † 1872, Шуйскій † 1883, Калинка † 1887, Бобржинскій и др.), образовавшихъ якобы такъ называемую „краковскую школу“. Референтъ упрекаетъ эту группу писателей въ томъ, что они извращаютъ смыслъ исторической науки, не понимая ея настоящаго значенія. Они обращаютъ-де исторію въ прислужницу морали, религіи, политики, они-де вносятъ въ нее много субъективизма, и все прошлое Польши излагается-де съ ихъ узкой точки зрѣнія, пріурочивается къ требованіямъ мѣстныхъ, провинціальныхъ или временныхъ, мѣняющихся интересовъ. Личными симпатіями или антипатіями автора обусловливаются-де его взгляды на политическіе, общественные и религіозные вопросы далекаго прошлаго. Референтъ настаивалъ на томъ, чтобы съѣздъ осудилъ подобнаго рода насилованіе исторіи... Съѣздъ уклонился отъ произнесенія приговора, не признавъ себя компетентнымъ высказывать по этому поводу какое-либо собирательное мнѣніе на основаніи голосованія, именно въ виду того, что таковое постановленіе никакой обязательной силы имѣть не можетъ. Что касается такъ называемой „краковской школы“, то

---

[1]) Windakiewicz. Znaczenie szkół i uniwersytetów dla oswiaty i literatury łacinskiej w Polsce.

[2]) Maryan Sokołowski. Oznaczeniu i potrzebie badań nad historyą handlu w Polsce.

[3]) T. Korzon. Błędy historyografii naszej w budowaniu dziejów polskich.

по обязанности референта, желающаго дать краткій очеркъ современнаго польскаго дѣеписанія, намъ слѣдовало бы познакомить читателей съ направленіемъ ея, съ ея особенностями и признаками. Но на съѣздѣ же проф. Бальцеръ взялся доказать, что вообще краковской школы не существуетъ, что не имѣется никакого основанія приводить къ одному знаменателю авторовъ, изъ которыхъ каждый отличался своею индивидуальностью, и что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ случая стать во главѣ извѣстнаго числа учениковъ, воспитанниковъ и подражателей. Въ засѣданіи, въ которомъ филиппика Корзона встрѣтила возраженіе, присутствовалъ, на сколько намъ извѣстно, также проф. Бобржинскій, одинъ изъ предполагаемыхъ гегемоновъ названной школы. Въ виду заявленія, сдѣланнаго оппонентомъ отъ имени краковскихъ ученыхъ, что они не образовали и не образуютъ особой группы съ извѣстными признаками, т. е. какой-либо самостоятельной отдѣльной школы, можно не останавливаться на этомъ предметѣ. Volenti non fit injuria. Но если филиппика Корзона дѣйствительно лишена фактическаго основанія, если тѣ, противъ которыхъ она была направлена, сами не признаютъ за собою чести, что они составили и образовали якобы школу, если они отпираются отъ этого, то фактъ, однакоже, остается фактомъ, давшимъ поводъ высказаться на счетъ замѣченныхъ Корзономъ недостатковъ и погрѣшностей въ реконструкціи прошлаго Польши. Между прочимъ, указывается на такіе недостатки, которые—будь они вѣрно подмѣчены—могли бы дѣйствительно служить иллюстраціею современнаго состоянія польской историографіи. Въ нашей бѣглой характеристикѣ не упомянуть о нихъ нельзя. Въ чемъ же, спрашивается, состоятъ, по мнѣнію Корзона, эти промахи и недостатки? Во-первыхъ, въ томъ, что въ польской исторіографіи почти не разрабатываются существенные, основные вопросы по теоріи исторіи, по исторіографіи, по методологіи или вообще вопросы изъ той области, которая проливаетъ свѣтъ на суть и конечныя цѣли историческаго творчества. Во-вторыхъ, дурно отзывается на трудахъ по общей исторіи Польши слабое знаніе всеобщей исторіи. И тотъ, и другой упрекъ, кажется, не лишены основанія. Теоретическими вопросами занимаются польскіе историки, дѣйствительно очень немного. Изрѣдка лишь являются, не то что сочиненія, а просто статьи по теоріи исторіи. На этомъ поприщѣ почти не существуетъ движенія, это совершенно заброшенное, запустѣвшее поле. Что касается до всеобщей исторіи, то незнаніе ея, если въ чемъможно иногда обличить того или другого автора, не настолько обще, чтобы эта черта дѣйствительно составляла такой ужасающій недостатокъ, на который приходится обращать даже вниманіе цѣлаго съѣзда ученыхъ историковъ. Вообще никто не станетъ возражать противъ требова-

нія, чтобы историки} вездѣ, чѣмъ бы они ни занимались, польскіе историки, равно какъ французскіе, русскіе наравнѣ съ нѣмецкими, соединяли бы свою узкую спеціальность съ основательнымъ теоретическимъ знаніемъ и съ тѣми обширными по всеобщей исторіи познаніями, которыя составляютъ существенный элементъ историческаго образованія. Но это вопросъ, касающійся уже организаціи учебнаго плана въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ. Спеціализація, вызывающая подобнаго рода недостатки, есть впрочемъ явленіе не мѣстное, а общее, которое можно наблюдать во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Наставленіе, данное историкамъ Корзономъ о необходимости воспроизводить прошлое Польши sine ira et studio, безъ заднихъмыслей, безъ примѣненія къ господствующему направленію и къ политическимъ условіямъ, безъ пріурочиванія ея къ интересамъ извѣстной партіи, ad usum Delphini, хотя и вызвало, на сколько извѣстно, весьма оживленныя пренія, но тѣмъ не менѣе, какъ выраженіе неоспоримыхъ и основательныхъ требованій, сознаваемыхъ всѣми, оно осталось въ области благочестивыхъ желаній. Оно не совпадало съ настроеніемъ мысли большинства „спеціалистовъ“. Спеціалисты, которыхъ было довольно много на съѣздѣ, такими общими вопросами не задаются. Великихъ же зодчихъ, мастеровъ, которые пишутъ широкія картины изъ исторіи Польши за цѣлое время ея существованія или за отдѣльныя эпохи, не оказалось. Въ засѣданіяхъ съѣзда участвовалъ, впрочемъ, одинъ историкъ, котораго могла непосредственно коснуться филиппика Корзона—это проф. Бобржинскій, извѣстный авторъ руководства по исторіи Польши, оставившій нынѣ ученую дѣятельность профессора при краковскомъ университетѣ и перешедшій во Львовъ на высокій постъ вице-предсѣдателя Училищнаго Совѣта въ Галиціи. Его сочиненіе по польской исторіи, хорошо извѣстное русскому читателю въ переводѣ, явившемся подъ редакціею проф. Н. И. Карѣева, есть единственное почти руководство, которое составлено на основаніи результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій. Третьимъ изданіемъ оно появилось въ 1887 году и притомъ лишь первая его часть, доведенная до конца XV столѣтія. Второй половины своего труда авторъ не успѣлъ еще передѣлать, ибо, по видимому, онъ призналъ нужнымъ многое прибавить и измѣнить противъ прежняго, т.-е. второго изданія, напечатаннаго лѣтъ десять тому назадъ. Вторымъ тоже изданіемъ явился учебникъ польской исторіи Шуйскаго (въ Варшавѣ въ 1889 г.), конечно, за смертью автора (1883) въ неизмѣненномъ прежнемъ видѣ.

На съѣздѣ было обращено вниманіе на то, что оба руководства при всѣхъ ихъ достоинствахъ не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ. Были даже предложены мѣры съ цѣлью облегчить работу по общей исторіи Польши, составленіемъ особаго рода обзоровъ по от-

дѣльнымъ эпохамъ или царствованіямъ. Но фактъ остается фактомъ. Ощущается крайняя необходимость имѣть подъ рукою полный, строго научный учебникъ по польской исторіи, который превышалъ бы своими достоинствами книги Шуйскаго и Бобржинскаго, а между тѣмъ въ средѣ наличныхъ „спеціалистовъ", кажется, нѣтъ писателя, который рѣшился бы вступить на это благодарное поле, не смотря на то, что вѣдь постоянно и ежегодно читаются профессорами общіе университетскіе курсы въ Краковѣ и во Львовѣ. Видно, что легче быть спеціалистомъ, чѣмъ универсалистомъ. Спеціалисты—это труженики, чернорабочіе и въ нихъ нигдѣ не ощущается недостатка. Мастеровъ же вообще мало и не въ одной лишь польской литературѣ. Не богаты ими и другія литературы. Какъ-то рѣдко звѣзды первой величины являются въ наше время на блѣдномъ фонѣ европейской исторіографіи.

Пора, однакоже, оставить область дезидератовъ и недостатковъ. Обратимся къ характеристикѣ положительныхъ результатовъ, того, что имѣется нынѣ на лицо, въ чемъ обнаруживается современная дѣятельность и производительность польскихъ ученыхъ. На очереди поставлены вопросы изъ области политической и общественной организаціи. Исторіею внѣшнихъ сношеній, какъ это было замѣчено выше, исторіею военныхъ походовъ и завоеваній мало интересуются теперешніе историки. Научныя стремленія, которыми воодушевлено новѣйшее поколѣніе, направлены на поприще внутренней исторіи съ цѣлью разъясненія фазисовъ общественной эволюціи. Ежегодно являются болѣе или менѣе обширныя монографіи, въ которыхъ изслѣдуются частные вопросы. Многіе изъ вопросовъ являются изолированными. Взаимной связи между ними еще не замѣчается. Они не примыкаютъ прямо и непосредственно другъ къ другу. Пока они сосредоточиваются на средневѣковой исторіи Польши. Изслѣдованія въ видѣ монографій получаютъ нынѣ глубокое обоснованіе, благодаря цѣлому ряду сборниковъ средневѣковыхъ грамотъ, опубликованныхъ за послѣднее время Краковскою Академіею Наукъ. Съ глубиною обоснованія соединяется тонкость и мѣткость критическаго анализа. Одною изъ первыхъ работъ, которая дала толчекъ къ разработкѣ вопросовъ по внутренней исторіи Польши въ періодъ Пястовъ, явилось сочиненіе проф. крак. университета Станислава Смольки, въ которомъ обнаружились блестящимъ образомъ его обширныя познанія, правильное толкованіе источниковъ, мѣткость взгляда, а также перворазрядный писательскій талантъ. Книга явилась въ 1881 году подъ заглавіемъ „Mieszko Stary i jego wiek". Это собственно исторія Польши и ея внутреннихъ отношеній въ исходѣ XII столѣтія. Она пролила весьма яркій свѣтъ на предметъ, тогда еще мало обслѣдованный въ той совокуп-

ности явленій, въ какой онъ изложенъ Смолькою. Вслѣдъ за тѣмъ былъ возбужденъ вопросъ о первоначальномъ составѣ и развитіи государственнаго и общественнаго строя Польши, рѣшить который попытались проф. Бобржинскій, Пѣкосинскій и, конечно, самъ Смолька. Разногласія, обнаружившіяся по этому поводу между тремя названными учеными, высказанныя въ засѣданіяхъ Краковской Академіи Наукъ, заставили диспутантовъ письменно изложить свои взгляды и привести доказательства [1]). Главною осью, около которой вращались споры, сдѣлался вопросъ о возникновеніи благороднаго или рыцарскаго сословія, т. е. такъ называемой шляхты. Пѣкосинскій, отличающійся необыкновенною проницательностью ума, далъ совершенно новое и неожиданное освѣщеніе возбужденному вопросу о происхожденіи польской шляхты. Два его противника вращались въ заколдованномъ кругѣ грамотъ и лѣтописныхъ данныхъ XI и XII столѣтій, тогда какъ Пѣкосинскій вооружился другимъ еще матеріаломъ, который онъ употребилъ въ дѣло въ спорѣ съ своими оппонентами. Онъ перенесъ вопросъ на такое поле, на которомъ, за незнакомствомъ съ почвою, не могли дѣйствовать его противники. Онъ запасся свѣдѣніями изъ геральдики и сфрагистики, которыми, впрочемъ, онъ давно уже до того обладалъ, какъ авторитетный спеціалистъ, и высказалъ смѣлую гипотезу о скандинавско-руническихъ элементахъ въ польскихъ гербахъ, занесенныхъ въ Польшу въ IX ст. переселившимися сюда династами полабскихъ Славянъ. Эти отпрыски княжескихъ родовъ соплеменнаго народа сдѣлались якобы родоначальниками польскаго рыцарскаго сословія, или такъ называемой шляхты. Противники Пѣкосинскаго должны были, конечно, признать себя некомпетентными по вопросу о рунологіи. Они возражали, но у нихъ не было твердой почвы подъ ногами. Такъ и прекратился споръ изъ-за „генезиса польскаго общества“ Смолька и Бобржинскій считали предметъ исчерпаннымъ, Пѣкосинскій же рѣшился продолжать свои изслѣдованія, чтобы глубже обосновать свою гипотезу. И вотъ въ 1888 г. явилось его сочиненіе п. з. „О династическомъ происхожденіи польской шляхты“, въ которомъ авторъ развилъ свою первоначальную мысль, обставилъ гипотезу новыми данными, подкрѣпилъ ее широкими рунологическими доводами и съ помощью графическихъ знаковъ старался наглядно показать, какое сходство существуетъ между руническимъ алфавитомъ и знаками, встрѣчаемыми на древнѣйшихъ печатяхъ польской шляхты въ XIII и XIV столѣ-

[1]) Rozprawy i Sprawozdania z posiedzień wydziału hist.-fil. Akad. um. T. XIV, 1881. (Разсужденія и протоколы засѣданій ист.-фил. отдѣленія Акад. Наукъ). Цѣлый томъ посвященъ этому вопросу. Въ немъ помѣщены три статьи названныхъ членовъ Академіи.

тіяхъ. Пользуясь этими указаніями, Пѣкосинскій сталъ доискиваться связи гербовъ съ рунами и, чтобы объяснить, какимъ образомъ попали руны въ польскую геральдику, онъ придумалъ свою гипотезу о переселеніи въ Польшу въ началѣ ея существованія извѣстнаго числа династовъ полабско-поморскихъ князей, образовавшихъ 15 династій, изъ которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій развилось главное ядро рыцарскаго или шляхтскаго сословія въ Польшѣ[1]). Какъ ни смѣло и невѣроятно предположеніе Пѣкосинскаго относительно этой связи между полабско-поморскими князьями и шляхтою, однакоже оно остроумно обосновано, ибо кстати надо замѣтить, что авторъ принадлежитъ къ лучшимъ знатокамъ польскаго средневѣковья. Онъ составилъ себѣ вполнѣ заслуженную репутацію какъ образцовый издатель многихъ сборниковъ грамотъ.—Съ вопросомъ о происхожденіи польской шляхты тѣсно связаны самые капитальные вопросы по исторіи первоначальной общественной организаціи, особенно военной, составляющей, какъ извѣстно, душу средневѣковаго строя. Благодаря этому обстоятельству сочиненіе Пѣкосинскаго и пріобрѣло въ научной литературѣ такую необыкновенную важность. Оно выдвинуло на первый планъ совершенно новый матеріалъ, заключающійся въ гербахъ, объяснить который и осмыслить эти разныя узорчатыя линіи никто пока еще не рѣшился. Пѣкосинскій впервые заставилъ молчаливаго сфинкса проговорить. Насколько вѣрно рѣшилъ онъ загадку, удалось ли ему сыграть роль Эдипа по отношенію къ польской геральдикѣ—это другой вопросъ, на который отвѣчать здѣсь не станемъ. Прибавимъ только то, что критика была поставлена втупикъ и долго хранила глубокое молчаніе. Первый обстоятельный разборъ явился въ Kwartalnik'ѣ только годъ спустя послѣ изданія книги. Авторъ этой критики г. Лагуна, обладающій весьма тонкимъ аналитическимъ умомъ, указавъ на нѣкоторыя слабыя стороны гипотезы, отнесся къ ней довольно сочувственно, хотя въ общемъ осторожно и со многими оговорками. Другихъ критическихъ разборовъ не вызвало сочиненіе Пѣкосинскаго, но за то оно побудило маститаго ученаго, проф. Малэцкаго, сосредоточиться въ изслѣдованіяхъ по первоначальной исторіи Польши на вопросѣ о возникновеніи шляхты и опубликовать свои «Геральдическія штудіи».

Этотъ двухтомный трудъ хотя и направленъ прямо противъ Пѣкосинскаго, однакоже посвященъ разработкѣ того же вопроса. Малэцкій подходитъ къ задачѣ съ другой стороны: разбирая значеніе названій гербовъ, онъ указываетъ на связь ихъ съ топографическими

[1]) F. Piekosinski. O dynastycznem szlachty polskiej pochodzeniu Krak. 1888.
[2]) Małecki. Studya heraldyczne. 2 тома. Львовъ. 1890.

названіями, сопоставляетъ силезскую и чешскую геральдику съ польскою. Вообще солидными своими изслѣдованіями, опирающимися на твердую почву научныхъ данныхъ, онъ внесъ много вѣрнаго свѣта въ область этого темнаго вопроса. Пѣкосинскій успѣлъ уже написать на сочиненіе Малэцкаго критику, въ которой онъ, главнымъ образомъ, отмѣчаетъ противоположность ихъ взглядовъ [1]). Другихъ обстоятельныхъ разборовъ пока еще не знаемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что придуманная Малэцкимъ система объясненія явленій изъ области геральдики и сфрагистики встрѣтитъ возраженія и со стороны другихъ ученыхъ; быть можетъ, явятся вскорѣ новые самостоятельные труды, ибо случается нерѣдко въ исторіи литературы, что извѣстный предметъ, поставленный на очередь, поглощаетъ долгое время вниманіе ученыхъ: сосредоточенному и всестороннему дѣйствію удастся иногда окончательно преодолѣть всѣ трудности и развязать гордіевъ узелъ. Случится ли такъ съ вопросомъ о происхожденіи польской шляхты—этого предрѣшать не беремся, но несомнѣнно то, что на этотъ путь направятся изслѣдованія въ ближайшемъ будущемъ.

Съ вопросомъ о возникновеніи рыцарскаго сословія тѣсно связаны вопросы о другихъ общественныхъ элементахъ. Нынѣ обращено вниманіе на низшій рыцарскій классъ, такъ наз. владыкъ (włodyki), а также на первоначальный строй польскаго политическаго организма. За послѣднее время оживилось движеніе въ области древне-польскаго права. Послѣ капитальныхъ трудовъ сенатора Губе, безвременно скончавшагося въ нынѣшнемъ году, трудовъ, которыми положено незыблемое основаніе для изслѣдованія правового быта Польши въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, являются по этому же предмету частныя работы, конечно, не на такую широкую ногу, какъ это дѣлалъ Губе, но подвигающія науку впередъ. Ими наполнены по большей части ежегодно печатающіеся труды и отчеты Крак. Акад. Наукъ по историко-философскому отдѣленію, въ которыхъ помѣщаютъ свои труды Бобржинскій, Уляновскій, Даргунъ, Потканскій и пр. Исторія церкви въ Польшѣ, особенно же исторія отношенія духовенства къ государству и къ церкви сдѣлались нынѣ предметомъ тщательныхъ изслѣдованій, благодаря наличности двухъ свѣжихъ научныхъ силъ на каѳедрахъ каноническаго права въ Краковѣ и Львовѣ. Выдающійся своими критическими способностями проф. Абрагамъ направилъ свои штудіи тоже на первоначальную эпоху и нынѣ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе п. з. „Организація церкви въ Польшѣ до половины XII в.“ [2]), въ которомъ удачно

---

[1]) Kwartalnik histor. 1890 III-я книжка.

[2]) Wł. Abraham. Organisacya koscioła w Polsce do połowy wieku XII Lwów. 1890. XII + 259.

рѣшается вопросъ о постепенномъ ходѣ церковной организаціи въ Польшѣ, объ учрежденіи епархій, ясно и систематически излагается привилегированное положеніе церкви и духовенства. Насколько можно предполагать, это только начало труда, задуманнаго въ широкихъ размѣрахъ. За этимъ первымъ опытомъ послѣдуетъ, по всей вѣроятности, исторія церкви въ эпоху удѣловъ въ Польшѣ и расширенія церковнаго иммунитета. Вообще можно сказать, что средневѣковье польское получаетъ все болѣе правильное и всестороннее освѣщеніе. Обиліе опубликованныхъ матеріаловъ отзывается на успѣхахъ систематической работы, изслѣдованія мало по малу примыкаютъ ближе другъ къ другу и даютъ возможность подыматься все выше и выше по лѣстницѣ отдѣльныхъ монографій до синтетическаго взгляда на извѣстное цѣлое—первой эпохи.

Новая исторія, начиная съ XVI столѣтія, разрабатывается далеко не такъ послѣдовательно, что объясняется отчасти широкою ареною политической жизни Польши, разнообразіемъ составныхъ ея частей, богатствомъ многоразличныхъ явленій, а также относительною трудностью въ отыскиваніи необходимаго для историка матеріала. Это послѣднее обстоятельство такъ легко оцѣнить, когда читатель разсматриваетъ прекрасное сочиненіе проф. Любовича по исторіи реформаціи въ Польшѣ. Сколько труда пришлось положить на то, чтобы выяснить «Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ», какъ это сдѣлалъ проф. Любовичъ для приведеннаго только-что своего сочиненія, явившагося въ печати нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [1]). Авторъ долженъ былъ изучать предметъ и не только въ мѣстныхъ, но и въ заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Швейцаріи, въ Голландіи, въ Италіи, особенно же въ Ватиканѣ. На основаніи весьма тщательно собраннаго матеріала представлена исторія возникновенія католической реакціи въ Польшѣ, начиная съ 1564 г., и постепенное ея усиленіе до 1577 г., когда вслѣдствіе принятія на петроковскомъ синодѣ тридентскихъ постановленій, сила реформаціоннаго движенія была сломлена. Трудъ проф. Любовича можно считать весьма важнымъ вкладомъ въ сокровищницу исторической литературы. Богатство новыхъ результатовъ, правильное освѣщеніе предмета, всестороннее его изслѣдованіе составляютъ достоинства замѣчательнаго изслѣдованія, о которомъ польская критика въ лицѣ самаго компетентнаго спеціалиста, проф. Закржевскаго высказалась съ заслуженною вполнѣ похвалою [2]). При затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются на по-

---

[1]) Варшава. 1890, стр. 400. VIII.

[2]) Kwartalnik histor. IV вып. 1890, стр. 779—790.

прищѣ изслѣдованій по новой исторіи вслѣдствіе разбросанности матеріала находящагося въ заграничныхъ архивахъ, подвергается тщательной разработкѣ мѣстный матеріалъ. На XVI столѣтіе проливаетъ яркій свѣтъ изслѣдованіе Яблоновскаго, касающееся двухъ русскихъ воеводствъ, Волынскаго и Подольскаго. Оно напечатано въ видѣ введенія, предпосланнаго опубликованному имъ же матеріалу географическо-статистическому [1]). На основаніи этого матеріала сдѣланы измѣренія поверхности воеводствъ и входящихъ въ ихъ составъ уѣздовъ, представленъ опытъ вычисленія народонаселенія и наконецъ изображены группы земельныхъ владѣній. Съ этой точки зрѣнія получается картина внутренняго быта въ совершенно новомъ видѣ. Эти географическо-статистическія изслѣдованія, примѣненныя уже прежде къ другимъ землямъ и воеводствамъ Рѣчи Посполитой, составляютъ между прочимъ признакъ того стремленія къ научной полнотѣ, которое господствуетъ въ исторіографіи послѣднихъ 20 лѣтъ. Наконецъ еще другая вѣтвь внутренней исторіи зазеленѣла подъ вліяніемъ талантливаго пера Владислава Лозинскаго, который въ двухтомномъ сочиненіи представилъ историческія судьбы города Львова за XVI и XVII столѣтіе, его культурное состояніе, его городской богатый и просвѣщенный патриціатъ [2]). На разнообразномъ, пестромъ фонѣ нѣсколькихъ народностей, жившихъ въ древнемъ Львовѣ, изображена мастерски картина культурнаго быта. На ней рельефно рисуются фигуры львовскихъ патриціевъ. Ихъ богатая обстановка, окружающіе ихъ предметы художества, ихъ утонченныя формы общежитія освѣщаютъ тѣмъ ярче эти мѣщанскіе типы, которые впервые выведены на свѣтъ талантливымъ писателемъ изъ заключенія городскаго архива, изъ разныхъ документовъ, покрытыхъ пылью забвенія. Книга Лозинскаго, вводящая читателя въ область не рыцарской, а городской жизни, пользуется нынѣ, насколько намъ извѣстно, большимъ успѣхомъ. Это—signum temporis,—это тоже черта современной польской исторіографіи, о которой, быть можетъ, мы слишкомъ долго здѣсь распространились.

Варшава. 20 ноября 1890.

---

[1]) Zródła Dziejowe. Warszawa. Tom. XIX. 1889 г.

[2]) Wl. Lozinski. Lwów starożytny. Kartki z historyi sztuki i obyczajów. 1889. 1890. 2 тома.

Новые труды по вопросу о земельной собственности во франкскомъ государствѣ.

С. Л. Степанова.

Fustel de Coulanges. L'alleu et le domaine rural pendant l'époque mérovingienne (Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, III vol.), 1889.—*Glasson*, Les communaux et le domaine rural à l'époque franque, 1890.

Въ концѣ прошлаго года вышелъ посмертный трудъ Фюстеля де-Куланжа „L'alleu et le domaine rural». Это четвертый томъ его замѣчательной «Histoire des institutions politiques de l'ancienne France»; въ настоящее время только-что вышелъ пятый томъ этого изслѣдованія «Les origines du système féodal», въ значительной мѣрѣ, состоящій изъ статей, появлявшихся ранѣе въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Третій томъ «Исторіи политическихъ учрежденій», «La monarchie franque», изданъ въ 1888 году; первыхъ двухъ томовъ, въ которыхъ будутъ подробно разработаны два отдѣла (La Gaule romaine и L'invasion germanique) его первоначальнаго труда по «Исторіи учрежденій древней Франціи“ [1]), до сихъ поръ еще не появлялось. За исключеніемъ пятаго, всѣ томы „Исторіи“ Ф. де-Куланжа весьма тщательно обработаны самимъ авторомъ; блестящій языкъ, стройный планъ, остроумные выводы—отличительныя черты его работы. Однако, критика всегда находила въ нихъ одинъ существенный недостатокъ: тенденціозность, если можно такъ назвать, послѣдовательное проведеніе теоріи о римскомъ характерѣ учрежденій франкскаго государства.

Широко понятая Ф. де-Куланжемъ задача заставила его искать объясненія политическихъ учрежденій въ соціальныхъ условіяхъ вре-

[1]) Вышелъ въ свѣтъ въ 1876 г.

мени, а такъ какъ среди послѣднихъ самымъ важнымъ факторомъ является экономическій строй, то на него-то пришлось знаменитому историку обратить особое вниманіе. Экономическій строй земледѣльческаго государства, какимъ было франкское, больше всего зависитъ отъ способовъ владѣнія и обработки земли; вотъ разъясненію этихъ вопросовъ и посвященъ томъ „объ аллодѣ и сельскомъ помѣстьѣ". Кажется, никогда талантъ Ф. де-Куланжа не проявлялся болѣе могущественно: никогда онъ такъ убѣдительно не рѣшалъ самые крупные и наиболѣе спорные вопросы. Защищая мысль о существованіи у франковъ того же типа землевладѣнія, какой мы наблюдаемъ въ римской имперіи, т. е. крупнаго помѣстья, онъ такъ искусно строитъ картину этого хозяйства изъ массы деталей, представляемыхъ текстами, что не оставляетъ почти сомнѣній въ ея вѣрности. Тексты, въ которыхъ встрѣчаются выраженія въ родѣ marca, alodis, sors, portio, communis, communia, communio, vicini и др., которые раньше истолковывались почти обязательно въ пользу теоріи общиннаго владѣнія землей во франкскомъ королевствѣ, онъ прекрасно разъясняетъ съ своей точки зрѣнія. Такъ, онъ цѣлымъ рядомъ цитатъ и соображеній установилъ первоначальное значеніе marca въ смыслѣ finis, terminus, т. е. граница, и позднѣйшее въ смыслѣ villa—имѣніе; alodis—въ собственномъ смыслѣ hereditas, т. е. наслѣдство, и въ переносномъ — villa — вотчина; съ alodis по значенію сблизилъ sors; portio понялъ какъ часть имѣнья. Communia, по его мнѣнію, то, что находится въ общемъ пользованіи арендаторовъ (держальцевъ), живущихъ на землѣ помѣщика; communio—совладѣніе двухъ лицъ однимъ предметомъ и т. д. Блестяще проводя свою мысль, Ф. де-Куланжъ пересмотрѣлъ и основанія сторонниковъ общинной теоріи и буквально потрясъ всѣ основы ея: ни одного текста онъ не призналъ годнымъ для доказательства ея положеній. Большую смуту произвелъ онъ этимъ въ умахъ колеблющихся и вызвалъ, вѣроятно, страшный переполохъ у твердыхъ защитниковъ общиннаго землевладѣнія во франкскую эпоху.

До сихъ поръ, впрочемъ, въ печати появился только одинъ обстоятельный критическій разборъ интересующей насъ книги. Такія статьи, какъ Dareste'a [1]), Kurth'a [2]), Monod [3]), скорѣе излагаютъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе, чѣмъ даютъ критическую оцѣнку работы Ф. де

---

[1]) Journal des savants, 1890, pp. 74—77.

[2]) Revue d. questions historiques, 1890, Juillet, pp. 194—201.

[3]) Revue historique, 1890, Novembre — Decembre, pp. 345 — 352. Въ своей статьѣ Monod, главнымъ образомъ, излагаетъ содержаніе и оцѣниваетъ значеніе послѣдняго (V) тома труда Ф. де-Куланжа.

Куланжа, и только Глассонъ предлагаетъ подробный отвѣтъ на трудъ знаменитаго историка. Имъ написанъ цѣлый томикъ [1]) противъ L'alleu et le domaine rural, и если бы въ немъ было разлито поменьше желчи, то онъ читался бы съ большимъ удовольствіемъ и пользой для дѣла. Хотя поводъ къ такой сердитой отповѣди подалъ самъ Ф. де-Куланжъ. Считая Глассона типичнымъ представителемъ защитниковъ теоріи общины у франковъ, Ф. де-Куланжъ посвятилъ разбору его взглядовъ цѣлую главу въ своемъ четвертомъ томѣ [2]).

И что же оказалось: всѣ тѣ извлеченія изъ источниковъ, которыя приводилъ Глассонъ въ подкрѣпленіе своей теоріи, оказались противъ него. „Изъ 45 текстовъ" говоритъ Ф. де-Куланжъ, „13 ничего не имѣютъ общаго съ защищаемымъ положеніемъ, а 32 доказываютъ противоположное. Ни одинъ изъ нихъ не содержитъ даже намека на общинный порядокъ. И такъ, изъ 45 цитатъ нѣтъ ни одной точной. Исторія—не искусство; она — наука, и ея первый законъ, какъ во всѣхъ наукахъ, точность. Трудъ г. Глассона, стремясь доказать общинный порядокъ, даетъ самое вѣрное свидѣтельство того, что этого порядка не было. Онъ есть пробный камень нашихъ изысканій и подтверждаетъ ихъ". И Глассонъ въ своемъ отвѣтѣ ясно показалъ, какъ глубоко онъ обиженъ такимъ резюме Фюстеля, и придумалъ съ своей стороны какъ нибудь чувствительно отплатить, къ сожалѣнію, умершему писателю. Но намъ кажется, что Глассону, автору двухъ большихъ трудовъ по исторіи учрежденій Англіи и Франціи, не слѣдовало бы давать слишкомъ много свободы проявленію оскорбленнаго самолюбія, такъ какъ фразы, въ родѣ слѣдующихъ, портятъ только его же дѣло.

„Ф. де-Куланжъ", напримѣръ, говоритъ Глассонъ, „истолковываетъ тексты хуже нашихъ студентовъ-юристовъ. Онъ не знаетъ науки права, и въ этомъ его несчастье" [3]). Или „благодаря такому пріему, достойному Трибоніана, легко заставить текстъ говорить противоположное тому, что онъ содержитъ" [4]). Наконецъ, Глассонъ до того опечаленъ незнакомствомъ Ф. де-Куланжа съ юридическимъ языкомъ что для предупрежденія повторенія такихъ случаевъ съ выдающимися талантами совѣтуетъ ввести преподаваніе права въ École normale, гдѣ получилъ образованіе Ф. де-Куланжъ [5]). Приведенныхъ выдер-

[1]) Les communaux et le domaine rural.

[2]) p.p. 171—198. Глассонъ изложилъ свои взгляды по этому предмету въ III томѣ „Histoire du droit et des institutions de la France, 1889".

[3]) Les communaux et le domaine rural, p. 49.

[4]) Ibidem, p. 82.

[5]) Ibidem, pp. 153—4.

жекъ, намъ думается, вполнѣ достаточно, чтобы замѣтить, въ какомъ неспокойномъ состояніи духа писалъ свой отвѣтъ Глассонъ.

Но, очевидно, появленіе книги-отвѣта не можетъ быть объяснено однимъ желаніемъ автора польстить своему самолюбію. Нѣтъ, здѣсь есть нѣчто большее. Глассонъ съ текстами въ рукахъ доказываетъ правоту своихъ историческихъ убѣжденій.

Чтобы самостоятельно отнестись къ воззрѣніямъ Ф. де-Куланжа и Глассона представителей различныхъ школъ, намъ необходимо будетъ познакомиться in extenso съ важнѣйшими текстами, вновь пересмотрѣнными названными писателями.

Впрочемъ, Глассонъ кромѣ текстовъ старается обосновать свои взгляды на томъ общемъ соображеніи, что допускать общину въ феодальную эпоху и не находить ее въ предшествующую пору значитъ дѣлать грубую историческую и логическую ошибку. Наблюдается, продолжаетъ онъ, что общинное землевладѣніе всегда предшествовало частной земельной собственности, или, что́ тоже, болѣе высокая форма культуры смѣняла низшую; утверждая противоположное, погрѣшаютъ противъ выставленныхъ обобщеній. Приведенное соображеніе, намъ кажется, имѣло бы значеніе, если бы можно было найти въ трудѣ Ф. де-Куланжа признаніе общины для феодальнаго времени въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее Глассонъ. Но какъ разъ въ этомъ заключается трудность!

Тексты, относящіеся къ вопросу, Глассонъ раздѣляетъ на двѣ категоріи. Въ первой—онъ ищетъ данныхъ для утвержденія мысли о существованіи земельной общины во франкскую пору со всѣми ея характерными аттрибутами: правомъ наслѣдованія сосѣдей, коллективной отвѣтственностью за преступленія и участіемъ общины въ юрисдикціи. Во второй—только указаній на остатки общинныхъ порядковъ, въ видѣ такъ называемыхъ communia, т. е. общаго пользованія лѣсами, выгонами, рѣками и др.

Въ числѣ текстовъ первой категоріи, несомнѣнно, важнѣйшее мѣсто занимаетъ XLV титулъ Салическаго закона: De migrantibus [1]).

[1]) 1) Lex Salica, ed. Behrend, pp. 59—60. 1. Si quis super alterum in villa migrare voluerit, si unus vel aliqui de ipsis qui in villa consistunt eum suscipere voluerit, si vel unus exteterit qui contradicat migranti ibidem, licentiam non habebit.

2) Si vero contra interdicto unius vel duorum in villa ipsa adsedere praesumpserit, tunc ei testare debet et si noluerit inde exire ille qui testat cum testibus sic ei debet testare: Hic tibi testo in hac nocte proxima in hoc quod lex Saliga habet sedeas et testo tibi ut in X noctes de villa ipsa egredere debeas. Postea adhuc post decem noctes iterum veniat ad ipsum et ei testet ut iterum in decem noctes exeat. Si adhuc noluerit exire, item tertio decem noctis ad placitum suum addatur, ut sic XXX noctes impleatur. Si nee tunc voluerit exire,

Онъ долго служилъ самой прочной опорой для доказательства существованія общины во франкскомъ королевствѣ. Всѣ выдающіеся защитники этой теоріи прежде всего обращали вниманіе на § XLV Салич. закона и, съ небольшими варіаціями, его истолковывали въ желательномъ для своей теоріи смыслѣ. Ейхорнъ въ своемъ сочиненіи Deutsche Staats—und Rechtsgeschichte, основываясь на немъ, говоритъ [1]), что у франковъ было два сорта villae: одни—крупныя помѣстья—принадлежали отдѣльнымъ лицамъ, другія—свободныя деревни—были населены мелкими собственниками, составлявшими общину. Чтобы попасть въ одну изъ такихъ общинъ, необходимо было заручиться или формальнымъ, или, по крайней мѣрѣ, молчаливымъ согласіемъ со стороны ассоціированныхъ, безъ всякаго противодѣйствія втеченіе года. Гераръ, въ пролегоменахъ къ Polyptique de l'abbé Irminon, ссылаясь на тотъ же текстъ, пишетъ [2]): „Кромѣ villae, принадлежавшихъ государству, королю, церкви и сеньорамъ, были еще villae, находившіяся во владѣніи свободныхъ людей, соединенныхъ въ свободныя общины (des communautés libres). Это былъ родъ коммунъ, въ которыхъ пришелецъ не могъ поселиться безъ согласія ихъ членовъ". Пардессю, въ своихъ комментаріяхъ къ Салическому закону [3]), высказываетъ тоже мнѣніе: villa XLV титула онъ понимаетъ въ смыслѣ сельской общины и заявляетъ, что „обитатели такой деревни имѣли право противиться утвержденію на землѣ новаго человѣка". Вайцъ думаетъ то же самое. Villae, о которыхъ идетъ рѣчь въ § XLV, по его мнѣнію, „деревни, гдѣ свободные люди живутъ въ ассоціаціи" [4]). Немного далѣе, онъ говоритъ: „Доказательствомъ существованія земельной общины (weiteres Gemeinland) является одно мѣсто, изъ котораго видно, что жители деревни находятся въ такомъ соединеніи (Genossenschaft), что никто не можетъ основаться въ ней безъ

---

tunc maniat cum ad mallum et testes super singula placita qui fuerunt ibi praestos habeat. Si ipse cui testatum est noluerit inde exire et eum aliqua sunnis (подлинная нужда) non tenuerit et ista omnia quae superius diximus secundum legem est testatus, tunc ipse qui testavit super fortuna sua ponat et roget grafionem ut accedat ad locum ut eum inde expellat. Et quia legem noluit audire, quod ibi laboravit demittat et insuper Malb. vij drisittolo hoc est MCC dinarios qui faciunt solidos XXX culpabilis judicetur.

3) Si vero quis migraverit et infra XII menses nullus testatus fuerit, securus sicut et alii vicini maneat.

[1]) pp. 465—7, 4 Aufl.

[2]) p. 47.

[3]) Loi Salique, pp. 389—90.

[4]) Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, 3 Aufl., Bd. II, p. 90.

согласія всѣхъ ея обитателей [1]). И этимъ единственнымъ документомъ служитъ титулъ De migrantibus. Зомъ, опираясь на тотъ же текстъ, заявляетъ: „Право поселиться на какой нибудь землѣ зависѣло отъ единодушнаго согласія всѣхъ членовъ ассоціаціи: пришелецъ, селясь въ округѣ общины противъ воли хотя бы одного изъ ея членовъ, подвергался опасности быть изгнаннымъ, въ силу права, присущаго общинникамъ“ [2]). Тоже самое думаютъ и выражаютъ Тониссенъ [3]), Гарсонне [4]), Віолле [5]) и нѣкоторые другіе.

Разбору титула De migrantibus посвятилъ статью и Ф. де-Куланжъ еще въ 1886 году [6]). Сущность его толкованія сводилась къ тому предположенію, что XLV титулъ предвидитъ захватъ узурпаторомъ чужого участка земли въ отсутствіе его хозяина. Не соглашаясь съ такимъ объясненіемъ, Глассонъ въ своей статьѣ [7]) настаивалъ на общепринятомъ значеніи этого титула и основательно доказалъ невозможность понимать homo migrans въ смыслѣ узурпатора. Въ сочиненіи Ф. де-Куланжа L'alleu et le domaine rural мы встрѣчаемъ уже нѣсколько видоизмѣненное пониманіе знаменитаго параграфа сравнительно съ предложеннымъ имъ въ журнальной статьѣ; мы приводимъ его цѣликомъ [8]): „Если кто-нибудь хочетъ поселиться въ villa на землѣ другого и если, не смотря на согласіе одного или нѣсколькихъ лицъ, живущихъ въ villa, принять его, найдется одинъ противящійся его водворенію, пришелецъ не будетъ имѣть права въ ней основаться. Но если пришелецъ, не обращая вниманія на оппозицію одного или двухъ, возымѣетъ смѣлость остаться въ villa, то противящійся его утвержденію долженъ при свидѣтеляхъ пригласить его удалиться. По прошествіи трехъ сроковъ, въ 10 дней каждый, онъ призываетъ пришельца въ судъ... и проситъ графа явиться затѣмъ, чтобы выгнать его. Изгнанный теряетъ не только плоды своего труда, произведеннаго въ villa, но и уплачиваетъ еще штрафъ въ 30 солидовъ за нарушеніе закона“. „Здѣсь нѣтъ никакой деревенской общины“, продолжаетъ Ф. де-Куланжъ. „Развѣ она собиралась? Принимала какое-нибудь рѣшеніе? Развѣ она дѣйствовала, когда слѣдовало воспользоваться закономъ, касавшимся ея интересовъ, согласно гипо-

---

[1]) Ibidem, p. 92.
[2]) Der Process der Lex Salica, 1867, pp, 9—10.
[3]) Organisation judiciaire de la loi salique, 2 ed., p. 362.
[4]) Histoire des locations perpetuelles, p. 204.
[5]) Bibliothèque de l'école des Chartes, 1872, p. 490.
[6]) Revue générale du droit, t. X, pp. 5—37.
[7]) Revue critique de législation, 1887, t. XVI, pp. 18—40.
[8]) Histoire d. institutions politiques, t. IV pp. 189—90.

тезѣ. Инціативу взяло на себя единичное лицо, и графъ, королевскій чиновникъ, явился исполнителемъ. Это полное бездѣйствіе цѣлой общины должно бы было быть замѣченнымъ и должно было бы помѣшать построенію ложной системы". Далѣе Ф. де-Куланжъ указываетъ на неправильность, допускаемую въ переводѣ villa „деревней", когда для обозначенія послѣдняго понятія въ языкѣ IV, V и VI вѣковъ существуетъ единственный терминъ—vicus. Villa же, по его мнѣнію, въ томъ же языкѣ постоянно обозначаетъ помѣстье, сельское хозяйство, чаще всего, принадлежащее одному лицу. Это видно, говоритъ онъ, и изъ заглавія титула, встрѣчающагося въ 47 рукописяхъ: qui villam alterius occupaverit, что не можетъ значить „захватывающій деревню (общину) другого", а „занимающій помѣстье (земельный участокъ) другого".

Совершенно иначе объясняетъ тотъ же титулъ Глассонъ [1]. Всѣ, обыкновенно, здѣсь видятъ, говоритъ онъ, тотъ случай, когда пришелецъ хочетъ поселиться in villa, т.-е. въ общинѣ. Для этого ему нужно согласіе всѣхъ ея членовъ, такъ какъ достаточно противодѣйствія одного, чтобы заставить его удалиться. Впрочемъ, согласіе сосѣдей (vicini) можетъ быть молчаливымъ, т.-е. вытекать изъ спокойнаго владѣнія втеченіе года—обычнаго срока для узаконенія любого пріобрѣтенія во франкскую пору. Какъ иначе объяснить этотъ текстъ, спрашиваетъ Глассонъ, а равно и право противодѣйствія сосѣдей, если не признавать верховной собственности общины? Существовало, въ дѣйствительности, два сорта земель въ каждой общинѣ: однѣ—несомнѣнно и прямо общинныя, каковы необработанныя земли, пастбища, лѣсъ и др.; другія были объектомъ частной собственности; но надъ ними общинѣ принадлежала верховная собственность, родъ высшаго владѣнія (de domaine éminent), ограничивавшаго индивидуальную собственность и устанавливавшаго иногда извѣстныя правила общаго пользованія (droits d'usage réciproques). Новый человѣкъ, продолжаетъ Глассонъ, утверждаясь въ общинѣ, не становился только собственникомъ земли, которую онъ пріобрѣталъ; за нимъ еще признавалась извѣстная доля въ имуществѣ, оставшемся въ общемъ владѣніи, т.-е. въ лѣсахъ, выгонахъ, источникахъ, рѣкахъ и т. п. Естественно, что чужому человѣку, резюмируетъ Глассонъ, необходимо было заручиться согласіемъ обитателей общины для мирнаго водворенія въ ней.

Сопоставивъ эти два объясненія XLV параграфа, мы видимъ только, что они оба возможны; но убѣдительности не можемъ признать ни за тѣмъ, ни за другимъ. Дѣйствительно, одинъ произвольно переводитъ villa—общиной, другой, основываясь опять-таки на субъективномъ впечатлѣніи, утверждаетъ, что это слово никакого другого

[1]) Les communaux etc., pp. 28—44.

значенія кромѣ помѣстья имѣть не можетъ. Одинъ обращаетъ свое вниманіе на возможность вмѣшательства хотя бы одного изъ обитателей villa въ вопросъ о поселеніи въ ней новаго человѣка и изъ этого выводитъ заключеніе о необходимости единодушнаго согласія общинниковъ на водвореніе пришельца на землѣ общины; другой въ этомъ противодѣйствіи „одного“ видитъ какъ разъ доказательство несуществованія общины, ибо что это за община, гдѣ ея интересы защищаются однимъ, а другіе равнодушно взираютъ на нарушеніе своихъ правъ.

Но Глассонъ въ подтвержденіе своего взгляда приводитъ еще нѣсколько текстовъ, касающихся также вопроса о homines migrantes, и между ними придаетъ большое значеніе слѣдующему добавленію къ XLV титулу [1]): Si vero (quis) alium in villa aliena migrare rogavirit antequam conventum fuerit MDCCC denarios qui faciunt solidos XLV culpabibis judicetur. Это распоряженіе предусматриваетъ, по его мнѣнію, случай ирызыва въ общину новаго человѣка однимъ изъ ея членовъ, когда еще остальные общинники не выразили на это своего согласія. Дѣйствительно, съ перваго взгляда кажется, что лучшаго текста и не нужно для доказательства существованія общинныхъ сходовъ, гдѣ рѣшаются всѣ дѣла, имѣющія значеніе для общины. Впечатлѣніе отъ него усиливается еще больше послѣ заявленія Глассона, что Ф. де-Куланжъ его не объясняетъ, не говоритъ о немъ ни одного слова (il le supprime). Правда, въ IV томѣ труда Ф. де-Куланжа о немъ нѣтъ рѣчи, но зато достаточно сказано знаменитымъ историкомъ въ объясненіе спорнаго текста въ его статьѣ о титулѣ De migrantibus.

Вотъ подлинныя слова Ф. де-Куланжа [2]): „Этотъ параграфъ, разсматриваемый какъ позднѣйшее добавленіе, не находится въ лучшихъ рукописяхъ (Парижскихъ 4404 и 9653, Волфенбюттельской и Мюнхенской), Меркель и Берендъ (издатели Салич. зак.) помѣщаютъ его въ разрядъ novellae. Пардессю переводитъ его: „l'habitant qui accueille l'étranger avant que le consentement de tous l'ait admis serait passible de l'amende de 45 sous d'or“ (также, мы видѣли, понимаетъ его и Глассонъ). Это объясненіе возбуждаетъ во мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія. Оно находится въ противорѣчіи съ § 1 XLV тит., который разрѣшаетъ unum vel aliquos suscipere migrantem. Затѣмъ, почему налагается большій штрафъ на принимающаго или даже призывающаго пришельца (45 солид.), чѣмъ на виновнаго homo migrans (30 солид.)? Далѣе, сомнительно, чтобы antequam conventum fuerit можно было

---

[1]) Lex salica, Behrend, p. 60.

[2]) Revue générale du droit, t. X, p. 29, note 4.

перевести: „пока не соберутся, чтобы выразить свое согласіе“. Глаголъ convenire встрѣчается 18 разъ въ Салическомъ законѣ и ни разу для обозначенія собранія людей въ формѣ conventus. Замѣтьте, кромѣ того, что весь XLV титулъ исключаетъ мысль о conventus деревни. Convenire имѣетъ два значенія въ Салич. законѣ: или это безличный глаголъ, синонимъ oportet (II, 6, IV; 3; VIII, 2 и др.), или означаетъ соглашеніе двухъ лицъ (XL, 2 и 11; LIII, 1; LV, 2)... Ни Вайцъ, ни Зомъ не пытаются объяснить этотъ параграфъ. Слѣдуетъ ли его отбросить, какъ то, кажется, дѣлаютъ всѣ комментаторы? или попытаться его объяснить? Замѣчу, что въ двухъ лучшихъ рукописяхъ („лучшихъ“ послѣ тѣхъ, въ которыхъ его вовсе нѣтъ), именно, въ 4403b и 18237 читается *si alium*, а не si quis alium, а такъ какъ разбираемая фраза помѣщается непосредственно за migrans 30 solidos culpabilis judicetur, то, слѣдовательно, она относится къ этому migrans, а не къ жителю деревни. И такъ, законъ могъ постановлять, что migrans, занявшій землю, contra interdictum, платитъ только 30 солид., но въ томъ случаѣ, если онъ, усиливалъ свою вину приглашеніемъ другого поселиться вмѣстѣ съ нимъ или занять его мѣсто (что являлось бы уловкою съ цѣлью устранить послѣдствіе двухъ призывовъ въ судъ), онъ долженъ заплатить 45 солидовъ.

Вотъ остроумное, но нѣсколько сложное объясненіе текста. Ф. де-Куланжъ, впрочемъ, совсѣмъ не выдаетъ его за единственно возможное... Мы попробуемъ предложить, съ нашей точки зрѣнія, болѣе простое толкованіе. Именно, отчего не представить себѣ, что въ этомъ параграфѣ закона рѣчь идетъ о наказаніи человѣка, призывающаго на землю своего сосѣда по деревнѣ—*такого же собственника, какъ и приглашающій*—hominem migrantem, до испрошенія на то согласія сосѣда, владѣльца земельнаго участка. Болѣе высокая денежная пеня, падающая на того quis alium rogaverit, чѣмъ на виновнаго homo migrans, удобно можетъ быть объяснена тѣмъ, что такой человѣкъ причинялъ непріятности обоимъ: и владѣльцу земли, заставляя его возиться съ пришельцемъ, и послѣднему, подвергая его излишнимъ расходамъ и хлопотамъ по переселенію.

Какъ видно изъ этого объясненія, мы предлагаемъ въ данномъ текстѣ понимать villa въ смыслѣ деревни, составленной изъ мелкихъ собственниковъ.

Конечно, такое пониманіе слова villa было бы невозможно, если бы не могло быть оправдано другими текстами и, прежде всего, титуломъ De migrantibus. Выше мы уже высказали свою неудовлетворенность толкованіями этого титула, какъ Глассона, такъ и Ф. де-Куланжа. Что особенно мѣшаетъ намъ принять послѣднее, такъ это именно пониманіе villa въ смыслѣ помѣстья. Ибо, принимая его, при-

ходится предполагать, что съ земли помѣщика homo migrans можетъ быть согнанъ не самимъ собственникомъ ея, но какимъ-то unus qui contradicat, несмотря на то, что этому contradicenti противополагаются unus vel aliqui suscipere volentes. Почему же во всемъ текстѣ ни разу не упомянутъ помѣщикъ (possessor)? отчего не названъ его управляющій (villicus)? откуда же это право всякаго изъ живущихъ въ villa противодѣйствовать водворенію въ ней пришельца? Въ томъ только случаѣ, если бы мы имѣли свѣдѣнія о правѣ арендаторовъ помѣщичьей земли—вольноотпущенниковъ либо колоновъ—распоряжаться арендуемой землей въ извѣстныхъ предѣлахъ безконтрольно, мы могли бы допустить вышеприведенное толкованіе Ф. де-Куланжа. Но ни о какомъ такомъ правѣ не говоритъ и самъ авторъ прекраснаго изслѣдованія о земельныхъ классахъ франкскаго общества, т.-е. тотъ же Ф. де Куланжъ [1]).

Замѣняя же въ комментаріи Ф. де-Куланжа къ XLV титулу выраженіе помѣстье „свободной деревней", мы предложимъ слѣдующее объясненіи всего параграфа закона.

Въ деревню, населенную свободными собственниками (in villa), пришелъ человѣкъ, ищущій удобной земли для поселенія (qui migrare voluerit). На эту деревню homini migranti указалъ кто-либо изъ живущихъ въ ней; человѣкъ, указавшій на деревню, въ которой самъ живетъ, конечно, ничего не имѣлъ противъ переселенія въ нее пришельца, иными словами, хотѣлъ принять его (si unus vel aliqui de ipsis qui in villa consistunt eum suscipere voluerit). Но въ деревнѣ вся земля принадлежала собственникамъ и потому не всегда это переселеніе на чужую землю (super alterum) могло совершиться безпрепятственно. Дѣйствительно, бывало, что собственникъ, на землѣ котораго садился пришелецъ, не противился его водворенію. Тогда, не получая въ теченіе 12 мѣсяцевъ никакого приглашенія со стороны хозяина земли удалиться съ нея (infra XII menses nullus testatus fuerit), homo migrans могъ считать себя устроившимся (собств. въ безопасности, какъ и другіе сосѣди—securus sicut et allil vicini, иногда такіе же переселенцы). Происходило совсѣмъ другое, какъ мы знаемъ, если землевладѣлецъ, по какимъ-либо причинамъ, не желалъ допустить поселенія пришельца на своей землѣ. Законъ ясно говоритъ о возможности противодѣйствія одного или двухъ собственниковъ деревни (contra interdicto *unius vel duorum*), но не только не всѣхъ обитающихъ in villa, а даже и не нѣсколькихъ. Это мѣсто титула, намъ представляется, наиболѣе убѣдительно ратуетъ противъ теоріи общины у франковъ. Дѣйствительно, если за-

[1]) См. главы IX, X, XI и XII 4 тома. Histoire d'institutions politiques.

конъ допускаетъ, самое большее, противодѣйствіе двухъ, т.-е. сосѣдей-собственниковъ, часть земли которыхъ одновременно могъ занять homo migrans, то онъ этимъ устраняетъ предположеніе объ общинномъ порядкѣ, при которомъ протестъ одного или двухъ не имѣлъ бы смысла въ случаѣ согласія большинства. Но наше толкованіе было бы неполно, если бы мы не отвѣтили на вопросъ: на какомъ правѣ селился на чужой землѣ homo migrans: на правѣ ли собственника, пріобрѣвшаго ее за деньги, или на правѣ арендатора? Еслибы законъ имѣлъ въ виду первое, то, прежде всего, странно было бы устанавливать годичный срокъ для узаконенія торговой сдѣлки, во-вторыхъ, законъ врядъ ли назвалъ бы interdictum (т.-е. запрещеніемъ adsedere) право собственника, въ случаѣ неуплаты за землю, согнать похитителя собственности, въ-третьихъ, вѣроятно, законодатель, хоть разъ бы, во всемъ текстѣ, обмолвился словомъ vendere, venumdare, либо venditio. Но онъ постоянно для обозначенія занятія земли употребляетъ терминъ migrare. Въ виду этого, намъ думается, что здѣсь идетъ рѣчь не о поселеніи на землѣ, отчуждаемой въ полную собственность, а лишь на землѣ, отдаваемой въ долгосрочную аренду свободнымъ людямъ.

Не дѣлая изъ этого дальнѣйшихъ выводовъ, ограничимся указаніемъ на то, что наше объясненіе XLV титула разнится отъ предложеннаго Ф. де-Куланжемъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что говоритъ объ условіяхъ поселенія на землѣ свободнаго собственника деревни, а не въ помѣстьѣ крупнаго землевладѣльца.

Теперь намъ остается посмотрѣть, насколько наше объясненіе двухъ вышеприведенныхъ текстовъ можетъ быть соглашено съ остальными, касающимися вопроса о пришельцахъ-поселенцахъ.

Начнемъ съ 9 параграфа капитулярія 819 года [1]), разъясняющаго нѣкоторыя главы Салическаго закона. Этотъ параграфъ гласитъ слѣдующее: De eo qui villam alterius occupaverit. De hoc capitulo judicaverunt, ut nullus villam aut res alterius migrandi gratia per annos tenere vel possidere possit; sed in quacunque die invasor illarum rerum interpellatus fuerit, aut easdem res quaerenti reddat aut eas si potest juxta legem se defendendo sibi vindicet. По мнѣнію Глассона, въ немъ устанавливается необходимость согласія двухъ родовъ (deux consentements) для водворенія пришельца въ общинѣ, иными словами, недостаточность согласія vicini безъ таковаго со стороны собственника. Текстъ этотъ, продолжаетъ историкъ-юристъ, доказываетъ ясно, что обитатели деревни, соглашаясь или препятствуя поселенію новаго человѣка, дѣйствуютъ всегда въ силу имъ присущаго права, а не въ качествѣ представителей отсутствующаго собственника [2]).

[1]) Lex Salica, Behrend, p. 115.
[2]) Les communaux etc., p. 43.

Въ объясненіи Глассона представляется произвольнымъ предположеніе, что этотъ текстъ, относящійся ко всему XLV титулу Салическаго закона, какъ показываетъ заглавіе, имѣетъ въ виду случай согласія на водвореніе пришельца, даннаго общинниками въ *отсутствіе* собственника земли. Затѣмъ, не противорѣчитъ ли уже теоріи общиннаго землевладѣнія допущеніе частной собственности на землю, при какомъ-то непонятномъ надзорѣ за этой собственностью сосѣдей, т.-е. сообщинниковъ, тѣмъ болѣе непонятномъ, что, по словамъ того же историка, право сосѣдей распоряжаться землей, на дѣлѣ, является не болѣе какъ фикціей, которую можетъ разрушить каждый собственникъ.

Толкованію того же текста посвящена 4 глава статьи Ф. де-Куланжа о титулѣ De migrantibus [1]). Глассонъ, повидимому, забылъ о ней, такъ какъ въ своей книгѣ, Les communaux etc., говоритъ, будто Ф. де-Куланжъ совсѣмъ „вычеркиваетъ изъ разсужденія интересующій насъ текстъ" (il le supprime de la discussion). Сущность комментарія Ф. де-Куланжа на него сводится къ слѣдующему. Новый законъ, думаетъ онъ, охранялъ интересы собственника противъ узурпатора въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній, воспользовавшись § 3 титула XLV, утверждался на чужой землѣ въ отсутствіе ея владѣльца: законъ предоставлялъ хозяину право, даже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, требовать возврата захваченной собственности.

Наше объясненіе параграфа, и на этотъ разъ, отличается отъ только что изложенныхъ мнѣній Ф. де-Куланжа и Глассона. Невозможно допустить, чтобы здѣсь рѣчь шла объ узурпаторѣ (invasor rerum), какъ полагаетъ Ф. де-Куланжъ: во-первыхъ, потому, что самъ авторъ такого предположенія въ новомъ своемъ трудѣ отъ него отказался, по крайней мѣрѣ, для аналогичныхъ текстовъ; во-вторыхъ, homo migrans, покровительствуемый закономъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не можетъ быть правонарушителемъ въ силу только того, что онъ migrando invadit res alicujus. Намъ представляется, что здѣсь дѣло идетъ объ арендаторѣ, которому законъ напоминаетъ, что онъ, несмотря на долговременную аренду, всетаки, не можетъ считать себя владѣльцемъ земли (tenere vel possidere) въ силу только того, что пользовался ею, на правѣ hominis migrantis, одинъ годъ. Законъ подчеркиваетъ недостаточность таковаго владѣнія migrandi gratia и предоставляетъ собственнику земли во всякое время требовать ея возвращенія. Впрочемъ, тотъ же капитулярій предусматриваетъ возможность такого положенія вещей, что арендаторъ съумѣетъ доказать въ судѣ свое право на оспариваемую у него землю (si potest sibi juxta legem vindicet).

---

[1]) Revue générale du droit, t. X, pp. 30—37.

Насчетъ послѣдней возможности можно построить цѣлый рядъ предположеній, изъ которыхъ простѣйшимъ будетъ случай уплаты арендной платы за значительное время впередъ.

Какъ видно, наше толкованіе § 9 капитулярія 819 года сходится, въ основныхъ чертахъ, съ предложеннымъ нами объясненіемъ двухъ раньше разобранныхъ текстовъ. Теперь остается еще разобрать имѣющій сюда отношеніе 4-й параграфъ XIV титула Салическаго закона. Вотъ онъ: Si quis hominem qui migrare voluerit et de rege habuerit praeceptum et abbundivit in malum publico, et aliquis contra ordinationem regis testare praesumpserit VIII M. dinarios qui faciunt solidos CC culpabilis judicetur.

О немъ ничего не говоритъ Глассонъ ни въ послѣднемъ своемъ трудѣ, ни въ Histoire du droit et des institutions de la France (III т.). Слѣдовательно, онъ не имѣетъ никакого значенія для теоріи, защищаемой этимъ ученымъ. Ф. де-Куланжъ, въ своей статьѣ [1]), уже цитированной нами не разъ, посвящаетъ ему нѣсколько строкъ. На основаніи изученія рукописей и общаго смысла всего XIV титула De superVenientibus vel expoliatis, онъ приходитъ къ выводу, что testare § 4-го удобнѣе замѣнить или выраженіемъ viae laciniam facere или словомъ stare, встрѣчающимся въ другихъ рукописяхъ; тогда смыслъ этого параграфа будетъ таковъ же, какъ и § 5-го того же титула: Si quis hominem migrantem adsalierit, 62½ solidos culpabilis judicetur, т.-е. виновный въ нападеніи на пришельца подвергнется денежному штрафу. Штрафъ въ 200 солидовъ въ первомъ случаѣ обясняется тѣмъ, продолжаетъ Ф. де-Куланжъ, что онъ налагается на обидчика человѣка, имѣвшаго королевскую бумагу, т.-е. состоявшаго подъ mundebour regis (подъ охраной государя).

Не считая пониманіе даннаго текста, предложенное Ф. де-Куланжемъ, единственно возможнымъ, мы попробуемъ дать другое, сохраняя всѣ выраженія въ томъ видѣ, въ какомъ они даны большинствомъ издателей. Въ такомъ случаѣ, мы получимъ слѣдующее. Переселенецъ, желавшій поселиться въ какой-нибудь villa, заручился королевскимъ согласіемъ на это. Король могъ дать разрѣшеніе на поселеніе не только въ своихъ имѣніяхъ, но и въ свободныхъ деревняхъ, въ силу верховнаго права распоряжаться имуществомъ своихъ подданныхъ. Разъ офиціальная бумага съ такимъ распоряженіемъ была получена переселенцемъ, онъ могъ быть спокоенъ, что его не сгонятъ съ земли, на которую онъ сѣлъ. Для этого нужно было только заявить на судебной сходкѣ о полученіи королевскаго разрѣшенія (abbundire in malum publico), тогда собственникъ не могъ от-

[1]) Revue générale du droit, t. X, pp. 9—10.

казаться принять hominem migrantem въ виду очень высокаго штрафа' грозившаго за оппозицію королевскому разрѣшенію.

Но у сторонниковъ теоріи общины во франкскомъ государствѣ не мало еще орудій—текстовъ для доказательства своихъ мнѣній. За разсмотрѣнными нами цитатами слѣдующее мѣсто, по важности для ихъ взглядовъ, занимаетъ 3-й титулъ эдикта Хильперика. Въ немъ видитъ самый умѣренный изъ нихъ—Глассонъ *признаки* права сосѣдей наслѣдовать имущество сообщинника. Обратимся къ тексту [1]): Simili modo placuit atque convenit, ut si quicumque vicinos habens aut filios aut filias post obitum suum superstitutus fuerit, quamdiu filii advixerint, terra habeant, sicut et lex Salica habet. Et si subito filios defuncti fuerint, filia simili modo accipiant terras ipsas, sicut et filii si sui fuissent aut habuissent. Et si moritur, frater alter superstitutus fuerit, frater terras accipiant, non vicini. Et subito frater moriens frater non derelinquerit superstitem, tunc soror ad terra ipsa accedat possidenda. Это распоряженіе, думаетъ Глассонъ [2]), предоставляетъ право наслѣдованія земли и женщинамъ съ предпочтеніемъ, впрочемъ, соотвѣтствующихъ степеней мужскаго родства; но оно касается только тѣхъ, которые имѣютъ сосѣдей (qui vicinos habent), т. е. принадлежатъ къ земельной общинѣ. До Хильперика, продолжаетъ историкъюристъ, въ томъ случаѣ, если умиравшій не оставлялъ сыновей, наслѣдовали члены общины. Хильперикъ измѣнилъ этотъ порядокъ: послѣ сыновей получили право наслѣдовать дочери, за ними братья, затѣмъ сестры покойнаго. Но, если не оказывалось близкихъ родственниковъ, то, вѣроятно, призывались къ наслѣдованію сосѣди—оканчиваетъ свое разсужденіе Глассонъ.

Нѣкоторая смѣлость подобнаго толкованія текста бросается въ глаза. Дѣйствительно, на какомъ основаніи Глассонъ отождествляетъ выраженія „имѣющіе сосѣдей" съ „принадлежащіе къ земельной общинѣ"? Далѣе, развѣ позволительно прибавлять увѣреніе, будто за отсутствіемъ близкихъ родственниковъ наслѣдовали сосѣди, не имѣя на то никакихъ данныхъ! Наконецъ, все разсужденіе на тему, что Хильпериковъ эдиктъ отмѣняетъ право сосѣдей, принадлежавшее имъ до его изданія, наслѣдовать землю въ извѣстныхъ случаяхъ, построено на выраженіи „non vicini". Зачѣмъ обязательно предполагать, что здѣсь уже отмѣняется какой-то порядокъ, когда, съ большимъ основаніемъ, можно думать, что онъ только создается. А „non vicini", какъ замѣтилъ Ф. де-Куланжъ, указываетъ лишь на возможное злоупотребленіе со стороны сосѣдей, а не на ихъ право. Въ такомъ слу-

[1]) Capitularia, ed. Boretius, p. 8.

[2]) Les communaux etc., pp. 46—47.

чаѣ, на этотъ законъ-эдиктъ остается смотрѣть какъ на попытку правительства внести порядокъ въ имущественно-наслѣдственныя отношенія, въ которыхъ наблюдался полный хаосъ, приводившій къ тому, что сосѣди, не справляясь съ правомъ, захватывали землю, вѣроятно особенно часто, въ малолѣтство дѣтей-наслѣдниковъ и во время отсутствія братьевъ и сестеръ умершаго. Неудивительно, что этотъ безпорядокъ господствовалъ въ то время, когда франкское государство не успѣло еще прочно сложиться, такъ какъ самый эдиктъ Хильперика относится къ промежутку времени отъ 561 до 584 года.

Но пойдемъ дальше за Глассономъ въ отыскиваніи общины во франкскомъ королевствѣ. Пока мы разобрали тексты, долженствовавшіе, съ точки зрѣнія защитниковъ общины у франковъ, установить несомнѣнное право общинниковъ на распоряженіе всей землею, на которой жила община. Теперь придется говорить о такихъ, въ которыхъ находятся лишь слѣды этой системы (des traces du système de la communauté).

Къ этимъ „слѣдамъ", въ извѣстныхъ случаяхъ, можно было бы отнести коллективную отвѣтственность за преступленія. Мы намѣренно оговариваемся, что не всегда таковая отвѣтственность свидѣтельствуетъ о тѣсной экономической связи лицъ, основанной на общемъ владѣніи землей; иногда такая связь можетъ быть продуктомъ искусственно созданныхъ отношеній между жителями извѣстной мѣстности, а не результатомъ естественнаго положенія вещей. Имѣя въ виду сказанное, обратимся къ текстамъ, въ которыхъ Глассонъ видитъ указанія на коллективную отвѣтственность—слѣды общинныхъ отношеній. Это—9 глава перваго капитуларія къ Салическому закону и три параграфа декрета Хильдеберта II.

Займемся первымъ текстомъ [1]). Вотъ онъ: Sicut adsolet, homo juxta villa aut inter duas villas proximas sibi vicinas fuerit interfectus, ut homicida illa non appareat, sic debet judex hoc est comis aut grafio ad locum accedere et ibi cornu sonare debet. Et si venerit qui corpus cognoscit occisi, sic parentibus in noticia ponatur. Si vero non venerit qui corpus cognoscat, tunc vicini illi in quorum campe vel exitum corpus inventum est, debet facere bargo quinos pedes in altum et praesentia judicis levare corpus. Et debet judex nuntiare et dicere: „homo iste in vestro agro ved in vestibulo est occisus; contestor ut usque in septem noctes non reponatis et de homicidium istud vos admallo, ut in mallo proximo veniatis et vobis de lege dicatur quod observare debeatis". Tunc vicini illi, quibus nuntiatur a judice ante

[1]) Lex Salica, Behrend, p. 91.

XL noctes qui meliores sunt cum sexaginos quinos se exuant quod nec eccidissent nec sciant qui occidissent; minoflidis vero quinos denos juratores donent. Quod ut superius diximus, id est qui jurant, si istud ante XL noctes non fecerint, noverint se persona mortui requirenti legibus satisfacere. Si vero jurant quod superius diximus et se per sacramentum idoniaverint, nulla eis compositio requiratur. Глассонъ объясняетъ его слѣдующимъ образомъ [1]): Найдя подлѣ villa или между двухъ villae тѣло убитаго и не зная убійцы, обращаются къ judex'у, т.-е. графу, который долженъ явиться туда, гдѣ найденъ трупъ, и извѣстить трубою о своемъ прибытіи. Если убитый узнанъ, то извѣщаютъ родныхъ; если же нѣтъ, то vicini должны насыпать bargum, родъ холмика, въ 5 футовъ вышиною, и положить на него трупъ въ присутствіи графа. Тогда этотъ послѣдній произноситъ формулу, приведенную въ текстѣ Онъ запрещаетъ vicini погребать тѣло въ продолженіе 7 ночей и приглашаетъ ихъ на ближайшую судебную сходку (mall), давая 40 дней сроку для явки. Въ установленный день они могутъ клятвой оправдаться (отъ подозрѣнія)—ясный слѣдъ коллективной отвѣтственности. Каждый изъ meliores („лучшіе" люди) долженъ выставить въ подкрѣпленіе своей клятвы 65 сопрясажниковъ, minofledi („меньшіе" люди) только 15. Мы знаемъ, продолжаетъ Глассонъ, что произойдетъ если не будетъ дана клятва или, по крайней мѣрѣ, мы можемъ предполагать, заключая отъ противоположнаго. Ясно, что сосѣди подвергнутся осужденію и должны будутъ заплатить семейству убитаго виру за убійцу. Въ самомъ текстѣ указанъ случай, кончаетъ свое толкованіе историкъ-юристъ, когда vicini должны принять на себя отвѣтственность; это именно, когда они ничего не предпримутъ въ свое оправданіе въ теченіе 40 ночей; капитулярій постановляетъ: si istud non fecerint, noverint se personam mortui requirenti satisfacere. Вотъ какой смыслъ придаетъ Глассонъ этому тексту, а Ф. де-Куланжъ ограничивается такимъ объясненіемъ [2]): Если убійство произошло между двухъ villae и убійца неизвѣстенъ, графъ долженъ созвать трубою обитателей двухъ villae и заявить имъ: я васъ приглашаю явиться на судебное разбирательство въ такой-то день и вы поклянетесь что невиновны въ преступленьи; если вы дадите такую клятву, то съ васъ не будетъ требуема никакая вира. Гдѣ же здѣсь, спрашиваетъ знаменитый историкъ, солидарность сосѣдей? Откуда видно, что они могутъ подвергнуться наказанію вмѣсто виновнаго? Текстъ говоритъ какъ разъ противоположное. Такая краткость комментарія Ф. де-Куланжа дала поводъ Глассону обвинить

---

[1]) Les communaux etc., p. 57.

[2]) L'alleu et le domaine rural, p. 183.

его въ намѣренномъ игнорированіи того мѣста, которое возлагаетъ, въ опредѣленномъ случаѣ, отвѣтственность на сосѣдей за убійство.

Намъ представляются оба толкованія нѣсколько искусственными, хотя мы всетаки ближе склоняемся къ послѣднему. Стараясь найти въ текстѣ только то, что въ немъ есть, мы не отвергаемъ ясно выраженной отвѣтственности сосѣдей въ томъ случаѣ, если они не оправдаютъ себя клятвой въ теченіе 40 дней; но эта отвѣтственность, по нашему, не есть результатъ тѣсной экономической связи между обитателями villa, какъ сообщинниками, а есть угроза со стороны правительства, имѣющая цѣлью скорѣйшее раскрытіе преступленія при тогдашнихъ крайне несовершенныхъ пріемахъ судебнаго слѣдствія. Дѣйствительно, убійство совершенное между двумя деревнями, по большей части, должно было быть дѣломъ рукъ кого-либо изъ населявшихъ эти двѣ villae; и вотъ, чтобы преступленіе не прошло безнаказанно, установленъ былъ срокъ для его раскрытія, казавшійся законодателю достаточнымъ въ интересахъ правосудія. Такъ что, если мы здѣсь и видимъ родъ коллективной отвѣтственности, она является внесенной со стороны, созданіемъ центральной власти, а не слѣдствіемъ общинной солидарности жителей villa.

Въ декретѣ Хильдеберта II важны для занимающихъ насъ вопросовъ §§ 5, 11 и 12 [1]). Параграфъ 5-й гласитъ слѣдующее: De homicidiis vero ita jussimus observare, ut quicumque ausu temerario alium sine causa occiderit vitae periculum feriatur: nam non de pretio redemptionis se redimat aut componat. Forsitan convenit ut ad solutionem quisque discendat, nullus de parentibus aut amicis ei quicquam adjuvet; nisi qui praesumpserit ei aliquid adjuvare, suum weregildum omnino componat, quia justum est, ut qui novit occidere, discat morire.

Глассонъ убѣжденъ, что здѣсь есть слѣдъ коллективной отвѣтственнвсти, такъ какъ законъ этотъ, по его мнѣнію, отмѣняетъ порядокъ отвѣтственности общины существовавшій до его изданія [2]). Ф. де-Куланжъ понимаетъ его такъ: „этотъ титулъ объявляетъ, что всякій убійца будетъ наказанъ смертью, въ виду запрещенія родственникамъ и друзьямъ помогать ему выпутаться. Это—нѣчто противоположное коллективной отвѣтственности“ [3]). Дѣйствительно, откуда взялъ Глассонъ, что этотъ законъ можно разсматривать, какъ отмѣняющій прежнюю отвѣтственность сообщинниковъ? Вѣдь, въ немъ нѣтъ и слова vicini, а рѣчь идетъ лишь о запрещеніи parentibus aut amicis—роднымъ и друзьямъ—помогать преступнику въ уплатѣ виры. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ текстъ нисколько не поможетъ защитникамъ теоріи общины.

[1]) Capitularia, Boretius, pp. 15—16.
[2]) Les communaux etc., pp. 60—61.
[3]) L'alleu et le domaine rural, p. 183.

Изъ двухъ другихъ параграфовъ, мы остановимся только на 11-мъ, такъ какъ 12-й аналогиченъ съ нимъ по содержанію. Вотъ онъ: Similiter convenit, ut si furtus factus fuerit, capitale de praesente centena restituat, et causa centenarius cum centenas requirat.

Ф. де-Куланжъ въ немъ, какъ и въ 12-мъ, видитъ лишь указаніе на полицейскую ассоціацію для преслѣдованія воровства; подъ centena онъ понимаетъ искуственное соединеніе гражданъ, поставленное подъ руководство centenarius'а съ цѣлью охранять общіе интересы собственниковъ [1]). Послѣ такого объясненія, кажется, Глассонъ напрасно настаиваетъ на томъ, что въ этомъ текстѣ устанавливается коллективная, общая отвѣтственность (une collectivité, une communauté), свидѣтельствующая противъ взглядовъ Ф. де-Куланжа. Если бы Глассонъ не готовъ былъ считать всякій коллективизмъ за свидѣтельство о земельной общинѣ, то онъ оставилъ бы въ сторонѣ этотъ текстъ. Въ немъ, вѣдь, рѣчь идетъ объ отвѣтственности centenae, созданной или по инициативѣ мѣстной администраціи или по добровольному соглашенію самихъ собственниковъ. Тотъ же смыслъ имѣетъ и § 9 декрета Хлотаря II [2]), приводимый Глассономъ въ подтвержденіе отвѣтственности centenae. Пониманіе centenae, предложенное Ф. де-Куланжемъ и принятое нами, конечно, не исключаетъ факта ея отвѣтственности, напротивъ, скорѣе считаетъ его необходимымъ. Какъ ни шатки были, до сихъ поръ, разсмотрѣнныя нами основанія теоріи общины у франковъ, но намъ далеко еще до итоговъ.

Нужно смотрѣть также, какъ на слѣды общиннаго порядка, продолжаетъ Глассонъ, на различнаго рода участіе vicini въ отправленіи правосудія. Самымъ важнымъ, въ этомъ смыслѣ, текстомъ, т.-е. обнаруживающимъ таковое участіе въ судѣ общинниковъ, нужно считать, по мнѣнію Глассона, третій параграфъ Саксонскаго капитулярія 797 года [3]): Item placuit omnibus Saxonibus, ut ubicumque Franci secundum legem solidos XV solvere debent, ibi nobiliores Saxones solidos XII, ingenui V, liti IIII, conponant. Къ сожалѣнію, Глассонъ ничего не прибавляетъ къ своему заявленію о важности приведеннаго текста. Ф. де-Куланжъ, въ свою очередь, замѣчаетъ только, что это capitulare Saxonicum, т.-е. документъ неподходящій для рѣшенія поднятаго вопроса. Дѣйствительно саксонцы далеко отставали отъ франковъ въ своемъ культурномъ развитіи и, понятно, сохраняли тѣ формы быта, которыя давно стали анахронизмомъ для этихъ послѣднихъ. Ф. де-Куланжу было важно показать, что франки утратили подъ

---

[1]) Histoire d. institutions politiques, t. III, p. 193.

[2]) Capitularia, Boretius., p. 5.

[3]) Ibidem, p. 71.

вліяніемъ римской цивилизаціи свое древнее устройство; и, конечно, онъ былъ правъ, не придавая, въ данномъ случаѣ, никакого значенія капитуляріи для саксовъ. Далѣе, внимательно разсматривая этотъ памятникъ, мы замѣчаемъ, что онъ совсѣмъ не касается того предмета, о которомъ говоритъ Глассонъ: онъ вовсе не обнаруживаетъ участія народа въ отправленіи правосудія. Въ немъ перечисляется цѣлый рядъ постановленій для саксовъ принятыхъ собраніемъ франкскихъ нобилей, при участіи саксовъ, созванныхъ, вѣроятно, для выслушанія рѣшеній этого совѣта (convenientibus in unum in ejus Caroli M. obsequio venerabilibus episcopis et abbatibus seu inlustris viris comitibus..., simulque congregatis Saxonibus de diversis pagis...). Каждому постановленію капитулярія предпосылается выраженіе: или omnes statuerunt (§ 2) или hoc etiam statuerunt (§ 4) или placuit omnibus (§ 10) и т. п.; параграфъ же третій начинается словами „placuit omnibus Saxonibus". Какъ мы должны, однако, понять это послѣднее выраженіе? Въ томъ ли смыслѣ, что оно обнаруживаетъ политическую самостоятельность саксовъ, право постановлять законы или, на ряду съ вышеприведенными выраженіями—placuit omnibus и т. п., оно обозначаетъ только единогласное согласіе представителей этого народа на довольно выгодную для него цифру штрафа за преступленія сравнительно съ величиною пени, налагаемой на франковъ? Намъ кажется второе предположеніе наиболѣе вѣроятнымъ, а первое совсѣмъ невозможнымъ. Впрочемъ, если бы мы согласились признать даже невозможное, то и тогда текстъ оказался бы неподходящимъ для доказательства интересующаго насъ положенія Глассона.

Всѣ остальные тексты, указанные Глассономъ въ качествѣ подтверждающихъ мнѣніе объ участіи народа въ судопроизводствѣ, настолько однообразны, что разборъ двухъ изъ нихъ дастъ достаточно матеріала для опредѣленія ихъ характера и значенія. Вотъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ: это—§ 3 XLIX титула закона Бургундовъ [1]): Ceterum de jumentis et animalibus longius, ut solet fieri, pervagantibus, quod prius statutum est, universitatem conveniet observare, id est, ut caballos alienos per regionem vagantes nemo corripiat. Sane si eos in re sua damnum sibi facientes inveneritclauseritque, vicinis suis et consortibus contestetur: et si dominus eorum non venerit, tertio die eos praesentibus testibus extra fines suos expellat. Quod si quisquam aliter fecerit, et convictus fuerit, triplici redhibitione teneatur obnoxius. Глассонъ думаетъ, что этотъ законъ, различая два сорта земель—непринадлежащую частному лицу и находящуюся въ частномъ владѣніи—вмѣняетъ въ обязанность владѣльцу послѣдней, въ случаѣ поимки животнаго на своей

---

[1]) Lex Burgundionum, ed. Bluhme, Monumenta Germaniae, Leges, t. III.

землѣ, обращаться съ жалобой къ сосѣдямъ и consortes, т.-е. сочленамъ по общинѣ, которые должны разобрать дѣло въ качествѣ судей-рахимбурговъ [1]). Ф. де-Куланжъ, опуская первую половину текста, передаетъ вторую такъ: „Если кто-нибудь найдетъ на своей землѣ чужихъ лошадей, производящихъ потраву, то онъ долженъ сперва обратиться къ своимъ сосѣдямъ для засвидѣтельствованія и оцѣнки попорченнаго, затѣмъ обязанъ выгнать лошадей“ [2]). Соглашаясь съ объясненіемъ Ф. де-Куланжа второй части постановкенія, добавимъ толкованіе къ первой: она повторяетъ только общее правило (universitatem) относительно бродячихъ животныхъ, изданное раньше: именно, что никто не долженъ ихъ уродовать (nemo corripiat). Но гдѣ же здѣсь указаніе на общинную землю? Неужели такъ понимается regio? Или выраженіе consors принимается Глассономъ въ смыслѣ сообщинникъ? Но, кажется, нѣтъ основаній придавать этому слову какой-либо иной смыслъ, кромѣ трехъ значеній его, указанныхъ Ф. де-Куланжемъ [3]), на основаніи цѣлаго ряда текстовъ: именно, или сосѣдъ, или сонаслѣдникъ, или одинъ изъ двухъ совладѣльцевъ. Наконецъ, ни содержаніе даннаго параграфа, ни отдѣльныя выраженія его не позволяютъ думать о томъ, будто здѣсь дѣло идетъ о судебномъ разбирательствѣ, и сосѣди играютъ роль судей. Ничего не можетъ быть произвольнѣе подобнаго предположенія.

Посмотримъ, каковъ еще текстъ, на который ссылается Глассонъ. Это § 2-й XI титула Баварскаго закона [4]): Si quis dum arat, vel plantat vineam, terminos casu non voluntate evellerit vicinis praesentibus restituat terminum, et nullum damnum inde patiatur. Въ виду отсутствія толкованія на него какъ у Глассона, такъ и у Ф. де-Куланжа, попробуемъ, прежде всего, перевести его буквально: „Если кто, распахивая землю или сажая виноградникъ, нечаянно выроетъ межевые знаки, то онъ долженъ въ присутствіи сосѣдей возстановить границу и тогда отъ этого не произойдетъ для него никакого ущерба.“ Текстъ совершенно ясно говоритъ только о необходимости призывать сосѣдей въ томъ случаѣ, когда они или прямо заинтересованы въ дѣлѣ или могутъ дать нужныя указанія для возстановленія нарушенной межи. Смыслъ этого параграфа далекъ отъ того, чтобы въ немъ видѣть даже намекъ на судейскія функціи vicini. Слѣдовательно, и этотъ текстъ, какъ всѣ проанализированныя нами извлеченія Глассона изъ первоисточниковъ, оказывается несоотвѣтствующимъ тезису, въ подкрѣпле-

---

[1]) Les communaux etc., pp. 69—70.
[2]) L'alleu et le domaine rural, p. 185.
[3]) Ibidem, p. 170.
[4]) Lex Baiuwariorum, Pertz, Leges, t. III.

ніе котораго онъ приведенъ. Мы видѣли, что ни право распоряженія землей общинниковъ, ни ихъ коллективная отвѣтственность, ни право сосѣдей на наслѣдованіе земли умершаго.сосѣда, ни наконецъ, участіе ихъ въ отправленіи правосудія, не могутъ быть выведены изъ памятниковъ эпохи. Всѣ эти мысли суть ничто иное, какъ болѣе или менѣе остроумныя гипотезы, основанныя на неточномъ, а иногда и произвольномъ толкованіи документовъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что всегда и безусловно правъ Ф. де-Куланжъ, отвергающій не только общинное землевладѣніе, но и ограничивающій до minimum'а мелкую земельную собственность. Нѣтъ, мы старались показать, гдѣ могли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ кромѣ крупнаго помѣстья Ф. де-Куланжъ не видитъ ничего, тексты какъ разъ говорятъ о свободныхъ деревняхъ, т.-е. о мелкихъ собственностяхъ. Но наше противорѣчіе знаменитому автору L'alleu et le domaine rural никогда не заходило такъ далеко, чтобы не признавать его заслуги въ дѣлѣ разрушенія ученыхъ иллюзій на счетъ общины у франковъ. Напротивъ, въ этомъ онъ сто разъ правъ и наши возраженія имѣютъ лишь смыслъ ничтожной поправки къ труду грандіозной важности. Мы, какъ будто, готовы произнести окончательное сужденіе и о трудѣ Глассона, но это пока преждевременно. Историкъ юристъ намъ указываетъ еще на цѣлую серію текстовъ, въ которыхъ находятся слѣды общинныхъ порядковъ. Чтобы не быть слишкомъ долгимъ, остановимся на тѣхъ текстахъ, которымъ Глассонъ придаетъ наибольшее значеніе. Это, прежде всего, первый титулъ закона Бургундовъ [1]), гласящій слѣдующее: Quia nihil de praestita patribus donandi licentia vel munificentia, dominantium legibus fuerat constitutum, praesenti constitutione omnium uno voto et voluntate decrevimus ut patri etiam antequam dividat, de communi facultate et de labore suo cuilibet donare liceat, absque terra sortis titulo acquisita, de qua prioris legis ordo servabitur. Понимая выраженіе terra sortis titulo acquisita въ смыслѣ „земля, полученная по жребію“ (при земельныхъ передѣлахъ), Глассонъ полагаетъ, что именно ее то и нельзя было отчуждать de communi facultate, т.-е. изъ общиннаго имущества. Ф. де-Куланжъ переводитъ существенную часть текста такъ: „Мы повелѣли, чтобы каждый отецъ, до раздѣла имущества между сыновьями, могъ давать въ даръ, изъ неподѣленнаго добра и изъ своихъ пріобрѣтеній, кому что пожелаетъ“. De communi facultate обозначаетъ, продолжаетъ онъ, общее семейное имущество; если бы земля принадлежала цѣлой деревнѣ, отецъ не имѣлъ бы права дѣлить ее между сыновьями... Непереведенная Ф. де-Куланжемъ фраза absque terra sortis titulo acquisita даетъ поводъ Глассону обвинять своего

[1]) Lex Burgundionum, Bluhme.

оппонента въ намѣренномъ пропускѣ этихъ словъ, хотя совсѣмъ напрасно. Ничего нѣтъ легче, понимая sors въ смыслѣ, предложенномъ Ф. де-Куланжемъ, передать цѣлое выраженіе согласно съ общимъ содержаніемъ титула, по переводу знаменитаго историка, именно: кромѣ земли, пріобрѣтенной по наслѣдству (sortis titulo), остальная фамильная собственность можетъ подлежать раздѣлу. Или, вспомнивъ, что между римлянами и бургундами былъ совершенъ раздѣлъ земли, эту фразу можно передать слѣд. образ.: кромѣ земли полученной при раздѣлѣ (разъ навсегда произведенномъ). Въ такомъ случаѣ, гдѣ же здѣсь общинное имущество?

Далѣе, Глассонъ разсматриваетъ XXXI-ый титулъ того же закона [1]). Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ двухъ параграфовъ: 1. Inter Burgundiones et Romanos id censuimus observadum, ut quicunque in communi campo nullo contradicente vineam fortasse plantaverit, similem campum illi restituat, in cujus campo vineam posuit. 2. Si vero post interdictum quicunque in campo alterius vineam plantare praesumpserit, laborem suum perdat et vineam cujus est campus accipiat. Ф. де-Куланжъ полагаетъ, что этотъ законъ говоритъ о полѣ, находящемся во владѣніи двухъ лицъ (т.-е. о „coproprіété") и передаетъ его содержаніе такъ: „Если кто-либо въ полѣ, которымъ онъ владѣетъ нераздѣльно съ другимъ, посадитъ виноградъ, то будетъ обязанъ отдать за это равную часть земли тому, кому принадлежитъ поле". Законъ указываетъ ясно, продолжаетъ Фюстель, тотъ случай, когда одинъ изъ двухъ совладѣльцевъ производитъ измѣненіе въ общей собственности. Глассонъ, возражая противъ приведеннаго толкованія, замѣчаетъ, что, еслибы рѣчь шла только о двухъ владѣльцахъ, въ законѣ не встрѣчались бы выраженія: quicunque, nullo contradicente или, тѣмъ болѣе, inter Burgundiones et Romanos. Этотъ текстъ, заявляетъ Глассонъ, ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ общиной, заключавшей въ себѣ одновременно и бургундовъ и римлянъ; въ ней было только произведено раздѣленіе нѣкоторыхъ земель для частнаго пользованія, съ тѣмъ, чтобы никто изъ общинниковъ не измѣнялъ результатовъ этого раздѣла безъ согласія остальныхъ членовъ общины.

Выраженія, эксплуатируемыя Глассономъ въ пользу своей теоріи, намъ представляется возможнымъ объяснить согласно съ толкованіемъ Ф. де-Куланжа, лишь добавивъ къ нему кое-что. Именно, Ф. де-Куланжъ, совсѣмъ безъ необходимости для защищаемаго имъ положенія, отвергаетъ фактъ раздѣла земель между римлянами, съ одной стороны, и бургундами и готами, съ другой. Мы же, соглашаясь съ общепринятымъ мнѣніемъ, полагаемъ, что въ разсматриваемомъ текстѣ

[1]) Ibidem.

рѣчь идетъ о землѣ, находящейся въ совладѣніи между бургундами и римлянами. Въ виду того, что параграфъ закона говоритъ вообще о нарушеніяхъ права собственности на поле, ставшее общимъ достояніемъ римлянина и бургунда, въ каждомъ данномъ помѣстьѣ, онъ употребляетъ выраженія: inter Burgundiones et Romanos, quicunque; это же обстоятельство, т.-е. всеобщій характеръ законодательной формулы, должно быть, заставилъ законодателя поставить выраженіе nullo contradicente, хотя возможно и другое предположеніе: можетъ быть, здѣсь разумѣются случаи противорѣчія (contradicendi, interdicti) не только со стороны хозяина участка, но и всѣхъ его домочадцевъ.

Тотъ же смыслъ, но болѣе ясный, благодаря такому выраженію какъ hospes, указывающему на взаимныя отношенія между римляниномъ - хозяиномъ и бургундомъ-поселенцемъ, имѣетъ и XIII-й титулъ бургундскаго закона [1]): Si quis tam Burgundio quam Romanus in silva communi exartum fecerit, aliud tantum spatii de silva hospiti suo consignet, et exartum, quem fecit, remota hospitis communione possideat. Мы переведемъ его такъ: Если бургундъ или римлянинъ вырубитъ часть лѣса, находящагося въ совладѣніи ихъ обоихъ, то будетъ обязанъ такое пространство лѣса, какое вырубилъ, отдать совладѣльцу, а самъ—владѣть вырубленнымъ участкомъ, отказавшись отъ права совмѣстнаго пользованія остальной частью лѣса.

Въ этомъ титулѣ бургундскаго закона мы можемъ наблюдать особый случай общаго пользованія (communio) извѣстной частью земли, которое имѣло мѣсто между совладѣльцами какого-нибудь помѣстья. Часть каждаго изъ совладѣльцевъ, въ такихъ случаяхъ, называлась portio. Обычай дробленія помѣстья на portiones Ф. де-Куланжъ ведетъ отъ римскаго времени: онъ указываетъ рядъ примѣровъ изъ актовъ купли-продажи и духовныхъ завѣщаній, откуда видно что можно было уступать то одну, то пять, то десять unciae (двѣнадцатыхъ) одного fundus (имѣнья) [2]). То же самое наблюдается и въ меровингской Галліи. Нужно замѣтить однако, что это дробленіе помѣстья не уничтожало связи между его частями: она выражалась въ томъ, что всѣ части объединялись однимъ общимъ наименованіемъ; очень рѣдко, въ дѣйствительности, происходило размежеваніе. По большей части, дѣлились только доходы съ имѣнья; а иногда оно раздѣлялось по числу mansi—участковъ, обрабатываемыхъ рабами, такъ какъ каждый участокъ давалъ обыкновенно опредѣленный доходъ. Неудобно было только, полагаетъ Фюстель, дѣлить такимъ способомъ

[1]) Lex Burgundionum, Bluhme.
[2]) L'alleu et le domaine rural, p.p. 21—22.

лѣсъ, и потому онъ оставался матеріально нераздѣленнымъ, вслѣдствіе чего возникало communio silvae, т.-е. общее пользованіе лѣсомъ между совладѣльцами [1]).

Объяснивъ съ точки зрѣнія Ф. де-Куланжа послѣдній текстъ, посмотримъ, выдерживаетъ ли критику утвержденіе Глассона о томъ, что между многими другими предметами, и мельницы были въ общемъ владѣніи общинниковъ [2]). Онъ ссылается на § 2-й VIII титула Баварскаго закона: Et si ecclesia, vel infra curtem ducis, vel in fabrica, vel in molino aliquid furaverit, thrimniungeldo componat, hoc est ter novem reddat: *quia istae quattuor domus casae publicae sunt*, et semper patentes [3]). Эту цитату намъ кажется трудно растолковать въ желаемомъ для Глассона смыслѣ, такъ какъ для этого нужно перевести слово publicus выраженіемъ „принадлежащій общинѣ“. Но, соглашаясь на такой переводъ, мы должны были бы и дворецъ герцога и церковь считать собственностью общины, въ виду того, что тотъ же терминъ publicus прилагается и къ нимъ. Естественнѣе всего передать спорное мѣсто такъ: „эти четыре дома—общественныя зданія“. Если бы мы, въ настоящее время, существованіе общественныхъ зданій стали считать признакомъ общиннаго владѣнія землей или хоть даже остатками подобнаго порядка вещей, то могли бы, Богъ знаетъ, какія сдѣлать открытія!

До сихъ поръ всѣ тексты, выставляемые Глассономъ въ качествѣ фундамента его теоріи, удавалось истолковывать согласно съ мнѣніями Ф. де-Куланжа. Теперь остается узнать, возможно ли то же самое по отношенію къ communia, довольно часто упоминаемымъ въ формулахъ меровингской поры. Но прежде всего, что такое communia? Ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ, впрочемъ, предполагаетъ уже его рѣшеніе, но за то, выражаясь невполнѣ опредѣленно, мы не предрѣшимъ его, если скажемъ, что подъ этимъ нужно разумѣть лѣса и выгоны—silvae, pascua—находившіеся въ общемъ пользованіи нѣкоторой группы лицъ. Глассонъ и его единомышленники подъ этой группой разумѣютъ свободныхъ поселянъ, живущихъ въ общинномъ соединеніи, Ф. де-Куланжъ—зависимыхъ отъ помѣщика людей, его крѣпостныхъ и колоновъ. Глассонъ не приводитъ никакихъ доказательствъ спеціальнаго характера въ защиту своего мнѣнія, Ф. де-Куланжъ, напротивъ, указываетъ цѣлый рядъ фактовъ и соображеній въ подтвержденіе своего. Помѣстье, говоритъ онъ [4]), всегда дѣлилось на

---

[1]) Ibidem, p.p. 238—252.
[2]) Les communaux etc., p. 25.
[3]) Lex Baiuwariorum, Pertz, Leges, t. III.
[4]) L'alleu et le domaine rural, pp. 424—437.

двѣ части, изъ которыхъ одна отдавалась въ аренду, а другая—dominicum—оставалась за господиномъ и обрабатывалась его рабами. Непрактично было дѣлить лѣсъ и выгоны на небольшіе участки; да и неудобно это было для самихъ крестьянъ. Въ былое время римскій крупный помѣщикъ любилъ охоту; смѣнившій его франкскій землевладѣлецъ имѣлъ ту же страсть; поэтому лѣсъ оставался въ господской части имѣнія, а выгоны не дѣлились Съ другой стороны, хотя каждый манзъ состоялъ чаще всего изъ земель различнаго сорта: именно, у каждаго держальца, обыкновенно, была и пахатная земля, и небольшой виноградникъ, и лужокъ, но всего этого было недостаточно для его хозяйственныхъ нуждъ. Для содержанія нѣсколькихъ барановъ и свиней, ради дровъ и строеваго лѣса—на починку хижины и сараевъ—ему необходимо было воспользоваться помѣщичьимъ лѣсомъ и выгономъ. За право пользованія ими, въ опредѣленномъ размѣрѣ, крестьяне обязывались нести извѣстныя повинности въ пользу помѣщика. Такъ, въ Сен-Жерменскомъ регистрѣ (хозяйственной книгѣ) можно найти указаніе, что въ имѣньяхъ Palaiseau, Verrières и нѣкоторыхъ другихъ всѣ арендаторы платятъ, каждый по 4 денарія, pro ligneritia и pro pastione [1]) Ligneritia—ничто иное какъ право пользоваться лѣсомъ господина, а pastio право пасти стадо на его землѣ. Изъ регистра аббатства Прумъ [2]) видно, что не весь лѣсъ отдавался въ пользованіе арендаторамъ; часть оставалась за господиномъ (foreste), а другая становилась „общей“ (communis). Нельзя думать, впрочемъ, чтобы эта часть лѣса была коллективной собственностью деревни, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о свободныхъ деревняхъ, но объ имѣньяхъ, въ которыхъ живутъ крѣпостные или отпущенники. Лѣсъ считается общимъ потому, что собственникъ уступаетъ держальцамъ общее пользованіе имъ въ количествѣ строго обозначенномъ за опредѣленное вознагражденіе. То же самое раздѣленіе лѣса на „собственный“ (forêt réservée) и общій (commune) встрѣчается въ Сен-Галльскихъ формулахъ: „Отдаю“, говорится въ одной, „помѣстье такого-то наименованія, въ томъ видѣ, въ какомъ владѣли имъ на правѣ полной собственности мои предки и я, т.-е. съ домами, плодовымъ садомъ, мельницами, полями, лугами, общимъ лѣсомъ и собственнымъ (silvis communiis et propriis), выгонами, рабами, скотомъ“ [3]). Часть dominicum'а, предоставлявшаяся держальцамъ въ пользованіе, называется communia во многихъ грама-

---

[1]) Polyptyque de Saint-Germain, IX, 153—155, 158; XVIII, 3 и слѣд., XXV, 3 и слѣд., ed. Guérard.

[2]) Beyer, Urkundenbuch zur Geschichte der mittelrheinischen Territorien, p. 175

[3]) Formulae merovingici aevi, ed. Zeumer, p. 385.

тахъ сѣвера Галліи и области Рейна. Актомъ 687 г. Амальфридъ и его жена Хильдеберта дарятъ имѣніе Honulfocurtis монастырю Sithiu; обычнымъ слогомъ хартій сказано, что это помѣстье „во всей полнотѣ (cum omni integritate), съ землями, манзами, сооруженіями, рабами, полями, лѣсами, лугами, выгонами, мельницами, communia и всѣмъ, безъ всякаго исключенія, отдается монастырю" [1]). Затѣмъ, восемь формулъ, т.-е. образцовъ актовъ меровингскаго времени упоминаютъ о communia, какъ о частяхъ помѣстья, принадлежащихъ въ качествѣ собственности продавцу или дарителю [2]). Во всѣхъ этихъ актахъ весьма энергично выражено, что communia—собственность частнаго лица, mea est possessio vel dominatio. Тѣ же документы говорятъ, что эти communia передаются изъ рукъ продавца или дарителя въ собственность покупателя или одаряемаго—de meo jure et dominatione in vestrum jus et dominationem transfundo. Нѣтъ ни одного памятника, гдѣ бы communia имѣло другой смыслъ; оно всегда заключено внутри помѣстья и продается, завѣщается, дарится вмѣстѣ съ нимъ. Продажа и дареніе совершаются не отъ имени общины, а всегда отъ одного лица. Помѣстье, резюмируетъ и дополняетъ сказанное Ф. де-Куланжъ, обыкновенно распадалось на три части. Одну собственникъ сохранялъ для себя и эксплуатировалъ исключительно въ свою пользу; это манзъ господскій (le manse dominical). Вторая часть распредѣлялась между мелкими арендаторами, крѣпостными или колонами (manses serviles et ingenuiles). Оставалась третья часть, заключавшая въ себѣ необработанныя земли или участки трудной культуры; эта земля, неудобная для раздѣленія на аренды (tenures) оставлялась хозяиномъ въ общее пользованіе державцевъ. Таковы communia съ IV по IX столѣтіе. Они измѣнятся современемъ и примутъ другой видъ, но здѣсь указано ихъ происхожденіе. Они не ведутъ своего начала отъ коллективной собственности, которой не видно никакого слѣда, они происходятъ отъ предоставленія землевладѣльцемъ извѣстныхъ угодій въ пользованіе своимъ арендаторамъ. Кажется достаточно изложеннаго, чтобы вполнѣ принять взглядъ Ф. де-Куланжа на communia. Разсмотрѣніемъ вопроса о нихъ кончается, собственно, наша задача.

Мы поставили себѣ цѣлью провѣрить при свѣтѣ замѣчательнаго

---

[1]) Diplomata. Pertz, n. 56.

[2]) Formulae, ed. Rozière, №№ 118, 172, 200, 202, 242, 251, 331, 346. Извлеченіе изъ 118 ф.: ...id est mansos cum aedificiis super positis, cum terris, silvis, campis, pratis, pascuis, communiis et mancipiis ibidem commanentibus, vel quantumcunque in ipso loco mea videtur esse possessio vel dominatio, totum et ad integrum per hanc cartolam cessionis ...de nostro jure in jure et dominatione tua perpetualiter adfirmo...

труда Ф. де-Куланжа тѣ мысли и положенія, которыя высказываетъ Глассонъ въ своихъ возраженіяхъ на этотъ трудъ. Защищаемая имъ точка зрѣнія—существованіе земельной общины въ франкскомъ государствѣ, какъ намъ извѣстно, подкрѣпляется цѣлой серіей текстовъ, которые мы старались расположить въ послѣдовательности, принятой Глассономъ. Важнѣйшіе изъ этихъ текстовъ приведены нами всѣ, изъ второстепенныхъ мы выбрали типичнѣйшіе. Построеніе нашей статьи оправдывается тѣмъ же желаніемъ, какое было у Глассона, остановить вниманіе читателя на мысли, что въ такомъ вопросѣ, какъ вопросъ о существованіи или несуществованіи общиннаго землевладѣнія, все дѣло сводится къ анализу, главнымъ образомъ, юридическихъ памятниковъ эпохи. Не всѣ изъ нихъ, конечно, могутъ дать матеріалъ для рѣшенія вопроса въ ту или другую сторону, и потому, понятно, расположеніе документовъ въ опредѣленномъ порядкѣ зависитъ отъ степени важности ихъ. Глассонъ, напримѣръ, видитъ въ титулѣ De migrantibus самое яркое свидѣтельство существованія земельной общины, потому съ него и начинаетъ разсмотрѣніе документовъ; затѣмъ уже приводитъ тексты, могущіе дать косвенное указаніе на существованіе той же общины, каковы—свидѣтельствующіе о коллективной отвѣтственности, о юрисдикціи общины и т. п.; и, наконецъ тѣ, въ которыхъ сохранился лишь намекъ на прежній порядокъ: именно, говорящіе только объ общинномъ пользованіи лѣсами, выгонами и нѣкоторыми сооруженіями. Въ виду того, что своей статьей мы исчерпали почти все содержаніе книги Глассона, намъ кажется, что о ней сказано довольно. Но отрицательный выводъ, къ которому мы пришли въ оцѣнкѣ защиты Глассономъ популярной теоріи, могъ ли получиться, если бы не было книги Ф. де-Куланжа? Для насъ, по крайней мѣрѣ, безусловно нѣтъ. Значитъ, всѣ возраженія Глассону въ нашей статьѣ состоятъ или изъ соображеній, высказанныхъ Ф. де-Куланжемъ или изъ положеній, построенныхъ на основаніи данныхъ, добытыхъ его изслѣдованіемъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что и значительная часть труда Ф. де-Куланжа пересказана нами. Намъ не пришлось до сихъ поръ упомянуть даже о прекрасномъ очеркѣ галло-римскаго помѣстья, занимающемъ около четверти сочиненія Ф. де-Куланжа; но ясно, что пересказъ этого отдѣла не входилъ въ нашу задачу. Мы только упомянули мимоходомъ объ изслѣдованіи положенія земледѣльческихъ классовъ меровингской поры, заключающемся въ томъ же трудѣ Ф. де-Куланжа; впрочемъ, заговоривъ объ этой части работы, необходимо было бы передать ея содержаніе почти въ полномъ видѣ. Мы также не сказали о попыткѣ Ф. де-Куланжа на основаніи названій villae, опредѣлять, которую изъ нихъ нужно считать помѣстьемъ, а которую деревней: но мы это сдѣлали созна-

тельно, въ виду оспоримости его утвержденій (насколько намъ извѣстно, уже Arbois de Jubainville довольно основательно возражалъ противъ его теоріи) [1]. Но какъ ни неполно передано нами содержаніе труда Ф. де-Куланжа, мы надѣемся однако, что его значеніе, на сколько было въ нашихъ силахъ, указано правильно. Если мы и ошибались, увлекаясь взглядами и разсужденіями Ф. де-Куланжа, то въ этомъ виноватъ только его талантъ. Если появится когда-нибудь трудъ, написанный съ такимъ же знаніемъ дѣла и такъ убѣдительно, какъ это мы утверждаемъ относительно L'alleu et le domaine rural, то мы не сочтемъ для себя неудобнымъ перемѣнить и наше мнѣніе о землевладѣніи во франкскомъ государствѣ; но пока мы за взгляды Ф. де-Куланжа.

---

[1]) Recherches sur l'origine de la propriété foncière et des noms de lieux habités en France. 1890.

Иностранные историческіе журналы.

Н. К. и Г. Ф.

Въ этой краткой замѣткѣ мы намѣрены познакомить русскихъ читателей съ главнѣйшими изъ историческихъ журналовъ, издающихся заграницей. Помимо общаго интереса, какой они представляютъ для спеціалистовъ и любителей исторической науки, они могутъ служить образцами для подобнаго же изданія и въ Россіи, вопросъ о которомъ долженъ быть только дѣломъ времени, такъ какъ наше Историческое Общество рано или поздно намѣрено приступить къ изданію періодическаго органа исторической науки. У насъ нѣтъ журнала, который одною изъ главнѣйшихъ задачъ поставилъ бы слѣдить за движеніемъ исторической науки въ Россіи и за важнѣйшими трудами по исторіи, появляющимися въ западной Европѣ и въ славянскихъ странахъ, и въ этомъ отношеніи мы лишены того, что представляетъ изъ себя, наприм., польскій *Kwartalnik historyczny*. Давая періодическіе отчеты о русскихъ историческихъ работахъ, мы доставили бы возможность и иностраннымъ историческимъ журналамъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ нашей наукѣ. Къ великому своему прискорбію, мы должны отмѣтить то общее явленіе, что для заграничныхъ историческихъ журналовъ русская научная литература, за немногими исключеніями, какъ бы вовсе не существуетъ, въ чемъ читатель убѣдится изъ нижеслѣдующаго обзора. И это по нашей винѣ: историки другихъ націй сами знакомятъ иностранцевъ съ современнымъ состояніемъ родной исторіографіи, дѣлаясь корреспондентами чужихъ историческихъ журналовъ, но всѣ попытки послѣднихъ привлечь къ подобному дѣлу русскія ученыя силы оканчивались почти только одними обѣщаніями съ нашей стороны. Исключеніе представляютъ изъ себя только два журнала: одинъ польскій и одинъ французскій, первый

потому, что поляки должны слѣдить за извѣстной частью русской исторической литературы, касающейся и старо-польскихъ отношеній, а французскій—имѣя въ составѣ своей редакціи одного русскаго, давно поселившагося во Франціи [1]). Мы надѣемся, однако, что и наше Общество, и частная иниціатива положатъ конецъ такому положенію вещей.

Помимо всего этого, въ своемъ обзорѣ мы должны отмѣтить, что иностранные историческіе журналы касаются иногда русской исторіи, но преимущественно, конечно, внѣшней, т.-е. дипломатической и военной. Понятное дѣло, что такія работы появляются главнымъ образомъ у нашихъ сосѣдей, наприм. въ журналахъ скандинавскихъ. Такъ какъ польскій историческій журналъ разрабатываетъ исторію всѣхъ земель, входившихъ въ составъ прежней Рѣчи Посполитой, то понятно, что въ немъ встрѣчаются статьи, важныя также для южно- и западно-русской исторіи.

Дѣлая здѣсь общій обзоръ иностранныхъ историческихъ журналовъ, мы въ будущемъ предполагаемъ знакомить русскихъ читателей и болѣе подробнымъ образомъ съ ихъ содержаніемъ.

Начнемъ этотъ обзоръ съ Франціи. Самымъ старымъ общеисторическимъ журналомъ во Франціи является *Revue des questions historiques*, основанный Бокуромъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Выпускается эта revue четыре раза въ годъ книжками въ 20—22 листа каждая (цѣна годоваго изданія въ Россіи 25 франковъ). Направленіе журнала клерикальное, и въ числѣ его постоянныхъ сотрудниковъ находится одинъ русскій, о. Мартыновъ, принадлежащій къ ордену іезуитовъ, благодаря чему журналъ слѣдитъ за русской исторической литературой. Кромѣ нѣсколькихъ историческихъ статей и замѣтокъ, каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ отдѣлы, въ коихъ обозрѣвается текущая исторіографія: во-первыхъ, это такъ-называемые *courriers* англійскій, бельгійскій, нѣмецкій, русскій и т. д.; во-вторыхъ, хроника, содержащая въ себѣ разнаго рода извѣстія, касающіяся исторической науки; далѣе, обзоръ періодическихъ изданій, въ коемъ излагается вкратцѣ содержаніе историческихъ статей въ журналахъ; наконецъ, библіографическій бюллетень, т.-е. замѣтки о вновь вышедшихъ книгахъ.

Revue historique существуетъ уже 15 лѣтъ, въ теченіе коихъ подъ этимъ заглавіемъ издано уже сорокъ пять томовъ въ 500 страницъ каждый. Журналъ этотъ выходитъ въ свѣтъ шесть разъ въ годъ книжками въ 15—16 листовъ (двѣ книжки составляютъ томъ), заклю-

---

[1]) Въ чешскомъ „Атенеумѣ“ довольно старательно слѣдятъ за русской научной литературой.

чая въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) историческія статьи и документы, 2) историческій бюллетень и критическіе отчеты о книгахъ, 3) обзоръ содержанія періодическихъ изданій и трудовъ ученыхъ обществъ и 4) хроника съ библіографіей. Историческіе бюллетени состоятъ изъ связныхъ обзоровъ работъ по исторіи во Франціи и въ другихъ государствахъ, для чего редакція имѣетъ иностранныхъ корреспондентовъ, присылающихъ ей такіе обзоры (къ сожалѣнію, обзоры русской литературы—величайшая рѣдкость). Обзоръ содержанія періодическихъ изданій весьма полный: приводятся названія всѣхъ историческихъ статей (иногда съ краткими замѣчаніями), помѣщенныхъ въ десяткахъ изданій французскихъ и иностранныхъ (русскія опять отсутствуютъ). Хроника содержитъ въ себѣ отрывочныя извѣстія и замѣтки о разныхъ научныхъ предпріятіяхъ, изданіяхъ документовъ, новыхъ книгахъ. Редактируется журналъ этотъ извѣстнымъ историкомъ Моно (Monod). Подписная цѣна въ Россіи 33 франка въ годъ.

Къ числу французскихъ историческихъ журналовъ можно отнести еженедѣльную *Revue critique d'histoire et de littérature*, которая въ 1891 году вступаетъ въ 25-й годъ существованія. Критическое обозрѣніе выходитъ тетрадками въ два листа и стоитъ въ Россіи 25 фр. Въ каждомъ нумерѣ рецензируется около десятка или дюжины книгъ, имѣется коротенькая хроника и печатаются краткіе отчеты объ академическихъ засѣданіяхъ. Перечень статей въ періодическихъ изданіяхъ также занимаетъ нѣкоторое мѣсто въ этомъ изданіи. (По его образцу у насъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ было предпринято въ Москвѣ изданіе „Критическаго обозрѣнія“ М. М. Ковалевскимъ и Вс. Ѳ. Миллеромъ).

Къ спеціальнымъ историческимъ журналамъ, издающимся во Франціи, кромѣ академическихъ изданій [1]) и нѣсколькихъ провинціальныхъ историческихъ обозрѣній, относятся между прочимъ: „Азіатское обозрѣніе“, „Обозрѣніе греческихъ изученій“, „Анналы свободной школы политическихъ наукъ“, „Архивъ исторіи, искусства и литературы“, „Библіотека археографической школы“ (école des chartes), „Бюллетень эллинской корреспонденціи“, „Бюллетень церковной исторіи“, „Новое историко-юридическое обозрѣніе“, „Средніе вѣка“, „Французская революція“ [2]), „Критическое обозрѣніе исторіи и литературы“, „Историко-дипломатическое обозрѣніе“, „Обозрѣніе исторіи религій“, изданія Общества исторіи Франціи, Общества исторіи Парижа, Общества исторіи французскаго протестантизма и т. д. [3]).

---

[1]) „Académie des inscriptions et des belles lettres“ и „Académie des sciences morales et politiques“.

[2]) Объ этомъ изданіи см. выше, стр. 41 и слѣд. перваго отдѣла.

[3]) Подробности въ интересной статьѣ *Monod*: „Die geschichtlichen Stu-

Въ Германіи мы должны отмѣтить также нѣсколько подобныхъ изданій и прежде всего *Историческій временникъ* (Historische Zeitschrift) Зибеля, который является однимъ изъ старѣйшихъ историческихъ изданій, существующихъ въ наше время, такъ какъ основаніе ему было положено въ 1859 году. Выпускаются книжки этого журнала четыре раза въ годъ по 12 листовъ въ каждой книжкѣ, причемъ два выпуска составляютъ одинъ томъ (такихъ томовъ вышло до настоящаго времени 65). Журналъ наполняется историческими статьями и рецензіями новыхъ книгъ, но систематическихъ обзоровъ исторической литературы въ Германіи и въ другихъ странахъ въ немъ нѣтъ. Самыя статьи въ немъ имѣютъ болѣе или менѣе случайный характеръ, что, впрочемъ, можно сказать и обо всѣхъ подобныхъ изданіяхъ, и попадаются иногда статьи исторіологическаго характера. Важную часть каждаго выпуска *Historische Zeitschrift* составляетъ обзоръ исторической литературы, состоящій изъ небольшихъ рецензій историческихъ трудовъ. Въ каждомъ выпускѣ въ такомъ „Literaturbericht'ѣ" дается отчетъ о нѣсколькихъ десяткахъ книгъ, списокъ коихъ занимаетъ раздѣленную на два столбца четвертую страницу обложки, причемъ часто для этого списка здѣсь не хватаетъ мѣста и окончаніе списка переносится на страницу 3. Изъ двѣнадцати печатныхъ листовъ, изъ коихъ состоитъ каждый выпускъ, бóльшая половина бываетъ занята этими рецензіями. Отмѣчаются, главнымъ образомъ, книги на нѣмецкомъ языкѣ или касающіяся нѣмецкой исторіи, и вообще журналъ не имѣетъ такого общеисторическаго характера, съ какимъ являются позднѣе его возникшія французскія историческія обозрѣнія.

Mittheilungen aus der historischen Literatur издаются берлинскимъ Историческимъ обществомъ (подъ редакціей д-ра Фердинанда Гирша) уже 18 лѣтъ, тетрадками въ 6 листовъ, выходящими четыре раза въ годъ. Цѣль изданія—давать отчеты о новыхъ историческихъ трудахъ, причемъ по возможности дѣлаются указанія вообще на состояніе отдѣльныхъ вопросовъ въ исторической наукѣ. Въ каждой тетрадкѣ разсматривается около трехъ десятковъ историческихъ работъ, и отчеты даются чисто объективные. Къ изданію этому на отдѣльныхъ листкахъ прилагаются протоколы засѣданій берлинскаго Историческаго общества. Годовая цѣна 6 марокъ въ годъ.

Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, журналъ, издаваемый Квидде, сталъ выходить съ 1-го января 1889 года и выпускается четыре раза въ годъ книжками отъ 18 до 20 листовъ; редактированіе его—въ вѣдѣніи доктора Л. Квидде, ученика Вейцзэк-

dien in Frankreich. Deutsche Zeitschrift für Geschichtwissenschaft". 1889, III, 171.

кера, участвующаго, между прочимъ, и въ изданіи нѣмецкихъ рейхстагсактовъ. Журналъ сосредоточивается главнымъ образомъ на политической исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени; цѣли, которыми онъ задался, строго научныя, т.-е. журналъ свободенъ отъ всякой религіозно-политической тенденціи; онъ не примыкаетъ исключительно ни къ какой школѣ, ни къ какому предвзятому научному направленію. Журналъ Квидде распадается на слѣдующіе отдѣлы: статьи и изслѣдованія, мелкія сообщенія, обзоры исторіографіи по различнымъ государствамъ Европы (Англіи, Франціи и др.), извѣстія и хроника и, наконецъ, библіографія Германіи. Крупныя статьи и изслѣдованія, стоящія въ этомъ журналѣ на первомъ мѣстѣ, исключительно политическаго характера. Исходною точкою новаго предпріятія было замѣнить и восполнить предпринятое еще Вайтцемъ изданіе „Forschungen zur deutschen Geschichte", съ тою, однако, разницей, что въ виду имѣется не одна исторія Германіи, а всеобщая, всемірная исторія со времени паденія древне-римской культуры. Кромѣ статей политическаго характера, въ журналѣ помѣщаются изрѣдка и статьи по вопросамъ объ исторической наукѣ, ея развитіи, методахъ и задачахъ. Въ отдѣлѣ „Nachrichten und Notizen" впервые помѣщаются систематическіе отчеты о дѣятельности различныхъ историческихъ обществъ и коммиссій, какъ-то: мюнхенской, берлинской, саксонской, рейнской, баденской и др., какъ нѣмецкихъ, такъ и иностранныхъ.

Рецензіи помѣщаются въ журналѣ только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ имъ отведено большое мѣсто въ другихъ нѣмецкихъ историческихъ журналахъ. Систематическая библіографія нѣмецкой исторіи имѣетъ наибольшую цѣну въ разбираемомъ журналѣ. Въ этой систематической библіографіи отведено и мѣсто для всемірной исторіи, что весьма важно, такъ какъ ни въ одномъ изъ существующихъ журналовъ такого отдѣла не имѣется. Библіографія распадается на слѣдующія группы: I. Всеобщая исторія: 1) философія и методика исторіи и исторія исторіографіи; 2) изданія источниковъ; 3) всемірныя исторіи. II. Средніе вѣка: 1) общія сочиненія; 2) переселеніе народовъ до 500 года; 3) Франкское государство до 918 г; 4) время Саксонской и Салической династіи до 1125; 5) Гогенштауфены; 6) отъ междуцарствія до раскола; 7) отъ раскола до реформаціи. III. Новое время: 1) общія сочиненія; 2) реформація; 3) католическая реакція и 30-ти-лѣтняя война; 4) отъ Вестфальскаго мира до смерти Карла VI и Фридриха Вильгельма I (1648—1740); 5) время Фридриха Великаго; 6) время французской революціи и Наполеона до 1815 г.; 7) новѣйшая исторія съ Вѣнскаго конгресса. IV. Культурная исторія: 1) общіе труды; 2) исторія права, учрежденій и хозяйства; 3) церковь и религія; 4) образованіе, литература и искусство;

5) домашняя и общественная жизнь, нравы и обычаи. V. Территоріальная и мѣстная исторія (Подраздѣленія по различнымъ провинціямъ Германіи). VI. Вспомогательныя науки: 1) палеографія, дипломатика и хронологія; 2) нумизматика, геральдика, гемалогія, сфрагистика. VII. Прибавленіе: полныя собранія сочиненій и журналы— нѣмецкіе и иностранные (русскихъ нѣтъ). Цѣна журнала Квидде въ годъ 18 марокъ. Журналъ имѣетъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ; въ Россіи ея представителемъ состоитъ А. Бранда, въ Польшѣ—Павинскій.

Zeitschrift Westpreussischen Geschichtsvereins. Этотъ журналъ, издаваемый въ Данцигѣ Историческимъ обществомъ, во главѣ котораго стоятъ архидіаконъ Бертлингъ-секретарь, Крузе, Пантенъ и Тёппенъ, выходитъ неопредѣленнымъ числомъ книжекъ въ годъ, размѣромъ въ 10—15 листовъ. Возникъ этотъ журналъ въ 1879 году. Стоимость отдѣльныхъ книжекъ отъ 2 марокъ и дороже.

Въ этомъ, отчасти спеціальномъ журналѣ, встрѣчаются весьма любопытныя изслѣдованія и по польской исторіи, почему онъ и представляетъ интересъ и для насъ. Нерѣдко издаются и архивныя данныя, такъ въ 1885 году помѣщены акты и документы для исторіи города Диршау; въ 1889 году появились акты для исторіи Польши въ 1668 и 69 годахъ, по прекращеніи въ ней династіи Вазы; въ нихъ есть и данныя для характеристики Алексѣя Михайловича (стр. 1, 3, 16, 96, 141, 192). Библіографіи въ этомъ журналѣ нѣтъ, нѣтъ также рецензій и хроники.

Издающійся въ Мюнхенѣ *Historisches Jahrbuch* (отъ имени Общества Гёрреса, подъ редакціей проф. исторіи въ мюнхенскомъ университетѣ Г. Грауерта) выходитъ въ свѣтъ четыре раза въ годъ, причемъ четыре выпуска составляютъ томъ болѣе, чѣмъ въ 600 страницъ (за этотъ годъ XI). Каждый выпускъ состоитъ изъ историческихъ статей, рецензій и отчетовъ объ историческихъ книгахъ, обзора историческихъ журналовъ, извѣщенія о новыхъ трудахъ по исторіи (Novitätenschau) и разныхъ извѣстій. Журналъ имѣетъ католическій характеръ съ церковнымъ оттѣнкомъ.

Въ Австріи для исторіи странъ, входящихъ въ составъ Габсбургской монархіи, издаются *Mittheilungen des Instituts für oesterreichische Geschichtsforschung*, являющіяся, какъ показываетъ самое ихъ названіе, органомъ особаго ученаго учрежденія. Журналъ этотъ издается съ 1879 г., выходя четыре раза въ годъ и заключая въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) изслѣдованія и монографіи; 2) небольшія сообщенія и замѣтки; 3) критику и библіографію; 4) личный составъ, Значеніе онъ имѣетъ и для славистовъ, такъ какъ въ немъ помѣ-

щаются и отчеты о состояніи исторической науки у славянъ, живущихъ въ Австро-Венгріи.

На нѣмецкомъ языкѣ, кромѣ общеисторическихъ журналовъ существуютъ мѣстные (для отдѣльныхъ земель) и спеціальные, каковы „Архивъ для церковной исторіи въ средніе вѣка", „Изслѣдованія по исторіи государства и права", „Временникъ церковной исторіи" и т. п.

Съ 1880 г. въ Германіи стали выходить въ свѣтъ громадные томы *Годичныхъ отчетовъ объ исторической наукѣ* [1]), изъ коихъ первый былъ посвященъ обзору исторической литературы въ 1878 году, а второй, появившійся въ 1881 г.—литературы 1879 года. Въ 1882 г. такого отчета не появилось и 1880 г. былъ разсмотрѣнъ только въ 1883 г., какъ 1881 г. лишь въ 1885 г., такъ что появленіе отчетовъ стало запаздывать [2]). Зато изданіе это отличается большою полнотою. Состоитъ оно изъ отдѣльныхъ статей, заключающихъ въ себѣ общіе обзоры того, что сдѣлано въ той или другой области за извѣстный годъ. Къ сожалѣнію, отдѣловъ о русской исторіографіи совсѣмъ почти не существуетъ въ этомъ изданіи. Въ I томѣ Россіи—да и то въ ср. вв.—посвятилъ $2^1/_2$ страницы Иречекъ (на 635 стр. текста), а со II тома Россія совершенно отсутствуетъ въ спискѣ странъ, объ исторіи коихъ даются отчеты, хотя въ этомъ спискѣ являются и второстепенныя европейскія страны (Венгрія, Румынія и пр.), и страны внѣевропейскія (Сѣв.-Амер. Штаты, Мексика), равно какъ наши остзейскія провинціи.

Въ Англіи съ характеромъ общеисторическаго журнала является *Англійское историческое обозрѣніе* (The English Historical Review), издаваемое кэмбриджскимъ профессоромъ церковной исторіи Крейтономъ (Creighton) и выходящее въ свѣтъ четыре раза въ годъ выпусками, изъ коихъ каждый заключаетъ въ себѣ около 200 страницъ. Кромѣ нѣсколькихъ историческихъ статей (articles) и замѣтокъ или документовъ (notes and documents), каждый выпускъ содержитъ въ себѣ рецензіи нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ книгъ (reviews of books), простой списокъ неразобранныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ сочиненій (list of historical books recently published) и указанія на содержаніе періодическихъ изданій (contents of periodical publications). Списки новыхъ книгъ ведутся по отдѣльнымъ странамъ, причемъ называются кое-какія сочиненія и по исторіи славянъ вмѣстѣ съ литовцами (slavonian and lithuanian history), а въ „содержаніи журна-

---

[1]) Jahresberichte der Geschichtswissenschaft im Auftrage der historischen Gesellschaft zu Berlin herausgegeben von Hermann, Jastrow und Edm. Meyer.

[2]) 1882 г. разсмотрѣнъ въ 1886 г., 1883 и 84 гг. въ 1888 г., 1885 и 1886 гг. въ 1889 г. Въ нынѣшнемъ году появился X томъ (отчетъ о литературѣ 1887 г.).

ловъ“ извѣстный Морфиль сообщаетъ названія статей въ „Русской Старинѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“ и „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Журналъ этотъ издается только пять лѣтъ. Характеръ историческихъ журналовъ имѣютъ и извѣстные *The Athenaeum* и *The Academy.*

Въ Италіи, кромѣ мѣстныхъ изданій въ родѣ „Историческихъ архивовъ“ венеціанскаго, ломбардскаго или для неаполитанскихъ провинцій и т. п., издаются два общеисторическіе журнала: *Итальянское историческое обозрѣніе* (Rivista storica Italiana) и *Итальянскій историческій архивъ* (Archivio storico italiano). Въ первомъ изъ этихъ журналовъ, существующемъ седьмой годъ, даются главнымъ образомъ отчеты о вновь вышедшихъ историческихъ книгахъ, а въ другомъ библіографія развита менѣе, но за то болѣе бываетъ историческихъ статей.

Изъ всѣхъ трехъ скандинавскихъ государствъ Данія раньше другихъ сознала всю важность и необходимость имѣть свой историческій журналъ, и уже съ 1840 года датскій ученый Мольбекъ сталъ издавать *Historisk Tidsskrift.* Съ этихъ поръ онъ безпрерывно издается до настоящаго времени. Съ 1854 года журналъ редактировался Вестергордомъ, съ 1869—Е. Гольмомъ, а съ 1879 года его издаетъ ученый архиварій C. F. Bricka (Копенгагенъ, Bülowsvej, № 44). Датскій историческій журналъ выходитъ два раза въ годъ книжками въ 20 листовъ и болѣе. Онъ распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) научныя изслѣдованія; 2) литература и критика; 3) мелкія замѣтки. Въ первомъ отдѣлѣ нерѣдко встрѣчаются и изслѣдованія по всеобщей исторіи и, что весьма важно для насъ, изслѣдованія по русской исторіи; достаточно указать на интересныя изслѣдованія Гольма по исторіи великой сѣверной войны, основанныя на данныхъ копенгагенскаго архива. Политическія отношенія Петра В. и Фридриха IV въ послѣднюю стадію войны въ первый разъ подвергнуты были здѣсь тщательному изученію, и теперь уже дальнѣйшія изслѣдованія этой области значительно облегчены. Во второмъ отдѣлѣ помѣщаются обыкновенно отъ двухъ до трехъ критическихъ этюдовъ, а затѣмъ очень обстоятельная библіографія по датской исторіи какъ въ самой Даніи, такъ и въ другихѣ европейскихъ государствахъ. Цѣна датскаго историческаго журнала 4 кроны въ годъ.

Историческій журналъ Норвегіи—*Norsk Historisk Tidsskrit*—редактируется Лундомъ (Christiania, Toldbodgaden, № 25, B.), выходитъ три раза въ годъ; его цѣна 4 кроны. По характеру своему онъ существенно отличается отъ датскаго и шведскаго историческихъ журналовъ; онъ является болѣе спеціально норвежскимъ, и для всеобщаго историка интереса не представляетъ.

Въ Швеціи съ 1874 года сталъ издаваться историческій журналъ *Historiskt Bibliotek*, выходившій три раза въ годъ книжками въ 15 и болѣе листовъ. Журналъ редактировался Карломъ Сильверстольпе. Онъ представлялъ большой интересъ для ученыхъ, такъ какъ въ немъ печатались и архивныя данныя, помѣщались историко-библіографическіе этюды, напр. Xaver Liske — обозрѣніе польской исторической литературы, и ученыя изслѣдованія въ области всеобщей исторіи. Изъ изслѣдованій, имѣющихъ значеніе и для русской исторіи, останавливаемъ вниманіе русскихъ историковъ на отношенія Швеціи къ Россіи въ малолѣтство Густава IV Адольфа, Берендса, на изслѣдованіи Шёгрена о Паткулѣ, Тегнера — о внѣшней политикѣ Швеціи послѣ 1772 года; любопытно отмѣтить и печатавшіяся въ исторической библіотекѣ извлеченія изъ русскихъ лѣтописей, переписку Іоанна III съ Иваномъ Грознымъ, изданную ученымъ Hjärne, и др. [1]). Съ 1881 года возникшее въ Швеціи Историческое общество стало издавать свой Историческій журналъ, являющійся такъ сказать продолженіемъ изданія Сильверстольпе, но уже по новой программѣ и съ характеромъ періодическаго изданія.

Historisk Tidskrift, издаваемый шведскимъ Историческимъ обществомъ подъ редакціей Э. Гильдебранда, выходитъ четыре раза въ годъ, въ январѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ и ноябрѣ, книжками въ 8 листовъ; основанный на строго научныхъ данныхъ, онъ можетъ стать на ряду съ лучшими европейскими историческими журналами. По своему содержанію онъ богаче и всестороннѣе дешеваго Историческаго журнала и распадается на слѣдующіе 4 отдѣла: 1) научныя изслѣдованія и статьи, какъ по политической, такъ и по культурной исторіи и по философіи исторіи; 2) историческія сообщенія и архивный матеріалъ; 3) обозрѣніе и критика; 4) библіографія.

Въ первомъ отдѣлѣ иногда попадаются переводныя вещи: такъ въ 1883 году стали переводить Костомарова, его Мазепу и Карла XII; цѣлый рядъ статей прямо касается русской исторіи и никакъ не должны оставаться неизвѣстными русскимъ историкамъ. Указываемъ для примѣра на слѣд. статьи: Карлсона—Швеція на Вѣнскомъ конгрессѣ (1883), Hjärne—Объ отношеніяхъ Сигизмунда III и Габсбурговъ (1883), Höjer — Къ варяжскому вопросу, Гильдебранда — къ исторіи Верельскаго мира (1882), Hjärne — Русскій эмигрантъ въ Швеціи за 200 лѣтъ назадъ (1881), Однера—О планѣ Густава III образовать „сѣверный алліансъ“ (1881), Спрингорна—къ исторіи вооруженнаго нейтралитета (1881) и др., и др.

По всеобщей исторіи достаточно указать на классическое изслѣ-

[1]) Цѣна отдѣльныхъ книжекъ Истор. библіотеки отъ 3 кронъ.

дованіе о Валленштейнѣ ученаго Гильдебранда, сдѣлавшее переворотъ въ такъ-наз. валленштейновскомъ вопросѣ. Среди печатаемыхъ во второмъ отдѣлѣ актовъ встрѣчается опять-таки много любопытныхъ и для русской исторіи, напр., письма Іоанна III, посольскія сообщенія изъ Москвы и т. д. Библіографія обнимаетъ всѣ труды по шведской и сѣверной исторіи не только въ Швеціи, но и за границей; въ Швеціи внимательно слѣдятъ и за русской исторической литературой, за нашими журналами (Истор. Вѣстникъ, Журналъ Министерства Н. Пр. и др.), диссертаціями и т. д. Подписная цѣна на шведскій историческій журналъ 5 кронъ въ годъ. Отдѣльныя книжки продаются по 2 кроны. Адресъ редактора Э. Гильдебранда — Стокгольмъ, Королевскій архивъ (Riksarkovet). Подписавшіеся на всѣ три скандинавскихъ историческихъ журнала — платятъ въ годъ всего 9 кронъ, за всѣ три журнала.

Польскій *Историческій трехмѣсячникъ* (Kwartalnik historiczny), органъ Историческаго Общества, издаваемый подъ редакціей проф. Ксаверія Лиске, существуетъ уже четыре года. Выходитъ онъ четыре раза въ годъ книжками листовъ въ 12 (цѣна въ Россіи 5 р.) и состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) историческія статьи, 2) краткіе критическіе отзывы объ историческихъ работахъ, касающихся Польши на разныхъ языкахъ, 3) списки критикъ и рецензій на историческія книги и историческихъ статей въ періодическихъ изданіяхъ ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ и даже ежедневныхъ, 4) краткая библіографія иностранной литературы, 5) отчеты о засѣданіяхъ Историческаго Общества. Сотрудниками журнала состоятъ лучшія ученыя силы Польши, и ведется онъ превосходно: главная его задача—слѣдить за всѣмъ, что пишется по польской исторіи самими поляками и иностранными учеными,—достигается вполнѣ, такъ что не пропускается ничего существеннаго, что только появляется по польской исторіи (и отчасти по русской, именно южной и западной) и въ русской литературѣ [1]).

---

[1]) Ср. выше, стр. 200 и слѣд. перваго отдѣла.

Историческая хроника.

Историческое преподаванiе въ русскихъ университетахъ. — Конкурсныя темы по исторiи и „оставленные при университетахъ". — Новыя ученыя общества. — Харьковское Историко-филологическое Общество. — 8-й археологическiй съѣздъ. — Историческое преподаванiе на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ. — Публичныя лекцiи по исторiи въ Москвѣ. — Публичныя лекцiи по исторiи въ Петербургѣ. — Историческiе диспуты въ 1890 г. — Исторiя въ гимназiяхъ по новому учебному плану. — Новые историческiе труды. — Изъ историко-философской литературы за послѣднее время. — Разныя извѣстiя.

Историческое преподаванiе въ русскихъ университетахъ.

Организацiя историческаго преподаванiя на нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ въ настоящее время опредѣляется утвержденными г. министромъ народнаго просвѣщенiя въ концѣ 1889 г. правилами о зачетѣ полугодiй и полукурсовыхъ испытанiяхъ и указанiями на экзаменныя требованiя, коимъ студенты историко-филологическаго факультета должны удовлетворять на испытанiяхъ. Эти правила дѣлятъ прежде всего предметы, преподающiеся на факультетѣ, на двѣ группы: группу предметовъ общеобязательныхъ и группу предметовъ, которыми преимущественно занимался испытуемый въ продолженiе четырехъ послѣднихъ семестровъ, причемъ послѣдняя подраздѣляется на группы классическую, славяно-русскую, историческую и романо-германскую (послѣдняя существуетъ только въ Петербургѣ). Къ предметамъ общеобязательнымъ, входящимъ въ составъ полукурсоваго испытанiя, относятся, кромѣ древнихъ языковъ, церковно-славянской грамматики въ связи съ русской и древней философiи, древняя исторiя и русская исторiя. По древней исторiи на полукурсовомъ испытанiи требуется знанiе главныхъ событiй греческой и римской исторiи, опирающееся на точныхъ хронологическихъ и географическихъ данныхъ, а также главнѣйшiя свѣдѣнiя по древней исторiографiи и литературѣ предмета, а по русской исторiи требуется

знаніе всего ея хода, отъ начала русскаго государства до вступленія на престолъ Императора Александра III, въ главнѣйшихъ ея событіяхъ, явленіяхъ и дѣятеляхъ, соединенное со знакомствомъ и съ исторіографіей. Кромѣ того, въ составъ полукурсоваго испытанія входятъ два предмета по избранію факультета съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. Что касается до спеціально исторической группы, то въ составъ испытанія для студентовъ, избравшихъ эту группу входятъ, кромѣ языковъ а) греческаго и b) латинскаго, c) древняя исторія Востока, d) всеобщая исторія (древняя, средняя и новая), e) исторія церкви, f) исторія славянскихъ народовъ, g) исторія новой философіи и h) русская исторія, причемъ въ основу испытанія, вмѣсто классическихъ авторовъ могутъ входить греческіе и латинскіе и средне-вѣковые историки и лѣтописцы.

Экзаменныя требованія представляются въ слѣдующемъ видѣ: по древней исторіи Востока знакомство съ историческими судьбами древнихъ Египтянъ, Халдеевъ, Ассиріянъ, Финикіянъ и Персовъ; по исторіи древней, средней и новой—знаніе главныхъ фактовъ во взаимной ихъ связи и, сверхъ сего, спеціальное изученіе какого-либо періода или отдѣла древней, средней или новой исторіи на основаніи главнѣйшихъ источниковъ и важнѣйшихъ пособій; по исторіи русской требуется сверхъ указаннаго выше и общее знакомство съ главными видами источниковъ русской исторіи; по исторіи церкви общей и русской, кромѣ знанія общаго хода событій,—болѣе близкое знакомство съ одною изъ эпохъ исторіи церкви и общія свѣдѣнія по церковной исторіографіи и литературѣ предмета; по исторіи славянскихъ народовъ—общее знакомство съ судьбами юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ славянъ и болѣе близкое изученіе одного изъ періодовъ ихъ исторіи.

Приводимъ на основаніи печатныхъ обозрѣній преподаванія наукъ въ нашихъ университетахъ свѣдѣнія о читающихся въ 18⁹⁰/₉₁ г. историческихъ курсахъ.

С-Петербургскій университетъ (1890—91 уч. годъ). Древняя исторія—общій курсъ по исторіи Греціи и Рима (4 ч.) и спеціальный по исторіи римской имперіи (2 ч.) проф. Соколова. Средняя исторія—общій курсъ для студентовъ младшихъ семестровъ (2 ч.) проф. Карѣева, спеціальные курсы проф. Васильевскаго по исторіи Франціи при Капетингахъ и Валуа (2 ч.), по исторіи Византіи (2 ч.) и семинарій по Льву Діакону (2 ч.); спеціальный курсъ о папствѣ и имперіи (2 ч.) прив.-доц. Регеля. Новая исторія—общій курсъ для спеціалистовъ (4 ч.) проф. Карѣева; спеціальный курсъ объ источникахъ и историческихъ трудахъ по эпохѣ реформаціи (2 ч.) прив.-доц. Форстена (общіе курсы по средней и новой исторіи для спеціа-

листовъ будутъ читаться черезъ годъ). Русская исторія—общій курсъ (4 ч.) прив.-доц. Платонова, спец. курсъ его же по русской археографіи (2 ч. въ вес. сем.) и семинарій по законодательнымъ памятникамъ Московской Руси (2 ч. въ ос. с.); спец. курсы по основнымъ понятіямъ русской исторіи (2 ч. въ ос. с.) и по карамзинскому періоду (2 ч. въ вес. сем.) прив.-доц. Шмурло, по древнѣйшему быту рус. слав. (1 ч.) и внутрен. полит. моск. госуд, (1 ч.) прив.-доц. Сенигова, по общественному строю моск. госуд. (2 ч.) прив.-доц. Лаппо-Данилевскаго. По исторіи церкви проф. Троицкій читаетъ въ ос. сем. исторію древней церкви (2 ч.) и исторію вост. церкви (2 ч.), въ вес. сем. ист. рус. церкви (2 ч.) и ист. зап. церкви (2 ч.), и кромѣ того въ оба семестра спеціальный курсъ по обзору источниковъ и пособій по церковной исторіи.

Въ петербургскомъ университетѣ историческія лекціи (по среднимъ вѣкамъ) читаются еще прив.-доц. И. М. Гревсомъ, находящимся въ настоящее время въ заграничной коммандировкѣ. Кромѣ того, съ весенняго семестра въ качествѣ прив.-доц. выступаютъ б. проф. Новороссійскаго унив. А. С. Трачевскій (по новой исторія), магистръ рус. ист. Н. Д. Чечулинъ и магистрантъ Н. А. Щукаревъ (по древней греч. исторіи). Въ весеннемъ семестрѣ 1891 г. прив.-доц. Шмурло предполагаетъ читать курсъ по исторіи отношеній между Московскимъ государствомъ и З. Европой въ XVI вѣкѣ.

Московскій университетъ (1890—91 уч. годъ). Древняя исторія: Востокъ (2 ч.) для спеціалистовъ—прив.-доц. Корелина, общій курсъ по исторіи Греціи (4 ч.) въ осеннее полугодіе—проф. Виноградова, общій курсъ по исторіи Рима (4 ч.) въ весеннее полугодіе—проф. Герье, римская исторія (2 ч. общ.), въ весеннее полугодіе—проф. Виноградова, семинаріи по политикѣ Аристотеля (2 ч.) проф. Виноградова и по римской исторіи (2 ч.) у проф. Герье (оба въ весенній семестръ). Средняя исторія; о средневѣк. монашествѣ (2 ч.) въ осен. сем.—проф. Герье, семинарій по источникамъ исторіи Карла Великаго (2 ч.) въ осен. сем. у проф. Виноградова, исторія англійскихъ госуд. учрежденій (2 ч., для желающихъ) въ вес. сем. проф. Виноградова, Византія и южные славяне (2 ч.) прив.-доц. Безобразова, семинарій по исторіи патріарха Никифора (2 ч.)—у него же, исторія Польши и Чехіи (2 ч.)—прив.-доц. Линниченка. Новая исторія: общій курсъ реформаціоннаго періода (2 ч.) въ осен. сем.—проф. Герье, семинарій по эпохѣ Карла V (2 ч.) въ ос. сем.—у него же, ист. Соед. Штатовъ прив.-доц. Фортунатова. Русская исторія: общій курсъ (4 ч.) проф. Ключевскаго и его же обзоръ главныхъ видовъ источниковъ (1 ч.), царствованіе Александра I (2 ч.) прив.-доц. Якушкина, обзоръ источниковъ русской исторіи XVI и XVII в. (1 ч.)

прив.-доц. Милюкова. Исторія церкви—курсы проф. Иванцова-Платонова по исторіи христіанства до раздѣленія церквей (4 ч.) въ осенній семестръ, а въ вес.—по исторіи раздѣленія церквей (2 ч.) и по исторіи западнаго христіанства (2 ч.). Кромѣ того, въ распредѣленіи лекцій на ос. сем. значатся: географія Европы (1 ч.) пр.-доц. Михайловскаго, греческія и римскія древности (по 3 ч.) пр.-доц. Шеффера, слав. этнографія (2 ч.) пр.-доц. Линниченка и полит. экономія (2 ч.) проф. Чупрова.

Казанскій университетъ (осеннее полугодіе 1890 г.). Исторія Востока для спеціалистовъ (3 ч.) проф. Смирнова. Исторія древней Греціи—общій курсъ (4 ч.) проф. Осокина. Средн. ист.—исторія южныхъ славянъ для спеціалистовъ (3 ч.) проф. Смирнова. Новѣйшая исторія отъ 1830 по 1848 г. (1 ч.) проф. Осокина. Кромѣ того, по всеобщей исторіи у проф. Осокина историко-географическій семинарій (1 ч). Русская исторія: общій курсъ (3 ч.) проф. Корсакова съ исторіографическимъ и географически-этнографическимъ введеніемъ, причемъ въ осеннемъ полугодіи предположено прочесть исторію удѣльно-вѣчевого періода; спеціальные курсы: исторія возвышенія Москвы до Іоанна III включительно (2 ч.) и источники для исторіи этой эпохи—проф. Корсакова; внутреннее состояніе Россіи въ XVII столѣтіи (4 ч.) и семинарій для изученія источниковъ XVI и XVII вв. (2 ч.)—проф. Ѳирсова. Исторія церкви—общій курсъ до середины VIII в. (4 ч. для спеціалистовъ) и спеціальный по исторіи вселенскихъ соборовъ (2 ч.)—проф. Курганова. Въ весеннемъ полугодіи 1891 г. предполагается продолженіе указанныхъ курсовъ.

Харьковскій университетъ. Осенній семестръ 1890 г. Востокъ (2 ч.)—пр.-доц. Лапина съ практическими занятіями (2 ч.), общій курсъ исторіи Греціи (4 ч.)—проф. Бузескула, средніе вѣка (6 ч.)—проф. Надлера, древняя русская исторія (4 ч.)—проф. Багалѣя, новая русская исторія (5 ч.)—проф. Буцинскаго, южные славяне (2 ч.)—проф. Дринова, церковная исторія (6 ч.)—проф. Лебедева, практ. занятія по ист. XVIII вѣка у проф. Бузескула (2 ч.), по русской исторіи у проф. Багалѣя (2 ч.) и у проф. Буцинскаго (1 ч.). Весенній семестръ 1891 г. Общій курсъ исторіи Рима (4 ч.) и спеціальный курсъ по исторіи римской имперіи (2 ч.)—пр. доц. Лапина съ практическими занятіями (1 ч.) по чтенію надписей, практич. занятія по чтенію греческихъ надписей у проф. Бузескула (1 ч.), средніе вѣка (6 ч.)—проф. Надлера, исторія XVIII столѣтія (3 ч.)—проф. Бузескула съ практическими занятіями (2 ч.), курсы проф. Багалѣя по русской исторіи: а) исторіографія (2 ч.), в) литовская Русь (2 ч.) с) практическія занятія (2 ч.); курсъ проф. Буцинскаго по новой рус-

ской исторіи (5 ч.) и практическія занятія (1 ч.), западные славяне (2 ч.)—проф. Дринова, церковная исторія (6 ч.)—проф. Лебедева.

Въ *университетѣ св. Владиміра* на 1890—91 г. объявлены слѣдующіе курсы: по древней исторіи—исторія Греціи (2 ч.) проф І. А. Леціуса, по средней исторіи общій курсъ (4 ч.) проф. Ѳ. Я. Фортинскаго и у него же практическія занятія (2 ч.), исторія славянъ (3 ч.) проф. Т. О. Флоринскаго; по новой исторіи три курса проф. И. В. Лучицкаго, а именно: a) обзоръ и разборъ источниковъ по исторіи Франціи въ XVI вѣкѣ (по 2 ч. оба полугодія), b) исторія Европы съ середины XVIII в. (4 ч. въ осеннемъ семестрѣ) и c) исторія Испаніи (4 ч. въ весеннемъ семестрѣ); по русской исторіи—московскій и новый періоды (3 ч.) проф. В. С. Иконникова и его же русская исторіографія (2 ч. въ осеннемъ полугодіи) и исторія царствованія Александра I и Николая I (3 ч. въ весеннемъ семестрѣ), а въ осеннемъ полугодіи, кромѣ того, чтеніе и разборъ памятниковъ (1 ч.); древняя русская исторія (2 ч.) проф. В. Б. Антоновича и его же русскія древности (3 ч. въ ос. семестрѣ), источники западно-русской исторіи (2 ч. въ вес. сем.) и практическія занятія (1 ч. въ осеннемъ сем. и 2 ч. въ весеннемъ); наконецъ два курса прив. доц. И. В. Голубовскаго: о русскихъ лѣтописяхъ (2 ч. въ осен. сем.) и историко-этнографическій очеркъ урало-алтайскихъ народовъ восточной Европы (2 ч. въ вес. сем.); по исторіи церкви общій курсъ (4 ч. въ осен. сем. и 2 ч. въ вес.) прив.-доц. С. Т. Голубева и его же курсъ по исторіи русской церкви (2 ч. въ вес. сем.).

Новороссійскій университетъ (осеннее полугодіе 1890 г.). Древняя исторія: курсы по исторіи Греціи (2 ч.) проф. Успенскаго и по римской исторіи въ императорскій періодъ (2 ч.) пр. доц. Режабека. Средніе вѣка: исторія X—XIV вв. (2 ч.) проф. Успенскаго. Кромѣ того, у проф. Успенскаго семинарій (2 ч.): чтеніе источниковъ по древней и средней исторіи и разборъ рефератовъ. Русская исторія: курсы исторіи Россіи до вступленія на престолъ дома Романовыхъ (3 ч.) проф. Перетятковича и отъ 1613 г. до настоящаго времени (3 ч.) проф. Маркевича; спец. курсы по источниковѣдѣнію и исторіографіи (2 ч.) проф. Перетятковича и по исторіи внутренняго быта Московскаго государства въ XVII в. (2 ч.) проф. Маркевича (который въ весеннемъ семестрѣ 1891 г. будетъ читать курсъ по внутреннему быту западной Руси въ XVII в.); семинарій у проф. Перетятковича (1 ч.) по чтенію и объясненію источниковъ и у проф. Маркевича по изученію Катошихина (1 ч.). Исторія церкви—общій курсъ (4 ч.) и курсъ спеціальный по исторіографіи и исторіи церковной литературы (2 ч.) проф. Красносельцева.

Кромѣ того, отмѣчаемъ историческіе курсы, читаемые въ двухъ

университетахъ, на которые уставъ 1884 г. не былъ распространенъ.

Дерптскій университетъ (осенній семестръ 1890 г.). Римская исторія (4 ч.) проф. Людвига Мендельсона, исторія Востока въ средніе вѣка (2 ч.) и исторія среднихъ вѣковъ послѣ междуцарствія (2 ч.) проф. Рихарда Гаусмана, исторія французской революціи и первой имперіи (4 ч.) проф. Отто Вальца, источники по эпохѣ Петра Великаго (3 ч.) и исторія царствованія Екатерины II (2 ч.) проф. А. Брикнера. Кромѣ того, объявлены практическія занятія по исторіи у проф. Гаусмана (2 ч.), Вальца (2 ч.) и Брикнера (1 ч.). Церковная исторія читается на богословскомъ факультетѣ.

Въ *Варшавскомъ университетѣ* историческіе курсы раздѣляются на общіе для всѣхъ студентовъ первыхъ двухъ курсовъ, причемъ слушаются эти курсы не только филоогами, но и юристами, и на спеціальные, предназначенные для студентовъ историческаго отдѣленія. Общіе курсы читаются въ 1890—91 гг. слѣдующіе: новая исторія (2 ч.) проф. Любовичемъ для филологовъ 1 и 2 к. и для юристовъ 2 к., кіевскій періодъ русской исторіи проф. Филевичемъ для филологовъ и юристовъ 1 к., московскій періодъ русской исторіи для фил. и юр. 2 курса проф. Цвѣтаевымъ. Спеціальные курсы: римская исторія (2 ч.) проф. Павинскаго (курсъ этотъ слушаютъ и юристы 1 к.); исторія Фридриха Великаго (1 ч.) проф. Любовича; обозрѣніе западно-русской исторіографіи (2 ч.) проф. Филевича (для 3 к.), новѣйшая русская исторія (2 ч. для 4 к.) проф. Цвѣтаева. Кромѣ того, студенты-историки слушаютъ дипломатику и хронологію (съ практ. упражн.) у проф. Павинскаго (2 ч.), участвуютъ въ практич. упражненіяхъ у проф. Любовича (1 ч). а также слушаютъ греческія государственныя ревности у проф. Новосадскаго (2 ч.), римскія государственныя древности у проф. Зенгера (2 ч.), славянскія древности у проф. Первольфа (2 ч.), исторію польской литературы у проф. Вержбовскаго (2 ч.) и исторію западно-славянскихъ литературъ у проф. Грота (2 ч.). Церковной исторіи нѣтъ по уставу.

Конкурсныя (медальныя) темы въ русскихъ университетахъ.

Къ числу средствъ, коими пользуются университеты для развитія въ студентахъ научныхъ занятій, относятся конкурсныя, или медальныя темы. Въ старыя времена обыкновенно каждый годъ задавалась только одна тема, причемъ соблюдалась извѣстная очередь между отдѣльными предметами факультетскаго преподаванія, но со времени раздѣленія факультета на секціи (въ семидесятыхъ годахъ) стали предлагаться въ нѣкоторыхъ университетахъ ежегодно темы, относящіяся

къ каждому изъ трехъ отдѣленій факультета, а въ петербургскомъ университетѣ уже нѣсколько лѣтъ предлагается на выборъ студентовъ довольно значительное количество темъ. Пользуясь отчетами петербургскаго университета за послѣдніе годы, приводимъ названія историческихъ темъ за семь лѣтъ (1884—1890 гг.). Темами 1884 г. были вопросы: 1) объ „Африкѣ подъ римскимъ владычествомъ на основаніи матеріаловъ, сообщаемыхъ VIII томомъ „Corpus inscriptionum latinarum" и 2) объ „исторіи и организаціи мизенскаго флота по надписямъ X т. Corp. inscr lat.", а также 3) „риторы и риторическія школы первыхъ двухъ вѣковъ Римской имперіи". На два года были предложены темы: 4) „Анна Комнина" и 5) „Обозрѣніе внѣшней исторіи Угріи, Чехіи, Польши и Руси до исхода XI в". На юридическомъ факультетѣ въ томъ же году заданы были темы: 1) „ученіе Гуго Гроція о правѣ и государствѣ" и 2) „церковное право по новелламъ Юстиніана". На 1885 г. объявлены были темы: 1) „Азиній Полліонъ, какъ государственный дѣятель и литераторъ", 2) „Делосъ до времени Августа" и 3) „Зосимъ, преимущественно какъ источникъ для времени Константина и Юліана Отступника". Въ 1886 г. историческими темами были „Anecdota Прокопія" на фак. ист.-фил. и „Тимуръ и его время" на фак. вост. яз. На 1887 г. были предложены двѣ темы по средней исторіи: 1) „воинская повинность и судебное устройство франкскаго государства по капитуляріямъ Карла Великаго" и 2) „осада и взятіе Константинополя Турками", а кромѣ того на два года 3) „разборъ основаній теоріи Фальмерайера о происхожденіи современныхъ грековъ съ переводомъ и объясненіемъ монемвасійской хроники". На 1888 г. темы были предложены слѣдующія: 1) „объ оракулахъ Асклипія и Амфіарая", 2) „критическое и прагматическое изложеніе политической дѣятельности Клодія", 3) „правительственная дѣятельность имп. Конст. Хлора", 4) „вопросъ о происхожденіи лжеисидоровыхъ декреталій въ современной ученой литературѣ", 5) „отношеніе крестоносцевъ франковъ въ Іерусалимскомъ королевствѣ къ мѣстному населенію по ассизамъ и хроникамъ", 6) „крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ", 7) „личность Іосифа II на основаніи его переписки". Кромѣ того, въ этомъ году были, между прочимъ, предложены темы: „органическая теорія общества" на факультетѣ юридическомъ и „о христіанствѣ въ средней Азіи" на факультетѣ восточныхъ языковъ. Историческія темы 1889 г.: 1) „Польша съ конца 1370 г. по начало 1386 г." и 2) „вліяніе французской политической литературы въ Польшѣ въ эпоху паденія". Наконецъ, на 1890 г. были назначены темы: 1) „разборъ мнѣнія Пѣкосинскаго о происхожденіи польской шляхты", 2) „Равеннскій экзархатъ" и 3) „исторія восточнаго Турке-

стана съ XVII столѣтія“ (послѣдняя тема на факультетѣ восточныхъ языковъ).

Въ московскомъ университетѣ назначались слѣдующія историческія темы на медаль: въ 1887 г. „церковь и общество въ эпоху Комненовъ“, въ 1888 г. „переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Цезаря“, въ 1889 г. „писцовыя книги, какъ историческій источникъ“, въ 1890 г. „Карлъ V и нѣмецкій протестантизмъ“.

Въ казанскомъ университетѣ были предлагаемы слѣдующія темы: въ 1886—7 г. по всеобщей исторіи—„Римская имперія при Северахъ. Очеркъ политической, общественной и духовной жизни имперіи въ періодъ 197—235 гг.“; въ 1887—8 г. по русской исторіи—„Сильвестръ и Адашевъ и вліяніе ихъ на Іоанна Грознаго по сказаніямъ Курбскаго и другимъ современнымъ сказаніямъ“, по церковной исторіи—„Присцилліанъ и его послѣдователи“; въ 1888—9 г. по всеобщей исторіи —„четвертый крестовый походъ и судьба латинской колонизаціи на Балканскомъ полуостровѣ въ XIII в.“; въ 1890—1 г. по русской исторіи—„участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ въ связи съ значеніемъ вообще Фридриха II и его войнъ“.

Для соисканія медалей въ 1890 г. въ харьковскомъ университетѣ предложена была одна тема по русской исторіи: „историко-географическое направленіе въ русской исторіографіи“, другая по классической филологіи, но съ историческихъ характеромъ: „первый періодъ греческаго культурнаго вліянія въ Римѣ“.—Въ новороссійскомъ университетѣ тема, объявленная на этотъ годъ, была: „Бонапартъ, первый консулъ“.

Въ дерптскомъ университетѣ на 1890 г. объявлены слѣдующія Preisaufgaben: 1) Радищевъ. Вліяніе западно-европейской литературы, науки и жизни на Россію. 2) Заслуги А. Фр. Бюшинга въ изученіи русской исторіи. 3) Историко-статистическое описаніе пользованія землею въ одной изъ остзейскихъ губерній (на медаль Брадке).

Свѣдѣнія о сочиненіяхъ, награжденныхъ медалями, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя напечатаны, будутъ сообщены въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ нашего изданія.

Оставленные при университетахъ для приготовленія къ магистерскому экзамену по исторіи.

Приводимъ тѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать относительно молодыхъ людей, оставленныхъ при разныхъ университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію по исторіи русской и всеобщей.

Въ петербургскомъ университетѣ, кромѣ лицъ, сроки оставленія коихъ окончились ранѣе 1890 года, въ этомъ послѣднемъ году оставленными при университетѣ по каѳедрамъ исторіи русской и всеобщей состояли слѣдующія лица:

1) Въ 1890 году окончился срокъ оставленія при университетѣ С. Л. Степанова, занимающагося всеобщей (главнымъ образомъ, средневѣковой) исторіей. Г. Степановъ, окончивъ курсъ въ 1886 году, уже выдержалъ магистерскій экзаменъ и занятъ въ настоящее время своей диссертаціей изъ исторіи IV в. по Р. Х. Кромѣ кандидатскаго (ненапечатаннаго) сочиненія объ исторіи Зосима, какъ источника для исторіи имп. Константина, г. Степановъ написалъ и напечаталъ: 1) Нѣсколько словъ о западно-европейской исторической журналистикѣ („Библіографъ", 1888, № 5—6), 2) рецензію на „Исторію среднихъ вѣковъ" проф. Осокина (тамъ же, № 12), и 3) двѣ рецензіи на 2-е изданіе Учебника по древней исторіи, проф. Трачевскаго (тамъ же, 1890, № 5—6 и „Воспитаніе и обученіе", 1890, № 9). Въ настоящемъ сборникѣ напечатана также статья г. Степанова о поземельной собственности во франкскомъ государствѣ.

2) Въ 1889 г. былъ оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ русской исторіи В. А. Мякотинъ, кончившій курсъ въ 1888 году. Г. Мякотинъ получилъ золотую медаль за свое сочиненіе на тему, предложенную проф. Н. И. Карѣевымъ: „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ" (трудъ этотъ вышелъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ 1889 г.). Кромѣ того, имъ написано нѣсколько рецензій въ разныхъ журналахъ.

3) По каѳедрѣ всеобщей исторіи въ 1889 году былъ оставленъ А. И. Покровскій, выпуска 1889 г., занимающійся преимущественно древней исторіей. Въ университетѣ онъ получилъ золотую медаль за сочиненіе на тему, предложенную проф. Ѳ. Ѳ. Соколовымъ: „Объ оракулахъ Асклипія и Амфіарая". Кромѣ того, въ первомъ отдѣлѣ настоящаго сборника печатается его статья о новыхъ явленіяхъ въ области разработки древне-греческой исторіи.

4) Въ 1890 году оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ всеобщей исторіи Е. А. Соловьевъ, кандидатъ 1887 г., занимающійся преимущественно новой исторіей.

5) Въ этомъ же году и равнымъ образомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи оставленъ П. Д. Погодинъ (выпуска 1889 года), получившій золотую медаль за сочиненіе на тему, предложенную проф. В. Г. Васильевскимъ: „Осада и взятіе Константинополя турками въ 1453 г." (часть этой работы, въ три слишкомъ печатныхъ листа, была напечатана въ Журн. Мин. Нар. Просв., за авг. 1889 г., подъ заглавіемъ „Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками въ

1453 г.“). Г. Погодинъ предполагаетъ посвятить себя занятіямъ по новой исторіи. Въ настоящемъ сборникѣ ему принадлежитъ этюдъ о Маколеѣ.

При московскомъ университетѣ состоятъ гг.: Барсковъ (вып. 1888 года), Кизеветтеръ, Сторожевъ и Гутьяръ (вып. 1889 г.), всѣ четверо по русской исторіи, а по всеобщей—гг. Ардашевъ и Моравскій (вып. 1889 г.). Изъ нихъ печатныя работы имѣются у гг. Кизеветтера, Сторожева и Ардашева. Медальная работа г. Ардашева о перепискѣ Цицерона была напечатана въ Запискахъ Московскаго Университета.

Въ личномъ составѣ казанскаго университета въ 1890 г. (см. „Ученыя записки“ этого университета за 1890 г.) въ числѣ трехъ лицъ, оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по факультету историко-филологическому, значится только одинъ историкъ, а именно кандидатъ Н. Н. Ѳирсовъ. Г. Ѳирсовъ кончилъ курсъ въ 1888 году. Труды его, напечатанные въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета“: 1) Вступленіе на престолъ императрицы Елизаветы Петровны (1887) и 2) Изъ области народныхъ картинокъ (1890). Кромѣ того, недавно оставленъ при университетѣ А. В. Фроловъ, кончившій курсъ въ 1889 г.; спеціальность его—всеобщая исторія.

Въ настоящемъ году при университетѣ св. Владиміра оставлены: г. Грушецкій, авторъ „Южно-русскихъ замковъ въ XVI в.“ (Кіевъ, 1890), по каѳедрѣ русской исторіи, и г. Пискорскій, печатающій въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ работу о Франческо Феруччи, по каѳедрѣ всеобщей исторіи.

Мы не помѣстили въ этотъ обзоръ: a) молодыхъ историковъ, срокъ оставленія коихъ истекъ ранѣе 1890 г., и b) тѣхъ, которые готовятся къ магистерскому экзамену или пишутъ диссертаціи, не бывши оставлены при университетахъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ свѣдѣнія имѣются ниже въ отдѣлѣ о новыхъ историческихъ трудахъ.

Новыя ученыя общества.

Одновременно съ Историческимъ Обществомъ организовалось при петербургскомъ университетѣ Общество Неофилологическое. Уставомъ этого Общества, въ существенныхъ чертахъ сходномъ съ нашимъ уставомъ, цѣлью новаго учрежденія ставится: 1) изслѣдованіе вопросовъ, относящихся до изученія литературы и народной поэзіи новыхъ европейскихъ, преимущественно романскихъ и германскихъ народовъ, а также ихъ быта, искусства, исторіи и миѳологіи, насколько они служатъ къ объясненію произведеній поэтическаго творчества, соби-

рательнаго (folklore) и личнаго; 2) изслѣдованіе вопросовъ, относящихся до изученія романскихъ и германскихъ языковъ въ ихъ исторіи, фонетикѣ, морфологіи, синтаксисѣ и стилистикѣ; 3) изслѣдованіе вопросовъ, относящихся къ преподаванію новыхъ иностранныхъ языковъ. Общество это возникло, собственно говоря, ранѣе (въ 1885 г.), но до прошлаго года оно существовало, какъ отдѣленіе Филологическаго Общества. Протоколы его засѣданій печатаются въ *Пантеонѣ литературы*, и кромѣ того оно издало нѣсколько лѣтъ тому назадъ свои „Записки". Въ составѣ комитета Общества въ 1890 году были слѣдующія лица: предсѣдатель проф. А. Н. Веселовскій, товарищъ предсѣдателя А. Н. Пыпинъ, секретарь Θ. Д. Батюшковъ, казначей Р. О. Ланге, библіотекарь прив.-доц. Θ. А. Браунъ и два члена безъ должностей, Л. Н. Майковъ и гр. А. А. Бобринскій. Собранія Общества происходятъ два раза въ мѣсяцъ.

— При Новороссійскомъ университетѣ недавно образовалось Историко-филологическое Общество, уставъ коего былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія 21 декабря 1888 г. „Цѣль Общества—способствовать учеными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній" (§ 1 устава). Дѣятельность свою въ числѣ 10 членовъ-учредителей оно открыло 24 февраля 1889 г., а 27 апрѣля избрало свое правленіе: предсѣдатель проф. Θ. И. Успенскій, товарищъ предсѣдателя проф. А. И. Кирпичниковъ, казначей А. Д. Путята, секретарь прив-доц. А. В. Никитскій, члены правленія: проф. А. А. Кочубинскій и проф. А. И. Маркевичъ. Въ 1889—90 г. Общество, число членовъ коего возрасло до 64, имѣло 13 засѣданій. Общество имѣетъ небольшую библіотеку, заключающую въ себѣ нѣсколько славянскихъ рукописей. Въ числѣ доходовъ Общества значатся 400 р., составляющіе половину сбора съ публичныхъ лекцій, читанныхъ профессорами Θ. И. Успенскимъ, А. И. Кирпичниковымъ, О. Θ. Базинеромъ и В. М. Нечаевымъ. Въ 1890 г. оно издало первый выпускъ своей „Лѣтописи", посвященный двадцатипятилѣтію Императорскаго новороссійскаго университета. Кромѣ устава, отчета и списка членовъ, этотъ выпускъ содержитъ „Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ" проф. Θ. И. Успенскаго (съ портретомъ Григоровича) и „Описаніе рукописей В. И. Григоровича", составленное В. Н. Мочульскимъ.

— Еще весною 1890 года въ совѣтъ московскаго Общества любителей естествознанія была внесена записка, подписанная 18 членами Общества, съ предложеніемъ основать при Обществѣ географическое отдѣленіе. Мотивы для основанія такого отдѣленія были выставлены слѣдующіе: 1) важность изученія географіи, особенно Россіи, и тѣсная связь ея съ естествовѣдѣніемъ, составляющимъ предметъ заня-

тій Общества; 2) польза, которую можетъ принести новое отдѣленіе наукѣ, какъ собираніемъ и разработкой географическаго матеріала, такъ и распространеніемъ географическихъ свѣдѣній; 3) давно сознаваемая потребность въ основаніи въ Москвѣ географическаго кружка; 4) умѣстность подобнаго кружка въ такомъ промышленномъ и торговомъ центрѣ, какъ Москва, имѣющемъ обширныя сношенія съ различными раіонами Европейской Россіи, съ Кавказомъ, Сибирью, Средней Азіей, Персіей и Китаемъ; 5) возможность привлечь къ участію въ занятіяхъ отдѣленія преподавателей географіи и любителей землевѣдѣнія и содѣйствовать при ихъ помощи обмѣну взглядовъ по улучшенію элементарнаго преподаванія науки и ея популяризаціи; 6) содѣйствіе, которое можетъ оказывать отдѣленіе тѣмъ молодымъ людямъ, которые готовятся быть изслѣдователями или преподавателями географіи, и 7) вѣроятность, что при наличныхъ силахъ Общества и организуемыхъ имъ ежегодно экспедиціяхъ и экскурсіяхъ, отдѣленіе не останется безъ сотрудниковъ, число которыхъ можетъ еще возрасти отъ присоединенія къ отдѣленію новыхъ членовъ. Записка эта была внесена въ Общество, которое, въ засѣданіи 30-го апрѣля, признало открытіе географическаго отдѣленія желательнымъ и поручило вице-президенту общества, Д. Н. Анучину, совмѣстно съ прочими членами, подписавшими заявленіе, и при участіи другихъ лицъ, содѣйствіе которыхъ въ данномъ случаѣ можетъ быть желательнымъ и полезнымъ, намѣтить общій планъ дѣятельности и выработать руководящія правила для новаго отдѣленія, которое имѣетъ затѣмъ организовать свое бюро и доложить чрезъ его посредство о результатахъ своихъ предварительныхъ совѣщаній Обществу. На основаніи указаннаго постановленія, 22-го сентября, въ Политехническомъ музеѣ состоялось предварительное засѣданіе, въ которомъ обсуждались задачи дѣятельности вновь открываемаго отдѣленія и происходилъ выборъ его предсѣдателя. Въ члены отдѣленія избраны: А. Л. Линбергъ, А. А. Толстопятовъ, В. И. Сизовъ, П. Н. Милюковъ, Н. В. Баснинъ, А. И. Чупровъ, С. П. Мечъ, А. Е. Носъ. Предсѣдателемъ отдѣленія избранъ проф. Д. Н. Анучинъ; въ товарищи предсѣдателя приглашены: А. Л. Линбергъ и Н. Л. Гондатти, исправляющимъ должность секретаря—А. А. Ивановскій. Предметы занятій географическаго отдѣленія формулированы въ слѣдующихъ пунктахъ: а) собираніе матеріаловъ по различнымъ отдѣламъ землевѣдѣнія, преимущественно Россіи и странъ, съ нею сопредѣльныхъ, матеріаловъ по картографіи, гипсометріи, по изученію морей, озеръ, рѣкъ, горъ, почвъ, по климатологіи, біологической, медицинской, коммерческой, исторической географіи, промышленному землевѣдѣнію и т. д.; б) организація экспедицій и экскурсій для изученія различныхъ мѣстностей,

какъ въ чисто научныхъ, такъ и прикладныхъ цѣляхъ; в) устройство засѣданій для обмѣна взглядовъ и наблюденій по различнымъ вопросамъ землевѣдѣнія, его изученія и элементарнаго преподаванія, для научныхъ сообщеній и отчетовъ по географической литературѣ и для распространенія географическихъ свѣдѣній; г) изданіе трудовъ отдѣленія и тѣхъ сочиненій и картъ, опубликованіе которыхъ будетъ признано полезнымъ, а также и основаніе, если окажется возможнымъ, періодическаго журнала по географіи; д) устройство географическихъ выставокъ для ознакомленія съ произведеніями различныхъ странъ и областей, съ картографическими и географическими изданіями, фотографическими и другими видами мѣстностей, инструментами и приборами по различнымъ отдѣламъ землевѣдѣнія и учебными пособіями по географіи, а также, если окажется возможность, устройство постояннаго географическаго музея и библіотеки; е) сношенія съ различными учрежденіями и лицами, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, по предметамъ, касающимся занятій отдѣленія. Членами отдѣленія признаются тѣ члены Общества, которые выразятъ на то свое желаніе предсѣдателю отдѣленія, а также и другія лица, которыя будутъ избраны отдѣленіемъ, по предложенію трехъ его членовъ, и которыя, если не состоятъ уже членами Общества, считаются, на основаніи § 13 устава Общества, его членами-сотрудниками. Предсѣдатель отдѣленія избирается на два года, въ засѣданіи отдѣленія, изъ среды его членовъ, закрытой подачей голосовъ. Ежегодно къ 15-му октября отдѣленіе представляетъ въ Общество отчетъ о своей дѣятельности, а также ходатайствуетъ передъ Обществомъ о награжденіи лицъ, оказавшихъ наибольшія услуги отдѣленію, избраніемъ въ дѣйствительные, непремѣнные и почетные члены и медалями. Отдѣленіе вообще руководится по отношенію къ Обществу тѣми же правилами, какъ и другія отдѣленія Общества любителей естествознанія.

— Подъ названіемъ „Библіографическаго кружка“ возникло въ Москвѣ въ 1890 году новое научное общество. 4 октября вечеромъ въ Политехническомъ музеѣ состоялось первое засѣданіе „кружка“, уставъ котораго утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 31-го іюля текущаго года. Въ число задачъ своей дѣятельности кружокъ ставитъ: а) обстоятельное изслѣдованіе и подробное описаніе всѣхъ русскихъ книгъ и рукописей; б) содѣйствіе правильной разработкѣ отечественной библіографіи, въ отношеніи системы и методовъ этой разработки, а также развитію и распространенію разнообразныхъ техническихъ знаній, имѣющихъ отношеніе къ книжному дѣлу вообще. Для достиженія означенной цѣли кружокъ а) собираетъ матеріалы по русской библіографіи, разрабатываетъ ихъ и издаетъ систематическіе каталоги рукописей, книгъ, періодическихъ изданій,

иностранныхъ книгъ о Россіи и пр.; б) составляетъ библіотеку спеціально библіографическаго характера; в) собираетъ книги, въ особенности рѣдкія, и предметы, которые наглядно знакомятъ съ книжнымъ дѣломъ, типографскимъ, литографскимъ, переплетнымъ и др. производствами, и составляетъ изъ нихъ библіографическій музей; г) устраиваетъ безплатныя публичныя чтенія по предметамъ библіографіи, книговѣдѣнія и соприкасающихся отраслей, а также и выставки; д) входитъ въ сношенія съ владѣльцами библіотекъ и сообщаетъ требуемыя ими свѣдѣнія на запросы по книжному дѣлу и е) способствуетъ, по возможности, сохраненію частныхъ библіотекъ покупкою ихъ или инымъ путемъ. Дѣлами кружка завѣдуетъ особый комитетъ, который состоитъ изъ предсѣдателя, секретаря, казначея, хранителя музея и библіотеки и трехъ членовъ кружка, приглашаемыхъ предсѣдателемъ. Выборы этихъ должностныхъ лицъ были произведены въ первомъ же засѣданіи кружка. Въ началѣ этого засѣданія руководство имъ было поручено Н. И. Носову. Послѣдній обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой, выяснивъ програму будущей дѣятельности кружка, просилъ о сочувствіи къ нему публики. Послѣ этого А. Н. Соловьевъ прочелъ рефератъ, въ которомъ изложилъ въ общихъ чертахъ исторію библіографическаго дѣла за границей. Затѣмъ произошли выборы дѣйствительныхъ членовъ кружка и членовъ комитета. Предсѣдателемъ комитета былъ избранъ А. Д. Тороповъ, секретаремъ А. Н. Соловьевъ, казначеемъ Д. В. Байковъ, хранителемъ музея и библіотеки В. Ѳ. Фрейманъ, кандидатами къ нимъ: Н. И. Носовъ, Ѳ. С. Хановъ, В. И. Магнуссонъ и Е. И. Аркадьевъ. Въ концѣ засѣданія Н. И. Носовъ предложилъ кружку безплатное помѣщеніе для музея, библіотеки и для занятій кружка въ собственномъ домѣ (на Красносельской улицѣ). „Рус. Вѣд.“ 1890, №№ 273 и 274.

— При учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ съ весны 1890 года образовалась историческая секція, которая поставила себѣ цѣлью разработку различныхъ вопросовъ, касающихся преподаванія исторіи въ средней школѣ [1]). Въ секцію вошло большинство преподавателей исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Имѣя въ виду прежде всего взаимную помощь при подготовленіи и обработкѣ матеріала для преподаванія и сознавая, что постановка этого дѣла на научной основѣ можетъ быть

[1]) Точная формулировка цѣли секціи: 1) составленіе нормальной программы (подробнаго конспекта и объяснительной записки) и на ея основѣ, буде возможно, нормальнаго учебника и исторической христоматіи и 2) разработка вопросовъ по методикѣ исторіи въ средней школѣ.

достигнута лишь совмѣстной работой многихъ лицъ, спеціально занимающихся разными отдѣлами исторіи, члены секціи рѣшили прежде всего заняться составленіемъ подробной программы по всему курсу русской и всеобщей исторіи, причемъ такая программа должна дать комплексъ фактовъ, подлежащихъ сообщенію, и объяснительную записку къ различнымъ отдѣламъ его. Весною былъ подготовленъ планъ занятій, а осенью секція приступила къ дѣлу. Предположивши начать ознакомленіемъ съ существующими у насъ и на Западѣ программами преподаванія и исходить отъ критической оцѣнки ихъ, секція уже выслушала нѣсколько сообщеній по этому предмету, установила рядъ общихъ положеній, на основѣ которыхъ должна будетъ разрабатываться программа, распредѣлила между отдѣльными членами части программы и уже начала детальное обсужденіе ихъ.

Бюро секціи состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдатель—Аполлонъ Николаевичъ Поливановъ (преподаватель исторіи въ 3 кадетскомъ корпусѣ); товарищъ предсѣдателя—Владиміръ Николаевичъ Беркутъ; секретари: С. В. Занченко и Робертъ Юльевичъ Випперъ, всѣ трое преподаватели исторіи. Прочитаны были до сихъ поръ (начало ноября 1890 г.) слѣдующія сообщенія: М. К. Любавскаго—о преподаваніи исторіи во французскихъ лицеяхъ и коллежахъ на основаніи программъ 1890 г., Р. Ю. Виппера—о преподаваніи исторіи въ австрійскихъ гимназіяхъ, В. М. Михайловскаго—новая русская гимназическая программа по исторіи сравнительно съ прежней, В. А. Фукса—1) замѣчанія о преподаваніи исторіи, преимущественно въ среднихъ классахъ и 2) рядъ предложеній, касающихся разныхъ сторонъ предполагаемой программы, г. Щепкина—опытъ обработки отдѣла для нормальной программы съ цѣлью выясненія возникшихъ при ея составленіи вопросовъ и затрудненій. Съ послѣднимъ сообщеніемъ, въ коемъ была разобрана эпоха регентства во Франціи въ изложеніи нѣсколькихъ важнѣйшихъ учебниковъ, сочиненій по всемірной исторіи, по Франціи, монографій и т. п., секція вступила на практическую почву составленія подробной конспективной программы, которая будетъ сопровождаться объяснительной запиской и, можетъ быть, указаніями для библіотеки учителя и ученика.

Этимъ занятіямъ предшествовала выработка общихъ тезисовъ, которые должны лечь въ основу всего предпріятія новаго историко-педагогическаго общества. Уже въ одномъ изъ первыхъ засѣданій секціи возникъ вопросъ о методѣ при выясненіи главныхъ цѣлей, къ которымъ должно стремиться преподаваніе исторіи въ средней школѣ. Разрѣшая этотъ вопросъ, секція раздѣлилась на двѣ группы: одна предлагала выяснить эти цѣли прямо, т.-е. такъ, чтобы каждый изъ членовъ выска-

залъ, чтó онъ считаетъ за главную цѣль преподаванія, и—чтобы собранныя такимъ образомъ мнѣнія послужили матеріаломъ для обсужденія и формулировки, а другая предлагала, какъ лучшее средство, обзоръ существующихъ мнѣній, высказанныхъ въ объяснительныхъ запискахъ, приложенныхъ къ программамъ среднихъ школъ въ различныхъ государствахъ. Рѣшено было принять оба предложенія. Сообразно съ этимъ, на первомъ же осеннемъ засѣданіи обсуждались и приняты были 6 тезисовъ, разработанныхъ и представленныхъ Р. Ю. Виппeромъ, причемъ въ виду важности этихъ общихъ положеній, долженствующихъ быть руководящими во всѣхъ дальнѣйшихъ занятіяхъ секціи, рѣшено было разослать ихъ и всѣмъ отсутствовавшимъ членамъ съ предложеніемъ, буде пожелаютъ, высказаться по поводу ихъ и съ предупрежденіемъ, что если къ установленному сроку не будетъ представлено никакихъ протестовъ и дополнительныхъ замѣчаній, то тезисы будутъ считаться принятыми единогласно (Такъ же рѣшено поступать на будущее время и при разработкѣ нормальной программы по отдѣламъ и частямъ. Принятая присутствующими членами, она разсылается всѣмъ отсутствовавшимъ съ приглашеніемъ высказаться къ извѣстному сроку. Если отвѣта ни отъ кого не послѣдуетъ, программа будетъ считаться принятою единогласно). Въ настоящее время общими началами, долженствующими лечь въ основу при составленіи нормальной программы, являются слѣдующія шесть положеній:

1) Курсъ исторіи въ средней школѣ, при сохраненіи необходимой для достиженія общаго образованія связи съ другими предметами, предполагается, какъ нѣчто цѣльное, въ себѣ самомъ заключающее опредѣленныя задачи, помимо примѣненія сообщаемаго матеріала въ дальнѣйшихъ спеціальныхъ занятіяхъ.

2) Цѣль преподаванія исторіи въ средней школѣ—развитіе въ учащихся историческаго отношенія къ жизни, которое должно выразиться въ пониманіи процесса историческаго развитія и значенія важнѣйшихъ его моментовъ и результатовъ, причемъ не должны быть упускаемы изъ виду характеристики особенностей эпохъ, отдѣльныхъ національностей и личностей.

3) Что касается воспитанія моральнаго или политическаго посредствомъ историческаго преподаванія, то оно никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено цѣлью, хотя бы и второстепенною, а должно быть разсматриваемо, лишь какъ естественный результатъ всякаго разумнаго преподаванія исторіи.

4) Указанная цѣль преподаванія исторіи дѣлаетъ единственно возможной всемірно-историческую точку зрѣнія при выборѣ и распредѣленіи матеріала. Въ изложеніи отечественной исторіи рядомъ

со всемірно-исторической точкой зрѣнія выступаетъ національная, требующая выдѣленія и такихъ сторонъ исторической жизни, которыя не имѣли культурнаго вліянія на другіе народы, но сказались важными послѣдствіями въ историческомъ развитіи народа русскаго.

5) Всемірно-историческая точка зрѣнія опредѣляетъ въ каждомъ частномъ случаѣ выборъ матеріала и выдѣленіе той или другой группы фактовъ: для одной эпохи или въ жизни одного народа будутъ выдвинуты на первый планъ явленія внѣшней или внутренней политической и соціальной жизни; для другого момента—явленія литературы и искусства; для третьяго—религіозныя движенія и т. д., смотря по тому, какія стороны жизни въ данную эпоху и у даннаго народа имѣли наибольшее значеніе съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

6) Въ виду того, что преподаваніе исторіи должно по преимуществу развить въ учащихся пониманіе процесса историческаго развитія (§ 2), наилучшей канвой для группировки матеріала необходимо признать внѣшне-политическую исторію; характеристики религіозныхъ воззрѣній, политическихъ, философскихъ и другихъ ученій, политическаго, соціальнаго и экономическаго устройства и т. п. должны быть по возможности связаны съ выдающимися моментами внѣшней жизни и судьбой замѣчательныхъ личностей.

Отдѣльныя части программы уже разобраны разными членами секціи, и самое назначеніе программы выяснено слѣдующимъ образомъ. 1) Она должна быть составлена такъ, чтобы по ней могъ быть написанъ желательнаго типа учебникъ, болѣе удовлетворительный, чѣмъ существующіе. 2) Если даже и не будетъ написанъ такого рода учебникъ, то самая программа съ различными поясненіями, толкованіями и ссылками на научную литературу можетъ служить руководствомъ для преподавателя, особенно для начинающаго, часто не знающаго, съ чего начать, о чемъ говорить, словомъ, какъ взяться за дѣло. Кромѣ того, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій секціи именно и сдѣлано было предложеніе, чтобы части программы были представляемы не въ видѣ сухихъ конспектовъ, а съ обстоятельной мотивировкой выбора матеріала и его расположенія. Мотивировка, разумѣется, будетъ опираться на два критерія: 1) на приведенные тезисы и 2) на современное состояніе науки и научной литературы (Это сообщеніе прочитано было предсѣдателемъ Историческаго Общества въ XIII засѣданіи, 29 ноября 1890 г.).

Харьковское историко-филологическое общество.

Въ слѣдующихъ выпускахъ сборника мы надѣемся собрать свѣдѣнія и о старыхъ историческихъ обществахъ, ограничиваясь здѣсь

пока однимъ. Историко-филологическое Общество при Харьковскомъ университетѣ основано въ 1876 г. (уставъ утвержденъ министромъ нар. просв. 24 дек. 1876). Предсѣдателемъ его съ сентября 1877 г. до октября 1890 г. былъ проф. А. А. Потебня, теперь же за отказомъ послѣдняго (по случаю разстроеннаго здоровья) отъ предсѣдательства избранъ предсѣдателемъ проф. М. С. Дриновъ; секретаремъ состоитъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ (съ сент. 1880 г.). Общество занимается разработкой вопросовъ, входящихъ въ область историко-филологическихъ наукъ, преимущественно же изслѣдованіемъ мѣстной старины. Изъ рефератовъ, читанныхъ членами общества въ теченіе 1890 г. (до настоящаго времени), можно назвать слѣдующіе, какъ относящіеся къ исторіи: Д. И. Багалѣя—отчетъ о VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ (напеч. въ „Харьк. губ. Вѣдом."), его же: „Магдебургское право въ городахъ лѣвобережной Малороссіи XVI—XVIII вв."; М. М. Плохинскаго о бобровникахъ въ Малороссіи; М. Е. Халанскаго: „Пушкинъ и г-жа Ризничъ" (напеч. въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ", № 4780); его же: „Къ былинѣ про Дюка Степановича"; Л. Ю. Шепелевича „Изъ исторіи демонологіи" (напеч. въ его „Очеркахъ изъ исторіи средневѣковой литературы и культуры". Вып. 1-й. Харьковъ. 1890 г.). Обществомъ издается „Сборникъ", выходящій по мѣрѣ накопленія матеріала. I-й томъ „Сборника" появился въ 1886 г. и весь состоялъ изъ „Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства", собранныхъ и редактированныхъ Д. И. Багалѣемъ. Весною 1890 г. вышелъ II-й томъ „Сборника", содержаніе коего слѣдующее: 1) отчетъ о дѣятельности Общества съ янв. 1889 г. по апрѣль 1890 г.; 2) свѣдѣнія объ архивѣ Истор.-филолог. общества (Д. И. Багалѣя); 3) некрологъ Л. З. Колмачевскаго (Н. Ѳ. Сумцова); 4) матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ., собранные и редактированные Д. И. Багалѣемъ (продолженіе); 5) сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Манжурою; 6) игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ; собралъ П. В. Ивановъ (съ предисловіемъ Н. Ѳ. Сумцова). Въ настоящее время Общество приступаетъ къ печатанію III-го тома „Сборника", содержаніе котораго будетъ слѣдующее (кромѣ отчета о дѣятельности общества): 1) В. И. Саввы, „Вопросъ о крещеніи Ольги"; 2) М. М. Плохинскаго, „Матеріалы для внутренней исторіи Малороссіи: бобровники и стрѣльцы. Изслѣдованіе съ приложеніемъ архивнаго матеріала изъ Харьковскаго историческаго архива"; 3) П. В. Иванова, „Народные разсказы о вѣдьмахъ" (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда); 4) Н. Ѳ. Сумцова, „Библіографія вопроса о вѣдьмахъ"; 5) свадебныя

пѣсни, записанныя въ с. Бѣлозерки Херсонской губ. и доставленныя Обществу черезъ посредство А. А. Русова; 6) Д. И. Багалѣя, „Библіографическій перечень изслѣдованій, статей и матеріаловъ, относящихся къ исторіи Харьковскаго края"; 7) рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ, извлеченныхъ изъ мѣстнаго историческаго архива Д. И. Багалѣемъ и М. М. Плохинскимъ [1]). При Историко-филологическомъ обществѣ имѣется Историческій Архивъ, который образовался изъ 1) дѣлъ бывшей Малороссійской коллегіи, доставленныхъ въ Общество изъ Чернигова; 2) изъ дѣлъ той же коллегіи, доставленныхъ изъ Полтавы и относящихся къ Полтавской губ.; 3) изъ дѣлъ харьковскихъ нынѣ упраздненныхъ учрежденій (документы эти относятся къ мѣстной, Слободско-украинской исторіи); 4) наконецъ, изъ документовъ, жертвуемыхъ частными лицами. Между прочимъ, въ харьковскомъ архивѣ имѣется часть извѣстной Румянцовской описи Малороссіи. Завѣдующимъ архивомъ состоитъ проф. Д. И. Багалѣй, а архиваріусомъ кандидатъ историческихъ наукъ М. М. Плохинскій. При архивѣ есть небольшая библіотека (Сообщено проф. В. П. Бузескуломъ).

VIII археологическій съѣздъ.

Въ январѣ 1890 года въ Москвѣ состоялся восьмой Археологическій съѣздъ, совпавшій съ празднованіемъ двадцатипятилѣтія существованія Московскаго Археологическаго Общества. Въ предсѣдатели съѣзда избранъ былъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ, почетное же предсѣдательство изволилъ принять е. и. в. Великій Князь Сергій Александровичъ. Дѣятельнымъ организаторомъ, постоянной участницей и „душою" всѣхъ засѣданій была графиня П. С. Уварова, предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества и энергичная преемница графа А. С. Уварова въ дѣлѣ развитія русской археологіи.

Сравнительно съ предыдущими, нынѣшній съѣздъ можно причислить къ числу наиболѣе многочисленныхъ (381 членъ) и обильныхъ по дѣятельности (136 сообщеній въ девяти секціяхъ). *Эпохѣ первобытной* посвящены были, между прочимъ, доклады В. Б. Антоновича: „О типахъ погребенія въ курганахъ Кіевской губерніи" и Д. Я. Самоквасова: „Хронологія могильныхъ находокъ въ южной и центральной Россіи". *Первыя страницы* исторіи отечественной иллюстрировались рефератами В. Ѳ. Миллера: „Новое сарматское божество",

---

[1]) По послѣднимъ извѣстіямъ, Общество постановило расширить въ III томѣ своего сборника библіографическій обзоръ, въ составленіи коего примутъ участіе проф. Д. И. Багалѣй, проф. В. П. Бузескулъ и г. Масловъ.

Д. Я. Самоквасова: „О происхожденіи русскихъ славянъ и причины появленія кладовъ римскихъ монетъ въ области центральной Европы", Д. А. Хвольсона: „О руссахъ Ибнъ-Хардадбеха", А. С. Будиловича: „Къ вопросу о происхожденіи слова Русь" и П. Н. Милюкова: „О времени и мѣстѣ дѣйствія въ Запискѣ греческаго топарха". Всѣ эти доклады вызвали болѣе или менѣе оживленный обмѣнъ мнѣній, мало однако примиривъ несходныя между собою толкованія.

Весьма интересными были сообщенія Д. Н. Анучина: „О древнихъ картахъ Сибири" и „Сказанія о дивьихъ людяхъ", равно какъ и „Кавказскія народныя сказанія о циклопахъ" В. Ѳ. Миллера.

Въ отдѣлѣ общей исторіи Россіи стоитъ упомянуть о полномъ научнаго интереса рефератѣ А. С. Павлова: „Къ вопросу о подлинности церковнаго устава св. Владиміра"; А. И. Соболевскій съ И. И. Богданомъ доказывали подложность извѣстной граматы князя Ивана Берладника 1134 года; „древнѣйшее населеніе Москвы" обслѣдовано было маститымъ историкомъ нашей великорусской старины И. Е. Забѣлинымъ; вопросъ о коллегіальности приказовъ затронутъ Н. Н. Ардашевымъ, а В. Н. Сторожевъ коснулся „десятенъ, какъ источника для изученія исторіи русскаго провинціальнаго дворянства въ XVI и XVII вѣкахъ". Послѣднему же докладчику принадлежатъ и „Засѣчныя книги, какъ историко-географическій источникъ".

Историко-литературная сторона занятій Съѣзда выразилась въ цѣломъ рядѣ докладовъ, изъ коихъ назовемъ: „Къ вопросу о зарожденіи церковно-славянскаго языка"—А. С. Будиловича, „Взаимодѣйствіе иконописи и словесности, народной и книжной"—А. И. Кирпичникова, „Первыя раціоналистическія секты на Руси" — С. П. Тимоѳеева, „Неизвѣстный русскій проповѣдникъ временъ Грознаго" (протоіерей Сильвестръ)—Д. П. Лебедева и „Новый матеріалъ по вопросу о редакціяхъ житія св. Авраамія Ростовскаго"—М. И. Соколова. Слѣдующіе четыре реферата изслѣдовали область церковной старины: „О задачахъ и пріемахъ евангельской иконографіи"—Н. В. Покровскаго, „Дополненія къ лицевому апокалипсису" и „Стилизація ландшафта въ русскихъ рукописныхъ миніатюрахъ"—Ѳ. И. Буслаева и „Церкви большого Кремлевскаго дворца"—Н. В. Султанова. Изъ работъ по Византіи особенно выдѣлились доклады Ѳ. И. Успенскаго: „Синодикъ въ недѣлю православія" и „О военномъ устройствѣ Византіи"; по древнему Востоку—М. В. Никольскаго: „О Вавилонскихъ цилиндрахъ А. В. Прахова."

Въ концѣ засѣданій Съѣзда (весь Съѣздъ продолжался съ 9 по 24 января) начали выходить занятія его, нынѣ составившія книжку въ 211 страницъ.

Слѣдующій, девятый, Съѣздъ назначенъ въ гор. Вильнѣ на 1893 годъ.

Историческое преподаваніе на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ.

3 іюня 1889 г. было утверждено правительствомъ „временное положеніе С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ", на которые съ осени этого года снова былъ открытъ пріемъ послѣ перерыва, продолжавшагося четыре года (послѣдній пріемъ былъ въ 1885 г.). По § 22 этого положенія на историко-филологическомъ отдѣленіи курсовъ преподаются: 1) законъ Божій, 2) психологія, 3) логика, 4) исторія философіи, 5) русскій языкъ, 6) старо-церковно-славянскій языкъ, 7) исторія русской литературы древней и новой, 8) теорія словесности, 9) обзоръ славянскихъ нарѣчій и литературъ, 10) всеобщая литература въ главнѣйшихъ явленіяхъ, 11) русская исторія, 12) обозрѣніе исторіи славянскихъ племенъ, 13) исторія древняя, 14) исторія среднихъ вѣковъ, 15) исторія новаго времени, 16) исторія искусствъ и 17) латинскій языкъ. По примѣрной таблицѣ числа лекцій, приложенной къ „временному положенію", русская исторія должна читаться всѣ четыре года пребыванія слушательницъ на Курсахъ (по 2 часа въ недѣлю), для славянской исторіи дается по одному часу на двухъ старшихъ курсахъ, для древней исторіи 5 часовъ (3 на I к. и 2 на II), а средняя и новая должны читаться при четырехъ лекціяхъ каждая (на III и IV курсахъ). Въ настоящее время на двухъ первыхъ курсахъ преподаются русская исторія прив.-доц. университета С. Ѳ. Платоновымъ, а древняя раздѣлена между проф. Н. И. Карѣевымъ и кандидатомъ Н. М. Бубновымъ. Остальные историческіе предметы еще не читаются (Отчетъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1888—89 г. Спб. 1890 г.).

Публичныя лекціи по исторіи въ Москвѣ.

Съ прошлаго года въ Москвѣ, въ зданіи политехническаго музея читаются по зимамъ дневныя (отъ 1 ч. до 3 ч.) публичныя лекціи главнымъ образомъ по историческимъ наукамъ, причемъ всѣхъ курсовъ читается десять и каждый курсъ состоитъ изъ десяти лекцій. Плата за всѣ десять курсовъ (100 лекцій) 25 р., за каждый курсъ отдѣльно 10 р. Въ 1889—90 г. главнымъ предметомъ лекцій были средніе вѣка, по которымъ читалось шесть курсовъ, а именно К. М. Быковскаго о

средневѣковомъ искусствѣ, проф. П. Г. Виноградова объ условіяхъ образованія государства въ Западной Европѣ, проф. В. И. Герье о средневѣковомъ міросозерцаніи въ его главныхъ представителяхъ, пр.-доц. М. С. Корелина о важнѣйшихъ моментахъ въ исторіи средневѣковаго папства, проф. Н. И. Стороженка по исторіи средневѣковой французской литературы и проф. А. И. Чупрова о народномъ хозяйствѣ и экономическихъ воззрѣніяхъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и при переходѣ къ новому времени. По русской исторіи читалось два курса: проф. В. О. Ключевскій излагалъ подготовку реформы Петра Великаго, а проф. А. Н. Веселовскій исторію русской литературы въ XVIII в. Наконецъ, проф. Н. Я. Гротъ читалъ о важнѣйшихъ вопросахъ современной психологіи, а прив.-доц. Л. М. Лопатинъ—о типическихъ ученіяхъ въ исторіи морали. Тѣми же лекторами (за исключеніемъ М. С. Корелина, котораго замѣнилъ проф. К. А. Темирязевъ) объявлены курсы и на зиму 1890—91 г., и на этотъ разъ всѣ лекціи безъ изъятія относятся къ исторіи XVIII и XIX вв. Г. Быковскій читаетъ исторію русской живописи съ Петра Великаго, проф. Веселовскій—русскую литературу въ XIX в., проф. Виноградовъ—обновленіе Германіи въ XIX в., проф. Герье—гуманное и филантропическое движеніе въ XVIII в., проф. Гротъ—основныя проблеммы философіи XVII и XVIII вв., проф. Ключевскій—исторію русскаго государства и общества въ XVIII в., г. Лопатинъ—о важнѣйшихъ направленіяхъ философской мысли XIX в., проф. Стороженко—исторію развитія романа въ европейской литературѣ, проф. Темирязевъ—объ историческомъ методѣ въ біологіи и проф. Чупровъ—о господствующихъ направленіяхъ въ экономической литературѣ XIX в. Эти историческіе курсы, организаторомъ коихъ является В. И. Герье, имѣютъ большой успѣхъ въ московской образованной публикѣ.

Публичныя лекціи по исторіи въ Петербургѣ.

Между публичными лекціями, которыя будутъ читаться въ зимній сезонъ 1890—91 г. въ петербургскомъ педагогическомъ музеѣ (въ Соляномъ городкѣ), предположены и нѣкоторые историческіе курсы. Первая лекція, назначенная на 26 ноября, была прочтена М. И. Семевскимъ о „Петрѣ Великомъ и его времени", причемъ, въ своемъ курсѣ г. Семевскій намѣренъ изложить возможно полный обзоръ эпохи Петра Великаго съ характеристикою преобразователя Россіи и главнѣйшихъ его сподвижниковъ. Поводомъ къ этимъ чтеніямъ послужило для г. Семевскаго появленіе въ свѣтъ изданія академика А. Ѳ. Бычкова „Письма и бумаги Петра Великаго", „Дѣло Шакло-

витаго“ и другіе новѣйшіе сборники матеріаловъ, относящіеся къ эпохѣ Петра Великаго. Чтенія сопровождаются портретами и картинами на экранѣ волшебнаго фонаря; оригиналы тѣхъ и другихъ принадлежатъ собранію Д. А. Ровинскаго. 28 ноября бывшій профессоръ Новороссійскаго университета А. С. Трачевскій началъ курсъ лекцій по исторіи древняго Востока. Судя по характеру нынѣшней разработки этой исторіи, а также и по самой программѣ предстоящаго курса, послѣдній долженъ отличаться по преимуществу бытовымъ характеромъ: ему приходится имѣть дѣло съ зачатками общественной и художественной дѣятельности человѣчества. Поэтому лекціи г. Трачевскаго должны сопровождаться, гдѣ это потребуется ихъ содержаніемъ, картинами на экранѣ, для которыхъ представляется богатый выборъ среди недавно открытыхъ памятниковъ искусства, въ особенности ассиро-вавилонскаго. Во главѣ недавно разрѣшенной программы курса поставлены вопросы изъ антропологіи, языковѣдѣнія, миѳологіи и доисторической археологіи, безъ которыхъ непонятна первая страница исторіи, при современномъ состояніи этой науки. Далѣе вездѣ проглядываетъ намѣреніе лектора сопоставить древнѣйшіе памятники быта съ современными теоріями о происхожденіи основъ цивилизаціи.„

— Кромѣ того, проф. Н. И. Карѣевъ предполагаетъ прочесть зимою въ январѣ и февралѣ 1891 г. въ залѣ городской думы нѣсколько публичныхъ лекцій на тему: „исторія и философское значеніе идеи прогресса“. Сборъ съ этихъ лекцій предназначается въ пользу Общества пособія нуждающимся писателямъ и ученымъ (литературный фондъ).

Историческіе диспуты въ 1890 г. [1]).

Въ 1890 г. происходилъ въ петербургскомъ университетѣ докторскій диспутъ проф. казанскаго университета по каѳедрѣ русской словесности А. С. Архангельскаго.

Докторантъ представилъ въ историко-филологическій факультетъ диссертацію, состоящую изъ двухъ частей: 1) Къ изученію древне-русской литературы. Очерки и изслѣдованія (146 стр.); 2) Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій (203+118+228). Въ своей вступительной рѣчи А. С. Архангельскій прежде всего ука-

[1]) Редакція сборника надѣялась помѣстить отчеты обо всѣхъ историческихъ диспутахъ, происходившихъ въ 1890 г., но многіе обѣщанные отчеты ей своевременно доставлены не были.

залъ на неправильное отношеніе къ переводной литературѣ, которое весьма часто встрѣчается въ нашей исторіи словесности: ихъ не считаютъ характерными и достаточно важными явленіями въ умственной жизни народа. А между тѣмъ, старые русскіе переводы были и любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, и самымъ распространеннымъ видомъ словесности. Вліяніе ихъ на читателей и значеніе въ культурной жизни было весьма велико. Особенно примѣнимо это къ переводамъ сочиненій отцовъ церкви и духовныхъ писателей византійскихъ (IV в.—XIV в.) Такое сочиненіе, какъ Шестодневъ Василія Великаго давало удовлетвореніе научнымъ интересамъ читателей: авторъ излагалъ и мнѣнія греческихъ философовъ, и разныя естественно-научныя свѣдѣнія, дѣлая примѣчанія къ тексту библіи. Такимъ же характеромъ отличаются творенія Іоанна Дамаскина, богатыя свѣдѣніями о природѣ и психологическими данными, почерпнутыми у Аристотеля. Полезнымъ чтеніемъ являлись и переводы Нила Синайскаго, Геннадія, Ефрема Сиріина. Многіе переводы давали пищу поэтическому чувству читателей; діалектическія, философскія, логическія понятія развивались у читателей на сочиненіяхъ Дамаскина. Но переводы твореній отцовъ церкви интересны и важны и съ точки чисто историко-литературной, по разнообразнымъ связямъ и отношеніямъ, которыя установились между ними и оригинальной литературой.

Возраженія противъ положеній и текста сочиненія были сдѣланы профессорами Соболевскимъ и Незеленовымъ (оффиціальные оппоненты). Проф. Соболевскій, признавая новизну и интересъ работы докторанта, замѣтилъ, что въ трудѣ г. Архангельскаго есть и большіе недостатки; обозрѣніе оныхъ онъ раздѣлилъ на двѣ части. Въ первой отмѣчалось отсутствіе опредѣленной программы и системы при изученіи памятниковъ, которое отчасти надо, конечно, отнести на счетъ обширности разсматриваемаго матеріала. Данныя языка иногда принимались въ расчетъ (напр. въ замѣчаніяхъ о древнѣйшемъ спискѣ труда Іоанна Экзарха XIII в. или о славянскихъ спискахъ Маргарита съ слѣдами средне-болгарскаго языка XIII—XIV в.), иногда же вовсе игнорировались. Отсюда происходили неточности или неправильныя заключенія: напр. въ 10-мъ положеніи авторъ утверждаетъ, что древне-русскіе Измарагды возникли всецѣло на почвѣ русской письменности; между тѣмъ, среди приводимыхъ списковъ Измарагда есть указывающіе на юго-славянское происхожденіе редакціи. Второй общій недостатокъ диссертаціи—это неполнота въ матеріалѣ. Работа по цѣли своей библіографическая, а библіографія безусловно требуетъ полноты; рукописный матеріалъ, разсмотрѣнный авторомъ, былъ незначителенъ сравнительно съ рамками, поставляемыми задачей; много текстовъ осталось автору неизвѣстными.

Вѣроятно, многіе выводы поколебались бы знакомствомъ съ рукописнымъ матеріаломъ публичной библіотеки и румянцовскаго музея. Изъ русскихъ текстовъ г. Архангельскій не воспользовался макарьевскими четьими-минеями, кормчими и указывая на списокъ „Постническихъ словесъ“ Василія Великаго XVI в., не зналъ списка XIV столѣтія. Профессоръ Незеленовъ послѣ общихъ заявленій о достоинствѣ и важности диссертаціи г. Архангельскаго указалъ на замѣчаемую мѣстами неполноту изслѣдованія и незаконченность выводовъ: можно бы, напр., въ изслѣдованіи „Вопросовъ и отвѣтовъ“ остановиться на томъ обстоятельствѣ, почему въ одномъ спискѣ недостаетъ такихъ-то трехъ-четырехъ вопросовъ, въ другомъ—другихъ, или почему при одномъ изъ вопросовъ стоитъ больше цитатъ, при другомъ меньше. Полезно бы было также, по мнѣнію г. Незеленова, точно установить тѣ мѣста изъ нашей переводной отеческой литературы, которыя повліяли на нашихъ русскихъ писателей: Серапіона, Нила Сорскаго и другихъ. Оппонентъ указалъ еще на слишкомъ суровое, по его мнѣнію, отношеніе докторанта къ нѣкоторымъ изъ выводовъ г. Мочульскаго. Диспутъ закончился признаніемъ докторанта достойнымъ степени доктора русской словесности.

— 8-го апрѣля 1890 г. въ петербургскомъ университетѣ происходилъ магистерскій диспутъ прив.-доц. по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ московскомъ университѣ П. В. Безобразова. Изъ curriculum vitae диспутанта, прочитаннаго секретаремъ историко-филологическаго факультета, видно, что г. Безобразовъ кончилъ курсъ гимназіи въ 1879 году; поступивъ на историко-филологическій факультетъ въ томъ же году, онъ успѣлъ написать въ теченіе четырехлѣтняго университетскаго курса три работы, за которыя былъ удостоенъ одной серебряной и двухъ золотыхъ медалей; сдавъ экзаменъ на магистра, онъ сталъ читать лекціи по всеобщей исторіи, въ качествѣ приватъ-доцента, въ московскомъ университетѣ. Напечаталъ г. Б. слѣдующія оригинальныя статьи: „Боэмундъ Тарентскій“, „Матеріалы для исторіи византійской имперіи“, „Черты византійскихъ нравовъ“, а также помѣстилъ нѣсколько рецензій въ Журналѣ М. Н. П. и другихъ повременныхъ изданіяхъ. Книгу „Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ. Часть первая“ представилъ для соисканія ученой степени магистра всеобщей исторіи. По разсмотрѣніи книги факультетъ допустилъ г. Безобразова къ публичной защитѣ его сочиненія. Оффиціальными оппонентами были назначены профессора: В. Г. Васильевскій и И. Е. Троицкій.

Передъ началомъ диспута магистрантъ произнесъ рѣчь, которая можетъ быть названа обвинительнымъ актомъ противъ Ми-

хаила Пселла [1]). Въ ней диспутантъ старался доказать и справедливость общаго пренебрежительнаго отношенія западныхъ историковъ къ Византіи, разъ одинъ изъ лучшихъ ея сыновъ, какимъ до сихъ поръ считался Пселлъ, въ сущности былъ никуда негодный человѣкъ. Свой выводъ относительно Пселла г. Безобразовъ подтверждалъ фактическимъ изображеніемъ его жизни. Пселлъ, сынъ бѣдныхъ родителей, съумѣлъ пробить себѣ дорогу; онъ разбогатѣлъ, изъ юноши, искавшаго мѣста и протекціи, сталъ вліятельнѣйшимъ сановникомъ, милости котораго добивались провинціальные и столичные чиновники. Переписка Пселла указываетъ на его высокое положеніе: въ числѣ его корреспондентовъ находимъ четырехъ императоровъ, двухъ императрицъ, трехъ константинопольскихъ патріарховъ, одного антіохійскаго, немало митрополитовъ и епископовъ, начальниковъ многихъ провинцій, важныхъ столичныхъ сановниковъ. Нерѣдко обращаются къ нему провинціальные чиновникъ, и онъ устраиваетъ имъ мѣста и повышенія. Пселлъ служилъ при девяти императорахъ и все возвышался въ чинахъ, пріобрѣталъ все болѣе вліятельное положеніе. Нужно было обладать особеннымъ искусствомъ, чтобы держаться при самыхъ разнообразныхъ правительственныхъ режимахъ, чтобы нравиться въ одинаковой степени легкомысленному, преданному чувственнымъ наслажденіямъ Константину Мономаху, противнику духовенства, суровому солдату Исааку Комнину и защитнику монаховъ набожному Константину Дукѣ. Нужно было угодить всѣмъ, и Пселлъ обладалъ въ высшей степени талантомъ угождать. Талантъ этотъ заключался въ умѣньи льстить и одинаково убѣдительно говорить противоположное, сегодня утверждать, завтра отрицать собственное утвержденіе. Онъ преклонялся предъ всякимъ вѣнценосцемъ, кто бы онъ ни былъ, какова бы ни была его нравственность; онъ хвалилъ поступки, за которые надо было краснѣть; онъ восхвалялъ малодушіе и трусость, онъ превозносилъ до небесъ царей, разорявшихъ народъ, несправедливыхъ и развратныхъ. Монарха считалъ Пселлъ богомъ только за то, что онъ монархъ и облеченъ въ порфиру; не было имени, не было сравненія достаточно высокаго, достаточно изысканнаго, чтобы восхвалять его добродѣтели. Онъ самъ сознавалъ, что говоритъ неправду, но онъ понималъ, что вѣнценосецъ это все, что стоитъ сказать ему слово, и завтра онъ, Пселлъ, будетъ стертъ съ лица земли. А монахъ Михаилъ (т.-е. Пселлъ), отказавшійся отъ всего земного, дорожилъ болѣе всего благами земными. Поэтому сегодня онъ хвалилъ военный режимъ, а завтра доказывалъ, что преобладающимъ сословіемъ въ государствѣ должно

[1]) Оговариваемся, что не буквально приводимъ рѣчь диспутанта, но возстановляемъ ее, поскольку позволяла намъ память, на основаніи его книги.

быть гражданское; сегодня онъ увѣрялъ, что верхъ благоразумія—не вести войны и откупаться отъ дикихъ печенѣговъ, а завтра утверждалъ, что это—малодушіе и хорошій царь долженъ лично вести войска на непріятеля. Чтó бы монархъ ни приказалъ сдѣлать, хотя бы самое безнравственное дѣло, его не надо ослушиваться—вотъ единственный принципъ нравственности, которому Пселлъ слѣдовалъ всю свою жизнь. По велѣнію царя соглашается онъ быть прокуроромъ явно невиннаго лица, патріарха Михаила Кирулларія, смѣшиваетъ съ грязью достойнаго представителя церкви, обвиняетъ его въ ереси, убійствѣ, гробокопательствѣ. Человѣкъ, преслѣдующій свои личные интересы, не можетъ не быть трусомъ. И дѣйствительно, Пселлъ былъ трусомъ физическимъ и нравственнымъ. Онъ самъ сознается въ своей трусости и говоритъ, что пугался, страшился, боялся лошадей такъ же, какъ другіе боятся слоновъ и львовъ, и можетъ ѣздить только на самомъ кроткомъ конѣ. Когда онъ находился въ лагерѣ Комнина, онъ, безъ всякаго основанія, провелъ отъ страху безсонную ночь, дрожа, что вотъ-вотъ придутъ въ его палатку заговорщики и убьютъ. Онъ вспоминалъ, не сказалъ ли чего лишняго узурпатору Комнину, теперь уже провозглашенному царемъ, тогда какъ игралъ ему въ руку и плохо защищалъ интересы пославшаго его царя Михаила... Пселлъ не признавалъ нравственныхъ принциповъ. Честность и соблюденіе закона онъ считалъ привилегіей апостоловъ и идеальныхъ людей. Дѣйствительно, честность несовмѣстима съ крайнимъ корыстолюбіемъ, а знаменитый философъ бралъ взятки, не гнушался вступать въ компанію съ лихоимцами и дѣлить съ ними неправильно взысканныя, добытыя вымогательствомъ, трудовыя деньги народа. Онъ защищалъ лихоимцевъ и совѣтовалъ областнымъ начальникамъ смотрѣть сквозь пальцы на взяточничество сборщиковъ податей. На ряду съ этими мрачными сторонами слѣдуетъ указать на одно большое качество Пселла. Это былъ человѣкъ высокообразованный и много знавшій, хотя и не талантливый. Всѣ его сочиненія представляютъ ничтожныя компиляціи, по большей части, буквально списанныя съ какого-нибудь древняго автора. Въ ораторскихъ произведеніяхъ, въ которыхъ онъ имѣлъ особый успѣхъ, Пселлъ слѣдовалъ правиламъ византійской риторики, которая позволяла ему превозносить не только монарховъ, но даже блоху и вошь (его „Похвала блохѣ“ и т. п.). Михаилъ Пселлъ—типъ преуспѣвающаго византійца, добившагося высокихъ чиновъ лестью, низкопоклонствомъ, потворствомъ животнымъ инстинктамъ монарховъ, достигшаго благосостоянія выпрашиваніемъ и взяточничествомъ, типъ образованнаго сановника, мѣняющаго убѣжденія, жертвующаго правдой въ угоду царю; это человѣкъ безъ принциповъ, безъ идеала, способный хвалить и бранить одно и

тоже, готовый обѣлять преступленія, чернить добродѣтель, настоящій прелюбодѣй слова, печальное порожденіе печальнаго времени, развратное дѣтище развратнаго вѣка.

По окончаніи речи, диспутанту первымъ сталъ возражать В. Г. Васильевскій. Его возраженія сводились къ двумъ главнымъ положеніямъ: 1) въ трудѣ г. Безобразова нѣтъ среды, нѣтъ тѣхъ историческихъ условій, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Михаилъ Пселлъ; 2) въ изображеніи личности Пселла не указана преобладающая черта его характера и направленія („господствующая способность“ Тэна). Пселлъ—ученый риторъ, и многіе недостатки его и достоинства объясняются этимъ фактомъ. Если риторизмъ—слабая сторона, то это, во всякомъ случаѣ, не преступленіе. Къ тому же надо помнить, что риторикой жила Византія, это—неотъемлемая часть всей ея исторіи. Поэтому, напрасно г. Безобразовъ перо Пселла называетъ „развратнымъ“ и придаетъ слишкомъ серьёзное значеніе его риторическимъ упражненіямъ. Обвинительная рѣчь Пселла противъ Кирулларія, конечно, самое некрасивое изъ такихъ упражненій. Но можно ли сказать, по поводу ея, что „Пселлъ пользуется риторикой для того, чтобы обѣлять злодѣянія“, т.-е. низложеніе патріарха Комненомъ? Развѣ подобный поступокъ со стороны императора, представителя свѣтской власти, боровшагося съ духовной властью въ лицѣ Кирулларія, позволительно именовать „злодѣяніемъ“? Ясно, что Комнену оставалось или самому погибнуть, или низвергнуть врага. Иначе, разсуждая какъ диспутантъ, пришлось бы и борьбу Генриха IV съ Григоріемъ Гильдебрандтомъ, и низложеніе патріарха Никона заклеймить именемъ „злодѣяній“. Далѣе, слѣдуетъ принять во вниманіе, что рѣчь эта противъ патріарха никогда не была произнесена, и кто знаетъ, можетъ быть, не одни внѣшнія обстоятельства тому причиной, но и самъ авторъ никогда не рѣшился бы ее сказать. Въ другихъ своихъ трудахъ Пселлъ, говоря о Кирулларіи, ни въ чемъ его не винитъ и въ одномъ изъ своихъ произведеній самъ устанавливаетъ правильную точку зрѣнія на свой поступокъ, возбудившій такое негодованіе въ диспутантѣ. Онъ прямо ссылается на риторику, говоря, что она учитъ двояко понимать фактъ и съ противоположныхъ точекъ зрѣнія говорить о немъ убѣдительно (χαὶ ταῖς ῥητορείαις ἀρχὴ τοῦ πιθανῶς ἑκατέρωθεν λέγειν ἢ ἐπαμφότερος τοῦ γενομένου ὑπόληψις). Затѣмъ, можно ли ставить въ вину Пселлу, что онъ пользовался расположеніемъ девяти императоровъ, или объяснять подобный фактъ его низкопоклонствомъ, лестью? Никогда. Весь секретъ здѣсь въ томъ, что онъ, имѣя значительный ораторскій талантъ, былъ необходимъ каждому государю для разныхъ порученій, гдѣ требовалось произнесеніе рѣчей. Въ качествѣ придворнаго ритора, онъ, въ силу обычая,

долженъ былъ произносить панегирики каждому вступавшему на престолъ государю, независимо отъ его политическихъ взглядовъ. Самъ Пселлъ своей большой добродѣтелью считалъ ораторское искусство и потому особенно хвалилъ государей, отличавшихъ его за эту способность. Потомъ. обращаясь къ обвиненію Пселла во взяточничествѣ, находимъ, что оно построено неосновательно: нѣтъ убѣдительныхъ доказательствъ. Фактъ же его обогащенія можетъ быть объясненъ тѣмъ, что онъ получалъ значительные подарки отъ императоровъ, на что есть свидѣтельства. Тяжкое обвиненіе Пселла въ измѣнѣ Михаилу Стратіотику, отъ котораго онъ явился посломъ къ Исааку Комнину, совсѣмъ невѣрно. Оно противорѣчитъ фактамъ, изложеннымъ въ книгѣ самого г. Безобразова. Изъ нихъ ясно, что Михаилъ два раза посылалъ Пселла съ товарищами для переговоровъ съ возмутившимся Комниномъ; во второй разъ, Михаилъ Стратіотикъ предлагалъ Исааку сдѣлаться его соправителемъ и, такимъ образомъ, мирно уладить дѣло; на эту уступку императоръ пошелъ, сознавая шаткость своего положенія въ столицѣ, гдѣ противъ него интриговалъ патріархъ. Далѣе извѣстно, что паденіе Михаила произошло вслѣдствіе возмущенія жителей Константинополя въ отсутствіе Пселла и противъ ожиданія Комнина, уже согласившагося на условія, вторично привезенныя послами. Страхъ, обнаруженный Пселломъ при извѣстіе о сверженіи Михаила (за который ему такъ досталось отъ диспутанта), могъ имѣть мѣсто только потому, что Пселлъ велъ себя честно, не вступалъ съ претендентомъ ни въ какія частныя соглашенія, а потому и не предвидѣлъ переворота. Послѣдній упрекъ диспутанту былъ сдѣланъ В. Г. Васильевскимъ за то, что г. Б. не пользовался однимъ важнымъ источникомъ—Іоанномъ Евхаитскимъ: современникъ Пселла, онъ даетъ любопытныя указанія для біографіи послѣдняго.

Съ правильностью всѣхъ замѣчаній В. Г. Васильевскаго диспутантъ согласился.

Вторымъ возражалъ И. Е. Троицкій: онъ ограничился двумя частными замѣчаніями: во-первыхъ не соглашался съ тѣмъ, что Пселлъ, назвавшій въ одномъ изъ своихъ писемъ Павла Самосатскаго, имѣлъ въ виду извѣстнаго еретика III вѣка, какъ то утверждалъ диспутантъ. (Впрочемъ, В. Г. Васильевскій стоялъ за мнѣніе П. В. Безобразова). Во-вторыхъ, онъ указывалъ на то, онъ что въ книгѣ диспутанта есть существенный пробѣлъ: по поводу дѣла Михаила Кирулларія слѣдовало сказать о состояніи византійской церкви въ XI вѣкѣ, тѣмъ болѣе, что при названномъ патріархѣ произошло столь извѣстное раздѣленіе церквей.

Въ качествѣ частныхъ оппонентовъ сдѣлали замѣчанія професcоръ В. И. Ламанскій и Х. М. Лопаревъ.

В. И. Ламанскій, упрекая диспутанта въ поспѣшности заключенія о безнравственности византійскаго общества на основаніи примѣра одного Пселла, заявилъ, что ни придворная, ни чиновничья сферы никогда не могутъ дать яснаго представленія о высотѣ или низменности нравственнаго развитія общества. Не въ нихъ слѣдуетъ искать образцовъ добродѣтели, такъ какъ вся исторія, не исключая и современности, показываетъ, что въ этихъ сферахъ всегда больше лжи, лицемѣрія, эгоизма и т. п.

Х. М. Лопаревъ поставилъ вопросъ, почему диспутантъ въ началѣ своей книги называетъ Михаила Пселла знаменитымъ, когда изъ его же дальнѣйшаго изложенія онъ оказывается совершенно безнравственнымъ человѣкомъ. На это г. Безобразовъ замѣтилъ, что знаменитымъ Пселла считали всѣ историки, что, конечно, совсѣмъ неравносильно признанію его добродѣтельнымъ; что извѣстность можетъ быть разная, ну, хоть, напр., Геростратова.

— 9 мая 1890 г. въ актовомъ залѣ петербургскаго университета происходилъ магистерскій диспутъ по русской исторіи. Защищалъ диссертацію кандидатъ петербургскаго университета А. С. Лаппо-Данилевскій, представившій въ историко-филологическій факультетъ трудъ свой подъ заглавіемъ „Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій". По прочтеніи curriculi vitae магистрантъ обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

„Мм. гг. Всякая сознательная, теоретическая дѣятельность должна быть вызвана извѣстными *причинами* и опредѣленнымъ *методомъ* стремиться къ строго намѣченной *цѣли*; лишь при такихъ условіяхъ она достигаетъ болѣе или менѣе устойчивыхъ *результатовъ*, которые получаютъ право гражданства въ наукѣ. Поэтому каждое научное сочиненіе можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: *методологической* и *феноменологической*.

Съ этихъ-то двухъ точекъ зрѣнія мнѣ и хотѣлось бы ознакомить васъ, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, съ главнѣйшими сторонами труда, содержаніе котораго будетъ обсуждаться въ настоящемъ собраніи.

Если обратиться къ *методологической сторонѣ* этого труда, то прежде всего является вопросъ о томъ, *какимъ образомъ историкъ могъ приняться за изученіе организаціи прямого обложенія* въ одинъ изъ предшествовавшихъ вѣковъ нашей отечественной исторіи?—Вопросъ этотъ рѣшается при помощи двоякаго рода соображеній: теоретическихъ и практическихъ.

Прошло время, когда исторія была однимъ только искусственнымъ, литературнымъ разсказомъ любопытныхъ, славныхъ или поучи-

тельныхъ происшествій. Какъ наука, которая изучаетъ явленія развитія, обнаруживающіяся во взаимодѣйствіи живыхъ индивидуумовъ, исторія въ настоящее время обнимаетъ довольно опредѣленный, хотя и весьма обширный кругъ вопросовъ: она слѣдитъ, главнымъ образомъ, за развитіемъ того взаимоотношенія, въ какомъ находились между собою явленія духовныя, хозяйственныя и правовыя въ предѣлахъ разнородныхъ соціальныхъ группъ (народовъ), а также и на то положительное или отрицательное вліяніе, какое эти группы (народы) оказывали другъ на друга при такомъ развитіи.

Но возможно ли принять на себя изслѣдованіе подобнаго рода вопросовъ, хотя бы относительно какой-либо одной народности уму еще молодому, далеко не зрѣлому, уму, который обладаетъ пока еще небольшимъ запасомъ свѣдѣній, мало производилъ самостоятельныхъ наблюденій? Разумѣется, нѣтъ. Молодому работнику, быть можетъ, полезнѣе на первый разъ ограничить поле своихъ изслѣдованій, самому приняться за изслѣдованіе сырого матеріала и такимъ трудомъ выработать себѣ нѣкоторые пріемы историческаго изученія, а потомъ уже, съ теченіемъ времени, перейти и къ болѣе высокимъ ступенямъ историческаго отвлеченія.—Поэтому едвали не цѣлесообразнѣе въ первыхъ ученыхъ трудахъ не задаваться слишкомъ широкими цѣлями, а выбрать предметомъ изслѣдованія одну изъ вышеуказанныхъ группъ явленій духовныхъ, хозяйственныхъ, правовыхъ въ предѣлахъ одной соціальной группы или отношеній международныхъ. Разумный выборъ той или другой группы уже зависитъ не столько отъ отвлеченныхъ разсужденій объ исторіи вообще, сколько *отъ особенностей историческаго развитія той національности, которая служитъ предметомъ изученія*. И на такой выборъ вліяютъ теоретическія и практическія соображенія.

Всеобщая исторія занимается изученіемъ нормъ общественнаго развитія, общихъ всему человѣчеству, или, по крайней мѣрѣ, цивилизованной его части. Спеціальное изученіе историческаго развитія извѣстной народности, напротивъ, стремится, къ опредѣленію специфическихъ ея признаковъ. Всеобщій историкъ, разумѣется, знакомится съ исторіей отдѣльныхъ народностей, но отвлекаетъ отъ нихъ однѣ общія нормы: историкъ, спеціально изучающій исторію той или другой народности, напротивъ, слѣдитъ за тѣми видоизмѣненіями, какимъ подвергаются общія нормы подъ вліяніемъ специфическихъ особенностей изучаемаго имъ типа, и, такимъ образомъ, провѣряетъ, исправляетъ и дополняетъ выводы, уже занесенные на страницы всеобщей исторіи. Вотъ почему изученіе національной исторіи должно имѣть особенно цѣнные результаты въ томъ случаѣ, когда обращено будетъ на періоды наиболѣе рѣзкаго развитія специфическихъ особенностей изу-

чаемаго типа. Эти общія разсужденія естественно прилагаются и къ изученію нашей отечественной исторіи. Въ XIV—XV вв. уже видны зародыши будущаго Московскаго государства, въ XVI вѣкѣ обрисовываются важнѣйшія черты государственнаго строя, но лишь въ XVII в. онѣ достигаютъ опредѣленнаго, болѣе или менѣе устойчиваго, взаимоотношенія, которое даетъ возможность довольно ярко представить себѣ извѣстный государственный типъ. Въ XVIII в. національныя черты этого типа сильно блѣднѣютъ подъ вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія исторія XVII вѣка имѣетъ для насъ глубокій теоретическій интересъ. Но за этотъ періодъ времени развитіе великорусской національности было довольно одностороннимъ. Оно сказывалось, главнымъ образомъ, въ прогрессивномъ ростѣ правительственныхъ органовъ и ихъ функцій, а не въ историческомъ разностороннемъ движеніи всей совокупности народныхъ силъ. Поэтому, изученіе XVII в. сводится, главнымъ образомъ, къ ознакомленію съ его правительственною исторіей. Въ этой исторіи наиболѣе важными вопросами за это время являются: финансы и войско. Причинное соотношеніе, въ какомъ находятся эти явленія, естественно приводитъ къ предварительному изученію перваго изъ нихъ. Хотя военныя потребности и имѣли большое вліяніе на финансовый строй, но и послѣдній, въ свою очередь, дѣлалъ возможною ту или другую военную организацію. Отсюда можно естественно придти къ заключенію, что государственное хозяйство XVII в., съ теоретической точки зрѣнія, можетъ послужить весьма важнымъ предметомъ ученаго изслѣдованія.

Въ своевременности такого рода изслѣдованія насъ убѣждаютъ соображенія болѣе практическаго свойства. Нечего говорить о томъ богатствѣ рукописнаго и печатнаго матеріала, благодаря которому можно иногда до мельчайшихъ подробностей ознакомиться съ тѣмъ или другимъ явленіемъ русской жизни XVII вѣка. Любопытно, что та часть этого матеріала, которая ближе всего касается государственнаго хозяйства въ XVII в., очень мало извѣстна, хотя и отличается замѣчательнымъ богатствомъ содержанія. Многіе важнѣйшіе памятники по этой части, каковы, напримѣръ, писцовыя книги, окладныя росписи и смѣтные списки, доселѣ остаются почти неизданными, а то, что издано, сильно нуждается въ ученой переработкѣ [1]). Такимъ

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ сочиненій по исторіи русскихъ финансовъ немного. Таковы, напр., по исторіи прямыхъ налоговъ и прямого обложенія.

Ю. Гагемейстера. Розысканія о финансахъ древней Россіи, Спб. 1833 г.

К. Веселовскаго. Исторія поземельнаго налога въ Россіи въ Жур. Мин. Госуд. Имущ., 1841 г., т. I, стр. 147—179.

образомъ, богатство матеріала [1]) по исторіи государственнаго хозяйства въ Россіи въ XVII в. и довольно слабая ученая разработка этого матеріала утверждали меня въ намѣреніи заняться его изученіемъ.

Трудно, однако, охватить сразу весь обширный кругъ вопросовъ, входящій въ финансовую исторію Московскаго государства въ XVII в. Эти вопросы можно разсматривать съ точки зрѣнія ихъ экономическаго значенія или съ точки зрѣнія ихъ юридической опредѣленности. Но финансовая политика XVII в. держалась нестолько политико-экономическихъ, сколько соціально-политическихъ воззрѣній; она болѣе заботилась о казенныхъ выгодахъ, чѣмъ о поощреніи частной предпріимчивости и развитіи народнаго хозяйства. Поэтому, имѣя отчасти въ виду первую изъ вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія, авторъ стоялъ преимущественно на второй изъ нихъ, а между тѣмъ, именно со второй изъ этихъ точекъ зрѣнія, несомнѣнно, наиболѣе важ-

---

Гр. Д. Толстого. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, Спб., 1848 г.

Н. Якишевскаго. О расходахъ Россіи до конца XVII в. въ Уч. Зап. Каз Унив. 1850 г. Кн. 1.

В. Незабитовскаго. О податной системѣ въ Московскомъ государствѣ со времени установленія единодержавія до введенія подушнаго оклада Петромъ Великимъ.—Написано въ 1852 г., изд. 1884.

В. Кури. О прямыхъ налогахъ въ древней Руси, въ Юрид. Сборникѣ Д. Мейера, Каз. 1855, стр. 105—152.

Е. Осокина. О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи. Каз., 1856 г.

В. Гольцева. Государственное хозяйство во Франціи XVII в., М. 1878 г. (Здѣсь на стр. 129—170 помѣщена глава: „Хозяйство Московскаго государства въ XVII в.“).

А. Спицына. Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ XVII в. въ Вятскомъ календарѣ за 1887 г.

Недостатки, свойственные вообще всѣмъ этимъ сочиненіямъ слѣдующіе:

1) Всѣ они написаны исключительно по печатному матеріалу, а такъ какъ въ то время напечатано было очень мало, то естественно отличаются крайней неполнотой, случайностью.

2) Почти всѣ они обнимаютъ весьма значительные промежутки времени, а потому и вопросъ разсматриваютъ въ общихъ чертахъ, довольно неясныхъ, ибо бѣдность изложенія зависитъ не отъ отвлеченія отъ заранѣе разработанныхъ частностей, а отъ малаго знакомства съ такими частностями.

3) Всѣ они почти совсѣмъ не касаются вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ успѣхъ дѣла. Игнорируется соціальная организація тяглыхъ классовъ, а также дѣятельность мѣстныхъ органовъ управленія въ системѣ финансовыхъ учрежденій Московскаго государства.

[1]) Важнѣйшими собраніями рукописныхъ источниковъ являются, конечно, Архивъ Министерства Юстиціи и Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Списки XVIII в. съ писцовыхъ книгъ, хранящихся въ Арх. Мин. Юстиціи, можно также найти въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

ное, общее значеніе и имѣетъ вопросъ объ организаціи прямого обложенія.

Таковъ логическій путь, которымъ я пришелъ къ изученію организаціи прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Какъ ни узка можетъ показаться эта тема, однако, матеріалъ для ея изученія громадный. Нечего говорить, какъ *легко* собирать такой матеріалъ. Всякій, кому приходилось вести такого рода работу, знаетъ, какъ онъ разбросанъ по разнымъ столичнымъ и провинціальнымъ изданіямъ, какъ мало существуетъ указателей, да и то неполныхъ, напечатаннымъ граматамъ и актамъ, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находятся многіе реестры архивныхъ дѣлъ. Классификація этого матеріала также представляетъ немало затрудненій. Классификація явленій, единообразно повторяющихся, естественно остается неизмѣнной; но порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ разсматривать основные элементы общественнаго развитія данной соціальной группы, не можетъ оставаться однимъ и тѣмъ же: онъ мѣняется, сообразно тому, какой изъ этихъ элементовъ является центромъ ихъ соотношенія въ тотъ или другой промежутокъ времени. Отсюда необходимость во всякомъ историческомъ изслѣдованіи видоизмѣнять статическую схему изслѣдуемыхъ явленій въ динамическомъ смыслѣ, сообразно времени и мѣсту. Этой точки зрѣнія приходилось держаться и при изученіи организаціи прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ XVII в. Надлежало разработать вопросы о томъ,

1) какъ подати распредѣлялись между различными классами населенія;

2) какъ правительство окладывало податями тяглое населеніе и какъ раскладка тѣхъ же податей производилась самимъ населеніемъ;

3) какъ эти подати, послѣ правительственнаго оклада и мірской раскладки, взимались органами мѣстнаго самоуправленія и приказной администраціи и

4) какъ собранныя подати распредѣлялись и хранились по центральнымъ учрежденіямъ государства.

Съ такими запросами можно обратиться къ исторіи всякаго государства. Но не во всякомъ государствѣ эти вопросы разрѣшаются одинаково. Различное ихъ рѣшеніе состоитъ въ различномъ соотношеніи, какое въ зависимости отъ времени и мѣста принимаютъ явленія, входящія въ составъ этихъ общихъ подраздѣленій. И это замѣчается не только при сравненіи различныхъ государствъ, но и при сопоставленіи разныхъ періодовъ въ жизни одного и того же государства. Такъ, въ Московскомъ государствѣ XVII в. тяглыми людьми

были крестьяне и посадскіе. Но первоначально изъ этого правила сдѣлано было много исключеній: отношенія этихъ классовъ другъ къ другу и къ остальному населенію оставались неопредѣленными. Лишь къ концу XVII в. замѣчается, съ одной стороны, почти полное уничтоженіе податныхъ привилегій (преимущественно жалованныхъ грамотъ монастырямъ), съ другой, болѣе точное подраздѣленіе тяглыхъ людей на посадскихъ и крестьянъ и болѣе рѣзкое разграниченіе тяглаго и служилаго класса. Въ раскладкѣ и взиманіи податей XVII в. также замѣчается историческое движеніе. Правительство все болѣе и болѣе упрощаетъ систему оклада, все точнѣе опредѣляетъ мѣсто, которое должна занять тяглая община въ административномъ порядкѣ, и окончательно вручая ей мірскую раскладку съ запрещеніемъ воеводѣ въ нее вмѣшиваться, зачисляетъ выборныя власти мірского самоуправленія въ ряды областныхъ органовъ администраціи. Наконецъ, такое же историческое движеніе замѣчается и въ распредѣленіи поступленій по центральнымъ учрежденіямъ. Первоначально основаніемъ такого распредѣленія служилъ главнымъ образомъ территоріально-сословный принципъ, въ силу котораго доходы, получаемые съ цѣлой области, поступали въ четверть, завѣдывавшую этого областью, или скорѣе тяглымъ населеніемъ этой области въ финансовомъ отношеніи. Но со второй половины XVII в. замѣчаются попытки правительства систематизировать поступленія, разбить доходы по группамъ смотря по ихъ характеру, и препровождать ихъ въ учрежденія, различающіяся между собой по роду дѣлъ. Такимъ образомъ въ тѣхъ общихъ рамкахъ, которыя намѣчены были выше, изучаемыя явленія представляются не неподвижно, а напротивъ, въ ихъ историческомъ движеніи, не отвлеченною однообразною схемой, а въ видѣ живой развивающейся ткани соотношеній, опредѣляемыхъ мѣстными условіями древнерусской жизни.

Эта динамическая (если можно такъ выразиться) классификація историческихъ явленій предваряетъ и правильное ихъ разъясненіе, *а результаты послѣдняго прямо вводятъ насъ изъ области методологіи въ сферу феноменологіи нашего труда.*

Подобно тому, какъ въ органическомъ развитіи наблюдается способность половой клѣтки создавать особь, тожественную съ особью, которой эта клѣтка принадлежала, но не замѣчается полной тожественности этихъ особей въ виду стремленія каждой клѣтки къ индивидуальности, такъ и при смѣнѣ различныхъ періодовъ исторической жизни любой общественной группы не трудно замѣтить борьбу, которая ведется между наслѣдственными и индивидуальными, свойственными именно тому, а не другому періоду, чертами развитія изучаемой народности.

И при изслѣдованіи такого частнаго вопроса, каковымъ является

вопросъ объ организаціи прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка, замѣчается та же борьба стараго съ новымъ. Почти всѣ прежніе виды налоговъ (за исключеніемъ развѣ пищальныхъ денегъ, которыя замѣняются въ большинствѣ случаевъ стрѣлецкими), извѣстные до смуты, продолжаютъ существовать и въ XVII в., но взаимоотношеніе ихъ все болѣе и болѣе опредѣляется, и главное мѣсто начинаютъ занимать стрѣлецкія деньги. Слѣды прежняго общественнаго порядка, допускавшаго массу отступленій и значительный произволъ, весьма замѣтны въ началѣ XVII в., но съ теченіемъ времени начинаютъ сглаживаться подъ вліяніемъ болѣе строгихъ разграниченій тяглыхъ и служебныхъ обязанностей. Соха (по крайней мѣрѣ, въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ) смѣняется живущею четвертью и дворомъ; подати взимаются съ этихъ податныхъ единицъ при помощи новыхъ приказныхъ учрежденій (воеводъ), неизвѣстныхъ XVI вѣку, хотя потомъ эти учрежденія и уступаютъ мѣсто снова земскому самоуправленію; наконецъ, въ распредѣленіи доходовъ по центральнымъ учрежденіямъ если еще замѣтно дѣйствуютъ старые принципы—вотчинный и территоріально-сословный, то видны и новыя, неизвѣстныя до того, попытки систематизировать поступленія.

Но при разъясненіи историческихъ явленій недостаточно опредѣлить составные ихъ элементы, недостаточно указать на тѣ видоизмѣненія, какія происходятъ въ ихъ взаимоотношеніи подъ вліяніемъ борьбы старыхъ и новыхъ началъ. Необходимо еще опредѣлить, каковы были причины, вызвавшія появленіе этихъ новыхъ началъ.

Причины, вызвавшія перемѣны и нововведенія въ организаціи прямого обложенія Моск. гос. въ XVII в., можно раздѣлить на двѣ группы: на причины внутреннія и внѣшнія. Внутреннія причины сводятся главнымъ образомъ къ одной весьма сложной—къ разоренію Московскаго государства, какое оно потерпѣло въ смутное время. Разореніе это выразилось въ сильномъ пониженіи народнаго благосостоянія, главнымъ образомъ, въ упадкѣ земледѣльческой культуры, и, слѣдовательно, вредно вліяло на положеніе казны. Подъ вліяніемъ разоренія правительство принуждено было прибѣгнуть къ временнымъ льготамъ и привилегіямъ, быть можетъ, замѣнило соху живущею четвертью. Но главное вліяніе на перемѣны и нововведенія въ прямомъ обложеніи вызваны были потребностями внѣшней политики.

Московское правительство XVII вѣка понимало, что разрѣшенію восточнаго и балтійскаго вопросовъ въ XVI вѣкѣ помѣшала Польша, что на очереди стоитъ вопросъ польскій, а не балтійскій или восточный, и нашло законный путь къ его разрѣшенію въ войнахъ изъ-за Малороссіи. Но для войны нужно было имѣть войско, а для содержанія войска требовались денежныя средства. Поэтому устройство

войска и добываніе средствъ, предназначавшихся на его содержаніе, и стали главными задачами внутренней политики XVII вѣка. Всѣ общественныя силы привлекались къ удовлетворенію этихъ главныхъ потребностей государства, а поэтому и все населеніе дѣлилось на двѣ группы: на людей тяглыхъ и людей служилыхъ. И тѣ, и другіе служили государству: первые—имуществомъ, вторые—личною службой. Для отправленія послѣдней, однако, необходима была прежде всего болѣе или менѣе удовлетворительная организація податныхъ обязанностей. Но требованія, предъявляемыя войной, не допускали возраженій; въ силу этихъ требованій, надо было заранѣе опредѣлить окладъ налоговъ, сообразуясь не столько съ благосостояніемъ народнаго хозяйства, сколько съ военными нуждами. Эта необходимость въ связи съ самодержавною формой правленія привела къ образованію репартиціонной системы налоговъ. И прямые, и косвенные налоги отличались окладнымъ характеромъ, но особенности этой системы, конечно, ярче всего выразились въ организаціи прямого обложенія. Правительство, какъ извѣстно, равномѣрно окладывало всякаго налогоспособнаго плательщика, и во всякомъ случаѣ, за весьма немногими исключеніями, не держалось полной пропорціональности обложенія. Въ репартиціонной системѣ оно находило средство къ централизаціи, ибо ею уравнивало обязанности различныхъ областей къ государству, стягивало распредѣленіе этихъ обязанностей въ одинъ главный центръ и ставило въ непосредственную зависимость отъ этого центра возможно бóльшее количество нерѣдко весьма мелкихъ территоріальныхъ единицъ. Но, принимая на себя разрѣшеніе лишь вопросовъ о количествѣ тяглыхъ хозяйствъ, о налогоспособности цѣлыхъ разрядовъ плательщиковъ и ихъ окладѣ, правительство тѣмъ самымъ принуждено было предоставить тяглой общинѣ распредѣленіе податей между плательщиками, сообразно хозяйственному благосостоянію каждаго изъ нихъ, и, такимъ образомъ, вручило ей одну изъ важныхъ функцій областного управленія. Итакъ, милитаризмъ въ связи съ монархическимъ принципомъ, который самъ въ значительной мѣрѣ обязанъ былъ ему своимъ возникновеніемъ, вызывалъ образованіе репартиціонной системы; она служила отчасти средствомъ для усиленія централизаціи, хотя и принуждала правительство отвести тяглому міру небольшое мѣсто въ административномъ порядкѣ. Тѣ же условія отчасти вліяли и на распредѣленіе поступленій по центральнымъ учрежденіямъ. Посольскій, а отчасти и Стрѣлецкій приказы были центрами, къ которымъ нерѣдко приписывались многія учрежденія финансоваго характера.

Но если репартиціонная система складывалась подъ вліяніемъ потребностей внѣшней безопасности и военныхъ нуждъ, то, съ воз-

растаніемъ послѣднихъ, ея особенности должны были обнаруживаться все рѣзче и рѣзче. Быстрый ростъ военныхъ потребностей, съ одной стороны, вызывалъ привлеченіе всѣхъ свободныхъ, незанятыхъ военною или гражданскою государственною службой, общественныхъ силъ къ обложенію, съ другой—при маломъ запасѣ административныхъ силъ и настоятельности этихъ потребностей, побуждалъ правительство къ упрощенію системы обложенія. Правительство отказалось отъ поземельнаго налога, который требовалъ значительныхъ и долговременныхъ измѣреній. Оно замѣнило соху живущею четвертью, а живущая четверть, съ теченіемъ времени, въ послѣдней трети XVII в., уступила мѣсто двору. Въ равномѣрномъ окладѣ послѣдняго гораздо рѣзче выразился репартиціонный характеръ организаціи прямого обложенія. То же постепенно усиливавшееся вліяніе, какое оказывалъ ростъ военныхъ потребностей на эту систему, обнаружился и въ третьей попыткѣ правительства упростить систему прямыхъ налоговъ путемъ слиянія нѣсколькихъ податей съ главною податью того времени—стрѣлецкою, которая должна была поступать прямо въ Стрѣлецкій приказъ.

Такимъ образомъ, не только въ характерѣ, но и въ главнѣйшихъ моментахъ развитія организаціи прямого обложенія не трудно замѣтить то вліяніе, какое въ этомъ процессѣ имѣли все болѣе и болѣе разраставшіяся военныя потребности.

Разъяснивъ главнѣйшія причины того, а не другого характера организаціи прямого обложенія, остается сказать нѣсколько словъ о значеніи этой организаціи для XVII вѣка и для послѣдующаго времени.

Въ самыхъ общихъ чертахъ значеніе это выразится въ слѣдующемъ:

во-1-хъ, благодаря этой организаціи все населеніе Московскаго государства, не находившееся на военной или гражданской государственной службѣ, привлечено было къ обложенію; въ такомъ процессѣ правительство мало обращало вниманія на частные интересы, которые такимъ образомъ поглощены были государственными;

во-2-хъ, та же организація въ значительной мѣрѣ способствовала развитію централизаціи, и

въ-3-хъ, при такой организаціи государство привыкало удовлетворять свои потребности собственнымъ равномѣрнымъ, хотя и тяжелымъ, народнымъ трудомъ, а это въ значительной мѣрѣ дало возможность населенію безъ слишкомъ губительныхъ послѣдствій выдержать то страшное напряженіе народныхъ силъ, которое наступило въ эпоху преобразованій.

Таковы, м. г. и м. г-ни, тѣ точки зрѣнія, которыхъ я держался

19*

при изученіи вопроса объ организаціи прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій, и тѣ результаты, которыхъ я достигъ помощью такого изученія".

Первый оффиціальный оппонентъ, проф. Н. И. Карѣевъ, началъ съ указанія достоинствъ представленнаго на соисканіе степени магистра труда г. Лаппо-Данилевскаго. Помимо весьма значительнаго, чтобы не сказать громаднаго количества архивнаго матеріала, положеннаго въ основаніе книги, достоинства эти, по словамъ оппонента, заключаются въ богатой эрудиціи ея автора, въ основательномъ знакомствѣ его съ общей исторической литературой и съ теоріей финансоваго права, въ строго-систематическомъ и выработанномъ планѣ всего сочиненія, наконецъ, въ постоянномъ сопоставленіи авторомъ своихъ частныхъ и спеціальныхъ выводовъ съ общими положеніями русской исторіи. Всѣ указанныя качества книги, давая возможность г. Лаппо-Данилевскому придти къ весьма любопытнымъ и важнымъ выводамъ, дѣлаютъ ее цѣннымъ вкладомъ въ литературу русской исторіи. Переходя затѣмъ къ возраженіямъ, проф. Карѣевъ предупредилъ, что, какъ не-спеціалистъ, онъ будетъ касаться въ нихъ только общей части книги. Первый недостатокъ книги, заслуживающій указанія, заключается, по его мнѣнію, въ тѣхъ сравненіяхъ русскихъ порядковъ съ западно-европейскими, какія дѣлаетъ авторъ. Сравненія эти слишкомъ частны и отрывочны, самыя ссылки на западноевропейскія государства заимствованы иногда изъ устарѣвшихъ книгъ и подчасъ не соотвѣтствуютъ своей цѣли, какъ напр., на стр. 170 относительно слiянія на Западѣ слободъ съ городомъ, сопоставляемаго авторомъ со сліяніемъ города и уѣзда въ Московскомъ государствѣ, въ иныхъ же случаяхъ и невѣрны, какъ напр., на стр. 45. Другимъ, болѣе важнымъ недостаткомъ является неточность языка автора, на которую приходится особенно обратить вниманіе въ виду его заявленія о разсматриваніи имъ явленій финансовой исторіи Московскаго государства съ точки зрѣнія ихъ юридической опредѣленности, причемъ необходима уже строгая точность выраженій. Подтвердивъ примѣрами это возраженіе, оппонентъ отмѣтилъ далѣе противорѣчіе между мнѣніемъ диспутанта относительно достиженія Московскимъ государствомъ къ XVII в. опредѣленнаго взаимоотношенія важнѣйшихъ чертъ своего государственнаго строя и тою неопредѣленностью, путанностью и неясностью отношеній, какую ему приходится характеризовать при изложеніи исторіи финансовыхъ учрежденій (стр. 442, 455 и др.). Наконецъ, проф. Карѣевъ указалъ на невыясненность, господствующую въ представленіяхъ автора относительно возникновенія общины и отношенія ея къ государству. Признавая, напр., на стр. 78, что болѣе сложные мѣстные общественные союзы сложились

скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, „подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой ихъ зависимости отъ государства“, г. Лаппо-Данилевскій на стр. 83 и 85 называетъ волость „древнимъ общиннымъ дѣленіемъ“, „самостоятельнымъ явленіемъ народной жизни“. Самая характеристика общинныхъ отношеній по мѣстностямъ въ книгѣ диспутанта представляетъ скорѣе характеристику населенія этихъ мѣстностей.

Отвѣчая на эти возраженія, диспутантъ замѣтилъ, что дѣлавшимся имъ ссылкамъ на примѣры Западной Европы онъ самъ не придавалъ большого значенія, не приводилъ ихъ систематически, а потому и отнесъ ихъ не въ текстъ, а въ подстрочныя примѣчанія. Что касается до указаннаго проф. Карѣевымъ противорѣчія между его тезисомъ объ опредѣленности типа Московскаго государства въ XVII в. и неопредѣленности центральнаго управленія въ тотъ же періодъ времени, на которую г. Лаппо-Данилевскій указываетъ въ V-й главѣ, то оно, по мнѣнію диспутанта, не существуетъ; въ первомъ случаѣ Московское государство XVII в. названо опредѣленнымъ типомъ по отношенію къ предшествовавшимъ періодамъ нашего развитія; во второмъ строй центральныхъ учрежденій считается неопредѣленнымъ съ современной точки зрѣнія. Отмѣченное же противорѣчіе въ своихъ мнѣніяхъ объ общинѣ г. Лаппо-Данилевскій объяснялъ тѣмъ, что приводимыя проф. Карѣевымъ мѣста относятся къ различнымъ моментамъ и мѣстностямъ. Послѣ обмѣна возраженій, законченнаго проф. Карѣевымъ повтореніемъ своего общаго мнѣнія о трудѣ диспутанта, слово перешло ко второму оффиціальному оппоненту, прив.-доценту русской исторіи С. Ѳ. Платонову. Указавъ на важное значеніе книги г. Лаппо-Данилевскаго для русской исторіи, г. Платоновъ характеризовалъ взгляды ея автора, какъ строгаго и чистаго государственника, примыкающаго въ этомъ отношеніи къ Соловьеву, Чичерину и другимъ недавнимъ корифеямъ русской исторической науки. Въ этомъ онъ усматривалъ нѣкоторую узкость и односторонность взгляда, повліявшую и на весь характеръ труда диспутанта, видящаго значеніе XVII вѣка исключительно въ правительственной исторіи. По мнѣнію г. Платонова, не менѣе заслуживаетъ изученія и не менѣе важныхъ выводовъ можетъ дать и исторія народнаго хозяйства въ XVII столѣтіи. На это замѣчаніе г. Платонова г. Лаппо-Данилевскій замѣтилъ, что онъ не отрицаетъ значенія, какое имѣетъ исторія народнаго хозяйства. Но, по его мнѣнію, историческое движеніе за это время преимущественно сказывалось въ исторіи правительства; государственные интересы выступали на первый планъ; имъ подчинялись и иногда не безъ вредныхъ послѣдствій интересы народнаго хозяйства. Второе существенное возраженіе г. Платонова каса-

лось опредѣленія оброка, который онъ признаетъ результатомъ государственной дѣятельности, промысловымъ налогомъ, тогда какъ г. Лаппо-Данилевскій считаетъ, что онъ проникъ въ финансовую систему изъ сферы частно-договорныхъ отношеній, хотя и признаетъ за нимъ впослѣдствіи и характеръ промысловаго налога. Въ возникшемъ по этому поводу спорѣ прив.-доцентъ политической экономіи В. Г. Яроцкій замѣтилъ, что и теперь оброку придается и то, и другое значеніе. Указаніями нѣсколькихъ частныхъ пробѣловъ г. Платоновъ и закончилъ свои возраженія.

Вслѣдъ за тѣмъ проф. Лебедевъ въ нѣсколькихъ словахъ очертилъ то значеніе, какое имѣетъ трудъ г. Лаппо-Данилевскаго въ исторіи финансоваго права.

Другихъ частныхъ оппонентовъ не оказалось, и г. Лаппо-Данилевскій былъ признанъ факультетомъ магистромъ русской исторіи.

— 21 мая происходилъ въ петербургскомъ университетѣ магистерскій диспутъ И. П. Филевича (нынѣ э. о. проф. варшавскаго университета).

Въ рѣчи своей диспутантъ заявилъ, что до сихъ поръ въ ученой литературѣ не было работы, спеціально посвященной избранной имъ темѣ („Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе“), и перешелъ къ развитію слѣдующихъ положеній:

1) Къ началу XIV вѣка положеніе Польши, въ виду усиленія нѣмецкаго элемента внутри государства и враждебнаго отношенія сосѣднихъ нѣмецкихъ государствъ на западѣ и сѣверѣ, стало весьма критическимъ.

2) Планъ соединенія польско-литовско-русскихъ силъ для борьбы съ тевтонизмомъ, задуманный Локеткомъ, былъ оставленъ Казиміромъ, который рѣшилъ возмѣстить потери на западѣ пріобрѣтеніями на востокѣ.

3) Движеніе Казиміра на Русь составляетъ поворотный моментъ польской исторіи, сообщивъ ей характеръ культурно-религіозной пропаганды.

4) Не менѣе рѣшительное значеніе имѣетъ оно и въ исторіи западной Руси, нарушивъ гармоническое сліяніе ея съ Литвой въ одно цѣлое и совершенно измѣнивъ дальнѣйшій ходъ ея жизни.

5) Указанными двумя причинами объясняется необыкновенное ожесточеніе, упорство и продолжительность перваго періода русско-польской борьбы, не прекратившейся даже въ 1387 году.

6) Этотъ періодъ представляетъ отдѣльный моментъ русско-польскихъ отношеній, но находится въ прямой связи съ ихъ ходомъ во все послѣдующее время.

7) Утвердившееся въ исторической наукѣ мнѣніе о присоединеніи

галицкой Руси къ Польшѣ въ 1340 году, а равно сообщенія объ успѣхахъ Казиміра въ 1366 году, не выдерживаютъ строгой исторической критики.

8) Столь же неосновательны утвержденія польскихъ историковъ о быстрыхъ и мирныхъ успѣхахъ полонизма въ галицкой землѣ.

9) Благодаря тѣсной связи Галичины съ остальнымъ русскимъ міромъ, польское господство встрѣтило здѣсь самый рѣшительный отпоръ и утвердилось постепенно лишь при содѣйствіи ничѣмъ не стѣснявшагося насилія.

Первымъ возражалъ проф. В. Г. Васильевскій. Его замѣчанія направлены были, главнымъ образомъ, противъ утвержденія г. Филевича, что 1340 годъ прошелъ для галицкой земли, не приведя съ собой никакихъ существенныхъ измѣненій въ ея положеніи. Оппонентъ, указывая на неправильный анализъ и толкованіе источниковъ г. Филевичемъ,—источниковъ, касающихся событій 1340 года,—въ значительной мѣрѣ поколебалъ и твердость остальныхъ утвержденій диспутанта, построенныхъ на почвѣ отрицательнаго отношенія къ событіямъ 1340 года. Среди немногочисленныхъ источниковъ, могущихъ разъяснить вопросъ о томъ, произошло или нѣтъ въ 1340 году подчиненіе Галичины Польшѣ, конечно, первое мѣсто занимаетъ офиціальный документъ—грамота папы Бенедикта XII отъ 29 іюля 1341 года. Именно, этотъ документъ не удалось г. Филевичу оцѣнить надлежащимъ образомъ. Онъ считаетъ его недостовѣрнымъ на томъ основаніи, что въ немъ есть пропускъ, обозначечный четырьмя точками. Но лакуна настолько незначительна, что совсѣмъ не мѣшаетъ пониманію смысла всей грамоты. Эта лакуна—ничто иное, какъ пропускъ имени Detko (воеводы галичанъ), пропускъ совершенно обычный въ копіяхъ съ документовъ папской канцеляріи, къ разряду которыхъ принадлежитъ и данная грамота. Въ ней папа приказываетъ краковскому епископу разрѣшить короля Казиміра отъ необдуманно данной имъ русскому народу клятвы „сохранять его обычаи, законы и обряды“ (ipsosque in lorum ritibus, juribus et consuetudinibus conservare). Особенно важно то, что грамота вполнѣ ясно говоритъ и о извѣстной степени подчиненія русскихъ (certa conventiones et pacta cum certis serviciis et subjectionibus eidem Regi exhibentes). Выставлять же причиной обращенія Казиміра къ папѣ страхъ предъ татарскимъ набѣгомъ, какъ то дѣлаетъ г. Филевичъ, нѣтъ никакихъ данныхъ ни въ содержаніи самого документа, ни въ извѣстіяхъ другихъ источниковъ. Напротивъ, наиболѣе достовѣрные—хроники Яна и Траски (польскія), монаха Леобенскаго и Витодурана (нѣмецкія) подтверждаютъ сообщенія папской грамоты. Авторы этихъ лѣтописей—современники событій 1340 года. Указанія диспутанта на недосто-

вѣрность польскихъ извѣстій сами по себѣ не солидны, такъ какъ не вытекаютъ изъ общей критической оцѣнки сообщеній названныхъ историковъ, а кромѣ того, опровергаются существованіемъ отголосковъ о галицкихъ событіяхъ 1340 года въ странахъ значительно удаленныхъ отъ мѣста ихъ совершенія (монахъ Леобенскій—въ Штиріи, Витодуранъ—въ Швейцаріи). Послѣднее могло случиться только потому, что событія были немаловажныя. Косвенное подкрѣпленіе факта подчиненія Галичины Казиміру можно найти и въ грамотѣ силезскаго герцога отъ марта 1348 года, подтверждающей привилегіи города Штейнау. Причиной своей милости къ горожанамъ Штейнау герцогъ выставляетъ желаніе утѣшить ихъ за опустошеніе и разореніе, причиненное имъ русскими (per infidelium Ruthenorum devastationem et incendia). Надо думать, что здѣсь рѣчь идетъ о галицкихъ русскихъ, находившихся въ войскѣ короля Казиміра въ качествѣ новыхъ подданныхъ его во время похода на Силезію 1343 года. Затѣмъ, утвержденіе г. Филевича, что Дѣтко остается независимымъ правителемъ галицкой земли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ 1340 г., основывается на шаткомъ фундаментѣ: на отождествленіи Dechk (Дажко?) грамоты венгерскаго короля Людовика съ упомянутымъ выше воеводой. Далѣе, что касается вопроса о времени выдѣленія галицкой епархіи въ особую митрополію, то г. Филевичъ, во-первыхъ, не воспользовался важными источниками ad hoc; во-вторыхъ, изъ тѣхъ фактовъ, которые ему были извѣстны, не сдѣлалъ правильныхъ выводовъ. До насъ дошли византійскія царскія и патріаршія грамоты отъ 1347 года, касающіяся интересующаго насъ вопроса. Въ одной изъ нихъ Іоаннъ Кантакузинъ говоритъ, что въ недавнее время смутъ его предшественники ввели новшество (καινοτομίαν): отторгли отъ святѣйшей кіевской митрополіи епископіи Малой Россіи (т.-е. галицкую, владимірскую, холмскую, перемышльскую, луцкую и туровскую) и подчинили ихъ галицкому митрополиту, возведя его изъ епископовъ въ санъ митрополита. Тоже извѣстіе мы встрѣчаемъ и въ постановленіи патріарха Исидора, гдѣ прямо говорится о недавно состоявшемся раздѣленіи „во время смутъ при бывшемъ передъ нами патріархѣ, когда состоялось и соборное дѣяніе о галицкой митрополіи" Въ виду того, что упоминаемыя въ обѣихъ грамотахъ смуты происходили въ промежутокъ времени отъ 1341 года по 1347-й, слѣдуетъ, что и „новшество", т.-е. созданіе особой митрополіи относится къ этому же времени. Такимъ образомъ, мы въ состояніи точно опредѣлить время учрежденія галицкой митрополіи. Но и на основаніи того матеріала, который былъ подъ руками диспутанта, никакъ нельзя было отрицать существованія у Юрія-Болеслава плановъ относительно созданія особой митрополіи для Галичины, даже больше — необходимо

было признать удачу попытокъ въ этомъ родѣ еще до него, такъ какъ есть несомнѣнное свидѣтельство о повышеніи галицкой епископіи въ митрополію отъ 1303 года (при визант. имп. Андроникѣ Палеологѣ и патріархѣ Аѳанасіи). Послѣднее извѣстіе подтверждается общими указаніями хрисовула Кантакузина на то, что „въ прежнія времена, когда было замышляемо такое новшество (выдѣленіе галицкой митрополіи) оно падало и разрушалось въ самомъ началѣ“ (καὶ ἐν ἄλλοις καιροῖς ἐνεχειρήθη μὲν ἡ τοιαύτη καινοτομία κατελύθη δὲ και ἀνετράπη ἅμα τῷ γεγονέναι).

Этимъ закончилъ свои замѣчанія В. Г. Васильевскій, прибавивъ, что недостатки труда г. Филевича вытекаютъ, въ значительной степени, изъ особой ревности къ дѣлу, за которое онъ взялся. Съ правильностью замѣчаній В. Г. Васильевскаго диспутанту пришлось согласиться.

Вторымъ возражалъ приватъ-доцентъ С. Ѳ. Платоновъ. Онъ выразилъ удивленіе, почему г. Филевичъ въ своемъ трудѣ по исторіи борьбы за галицкую землю ея сосѣдей не даетъ характеристики жертвы—объекта борьбы, не преминувъ дать характеристику Польши, Литвы и татаръ; тогда какъ подобная характеристика должна была показать: 1) внутреннее состояніе страны, какъ источникъ ея слабости или силы; 2) отношенія страны къ сосѣдямъ, какъ почву, на которой выросли притязанія сосѣдей. Оппонентъ предугадываетъ отвѣтъ на это замѣчаніе со стороны г. Филевича: именно, что „Галичъ ничѣмъ не выдѣлялся въ кругу другихъ русскихъ земель, но что ходъ его внутренней жизни представляетъ замѣчательную аналогію съ ходомъ историческаго развитія земли, ставшей впослѣдствіи ядромъ объединенія Руси“ (стр. VII диссертаціи диспутанта). Но дальнѣйшее изложеніе само говоритъ противъ этого положенія г. Филевича. Именно, на 174 стр. у диспутанта явилась необходимость заговорить о внутреннемъ строѣ Галичины и дать своеобразный намекъ на особенности этого строя: „сила была народъ, мѣстное населеніе, роль котораго совершенно игнорируется, особенно—понятно—въ польскихъ сочиненіяхъ“. Но вмѣсто того, чтобы самому г. Филевичу заговорить о народѣ, онъ на 175 стр. переходитъ къ очерку отношеній Галичины къ Волыни и Кіеву. И, конечно, изъ разсмотрѣнія этихъ отношеній приходитъ къ выводу политическаго свойства: настаиваетъ на крѣпости состава русскаго государства, на тѣсной государственной связи Галича и Волыни съ Кіевомъ; но странно, въ то же время говоритъ о племенномъ самоопредѣленіи. На 182 стр. диспутантъ опять возвращается къ своему утвержденію, что „Галичъ ничѣмъ не выдѣлялся среди другихъ русскихъ земель“, но тутъ же прибавляетъ: „указываютъ на боярство“, хотя и опять не изслѣдуетъ этого важнаго соціальнаго фактора. Отъ общаго замѣчанія по существу С. Ѳ. Пла-

тоновъ перешелъ къ указанію частныхъ промаховъ во внѣшнемъ исполненіи. Они кроются въ языкѣ. Богатый лиризмомъ языкъ нерѣдко ведетъ г. Филевича къ ошибкамъ, странностямъ (напр. характеристика боярина Ходко), даже къ неисторическому объясненію человѣческихъ дѣлъ посредствомъ вмѣшательства судьбы, злого рока (стр. 60, 68, 115). Впрочемъ, онъ же иногда служитъ къ украшенію труда диспутанта (напр. на стр. 38—39 характеристика Локетка).

— 11 марта 1890 г. кандидатъ Н. Д. Чечулинъ защищалъ въ петербургскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра русской исторіи подъ заглавіемъ: „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ" (Спб., 1889 г.). Оффиціальными оппонентами были: проф. В. Г. Васильевскій и прив.-доц. С. Ѳ. Платоновъ. Диспутантъ во вступительной рѣчи замѣтилъ, что въ русской исторической литературѣ еще много вопросовъ ожидаютъ разработки и изученія. Въ послѣднее время все большее и большее вниманіе историковъ привлекаютъ соціально-экономическія отношенія прошлаго. Разработка соціально-экономической исторіи переноситъ изученіе прошлаго съ изслѣдованія явленій хотя и очень важныхъ, но исключительныхъ, единичныхъ, на разсмотрѣніе тѣхъ явленій, которыя имѣли ближайшее отношеніе ко всей массѣ населенія. Поэтому изученіе соціально-экономическихъ отношеній должно полнѣе и яснѣе изобразить намъ общество на разныхъ ступеняхъ его развитія. Въ нашей исторической литературѣ есть уже нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій по этимъ вопросамъ. Но они стали появляться еще очень недавно, и сдѣлать тутъ остается несравненно болѣе, чѣмъ сдѣлано доселѣ. Притомъ въ этихъ трудахъ изучалось главнымъ образомъ, что и какъ должно было быть и чего и какъ не должно было быть, но мало обращали вниманіе на то, что и какъ именно было. На эту сторону дѣла г. Чечулинъ и обратилъ вниманіе въ своей работѣ о городахъ Московскаго государства въ XVI в. Диспутантъ разъяснилъ тѣ причины, которыя заставили его остановиться именно на этой темѣ. Избралъ онъ XVI в. потому что для времени болѣе ранняго совершенно нѣтъ матеріаловъ, которые давали бы возможность произвести подобное изслѣдованіе съ достаточною полнотою и обстоятельностью. Н. Д. Чечулинъ не заходилъ въ XVII в., потому что событія на рубежѣ XVI и XVII вв. произвели громадныя измѣненія въ Московскомъ государствѣ вообще и особенно потрясли экономическое его благосостояніе, наконецъ, изученіемъ городовъ занялся потому, что такъ было всего удобнѣе ограничить свой матеріалъ, да и самые вопросы о количествѣ и составѣ населенія, о промыслѣ и торговлѣ городовъ Московскаго государства XVI в. мало изслѣдованы. Остановившись нѣсколько на затрудненіяхъ, какія встрѣчаются при изученіи писцовыхъ книгъ, т.-е.

главнаго источника по вышесказаннымъ вопросамъ, г. Чечулинъ закончилъ свою вступительную рѣчь пожеланіемъ, чтобы ошибки его сочиненія исправлены были въ скорѣйшемъ времени и чтобы новыя работы восполнили пробѣлы и недосмотры его изслѣдованія.

Проф. В. Г. Васильевскій сдѣлалъ нѣсколько частныхъ замѣчаній на трудъ г. Чечулина, указалъ на то, что списокъ древне-русскихъ городовъ на стр. 15—21 составленъ г. Чечулинымъ главнымъ образомъ на основаніи разысканій К. Неволина, тогда какъ желательно было бы въ спеціальномъ изслѣдованіи, посвященномъ городамъ Московскаго государства, видѣть и самостоятельную разработку данныхъ, касающихся этого вопроса. Впрочемъ, въ общемъ проф. Васильевскій съ похвалой отозвался о работѣ г. Чечулина, работѣ, которая, несомнѣнно, должна была стоить ему большаго труда, и заявилъ, что, какъ не спеціалистъ по русской исторіи, предоставляетъ С. Ѳ. Платонову сдѣлать болѣе существенныя возраженія. С. Ѳ. Платоновъ прежде всего указалъ на достоинства труда г. Чечулина. Г. Чечулинъ впервые ввелъ въ научный оборотъ богатый фактическій матеріалъ, выработалъ пріемы ученой эксплуатаціи этого матеріала, собралъ и систематизировалъ рядъ любопытныхъ и цѣнныхъ историко-статистическихъ данныхъ, наконецъ, частью разрѣшилъ, частью далъ новую постановку нѣкоторымъ вопросамъ по исторіи городского хозяйства и права. Главный недостатокъ труда г. Чечулина, по мнѣнію г. Платонова методологическій. Авторъ изслѣдуетъ, въ сущности одинъ, главнѣйшій источникъ по исторіи городовъ XVI в., а между тѣмъ стремится изучить историческое явленіе. Отсюда отсутствіе ясно и правильно поставленной темы въ трудѣ г. Чечучина. Г. Чечулинъ изучалъ съ культурно-экономической точки зрѣнія военно-административные пункты, называемые городами. Естественно, что при такой постановкѣ темы, онъ не далъ полнаго опредѣленія города, ибо не изслѣдовалъ его военнаго и административнаго значенія, не представилъ и полнаго очерка жизни торгово-промышленныхъ общинъ, ибо занялся изслѣдованіемъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя находились при крѣпостяхъ, имѣли гарнизонъ и служили административными центрами. Благодаря неясной постановкѣ темы, г. Чечулинъ не далъ въ концѣ своего труда точнаго опредѣленія города въ XVI вѣкѣ, какое, однако, обѣщалъ читателю въ началѣ книги, нерѣдко колебался, чѣмъ руководствоваться въ изслѣдованіи: идти ли за отвлеченными требованіями, вытекающими изъ темы, или оставаться строго въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, какія заключалъ основной его источникъ, писцовыя книги. Такимъ образомъ г. Чечулинъ оставилъ нерѣшенными вопросы о значеніи земцевъ въ Новгородской и Псковской областяхъ, объ общественномъ положеніи дворниковъ и

сябровъ, о сельскихъ владѣніяхъ городского класса, о причинахъ запустѣнія городовъ къ концу XVI в.; наконецъ, вопросъ о правахъ тяглой общины на землю, которой она пользовалась, не рѣшенъ г. Чечулинымъ, да и поставленъ имъ неудовлетворительно отчасти благодаря тому, что диспутантъ не обратилъ вниманія на труды гг. Чичерина, Владимірскаго-Буданова и Ключевскаго по этой части. На замѣчанія С. Ѳ. Платонова г. Чечулинъ отвѣчалъ, что ограничился изученіемъ писцовыхъ книгъ, такъ какъ онѣ являются главнѣйшимъ, почти единственнымъ источникомъ по исторіи городовъ Московскаго государства въ XVI в., хотя быть можетъ дѣйствительно напрасно пренебрегъ другими источниками по тѣмъ же вопросамъ. Затрудненія, какія встрѣчаются при изученіи писцовыхъ книгъ, по мнѣнію г. Чечулина, отчасти извиняютъ этотъ пробѣлъ и нѣкоторые изъ недостатковъ, указанныхъ г. Платоновымъ.

— 7-го мая 1890 г. въ библіотечномъ залѣ Московскаго университета состоялся магистерскій диспутъ прив.-доцента В. Е. Якушкина. Диссертація, представленная г. Якушкинымъ для полученія степени магистра русской исторіи, носитъ заглавіе: „Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вѣкѣ. Выпускъ первый. XVIII вѣкъ“. Диспутантъ, взойдя на каѳедру, произнесъ вступительную рѣчь, въ которой указалъ, что его трудъ главнѣйшимъ образомъ посвященъ вопросу о поземельномъ крестьянскомъ надѣлѣ и если диссертація носитъ иное заглавіе, то потому, что изслѣдованія по сказанному вопросу совершенно неотдѣлимы отъ изученія общей аграрной политики. При созданіи поземельнаго надѣла, крестьянъ правительство примѣнило тѣ же самыя начала, которыя были выработаны раньше для поземельнаго обезпеченія служилыхъ людей. Правительство, преслѣдуя государственные интересы, отводило помѣстья служилымъ людямъ, но взамѣнъ этого требовало съ нихъ обязательной службы. Земля служила ему фондомъ, которымъ обезпечивались существенныя потребности государства. У Московскаго государства не могло быть достаточно финансовыхъ источниковъ, и оно необходимо пришло къ утвержденію помѣстной системы. Но послѣдняя имѣла существенные недостатки, заставившіе правительство прибѣгнуть къ денежному вознагражденію. Система денежнаго вознагражденія сначала является, какъ дополненіе къ раздачѣ земель за обязательную службу, а потомъ пріобрѣтаетъ бо́льшую силу и бо́льшее значеніе, пока, наконецъ, не дѣлается господствующей, пока помѣстная система не падаетъ окончательно. Но земля оставалась по-прежнему фондомъ, изъ котораго покрывались всѣ государственные расходы. Въ началѣ XVIII вѣка Петръ Великій такъ формулировалъ основы русской аграрной политики: „съ земель служилые люди служатъ службы,

а крестьяне пашутъ пашни и платятъ оброки, а даромъ землями никто не владѣетъ". Такимъ образомъ, заботы нашего правительства о поземельномъ надѣлѣ крестьянъ вызывались фискальными интересами. Фискальные интересы опредѣлили, какъ общее направленіе нашей поземельной политики въ вопросѣ о крестьянскомъ надѣлѣ, такъ и самый размѣръ послѣдняго. Они приводили наше правительство къ заботамъ о надѣлѣ не только казенныхъ, но и помѣщичьихъ крестьянъ, хотя относительно послѣднихъ не могла, понятно, развиться такая полная система, какъ по отношенію къ казеннымъ крестьянамъ. Оффиціальными оппонентами были проф. В. О. Ключевскій и П. Н. Милюковъ. Первый не соглашался съ диспутантомъ въ опредѣленіи термина „поземельная политика", находилъ, что г. Якушкинъ сдѣлалъ пропускъ, не представивъ въ диссертаціи картины землевладѣнія въ XVII вѣка, высказалъ нѣсколько замѣчаній по поводу толкованія диспутантомъ указа Петра Великаго о единонаслѣдіи, изданнаго 23 марта 1714 г., затѣмъ упрекалъ диспутанта въ недостаточномъ вниманіи къ прошлому, указывалъ на невозможность изученія историческаго явленія на основаніи одного Полнаго Собранія законовъ. Г. Милюковъ доказывалъ, что отношенія правительства къ казеннымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ имѣютъ характеръ, отличный отъ того, какой имъ приданъ въ диссертаціи. Оппонентъ указалъ также, что г. Якушкинъ не обратилъ вниманія на то, что поземельная политика въ прошломъ вѣкѣ была направлена къ ограниченію свободной земельной собственности у черносошныхъ крестьянъ. Послѣ продолжительныхъ преній по поводу сдѣланныхъ диспутантомъ разъясненій, въ качествѣ частнаго оппонента выступилъ бывшій профессоръ одесскаго университета А. С. Посниковъ. Указавъ на правильность постановки вопроса въ диссертаціи и на аналогичныя работы въ иностранной литературѣ, г. Посниковъ замѣтилъ, что въ изслѣдованіяхъ этого рода весьма важно строгое обращеніе съ юридическими понятіями, въ подтвержденіе чего привелъ примѣры изъ диссертаціи и изъ возраженій, сдѣланныхъ во время диспута. По заключеніи преній факультетъ призналъ прив.-доцента Якушкина достойнымъ искомой степени. Опредѣленіе факультета было встрѣчено рукоплесканіями собравшейся публики. Диспутъ окончился въ 7 часу вечера (Русскія Вѣдомости 1890 г., № 124).

— Ниже, среди новыхъ книгъ, относящихся къ теоріи исторіи, отмѣчено сочиненіе прив.-доц. политической экономіи въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ В. Ф. Левитскаго „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ". Въ виду интереса этой книги для исторической науки, приводимъ здѣсь краткій отчетъ, заимствованный изъ

Рус. Вѣд. (№ 296), о диспутѣ г. Левицкаго въ московскомъ университетѣ.

„25-го октября 1890 г. въ актовой залѣ московскаго университета приватъ-доцентъ Демидовскаго юридическаго лицея В. Ф. Левитскій защищалъ диссертацію „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“, представленную имъ для полученія степени магистра политической экономіи. Взойдя на каѳедру, диспутантъ произнесъ рѣчь о значеніи методологіи политической экономіи. Въ современной политической экономіи, по словамъ г. Левитскаго, наблюдается параллельное господство цѣлаго ряда экономическихъ школъ, изъ которыхъ главныя—англійская классическая, историческая и соціалистическая. Такъ какъ содержаніе политической экономіи слагается изъ элементовъ знанія, составляющихъ достояніе отдѣльныхъ экономическихъ школъ, то при построеніи системы естественно долженъ возникнуть вопросъ о томъ, что въ содержаніи ученій каждой школы вѣрно и что ошибочно. Указавъ на то, что объединенія научныхъ результатовъ изслѣдованій разныхъ школъ надо искать на почвѣ экономической методологіи, диспутантъ высказалъ, что по вопросамъ методологіи существуетъ коренное разногласіе въ воззрѣніяхъ двухъ школъ—исторической и классической. Характеризуя методологическія воззрѣнія исторической школы, г. Левитскій замѣтилъ, что эта школа проводитъ неправильныя воззрѣнія на задачи теоретической экономіи, смѣшивая послѣднюю съ хозяйственной политикой, исторіей и даже соціологіей. Оффиціальными оппонентами выступили профессора А. И. Чупровъ и И. Т. Тарасовъ. По мнѣнію перваго оппонента, диспутантъ неточно передалъ воззрѣнія исторической школы, утверждая, что она смѣшиваетъ теоретическую экономію съ хозяйственной исторіей; главные представители исторической школы, Рошеръ и Книсъ, признавали необходимымъ отдѣльное существованіе экономической теоріи и занимались ею въ своей писательской и преподавательской практикѣ. Возражая затѣмъ противъ взгляда диспутанта на политическую экономію, какъ на систему формулъ, относящихся къ явленіямъ лишь извѣстнаго историческаго періода, А. И. Чупровъ высказалъ убѣжденіе, что существуютъ экономическіе законы, примѣнимые ко всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ, а не только къ извѣстной исторической эпохѣ. Наконецъ, оппонентъ оспаривалъ мнѣніе г. Левитскаго о неправильности ученія Д. С. Милля относительно провѣрки дедуктивныхъ заключеній путемъ сличенія ихъ съ фактами дѣйствительности или эмпирическими законами. Въ отвѣтъ на эти возраженія диспутантъ, оставаясь при своемъ мнѣніи, привелъ соображенія, говорящія, по его мнѣнію, въ пользу высказанныхъ имъ положеній. Затѣмъ проф. Тарасовъ, упрекнувъ г. Левитскаго въ томъ,

что онъ не принялъ во вниманіе въ своемъ изслѣдованіи русской литературы по предмету методологіи, особенно же литературы 60-тыхъ годовъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, на которыя диспутантъ представилъ свои возраженія. Изъ посторонней публики говорилъ Н. А. Каблуковъ, указавшій на значеніе труда г. Левитскаго, какъ изслѣдованія, привлекающаго вниманіе русскаго общества къ теоретическимъ вопросамъ политической экономіи какъ разъ въ то время, когда въ виду массы накопившагося фактическаго матеріала изученіе теоріи особенно важно и необходимо для правильной разработки собранныхъ данныхъ. По прочтеніи деканомъ факультетскаго отзыва о диссертаціи, г. Левитскій, среди продолжительныхъ рукоплесканій многочисленной публики, былъ признанъ магистромъ политической экономіи".

— 23-го сентября, съ 12-ти часовъ дня, въ актовомъ залѣ харьковскаго университета, въ присутствіи профессоровъ, студентовъ и многочисленной публики, происходилъ диспутъ на степень доктора русской исторіи. Докторантъ—экстраординарный профессоръ варшавскаго университета, магистръ богословія Дм. В. Цвѣтаевъ, представившій въ качествѣ диссертаціи сочиненіе „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій" (М. 1890, VIII + 782 + II стран.). Изъ curriculum vitae видно, что онъ высшее научное образованіе получилъ въ петербургской духовной академіи, педагогическое на с.-петербургскихъ педагогическихъ курсахъ и до поступленія въ варшавскій университетъ состоялъ преподавателемъ исторіи и русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства императрицы Маріи и военнаго вѣдомства и приватъ-доцентомъ московскаго университета и свою ученую дѣятельность, кромѣ магистерской диссертаціи, заявилъ нѣсколькими статьями и изслѣдованіями по русской исторіи и литературѣ. Что касается до докторской диссертаціи г. Цвѣтаева, то въ нее вошло цѣликомъ (за исключеніемъ отдѣла о католикахъ) болѣе раннее его сочиненіе „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ", за которое онъ получилъ степень магистра богословія въ петербургской духовной академіи и отъ академіи наукъ неполную премію митрополита Макарія (см. въ „Отчетѣ о второмъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго" отзывъ о этомъ трудѣ, составленный проф. Н. И. Карѣевымъ). Докторскій диспутъ г. Цвѣтаева былъ очень оживленный и продолжался ровно 5 часовъ (съ 12-ти до 5-ти). Оффиціальными оппонентами выступили проф. Д. И. Багалѣй и А. С. Лебедевъ. Предъ защитой диссертаціи произнесена была диспутантомъ рѣчь, въ которой онъ сдѣлалъ характеристику политики московскихъ людей по отношенію къ западно-европейцамъ и западно-европейской культурѣ и подготовленія ихъ къ гражданской реформѣ путемъ сбли-

женія съ иноземцами и усвоенія чужого культурнаго достоянія, чѣмъ обусловливался у насъ бытъ иностранцевъ. После этой рѣчи выступилъ со своими замѣчаніями проф. Д. И. Багалѣй. Онъ подвергъ разсмотрѣнію диссертацію проф. Цвѣтаева, какъ научное изслѣдованіе, съ методологической стороны. Въ началѣ онъ указалъ на достоинства книги, къ числу коихъ относится обиліе печатныхъ и архивныхъ матеріаловъ, по большей части почерпнутыхъ авторомъ изъ первыхъ рукъ, полнота пособій и, какъ результатъ того и другого, полнота содержанія; однимъ словомъ, по его мнѣнію это не простое описаніе или повѣствованіе, а изслѣдованіе, хотя и обилующее сырымъ, необработаннымъ матеріаломъ. Важнѣйшими недостатками книги оппонентъ призналъ слѣдующіе. Въ одномъ случаѣ г. Цвѣтаевъ съузилъ свою задачу, въ другомъ излишне расширилъ: онъ ничего не говоритъ о протестантахъ въ юго-западной Россіи, а между тѣмъ часто разсказываетъ о католикахъ, что къ темѣ не относится. Отдѣльныя части сочиненія не отличаются должною соразмѣрностью: обращено сравнительно мало вниманія на культурный, экономическій и соціальные вопросы. Въ книгѣ слишкомъ много непереработаннаго сырья и общеизвѣстныхъ фактовъ и подробностей; въ особенности это нужно сказать о главахъ, касающихся браковъ, литературной полемики и положенія купцовъ. Г. Цвѣтаевъ очень строгъ къ другимъ, но самъ не свободенъ отъ промаховъ и ошибокъ. Книгу своего предшественника по работѣ, г. Соколова онъ оцѣнилъ несправедливо, умолчавъ о ея достоинствахъ, а между тѣмъ самъ не указалъ ясно, что внесъ въ свое нынѣшнее сочиненіе почти половину магистерской диссертаціи; его ссылки на источники не всегда точны и не всегда свидѣтельствуютъ о знакомствѣ его съ памятникомъ. Наиболѣе крупный недостатокъ въ сужденіяхъ г. Цвѣтаева заключается въ частныхъ противорѣчіяхъ; яркимъ примѣромъ такихъ противорѣчивыхъ сужденій могутъ служить мнѣнія г. Цвѣтаева о протестантской пропагандѣ: въ одномъ случаѣ онъ отрицаетъ эту пропаганду, а въ другомъ— видитъ ее тамъ, гдѣ была вѣра въ „порчу“ и буйное помѣшательство. Въ заключеніе проф. Багалѣй сдѣлалъ одну поправку къ мнѣнію г. Цвѣтаева (о судѣ) и сообщилъ свѣдѣніе изъ документа московскаго архива мин. юстиціи о дворѣ нѣмецкаго пастора въ Бѣлгородѣ [1]). Корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 5248) о диспутѣ г. Цвѣтаева говоритъ, что „рельефнѣе указаны были положительныя стороны диссертаціи“ докторанта. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, другой оппонентъ проф. А. С. Лебедевъ сильнѣе отмѣтилъ слабыя

---

1) См. „Харьковскія Вѣдомости“, № 247. Проф. Багалѣй помѣстилъ статью о трудѣ г. Цвѣтаева въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1890, ноябрь).

стороны труда г. Цвѣтаева. Онъ сдѣлалъ именно цѣлый рядъ замѣчаній, изъ коихъ наиболѣе важными были его возраженія относительно точности въ пользованіи и пониманіи источниковъ; указалъ на невѣрное чтеніе Герберштейна, расширенно-тенденціозное пониманіе одного мѣста у Олеарія, на противорѣчія въ сужденіяхъ, на общій субъективный тонъ сочиненія указалъ на неудовлетворительное рѣшеніе вопросовъ о пропагандѣ въ шведскихъ областяхъ и перекрещиваніи иноземцевъ, отмѣтилъ несправедливое отношеніе къ г. Соколову, у котораго г. Цвѣтаевъ взялъ характеристики нѣкоторыхъ противолютеранскихъ сочиненій, оказавшіяся, впрочемъ, какъ и его собственныя характеристики, совсѣмъ не соотвѣтствующими содержанію этихъ сочиненій и пр. Въ заключеніе и проф. Лебедевъ заявилъ, что въ книгѣ много сырого, непереработаннаго матеріала.

Затѣмъ выступили два неоффиціальныхъ оппонента—проф. П. А. Безсоновъ и проф. гражданскаго права А. И. Загоровскій. Первый сдѣлалъ нѣсколько дополненій и разъясненій объ извѣстномъ Крижаничѣ, а второй указалъ на нѣкоторыя неточности г. Цвѣтаева въ вопросѣ о юридическомъ положеніи протестантовъ. Въ первую половину диспута докторантъ давалъ необходимыя разъясненія и отстаивалъ свои мнѣнія, но возраженія второго оппонента по своей документальности были до такой степени вѣски, что г. Цвѣтаевъ не всегда могъ ихъ отпарировать.

— Въ воскресенье 4 ноября 1890 г. въ петербургской духовной академіи происходилъ магистерскій диспутъ по вопросу, интересному для историковъ, занимающихся переходной эпохой отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Защищалъ диссертацію доц. по каѳедрѣ патристики Т. А. Налимовъ, представившій въ совѣтъ академіи обширный трудъ (XXVII+308 стр.) подъ заглавіемъ: „Вопросъ о папской власти на констанцкомъ соборѣ“ (Спб. 1890). Въ предисловіи къ этому труду г. Налимовъ говоритъ, что его цѣлью было опредѣлить, въ чемъ заключался вопросъ о папской власти на констанцкомъ соборѣ, что̀ составляло предметъ разногласія въ этомъ отношеніи между католиками и требовало соборнаго рѣшенія. „Естественнымъ путемъ для выполненія этой задачи, продолжаетъ онъ, являлось ознакомленіе съ различными воззрѣніями на папскую власть, существовавшими въ средѣ католиковъ въ предшествующее констанцкому собору время, и установленіе—на основѣ ихъ—истиннаго смысла соборныхъ опредѣленій; а въ виду зависимости мнѣній о власти собственно папъ отъ общихъ представленій о церкви и ея союзѣ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, о папствѣ, его возникновеніи, цѣли существованія и значеніи для церкви оказалось необходимымъ ознакомиться съ мнѣніями и по этимъ пунктамъ и, такимъ образомъ, предметомъ изслѣ-

дованія стало вообще ученіе о папствѣ въ эпоху великаго раскола въ католической церкви". Авторъ, впрочемъ, ограничилъ матеріалъ изслѣдованія исключительно первоисточниками и воздерживался —за единичными исключеніями—отъ пользованія данными изъ вторыхъ рукъ. Общій планъ изслѣдованія былъ опредѣленъ содержаніемъ изучаемыхъ памятниковъ. Соотвѣтственно распаденію католиковъ во время великаго раскола на сторонниковъ существующей папской системы церковнаго устройства и проповѣдниковъ необходимости исправить ея недостатки, преобразовать церковь чрезъ возстановленіе древняго строя ея жизни, и памятники этой эпохи представляютъ два, очень опредѣленно въ большинствѣ случаевъ различающіяся, направленія въ ученіи о папствѣ, вслѣдствіе чего все изслѣдованіе естественно раздѣлилось на двѣ части—изложеніе ученія папистовъ и— ученія реформаторовъ. Затѣмъ, въ той и другой половинѣ можно было различить мнѣнія теоретическаго, преимущественно, содержанія, разъясняющія общіе вопросы о сущности папства, его исторіи, о положеніи папы въ церкви, значеніи для нея и т. под., и мнѣнія, поставляющія вопросъ о папствѣ на болѣе практическую почву, разсуждающія о власти папы въ церкви вообще и въ частныхъ ея проявленіяхъ, и каждая половина подраздѣлилась еще на двѣ части. Сопоставленіе основныхъ положеній, разъясненныхъ въ этихъ четырехъ отдѣлахъ, разрѣшившее вопросъ, поставленный темою сочиненія, составляетъ, вмѣстѣ съ разъясненіемъ внутренняго характера дѣятельности констанцкаго собора, насколько она затрогивала вопросъ о папствѣ, естественное заключеніе всего изслѣдованія, хотя— за недостаткомъ времени—здѣсь и пришлось замѣнить предположенное сначала спеціальное изученіе дѣятельности собора по его актамъ самымъ краткимъ очеркомъ ея на основаніи лишь того ознакомленія съ актами, которое предназначалось собственно для изложенія ученія. Существенное содержаніе тезисовъ, извлеченныхъ изъ диссертаціи, сводится къ слѣдующему. Указавъ на существованіе во время великаго раскола въ католицизмѣ двухъ совершенно различныхъ воззрѣній на папство и власть папы въ церкви, г. Налимовъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что памятники этой эпохи представляютъ для характеристики реформаторскаго ученія значительно бо́льшее количество матеріала, чѣмъ для ученія папистовъ, хотя по качеству матеріалъ приблизительно одинаковъ, т.-е. это не были систематическія изложенія въ полномъ видѣ ученія о сущности папства и папской власти. Ни паписты, ни реформаторы не сознавали еще (въ большинствѣ) вполнѣ ясно дѣйствительныхъ основоположеній защищаемаго ими ученія о папствѣ и въ частныхъ мнѣніяхъ не всегда были послѣдовательны. Выраженіе основной идеи папской въ ученіи о власти

папъ онъ видитъ въ усвоеніи папѣ единолично и безконтрольно всей возможной на землѣ власти и въ уничтоженіи самостоятельности всѣхъ остальныхъ органовъ законной власти на землѣ, въ превращеніи ихъ въ простыя орудія примѣненія власти папы въ различныхъ сферахъ дѣятельности. Наоборотъ, сущность реформаторскаго воззрѣнія—всецѣлое отрицаніе папства въ томъ смыслѣ, какъ оно понималось папистами, и усвоеніе ему значенія только условно полезнаго для церкви административнаго учрежденія, признаніе папы первымъ изъ епископовъ, получающимъ особую власть во всей церкви только отъ самой церкви, для служенія ей, въ опредѣляемыхъ церковью—примѣнительно къ обстоятельствамъ—размѣрахъ. Теоретическое выраженіе реформаторскаго ученія сводится г. Налимовымъ къ слѣдующему: союзъ Іисуса Христа съ церковью настолько тѣсенъ, что предполагаетъ постоянное непосредственное воздѣйствіе на церковь Главы ея, которое всецѣло обезпечиваетъ существованіе церкви, нормальное развитіе ея жизни и дѣятельности и сохраненіе за нею свойствъ истинной церкви независимо отъ папы, главенство котораго въ церкви (въ значеніи, усвояемомъ этому термину папистами) не имѣетъ для себя разумной цѣли и является излишнимъ и вреднымъ для благоустройства церкви. Практически это вело къ признанію того, что одна только вселенская церковь, представителемъ которой является общецерковный соборъ, обладаетъ всею духовною властью на землѣ, какъ своею собственностію, и представляетъ источникъ ея для людей; папа, какъ и всякій епископъ, дѣйствуетъ властью, получаемою чрезъ церковь, и хотя и превосходитъ каждаго отдѣльнаго епископа количествомъ ввѣряемой ему отъ церкви власти, но въ пользованіи ею всецѣло подчиненъ церкви и общецерковному собору. Наконецъ, по воззрѣнію автора книги, констанцкій соборъ совершилъ реформу западной церкви во главѣ ея: узаконилъ для католиковъ реформаторское воззрѣніе на папство и возстановилъ—въ лицѣ Мартина V-го—папство только въ реформаторскомъ смыслѣ этого слова. Въ своей вступительной рѣчи г. Налимовъ главнымъ образомъ и подчеркнулъ этотъ выводъ, сказавъ, что въ эпоху Констанцкаго собора прекратилось старое папство и началось нѣчто новое, въ родѣ восточнаго патріархата. Правда позднѣйшіе папы затемнили и исказили постановленіе констанцкаго собора, но оно не было никогда отмѣнено.—Первымъ оппонентомъ выступилъ проф. И. Е. Троицкій, указавшій прежде всего на то, что изучая огромную коллекцію трактатовъ о папской власти и оставляя въ сторонѣ фактическую исторію, диспутантъ даетъ поводъ подумать, будто вопросъ о папской власти возникъ впервые въ эпоху констанцкаго собора. Затѣмъ оппонентъ указалъ на то, что у магистранта не отмѣнены два воззрѣнія въ реформаторскомъ лагерѣ, изъ коихъ

одно было консервативно-клерикальное (французское), а другое—прогрессивно-либеральное (нѣмецкое). Напр. (стр. 223), Жерсонъ и Conradus de Geilenhusen не одинаково понимали церковь, ибо для одного это—іерархія, для другого—совокупность вѣрующихъ, что г. Налимовымъ не отмѣчено. Или еще: одно направленіе признавало посредничество папы между Богомъ и людьми только совокупно съ іерархіей, тогда какъ другое отрицало такое посредничество и при этомъ послѣднемъ условіи. Однимъ словомъ, по словамъ проф. Троицкаго, магистрантъ долженъ бы былъ вести параллельно характеристику воззрѣній двухъ партій реформаторскаго лагеря, съ коими оппонентъ сопоставилъ разъединеніе, происшедшее впослѣдствіи на базельскомъ соборѣ. Съ другой стороны, онъ поставилъ ему въ упрекъ, что онъ не съумѣлъ провести разграничительную черту между либеральнымъ ученіемъ и тѣмъ, которое было осуждено (гуситство) церковью, какъ еретическое, а потому не былъ бы въ состояніи отвѣтить на вопросъ, какъ могло совершиться осужденіе Гуса. Въ заключеніе проф. Троицкій указалъ на большую научную цѣну труда г. Налимова. Онъ предпринялъ тяжелый трудъ изученія цѣлаго ряда трактатовъ по вопросу, теоретическая сторона котораго казалась всѣмъ ясной: теперь дѣйствительно извѣстно, что представляютъ изъ себя эти трактаты. Кромѣ того, это—трудъ вполнѣ самостоятельный, въ чемъ, впрочемъ, причина и одного изъ недочетовъ—невнимательное отношеніе къ трудамъ предшественниковъ. Вторымъ оппонентомъ возражалъ проф. В. В. Болотовъ, который указалъ на другія упущенія. Нельзя ли было оцѣнивать обѣ партіи, т.-е. и папистовъ, и реформаторовъ съ точки зрѣнія ихъ научныхъ средствъ, т.-е. рѣшая вопросъ, насколько обѣ партіи были знакомы съ дѣйствительнымъ состояніемъ древняго папства? Исторія послѣдняго не была извѣстна его защитникамъ, и слѣдовало рѣшить вопросъ, могла ли реформаторская партія помѣриться съ папистами на этой почвѣ. Оппонентъ иллюстрировалъ свою мысль частными примѣрами, указавъ на то, что теоріи обѣихъ партій по отдѣльнымъ вопросамъ составились ad hoc, а не на основаніи историческаго разслѣдованія. Въ заключеніе проф. Болотовъ присоединился къ похваламъ перваго оппонента. Третьимъ оппонентомъ былъ проф. М. О. Кояловичъ, указавшій на то, что г. Налимовъ сдѣлалъ хорошо, не заявивъ въ своей рѣчи, что въ русской наукѣ по этому вопросу ничего-де не сдѣлано, хотя такого заявленія можно было опасаться, такъ какъ въ книгѣ магистрата не сдѣлано ссылокъ ни на одну русскую книгу. Да и въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о папской власти разсматривался и въ русскихъ книгахъ, въ коихъ есть и опредѣленныя воззрѣнія на папскую власть. Указавъ на содержаніе первыхъ главъ труда г. Налимова, проф. Кояловичъ назвалъ папистическое ученіе ересью и поставилъ вопросъ: „неужели

не правы были тѣ, которые въ папѣ видѣли антихриста"? Между тѣмъ, по этому пункту магистрантъ не высказалъ своего мнѣнія. А вѣдь у насъ есть и такое воззрѣніе, что папизмъ не ересь. Поэтому, проф. Кояловичъ выразилъ желаніе, чтобы въ будущемъ своемъ трудѣ г. Налимовъ отвѣтилъ на вопросъ о томъ, что такое папство? Кромѣ того, онъ поставилъ на видъ, что констанцкій соборъ усилилъ папизмъ, а тридентскій далъ господство папистической теоріи.

(Настоящій отчетъ о диспутѣ былъ уже составленъ и отданъ въ наборъ, когда мы прочли весьма подробное изложеніе этого диспута въ № 45 „Церковнаго Вѣстника", къ которому и отсылаемъ интересующихся. См. также сокращенное изложеніе указаннаго отчета въ № 47 „Церковныхъ Вѣдомостей").

— 2-го декабря 1890 г. въ петербургскомъ университетѣ кандидатъ А. Н. Щукаревъ защищалъ представленную имъ для полученія степени магистра всеобщей исторіи весьма спеціальную по своему содержанію (хронологическую) диссертацію: „Изслѣдованія въ области каталога аѳинскихъ архонтовъ III в. (300—265 г.) до Р. Х.". Диссертація эта «имѣла цѣлью снова разобрать, на основаніи обогатившагося за послѣднее время аппарата источниковъ, вопросъ о преемствѣ архонтовъ аѳинскихъ III в. до Р. Х.; авторъ ограничился первыми 35-ю годами этого вѣка въ виду того, что за это время несравненно болѣе сохранилось документовъ, и существуетъ бо́льшая возможность провѣрять показанія эпиграфическихъ памятниковъ показаніями памятниковъ литературныхъ". „Классифицируя имена архонтовъ, говоритъ г. Щукаревъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, классифицируемъ цѣлый рядъ единственныхъ современныхъ событіямъ документовъ и рѣшаемъ, кромѣ того, рядъ разнообразныхъ вопросовъ. Если мы примемъ во вниманіе, что количество документовъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ, и что примѣръ недавнихъ важныхъ находокъ дозволяетъ надѣяться на подобныя же находки въ будущемъ, то мы не преувеличимъ, если скажемъ, что, составляя списокъ архонтовъ, мы подбираемъ кость къ кости самый скелетъ будущей аттической, а можетъ быть, и всеобщей эллинской исторіи того времени". Въ своей вступительной рѣчи диспутантъ заявилъ, что за тѣ почти $1^1/_2$ года, которые прошли со времени напечатанія диссертаціи до ея защиты, онъ самъ не всѣмъ уже удовлетворенъ въ ней. Первый оффиціальный оппонентъ, проф. Ѳ. Ѳ. Соколовъ („на вечернихъ бесѣдахъ котораго родилась первая мысль работы") отозвался о диссертаціи очень лестно. Соглашаясь съ отнесеніемъ „четырехлѣтней войны" ко второму промежутку власти Димитрія въ Аѳинахъ, проф. Соколовъ не считалъ, однако, возможнымъ, чтобы четырехлѣтняя война продолжалась всего $2^1/_2$ года, какъ это выходитъ у г. Щукарева; по его мнѣнію, нѣтъ необходи-

мости видѣть въ Пиѳіяхъ, справленныхъ Димитріемъ въ Аѳинахъ, непремѣнно великія Пиѳіи; слѣдовательно, ихъ незачѣмъ относить непремѣнно къ 290/89 г. Признавая „удавшееся“ г. Щукареву соединеніе двухъ обломковъ надписи Зинона, проф. Соколовъ не соглашался съ толкованіемъ ея текста; изъ вычисленій времени царствованія Димитрія и упоминанія въ надписи царя Птолемея, онъ доказывалъ, что Діокла (и примыкающихъ къ нему архонтовъ) слѣдуетъ понизить на годъ; онъ указалъ также на неточное пониманіе надписи въ честь Филиппида. Другой оффиціальный оппонентъ, проф. П. В. Никитинъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, воспользовавшись тѣми „жалкими костями, которыя бросилъ авторъ диссертаціи, чтобы было что̀ погрызть и филологамъ“. Онъ указалъ на неудобство въ изслѣдованіи по греческой исторіи такихъ выраженій: „рѣчь Димосѳена противъ Мидіи была сказана (или держана)“ (стр. 17 и 84). На стр. 44 г. Щукаревъ говоритъ: „сосчитаемъ архонтовъ отъ Анаксикрата до Филиппа, разумѣется, включая ихъ обоихъ — такъ какъ иначе древніе не считали“; проф. Никитинъ многочисленными цитатами изъ аристоф. схолій доказывалъ противное, да и у самого диспутанта на стр. 45 говорится, что „Аполлодоръ то всчитывалъ одинъ изъ терминовъ, то не всчитывалъ“. Другія замѣчанія проф. Никитина касались болѣе мелкихъ неточностей. Кромѣ того, возражалъ одинъ частный оппонентъ, не соглашавшійся съ транскрипціей греческихъ именъ по произношенію Рейхлина. Защита признана была факультетомъ удовлетворительной.

Преподаваніе исторіи въ гимназіяхъ по послѣднему учебному плану.

— 20-го іюля 1890 г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ новые „учебный планъ и примѣрныя программы предметовъ преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. На основаніи этихъ плановъ, уроки исторіи увеличены на одинъ часъ, именно въ V классѣ. Прежнее дѣленіе курса на эпизодическій и систематическій измѣнено въ томъ смыслѣ, что вмѣсто V класса послѣдній начинается нынѣ съ IV-го; въ III-мъ же проходится курсъ элементарный, и не всеобщей, а отечественной исторіи. Передвиженіе систематическаго курса древней исторіи съ V-го въ IV-й даетъ возможность въ VII классѣ довести „курсъ новой исторіи съ 1715 г. до послѣдняго времени и отечественной со смерти Петра I до нашихъ дней“; послѣдній же годъ (VIII классъ) отданъ на „повтореніе исторіи Греціи и Рима съ до-

полненіями". Остальное время употребляется на повтореніе преимущественно отечественной исторіи.

Новые историческіе труды.

— Академія наукъ готовитъ къ изданію словарь русскаго литературнаго языка съ Ломоносова до нашихъ дней.

— Академія Наукъ приступила къ изданію сочиненій М. В. Ломоносова, подъ редакціею М. И. Сухомлинова. Форматъ изданія предположенъ такой, какъ въ сочиненіяхъ Державина, изданныхъ Академіею.

— Въ одномъ изъ нумеровъ „Journal officiel de la République Française" за 1890 г. помѣщенъ отчетъ о засѣданіи академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, отъ 26 іюля этого года, въ которомъ былъ доложенъ мемуаръ бывшаго приватъ-доцента новороссійскаго университета Г. Е. Аѳанасьева о „Pacte de Famine" („Общество голодовки"). Вотъ часть отчета, касающаяся этого мемуара.

„Г. Левассеръ читаетъ отрывки изъ очень обширнаго мемуара г. Аѳанасьева, профессора одесскаго университета, командированнаго во Францію для изученія исторіи хлѣбной торговли въ XVIII столѣтіи. Мимоходомъ г. Аѳанасьевъ сдѣлалъ работу, касающуюся pacte de famine и проливающую нѣкоторый свѣтъ на это событіе даже послѣ цѣнныхъ изслѣдованій Біоллэ (Biollai) и Бора (Bord). Извѣстно, что Лепрево де-Бомонъ, секретарь собраній французскаго духовенства, познакомился въ 1767 г. съ договоромъ, извѣстнымъ подъ именемъ pacte de famine, и что онъ донесъ объ немъ руанскому парламенту, который въ это время энергично жаловался на скупку хлѣба. Министръ Сартинъ заключилъ Бомона въ Бастилію, откуда его перевели въ Венсенъ, потомъ въ Шарантонъ, въ Бисетръ и, наконецъ, въ Берси; тамъ онъ находился еще въ сентябрѣ 1789 года, два мѣсяца послѣ взятія Бастиліи. Онъ сначала писалъ безъ всякаго результата С. Присту (министру); но однажды ему удалось кинуть свое письмо одному прохожему и три дня послѣ того, 5 сентября, его освободили. Онъ просидѣлъ въ заточеніи 22 года, и немудрено, что его разсудокъ пострадалъ отъ такого долгаго и тяжкаго заключенія. На самомъ дѣлѣ, существовалъ договоръ между государствомъ и нѣкоторыми частными лицами,—имена коихъ исторія сохранила,—цѣль котораго была не въ томъ, чтобы скупать хлѣбъ, а въ тотъ, чтобы обезпечить продовольствіе Парижа. Это контрактъ Малиссэ. Къ несчастію, эта монополія повлекла за собою обычныя послѣдствія всякой монополіи. Между прочимъ, она затормазила парижскій рынокъ, стѣснила тор-

говыя сдѣлки и открыла возможность интриганамъ спекулировать на жизненномъ продуктѣ первой необходимости. Г. Аѳанасьевъ, послѣ многихъ изысканій и исключительно занятый стремленіемъ выполнить свою работу, въ качествѣ безпристрастнаго историка, освѣтилъ этотъ моментъ нашей исторіи, и его работа представляетъ большой интересъ". Объ этой своей работѣ г. Аѳанасьевъ и сдѣлалъ докладъ въ XIII засѣданіи Историческаго Общества при Петербургскомъ Университетѣ (29 ноября 1890 г.).

— Г. Е. Афанасьевъ приготовилъ къ печати докторскую диссертацію подъ заглавіемъ „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII столѣтіи". Работа составлена на основаніи неизданнаго матеріала, находящагося въ парижскихъ національномъ архивѣ и національной библіотекѣ, не считая всей литературы XVIII в. по хлѣбной торговлѣ. Сочиненіе будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе главные предметы: отношеніе рынка къ земледѣльцу, рыночная полиція, хлѣботорговцы, внутренняя циркуляція хлѣба, ввозъ и вывозъ хлѣба, реформы къ области хлѣбной торговли и реакція противъ нихъ.

— Проф. русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ Д. И. Багалѣй подготовилъ къ печати „Магдебургское право въ городахъ лѣвобережной Малороссіи XVI—XVIII вв." (отрывокъ изъ изслѣдованія о городахъ).

— И. д. экстра-ордин. профессора всеобщей исторіи въ томъ же университетѣ, В. П. Бузескулъ готовитъ къ печати докторскую диссертацію объ отношеніяхъ Франціи и Пруссіи къ Россіи въ серединѣ XVIII в.

— Проф. С. А. Бершадскій печатаетъ въ настоящее время матеріалы литовской метрики, служащіе для внутренней исторіи Великаго Княжества Литовскаго вообще, а въ частности для исторіи литовскаго статута первой редакціи. Матеріалы эти войдутъ въ составъ „Исторической библіотеки", издаваемой археографическою коммиссіею. По окончаніи этой работы проф. Бершадскій намѣренъ издать и самый литовскій статутъ по разнымъ спискамъ и съ приложеніемъ объяснительнаго словаря.

— Проф. П. Н. Буцинскій собралъ матеріалы для второго тома своего изслѣдованія „Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ".

— Проф. дерптскаго университета А. Г. Брикнеръ, недавно выпустившій въ свѣтъ третій томъ издаваемыхъ имъ „Матеріаловъ для жизнеописанія гр. Никиты Петровича Панина", предполагаетъ окончить это изданіе въ теченіе 1891 г., причемъ оно будетъ состоять изъ семи томовъ.

— „Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка"

проф. П. Г. Виноградова (Спб. 1887) въ скоромъ времени появятся по-англійски. Къ автору обратилась вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ этой книги издательская комиссія при оксфордскомъ университетѣ (Curatory of the Clarendon Press) съ предложеніемъ издать въ англійскомъ переводѣ этотъ научный трудъ. Хотя постановка темы, внѣшнее распредѣленіе матеріала и главные выводы останутся тѣже, что и въ русской книгѣ, разработка всѣхъ частей настолько расширилась, что англійское изданіе будетъ заключать въ себѣ два тома, страницъ по 400 въ каждомъ. Первый въ настоящее время оканчивается печатаніемъ и выйдетъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1891 года. Онъ будетъ содержать въ себѣ характеристику землевладѣнія и земледѣльческихъ классовъ Англіи въ XIII вѣкѣ. Второй томъ будетъ посвященъ норманскому завоеванію и саксонскому землевладѣнію. Но автору здѣсь предстоитъ еще много работы, такъ какъ онъ предполаетъ, между прочимъ, заняться отношеніями въ нормандскомъ герцогствѣ, которыхъ онъ не затронулъ въ русскомъ изданіи. Трудъ проф. Виноградова былъ его докторской диссертаціей.

— Подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова сдѣланъ переводъ „Основъ государственнаго права Англіи“ Дайси, который въ настоящее время уже печатается. Англійскій подлинникъ озаглавленъ: Introduction to the study of the Law of the constitution.

— Преподаватель исторіи въ Москвѣ, Р. Ю. Випперъ, магистрантъ всеобщей исторіи, готовитъ къ печати диссертацію подъ заглавіемъ „Политическое ученіе Кальвина въ связи съ установленіемъ его церковной системы въ Женевѣ и съ политическимъ развитіемъ Женевы“. Авторомъ имѣется въ виду главнымъ образомъ выяснить развитіе у Кальвина ученія объ отношеніи церкви и государства, подъ вліяніемъ борьбы за проведеніе его системы въ Женевѣ, и обратно, вліяніе его политической теоріи и дѣятельности на государственную жизнь Женевы. Бóльшая часть изслѣдователей по исторіи ранняго кальвинизма (изъ которыхъ только двое: Веберъ въ 1836 и Кампшульте въ 1869 занимались спеціально вопросомъ объ отношеніи Кальвина къ женевскому государству), исходя отъ представленія о строгой послѣдовательности всей системы ученія Кальвина, склонны разсматривать политическую теорію его, какъ нѣчто неизмѣнное, сразу вылившееся и логически вытекающее изъ его богословскихъ положеній. Съ другой стороны, впечатлѣніе, которое производятъ грандіозные успѣхи церковной дѣятельности Кальвина, особенно внѣ предѣловъ Женевы, заставляетъ тѣхъ же изслѣдователей (не исключая и здѣсь католика Кампшульте) допускать почти неограниченное воздѣйствіе Кальвина и на политическую жизнь въ томъ городѣ, гдѣ онъ стремился создать образцовую церковь (одно изъ наиболѣе распростра-

ненныхъ мнѣній утверждаетъ, будто Кальвинъ закрѣпилъ развитіе аристократическаго строя въ Женевѣ). Въ послѣднее время, впрочемъ, работы Роже (Histoire du peuple de Genève и др.) показали преувеличенность представленій о политическомъ авторитетѣ Кальвина и его любимаго церковнаго учрежденія, консисторіи. Новый взглядъ этотъ подверждается издаваемыми въ послѣднее время документами по церковной и политической исторіи Женевы, которые даютъ возможность точнѣе опредѣлить дѣйствительные размѣры вліянія Кальвина. Помимо архивныхъ изданій и сборниковъ, много интереснаго въ этомъ отношеніи (протоколы правительственныхъ совѣтовъ въ Женевѣ, протоколы знаменитыхъ процессовъ, записи консисторіи и т. д.) заключаетъ въ себѣ замѣчательный трудъ страсбургскихъ ученыхъ Baum'а, Cunitz'а и Reuss'а (Opera Calvini въ Corpus Reformatorum). Огромный и въ значительной части новый матеріалъ для біографіи, ученія и дѣятельности Кальвина, который даетъ это изданіе, куда, помимо его сочиненій и вышеназванныхъ документовъ, вошла его переписка (и притомъ письма къ Кальвину и о Кальвинѣ современниковъ), въ связи съ данными, которыя представляетъ не менѣе обширное собраніе Herminjard—Correspondauce des réformateurs, даетъ возможность разобрать, какъ постепенно складывалась политическая теорія Кальвина, какія колебанія испытала она, какъ Кальвинъ долженъ былъ приспособлять ее къ условіямъ времени и поворотамъ въ борьбѣ, откуда получаетъ объясненіе и тотъ фактъ, что его ученіе истолковывалось и развивалось въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, хотя бы, напримѣръ, въ ближайшую къ нему эпоху религіозныхъ войнъ во Франціи. Таково содержаніе будущей диссертаціи г. Виппера, имѣющее несомнѣнную важность при изученіи такой крупной эпохи въ жизни европейскаго запада, какою является время религіозной реформаціи XVI вѣка.

— Прив.-доц. харьковкаго университета по каѳедрѣ греческой словесности А. Н. Деревицкій приступаетъ къ печатанію своей докторской диссертаціи (по классической филологіи) подъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ историко-литературныхъ занятіяхъ въ древней Греціи“, гдѣ касается исторіи александрійскаго музея и библіотеки и дѣятельности Каллимаха.

— Сочиненія проф. Н. И. Карѣева по польской исторіи переводятся на польскій языкъ. Кромѣ статьи о новѣйшей польской исторіографіи, которая отдѣльной брошюрой на польскомъ языкѣ вышла въ свѣтъ три года тому назадъ, только-что отпечатанъ въ Краковѣ переводъ большого труда проф. Карѣева о „Паденіи Польши въ исторической литературѣ“ (Upadek Polski w literaturze historycznej. Kraków. 1891). Кромѣ того, два лица просили у автора его согласія на

переводъ „Историческаго очерка польскаго сейма“ и „Очерка исторіи реформаціи и католической реакціи въ Польшѣ“. Самъ проф. Карѣевъ составилъ общее résumé изъ своихъ работъ по польской исторіи въ эпоху раздѣловъ (кромѣ „Паденія Польши“ и „Польскаго сейма“, еще „Польскія реформы XVIII в.“) для *Revue historique*. Статья эта появится въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ названнаго журнала за 1891 г.

— Проф. Н. И. Карѣевъ помѣстилъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ (№№ 11 и 12 за 1889 г. и №№ 1 и 9 за 1890) возраженія нѣкоторымъ критикамъ его „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“ и „Сущности историческаго процесса“. Эти замѣтки имѣютъ выйти въ свѣтъ отдѣльной брошюрой.

— М. С. Корелинъ, прив.-доц. моск. унив. по каѳедрѣ всеобщей исторіи, печатаетъ диссертацію по „Источникамъ и литературѣ итальянскаго Ренессанса до середины XV в.“ Цѣль ея выяснить современное состояніе нашихъ свѣдѣній о гуманизмѣ, изложить ихъ историческое развитіе, а также подвести итоги взглядамъ на сущность Возрожденія и на его историческое значеніе, провѣрить по источникамъ существующія воззрѣнія, формулировать нѣкоторыя къ нимъ дополненія и поставить рядъ новыхъ вопросовъ, научное рѣшеніе которыхъ пока невозможно при современныхъ свѣдѣіяхъ объ эпохѣ. Въ 1-й главѣ идетъ рѣчь о томъ, что сдѣлали для изученія гуманизма представители различныхъ областей историческаго знанія; въ послѣдней даются критика спеціальной литературы и общіе выводы. Въ промежуточныхъ главахъ критически приводится къ извѣстности наличная литература о Петраркѣ, Боккачіо и другихъ гуманистахъ, причемъ въ книгу входитъ много новаго рукописнаго матеріала изъ ватиканской и другихъ библіотекъ.

— Прив.-доц. харьковскаго университета В. В. Лапинъ, читающій древнюю исторію (Востокъ), готовитъ къ печати магистерскую диссертацію о Тацитѣ.

— Проф. И. В. Лучицкій занятъ въ настоящее время печатаніемъ перваго тома Исторіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, въ который войдетъ переработка и статей его объ этомъ предметѣ, напечатанныхъ въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ (1879 г.). Въ этомъ томѣ будутъ помѣщены слѣдующія главы: 1) крестьянскій вопросъ въ литературѣ; 2) крестьяне и крестьянская реформа въ с.-з. Европѣ (въ Лифляндіи, Пруссіи и Даніи), 3) въ Австріи, 4) въ Неаполѣ и Тосканѣ, 5) во Франціи (до революціи), 6) въ Испаніи, 7) въ Баденѣ, 8) вопросъ объ общинныхъ земляхъ и о раздѣлѣ общинныхъ земель [1]).

[1]) Отдѣлъ о крестьянахъ и крестьянской реформѣ въ Даніи былъ только-что помѣщенъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (1890, декабрь).

По окончаніи этого труда проф. Лучицкій выпустилъ въ свѣтъ свой курсъ по исторіи XIV и XV вѣковъ на западѣ, состоящій изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) экономическіе факторы, 2) политическія и экономическія идеи XIV и XV вв., 3) сословный строй, 4) сословная монархія и представительныя учрежденія, 5) церковь и государство.

— Проф. варшавскаго университета Н. Н. Любовичъ, авторъ „Исторіи реформаціи въ Польшѣ" (Варшава. 1883) и „Начало католической реакціи и упадка реформаціи въ Польшѣ" Варшава. 1890), написанныхъ на основанія неизданныхъ источниковъ, готовитъ къ печати новый трудъ подъ заглавіемъ „Очерковъ изъ умственной и религіозной жизни въ Польшѣ въ эпоху Стефана Баторія".

— Проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ печатаетъ девятый томъ своего „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами". Этотъ томъ будетъ содержать документы по дипломатическимъ сношеніямъ Россіи съ Англіей до 1800 года и, какъ предыдущіе томы изданія, будетъ заключать въ себѣ, кромѣ документовъ, вступительную статью и примѣчанія самого проф. Мартенса.

— Прив.-доц. московскаго университета П. Н. Милюковъ печатаетъ свое изслѣдованіе о „Государственномъ хозяйствѣ Россіи въ связи съ реформой Петра В.".

— Въ скоромъ времени появится русскій переводъ книги Брайса „The Holy Roman Empire" (Священная римская имперія). Редакція перевода принадлежитъ Д. М. Петрушевскому.

— Предпринятъ русскій переводъ извѣстнаго труда Сореля „L'Europe et la révolution française". Изданъ будетъ этотъ переводъ Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

— Кандидатъ петербургскаго университета С. М. Середонинъ печатаетъ свой трудъ „Извѣстія Флетчера о Россіи, какъ историческій источникъ".

— Проф. А. С. Трачевскій печатаетъ второй томъ своего учебника новой исторіи, который будетъ охватывать время съ 1750 по 1830 г., такъ что для окончанія всего труда потребуется еще томъ. Для культурной исторіи, выдвигаемой авторомъ на первый планъ, вторая половина XVIII вѣка и XIX столѣтіе даютъ громадный матеріалъ. Такимъ образомъ, все историческое руководство проф. Трачевскаго будетъ состоять изъ шести томовъ. Первый томъ вышелъ въ свѣтъ вторымъ изданіемъ.

— Въ 1890 г. вышелъ въ свѣтъ 70-й томъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", отдѣльное заглавіе котораго — „Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Томъ I (1880—1802)". Этотъ томъ редактированъ проф. А. С. Трачевскимъ, который въ настоящее время занятъ печатаніемъ

сразу двухъ новыхъ томовъ этого изданія, имѣющихъ заключать въ себѣ документы 1803—1807 гг.

— Г. В. Форстенъ приготовляетъ къ печати изслѣдованіе о балтійскомъ вопросѣ и европейской дипломатіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ (1544—1648) на основаніи неизданныхъ источниковъ, найденныхъ имъ въ иностранныхъ архивахъ.

— Привать-доцентъ петербургскаго университета И. А. Шляпкинъ оканчиваетъ печатаніемъ свое изслѣдованіе о св. Димитріи Ростовскомъ.

— С. Н. Южаковъ перепечатываетъ отдѣльною книгою свои „Соціологическіе этюды", которые были помѣщены въ журналѣ „Знаніе" за 1872 и 1873 гг. Въ книгѣ будутъ прибавлены къ прежнимъ главамъ двѣ новыя: одна о наслѣдственности и измѣнчивости, другая о роли физической среды. Послѣдняя глава только-что была напечатана въ „Русскомъ Богатствѣ" (1890, ноябрь).

Изъ историко-философской литературы за послѣднее время.

Отмѣчаемъ здѣсь нѣкоторыя историко-философскія (въ самомъ широкомъ смыслѣ и соціологическія) книги, появившіяся въ 1889 и 1890 гг., откладывая до другого раза систематическій обзоръ вообще всей новѣйшей историко-философской литературы.

— *Ernst Bernheim*. Lehrbuch der historischen Methode. Mit Nachweis der wichtigsten Quellen und Hülfsmittel zum Studium der Geschichte. Leipzig. 1889. Весьма обстоятельное сочиненіе по „историкѣ". Авторъ разсматриваетъ въ немъ сущность исторической науки и ея отношеніе къ другимъ наукамъ, даетъ историческую методологію и эвристику (источниковѣдѣніе) съ обзоромъ вспомогательныхъ наукъ, особенно подробно останавливается на правилахъ исторической критики, на пріемахъ историческаго-воспроизведенія и отчасти историческаго изображенія, а также затрогиваетъ слегка вопросъ объ исторической философіи. Указаній на литературу предмета очень много. Кромѣ того, авторъ помѣстилъ въ „Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft" за 1889 г. статью о хронологическомъ раздѣленіи историческаго матеріала.

— *N. Colajani*. La Sociologia criminale. Volume primo. VIII e 505 p. Volume secondo. VIII e 704 p. Catonia, 1889. Содержаніе I-го тома: Опредѣленіе криминальной соціологіи. — Преступленіе. — Преступникъ. — Научныя предпосылки криминальной антропологіи. — Характеръ преступниковъ. — Противорѣчіе криминальной антропологіи. — Типы и классификація преступниковъ. — Преступленіе и атавизмъ. Содержаніе 2-го

тома. Антропологическіе факторы преступленія: характеръ, возрастъ, полъ, наслѣдственность, раса.—Факторы физическіе: климатъ, температура.—Факторы соціальные: экономическіе, политическіе, религіозные.—Обузданіе преступленія. Рецидивъ. Функціи и органы производительные, научные, (вѣрованія), нравственные, судебные, политическіе.—Классификація функцій и родовъ дѣятельности (métiers).—Естественное формированіе соціальнаго разумѣнія (de l'intelligence sociale).

— *Сергѣй Георгіевскій.* Важность изученія Китая. Спб. 1890 г. Авторъ этой книги, профессоръ китайской словесности въ петербургскомъ университетѣ, недавно выпустившій въ свѣтъ книгу подъ заглавіемъ „Принципы жизни Китая“, старается доказать въ новомъ своемъ сочиненіи, что „китаизмъ“ и „застой“ вовсе не синонимы. Онъ полемизируетъ съ утвердившимися въ Европѣ воззрѣніями на Китай и его исторію, причемъ, отмѣчая неуставленность понятія о прогрессѣ, онъ тѣмъ не менѣе подводитъ факты китайской исторіи подъ одну изъ существующихъ въ литературѣ формулъ прогресса и доказываетъ, что изученіе исторіи китайскаго прогресса важно для оцѣнки результатовъ и предрѣшенія судебъ западнаго прогресса. По его мнѣнію, Китай, продолжающій прогрессировать, постепенно пріобрѣтаетъ міровое политическое значеніе. Кромѣ того, онъ высказываетъ убѣжденіе, что изученіе китайской исторіи и вообще важно для соціальной исторіи, отвлеченно понимаемой.

— *Eberhard Gothein.* Die Aufgaben der Kulturgeschichte. Leipzig. 1889. Небольшая брюшюра, въ которой, между прочимъ, разбираются взгляды *Schäfer'a* высказанные въ брошюрѣ Das eigentliche Arbeitsgebiet der Geschichte (Iena, 1888). Вопросъ относится къ старой тяжбѣ между политической и культурной исторіями, причемъ дѣлается обзоръ разныхъ направленій въ исторіографіи и обращается большое вниманіе на школу Ранке. Авторъ проникнутъ сознаніемъ важности культурнаго направленія.

— *Guillaume de Greef.* Introduction à la sociologie. (Premiere partie Eléments. Bruxelles-Paris. 1886. VII et 233 p. (Deuxième partie). Fonctions et organes. 1889. 457 p. Содержаніе I тома: Предисловіе.—Соціологическая проблема.—Соціологическій методъ.—Общіе установительные элеметы или первичные факторы соціологіи. (Eléments constitutifs géneraux ou facteurs primaires de la sociologie): территорія и населеніе.—Перечень соціальныхъ явленій.—Естественное формированіе соціологіи біологіею и психологіею.—Отличительныя черты соціологіи.—Положительное доказательство возможности опыта въ соціальной наукѣ.—Іерархическая классификація соціальныхъ явленій.—Эмпиризмъ, утопія и научный соціализмъ. Содержаніе II-го тома: Соціальная

ткань и коллективныя силы. — Соціальныя функціи и органы.— Функціи и органы космическіе: циркуляція.—Ф. и орг. экономическіе: потребленіе и производство.

— *Н. Карѣевъ*. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб. 1890. Большой томъ, представляющій изъ себя продолженіе изданныхъ авторомъ раньше „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи", но имѣющій значеніе и отдѣльнаго сочиненія. Въ двухъ главныхъ частяхъ, изъ коихъ состоитъ „Сущность историческаго процесса", авторъ разсматриваетъ роль личности въ процессахъ прагматическомъ и культурномъ, разбирая относящіеся къ вопросу этому взгляды, какіе только высказывались въ литературѣ. Особенное вниманіе обращено авторомъ на историческую причинность и на личную иниціативу. Въ концѣ труда намѣчены тѣ главные вопросы, разрѣшенію коихъ авторъ думаетъ посвятить новый (4-ый) томъ своихъ „Основныхъ вопросовъ".

— *В. Левитскій*. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. Ярославль. 1890. Отмѣчаемъ здѣсь эту книгу въ виду ея интереса, какъ работы, въ которой разсматривается и историческая школа политической экономіи. Указывая на историческій характеръ общественно-хозяйственныхъ явленій, авторъ на этомъ основаніи причисляетъ политическую экономію къ наукамъ историческимъ и съ особою обстоятельностью останавливается на воззрѣніяхъ исторической школы экономистовъ, критикуя какъ самыя эти воззрѣнія, такъ и другія направленія съ точки зрѣнія взглядовъ исторической школы. При той роли, какую экономическія явленія начинаютъ играть въ самой исторической наукѣ, такія методологическія работы, какова книга г. Левитскаго, не могутъ не представлять интереса для историковъ.

— *Léon Maury*. Essai sur les origines de l'idée du progrès. P. 1890. Авторъ этого небольшого труда (около 180 стр.), „пасторъ и лиценціатъ ès lettres et en théologie", поставилъ себѣ задачей изслѣдовать исторію идеи прогресса. Тема не новая, но Мори удалось освѣтить ее съ новыхъ точекъ зрѣнія. Сочиненіе распадается на три части: идея прогресса въ язычествѣ, идея прогресса въ христіанскомъ мірѣ и идея прогресса въ новыя времена.

— *Léon Metchnikoff*. La civilisation et les grands fleuves historiques. Paris. 1889. Авторъ, умершій въ 1888 г., былъ послѣднее въ время профессоромъ статистики и сравнительной географіи въ Лозаннѣ, и этотъ его посмертный трудъ явился въ свѣтъ, благодаря Элизе Реклю. Самъ Мечниковъ сдѣлалъ резюме своихъ главныхъ взглядовъ въ русской статьѣ „Географическая теорія развитія историческихъ народовъ", помѣщенной въ „Вѣстн. Евр." за мартъ 1889 г. Вотъ названія отдѣльныхъ главъ этого труда: 1) прогрессъ, 2) прогресъ въ исто-

ріи, 3) географическій синтезъ исторіи, 4) расы, 5) среда, 6) великія раздѣленія исторіи, 7) территорія рѣчныхъ цивилизацій, 8) Нилъ, 9) Тигръ и Евфратъ, 10) Индъ и Гангъ, 11) Гоанго и Янтцекіангъ. Первые шесть главъ относятся къ теоріи исторіи, остальныя представляютъ изъ себя философскій обзоръ исторіи восточныхъ цивилизацій. См. рец. въ В. Е. и Рус. М.

— Историческая философія Гегеля продолжаетъ привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ. Въ 1888 г. вышла въ свѣтъ работа *Morris*'а, посвященная гегелевой философіи государства и исторіи (Hegel's philosophy of the state und of history), за которой въ нынѣшнемъ году послѣдовала книга *Barth*'а подъ заглавіемъ „Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer".

— *Pflug-Hartung*. Geschichtsbetrachtungen. Gotha. 1890. Небольшая брошюра (47 стр.), изображающая общій характеръ новой исторіографіи, начиная съ Петрарки.

— *Томасъ Ралей*. Элементарная политика. Спб. 1889 (изд. журнала „Русское Богатство"). Эта небольшая книжка (104 стр.), переведенная съ 3 изданія подлинника, вышедшаго въ свѣтъ четыре года тому назадъ, представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ историко-соціологической пропедевтики. Авторъ разсматриваетъ въ ней происхожденіе и первоначальное развитіе общества, европейскую цивилизацію, устройство современныхъ государствъ, политическіе идеалы, сущность политическихъ партій, основныя явленія экономической жизни, функціи государства. Цѣль автора самая скромная, а именно опредѣлить тѣ термины, которые употребляются въ политической аргументаціи.

— *Л. Слонимскій*. Основные вопросы политики. Спб. 1889 г. Собраніе статей, приведенныхъ между собою въ нѣкоторую общую связь. Для теоріи исторіи представляютъ интересъ первыя для статьи, озаглавленныя „Законы исторіи" и „Политическія метаморфозы".

— *Tarde*. Les lois de l'imitation. P. 1890. Книга Тарда составилась изъ цѣлаго ряда его статей, отчетъ о которыхъ далъ русской публикѣ проф. Козловъ въ брошюрѣ „Тардъ и его ученіе объ обществѣ" (Кіевъ. 1887 г.). Въ этомъ трудѣ французскаго соціолога, имѣющемъ большой интересъ съ точки зрѣнія исторической теоріи, есть глава, спеціально посвященная вопросу о томъ, чѣмъ должна быть исторія: въ ней авторъ высказываетъ воззрѣнія, довольно близкія къ взглядамъ, изложеннымъ въ книгѣ *Bourdeau* L' histoire et les historiens (Paris. 1888). О книгѣ этой см. рецензію г. Слонимскаго въ „Вѣстн. Евр." и статью проф. Карѣева въ „Сѣверн. Вѣстн." (ноябрь 1890 г.).

— Недавно вышли въ Лейпцигѣ двѣ брошюры, имѣющія инте-

ресъ съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса: это—Prolegomena der Literar-Evolutionistischen Poetik и Das Wesen wissenschaftlicher Literaturbetrachtung, и обѣ онѣ принадлежать одному и тому же автору (*Eug. Wolff*).

— Историческіе журналы время отъ времени также помѣщаютъ на своихъ страницахъ статьи, имѣющія историологическій интересъ. Въ Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft за 1889 помѣщена между прочимъ статья *G Buchholz*'а п. з. Urprung und Wesen der modernen Geschichtsauffassung.

— Журнальная полемика между гг. Михайловскимъ и Слонимскимъ, которая велась въ 1889 г. по поводу соціологіи перваго изъ названныхъ писателей („Русская Мысль" и „Вѣстникъ Европы"), вызвала появленіе двухъ брошюръ: *Рашковскій*. Н. К. Михайловскій передъ судомъ критики. Одесса. 1889 г. *Позитивистъ*. Г. Слонимскій и соціологія. Казань. 1889.

— Книга Данилевскаго „Россія и Европа", представляющая изъ себя историко-философскій „кодексъ славянофильства", продолжаетъ служить предметомъ критики и полемики. Послѣ извѣстныхъ статей Вл. С. Соловьева въ „Вѣстникѣ Европы" за 1889 г. и статьи проф. Н. И. Карѣева „Теорія культурно-историческихъ типовъ" („Русская Мысль", 1889, IX), а также возраженій Н. Н. Страхова, помѣщавшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и „Новомъ Времени" и собранныхъ имъ во второмъ томѣ „Борьбы съ Западомъ", съ точки зрѣнія историко-философской, заслуживаютъ вниманія статьи Вл. С. Соловьева о зависимости теоріи Данилевскаго о культурно-историческихъ типахъ отъ мыслей, высказанныхъ на этотъ счетъ Рюккертомъ (Lehrbuch der Weltgeschichte). Статьи эти помѣщены въ двухъ послѣднихъ книжкахъ „Вѣстника Европы" за 1890 г.

Разныя извѣстія.

— 25-го сентября, въ академіи наукъ состоялось торжественное засѣданіе, въ которомъ были объявлены результаты разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ академіи для конкурснаго соисканія премій имени графа Уварова. Изъ пятнадцати представленныхъ на конкурсъ сочиненій четыре признаны заслуживающими премій по 500 рублей, согласно правиламъ объ уваровскихъ наградахъ. Въ составѣ коммиссіи, обсуждавшей достоинства представленныхъ сочиненій, кромѣ непремѣннаго секретаря (какъ предсѣдателя), находились академики: А. Н. Веселовскій, Л. Н. Майковъ, А. А. Куникъ, А. Ѳ. Бычковъ, Я. К. Гротъ, М. И. Сухомлиновъ и адъюнктъ Н. Ѳ.

Дубровинъ. Для предварительнаго разсмотрѣнія и, согласно обычному порядку, составленія печатныхъ рецензій о представленныхъ на конкурсъ трудахъ коммиссія обратилась къ профессорамъ-спеціалистамъ и по разсмотрѣніи ихъ рецензій и обсужденіи сравнительнаго достоинства всѣхъ конкурсныхъ трудовъ присудила уваровскія преміи слѣдующимъ четыремъ лицамъ: 1) профессору П. В. Владимірову—за сочиненія: а) „О житіи св. Алексѣя, человѣка Божія" и б) „Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ", разсмотрѣнныя въ рецензіи профессоромъ варшавскаго университета А. С. Будиловичемъ; 2) Ал. Лазаревскому—за сочиненіе: „Описаніе старой Малороссій—матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Полкъ Стародубскій", разсмотрѣніе котораго было поручено изслѣдователю исторіи Малороссіи, проф. харьковскаго университета Д. И. Багалѣю, который въ обширной рецензіи далъ лестный отзывъ о трудѣ г. Лазаревскаго; 3) приватъ-доценту Н. П. Лихачеву—за изслѣдованіе: „Разрядные дьяки XVI вѣка", разсмотрѣнное въ рецензіи профессора казанскаго университета Н. П. Загоскина и, наконецъ, 4) П. Житецкому—за сочиненіе: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв.", разсмотрѣнное по приглашенію коммиссіи профессоромъ новороссійскаго университета г. Кочубинскимъ. За оказанное академіи содѣйствіе со стороны профессоровъ-рецензентовъ коммиссія, кромѣ выраженія благодарности, постановила раздать уваровскія золотыя медали за рецензіи слѣдующимъ лицамъ: профессорамъ — Будиловичу, Багалѣю, Кочубинскому, Павлову, Загоскину, Субботину, пр.-д. Вольтеру и и. д. хранителя московской Оружейной палаты Павлинову.

— Въ послѣднее время во всѣхъ углахъ нашего обширнаго отечества замѣчается увеличеніе интереса къ изученію своего прошлаго. Провинціальная исторіографія начинаетъ дѣлать замѣтные успѣхи, и въ разныхъ городахъ возникаютъ историческіе музеи съ цѣлью собиранія остатковъ мѣстной старины. Объ одномъ изъ такихъ музеевъ, устроенныхъ въ этомъ году, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ. Съ 1865 года въ городѣ Каменцѣ Подольскомъ существуетъ историко-статистическій комитетъ, который былъ учрежденъ съ цѣлью описанія подольской епархіи въ историческомъ отношеніи. Этотъ комитетъ выработалъ особую программу для составленія описанія церквей и приходовъ и разослалъ ее священникамъ. Присланныя послѣдними свѣдѣнія редактировались членами комитета и печатались въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, существующихъ съ 1862 года. Кромѣ того, въ архивѣ мѣстной духовной консисторіи оказались цѣнные историческіе матеріалы. Тутъ нашлись такъ-называемыя уніатскія визитаціи прошлаго вѣка или подробныя описанія ревизіи цер-

квей, а также книги судебныхъ рѣшеній духовныхъ судовъ и административныхъ распоряженій по дѣламъ церкви. На эти документы было обращено вниманіе членами комитета М. В. Симашкевичемъ и Н. И. Яворовскимъ, по инціативѣ которыхъ упомянутые историческіе матеріалы начали издаваться подъ заглавіемъ:—„Труды комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи". Первые два выпуска ихъ вышли подъ редакціей М. В. Симашкевича, а третій и четвертый (въ настоящее время печатается уже пятый) подъ редакціей Н. И. Яворовскаго, неизмѣнно посвящающаго въ теченіе двадцатипятилѣтняго существованія комитета все свое свободное отъ оффиціальныхъ обязанностей время занятіямъ подольскою стариною. По инціативѣ же Н. И. Яворовскаго было устроено церковно-историческое древнехранилище въ Каменцѣ. Предложеніе относительно учрежденія музея было сдѣлано имъ въ засѣданіи комитета въ концѣ 1889 года и встрѣтило общее сочувствіе. Вскорѣ былъ выработанъ и утвержденъ проектъ устройства древнехранилища. Вотъ что говоритъ о назначеніи церковнаго музея этотъ проектъ: „Древнехранилище заключаетъ въ себѣ: 1) библіотеку историко-статистическаго комитета, 2) архивъ и 3) вещественные памятники церковной древности. 1) Библіотека древнехранилища состоитъ изъ историческихъ сочиненій, необходимыхъ при изученіи исторіи Подоліи, на русскомъ, польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ. 2) Архивъ состоитъ изъ рукописей и рукописныхъ актовъ, относящихся къ исторіи Подоліи, а также и изъ бумагъ и дѣлъ историко-статистическаго комитета. 3) Вещественные памятники церковной древности составляютъ какъ самые предметы древности, такъ и точные снимки съ нихъ. Сюда относятся: а) памятники языка и письма: старопечатныя и рукописныя церковно-богослужебныя книги, православныя и уніатскія и т. п.; б) памятники церковной архитектуры Подоліи въ снимкахъ (рисунки, фотографіи, гравюры), моделяхъ и образцахъ; в) памятники церковной живописи и скульптуры; г) церковно-богослужебные предметы (старые антиминсы, облаченія православныя и уніатскія, церковная утварь); д) не устраняются и древности не-церковныя, имѣющія историческое значеніе, въ особенности уясняющія исторію Подоліи". Древнехранилище ютится въ настоящее время въ верхней галлереѣ каменецкаго каѳедральнаго собора. Не смотря на то, что время его существованія считается лишь мѣсяцами, тѣмъ не менѣе въ немъ уже собрано не мало предметовъ, знакомящихъ съ церковною стариною Подоліи. Въ музеѣ находятся древніе антиминсы, церковные сосуды и облаченія, а также фотографическіе снимки съ наиболѣе древнихъ и интересныхъ въ архитектурномъ отношеніи православныхъ церквей Подоліи. Есть тамъ много портретовъ бывшихъ подольскихъ архіереевъ. Кромѣ

того, есть уже и не мало интересныхъ рукописей; но особенною полностью отличается отдѣлъ визитаціи церквей и декретовъ времени уніи. За дальнѣйшій успѣшный и быстрый ростъ подольскаго церковнаго древнехранилища ручается энергія комитета. (Сообщено проф. Н. Н. Любовичемъ).

— Рефератъ объ Иванѣ Грозномъ, читанный Е. А. Бѣловымъ въ Историческомъ Обществѣ [1]), вызвалъ со стороны Н. К. Михайловскаго рядъ статей объ Иванѣ Грозномъ въ русской исторической литературѣ, появившихся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" за 1890 годъ (№№ 260, 268, 275, 288, 296, 303, 313 и 341; въ № 341 онѣ, повидимому, уже окончены).

— Годовое засѣданіе Историческаго Общества при Петербугскомъ университетѣ происходило 12 декабря. Въ члены Комитета выбраны на 1891 г. С. Л. Степановъ и Е. Ф. Шмурло, причемъ первый принялъ на себя должность казначея (адресъ его для высылки членскихъ взносовъ: Петербургъ, Артиллерійская, 6). Членскій взносъ на 1891 г. утвержденъ въ 5 рублей. Очередныя собранія назначены на среды 23 янв., 20 февр., 20 марта, 24 апр., 11 сент., 9 окт., 13 ноября и 11 декабря (годовое). Въ этомъ засѣданіи доложены были рефераты: „Разсказъ итальянца Тедальди о Россіи временъ Грознаго" Е. Ф. Шмурло и „Новыя явленія въ области разработки древне-греческой исторіи" А. И. Покровскаго. Избрано было семь новыхъ членовъ и предложено десять кандидатовъ.

— *Поправка:* На стр. 268 просимъ исправить три опечатки: слѣдуетъ въ строкѣ 18 св. Зенченко, вм. Занченко, и Юрьевичъ, вм. Юльевичъ, а въ строкѣ 23—В. А., вмѣсто В. М.

---

[1]) См. отд. II, стр. 45.

ОТДѢЛЪ II.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ возникло въ 1889 г. Въ мартѣ этого года небольшой кружокъ преподавателей исторіи на историко-филологическомъ факультетѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ выработалъ проектъ устава Историческаго Общества, который и былъ внесенъ въ историко-филологическій факультетъ при особой запискѣ за подписью десяти его членовъ [1]). Необходимость основанія при Петербургскомъ Университетѣ историческаго Общества мотивировалась слѣдующимъ образомъ:

«Среди ученыхъ обществъ, состоящихъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ, нѣтъ ни одного такого, которое, подобно Московскому Обществу исторіи и древностей россійскихъ или Кіевскому Обществу лѣтописца Нестора, было посвящено интересамъ исторической науки во всемъ ея объемѣ. Здѣшнимъ представителямъ послѣдней, какъ въ самомъ Университетѣ, такъ и внѣ его, приходится по этой причинѣ примыкать для своихъ научныхъ цѣлей къ ученымъ обществамъ: Географическому, Археологическому, Филологическому и инымъ, имѣющимъ свои спеціальныя задачи, а потому лишь косвенно могущимъ служить разнообразнымъ интересамъ исторической науки. Во-первыхъ, цѣлые большіе отдѣлы исторіи, главнымъ образомъ, напр., новая русская исторія и исторія европейскаго Запада въ средніе вѣка и особенно въ новое же время имѣютъ слишкомъ мало точекъ соприкосновенія съ задачами указанныхъ ученыхъ обществъ, и историки, занимающіеся такими отдѣлами, даже не могутъ для своихъ спеціальныхъ работъ примыкать къ этимъ обще-

---

[1]) Подъ запискою подписались: В. Г. Васильевскій, А. Н. Веселовскій, Е. Е. Замысловскій, Н. И. Карѣевъ, В. И. Ламанскій, И. П. Минаевъ, С. Ѳ. Платоновъ, Ѳ. Ѳ. Соколовъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмурло.

1*

ствамъ. Во-вторыхъ, только въ спеціально-историческомъ ученомъ обществѣ могутъ быть предметомъ разработки силами нѣсколькихъ ученыхъ теоретическіе вопросы исторической критики, методологіи и философіи. Оріентироваться среди новыхъ направленій историографіи и исторической философіи не всегда бываетъ подъ силу одному человѣку, а между тѣмъ здѣшніе историки лишены возможности сообща разработывать такіе вопросы и помогать установленію правильнаго историческаго міросозерцанія особенно среди начинающихъ своихъ товарищей по наукѣ. Въ-третьихъ, только при существованіи историческаго Общества возможно было бы болѣе тѣсное сближеніе между университетской наукой и преподаваніемъ исторіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ и обсужденіе вопросовъ, относящихся къ историческому преподаванію, удобнѣе всего могло бы происходить въ такомъ ученомъ обществѣ, которое объединяло бы представителей исторической науки и историческаго преподаванія въ городѣ, имѣющемъ столько учебныхъ заведеній. Потребность общенія спеціалистовъ-историковъ, какъ ради указанныхъ цѣлей, такъ ради и обмѣна мыслей чувствуется давно, несомнѣннымъ доказательствомъ чему служитъ и возникновеніе время отъ времени небольшихъ частныхъ историческихъ кружковъ съ задачами научными или педагогическими. Университетъ могъ бы содѣйствовать удовлетворенію всѣхъ этихъ интересовъ основаніемъ новаго ученаго общества, которое и состояло бы при немъ подъ названіемъ Историческаго. Въ виду всего вышеизложеннаго мы, подписывающіеся подъ настоящимъ заявленіемъ, заручившись сочувствіемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, равно какъ и стоящихъ внѣ Университета историковъ, составили проектъ устава Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, опредѣливъ цѣлью этого Общества: a) изученіе исторіи какъ русской, такъ и всеобщей во всѣхъ ея отдѣлахъ, b) разработку теоретическихъ вопросовъ исторической науки и c) содѣйствіе успѣху историческаго преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ посредствомъ обсужденія относящихся къ нему вопросовъ. Прилагая при семъ самый пректъ устава, мы покорнѣйше просимъ внести его въ Совѣтъ Университета на обсужденіе и для дальнѣйшаго затѣмъ движенія въ порядкѣ, установленномъ для учрежденія новыхъ ученыхъ обществъ при Императорскихъ Россійскихъ Университетахъ».

Представленный вмѣстѣ съ этою запискою проектъ устава былъ принятъ какъ историко-филологическимъ факультетомъ, такъ и Совѣтомъ Университета, послѣ чего осенью того же года состоялось утвержденіе устава Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. 26 ноября новое Ученое Общество, состоявшее въ это время изъ 29 членовъ-учредителей, открыло свои засѣданія; первыя собранія имѣли чисто организаціонный характеръ, а по вступленіи въ Общество новыхъ членовъ, предсѣдателемъ его проф. Н. И. Карѣевымъ была прочитана слѣдующая рѣчь о задачахъ Историческаго Общества при Петербургскомъ Университетѣ.

«Мм. Гг.! Сегодня собрались мы въ первый разъ для научныхъ сообщеній, и въ первый разъ собраніе наше состоитъ не изъ однихъ членовъ-учредителей, но изъ новыхъ членовъ, пожелавшихъ примкнуть къ Историческому Обществу при Петербургскомъ Университетѣ, какъ только былъ утвержденъ его уставъ. Весьма естественно, что первое сообщеніе посвящается цѣлямъ новаго ученаго общества, вопросу объ организаціи его занятій.

«Мысль объ основаніи нашего общества возникла первоначально въ очень небольшомъ кружкѣ: въ этомъ кружкѣ, конечно, говорилось о томъ, какія именно цѣли поставить новому обществу, разъ на его учрежденіе будетъ дано надлежащее разрѣшеніе, и слѣдъ такихъ разговоровъ сохранился въ запискѣ, которую мы, инициаторы, представили въ историко-филологическій факультетъ при проектѣ устава «Историческаго Общества» [1]... Болѣе кратко эти самыя мысли были формулированы въ § 2 нашего устава, гласящаго, что «Историческое Общество при С.-Петербургскомъ Университетѣ имѣетъ цѣлью: а) изслѣдованіе научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи, b) разработку теоретическихъ вопросовъ исторической науки с) обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ».

«Таковы были идеи небольшого кружка инициаторовъ Общества. Когда къ нему стали примыкать одинъ за другимъ новыя лица, сдѣлавшіяся потомъ, въ силу § 7 устава, членами-учредителями, нѣкоторыя изъ нихъ, выражая, вообще, свое сочувствіе цѣли общества, съ особеннымъ интересомъ относились къ той или другой изъ его частныхъ цѣлей. То же самое я могу засвидѣтельствовать и отосительно первыхъ избранныхъ нами членовъ, такъ какъ весьма значительная ихъ часть была приглашена мною, и со многими изъ нихъ я имѣлъ случай подробно говорить о цѣляхъ общества. Большое лично мнѣ удовольствіе доставляли заявленія сочувствія въ идеѣ о разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки, такъ какъ мнѣ, по роду моихъ занятій, эта разработка была бы наиболѣе желательна; кромѣ того, многія лица съ особымъ сочувствіемъ отнеслись къ обсужденію въ нашихъ собраніяхъ вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Само собою разумѣется, что всѣ одинаково одобряли возможность въ спеціально-историческомъ обществѣ заниматься изслѣдованіемъ научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей—какъ русской, такъ и всеобщей исторіи.

«Одно дѣло—постановка цѣлей, другое дѣло—ихъ осуществленіе. Каждый изъ насъ вступалъ въ Историческое Общество съ извѣстными желаніями и требованіями, съ извѣстными относительно его намѣреніями и планами. Намъ предстоитъ теперь выяснить, чѣмъ же мы должны быть и что мы можемъ сдѣлать въ виду указанныхъ цѣлей? Конечно, вопросы эти лучше

[1]) Здѣсь приведены были выдержки изъ записки, поданной въ факультетъ.

всего рѣшатся самою дѣятельностью нашего общества, но, вѣдь, и эта практика во многомъ будетъ зависѣть отъ того, какое направленіе съ самаго начала мы придадимъ своему дѣлу. Объ этомъ вопросѣ я думалъ уже очень много. У меня даже есть какъ-бы цѣлая программа дѣятельности нашего Общества: въ будущемъ я познакомлю васъ, если позволите, подробнѣе съ отдѣльными частями этой программы, такъ какъ сегодня я намѣренъ остановиться, такъ сказать, на общихъ ея очертаніяхъ. Подвергая ее на ваше усмотрѣніе, я отнюдь не думаю, чтобы все мною предлагаемое было теперь же осуществимо и чтобы въ программѣ моей не было никакихъ пробѣловъ: отъ состава общества, коимъ опредѣлятся его стремленія, будетъ зависѣть, въ концѣ-концовъ, съуженіе предлагаемой программы или же. наоборотъ, еще большее ея расширеніе. Конечно, я далекъ отъ всякаго поползновенія такъ или иначе навязывать свои мысли: я желалъ бы лишь дать поводъ другимъ высказаться по принципіальнымъ вопросамъ нашего существованія, предоставить и вамъ, и себѣ случай выяснить, чѣмъ мы должны и можемъ быть, и въ зависимости отъ этого организовать наши будущія занятія, такъ какъ начинать дѣло безъ болѣе или менѣе выработаннаго и непремѣнно осуществимаго плана значитъ прямо отказать себѣ въ средствахъ обезпечить за собою какой бы то ни было успѣхъ.

«Я не только много думалъ, но и много говорилъ объ Историческомъ Обществѣ, а въ бесѣдахъ, которыя мнѣ приходилось о немъ вести, мнѣ отвѣчали не только словами сочувствія, но и словами сомнѣнія, недовѣрія. Если бы на послѣднія я наталкивался въ разговорахъ съ такими лицами, которыя не выказывали ни малѣйшаго желанія стать нашими сочленами, я не сталъ бы здѣсь объ этомъ говорить; нѣтъ, особенную важность сомнѣнія. которыя высказывались по поводу основанія Историческаго Общества, получаютъ вслѣдствіе того, что я слышалъ ихъ отъ нѣкоторыхъ лицъ, присутствующихъ въ нашемъ сегодняшнемъ собраніи. Съ этимъ фактомъ мы уже должны прямо считаться: въ такихъ заявленіяхъ нашихъ сочленовъ мы имѣемъ, на мой взглядъ, своего рода предостереженія относительно того, чего слѣдуетъ намъ избѣгать.

«Почти никто не выражалъ опасенія, чтобы для занятій въ нашихъ собраніяхъ не было достаточнаго матеріала. Многіе изъ насъ разрабатываютъ тѣ или другіе историческіе вопросы и, время отъ времени, будутъ имѣть возможность дѣлиться съ другими—результатами своихъ изслѣдованій. Всѣ мы читаемъ новыя историческія книги и часто чувствуемъ потребность о нихъ поговорить, чтобы на ту или другую обратить вниманіе, высказать свои взгляды по поводу того или другого предмета, котораго книга касается, или просто разобрать научные пріемы и выводы какого-либо автора. Такимъ образомъ, за темами для сообщеній въ нашихъ собраніяхъ дѣло не станетъ. По поводу такихъ темъ высказывалось опасеніе другого рода: говорилось, что рефераты, имѣющіе такое происхожденіе, будутъ часто слишкомъ слу-

чайны; прибавлялось къ этому еще и то, что, при господствующей въ историческихъ занятіяхъ спеціализаціи, они могутъ быть и недостаточно общеинтересны, даже не общедоступны. Весьма естественно, что каждый изъ насъ, являясь съ какимъ-либо сообщеніемъ, принесетъ съ собою то, что его самого въ данную минуту интересуетъ; одни рефераты будутъ слѣдовать за другими необходимо въ совершенно случайномъ порядкѣ, и рядомъ съ темами, представляющими большій или меньшій интересъ для всѣхъ, должны будутъ встрѣчаться темы, способныя занять вниманіе очень немногихъ. Въ такомъ порядкѣ вещей есть, конечно, свои неудобства, но безъ этого обойтись нельзя, и это бываетъ во всѣхъ ученыхъ обществахъ: мы должны съ благодарностью принимать всякую работу, какая только будетъ представлена на наше обсужденіе, хотя и будемъ желать, чтобы референты выбирали изъ своихъ работъ для сообщеній тѣ, которыя не представляютъ слишкомъ узкаго, чисто-спеціальнаго интереса. Регулировать это дѣло какими-либо правилами немыслимо, такъ какъ было бы невозможно сочинить подобныя правила и нежелательно стѣснять свободу членовъ общества. Если Комитетъ, въ согласіи съ § 17, и будетъ просить передавать ему программы, résumés или тезисы предположенныхъ сообщеній, то, главнымъ образомъ, для того, чтобы облегчать составленіе протоколовъ. Съ другой стороны, Комитетъ также будетъ пользоваться своимъ несомнѣннымъ правомъ, если найдетъ нужнымъ, комбинировать отдѣльныя сообщенія такимъ образомъ, чтобы каждое засѣданіе имѣло по возможности побольше интереса для большинства членовъ Общества. Въ концѣ концовъ, только практика покажетъ, съ какими работами, по условіямъ нашихъ спеціальныхъ занятій, могутъ являться въ наши собранія будущіе референты, и какія темы станутъ привлекать наибольшее количество слушателей, вызывать наиболѣе живой обмѣнъ мыслей. Мы можемъ лишь выразить желаніе, чтобы опасенія, вызываемыя у нѣкоторыхъ нашихъ членовъ необходимыми случайностью и спеціальностью темъ для рефератовъ, разсѣялись какъ можно скорѣе. Предостереженіе, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется нелишнимъ въ виду того, что значительное количество членовъ Историческаго Общества будетъ посѣщать его засѣданія для того, чтобы послушать что-нибудь интересное.

«То, что я сейчасъ говорилъ, относится къ первой задачѣ Историческаго Общества, къ изслѣдованію научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи. Но уставъ предоставляетъ намъ еще право разрабатывать теоретическіе вопросы исторической науки и обсуждать вопросы, имѣющіе соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Теоретическіе вопросы исторической науки должны возбуждать большій или меньшій интересъ у всѣхъ историковъ, а по своей, во многихъ отношеніяхъ, спорности могутъ вызывать особенно живой обмѣнъ мнѣній То же самое можно сказать и о вопросахъ, касающихся историческаго преподаванія: для весьма значительнаго числа нашихъ членовъ они тѣмъ болѣе интересны, что

сами эти члены занимаются историческимъ преподаваніемъ. Я думаю даже, что занятія наши вопросами исторической теоріи и историческаго преподаванія можно было бы до нѣкоторой степени систематизировать: по крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ засѣданіи на этотъ счетъ вамъ представлены будутъ два реферата. Одинъ изъ нихъ будетъ приготовленъ мною, другой—однимъ изъ нашихъ сочленовъ. За дальнѣйшими сообщеніями по вопросамъ обѣихъ категорій, надѣюсь, дѣло не станетъ: по предмету исторической теоріи, благодаря своимъ занятіямъ ею, я могъ бы предложить вашему вниманію даже нѣсколько рефератовъ, но, кромѣ меня, и другія лица выражали желаніе работать въ томъ же смыслѣ для нашихъ собраній, да и по вопросамъ преподаванія уже намѣчены нѣкоторые доклады для будущихъ засѣданій. Помимо обработанныхъ рефератовъ, въ обѣихъ этихъ областяхъ возможны и другіе способы совмѣстныхъ занятій: я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, постановку вопросовъ, по которымъ желательно было-бы имѣть сужденіе, и представленіе отдѣльныхъ тезисовъ, которые, равнымъ образомъ, могли бы обсуждаться въ нашихъ засѣданіяхъ.

«Такъ я понимаю дѣло. Но и тутъ пришлось выслушивать мнѣнія, заключавшія въ себѣ нѣкоторыя опасенія. По поводу разработки теоретическихъ вопросовъ исторической науки, какъ одной изъ задачъ Общества, говорилось, что едва-ли она пойдетъ успѣшно и что потому едва-ли слѣдовало включать ее въ уставъ, какъ самостоятельную задачу Общества: указывалось, именно, на то, что серьезно и ex professo теоретическими вопросами исторіи почти никто не занимается, что занятіе ими придется, пожалуй, создавать искусственно, что въ результатѣ можетъ отъ этого получиться только одна потеря времени безъ всякой пользы для науки. Я не раздѣляю такого взгляда, хотя и считаюсь съ нимъ тоже, какъ съ своего рода предостереженіемъ. Согласенъ съ тѣмъ, что теоретическими вопросами исторіи занимаются мало, но это еще не значитъ, что ими мало интересуются, что мало способны ихъ понимать, что не найдется людей, которые были бы въ состояніи участвовать въ ихъ обсужденіи. Мы будемъ только удовлетворять существующей потребности, а это нельзя называть тратой времени.

«По поводу обсужденія вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, говорилось другое: высказывалось сомнѣніе относительно удобства соединять въ одномъ обществѣ какъ бы два различныя общества, одно—ученое, другое—педагогическое, а такъ какъ въ составѣ же нашего Общества большинствомъ могутъ оказаться преподаватели средне-учебныхъ заведеній, то и дѣлалось такое предположеніе, что Общество наше de facto превратится въ педагогическое, хотя de jure и должно было бы быть главнымъ образомъ ученымъ. Выводъ отсюда дѣлается тотъ, что изъ занятій нашихъ нужно было исключить вопросы преподаванія. Мнѣ кажется, что, наоборотъ, объединеніе представителей исторической науки и историческаго преподаванія, вытекающее изъ нашего устава, представляетъ

одну изъ хорошихъ особенностей нашего Общества. Не говоря уже о томъ, что есть преподаватели исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ являющіеся научными дѣятелями, было бы странно не признавать никакихъ точекъ соприкосновенія между наукой и преподаваніемъ первыхъ ея элементовъ, точно преподаватели средне-учебныхъ заведеній такъ-таки и неспособны интересоваться вопросами науки, а представителямъ послѣдней совершенно чужды вопросы о томъ, какъ обучать исторіи будущихъ студентовъ, будущихъ гражданъ, будущихъ общественныхъ дѣятелей. Еслибы нашему, конечно, прежде всего ученому, Обществу и грозило превращеніе въ Общество педагогическое, мы всегда могли бы это предотвратить, выдѣливъ изъ себя особую секцію; но пока въ нашемъ составѣ есть научныя силы, пока у насъ будутъ находиться темы для научныхъ сообщеній, наше Общество не утратитъ своего ученаго характера.

«Таковы общія соображенія, которыя я считалъ нужнымъ представить вамъ по вопросу о нашихъ будущихъ собраніяхъ, назначенныхъ по уставу, главнымъ образомъ, для научныхъ сообщеній. Мнѣ остается только прибавить, что широкимъ задачамъ, которыя мы ставимъ Обществу, уже до извѣстной степени соотвѣтствуетъ и теперешній его составъ: кромѣ историковъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, къ Обществу примкнули уже представители и другихъ, родственныхъ нашей наукѣ, отраслей знанія, каковы: философія, исторія литературы и искусства, государственныя науки, юриспруденція и политическая экономія. Нужно желать, чтобы и впредь составъ нашего Общества дополнялся столь же разнообразными элементами, такъ какъ чѣмъ болѣе будетъ среди насъ представителей этихъ спеціальныхъ изученій духовной, общественной и исторической жизни человѣка, тѣмъ менѣе будетъ намъ грозить опасность впасть въ какую-либо односторонность.

«Кромѣ устройства собраній для научныхъ сообщеній, уставъ предоставляетъ намъ право, при соблюденіи извѣстныхъ условій, устраивать публичныя лекціи и ученые съѣзды, издавать свои труды и предлагать конкурсныя темы (§ 3). Само собою разумѣется, что съ особымъ вниманіемъ мы должны отнестись къ вопросу объ изданіи своихъ трудовъ, и онъ уже подымался какъ въ первомъ общемъ собраніи 26-го ноября, такъ и въ первомъ засѣданіи Комитета, имѣвшемъ мѣсто недѣлю тому назадъ. Докладъ объ этомъ будетъ представленъ на ваше обсужденіе, а теперь я позволю себѣ высказать нѣсколько личныхъ соображеній.

«Въ нашей и безъ того, вообще, бѣдной литературѣ чувствуется одинъ весьма значительный пробѣлъ: у насъ нѣтъ научно-историческаго журнала вродѣ извѣстныхъ всякому историку «Historische Zeitschrift» или «Revue historique». Историческое Общество могло бы современемъ завести такой органъ: это, можно сказать, общее желаніе весьма многихъ его членовъ, которые въ то же время весьма основательно полагаютъ, что сразу осуществить его невозможно при недостаточности нашихъ теперешнихъ средствъ. Лично я не

отказываюсь отъ надежды, что мы добьемся разрѣшенія и этой задачи, но мы, все таки, будемъ имѣть возможность и при нашихъ малыхъ средствахъ кое-что издавать. Обществу въ скоромъ времени предстоитъ высказаться, что и какъ издавать: печатать-ли только свои протоколы періодическими выпусками, или, вмѣсто нихъ, издавать сборники въ родѣ тѣхъ, которые выпущены въ свѣтъ Московскимъ Психологическимъ Обществомъ, или же соединить то и другое, еслибы даже, напримѣръ, пришлось, за скудостью нашихъ средствъ, пристроить свои протоколы въ какомъ-нибудь постороннемъ изданіи, какъ это дѣлаетъ здѣшнее Общество романо-германской филологіи (нынѣ неофилолотическое), печатающее свои протоколы въ *Пантеонѣ Литературы*.

Заговоривъ объ изданіяхъ Общества, я имѣю въ виду не одинъ только историческій журналъ, не одни только протоколы засѣданій, не одни сборники историческихъ статей, но и нѣкоторыя коллективныя работы, которыя могли бы вестись членами нашего Общества или посторонними лицами по нашему приглашенію. Есть научныя работы, требующія для своего выполненія соединенія болѣе или менѣе значительнаго числа научныхъ дѣятелей, и очень часто онѣ не предпринимаются только вслѣдствіе отсутствія подходящей организаціи или вслѣдствіе недосуга, нежеланія, неумѣнія создать необходимую организацію. Мнѣ кажется, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло стало бы только за этимъ, Историческое Общество могло бы играть роль готовой организаціи для коллективныхъ научныхъ предпріятій. Одною изъ полезнѣйшихъ книгъ могла бы быть общая историческая библіографія, въ которой читатель могъ бы найти указанія на литературу наиболѣе важныхъ и крупныхъ отдѣловъ исторіи съ краткими характеристисками выдающихся сочиненій по каждому отдѣлу, съ небольшими историческими обзорами разработки тѣхъ или другихъ главныхъ вопросовъ, съ итогами, подведенными подъ болѣе или менѣе прочно установленными результатами, съ перечисленіемъ самыхъ существенныхъ, пока еще спорныхъ вопросовъ. Каждый, кто только работаетъ въ томъ или другомъ изъ наиболѣе крупныхъ отдѣловъ исторической науки, могъ бы, безъ особаго труда, дать историографическій очеркъ по своему отдѣлу, и мало-по-малу составлялась бы книга, которая впослѣдствіи могла бы дополняться періодическими обзорами текущей исторической литературы. Я высказываю только общую мысль, не пускаясь въ подробности: работа, о которой я говорю, могла бы быть исполнена и въ сравнительно короткій срокъ—въ размѣрахъ, положимъ, 15, 20 и 25 печатныхъ листовъ и затянуться на многіе годы и достигнуть нѣсколькихъ томовъ. Еслибы Общество въ принципѣ не имѣло ничего противъ такого предпріятія (для изданія исторической библіографіи средства всегда найдутся), я могъ бы представить впослѣдствіи болѣе подробный планъ этой работы и въ видѣ примѣровъ подвергнуть обсужденію Общества опытъ обзора исторической литературы по двумъ-тремъ отдѣламъ новой исторіи. Укажу еще на одно возможное научно-литературное предпріятіе, для котораго Историческое

Общество могло бы представлять собою готовую организацію. Около десяти лѣтъ тому назадъ въ печать проникъ слухъ о томъ, что нѣкоторые изъ русскихъ профессоровъ исторіи предпринимаютъ изданіе большой всеобщей исторіи по образцу аналогичныхъ заграничныхъ изданій и *Всеобщей исторіи литературы*, начатой покойнымъ В. Ѳ. Коршемъ. Слухъ этотъ имѣлъ реальное основаніе: были, дѣйствительно, лица, хлопотавшія о такомъ изданіи; къ нему были уже привлечены многія научныя силы; нашелся издатель, выразившій готовность принять на себя матеріальную сторону предпріятія, на что требовалась весьма значительная сумма денегъ. Дѣло, однако, не вышло изъ области разговоровъ и переписки, и такой результатъ объясняется чуть не исключительно тѣмъ, что для веденія дѣла не было подходящей организаціи. Еслибы суждено было возродиться тогдашней мысли, наше Историческое Общество, какъ готовая организація, могла бы, повторяю, придти къ ней на помощь. Даже больше того: я думаю, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ оно могло бы взять на себя иниціативу такого изданія, выработать его планъ, привлечь къ нему научныя силы, явиться посредникомъ между сотрудниками и издателемъ, выдѣлить изъ своей среды коллективную редакцію изданія. Чтобы явиться въ такой роли, мы, конечно, должны были бы прежде всего заручиться довѣріемъ представителей русской исторической науки во всей Россіи и сочувствіемъ публики; но мнѣ кажется, что и сочувствіе къ нашимъ задачамъ, и довѣріе къ нашимъ силамъ будутъ нѣсколько зависѣть отъ того, какъ мы поймемъ свои задачи и кого мы будемъ имѣть въ числѣ своихъ членовъ: чѣмъ шире мы поставимъ свои задачи, тѣмъ, я думаю, охотнѣе примкнутъ къ нашему Обществу научныя силы, находящіяся въ другихъ городахъ Россіи, и тѣмъ осуществимѣе сдѣлаются наши планы».

Печатаемые въ настоящемъ сборникѣ протоколы и отчетъ Общества за первый годъ его существованія дадутъ читателямъ понятіе о томъ, какъ Общество приступило къ исполненію своихъ задачъ. Что касается до коллективныхъ предпріятій, намѣченныхъ для Общества, то настоящій сборникъ является первымъ опытомъ въ этомъ смыслѣ. Общество надѣется со временемъ начать и изданіе журнала, который, кромѣ историческихъ статей, заключалъ бы въ себѣ полный историческій и критическій обзоръ текущей русской исторической литературы, равно какъ обзоры главнѣйшихъ явленій въ иностранныхъ историческихъ литературахъ, но именно вслѣдствіе того, что журналу предположено дать такой характеръ, требуется и предварительная организація научныхъ силъ и, разумѣется, большія, матеріальныя средства, нежели тѣ, коими въ настоящее время располагаетъ Общество. Пока поэтому приходится ограничиваться изданіемъ сборниковъ, подобныхъ настоящему. За то уже начата другая коллективная работа. Именно выработанъ печатаемый ниже планъ систематическаго обзора исторической литературы,

въ осуществленіи котораго обѣщало принять участіе значительное число нашихъ спеціалистовъ-историковъ, изъ коихъ каждый взялъ на себя обзоръ наиболѣе ему извѣстныхъ отдѣловъ исторической литературы.

Историческое Общество и въ будущемъ предполагаетъ издавать сборники, въ составъ коихъ будутъ входить статьи его членовъ, протоколы его засѣданій, годичные отчеты, библіографія и разныя свѣдѣнія, могущія быть интересными для спеціалистовъ и любителей исторической науки.

Уставъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

I. Цѣль и права Общества.

§ 1. При Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ учреждается ученое Общество подъ названіемъ «Историческаго».

§ 2. Общество имѣетъ цѣлью: a) изслѣдованіе научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи, b) разработку теоретическихъ вопросовъ исторической науки и c) обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 3. Для достиженія предположенной цѣли Общество имѣетъ право: a) устраивать для научныхъ сообщеній публичныя собранія, о времени, мѣстѣ и предметѣ коихъ доводится каждый разъ до свѣдѣнія С.-Петербургскаго Градоначальника; b) открывать платныя и безплатныя публичныя чтенія по программамъ, утвержденнымъ Комитетомъ Общества; c) устраивать съѣзды; d) печатать свои труды въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ и періодическихъ изданій, съ соблюденіемъ всѣхъ дѣйствующихъ по сему предмету узаконеній и правительственныхъ распоряженій; e) предлагать задачи и за разрѣшеніе ихъ выдавать денежныя преміи и медали.

Примѣчаніе. Упомянутые подъ литерами b и c чтенія и съѣзды обусловливаются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшеніемъ подлежащихъ властей и соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для того правилъ и распоряженій правительства.

§ 4. Общество имѣетъ печать съ надписью: «Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ», хранимую у секретаря Общества.

§ 5. Оно выдаетъ Членамъ дипломы за подписью Предсѣдателя, Товарища Предсѣдателя, Членовъ Комитета и за скрѣпою Секретаря съ приложеніемъ печати Общества.

§ 6. Общество имѣетъ право ходатайствовать чрезъ Совѣтъ Университета какъ объ измѣненіи цѣлаго устава, такъ и отдѣльныхъ статей его, но не иначе, какъ съ согласія не менѣе $^2/_3$ всѣхъ его членовъ.

Примѣчаніе. Если за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ собраніе не состоится, то для рѣшенія вопроса объ измѣненіи устава или частей его созывается новое собраніе, постановленія котораго считаются дѣйствительными уже независимо отъ числа собравшихся.

II. Составъ Общества; права и обязанности Членовъ.

§ 7. Общество состоитъ изъ почетныхъ Членовъ, дѣйствительныхъ Членовъ и Членовъ-соревнователей.

Примѣчаніе. Лица, подписавшія проектъ устава, считаются Членами-учредителями Общества.

§ 8. Въ почетные Члены избираются по предложенію Комитета: a) знаменитые русскіе и иностранные ученые и b) лица, содѣйствовавшія развитію и успѣхамъ исторіи въ Россіи или оказавшія значительныя услуги Обществу. Почетные Члены пользуются всѣми правами дѣйствительныхъ Членовъ и навсегда освобождаются отъ взноса членской платы.

§ 9. Дѣйствительными Членами могутъ быть лица, содѣйствующія своей дѣятельностью развитію историческихъ знаній. Они вносятъ въ кассу Общества ежегодно въ размѣрѣ, устанавливаемомъ на послѣднемъ въ отчетномъ году Общемъ Собраніи, или единовременно сто рублей.

§ 10. Годовая плата вносится вступающимъ Членомъ сполна за текущій годъ, если Членъ поступилъ ранѣе 1-го октября. Члены, не представившіе взноса въ теченіе двухъ лѣтъ, считаются выбывшими.

§ 11. Въ Члены-соревнователи избираются по предложенію Комитета лица, оказавшія матеріальныя услуги Обществу.

§ 12. Всѣ Члены получаютъ безплатно по одному экземпляру всѣхъ печатаемыхъ Обществомъ изданій, но лишь въ томъ случаѣ, когда членскій взносъ ими уплоченъ.

§ 13. Всѣ Члены имѣютъ право пользоваться библіотекою Общества на основаніи правилъ, утвержденныхъ Комитетомъ Общества и Совѣтомъ Университета.

§ 14. Кандидаты въ Члены дѣйствительные и соревнователи предлагаются не менѣе, какъ двумя Членами, Комитету, который, собравъ справки, съ своимъ заключеніемъ заявляетъ объ этомъ Обществу и въ слѣдующемъ послѣ этого засѣданіи подвергаетъ ихъ баллотировкѣ, причемъ избраніе совершается простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 15. Въ составѣ Общества могутъ по мѣрѣ надобности открываться особыя отдѣленія по спеціальностямъ.

III. О Комитетѣ и должностныхъ лицахъ.

§ 16. Дѣлами Общества управляетъ Комитетъ, состоящій изъ Предсѣдателя и 6-ти Членовъ, изъ числа коихъ избираются Комитетомъ Товарищъ Предсѣдателя, Секретарь, Казначей и Библіотекарь.

§ 17. Къ обязанностямъ Комитета относятся: a) развитіе дѣятельности Общества по достиженію его цѣли; b) предварительное разсмотрѣніе программъ тѣхъ сообщеній, которыя представляются для доклада Обществу; c) завѣдываніе печатаніемъ трудовъ Общества; d) составленіе смѣты доходовъ и расходовъ на слѣдующій годъ, а также отчета за минувшій; e) собираніе для сообщенія Обществу справокъ о предлагаемыхъ въ Члены Кандидатахъ до ихъ баллотировки; f) предварительное разсмотрѣніе для представленія Обществу съ своимъ заключеніемъ всякихъ заявленій Членовъ по всѣмъ касающимся Общества вопросамъ; g) составленіе списковъ изданій, предположенныхъ къ пріобрѣтенію.

§ 18. Комитетъ собирается по мѣрѣ надобности по приглашенію Предсѣдателя. Для дѣйствительности засѣданія Комитета необходимо присутствіе въ немъ, по крайней мѣрѣ, трехъ Членовъ, считая въ томъ числѣ Предсѣдателя или Товарища Предсѣдателя и Секретаря.

§ 19. Предсѣдатель избирается Обществомъ на 4 года изъ числа двухъ кандидатовъ, предложенныхъ Комитетомъ.

§ 20. Члены Комитета избираются на три года. Каждый годъ изъ 6-ти Членовъ Комитета выбываютъ по очереди два лица и на мѣсто ихъ избираются новыя изъ 4 кандидатовъ, предлагаемыхъ Комитетомъ.

Примѣчаніе По истеченіи 1 и 2 года Члены выбываютъ изъ Комитета по жребію. Они могутъ быть избираемы вновь.

§ 21. Въ случаѣ отсутствія Предсѣдателя или Товарища Предсѣдателя Комитетъ возлагаетъ исполненіе ихъ обязанностей на одного изъ своихъ Членовъ.

§ 22. Секретарь ведетъ журналы засѣданій Комитета, завѣдуетъ корреспонденціею съ русскими и заграничными лицами и учрежденіями, принимаетъ всѣ поступающія въ Общество письма и посылки и докладываетъ о нихъ Обществу или Комитету. Въ концѣ каждаго года онъ составляетъ годовой отчетъ, который представляется въ началѣ года въ Совѣтъ Университета. Въ случаѣ расширенія дѣятельности Общества и по заявленію Секретаря, Комитетъ предлагаетъ ему избрать себѣ помощника изъ Членовъ того же Комитета.

§ 23. Казначей Общества завѣдываетъ денежными дѣлами Общества. Онъ принимаетъ суммы, денежные взносы и пожертвованія какъ отъ Членовъ Общества, такъ и отъ другихъ лицъ, и вноситъ таковые на храненіе въ Государственныя кредитныя учрежденія по указанію Комитета.

§ 24. Расходъ производитъ Казначей по предложеніямъ Предсѣдателя и его Товарища, скрѣпленнымъ Секретаремъ Общества. На непредвидимые мелкіе расходы, какъ-то: по библіотекѣ, по изданіямъ и проч., Казначей можетъ имѣть у себя до 50 рублей. Деньги эти расходуются по сообщеніямъ Секретаря Общества, который обо всѣхъ таковыхъ издержкахъ доводитъ до свѣдѣнія общаго собранія.

§ 25. На записку прихода и расхода суммъ Казначею выдаются шнуровыя книги за подписаніемъ Предсѣдателя или Товарища, за скрѣпою Секретаря и за печатью Общества.

§ 26. Библіотекарь завѣдываетъ библіотекою Общества и ведетъ каталоги книгамъ и рукописямъ. Онъ составляетъ ежегодный отчетъ о числѣ поступившихъ книгъ и вообще о состояніи библіотеки. Онъ выдаетъ по требованію Членовъ и подъ ихъ росписки, книги изъ библіотеки, наблюдая за возвращеніемъ ихъ.

§ 27. Для провѣрки отчета и для ревизіи кассы и имущества Общество избираетъ ежегодно изъ своей среды коммиссію въ составѣ трехъ лицъ.

§ 28. Заключеніе Ревизіонной Коммиссіи сообщается ею Комитету, который и доводитъ его до свѣдѣнія Общества со своими объясненіями.

IV. О собраніяхъ Общества.

§ 29. Собранія Общества происходятъ періодически. Въ началѣ каждаго года Комитетъ представляетъ на утвержденіе Общества составленное на предстоящій годъ росписаніе собраній.

§ 30. Собранія Общества посвящаются: a) чтенію научныхъ докладовъ и изустнымъ сообщеніямъ по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества; b) выборамъ въ Члены почетные, дѣйствительные и соревнователи кандидатовъ, предложенныхъ въ предыдущее собраніе, и предложенію новыхъ кандидатовъ; c) выборамъ Предсѣдателя, Членовъ Комитета и Ревизіонной Коммиссіи; d) слушанію и утвержденію отчетовъ Комитета ревизіонной коммиссіи и e) окончательному разрѣшенію всѣхъ внесенныхъ Комитетомъ вопросовъ.

> *Примѣчанія.* 1) О предметѣ научныхъ докладовъ, приготовленныхъ къ чтенію, сообщается Членамъ въ пригласительныхъ повѣсткахъ.
> 2) Никакія предложенія не могутъ быть внесены въ собраніе помимо Комитета и безъ его согласія.

§ 31. Предсѣдатель Комитета есть вмѣстѣ съ тѣмъ Предсѣдатель Общества. Онъ руководитъ преніями, объявляетъ рѣшенія, принятыя Обществомъ, ставитъ вопросы на голосованіе и объявляетъ имена вновь выбранныхъ членовъ.

> *Примѣчаніе.* Если Особа Императорской Фамиліи удостоитъ Общество принятіемъ на себя званія Предсѣдателя, то она именуется Почетнымъ Предсѣдателемъ.

§ 32. Секретарь Комитета есть въ то же время Секретарь Общества и ведетъ журналы его засѣданій.

§ 33. Постороннія лица допускаются въ Собранія Общества лишь съ разрѣшенія Комитета.

V. О денежныхъ средствахъ Общества.

§ 34. Средства Общества составляются: a) изъ членскихъ взносовъ, b) изъ доходовъ свободныхъ капиталовъ, c) изъ суммъ, поступающихъ отъ продажи изданій, d) изъ входной платы за публичныя чтенія и e) изъ пожертвованій отъ частныхъ лицъ.

§ 35. Сумма, собираемая изъ членскихъ взносовъ, расходуется, главнымъ образомъ, на текущія нужды Общества. Всѣ денежныя пожертвованія безъ опредѣленнаго назначенія, а также единовременные взносы (§ 9), отчисляются въ неприкосновенный капиталъ, который не можетъ быть расходуемъ даже заимообразно. Процентами же съ этого капитала Общество распоряжается по своему усмотрѣнію.

§ 36. Если изъ ассигнованной на годъ суммы получится остатокъ, то онъ идетъ въ запасный капиталъ, предназначенный на экстренные расходы.

§ 37. Въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ Общества его библіотека и движимость поступаютъ въ собственность Университета.

Протоколы засѣданій Историческаго Общества за 1889—90 г.

Протоколъ перваго собранія Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербурскомъ Университетѣ 26 ноября 1889 г.

Въ засѣданіи этомъ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ В. И. Ламанскаго, присутствовали слѣдующіе члены-учредители: Н. М. Бубновъ, Е. А. Бѣловъ, И. М. Гревсъ, Я. Г. Гуревичъ, В. Г. Дружининъ, Н. И. Карѣевъ, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, В. А. Мякотинъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, С. Ѳ. Платоновъ, В. И. Сергѣевичъ, С. Л. Степановъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмурло.

1. В. И. Ламанскій, прочитавъ приложенный при семъ документъ объ утвержденіи г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія устава Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, объявилъ Общество открытымъ.

2. Происходили выборы членовъ Комитета, причемъ выбранными оказались слѣдующія лица: С. А. Бершадскій, В. Г. Васильевскій, В. Г. Дружининъ, Н. И. Карѣевъ, С. Ѳ. Платоновъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмурло.

3. По предложенію Комитета въ предсѣдатели былъ выбранъ В. Г. Васильевскій.

4. Единогласно было прянято, на основаніи § 9 устава, опредѣлить членскій взносъ на 1890 г. въ пять рублей.

5. Разными лицами изъ присутствующихъ предложены были 31 кандидатъ въ члены Общества.

6. Выслушано было сообщеніе Н. И. Карѣева о способѣ печатанія протоколовъ засѣданій, предложенномъ редакторомъ «Библіографа» Н. М. Лисовскимъ, но сужденіе объ этомъ было отложено до слѣдующаго раза.

7. По предложенію И. М. Гревса выражена была благодарность Н. И. Карѣеву, по иниціативѣ котораго возникло Общество и который наиболѣе хлопоталъ объ его устройствѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ протокому перваго засѣданія.

На подлинной рукой г. Министра Народнаго Просвѣщенія написано: *Согласенъ, 7-го Октября 1889 года.*

Выписка изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 11 сентября 1889 г. (№ 1035).

Въ засѣданіи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 11 сентября 1889 года слушали (ст. XII) мнѣніе о проектѣ устава Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Г. Попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа отъ 14 мая текущаго года, подъ № 3829, представилъ на благоусмотрѣніе Его Сіятельства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія составленный при Историко-Филологическомъ факультетѣ проектъ устава Историческаго Общества съ объяснительною къ нему запискою. Проектъ этотъ, по распоряженію Его Сіятельства, переданъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета. Въ обстоятельной запискѣ къ проекту представляется, что, за отсутствіемъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ Историческаго Общества, профессорамъ сего Университета, также какъ и ученымъ, находящимся внѣ его, приходится для своихъ ученыхъ цѣлей примыкать къ обществамъ: Географическому, Археологическому, Филологическому, имѣющимъ свои спеціальныя задачи и потому лишь косвенно могущимъ служить разнообразнымъ интересамъ исторической науки. Сверхъ того, въ С.-Петербургѣ не существуетъ никакого общества, которое бы сближало между собою представителей университетской науки и преподавателей исторіи въ разнообразныхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы.

Въ виду этихъ обстоятельствъ гг. профессора университета и приватъ-доценты, въ числѣ 10 лицъ, внесли въ историко-филологическій факультетъ вышеупомянутый подлежащій разсмотрѣнію Ученаго Комитета проектъ.

Изъ 37 параграфовъ проекта вызываютъ замѣчанія §§ 2, 4, 7.

Въ § 2, опредѣляющемъ цѣли общества, должны бы быть измѣнены пункты *a* и *c*. Въ пунктѣ *a* говорится: «Изученіе исторіи какъ русской, такъ и всеобщей во всѣхъ отдѣлахъ»; это мѣсто цѣлесообразнѣе замѣнить слѣдующимъ: «Изслѣдованіе научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи». Въ пунктѣ *c* говорится: «Содѣйствіе успѣхамъ историче-

скаго преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ посредствомъ обсужденія относящихся къ нему вопросовъ»; вмѣсто этого, удобнѣе сказать: «обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ предодаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ».

Въ § 4 къ словамъ: «Историческое Общество» необходимо прибавить: «при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ».

Примѣчаніе къ § 7 читается такъ: «Лица, принявшія проектъ устава и заявившія желаніе вступить въ члены Общества при внесеніи сего проекта на утвержденіе Правительства, считаются членами-учредителями Общества»; это мѣсто удобнѣе замѣнить слѣдующимъ: «Лица, подписавшія проектъ устава, считаются членами-учредителями Общества».

Опредѣлено: Согласиться съ изложеннымъ мнѣніемъ и представить о семъ на благоусмотрѣніе Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Подписалъ: Правитель дѣлъ П. Савваитовъ.
Вѣрно: Дѣлопроизводитель А. Бѣликовъ.
Вѣрно: секретарь Совѣта М. Бѣлозеровъ.

№ 706, 23 Сентября 1889 года.

Протоколъ II (экстреннаго) Общаго Собранія членовъ-учредителей Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 6 Декабря 1889 г.

Присутствовали: С. А. Бершадскій, Н. М. Бубновъ, Е. А. Бѣловъ, В. Г. Васильевскій, И. М. Гревсъ, В. Г. Дружининъ, Н. И. Карѣевъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. А. Меншуткинъ, В. А. Мякотинъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. А. Степановъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмурло.

1. Г. предсѣдатель заявилъ, что, въ виду встрѣтившихся въ Комитетѣ затрудненій при распредѣленіи обязанностей между его членовъ, онъ слагаетъ съ себя возложенное званіе.

2. Такое же заявленіе сдѣлано было г. Предсѣдателемъ и отъ лица гг. членовъ Комитета.

3. В. Г. Васильевскій заявилъ, что при избраніи новаго предсѣдателя и состава Комитета, въ силу §§ 16 и 20 устава, возможно приступить къ избранію членовъ Комитета, и къ утвержденію Общимъ Собраніемъ одного изъ 2-хъ предложенныхъ Комитетомъ кандидатовъ или же къ избранію Общимъ Собраніемъ первоначально самого предсѣдателя, а затѣмъ 6 членовъ Комитета. Рѣшено: приступить къ избранію по второму изъ предложенныхъ способовъ.

4. Собраніе приступило къ избранію новаго предсѣдателя. Избранъ Н. И. Карѣевъ. Новый предсѣдатель благодарилъ собраніе за избраніе и выразилъ признательность гг. Бѣлову, Васильевскому, Гуревичу, Дружинину, Меншут-

кину, Платонову, Форстену и Шмурло за ихъ дѣятельное участіе въ выработкѣ устава Общества.

5. Произведены выборы въ члены Комитета, причемъ собраніе постановило единогласно безъ закрытой баллотировки избрать въ члены Комитета В. Г. Васильевскаго; затѣмъ приступлено къ выбору остальныхъ 5 членовъ. Избраны: гг. Бершадскій, Меншуткинъ, Платоновъ, Форстенъ и Шмурло.

6. С. Ѳ. Платоновъ и В. Г. Васильевскій отказались отъ званія членовъ Комитета. Взамѣнъ ихъ избраны гг. Дружининъ и Лаппо-Данилевскій.

7. Произведена баллотировка 31 лица, предложенныхъ въ члены Общества на прошломъ собраніи (гг. Адамовичъ, Андреяновъ, Беренштамъ, Благовѣщенскій, Гацисскій, Гераковъ, Глинскій, Дерюжинскій, Корево, Котляревскій, Лопаревъ, Любовичъ, Мандельштамъ, Мережковскій, Мирошниковъ, Лисовскій, Новодворскій, Павловскій, Радловъ, Пташицкій, Русановъ, Регель, Свѣшниковъ, Судейкинъ, Середонинъ, Соколовскій, Сергѣевскій, Струве, Цвѣтковскій, Чеховъ, Яроцкій). Всѣ оказались избранными.

8. Предложены въ члены Общества гг. Арсеньевъ, Борзаковскій, Грефе, Забѣлло, Каминка, Ону, Милюковъ, Моревъ, Сапуновъ, Спасовичъ, Шафрановъ, Щукаревъ, Эвальдъ.

9. Обсуждался вопросъ о днѣ собраній, причемъ наиболѣе удобнымъ оказалась вторая среда каждаго мѣсяца.

10. Г. Предсѣдатель предложилъ слѣдующее общее собраніе сдѣлать открытымъ для публики. Гг. Меншуткинъ, Бершадскій и Бѣловъ заявили, что мѣра эта, быть можетъ, не совсѣмъ удобна, такъ какъ Общество еще окончательно не сложилось и вполнѣ точно еще не опредѣлило характера своей дѣятельности. Рѣшено первое Общее Собраніе оставить закрытымъ.

Протоколъ III Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 26 декабря 1889 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 23 члена.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Н. И. Карѣевъ прочелъ сообщеніе о теоретическихъ, спеціально-историческихъ и педагогическихъ задачахъ дѣятельности Историческаго Общества (см. прил. I). Одинъ изъ вопросовъ, возбужденныхъ референтомъ, а именно составленіе пространной библіографіи (bibliographie raisonnée) по отдѣльнымъ вопросамъ историческихъ знаній, подвергался обсужденію. Для постановки и разработки этого вопроса образована коммиссія, въ которой изъявили желаніе участвовать слѣдующія лица: гг. Васильевскій, Карѣевъ, Гревсъ, Ольденбургъ, Степановъ, Лопаревъ, Андреяновъ, Мякотинъ.

3. С. А. Бершадскій прочелъ сообщеніе о хозяйствѣ Литовскихъ крестьянъ въ началѣ XII вѣка (см. прил. II). А. С. Лаппо-Данилевскій ука-

залъ на нѣкоторыя аналогичныя явленія въ исторіи великорусскихъ крестьянъ. Я. Г. Гуревичъ выразилъ желаніе, чтобы сдѣлано было сравненіе между бытомъ великорусскихъ и литовскихъ крестьянъ въ XVI в. и разъясненъ былъ вопросъ, почему хозяйство великорусскихъ крестьянъ находилось въ болѣе плохомъ состояніи сравнительно съ литовскимъ. На это А. С. Лаппо-Данилевскій замѣтилъ, что самое исходное положеніе г. Гуревича (о плохомъ состояніи крестьянскаго хозяйства въ Великороссіи въ XVI—XVII в.) требуетъ доказательствъ и привелъ нѣсколько данныхъ, обнаруживающихъ сравнительную достаточность крестьянскаго хозяйства въ XVII в.

4. Г. предсѣдатель заявилъ, что для болѣе удобнаго выбора новыхъ членовъ заказаны особые бланки и что самые выборы могутъ производиться по литографированнымъ спискамъ избираемыхъ, на что общее собраніе выразило согласіе:

5. Приступлено къ выборамъ кандидатовъ, предложенныхъ въ прошломъ общемъ собраніи. Избраны: гг. Арсеньевъ, Борзаковскій, Грефе, Забѣлло, Каминка, Ону, Милюковъ, Моревъ, Сапуновъ, Спасовичъ, Шафрановъ, Щукаревъ, Эвальдъ.

6. Предложены въ члены общества: гг. Андреевскій, Бѣлозерская, Гриневецкій, Дмитріевъ, Докучаевъ, Крейсбергъ, Роговъ, Щепкина, Клейберъ, Покровскій, Веселовскій, Латышевъ, Гейслеръ, Трачевскій, Пантелѣевъ, Григоровичъ.

7. Заявлено предложеніе Комитета назначать Общія Собранія по средамъ ежемѣсячно (на третью недѣлю), на что Общее Собраніе выразило согласіе.

8. Приняты для Общихъ Собраній на 1890 годъ слѣд. числа: 24 янв., 21 февр., 21 марта, 21 апр., 12 сент., 10 окт., 7 ноябр. и 12 декабря.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Проф. Н. И. Карѣевъ началъ съ указаніи на необходимость выяснить цѣли Историческаго Общества и способы ихъ осуществленія, особенно для новыхъ членовъ Общества. Съ этою цѣлью онъ привелъ выдержку изъ записки, представленной иниціаторами Общества при проектѣ его устава въ историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета, и разобралъ нѣкоторыя возраженія, которыя ему пришлось слышать по поводу включенія въ задачи Общества разработки теоретическихъ вопросовъ и вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Вторая половина сообщенія была посвящена вопросу объ изданіи Обществомъ своего органа въ родѣ «Historische Zeitschrift» или «Revue historique», а также предложенію принять нѣкоторыя коллективныя работы, причемъ указано было на необходимость изданія общей исторической библіографіи, которая была бы составлена спеціалистами, и на возможность изданія коллективной всемірной исторіи по образцу изданій подобнаго рода, существующихъ за границей и у насъ (Всеобщая исторія литературы Корша и Кирпичникова).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Крестьянское хозяйство въ Литвѣ въ кочцѣ XV и началѣ XVI ст.

Основною единицею крестьянскаго хозяйства была «служба», т.-е. совокупность земель, съ которыхъ въ государственную казну (собств. въ ближайшій велико-княжескій замокъ или же дворъ) поступало одно дякло (annona ducalis), т.-е. 4 бочки ржи, 4 бочки овса и возъ сѣна.

Благодаря огромному количеству помѣстныхъ земель и значительному количеству собственныхъ вотчинъ В. князя, на которыхъ податныя обязанности крестьянъ удерживались безъ измѣненія съ незапамятныхъ временъ, вотчинники XV и XVI ст. не рѣшались сами значительно повышать размѣровъ барщины со своихъ крестьянъ. При меньшемъ размѣрѣ земли, крестьянскія податныя обязанности были соотвѣтственно меньшими: крестьяне «служили» не дякольною службою, а какою-либо иною, напр.: «солянищкою», «угольницкою» и проч.

Земли, оставленныя крестьянами, оставались впустѣ до тѣхъ поръ, пока какой-либо посторонній человѣкъ или же кто-либо изъ односельчанъ предлагалъ взять ее «на особную службу» или же подъ условіемъ болѣе легкаго платежа. Односельчане не обязаны были по отношенію къ брошенной «службѣ» никакими податными отношеніями; съ нея и за нее ничего въ казну не поступало.

Кто не владѣлъ землею въ томъ или иномъ размѣрѣ, тотъ не несъ въ пользу государства никакихъ службъ; онъ былъ «человѣкъ вольный, похожій»; младшіе члены семьи, не могшіе прокормиться съ земли, входящей въ службу, не обязаны были оставаться на этой землѣ. Долгое время и пожалованіе въ вотчину и помѣстье понималось, какъ пожалованіе только землею, а «люди всхотятъ-ли ему служити—служатъ, не всхотятъ-ли, вольни; кому хотя служатъ, землю оставивъ».

Крестьяне въ вотчинахъ В. князя и на помѣстныхъ земляхъ не были поэтому обременены платежами и доходъ средняго литовскаго крестьянина въ концѣ XV вѣка можетъ быть опредѣленъ по крайности въ 400—500 рублей на наши деньги. Крестьянское хозяйство сверхъ лошадей, необходимыхъ для обработки земли, весьма часто содержитъ крупный рогатый скотъ, не говоря о мелкомъ. У крестьянъ имѣется верхняя одежда и 5, 6 перемѣнъ бѣлья, у женъ ихъ по нѣскольку головныхъ уборовъ, нѣкоторые коечто откладываютъ и на черный день. Есть случаи, когда крестьяне не только обработываютъ земли при помощи захребетниковъ, но и владѣютъ холопами. Сообразно этому, крестьяне хотя и зовутся по литовскому обычному праву «простыми мужиками, тяглыми, дякольниками», тѣмъ не менѣе, они передъ закономъ полноправныя личности наравнѣ со всѣми остальными общественными хлопами В. Княжества Литовскаго и показанія ихъ, подтвер-

жденныя присягою, по важнѣйшимъ дѣламъ того времени (по дѣламъ о поземельныхъ отношеніяхъ) не нуждаются ни въ какомъ иномъ подкрѣпленіи. Равнымъ образомъ и въ отвѣтственности за преступленія еще не видно никакого предпочтенія шляхты земянамъ. «А кто украдетъ выше полуконья, того на шибеницу». Еще въ началѣ XVI в. даже крѣпостные крестьяне вотчинниковъ не нуждались въ содѣйствіи своихъ господъ для осуществленія принадлежащихъ себѣ правъ.

Отношенія крестьянъ къ В. князю, по воззрѣніямъ того времени, опредѣляемъ началомъ взаимной вѣрности. Поэтому-то крестьяне одной мѣстности, выведенные изъ терпѣнія безуспѣшными жалобами В. князю Сигизмунду Казиміровичу на своего державцу, заявляютъ В. князю «зъ великимъ крикомъ и плачемъ», что они, если просьбы ихъ не будутъ удовлетворены, «присягу съ себе (господарю) складаютъ» и разойдутся прочь.

Перемѣна въ экономическомъ и юридическомъ отношеніи, происходящая въ концѣ XVI в., есть слѣдствіе обращенія помѣстій въ вотчины на Люблинскомъ сеймѣ и отреченія короля Сигизмунда Августа отъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ Польши и Литвы и обращенія, вслѣдствіе этого, В. Княжества Литовскаго въ Польско-Литовскую Шляхетскую республику, въ которой народомъ, въ государственномъ смыслѣ, становится одна только шляхта.

Протоколъ IV (открытаго) Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 24-го января 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 23 члена.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что г. Вороновъ прислалъ въ Общество свою брошюру: «Основный законъ исторіи» (въ числѣ 15 экземпляровъ) для раздачи гг. членамъ Общества и что С. А. Муромцевъ и М. И. Семевскій пожертвовали въ библіотеку Общества: первый — «Юридическій Вѣстникъ» за 1889 г., второй — «Русскую Старину» за прошлые годы. Постановлено: благодарить гг. Воронова, Муромцева и Семевскаго за ихъ пожертвованія.

3. Н. И. Карѣевъ заявилъ, что въ проектируемой исторической библіографіи выразили желаніе участвовать слѣдующія лица: В. Б. Антоновичъ, Д. Н. Анучинъ, Д. И. Багалѣй, П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, М. С. Корелинъ, И. В. Лучицкій, Н. Н. Любовичъ, В. Ѳ. Миллеръ, П. Н. Милюковъ, В. М. Михайловскій, А. И. Павинскій, Ѳ. И. Успенскій, Д. Я. Фортинскій и С. Ѳ. Фортунатовъ.

4. Секретарь довелъ до свѣдѣнія Общаго Собранія тѣ заключенія, къ которымъ пришелъ Комитетъ относительно вопроса объ изданіи журнала. По мнѣнію Комитета, желательно было бы получить отъ гг. членовъ Общаго Собранія опредѣленный отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: 1) на вопросъ о матеріальныхъ и умственныхъ средствахъ, потребныхъ для изданія журнала; 2) о его размѣрахъ, 3) о срокахъ выхода, 4) объ организаціи редакціи, 5) о наименованіи журнала, 6) о программѣ, которая могла бысостоять изъ протоколовъ, оригинальныхъ статей, прочитанныхъ въ засѣданіяхъ цѣликомъ или въ извлеченіяхъ, изъ исторической русской и иностранной библіографіи, мелкихъ замѣтокъ и объявленій, и, наконецъ, 7) на вопросъ о подписной цѣнѣ. Г. Мякотинъ замѣтилъ, что Комитетомъ не указано, въ скоромъ-ли времени предполагается такое изданіе?—Большинствомъ 16 голосовъ постановлено: издавать протоколы текущаго года въ «Библіографѣ» и большинствомъ 19 голосовъ рѣшено назначить въ ближайшемъ будущемъ экстренное Общее Собраніе для обсужденія вопроса объ изданіи журнала.

5. Предложены кандидатами въ члены общества: гг. Андреева, Андреевъ, Антоновичъ, Бузескулъ, Виноградовъ, Герасимовъ, Герье, Гольцевъ, Деревицкій, Корелинъ, Кирпичниковъ, Кракау, Куторга, Лакомте, Лучицкій, Миллеръ, Милюковъ, Минцловъ, Михайловскій, Муромцевъ, Мусинъ-Пушкинъ, Неслуховскій, Павинскій, Попова, Поповъ, Семевскій (М. И.), Семевскій (В. И.), Сырку, Танѣевъ, Успенскій (Ѳ. И.), Фаминцынъ, г-жа фонъ-Фохтъ, гг. Фортинскій и Эльзенгръ.

6. Приступлено къ баллотировкѣ кандидатовъ, предложеныхъ въ прошломъ Общемъ Собраніи. Оказались избранными г. Андреевскій, г-жа Бѣлозерская, гг. Веселовскій, Гейслеръ, Григоровичъ, Гриневецкій, Дмитріевъ, Докучаевъ, Клейберъ, Крейсбергъ, Латышевъ, Пантелѣевъ, Покровскій, Роговъ, Трачевскій и г-жа Щепкина.

7. Н. И. Карѣевъ прочелъ рефератъ «О разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки» (см. прил. I). По прочтеніи реферата С. А. Бершадскій предложилъ отложить пренія до слѣдующаго Общаго Собранія. Г. Спасовичъ указалъ на неудобства, сопряженныя съ такого рода откладываніемъ, а г. Яроцкій — на то, что, откладывая пренія по настоящему реферату, нельзя считать этотъ случай нормою для послѣдующихъ, какъ то указалъ г. Бершадскій. Н. И. Карѣевъ заявилъ, что онъ въ виду продолжительнаго чтенія слишкомъ усталъ для того, чтобы защищать выставленные имъ тезисы въ настоящемъ же Собраніи. Постановлено: при докладѣ пространныхъ сообщеній, затрогивающихъ сложные и спорные вопросы, пренія откладывать до слѣдующаго Собранія, а тезисы, выставленные авторомъ, въ литографированномъ видѣ предоставлять въ распоряженіе гг. членовъ Общества.

8. С. Л. Степановъ прочелъ рефератъ объ Аѳинской школѣ въ IV в. по Р. Х. (см. Прилож. II). Е. А. Бѣловъ, возражая противъ обратнаго утверж-

денія референта, указалъ на то, что исторію читали въ греческихъ школахъ, причемъ сослался на существованіе учебниковъ, возникавшихъ изъ сокращенія историческихъ сочиненій. Е. А. Бѣловъ замѣтилъ также, что нельзя судить о преподаваніи по публичнымъ рѣчамъ, произносившимся на экзаменахъ. Наконецъ, онъ же обратилъ вниманіе референта на то, что преподаваніе философіи стѣснялось и до извѣстнаго эдикта 529 года. На замѣчанія оппонента референтъ возражалъ, что исторіей въ Аѳинскомъ Университетѣ занимались не какъ наукой, а какъ матеріаломъ, служившимъ темою для рѣчей, что до нашего времени сохранились отрывки только одного историческаго труда Евнапія, не имѣющаго, однако, характера учебника и что докладчику неизвѣстно ни одно законодательное запрещеніе преподавать философію до эдикта Юстиніана, хотя можно привести много законовъ, направленныхъ противъ языческой религіи. Г. Шафрановъ обратился къ референту съ вопросомъ, нельзя-ли по свиткамъ, приносившимся въ Аѳинскую школу, ближе опредѣлить и тѣ предметы, которые въ ней читались. Референтъ отвѣчалъ, что болѣе подробныхъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, которые онъ уже сообщилъ Общему Собранію, не имѣется. Г. Мандельштаммъ заявилъ, что Аѳинскій Университетъ едва-ли возможно приравнивать къ высшей школѣ. Г. Лопаревъ возражалъ противъ заключенія, высказаннаго референтомъ о томъ, что ученая и педагогическая дѣятельность Аѳинскаго Университета, особенно въ сферѣ краснорѣчія, перешла съ уничтоженіемъ Университета въ духовныя школы. По мнѣнію г. Лопарева, ту же дѣятельность могъ унаслѣдовать Константинопольскій Университетъ или высшая школа, съ чѣмъ согласился и референтъ. Г. Щукаревъ обратилъ вниманіе Общаго Собранія на вопросъ о существованіи гавани Фалеръ, гавани, которая упоминается однимъ изъ писателей, приведеннымъ референтомъ. Павсанія послѣдній упоминаетъ объ этой гавани; существованіе ея, судя по извѣстію, приведенному г. Степановымъ, подтверждается такимъ образомъ и въ позднѣйшее время.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Тезисы, извлеченные изъ реферата проф. Н. И. Карѣева о «разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки.

1. Теоретическіе вопросы исторической науки можно раздѣлить на три категоріи: a) вопросы историческаго искусства (artis historicae) въ старомъ смыслѣ; b) вопросы историческаго изслѣдованія, вопросы критики и метода; c) вопросы историческаго пониманія (теорія историческаго процесса).

2. Въ литературѣ, разсматривающей съ теоретической или философской точки зрѣнія самую исторію, нужно различать два направленія: одно имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, историческій процессъ, отвлеченно взятый, другое — всемірную исторію, какъ она совершалась на самомъ дѣлѣ. Изъ

этихъ двухъ направленій преобладающимъ является второе, т.-е. философія исторіи, котороя, однако, не можетъ замѣнить теоріи историческаго процесса.

3. Подобно тому, какъ задача философіи исторіи есть по существу дѣла задача синтетическая, задача теоріи историческаго процесса есть задача аналитическая. Одна немыслима безъ внесенія въ нее субъективныхъ элементовъ, другая не должна сходить съ почвы строго-научнаго объективизма.

4. Историческіе факты могутъ быть предметомъ теоріи. Возраженія, сдѣланныя противъ этого Шеллингомъ и Шопенгауеромъ, основаны на разныхъ недоразумѣніяхъ. Всѣ явленія міра могутъ быть изучаемы конкретно (исторически) и абстрактно (теоретически), и историческіе факты въ этомъ отношеніи не представляютъ никакого исключенія.

5. Мысль о научной теоріи историческаго процесса упрочилась въ литературѣ благодаря Конту, но его соціальная динамика есть въ сущности не теорія историческаго процесса, а философія исторіи. Впервые строго разграничили оба понятія основатели Völkerpsychologie, Лацарусъ и Штейнталь.

6. До сихъ поръ теорія историческаго процесса играла служебную роль по отношенію къ философіи исторіи, но на дѣлѣ она и можетъ, и должна имѣть самостоятельное значеніе. Къ сожалѣнію, представители исторической науки, которые наиболѣе компетентны въ рѣшеніи теоретическихъ вопросовъ, совершенно игнорировали эти вопросы, и за дѣло большею частью брались философы, бывшіе дилеттантами въ области исторической науки

7. Такое равнодушіе историковъ къ теоретическимъ вопросамъ продолжаться впредь не можетъ, благодаря тому, что съ середины XIX вѣка историковъ прямо вызываютъ на формулированіе своихъ взглядовъ новыя направленія мысли, касающіяся прямо или косвенно области историческихъ фактовъ, и благодарю тому, что сама историческая наука достигла уже той ступени развитія, на которой чувствуется потребность въ теоріи.

8. Для такой теоріи уже накопился большой матеріалъ въ научной литературѣ XIX вѣка, хотя по многимъ возникавшимъ въ ней вопросамъ историки сами по себѣ не могутъ считаться компетентными для ихъ рѣшенія, а съ другой стороны за рѣшеніе вопросовъ, въ которыхъ компетентны только историки, брались спеціалисты и дилеттанты естествознанія, не обладавшіе знаніемъ и пониманіемъ исторической жизни. Послѣднее прямо обязываетъ историковъ не игнорировать теоретическихъ вопросовъ своей науки.

9. Кромѣ индивидуальной психологіи, должна существовать психологія коллективная, многіе вопросы коей съ успѣхомъ могутъ рѣшаться только историками.

10. Историкъ не можетъ быть равнодушенъ къ рѣшенію теоретическихъ вопросовъ исторіи политиками, юристами и экономистами, по необходимости смотрящими на историческую жизнь съ спеціальныхъ точекъ зрѣнія, а синтезъ ихъ воззрѣній наиболѣе удобно могутъ дѣлать общіе историки, изучающіе жизнь общества во всѣхъ ея проявленіяхъ.

11. Въ интересахъ теоріи историческаго процесса наиболѣе важными нужно признать тѣ специальныя изученія, которыя дѣлаются съ эволюціонной точки зрѣнія, сравнительнымъ методомъ и при помощи не только историческаго, но и этнографическаго матеріала.

12. Теоретическіе вопросы объ историческомъ процессѣ раздѣляются на такіе, въ коихъ историкъ зависитъ отъ разныхъ специалистовъ, и такіе, занятіе коими можетъ вестись успѣшно только историками. Къ сожалѣнію, вопросы послѣдняго рода являются наименѣе разработанными. Примѣры— теорія исторической причинности и вопросъ о роли личности въ исторіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Аѳинская высшая школа въ IV в. по Р. X.

Знать исторію Аѳинской высшей школы (Университета) и правильно оцѣнивать ея значеніе, какъ воспитательно-образовательнаго учрежденія, необходимо всякому, занимающемуся культурной исторіей римской имперіи. Значеніе этой школы по важности можетъ быть сопоставлено только съ значеніемъ александрійской школы для того же времени.

Начало Университету положили ученики Сократа. Раздѣляясь на академическую, перипатетическую, стоическую и эпикурейскую школы. Аѳинскій Университетъ долго былъ, почти исключительно, школой философіи. Ударъ, нанесенный Аѳинамъ въ 86 г. до Р. X. Суллой, отразился не только на политическомъ и торговомъ значеніи города, но и на значеніи его, какъ умственнаго центра. Съ этихъ поръ настоящее города дѣлается настолько сѣрымъ, будничнымъ, что не даетъ пищи для оригинальныхъ теоретическихъ построеній ни въ области политики, ни въ области философіи. Славное прошлое города во всѣхъ отношеніяхъ служитъ предметомъ изученія и теоретизированія.

Офиціальное положеніе пріобрѣтаетъ Аѳинская школа въ эпоху Антониновъ: профессора, кромѣ освобожденія отъ общественныхъ повинностей, начинаютъ получать жалованье изъ императорской казны. Въ эту пору (II в. по Р. X.) извѣстно о существованіи въ Аѳинахъ, на ряду съ философскими каѳедрами, и каѳедръ риторики и политики. Послѣдняя въ это время становится только вѣтвью риторики; «великій политическій ораторъ» того времени — Аристидъ разсуждаетъ на темы: «о необходимости послать подкрѣпленія въ Сицилію полководцу Никію» или, противъ Ѳивянъ, желающихъ разрушить Аѳины, взятыя Лизандромъ и т. п. Къ тому же, къ той же риторикѣ стремится и философія: философъ III вѣка Лонгинъ видитъ задачу философіи въ повтореніи въ иныхъ выраженіяхъ или комментированіи того, что сдѣлано предками.

III вѣкъ — періодъ упадка школы, что объясняется тревожнымъ состояніемъ римскаго государства въ это время. Съ возвращеніемъ же внѣшняго

и внутренняго порядка въ государствѣ (со времени Діоклетіана), продолжающагося бо́льшую часть IV вѣка, начинается усиленная дѣятельность школъ Радоса, Александріи, Рима и Аѳинъ. Риторическій характеръ образованія въ Аѳинахъ наиболѣе отвѣчалъ тѣмъ требованіямъ (внѣшній лоскъ, умственная и душевная гибкость), какія предъявляла жизнь къ людямъ, желавшимъ извлечь практическую пользу изъ своего образованія.

Послѣ общихъ замѣчаній о судьбѣ, значеніи и характерѣ Аѳинской высшей школы остановимся подробнѣе на жизни и дѣятельности профессоровъ и студентовъ названной школы въ IV в.

Дѣломъ обученія занимаются профессора отъ правительства и частные преподаватели. Выборъ первыхъ зависитъ отъ городского совѣта и попечителя—проконсула Ахайи; императору принадлежитъ утвержденіе на каѳедрѣ. Жалованье профессорамъ, съ Константина Вел., уплачивалось натурой (отъ одной δίαιτα—annona въ мѣсяцъ = 5 modii = 4—5 Solidi = 24—39 р.) и было различной величины (Темистій получалъ 1200 модіевъ въ годъ). Приводимыя здѣсь цифры касаются, собственно, профессоровъ Константинопольской школы; по аналогіи можно заключать, однако, что и аѳинскіе профессора были на такомъ же положеніи со времени Константина, хотя раньше они получали денежное жалованье въ размѣрѣ отъ одного таланта до 10,000 драхмъ въ годъ, что составитъ приблизительно отъ 1,740 р. до 2,900 р. Къ 1-му января профессора получали гонораръ со своихъ слушателей (Діоклетіанъ установилъ максимумъ его въ 3,000 динаріевъ = около 510 руб.). Славу аѳинской школы составляли Юліанъ—каппадокіецъ, Проэрезій—армянинъ и Гимерій—виѳинiецъ. Замѣчательно, что среди профессоровъ въ Аѳинахъ въ это время мы встрѣчаемъ даже араба (Діофантъ), но ни одного Аѳинянина. Главный контингентъ учащихся давали пріѣзжіе съ разныхъ концовъ римскаго государства. Возрастъ поступавшихъ въ школу колебался очень значительно: поступали 14—15-лѣтніе подростки и 30-лѣтніе мужи, хотя считалось уже позднимъ начинать ученіе въ 20 лѣтъ. Ученики поселялись на частныхъ квартирахъ; родители рѣдко сопровождали дѣтей: по большей части — мѣсто родителей заступали рабы-педагоги. Профессорамъ принадлежалъ высшій надзоръ за поведеніемъ учащихся; въ этомъ смыслѣ они были ихъ воспитателями. Существовалъ обычай подвергать странному испытанію новичковъ, поступавшихъ въ число студентовъ: ихъ водили, окруженныхъ большой толпой, въ баню, гдѣ имъ приходилось выслушивать насмѣшки со стороны будущихъ товарищей, а иногда и страдать физически. Обыкновенно только послѣ этого искуса новичокъ могъ отправиться для переговоровъ къ профессору, лекціи котораго намѣренъ былъ слушать.

Лекціи читались или на дому у профессоровъ (софистовъ, риторовъ), или въ общественныхъ зданіяхъ. Ученіе продолжалось, обыкновенно, только зиму и весну. Занимались древними писателями и комментаріемъ къ нимъ новѣйшихъ. Ученики иногда упражнялись въ сочиненіи рѣчей по хріямъ.

Лѣтомъ риторы-профессора произносили торжественныя рѣчи въ честь путешествующихъ императоровъ или сановниковъ, а также устраивали состязанія съ заѣзжими риторами. Публичныя рѣчи, впрочемъ, говорились и зимой. Одобреніе выражалось рукоплесканіемъ и вызываніемъ автора рѣчи. Искусныя рѣчи производили магическое дѣйствіе на слушателей, заставляя ихъ забывать обо всемъ въ мірѣ, кромѣ удовольствія, доставленнаго рѣчью.

Студенты дѣлились на землячества, группировавшіяся обыкновенно около профессора-земляка; въ рукахъ послѣдняго студенты служили нерѣдко орудіемъ для достиженія имъ своекорыстныхъ цѣлей: оскорбляли словами или дѣйствіемъ его соперника и вербовали учениковъ для него. Факты для иллюстраціи: 1) ученики Апсинеса побиваютъ ритора Юліана съ учениками; 2) ученики Діофанта принуждаютъ Ливанія слушать своего учителя, вмѣсто Епифанія, ради котораго тотъ пріѣхалъ въ Аѳины. Совмѣстная жизнь молодежи въ Аѳинахъ способствовала, во многихъ случаяхъ, тѣсному сближенію между отдѣльными лицами; примѣръ—Григорій Назіанзинъ и Василій Великій.

Факты, доказывающіе, что характеръ образованія въ Аѳинахъ былъ реторическій:

1) Рѣчи Гимерія:

a) Демосѳенъ за Эсхина. Требуетъ возвратить Эсхина изъ изгнанія добровольнымъ актомъ, чтобы не быть принужденнымъ сдѣлать то же самое по приказанію Александра.

b) Обвиненіе Эпикура въ безбожіи. Отрывокъ изъ этой рѣчи:

«Провидѣніе управляетъ міромъ; если этого не зналъ Эпикуръ, то пусть сегодня узнаетъ не путемъ разсужденія, а путемъ судебнаго приговора. Злыхъ приводятъ въ судъ, осуждаютъ, наказываютъ. Не есть ли это ясное доказательство того, что вселенная не подчиняется случаю, но въ ней существуетъ порядокъ, законъ и управленіе, наконецъ и вообще, что существуетъ провидѣніе!»

«Парнасъ дрожалъ, чтобы напугать персовъ; они падали подъ кучами камней, сдѣлавшихся ихъ могилой. Сегодня Эпикуръ оскорбляетъ боговъ, и горы не дрожатъ. Гиметъ не поколебался: пламя и молнія не пожрали его Академіи. Я угадываю мысль боговъ: судьи! боги сохраняютъ Эпикура для того, чтобы вы его наказали».

Обѣ рѣчи противорѣчатъ не только исторіи, но и здравому смыслу [1]).

2) Проэрезій говоритъ рѣчь на предложенную ему ex improviso тему; по окончаніи ея, сейчасъ же произноситъ рѣчь на тему, противоположную первой [2]), и, наконецъ, дословно повторяетъ свои импровизаціи, чѣмъ вызываетъ неподдѣльный восторгъ въ своихъ слушателяхъ. Этотъ фактъ показываетъ, какъ велика была погоня за формой, за внѣшностью и какъ мало цѣнилось содержаніе.

[1]) Другія рѣчи его въ томъ же родѣ.

[2]) Къ сожалѣнію, до насъ не дошла ни одна изъ его рѣчей.

3) Образцомъ риторическаго упражненія на хрію можно считать похвалу числу сто и смоковницѣ, приписываемую имп. Юліану (занимаетъ около 9 печатныхъ страницъ въ Hertlein'овскомъ издан. трудовъ Юліана, письмое 24-е).

IV вѣкъ—послѣдній блестящій періодъ въ исторіи аѳинской школы, хотя она продолжаетъ свое существованіе до 529 года, т.-е. до эдикта имп. Юстиніана, запретившаго преподаваніе философіи въ Аѳинахъ. Послѣдніе 130 лѣтъ Аѳины были центромъ неоплатоновской философіи; риторика же перешла въ христіанскія духовныя школы и въ тѣсно съ ними связанный константинопольскій университетъ.

Протоколъ V, экстреннаго (закрытаго) Общаго Собранія Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 14-го февраля 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 25 членовъ.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что предметомъ занятій въ настоящемъ Общемъ Собраніи назначенъ вопросъ объ изданіи протоколовъ Общества и журнала въ будущемъ 1891 году и указалъ на тѣ стороны этого вопроса, которыя представлены были на усмотрѣніе гг. членовъ въ прошломъ Общемъ Собраніи (см. протоколъ отъ 21 января, ст. 6).

3. Г. предсѣдатель замѣтилъ, что желательно прежде всего рѣшить вопросъ о томъ, намѣрено-ли Общество имѣть свой постоянный органъ или первоначально будетъ довольствоваться изданіемъ сборниковъ въ родѣ тѣхъ, которые, напримѣръ, издавало Московское Психологическое Общество до основанія своего постояннаго органа. Н. А. Меншуткинъ возразилъ, что поставленный предсѣдателемъ вопросъ объ изданіи журнала или сборника, вопросъ частный; болѣе общимъ является вопросъ о томъ, намѣрено-ли Общество издавать свои труды въ той или иной формѣ? Гг. Роговъ и Мякотинъ заявили, что они принципіально стоятъ за изданіе, а Н. И. Карѣевъ заявилъ, что статьи въ такомъ изданіи на первое время пришлось бы во всякомъ случаѣ помѣщать даромъ. Возраженій противъ мысли объ изданіи трудовъ Общества не сдѣлано.

4. Приступлено къ обсужденію вопроса о томъ, будетъ-ли предполагаемое изданіе сборникомъ или журналомъ. Г-жа Бѣлозерская высказалась въ пользу сборника, замѣтивъ, что и «Вѣстникъ Европы» начался съ такого же изданія. Г. Шмурло замѣтилъ, что проектируемый журналъ можетъ быть подобенъ сборнику. Г. Бѣловъ обратился съ вопросомъ, можно-ли будетъ ожидать подписки при такомъ изданіи, на что г. предсѣдатель замѣтилъ, что этого ожидать трудно на первое время, такъ какъ, въ противномъ слу-

чаѣ, пришлось бы платить за помѣщаемыя статьи. Г. Меншуткинъ высказался въ пользу небольшого журнала, на изданіе котораго, по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ, можно было бы ходатайствовать о субсидіи. Г. Карѣевъ возразилъ, что маленькое изданіе дискредитируетъ Общество и что желательно было бы начать съ болѣе обширнаго изданія, листовъ въ 60 въ годъ, хотя бы и не въ ближайшемъ будущемъ. Г. Шмурло выразилъ мнѣніе, что на маломъ журналѣ можно испробовать свои силы и подготовить ихъ, такимъ образомъ, къ болѣе широкому научному предпріятію. Г. Карѣевъ возразилъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута при изданіи предполагаемаго систематическаго обзора исторической библіографіи, а на сомнѣніе въ скоромъ ея появленіи, выраженное г. Ольденбургомъ, напротивъ, выразилъ увѣренность въ возможности скораго осуществленія этого плана. При этомъ, въ видѣ дополненій къ систематическому обзору, будутъ издаваться дополненія по текущей библіографіи. Г. Меншуткинъ выразилъ надежду, что эти дополненія будутъ издаваться въ предполагаемомъ журналѣ, а по мнѣнію г. Рогова возможно было бы и самый систематическій обзоръ помѣстить въ журналѣ. Г. Мякотинъ выразилъ мнѣніе, что каждый журналъ долженъ имѣть опредѣленное направленіе, что трудно ожидать отъ предполагаемаго журнала опредѣленнаго направленія, пока еще не сложилось Общество. Поэтому г. Мякотинъ высказался въ пользу сборника. Г. Роговъ замѣтилъ, что предполагаемый журналъ будетъ отражать жизнь историческаго общества и въ этомъ смыслѣ будетъ обладать достаточною жизненностью. Г. Пташицкій находилъ, что до разрѣшенія вопроса объ изданіи журнала необходимо разсмотрѣть финансовую сторону предпріятія. Въ виду заявленія г. предсѣдателя, что Общество можетъ располагать средствами лишь на типографскіе расходы, г. Пташицкій предлагалъ искать средства на изданіе внѣ Общества и въ примѣръ привелъ журналы: «Kwartalnik historiczny» и «Журналъ Гражд. и Уголов. Права», изъ которыхъ одинъ печатается по удешевленной цѣнѣ, другой—даромъ. Г. Пташицкій считалъ также необходимымъ немедленно приступить къ изданію журнала и для этого полагалъ нужнымъ приступить къ исходатайствованію надлежащаго разрѣшенія на 1891 г., а въ теченіе текущаго года издать сборникъ по программѣ предполагаемаго журнала; первый выпускъ такого сборника, по мнѣнію г. Пташицкаго, можно было бы приготовить къ 1-му іюля 1890 г., второй—къ 1-му января 1891 г. и дать въ каждомъ изъ нихъ обзоръ текущей исторической литературы. — Гг. Шмурло и Мякотинъ высказались противъ по преимуществу библіографическаго характера журнала, а г. Гревсъ, напротивъ, считалъ болѣе цѣлесообразнымъ задаваться на первое время скромными цѣлями и придавалъ значеніе журналу лишь въ послѣднемъ смыслѣ. — Г. Гераковъ замѣтилъ, что такой сборникъ едва-ли пойдетъ успѣшно въ продажу.

По обсужденіи, вопросъ объ изданіи трудовъ Общества рѣшенъ слѣдующимъ образомъ: постановлено приступить къ изданію журнала съ 1891 г.

большинствомъ 16 голосовъ, а большинствомъ 18 голосовъ въ текущемъ 1890 году издать сборникъ по програмиѣ журнала.

5. Обсуждался вопросъ о наименованіи предполагаемаго къ изданію журнала, причемъ г. предсѣдателемъ заявлено предложеніе Комитета назвать это изданіе «Журналомъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ». Г. Гревсъ предложилъ назвать тоже изданіе «Историческимъ журналомъ», органомъ Историческаго Общества. Г. Роговъ замѣтилъ, что это заглавіе слишкомъ широко и много обѣщаетъ. Принято предложеніе Комитета и постановлено назвать будущій журналъ «Журналомъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ».

6. Обсуждался вопросъ о срокахъ выхода журнала и его размѣрахъ. Г. Бѣловъ выразилъ мнѣніе, что удобно было бы третное изданіе (1 янв., 1 марта и 1 сент.). Г. Гревсъ считалъ назначеніе опредѣленныхъ сроковъ не вполнѣ удобнымъ и въ примѣръ приводилъ «Revue historique», но гг. Бершадскій, Ольденбургъ, Шмурло, Пташицкій высказались въ пользу опредѣленныхъ сроковъ. Постановлено по предложенію Комитета издавать журналъ четыре раза въ годъ, размѣромъ не менѣе 20 листовъ во всѣхъ четырехъ выпускахъ.

7. Г. предсѣдатель заявилъ, что предстоитъ еще рѣшить вопросъ о программѣ журнала Общества. Г. Меншуткинъ считалъ наиболѣе удобнымъ помѣщать въ журналѣ лишь тѣ труды, которые въ цѣломъ или сокращенномъ видѣ будутъ докладываться на Общихъ Собраніяхъ гг. членовъ. Г. Карѣевъ высказался противъ обсужденія каждой статьи до помѣщенія въ журналѣ, а г. Роговъ указывалъ на то, что непремѣнный докладъ всѣхъ статей въ Общихъ Собраніяхъ повлечетъ и цензуру этихъ статей Обществомъ. Принято: не читать всѣхъ статей, помѣщаемыхъ въ журналѣ, въ Общихъ Собраніяхъ, и утверждена слѣдующая програмиа журнала: 1) протоколы (которые, однако, рѣшено помѣщать въ концѣ каждаго выпуска), 2) оригинальныя статьи, 3) критика и библіографія, 4) обзоръ періодическихъ изданій, 5) мелкія замѣтки, 6) хроника, 7) объявленія.

8. Поставленъ вопросъ о редакціи журнала. Г. Роговъ предложилъ избрать редакторомъ журнала г. предсѣдателя. Н. И. Карѣевъ отказался, мотивируя отказъ свой тѣмъ, что въ настоящее время не считаетъ возможнымъ предпринимать повременное изданіе, такъ какъ силы Общества уже привлечены къ составленію систематическаго библіографическаго обзора. Постановлено: поручить Комитету выборъ кандидатовъ въ единоличные редакторы и предложить этихъ кандидатовъ на баллотировку въ Общемъ Собраніи.

9. Утверждена подписная цѣна на журналъ въ размѣрѣ 3-хъ рублей.

10. Редакцію предполагаемаго къ изданію сборника съ програмиой, соотвѣтствующей уже утвержденной Общимъ Собраніемъ програмиѣ журнала, поручено организовать Комитету.

Протоколъ VI (открытаго) Общаго Собранія Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 21 февраля 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарь А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 27 членовъ.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что чтеніе положеній г. Гуревича, извлеченныхъ изъ реферата: «Исторія, какъ предметъ науки и преподаванія» отлагается до слѣдующаго Общаго Собранія по причинѣ болѣзни референта.

3. Приступлено къ баллотировкѣ гг. кандидатовъ, предложенныхъ въ члены Общества на прошломъ Общемъ Собраніи. Большинствомъ голосовъ избраны М. И. Семевскій и П. А. Сырку, остальные избраны единогласно.

4. Предложены новые кандидаты въ члены Общества: гг. Шумигорскій, Браудо, Венгеровъ, Винаверъ, Ефимовъ, Лесевичъ, Марковинъ, Менжинскій, Острогорскій, Пальменъ, Утинъ, Фразеръ, Чулицкій, Шеллеръ, Шиберсонъ.

5. Н. И. Карѣевъ вкратцѣ изложилъ содержаніе реферата, читаннаго имъ въ прошлое Общее Собраніе, и прочелъ тезисы, извлеченные изъ этого реферата. Е. А. Бѣловъ сдѣлалъ замѣчанія на тезисы 5 и 12. По его мнѣнію, вопросъ о теоріи историческаго процесса занималъ уже древнихъ философовъ. Яснѣе всего онъ выступилъ у Аристотеля въ его «Политикѣ». Здѣсь онъ между прочимъ говоритъ о развитіи и разложеніи формъ правленія, основываясь на примѣрахъ исторіи извѣстнѣйшихъ въ его время государствъ. Вслѣдъ затѣмъ оппонентъ перешелъ къ вопросу о роли личности въ исторіи и указалъ на затрудненія, какія встрѣчаются при опредѣленіи размѣровъ этой роли. Возможно-ли, напримѣръ, отрицать, что Мирабо, при довѣріи Людовика XVI, могъ дать иное направленіе событіямъ? Или могъ бы Германикъ возстановить Римскую республику, еслибы хотѣлъ? На первое замѣчаніе референтъ отвѣтилъ, что до Вико древніе и новые писатели давали теорію перемѣнъ лишь одной изъ сторонъ исторіи и что въ этомъ смыслѣ онъ вполнѣ признаетъ значеніе Аристотеля, о чемъ уже высказывался въ своихъ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи». На второе замѣчаніе референтъ замѣтилъ, что признаетъ затрудненія при рѣшеніи вопроса о роли личности въ исторіи и сослался на печатаемый имъ трудъ «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи», гдѣ подробно изложены будутъ его взгляды по этому вопросу. Во время обмѣна мыслей съ Е. А. Бѣловымъ, Н. И. Карѣевъ указывалъ на пригодность новѣйшей исторіи для изученія теоріи историческаго процесса, съ чѣмъ не соглашался Е. А. Бѣловъ, въ виду неизвѣстности всѣхъ причинъ совершившихся и совершающихся событій. По мнѣнію Н. И. Карѣева эти неудобства, однако, вознаграждаются обиліемъ матеріала, а изученіе новѣйшей исторіи не исклю-

чаетъ, конечно, возможности обращаться по отдѣльнымъ вопросамъ и къ болѣе отдаленнымъ временамъ.

Вслѣдъ за Е. А. Бѣловымъ нѣсколько замѣчаній высказалъ С. А. Бершадскій. По философскимъ воззрѣніямъ древнихъ и новыхъ писателей до начала XIX вѣка, міръ — вѣчно единое, неизмѣнное цѣлое; нѣтъ и не можетъ быть ничего новаго: все — повтореніе. Со времени Конта построеніе міросозерцанія на апріорныхъ основаніяхъ, какъ думала догматическая философія, стало признаваться невозможнымъ. Задачей науки поставлено расширеніе эмпирическаго сознанія. Представители исторической школы въ наукѣ права, Савиньи и его ученики, внесли идѐю закономѣрнаго развитія права, хотя теоретически и не обосновали своего взгляда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гегель, ранѣе О. Конта, сталъ указывать въ своей философіи основную мысль историческаго развитія, предполагая, что міръ есть развитіе абсолютнаго духа. На возраженіе оппонента Н. И. Карѣевъ отвѣчалъ, что вмѣстѣ съ нимъ отрицаетъ однообразную закономѣрность исторической жизни, постоянно повторяющіеся законы, что у юристовъ искалъ, но не нашелъ общихъ взглядовъ на теорію историческаго процесса, о чемъ написалъ даже особую статью въ «Юридич. Вѣстникѣ», и вообще до Конта не встрѣчался въ ученой литературѣ съ мыслью о необходимости создать соціальную динамику по образу точныхъ наукъ.

І. А. Клейберъ замѣтилъ, что въ дѣлѣ изученія роли личности въ исторіи могутъ участвовать біологи, антропологи, физіологи, психологи и даже математики, изучающіе теорію случая, слѣдовательно и личныхъ уклоненій отъ массовыхъ явленій. Н. И. Карѣевъ вполнѣ признавалъ необходимость для историковъ обращаться за помощью къ разнаго рода спеціалистамъ: по мнѣнію референта, есть вопросы теоріи историческаго процесса, какъ, напримѣръ, вопросы о расѣ, наслѣдственности и т. п., въ которыхъ не компетентенъ историкъ; но наоборотъ, есть и другого рода задачи, какова, напримѣръ, роль личности въ исторіи, разрѣшеніе которыхъ можетъ взять на себя только историкъ.

М. П. Массоніусъ считалъ болѣе правильнымъ называть философіей исторіи то, что Н. И. Карѣевъ называлъ теоріей историческаго процесса, а также не признавалъ значенія коллективной психологіи, какъ науки, хотя и не видѣлъ ея необходимости для теоріи историческаго процесса. Н. И. Карѣевъ, отвѣчая г. Массоніусу, указалъ на то, что слово «философія» употребляется въ довольно различныхъ смыслахъ, вслѣдствіе чего ничто его не обязываетъ называть философіей исторіи теорію историческаго процесса, а не обозрѣніе всемірной исторіи съ точки зрѣнія нѣкоторой высшей объединяющей идеи съ субъективною оцѣнкою моментовъ исторической жизни. Что же касается до коллективной психологіи, то нужно еще доказать, почему она невозможна.

На вопросы В. В. Новодворскаго о томъ, какое различіе существуетъ между теоріей историческаго процесса и философіей исторіи, Н. И. Карѣевъ отвѣчалъ

ссылками и поясненіями, взятыми изъ его же «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи».

6. Въ виду продолжительныхъ преній, вызванныхъ тезисами, извлеченными изъ реферата Н. И. Карѣева, чтеніе сообщенія г. Форстена отложено было до слѣдующаго Общаго Собранія.

Протоколъ VII (закрытаго) Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 21-го марта 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 24 члена.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что библіографическая коммиссія составила планъ систематическаго обзора по всеобщей исторіи и русской. Планъ этотъ предполагается отлитографировать и разослать лицамъ, пожелавшимъ принимать участіе въ составленіи этой библіографіи, а также остальнымъ членамъ Общества, выразившимъ желаніе получить этотъ планъ или высказать на него критическія замѣчанія. Къ плану будутъ присоединены, въ видѣ примѣра, пробныя страницы, т.-е. отзывы проф. П. Г. Виноградова о нѣсколькихъ сочиненіяхъ по исторіографіи среднихъ вѣковъ и проф. Н. И. Карѣева по исторіи паденія Польши.

3. Г. предсѣдатель заявилъ, что Комитетъ 14 марта обсуждалъ вопросъ о редакціи предполагаемаго журнала, но до окончательный выработки предложеній, съ которыми обратится въ экстренномъ Общемъ Собраніи къ гг. членамъ, рѣшилъ навести нѣкоторыя справки. По этому дѣлу Н. И. Карѣевъ обращался въ редакціи журналовъ «Вопросы философіи и психологіи» и «Юридическаго Вѣстника» и получилъ отвѣты отъ гг. редакторовъ.

4. Предложены слѣдующіе кандидаты въ члены Общества: гг. Балобанова, Кедровъ, Петерсъ, Флексеръ, Ѳедоровъ.

5. Приступлено къ баллотировкѣ гг. кандидатовъ, предложенныхъ въ прошломъ Общемъ Собраніи. Единогласно избранными оказались: гг. Лесевичъ, Менжинскій, Острогорскій, Пальменъ, Шиберсонъ. Большинствомъ голосовъ избраны: гг. Браудо, Венгеровъ, Винаверъ, Ефимовъ, Марковинъ, Утинъ, Фрасеръ, Чулицкій, Шеллеръ и Шумигорскій.

6. Г. предсѣдатель заявилъ, что г. Форстенъ извѣщаетъ гг. членовъ Общаго Собранія о невозможности, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, читать обѣщанный имъ рефератъ.

7. Г. Лопаревъ прочелъ сообщеніе о дорожникѣ Вильгельма фонъ-Кабрита, который лично участвовалъ въ шведской кампаніи 1788 и слѣдующихъ годовъ и на нѣмецкомъ языкѣ сообщаетъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній

объ этой войнѣ. По поводу нѣкоторыхъ сомнѣній, высказанныхъ г. Лопаревымъ относительно хронологическихъ датъ разобраннаго имъ дневника, Е. А. Бѣловъ замѣтилъ, что противорѣчіе ихъ съ доселѣ извѣстными устранится, если считать дни по старому календарю.

8. Г. Гуревичъ прочелъ рефератъ «Исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія» (см. прилож).

9. Пренія по поводу реферата г. Гуревича рѣшено отложить до слѣдующаго Общаго Собранія 25 апрѣля.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Тезисы къ сообщенію Я. Г. Гуревича «Исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія».

1. Неправильная постановка курса исторіи въ средне-учебныхъ заведенія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ невыработанности методики исторіи.

2. Невыработанность методики исторіи находится въ прямой зависимости отъ неустановленности исторіи, какъ науки.

3. Неправильная постановка преподаванія исторіи зависитъ въ значительной степени также и отъ невыясненности различія между исторіею, какъ наукою отъ какъ предметомъ преподаванія.

4. Исторія какъ наука и по цѣли, и по выбору матеріала, и по критической оцѣнкѣ его представляетъ существенныя различія отъ исторіи, какъ предмета преподаванія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

5. Исторія какъ наука имѣетъ цѣлью, по мнѣнію однихъ, изслѣдованіе законовъ, по которымъ совершаются явленія исторической жизни, по мнѣнію другихъ—изслѣдованіе и раскрытіе историческаго процесса. Исторія же какъ предметъ преподаванія не можетъ задаваться такими широкими цѣлями. Преподаваніе ея въ средне-учебныхъ заведеніяхъ имѣетъ цѣлью лишь сообщить и выяснить доступныя учащимся главнѣйшія событія и явленія историческаго прошлаго для достиженія посильнаго пониманія государственныхъ и общественныхъ явленій современной жизни и посредствомъ сообщенія историческаго матеріала и способа передачи его вліять на умственное и нравственное развитіе учащихся.

6. Исторія, какъ наука, имѣетъ постоянно одну цѣль, вытекающую изъ сущности предмета; исторія же, какъ предметъ преподаванія, преслѣдуя воспитательныя задачи, видоизмѣняетъ свою цѣль, примѣняясь къ различному возрасту учащихся, къ степени ихъ умственнаго развитія, выдвигая то одну, то другую сторону предмета, сообразно съ данными условіями преподаванія.

7. Исторія, какъ наука, представляетъ критическое изслѣдованіе матеріала, почерпаемаго при томъ изъ первоисточниковъ. Исторія же, какъ предметъ

преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ (и то въ высшихъ классахъ) знакомитъ лишь учащихся съ результатами исторической науки относительно историческихъ явленій, входящихъ въ кругъ преподаванія, не входя при этомъ въ самую критику. На низшей же степени преподаванія и это представляется невозможнымъ.

8. Съ научной точки зрѣнія историческая жизнь есть проявленіе или раскрытіе народнаго самосознанія, и съ этой точки зрѣнія исторія, какъ наука, должна обнимать жизнь всего человѣчества, всѣхъ народовъ, въ жизни которыхъ проявилось какое-либо культурное движеніе. Исторія же, какъ предметъ преподаванія, не опуская изъ виду общаго хода развитія человѣчества и взаимнаго вліянія исторической жизни различныхъ народовъ, ставитъ себѣ цѣлью въ средне-учебныхъ заведеніяхъ ознакомленіе учениковъ съ исторіею лишь главныхъ историческихъ народовъ и то только въ ея главнѣйшихъ моментахъ; на низшей же ступени преподаванія исторіи имѣется въ виду ознакомленіе учениковъ лишь съ исторіею отечества.

9. Исторія, какъ наука, изслѣдуетъ всѣ стороны жизни и культуры каждаго народа въ ихъ взаимодѣйствіи, не исключая и высшихъ областей культуры, какъ наука, литература и искусство. Исторія, какъ предметъ преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, должна ограничиться ознакомленіемъ учениковъ лишь съ доступными ихъ возрасту и развитію областями жизни.

10. Исторія имѣетъ важное значеніе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ не какъ наука, а главнымъ образомъ какъ средство для умственнаго и нравственнаго развитія учениковъ.

11. При несомнѣнномъ различіи между исторіею, какъ наукою и какъ предметомъ преподаванія, всѣ данныя и взгляды, сообщаемые въ курсѣ средне-учебныхъ заведеній, отнюдь не должны противорѣчить даннымъ и взглядамъ, выработаннымъ историческою наукою, а, напротивъ, должны совпадать съ ними.

12. Для болѣе успѣшнаго преподаванія исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ желательно учрежденіе при историко-филологическихъ факультетахъ, именно на историческомъ отдѣленіи, педагогическаго семинарія.

Протоколъ VIII экстреннаго (закрытаго) Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 18 апрѣля 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 18 членовъ.

1. Прочитанъ, утвержденъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что отъ Н. А. Попова (управляющаго Архивомъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ) прибылъ тюкъ книгъ его изданія, пожертвованныхъ имъ въ библіотеку Общества.

3. Г. предсѣдатель заявилъ, что Комитетъ обсуждалъ вопросъ о редакціи предполагаемаго журнала, но что не могъ остановиться на выборѣ кандидата, котораго можно было бы предложить баллотировать Общему Собранію. Поэтому Комитетъ предлагаетъ Общему Собранію вновь обсудить этотъ вопросъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что при единоличной редакціи, редактору можетъ быть предоставлено право самому выбрать себѣ сотрудниковъ по дѣламъ редакціи и вообще дать ему довольно широкія права или, напротивъ, самому Общему Собранію выбрать членовъ редакціоннаго комитета. Н. И. Карѣевъ высказался въ пользу перваго предложенія, хотя и замѣтилъ, что въ случаѣ, если коллективно редакцій будетъ завѣдывать Комитетъ, то единоличнаго редактора можетъ и вовсе не быть. В. И. Семевскій выражалъ мнѣніе, что слишкомъ рано начинать изданіе журнала: вопросъ этотъ не назрѣлъ; это, по его мнѣнію, достаточно ясно доказывается неудачей Комитета въ рѣшеніи вопроса о томъ, кого выбрать въ редакторы и малочисленностью настоящаго собранія. Н. И. Карѣевъ согласился съ справедливостью этого мнѣнія и замѣтилъ, что въ настоящее время дѣятельность Общества достаточно ярко можетъ сказаться въ изданіи систематической библіографіи и историческаго сборника, для котораго, между прочимъ, кромѣ гг. Карѣева, Шмурло и Форстена, обѣщалъ дать статью проф. Виноградовъ. Г. Марковинъ высказался въ пользу изданія журнала при отвѣтственномъ редакторѣ; къ журналу, по мнѣнію г. Марковина, не трудно было бы привлечь молодыя силы. Н. И. Карѣевъ замѣтилъ, что при отсутствіи единоличнаго ретактора редакцію возможно было бы поручить Комитету. В. А. Мякотинъ заявилъ, что это не рѣшаетъ вопроса о самомъ характерѣ изданія, а также и содержаніи журнала. По мнѣнію г. Семевскаго, трудно будетъ авторамъ считаться съ коллективной редакціей въ 6 членовъ; Н. А. Меншуткинъ, напротивъ, считалъ такую коллективную редакцію болѣе удобной; при этомъ Комитетъ, по его словамъ, долженъ былъ бы докладывать Общему Собранію цѣликомъ или въ извлеченіи статьи, достойныя попасть въ изданіе. С. Ѳ. Ольденбургъ примкнулъ къ мнѣнію г. Меншуткина. Н. И. Карѣевъ и В. И. Семевскій выразили обратное мнѣніе въ пользу большей независимости редакціи отъ Общаго Собранія. Е. Н. Щепкина замѣтила, что постановленія объ изданіи журнала въ Общемъ Собраніи не было, а только высказывалась его желательность. Г. предсѣдатель сослался на протоколъ одного изъ предшествовавшихъ (экстренныхъ) Общихъ Собраній, въ которыхъ сдѣлано было такое постановленіе. С. Ѳ. Платоновъ обратился къ г. предсѣдателю съ вопросомъ, указаны-ли опредѣленные кандидаты въ редакторы журнала, на что получилъ отрицательный отвѣтъ отъ г. предсѣдателя. Г. Браудо выразилъ мысль, что деньги, назначенныя на сборникъ,

можно было бы употребить на изданіе журнала. По окончаніи преній г. предсѣдатель заявилъ, что неудача Комитета, въ выборѣ редакціи будущаго журнала и самый характеръ только-что законченныхъ преній показываютъ затруднительность изданія журнала въ ближайшемъ, 1891 году. Постановлено, въ виду малочисленности Общаго Собранія, предложить еще разъ на обсужденіе будущаго Общаго Собранія 25 апрѣля о необходимости отложить изданіе журнала Общества.

4. Предложены кандидатами въ члены Общества: гг. Анненскій, Аѳанасьевъ, Сиповскій, Сомовъ и Ткачевъ.

5. Въ виду того, что г. Форстенъ въ будущемъ Общемъ Собраніи не можетъ читать своего сообщенія, г. предсѣдатель предложилъ гг. членамъ Общаго Собранія, не желаетъ-ли кто-либо представить сообщеніе взамѣнъ г. Форстена. Е. А. Бѣловъ обѣщалъ прочесть сообщеніе по вопросу объ Иванѣ Грозномъ въ русской исторической литературѣ.

Протоколъ IX (открытаго) Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 25 апрѣля 1890 г.

Присутствовало подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ 29 членовъ.

1. Прочитанъ, утвержденъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Обсуждая вопросъ объ изданіи журнала, г. предсѣдатель намѣтилъ въ общихъ чертахъ положеніе вопроса, насколько оно выяснилось изъ преній на предшествующихъ засѣданіяхъ, указалъ на то, что Комитетъ, въ настоящее время, затрудняется представить Обществу кандидата въ редакторы и поставилъ вопросъ, приступить-ли тѣмъ не менѣе къ изданію журнала или отложить таковое до ближайшаго будущаго? Гг. Меншуткинъ и Гуревичъ замѣтили, что нѣтъ нужды спѣшить съ изданіемъ. Г. Бѣловъ указалъ на то, что направленіе журнала остается невыясненнымъ, хотя быть можетъ спеціальный характеръ такого изданія въ немъ и не особенно нуждается. Г. Браудо заявилъ, что не видитъ разницы между сборникомъ и журналомъ; г. предсѣдатель указалъ на то, что журналъ требуетъ предварительнаго разрѣшенія на изданіе и долженъ имѣть редактора.

Постановлено: отложить изданіе журнала и ограничиться изданіемъ сборника.

3. Обсуждались тезисы, извлеченные изъ реферата Я. Г. Гуревича «Исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія». Г. Гуревичу возражали Ю. Ю. Цвѣтковскій (на тезисы 1 и 12), С. Л. Степановъ (на тезисы 2, 4 и 5), Е. А. Бѣловъ (на тезисъ 10), В. А. Мякотинъ (на тезисы 2, 5, 6 и 10) и В. А. Браудо.

По мнѣнію г. Цвѣтковскаго, неправильная постановка курса исторіи зависитъ отъ невыработанности школьной методики, еще менѣе отъ неустановленности и невыработанности исторіи, какъ науки, сколько отъ стремленія представить въ среднемъ учебномъ заведеніи весь систематическій курсъ исторіи, только въ сокращенномъ его видѣ. Исторія, какъ наука, разумѣется не вполнѣ выработалась; тѣмъ не менѣе, она уже даетъ много образовательнаго матеріала для школы, и весь вопросъ въ выборѣ этого матеріала. Г. Цвѣтковскій, кромѣ того, рядомъ съ значеніемъ преподавателя и его устнымъ изложеніемъ, указывалъ на важное значеніе книги, разумѣется, классической по своимъ достоинствамъ и пригодной для чтенія и изученія съ учениками. Такого рода пособіе, написанное человѣкомъ талантливымъ и вооруженнымъ знаніемъ, было бы весьма желательно. Съ этими замѣчаніями Ю. Ю. Цвѣтковскаго референтъ отчасти согласился. Г. Гуревичъ настаивалъ, однако, на томъ, что неудовлетворительная постановка курса исторіи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ неустановленности исторіи, какъ науки и невыработанности методики исторіи. Стремленіе представить въ среднемъ учебномъ заведеніи весь систематическій курсъ исторіи только въ сокращенномъ его видѣ, по мнѣнію референта, вытекаетъ именно изъ невыработанности методики исторіи, а не является самостоятельною причиною. Съ замѣчаніемъ г. Цвѣтковскаго относительно важнаго значенія, какое можетъ и должна имѣть при преподаваніи исторіи книга, пригодная для чтенія и изученія ея учениками, референтъ также согласился, но указывалъ на первенствующее въ дѣлѣ преподаванія исторіи значеніе, какое имѣетъ личное вліяніе преподавателя на учащихся, вліяніе, возбуждающее въ нихъ интересъ къ изученію предмета, а также объясненія и дополненія преподающаго.

Г. Бѣловъ возражалъ противъ нѣкоторой неопредѣленности, какая сказывается въ 10-мъ тезисѣ г. Гуревича. Выраженіе «нравственное развитіе учащихся» (средствомъ для котораго, между прочимъ, служитъ, по мнѣнію г. Гуревича, исторія) имѣетъ здѣсь слишкомъ широкое, растяжимое значеніе. Имѣя цѣлью въ преподаваніи исторіи нравственное ризвитіе, легко обратить исторію въ проповѣдь узкой морали, тогда какъ изъ уроковъ исторіи ученикъ долженъ вынести безъ всякой натяжки со стороны преподавателя убѣжденіе въ необходимости подчинить частный интересъ интересу общему; нравственное развитіе въ болѣе узкомъ смыслѣ достигается преподавателемъ Закона Божія и эстетическимъ образованіемъ. По поводу же чрезмѣрнаго сокращенія объема всеобщей исторіи въ курсахъ гимназій и вообще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, г. Бѣловъ замѣтилъ, что гимназіи не только средне-учебныя, но и обще-образовательныя заведенія, что многіе гимназіей заканчиваютъ свое образованіе, другіе еще въ большемъ числѣ поступаютъ въ спеціальныя заведенія или на факультеты, гдѣ исторія не читается. Полезно-ли будетъ для такихъ лицъ все большее сокращеніе объема историческаго курса? На возраженія г. Бѣлова г. Гуревичъ замѣтилъ, что оппо-

нентъ, повидимому, понялъ 10-й тезисъ не вполнѣ правильно. Г. Бѣловъ придаетъ слишкомъ узкое и несомнѣнно далеко нежелательное значеніе выраженію «нравственное развитіе», встрѣчающемуся въ 10-мъ тезисѣ. Референтъ безусловно отвергалъ такое неправильное пониманіе 10-го тезиса, и ссылался при этомъ на одиннадцатый тезисъ, въ которомъ говорится, что всѣ данныя и взгляды, сообщаемые въ курсѣ средне-учебныхъ заведеній, отнюдь не должны противорѣчить даннымъ и взглядамъ, выработаннымъ исторической наукою, а, напротивъ, должны совпадать съ ними.

Г. Степановъ возражалъ противъ заглавія, даннаго г. референтомъ своему сообщенію. По мнѣнію г. Степанова слѣдовало для ясности заглавіе реферата измѣнить такъ: «исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія въ средней школѣ», чтобы отличить способы преподаванія въ средней школѣ отъ преподаванія исторіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, г. Степановъ замѣтилъ, что попытка раздѣлить исторію на двѣ дисциплины (тезисы 4, 5, 6, 7 и 8) едва-ли удачна: во-первыхъ, потому, что матеріалъ качественно одинаковъ въ нихъ обѣихъ; во-вторыхъ, потому, что и цѣли, и методы разработки историческаго матеріала въ исторіи-наукѣ и исторіи-учебномъ предметѣ средней школы въ существенныхъ чертахъ сходны. Если допустить различіе въ цѣляхъ и методахъ исторіи въ зависимости отъ вышеуказаннаго дѣленія, то это значило бы раздѣлять исторію на научную и ненаучную. Преподаваніе же въ средней школѣ чего-либо, основаннаго на ненаучномъ методѣ и пріемахъ, направлено было бы ко вреду учащихся. Единственно правильнымъ принципомъ дѣленія исторіи въ вышеуказанномъ смыслѣ нужно признать количество историческаго матеріала, подвергающагося обработкѣ въ томъ и другомъ случаѣ, причемъ оно можетъ колебаться въ значительныхъ для предѣлахъ средней школы въ зависимости отъ цѣлаго ряда случайныхъ явленій. Напр., не только очерки науки, литературы и искусства могутъ быть предполагаемы ученикамъ средней школы, но даже критика мнѣній по какому-нибудь основному вопросу исторіи, при благопріятномъ составѣ класса. На возраженія г. Степанова г. Гуревичъ замѣтилъ слѣдующее: съ предлагаемой г. Степановымъ редакціей заглавія онъ не согласиться не можетъ, такъ какъ въ своемъ рефератѣ имѣлъ въ виду не только средне-учебныя заведенія, но и городскія начальныя школы. Научная разработка или преподаваніе исторіи въ Университетѣ основана, главнымъ образомъ, на критическомъ изученіи матеріала, что совершенно немыслимо при преподаваніи исторіи въ средней и низшей школѣ. По мнѣнію г. Степанова, ученикамъ средне-учебныхъ заведеній, при благопріятномъ составѣ класса, можетъ быть предлагаема и критика мнѣній ученыхъ по какому-нибудь основному вопросу исторіи. Референтъ, не отвергая этой возможности относительно самыхъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній при особенно удачномъ составѣ класса, полагалъ однакоже, что такія случайныя явленія, встрѣчающіяся при преподаваніи, не даютъ права утверждать, что различіе между научнымъ препо-

даваніемъ исторіи въ университетахъ и преподаваніемъ ея въ средне-учебныхъ заведеніяхъ только количественное, а не качественное. Университетское преподаваніе держится научныхъ требованій, но не принимаетъ во вниманіе личныхъ умственныхъ средствъ каждаго изъ слушателей; преподаваніе въ средней школѣ при выборѣ матеріала постоянно считается съ возрастомъ и умственнымъ развитіемъ учащихся, стремится къ переработкѣ самаго матеріала въ классѣ, примѣняясь не только къ составу цѣлаго класса, но нерѣдко къ индивидуальности отдѣльныхъ учениковъ; наконецъ, очерки литературы и искусства. особенно древнихъ, по мнѣнію г. Гуревича, возможно предлагать ученикамъ старшихъ классовъ. Впрочемъ, такіе очерки для учениковъ, незнакомыхъ съ книгами, о которыхъ трактуется въ такихъ очеркахъ, остаются большею частью пустымъ звукомъ. Мнѣніе свое о непригодности очерковъ литературы и искусства въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, референтъ доказывалъ прочитанными имъ примѣрами изъ руководства Д. И. Иловайскаго.

Пренія по реферату г. Гуревича резюмировалъ г. предсѣдатель. Главная причина разногласія референта съ оппонентами состояла въ томъ, что вопросъ поставленъ Я. Г. Гуревичемъ на абстрактную почву. Изъ всего сказаннаго по поводу реферата ясно только одно, а именно: необходимость прочно установить матеріалъ историческаго преподаванія въ средней школѣ. Въ этомъ отношеніи хорошимъ примѣромъ для Историческаго Общества, по мнѣнію г. предсѣдателя, могла бы служить дѣятельность особой секціи преподавателей исторіи при учебномъ отдѣлѣ Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній. Члены этой секціи поставили своей задачей выработку общей нормальной программы исторіи и составленіе учебника, который соотвѣтствовалъ бы такой программѣ.

4. Приступлено къ баллотировкѣ гг. кандидатовъ въ члены Общества, предложенныхъ на прошлыхъ общихъ собраніяхъ 21 марта и 18 апрѣля. Г-жа Балобанова и г. Флексеръ оказались избранными большинствомъ голосовъ, гг. Анненскій, Аѳанасьевъ, Кедровъ, Петерсъ, Сиповскій, Сомовъ, Ткачевъ, Ѳедоровъ — единогласно.

5. Предложены новые кандидаты въ члены Общества: гг. Мищенко и Погодинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ протоколу IX засѣданія [1]).

Прошу позволенія сказать нѣсколько словъ въ защиту того метода, по какому составленъ учебникъ исторіи Иловайскаго. Г. референтъ прочелъ нѣ-

[1]) Печатаемая здѣсь записка, составленная б. профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи Н. И. Барсовымъ, прислана была при письмѣ на имя предсѣдателя Общества. Г. Барсовъ присутствовалъ въ засѣданіи

сколько выдержекъ изъ него и замѣтилъ, что лучше вовсе не упоминать въ учебникѣ о Гёте и Кантѣ, нежели говорить о нихъ такъ, какъ сказано у Иловайскаго. Я думаю, что о Гете и Кантѣ, равно какъ и о другихъ подобныхъ историческихъ личностяхъ, не упоминать въ гимназическихъ курсахъ исторіи невозможно, и говорить объ нихъ слѣдуетъ именно такъ, какъ сказано у Иловайскаго,—не въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Такъ думаю я по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Среднiй или гимназическій курсъ *исторіи* долженъ представлять *полный обзоръ* исторіи; въ немъ должно найти себѣ мѣсто все *историческое*, всѣ лица и событія, имѣющія историческое значеніе. Учебникъ исторіи долженъ имѣть характеръ компендіума, т.-е. сжатаго, компактнаго изложенія фактовъ въ ихъ прагматической связи. Онъ не можетъ *спеціализировать* учащихся, но долженъ ихъ *оріентировать* въ исторіи, *во всемъ ея объемѣ*, дать первоначальныя *свѣдѣнія* о каждомъ лицѣ и событіи, имѣющимъ всемірно-историческое значеніе. А сдѣлать это возможно не иначе, какъ слѣдуя тому методу, какого держится, между прочимъ, Иловайскій. Съ точки зрѣнія интересовъ общаго (средняго) образованія достаточно *знать*, что тамъ-то, тогда-то жилъ поэтъ и мыслитель Гёте, написавшій такія-то сочиненія, изъ которыхъ въ главномъ развивается такая-то идея и т. д. И знать это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ ничего не знать о Гёте: услышавъ въ разговорѣ или прочитавъ въ книгѣ имена Гёте, Фауста—окончившій курсъ гимназіи не будетъ невѣжественно недоумѣвать: кто былъ Гете? Кто такой Фаустъ? Ознакомленіе съ Фаустомъ спеціальное, съ цѣлью эстетическаго впечатлѣнія, относится къ внѣкласснымъ занятіямъ гимназиста, т.-е. къ самостоятельному чтенію (для чего при гимназіяхъ существуютъ ученическія библіотеки), а при компендіумахъ исторіи прилагаются списки историческихъ сочиненій, вообще къ области самообразованія или же къ области спеціальнаго университетскаго курса по исторіи всеобщей литературы.

2. Замѣчанія Якова Григорьевича даютъ основаніе предполагать, что онъ склоняется въ пользу эпизодическаго метода изложенія исторіи въ гимназическомъ курсѣ. Мнѣ кажется, что споръ о томъ, какой методъ лучше и цѣлесообразнѣе—эпизодическій или прагматическій, старинный споръ педагоговъ, уже взвѣшенный судьбою. Я лично стоялъ за методъ систематическій еще въ то время, къ которому относится первый рефератъ достопочтеннаго референта по этому предмету—въ бытность мою членомъ Спб. Педагогическаго Собранія при 2-й Спб. Гимназіи (въ 1864—1865 годахъ), гдѣ я развивалъ тѣ же воззрѣнія по этому предмету, какія высказываю теперь. Я

---

25 апрѣля и изложилъ въ этой запискѣ нѣкоторые свои взгляды по поводу реферата г. Гуревича. Комитетъ, въ засѣданіи своемъ 5 мая, постановилъ пріобщить ее къ протоколамъ и вмѣстѣ съ ними напечатать, если авторъ дастъ на это свое согласіе. Записка печатается въ настоящее время съ согласія Н. И. Барсова.

думаю, что прагматическій или систематическій методъ изложенія исторіи въ гимназическомъ курсѣ составляетъ одинъ изъ тѣхъ элементовъ *научности*, которые сколько возможны, столько же необходимы въ гимназическомъ преподаваніи. Прагматическій методъ изложенія исторіи способствуетъ пріученію учениковъ къ стройному логическому мышленію, составляющему одну изъ цѣлей средняго (какъ и высшаго) образованія, наименѣе, къ сожалѣнію, достигаемую. Въ интересахъ этой цѣли, я въ томъ же Педагогическомъ Собраніи стоялъ за систематическое изложеніе *теоріи* словесности, расходясь во взглядѣ на этотъ предметъ съ такими уважаемыми педагогами, какъ покойные В. И. Водовозовъ и В. Я. Стоюнинъ, и настаивая, чтобы за изученіемъ образцовъ словесности и одновременно съ нимъ дѣлался синтезъ теоретическихъ понятій о родахъ и видахъ словесности. Это, впрочемъ, à propos.

3. Другой элементъ научности гимназическаго курса исторіи предполагается самъ собою: это—безусловная истинность фактовъ, въ немъ излагаемыхъ. Конечно, никто не станетъ въ настоящее время, послѣ изслѣдованія Нибура и Момзена, излагать исторію Рима, довольствуясь Титомъ-Ливіемъ, или, послѣ сочиненій Соловьева и Костомарова, излагать исторію Россіи на основаніи одной «Степенной книги».

4. Что касается высшихъ элементовъ научности въ исторіи, каково философское толкованіе общихъ законовъ историческаго развитія человѣчества или опредѣленія культурно-историческихъ типовъ, то изъ нихъ нѣчто можетъ имѣть мѣсто въ общеобразовательномъ или среднемъ курсѣ исторіи, именно все то, что можетъ быть изложено въ догматической формѣ, въ видѣ синтетическихъ положеній: во всякомъ случаѣ, и среднему курсу должна быть присуща общая основная идея историческаго развитія человѣчества, будетъ-ли то идея предестинаціи и Божественнаго Промысла, какъ у Боссюэта (причемъ такая идея можетъ быть научно обоснована,—у Боссюэта она—предвзятая идея), или какая-либо иная, боклевская и т. д. Необходимо въ этомъ случаѣ лишь одно — чтобы всѣ, вносимыя въ средній курсъ исторіи теоретическія обобщенія составляли *общепризнанныя въ наукѣ и неоспоримыя истины*, а не личныя и субъективныя гипотезы, которыя могутъ имѣть мѣсто лишь въ академическомъ или факультетскомъ преподаваніи, гдѣ по праву господствуетъ методъ аналитическихъ изысканій и проблемъ. Такія вышеупомянутыя теоретическія обобщенія, ученія объ основныхъ законахъ исторіи, въ среднемъ курсѣ умѣстны настолько, насколько умѣстны и возможны въ гимназическомъ курсѣ всякаго рода теоретическія ученія—напримѣръ, ученіе о законахъ и формахъ мышленія (логика) или ученіе о законахъ человѣческаго духа (психологія).

5. Я согласенъ съ тѣмъ, что въ учебникѣ Иловайскаго, при классныхъ занятіяхъ, какъ и во всякомъ учебникѣ, возможны и купюры, и амплификаціи. Первыя возможны и законны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда та или иная часть исторіи всеобщей или русской совпадаетъ съ содержаніемъ другого

какого-либо курса исторіи или теоріи словесности. Можно говорить въ классѣ всеобщей или русской исторіи о Гёте, Клопштокѣ и т. д., но если эти писатели трактуются и въ классѣ литературы, преподаватель исторіи можетъ умолчать о нихъ, хотя въ учебникѣ исторіи и о нихъ должно быть сказано кратко, ради полноты историческаго курса. Въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ строгого согласованія одного курса съ другимъ. Программы всеобщей и русской исторіи должны быть составляемы не независимо одна отъ другой, а одновременно, по взаимному соглашенію преподавателей того и другого предмета, именно съ цѣлью избѣжать повторенія одного и того же обоими. Что касается амплификацій, то отъ преподавателя исторіи зависитъ отъ времени до времени пополнять новыми подробностями содержаніе учебника.

Затѣмъ, возвращаясь къ оцѣнкѣ учебника исторіи Иловайскаго, по поводу сказаннаго о немъ референтомъ, нельзя не замѣтить, что при своихъ достоинствахъ системы и прагматическаго построенія (хорошій компендіумъ, вполнѣ прагматически построенный) и изложенія (ясность и строгая пропорціональность въ распредѣленіи предметовъ), онъ далекъ отъ совершенства со стороны должной полноты матеріала. Особенно это слѣдуетъ сказать объ учебникахъ (и другихъ авторовъ) по русской исторіи. Какая громадная масса новаго историческаго матеріала, изданнаго въ послѣдніе лѣтъ тридцать—сорокъ, не эксплоатирована не только для средняго, но и для высшаго курса исторіи! Какая масса монографій, давшихъ новыя цѣнныя пріобрѣтенія въ области историческихъ обобщеній, не утилизирована для прагматическихъ курсовъ исторіи! Исторія *учрежденій* крайне скудна и необработана почти во всѣхъ нашихъ курсахъ. Въ этомъ случаѣ, программа курса «Исторіи Франціи» Рамбо можетъ быть поставлена въ образецъ и должна служить упрекомъ какъ составителямъ учебниковъ по русской исторіи, такъ и авторамъ университетскихъ компендіумовъ; съ этой точки зрѣнія, даже учебникъ Трачевскаго, несмотря на всѣ его недостатки, стоитъ выше учебниковъ Иловайскаго.

Протоколъ X (открытаго) Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 12 сентября 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 17 членовъ.

1. Прочитанъ, утвержденъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. По предложенію г. предсѣдателя, Собраніе почтило память покойнаго члена-учредителя Общества И. П. Минаева вставаніемъ.

3. Приступлено къ баллотировкѣ предложенныхъ на прошломъ Общемъ Собраніи 25 апр. гг. Мищенка и Погодина: и тотъ, и другой оказались избранными единогласно.

4. Е. А. Бѣловъ прочелъ рефератъ объ историческомъ значеніи царствованія Ивана Грознаго (см. прил.). По прочтеніи реферата г. референту возражали гг. Шмурло и Гуревичъ. По мнѣнію Е. Ф. Шмурло, личность Грознаго нельзя объяснять преимущественно какою-либо *одною* стороною его дѣятельности, хотя бы это и была борьба со стремленіями боярства. Личность Грознаго болѣе чѣмъ какую иную необходимо изучать въ тѣсной зависимости отъ времени. А тогдашнее время предъявляло цѣлый рядъ сложныхъ требованій. Вырабатывались новыя понятія о верховной власти, сознавалась потребность въ торговыхъ сношеніяхъ, политическихъ союзахъ; да и изъ самой церкви, помощницы, сторонницы верховной власти, стараются сдѣлать сознательно служебный органъ. Насколько же отвѣчалъ этимъ сложнымъ задачамъ Иванъ Грозный? По мнѣнію г. Шмурло, его нельзя считать неспособнымъ, но и не слѣдуетъ производить въ геніи. Будь царь Иванъ вполнѣ на высотѣ своей задачи, онъ не внесъ бы личнаго раздраженія въ борьбу съ боярствомъ. Отрицательное отношеніе къ Грозному нѣкоторыхъ изъ представителей нашей исторіографіи, по словамъ оппонента, объясняется тѣмъ, что въ царѣ Иванѣ Васильевичѣ видѣли человѣка, оказавшагося ниже своего положенія, къ тому же богатаго личными недостатками; наоборотъ, сочувствіе къ Ивану вытекало изъ взгляда на него, какъ на историческаго дѣятеля, на долю котораго выпала тяжелая и почетная роль рѣшать насущныя и серьезныя задачи своего времени. Между тѣмъ, русскій царь не виноватъ, что таковыя во всемъ ихъ объемѣ оказались ему не по плечу, но и заслугу въ посильномъ ихъ выполненіи онъ долженъ раздѣлить. На замѣчанія г. Шмурло, Е. А. Бѣловъ отвѣчалъ, что всѣ событія царствованія Грознаго или истекаютъ прямо изъ его столкновеній съ боярствомъ, или группируются около этихъ столкновеній и отъ нихъ получаютъ свою окраску; поэтому пониманіе значенія царствованія Грознаго во всѣхъ отношеніяхъ зависитъ отъ уясненія означенныхъ столкновеній.

Я. Г. Гуревичъ замѣтилъ, что въ рефератѣ г. Бѣлова остаются невыясненными отношенія боярства къ земщинѣ, хотя, судя по третьему тезизу, и можно было бы ожидать отъ г. Бѣлова разработки этого вопроса. Кромѣ того, по мнѣнію г. оппонента, г. Бѣловъ выяснилъ не столько вопросъ о значеніи царствованія Грознаго, сколько вопросъ о его характерѣ въ нашей исторической литературѣ. Наконецъ, подробный критическій разборъ нѣсколькихъ мелочныхъ показаній кн. Курбскаго занялъ слишкомъ большое мѣсто въ прочитанномъ рефератѣ. На замѣчанія г. Гуревича Е. А. Бѣловъ отвѣчалъ, что по недостатку времени не успѣлъ коснуться вопроса объ отношеніяхъ боярства къ защитѣ, хотя онъ и разобранъ въ рукописномъ изложеніи его реферата. Что же касается до Курбскаго, то его сочиненія—чрезвычайно важный источникъ по исторіи царствованія Ивана Грознаго и заслуживаютъ подробнаго разбора.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Тезисы къ реферату Е. А. Бѣлова.

1. Отсутствіе въ литературѣ опредѣленнаго, т.-е. прочно установившагося мнѣнія о значеніи царствованія Грознаго зависитъ болѣе всего отъ того, что не выяснены стремленія боярства, съ которымъ у него шла борьба.

2. Приписываніе боярству защиты земскихъ началъ никакими существенными доказательствами не подтверждается.

3. Одна безпристрастная оцѣнка отношеній удѣльныхъ князей и дружинниковъ къ городскимъ общинамъ и къ народу можетъ дать твердую точку опоры къ выясненію событій царствованія Грознаго.

4. Замѣчаніе Кавелина, что событія царствованія Грознаго иллюстрируются событіями смутнаго времени, глубоко вѣрно.

5. При оцѣнкѣ личности Грознаго, смѣшеніе элементовъ этическаго и политическаго только запутываетъ объясненіе событій царствованія Грознаго, не принося ни малѣйшей пользы нравственности.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Замѣчаніе Е. А. Бѣлова по поводу § 4 протокола.

По прочтеніи протокола засѣданія 12 сентября въ засѣданіи 10 октября, Е. А. Бѣловъ выразилъ желаніе сказать нѣсколько словъ по поводу 4 пункта этого протокола, послѣ чего имъ доставлена было для приложенія къ протоколу слѣдующая записка: «Если я говорилъ болѣе о личности Грознаго, чѣмъ о значеніи его царствованія, то это обстоятельство обусловливалось содержаніемъ реферата, озаглавленнаго: «Вопросъ о значеніи царствованія Грознаго *въ русской исторической литературѣ*». Самые объективные историки, говорившіе о Грозномъ, значенія царствованія не опредѣлили. Такъ Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, въ концѣ концовъ, заняты болѣе опредѣленіемъ личности Грознаго, чѣмъ значеніемъ его царствованія, столь обильнаго послѣдствіями. У меня приведены были мнѣнія Нибура, Ренана и Бокля о томъ, какъ ошибочно судить историческія личности по ихъ нравственности. Что касается до вопроса объ отношеніяхъ московскаго боярства къ земству, то объ этихъ отношеніяхъ у меня не только есть въ рукописи, какъ сказано въ протоколѣ, но этимъ отношеніямъ посвящена вся третья глава моего труда *Объ историческомъ значеніи русскаго боярства* (Ж. М. Н. Пр. за 1886 г., мартъ и III гл. въ отдѣльномъ изданіи)».

Протоколъ XI (открытаго) Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 10 октября 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 14 членовъ.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что Маконская Академія предлагаетъ Историческому Обществу принять участіе въ празднованіи юбилея Ламартина и что Комитетъ рѣшилъ послать Академіи поздравительную телеграмму по этому поводу.

3. Г. предсѣдатель заявилъ, что по случаю пятидесятилѣтняго юбилея академика А. Ѳ. Бычкова юбиляру принесено словесное поздравленіе и отъ Историческаго Общества.

4. Заявлено предложеніе г. Мищенка высылать ученыя записки Казанскаго Университета въ библіотеку Общества взамѣнъ изданій Общества; сдѣланы также пожертвованія въ библіотеку г. Сапуновымъ 10 сочиненій, М. И. Семевскимъ, г. Столыпинымъ, В. Г. Дружининымъ и Х. М. Лопаревымъ ихъ послѣднихъ изданій и сочиненій. Постановлено: принять предложеніе г. Мищенка и благодарить его, а также выразить благодарность гг. Семевскому, Столыпину, Дружинину и Лопареву.

5. Г. предсѣдатель заявилъ, что на расходы по изданію Сборника сдѣланы пожертвованія: Ек. Сем. Котляревской — 100 рублей, Я. Г. Гуревичемъ — 100 рублей, Л. Ѳ. Пантелѣевымъ — 15 рублей. Печатаніе сборника уже началось: отпечатано 6 листовъ.

6. Г. Бѣловъ выразилъ желаніе сдѣлать добавленіе къ протоколу прошлаго собранія, причемъ указалъ. что вопросы, которые, по мнѣнію г. Гуревича, пропущены были въ его изустномъ сообщеніи, не только помѣщены были въ его рукописи, но и обсуждались имъ печатно.

7. Приступлено было къ баллотировкѣ кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое общее собраніе. П. В. Голубовскій, В. С. Иконниковъ, Е. А. Соловьевъ и В. Е. Якушкинъ оказались избранными единогласно, А. С. Хахановъ—большинствомъ голосовъ.

8. Предложены слѣдующіе кандидаты въ члены Историческаго Общества: С. Д. Ахшарумовъ, Г. В. Бартольдъ, С. М. Георгіевскій, Е. І. Лихачева, О. М. Петерсонъ, Г. И. Перетятковичъ, А. А. Чебышевъ, въ члены соревнователи—Е. С. Котляревская.

9. Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ сообщеніе о послѣднихъ трудахъ по исторіи Франціи въ XVIII вѣк, а П. Д. Погодинъ сообщилъ свои замѣчанія на книгу Паспати объ осадѣ и взятіи Константинополя турками въ 1453 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ сообщеніе о послѣднихъ трудахъ по исторіи Франціи къ XVIII в., которые посвящены, главнымъ образомъ, исторіи революціи и изслѣдованіямъ въ области «стараго порядка». Референтъ предпослалъ своему сообщенію нѣсколько словъ о томъ, что по принятому Обществомъ плану занятій время-отъ-времени въ собраніяхъ членовъ Общества будутъ читаться рефераты о современномъ состояніи отдѣльныхъ областей исторической науки, и что уже намѣчены еще подобныя сообщенія для ближайшаго будущаго. Самый рефератъ Н. И. Карѣева заключался въ краткомъ изложеніи статьи его, предназначенной для напечатанія въ сборникѣ, причемъ цѣликомъ были прочитаны нѣкоторые отрывки.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

По поводу новой книги г. Паспати «Объ осадѣ и взятіи Константинополя турками въ 1453 г.».

Приступая къ разбору книги г. Паспати объ «Осадѣ и взятіи Константинополя турками», референтъ указалъ на всемірное значеніе этого событія и на глубину впечатлѣнія, произведеннаго имъ на современниковъ, какъ на причины обилія, разнородности и разноязычности источниковъ, существующихъ по этому предмету. Въ общей характеристикѣ сочиненій, посвященныхъ обработкѣ этихъ источниковъ, были обозначены границы, до какихъ дошли изслѣдователи, и намѣчена область, или совершенно незатронутая учеными, или недостаточно ими обслѣдованная. На основаніи этого были указаны недостатки работы г. Паспати, выражавшіеся въ допущенныхъ имъ пробѣлахъ, а затѣмъ приступлено къ оцѣнкѣ содержимаго книги. Самой сильной стороной признана разработка вопросовъ археологическихъ и топографическихъ, въ остальномъ же сочиненіе представляетъ самый обыкновенный сводъ источниковъ, ни по полнотѣ, ни по тщательности исторической критики, ни по характеру изложенія не могущій занять перваго мѣста между разсказами, существовавшими раньше. Не вдаваясь въ мелочную оцѣнку и опроверженіе подробностей, какъ, напр., неправильное исчисленіе г. Паспати византійскаго народонаселенія, оставляя въ сторонѣ пробѣлы и недочеты въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, какъ, напр., дѣла Луки Нотары, для чего г. Паспати не было привлечено даже надгробное слово Іоанна Мосха, референтъ обратилъ вниманіе на то, кто былъ истинными зачинщиками въ послѣдней борьбѣ, турки или греки. По мнѣнію референта, обвиненіе въ этомъ грековъ неспра-

ведливо, такъ какъ основаніемъ ему служитъ единственно показаніе Дуки. Показаніе это должно быть отвергнуто, 1) потому что оно исходитъ отъ лица, враждебно настроеннаго противъ Византіи и окрасившаго своею неприязнію къ ней все свое сочиненіе о послѣднихъ дняхъ Восточной Имперіи, 2) потому что оно стоитъ одиноко между остальными источниками, изъ которыхъ одни прямо, другіе косвенно его опровергаютъ, наконецъ 3) потому что оно не соотвѣтствуетъ наличности тогдашнихъ историческихъ условій.

Примѣчаніе. Протоколы ноябрьскихъ и декабрьскаго засѣданій Историческаго Общества будутъ напечатаны вмѣстѣ съ протоколами 1891 г.

Систематическій указатель исторической литературы.

Коллективная работа надъ составленіемъ исторической библіографіи, предложенныхъ Историческому Обществу проф. Н. И. Карѣевымъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій [1]), должна въ настоящее время считаться имѣющею шансы быть доведенною до конца. Уже въ томъ засѣданіи, въ которомъ поднятъ былъ вопросъ объ этой работѣ, образовалась для веденія дѣла особая «библіографическая коммиссія», имѣвшая въ 1890 г. четыре засѣданіе (14 февр., 18 апр., 5 мая и 3 окт.) для выработки общаго плана изданія и опредѣленія состава сотрудниковъ. Независимо отъ этого, во время пребыванія своего на VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ январѣ 1890 г. проф. Карѣевъ заручился обѣщаніемъ сотрудничества со стороны многихъ иногородныхъ ученыхъ, причемъ тогда же происходили совѣщанія о планѣ изданія, въ коихъ принимали дѣятельное участіе профессора всеобщей исторіи П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, Н. И. Карѣевъ, И. В. Лучицкій и Н. Н. Любовичъ. Результатомъ этихъ совѣщаній является общій планъ изданія, который былъ разсмотрѣнъ и дополненъ въ первомъ-же засѣданіи библіографической коммиссіи и затѣмъ въ гектографированномъ видѣ разосланъ всѣмъ какъ раньше давшимъ свое обѣщаніе, такъ и вновь приглашеннымъ сотрудникамъ. Нѣкоторыя замѣчанія, присланныя сотрудниками (особенно замѣчанія прив.-доц. русской исторіи въ Московскомъ Университетѣ П. Н. Милюкова), заставили библіографическую коммиссію произвести въ первоначальной редакціи плана кое-какія измѣненія, съ каковыми мы его здѣсь и приводимъ.

1. Историческое Общество при С.-Петербургскомъ Университетѣ издаетъ въ видѣ книги размѣрами около 25 листовъ историческую библіографію подъ названіемъ «Систематическаго Обзора Исторической Литературы».

2. Книга эта будетъ составлена совокупными трудами спеціалистовъ отдѣльныхъ областей исторіи.

---

[1]) См. выше, отд. II, стр. 10 и 19.

3. При составленіи книги будутъ имѣться въ виду вообще потребности образованной публики, въ томъ числѣ преподавателей исторіи и студентовъ.

4. Поэтому въ библіографію эту должны попасть только такія сочиненія, которыя могутъ считаться въ каждомъ отдѣлѣ наиболѣе важными и общими.

5. Указанія дѣлаются только на книги, написанныя или переведенныя по русски, по французски, по нѣмецки, по англійски, по итальянски, по польски и по латыни, а также книги на другихъ славянскихъ языкахъ по соотвѣтственнымъ національнымъ исторіямъ. Историческія книги, переведенныя съ одного изъ иностранныхъ языковъ на русскій, должны быть необходимо отмѣчены въ библіографіи

6. Желательно, чтобы въ каждомъ (особенно въ крупномъ) отдѣлѣ библіографическимъ указаніямъ была предпослана маленькая исторіографическая замѣтка. Кромѣ того, необходимо отмѣчать изданія, въ коихъ можно находить болѣе подробныя указанія на литературу предмета.

7. Библіографическія указанія будутъ сопровождаться краткими характеристиками, въ коихъ на первомъ мѣстѣ должны стоять содержаніе книги и особенности ея отношенія къ предмету. Размѣры такихъ отмѣтокъ предполагаются отъ трехъ-четырехъ строкъ до цѣлой страницы въ 2—2½ тысячи буквъ. (Принимая въ книгѣ 400 стр. и 3—4 указанія среднимъ числомъ на каждой страницѣ, получимъ около 1500 библіографическихъ отмѣтокъ во всей книгѣ).

8. Указанія эти дѣлаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

A. Сочиненія по теоріи и философіи исторіи.

B. Историческая географія.

C. Первобытная культура.

D. Всеобщія исторіи.

E. Исторія Востока:

a) Общія исторіи Востока.

b) Исторіи отдѣльныхъ странъ (Китай и Японія, Индія, Египетъ, Вавилоно-Ассирія, Иранъ, Семиты, Аравія и Исламъ, Средняя Азія, Турція).

F. Европейская исторія:

a) Исторія классическаго міра вообще.

b) Исторіи Греціи и исторіи Рима.

c) Христіанство.

d) Средніе вѣка вообще и отдѣльныя эпохи среднихъ вѣковъ для всѣхъ странъ (напр., переселеніе народовъ, крестовые походы, католическая культура и т. п.)

e) Новая исторія вообще и отдѣльныя ея эпохи по всѣмъ странамъ (Возрожденіе, реформація и католическая реакція, просвѣщеніе XVIII в. и т. д.)

f) Исторіи отдѣльныхъ странъ (Византія и Юго-славяне, Скандинавія, Польша, Чехія, Венгрія, Германія съ Австріей, Швейцарія, Нидерланды, Франція, Италія, Пиренейскій полуостровъ, Великобританія).

G. Америка и Австралія.

Отдѣлъ, посвященный русской исторіи, долженъ занимать около одной трети всей книги. Отдѣлъ этотъ располагается въ слѣдующемъ порядкѣ:

А. Источниковѣдѣніе и исторіографія.

Б. Историческая географія и этнографія.

В. Общія исторіи Россіи.

Г. Востокъ Европы до IX в. по Р. Х.

Д. Спеціальныя сочиненія по исторіи Россіи:

I. Политическая исторія: 1) Кіевской Руси, 2) Новгородской Руси, 3) Литовской Руси, 4) Суздальской и Московской Руси и 5) Петербургскаго періода.

II. Внутренняя исторія: 1) хозяйственный бытъ, 2) юридическій бытъ, 3) духовная культура (съ подраздѣленіемъ на общія и спеціальныя сочиненія).

Е. Исторія областей со времени ихъ присоединенія: 1) Финляндія, 2) Прибалтійскій край, 3) Западный край, 4) Царство Польское, 5) Малороссія, 6) Новороссія и Крымъ, 7) Донская область, 8) Кавказъ, 9) Среднеазіятскія владѣнія, 10) Сибирь.

9. Настоящій планъ разсылается всѣмъ лицамъ, выразившимъ согласіе на участіе въ составленіи библіографіи или еще только могущимъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Сотрудники приглашаются сдѣлать свои замѣчанія по поводу отдѣльныхъ статей плана и прислать въ Историческое Общество точное заглавіе о томъ отдѣлѣ, который на себя берутъ, съ простымъ спискомъ книгъ, предполагаемыхъ быть включенными въ библіографію. (Адресъ предсѣдателя Общества профессора Н. И. Карѣева: С.-Петербургъ, Ждановская ул., д. № 7).

10. Редактированіемъ библіографіи занимается составившаяся уже коммиссія при постоянномъ участіи всѣхъ сотрудниковъ и при ближайшемъ завѣдываніи всѣмъ дѣломъ со стороны коллективной редакціи, состоящей по меньшей мѣрѣ изъ трехъ лицъ. Въ составъ редакціи долженъ входить спеціалистъ по русской исторіи.

11. Списки книгъ, составленные сотрудниками, будутъ разосланы имъ, по приведеніи этихъ списковъ въ порядокъ, дабы редакція могла воспользоваться новыми, со стороны сотрудниковъ, замѣчаніями.

12. Въ случаѣ надобности, редакція дѣлаетъ измѣненія въ доставленныхъ ей рукописяхъ только по соглашенію съ сотрудниками.

13. Всѣ вопросы, касающіеся изданія библіографіи, рѣшаются Общимъ Собраніемъ, до свѣдѣнія котораго доводятся и всѣ дѣйствія какъ библіогра-

фической коммиссіи, такъ и редакціи. Печатаніе книги должно происходить подъ ближайшимъ надзоромъ комитета и при участіи библіографической коммиссіи.

14. Сотрудникамъ доставляется послѣдняя корректура ихъ отдѣловъ. Число безплатныхъ экземпляровъ, на которые нужно предоставить право каждому сотруднику, должно быть опредѣлено Общимъ Собраніемъ Общества по предложенію комитета Общества и библіографической коммиссіи.

15. На библіографическую коммиссію возлагается обязанность привлеченія новыхъ сотрудниковъ, списокъ коихъ долженъ быть окончательно опредѣленъ какъ можно скорѣе, съ обозначеніемъ взятыхъ ими на себя отдѣловъ.

Въ видѣ примѣра къ этому плану были приложены, при его разсылкѣ сотрудникамъ, «пробныя страницы», составленныя проф. П. Г. Виноградовымъ и проф. Н. И. Карѣевымъ, изъ коихъ первый разобралъ нѣсколько сочиненій по начальной исторіи среднихъ вѣковъ, а второй — главнѣйшие и наиболѣе общіе труды по исторіи Польши въ эпоху раздѣловъ.

Такъ какъ отдѣлъ всеобщей исторіи былъ организованъ съ самаго же начала во время московскихъ совѣщаній, то главною задачею библіографической коммиссіи въ 1890 г. было организовать отдѣлъ русской исторіи, а это прежде всего требовало выработки схемы, въ которой могъ бы быть уложенъ весь матеріалъ по русской исторіи. Редакція пока не образовалась, такъ какъ организаціонныя работы еще не окончены. Тѣмъ не менѣе, въ библіографическую коммиссію стали поступать списки книгъ, требуемые § 9 плана, чѣмъ и положено начало самому дѣлу составленія систематическаго обзора. Списокъ сотрудниковъ тоже окончательно еще не установился, но вообще можно сказать, что всѣ научныя силы, коимъ по количеству работы будутъ принадлежать главныя мѣста во всемъ предпріятіи, въ настоящее время уже въ сборѣ. Само собою разумѣется, что такое сложное дѣло, въ коемъ участіе должны принять лица, живущія въ разныхъ городахъ, не можетъ идти очень быстро, но библіографическая коммиссія, а также, надѣемся, и будущая редакція указателя употребятъ всѣ усилія, чтобы Историческое Общество могло поскорѣе приступить къ печатанію этой книги. Приводимъ имена лицъ, уже обѣщавшихъ свое участіе въ составленіи библіографіи (по исторіи всеобщей) и взявшихъ на себя разные крупные и мелкіе ея отдѣлы, полагающіеся по плану: проф. Анучинъ (Д. Н.), проф. Бузескулъ (В. П.), Бѣловъ (Е. А.), проф. Васильевскій (В. Г.), проф. Виноградовъ (П. Г.), проф. Герье (В. И.), прив.-доц. Гревсъ (И. М.), Гуревичъ (Я. Г.), проф. Карѣевъ (Н. И.), прив.-доц. Корелинъ (М. С.), магистрантъ Лопаревъ (Х. М.), прив.-доц. Лемнъ (О. Э.), проф. Любовичъ (Н. Н.), проф. Лучицкій (И. В.), проф. Миллеръ (В. Ө.), прив.-доц. Михайловскій (В. М.), проф. Мищенко (Ө. Г.), прив.-доц. Ольденбургъ (С. Ө.), проф. Павинскій (А. И.), проф. бар. Розенъ (В. Р.), магистрантъ Степановъ (С. Л.), проф. Трачевскій (А. С.), проф. Троицкій (И. Е.), проф. Успенскій (Ө. И.), прив.-доц. Форстенъ (Г. В.),

проф. Фортинскій (Ѳ. Я.), прив.-доц. Фортунатовъ (С. Ѳ.), магистрантъ Щукаревъ (А. Н.).

Что касается до сотрудниковъ по обзору русской исторіографіи, то списокъ ихъ окончательно еще не установленъ, такъ какъ съ нѣкоторыми лицами, къ коимъ обратилась библіографическая коммиссія съ приглашеніемъ принять участіе въ работѣ, переговоры еще продолжались въ моментъ печатанія настоящей замѣтки. До сихъ поръ положительно обѣщано сотрудничество проф. Бершадскимъ (С. А.), акад. Бестужевымъ-Рюминымъ (К. Н.), Бѣловымъ (Е. А.), прив.-доц. Голубовскимъ (П. В.), проф. Иконниковымъ (В. С.), прив.-доц. Лаппо-Данилевскимъ (А. С.), прив.-доц. Милюковымъ (П. Н.), Мякотинымъ (В. А.), проф. Перетятковичемъ (Г. И.), прив.-доц. Платоновымъ (С. Ѳ.), прив.-доц. Шмурло (Е. Ф.).

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1890 году.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ основано было въ самомъ концѣ 1889 года и вступило въ 1890 г. въ составѣ 60 членовъ, изъ числа которыхъ для управленія его дѣлами на этотъ годъ были избраны слѣдующія лица на первомъ Общемъ Собраніи членовъ учредителей 26 ноября 1889 года: въ предсѣдатели Общества В. Г. Васильевскій, въ члены Комитета—С. А. Бершадскій, В. Г. Дружининъ, Н. И. Карѣевъ, С. Ѳ. Платоновъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмурло. Г. предсѣдатель и гг. члены Комитета на Общемъ Собраніи 6 декабря 1889 г. заявили, что слагаютъ съ себя возложенныя на нихъ званія. Послѣ происходившихъ по этому поводу новыхъ выборовъ, оказались избранными: въ званіе предсѣдателя Н. И. Карѣевъ, въ члены Комитета—С. А. Бершадскій, В. Г. Дружининъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. А. Меншуткинъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмурло. При распредѣленіи обязанностей между членами Комитета, въ засѣданіи Комитета того же 6-го декабря приняли на себя обязанности: товарища предсѣдателя—С. А. Бершадскій, секретаря—А. С. Лаппо-Данилевскій, казначея—В. Г. Дружининъ и библіотекаря—Е. Ф. Шмурло. Въ силу § 20 устава Общества по жребію выбываютъ изъ Комитета въ концѣ 1890 г.: В. Г. Дружининъ и Е. Ф. Шмурло. Къ концу отчетнаго года въ Обществѣ числилось 162 дѣйствительныхъ члена и 1 членъ соревнователь. Кромѣ трехъ засѣданій, происходившихъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1889 года, Общество имѣло въ отчетномъ году (до конца ноября) 10 собраній, посвященныхъ съ одной стороны научнымъ сообщеніямъ и преніямъ по поводу ихъ, съ другой—обсужденію текущихъ дѣлъ.

Научныя сообщенія были сдѣланы слѣдующими членами Общества: Н. И. Карѣевымъ «О задачахъ Историческаго Общества» и «О разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки», С. А. Бершадскимъ «О крестьянскомъ хозяйствѣ въ Литвѣ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка», С. Л. Степановымъ—«Объ Аѳинской высшей школѣ въ IV в. по Р. Хр.», Я. Г. Гуревичемъ—«Объ исторіи, какъ наукѣ и какъ предметѣ преподаванія», Х. М. Лопаревымъ—«О дневникѣ Ф. Кабрита 1788 г.», Е. А. Бѣловымъ «По вопросу о значеніи царствованія Грознаго въ русской исторической литературѣ», Н. И. Карѣевымъ—«О новѣйшихъ трудахъ по исторіи французской революціи», П. Д. Погодинымъ—«По поводу книги Паспати о взятіи Константинополя турками», Е. Н. Щепкиной—«О Тульскомъ уѣздѣ въ XVI—XVII вѣкахъ», А. М. Ону—«Объ историческомъ значеніи царствованія Іосифа II», Г. Е. Аѳанасьевымъ—«О pacte de famine» и Н. И. Карѣевымъ—«О новомъ предпріятіи въ области преподаванія исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ». На сообщеніяхъ или преніяхъ по поводу ихъ, происходившихъ на четвертомъ, шестомъ, девятомъ, десятомъ, одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и тринадцатомъ Общихъ Собраніяхъ, присутствовала публика.

Кромѣ научныхъ сообщеній и преній по ихъ поводу, Общество занято было обсужденіемъ вопросовъ объ изданіи своихъ трудовъ и о составленіи систематическаго указателя исторической литературы. Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то рѣшено было ограничиться пока изданіемъ сборника, редакція котораго поручена была Комитету. Комитетъ рѣшилъ печатать сборникъ (въ количествѣ 800 экземпляровъ) въ кредитъ съ уплатою типографіи стоимости того количества экземпляровъ, которое предназначается на раздачу членамъ, и съ окончательною расплатою по счету типографіи въ іюнѣ 1892 г. Кромѣ того, была открыта подписка на покрытіе расходовъ по изданію сборника на случай дефицита или для послѣдующихъ изданій, если таковаго не окажется по сборнику 1890 г. По подпискѣ пожертвовали: Я. Г. Гуревичъ—100 р., Н. И. Карѣевъ—100 р., Е. С. Котляревская—100 руб., И. Е. Троицкій—50 руб., Л. Ѳ. Пантелѣевъ—15 руб., Г. Е. Аѳанасьевъ—15 руб, В. А. Майковъ—5 руб. Осенью 1890 г. Комитетъ приступилъ къ печатанію сборника, который долженъ будетъ выйти въ декабрѣ того же года. Рядомъ съ вопросомъ объ изданіи сборника, Общество обсуждало и вопросъ о составленіи систематическаго указателя исторической литературы. Для этихъ цѣлей составлена была особая коммиссія, которая въ отчетномъ году собиралась 4 раза (о ея дѣятельности см. выше особую записку).

Общество занято было также составленіемъ библіотеки. Она стала складываться въ отчетномъ году изъ 96 сочиненій въ числѣ 115 книгъ, пожертвованныхъ г. Вороновымъ, А. И. Сапуновымъ, С. А. Муромцевымъ, М. И. Семевскимъ, Н. А. Поповымъ, Архивомъ Министерства Юстиціи, В. Г. Дружининымъ и М. А. Дьяконовымъ, г. Столыпинымъ, Таврическою Архивною Коммиссіей, Александровской публ. библіотекой въ Самарѣ, Н. И. Карѣевымъ,

Е. Ф. Шмурло, А. С. Лаппо-Данилевскимъ, В. П. Бузескуломъ, С. А. Бершадскимъ, Ѳ. Г. Мищенкомъ, В. И. Адамовичемъ и Х. М. Лопаревымъ.

Средства Общества составлялись изъ членскихъ взносовъ и чрезвычайныхъ поступленій.

Приходъ Общества слѣдующій:

Годовыхъ взносовъ отъ членовъ Общества	550	р. —	к.
Пожертвованій на покрытіе расходовъ по изданіямъ Общества.	385	» —	»
Итого	935	р. —	к.

Расходъ:

Печатаніе Устава	6	р. —	к.
Обзаведеніе канцеляріи	24	» —	»
Секретарю на расходы	15	» —	»
Почтовые расходы	23	» 89	»
Казначею по должности	—	» 95	»
Вознагражденіе А. А. Кириллову за веденіе письменныхъ работъ	50	» —	»
Итого	119	р. 84	к.

Остатокъ на 1891 годъ 815 р. 16 к.

Протоколъ засѣданія ревизіонной коммиссіи 28 ноября 1890 г.

Ревизіонная коммиссія, разсмотрѣвъ состояніе книгъ и провѣривъ счета казначея, а также и отчетъ секретаря Общества, нашла ихъ совершенно правильными и въ надлежащемъ порядкѣ. Библіотека же Общества не могла быть провѣрена за отсутствіемъ для нея отдѣльныхъ шкафовъ.

Евгеній Бѣловъ.
С. Степановъ.
А. Покровскій.

Примѣчаніе. Многія пожертвованныя книги въ моментъ ревизіи находились еще у жертвователей, такъ какъ помѣщеніе для библіотеки въ Университетѣ не было еще устроено, вслѣдствіе чего библіотека и не могла быть представлена ревизіонной коммиссіи.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ
ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ВЪ 1890 Г.

1. *Предсѣдатель* — Николай Ивановичъ *Карѣевъ*, проф. Петерб. Унив., чл.-учред. Ждановская, д. № 7.
2. *Товарищъ предсѣдателя*—Сергѣй Александровичъ *Бершадскій*, проф. Петерб. Унив., чл.-учред. В. О., Больш. пр., д. № $^{19}/_{26}$.
3. *Секретарь*—Александръ Сергѣевичъ *Лаппо-Данилевскій*, прив.-доц. Петерб. Унив., чл.-учр. Мытнинская набер., д. № 13.
4. *Казначей* — Василій Григорьевичъ *Дружининъ*, магистръ русской исторіи, чл.-учред. Сергіевская, д. № 45.
5. *Библіотекарь*—Евгеній Францевичъ *Шмурло*, прив.-доц. Петерб.Унив., чл.-учред. Знаменская, д. № 34.
6. Николай Александровичъ *Меншуткинъ*, проф. Петерб. Унив., чл.-учред. В. О., Кадетск. лин., д. № 25.
7. Георгій Васильевичъ *Форстенъ*, прив.-доц. Петерб. Унив., чл.-учред. Сергіевская, д. № 81.

ЧЛЕНЫ-УЧРЕДИТЕЛИ.

8. *Бестужевъ-Рюминъ*, Константинъ Николаевичъ, академикъ. В. О., 5 лин., д. № 62.
9. *Бубновъ*, Николай Михайловичъ, кандидатъ ист.-фил. фак. Сергіевская, д. № 23.
10. *Бѣловъ*, Евгеній Александровичъ, преподаватель исторіи въ Имп. Алекс. Лицеѣ. В. О., Малый пр., д. № 15.

11. *Васильевскій*, Василій Григорьевичъ, акад. и проф. Петерб. Унив. Троицкая ул., д. № 27.
12. *Веселовскій*, Александръ Николаевичъ, акад. и проф. Петерб. Унив. В. О., 2 лин., д. № 37.
13. *Гревсъ*, Иванъ Михайловичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. В. О., 6 лин., д. № 15.
14. *Гуревичъ*, Яковъ Григорьевичъ, директоръ частной гимназіи въ Петербургѣ. Надеждинская, д. № 40.
15. *Дьяконовъ*, Михаилъ Александровичъ, проф. Дерптск. Унив.
16. *Замысловскій*, Егоръ Егоровичъ, б. проф. рус. ист. Петерб. Унив. В. О., 14 лин., д. № 31.
17. *Козеко*, Иванъ Алексѣевичъ, преподаватель исторіи. Царское Село, Магазинная, д. Кокорева.
18. *Ламанскій*, Владиміръ Ивановичъ, проф. Петерб. Унив. Коломенская ул., д. № 33.
19. *Мартенсъ*, Θедоръ Θедоровичъ, проф. Петерб. Унив. Пантелеймоновская, д. № 12.
20. *Минаевъ*, Иванъ Павловичъ († 1 іюня 1890 г.).
21. *Модестовъ*, Василій Ивановичъ, проф. Новорос. Унив.
22. *Мякотинъ*, Венедиктъ Александровичъ, канд. ист.-филол. фак. Коломенская, д. № 15.
23. *Ольденбургъ*, Сергѣй Θедоровичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. В. О., 6 л., д. № 15.
24. *Платоновъ*, Сергѣй Θедоровичъ, проф. Петерб. Унив. Уголъ Ивановской и Ямской, д. № 18—29.
25. *Сергѣевичъ*, Василій Ивановичъ, проф. Петерб. Унив. Стремянная ул., д. № 19.
26. *Соколовъ*, Θедоръ Θедоровичъ, проф. Петерб. Унив. Историко-Филолог. Институтъ.
27. *Степановъ*, Сергѣй Лаврентьевичъ, магистрантъ всеобщ. ист. Артиллерійская, д. № 6.
28. *Троицкій*, Иванъ Егоровичъ, проф. Петерб. Унив. Уголъ 7-й улицы и Слоновой, д. № 16/22.
29. *Чечулинъ*, Николай Димитріевичъ, магистръ рус. ист. Фурштадтская, д. № 38.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

30. *Адамовичъ*, Василій Ивановичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. Садовая ул., д. № 71, кв. 11.
31. *Андреева*, Александра Алексѣевна. Москва, Тверская, Брюсовъ пер., собств. домъ.

32. *Андреевскій*, Иванъ Ефимовичъ, директоръ Археолог. Инст. Большая Мастерская, д. № 10.
33. *Андреевъ*, Василій Алексѣевичъ, дѣйств. студ. Москов. Унив. Москва, Тверская, противъ дома Генералъ-Губернатора.
34. *Андреяновъ*, Михаилъ Александровичъ, преподав. исторіи. Вас. Остр., 8 линія, д. № 47.
35. *Анненскій*, Иннокентій Өедоровичъ, препод. рус. слов. Малая Итальянская, д. № 27.
36. *Антоновичъ*, Владиміръ Бонифатьевичъ, проф. унив. Св. Владиміра. Кіевъ, Университетъ.
37. *Арсеньевъ*, Константинъ Константиновичъ, прис. пов. Вас. Островъ, 14 линія, д. № 23.
38. *Аөанасьевъ*, Георгій Емельяновичъ, магистръ всеобщ. ист. Одесса, Общество взаимнаго кредита.
39. *Ахшарумовъ*, Семенъ Дмитріевичъ, бывш. преподаватель. Литейный, д. Удѣльн. Вѣд., кв. Тургольдъ.
40. *Балобанова*, Екатерина Вячеславовна. Торговая ул., д. № 25, кв. 2.
41. *Бартольдъ*, Георгій Владиміровичъ, канд. ист. фил. фак. Вас. Остр., 1 л., д. № 24.
42. *Беренштамъ*, Вильямъ Людвиговичъ, препод. рус. слов. Уголъ Вознесенскаго пер. и Екатерининскаго канала, д. № 12, кв. 23.
43. *Благовѣщенскій*, Николай Михайловичъ, б. проф. римской словесности. Ивановская ул., д. № 14, кв. 14.
44. *Борзаковскій*, Владиміръ Степановичъ. Захарьевская ул., д. № 33, кв. 3.
45. *Браудо*, Александръ Исаевичъ, библіот. публ. библ. Импер. публичная библіотека.
46. *Бузескулъ*, Владиславъ Петровичъ, проф. Харьк. Унив. Харьковъ, Университетъ.
47. *Бѣлозерская*, Надежда Александровна. Вас. Остр., 9 лин., д. № 20/22, кв. 38.
48. *Венгеровъ*, Семенъ Аөанасьевичъ, писатель. Лиговка, д. № 47.
49. *Веселовскій*, Николай Ивановичъ, проф. Петерб. Унив. Забалканскій пр., д. № 29, кв. 15.
50. *Винаверъ*, Максимъ Моисеевичъ, канд. правъ. Владимірская ул., д. № 2.
51. *Виноградовъ*, Павелъ Гавриловичъ, проф. Моск. Унив. Москва, Левшинскій пер., д. Ловцова.
52. *Гацисскій*, Александръ Серафимовичъ, чл. Стат. Комит. Нижн.-Новгородъ.
53. *Гейслеръ*, Александръ Ивановичъ, препод. Г. Кѣльцы.
54. *Георгіевскій*, Сергѣй Михайловичъ, проф. Петерб. Унив. Пушкинская, 22 (Пале-Рояль).
55. *Граковъ*, Николай Николаевичъ, препод. русск. слов. Петерб. Сторона, Большой пр., д. № 86.

56. *Герасимовъ*, Осипъ Петровичъ, препод. исторіи. Москва, Арбатъ, уголъ Спасопеск. пер., д. Львовой.
57. *Герье*, Владиміръ Ивановичъ, проф. Моск. Унив. Москва, Гагаринскій пер., собственный домъ.
58. *Глинскій*, Борисъ Борисовичъ, редакторъ-изд. «Сѣвернаго Вѣстника», Троицкая ул., д. № 9.
59. *Голубовскій*, Петръ Васильевичъ, прив.-доц. Унив. Св. Владиміра. Кіевъ, Университетъ.
60. *Гольцевъ*, Викторъ Александровичъ, магистръ госуд. права. Москва, близь Успенія на Могильцахъ, собственный домъ.
61. *Грефе*, Василій Германовичъ, преп. ист. Большая Конюшенная, д. № 13, кв. 42.
62. *Григоровичъ*, Иванъ Ивановичъ, препод. ист. Площадь Александринскаго театра, д. № 7.
63. *Гриневецкій*, Антонъ Мечиславовичъ, канд. ист. фил. фак. Вас. Остр., 10 л., д. № 43, кв. 38.
64. *Деревицкій*, Алексѣй Николаевичъ, прив. доц. Харьк. Унив. Харьковъ, Университетъ.
65. *Дерюжинскій*, Николай Ѳедоровичъ, препод. Военно-Юрид. Акад. Моховая ул., д. № 6.
66. *Дмитріевъ*, Николай Всеволодовичъ. Зданіе Главнаго Почтамта.
67. *Докучаевъ*, Тимоѳей Васильевичъ, инспект. училища Св. Елены. Петерб. сторона, Церковная ул., д. № 13.
68. *Ефимовъ*, Василій Владиміровичъ, проф. Петерб. Унив. Невскій пр., д. № 158, кв. 3.
69. *Забѣлло*, Левъ Парменовичъ, канд. ист. фил. фак. Мойка, Крестьянскій банкъ.
70. *Иконниковъ*, Владиміръ Степановичъ, проф. Унив. Св. Владиміа. Кіевъ, Университетъ.
71. *Каминка*, Августъ Исааковичъ, канд. Унив.
72. *Кедровъ*, Алексѣй Константиновичъ, препод. исторіи. Вас. Островъ, Историко-Филологическій Институтъ.
73. *Кирпичниковъ*, Александръ Ивановичъ, проф. Новорос. Унив. Одесса, Университетъ.
74. *Клейберъ*, Іосифъ Андреевичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. Вас. Островъ, Средній пр., д. № 49, кв. 23.
75. *Корево*, Николай Николаевичъ, преп. ист. Почтамтская ул., д. № 12.
76. *Корелинъ*, Михаилъ Сергѣевичъ, прив.-доц. Моск. Унив. Москва, Скатертный пер., д. Спосниковой.
77. *Котляревскій*, Несторъ Александровичъ, магистрантъ всеобщей литературы. Малая Итальянская, д. № 2.
78. *Кракау*, Василій Александровичъ, дир. частн. гимн. В. О., 10 л., д. № 13.

79. *Крейсбергъ*, Александръ Романовичъ, пом. библ. Петерб. Унив. Вас. Островъ, Большой пр., д. № 11, кв. 6.
80. *Куторга*, Михаилъ Степановичъ, библ. Публич. библ. Имп. Публичная библіотека.
81. *Лакомте*, Михаилъ Алексѣевичъ. Иваново-Вознесенскъ, Владимірской губ.
82. *Латышевъ*, Василій Васильевичъ, пом. попечителя казанскаго учебнаго округа.
83. *Лесевичъ*, Владиміръ Викторовичъ, писатель. Потемкинская ул., д. № 13.
84. *Лисовскій*, Николай Михаиловичъ, редакторъ «Библіографа». Забалканскій пр., д. № 7, кв. 13.
85. *Лихачева*, Елена Іосифовна. Фурштадтская, собств. домъ.
86. *Лопаревъ*, Хрисанѳъ Меѳодіевичъ, магистрантъ всеобщей исторіи. Вас. Островъ, уголъ 5 линіи и Академическаго пер., д. № 6—1, кв. 30.
87. *Лучицкій*, Иванъ Васильевичъ, проф. Унив. Св. Владиміра. Кіевъ, Университетъ.
88. *Любовичъ*, Николай Николаевичъ, проф. Варш. Унив. Г. Варшава, Долгая, 28.
89. *Мандельштамъ*, Іосифъ Емельяновичъ, препод. рус. слов. Пажескій Корпусъ, кв. 33.
90. *Марковинъ*, Николай Ивановичъ. Малая Московская ул., д. № 2, кв. 20.
91. *Менжинскій*, Рудольфъ Игнатьевичъ, препод. исторіи. По 12-й ротѣ Измайловскаго полка, д. № 36.
92. *Мережковскій*, Дмитрій Сергѣевичъ, канд. ист. фил. фак. Литейная ул., д. Мурузи.
93. *Миллеръ*, Всеволодъ Ѳедоровичъ, проф. Моск. Унив. Москва, Покровка, Мошковъ пер., собственный домъ.
94. *Милюковъ*, Павелъ Николаевичъ, прив.-доц. Моск. Унив. Москва, Университетъ.
95. *Милюковъ*, Николай Кононовичъ, канд. Унив. Малая Московская ул., д. № 5.
96. *Минцловъ*, Рудольфъ Рудольфовичъ, прис. повѣр. Москва, Ново-Басманная, д. Крестовоздвиженскаго.
97. *Мирошниковъ*, Сергѣй Васильевичъ. Вас. Остр., 1 линія, д. № 56.
98. *Михайловскій*, Викторъ Михайловичъ, прив. доц. Моск. унив. Москва, 2 прогимназія.
99. *Мищенко*, Ѳедоръ Герасимовичъ, проф. Казанск. унив. Казань, Университетъ.
100. *Моревъ*, Дмитрій Дмитріевичъ, препод. полит. экономіи. Фонтанка, д. № 62. Петровское Коммерческое училище.
101. *Муромцевъ*, Сергѣй Андреевичъ, б. проф. римскаго права. Москва, Скатертный пер., собств. д.

102. *Мусинъ-Пушкинъ*, графъ Александръ Алексѣевичъ, пом. попеч. кіевскаго учебнаго округа.
103. *Неслуховскій*, Францъ Карловичъ, препод. ист. Каменноостровскій пр., Лицей.
104. *Новодворскій*, Витольдъ Владиславовичъ, препод. ист. Петерб. сторона, Введенская, д. № 16, кв. 1.
105. *Ону*, Александръ Михаиловичъ, канд. ист.-фил. фак. Адмиралтейскій каналъ, д. № 17, кв. 4.
106. *Острогорскій*, Викторъ Петровичъ, препод. рус. слов. Канонерская ул., уголъ Могилевской, д. № 7/2.
107. *Павинскій*, Адольфъ Ивановичъ, проф. Варш. Унив.
108. *Павловскій*, Алексѣй Андреевичъ, прив. доц. Петерб. Унив. Коломенская ул., д. № 7, кв. 8.
109. *Пальменъ*, проф. Гельсингфорскаго унив. Гельсингфорсъ, Университетъ.
110. *Пантелѣевъ*, Лонгинъ Ѳедоровичъ. Ямская, д. № 21, кв. 5.
111. *Перетятковичъ*, Георгій Ивановичъ, проф. Новороссійскаго Универс. Одесса, Университетъ.
112. *Петерсонъ*, Ольга Михайловна. Торговая, д. № 25/34, кв. 2.
113. *Петерсъ*, Александръ Александровичъ. Манежный пер , д. № 17, кв. 21.
114. *Погодинъ*, Петръ Дмитріевичъ, канд. ист.-фил. фак. Фонтанка, д. № 40, кв. 25.
115. *Покровскій*, Алексѣй Ивановичъ, канд. ист.-фил. фак. Вас. Островъ, 6 линія, д. № 9.
116. *Попова*, Анна Петровна, преподавательница. Вас. Островъ, 2 линія, д. № 55/61, кв. 22.
117. *Поповъ*, Нилъ Александровичъ, директ. арх. мин. юст. Москва, Дѣвичье Поле, архивъ министерства юстиціи.
118. *Пташицкій*, Станиславъ Львовичъ, препод. рус. слов. Надеждинская ул., д. № 9, кв. 20.
119. *Радловъ*, Эрнестъ Львовичъ, библ. Публ. Библ. Эртелевъ пер. д. № 9, кв. 20.
120. *Регель*, Василій Эдуардовичъ, пр.-доц. Петерб. Унив. Кирочная ул., д. № 3, кв. 20.
121. *Роговъ*, Павелъ Игнатовичъ, инсп. 1 кад. корп. Вас. Островъ, 1-й кадетскій корпусъ.
122. *Русановъ*, Николай Алексѣевичъ, упр. отд. крест. банка. Г. Псковъ, Крестьянскій банкъ.
123. *Сапуновъ*, Алексѣй Парѳеновичъ, препод. ист. Витебскъ, Гимназія.
124. *Свѣшниковъ*, Митрофанъ Ивановичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. Гагаринская ул., д. № 34.
125. *Семевскій*, Михаилъ Ивановичъ, ред.-изд. «Русской Старины». Большая Подьяческая, д. № 7.

126. *Семевскій*, Василій Ивановичъ, докт. русской исторіи. Вас. Островъ, 2 линія, д. № 11.
127. *Сергѣевскій*, Николай Дмитріевичъ, проф. Петерб. Унив. Вас. Островъ, 3 линія, д. № 26.
128. *Середонинъ*, Сергѣй Михайловичъ, препод. ист. Инженерный замокъ, № 62.
129. *Сиповскій*, Василій Дмитріевичъ, директоръ Училища глухонѣмыхъ. Гороховая, д. Училища.
130. *Соколовскій*, Павелъ Александровичъ, библ. Публ. Библ. Артиллерійская ул., д. № 6.
131. *Соловьевъ*, Евгеній Андреевичъ, канд. ист.-фил. фак. Невскій пр., д. № 63, кв. 36.
132. *Сомовъ*, Александръ Андреевичъ, канд. ист.-фил. фак. Екатерингофскій пр., д. № 97.
133. *Спасовичъ*, Владиміръ Даниловичъ, докторъ правъ. Кабинетская ул., д. № 7.
134. *Струве*, Николай Бернардовичъ, преп. ист. Гончарная ул., д. № 26.
135. *Судейкинъ*, Власій Тимоѳеевичъ, препод. полит. экон. Воскресенскій пр., д. № 9.
136. *Сырку*, Полихроній Агапіевичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. Вас. Островъ, 2 линія, д. № 15, кв. 4.
137. *Танѣевъ*, Владиміръ Ивановичъ, прис. пов. Москва, Обуховъ пер., д. № 9.
138. *Ткачевъ*, Андрей Никитичъ, б. препод. Павловскъ, собственный домъ.
139. *Трачевскій*, Александръ Семеновичъ, б. проф. всеобщей исторіи. Саперный пер., д. № 16, кв. 42.
140. *Успенскій*, Ѳедоръ Ивановичъ, проф. Новорос. Унив. Одесса, Университетъ.
141. *Утинъ*, Евгеній Исаковичъ, прис. пов. Литейный пр., д. № 36, кв. 4.
142. *Фаминцынъ*, Александръ Сергѣевичъ. Вас. Островъ, 8 линія, д. № 17.
143. *Флексеръ*, Акимъ Львовичъ, канд. юрид. фак. Пушкинская ул., д. № 15, кв. 9.
144. *Фонъ-Фохтъ*, Ольга Марковна. Малая Итальянская, д. № 5.
145. *Фортинскій*, Ѳедоръ Яковлевичъ, проф. Унив. Св. Владиміра. Кіевъ, Университетъ.
146. *Фрасеръ*, Георгій Ѳедоровичъ. Верейская ул., д. № 12.
147. *Хахановъ*, Александръ Соломоновичъ, препод. Лазар. Инст. вост. языковъ. Москва, Лазаревскій Институтъ.
148. *Цвѣтковскій*, Юрій Юрьевичъ, препод. рус. слов. Петерб. Сторона, Мытнинская набережная, д. № 11.
149. *Чебышевъ*, Александръ Александровичъ. Знаменская, 17.
150. *Чеховъ*, Николай Владиміровичъ, канд. ист. фил. фак.

151. *Чулицкій*, Владиміръ Михайловичъ, препод. рус. слов. Невскій пр., д. № 108.
152. *Шафрановъ*, Петръ Александровичъ. Вас. Островъ, 10 линія, д. № 37—2, кв. 12.
153. *Шеллеръ*, Александръ Константиновичъ, писатель. Ковенскій пер., д. № 14.
154. *Шиберсонъ*, проф. Гельсингфорскаго Унив. Гельсингфорсъ, Университетъ.
155. *Шумигорскій*, Евгеній Севастьяновичъ. Фонтанка, д. № 62, Петровское Училище.
156. *Щепкина*, Екатерина Николаевна. Виленскій пер., д. № 9.
157. *Щукаревъ*, Александръ Николаевичъ, магистрантъ всеобщ. ист. Сергіевская, д. № 81, кв. 4.
158. *Эвальдъ*, Сергѣй Ивановичъ, препод. ист. Ждановская ул., д. № 5.
159. *Эльзенгръ*, Адольфъ Юстиновичъ, препод. франц. яз. Вас. Островъ, уголъ Средняго пр. и 1-й линіи, д. № 48—9.
160. *Якушкинъ*, Вячеславъ Евгеньевичъ, прив.-доц. Москов. Унив. Москва, Университетъ.
161. *Яроцкій*, Василій Гавриловичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. Литейная, д. Мурузи, кв. 33.
162. *Ѳедоровъ*, Владиміръ Васильевичъ. Вас. Островъ, 10 линія, Патріотическій Институтъ.

ЧЛЕНЪ-СОРЕВНОВАТЕЛЬ.

163. *Котляревская*, Екатерина Семеновна. М. Итальянская, 2.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. КАРѢЕВА.

(1891 г.).

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1891.

1822

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Содержаніе I тома „Историческаго Обозрѣнія".

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Принявъ на себя редакцію „Историческаго Обозрѣнія“, издаваемаго „Историческимъ Обществомъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ“, считаемъ необходимымъ изложить ту программу, которой намѣрены держаться, равно какъ указать и на условія, при коихъ приходится ее осуществлять.

Уже въ самомъ началѣ нашего Историческаго Общества была поставлена задача завести современемъ собственный періодическій органъ въ родѣ „Revue historique“ или „Historische Zeitschrift“, но вслѣдствіе скудости матеріальныхъ средствъ Общества пришлось ограничиться болѣе скромнымъ изданіемъ сборниковъ по программѣ журнала. Въ концѣ 1890 г. Общество выпустило въ свѣтъ первый такой сборникъ (первый томъ „Историческаго Обозрѣнія)“ въ 25 печатныхъ листовъ, а въ началѣ текущаго года постановило (23 января) издавать впредь свое „Обозрѣніе“ два раза въ годъ, принявъ за норму 25—30 листовъ въ годъ [1]). Этимъ опредѣляется приблизительный размѣръ изданія, оказывающійся, напр., въ три раза менѣе „Revue historique“ и въ два раза менѣе польскаго „Трехмѣсячнаго Обозрѣнія“ (Kwartalnika historycznego). Далѣе недостатокъ средствъ Общества,

[1]) По этому расчету настоящій томъ долженъ былъ бы заключать въ себѣ отъ 12½ до 15 листовъ, но мы рѣшились, съ согласія Комитета Общества, въ видѣ опыта расширить размѣръ второго тома, надѣясь и вообще на возможность расширенія изданія, что̀ предвидѣлось, впрочемъ, самимъ постановленіемъ Комитета 23 января. Въ случаѣ неудачи этого опыта придется ограничиться минимальнымъ размѣромъ въ 25 — 30 листовъ въ годъ, т. е. двумя выпусками въ 12—15 л.

складывающихся изъ членскихъ взносовъ и случайныхъ пожертвованій, не позволяетъ оплачивать гонораромъ статьи, помѣщаемыя въ „Историческомъ Обозрѣніи“, и это обстоятельство, представляя изъ себя вообще одно изъ невыгодныхъ условій изданія, имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для такихъ отдѣловъ сборника, которые должны были бы наполняться статьями, замѣтками и другими работами, написанными спеціально для „Историческаго Обозрѣнія“ и даже по приглашенію его редакціи: таковы именно особенно желательныя для „сборника съ программою журнала“ исторіографическія и критическія статьи, систематическія библіографическія замѣтки, обзоры русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, разныя извѣстія, изъ коихъ складывается хроника и т. п. И размѣры изданія, и даровое помѣщеніе статей не позволяютъ, кромѣ того, расчитывать на появленіе въ „Историческомъ Обозрѣніи“ и многихъ изъ дѣлаемыхъ въ засѣданіяхъ Общества сообщеній, когда бы даже помѣщеніе сообщеній этихъ было особенно желательно въ виду особаго ихъ интереса для большинства членовъ Общества и для любителей серьезнаго историческаго чтенія [1]). Во всякомъ случаѣ на такой матеріалъ особенно можно расчитывать, такъ какъ въ первомъ томѣ „Историческаго Обозрѣнія“ среди историческихъ статей (т.-е. безъ хроники и протоколовъ Общества) читавшіеся въ засѣданіяхъ рефераты играютъ не послѣднюю роль, занимая цѣлую половину страницъ [2]), а въ настоящемъ выпускѣ это отношеніе дѣлается еще болѣе выгоднымъ для рефератовъ, такъ какъ имъ принадлежитъ 135 страницъ изъ 174. По всей вѣроятности,

[1]) Нужно оговориться, что многія сообщенія въ Обществѣ дѣлаются устно, и тогда могутъ печататься только ихъ résumés при протоколахъ. Къ числу такихъ устныхъ сообщеній въ 1890—91 г. принадлежали рефераты С. А. Бершадскаго, С. А. Степанова, Х. Ѳ. Лопарева, Е. Н. Щепкиной, В. Т. Судейкина, В. В. Лесевича, Ю. Ю. Цвѣтковскаго и пр. Другіе рефераты не могли попасть въ сборникъ 1890 г. по своему объему (рефератъ Е. А. Бѣлова объ Іоаннѣ Грозномъ, который авторомъ перерабатывается въ рядъ отдѣльныхъ статей), или потому, что предназначены были для другихъ изданій, не говоря уже о томъ, что все-таки еще приходится дѣлать и выборъ подходящаго для сборника матеріала.

[2]) Именно 120 изъ 240, включая сюда и статью Г. В. Форстена, которая только случайно не читалась, какъ рефератъ.

и въ будущемъ отдѣлъ „оригинальныхъ статей“ будетъ пополняться преимущественно рефератами.

При такихъ условіяхъ наше изданіе будетъ идти успѣшно только при ревностной поддержкѣ со стороны гг. членовъ Общества, къ которымъ я и имѣю честь обратиться за содѣйствіемъ, позволяя себѣ намѣтить, какія статьи были бы особенно желательны, и пользуясь при этомъ рубриками, утвержденными для нашего изданія общимъ собраніемъ 14 февраля 1890 г.

1) *Оригинальныя статьи.* Въ этомъ отдѣлѣ особенно желательны были бы статьи руководящаго характера, а именно: a) статьи по теоретическимъ вопросамъ исторической науки, b) обзоры исторической литературы по важнѣйшимъ эпохамъ и явленіямъ, c) характеристики выдающихся историческихъ писателей, d) характеристики крупныхъ историческихъ дѣятелей и наиболѣе замѣчательныхъ историческихъ движеній, e) статьи по вопросамъ преподаванія исторіи. При возможномъ въ будущемъ накопленіи матеріала статьямъ такого руководящаго характера будетъ отдаваться предпочтеніе передъ другими.

2) *Критика и библіографія.* Весьма желательно было бы, чтобы въ этомъ отдѣлѣ какъ можно менѣе было случайности, т.-е. чтобы наиболѣе важныя явленія русской исторической литературы подвергались разбору на страницахъ „Историческаго Обозрѣнія“, и чтобы вкратцѣ вообще дѣлались отмѣтки о всѣхъ выходящихъ въ Россіи историческихъ книгахъ. Гг. члены Общества оказали бы изданію большую услугу, если бы присылали краткія замѣчанія о читаемыхъ ими новыхъ книгахъ (за подписью для свѣдѣнія редакціи). Авторы сами могли бы содѣйствовать этому, если бы присылали въ Историческое Общество [1]) свои книги съ краткими записками (не болѣе, чѣмъ на печатную страницу) о существенномъ содержаніи и о главныхъ выводахъ своихъ трудовъ, какъ это иногда дѣлается въ Германіи (Selbstanzeigen). Къ этому же отдѣлу слѣдуетъ отнести систематическіе обзоры русской исторической литературы за цѣлые годы въ родѣ по-

---

[1]) Высылать можно на мое имя въ учебный сезонъ чрезъ петербургскій университетъ, въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ—чрезъ Воскресенскую почт. ст. смол. губ., сычевск. уѣзда.

мѣщаемаго въ этомъ выпускѣ обзора А. И. Браудо, который и впредь обѣщалъ свое сотрудничество въ томъ же направленіи.

3) *Обзоръ періодическихъ изданій*. Тутъ разумѣются общія свѣдѣнія о существующихъ періодическихъ изданіяхъ съ историческимъ характеромъ (русскихъ и иностранныхъ), указанія на наиболѣе выдающіяся историческія статьи, простые перечни историческихъ статей.

4) *Мелкія замѣтки* и 5) *хроника*. Характеръ хроники въ „Историческомъ Обозрѣніи" опредѣляется тѣми двумя хрониками, которыя помѣщены въ I и II томахъ нашего изданія, занимая въ I т. нѣсколько менѣе четверти перваго отдѣла, а во второмъ около трети: сюда должны входить свѣдѣнія объ исторической наукѣ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (курсы, практическія занятія, конкурсныя темы, оставленные для приготовленія къ профессорскому званію, готовящіяся диссертаціи, диспуты, вступительныя лекціи), объ ученыхъ обществахъ и съѣздахъ, объ архивахъ, о публичныхъ лекціяхъ по исторіи, о готовящихся къ печати историческихъ трудахъ, о разныхъ фактахъ въ области преподаванія исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и т. п. Развить этотъ отдѣлъ было бы особенно желательно, но это немыслимо безъ ревностнаго содѣйствія со стороны преимущественно провинціальныхъ членовъ Общества и постороннихъ историковъ, сочувствующихъ „Историческому Обозрѣнію": *своевременное* доставленіе, главнымъ образомъ изъ университетскихъ городовъ, по возможности самыхъ *разнообразныхъ и подробныхъ* свѣдѣній, подходящихъ къ общему содержанію хроники, было бы принимаемо съ особою благодарностью. Опытъ первыхъ двухъ хроникъ, въ коихъ оказываются значительные пробѣлы, несмотря на массу хлопотъ и труда, положенныхъ на добываніе необходимыхъ свѣдѣній, показываетъ, что безъ постояннаго и аккуратнаго содѣйствія со стороны иногородныхъ членовъ, едва ли было бы возможно вести этотъ отдѣлъ съ успѣхомъ.

„Историческое Обозрѣніе" есть предпріятіе коллективное. Издаваясь въ столицѣ государства и ученымъ Обществомъ, имѣющимъ среди своихъ членовъ весьма почтенное количество иногород-

ныхъ дѣятелей науки, нашъ сборникъ какъ бы предназначенъ къ тому, чтобы сдѣлаться современемъ центральнымъ органомъ исторической науки въ Россіи [1]). Нѣтъ нужды, что предпринимается онъ съ малыми денежными средствами: главная сила должна заключаться въ работѣ членовъ Общества, безъ которой и при деньгахъ предпріятіе не можетъ расчитывать на успѣхъ. Отношеніе представителей исторической науки и историческаго преподаванія къ „Историческому Обозрѣнію", какъ единственно возможныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыхъ его сотрудниковъ, равно какъ отношеніе къ нему читающей публики, безъ сбыта среди которой изданіе, конечно, долго продержаться не было бы въ состояніи,—покажутъ, нуженъ ли въ Россіи общеисторическій строго-научный журналъ, какіе существуютъ у англичанъ, у датчанъ, у итальянцевъ, у нѣмцевъ, у поляковъ, у французовъ, у шведовъ, или же что мы пока еще не смѣемъ мечтать о такой роскоши. Сочувствіе къ общей программѣ „Историческаго Обозрѣнія" со стороны многихъ представителей науки какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ городахъ, денежныя пожертвованія, сдѣланныя на изданія Историческаго Общества [2]), равно какъ содѣйствіе, оказанное ему со стороны періодической прессы, многіе органы которой помѣстили даровыя объявленія о выходѣ въ свѣтъ I тома нашего „Обозрѣнія" [3]), и благопріятныя для него замѣтки, появившіяся во многихъ періодическихъ изданіяхъ [4]), позволяютъ надѣяться, что сборнику Историческаго Общества при петербургскомъ университетѣ не придется погиб-

[1]) Въ настоящее время число членовъ Общества достигло 216 человѣкъ (въ спискѣ стоитъ 217, но въ немъ числится и скончавшійся уже членъ-учредитель И. П. Минаевъ), и изъ этого числа на Петербургъ приходится около $^{2}/_{3}$, а на остальные города около $^{1}/_{3}$.

[2]) См. I т., 2 отд., стр. 54 и т. II, 2 отд., стр. 13.

[3]) См. во II отд. стр. 13.

[4]) По настоящій моментъ помѣщены рецензіи и замѣтки въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: The Academy (№ 983), Биржевыя Вѣдомости (№ 35), Варшавскій Дневникъ (№ 20), Вѣстникъ Европы (№ 2), Историческій Вѣстникъ (№ 4), Книжный Вѣстникъ (№ 2), Kraj (№ 4), Минскія Губ. Вѣд. (№ 30), Новое Время (№ 5349), Новости (№ 19), Русское Богатство (№ 2), Русскія Вѣдомости (№ 12), Русская Мысль (№ 3), Русская Старина (№ 3), Русская Школа (№ 2), Сѣверный Вѣстникъ (№ 2), Харьковскія Губ. Вѣд. (№ 24), Finsk Tidskrift (3), Юридическій Вѣстникъ (№ 3).

нуть отъ недостатка въ научномъ матеріалѣ и въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики.

Такова программа „Историческаго Обозрѣнія“ и таковы условія, при которыхъ приходится его редактировать и издавать. Остается еще прибавить, что какъ въ виду указанныхъ въ уставѣ цѣлей Историческаго Общества, издающаго настоящій сборникъ, такъ и въ виду задачъ его изданія, одинаково широкихъ, мы желали бы держать въ должномъ равновѣсіи интересы науки и преподаванія, исторіи отечественной и всеобщей, разработки историческихъ фактовъ и выработки исторической теоріи, не жертвуя однимъ другому, хотя, конечно, не въ каждомъ отдѣльномъ томѣ сборника намъ удастся соблюсти полную равномѣрность и избѣжать пробѣловъ, какъ это и показалъ уже опытъ, когда редакціи „Историческаго Обозрѣнія“, сначала коллективной, а потомъ единоличной, не удалось пріобрѣсти статей желательнаго характера. Говоря это, я имѣю, между прочимъ, въ виду отсутствіе работъ по русской исторіи, которое объясняется и случайнымъ обстоятельствомъ недоставленія въ срокъ обѣщанныхъ статей, и обстоятельствомъ неслучайнымъ—бо́льшею доступностью историческихъ и общихъ журналовъ нашихъ для статей именно по русской исторіи. Равнымъ образомъ въ настоящемъ томѣ нѣтъ исторіографическихъ статей, какія были въ первомъ томѣ, но за то въ немъ помѣщено больше матеріала, имѣющаго спеціальный интересъ для преподавателей исторіи. Весьма вѣроятно, что и впредь такъ будетъ, пока болѣе прочная организація научныхъ силъ и бо́льшія матеріальныя средства не позволятъ превратить „Историческое Обозрѣніе“ въ журналъ съ болѣе равномѣрнымъ пополненіемъ всѣхъ рубрикъ. Это замѣчаніе вполнѣ необходимо, дабы по одному-двумъ томамъ „Обозрѣнія“ читатель и критикъ не составили себѣ невѣрнаго представленія о намѣреніяхъ редактора и не обвинили его въ какой-либо исключительности при выборѣ статей. Изданіе Историческаго Общества, какъ и само Общество, будетъ всегда имѣть цѣлью „изслѣдованіе научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи, разработку теоретическихъ вопросовъ исторической науки и обсу-

жденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ".

Что касается сроковъ выхода въ свѣтъ „Историческаго Обозрѣнія", то Комитетъ Общества остановился на концахъ весенняго и осенняго семестровъ, причемъ выходъ книги въ первый срокъ долженъ быть расчитанъ такъ, чтобы она могла быть разослана членамъ Общества до начала лѣтней вакаціи, и чтобы вмѣстѣ съ этимъ она поступила въ продажу до наступленія глухого времени въ книжной торговлѣ. Этимъ обусловливается и бо́льшая поспѣшность, съ какою приходится составлять и печатать весенній выпускъ.

Н. Карпѣевъ.

ОТДѢЛЪ I.

Іосифъ II и „философія" XVIII вѣка [1]).

А. М. Ону.

Іосифъ II Австрійскій былъ яркимъ представителемъ системы такъ-называемаго просвѣщеннаго абсолютизма, проводникомъ того реформаторскаго движенія въ духѣ „просвѣщенія" XVIII вѣка, которое въ эпоху, предшествовавшую великой революціи, охватило всю монархическую Европу и прекратилось затѣмъ, въ виду событій во Франціи. Иниціатива реформъ исходила въ это время отъ монарховъ и ихъ министровъ; между правителями, стремившимися къ возвышенію своей власти, и теоретиками, желавшими, чтобы принципы „философіи" провозглашались съ высоты трона, установилось соглашеніе и взаимодѣйствіе на почвѣ отвлеченнаго взгляда на государство и благо людей. Программа просвѣщеннаго абсолютизма имѣетъ, такимъ образомъ, двоякій источникъ и, сообразно съ этимъ, представителей его слѣдуетъ разсматривать, съ одной стороны — какъ носителей народной и династической традиціи, съ другой—какъ плодъ современныхъ вѣяній. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно царствованіе Іосифа II.

Какъ носитель идеи, онъ далеко оставляетъ за собою двухъ великихъ своихъ современниковъ — Екатерину II и Фридриха Великаго, слава и успѣхи которыхъ служатъ разительнымъ контрастомъ къ его неудачамъ. Іосифъ II былъ мученикомъ своего дѣла. Онъ одинъ въ Европѣ пытался осуществить программу просвѣщеннаго абсолютизма во всей ея широтѣ и полнотѣ. При этомъ нигдѣ не

[1]) Переработка реферата, читаннаго въ XII засѣданіи Историческаго Общества 7 ноября 1890 г.

было стольких препятствій для проведенія ея въ жизнь какъ въ его государствѣ: Австрію нельзя сравнивать въ этомъ отношеніи съ Россіей, Пруссіей, Испаніей, Португаліей, Даніей, Неаполемъ и т. д. Племенная разрозненность страны, въ связи съ живучестью средневѣковаго строя и плохою организаціей управленія — все это придаетъ особый интересъ дѣлу, предпринятому смѣлымъ преобразователемъ. Царствованіе Іосифа II занимаетъ первое мѣсто по важности своей для исторіи просвѣщеннаго абсолютизма, какъ общеевропейскаго историческаго явленія. Екатерина II и Фридрихъ II должны въ этомъ отношеніи уступить ему первенство, такъ какъ борьба церкви и государства, немыслимая въ православной Россіи и протестантской Пруссіи, является одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности реформаторовъ католическихъ странъ: борьба съ антигосударственными тенденціями папизма была въ числѣ главнѣйшихъ задачъ просвѣщеннаго абсолютизма.

Іосифъ II былъ истый представитель полицейскаго государства (Polizeistaat), поставившаго своей цѣлью, наряду и совмѣстно съ усиленіемъ своей власти, благосостояніе и просвѣщеніе подданныхъ. Императоръ стремился къ административному и культурному объединенію своей разноплеменной монархіи на лонѣ всемогущаго государства и нѣмецкой народности. Во имя правъ и обязанностей свѣтской власти, онъ велъ упорную борьбу съ католическимъ духовенствомъ и римской куріей; освобожденіемъ крестьянъ и постоянными заботами о нихъ стяжалъ себѣ славу крестьянскаго царя. Требуя безусловной покорности къ своей бюрократической опекѣ, онъ ратовалъ, путемъ повелѣній, противъ предразсудковъ и привилегій, облегчалъ участь обездоленныхъ природой и людьми, вводилъ элементъ свободы въ тѣ стороны человѣческихъ отношеній, гдѣ не видѣлъ въ этомъ умаленія для власти австрійскаго монарха. Неутомимой своей дѣятельностью онъ вооружилъ противъ себя племенной и областной сепаратизмъ, духовенство и дворянство, и, сломленный въ борьбѣ, принужденъ былъ въ концѣ-концовъ отказаться отъ значительной части своихъ преобразованій.

Горькая участь высоко одареннаго правителя, „несчастливаго во всѣхъ своихъ начинаніяхъ“, вызываетъ весьма разнообразныя объясненія, въ которыхъ часто отражаются партійные счеты писателей, такъ какъ царствованіе Іосифа II связано съ самыми жгучими вопросами современности. Рѣшительный и смѣлый либерализмъ его возбуждаетъ особенно много противорѣчивыхъ сужденій. Однако среди этого разнообразія не трудно будетъ подмѣтить одинъ основной мотивъ, проходящій черезъ всю литературу предмета. Историки такъ или иначе признаютъ, что императоръ-„философъ“

явился въ Австріи слишкомъ рано. Трагедія его царствованія представляется незрѣлой, но геройской попыткой насажденія отвлеченныхъ идей XVIII вѣка на неблагодарной австрійской почвѣ. При этомъ одни подчеркиваютъ благородство стремленій и драматизмъ самой борьбы, другіе во всемъ видятъ незрѣлость замысла, неумѣлую руку новатора. Новѣйшіе изслѣдователи сходятся тутъ со взглядами старыхъ историковъ, несмотря на то, что ближайшее знакомство съ архивными источниками стало выяснять тѣсную преемственную связь царствованія Іосифа II съ правленіемъ матери и предшественницы его, Маріи Терезіи. Наиболѣе важны въ этомъ отношеніи труды лучшаго историка Маріи Терезіи — Арнета и Адама Вольфа [1]), который изображаетъ императора прежде всего какъ австрійца, а потомъ уже какъ человѣка XVIII вѣка. Однако, при всемъ томъ, господствующій взглядъ историковъ на эту во всякомъ случаѣ замѣчательную личность остался въ общихъ чертахъ тѣмъ же, что и прежде, хотя въ него и были введены значительныя оговорки и поправки. Іосифъ II изображается попрежнему *идеологомъ*, на которомъ обнаружилось пагубное вліяніе главнаго недостатка умовъ XVIII вѣка, заключающагося въ безсодержательной отвлеченности, въ безпочвенности мысли: „политическая наука сводится просто къ извлеченію выводовъ изъ принциповъ, а практика — къ приложенію этихъ выводовъ. Наука о правленіи сводится такимъ образомъ къ элементамъ государственной геометріи“. „Въ Іосифѣ II *раціональная концепція предшествуетъ политическому расчету* и управляетъ имъ...“ „Исторія не признается, не принимаются въ соображеніе ни традиціи, ни фактически достигнутое. Нѣтъ ни расы, ни времени, ни среды“ [2]). Не таковъ былъ Фридрихъ II, остававшійся геніальнымъ практикомъ при всѣхъ своихъ „философскихъ“ вкусахъ; не такова была и Екатерина II. Весьма охотно, начиная съ знаменитаго Мирабо [3]) и кончая историкомъ Сорелемъ, разные писатели принижаютъ Іосифа II передъ великимъ прусскимъ королемъ, а въ частности австрійскіе ученые болѣе всего любятъ останавливаться на сравненіи императора-идеолога съ достойной удивленія Маріей Терезіей, умѣвшей сочетать консервативное уваженіе къ преданію съ чуткой отзывчивостью

---

[1]) Adam Wolf. „Oesterreich unter Maria Theresia“ (Wien 1855), „Aufhebung der Klöster in Innerösterreich“ (Wien 1871), „Geschichtliche Bilder aus Oesterreich“ (Wien, 1880) т. II. Сборникъ Онкена, выпуски 57, 63, 83 (Berlin 1882, 1883, 1884).

[2]) Sorel. „L'Europe et la Révolution Française“ (Paris. 1885), т. I, 119. 120. См. также Taine. L'ancien Regime.

[3]) „De la Monarchie Prussienne“ (Londres. 1788), tomes V, VI, VII.

къ возникающимъ запросамъ жизни. Особенно строгъ приговоръ авторитетнаго и осторожнаго Арнета [1]). Повѣствуя о столкновеніяхъ императрицы съ Іосифомъ, бывшимъ въ теченіе 15 лѣтъ ея соправителемъ, Арнетъ становится на сторону матери, порицавшей, говоритъ онъ, „неудержимое стремленіе (Іосифа) засудить существующія учрежденія, даже когда они могли бы стать цѣлесообразными и благодѣтельными,—и желаніе ихъ отмѣны", ибо „все это не могло не оскорблять императрицу... Справедливо и не одинъ разъ замѣчала она, что не всегда новое лучше и желательнѣе существующаго, что, поэтому, первое должно замѣняться вторымъ только тогда, когда, послѣ зрѣлаго обсужденія, нельзя болѣе сомнѣваться въ благополучномъ исходѣ нововведенія". „Новое нельзя считать лучше стараго только оттого, что оно новое" [2]).

Отсюда можно вывести заключеніе, что Іосифъ II нарушилъ преемственную связь политики предковъ и былъ отвергнутъ жизнію потому, что явился проводникомъ чуждыхъ Австріи, наносныхъ началъ, не имѣвшихъ корней ни въ прошломъ страны, ни въ ея настоящемъ. Самъ Арнетъ этого вывода, конечно, не дѣлаетъ, но приведенная выдержка даетъ ясное понятіе о господствующемъ въ исторической литературѣ тонѣ. Такое сгущеніе красокъ объясняется главнымъ образомъ фактомъ жестокаго пораженія, какое потерпѣлъ смѣлый реформаторъ. Трудно бываетъ отрѣшиться отъ безсознательнаго поклоненія успѣху въ исторіи: счастливый, часто случайный, исходъ какого бы то ни было предпріятія невольно располагаетъ изслѣдователя въ пользу его практичности; напротивъ того, неуспѣхъ и неудача незамѣтно вліяютъ на сужденія въ обратномъ смыслѣ.

Оттого Іосифъ II все еще выставляется (въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ), какъ своего рода Deus ex machina.

Между тѣмъ становится все болѣе ясно [3]), что онъ былъ такимъ

---

[1]) Arneth. „Geschichte Maria Theresia's"—10 томовъ (Wien. Braumüller)— т. I. II, III (Erste Regierungsjahre), т. I (Nach dem Erbfolgekriege) т. I, II (Siebenjährige Krieg), I, II, III, IV (Letzte Regierungszeit). Для насъ важны первые 4 и 4 послѣдніе тома.

[2]) Letzte Reg. I 229, 230. Брошюра „Maria Theresia" (1888), 41.

[3]) Источникомъ предлагаемой работы служила обнародованная переписка и документы въ слѣдующихъ изданіяхъ: *Arneth.* Maria Theresia und Joseph II, 3 т. (Wien, 1867); Joseph und Leopold v. Toscana, 2 т. (Wien, 1872); Joseph II und Katharina v. Russland (Wien, 1869); Marie Antoinette, Joseph und Leopold (Wien, 1866); Maria Theresia und Marie Antoinette (Wien, 1865). *Arneth et Geffroy.* Marie Antoinette, 3 т. (Paris, 1874); *Adam Wolf.* Leopold II und Marie Christine (Wien, 1867). *Beer.* Joseph II, Leopold und Kaunitz (Wien, 1873); *Brunner.* Correspondence intime de Joseph II avec Cobenzl et Kaunitz (Mainz,

же звеномъ въ ряду австрійскихъ монарховъ и государственныхъ людей, какъ и Марія Терезія. Главное ихъ различіе обусловлено формой просвѣщеннаго абсолютизма, причемъ Іосифъ II относится къ своей матери совершенно такъ же, какъ Екатерина II и Фридрихъ II относятся къ своимъ предшественникамъ. Однимъ словомъ, движеніе, во главѣ котораго стоялъ Іосифъ, и направленіе, которое онъ ему придалъ, все это было шагомъ впередъ, но нельзя сказать, чтобы здѣсь не было почвы подъ ногами.

Со времени 30-лѣтней войны Габсбурги все болѣе отрѣшались отъ общеимперской политики и, сосредоточивъ свои помышленія на Австріи, сдѣлались монархами-собирателями. Бюрократическій строй и централизація постепенно вытѣсняли сословно-представительное начало и рѣзкія проявленія племенной обособленности. Наконецъ, при Маріи Терезіи государственность новаго времени восторжествовала во всей ея полнотѣ, единое государство возвысилось надъ національной и феодальной разрозненностью, надъ сословіями, церковью и всѣми отраслями общественной жизни. Таже государственная идея нашла себѣ въ Іосифѣ II еще болѣе послѣдовательнаго, болѣе крутого и рѣшительнаго поборника. Если въ странѣ, части которой были первоначально связаны лишь династическими узами, выросло при Маріи Терезіи сознаніе общаго австрійскаго патріотизма, то Іосифъ II хотѣлъ довести монархію до полнаго единства, отступая отъ предшественницы только въ отношеніи пріемовъ: въ то время, какъ та усыпляла сепаратизмъ, заигрывая съ нимъ, Іосифъ круто предъявлялъ свои централистическія требованія.

Въ сословномъ вопросѣ Марія Терезія сдѣлала рѣшительный шагъ впередъ, обходясь безъ согласія провинціальныхъ сеймовъ, противившихся всѣмъ благимъ начинаніямъ правительства. Такъ, въ 1775 г., при выработкѣ мѣропріятій въ пользу крестьянъ, императрица писала, что съ сословными чинами ничего нельзя не достигнуть: „ни головы у нихъ, ни воли; надо дѣйствовать путемъ предписаній". Здѣсь уже ясно слышится нота, звучавшая въ резолюціяхъ Іосифа II.

Крестьянская реформа, неудавшаяся попытка ввести прогрессивный поземельный налогъ, все то, что крестьянскій царь успѣлъ сдѣлать для народа и то, что на этомъ пути не удалось ему осуществить, все это соотвѣтствуетъ стремленію Маріи Терезіи къ „угод-

1871); Der Humor in der Diplomatie und Regierungskunde, 2 т. (Wien, 1872); Die Theologische Dienerschaft (Wien, 1868); Die Mysterien der Aufklärung Mainz, 1869); *Kervyn de Lettenhove*. Lettres inédites de Marie Thérèse et de Joseph II (Bruxelles, 1868).

ному Богу равенству" (zu Gott gefälligen Gleichheit) [1]). Многое въ этомъ направленіи было сдѣлано еще до 1765 г., т.-е. прежде, нежели Іосифъ, ставъ соправителемъ, могъ оказывать вліяніе на дѣла. Еще въ сороковыхъ годахъ, т.-е. почти за полвѣка до революціи, привилегированныя сословія собственной Австріи, Богеміи, Каринтіи были привлечены къ прямому обложенію. Была учреждена должность окружныхъ начальниковъ—Kreisämter [2]), получившихъ впослѣдствіи при Іосифѣ II прочную организацію съ широкой компетенціей въ роли нашихъ мировыхъ посредниковъ. Марія Терезія хотѣла, по ея собственнымъ словамъ [3]), „содѣйствовать установленію правомѣрныхъ, Богу угодныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, въ особенности же зорко слѣдить, чтобы бѣдные и; главнымъ образомъ, крѣпостные не были притѣсняемы богачами и помѣщиками" (Reichen und Obrigkeiten). „Крестьянское сословіе, которое, въ качествѣ многочисленнѣйшаго класса, составляетъ основаніе и главную силу государства... должно быть въ состояніи прокормиться, вмѣстѣ съ семействомъ, и отправлять въ мирное и военное время государственныя повинности; отсюда само собою вытекаетъ, что *не должно соблюдать никакого Urbar'а, никакого договора, никакого хотя бы и исконнаго обычая* (noch ein so altes Herkommen), который былъ бы несовмѣстимъ съ благосостояніемъ крѣпостного".

Крестьянскія возстанія проходятъ красною нитью чрезъ всю исторію Австріи. Нельзя назвать ни одного императора, въ царствованіе котораго не было бы вспышки въ какой-нибудь провинціи. Особенно ужасно было положеніе въ Венгріи, гдѣ въ 1514 году, послѣ крестьянскаго бунта, весь народъ былъ офиціально приговоренъ высшимъ судилищемъ къ „вѣчному рабству". Введеніе, 10 іюля 1765 г., нѣкотораго контроля и облегченій въ царившее безправіе не отвратило безпорядковъ [4]). Пришлось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, но неистовства войскъ возбудили порицаніе императрицы. „Только жестокости господъ, писала она къ своей подругѣ, „довели бѣдныхъ людей до послѣдней крайности"... „Cela fait frémir" [5]), негодовала она, указывая на покойнаго палатина, на князя Баттіани, семейство Эстергази, какъ на самыхъ главныхъ притѣснителей; это настроеніе отразилось на судьбѣ бунтовщиковъ, получившихъ послѣ того новыя облегченія, къ великой радости Іосифа.

---

[1]) M. Th. nach dem Erbfolgekr., 22.

[2]) Nach Erbflg., 38—41. Letzte Reg. III, 338. Wolf. 241.

[3]) Nach Erbfolgekr. 33.

[4]) Wolf. Maria Theresia. 349. 350. Letzte Regierungszeit. I, 258—259, 267—268. IV, 112—113.

[5]) 2 іюня 1766 г.

Въ 1769 году, по поводу преобразованій въ Силезіи, вниманіе правительства было опять обращено на положеніе крестьянъ. Членъ государственнаго совѣта, бар. Геблеръ, передавалъ „удивленіе, настоящій ужасъ и болѣзненное внутреннее содроганіе“, вызываемыя обнаруженнымъ угнетеніемъ и нищетой. „Да это хуже Венгріи!“ восклицалъ другой [1]). Съ 1770 года начинается цѣлый рядъ мѣропріятій въ пользу богемскаго народа. Дѣло тормозится въ теченіе четырехъ лѣтъ противодѣйствіемъ сословныхъ чиновъ, запрашивавшихъ въ пользу помѣщика цѣлыхъ 6 дней барщины въ недѣлю и прочее въ этомъ родѣ [2]). Наконецъ, богемская коммиссія беретъ дѣло въ свои руки. Іосифъ, привлеченный императрицей къ разработкѣ вопроса, не чувствуетъ сначала почвы подъ собою; онъ заявляетъ, что сословные представители пристрастны, но за то хорошо знакомы съ мѣстными условіями, правительство же одушевлено лучшими намѣреніями, но Вѣна не знаетъ фактическаго положенія вещей (23 февраля 1774 г.). Въ виду этого императоръ предлагалъ предоставить улаженіе вопроса полюбовному соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ, подъ надзоромъ правительства, съ тѣмъ, чтобы по прошествіи извѣстнаго срока [3]), сдѣлка производилась принудительно тамъ, гдѣ не состоялась добровольно. Когда приступили къ выработкѣ соотвѣтствующихъ инструкцій для окружныхъ начальниковъ, то въ отсутствіе Іосифа внесена была поправка, уничтожавшая смыслъ его предложенія (именно установленъ maximum и minimum обязательствъ, какъ норма, ограничивающая свободу полюбовной сдѣлки), но Іосифъ выразилъ неудовольствіе и поставилъ на своемъ. Между тѣмъ, полюбовная сдѣлка шла очень туго... Марія Терезія стала колебаться, а въ іюнѣ вдругъ ограничила дѣйствіе апрѣльскаго декрета и потребовала его на пересмотръ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ на народъ, Арнетъ и Гоккъ называютъ „ужаснымъ“. Крестьяне взбунтовались, увѣряли, что императрица объявила волю, но дворяне съ чиновниками хранятъ декретъ подъ спудомъ. Однако, возстаніе было легко подавлено, и расправа не была слишкомъ суровой: слѣдственная комиссія получила даже выговоръ за ретивость и многіе смертные приговоры отмѣнены. Какъ бы то ни было, все же положеніе продолжало внушать опасенія. Императрица пишетъ [4]) о глухомъ броженіи, охватившемъ не только Богемію, но также Моравію, Штирію, Австрію. „У

---

[1]) Членъ гос. сов. Борье.

[2]) „Was blieb dem Bauer noch übrig?“, спрашиваетъ Lustkandl („Die Josephinischen Ideen“. Wien, 1881).

[3]) Шесть мѣсяцевъ.

[4]) Графу Мерси (посланнику въ Парижѣ). Май 1775. г.

нашихъ воротъ, здѣсь у насъ даже отваживаются на величайшія дерзости". Въ Моравіи сняли жатву при помощи военныхъ командъ. Продолжаться такъ не могло: необходимо было положить предѣлъ нерѣшительности правительства, „соблазняющаго крѣпостныхъ облегченіями, которыхъ не даруетъ, и угрожающаго помѣщикамъ ограниченіями, которыхъ не приводитъ въ исполненіе. Нетерпѣніе охватываетъ первыхъ, интрига—послѣднихъ, одни торопятъ, другіе мѣшаютъ... Императрица смущена,... и такъ какъ я (т.-е. Іосифъ) говорю о твердости, противлюсь интригѣ, то меня немилосердно бранятъ, и это люди, къ которымъ я отношусь наиболѣе дружелюбно. Я это знаю, но... иду своей дорогой" [1]). Императоръ желалъ назначенія полномочнаго коммиссара „смѣлаго противъ давленія толпы и равнодушнаго къ тому, что скажетъ все дворянство". Онъ признавалъ, что „подданные дерзки, перешли всякую мѣру" [2]), но сваливалъ всю вину на правительство и, наконецъ, взялъ дѣло въ свои руки—составилъ проектъ регулированія отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, причемъ ушелъ уже далеко впередъ сравнительно съ 1774 годомъ, подходя въ своихъ заключеніяхъ къ проекту, отвергнутому тогда, какъ слишкомъ невыгодный для дворянства [3]). Мнѣніе императора восторжествовало, несмотря на возраженія Кауница противъ потаканія бунтовщикамъ, и самъ Іосифъ редактировалъ патентъ 13 октября 1775 г., положившій конецъ волненію [4]). Императоръ въ это время все еще вѣрилъ въ возможность улаженія крестьянскаго вопроса путемъ добровольнаго соглашенія [5]). „Дойдетъ мало-по-малу, немножко раньше или позже, до того, что барщина, которую... отмѣнить путемъ власти (Machtspruch) я считаю невозможнымъ, будетъ отмѣнена добровольнымъ соглашеніемъ господъ и крѣпостныхъ, если не совершенно, то поскольку она вредна крестьянину". Счастливый часъ, о которомъ онъ (императоръ) много лѣтъ страстно мечтаетъ! Такъ прошло 1½ года въ относительномъ спокойствіи. Затѣмъ глухое волненіе снова напоминаетъ о крестьянахъ [6]). *Тутъ-то и былъ серіозно поднятъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ,* причемъ особенно горячо желала этого сама императрица Марія Терезія. Еще ранѣе того, 27 ноября 1772 г., думая отказаться отъ престола, она писала, что только мысль освободить крестьянъ удер-

---

[1]) Іосифъ Леопольду Туск. Mar. Ther. und Joseph II, т. II, 71 (20 іюля 1775 г.).

[2]) Ibid., 82 (9 авг. 1775 г.).

[3]) Проектъ „Blanc".

[4]) Hock „Der oesterreichische Staatsrath" (Wien, 1879), 68 — 77. Letzte Reg. III 339—380.

[5]) Ibid. 77.

[6]) Letzte Regierungszeit, III, 377—378.

живаетъ ее на тронѣ: „я сегодня категорически заявила [1]) относительно упраздненія крѣпостнаго права, только одно это могло бы удержать меня у кормила правленія". Теперь въ 1777 году она возвращается къ вопросу объ упраздненіи крѣпостнаго права и барщины—„die Leibeigenschaft und die Frohnen abzuschaffen", а имперскій канцлеръ Кауницъ представилъ по этому поводу цѣлую записку, мотивируя ея составленіе желаніемъ императрицы (l'idée de l'abolition des corvées et de la Leibeigenschaft parceque S. M. l'Impératrice le désire) [2]). Чрезвычайно любопытно, что Марія Терезія сваливала именно на Іосифа свою нерѣшительность и свое безсиліе осуществить это на дѣлѣ. 30 января 1777 г. она увѣряла сына Фердинанда: „Еслибъ императоръ (т.-е. Іосифъ), не говорю поддерживалъ меня, а просто хотѣлъ остаться нейтральнымъ, я бы еще достигла цѣли—отмѣнить крѣпостное право". Недѣлю спустя она писала о волновавшихся крестьянахъ: „Притѣсненіе этихъ бѣдныхъ людей и гнетущая ихъ тираннія извѣстны и доказаны, нужно бы, слѣдовательно установить болѣе справедливыя отношенія. *Я была готова къ проведенію этого, какъ вдругъ землевладѣльцы, къ которымъ, между нами будь сказано, принадлежатъ всѣ министры, снова съумѣли поколебать императора.* ...Желала бы я, чтобы средства, къ которымъ рѣшено прибѣгнуть, были достаточны для водворенія спокойствія... Но боюсь, какъ бы не пришлось прибѣгнуть къ силѣ... Я хотѣла, чтобы, наряду съ требованіемъ повиновенія, имъ даны были облегченія, но меня увѣряютъ, что этого будетъ слишкомъ много, такъ какъ они теперь этого не заслужили. Согласна; однако „die Noth kennt kein Gebot" [3]). Въ концѣ-концовъ крестьяне при Маріи Терезіи освобождены не были, но сочувствіе императрицы къ народному горю и сознаніе, что этому горю надо помочь, проявлялось на каждомъ шагу. Когда въ 1769 г. одинъ графъ жаловался на „самоуправство" придунайскихъ сельчанъ, самовольно „отгородившихся" отъ дикаго звѣря, императрица отрѣзала, что правилами объ охотѣ крестьяне доведены до отчаянія (zu einer Art Verzweiflung). Въ 1771 г. она [4]) пожелала дать амнистію крестьянамъ, наказаннымъ за нарушеніе этихъ законовъ: она хорошо поняла смыслъ безпорядковъ, произведенныхъ народомъ въ смутные первые годы ея царствованія—въ видѣ грандіознаго истребленія и самовольной травли дикаго звѣря. Извѣстно тяжелое значеніе средневѣковыхъ законовъ объ охотѣ: Іосифъ II раз-

[1]) „Wegen Anfhebung der Leibeigenschaft die das einzige noch wäre mich bei dem Staatsruder zu erhalten, *habe heut blanc gemelt*".

[2]) Beer 452.

[3]) Arneth. „Maria Theresia" 58—59. Wolf-Onken, 133—137.

[4]) Letzte Regierungszeit I, 268.

рѣшилъ этотъ жгучій вопросъ въ Австріи, не ожидая жестокаго урока, какой дала черезъ нѣсколько лѣтъ революція во Франціи.

Такимъ образомъ крестьянская политика обоихъ царствованій тѣсно связана въ отношеніи настроенія правителей и общей постановки вопроса, причемъ преемникъ исполнилъ задуманное предшественницей. Народолюбіе Маріи Терезіи принесло также реальные плоды: въ ея царствованіе по всей Австріи былъ введенъ „Urbar", предоставлявшій крестьянамъ нѣкоторыя личныя права, регулирована и ограничена барщина—Robot, и подготовлено ея упраздненіе посредствомъ переложенія на иныя повинности и выкупа—Robotabolitionsystem. Такъ подготовлено было смѣлое дѣло освободителя крестьянъ, вовсе не явившееся неожиданностью: реформа уже ранѣе стучалась въ двери. Впрочемъ, самая смѣлость этого шага была относительная: крестьяне освобождались безъ земли, хотя и были употреблены самыя добросовѣстныя усилія для поощренія и облегченія выкупа земельныхъ участковъ. Притомъ было объявлено, что отмѣна рабства не освобождаетъ крестьянъ отъ нѣкотораго подчиненія помѣщикамъ и дарованная свобода провозглашалась не какъ воля, а какъ умѣренное подчиненіе: „gemässigte Unterthänigkeit". Подобно матери своей, Іосифъ II считалъ невозможнымъ совершенно порвать „цѣпь великую" посредствомъ властнаго „Machtspruch"; взглядъ его на рѣшеніе крестьянскаго вопроса развивался на почвѣ совмѣстной работы съ Маріей Терезіей и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же событій. Соотвѣтственно условіямъ и традиціямъ Австріи, заботы императора о крестьянахъ выразились не столько въ общемъ законѣ, сколько въ безчисленныхъ мелкихъ и частныхъ узаконеніяхъ и циркулярахъ, издаваемыхъ безъ всякаго внѣшняго плана, но проникнутыхъ одною общей идеей, весьма близкой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько отличной отъ того сочувствія, которое одушевляло Марію Терезію. Іосифъ II былъ не только реформаторъ, но и представитель „просвѣщеннаго" абсолютизма. Современное ученіе физіократовъ оказало на него воздѣйствіе, какъ своеобразная окраска реформъ: на этихъ началахъ предпринято было введеніе прогрессивнаго поземельнаго налога, которое вызвало страшное неудовольствіе дворянъ и было однимъ изъ гвоздей, вколотившихъ Іосифа въ гробъ. Въ связи съ тѣми же идеями XVIII вѣка находится уравненіе всѣхъ сословій передъ закономъ, вытекавшее изъ теорій отвлеченнаго государства и всеобщаго равенства.

Но если такова была идейная подкладка политики Іосифа относительно крестьянъ и дворянъ, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что источникомъ и главнымъ основаніемъ ея былъ практическій государственный интересъ, помимо всякой идеологіи. Элементъ простого расчета, помимо соображеній теоретическаго свойства, выдви-

гался здѣсь постоянно на первый планъ. „Милый Хотекъ, не лучше ли намъ уступить крестьянамъ еще что-нибудь, чѣмъ (ждать) чтобы они намъ ничего не оставили?“ Графъ Хотекъ возражалъ, что вооруженная сила находится въ рукахъ власти. „Сила?“ отвѣчалъ императоръ: „физическій перевѣсъ за третьимъ сословіемъ. Вѣрьте мнѣ, если крестьянинъ не захочетъ, то всѣмъ намъ конецъ“ [1]).

Іосифъ II понималъ монархію въ нейтральности монарха между всѣми сословіями и въ помощи тому изъ нихъ, которое въ этомъ наиболѣе нуждалось. Въ борьбѣ съ дворянствомъ, шедшимъ наперекоръ его видамъ, Іосифъ пускалъ въ ходъ, какъ принудительныя средства власти, такъ и весь современный арсеналъ либеральныхъ идей; дворянство отвѣчало ему постояннымъ противодѣйствіемъ и нескрываемою ненавистью. Здѣсь наблюдается существенное отличіе отъ временъ Маріи Терезіи, которую боготворили всѣ сословія,—противоположность, съ внѣшней стороны весьма разительная. Всѣ монархіи новой Европы, при переходѣ изъ среднихъ вѣковъ, приходили въ столкновеніе со старыми силами, стремясь превратить феодаловъ, князей и бояръ въ служилое дворянство. Въ Австріи, ко времени Маріи Терезіи, очертанія новаго устройства сложились въ ясно обозначавшіяся формы, однако, наряду съ этимъ, старыя привилегіи продолжали свою ненужную жизнь. Личная иниціатива императрицы, ея мягкость, способность лавировать среди противоположныхъ теченій отсрочила неизбѣжную борьбу, но по самой логикѣ вещей полицейское государство новаго типа и бюрократія должны были придти въ столкновеніе со средневѣковыми элементами. Дворянство не было въ Австріи того вѣка служилымъ сословіемъ, какъ въ Россіи и Пруссіи. Это были непокорные и требовательные магнаты, отказавшіеся въ Чехіи отъ своей національности, а въ Венгріи отъ самостоятельности—подъ условіемъ соблюденія своихъ правъ и вольностей. Народившіяся новыя силы, которыя уже давно развивались въ скрытомъ видѣ, обнаружились при сынѣ Маріи Терезіи и тутъ на либеральной почвѣ повторилась въ меньшемъ размѣрѣ борьба, однородная по своей сущности съ дѣломъ Людовика XI и Іоанна Грознаго; только время было другое и предъявляло иныя требованія. Феодалы были въ Австріи уже исподволь обращаемы въ придворныхъ и чиновниковъ, Іосифу II понадобились *хорошіе* чиновники, помимо всякихъ другихъ соображеній. Самъ

---

[1]) Въ то время подъ 3-мъ сословіемъ разумѣли и буржуазію, и народъ. Здѣсь разумѣется народъ. Wenn der Bauer nicht will, so sind wir alle pritsch.— Brunner. „Joseph II“. Freiburg. 1885, стр. 65.

первый слуга государства, императоръ требовалъ усиленной дѣятельности отъ людей, избалованныхъ патріархальностью добраго стараго времени. Спросъ на чиновниковъ былъ большой и нужно было расширить кругъ лицъ, среди которыхъ производился подборъ пригодныхъ людей: для этого-то разночинцы привлечены были Іосифомъ къ государственной службѣ, а послѣднее было связано съ уравненіемъ всѣхъ сословій передъ закономъ, котораго, съ другой стороны, требовали теоріи XVIII вѣка.

Роль личной инициативы Іосифа II, въ противоположность матери, заключалась главнымъ образомъ въ *обостреніи* борьбы и разлада. Крайняя рѣзкость императора, его грубость, въ связи съ ѣдкимъ остроуміемъ, не могли не раздражать дворянъ; неумолимая справедливость, доходившая до жестокости, добросовѣстность, доведенная до педантизма, являлись полнымъ контрастомъ патріархально-сентиментальному благодушію Маріи Терезіи, допускавшей всевозможныя поблажки, даже въ ущербъ казенному интересу. Наконецъ, при всѣхъ заслугахъ императрицы, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что народолюбіе ея менѣе глубоко успѣло проникнуть въ жизнь. Реформы Іосифа II осязательно отразились на матеріальныхъ интересахъ дворянства и этимъ возбудили его неудовольствіе.

Такимъ образомъ, каково бы ни было различіе обоихъ царствованій, несомнѣннымъ представляется то, что Іосифъ явился не какъ Deus es machina въ соціальномъ вопросѣ, а продолжателемъ предыдущаго, логическимъ развитіемъ предшествующаго направленія, хотя съ новой окраской просвѣщеннаго абсолютизма.

Не менѣе важно прослѣдить взаимное отношеніе обоихъ царствованій въ церковной политикѣ, гдѣ слишкомъ извѣстна противоположность, со одной стороны рьяной католички, нетерпимой Маріи Терезіи, а съ другой—Іосифа II, смѣлаго противника римской куріи, ненавистнаго клерикаламъ и ультрамонтанамъ. Выяснимъ же степень и характеръ этого различія, насколько оно отразилось на самихъ царствованіяхъ.

При всемъ своемъ фанатизмѣ, Марія Терезія далеко не поступалась своей властью въ пользу католическаго духовенства и римской куріи, съ которой была даже одно время въ очень натянутыхъ отношеніяхъ. Ея поведеніе соотвѣтствовало, при измѣнившихся условіяхъ, политикѣ средневѣковыхъ государей, особенно императоровъ Священной Римской Имперіи. Даже клерикальный домъ Габсбурговъ не всегда ладилъ съ Римомъ: такъ дядя императрицы, Іосифъ I, навлекъ на себя буллу съ укорами въ забвеніи завѣтнаго благочестія австрійскаго дома. Марія Терезія шла гораздо дальше. Еще въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка она высказывалась противъ усиленія матеріальнаго могу-

щества духовенства „оттого, что съ одной стороны оно въ томъ не нуждается, съ другой—пользуется своимъ достоянiемъ, къ сожалѣнiю, не такъ, какъ бы слѣдовало, и притомъ сильно притѣсняетъ публику; все это“, прибавляла она, „потребуетъ еще eine grosse Remedur, что я и думаю провести современемъ и по зрѣломъ обсужденiи“. Къ участiю въ преобразованiяхъ она хотѣла привлечь само духовенство, „*но главнымъ образомъ свѣтскую власть*“ для выработки того, „*что необходимо для общаго блага*, а не спецiально для духовенства“ [1]). Сущностью этихъ „хорошихъ и полезныхъ новшествъ“ было введенiе государственнаго начала въ сферы, гдѣ до тѣхъ поръ безконтрольно и нераздѣльно царила духовная власть. Враждебная духовенству просвѣтительная партiя XVIII вѣка — „Aufklärungspartei“ косвенно дѣйствовала на императрицу при посредствѣ окружающихъ, и если Марiя Терезiя она, по свойственной ей неровности и мнительности, слишкомъ часто останавливалась на полъ-пути, то министры, члены государственнаго совѣта и другiя влiятельныя лица оказывали на нее давленiе,—вели, по выраженiю Вольфа, маленькую войну, требуя рѣшительнаго правительственнаго вмѣшательства и шагъ за шагомъ отвоевывая согласiе императрицы на тѣ или другiя мѣропрiятiя.

Такимъ образомъ, къ началу единодержавiя iосифа, атмосфера правящихъ круговъ была далеко не клерикальная: Iосифу оставалось продолжать начатое. Упраздненiе, при Марiи Терезiи, ордена iезуитовъ и 80 монастырей въ Ломбардiи—послужили образцомъ и санкцiей для самой значительной и крутой мѣры Iосифа II—упраздненiя монастырей созерцательной жизни. Въ резолюцiи по этому поводу [2]) императоръ прямо ссылался на примѣръ прошлаго, „какъ было съ iезуитами“.

Подобно тому, какъ достоянiе iезуитовъ обращено на школьныя нужды, такъ, при упраздненiи Iосифомъ религiозныхъ братствъ, $^1/_2$ вырученныхъ отъ продажи суммъ пошла въ пользу фонда бѣдныхъ, $^1/_2$ — на школы. Отобранныя монастырскiя имущества были употреблены главнымъ образомъ на религiозныя и спецiально церковныя нужды. По разсчету Адама Вольфа, число монастырей было сокращено на $^1/_3$ и самымъ крутымъ для монаховъ [3]) годомъ былъ 1786-ой, когда правительство нуждалось въ денежныхъ средствахъ для удовлетворенiя *церковной же* потребности первѣйшей важности, именно увеличенiя числа приходскихъ священниковъ. Еще Марiя Терезiя въ 1759 г. обратила вниманiе на необходимость болѣе равно-

[1]) Nach Erbflg. 3, 55.
[2]) 29 ноября 1781 г. „Wie mit denen Iesuiten geschehen“.
[3]) Aufheb., 112.

мѣрнаго распредѣленія церковныхъ приходовъ, сообразно нуждамъ паствы; но, встрѣтивъ отпоръ со стороны духовенства, бросила это дѣло. Іосифъ II мастерски выполнилъ задачу и, по утвержденію Вольфа, бѣлое духовенство благословляло правленіе императора [1]). Насколько серьезно и добросовѣстно смотрѣлъ онъ на это дѣло, видно изъ того, что когда обнаружился недостатокъ въ священникахъ, Іосифъ предложилъ на обсужденіе коммиссіи вопросъ, „почему такъ мало идутъ въ священники" [2]), и изыскивалъ средства помочь горю. Въ борьбѣ съ папой императоръ до разрыва доводить не хотѣлъ,—особенно замѣтно это съ 1783 г. [3]),—напротивъ, онъ скептически отнесся къ проекту независимаго отъ Рима соборнаго устройства германской церкви [4]).

Опираясь на сильную партію „просвѣтителей", либеральный императоръ держался середины между ея желаніями и притязаніями клерикаловъ. Въ государственномъ совѣтѣ онъ по большей части присоединялся къ мнѣнію умѣренныхъ церковныхъ реформаторовъ [5]).

Вообще вмѣшательство императора не было враждебно католической церкви. Если на этомъ пути онъ нерѣдко заходилъ слишкомъ далеко, оскорбляя религіозное чувство народа, если онъ не избѣжалъ свойственнаго бюрократамъ вообще, а людямъ XVIII вѣка въ особенности, стремленія къ регламентаціи даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ это нежелательно и вредно, то во всякомъ случаѣ Іосифъ постоянно сдерживалъ реформаторскій задоръ своихъ совѣтниковъ, коммиссіи по духовнымъ дѣламъ [6]) и наконецъ низшихъ агентовъ. Такъ, съ одной стороны, напр. регламентировано было самое богослуженіе (Gottesdienstordnung), что вызвало сильное возбужденіе въ народѣ, хотя, правда, никакихъ перемѣнъ въ литургіи введено не было [7]) и имѣлась въ виду исключительно чистота католической вѣры по канонамъ церкви. Съ другой стороны, мы видимъ, что императоръ былъ во многихъ отношеніяхъ умѣреннѣе другихъ: по поводу проектовъ реформированія различныхъ подробностей церковной внѣшности, онъ, напр., иронически замѣчалъ, что легче, конечно, преобразовать цер-

---

1) Ibid., 108, 165.

2) Myster, 353.

3) Onken-Wolf, 261.

4) Jos. II und Leop. II. 48, 55.

5) Hock, 209, 335—519 passim. Wendrinsky. „Joseph II" (Wien 1880).

6) О роли Geistliche Hofcommission см. Aufhebung der Klöster, 106, 107.

7) Упорядоченіе всевозможныхъ уклоненій отъ канонической литургіи, вкравшихся преимущественно подъ вліяніемъ разныхъ суевѣрныхъ обычаевъ, мѣстныхъ повѣрій и воспоминаній и т. д.

ковныя стѣны, нежели измѣнить настроеніе прихожанъ [1]). Либеральный епископъ, хотѣвшій передѣлать католическій молитвенникъ, получилъ выговоръ [2]). Проектъ введенія нѣмецкаго языка въ богослуженіе императоръ отвергъ, посовѣтовавъ духовной коммиссіи заниматься дѣломъ, а не подобными приводящими къ безсмыслицѣ умствованіями [3]).

Но былъ вопросъ первостепенной важности, въ которомъ Іосифъ рѣшительно пошелъ наперекоръ старому—это вѣротерпимость. Когда, на смертномъ одрѣ, боясь распаденія монархіи, императоръ отрекался отъ дѣла рукъ своихъ, отмѣняя свои распоряженія, онъ сдѣлалъ рѣшительную оговорку относительно крестьянской реформы и вѣротерпимости, которыя были для него дороже всего.

Самая серьезная ссора между Маріей Терезіей и сыномъ произошла изъ-за отпавшихъ отъ католичества моравскихъ общинъ, противъ которыхъ императрица приняла драконовскія мѣры. Онѣ заключались въ слѣдующемъ: протестанты подверглись военному постою, настоятели общинъ преданы суду; всѣ должны были выслушать проповѣдь, а затѣмъ внять гласу убѣжденія. Упорствующіе отдавались въ солдаты или ссылались на ольмюцкія копи, женщины и старики заточались въ брюннскій арестантскій домъ. Но все это былъ временный искусъ, въ теченіе котораго усиленно преподавался законъ Божій; затѣмъ наступало окончательное рѣшеніе: закоренѣлые въ своемъ упорствѣ ссылались въ католическую горную Венгрію, жены могли слѣдовать за мужьями, но дѣти были разлучаемы съ родителями [4]). Такъ думала императрица водворить истинную вѣру.

Это происшествіе подало поводъ къ интереснѣйшей перепискѣ [5]): Іосифъ рѣзко требовалъ себѣ отставки и отказался отъ этого только тогда, когда императрица пошла на уступки. Марія Терезія запальчиво обвиняла сына въ индиферентизмѣ, а тотъ отвѣчалъ, что всей душой радъ обращенію иновѣрцевъ, но считаетъ насиліе надъ совѣстью не соотвѣтствующимъ совершенству Божію и обязанностямъ правителя.

При разборѣ сущности этого спора, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, не будучи набоженъ въ духѣ Маріи Терезіи, Іосифъ признавалъ, однако, положительное христіанство [6]). Впрочемъ, для зани-

---

[1]) Hock, 512.

[2]) Ibid., 467, 468. Герберштейнъ Лайбахскій.

[3]) Theolog. Diener., 430. (27 сент. 1782 г.) zu Absurditäten führenden... Hirnsgespinnstereien.

[4]) Letzte Reg. IV, 60—75.

[5]) Mar. Ther. und Jos. II, т. II.

[6]) Marie Antoin., Joseph und Leopold. 1777 (4—18).

мающаго насъ вопроса достаточно того, что, по его мнѣнію, самый невѣрующій человѣкъ долженъ быть религіозенъ *„par politique“*. Равнодушный къ вѣроисповѣднымъ различіямъ православія, католичества, протестантства, онъ, въ отличіе отъ вольнодумныхъ мыслителей XVIII в., не былъ враждебенъ установленной религіи. Если Вольтеръ, въ своемъ извѣстномъ изреченіи, признавалъ необходимость только отвлеченнаго Божества, то Іосифъ II не видѣлъ ни возможности, ни надобности бороться съ католичествомъ, какъ таковымъ. Передъ нимъ была установленная религія, исповѣдуемая весьма ревностно большинствомъ его народа—все дѣло было въ томъ, чтобы приспособить эту вѣру къ своимъ государственнымъ цѣлямъ. „Безъ духовенства, писалъ онъ, съ народомъ ничего не сдѣлать; безъ упорядоченія духовенства, оно болѣе вредно, чѣмъ полезно“ [1]). Іосифъ самъ выдѣлялъ свою точку зрѣнія, точку зрѣнія австрійскаго государственнаго интереса—среди двухъ крайнихъ теченій тогдашней общественной мысли. Резолюція 17 августа 1783 г. гласитъ [2]), что съ видами императора несогласны 2 категоріи людей: съ одной стороны епископы, съ другой—тѣ, кто, будучи принципіально, враждебны духовенству, не видятъ необходимости поднять его уровень. „Послѣднее кажется мнѣ настроеніемъ господствующей нынѣ гуманной моды“, такъ заключаетъ императоръ.

Но, спрашивается, какъ и противъ кого поддерживать религію и въ частности католичество? Допустимъ, что съ чисто конфессіональной точки зрѣнія, костры и инквизиція много помогли торжеству намѣстника св. Петра надъ еретиками Австріи, Франціи, Испаніи Италіи. Но въ XVIII вѣкѣ измѣнились не только идеи и нравственный складъ человѣка, а также и самыя условія жизни. Цѣлесообразность вѣроисповѣдной борьбы—во всѣхъ ея оттѣнкахъ—естественно могла подвергаться сомнѣнію въ виду общаго врага всѣхъ религій—невѣрія, становившагося все болѣе грознымъ. Гоненіе питаетъ вынужденное лицемѣріе, а то, въ свою очередь, вызываетъ легкомысленное отношеніе къ требованіямъ религіозной совѣсти; Іосифъ понималъ, что такая почва наиболѣе благопріятна для развитія антирелигіознаго направленія, что здѣсь во имя вѣроисповѣднаго интереса подрывается въ корнѣ сущность всякой вѣры. Въ данномъ случаѣ, кромѣ общегосударственныхъ и чисто утилитарныхъ соображеній, а также мотивовъ простого человѣческаго чувства, вѣротерпимымъ монархомъ руководила забота о самой религіи, какъ таковой. Въ Австріи было очень много тайныхъ протестантовъ, что громогласно признано въ 1773 г. на засѣ-

---

[1]) 5 авг. 1773 г. Записка изъ Львова (Letzte Reg. II, 421).

[2]) Hock, 499—500. Die Gesinnung der jetzt herrschenden, menschenliebenden Modesprache.

даніи государственнаго совѣта [1]). Объ этихъ иновѣрцахъ Іосифъ писалъ матери: „*безпрепятственное отправленіе религіозныхъ обязанностей прежде всего дѣлаетъ ихъ лучшими подданными, позволитъ избѣжать невѣрія, гораздо болѣе опаснаго въ смыслѣ совращенія нашихъ католиковъ:.. было бы меньше невѣрующихъ во всѣхъ вѣроисповѣдачіяхъ* (*il y aurait moins d'impies dans toutes les religions*), *государство отъ этого много бы выиграло*" [2]). Сообразно такому взгляду, въ 1781 г. повелѣно было помѣщикамъ Градскаго округа въ Моравіи поддерживать протестантскія школы и церкви. „Такъ какъ, разъ у нихъ уже подданные протестанты, они (помѣщики) должны содѣйствовать тому, чтобы послѣдніе жили по-христіански и оставались хорошими подданными" [3]).

Совсѣмъ не такъ думала Марія Терезія. „По нынѣшнимъ временамъ строгость (die rigueur) должна возстановить религію". Согласно этому принципу иновѣріе и невѣріе преслѣдовались одинаково сурово. По донесенію венеціанскаго посланника, Карлъ VI велъ дѣла „гораздо умнѣе", не обостряя конфессіональной политики [4]). Конечно, прямое гоненіе въ его дикой формѣ отжило свой вѣкъ и Марія Терезія могла только продолжать политику ближайшихъ предшественниковъ, притѣснявшихъ, но уже не возводившихъ иновѣрцевъ на костры. Тѣмъ не менѣе жилось схизматикамъ и еретикамъ очень плохо. О православныхъ, правда, сравнительно мало слышно: безграмотные и пришибленные, сербы и румыны не подавали о себѣ голоса. Но за то протестанты громко напоминали о своемъ присутствіи, громко заявляли о своихъ страданіяхъ. Нетерпимость, въ томъ смягченномъ видѣ, въ какомъ она перешла къ новымъ вѣкамъ, выставляетъ слѣдующіе тезисы: „насиліе надъ совѣстью не входитъ въ намѣренія правительства", но затѣмъ дѣлается оговорка, уничтожающая смыслъ предыдущаго положенія: „правительство препятствуетъ не исповѣданію, а только *распространенію* иновѣрія". Поэтому дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ должны принадлежать господствующей церкви, отпаденіе отъ вѣры отцовъ строго наказывается и еще строже наказывается пропаганда, хотя себѣ самой господствующая церковь не отказываетъ въ правѣ всякими способами распространять свое вѣроученіе. Такъ обстояло дѣло въ Австріи.

---

[1]) Hock. 59.
[2]) Mar. Ther. und Joseph II, т. II. 152. 20 іюля 1777 г.
[3]) Wendr. 141—142.
[4]) Letzte Regierungszeit. II, 4. Посолъ Реньеръ передаетъ разговоръ съ герцогомъ Цвейбрюкенскимъ.

Виновные въ совращеніи отдавались въ арестантскія роты, выводимы были на правежъ и т. д., а доносчики получали приличное вознагражденіе. По вопросу о пропагандѣ открытъ былъ полный произволъ—вѣдь всякое слово, всякое проявленіе жизни въ спорѣ есть уже пропаганда. Гоненіе на книги производилось въ широкихъ размѣрахъ. Иновѣрцы подвергались различнымъ притѣсненіямъ, не говоря уже о неполной ихъ юридической правоспособности, а отступниковъ ожидала участь помянутыхъ выше мораванъ. Нечего уже говорить о неразборчивомъ въ средствахъ прозелитизмѣ католической церкви, напр., о мѣрахъ, принимаемыхъ для обращенія православныхъ [1]) въ унію. Личная роль Маріи Терезіи заключалась въ закрѣпленіи отживающаго начала, у котораго почва исчезала подъ ногами, такъ какъ вся окружающая среда была пропитана вѣяніемъ вѣротерпимости: министры, государственный совѣтъ, сынъ—все тянуло императрицу въ этомъ направленіи и не всегда это было безуспѣшно.

Еще въ 1753 г. издано предписаніе противъ насильственнаго обращенія протестантовъ и повторено въ 1775 г. За пять лѣтъ до соправительства Іосифа, комиссія народнаго просвѣщенія предложила допускать протестантовъ къ докторской степени университета, что и было введено въ 1778 г., несмотря на протестъ папскаго нуція и *самой университетской* корпораціи. Протестантовъ стали принимать на государственную службу, хотя и не охотно; при этомъ изъ текста присяги была выкинута претившая имъ клятва „всѣми святыми“. Въ 1773 г., согласно мнѣнію государственнаго совѣта, императрица, по поводу какихъ-то придирокъ къ пасторамъ, приказала „оставить людей въ покоѣ“. Аналогичные случаи повторяются въ 70-хъ годахъ весьма часто, наряду со вспышками нетерпимости. Такимъ образомъ, силою вещей знаменитый указъ 13 октября 1781 г. былъ подготовленъ въ предъидущее царствованіе.

Іосифъ II не тронулъ католичество, какъ господствующую религію, напротивъ, на каждомъ шагу подчеркивалъ свое правовѣріе. Онъ не согласился, напр., съ Кауницемъ, когда тотъ предлагалъ замѣнить въ текстѣ одного циркуляра слова „въ истинной, единственно ведущей къ блаженству вѣрѣ“ общимъ выраженіемъ „въ нашей святой католической вѣрѣ“, такъ какъ вышеприведенныя слова „implicite означаютъ, что всѣ не католики и православные—не уніаты не могутъ достигнуть блаженства“; поэтому такая фраза была, по мнѣ-

[1]) Onken-Wolf. 143.

нію канцлера, „höchst odios“. Императоръ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что это „составляетъ сущность католической вѣры“ [1]).

Право на жизнь было признано за православіемъ, лютеранствомъ и кальвинизмомъ, но колокольни и другія внѣшнія отличія храма не были дозволены иновѣрцамъ. Иновѣріе стало именно *терпимо*, но полной свободы совѣсти введено не было. Щекотливый вопросъ смѣшанныхъ браковъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что дѣти должны слѣдовать полу—дѣвочки по вѣрѣ матери, мальчики въ отца. Хотя отступничество перестало считаться преступленіемъ [2]), однако переходъ изъ католичества подвергся различнымъ стѣсненіямъ [3]) и ограниченіямъ.

Іосифъ II былъ несомнѣнно сторонникомъ полной свободы совѣсти, но онъ зналъ страшную силу католическаго духовенства и передъ изданіемъ знаменитаго указа, писалъ Екатеринѣ II, что не можетъ выполнить „все то, что казалось бы справедливымъ и разумнымъ“ [4]). Такимъ образомъ реформы его являются только переходной ступенью между насиліемъ надъ совѣстью и ея свободой. Будь у императора развязаны руки, онъ перенесъ бы покровительство, оказываемое господствующей церкви, на всѣ религіозныя исповѣданія, имѣющія послѣдователей въ Австріи. Государство, равнодушное къ вѣроисповѣдной борьбѣ и пропагандѣ, стало бы въ отношеніе *благожелательнаго* нейтралитета ко всякой церкви, покровительствовало бы всѣмъ религіямъ, какъ носительницамъ христіанскаго и нравственнаго начала. Но это было или казалось невозможнымъ. На дѣлѣ Іосифъ II былъ только въ высокой степени вѣротерпимымъ монархомъ и въ качествѣ таковаго является звеномъ въ цѣпи предшественниковъ, также, какъ Марія Терезія была звеномъ другой, болѣе длинной цѣпи. Іосифъ II не стоитъ особнякомъ и вполнѣ одинокимъ въ исторіи Австріи. Въ XVI вѣкѣ (1564—1576) Максимиліанъ II велъ переписку съ Меланхтономъ, дозволилъ протестантамъ, правда только дворянамъ, отправлять богослуженіе у себя въ усадьбахъ и отзывался о варѳоломеевской ночи слѣдующимъ образомъ: „Съ глубокой горестью узналъ я, что французскій король... далъ увлечь себя на эту позорную кровавую баню... Дѣла вѣры не разсѣкаются мечем... Пусть Испанія и Франція дѣйствуютъ, какъ хотятъ,.. я хочу [illegible]ть

---

[1]) Humor II 192—193 (2 воября 1781 г.) „in der wahren, allein seelig machenden Religion“.

[2]) 1782 г. Crimen Apostasiae отмѣнено.

[3]) Praeclusiv Termin 1 января 1783 г.

[4]) (9 октября 1781 г.) Ios. II und Katharina 106.

2*

честнымъ человѣкомъ и гражданиномъ". Въ началѣ XVIII вѣка врагъ іезуитовъ Іосифъ I (1705 — 1711) дѣйствовалъ также примирительно относительно протестантовъ. Тѣмъ не менѣе преобладающимъ среди Габсбурговъ теченіемъ было нетерпимое и строго католическое.

Вѣра носила въ Австріи національный характеръ,—католицизмъ противополагался сначала гуситскому движенію, затѣмъ протестантской Германіи, наконецъ, съ возвышеніемъ Пруссіи, сталъ знаменемъ австрійскаго патріотизма, именовался залогомъ австрійскаго единства, могущества, самостоятельности. Между тѣмъ ни казни, ни массовыя изгнанія, ни ежедневныя притѣсненія не дали вожделѣннаго единства. Правители безпокоились, видя, что ересь неискоренима, патріоты кричали, что протестанты—внутренніе враги государственнаго тѣла, протестанты—разлагающее начало, православіе—измѣна народности, протестанты рады будутъ нашествію пруссаковъ. Патріоты были не совсѣмъ неправы: въ 1751 г. Фридрихъ II приказалъ бреславльскому епископу просить папу за венгерскихъ протестантовъ, „чтобы не обмануть *довѣрія и извѣстной привязанности* этихъ добрыхъ людей" [1]). Но вотъ раздается трезвое слово Іосифа II, предлагающаго матери устранить опасность устраненіемъ той причины, которая заставляла протестантовъ тяготѣть къ Пруссіи. „Дѣлать [2]) вещи наполовину—не входитъ въ мои принципы", писалъ онъ, „нужно или даровать полную свободу вѣры, или имѣть возможность выселить всѣхъ тѣхъ, кто не вѣритъ въ то, во что вы вѣруете и кто иными способами поклоняется и служитъ одному Богу и одному ближнему. *Въ политическомъ отношеніи различіе вѣроисповѣданій*... есть зло постольку, поскольку существуетъ фанатизмъ, раздоры, партійный духъ. Это падаетъ само собою, если обращаться съ сектантами... совершенно равно и предоставить остальное Тому, кто одинъ направляетъ сердца" [3]). Именно въ вѣротерпимости—то и видѣлъ Іосифъ залогъ внутренней прочности и единства. Онъ писалъ Екатеринѣ II, хваля ея отношеніе къ иновѣрцамъ: „нетерпимые... лишаютъ себя всего единства, всего сочетанія цѣлей, воль и дѣйствій живыхъ существъ, котораго требуетъ хорошее правительство" [4]).

Такимъ образомъ, если ужъ прилагать характеристику Арнета, то съ еще бо́льшимъ правомъ можно въ данномъ случаѣ сказать, что

---

[1]) Onken-Wolf 299.
[2]) Mar. Ther. und Ios. II т. II 141—142 (іюнь 1777 г.).
[3]) 19 іюня 1777 г. ibidem.
[4]) (24 февр. 1781 г.) Ios. II und Katharina 46—47.

Марія Терезія держалась стараго оттого, что оно старо. Самъ же Арнетъ называетъ эту вѣроисповѣдную политику [1]) „крупной политической ошибкой". „Привлечь къ себѣ (протестантизмъ), вмѣсто того, чтобы его все болѣе отталкивать и бросать такимъ образомъ въ объятія Пруссіи, такова должна была быть цѣль государыни, которая къ тому же стремилась утвердить за своими преемниками императорскую корону, а съ этимъ—хотя бы номинальное господство въ Германіи".

Кромѣ вѣротерпимости былъ еще другой не менѣе, если не болѣе щекотливый вопросъ церковной политики, гдѣ Іосифъ II уклонился отъ системы матери—именно вопросъ о бракѣ. Не новое само по себѣ начало государственнаго вмѣшательства въ логическомъ своемъ развитіи коснулось и этой почвы, гдѣ церковное начало тѣсно переплетается съ житейскими и государственными нуждами. „Просвѣтительная" партія желала установленія такого гражданскаго брака, какъ нынѣ существующій во Франціи, но императоръ пытался примирить церковь и государство, отводя каждому свое мѣсто. Насколько удачно совершено было это примиреніе, не имѣетъ для насъ значенія, но несомнѣнно то, что здѣсь, какъ и вездѣ, Іосифъ избѣгалъ полнаго разрыва съ прошлымъ.

Вообще вся его церковная политика представляетъ прямое развитіе, а не переворотъ, поступательное движеніе, а не скачекъ. Адамъ Вольфъ справедливо называетъ ее „durchaus oesterreichisch." „Іосифъ во всѣхъ своихъ реформахъ руководился практической государственной тенденціей" [2]), пишетъ онъ по этому поводу.

Въ помянутой государственной тенденціи было несомнѣнно нѣчто новое по сравненію съ политикой Маріи Терезіи, не говоря уже о средневѣковыхъ императорахъ и короляхъ, боровшихся съ римской куріей. Тѣ противились только подчиненности государства, стремились къ равноправности церкви и государства, между тѣмъ какъ Іосифъ II поставилъ церковь въ подчиненное положеніе и его вѣрность католичеству выразилась въ формѣ покровительства, а не покорности. Оправданіемъ и теоретической подкладкой для этого шага была идея отвлеченнаго государства, но была ли она его источникомъ?

Если стремленіе къ независимости и стремленіе къ господству—логически не одно и тоже, то психологически онѣ тѣсно связаны: Въ государственной и общественной жизни этотъ переходъ дѣлается самъ собою. Уже Марія Терезія поддавалась тяготѣнію времени и обстоятельствъ, особенно въ виду трудности соблюсти равновѣсіе,

---

[1]) Letze Regierungszeit II 2—5.
[2]) Anfhebung der Klöster 166—167.

когда приходится имѣть дѣло съ властолюбивымъ католичествомъ, постоянно стремящимся проникать во всѣ сферы жизни. Наконецъ, идея свѣтскаго преобладанія выростала въ Германіи помимо теорій XVIII вѣка, подъ вліяніемъ практики протестантской Пруссіи, въ особенности же старыхъ религіозныхъ войнъ, приведшихъ къ установленію принципа „cujus regio, ejus religio“ [1]), что представляетъ въ сущности признаніе главенства государства.

Особенно ярко выступаетъ эта тѣсная связь двухъ царствованій въ вопросѣ народнаго просвѣщенія. Если уже фанатичная Марія Терезія заявляла, что „школьное дѣло есть и всегда остается государственнымъ дѣломъ“ [2]), то этимъ опредѣляется постановка даннаго вопроса въ занимающее насъ время. Уже при Маріи Терезіи правительственный контроль достигъ крайней степени развитія, проникая во всѣ рѣшительно стороны учебнаго дѣла. При этомъ на образованіе оба государя смотрѣли, какъ на гуманизирующую силу, имѣя въ виду главнымъ образомъ простолюдина, между тѣмъ какъ Вольтеръ выступалъ противникомъ обученія того глупаго, варварскаго народа, которому, какъ быку, нужно ярмо, бичъ и сѣно, въ тѣ годы, когда непримиримый демократъ Руссо проповѣдовалъ, что сынъ земледѣльца не достоинъ обученія. Марія Терезія думала, напротивъ, что слѣдуетъ просвѣтить людей, погруженныхъ въ суевѣрія „назначеніемъ ревностныхъ священниковъ и *хорошихъ школьныхъ учителей*“ [3]), а Іосифъ, въ запискѣ 1772 г., вызвавшей горячее одобреніе матери, писалъ: „Прежде всего мы должны стремиться къ тому, чтобы всѣ подданные научились читать, писать и немножко считать“ [4]). Въ дѣлѣ средняго образованія школьныя правила Маріи Терезіи (6 дек. 1774 г.) легли въ основу дѣятельности Іосифа II. Что же касается высшаго образованія, то оба требовали отъ университетовъ подготовленія хорошихъ чиновниковъ, а не ученыхъ, и оба [5]) выказали одинаковое равнодушіе къ устройству академіи наукъ. Вообще тѣсная связь граничитъ здѣсь съ тождествомъ.

Просвѣщенный абсолютизмъ Іосифа II представляетъ, такимъ образомъ, весьма много точекъ соприкосновенія съ преобразованіями Маріи Терезіи, вызванными настоятельной необходимостью для страны въ полномъ перерожденіи, обнаружившейся въ первые годы царствованія

---

[1]) Религія каждой германской земли поставлена въ зависимость отъ вѣроисповѣданія ея главы.

[2]) Ist und bleibt allezeit ein Politicum (13 октября 1770 г.).

[3]) Инструкція дочери Каролинѣ (привед. у Арнета Letzte Regierungszeit I 353).

[4]) Leztze Reg. III 235—237.

[5]) Hock 523—538. Nach Erbflg. 124. Onken-Wolf 152—157.

императрицы и въ семилѣтнюю войну, бывшую для Австріи своего рода Севастополемъ. Подобно Фридриху II и Екатеринѣ II, Іосифъ тѣсно связанъ съ дѣятельностью предшественниковъ.

Однако, при всемъ томъ, господствующее въ исторической литературѣ воззрѣніе приписываетъ австрійскому императору глубокое качественное отличіе отъ царствованія его матери. Сущность этого взгляда, проникающаго сужденія объ Іосифѣ II, можетъ быть сведена приблизительно къ слѣдующему: если Марія Терезія полусознательно, такъ сказать, ощупью полагала прочныя основанія государства новаго типа, соединяя сухую программу кардинала Ришелье[1]) съ желаніемъ Генриха IV французскаго, чтобы у всѣхъ его подданныхъ была по праздникамъ на столѣ вареная курица, то Іосифъ II не ограничился приведеніемъ этихъ начинаній въ систему и приспособленіемъ ихъ къ идеямъ XVIII вѣка: во всѣхъ планахъ и распоряженіяхъ его историки видятъ привнесеніе элемента идеологіи [2]), не составляющаго необходимаго свойства просвѣщеннаго абсолютизма. Монархи могли называть себя первыми слугами государства, принципы „философіи" провозглашались съ высоты трона, фразеологія вѣка придавала соотвѣтствующую окраску всѣмъ распоряженіямъ правительства, но Екатерина II и Фридрихъ II всегда помнили, что они—русская императрица и прусскій король. Напротивъ того, Іосифъ II, при всемъ своемъ увлеченіи трезвымъ Фридрихомъ, не избѣжалъ главнаго недостатка умовъ XVIII вѣка, отъ котораго совершенно свободны были его великая союзница и великій соперникъ. Подобно законодателямъ Учредительнаго Собранія и Конвента, австрійскій императоръ видѣлъ предъ собою не конкретныхъ людей, а отвлеченныхъ гражданъ, понималъ государство не какъ реальную силу, воздѣйствующую на другія историческія силы, а какъ отвлеченную схему, обязательную и легко осуществимую. Въ этомъ отношеніи Іосифа II весьма часто сопоставляютъ съ французскими законодателями революціи. Государственный фанатизмъ брата Маріи Антуанеты напоминаетъ якобинцевъ; раздѣленіе Австріи на 13 областей—подобное же раздѣленіе Франціи на департаменты [3]); церковная политика Іосифа—„constitution civile du clergé"; наконецъ, императоръ былъ сломленъ въ борьбѣ съ тѣми же общественными

---

[1]) Въ ней имѣлось въ виду только усиленіе голой государственности въ ущербъ средневѣковымъ силамъ. Благо подданныхъ не входило въ расчетъ, даже наоборотъ, Ришелье думалъ, что слишкомъ сытый и счастливый народъ будетъ съ жиру бѣситься.

[2]) Т. е. перевѣсъ теоретическаго отвлеченнаго мышленія надъ практическимъ расчетомъ въ политикѣ.

[3]) Параллель Сореля, 121. Вспомнимъ, однако, что еще ранѣе того Екатерина II раздѣлила Россію на губерніи. Неужели и это была идеологія?

группами, изъ среды которыхъ во Франціи люди шли на гильотину, эмигрировали или поднимали знамя возстанія.

Разсмотримъ же приведенное разсужденіе. Несомнѣнно, что между дѣятельностью Іосифа II и французской революціей можно привести не мало чертъ сходства, но это не есть еще доказательство дѣйствительности приписаннаго Іосифу свойства: вѣдь самое законодательство революціи не исчерпывается же приложеніемъ отвлеченныхъ теорій.

Если въ церковномъ вопросѣ Іосифъ гораздо ближе къ революціонной Франціи конституціонаго періода, чѣмъ къ дѣятельности Екатерины и Фридриха, то это объясняется тѣмъ, что Франція и Австрія—страны католическія, тогда какъ въ православной Россіи и протестантской Пруссіи немыслимо было столкновеніе церкви и государства и, какъ результатъ его, крутыя реформы, осложненныя идейнымъ движеніемъ вѣка. Если Франція и Австрія нѣсколько выдѣляются здѣсь также и среди прочихъ католическихъ государствъ, то это объясняется особыми историческими условіями послѣднихъ—всепоглощающимъ вліяніемъ католичества, гнетъ котораго былъ подавляющимъ въ Испаніи и Португаліи. Просвѣщенный абсолютизмъ встрѣтился тамъ со страшной силой іезуитовъ, причемъ въ борьбѣ съ ними правительство выступало въ роли заговорщика, т.-е. слабѣйшаго противъ сильнѣйшаго: монархи и министры держали свои намѣренія втайнѣ, а затѣмъ врасплохъ хватали іезуитовъ и сажали на корабли. Не то было въ Австріи, гдѣ никогда вполнѣ не умирала традиція государей, стойкихъ противъ притязаній папы, и гдѣ при Маріи Терезіи спокойно былъ упраздненъ орденъ іезуитовъ. Іосифу II открыта была возможность идти дальше въ этомъ направленіи, причемъ онъ дѣйствовалъ столько же подъ вліяніемъ „философіи" вѣка, сколько вслѣдствіе несовмѣстимости стремленій клерикализма и ультрамонтанства съ интересами благоустроеннаго государства и невозможности совладать съ ними иначе, какъ подчинивъ себѣ католическую церковь. Каковы бы ни были крупные недостатки „constitution civile du clergé", эта неудавшаяся реформа явилась, однако, отвѣтомъ на дѣйствительно назрѣвшую потребность. Сходствомъ историческихъ условій и историческаго момента объясняется ея сходство съ церковными преобразованіями Іосифа II, и во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній выводить изъ него доказательство преобладанія въ реформахъ императора идеологическаго источника надъ истиннымъ государственнымъ расчетомъ.

Зато неудачная борьба съ націонализмомъ и провинціализмомъ является какъ будто полнымъ оправданіемъ этой точки зрѣнія, какъ проявленіе слабой стороны отвлеченнаго взгляда на государство и

человѣческую личность. Несомнѣнно, что Іосифъ раздѣляетъ свойственное XVIII вѣку пренебреженіе къ повѣрьямъ, предразсудкамъ, народнымъ святынямъ, обычаямъ—всему, что для живыхъ людей бываетъ свято и дорого, хотя не соотвѣтствуетъ отвлеченнымъ схемамъ разума. Сухой бюрократъ, при страсти къ регламентаціи, позволялъ себѣ иногда вопіющія безтактности и прямое оскорбленіе религіознаго чувства, въ родѣ попытокъ измѣнить общепринятый способъ погребенія и т. д. Но эта ли несомнѣнно присущая ему черта была источникомъ событій въ Нидерландахъ и Венгріи, гдѣ самоувѣренный императоръ не расчиталъ силы народнаго чувства и областной самостоятельности?—По разбираемому толкованію императоръ видѣлъ передъ собою не живыхъ людей съ самобытнымъ преданіемъ, прошлымъ, привычками, языкомъ, а безсодержательную фикцію, отвлеченныхъ гражданъ, которымъ хотѣлъ навязать свою волю, свою „философію"—въ одинъ пріемъ и во всемъ ея объемѣ. Вся выработанная долгими вѣками особность провинцій объявлена предразсудкомъ, который „философія" съ высоты трона можетъ разсѣять и разгромить указами въ какіе-нибудь 24 часа. Ключъ къ объясненію преувеличенной вѣры императора въ свое могущество ищутъ такимъ образомъ, прежде всего, въ раціоналистической вѣрѣ во всемогущество разума и, благодаря этому, судьба Іосифа II подводится подъ общую категорію принциповъ XVIII вѣка. Такое обобщеніе весьма соблазнительно, но согласно ли оно съ истиною? Весьма опасное для историка стремленіе подводить сложныя явленія жизни, на основаніи остроумной метафоры или простой игры словъ, подъ произвольныя обобщающія формулы нашло себѣ выразителя въ лицѣ Тэна съ его приложеніемъ къ исторіи исканія „господствующаго свойства". Не только отдѣльныя эпохи—цѣлые народы получаютъ клички, имѣющія обнять ихъ внутреннюю сущность. Ученый бытописатель стараго порядка [1]) и тонкій изслѣдователь причинъ революціи изображаетъ ее самое крайне односторонне. Сложное и запутанное явленіе, какъ революція, исчерпывается для Тэна двумя теченіями: съ одной стороны изображается разнузданная народная толпа, голодный и жестокій человѣкъ-звѣрь, и его представители — Дантонъ (олицетвореніе стихійной силы) и Маратъ (воплощеніе жестокости и животнаго страха); съ другой стороны писатель XIX вѣка разумѣется побѣдоносно изобличаетъ неопытныхъ законодателей-идеологовъ XVIII вѣка съ Робеспьеромъ во главѣ. Представимъ себѣ, что Тэнъ занялся исторіей Австріи; онъ въ

---

1) L'ancien Régime (Origines de la France Contemporaine).

такомъ случаѣ непремѣнно поставилъ бы Іосифа II рядомъ съ Робеспьеромъ и это неожиданное обобщеніе имѣло бы большой успѣхъ, такъ какъ подобное же неправильное сближеніе давно дѣлалось въ менѣе рѣзкой, правда, формѣ и во всякомъ случаѣ подготовлено разсужденіями историковъ объ идеологичности австрійскаго императора. Господствующее свойство XVIII вѣка—отвлеченная идеологія. Іосифъ II—человѣкъ XVIII вѣка, надѣлалъ массу ошибокъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ. Слѣдовательно онъ былъ идеологомъ въ высшей степени!

Такова схема разбираемой точки зрѣнія. Обращаясь къ разсмотрѣнію борьбы Іосифа II съ вольностями Бельгіи и Венгріи безъ предвзятаго желанія подводить ее подъ заранѣе извѣстную категорію, прежде всего придется наблюдать близость императора къ людямъ совсѣмъ иного порядка, чѣмъ революціонеры XVIII вѣка: прадѣдъ его Леопольдъ I возбудилъ противъ себя страшное возстаніе венгровъ, а отпрыскъ того-же дома Габсбурговъ, Филиппъ II испанскій, не справился съ достопамятнымъ возстаніемъ въ Нидерландахъ. Само собою разумѣется, что это не могло не быть замѣчено изслѣдователями, и деспотическія наклонности Іосифа постоянно приводятся, какъ одна изъ причинъ, обостривших встрѣченный имъ отпоръ. Но, за немногими исключеніями [1]), не въ ней видятъ историки главную суть дѣла, хотя о деспотизмѣ Іосифа говорится не мало общихъ мѣстъ. Что же говорятъ намъ его слова и распоряженія—единственная надежная почва для выводовъ?

Жизненнымъ вопросомъ для существованія Австріи всегда было объединеніе ея пестраго состава и подчиненіе нѣмецкому элементу. Національный и племенной вопросъ въ разсматриваемое время не былъ слишкомъ жгучъ, славяне, послѣ подавленія гуситскаго движенія, очень слабо заявляли о своемъ присутствіи, но въ Венгріи и Бельгіи съ національнымъ чувствомъ никогда нельзя было шутить, и этого не понялъ Іосифъ II... Въ чемъ же коренилось такое пренебреженіе къ племенной и областной самостоятельности, это пагубное для императора легкомысліе при крутомъ приведеніи всего къ одному знаменателю? Обыкновенное объясненіе сводитъ очень многое къ мнимой идеологичности Іосифа, достойнаго сына своего вѣка, не понимавшаго живой исторической почвы; на властность же и задоръ его указывается только какъ на причину обостренія

---

[1]) Ottokar Lorenz. „Ioseph II und die belgische Revolution“ (Wien 1862.) Вполнѣ правильно освѣтивъ событія въ Бельгіи, онъ далѣе дѣлаетъ совершенно не научный выводъ, что Пруссія и Австрія были бы гораздо болѣе счастливы, если бы ихъ миновала форма просвѣщеннаго абсолютизма.

борьбы. Слѣдуетъ поэтому рѣшить вопросъ, отвлеченнаго ли *гражданина* видѣлъ онъ въ данномъ случаѣ передъ собою или просто *подданнаго*, при томъ обязаннаго и привыкшаго покорно сообразовываться съ волей монарха? Роковая смѣлость Іосифа была смѣлостью императора, не привыкшаго размышлять о томъ, что думаютъ его подданные, смѣлостью монарха, который можетъ себѣ многое позволить, руководясь общегосударственной пользой и вѣрою въ свое призваніе; все дѣло въ томъ, что онъ перехватилъ черезъ край. Въ немъ былъ не фанатизмъ той отвлеченной идеи, которую съ такою односторонней рѣзкостью разбираетъ Тэнъ [1]), а ослѣпленіе своею совсѣмъ не отвлеченной властью, какъ ослѣпленіе Филиппа II. Когда начались волненія въ Нидерландахъ, Іосифъ писалъ: „Это событіе будетъ пробнымъ камнемъ, *дастъ понять мой образъ мыслей* и вѣроятно направитъ соотвѣтствующимъ образомъ поведеніе другихъ провинцій, какъ Венгрія и Трансильванія, которыя также имѣютъ быть реформированы [2])“. Онъ постоянно заявлялъ, что пора, наконецъ, понять его намѣренія (meine Gesinnung), Іосифъ упустилъ изъ виду, что и подданные могутъ имѣть свое собственное настроеніе, отличное отъ его видовъ. По поводу одного проекта соглашенія съ бельгійскими штатами, Іосифъ не отвѣчалъ доводами отъ разума, а заявлялъ, что онъ не герцогъ брабантскій, да къ тому-же уступчивый, какъ французскій король; онъ, императоръ, не позволитъ дѣлать себѣ предписаній [3]). Іосифъ слишкомъ натянулъ струну послушанія, на которой онъ все время игралъ почти исключительно. Марія Терезія всегда помнила свою полную безпомощность первыхъ годовъ царствованія, Іосифъ же наслѣдовалъ значительно окрѣпшее царство и достигнутые его матерью успѣхи придали ему большую самоувѣренность. Императоръ не видѣлъ необходимости считаться съ настроеніемъ подданныхъ: еще въ 1778 г. онъ мечталъ промѣнять Нидерланды на Баварію, въ 1785 г. дѣлу этому данъ былъ даже офиціальный ходъ, а черезъ 2 года, въ провинціи, которую не удалось промѣнять, какъ неодушевленную вещь, объявлено было коренное переустройство безо всякаго вниманія къ желаніямъ страны и безо всякихъ оговорокъ. Но это былъ промахъ, свойственный старому порядку.

---

[1]) Раціонализмъ имѣлъ свою сильную сторону.

[2]) Beer 265. 266. (3 Іюня 1787 г.).

[3]) Ranke „Die Deutsche Mächte und der Fürstenbund“ т. II 120 (20 сентября 1789 г.).

Впрочемъ, не слѣдуетъ судить о всѣхъ преобразованіяхъ Іосифа II по тому задору, какой онъ проявилъ въ послѣдніе 3 года своего царствованія, когда упорное сопротивленіе и всевозможныя затрудненія довели его до крайней степени раздраженія. Остановимся напр. на происхожденіи указа о вѣротерпимости. Еще въ февралѣ 1781 г. императоръ писалъ Екатеринѣ II о своемъ желаніи бороться съ нетерпимостью, но „она еще такъ вкоренилась во многихъ умахъ, что нужно осторожно и только понемногу останавливать ея проявленія и ослаблять ея дѣйствіе [1])“. Когда, въ іюнѣ того же года, консервативная „Hofkanzlei“ обратила вниманіе на необходимость смягченія правилъ 1778 г. объ иновѣрцахъ, императоръ издалъ конфиденціальный циркуляръ о необходимости фактической равноправности православныхъ, лютеранъ и кальвинистовъ; черезъ 2 мѣсяца онъ еще рѣшительнѣе высказался въ этомъ смыслѣ, но присовокупилъ, что не хочетъ обнародованія мѣропріятія къ всеобщему свѣдѣнію, „слѣдовательно нигдѣ не должно издавать патента или другаго печатнаго распоряженія“, а должно вводить вѣротерпимость путемъ „простыхъ исключеній de casu in casum“. Только послѣ совѣщанія съ государственнымъ совѣтомъ, согласно мнѣнію наиболѣе выдающихся государственныхъ людей [2]), Іосифъ рѣшился наконецъ обнародовать указъ 13 октября 1781 г., текстъ котораго дважды коллективно разсматривался. Содержаніе его обнаруживаетъ сознаніе невозможности провести полную свободу совѣсти, которой требовали идеи XVIII вѣка и личное чувство императора [3]), явившагося въ данномъ случаѣ осторожнымъ бюрократомъ, но уже никакъ не тѣмъ идеологомъ, какимъ онъ обыкновенно изображается.

Вся дѣятельность Іосифа, хотя она была одушевлена одною общей идеей, носитъ однако такъ сказать мозаичный характеръ, тоже мало соотвѣтствующій указанной чертѣ. Сообразно пестротѣ состава Австріи, общихъ узаконеній издавалось мало, все велось путемъ циркуляровъ и указовъ, выпускаемыхъ по тому или другому поводу. Крестьяне освобождались не одновременно во всѣхъ провинціяхъ, а особыя положенія издавались для Богеміи, Венгріи, Семиградіи, Галиціи, причемъ самыя мелочныя подробности реформъ установлялись центральной властью. Для евреевъ въ каждой провинціи были особыя положенія — различные патенты для собств. Австріи, Тироля, Силезіи, Богеміи, Венгріи, Галиціи и т. д.

---

[1]) „Jos. II und Katharina“ 47 (24 февр. 1781 г.)

[2]) Гр. Кауницъ, вліятельный представитель консервативной партіи, гр. Гатцфельдъ, бар. Гёблеръ, бар. Кресель.

[3]) Hock 338—341. Wendrinsky 139—142.

Въ связи съ общими свойствами бюрократическаго строя и необходимостью постоянно сообразовываться съ крайнимъ разнообразіемъ мѣстныхъ условій, въ Іосифѣ развилась мелочность, странно связавшаяся съ широкимъ и систематичнымъ умомъ его, но во всякомъ случаѣ не вяжущаяся съ чертой идеологичности. Мелочность и дѣловитость —таково отличительное свойство безчисленныхъ резолюцій Іосифа II. Подлинная [1]) его переписка обнаруживаетъ чисто дѣловой складъ ума. Самый слогъ [2]) Іосифа необыкновенно ясенъ, простъ, даже сухъ. Фразеологія вѣка пускается въ ходъ главнымъ образомъ въ полемикѣ, когда требуется оправдать правительство отъ нареканій, опирающихся на средневѣковомъ правѣ и преданіи, на старинныхъ хартіяхъ. Тутъ всплываетъ отвлеченное государство, естественное право, раціональные доводы—все это на самой реальной подкладкѣ. Таковъ былъ отвѣтъ императора венгерскому магнату по поводу введенія нѣмецкаго языка: „Всякое представленіе должно основываться на неопровержимыхъ аргументахъ, выведенныхъ изъ разума... Я—германскій императоръ; мои владѣнія суть области, составляющія часть государственнаго тѣла, котораго я—глава. Будь Венгрія важнѣйшею моею провинціею, я бы, не колеблясь, предписалъ употребленіе ея языка въ другихъ провинціяхъ [3])". Центръ тяжести здѣсь не въ словѣ „разумъ", а въ словѣ „*я*".

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго видно, что въ указанныхъ главнѣйшихъ сторонахъ своей дѣятельности Іосифъ II тѣсно связанъ со старой традиціей и общими условіями австрійской жизни, причемъ вѣянія XVIII вѣка — и главнымъ образомъ идея отвлеченнаго государства—были гораздо болѣе оправданіемъ, санкціей преобразованій, чѣмъ ихъ источникомъ и побудительной причиной.

Разсмотримъ теперь тѣ стороны дѣятельности коронованнаго „философа", гдѣ видно прямое и непосредственное вліяніе вѣка.

Современное теченіе мысли отразилось на императорѣ еще двумя принципами: свободы и гуманности, причемъ получило практическое примѣненіе сообразно условіямъ времени и мѣста. Особенную извѣст-

---

[1]) Въ отличіе отъ фразистыхъ писаній, приписанныхъ Іосифу, но оказавшихся подложными. Писатели первой половины нашего вѣка принимали ихъ на вѣру безъ всякой критики. Таковы письма Іосифа II, изданныя безъ указанія года въ Константинополѣ, перепечатанныя 3 раза (между прочимъ въ 1846 г. въ извѣстномъ сборникѣ Шузелька). Поддѣльны патетическое письмо къ Герцану, молитвенникъ Іосифа и т. д.

[2]) См. у Адама Вольфа (passim) и Бруннера „Ioseph schrieb immer sehr nüchtern und declamirte nie" (Theolog. Dien. 8).

[3]) Леже, а за нимъ Сорель приводитъ эти слова какъ иллюстрацію идеологичности Іосифа. Louis Léger. „Histoire de l'Autriche Hongrie" (Paris 1879).

ность пріобрѣли законы Іосифа о печати, требующіе нѣкоторыхъ разъясненій. Несомнѣнно, что свобода печати противорѣчитъ самой сущности полицейскаго государства, какимъ была Австрія, а потому еслибы императоръ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, хоть одну минуту пожелалъ этого, то такое намѣреніе пришлось бы признать плодомъ безпочвеннаго, непродуманнаго либерализма и Арнетъ казался бы правъ. Но было ли такъ на самомъ дѣлѣ?—Пресловутымъ указомъ 11 іюня 1781 г. воспрещалось все оскорбительное для религіи, нравовъ, законовъ страны, а сужденіе объ этомъ принадлежало цензурной коммиссіи [1]), сосредоточенной въ Вѣнѣ и связанной личнымъ усмотрѣніемъ императора, часто, правда, воздѣйствовавшаго на нее въ смыслѣ смягченія. Впрочемъ, къ объемистымъ сочиненіямъ и переводамъ съ иностранныхъ языковъ относились весьма строго. Напротивъ того, текущей прессѣ, въ видѣ хроники и критики, предоставлено было вполнѣ свободно обсуждать дѣйствія всѣхъ, начиная съ послѣдняго чиновника и кончая самимъ государемъ. Ни разу Іосифъ не измѣнилъ себѣ въ этомъ отношеніи, въ то время, какъ вольнодумный Фридрихъ II весьма нетерпимо относился къ малѣйшему сомнѣнію, высказанному на счетъ его непогрѣшимости. Въ Вѣнѣ, въ 1787 г., спокойно появилась, напримѣръ, серьезная и смѣлая брошюра съ характернымъ заглавіемъ: „Warum wird Kaiser Joseph von seinem Volke nicht geliebt“, вызвавшая цѣлую полемику pro и contra.

Однако, эта свобода брошюрной литературы была ограничена вышеуказанными предѣлами, а также денежнымъ штрафомъ, установленнымъ противъ недобросовѣстнаго искаженія фактовъ, противъ „ненужныхъ, набитыхъ глупостями брошюръ“ и марателей такихъ брошюръ—Broschürenschmierer, какъ гласилъ циркуляръ 25 апрѣля 1784 г. Іосифъ никогда не думалъ отказываться отъ власти направлять печать по своему усмотрѣнію. Если при этомъ она пользовалась дѣйствительно небывало широкой свободой, то такова была добрая воля монарха, а не законъ, опредѣляющій права подданныхъ. Императоръ этимъ расширеніемъ дозволеннаго хотѣлъ убѣдить общество въ своемъ искреннемъ желаніи, чтобы правда была краше солнца свѣтла. Путемъ широкой гласности онъ надѣялся получать обильныя свѣдѣнія объ истинномъ положеніи вещей, помимо донесеній чиновниковъ, и даровой контроль надъ дѣйствіями администраціи. Это практическое соображеніе стояло на первомъ планѣ. Марія Терезія также всею душею стремилась узнать истинныя нужды народа. Жалуясь на недобросовѣстность придворныхъ, она въ трогательныхъ выраженіяхъ

[1]) Brunner 73. Hock 504, 505, 506.

благодарила „einigen Privatpersonen“, которыя открывали ей глаза [1]). Іосифъ, исходя изъ тѣхъ же высокихъ побужденій, но не желая зависѣть отъ случайнаго выбора „einigen Privatpersonen“, выказалъ замѣчательное и безпримѣрное мужество, давъ волю критикѣ даже противъ собственной особы. Но это не было свободой печати, о которой Іосифъ никогда не думалъ. То было смѣлымъ шагомъ на пути, проложенномъ уже ранѣе: предъидущее царствованіе было либерально по сравненію съ прежними — извѣстно въ этомъ отношеніи вліяніе Ванъ-Свитена и тотъ фактъ, что, напр., въ 1750 г. „Духъ Законовъ“ Монтескье былъ пропущенъ, вопреки проискамъ іезуитовъ. Слѣдовательно, и здѣсь нѣтъ незаполненной пропасти между обоими царствованіями.

Гуманное направленіе и по-истинѣ достойная удивленія человѣколюбивая дѣятельность Іосифа II имѣютъ также корни въ прошедшемъ. Пытка была отмѣнена при Маріи Терезіи и какъ ни свирѣпъ ея уголовный кодексъ—Nemesis Theresiana—все-таки слѣдуетъ имѣть въ виду справедливое замѣчаніе прославителя гуманности Іосифа II, панегириста Гросгоффингера. „Правительство Маріи Терезіи переносило всю строгость на законъ, а мягкость на примѣненіе его; Іосифъ же проводилъ мягкіе законы съ желѣзною строгостью“.

Противникъ пытки и смертной казни! Конечно, Іосифъ II былъ носителемъ человѣчнаго начала въ Австріи, гдѣ въ 1786 г. правительственный чиновникъ предлагалъ [2]) отрѣзать вольнодумцамъ носы и уши, гдѣ венгерскій администраторъ, переказнивъ много разбойниковъ, въ донесеніи своемъ жалѣлъ, что упраздненіе пытки помѣшало ему обнаружить соумышленниковъ [3]). Однако, въ самомъ императорѣ проявлялась немалая жесткость и даже прямая жестокость; примѣненіе смертной казни было ограничено далеко не изъ мягкосердечія. Усматривая въ наказаніи только принципъ устрашенія, разсудочный политикъ доводилъ это до свирѣпости. Еще въ 1764 г. онъ писалъ [4]), что прошли времена, когда смертная казнь запугивала. „Смертная казнь никогда не производитъ того впечатлѣнія, какъ продолжительная, тяжкая работа или наказаніе, такъ какъ первая быстро проходитъ и забывается“ [5]). Высказавшись противъ нея въ 1775 г., онъ присовокупилъ: [6]) „понятно, что при этомъ слѣдуетъ придумать другія

[1]) Nach Erbfolgekr. 8.
[2]) Резолюція 19 авг. 1786 г. (Theolog. Dien. 440).
[3]) Hock. 136.
[4]) Mar. Ther. und Jos. m. I, 91.
[5]) Hock. 330.
[6]) Hock. 45. Въ 1769 г. онъ порицалъ гуманную обстановку исправительныхъ домовъ въ Ломбардіи. Letzte Reg. IV, 170.

opera publica и обращаться съ преступниками совсѣмъ иначе, такъ какъ имъ теперь живется лучше, чѣмъ на свободѣ. „Фрейбургскій исправительный домъ очень чистъ, но людямъ тамъ до крайности хорошо, лучше, чѣмъ у себя дома" [1]). Необходимо частое повтореніе публичныхъ экзекуцій [2]). При выработкѣ новаго уложенія о наказаніяхъ, въ государственномъ совѣтѣ вольнодумный Кауницъ и консервативный Гацфельдъ высказывались противъ всенародной расправы и отягченія участи пожизненно заключенныхъ; противъ клейменія Кауницъ еще въ 1769 году выставлялъ то возраженіе, что оно дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее исправленіе преступника посредствомъ обращенія къ честному труду. Но точка зрѣнія исправленія была недоступна Іосифу: все дѣло въ томъ, чтобы неповадно было... Поэтому клеймо переставлено со спины на лицо, несмотря на представленія медицинскаго факультета; безсрочное заключеніе „обострено" (verschärft) отнятіемъ постелей и даже соломы „для чистоты" (sic). Когда выработанный проектъ былъ, наконецъ, представленъ на окончательное утвержденіе, Іосифъ вычеркнулъ допущеніе постелей даже для менѣе важныхъ преступниковъ, повысилъ maximum нормальнаго единовременнаго сѣченія съ 50 ударовъ до 100 и подчеркнулъ необходимость публичныхъ экзекуцій [3]). Впрочемъ, Іосифъ II предоставлялъ себѣ выборъ наказанія въ особо важныхъ случаяхъ: такъ вожди крестьянскаго бунта въ Семиградіи подверглись 28 февраля 1785 г. мучительной казни; подобная же судьба постигла злодѣя Цальгейма, а другой убійца, для котораго высшая судебная инстанція просила смертной казни *во имя человѣколюбія*, приговоренъ къ клейменію на площади, сѣченію въ теченіе трехъ дней къ ряду (по 100 ударовъ), и повторенію этой операціи всенародно черезъ каждые 3 мѣсяца [4]). Когда однажды доносили объ одномъ преступникѣ, что послѣ 120 ударовъ онъ не можетъ болѣе ни стоять, ни ходить, —ноги распухли, харкаетъ кровью, страдаетъ затвердѣніемъ печени,—императоръ все-таки не разрѣшилъ ни постели, ни лучшей пищи, только отсрочилъ повтореніе сѣченія до выздоровленія (sic). Смертный приговоръ разбойничьему атаману замѣненъ клейменіемъ, сѣченіемъ, бурлацкой каторгой: „это будетъ гораздо устрашительнѣе". И въ самомъ дѣлѣ „Schiffziehen" по Дунаю описано съ ужасающимъ краснорѣчіемъ въ правительственномъ сообщеніи, причемъ съ уда-

---

1) Mar. Ther. und Jos. т. II, 154.
2) Hock. 47.
3) Hock. 42, 311, 320, 321, 322, 333, 334.
4) Hock. 328, 329.

реніемъ приведены были статистическія данныя, что каторжники умираютъ, какъ мухи [1]).

Итакъ, во всякомъ случаѣ, Іосифа трудно обвинять въ сентиментальной гуманности... Однако, онъ вполнѣ заслужилъ прозваніе милосердаго самарянина на тронѣ, осуществляя человѣколюбивыя начинанія тамъ, гдѣ считалъ это выгоднымъ, или даже только совмѣстимымъ съ пользой государства. Духомъ человѣколюбія проникнута вся дѣятельность его, шедшая въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайне смѣло въ разрѣзъ съ общепринятыми обычаями и нравами: таково было стремленіе уравнять незаконнорожденныхъ дѣтей съ законными [2]).

Въ противоположность Фридриху Великому, воспринявшему идеи XVIII в. съ ихъ отрицательной стороны — скептицизма, Іосифъ II проникся положительными, творческими вѣяніями вѣка: дѣятельной любовью къ ближнему и началомъ свободы, поскольку оно было совмѣстимо съ тогдашними нравами и самой системой управленія. Онъ не побоялся затронуть самые жгучіе и скользкіе вопросы, причемъ многаго ему не удавалось счастливо разрѣшить. Такъ, императоръ возстановилъ противъ себя масоновъ, хотя оффиціально признавалъ ихъ существованіе, а клерикалы обвиняли его самого въ масонствѣ.

Здѣсь не мѣсто разбирать, насколько удачно или неудачно Іосифъ распутывался въ сложныхъ вопросахъ жизни, насколько удачно сочеталъ онъ требованія практическаго дѣла, старой традиціи и новыхъ вѣяній: все дѣло въ существованіи этой связи. Когда противники преобразованій указывали на книжный ихъ источникъ и несоотвѣтствіе съ истинными потребностями страны, Іосифъ настаивалъ на противномъ. Такъ, евреямъ императоръ предоставилъ очень много правъ и облегченій, по сравненію съ прошлымъ, но постоянно открещивался отъ обвиненія, будто онъ, согласно теоретическому принципу „народонаселенія", желаетъ размноженія еврейскаго „Bettelvolk" [3]). Въ экономической политикѣ Іосифъ совмѣщалъ меркантильное покровительство промышленности съ упраздненіемъ, по возможности [4]), внутреннихъ таможенныхъ преградъ и физіократическими начинаніями [5]). Въ концѣ-концовъ, онъ вездѣ пытался примирить старыя основы жизни съ новыми требованіями, но не справился съ своей за-

---

[1]) Hock. 330, 331, 332. Grosshoffinger. „Josef II" 171, 172 (Leipzig 1865).

[2]) Lustkandl. 56, 57, 58. Wendr. 245, 246; см. также Hock.

[3]) Теорія, по которой благосостояніе страны зависитъ отъ густоты населенія, помимо другихъ причинъ. О евреяхъ см. Onken-Wolf 258, Hock 126. 169, 258—261, 324, 371—394. Wendrinsky 151—158. Lustkandl 24.

[4]) Венгерская таможенная застава такъ и осталась.

[5]) Onken-Wolf. 206—209.

дачей и палъ въ борьбѣ съ безчисленными затрудненіями. Его обвиняютъ поэтому въ непрактичности. Подъ вліяніемъ культа успѣха, упускается изъ виду, что передъ историческими дѣятелями слишкомъ часто стоитъ дилемма: сложить руки, признавъ заранѣе неосуществимость своихъ желаній, или пасть жертвой въ неравной борьбѣ. Геніальный Фридрихъ II, въ классической странѣ строгой дисциплины и единства, остановленъ былъ почтительнымъ возраженіемъ померанскаго дворянства, что освобожденіемъ крестьянъ затруднится доставка рекрутъ въ армію. Дѣятельный монархъ на этомъ совершенно успокоился [1]), зато онъ находилъ досугъ для бесѣдъ съ Вольтеромъ и для сочиненія сомнительнаго достоинства французскихъ стиховъ.

„Философія" Іосифа была гораздо умѣреннѣе.

Политическія теоріи Монтескье и Руссо прошли для него безслѣдно, о Беккаріи онъ даже не упоминаетъ при описаніи своего пребыванія въ Ломбардіи. По поводу удешевленнаго перевода Вольтера былъ сдѣланъ высочайшій запросъ относительно выпущенія „столь часто встрѣчающихся (тамъ) антирелигіозныхъ и противныхъ нравственности пьесъ", указано на вредъ, проистекающій отъ распространенія заключающагося въ нихъ яда [2]) посредствомъ перевода, который во всякомъ случаѣ не передастъ красоты подлинника. Глаза всѣхъ образованныхъ людей того вѣка были устремлены на очагъ философіи— Францію, только Іосифъ не бѣгалъ за модой. Въ то время какъ Фридрихъ II презиралъ родную рѣчь, Іосифъ довольно оригинально совѣтовалъ Екатеринѣ II послать туркамъ ноту на нѣмецкомъ языкѣ, „энергичные звуки котораго болѣе способны убѣждать, чѣмъ нѣжность и мягкость французскаго" [3]). Императоръ непремѣнно хотѣлъ заставить сестру свою, французскую королеву, говорить и писать по-нѣмецки [4]) и безпокоилъ мать, Марію Терезію, своею неблагосклонностью къ союзникамъ [5]). Французы это хорошо понимали [6]), увлекаясь Фридрихомъ II. Извѣстно путешествіе Іосифа во Францію, вызванное семейными и политическими соображеніями, но никакъ не „философскимъ" любопытствомъ. Обыкновенно черезчуръ подвижный, императоръ неохотно собрался въ путь [7]), о чемъ свидѣтельствуетъ его переписка съ матерью и братомъ. Онъ не упустилъ случая познакомиться

[1]) Между прочимъ, его остановило еще то соображеніе, что офицеры-дворяне получали недостаточное жалованье, а потому освобожденіе крестьянъ дурно отразилось бы на ихъ положеніи.

[2]) Myst. 123, (17 окт. 1789 г.).

[3]) Jos. II und Katharina, 46 (24 февр. 1781 г.).

[4]) Mar. Ant. II, 279, 289.

[5]) Mar. Ant. I, 48, II, 104. Mar. Ther. und Mar. Ant. 201.

[6]) Mar. Ant. III, 333—348.

[7]) Mar. Ant. II, 125. Mar. Ther. und Jos. II, 129.

въ Парижѣ съ Руссо, Бюфономъ, Д'Аламберомъ и др., но на поклонъ къ Вольтеру не явился, хотя проѣзжалъ черезъ его садъ [1]. Этотъ неожиданный поступокъ много занималъ умы современниковъ и объяснялся различно. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Марія Терезія очень не желала такого свиданія и поручила графу Мерси, посланнику въ Парижѣ, всячески отклонять императора отъ этого. 15 авг. 1777 г. посланникъ сообщалъ императрицѣ, что ея желаніе исполнено, объясняя это тѣмъ, что Іосифъ отказался отъ своего намѣренія изъ любви къ ней. Та ворчливо отвѣчала: [2] „совсѣмъ не ради меня императоръ не захотѣлъ видѣть Вольтера. Онъ мнѣ самъ сказалъ, что былъ разсерженъ приготовленіями Вольтера къ его пріему, присылкой даже 2 человѣкъ на-встрѣчу“.

При такомъ „философскомъ“ равнодушіи, Іосифъ II не платилъ на словахъ дани тому, что противорѣчило принципамъ его на дѣлѣ. Такъ имъ была изъ экономіи упразднена швейцарская гвардія подъ тѣмъ характернымъ предлогомъ, что швейцарцы были нѣкогда бунтовщиками! [3]. Когда Марія Терезія хотѣла принять на австрійскую службу извѣстнаго борца за независимость Корсики—Паоли, Іосифъ рѣзко отозвался о его военныхъ способностяхъ: „это вождь повстанцевъ, пріобрѣвшій такую репутацію, благодаря тому фанатизму и энтузіазму, который съумѣлъ вдохнуть своей націи, говоря ей тысячу нелѣпостей (en lui disant mille faussetés); но еще болѣе благодаря небрежности своихъ противниковъ. Я сильно совѣтовалъ бы Вашему Величеству выгнать его, если онъ повадится сюда, изъ Вашихъ предѣловъ, вмѣсто того, чтобы его приглашать“ [4]. Охватившаго всю Европу искренняго сочувствія къ возставшимъ Сѣверо-Американскимъ штатамъ Іосифъ совсѣмъ не раздѣлялъ и говорилъ по этому поводу англійскому посланнику, что дѣло Англіи—дѣло всѣхъ монарховъ, что всѣ они заинтересованы въ сохраненіи субординаціи и послушанія [5]. Вмѣшательство Франціи онъ называлъ сумасшествіемъ [6] (follement entreprise); извѣстенъ его сухой отвѣтъ по поводу модныхъ увлеченій американцами: „mon métier à moi, c'est d'être royaliste“. Когда, наконецъ, признана была независимость Соединенныхъ Штатовъ, онъ только удивлялся, какъ это Англія согласисилась на такой невыгодный и постыдный миръ [7].

Зато слово Іосифа не расходилось съ дѣломъ. Неспособный на

[1]) Kath. 14. Mar. Ant. III, 106, 109.
[2]) Mar. Ant. II, 105. III, 106, 109.
[3]) Letzte Reg. I, 201.
[4]) Mar. Ther. und Jos., т. I, 291—292 (10 іюня 1769 г.).
[5]) Coxe V. 406. (Histoire de la Maison d'Autriche traduit par Henry 1810).
[6]) M. Ther. und Jos. т. III, 185.
[7]) Jos. und Leop. т. I, 146. Kath. 181. Paix si nuisible que honteuse.

платоническія увлеченія и не раздѣляя теоретической смѣлости передовыхъ людей своего времени, онъ былъ свободенъ отъ той робости, какая охватывала его современниковъ при одной мысли о возможности практическаго осуществленія идеи. Если крѣпостное право усилилось и расширилось въ Россіи при Екатеринѣ II, то самъ непримиримый Жанъ-Жакъ Руссо совѣтовалъ не освобождать крестьянъ въ Польшѣ сразу, ибо свобода должна быть заслужена ими какъ награда за исправленіе нравовъ, засвидѣтельствованное хорошимъ поведеніемъ [1]). Напротивъ того, Іосифъ II, близко знакомый съ развитіемъ крестьянскаго вопроса въ Австріи, гдѣ онъ вполнѣ назрѣлъ, видѣлъ въ свободѣ первое и необходимое условіе, съ котораго нужно начинать, для того, чтобы достигнуть со временемъ улучшенія нравовъ, „при помощи школъ и хорошаго обращенія". Призывъ этотъ къ хорошему обращенію съ народомъ въ высшей степени замѣчателенъ. Циркуляръ 30 марта 1785 г. гласитъ [2]): „Съ валашскимъ народомъ обращаются все еще какъ съ рабами (auf eine sehr knechtische Art), *откуда*, главнымъ слѣдствіемъ является отчасти ихъ малая образованность, ихъ неустойчивость, ихъ воровскія наклонности". Своей рѣшительностью въ проведеніи того, что признано на словахъ за желательное, Іосифъ II отличается какъ отъ великой женщины стараго закала—Маріи Терезіи, такъ и отъ людей XVIII вѣка до французской революціи. Еще въ первый годъ своего соправительства, въ докладной запискѣ 1765 г., Іосифъ писалъ знаменательныя слова: „я не высказываю ничего, чего бы я не сдѣлалъ и не взялся бы выполнить [3])—je n'avance rien que je ne ferais et que je ne me fie d'exécuter et accomplir". Онъ былъ сторонникомъ философіи XVIII вѣка, посколько ея рѣшенія совпадали или, во всякомъ случаѣ, не противорѣчили потребностямъ, а иногда и традиціямъ Австріи, подсказывавшимъ однородную политику и матери его, когда предразсудки или робость не заглушали въ ней чуткости къ запросамъ жизни.

Іосифъ II былъ человѣкомъ дѣла, борцомъ и мученикомъ [4]), не бывъ смѣлымъ теоретикомъ или мечтателемъ. Подобно другимъ представителямъ просвѣщеннаго абсолютизма, онъ тѣсно связанъ съ предшественниками, какъ Фридихъ II близко напоминаетъ своего отца, хотя тотъ хотѣлъ было его даже разстрѣлять... Но признаніе тѣсной связи съ прошедшимъ ничуть не умаляетъ заслуги историческаго дѣятеля, и имя Іосифа II не забудется потомствомъ.

---

[1]) Considérations sur le Gouvernement de Pologne.

[2]) Hock. 219. Durch Schulen. Durch gute Behandlung.

[3]) M. Th. und Jos. т. III, 335—361 (360).

[4]) Разборъ причинъ неудачъ Іосифа II не входитъ въ задачу работы, но ясно, что онѣ кроются не въ идеологичности монарха.

Общество Голодовки (Pacte de Famine [1]).

Г. Е. Аѳанасьева.

Вопросъ о существованіи въ XVIII вѣкѣ такого товарищества, которое занималось скупкой хлѣба и вывозомъ его на острова Гернси и Джерси съ цѣлью спекуляціи на счетъ народнаго голода, представляетъ интересъ не только для французской исторіи. Судьба его отражаетъ на себѣ различные фазисы, политическаго настроенія французскаго общества. Какъ въ литературѣ, такъ и въ наукѣ постановка этого вопроса совершалась независимо отъ существованія тѣхъ или другихъ научныхъ данныхъ; напротивъ, она стояла въ связи съ тѣмъ или инымъ отношеніемъ общества къ старому порядку и легитимной монархіи. Въ концѣ прошлаго вѣка, когда отношеніе къ старому порядку и къ существующему правительству было весьма скептическое, множество людей вѣрило, что упомянутое нами товарищество существуетъ несомнѣнно, что оно дѣйствуетъ подъ покровительствомъ правительства, которое заинтересовано въ его спекуляціяхъ, причемъ многіе думали, что и самъ король Людовикъ XV принималъ денежное участіе въ хлѣбныхъ спекуляціяхъ, будучи пайщикомъ товарищества. Замѣтимъ, что люди, знавшіе дѣло, относились къ этимъ толкамъ по достоинству; они имъ не вѣрили совсѣмъ. Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ; вторая половина XVIII столѣтія ушла въ область исторіи, современники яко-бы существовавшаго товарищества сошли въ могилу. Монархическая реакція двадцатыхъ годовъ оживила нерасположеніе къ старому порядку, а іюльская монархія, напротивъ, воскресила и поддерживала симпатіи къ револю-

[1]) Рефератъ, читанный въ XIII засѣданіи Историческаго Общества при Петербургскомъ Университетѣ 29 ноября 1890 г.

ціи 1789 года и ко всему, что съ нею связано; настроеніе, враждебное старой монархіи, такъ сказать, обостряется. Подъ вліяніемъ этого момента оживаетъ и преданіе о Pacte de Famine; оно воскресаетъ въ драмѣ, въ романѣ и, наконецъ, формулируется въ наукѣ въ видѣ историческаго факта.

Проходитъ еще нѣкоторое время. Іюльская монархія, революція 1848 года и вторая имперія промелькнули въ историческомъ движеніи, закончившись сильнымъ погромомъ, какого не было съ 1814 г. Разгромъ извнѣ осложнился еще движеніемъ народной коммуны и междоусобной войной со всѣми ея ужасами. Произошла реакція, отъ которой нѣсколько выиграла старая монархическая партія. Къ этому присоединяется еще одно крупное событіе, которое, будучи само плодомъ реакціоннаго настроенія, стало въ наукѣ сильнымъ реакціоннымъ факторомъ. Мы говоримъ о сочиненіи Тэна о зарожденіи современной Франціи. Оно вызвало скептическое отношеніе къ революціи 1789 года и нанесло чувствительный ударъ безусловному поклоненію передъ нею. Какъ произведеніе сильнаго ума, сочиненіе Тэна вызвало въ наукѣ сильное движеніе. Его самого сильно бранили, указывали на его пристрастіе; но все-таки взялись за пересмотръ кое-чего, что прежде казалось совершенно вѣрнымъ. Вопросъ о существованіи Pacte de Famine тоже подвергся новому обсужденію, причемъ нѣкоторые писатели взялись за него съ явною цѣлью обѣлить по этому пункту старую монархію. Таковы сочиненія Бора (Gustave Bord) и Бире (Edmond Biré), другіе имѣли въ виду лишь разъясненіе истины. Таково сочиненіе Біоллэ (Biollay) и статьи Дуанеля (Doinel) въ République Française. Мы вернемся къ этимъ сочиненіямъ; теперь отмѣтимъ только, что настоящій моментъ есть третій фазисъ въ исторіи легенды о Pacte de Famine и вмѣстѣ моментъ научной критики ея. Съ точки-то зрѣнія связи легенды съ общественными настроеніями и отраженія послѣднихъ на самой наукѣ, мы придаемъ вопросу о Pacte de Famine значеніе, выходящее за предѣлы интересовъ мѣстной исторіи Франціи.

Признаемся, однако, что наша работа не коснулась изслѣдованія связи между легендой въ литературѣ и наукѣ и упомянутыми нами общественными настроеніями. Сосредоточивъ свое изслѣдованіе на условіяхъ хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII столѣтіи, мы занялись только ролью, которую играло „Товарищество Голодовки" въ хлѣбной торговлѣ, и прибавили къ этому разъясненіе того, какъ создалась въ *то время* вѣра въ существованіе такого товарищества. Вотъ съ результатами этой-то работы мы желали бы познакомить людей, интересующихся мелочами исторической науки [1]).

[1]) Это изслѣдованіе было доложено въ Парижской академіи наукъ прав-

Первымъ печатнымъ обвиненіемъ французской старой монархіи въ томъ, что она спекулировала насчетъ народнаго голода, является статья въ „Moniteur Universel", появившаяся въ концѣ 1789 года въ №№ 57 и 58 [1]).

ственныхъ и политическихъ и напечатана въ Comptes rendus des séances de l'Académie des sciences morales et politiques, за ноябрь 1890 г. Оно составляетъ главу изъ моего сочиненія, готовящагося къ печати (оно уже окончено вчернѣ) и которое должно быть названо „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ". Оно заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: 1) Земледѣлецъ и рынокъ. 2) Регламентація хлѣбнаго рынка. 3) Хлѣботорговцы. 4) Внутренняя циркуляція. 5) Реформы въ хлѣбной торговлѣ. 6) Реакція аббата Террэ. 7) Вывозъ хлѣба: a) старый порядокъ, b) реформы. 8) Вопросъ о хлѣбной торговлѣ въ печати. 9) Реакція противъ реформъ. 10) Каботажъ. 11) Реформы Тюрго. 12) Реакція Нэккера. 13) Ввозъ хлѣба. 14) Де-Калоннъ и новыя реформы. 15) Второе министерство Нэккера. Паденіе старой монархіи, и 16) Заключеніе.

[1]) Нумера эти помѣчены 14 и 15 сентября; но, по словамъ Бора, они появились гораздо позже, вслѣдствіе запаздыванія журнала. Bord. Pacte de famine, p. 148. Статьи подписаны буквами А. М. Боръ и, повидимому, Біоллэ приписываетъ эти статьи перу Ле-Прево или, какъ говоритъ Боръ, онѣ были написаны на основаніи матеріаловъ, имъ доставленныхъ. Я думаю, что это ошибка. 1) Ле-Прево въ своей книгѣ „Prisonier d'Etat" выгораживаетъ короля изъ Pacte de Famine дважды; онъ говоритъ, что короли Людовикъ XV и Людовикъ XVI были договоромъ Лаверди проданы четыремъ милліонерамъ (стр. 3 и 7) и что онъ страдалъ за то, что защищалъ короля противъ всѣхъ; авторъ же статьи въ Монитерѣ прямо обвиняетъ Людовика XV въ денежномъ участіи въ товариществѣ. 2) Ле-Прево въ своей книгѣ по памяти передаетъ главное содержаніе договора Малиссе, очевидно, не имѣя его подъ руками; но онъ помнитъ годъ его заключенія и указываетъ, ошибаясь въ мѣсяцѣ и числѣ, 12 іюня 1765 года, какъ время совершенія договора (вмѣсто 28 августа 1765 г.), Монитеръ же приводитъ цѣликомъ договоръ Малиссе съ его товарищами и на основаніи его говоритъ, что договоръ былъ возобновленъ 12 іюля 1767 года. 3) Авторъ статьи въ Монитерѣ говоритъ о Ле-Прево, что послѣдній былъ освобожденъ изъ Бастиліи 14 іюля 1789 г. Это указываетъ, что онъ только слышалъ про Ле-Прево, но самъ не бесѣдовалъ съ нимъ и не былъ знакомъ, ибо Ле-Прево въ 1789 г. въ Бастиліи не былъ, а былъ въ больницѣ душевно-больныхъ въ Рапе-Берси. 4) Наконецъ, Ле-Прево нигдѣ въ своей книгѣ не говорилъ, что онъ сообщалъ что-либо Монитеру, а говоритъ, что онъ сейчасъ послѣ освобожденія удалился въ С.-Манде (стр. 162) и что онъ свои сообщенія адресовалъ Прюдому въ „Révolutions de Paris" (стр. 39). Сличивъ содержаніе статей Ле-Прево въ les Révolutions de Paris съ соотвѣтственными листами его книги Prisonier d'Etat, я нашелъ, что статьи и книга почти тожественны. Книга только немного полнѣе; въ ней есть вставки, но онѣ не измѣняютъ содержанія. Мое впечатлѣніе таково, что книга есть дополненное изданіе статей, хотя и не перепечатка. Статьи Ле-Прево въ Révolutions начинаются въ № 31 (6 и 13 февр. 1790 г.) и продолжаются до № 52 включительно, помѣченнаго 6—10 іюля того же года. Въ нихъ разсказъ прерывается на пребываніи Ле-Прево въ Шарантонѣ. Прекращеніе печатанія его статей, вѣроятно, и побудило Ле-Прево издать свою книгу: Le Prisonier d'Etat. Едва ли Прюдомъ сталъ бы печатать его статьи,

Въ этихъ статьяхъ начало „Общества Голодовки“ относится къ 1730 г., но главное развитіе его дѣятельности пріурочивается ко времени Лаверди, который „12 іюля 1767 года продалъ Францію на 12 лѣтъ компаніи монополистовъ“. „Въ 1768 году операціи расширились. Образованы были склады на островахъ Джерси и Гернси. Французская пшеница была свалена тамъ въ магазинахъ; выпускъ ея оттуда былъ регулированъ сообразно крайности нужды народа и жадности монополистовъ. Идея эта принадлежала дворянину Форбену (Forbin), а осуществленіе ея—человѣчности Мэнонъ д'Енво (Maynon d'Invau), бывшаго тогда генералъ-контролеромъ. Она была вполнѣ достойна покровительства аббата Террэ, его преемника. Поэтому онъ оказывалъ этому предпріятію постоянную симпатію и старался дать ему надлежащее развитіе, предоставленіемъ ему мельницъ и складовъ въ Корбейлѣ, которые онъ купилъ за счетъ короля“ [1]).

Сообщивъ содержаніе договора Малиссе съ поручителями, въ которомъ упоминается о другомъ договорѣ, заключенномъ Малиссе съ королемъ, авторъ статьи говоритъ, что этотъ послѣдній договоръ долженъ былъ быть возобновляемъ и что онъ былъ бы еще разъ возобновленъ, еслибы революція не помѣшала этому. „Четыре интенданта финансовъ (intendants des finances), продолжаетъ онъ далѣе, Трюденъ де Мотиньи, Бутенъ (Boutin), Ланглуа (Langlois) и Бу- (Boulogne) раздѣлили между собою провинціи, чтобы разорять ихъ. Король назначилъ Малиссе агентомъ-генералиссимусомъ; онъ долженъ былъ находиться повсюду, гдѣ была въ немъ надобность, долженъ былъ приказывать, направлять и оплачивать толпу рабочихъ, хлѣботорговцевъ (blatiers), молотильщиковъ, подсѣвальщиковъ, коммиссіонеровъ, сторожей, извощиковъ и т. д., имѣвшихъ отношеніе къ королевскому хлѣбу. Богатые извлекали выгоду изъ предпріятія, граждане не смѣли протестовать, опасаясь подвергнуться непріятностямъ. Жалобы и жалобщики безжалостно хоронились въ пропастяхъ Бастиліи, и если народъ, на котораго главнымъ образомъ падала вся тяжесть монополіи, позволялъ себѣ роптать, висѣлицы и палачи принуждали его молчать и заставляли спокойно умирать съ голоду изъ страха быть повѣшенными. Сказали-бы, что туча разбойниковъ спу-

---

еслибы въ то время существовала эта книга въ первомъ изданіи, о которомъ говоритъ Боръ, не указывая, гдѣ онъ видѣлъ такое изданіе и гдѣ оно состоялось.

[1]) Moniteur Universel. 1789. №№ 57 и 58. Въ примѣчаніи приведенъ договоръ Малиссе съ его поручителями Ray de Chaumont, Pierre Rousseau и Bernard Perruchot. Этотъ договоръ былъ списанъ въ 1767 году Ле-Прево съ подлинника; но откуда его досталъ авторъ статьи Монитера—мы не знаемъ.

стилась на государство, чтобы подѣлить его, но этими разбойниками было само правительство и его агенты".

Таковы главныя мѣста этой статьи, которая послужила канвой для позднѣйшихъ разсказовъ объ „Обществѣ Голодовки". Въ 1791 году Ле-Прево де Бомонъ выпустилъ свою книгу „Le Prisonier d'Etat", въ которой онъ разсказалъ свои заключенія, и въ нѣсколько иномъ видѣ высказалъ обвиненія, которыя мы только что привели [1]). Современники, близко знавшіе дѣло, не придавали большого значенія ни автору, ни его обвиненіямъ [2]); но потомки, не знавшіе подробностей продовольственныхъ мѣропріятій старой монархіи и склонные въ силу извѣстнаго настроенія сгущать темныя краски и безъ того не веселой картины стараго порядка, приняли безъ повѣрки обвиненія, высказанныя въ Moniteur Universel, и не усумнились ни на минуту въ томъ, что Людовикъ XV и его министры спекулировали на народный голодъ.

Прежде всего драма и романъ воспользовались благодарнымъ сюжетомъ для эффектныхъ литературныхъ произведеній. 17-го іюня 1839 года афиша театра „у воротъ св. Мартина" (Porte St. Martin) объявлала о первомъ представленіи „Pacte de Famine", исторической драмы въ пяти актахъ, соч. Поля Фуше (Paul Foucher) и Эли Берте (Berthet). Въ ней Ле-Прево представленъ богатымъ юношей, влюбленнымъ въ свою жену и пользующимся взаимностью [3]). Онъ можетъ посвятить свою жизнь удовольствіямъ, какъ и другіе дворяне, его

---

[1]) Le-Prevôt de Baumont. Le Prisonier d'Etat. 1791. Въ концѣ книги самъ Ле-Прево поставилъ: „31 декабря 1790 г.", указывая тѣмъ время окончанія книги. Она снабжена гравюрой, изображающей автора въ цѣпяхъ, въ казематѣ. Эта гравюра воспроизведена въ книгѣ Бора о Pacte de Famine. Боръ заявляетъ, что въ 1791 году появилось второе изданіе, а первое помѣчено 1789 годомъ и что второе изданіе дословно повторяетъ первое. Но на брошюрѣ изданія 1791 г. не сказано, что это второе изданіе. Ле-Прево подписываетъ ее самъ такъ: „A Paris, le 31 dècembre 1790, cloître saint Germain l'Auxerrois, à coté du club littéraire". Querard, въ своемъ каталогѣ La France littéraire, упоминаетъ только одно изданіе 1791 г. Въ Національной Библіотекѣ другого изданія тоже нѣтъ. Наконецъ, изъ переписки Ле-Прево, напечатанной въ Révolutions de Paris" (Прюдома), № 33, видно, что онъ самъ представилъ редактору рукопись разсказа о Pacte и о своемъ заключеніи.

[2]) Ле-Прево обращался съ ходатайствами о вознагражденіи за убытки отъ несправедливаго заключенія къ Учредительному и Законодательному Собраніямъ и къ Національному Конвенту. Онъ просилъ о выдачѣ то 600,000 фр., то 400,000 фр., то пенсіи въ 6,000 фр. въ годъ. Но всѣ эти ходатайства оставались безъ послѣдствій. Bord. Le Pacte de Famine, pp. 149—152.

[3]) Дѣйствіе происходитъ въ 1766 году, когда въ дѣйствительности Ле-Прево было 40 лѣтъ.

сверстники; но онъ предпочитаетъ послужить на защиту народа, угнетаемаго обществомъ монополистовъ, во главѣ котораго находится Людовикъ XV. „Говорятъ, онъ дѣлитъ со скупщиками цѣну нашего пота и нашей крови; на эти деньги онъ соблазняетъ нашихъ женъ и дочерей. Говорятъ, что Pacte de Famine подписанъ былъ въ Оленьемъ Паркѣ (Parc aux cerfs)". Такъ объясняетъ дѣло публикѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ драмы. Члены Общества, конечно, слѣдуютъ примѣру короля; они выставлены въ драмѣ въ отвратительномъ видѣ. Рэ де Шомонъ (Ray de Chaumont), главный почетный начальникъ управленія водъ и лѣсовъ (grand maître honoraire de la maîtrise des eaux et forêts), выведенъ въ драмѣ молодымъ развратникомъ безъ стыда и совѣсти, который сводитъ своихъ друзей съ оперными танцовщицами, а самъ состоитъ въ любовныхъ отношеніяхъ съ женами Малиссе, Руссо и Перрюшо, членами Общества Голодовки. Ле-Прево, написавшій нѣсколько памфлетовъ противъ монополистовъ и главнымъ образомъ „знаменитый мемуаръ въ сотрудничествѣ съ экономистомъ Тюрго", рѣшается овладѣть путемъ восстанія особами Малиссе и его главныхъ товарищей во время оргіи и захватить всѣ ихъ бумаги. Но его планъ открытъ доносчикомъ генералъ-лейтенанту полиціи, Сартину; Ле-Прево схватили и посадили въ Бастилію, гдѣ онъ остается 20 лѣтъ. У него остается годовалый сынъ Юлій. Мать воспитываетъ его въ чувствахъ любви къ народу и мщенія за отца. Каждый день передъ его портретомъ мальчикъ произноситъ клятву отомстить за него. Наконецъ, часъ мщенія настаетъ. 14 іюля 1789 года Юлій де Бомонъ возмущаетъ народъ и овладѣваетъ Бастиліей. Штурмъ и взятіе Бастиліи были очень эффектно представлены и составляли большую приманку пьесы для публики. Въ глубинѣ ужаснаго каземата, нарочно вырытаго въ землѣ подъ башнею Базиньеръ (la Bazinière), гдѣ нѣтъ ни воздуху, ни свѣту, сынъ находитъ своего отца и выводитъ его на свѣтъ Божій [1]). Первыя мысли Ле-Прево по выходѣ изъ подземелья относятся ко благу народа.

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время своего заключенія Ле-Прево находился не въ Бастиліи, а въ частной лѣчебницѣ Пишено (Pichenot) въ Рапе-Берси, куда онъ былъ переведенъ изъ Бисетра въ сентябрѣ 1787 г. и откуда былъ освобожденъ 5 сентября 1789 года по приказанію министра С. Приста. Боръ (P. de Fam., p. 145) говоритъ, что Ле-Прево освобожденъ 5 октября; но онъ ничѣмъ этого не доказываетъ. Ле-Прево самъ въ своей книгѣ Prisonier d'Etat говоритъ, что онъ былъ освобожденъ 5 сентября 1789 года (стр. 17, а также и 162); на картинкѣ дѣйствительно написано: „освобожденъ 5 октября", но это, вѣроятно, опечатка, потому что въ концѣ книги Ле-Прево категорически говоритъ: „черезъ три дня послѣ того (отправленія письма), это было 5-е сентября (qui était le 5 Septembre 1789) мнѣ возвратили свободу".

Ле-Прево (говоритъ съ трудомъ).

Этотъ народъ, завоевавшій себѣ независимость, избавился-ли онъ отъ голода?

Буазель.

Нѣтъ еще, но онъ знаетъ, гдѣ находится Pacte de Famine, и онъ разорветъ его.

Ле-Прево.

О, друзья мои, братья мои! Мечта всей моей жизни осуществляется... У народа будетъ хлѣбъ! Да будетъ благословенно имя Господне; Онъ связуетъ мое освобожденіе съ освобожденіемъ великаго народа! Да будетъ благословенъ Господь, который спустилъ даже въ мое подземелье корни древа свободы, которое вознесется надъ всѣмъ міромъ.

Крики: Ура, Бомонъ! Да здравствуетъ свобода! сопровождали спускъ занавѣса въ послѣднемъ актѣ. Авторы драмы не постѣснились даже книгою самого Бомона и сочинили событія, не имѣвшія мѣста въ дѣйствительности, но и оказавшіяся очень эффектными на сценѣ.

Въ 1847 г. Берте выпустилъ романъ въ двухъ томахъ, озаглавленный Pacte de Famine, фабула котораго та же, что и въ драмѣ. Разница лишь въ томъ, что семья Ле-Прево, во время заключенія послѣдняго, получила извѣщеніе отъ полиціи о его смерти и лишь впослѣдствіи отъ Малиссе узнаетъ, что онъ живъ и находится въ Бастиліи. Случилось это такъ, что послѣдній, спасаясь отъ ярости народной, попадаетъ въ мансарду, гдѣ жили жена Ле-Прево съ сыномъ. Ему даютъ убѣжище съ тѣмъ, чтобы онъ повѣдалъ народу о тайнахъ Pacte de Famine. Изъ окна мансарды онъ разсказываетъ сущность легенды объ этомъ товариществѣ. По окончаніи его разсказа одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа восклицаетъ: „Вы видите этого человѣка! Онъ произнесъ въ пользу революціи лучшую защитительную рѣчь, которая когда-либо исходила изъ устъ человѣческихъ". Далѣе слѣдуетъ освобожденіе Ле-Прево изъ Бастиліи. „Выйдя на лѣстницу крѣпости и опираясь на свою жену и на своего сына, онъ простеръ свою костлявую руку къ толпѣ и сказалъ слабымъ, но внятнымъ голосомъ: „великій народъ, завоевавшій себѣ свободу, народъ, давшій мнѣ снова увидѣть дневной свѣтъ, есть-ли у тебя хлѣбъ насущный?"

„Гробовое и торжественное молчаніе царило нѣсколько мгновеній. Наконецъ, изъ среды присутствующихъ послышался страдальческій голосъ, который произнесъ: „Нѣтъ". „Прево де Бомонъ задрожалъ, его глаза разгорѣлись и онъ сдѣлалъ величественный жестъ,

соединенный съ состраданіемъ". „Зачѣмъ-же вы брали Бастилію"?— воскликнулъ онъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой сцены одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа прибѣгаетъ, запыхавшись, въ мансарду семьи Ле-Прево, гдѣ находился и самъ больной старикъ, и сообщаетъ, что Pacte de Famine уничтоженъ. „Бертье и Фулонъ, главы скупщиковъ, только что умерщвлены народомъ, братья Леле̂ спаслись бѣгствомъ. Пинье (Пине), кассиръ этой отвратительной шайки, пустилъ себѣ пулю въ лобъ въ Везимейскомъ лѣсу". При извѣстіи объ этомъ Ле-Прево приподнялся на постели и сказалъ съ неизъяснимою нѣжностью, испуская послѣдній вздохъ: „прощайте, друзья мои; я могу умереть... у народа будетъ хлѣбъ". „Мученикъ умеръ, говоритъ въ заключеніе авторъ, но голодъ продолжался. Да падетъ позоръ на его дѣйствительныхъ виновниковъ! Потомство, знаешь ли имена?" [1]).

Такова легенда Pacte de Famine въ драмѣ и романѣ. Приблизительно въ томъ же видѣ, исключая біографическія данныя о самомъ Ле-Прево, съ которыми авторы драмы и романа не поцеремонились, изложилъ Максимъ-дю-Канъ вопросъ о Pacte de Famine во второмъ томѣ своего сочиненія „Парижъ, его жизнь, его органы и т. д. [2]). Онъ говоритъ, что право вывоза хлѣба было продаваемо при Людовикѣ XIV въ видѣ патента. Впослѣдствіи этотъ патентъ выродился въ контрактъ, по которому контрагенту предоставлялось почти исключительное право веденія хлѣбной торговли. Знаменитымъ изъ такихъ договоровъ былъ послѣдній. Онъ опозоренъ исторіей подъ именемъ Pacte de Famine и былъ заключенъ съ Малиссе 12 іюля 1765 г. (повтореніе ошибки Ле-Прево). „Людовикъ XV участвовалъ въ этой спекуляціи на сумму 10 милліоновъ, которые приносили ему огромные барыши. Онъ даже, кажется, не скрывалъ своего участія въ этихъ спекуляціяхъ, такъ какъ въ королевскомъ альманахѣ на 1774 г. показана должность хлѣбнаго казначея его величества".

„Способъ (спекуляціи) былъ крайне простъ; благодаря капиталамъ, которыми располагалъ Малиссе, онъ скупалъ хлѣбъ на рынкахъ Франціи; потомъ онъ его отправлялъ черезъ Нормандію въ маленькіе порты, расположенные по берегу, составляющему теперь западную часть департамента Маншъ, а оттуда его отвозили на острова Джерси и Герниси, гдѣ у Общества были его главные хлѣбные склады.

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, Ле-Прево умеръ въ 1823 году, 22 декабря въ 5 ч. дня, какъ это видно изъ акта о его смерти, напечатаннаго у Бора въ оправдательныхъ документахъ къ его Pacte de Famine, pièces just., p. 58.

[2]) Maxime du Camp. Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie. 1870. 6,8°. т. II, стр. 29—33.

Когда, благодаря этимъ маневрамъ, во Франціи начиналъ чувствоваться недостатокъ хлѣба, его снова ввозили во Францію и продавали по дьявольской цѣнѣ. Сетье хлѣба, за которое компанія Малиссе платила въ 1767 году 10 л., былъ продаваемъ ею въ слѣдующемъ году за 30—35 л. Не совсѣмъ безопасно было всматриваться слишкомъ близко въ эти нечистыя дѣла. Одинъ добродѣтельный человѣкъ Ле-Прево де Бомонъ досталъ уставъ Общества Малиссе и хотѣлъ сообщить его руанскому парламенту. Онъ былъ схваченъ и моментально исчезъ. Его нашли только 22 года спустя, 14 іюля 1789 года въ Бастиліи".

„Главныя придворныя лица, принцы крови, герцоги и пэры были тайными членами Общества Малиссе. Во время своего кратковременнаго пребыванія въ министерствѣ Тюрго долженъ былъ отказаться отъ борьбы съ этой силой, тѣмъ болѣе могущественною, что она была скрытою". Доказательство того, что Тюрго зналъ объ обществѣ Малиссе, авторъ видитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ постановленія 13 сентября 1774 года. Изъ приведенныхъ цитатъ не трудно замѣтить, что главнымъ основаніемъ разсказа Дю-Кана служатъ статьи, помѣщенныя въ Moniteur Universel, которыя авторъ дополнилъ собственными выводами изъ заключающагося въ нихъ матеріала.

Анри Мартенъ въ своей Исторіи Франціи (т. XVI, стр. 245) еще раньше Максима-дю-Кана (1860 г.), разсказывая о Pacte de Famine, ссылается на Мониторъ 1789 года и говоритъ: „всѣ факты вѣрны, только истолкованы подъ вліяніемъ возбужденныхъ страстей той эпохи". Онъ разсказываетъ, однако, дѣло въ главныхъ чертахъ такъ, какъ оно тамъ изложено. О Ле-Прево онъ говоритъ, что его нашли „въ глубинѣ одной государственной тюрьмы", и что понадобилось 14 іюля, чтобы возвратить ему свободу". Очевидно, онъ не обратилъ вниманія на „Prisonier d'Etat".

Другіе историки съ бо́льшими или меньшими варіантами говорили о Pacte de Famine въ томъ же духѣ. Немногіе сомнѣвались въ справедливости разсказа Монитера, но основанія для ихъ сомнѣній были почерпаемы болѣе изъ ихъ собственнаго настроенія, чѣмъ изъ фактической стороны дѣла. Но до половины восьмидесятыхъ годовъ, до появленія изслѣдованій Біоллэ и Бора, убѣжденіе въ существованіи Pacte de Famine было общераспространеннымъ. Такъ напр., архиваріусъ департамента Луаре г. Дуанель еще въ 1884 году (авг. 19, 21 и 26) напечаталъ въ Republique Française статьи подъ заглавіемъ Pacte de Famine, въ которыхъ излагаетъ на основаніи документовъ мѣстнаго архива дѣятельность агентовъ Малиссе въ округѣ Орлеана; при этомъ всѣмъ добытымъ изъ архива документамъ онъ даетъ толкованіе съ точки зрѣнія господствующаго убѣжденія,

что правительство покровительствовало всѣмъ спекуляціямъ Малиссе и его агентовъ. Но въ 1885 и 1887 году появились два изслѣдованія, Біоллэ и Бора [1]).

Эти два изслѣдованія почти совершенно раскрыли исторію Pacte de Famine и представили ее въ настоящемъ видѣ. Опровергнувъ обвиненія, взведенныя на Людовика XV и его министровъ, оба автора оставили, однако, въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи легенды и объ отношеніи ея къ дѣйствительности [2]). Признавъ безъ достаточныхъ основаній Ле-Прево единственнымъ свидѣтелемъ и притомъ человѣкомъ тронутымъ, они не видѣли надобности въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ происхожденія легенды. Мнѣ представляется весьма интереснымъ пополнить этотъ пробѣлъ, такъ какъ мнѣ кажется, что Ле-Прево не игралъ важной роли въ происхожденіи легенды о Pacte de Famine, и что она является продуктомъ толковъ, которые имѣли широкое распространеніе во всемъ французскомъ обществѣ и которыхъ нельзя приписать тому или другому лицу.

Главными источниками для легенды о Pacte de Famine являются, какъ мы видѣли, статьи Монитера и книга Ле-Прево „Prisonier d'Etat". Показанія послѣдняго пріобрѣтаютъ цѣну особенно потому, что его искренность не подлежитъ сомнѣнію. Ему нѣсколько разъ предлагали свободу на условіи, чтобы онъ молчалъ и не писалъ ничего о тайномъ обществѣ, спекулирующемъ хлѣбомъ подъ покровительствомъ правительства; но онъ упорно отказывался принять свободу на этомъ условіи. Онъ былъ убѣжденъ въ справедливости своего извѣта, а долгіе годы заточенія только укрѣпили его вѣру въ существованіе Pacte de Famine, изъ-за котораго онъ страдалъ, и превратили его въ пунктъ помѣшательства. Въ послѣдніе годы своего заключенія онъ былъ человѣкомъ несомнѣнно тронутымъ [3]).

---

[1]) Biollay. Etudes économiques sur le XVIII s. Le Pacte de Famine. L'administration de Commerce. Paris. 1885. G. Bord. Histoire du Blé en France Pacte de Famine. Histoire-Légende. Paris. 1887.

[2]) Болѣе цѣннымъ является изслѣдованіе Біоллэ, какъ болѣе безпристрастное и менѣе занятое апологіей старой монархіи и ея заботъ о продовольствіи народа. Біоллэ предоставилъ главное мѣсто въ своей книгѣ исторіи хлѣбной администраціи, тогда какъ Боръ сосредоточилъ свое вниманіе на личности и дѣятельности Ле-Прево.

[3]) Мальзербъ въ письмѣ къ де-Ружмону (de Rougemont), коменданту Венсенскаго замка (въ 1775 г.) говоритъ о Ле-Прево: „La tête de ce prisonier n'est pas bien saine; je ne sais cependant s'il est tout à fait ce qu'on appelle fol, s'il est d'un degré de folie, pour lequel on l'eut enfermé, s'il ne s'était pas porté à dire du mal du ministére". Bord. Pacte de Famine. Pieces justif. Lettre de Malesherbes á M. le Chevalier de Rougemont. Позднѣйшее поведеніе Ле-Прево дѣлаетъ его ненормальность очевидною.

Но, установивъ факты, что Ле-Прево былъ человѣкъ помѣшанный, Боръ не могъ выяснить вопроса, былъ ли онъ таковымъ до ареста или помѣшался уже въ тюрьмѣ.

Психическая ненормальность Ле-Прево въ значительной степени ослабляетъ силу его показаній, но въ пользу ихъ говорило то обстоятельство, что онъ, по его словамъ, основывался на самомъ договорѣ. „Я изобличаю, говорилъ онъ, эту ужасную махинацію, не на основаніи подозрѣній, доносовъ, какихъ-либо соображеній или ложныхъ сообщеній, а на основаніи ея собственнаго договора", и онъ видѣлъ этотъ договоръ, снялъ копію съ этого документа несомнѣнной подлинности, который и сейчасъ хранится въ національномъ архивѣ и былъ напечатанъ впервые въ 1789 году въ Монитерѣ, въ упомянутыхъ нами статьяхъ [1]). Ле-Прево въ своей книгѣ Prisonier d'Etat говоритъ о немъ по памяти, очевидно не имѣя его подъ руками въ то время. Онъ разсказываетъ, какимъ образомъ онъ попалъ ему въ руки. „Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1768 года, говоритъ онъ, Ренвиль (Rinville), пикардіецъ по происхожденію, главный управляющій Руссо (Rousseau), казначея (receveur) доменовъ и лѣсовъ графства Орлеанъ, пригласилъ меня обѣдать съ цѣлью посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ. Когда я пришелъ къ нему, онъ мнѣ сказалъ: пока я похлопочу объ обѣдѣ, просмотрите пожалуйста вотъ этотъ документъ, чтὸ на столѣ, и скажите мнѣ ваше мнѣніе. Я прочелъ этотъ актъ изъ 20 параграфовъ съ большимъ удивленіемъ". По просьбѣ Ле-Прево, Ренвиль далъ ему переписать этотъ документъ, а также просмотрѣть и переписку Руссо съ его агентами. Въ другой разъ, говоритъ Ле-Прево, онъ повелъ меня въ домъ Дюпле (Du Pleix) на улицѣ Жюсіенъ, гдѣ находилась главная хлѣбная контора; онъ мнѣ не могъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія и доказательства, которыя я желалъ получить. Когда я совсѣмъ составилъ свое обличеніе, я послалъ его не парижскому парламенту, большая часть членовъ котораго принимала участіе въ предпріятіи, а руанскому парламенту, который адресовалъ сильныя представленія Людовику XV по поводу хлѣба". Ле-Прево говоритъ, что ему удалось открыть Ренвилю глаза на то дѣло, которому онъ служитъ, и послѣдній согласился помочь ему въ его изобличеніи и даже попытался послать изобличеніе Ле-Прево казеннымъ пакетомъ; но это ему не удалось, пакетъ попался въ руки администраціи, и Ле-Прево былъ арестованъ [2]).

Документъ въ 20 параграфовъ, о которомъ говорилъ Ле-Прево

---

[1]) Arch. Nat. F. 1194. Онъ помѣщенъ у Бора цѣликомъ въ оправдательныхъ документахъ и его книгѣ Pacte de Famine.

[2]) Le-Prevôt. Prisonier d'Etat, p. 21—25.

и который напечатанъ въ Мониторѣ за 1789 годъ, есть договоръ Малиссе (Simon Pierre Malisset, chargé de l'entretien et de la manutention des bleds du roi) съ Рэ де Шомонъ (Ray de Chaumont), Піерромъ Руссо и Бернаромъ Перрюшо, „поручителями за сказаннаго Малиссе", заключенный 31 марта 1767 года у нотаріуса Дюпре въ Парижѣ. Всѣ трое занимали разныя государственныя должности.

Во введеніи къ этому договору говорится, что упомянутыя лица заключили его съ Малиссе по разсмотрѣніи подряда (soumission), заключаемаго послѣднимъ съ королемъ 28 августа 1765 года. Договоръ распадается на двѣ части; въ первой, въ одиннадцати параграфахъ, излагается, какія операціи по содержанію хлѣба въ Корбейлѣ[1]) и доставкѣ въ Парижъ совершаются за счетъ Малиссе и на его личный страхъ, и какія совершаются за общій счетъ. За первыя товарищи обязуются платить Малиссе опредѣленныя суммы съ каждаго мѣшка хлѣба (250 ф.), а также опредѣленныя суммы на разъѣзды, и проч. Съ своей стороны, Малиссе обязуется принимать хлѣбъ, прибывающій въ Корбейль, перевозить его собственными средствами въ магазины, провѣивать его, молоть и доставлять въ Парижъ. Онъ долженъ уплачивать самъ рыночныя пошлины и налоги taille и vingtièmes, если только онъ не будетъ избавленъ отъ нихъ согласно подряду съ королемъ (§ 10).

Вторая часть договора заключаетъ въ себѣ условія относительно образованія капитала для веденія предпріятія. Капиталъ былъ раздѣленъ на 18 паевъ, изъ нихъ 6 принадлежали Малиссе, а 12 поровну тремъ другимъ соучастникамъ. Каждый пай равенъ былъ 10,000 л.; но Малиссе предоставлены были два пая безплатно, „чтобы возбудить сильнѣе его ревность и усердіе" (§ III). Далѣе регулируются распоряженіе деньгами и отчетность. Роль распорядителя и здѣсь принадлежитъ Малиссе, хотя дѣйствія его подлежатъ контролю товарищей, иногда даже предварительному.

Мы имѣемъ, значитъ, дѣло съ товариществомъ, собравшимъ довольно значительный капиталъ для веденія хлѣбной торговли въ бассейнѣ Сены и ея притоковъ (§ XV); главный членъ его находится въ какихъ-то отношеніяхъ къ правительству и, судя по льготамъ, на которыя надѣются товарищи, пользуется его милостью.

Ле-Прево не зналъ этого другого договора; но, увидѣвъ этотъ, онъ безповоротно убѣдился, что у него передъ глазами документъ, свидѣтельствующій о существованіи той монополіи, о которой намекалъ руанскій парламентъ въ своихъ демонстраціяхъ, надѣлавшихъ

---

[1]) Городокъ на югъ отъ Парижа на Сенѣ, гдѣ были сосредоточены королевскіе хлѣбные амбары и мельницы.

столько шуму весною и лѣтомъ 1768 года, т.-е. какъ разъ въ то время, когда договоръ попалъ въ руки Ле-Прево. По всей вѣроятности, корреспонденція, которую онъ пересмотрѣлъ, дала ему матеріалъ для подкрѣпленія своего подозрѣнія, такъ какъ не трудно допустить, что въ дѣлѣ Малиссе и его компаніи существовали злоупотребленія. Примѣровъ очень много.

Когда Ле-Прево собрался послать свой доносъ руанскому парламенту (въ ноябрѣ 1768 г.), онъ не зналъ, что договоръ правительства съ Малиссе былъ уже расторгнутъ съ 31 октября (1768 г.); но онъ знаетъ, что объ этомъ расторженіи ходатайствовали сами контрагенты. Это обстоятельство и заставляетъ его задуматься. Ничто его не останавливаетъ. Онъ охваченъ маніей подозрѣнія [1]). Изъ того договора, который попался ему въ руки, онъ видѣлъ, что договоръ Малиссе съ правительствомъ заключенъ въ 1765 году на 12 лѣтъ, и догадывался, что онъ долженъ былъ быть возобновленъ въ 1771 году [2]) и, пожалуй, въ 1789 году, еслибы „революція этому не помѣшала“.

Что же это за договоръ? Это собственно не договоръ, а подрядъ, текстъ котораго и сейчасъ хранится въ Національномъ Архивѣ и цѣликомъ напечатанъ у Біоллэ [3]). Онъ начинается такъ: „Я нижеподписавшійся Симеонъ-Піерръ-Малиссе за поручительствомъ и гарантіей гг. Рэ-де-Шомонъ, Перрюшо и Руссо, обязываюсь беречь, поддерживать и хранить королевскій хлѣбъ на нижеслѣдующихъ условіяхъ“.

Этотъ хлѣбъ сданъ былъ Малиссе въ количествѣ 40,000 сетье (парижское сетье=240 ф.) пшеницы и 425 сетье ржи въ складахъ въ С. Шарлѣ, около Парижа, въ Корбейлѣ и въ Ла-Моттѣ, около Провена. Малиссе обязывался имѣть этотъ хлѣбъ всегда въ наличности; но ему позволялось для освѣженія партіи $^1/_3$ его продавать и замѣнять новымъ хлѣбомъ. Но эта продажа допускалась лишь тогда, когда рыночная цѣна хлѣба стояла ниже 21 л. за сетье; при достиженіи ею этого уровня, Малиссе долженъ былъ имѣть на-лицо все сданное ему количество хлѣба въ упомянутыхъ складахъ или другихъ, находящихся на разстояніи не далѣе 20—25 лье отъ Парижа. Когда же цѣна достигнетъ 25 л., то въ теченіе 15 дней онъ обязанъ собрать все количество 40,000 сетье въ склады въ упомянутыхъ

---

[1]) Biollay. Le Pacte de Famine, p. 154. Въ доказательство того, что Ле-Прево зналъ, что Малиссе и C° ходатайствовали о расторженіи договора, Біоллэ ссылается на какой-то „Mémoire au Roi“ безъ дальнѣйшихъ объясненій.

[2]) Le Prevôt. Prisonier d'Etat.

[3]) Biollay. Pacte de Famine, p. 117. Arch. Nat. F¹¹ 1194 (и еще копія его есть въ картонѣ. F¹¹ 1192.

трехъ мѣстахъ и съ этого момента онъ не имѣетъ права продавать изъ этихъ магазиновъ ничего за свой счетъ.

Ему предоставлялось право перемалывать хранимое зерно, но съ тѣмъ, чтобы въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ мука снова была замѣнена зерномъ [1]).

Правительство должно было платить ему за его услуги 24,000 л. ежегодно [2]), оно давало ему въ пользованіе магазины, мельницы, мѣшки и проч., освобождало его отъ taille, отъ военнаго постоя въ отношеніи всего, касающагося дѣла содержанія хлѣба, и освобождало отъ taille и рекрутчины (de la milice) всѣхъ служащихъ и рабочихъ при предпріятіи. Оно предоставляло ему дѣлать отъ имени короля всѣ операціи, касающіяся снабженія магазиновъ, и обѣщало полное покровительство (§ XI).

Когда цѣна достигала 25 л. за сетье, то продажа хлѣба въ Парижѣ дѣлалась только за счетъ короля и вырученныя отъ этихъ продажъ суммы должны были быть вносимы въ „хлѣбную кассу" (caisse des grains); за счетъ же короля производится въ этомъ случаѣ и замѣна проданнаго хлѣба другимъ. За эти продажи и покупки Малиссе получаетъ 2 % коммиссіи съ каждой операціи. Такую же коммиссію онъ получалъ за хлѣбъ, которымъ правительство воспользовалось бы для оказанія помощи какимъ-либо приходамъ или провинціямъ, и за тотъ хлѣбъ, который пріобрѣтенъ для замѣны выданнаго.

Этотъ подрядъ былъ заключенъ Малиссе 28 августа 1765 года срокомъ на 12 лѣтъ, начиная съ 1 сентября 1765 года, и подписанъ Малиссе и его поручителями и по резолюціи Лаверди скрѣпленъ де Куртейлемъ (de Courteille) и засвидѣтельствованъ Дамуромъ (Damours), королевскимъ секретаремъ, въ двухъ экземплярахъ.

Изъ содержанія этого подряда видно, что Лаверди желалъ имѣть резервъ на случай необходимости продовольствовать Парижъ: питаніе послѣдняго всегда составляло предметъ особыхъ заботъ правительства. Онъ желалъ содержать этотъ резервъ возможно дешевле, такъ какъ обыкновенно въ продовольственныхъ мѣропріятіяхъ правительства главныя потери бывали обыкновенно не при покупкѣ хлѣба, а при его содержаніи, причемъ эти потери часто не достигали цѣли, такъ какъ хлѣбъ портился и пропадалъ отъ неумѣнія хранить его и отъ небрежности. Ему, конечно, должно было показаться чрезвычайно выгоднымъ предложеніе Малиссе, бравшаго на

---

[1]) Для учета наличности 170 ф. муки считалось за сетье зерна (§ 4).

[2]) Въ подрядѣ Малиссе стоитъ 30 тысячъ, но въ резолюціи Лаверди сказано: „bon en mettant la somme annuelle à 24000 livres".

себя все дѣло за 24,000 л. въ годъ, т.-е. за 12 су съ сетье на полную свою отвѣтственность. Но дѣло не было такъ просто, какъ оно казалось. Подрядъ предоставлялъ Малиссе право продажи наличнаго хлѣба для замѣны его новымъ. Эта продажа не могла простираться сразу болѣе, чѣмъ на одну треть всего количества; но повѣрка была трудна, такъ какъ пока цѣна не достигала 25 л. за сетье, онъ не обязанъ былъ держать хлѣбъ сосредоточеннымъ въ магазинахъ въ С. Шарлѣ, Ламоттѣ, Корбейлѣ и Монсо, а могъ хранить его маленькими партіями въ складахъ, находящихся въ 80—100 километрахъ разстоянія отъ столицы. Такимъ образомъ Малиссе въ сущности получилъ возможность торговать хлѣбомъ, не затрачивая собственнаго капитала. Это давало ему большое преимущество предъ другими хлѣботорговцами, не говоря уже объ освобожденіи отъ taille и vingtièmes. Но самое главное его преимущество заключалось въ томъ, что онъ и его прикащики имѣли право дѣйствовать именемъ короля. Они могли поэтому именоваться „королевскими людьми“ (gens du Roi), а это сейчасъ сглаживало предъ ними всякія затрудненія, которыя встрѣчали на своемъ пути другіе купцы, несмотря на декларацію 25 мая 1763 года. Главное-же, одно появленіе на рынкѣ королевскаго агента пугало другихъ купцовъ, заставляло ихъ ретироваться, такъ какъ они знали хорошо, что съ этой силой имъ бороться нельзя.

Очевидно, что преимущества, предоставленныя Малиссе, создавали изъ него монополиста, хотя правительство и не желало этого [1]). Началъ-ли онъ сейчасъ свою торговлю? На этотъ вопросъ можно отвѣчать утвердительно, такъ какъ сейчасъ по заключеніи контракта онъ купилъ въ Корбейлѣ землю и выстроилъ двѣ мельницы и два хлѣбныхъ амбара на 5,800 muids [2]). Но въ 1766 году дѣятельность его не воз-

---

[1]) Капиталъ, предоставленный въ его распоряженіе правительствомъ въ видѣ 40,000 сетье хлѣба, былъ очень значителенъ, онъ составлялъ около 3 проц. всего годичнаго потребленія Парижа. По словамъ Дюпре де С. Мора (Essai sur les Monnaies, 1746 г., стр. 50), Парижъ потреблялъ въ 1730 году 82,000 muids хлѣба или 984,000 сетье. Въ 1765 году это количество, конечно, увеличилось, но не слишкомъ; такъ, парижскій рынокъ считался въ 1765 году достаточно снабженнымъ, когда на немъ было 1,200 мѣшковъ муки (т.-е. около 1411 сетье, считая мѣшокъ муки 200 ф., а выходъ муки изъ сетье зерна, по разсчету Малиссе, 170 ф. изъ сетье). Biollay. Pacte de Famine, p. 133. Въ одномъ мемуарѣ 1777 года, сохранившемся въ бумагахъ генер. контроля, сообщается, что на продовольствіе Парижа идетъ 1.200,000 сетье зерна и еще 200,000 сетье печенаго хлѣба, приносимаго въ городъ. Arch. Nat., к. 908, № 53. Можно думать поэтому, что потребленіе Парижа въ 1765 г. было около 1,100,000 сетье.

[2]) Ibid. 134. Muid—12 сетье, вѣсомъ 2,880 ф.

буждала вниманія, потому что цѣна хлѣба не была особенно высока. Она начала подыматься съ осени 1766 года вслѣдствіе того, что урожай этого года былъ посредственнымъ. Весною 1767 года обстоятельства перемѣнились. Ночью на пасху (19 апрѣля) ударилъ морозъ и погубилъ всходы [1]). Лѣто было дождливое, а потому были испорчены и то, что осталось отъ озимыхъ посѣвовъ послѣ мороза, и яровые хлѣба. Вслѣдствіе этихъ условій операціи Малиссе расширились. Они потребовали увеличенія оборотныхъ средствъ, и вотъ мы видимъ, что 31 марта 1767 года поручители Малиссе создаютъ вмѣстѣ съ нимъ фондъ въ 160,000 л. (номинально 180 тысячъ) для хлѣбныхъ операцій и составляютъ товарищество, договоръ котораго мы видѣли выше. Осенью 1767 года это товарищество, по словамъ аббата Бодо, стало уже „знаменитымъ". Основной капиталъ, который они вложили въ свои операціи, указываетъ на значительность послѣднихъ, особенно если мы примемъ во вниманіе, что они ограничивались бассейномъ Сены и Марны и захватывали часть Луары (Орлеанэ).

Съ осени 1767 года Малиссе и К° начинаютъ продажу и покупку хлѣба за счетъ правительства для снабженія Парижа и нѣкоторыхъ другихъ рынковъ (напр. Фонтенбло). Эти операціи были очень значительны. Съ 19 октября 1767 года по 21 января 1769 года поступило въ королевскую „хлѣбную кассу", казначеемъ коей былъ Мирлаво, за проданный Малиссе и К° королевскій хлѣбъ 2,483,306 л. 17 с. 4 д. Изъ нихъ главная сумма 2,163,190 л. 6 с. 6 д. падаетъ на 1768 годъ [2]). Значительная часть потребовавшагося хлѣба была куплена за-границей; но большія закупки сдѣланы были и внутри страны, причемъ, говоритъ Біоллэ, они были направлены генералъ-контролеромъ такимъ образомъ, чтобы поднять цѣну на рынкахъ, смежныхъ съ портами, до той нормы, при которой вывозъ хлѣба долженъ былъ быть остановленъ [3]). Неудивительно, что при такомъ развитіи казенныхъ операцій товарищество Малиссе заняло совершенно монопольное положеніе въ бассейнѣ Сены. Намъ будутъ понятны жалобы руанскаго парламента (лѣтомъ 1768 г.) что значительныя закупки хлѣба сдѣланы одновременно въ разныхъ мѣстахъ съ нарушеніемъ всякихъ регламентовъ и подъ покровительствомъ администраціи. Бодо говоритъ, что операціи агентовъ правительства обезкуражили торговлю, такъ что правительство вынуждено

---

[1]) Bodeau. Nouvelles Ephémérides du Citoyen. 1775, t. I, p. 23.

[2]) Arch. Nat. F[w] 1192. Въ этомъ картонѣ находятся подробные счеты Малиссе по каждой отдѣльной операціи.

[3]) Biollay. Pacte de Famine. 140. Arch. Nat. K. 908.

было взять на себя доставку по меньшей мѣрѣ четверти того количества, которое требовалось для потребленія Парижа и его окрестностей [1]). Извлекало-ли правительство выгоды изъ такого развитія хлѣбныхъ операцій и выгодно-ли они были для товарищества Малиссе? Правительство несло только убытки и довольно значительные. Какъ на примѣръ послѣднихъ, можно указать на одинъ счетъ Малиссе. Съ 8 февраля по 14 ноября 1768 года имъ было доставлено изъ Корбейля въ Парижъ 30,434 сетье, которые были проданы тамъ за 823,347 л. Правительство продавало по покупной цѣнѣ. Изъ этой суммы оно потеряло 46,000 л. круглымъ счетомъ, не считая разныхъ мелочей [2]). Положеніе компаніи Малиссе было какъ разъ обратное. Она получала коммиссію. На общій оборотъ въ 5,588 тысячъ ливровъ послѣдняя составила 110,000 л. [3]), не считая того, что компанія могла получить, производя вмѣстѣ съ казенными свои собственныя операціи, такъ какъ контрактъ ей таковыя не запрещалъ.

Кромѣ того по счету, сдѣланному Альберомъ въ 1769 году, Малиссе и К° остались должными правительству 328,000 л., каковая сумма не была взыскана [4]). Несмотря на такія значительныя выгоды

---

[1]) Bodeau. Avis au honnêtes gens. Biollay, p. 137. Интендантъ Орлеана жалуется въ письмѣ 28 сентября 1768 г., что только одинъ купецъ Parthin, агентъ „компаніи“ (Маллиссе), въ теченіе года купилъ 500 muids пшеницы по 22 л. 10 с. за мѣшокъ въ 250 ф., закупалъ хлѣбъ еще не смолоченный и складывалъ его въ Орлеанѣ. Въ письмѣ 1 сентября того же года онъ пишетъ, что тревога въ народѣ увеличивается, когда онъ видитъ, что хлѣбъ проходитъ городъ и складывается въ амбары частной компаніи, которая не довольствуется тѣмъ, что останавливаетъ на дорогѣ весь хлѣбъ, идущій въ Орлеанъ въ базарные дни, но посылаетъ еще коммиссіонеровъ на всѣ фермы и закупаетъ на задатки хлѣбъ по какой-бы то ни было цѣнѣ. На его глазахъ коммиссіонеры объѣзжали разные приходы, находящіеся въ его помѣстьѣ Шевильи (Chevilly). Doinel. Pacte de Famine. République Française. 1884. 21 августа. Авторъ, архиваріусъ Луаре, извлекъ эти документы изъ мѣстнаго архива въ доказательство существованія Pacte de Famine. Я ихъ цитирую, какъ указаніе, какой переполохъ произвели операціи Маллиссе въ 1768 г. въ провинціяхъ, прилегающихъ къ Парижу, при слабости развитія мѣстной торговли.

[2]) Расходы по измѣренію, упаковкѣ, нагрузкѣ и т. д. и парижское октруа составили 9 s. 6 d. съ сетье въ 15,958 ф., расходы на рынкѣ, а также скидка булочникамъ составили 13,783 л., до 2 проц. коммиссіи Малиссе 16,466. 46,207. Сюда не вошли расходы за подводы изъ Корбейля въ Парижъ. Интересно, что по смыслу договора Малиссе получаетъ 2 проц. коммиссіи за всѣ расходы (§ x), а въ счетѣ всѣ расходы оплачены особо. Arch. Nat. F[11] 1192.

[3]) Biollay. 151.

[4]) Счеты Малиссе оставались безъ всякаго движенія съ 1769 по 1786 гг. Тюрго было учредилъ въ 1775 году коммиссію для окончанія этихъ счетовъ; но она ничего не сдѣлала. Въ 1786 году послѣ смерти Руссо и Перюшо, наслѣдники ихъ подняли вопросъ о регулированіи счета. Они доказывали, что

Малиссе и К° считали контрактъ для себя невыгоднымъ и просили о его разрушеніи. Объясненіе этого, повидимому, страннаго явленія заключается въ измѣненіи обстоятельствъ и въ измѣненіи примѣненія контракта.

Компанія жаловалась на тотъ пунктъ контракта, который, повидимому, предоставлялъ ей выгоды. Она жаловалась на необходимость возстановлять запасъ хлѣба, находящагося въ королевскихъ магазинахъ, такъ какъ по ея словамъ она его приняла тогда, когда онъ стоилъ 14 л. за сетье, а потомъ цѣны поднялись до 28 л., 30 л. и 32 л., такъ что при возобновленіи запаса компанія потерпѣла убытки [1]). Она могла разсчитывать покрыть эти убытки коммиссіей по закупкамъ за счетъ короля, можно даже сказать, что тутъ должна была быть главная ея доходная статья, потому, что эта операція была наиболѣе темная, но тутъ произошла перемѣна въ примѣненіи контракта, лишившая ее этой выгоды.

Произошло это со смертью завѣдывавшаго хлѣбными дѣлами Куртейля, интенданта финансовъ (ноября 1867 года) и съ назначеніемъ на его мѣсто Трюдэна де Монтиньи (сына), тоже интенданта финансовъ. Онъ былъ приверженцемъ экономистовъ и, хотя онъ былъ еще неопытенъ въ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе видѣлъ ясно, что практиковавшіяся продовольственныя мѣры приносятъ казнѣ убытокъ, парализуютъ торговлю и, такимъ образомъ, не смотря на свои значительные размѣры, не достигаютъ своей цѣли. Раздѣляя ходячее мнѣніе, что городъ съ такимъ „огромнымъ" населеніемъ, какъ Парижъ, нуждается въ продовольственныхъ заботахъ правительства, онъ предположилъ поставить ихъ на коммерческую ногу, чтобы хлѣбъ не продавался въ убытокъ. Контрактъ съ Малиссе по его мнѣнію препятствовалъ осуществленію этого плана, но отмѣнить этотъ контрактъ сейчасъ нельзя было [2]). Вѣроятно, чтобы уменьшить невыгоды поставокъ хлѣба, дѣлаемыхъ компаніей Малиссе за счетъ короля для замѣны прода-

---

не компанія должна осталась правительству, а наоборотъ. Въ докладѣ, поданномъ Монтараномъ по поводу ихъ прошенія, онъ говоритъ, что хотя по поводу счета Альбера Малиссе и К° возражали, но ихъ возраженія были неосновательны и они молчали 17 лѣтъ, потому что знали, что не имъ причитается получить съ казны, а напротивъ, они должны послѣдней. Если же теперь ихъ наслѣдники подняли дѣло, то это потому, что на ихъ наслѣдство наложенъ секвестръ по претензіямъ казны. Докладъ Монтарана министру де-Каллону въ іюлѣ 1786 г. Arch. Nat. F" 1193. Вся эта большая связка наполнена перепиской о счетахъ Малиссе. Въ ней находится огромная тетрадь, писанная Альберомъ, интендантомъ торговли, въ которой онъ подробно разбираетъ счеты Малиссе.

[1]) Докладная записка Малиссе и К° 10 мая 1768 г. Arch. Nat. F" 1193.

[2]) Biollay. Pacte de Famine. 138 и 144.

ваемаго хлѣба, Трюдэнъ въ январѣ 1768 года заключилъ контрактъ съ Трезелемъ (Trezel) на поставку 50000 квинталовъ хлѣба въ Парижъ по 11 л. 5 с. за квинталъ (100 ф.), что составляетъ 27 л. за сетье [1]). Эта мѣра не противорѣчила контракту съ Малиссе, но она была очень невыгодна для компаніи, потому что лишала ее самаго лакомаго куска, не считая потери коммиссіи, и была тѣмъ болѣе обидна, что всей выгодой этой новой комбинаціи воспользовался Рэ-де-Шомонъ, одинъ изъ ея же членовъ. Трезель былъ только подставнымъ лицомъ, а настоящимъ контрагентомъ былъ Рэ-де-Шомонъ, который, взявшись за этотъ подрядъ, поступилъ съ своими товарищами весьма некрасиво [2]).

Какъ-бы то ни было 10 мая 1768 года Малиссе и К° подали докладную записку объ убыточности заключеннаго ими договора и просили о замѣнѣ его другимъ. Осенью того же года, когда результаты урожая нѣсколько успокоили правительство, Трюдэнъ извѣстилъ ихъ о согласіи правительства расторгнуть контрактъ и объявилъ имъ, что послѣдній прекращаетъ свое дѣйствіе съ 31 октября 1768 г. [3]).

---

[1]) Обязательство Трезеля, одобренное Лаверди 10 января 1768 г. Монтаранъ въ упомянутомъ нами докладѣ де-Калонну говоритъ, что Трюдэнъ рѣшился уничтожить контрактъ съ Малиссе и К°, потому что ихъ „способы дѣйствовать“ наносили ущербъ королю и что они нарушали контрактъ. Я не рѣшаюсь безусловно принять это показаніе Монтарана, сдѣланное 17 лѣтъ спустя и притомъ въ полемической бумагѣ; оно находится къ тому же въ противорѣчіи со свидѣтельствомъ самого Трюдэна, выраженномъ въ письмѣ его къ компаніи отъ 24 октября 1768 года по поводу разрушенія контракта. Онъ благодаритъ ее за честное веденіе дѣла и говоритъ, что „il sent toute l'injustice des prejugés, qu'une portion du public semblait prendre sur un établissement qui fera toujours honneur (это слово написано на подчищенномъ мѣстѣ) à ceux, qui y ont contribué“. Это заявленіе, однако, сдѣлано, такъ сказать, въ оффиціальномъ увольнительномъ свидѣтельствѣ, что ослабляетъ его силу и, въ свою очередь, находится въ разнорѣчіи, во-первыхъ, съ начетомъ, сдѣланнымъ имъ же самимъ на компанію, и, во-вторыхъ, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ отнялъ у нея поставку хлѣба, хотя могъ съ ней заключить особое условіе послѣ ея докладной записки 9 мая 1768 г. Arch. Nation. F'' 1193.

[2]) F'' 1193. Докладъ Монтарана и другіе документы въ той же связкѣ. То обстоятельство, что Рэ-де-Шомонъ, котораго Бодо изображаетъ, какъ архимошенника, могъ взять подрядъ на болѣе выгодныхъ для казны условіяхъ, чѣмъ поставляла хлѣбъ компанія, подтверждаетъ слова Монтарана, что ея „способы дѣйствовать“ наносили ущербъ королю.

[3]) Ibid. Письма Трюдэна отъ 30 августа и 24 октября 1768 г. Первое изъ нихъ было отвѣтомъ на письмо Малиссе и К° отъ 17 августа, въ которомъ они просили Трюдэна ускорить замѣну ихъ контракта новымъ, потому что прежній для нихъ убыточенъ. Получивъ его увѣдомленіе отъ 30 августа о согласіи правительства расторгнуть контрактъ безъ всякой замѣны, Малиссе и К° благодарили его за это согласіе.

Такъ кончила свое существованіе эта знаменитая компанія Малиссе послѣ трехлѣтней дѣятельности. Она не только не прожила до революціи, какъ думалъ Ле-Прево и другіе его современники, но не дотянула и до трети перваго срока, на который заключенъ былъ договоръ 28 августа 1765 года; а товарищество, устроенное 31 марта 1767 года, едва просуществовало полтора года и фактически разстроилось раньше, чѣмъ расторгнутъ былъ контрактъ. Въ то время, когда Ле-Прево собрался послать свой доносъ съ документами въ Руанъ, контрактъ Малиссе былъ уже расторгнутъ; когда же контрактъ послѣдняго съ его поручителями попался ему на глаза, въ это время компанія уже просила о расторженіи контракта Малиссе съ правительствомъ.

Если теперь сличить показаніе Ле-Прево съ тѣмъ, чѣмъ было въ дѣйствительности общество Малиссе, то получимъ въ результатѣ слѣдующее. Онъ фантазировалъ, утверждая, что Лаверди и его ближайшіе помощники продали Францію на 12 лѣтъ компаніи монополистовъ, и что цѣлью этого торга было устраивать методически голодовки во Франціи. Мы знаемъ, что ни Лаверди, ни тѣ, которые редактировали контрактъ Малиссе, не имѣли въ виду предоставлять ему исключительныхъ правъ по хлѣбной торговлѣ и нисколько не были заинтересованы въ его предпріятіи. Что касается желанія устраивать голодовку или дороговизну, то не только они такого желанія не имѣли, но, какъ и всѣ ихъ предшественники, стремились кормить дешевымъ хлѣбомъ парижанъ. Ле-Прево представлялъ себѣ Малиссе и его компаньоновъ милліонерами. На самомъ дѣлѣ они таковыми не были, особенно Малиссе. Богаче другихъ былъ Рэ-де-Шомонъ; но и онъ не можетъ считаться милліонеромъ.

Ле-Прево предполагалъ, что операціи Малиссе и К° простирались на всю Францію. Это была ошибка. Онъ забылъ, повидимому, параграфъ договора Малиссе съ товарищами, которымъ они ограничивали свою общую дѣятельность Сеною и ея притоками. Я говорю, что Ле-Прево забылъ это обстоятельство, а не игнорировалъ его, потому что когда онъ писалъ свои статьи въ Les Révolutions de Paris и свою книгу, онъ не имѣлъ подъ руками контракта, который онъ видѣлъ 22 года назадъ, и не зналъ, что онъ напечатанъ въ Монитерѣ. Мы должны помнить, что его бумаги были у него отобраны, что то, что онъ писалъ руанскому парламенту, до насъ не дошло, а потому мы знаемъ его обличенія лишь въ общихъ чертахъ; самъ онъ ихъ изложилъ такъ, потому что, во-первыхъ, не могъ помнить подробностей, а, во-вторыхъ, въ своей книгѣ и въ своихъ статьяхъ онъ занятъ почти исключительно своими злоключеніями по тюрьмамъ, и дѣло о Pacte de Famine стоитъ у него на второмъ планѣ.

Но вмѣстѣ съ ошибками въ его обличеніи была и доля правды. Онъ говорилъ, что товарищество Малиссе было организовано, что оно имѣло своего казначея, свои правильныя собранія. Это правда. Онъ говорилъ, что Малиссе и его товарищи были монополистами. Въ этомъ онъ почти правъ. При слабомъ развитіи въ то время частной предпріимчивости въ области хлѣбной торговли вообще, при тѣхъ затрудненіяхъ, которыя создавались хлѣбной торговлѣ въ бассейнѣ Сены парижскими регламентами, привилегированное положеніе Малиссе и К° и ихъ агентовъ, какъ „королевскихъ людей“ (hommes du Roi), давало имъ преимущества почти монопольныя.

Наконецъ Ле-Прево предполагалъ, что Малиссе и К° спекулируютъ на повышеніе. Онъ ошибался въ этомъ, если взять дѣло въ цѣломъ; но въ частности могли быть и были факты, которые давали ему поводъ для такого заключенія. Мы знаемъ, что правительство направляло иногда закупки Малиссе въ такія мѣста, гдѣ требовалось поднять цѣну хлѣба для остановки вывоза. Мы знаемъ, какъ дѣйствовали Малиссе и К° и его агенты; но видя въ компаніи такихъ господъ, какъ Рэ-де-Шомонъ, и зная ихъ монопольное положеніе, мы не имѣемъ основанія думать, что они воздерживались отъ того, чтобы пользоваться этимъ положеніемъ для своихъ выгодъ, и что они не поднимали иногда цѣны ради увеличенія своей коммиссіи. Если бы даже компанія состояла изъ „ангеловъ“, какъ говорилъ Тюрго, то все же самымъ фактомъ своего существованія она парализовала частную предпріимчивость и, не имѣя возможности замѣнить послѣднюю собою, она неизбѣжно должна была имѣть своимъ результатомъ подъемъ цѣнъ. Мы видѣли изъ письма Малиссе и К° отъ 10 мая, что въ 1768 году цѣна сетье пшеницы дошла до 32 л.; часть этой дороговизны должна быть отнесена на счетъ дѣятельности компаніи.

Такимъ образомъ, мы должны сказать, что Ле-Прево многое преувеличилъ, далъ всему дѣлу фантастическій колоритъ заговора противъ народнаго благосостоянія, но нѣкоторыя части его обличенія соотвѣтствовали дѣйствительности.

Но ему было приписано и то, чего онъ вовсе не говорилъ; его признаютъ единственнымъ свидѣтелемъ, доказывающимъ существованіе Pacte de Famine [1]), ему приписываютъ изданіе въ свѣтъ договора Малиссе съ его товарищами, который считался доказательствомъ существованія общества голодовки. Это невѣрно. Ле Прево не говоритъ объ участіи короля въ обществѣ монополистовъ. Мы видѣли, что совсѣмъ другія лица говорятъ это. Это авторъ статьи въ №№ 57 и 58 Moniteur'а за 1789 годъ, подписавшійся иниціалами А. М., который

---

[1]) Biollay. Pacte de Famine, p. 152.

опубликовалъ впервые упомянутый договоръ. Кромѣ того, мы имѣемъ еще разсказъ Піерра Манюеля въ его книгѣ „Разоблаченная парижская полиція“ 1791 г. [1]). Этотъ разсказъ очевидно написанъ независимо отъ Ле-Прево, о которомъ авторъ знаетъ очень мало. Онъ представляетъ также значительныя отступленія и отъ разсказа Монитера, хотя авторъ, видимо, знакомъ съ этими статьями и, можетъ быть, заимствовалъ оттуда договоръ товарищества Малиссе и письмо товарищества къ его агентамъ.

Предполагая, что статьи въ Монитерѣ исходили отъ Ле-Прево, ему приписали свидѣтельство о фиктивномъ вывозѣ хлѣба на острова Джерсей и Гернсей и о всѣхъ маневрахъ, связанныхъ съ этой операціей. Онъ объ этомъ ничего не говоритъ и, вѣроятно, не зналъ даже.

Ему приписали на томъ же основаніи обвиненіе Людовика XV въ соучастіи нравственномъ и матеріальномъ въ Pacte de Famine. Онъ же, напротивъ, представляетъ его и Людовика XVI жертвой обмана министровъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что хотя Ле-Прево считаютъ единственнымъ источникомъ преданія о Pacte de Famine, но на самомъ дѣлѣ это не такъ; источникомъ его были статьи въ Монитерѣ, авторъ которыхъ намъ неизвѣстенъ, но которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приписаны Ле-Прево. Эти статьи, по моему мнѣнію, имѣли главное вліяніе на содержаніе историческаго преданія о Pacte de Famine, и во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ книга Ле-Прево или его статьи въ Les Révolutions de Paris. Максимъ Дюканъ цѣликомъ взялъ свой разсказъ оттуда, а не изъ сочиненія Ле-Прево.

Но сами статьи Монитера, а равно и разсказъ Манюэля въ его книгѣ „Разоблаченная парижская полиція“ не могутъ быть признаны ихъ, такъ сказать, достояніемъ. Они составляютъ эхо разсказовъ, ходившихъ въ публикѣ. Эти разсказы похожи на народную пѣсню. Кто сочинилъ ее? Всѣ и никто. Я говорю такъ, потому что, гораздо раньше появленія этихъ разсказовъ въ печати, они ходили

---

[1]) Manuel (Pierre). La Police de Paris devoilée, т. I, стр. 370—402. Въ этомъ разсказѣ ни слова не говорится о фиктивномъ вывозѣ хлѣба за-границу; про Людовика XV сказано: son bien aimé Louis XV était du complot и сообщается, что онъ далъ при министрѣ Орри (1730) 10,000 л. на вывозъ хлѣба для увеличенія дохода отъ vingtièmes. Moniteur приписываетъ эту цѣль эдикту о вывозѣ 1764 г. Манюель выгораживаетъ совершенно Тюрго и называетъ его Титомъ, тогда какъ Ле-Прево проходитъ его молчаніемъ. У Манюеля помѣщено письмо компаніи къ ея агентамъ безъ обозначенія времени, но относящееся, вѣроятно, къ операціямъ Рэ-де-Шомона въ 1768 году. Этого письма нѣтъ у Ле-Прево, но оно помѣщено въ примѣчаніи въ № 58 Монитера и, вѣроятно, взято Манюелемъ оттуда.

въ публикѣ, хотя, понятно, какъ всѣ устные разсказы, не имѣли той законченной формы. Для подобнаго заключенія мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства современниковъ. Еще въ 1769 году Рубо старается опровергнуть слухи о существованіи общества, имѣющаго цѣлью монополизацію хлѣба, и объясняетъ появленіе этихъ толковъ хлѣбными операціями Малиссе [1]). Нѣсколько позднѣе мы встрѣчаемъ свидѣтельство аббата Террэ о томъ же предметѣ. Въ 1773 году онъ писалъ въ циркулярѣ интендантамъ: „я долженъ васъ предупредить, что народъ, горожане и даже выдающіяся лица преисполнены (imbus) ложной мысли, что существуетъ компанія, уполномоченная исключительно вѣдать продовольствіе государства и вести хлѣбную торговлю. Эту воображаемую компанію обвиняютъ въ томъ, что она своей монополіей причиняетъ дороговизну хлѣба. Такіе взгляды, если они укоренятся, сдѣлаютъ правительство ненавистнымъ". Онъ приказываетъ арестовывать распространителей ложныхъ слуховъ. Въ концѣ циркуляра онъ говоритъ, что правительство обвиняли въ томъ, что оно было причиной прекращенія внутренней и внѣшней торговли хлѣбомъ, такъ что съ одной стороны его упрекали въ томъ, что оно, ради извлеченія выгоды, подняло цѣны посредствомъ отвратительной монополіи, а съ другой стороны, говорятъ, что оно препятствуетъ торговлѣ, добровольно неся убытки, которыхъ частные купцы вынести не могутъ [2]). Въ одномъ мемуарѣ, относящемся къ концу 1772 года или началу 1773 года, говорится, что дороговизну приписываютъ компаніи коммиссіонеровъ, пользующихся покровитель-

---

[1]) Roubaud. Représentations aux magistrats. 1769.

[2]) Циркуляръ интендантамъ 27 сентября 1773 г. Arch. Nat. F[w] 265. Въ этомъ циркулярѣ онъ предлагаетъ интендантамъ успокоить публику завѣреніемъ, что теперь снабженіе провинцій произойдетъ путемъ торговли: „sans crainte de concurence de la part du gouvernement", etc. Для иллюстраціи укажемъ, что въ то же время онъ одобрилъ планъ пріобрѣтенія за счетъ казны 700,000 сетье хлѣба. См. въ той же связкѣ Мемуаръ о хлѣбныхъ операціяхъ на 1773—74 г. Въ мемуарѣ королю аббатъ Террэ говорилъ (въ томъ же году), что народъ приписываетъ высокую цѣну умыслу правительства заставить его дорого платить за продовольствіе и видитъ монополію даже въ помощи, которая ему оказывается. Biollay. Pacte de Famine, p. 180, въ примѣч. Въ мемуарѣ безъ числа и подписи, на которомъ сдѣлана помѣтка: „au Roi. Sur l'administration des grains. Ministère de Necker", но который трактуетъ о времени Террэ, говорится: Le peuple, la bourgeoisie et même un grand nombre des personnes distinguées par leur état et leur esprit pensent que le gouvernement achète des grains, les ressère ou les fait transporter d'une province à l'autre pour les vendre au plus haut prix et se procurer un gain qui ne tourne point au profit de l'état, à celui des administrateurs. Des soupçons à cet égard vont même jusque sur la personne du Roi". Arch. Nat. K. 908. Авторъ ставилъ себѣ цѣлью опровергнуть это мнѣніе.

ствомъ администраціи. Напримѣръ, разсказываютъ, что эта компанія скупила хлѣбъ въ Марсели, когда его тамъ было мало. Говорятъ, что въ Дижонѣ интенданты призвали всѣхъ купцовъ и запретили имъ сплавлять хлѣбъ по Сонѣ одновременно съ компаніей, которая въ это время пользовалась рѣкой. Въ публикѣ спрашиваютъ себя, куда дѣвались массы хлѣба, скупленныя коммиссіонерами? Гдѣ та провинція, которой они помогли? Говорятъ, что онъ вывозится, и указываютъ, что изъ Сетта вывезено по назначенію въ Тулонъ много хлѣба, тогда какъ туда доставлено очень мало, а остальное количество продано въ Португалію. Утверждаютъ, что подъ предлогомъ возврата хлѣба Женевѣ туда вывезли гораздо больше хлѣба, чѣмъ слѣдовало [1]). Въ другомъ мемуарѣ 1773 года, поданномъ аббату Террэ, въ которомъ излагаются продовольственныя мѣропріятія 1772—1773 года, говорится, что въ предосторожностяхъ, принятыхъ правительствомъ, видѣли только исключительную привилегію, предоставленную частнымъ лицамъ; видамъ, которыми были одушевлены начальники, не отдавали должной справедливости и кричали о монополіи [2]). Эти свидѣтельства современниковъ указываютъ на распространенность тѣхъ обвиненій, которыя впослѣдствіи были сгруппированы подъ названіемъ Pacte de Famine въ Moniteur Universel.

Теперь обратимся къ фактической подкладкѣ этихъ обвиненій, каковою служитъ дѣятельность „хлѣбной коммиссіи" при аббатѣ Террэ. Нравственная физіономія самого аббата Террэ достаточно извѣстна, чтобы объ ней нужно было говорить. Наканунѣ назначенія его въ должность генералъ-контролера его пріятель канцлеръ Мопу писалъ ему: „L'abbé! le Contrôle Général est vacant: c'est une bonne place ou il y a de l'argent à gagner; je veux t'en faire pourvoir [3]).

---

[1]) Мемуаръ, поданный аббату Террэ или въ „хлѣбное управленіе" въ 1772 или 1773 г. Arch. Nat. F" 265. Кто-то, очевидно, позднѣе помѣталъ его „1773 ou 1774". Это ошибка, ибо онъ говоритъ о „послѣднемъ урожаѣ", который почти повсюду неудовлетворителенъ, а таковымъ былъ урожай 1771 и 1772 г. (урожай 1773 года былъ хорошъ), а съ другой стороны, онъ упоминаетъ о событіи, бывшемъ въ ноябрѣ 1772 г., какъ недавнемъ.

[2]) Ibid. Авторъ говоритъ, что „суды (cours) и сами администраторы жаловались и не оказывали содѣйствія" (агентамъ).

[3]) Nourrisson. Trois Révolutionnaires. 1885, стр. 75. Авторъ мемуара, поданнаго Морепа въ августѣ 1774 года, высказываетъ мысль, что аббатъ Террэ предпринялъ большія закупки хлѣба, если не изъ своей личной выгоды, то „pour aire face aux incursions que certaines personnes en grand crédit faisaient sur la bourse du gouvernement. C'est un labirynthe, dans lequel le plus adroit auditeur des comptes se perdrait". Авторъ мемуара очень подозрительно относится къ Террэ, а потому его показаніе мы принимаемъ только къ свѣдѣнію, хотя другіе факты, указанные имъ, подтверждаются изъ иныхъ источниковъ. Arch. Nat. K. 908.

„Хлѣбная коммиссія" (commisiou pour les blés), которую онъ устроилъ, состояла изъ четырехъ государственныхъ совѣтниковъ: Шомонъ де ла Галезьера (Chaumont de la Galaisière), члена бюро торговли, Сартина (Sartines), генералъ-лейтенанта парижской полиціи, впослѣдствіи морского министра, Ла-Мишодьера (la Michodière), прево купцовъ, и Бувара де Фурке (Bouvard de Fourqueux), члена королевскаго совѣта. Составъ этой коммиссіи не внушаетъ никакихъ подозрѣній. Но всѣ эти члены не рѣшали и не обсуждали никакихъ дѣлъ. Они жаловались, что „имъ не сообщаютъ ничего", и въ самомъ дѣлѣ, Террэ преподносилъ имъ дѣло уже тогда, когда оно было совершенно окончено [1]). Какъ видно изъ сохранившейся переписки, вершитель дѣлъ былъ Броше де-Сенъ-Престъ, который оффиціально значился докладчикомъ „хлѣбной коммиссіи". Какъ только Тюрго вступилъ въ должность генералъ-контролера, первымъ дѣломъ онъ прогналъ С.-Преста. Это былъ взяточникъ, разбогатѣвшій во время хлѣбныхъ операцій аббата Террэ. Бодо говоритъ, что скандальныя мошенничества (patricolages)... дали ему возможность выстроить великолѣпный домъ въ два милліона на кладбищѣ главнаго госпиталя (hôpital général) и дѣлаютъ то, что его стерва жена (catin de femme) издерживаетъ ежегодно сорокъ тысячъ экю только на свой столъ, не считая большой игры и другихъ удовольствій; однако, эти люди были безъ рубахи три года назадъ [2]). Надо думать, что Бодо преувеличенно оцѣниваетъ богатства С.-Преста; но что онъ наживался насчетъ хлѣбныхъ операцій, это несомнѣнно. Въ описи бумагъ главныхъ агентовъ правительства по хлѣбнымъ дѣламъ, купцовъ Сорена и Думерга, взятыхъ въ ихъ конторѣ полицейскимъ коммисаромъ Серро (Serreau), Біоллэ нашелъ росписки С.-Преста и его жены на 100,000 ливровъ, взятыхъ ими „взаймы" разновременно изъ суммъ хлѣбныхъ операцій [3]). Изъ того обстоятельства, что Соренъ (Sorin) и Думергъ (Doumerg) платили С.-Престу, Біоллэ выводитъ, что самъ аббатъ Террэ стоялъ внѣ ихъ продѣлокъ и ничего не зналъ о нихъ. Мнѣ кажется, что такой выводъ неоснователенъ [4]).

---

[1]) Foncin. Essai sur le ministère de Turgot, p. 71.

[2]) Chronique secréte de Paris. 14 мая 1774 года. Revne Retrospective, t. III, p. 40.

[3]) Biollay. Pacte de Famine. 195. Arch. Nat. U. 15383. Опись бумагъ, найденныхъ у Сорена и Думерка, составляетъ огромную тетрадь, исписанную мелкимъ почеркомъ. Работа ея составленія взяла нѣсколько недѣль.

[4]) Еще до вступленія своего въ должность генералъ-контролера онъ сдалъ внаймы казнѣ хлѣбный магазинъ въ Ла-Моттъ на 12 лѣтъ за 750 л. и получилъ наемныя деньги, когда былъ генералъ-контролеромъ. Будучи таковымъ, онъ сдалъ внаймы „хлѣбной коммиссіи" свою мельницу за 3000 л. (20 марта

Изъ многихъ современныхъ свидѣтельствъ, собранныхъ Біоллэ относительно Думерга, онъ выводитъ заключеніе, что онъ былъ честнымъ человѣкомъ [1]). Но это опредѣленіе его характера можетъ быть принято лишь въ условномъ смыслѣ. Можетъ быть, между другими подрядчиками онъ и является честнымъ; но Альберъ [2]), который производилъ слѣдствіе надъ Думегромъ и Сореномъ, въ своемъ докладѣ о Тюрго не только не высказывается за ихъ честность, но, напротивъ, весь докладъ его проникнутъ убѣжденіемъ, что они мошенничали. Альберъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что фирма Перруто и сынъ въ Монтобанѣ (коммиссіонеры Сорена и Думерга) казенный хлѣбъ превращала въ крупичатую муку и отправляла ее черезъ Бордо за свой счетъ въ колоніи, и что эта торговля, „какъ надо полагать", велась съ вѣдома и согласія Сорена и Думерга. Альберъ говоритъ: „надо полагать", констатируя въ то же время пропажу писемъ, которыя могли бы доказать это участіе; но ниже мы увидимъ, что Соренъ и Думергъ несомнѣнно были въ компаніи съ Перруто по этому дѣлу, въ которомъ былъ участникомъ и отецъ Думерга, жившій въ Монтобанѣ [3]). Альберъ обвиняетъ ихъ еще въ томъ, что, поручивъ марсельскому купцу Гису (Guis) закупку хлѣба въ Патрасѣ, они на казенныя деньги покупали товаръ, отправляли его туда для продажи за свой счетъ, а убытки ставили на счетъ казны. Наконецъ, онъ доказываетъ, что они считали казнѣ проценты за деньги въ то время, когда у нихъ были на рукахъ казенныя деньги. Этимъ не исчерпываются ихъ нечестные поступки по отношенію къ казнѣ. Послѣ всего указаннаго нельзя ссылаться въ ихъ пользу на то обстоятельство, что Альберъ по окончаніи слѣдствія сдѣлалъ заключеніе объ освобожденіи ихъ изъ Бастиліи. Онъ сдѣлалъ это, какъ онъ самъ говоритъ, на томъ основаніи, что во 1-хъ они достаточно наказаны заключеніемъ въ Бастиліи, и во 2-хъ что если бы ихъ дѣло касалось

1772 г.). Тюрго уничтожилъ этотъ контрактъ безъ всякаго вознагражденія аббата. Arch. Nat. F" 1194 и F" 1195.

[1]) Biollay. Pacte de Famine. 198, въ примѣчаніи.

[2]) Интендантъ торговли, назначенный потомъ въ маѣ 1775 года, послѣ увольненія Лекуара, генералъ-лейтенантомъ парижской полиціи.

[3]) Въ мемуарѣ, написанномъ, очевидно, человѣкомъ, хорошо знающимъ дѣло, которому предлагали взяться за повѣрку счетовъ Сорена и Думерга и который видѣлъ ихъ переписку съ Перруто и сыномъ, приведены выдержки изъ ихъ писемъ и счетовъ, доказывающихъ, что Соренъ и Думергъ были заинтересованы въ предпріятіяхъ Перруто по производству крупичатой муки и торговли ею. Мемуаръ этотъ не подписанъ и не помѣченъ; онъ написанъ или въ концѣ 1774 или въ началѣ 1775 г. для представленія Тюрго, но не непосредственно, а черезъ какое-то важное лицо въ генеральномъ контролѣ. Arch Nat. K. 906, № 34.

частныхъ лицъ, то оно разбиралось бы въ гражданскомъ порядкѣ, что только то обстоятельство, что это была „невѣрность (infidélité) въ исполненіи коммиссіи, данной государствомъ", было причиной разсматриванія ихъ дѣла разсматриваемо съ совершенно иной точки зрѣнія [1]).

Самое обстоятельство, вслѣдствіе котораго возбуждено было противъ нихъ слѣдствіе, внушаетъ подозрѣнія. Въ сентябрѣ 1774 года два рыболова нашли въ Сенѣ, около Сюрена подъ большимъ камнемъ связку бумагъ, которыя оказались относящимися къ операціямъ Сорена и Думерга. Они говорили, что эти бумаги были спрятаны тамъ чиновникомъ С.-Преста. Мудренаго ничего нѣтъ, но, конечно, это было сдѣлано съ ихъ вѣдома и согласія. Еслибы въ ихъ дѣлахъ не было ничего предосудительнаго, то отправлять бумаги въ Сену не представлялось бы надобности [2]).

Нравственный характеръ главныхъ дѣятелей имѣлъ значеніе для направленія и способа веденія хлѣбныхъ операцій, но послѣднія велись не только ими, а массой другихъ лицъ, которыя, конечно, дѣйствовали сообразно съ своими выгодами и, какъ говоритъ одинъ современникъ, продавали хлѣбъ за свой счетъ, когда была прибыль, и за счетъ короля, въ томъ случаѣ, когда продажа была убыточна [3]). Слабая сторона всего дѣла заключалась въ томъ, что для своего успѣха оно требовало услугъ не обыкновенныхъ людей, а „ангеловъ", и въ то же время представляло много соблазна для разнообразныхъ злоупотребленій.

Для выясненія того впечатлѣнія, которое произвели на умы хлѣбныя операціи аббата Террэ, сообщимъ въ общихъ чертахъ, какъ онѣ велись.

Мы знаемъ уже, что аббатъ Террэ и другіе администраторы,

---

[1]) Biollay. Pacte de Famine, p. 205, докладъ 15 іюня 1775 года. Arch. Nat. K. 908.

[2]) Малиссе въ одномъ мемуарѣ, поданномъ аббату Террэ 8 фев. 1771 г., говоритъ, что Дюре (Duré), приказчикъ Думерга въ Корбейлѣ, выставляетъ на показъ свою роскошь; во время послѣдняго карнавала онъ далъ нѣсколько баловъ въ Лавилеттѣ „pour l'amusement du s-r Doumerg et des personnes, qui lui sont agréables". Жена его съ дѣтьми живетъ въ Парижѣ очень широко, хотя ведетъ только маленькую торговлю отрубями. О нравственности самого Думерга онъ не высокаго мнѣнія. Arch. Nat. F" 1194. Авторъ „отвѣта" на мемуаръ Сорена и Думерга говоритъ, что не знаетъ, чему больше удивляться: наглости ли ихъ или безстыдству. На жалобу ихъ на строгость слѣдствія, произведеннаго Альберомъ, онъ отвѣчаетъ: „si un tribunal sevère s'en était melé, ou en seraient-ils?" Arch. Nat. K. 908, № 35.

[3]) Мемуаръ, извлеченіе изъ котораго представлено было Террэ въ 1772 г. Arch. E" 265.

раздѣлявшіе его взгляды, были убѣждены, что свободныя дѣйствія купцовъ приводятъ только къ дороговизнѣ. Поэтому хлѣботорговцы должны были быть подъ строгимъ надзоромъ правительства, и ихъ дѣйствія обстоятельно регламентированы. Интендантъ Парижа Бертье де Совиньи не допускалъ никакого участія даже честныхъ купцовъ въ хлѣбной торговлѣ и говорилъ: пускай эти „честные люди" держатся подальше отъ этого дѣла и предоставятъ его непосредственнымъ сношеніямъ потребителя и производителя. Результатомъ этихъ тенденцій была отмѣна хлѣбныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ и возстановленіе регламентаціи (23 декабря 1770 года). Эти регламенты исполнялись строго, такъ что штрафы и конфискаціи за ихъ нарушеніе составили значительный доходъ, возмѣстившій потерю отъ вывозныхъ пошлинъ, прекратившихся по случаю запрещенія вывоза [1]). Аббатъ Бодо говоритъ въ своемъ дневникѣ, что во исполненіе пункта, обязывавшаго земледѣльцевъ доставлять хлѣбъ на рынокъ, интендантъ Парижа Бертье де Совиньи поставилъ всѣхъ жандармовъ на ноги (лѣтомъ 1774 г.) и отправился въ походъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Парижа, чтобы заставить фермеровъ и земледѣльцевъ („которые имѣютъ дерзость" беречь свой хлѣбъ на сѣмена и на случай неурожая для собственнаго пропитанія) молотить хлѣбъ и везти на рынокъ, когда тамъ хлѣбъ вовсе нейдетъ. Разъ явившись на рынокъ, они должны продать хлѣбъ во что бы то ни стало въ три базара сряду. Что̀ курьезно, прибавляетъ онъ, это—то что въ тоже время Сартинъ не позволяетъ никому покупать хлѣбъ на рынкѣ, такъ какъ онъ хочетъ, чтобы булочники лично являлись на рынокъ, дабы не было никакихъ коммиссіонеровъ [3]). Говоря о примѣненіи регламента (23 декабря 1770 г.), аббатъ Бодо говоритъ, что онъ готовъ биться объ закладъ, что при условіяхъ, созданныхъ имъ для торговли, онъ разоритъ какого угодно купца, оперируя на казенныя деньги [1]), что дѣйствительно и было.

Примѣняя строго регламенты къ частнымъ лицамъ, правительство систематически нарушало ихъ въ пользу своихъ агентовъ. Самымъ неудобоисполнимымъ было требованіе обязательной покупки хлѣба на рынкѣ и запрещеніе совершенія сдѣлокъ внѣ онаго. Что̀ же мы видимъ? Въ Пуату, въ окрестностяхъ Шательро, судьи арестовали въ 1772 году хлѣбъ купца Друэна, купленный имъ внѣ

[1]) Докладъ Обе (Aubé) Делессару для Нэккера о порядкѣ завѣдыванія хлѣбною частью. Іюнь 1777 г. Arch. Nat. E' 265. Суммы, получавшіяся отъ штрафовъ и конфискацій, поступали въ хлѣбную кассу, казначеемъ коей былъ по-прежнему Мирлаво.

[2]) Bodeau. Chronique secréte. 19 іюня 1774 г., стр. 92.

[3]) Nouvelles Ephémerides du Citoyen, t. I, 17, p. 16.

рынка, и продали его. Онъ оказался коммиссіонеромъ Сорена и Думерга, а потому 15 іюля 1772 года Террэ приказалъ сдѣлать раскладку на жителей Шательро, чтобы вознаградить Друэна за убытки. Коммиссіонеръ Монтейль (Monteils) подвергся судебному преслѣдованію въ Родезѣ (Rodez) за то же нарушеніе регламента. Дѣло было изъято изъ вѣдѣнія суда постановленіемъ Совѣта 15 Іюня 1772 года. Въ Бургони купцы Рокъ и Риго, (Roch et Rigaud), коммиссіонеры, покупали хлѣбъ гуртомъ внѣ рынка для передачи этого хлѣба негоціанту въ Ліонѣ Турмашону, тоже коммиссіонеру. Интендантъ запросилъ генералъ-контролера (3 декабря 1772 г.), позволяетъ ли онъ этимъ купцамъ, называющимъ себя коммиссіонерами, покупать хлѣбъ внѣ рынка. Террэ сейчасъ же (8 декабря 1772 г.) отвѣтилъ, „что надо смотрѣть сквозь пальцы на ихъ способъ дѣйствій“ (qu'il fallait fermer les yeux sur leur manière d'operer). Когда въ С.-Жанъ-де-Лонѣ Рокъ подвергся преслѣдованію мѣстныхъ судебныхъ властей за покупки внѣ рынка, дѣло было прекращено по требованію министра.

Въ Лотарингіи Обріо (Aubriot), приказчикъ мецскаго коммиссіонера Зелигмана (Seligmann) подвергся подобному же преслѣдованію въ балльяжѣ Коммерси (23 декабря 1772 г.). Дѣло было прекращено по требованію министра отъ 23 апрѣля 1773 года [1]).

Какъ бы то ни было, судебныя мѣста дѣлали затрудненія, которыя устранять было довольно хлопотливо посредствомъ частныхъ изъятій дѣлъ изъ ихъ вѣдѣнія. „Чтобы отдѣлаться скорѣе, говоритъ Тюрго, отъ всѣхъ этихъ затрудненій и избавить себя отъ необходимости давать приказы генералъ-прокурорамъ и издавать постановленія Совѣта объ изъятіи дѣлъ, выбрали путь короткій: издали 29 октября 1773 года постановленіе Совѣта, передававшее всѣ дѣла по нарушенію пост. Сов. 23 декабря 1770 года вѣдѣнію интендантовъ подъ предлогомъ, что проступки этого рода остаются ненаказуемыми по невозможности для полицейскихъ судей преслѣдованія виновныхъ [2]).

Въ отношеніи каботажа, агенты „хлѣбной коммиссіи“ пользовались тѣми же самыми привилегіями. Въ то время, какъ до изданія закона 14 февраля 1773 года каботажъ былъ совершенно стѣсненъ, а потомъ былъ разрѣшенъ только черезъ нѣкоторые порты, для королевскихъ коммиссіонеровъ всѣ порты были открыты [3]).

---

[1]) Mémoire (de Turgot) sur les lettres patentes concernant le commerce des grains. Octobre, 1774. Къ нему приложено извлеченіе изъ переписки Террэ, въ которой я почерпнулъ упомянутые факты. Arch. Nat. F' 265.

[2]) Ibidem.

[3]) Демонстрація Бордосскаго парламента 31 авг. 1773 г. Arch. Nation. F' 265.

Пользуясь покровительствомъ администраціи, привилегированные купцы (таковыми на самомъ дѣлѣ были коммиссіонеры) допускали и другія злоупотребленія. Тюрго говоритъ, что они покупали, даже не развязывая мѣшка и не глядя товара, и часто давали дороже, чѣмъ просилъ земледѣлецъ. Эти злоупотребленія, говоритъ онъ, доказаны, документы цѣлы. Анонимный авторъ статьи въ Nouvelles Ephémerides du Citoyen разсказываетъ, что въ Туррэни привилегированные купцы дѣлали такъ: „закупивъ на задатки хлѣбъ въ аббатствахъ, у священниковъ и у фермеровъ, они его не принимали отъ нихъ, если цѣна хлѣба понижалась; если продавцы хотѣли заставить ихъ принять хлѣбъ по договоренной цѣнѣ, они отвѣчали, что запрещено покупать хлѣбъ въ складахъ, причемъ изъ предосторожности всегда впередъ забирали количество хлѣба, равноцѣнное задатку, если они таковой давали. Если, напротивъ, хлѣбъ поднимался въ цѣнѣ, и продавцы не хотѣли сдавать его, они всегда получали содѣйствіе властей (main forte) въ какомъ угодно размѣрѣ. Чтò скажешь, чтò сдѣлаешь людямъ, поддерживаемымъ городской полиціей! Авторъ говоритъ, что такія продѣлки творились и въ Мэнѣ, и въ Анжу и извѣстны всѣмъ и каждому [1]). Злоупотребленія при покупкѣ хлѣба сопровождались злоупотребленіями при продажѣ его. Мы упоминали уже, что коммиссіонеры продавали въ свою пользу, когда былъ барышъ, а если оказывался убытокъ, то ставили его на счетъ короля; бывали и другія злоупотребленія при продажѣ хлѣба; вслѣдствіе крайней затруднительности фактическаго контроля, это было дѣломъ обыкновеннымъ [2]).

Въ заключеніе укажемъ на такія крупныя злоупотребленія коммиссіонеровъ, какъ тѣ, которыя происходили въ Лотарингіи и Бургони, въ Марсели, въ Лангедокѣ и Бордо.

Купецъ Фроманъ (Froment) изъ Нанси и упоминавшійся нами Зелигманъ Виттерсгеймъ (Zeligmann Wittersheim) изъ Меца вмѣстѣ покупали въ 1772 и 1773 г. хлѣбъ въ Лотарингіи за счетъ казны по порученію Сорена и Думерга. Между прочимъ, они купили 25,000 maldres (37,500 мѣшковъ по 200 ф., по другимъ извѣстіямъ, они купили 40,000 мѣшковъ) и обратились къ интенданту Де-Каллону съ просьбой о выдачѣ паспортовъ для вывоза этой партіи за-границу.

---

[1]) Bodeau. Nouvelles Ephémerides du Citoyen. 1775, кн. I, стр. 190—196. Бодо называетъ автора chevalier...

[2]) С.-Престъ пишетъ въ докладѣ 26 января 1771 г. по поводу подряда Малиссе, коимъ послѣдній обязывался доставить 40,000 сетье хлѣба въ Корбейль: „M. de Malisset prendra toutes les précautions necéssaires pour obvier les abus qui se commettent de la part des commissionaires chargés des ventes“. Arch. Nat. F″ 1194.

Несмотря на всѣ старанія и несмотря даже на то, что Зелигманъ привезъ изъ Парижа письмо какой-то высокой особы, рекомендовавшей удовлетворить ихъ просьбу, въ паспортахъ имъ было отказано. Тогда они доставили этотъ хлѣбъ въ Грэ и сплавили по Сонѣ въ Ліонъ на имя купца Турмашона [1]). Кромѣ того въ Бургундіи на Сонѣ оперировалъ за счетъ того же Турмашона, агента Сорена и Думерка, купецъ Риго (Rigaud, упоминавшійся въ официіальной перепискѣ; марсельцы пишутъ его Rigod) изъ Шалона. Черезъ своихъ коммиссіонеровъ Бертолона (Bertholon) и Ла-Кура (La Cour) онъ скупалъ хлѣбъ въ Бургундіи и сплавлялъ его въ Ліонъ Турмашону. Отсюда Турмашонъ направилъ 40,000 мѣшковъ въ Швейцарію черезъ таможню Colonge, около Сессель (Sesselles). Часть этого хлѣба была отправлена сухопутьемъ, а часть послана была водою по Ронѣ до того мѣста, гдѣ она перестаетъ быть судоходной [2]). Операціи упомянутыхъ агентовъ на Сонѣ не встрѣчали никакихъ затрудненій, а равно и сплавъ хлѣба по рѣкѣ не встрѣчалъ никакихъ стѣсненій, тогда какъ другіе купцы встрѣчали всевозможныя притѣсненія. Марсельцы жаловались на операціи агентовъ Сорена и Думерга, потому что они лишили ихъ возможности сдѣлать закупки для своего города. Такую же конкуренцію со стороны агентовъ Сорена и Думерга они встрѣтили у себя дома. Упоминавшійся нами марсельскій купецъ Гисъ, дѣйствовавшій въ качествѣ коммиссіонера, не только покупалъ все, что̀ приходило въ городъ, но еще закупилъ впередъ у африканской компаніи 30,000 шаржъ алжирскаго и тунисскаго хлѣба по 35 л. за шаржу со сдачей до урожая 1773 года. Этими операціями онъ сильно поднялъ цѣну, такъ что въ апрѣлѣ 1773 года

---

[1]) Мемуаръ, поданный изъ Марсели 20 апрѣля 1773 г. генералъ-контролеру. Въ „замѣткѣ", приложенной къ этому мемуару безъ числа и подписи, составленной уже въ генеральномъ контролѣ, говорится, что часть этого хлѣба погружена была на Мезѣ подъ предлогомъ отправки его въ Парижъ, а на самомъ дѣлѣ, вывезли его за-границу. Мемуаръ, сохранившійся въ бумагахъ генеральнаго контроля, сообщаетъ, что одинъ коммиссіоперъ путемъ происковъ въ ноябрѣ 1772 года добился паспорта, по которому онъ вывезъ въ Трирь 45,000 maldres (maldre—нѣмецкая мѣра, употреблявшаяся въ Эльзасѣ какъ ⁴/₃ сетье), которыя онъ раньше запродалъ тамошнимъ купцамъ. Mémoire sur les subsistances. 1773. E″ 265. Это, вѣроятно, относится къ той же операціи Зелигмана. Arch. Nat. K. 908.

[2]) Отправка хлѣба въ Швейцарію констатируется, во-первыхъ, марсельскимъ мемуаромъ (20 апрѣля 1773 г.), замѣткой, о которой мы упоминали, и мемуаромъ, поданнымъ Морепа въ августѣ 1774 года. Авторъ послѣдняго говоритъ, что этотъ вывозъ сдѣланъ подъ предлогомъ возвращенія Женевѣ 20,000 квинталовъ (или anées, какъ говоритъ ошибочно авторъ) и что въ реестрахъ таможни Colonge онъ записанъ. Онъ совѣтуетъ взять справку. Ibid.

алжирскій хлѣбъ продавался въ Марсели по 37 л., тунисскій 35 л. 10 с., а провансальскій по 50 л. шаржа [1]).

За отсутствіемъ возможности получить хлѣбъ съ Востока, вслѣдствіе русско-турецкой войны, за отсутствіемъ свободнаго хлѣба Африканской компаніи у марсельцевъ оставался еще рессурсъ въ Лангедокѣ. Но тутъ они наткнулись на конкуренцію извѣстной намъ фирмы Перруто и сына. Ставъ коммиссіонерами по покупкѣ хлѣба за счетъ короля и войдя въ тоже время въ компанію съ Сореномъ и Думергомъ, и Думергомъ-отцомъ, они строятъ въ Лиль-Альби (l'Jsle-Alby на Тарнѣ) и въ Гальякѣ (Gaillac) двѣ крупчатки (въ 1773 году) и ведутъ черезъ Бордо большую мучную торговлю, отправляя крупичатую муку во французскія колоніи въ Америкѣ. Весь барышъ предпріятія шелъ въ ихъ карманъ, а съ казны они получали коммиссіонныя по покупкѣ пшеницы перваго сорта, которую они замѣняли плохимъ зерномъ, а потомъ его и продавали за счетъ казны, тоже беря за это коммиссіонныя [2]). При такихъ благопріятныхъ условіяхъ они могли широко вести свои операціи и покупать хлѣбъ дороже, чѣмъ частные купцы, имѣя притомъ всегда въ распоряженіи готовыя деньги. Марсельцы въ своемъ мемуарѣ говорятъ, что купцы Дельпоръ (Delport), Мерсери (Mercery) и Депейръ (Depeyre) изъ Тулузы покупали за счетъ Сорена и Думерга, не торгуясь, и платили траттами изъ Бордо на Перруто и сына въ Монтобанѣ, а послѣдній трассировалъ на Сорена и Думерга въ Парижѣ. Дошедшія до насъ свѣдѣнія о счетахъ Перруто указываютъ на значительность операцій по торговлѣ крупичатой мукой. Счетъ съ 4 января 1773 года по 12 августа того же года имѣетъ итогъ въ 643,472 л. 10 с. и 6 д. Другой счетъ съ 12 сентября 1772 года по 14 сентября 1773 г. заключенъ съ итогомъ 1,021,000 л., счетъ съ 14 октября 1773 г. по апрѣль 1774 г. даетъ цифру 63,315 л. [3]).

[1]) Мемуаръ изъ Марсели 20 апрѣля 1773 г. К. 908. Авторъ мемуара, поданнаго Морена, говоритъ, что 200,000 мѣръ (mesures), разрѣшенныхъ въ 1773 году алжирскимъ деемъ къ вывозу африканской компаніи для снабженія Прованса, были вывезены въ Лиссабонъ, и прибавляетъ, что Тюрго знаетъ подробности этого дѣла (Ibid.). Шаржа—мѣра хлѣба, употреблявшаяся преимущественно въ Провансѣ. Марсельская шаржа равна 300 ф. мѣстнымъ или 250 ф. вѣса парижскаго.

[2]) Эта махинація устанавливается: 1) показаніемъ приказчика Перруто въ Лиль-Альби Перконталя, что королевскій хлѣбъ брался на муку; 2) перепиской Перруто съ Сореномъ, которую видѣлъ авторъ отвѣта на мемуаръ Сорена и Думерга; 3) счетами, найденными субъ-делегатомъ интенданта Лангдока въ Монтобанѣ у Перруто, и 4) докладомъ марсельцевъ, которые не знали, что Соренъ и Думергъ въ самомъ дѣлѣ агенты короля и, наконецъ, 5) докладомъ Альбера. К. 908.

[3]) Arch. Nat. K. 908. № 34. Observations (по дѣлу Сорена) и Réponse au

Таковы главныя злоупотребленія агентовъ Сорена и Думерга, которыя, само собою разумѣется, производили сильное впечатлѣніе на публику уже одной грандіозностью своихъ размѣровъ. Марсельцы говорятъ въ заключеніе своего мемуара: „если Соренъ и Думергъ дѣйствуютъ отъ себя, то имъ надо запретить ихъ операціи якобы за счетъ короля, но если они въ самомъ дѣлѣ дѣйствуютъ за счетъ короля, то надо приказать имъ дѣйствовать осторожнѣе и имѣть разсудительныхъ коммиссіонеровъ, а не авантюристовъ“.

Кому же было сдержать ихъ, когда главный контролеръ ихъ дѣйствій С.-Престъ былъ ими купленъ? Въ 1773 и 1774 году они составили планъ еще бо́льшаго расширенія своихъ дѣйствій. Они предлагали взять на себя поставки хлѣба на армію и флотъ и, понятно, предложили такія выгодныя условія, какихъ никто не могъ представить. Считая дѣло почти конченнымъ, они, въ видѣ продовольственной мѣры, сплавили въ Марсель за счетъ казны значительное количество ржи, которая потомъ могла служить для поставки въ мѣстныя войска и флотскіе экипажи, но никакъ не могла имѣть значенія для мѣстныхъ жителей, ибо послѣдніе ржи не потребляли [1]). Проектъ ихъ провалился въ началѣ царствованія Людовика XVI [2]).

Всѣ злоупотребленія, соединенныя съ системой покупать дороже, а продавать дешевле или, по большей мѣрѣ, по своей цѣнѣ, имѣли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ парализаціи частной хлѣбной торговли, начавшей организоваться подъ вліяніемъ хлѣбныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Свидѣтельства современниковъ на этотъ счетъ единодушны. Парламентъ Бордо въ своемъ представленіи 31 августа 1773 года жалуется на полное паденіе хлѣбной торговли вслѣдствіе регламентаціи и еще болѣе вслѣдствіе дѣятельности коммиссіонеровъ, которые пользовались полной свободой дѣйствія [3]).

Архіепископъ Экса въ письмѣ отъ 8 октября 1773 года генералъ-контролеру говоритъ: „продовольственныя мѣры вредны, когда торговля дѣйствуетъ, но теперь, когда она *совершенно убита*, эти мѣры необходимы“ [4]). Самъ аббатъ Террэ въ своемъ циркулярѣ

Mémoire der s-r Sorin et Doumerg Ib. № 35. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли эти счеты, выписки изъ которыхъ приведены авторомъ (или авторами) этихъ документовъ.

[1]) Observations и „Réponse au Mémoire“. K. 908.

[2]) Аббатъ Бодо зналъ объ этомъ проектѣ. Онъ говоритъ, что аббатъ Террэ представилъ его королю Людовику XVI, „который очень не любитъ эти плутни съ хлѣбомъ“. Онъ передалъ этотъ проэктъ на разсмотрѣніе Морепа. Послѣ его замѣчаній проэктъ былъ положенъ въ конвертъ и отосланъ аббату безъ всякаго отвѣта. Bodeau. Chron. secréte. Revue Rétrospective, т. I, p. 293.

[3]) Arch. Nat. F. 265.

[4]) Архіепископъ Экса (Jean de Dieu Raymond de Boisgelin de Cusé) по-

отъ 27 сентября 1773 года къ интендантамъ косвенно признаетъ, что хлѣбная торговля остановилась, и объявляетъ, что теперь (т.-е. въ наступившемъ сельско-хозяйственномъ году) „снабженіе провинцій произойдетъ путемъ торговли безъ опасенія конкурренціи со стороны правительства, которое обвиняли въ томъ, что оно остановило внутреннюю и внѣшнюю торговлю“ [1]).

Это заявленіе, а равно и такое же точно, сдѣланное на другой день въ письмѣ архіепископу Экса, были совершенно ложны. Въ это время уже былъ составленъ планъ продовольственныхъ предпріятій на 1773—74 годъ, по которому было предположено, кромѣ закупокъ внутри королевства, доставить изъ-за границы 700,000 сетье [2]). И на самомъ дѣлѣ, хлѣбныя операціи правительства не прерывались и продолжались въ 1773—74 году, какъ нельзя лучше. Очевидно, самъ аббатъ Террэ и въ этомъ году, какъ и всегда, держался того воззрѣнія, что дѣятельность частной торговли причиняетъ только зло. Видя, что, несмотря на столько усилій, употребленныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ, дороговизна все же велика, онъ спрашиваетъ интендантовъ, не происходитъ ли это отъ того, что „свобода торговли слишкомъ велика, и что ею занимается слишкомъ много лицъ и притомъ богатыхъ“ и что „землевладѣльцы и фермеры такъ разбогатѣли, что не торопятся съ продажами“ хлѣба. Это онъ говоритъ въ томъ же циркулярѣ, въ которомъ объявляетъ, что отнынѣ снабженіе провинцій произойдетъ при посредствѣ торговли [3]).

Упадокъ торговли, какъ результатъ продовольственныхъ мѣропріятій правительства, въ свою очередь, вызывалъ все большее расширеніе послѣднихъ. Размѣры ихъ при Террэ были гораздо значительнѣе, чѣмъ при Лаверди: они раскинулись по всей Франціи и потребовали большихъ денегъ. Интересъ коммиссіонеровъ вліялъ также на расширеніе операціи. Они получали 2% коммиссіи съ суммы по-

---

далъ въ сентябрѣ 1773 года мемуаръ, въ которомъ доказывалъ вредъ запрещенія каботажа чрезъ Марсель. Въ отвѣтъ на этотъ мемуаръ Террэ писалъ ему (28 сентября 1773 года), что торговля будетъ пользоваться полной свободой и что правительство не будетъ принимать продовольственныхъ мѣръ, которыя бы ее стѣсняли. Письмо архіепископа Экса было отвѣтомъ на это заявленіе министра. Arch. Nat. F[11] 265.

[1]) Ib. F[11] 265.

[2]) Мемуаръ о хлѣбныхъ операціяхъ, составленный, вѣроятно, въ августѣ 1773 г. Ibid.

[3]) Съ правдой аббатъ Террэ не церемонился. Въ докладѣ „хлѣбной коммиссіи“ въ декабрѣ 1771 года онъ говорилъ, что вотъ уже годъ продовольствіе производится хлѣбомъ, покупаемымъ только за-границей. А изъ счетовъ Думерга видно, что съ 24 августа 1770 года по 1 сентября 1771 года внутри Франціи куплено хлѣба на 2,789,849 л. и изъ его собственныхъ циркуляровъ

купки и столько же съ суммы продажи хлѣба. Естественно было имъ стараться развить дѣло столь прибыльное [1]).

Операціи велись такимъ образомъ. Когда виды на урожай выяснялись, интенданты доставляли свѣдѣнія объ урожаѣ и соображенія о положеніи подвѣдомственныхъ имъ провинцій относительно продовольствія. Сообразно съ этими свѣдѣніями главные агенты составляли планъ компаніи на предстоящій годъ и представляли его на утвержденіе генералъ-контролера. Кромѣ того интенданты доставляли періодически вѣдомости о цѣнахъ хлѣба, которыя также служили указаніями для направленія операцій.

Тюрго говорилъ, что свѣдѣнія эти и невѣрны, и несвоевременны для того, чтобы ими можно было руководствоваться при производствѣ торговыхъ операцій. Операціи аббата Террэ страдали этимъ недостаткомъ. Такъ, свѣдѣнія генеральнаго контроля о состояніи урожая 1772 года были довольно успокоительны и хлѣбное управленіе не предполагало дѣлать большихъ закупокъ. Потомъ оказалось, что неурожай очень силенъ въ Гіэни. Для удовлетворенія этой надобности закупили хлѣбъ сразу въ Марсели, гдѣ предполагался большой излишекъ. На самомъ дѣлѣ его не оказалось; вслѣдствіе этого цѣна хлѣба въ Провансѣ сильно поднялась. Пришлось хлопотать о продовольствованіи этой провинціи. Правительство послало уполномоченнаго купца въ Сицилію, который дѣйствовалъ какъ будто отъ себя и доставилъ хлѣбъ въ Марсель. Съ другой стороны, коммиссіонеры сплавили туда хлѣбъ даже изъ Лотарингіи. Выше мы видѣли, съ какими злоупотребленіями была связана эта послѣдняя операція, которая къ тому же запоздала. Въ концѣ-концовъ, и Провансъ, и Гіэнь жаловались на дороговизну. Парламентъ Бордо говорилъ, что хлѣбъ доставлялся въ Гіэнь испорченный и что коммиссіонеры не принесли провинціи никакой пользы. Между тѣмъ покупки правительства внутри страны, говоритъ современникъ, „вызывали крики о монополіи. Какъ бы ни были несправедливы эти крики и лишены основанія, они произвели броженіе, которое, разъ начавшись, успокоивается съ трудомъ“. Далѣе онъ говоритъ, что это вызвало ложный недостатокъ хлѣба вслѣдствіе страха купцовъ, сообщавшагося публикѣ; послѣдствія были тѣ же самыя, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ хлѣба не

видно, что закупки въ широкихъ размѣрахъ производились во всей странѣ. Biollay. Pacte de Famine, стр. 187.

[1]) Кромѣ своей коммиссіи они ставили еще столько же въ видѣ коммиссіи ихъ агентовъ, такъ что правительство платило всего 8 проц. съ оборота. Arch. Nat. K. 908, № 35.

было. Такова, говоритъ онъ, картина операцій, бывшихъ съ сентября 1772 года по іюль 1773 года [1]).

Въ 1773—74 году произошло обратное явленіе. Ураганъ 19 августа, разразившійся надъ Провансомъ и испортившій урожай, сильно поднялъ цѣны, такъ что въ сентябрѣ хлѣбъ „Африканской компаніи", привозившей его изъ Алжира и Туниса [2]), стоилъ въ Марсели 38 л. за шаржу; съ доставкой внутрь провинціи онъ могъ обойтись, смотря по разстоянію, до 48 л. шаржа. Хлѣбъ мѣстнаго происхожденія доходилъ до 45 и 51 л. за шаржу. Это цѣны страшныя, особенно для сентября мѣсяца [3]). Изъ другихъ мѣстъ свѣдѣнія тоже были неутѣшительныя. Вслѣдствіе этого сдѣланы были значительныя покупки за-границей, не считая закупокъ внутри страны [4]). Посланы были заказы даже въ Америку. Но принятыя мѣры оказались излишними. Прибывшія партіи хлѣба не находили помѣщенія. Поэтому правительство потерпѣло большіе убытки. Чтобы хоть нѣсколько уменьшить ихъ, аббатъ Террэ приказалъ отправить въ Англію прибывшую изъ Америки муку. Кромѣ этого, Соренъ и Думергъ по собственному усмотрѣнію отправили туда же три корабля съ хлѣбомъ. Эти факты очень важны для пониманія нѣкоторыхъ моментовъ въ легендѣ о Pacte de Famine.

Фактъ отправки трехъ кораблей хлѣба въ Англію установленъ слѣдствіемъ, произведеннымъ Альберомъ надъ Сореномъ и Думергомъ. Въ своемъ докладѣ онъ говоритъ, что этотъ вывозъ произведенъ разновременно; относительно двухъ кораблей они сослались на одобреніе этой мѣры аббатомъ Террэ. Но это одобреніе дано было уже послѣ того, когда хлѣбъ былъ вывезенъ и „легко замѣтить, говоритъ Альберъ, что министръ, соглашаясь дать просимое одобреніе этой

---

[1]) Мемуаръ въ бумагахъ генеральнаго контроля, составленный въ 1773 г. Ремонстрація бордосскаго парламента. Arch. Nat. F" 265.

[2]) Африканская компанія была образована еще въ концѣ XVI в., въ началѣ XVIII она получила исключительное право торговли съ варварійскими владѣніями; въ 1741 году она была замѣнена новою, которая и существовала до революціи.

[3]) Мемуаръ архіепископа Экса, посланный Террэ въ сентябрѣ 1773 г. Цѣна въ 45 л. за шаржу была въ Дигѣ (Digue), а въ 51 л. въ Грассѣ (Grasse). Arch. Nat. F" 265.

[4]) Предположено было купить частью въ Италіи, частью въ Польшѣ 700,000 сетье и распредѣлить ихъ: въ Гавръ и Руанъ—180,000, С.-Мало—30,000, Брестъ—10,000, Нантъ—20,000, Ларошель—10,000. Бордо—200,000, Байону—10,000, Дюнкирхенъ—40,000, Провансъ—200,000. Мемуаръ, составленный въ августѣ или сентябрѣ 1773 г. Ibid. Изъ баланса на 12 сентября 1774 г. видно, что куплено было на 9.548,040 л., а продано всего на 2.982,803 л. Biollay Pacte de Famine, p. 201.

мѣры послѣ того, какъ она уже была совершившимся фактомъ, желалъ только покрыть своимъ приказомъ уже допущенную неправильность“ (faute). Что касается вывоза третьяго корабля, то въ оправданіе его они никакого приказа представить не могли [1]). Выше мы видѣли, что бывали и другіе случаи вывоза хлѣба, хотя вывозъ его и былъ строжайше запрещенъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Въ 1775 году Кондорсе писалъ: „еще недавно, когда вывозъ былъ запрещенъ закономъ, онъ былъ разрѣшаемъ привилегированнымъ лицамъ секретными приказаніями“ [2]).

Благодаря самой системѣ дѣйствій столько же, какъ и злоупотребленіямъ, потери казны на хлѣбныхъ операціяхъ аббата Террэ были весьма значительны. Тюрго говоритъ въ своемъ мемуарѣ, представленномъ парламенту въ 1774 году, что потери эти съ октября 1770 года по августъ 1774 года выразились цифрой 14,350,000 л. [3]). Составляя свой счетъ, Тюрго не имѣлъ въ виду наличности хлѣба, который былъ потомъ проданъ за четыре милліона, такъ что убытокъ долженъ быть сокращенъ, хотя и не на всю эту сумму, такъ какъ въ счетъ Тюрго не вошли многіе расходы хлѣбнаго управленія [4]).

Эти значительныя потери были не безвыгодны для завѣдывающихъ хлѣбными операціями и коммиссіонеровъ. Они получали 2 % коммиссіи съ суммы покупокъ и столько же съ продажъ, не считая ихъ расходовъ. Не говоря о побочныхъ доходахъ, которые тоже были не маленькими, ихъ законное вознагражденіе составило только по 1

---

[1]) Мука въ Америкѣ была заказана въ 1771 году; она пришла очень поздно, когда цѣны пали, а потому часть ея была вывезена за-границу. Biollay. Pacte de Famine, p. 201.

[2]) Condorcet. Lettre d'un Laboureur de Picardie (ed. Guillaumin, t. I) p. 489.

[3]) Эта цифра составляется изъ слѣдующихъ статей: 1) pour le grand approvisionnement—11.000,000; 2) par supplément pour la Guienne—200,000; 3) pour un autre approvisionnement, grains d'Italie—2,450,000; 4) pour la Franche-Comté—250,000; 5) pour la Lorraine—150,000; 6) en bled de Champagne pour Paris par Mallisset—300,000; всего же 14.550,000 л. F[v] 265. Потери только за часть 1770 г. и за 1771 годъ составили 1.900,000 л. Обороты за это же время до 30 сентября 1771 года составляли: покупки за-границей на 5.416,996 л., внутри страны—2.799,809 л., а съ расходами все составило сумму около 10.000,000 л за время меньше чѣмъ полтора года. Biollay. Pacte de Famine, p. 200.

[4]) Мемуаръ (Aubé) 1777 года говоритъ, что казначей хлѣбной кассы Роганъ, замѣнившій въ 1774 году Мирлаво, занимался возвратомъ суммъ, истраченныхъ Сореномъ и Думергомъ на хлѣбъ. Этотъ возвратъ составилъ 4—5 милліоновъ, изъ которыхъ большая часть поступила въ кассу, а часть пошла на нужды хлѣбнаго управленія по приказамъ администраторовъ. Arch. Nat. F[v] 265.

января 1772 года сумму 3,300,000 л., что составляетъ болѣе 200,000 л. въ годъ [1]).

Оказывается, что только главные агенты правительства и ихъ подручные коммиссіонеры и остались въ барышахъ отъ продовольственныхъ мѣропріятій правительства, потому что потребители отъ этого ничего не выиграли. Тюрго говоритъ въ своемъ мемуарѣ, что „дороговизна послѣднихъ лѣтъ была вызвана продовольственными мѣропріятіями правительства, простиравшимися на все государство". Бордоскій парламентъ заявлялъ, что Гіэнь не извлекла никакой пользы отъ затратъ, которыя сдѣланы были на ея продовольствіе [2]). Современники спрашивали, какая провинція получила помощь отъ хлѣбныхъ операцій правительства, и не находили отвѣта на этотъ вопросъ. Можно было бы указать на Лимузенъ и Ангумуа; но эти провинціи получили денежную помощь правительства, которая, благодаря разумному употребленію и самоотверженной энергіи Тюрго, принесла свою пользу именно потому, что онъ не держался той системы, которой держался аббатъ Террэ.

Таковы были въ главныхъ чертахъ тѣ хлѣбныя операціи, которыя дали поводъ публикѣ обвинять правительство въ спекуляціяхъ хлѣбомъ съ цѣлью барыша. Теперь мы можемъ, сравнивая эти обвиненія съ дѣйствительностью, представить себѣ довольно ясно поводы общественныхъ толковъ и опредѣлить, что̀ въ нихъ было истиннаго. Молва обвиняла правительство, что оно спекулируетъ на повышеніе. Впослѣдствіи къ этимъ спекуляторамъ присоединили и самого короля.

Мы видѣли, что правительство не только не спекулировало на повышеніе, а несло значительныя потери: оно, можно сказать, спекулировало на пониженіе. Но эти самыя спекуляціи производили обратный результатъ, такъ что фактически было почти все равно, какъ еслибы оно спекулировало на повышеніе.

Говорили, что существуетъ правительственная компанія монополистовъ, захватившая въ руки всѣ хлѣбныя операціи страны.

---

[1]) Вычисленіе Біоллэ, стр. 200. Оно гораздо ниже дѣйствительности, потому что, во-первыхъ, наиболѣе значительные обороты были въ 1773 году, во-вторыхъ, они ставили на счетъ еще коммиссію своихъ агентовъ (2 проц. съ покупки и 2 проц. съ продажи), въ-третьихъ, они вели большую торговлю мукой, о которой мы упоминали выше, и въ-четвертыхъ, они выигрывали на казенныхъ деньгахъ, пуская ихъ въ свои обороты и считая себѣ съ казны процентъ на эти самыя деньги. Такъ, 30 апрѣля 1771 г. они получили изъ казны 45,000 ф., а на другой день они уже считали проц. казнѣ, какъ будто у нихъ денегъ не было (докладъ Альбера).

[2]) Arch. Nat. F. 265.

Такой компаніи не было. Мы знаемъ, что существовала компанія хлѣботорговцевъ, ставшихъ, благодаря извѣстнымъ условіямъ, почти монополистами; но она дѣйствовала весьма недолго и операціи ея не простирались на все государство. Но несомнѣнно, что при аббатѣ Террэ масса привилегированныхъ агентовъ правительства поставлены были въ такое положеніе, что они монополизировали хлѣбную торговлю въ значительной мѣрѣ и извлекали изъ этого значительныя выгоды. Аббатъ Террэ и люди, державшіеся съ нимъ однихъ воззрѣній на хлѣбную торговлю, приходили въ ужасъ отъ возможности *захвата* хлѣба частными купцами. Чтò-же они сдѣлали? Они замѣнили ихъ тѣми же купцами, только привилегированными, съ которыми конкуренція была невозможна. Держась воззрѣній чуть не XV вѣка, они старались возстановить тѣ условія, въ которыхъ стояли потребитель и производитель, когда еще не было очень крупныхъ центровъ, когда даже въ Парижѣ множество гражданъ сами возили зерно на мельницу, сами пекли себѣ хлѣбъ, когда типомъ купца былъ blatier (мелкій хлѣботорговецъ), когда такіе купцы какъ „grainiers", были еще рѣдкостью, а о такихъ спеціалистахъ, какъ „fariniers" и слыхомъ не слыхивали [1]). Возстановляя для частныхъ купцовъ, изъ опасенія ихъ монополіи, регламенты стародавняго времени, правительство волей-неволей должно было освободить отъ ихъ соблюденія тѣхъ купцовъ, которые стали его агентами, и тѣмъ, конечно, только усиливало ихъ монопольное положеніе и возбуждало подозрѣніе относительно своего участія въ ихъ злоупотребленіяхъ. Такъ какъ дѣйствія правительства старались держать подъ покровомъ тайны, а отдѣльныя части ихъ выходили наружу, то для общественной фантазіи было открыто широкое поле, и она дошла до тяжкихъ обвиненій, не щадившихъ даже главы государства.

Говорили о вызовѣ хлѣба то въ Португалію, то въ Швейцарію, то на острова Джерсей и Гернсей, въ послѣднемъ случаѣ съ цѣлью обратнаго ввоза его, когда дороговизна достигнетъ высшей точки.

Подобной системы не было; но эти толки, какъ читатель легко догадается, имѣли своимъ поводомъ тѣ случаи вывоза хлѣба, которые дѣйствительно были, но которые имѣли цѣлью избавить казну отъ бòльшихъ убытковъ, а въ иныхъ случаяхъ были результатомъ зло-

---

[1]) Delamare. Traité de Police, т. II, p. 61. Онъ еще не знаетъ „farinier", т.-е. купца, торгующаго спеціально мукою. Онъ только знаетъ blatier, мелкаго торговца, который торгуетъ только хлѣбнымъ зерномъ, и grainier, торгующаго всякимъ зерномъ и ведущаго болѣе крупныя операціи. Изъ нѣкоторыхъ бумагъ генеральнаго контроля семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка видно, что „мучники" составляли тогда явленіе сравнительно новое.

употребленій. Никакихъ „адскихъ махинацій“ эти факты подъ собою не имѣли. Но, повторяемъ, публика ничего не знала. По пословицѣ: „шила въ мѣшкѣ не утаишь“, случаи вывоза становились извѣстными публикѣ въ видѣ неопредѣленныхъ слуховъ. Куда вывезли? Сколько вывезли? Почему вывезли? Ничего этого незнали, а потому и фантазировали свободно на данную тему. Но, какъ мы видѣли въ другихъ случаяхъ, такъ и тутъ въ основѣ фантазіи были конкретные факты.

И такъ, Pacte de Famine не существовалъ въ смыслѣ организованнаго правительствомъ общества съ цѣлью спекулировать на народный голодъ.

Легенда о немъ не есть дѣло рукъ революціонеровъ, какъ это утверждаетъ Боръ въ своей исторіи Pacte de Famine. Она не принадлежитъ исключительно Ле-Прево, котораго ошибочно называютъ единственнымъ свидѣтелемъ и авторомъ статей въ Moniteur'ѣ (Боръ и Біоллэ).

Статьи въ „Moniteur Universel“ служатъ главнымъ источникомъ легенды о Pacte de Famine въ томъ видѣ, какъ она явилась въ литературѣ и исторіографіи XIX вѣка; но сами эти статьи коренятся въ преданіи, сложившемся раньше.

Преданіе это есть продуктъ общественной фантазіи, разыгравшейся на почвѣ реальныхъ фактовъ, каковы спекуляціи компаніи Малиссе и особенно хлѣбныя операціи аббата Террэ и его главныхъ сотрудниковъ.

Парижъ 1890.

Политическая экономія и теорія историческаго процесса [1].

Н. И. Карѣева.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій нашего Общества мною былъ прочитанъ рефератъ о разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки, въ которомъ мнѣ пришлось коснуться вопроса о томъ, что могли бы или должны были бы дать разныя научныя спеціальности для теоріи историческаго процесса. Тема объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ весьма интересна, но она очень мало разработана. Занимаясь вообще теоріей и философіей исторіи, я поставилъ въ число своихъ задачъ постепенную разработку этой темы въ видѣ небольшихъ статей и рефератовъ, въ коихъ разсматривалась бы та или иная частность общаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ исторіи и другихъ наукъ. Съ такою цѣлью была написана мною прежде всего статья подъ заглавіемъ „Юриспруденція и теорія историческаго процесса", прочитанная въ видѣ реферата въ одномъ изъ весеннихъ засѣданій московскаго Юридическаго Общества и напечатанная потомъ въ его органѣ. Вопросъ о томъ, чего могла бы желать и требовать теорія исторіи отъ психологіи, послужилъ предметомъ другой статьи „Къ вопросу о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса", напечатанной въ „Вопросахъ философіи и психологіи", но предварительно также читавшейся, какъ рефератъ, и затѣмъ обсуждавшейся въ московскомъ Психологическомъ Обществѣ [2]).

---

[1]) Краткое изложеніе этой статьи было сдѣлано въ формѣ реферата съ тезисами въ XVI засѣданіи Историческаго Общества 13 февраля 1891 г.

[2]) Статья о разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки была помѣщена первоначально въ III книгѣ „Русской Мысли" за 1890 г., а потомъ перепечатана въ I томѣ „Историческаго Обозрѣнія" съ дополненіями, заимствованными главнымъ образомъ изъ двухъ другихъ только-что ука-

Къ этой же категоріи работъ относится и настоящая, имѣющая цѣлью выяснить (конечно, въ общихъ только чертахъ и лишь съ принципіальной точки зрѣнія) взаимныя отношенія исторіи и политической экономіи, но главнымъ образомъ въ виду задачъ теоретическаго понимания того, что составляетъ сущность историческаго процесса. Съ тою же цѣлью, съ какою указанныя статьи читались мною въ упомянутыхъ ученыхъ обществахъ, изложено было содержаніе и настоящей статьи въ Историческомъ Обществѣ, съ цѣлью именно провѣрить свои положенія въ бесѣдѣ съ спеціалистами, вызвать съ ихъ стороны замѣчанія, дополненія и литературныя указанія.

I.

Все, что носитъ названіе культурныхъ и соціальныхъ явленій, изучается, съ одной стороны, исторіей, съ другой, разными спеціальными науками, въ числѣ коихъ находится и политическая экономія. Между нѣкоторыми изъ этихъ наукъ и исторіей долгое время совсѣмъ почти не было точекъ соприкосновенія, такъ какъ исторія долгое время не захватывала въ кругъ своего вѣдѣнія изучаемые ими предметы, а сами эти науки разсматривали свои явленія большею частью внѣ ихъ отношенія къ исторіи и ихъ историческаго значенія. Только около ста лѣтъ тому назадъ началось сближеніе исторіи съ отдѣльными науками, изучающими культурно-соціальный міръ человѣка, причемъ по отношенію къ однѣмъ оно происходило раньше, по отношенію къ другимъ позднѣе, но во всѣхъ случаяхъ оно совершалось обыкновенно аналогичнымъ путемъ, который былъ двоякій: съ одной стороны, въ изученіе предметовъ, коими занимаются указанныя науки, вносилась историческая точка зрѣнія, а съ нею и историческій методъ, съ другой—историки начинали обращать вниманіе на явленія, до того времени разсматривавшіяся только теоретически. Въ первомъ отношеніи происходившая въ разныхъ областяхъ знанія перемѣна имѣла то значеніе, что явленія, бравшіяся, такъ сказать, въ неподвижномъ бытіи, начинали изучаться въ своемъ историческомъ развитіи, и, наприм., теоріи права или литературы, или экономическихъ явленій, считавшіяся обязательными для всѣхъ эпохъ и народовъ, уступали мѣсто теоріямъ, въ которыхъ на первый планъ выдвигалась идея обусловленности

занныхъ статей, помѣщенныхъ въ № 7—8 „Юридическаго Вѣстника" и въ № 4 „Вопросовъ философіи и психологіи" за 1890 г. Въ первомъ же томѣ „Историческаго Обозрѣнія" см. особую статью о взаимныхъ отношеніяхъ исторіи и философіи.

юридическихъ или литературныхъ, или хозяйственныхъ явленій извѣстнымъ временемъ и извѣстнымъ мѣстомъ. Этимъ вносилась въ прежнее теоретическое изученіе поправка, поправка съ весьма важными результатами для общихъ взглядовъ на сущность и внутреннія отношенія упомянутыхъ сферъ народной жизни, хотя, какъ мы увидимъ, на первыхъ порахъ поправка стремилась обыкновенно упразднить и вполнѣ законныя точки зрѣнія прежнихъ теорій, далекихъ отъ историческаго отношенія къ своимъ объектамъ. Несомнѣнно важное значеніе имѣло и обращеніе историковъ къ праву, къ произведеніямъ литературы, къ хозяйственной жизни, которыми занимались раньше одни только профессіональные юристы, эстетики и экономисты: по мѣрѣ того, какъ историки пріобщали къ старымъ предметамъ своихъ занятій тотъ или другой новый предметъ, ихъ умственный кругозоръ расширялся, они шире захватывали жизнь народа, все глубже и глубже начинали проникать въ ея тайники, хотя и здѣсь дѣло не обходилось безъ односторонностей и увлеченій. Эти послѣднія мы можемъ обнаружить и въ томъ направленіи исторической науки, которому позволительно дать названіе экономическаго, подобно тому какъ и въ самой политической экономіи такъ-называемая историческая школа грѣшитъ въ смыслѣ нѣкоторыхъ крайностей, съ какими въ ней проводится историческая точка зрѣнія.

Историческое направленіе въ экономической наукѣ и экономическое въ исторической относятся къ числу явленій сравнительно позднихъ. Сближенію между исторіей и политической экономіей предшествовало сближеніе исторіи съ другими науками, и въ этомъ отношеніи весьма любопытными примѣрами являются перемѣны, совершившіяся въ изученіи права и литературы, двухъ сферъ соціально-культурной жизни, играющихъ въ ней весьма видную роль и потому рано сдѣлавшихся самостоятельными предметами теоретической обработки. Нѣкоторыя явленія, возникшія на почвѣ двусторонняго сближенія между исторіей и политической экономіей, имѣли поэтому прецеденты въ тѣхъ фактахъ, которые получили мѣсто въ болѣе раннихъ попыткахъ внести историческій методъ въ теоретическое изученіе разныхъ сферъ народной жизни и включить эти самыя сферы въ кругъ занятій исторіи. Поэтому если историческая школа въ политической экономіи и экономическое направленіе въ исторической наукѣ дѣлаютъ нѣкоторыя ошибки, то въ ошибкахъ этихъ мы видимъ какъ бы повтореніе односторонностей и увлеченій, знакомыхъ намъ по другимъ примѣрамъ. Самое повтореніе однѣхъ и тѣхъ же ошибокъ въ разныхъ научныхъ направленіяхъ, указывая на дѣйствіе нѣкоторыхъ общихъ причинъ, можетъ служить иллюстраціей къ тѣмъ теоретическимъ положеніямъ, развитію коихъ посвящается настоящая статья. Скажемъ поэтому нѣ-

сколько словъ о сходныхъ явленіяхъ, какія наблюдаются въ исторіи сближенія исторіи, во-первыхъ, съ юриспруденціей, во-вторыхъ съ изученіемъ литературы.

Всѣмъ юристамъ и историкамъ извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Германіи возникла такъ-называемая „историческая школа права". Не входя въ подробности, укажу только на то, что это научное направленіе стало разсматривать право, не какъ неподвижную систему юридическихъ нормъ, каковою оно представлялось прежнимъ юристамъ, а какъ нѣчто движущееся, измѣняющееся, развивающееся. Какое важное значеніе имѣла эта перемѣна для юриспруденціи, извѣстно каждому юристу, сколько-нибудь знакомому съ исторіей своей науки, и каждый историкъ, въ свою очередь, хорошо знаетъ, что, главнымъ образомъ, благодаря возникновенію новаго направленія въ наукѣ о правѣ, это послѣднее стало обращать на себя все большее и большее вниманіе со стороны представителей исторической науки, такъ что и въ ней произошла весьма важная перемѣна. Ученіе исторической школы не разъ подвергалось уже критикѣ, между прочимъ, и въ нашей литературѣ [1]), но сколько мнѣ извѣстно, никто не обращалъ достаточнаго вниманія на слѣдующіе два пункта: во-первыхъ, въ исторической школѣ была сильная тенденція противополагать историческій взглядъ на право, какъ единственно и исключительно истинный, всѣмъ другимъ возможнымъ въ этой области точкамъ зрѣнія, въ силу чего это воззрѣніе иногда не допускало существованія научныхъ истинъ, примѣнимыхъ ко всѣмъ временамъ, т.-е. того, что на языкѣ новой науки носитъ названіе общихъ законовъ; съ другой же стороны, оно отрицало эти законы, а съ ними и общую теорію права во имя идеи о зависимости права отъ мѣстныхъ условій, зависимости, конечно, существующей вездѣ и всегда, но не исключающей общихъ началъ въ основѣ національнаго разнообразія. Аналогичное отношеніе, быть можетъ еще болѣе подчеркнутое, мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ представителей исторической школы въ политической экономіи къ такъ-называемому теоретическому направленію: признается одно мѣстное и временное и во имя его отрицается все постоянное и неизмѣнное, лежащее въ основѣ всего видимаго разнообразія, представляемаго отдѣльными народами и эпохами. Правда, старая юриспруденція грѣшила тѣмъ, что за все общее и вѣчное выдавала абстракціи, выросшія на почвѣ одного опредѣленнаго права, именно права римскаго,

---

[1]) Ср. мою статью „Два взгляда на процессъ правообразованія" (Юридич. Вѣстн. 1889 г., ноябрь, стр. 348 и слѣд.) и мою книгу „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи" (Спб. 1890, стр. 549 и слѣд), гдѣ сдѣланы соотвѣтственныя указанія.

въ коемъ усматривался „писанный разумъ“, какъ и теоретическая экономія возводила прежде на степень всеобщихъ и вѣчныхъ истинъ положенія, извлеченныя изъ наблюденій почти только надъ одною англійскою дѣйствительностью конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, но за то и постановка всего вопроса о правѣ въ его теоретическихъ и практическихъ развѣтвленіяхъ исключительно на историческую точку зрѣнія мѣстныхъ и временныхъ особенностей было односторонностью. Параллельно съ развитіемъ этой точки зрѣнія въ юриспруденціи все болѣе и болѣе преувеличивалось иногда значеніе права и со стороны историковъ, которые въ этомъ новомъ предметѣ, вошедшемъ въ кругъ ихъ занятій, увидѣли какое-то откровеніе. Извѣстный юристъ-историкъ Вайцъ прямо, напр., заявляетъ, что все не относящееся къ области права по тому самому не имѣетъ отношенія и къ исторіи [1]). Хорошо иллюстрируется это юридическое увлеченіе историковъ слѣдующимъ разсказомъ проф. К. Н. Бестужева-Рюмина о своихъ студенческихъ годахъ. „Подъ вліяніемъ чтеній Кавелина, говоритъ онъ въ біографическомъ очеркѣ Ешевскаго, у многихъ молодыхъ людей сложилось убѣжденіе, что исторія права есть самая важная часть исторіи, что смѣна институтовъ и понятій юридическихъ вполнѣ выражаетъ собою все историческое движеніе. Впрочемъ, мнѣніе это высказывалось тогда и за университетскими стѣнами“. Подъ вліяніемъ такого мнѣнія находился и самъ передающій эту любопытную черту тогдашняго научнаго настроенія, и именно подъ его вліяніемъ, разсказываетъ онъ дальше, „зашелъ я разъ (въ 1847 г.) къ М. П. Погодину и началъ ему развивать эту мысль. Выслушавъ меня, М. П. и отвѣтилъ мнѣ одной фразой, вѣрность и глубину которой я понялъ только гораздо послѣ: «а св. Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ“? [2]) Подобное увлеченіе среди историковъ наблюдается и въ наши дни, съ тѣмъ, только различіемъ, что „юридическій характеръ“ замѣнился экономическимъ.

То же самое происходило и при сближеніи исторіи съ теоріей словесности, т.-е. готовность отрицать всякое иное отношеніе къ произведеніямъ литературы, кромѣ чисто историческаго, съ одной стороны, и стремленіе свести чуть не всю исторію къ одной исторіи литературы, съ другой. Иначе говоря, и тутъ были преувеличены и значеніе историческаго метода въ изученіи литературы, и значеніе изученія литературы для историка. За примѣрами увлеченій и того, и другого рода ходить далеко нечего.

Въ области изученія литературы до возникновенія историческаго

[1]) *Waitz*. Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel. 1865. I, 390.

[2]) Сочиненія С. В. Ешевскаго. М. 1870, т. I, стр. XXVII.

направленія господствовала эстетическая критика, оцѣнивавшая содержаніе и форму литературныхъ произведеній на основаніи установленныхъ правилъ и положеній; но въ эстетическомъ отношеніи къ литературѣ были съ научной точки зрѣнія крупные недостатки, которые восполнились только историческимъ отношеніемъ къ произведеніямъ человѣческаго слова: оно поставило на надлежащее мѣсто то, что устранялось эстетической критикой, объяснявшей произведенія литературы изъ нихъ самихъ, т.-е. условія и причины ихъ возникновенія и всего развитія литературы. По мѣрѣ того, какъ историческое отношеніе къ литературѣ все болѣе и болѣе пріобрѣтало почвы подъ ногами, оно начинало все съ большею и большею силою вытѣснять отношеніе эстетическое, такъ что за послѣднее время стало даже вызывать протестъ среди самихъ историковъ литературы. Во вступительной лекціи проф. Л. Е. Колмачевскаго въ казанскомъ университетѣ подъ заглавіемъ „Развитіе исторіи литературы какъ науки, ея методы и задачи" [1]) заявляется, напр.,—правда, не особенно сильно, — что „требованія, предъявляемыя со стороны историческаго метода, не устраняютъ окончательно эстетическихъ сужденій", ибо „историкъ литературы едва ли въ правѣ окончательно упускать изъ виду тѣ эстетическія наслажденія, которыя въ состояніи доставить поэтическія произведенія человѣку", такъ что „совершенно устранять эстетическую критику, знакомящую съ правилами точнаго пониманія и оцѣнки поэтическихъ произведеній относительно качества и степени доставляемаго ими наслажденія нѣтъ возможности". Эти слова, конечно, неспроста были включены въ краткое изложеній общихъ воззрѣній на задачу изученія литературы: они вызваны были крайностью историзма, выражавшеюся въ отрицаніи за историкомъ права судить поэтическія произведенія, какъ будто-бы несовмѣстимаго съ историческимъ изученіемъ. Въ такомъ взглядѣ послѣднее приходило не для того, чтобы дополнить и исправить прежнее, а для того, чтобы его искоренить, какъ нѣчто, не могущее имѣть значенія. Не останавливаясь на этомъ, я укажу, что введеніе историзма въ изученіе литературы вызвало даже попытку замѣнить всякую теорію литературы ея исторіей, хотя бы и не простой, а сравнительной.

Въ вышедшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочиненіи А. Н. Веселовскаго „Изъ исторіи романа и повѣсти" есть небольшая вступительная статья, озаглавленная въ вопросительной формѣ: „Исторія или теорія романа?" Уже самое это заглавіе показываетъ, что по мысли автора для романа, какъ предмета научнаго изслѣдованія, нужно допустить или одну теорію, или одну исторію. Я уже имѣлъ случай

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, май. Приведенное мѣсто на стр. 7 и 8.

печатно высказаться объ этой статьѣ, причемъ указывалъ на неправильность постановки вопроса: самое содержаніе статьи проф. Веселовскаго отвѣчаетъ скорѣе на вопросъ о томъ, какова должна быть теорія романа—эстетическая ли съ примѣрами изъ исторіи литературы, или историческая, основанная на обобщеніяхъ изъ всего прошлаго въ развитіи романа [1]). Неправильно противополагая теорію вообще исторіи вообще, когда нужно было говорить о двухъ теоріяхъ—эстетической и исторической, авторъ этой статьи признаетъ только послѣднюю, ибо она, по его словамъ, дѣлаетъ невозможными слишкомъ широкія обобщенія и устраняетъ то, что онъ называетъ „рецептурой", т.-е. практическіе выводы изъ теоретическихъ положеній.

Рядомъ съ этимъ увлеченіемъ историзмомъ въ изученіи литературы, отвергающимъ эстетическую точку зрѣнія, слѣдуетъ поставить теперь увлеченіе литературой въ исторіи, дѣлающее изъ нея чуть не самое главное явленіе съ жизни народовъ. Лучшій примѣръ послѣдняго представляетъ собою Тэнъ, который высказался на этотъ счетъ весьма обстоятельно въ обширномъ введеніи къ своей извѣстной исторіи англійской литературы. Начинается это введеніе прямо съ указанія на то, что „изученіе литературъ совершенно преобразило исторію", ибо „съ помощью литературныхъ памятниковъ оказалось возможнымъ воскресить мысленное и чувственное міровоззрѣніе, какимъ руководились люди, жившіе нѣсколько столѣтій тому назадъ. Обсуждая эти міровоззрѣнія, продолжаетъ Тэнъ, историки нашли, что они-то именно и составляютъ факты первой важности. Стало ясно, что съ ними связаны самыя капитальныя событія, что они объясняютъ ихъ и, въ свою очередь, объясняются ими и что имъ необходимо отвести въ исторіи почетное мѣсто" [2]). Посредствомъ литературныхъ произведеній историкъ проникаетъ во внутренній міръ, въ нихъ отразившійся, а исторія, по Тэну, и есть „въ сущности только психологическая задача" [3]). Поэтому, говоритъ онъ, „когда документъ богатъ, и когда умѣешь объяснить его, то найдешь въ немъ не только психологію души, но и психологію вѣка, иногда психологію расы. Въ этомъ отношеніи, думаетъ Тэнъ, великая поэма, хорошій романъ, исповѣдь замѣчательнаго человѣка—гораздо поучительнѣе цѣлой груды историковъ и исторій" [4]). Само собою разумѣется, что съ этой точки зрѣнія историкъ долженъ весьма мало дорожить источниками, дающими знаніе тѣхъ явленій

---

[1]) См. мою статью „Къ теоріи литературной эволюціи" въ воронежскихъ „Филол. Зап." за 1887 г., вып. II.

[2]) Рус. перев. (Спб. 1871), т. I, стр. 1—2.

[3]) Ibid., I, 27.

[4]) Ibid., I, 28.

жизни, коими особенно дорожатъ историки юридическаго и экономическаго направленій. И дѣйствительно, самъ Тэнъ заявляетъ, что онъ охотно отдалъ бы пятьдесятъ томовъ хартій и сто томовъ дипломатическихъ нотъ за мемуары Челлини, за посланія ап. Павла, за застольныя бесѣды Лютера или за комедіи Аристофана. Доказываетъ онъ правильность своей точки зрѣнія тѣмъ, что между документами, которые объясняютъ намъ чувства предшествовавшихъ поколѣній, самое важное мѣсто занимаетъ литература, ибо „она похожа на тѣ удивительные, до невѣроятности чувствительные аппараты, съ помощью коихъ физики раскрываютъ и измѣряютъ малѣйшія и тончайшія измѣненія вещества. Конституціи, религіи, прибавляетъ онъ не могутъ съ нею идти въ сравненіе; своды законовъ и догматовъ рисуютъ ихъ слишкомъ общими чертами и безъ всякихъ оттѣнковъ". Отсюда ясно, что разъ исторія есть задача психологическая, то постигается она, главнымъ образомъ, посредствомъ изученія литературъ [1]).

Я позволилъ себѣ остановиться на этихъ эпизодахъ изъ исторіи изученія права и литературы вслѣдствіе того, что, какъ сказано было, аналогичныя явленія представляетъ намъ исторія изученія экономической жизни: и здѣсь мы встрѣчаемся, съ одной стороны, съ отрицаніемъ теоріи ради исторіи, или, по крайней мѣрѣ, съ отрицаніемъ, во имя историко-теоретической точки зрѣнія, иныхъ теоретическихъ точекъ зрѣнія, а съ другой—съ проповѣдью о томъ, что главнѣйшая и существеннѣйшая задача историка заключается въ изученіи явленій народнаго и государственнаго хозяйства съ ихъ отраженіемъ на соціальномъ и политическомъ строѣ. Стоя на той точкѣ зрѣнія, что историческое изученіе права и литературы произвело въ высшей степени важный переворотъ въ соотвѣтственныхъ теоріяхъ и въ то же время было весьма благодѣтельно для исторической науки, внесши въ первое новый методъ, который позволилъ взглянуть на явленія жизни новыми глазами, и расширивши область вѣдѣнія второй новыми сторонами общественнаго бытія, я никакъ не могу признать, чтобы историзму суждено было всецѣло устранить догматическую точку зрѣнія изъ изученія права и эстетическаго изъ изученія литературы. То же самое думаю я и по отношенію къ изученію хозяйственныхъ явленій. Историческая школа въ экономической наукѣ должна быть разсматриваема, какъ одна изъ наиболѣе важныхъ въ ряду существующихъ въ ней направленій; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы историческое направленіе было единственно законнымъ. Несомнѣнно и то, что экономическое направленіе въ исторіи обогатило эту науку существеннѣйшими данными; но это не даетъ ему права быть единственно истин-

[1]) Ibid., I, 29.

нымъ направленіемъ, при которомъ всѣ другія могутъ пользоваться только терпимостью или—въ лучшемъ случаѣ—быть второстепенными, служебными и дополнительными. Такова моя основная точка зрѣнія. Размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ разсмотрѣть въ подробности столь сложный и обширный вопросъ, какъ взаимныя отношенія экономической и исторической наукъ, а потому я и не имѣю возможности касаться услугъ, оказанныхъ историзмомъ политической экономіи и и экономизмомъ—исторіи. Задача моя ўже: отмѣтивъ въ обоихъ направленіяхъ то, что, на мой взглядъ, слѣдуетъ отнести къ числу односторонностей и увлеченій, свойственныхъ вообще всѣмъ „школамъ", черезъ-чуръ рѣзко проводящимъ свои основные принципы, я укажу главнымъ образомъ на то значеніе, какое по моему мнѣнію, могутъ имѣть историческая школа въ политической экономіи и экономическое направленіе въ исторіи для теоріи историческаго процесса.

II.

Современная политико-экономическая литература состоитъ изъ научныхъ трудовъ, которые могутъ быть распредѣлены между тремя главными школами—такъ называемой классической, соціалистической и исторической. Взаимное отношеніе этихъ трехъ школъ можетъ быть опредѣлено, какъ антагонизмъ, доходящій иногда до отрицанія одною школою всякаго значенія за двумя другими. Недавно въ нашей литературѣ появилось сочиненіе, въ которомъ довольно рельефно представлено такое состояніе экономической науки: я имѣю въ виду магистерскую диссертацію ярославскаго профессора В. Ф. Левитскаго „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ" [1]), къ коей и отсылаю за подробностями по этому предмету. Самое возникновеніе исторической школы въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія было своего рода протестомъ противъ господствовавшей тогда классической школы съ ея чисто теоретическимъ направленіемъ, не считавшимся въ достаточной степени съ историческими условіями, какими, какъ и все остальное въ культурно-соціальномъ мірѣ человѣка, бываютъ обставлены явленія хозяйственной жизни народовъ. Новое направленіе доказало, что эти

---

¹) Ярославль. 1890. (См. о диспутѣ г. Левитскаго въ „хроникѣ" I тома „Историческаго Обозрѣнія") Проф. Левитскій еще ранѣе (1884) написалъ статью въ „Юрид. Вѣст." подъ заглавіемъ „Вопросъ о методѣ политической экономіи въ новѣйшей германской литературѣ". Кромѣ того, въ русскомъ переводѣ вышло въ свѣтъ еще историко-критическое изслѣдованіе *д-ра Морица Мейера* „Главныя теченія въ современной политической экономіи". Спб. 1891.

явленія относятся къ категоріи историческихъ и въ качествѣ таковыхъ постоянно измѣняются, такъ что многое изъ того, что классическая школа принимала за вѣчные законы народнаго хозяйства, приложимые вездѣ и всегда, оказывалось съ исторической точки зрѣнія только совокупностью формулъ хозяйственнаго быта опредѣленной исторической формаціи. Было бы, однако, ошибочно думать, что только одна историческая школа пришла къ этой мысли: то же самое проводили въ своихъ сочиненіяхъ и экономисты соціалистической школы, Марксъ и Родбертусъ, равнымъ образомъ видѣвшіе въ законахъ классической школы только „историческія категоріи", т. е. законы опредѣленнаго историческаго типа хозяйственныхъ отношеній; можно даже утверждать, что представители научнаго соціализма впервые сопоставили результаты сравнительно-историческаго изслѣдованія хозяйственныхъ формъ быта у разныхъ народовъ съ теоретическими положеніями классической школы [2]). „Вообще, говоритъ, напр., Родбертусъ, до тѣхъ поръ, пока мы не вступимъ на путь сравнительной физіологіи слѣдующихъ другъ за другомъ ступеней развитія соціальной жизни, т.-е. слѣдующихъ во всемірной исторіи другъ за другомъ родовыхъ образованій и видовъ общественно-хозяйственнаго развитія, мы не проникнемъ глубже въ природу соціальной жизни" [3]). Представляя изъ себя реакцію противъ абстрактнаго направленія старыхъ экономистовъ, историческая школа сама увлеклась за предѣлы должнаго: она не удовольствовалась тою поправкою, которую вносила въ ученіе классической экономіи, но поставила себѣ задачей ниспровергнуть всѣ добытые послѣднею результаты и прежде всего отнеслась безусловно отрицательно къ самому методу теоретической экономіи, считая въ корнѣ ошибочною всякую мысль о возможности примѣненія дедукціи къ изслѣдованію хозяйственныхъ явленій [4]). Всякому извѣстно, что этотъ методъ имѣетъ такого защитника, какъ Милль [5]), но никто изъ представителей исторической школы не взялъ на себя труда опровергнуть аргументацію сторонниковъ дедукціи. Мало того: „среди представителей исторической школы, говоритъ проф. Левитскій, мы не встрѣчаемъ даже надлежащаго знакомства

---

[1]) Первымъ сочиненіемъ, въ коемъ нашли свое выраженіе историческія идеи въ примѣненіи къ экономическимъ явленіяхъ, была книга Вильгельма Рошера, въ самомъ заглавіи которой (Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft nach geschichtlicher Methode, 1843) заключается указаніе на новую точку зрѣнія.

[2]) *Левитскій*, 42, 47, 48, 49, 58 sg.

[3]) *Родбертусъ*. Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. IV, 43, примѣч.

[4]) *Левитскій*, 189.

[5]) *Милль*. Система Логики.

съ этими ученіями, которыя они просто или отрицаютъ, или игнорируютъ" [1]). Крайніе представители школы признаютъ исключительное господство индукціи, которую иногда и называютъ „историческимъ методомъ" [2]), хотя и тутъ они не показали, „какимъ образомъ изъ наблюденія конкретныхъ историко-хозяйственныхъ явленій путемъ индукціи можно придти къ познанію основныхъ общественно-хозяйственныхъ законовъ" [3]). „Экономисты исторической школы, говоритъ одинъ изъ ея сторонниковъ, склонны защищать индукцію въ высшей степени ненаучнымъ способомъ, поверхностно и притомъ съ крайнею нетерпимостью по отношенію къ своимъ противникамъ" [4]). Образчикомъ того, какъ отзываются экономисты-историки объ экономистахъ-теоретикахъ, могутъ служить заявленія Шмоллера въ родѣ того, что результаты смитовской школы „вылились въ абстрактныя схемы, не имѣющія никакого отношенія къ дѣйствительной жизни"... „Историческая школа, говоритъ онъ еще, представляетъ поворотъ къ научному изученію дѣйствительности, вмѣсто цѣлаго ряда туманныхъ, абстрактныхъ изображеній, лишенныхъ всякаго научнаго значенія" [5]). Да и вообще всѣ нѣмецкіе корифеи исторической школы (Шмоллеръ, Книсъ, Брентано, Густавъ Конъ) и ихъ англійскіе послѣдователи (Ингрэмъ, Клифъ-Лесли, Бонами-Прейсъ) смотрятъ па сочиненія теоретиковъ „съ такимъ же снисходительнымъ пренебреженіемъ, какъ, наприм., современные естествоиспытатели смотрятъ на метафизическіе трактаты средневѣковыхъ схоластиковъ" [6]).

Въ свою очередь и историческая школа подвергалась нападенію съ теоретической точки зрѣнія, которую въ данномъ случаѣ единодушно отстаивали представители и классической школы, и научнаго соціализма. Напр., Дюрингъ, экономистъ соціалистическаго оттѣнка, обвиняетъ историческую школу въ „эклектическомъ историзмѣ, который пытается вытѣснить всякую самостоятельную мысль" и уже создалъ „мыслителей, отличающихся нерѣшительностью мысли и мозаичною ученостью". Дюрингъ называетъ этотъ историзмъ „фальшивымъ", „не имѣющимъ ничего общаго съ критическою наукою", „отказывающимся отъ всякой логики" [7]) и т. п. Марксъ равнымъ

---

[1]) *Левитскій*, 191.

[2]) Ibid., 193.

[3]) Ibid., 194.

[4]) Bella Wiss. Zur Logik der Nationaloekonomie. У *Левитскаго* стр. 196. Г. Левитскій видитъ въ этомъ благотворную реакцію противъ исключительнаго преобладанія одного метода въ политической экономіи, 241.

[5]) *Левитскій*, 4.

[6]) Ibid., 172.

[7]) Ibid., 2—3.

образомъ, называетъ „анатомо-физіологическій методъ“ родоначальника исторической школы, Рошера, „эклектической профессорской пошлостью“ [1]).

Указывая вообще на антагонизмъ, существующій между тремя главными направленіями политической экономіи и отмѣчая въ частности отрицательное отношеніе исторической школы къ теоретическому мышленію, я, собственно, говоря имѣю въ виду обратить вниманіе на то, что здѣсь, въ области экономической науки повторилось и, быть можетъ, въ формѣ особенно рѣзкой—то явленіе, о которомъ я говорилъ выше, касаясь результатовъ внесенія исторической точки зрѣнія въ юриспруденцію и въ изученіе литературы. Историческая школа въ политической экономіи, разрабатывающая какъ исторію самого хозяйства, такъ и исторію экономическихъ ученій, отнеслась совершенно отрицательно къ классической школѣ, изслѣдующей, наоборотъ, общіе типы и нормы хозяйственныхъ явленій и объясняющей законы, которые ими управляютъ. Въ сущности дѣла, какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Левитскій, „обѣ эти школы работаютъ въ различныхъ департаментахъ одной и той же отрасли знанія. Ошибочныя, говоритъ онъ, и одностороннія воззрѣнія исторической школы на задачу политической экономіи вытекаютъ изъ ея невѣрнаго взгляда на значеніе производимыхъ ею работъ. Задачу историко-хозяйственныхъ изслѣдованій она желаетъ сдѣлать единственною задачею и единственнымъ предметомъ политической экономіи, а на мѣсто теоретическаго изслѣдованія хозяйственныхъ явленій поставить научные пріемы изслѣдованій историко-хозяйственныхъ или пріемы бытописанія жизни народовъ“. Поэтому, по мнѣнію проф. Левитскаго, „методологическія воззрѣнія исторической школы должны разсматриваться, какъ отрицательный фактъ въ исторіи развитія политической экономіи“ [2]). Я вполнѣ присоединяюсь къ этому заявленію, само собою разумѣется, не распространяя заключающагося въ немъ приговора на фактическія работы исторической школы, коимъ никто и не отказываетъ въ важномъ значеніи и для политической экономіи, и для исторической науки. Весь вопросъ заключается для насъ въ данномъ случаѣ не въ томъ, чтó сдѣлали экономисты разныхъ школъ, а въ томъ, какъ они понимаютъ задачу и методъ своей науки. Историческая школа, начавшая съ протеста противъ исключительнаго господства дедукціи, сама впала въ противоположную крайность, рекомендуя только одинъ историческій методъ и съуживая задачу экономической науки.

---

[1]) *Марксъ*. Капиталъ. Спб. 1872. I, 43, Ср. стр. 151—152.

[2]) *Левитскій*, 10—11.

Повидимому, ни одна изъ специальностей не можетъ служить такимъ прекраснымъ примѣромъ громадной важности занятія методологическими вопросами, какъ политическая экономія, въ которой, благодаря антагонизму отдѣльныхъ направленій и полемикѣ между ихъ представителями, и существуетъ цѣлая методологическая литература. Достаточно указать со стороны теоретическаго направленія „Характеръ и логическій методъ политической экономіи“ Кэрнса [1]), статью Милля „объ опредѣленіи политической экономіи и о свойственномъ ей методѣ изслѣдованія“ [2]) и методологію политической экономіи къ его „Системѣ логики“, а со стороны школы исторической „Политическую экономію съ точки зрѣнія историческаго метода“ [3]) Книса и „Національную экономію, какъ науку“ Кауца [4]). Но особенно важна обобщающая оба эти направленія вышедшая въ 1883 г. книга вѣнскаго профессора Карла Менгера „Изслѣдованія о методѣ общественныхъ наукъ вообще и политической экономіи въ особенности“ [5]). Это сочиненіе оказало большое вліяніе на развитіе методологической литературы по политической экономіи, и подъ его вліяніемъ между прочимъ задумана была упомянутая работа проф. Левитскаго „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“, изучившаго для нея какъ исторію, такъ и современное состояніе вопросовъ экономической методологіи [6]). Особую въ нашихъ глазахъ цѣнность этимъ трудамъ даетъ то обстоятельство, что оба они задуманы и отчасти выполнены въ смыслѣ синтеза между теоретизмомъ и историзмомъ въ экономической наукѣ. Менгеръ прямо и начинаетъ свою книгу съ указанія на то, что міръ явленій можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, изъ коихъ одна имѣетъ въ виду конкретныя явленія, взятыя въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, или ихъ конкретныя отношенія между собою, а другая—формы явленій (Erscheinungsformen), возвращающіяся при смѣнѣ послѣднихъ однихъ другими, т. е. одна—индивидуальное, другая—общее. На основаніи этого принципа Менгеръ опредѣляетъ какъ сущность и задачи историческихъ наукъ о народномъ хозяйствѣ,

---

1) *Cairnes.* The caracter and logical method of Political Economy.

2) *Mill.* On the definition of political Economy, and on the method of investigation proper to it.

3) *Knies.* Die politische Oeconomie vom Standpuncte der geschichtlichen Methode. 1853.

4) *Kautz.* Die National-Oeconomik' als Wissenschaft. 1858.

5) *K. Menger.* Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politische Oeconomie insbesondere.

6) Ср. статью того же автора „Вопросъ о методѣ политической экономіи въ новѣйшей германской литературѣ«. Юрид. Вѣстн., 1884, № 12.

такъ и сущность, задачу и значеніе его теоріи, рядомъ съ коими (т.-е. съ исторіей и теоріей) онъ ставитъ еще практическія науки о народномъ хозяйствѣ [1]). Появленіе книги Менгера пробудило въ нѣмецкой экономической литературѣ большой интересъ къ методологическимъ вопросамъ, „причемъ ясно, какъ говоритъ г. Левитскій, пристально изучавшій вызванныя книгой Менгера статьи и брошюры, обозначились двѣ полемизирующія партіи — теоретиковъ, строящихъ свои экономическія воззрѣнія на базисѣ реформированной или классической теоріи, и защитниковъ принциповъ исторической школы, формулированныхъ В. Рошеромъ и Книсомъ" [2]). Самъ авторъ русской методологической работы, раздѣляя, хотя и не вполнѣ, принципы Менгера, основательно замѣчаетъ, что „антагонизмъ между исторической школой и теоретическими школами вытекаетъ изъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ научнымъ достоинствомъ работъ, сдѣланныхъ обѣими школами"; по его словамъ, находящимъ массу подтвержденій, антагонизмъ этотъ „только свидѣтельствуетъ, что опредѣленіе общихъ принциповъ и задачъ самой науки, системы и ея частей (такъ сказать, экономическая энциклопедія, по аналогіи съ юридическою энциклопедіей) представляетъ самую отсталую часть политической экономіи" [3]). Самъ Менгеръ въ одной изъ своихъ рецензій также указываетъ на относительную отсталость научной разработки экономическихъ явленій, ссылаясь на тотъ фактъ, что „ученые экономисты и цѣлыя школы не пришли еще къ единомыслію относительно составныхъ частей, задачъ, методовъ и главныхъ направленій изслѣдованія въ своей наукѣ. Раздѣленіе естествознанія на отдѣльныя области, говоритъ онъ, и признаніе права гражданства за отдѣльными направленіями изслѣдованія является уже давно совершившимся фактомъ, принесшимъ свои благотворные результаты для этой науки. Въ естествознаніи, прибавляетъ онъ еще, никто уже больше не смѣшиваетъ историческихъ и теоретическихъ наукъ, даже если онѣ относятся къ одной и той же частной области естествознанія, наприм., исторію земли съ геологіей вообще, антропологію съ физіологіей или анатоміей... Даже въ области науки государственнаго права не выражается болѣе никакихъ сомнѣній относительно различія между исторіей государствъ и теоретическимъ государственнымъ правомъ; также въ области юриспруденціи никто болѣе не сомнѣвается въ необходимости различать исторію права отъ догмы и законодательной

---

[1]) *Menger*, I.
[2]) *Левитскій*, III.
[3]) Ibid., 13.

политики" [1]). Не касаясь области естественныхъ наукъ, мы думаемъ, что Менгеръ нѣсколько сгущаетъ краски относительно политической экономіи или, наоборотъ, слишкомъ оптимистически представляетъ себѣ взаимныя отношенія основныхъ юридическихъ понятій. Сколько мнѣ извѣстно, юридическая методологія разработана даже похуже экономической [2]). Но во всякомъ случаѣ Менгеромъ, а за нимъ и проф. Левитскимъ—совершенно вѣрно поставленъ вопросъ о причинѣ раскола между экономистами, если только оставить въ сторонѣ различіе деонтологическихъ, т. е. практическихъ точекъ зрѣнія, раздѣляющихъ, напримѣръ, экономистовъ капиталистическаго строя и соціалистовъ. Между тѣмъ вопросъ объ отношеніи теоріи и исторіи, поставленный на очередь методологической литературой въ области политической экономіи, имѣетъ весьма широкое значеніе, и рѣшеніе его на почвѣ одной научной дисциплины можетъ содѣйствовать рѣшенію его и въ другихъ областяхъ знанія, разъ возникаетъ какой-либо принципіальный споръ между теоретиками и историками.

III.

Обратимся по этому вопросу прежде всего къ нашему соотечественнику. Нельзя, конечно, не согласиться съ проф. Левитскимъ, когда онъ вмѣстѣ съ Менгеромъ настаиваетъ на необходимости строгаго разграниченія между началами теоріи, исторіи и политики (въ прикладномъ смыслѣ слова) въ составѣ экономическихъ ученій [3]). Но весь вопросъ въ томъ, какъ произвести это разграниченіе. На мой взглядъ, Менгеръ совершенно правильно видитъ задачу теоретической экомоміи въ сведеніи реальныхъ хозяйственныхъ явленій къ простѣйшимъ элементамъ и къ установленію точныхъ законовъ народнаго хозяйства, имѣющихъ значеніе для всѣхъ временъ и народовъ, у которыхъ только существуетъ имущественный оборотъ, вслѣдствіе чего достаточно разъ открыть эти законы, чтобы тѣмъ самымъ уже навсегда объяснить всѣ явленія прошлой, настоящей и будущей исторіи хозяйственнаго быта [4]). Та же мысль объ общей теоріи или номологіи экономическихъ явленій заключается въ приводимыхъ проф.

---

[1]) *Левитскій*, 8—10.

[2]) Ср. статью объ юриспруденціи и теоріи историческаго процесса.

[3]) *Левитскій*, 252.

[4]) Das exacte Gesetz (противополагаемый Менгеромъ закону эмпирическому) giltfür alle Zeiten und Völker, welche einen Güterverkehr aufweisen. *Menger*, 58.

Левитскимъ слѣдующихъ словахъ пражскаго проф. Сакса, который много занимался методологіей [1]). „Въ политической экономіи, говоритъ онъ именно, не можетъ быть рѣчи объ особенныхъ теоріяхъ хозяйства того или другого народа, для того или другого времени, какъ не можетъ быть рѣчи объ особенной психологіи, наприм., англичанъ и французовъ, людей средневѣковой Европы или современнаго намъ періода, а только о психологіи человѣка вообще, какъ типическаго индивидуума“ [2]). Итакъ, вотъ что такое общая теорія: это наука о законахъ (номологія по нашей терминологіи), которой мы должны противополагать не одну только исторію, изучающую явленія въ ихъ послѣдовательности, но вообще всякую науку о конкретныхъ явленіяхъ (феноменологію), будутъ ли послѣднія изучаться въ ней, взятыя въ продолжающемся времени, какъ это дѣлается исторіей, или же взятыя въ извѣстный моментъ, что бываетъ, напр., при статистическомъ описаніи. Если способъ исторіи мы назовемъ вмѣстѣ съ Контомъ динамическимъ, а описаніе сосуществующихъ въ данный моментъ явленій статическимъ, то обѣ эти точки зрѣнія будутъ одинаково приложимы и къ наукѣ объ общихъ законахъ, и къ наукѣ о конкретныхъ явленіяхъ, т.-е. какъ всякая номологія, такъ и всякая феноменологія можетъ быть и статической, и динамической, смотря по тому, изслѣдуются ли предметы сосуществующіе или послѣдовательные. Проф. Левитскій совершенно неправильно отождествляетъ и въ наукѣ права, и въ политической экономіи динамическую и статическую точки зрѣнія съ точками зрѣнія исторической и теоретической [3]). Вполнѣ поэтому напрасно поправляетъ онъ совершенно вѣрное воззрѣніе Менгера на отличіе теоріи отъ исторіи. „Различіе между теоретическимъ и историческимъ изученіемъ народнаго хозяйства, говоритъ онъ, заключается не въ томъ, какъ думаетъ Карлъ Менгеръ, что хозяйственная исторія изучаетъ индивидуальныя явленія, а теоретическая экономія—типы хозяйственныхъ явленій и типическія отношенія между ними. Различіе это другого рода: предметомъ хозяйственной исторіи

---

[1]) *E. Sax*. Das Wesen und die Aufgaben der Nationaloeconomie. 1884. Grundlegung der theoretischen Staatswissenschaft. 1887. Приведенныя слова заключаются въ его брошюрѣ: Die neuesten Fortschritte der Nationaloeconomischen Theorie. 1882.

[2]) *Левитскій*, 39. Впрочемъ, проф. Левитскій не оправдываетъ приравниванія законовъ теоретической экономіи къ законамъ природы, исходя изъ того невѣрнаго на нашъ взглядъ положенія, будто явленія природы остаются вѣчно неизмѣнными, а общественныя явленія только и суть исторически измѣняющіяся, 41 sq. О томъ, что это соображеніе неосновательно, см. въ моихъ Осн. вопр. фил. ист.

[3]) *Левитскій*, 30 sq., 36, 60—61.

въ равной мѣрѣ служатъ типическія и индивидуальныя явленія хозяйственной жизни, но исторія изслѣдуетъ ихъ со стороны самаго процесса ихъ развитія и преобразованія однѣхъ формъ этихъ явленій въ другія (соціальная динамика),—тогда какъ теоретическая экономія изслѣдуетъ хозяйственныя явленія даннаго историческаго типа хозяйственнаго устройства со стороны сосуществованія явленій и отсюда вытекающей связи и закономѣрности между ними; другими словами› она изучатъ хозяйственныя явленія въ ихъ статическомъ состояніи". При этомъ проф. Левитскій сравниваетъ оба рода изслѣдованія съ двумя системами знаній въ геологической наукѣ, изъ которыхъ одна изображаетъ процессъ послѣдовательнаго развитія и наслоенія земной коры, а другая—строеніе данныхъ отложившихся геологическихъ формацій [1]). Этотъ взглядъ нашего экономиста требуетъ нѣсколько болѣе подробнаго разбора. Во-первыхъ, онъ говоритъ, что предметомъ хозяйственной исторіи служатъ и типическія, и индивидуальныя явленія. Далеко нѣтъ. Одно дѣло, наприм., исторія какого-либо права и другое дѣло общая теорія правообразованія [2]); иное дѣло исторія того, либо другаго народа, иное—общая теорія историческаго процесса. Подобно этому исторія индивидуальныхъ экономическихъ явленій есть дѣйствительно исторія, а общее ученіе объ экономическомъ развитіи есть уже теорія. Во-вторыхъ, по проф. Левитскому теорія изслѣдуетъ сосуществующія хозяйственныя явленія въ ихъ конкретной связи и въ закономѣрныхъ отношеніяхъ между ними, но здѣсь онъ непростительнымъ образомъ смѣшиваетъ явленія и законы,—или подводя подъ понятіе теоріи и простое описаніе данныхъ сосуществующихъ явленій, или отождествляя характерныя черты даннаго экономическаго быта съ общими законами. Послѣднее предположеніе вѣрнѣе, ибо проф. Левитскій отрицаетъ для политической экономіи законы въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляетъ Менгеръ. На диспутѣ г. Левитскаго въ московскомъ университетѣ проф. А. И. Чупровъ возражалъ между прочимъ противъ взгляда диспутанта на теоретическую экономію, какъ на систему формулъ, относящихся къ явленіямъ лишь извѣстнаго историческаго періода, и защищалъ ту мысль, что существуютъ экономическіе законы, примѣнимые ко всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ, а не только къ извѣстной исторической эпохѣ [3]). Прекрасно, по нашему мнѣнію, понялъ это

[1]) Ibid., 61.

[2]) См. объ этомъ статью о юриспруденціи и теоріи историческаго процесса, стр. 261.

[3]) Историческое Обозрѣніе, т. I, от. I, стр. 302. До какихъ взглядовъ доходятъ отрицатели общихъ законовъ см. въ статьѣ моей „Теорія культурно-историческихъ типовъ" (Рус. Мысль", 1889, ноябрь).

цитируемый самимъ г. Левитскимъ фрейбургскій профессоръ Филипповичъ въ своей вступительной рѣчи о задачѣ и методѣ политической экономіи. „Когда, говоритъ онъ, мы отъ сосуществованія и послѣдовательности фактовъ даннаго хозяйственнаго состоянія обращаемся къ опредѣленію внутренней связи между ними, то мы уже тѣмъ самымъ переходимъ къ теоретическому объясненію, которое существенно отличается отъ историческаго изслѣдованія“ [1]). Такимъ образомъ названный писатель къ исторіи (конечно, въ расширенномъ смыслѣ) относитъ и сосуществованіе, и послѣдовательность явленій и признаетъ возможность теоріи, какъ для одной, такъ и для другой, не смѣшивая описанія съ теоіей, какъ это дѣлаетъ проф. Левитскій, прямо утверждающій слѣдующее: „каждая система теоретическихъ воззрѣній имѣетъ своимъ предметомъ объясненіе явленій опредѣленной исторической формаціи хозяйственной жизни. Большинство экономическихъ системъ, говоритъ онъ еще, разсчитана на объясненіе хозяйственнаго быта современныхъ намъ культурныхъ народовъ, но существуютъ системы теоретическихъ воззрѣній, имѣющихъ своимъ предметомъ объясненіе явленій хозяйственнаго состоянія народовъ прошлаго времени. Таковы, наприм., теоретическія изслѣдованія Родбертуса въ области политической экономіи Греціи и Рима (теорія ойкоснаго хозяйства), изслѣдованія Арнольда и Эндемана относительно феодальнаго хозяйства“ [2]). Неужели, спросимъ мы, явленія античнаго, средневѣковаго и новаго хозяйства до такой степени несоизмѣримы, что для нихъ невозможна такая общая теорія, которая не была бы въ сущности объясненіемъ только одной опредѣленной исторической формаціи государственной жизни? Отрицая возможность такой теоріи, проф. Левитскій стоитъ гораздо ближе къ исторической школѣ, которую самъ же критикуетъ за ея односторонность,—нежели это можетъ казаться съ перваго взгляда при чтеніи его книги. Желая отстоять права теоретической экономіи, авторъ совершенно исказилъ ея сущность и въ то же время съузилъ задачу историзма одной исторіей хозяйства безъ теоріи его развитія [3])

---

[1]) *Левитскій*, 60, примѣч.

[2]) Ibid., 253.

[3]) Крупнѣйшимъ недостаткомъ труда проф. Левитскаго одинъ рецензентъ его труда считаетъ то, что онъ „на протяженія всей своей книги постоянно смѣшиваетъ два совершенно различныя понятія—исторію хозяйственнаго быта и такъ-называемую у Книса теорію развитія народнаго хозяйства“. Отсюда, по словамъ рецензента, происходитъ то, что „авторъ упускаетъ изъ виду одну изъ важныхъ заслугъ исторической школы, а съ другой стороны преувеличиваетъ ея одностороность“. Именно передавая книсово опредѣленіе политической экономіи, какъ науки о „законахъ развитія народнаго хозяйства“, онъ,

Гораздо лучше понялъ взаимныя отношенія историческаго и теоретическаго элементовъ въ политической экономіи Менгеръ въ сочиненіи, вызвавшемъ и самую книгу проф. Левитскаго, который, по нашему мнѣнію, не вполнѣ оцѣнилъ многія мысли своего нѣмецкаго предшественника, а между тѣмъ Менгеръ немало думалъ о принципіальныхъ вопросахъ своей науки, постоянно имѣя при этомъ въ виду задачи и методы и другихъ общественныхъ наукъ, и даже естествознанія. Его книга является апологіей теоретичекой экономіи и попыткой опредѣлить роль историческаго метода въ изученіи хозяйственныхъ явленій, не отрекаясь отъ того, что мы назвали бы номологическимъ характеромъ политической экономіи. Въ своемъ трудѣ онъ указываетъ на господство статистико-историческаго метода къ политической экономической литературѣ, какъ на причину упадка теоретической экономіи въ Германіи. По его собственнымъ словамъ, при иныхъ обстоятельствахъ онъ самъ не сталъ бы придавать значенія рѣшенію методологическихъ вопросовъ, ибо самые капитальные научные труды были совершены людьми, никогда этими вопросами не занимавшимися, какъ и самые замѣчательные методики не создали ни одной науки и не написали ни одного труда капитальнаго въ тѣхъ научныхъ областяхъ, для методологіи коихъ ими однако сдѣлано много; но вопросы этого рода получаютъ рѣшающее значеніе, когда наука вступаетъ на ложный путь, пользуется ложными пріемами [1]). Менгеръ сталъ на совершенно вѣрную дорогу, понявъ политическую экономію во всемъ многообразіи ея задачъ, какъ понимались онѣ отдѣльными школами, и подвергнувъ своему изслѣдованію всѣ методы, какіе въ ней только употреблялись. Мы уже видѣли, какъ устанавливаетъ онъ разницу между изученіемъ самихъ явленій въ исторіи (и статистикѣ) и изученіемъ ихъ законовъ въ теоріи, понимая подъ послѣдними типическія формы отношеній между явленіями, каковы, напр., паденіе цѣны товара вслѣдствіе увеличенія предложенія, или паденіе процента вслѣдствіе увеличенія капитала [2]). Для открытія этихъ зако-

вмѣсто словъ: „экономическое развитіе народной жизни", употребляетъ выраженіе: „исторія народнаго хозяйства", что далеко не одно и тоже, а заслуга исторической школы именно въ томъ между прочимъ и заключается, что она настаивала на необходимости изслѣдованія явленій народнаго хозяйства не только въ порядкѣ ихъ существованія, но и въ ихъ послѣдовательности". Русская Мысль, 1890, ноябрь. См. стр. 524—525 библіографическаго отдѣла. Кромѣ того, критикъ резонно возражаетъ проф. Левитскому по поводу его мысли о томъ, что теорія экономическихъ явленій есть по существу дѣла только чисто статическая теорія.

[1]) *Menger*. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere, стр. XII.

[2]) Среди приложеній къ тексту книги Менгера обращаемъ здѣсь внима-

новъ возможны два метода [1]): эмпирико-реалистическій и точный (exacte Richtung). Подъ первымъ Менгеръ разумѣетъ индукцію, открывающую эмпирическіе законы, которые, однако, не даютъ намъ возможности предсказывать наступленіе того или другого явленія, и на этомъ-то основаніи онъ отдаетъ предпочтеніе дедукціи, абстрактному или „точному" методу, ибо только этимъ путемъ добываются законы, выражающіе неизмѣнные порядки явленій; наблюдаемое въ одномъ случаѣ при данныхъ условіяхъ должно неизбѣжно всегда повторяться при наступленіи этихъ условій. Такое пониманіе законовъ Менгеръ защищаетъ отъ нападенія со стороны исторической школы, аргументируя въ томъ смыслѣ, что если стать на точку зрѣнія исторической школы, школы, порицающей теоретическую экономію за абстрактность, не-эмпиричность ея законовъ, то пришлось бы отрицательно отнестись къ химіи, элементы коей не встрѣчаются въ природѣ въ чистомъ видѣ ни въ качественномъ, ни въ количественномъ отношеніяхъ, къ механикѣ, исходящей изъ предположенія о движеніи тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ и безъ всякаго тренія, къ самой математикѣ, наконецъ, съ ея воображаемыми точкой и линіей [2]). Менгеръ даже не допускаетъ провѣрки абстрактныхъ законовъ опытомъ и законами эмпирическими, ибо это все равно, что провѣрять геометрическую истину измѣреніями дѣйствительныхъ предметовъ [3]). Таковы наиболѣе важныя для насъ идеи Менгера, изложенныя въ первой книгѣ его труда, которая трактуетъ о политической экономіи, какъ теоретической наукѣ, и объ ея отношеній къ историческимъ [4]) и практическимъ наукамъ о народномъ хозяйствѣ [5]). Уже въ этой части Менгеру приходится очень часто считаться со взглядами исторической школы, но спеціально онъ посвящаетъ ея основной точкѣ зрѣнія вторую книгу [6]). Защищая теоретическій характеръ по-

---

ніе читателя на статью „о понятіи теоретической экономіи и о сущности ея законовъ", стр. 238—244.

[1]) См. главу 4 первой книги подъ заглавіемъ: Ueber die zwei Grundrichtungen der theoretischen Forschung überhaupt und auf dem Gebiete der Volkswirthschaft insbesondere.

[2]) Ibid., 75 sq.

[3]) Ibid., 53 sq.

[4]) Тутъ разумѣются исторія и статистика, стр. 7.

[5]) Болѣе подробное изложеніе этой части труда Менгера см. въ статьѣ *г. Левитскаго* „Вопросъ о методѣ въ политической экономіи" (Юр. Вѣстн., 1884 г., XII).

[6]) Ея заголовокъ—Ueber den historischen Gesichtspunkt der Forschung in der politischen Oekonomie (стр. 93—135). Г. Левитскій ни въ статьѣ своей, ни въ книгѣ не обратилъ на эту часть труда Менгера всего того вниманія, какого она заслуживаетъ.

литической экономіи, которую хотѣли бы превратить въ чисто историческую науку, и дѣлая различіе между примѣненіемъ историческаго метода къ теоретической наукѣ о народномъ хозяйствѣ и къ практическимъ дисциплинамъ, касающимся того же предмета [1]), онъ останавливается здѣсь, главнымъ образомъ, надъ тѣмъ, чему даетъ названіе псевдо-историческихъ направленій въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ народнаго хозяйства [2]), основываясь въ данномъ случаѣ на небольшомъ изслѣдованіи идеи развитія въ примѣненіи къ политической экономіи. По совершенно вѣрному на нашъ взглядъ представленію Менгеръ упрекаетъ историческую школу въ томъ, что она ставитъ иногда своей наукѣ задачу, которая принадлежитъ собственно исторіи народнаго хозяйства [3]), оспаривая и тѣхъ авторовъ, которые въ этой исторіи видятъ единственную вѣрную эмпирическую основу теоріи [4]), и тѣхъ, кои отождествляютъ съ теоретической экономіей „изслѣдованіе параллелизмовъ историческаго развитія разныхъ народовъ“ [5]). Въ послѣднемъ отношеніи Менгеръ коснулся весьма интереснаго вопроса о томъ, что мы называемъ эволюціонными законами въ отличіе отъ законовъ каузальныхъ [6]). Менгеръ отрицаетъ строгую закономѣрность (въ смыслѣ правильности, не допускающей исключеній) въ хозяйственномъ развитіи народовъ [7]), предостерегая въ то же время отъ приложенія термина „законы“ къ параллелизмамъ, наблюдаемымъ въ развитіи цѣнъ, ренты или процента у разныхъ народовъ [8]). Какъ бы кто ни смотрѣлъ на сущность законовъ развитія, конечно, вполнѣ правъ Менгеръ, когда утверждаетъ, что теоретическую экономію нельзя сводить на „философію хозяйственной исторіи“, заключающую въ себѣ исключительно исторію параллелизмовъ [9]).

Мы думаемъ, однако, что для теоріи историческаго процесса было бы въ высшей степени важно теоретическое изслѣдованіе этихъ параллелизмовъ, требующее сравнительно-историческаго изученія съ точки зрѣнія эволюціонизма [10]). Менгеръ признаетъ правильность примѣненія понятія о развитіи къ хозяйственнымъ явленіямъ и при-

---

[1]) *Menger*, 95 sq.
[2]) Ibid., 118—129.
[3]) Ibid., 120 sq.
[4]) Ibid., 123.
[5]) Ibid., 124.
[6]) См. Сущность историческаго процесса, стр. 419 и слѣд.
[7]) *Menger*, 125.
[8]) Ibid., 126—127.
[9]) Ibid., 128.
[10]) Ср. Статью нашу о „разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки“ въ „Истор. Обозрѣній“, т. I, стр. 21.

томъ не только къ отдѣльнымъ конкретнымъ явленіямъ, но и къ общимъ формамъ явленій [1]). Кромѣ того, онъ соглашается, что подмѣченный наблюденіемъ фактъ развитія экономическихъ явленій не могъ остаться безъ вліянія на ихъ теорію и особенно на реалистическое направленіе послѣдней, устанавливающее эмпирическіе законы экономической науки [2]). Разъ изслѣдуемыя явленія не неподвижны, теорія не можетъ ограничиться ихъ изученіемъ только въ одинъ періодъ времени [3]), ибо эмпирическіе законы, найденные для одной стадіи явленія, не могутъ распространяться на другія [4]), хотя Менгеръ и дѣлаетъ здѣсь необходимую оговорку въ томъ смыслѣ, что сказанное имъ отнюдь не равносильно признанію необходимости создавать столько-же разныхъ экономическихъ теорій, сколько существуетъ ступеней развитія [5]),—оговорка, замѣтимъ мимоходомъ, которая должна была бы обратить на себя больше вниманія со стороны проф. Левитскаго, дѣлающаго именно такую ошибку. Теорія политической экономіи только одна, и становясь на точку зрѣнія того, что Менгеръ называетъ точнымъ направленіемъ, конечно, нельзя оставить безъ разсмотрѣнія вліяніе, какое должна испытывать абстрактная экономія отъ признанія развитія въ области хозяйственныхъ явленій. Указанное направленіе стремится къ открытію „естественныхъ законовъ“ и не только въ пространственныхъ, но во временныхъ отношеніяхъ [6]), а потому каждая новая форма или стадія экономическихъ явленій, представляя изъ себя новую задачу для дедуктивнаго метода, должна быть понята, какъ результатъ закономѣрнаго генетическаго процесса (Entstehungsprocesses) [7]), но прибавляетъ Менгеръ, послѣдователи „точнаго направленія“ всегда такъ и поступали [8]).

Въ русской экономической литературѣ историческое изученіе никогда не приводило къ крайностямъ, на которыя Менгеръ указываетъ въ литературѣ нѣмецкой; теоретическая экономія притомъ всегда имѣла у насъ защитниковъ, что, между прочимъ, обнаружилось и на

---

[1]) *Menger*, 100 sq.

[2]) Ibid., 104. О различіи развитія и простого измѣненія, 111—112.

[3]) Ibid., 105.

[4]) Ibid., 106—107.

[5]) Ibid., 108.

[6]) Ibid., 115.

[7]) Ibid., 116.

[8]) Ibid., 117. Книга Менгера вызвала весьма оживленную полемику, въ которой мы отмѣтимъ только защиту исторической школы Шмоллеромъ и отвѣтъ Менгера. *Schmoller*. Zur Methodologie der Staats-und Socialwissenschaften въ „Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft im deutschen Reiche. 1883. *C. Menger*. Die Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationaloeconomie. Объ этомъ спорѣ въ вышеуказанной статьѣ г. Левитскаго.

диспутѣ проф. Левитскаго, когда проф. А. И. Чупровъ указывалъ ему на существованіе отрицавшихся имъ общихъ законовъ экономической жизни. Уже въ своей вступительной лекціи въ московскомъ университетѣ названный ученый съ полнымъ основаніемъ отмѣчалъ тотъ фактъ, что „политическая экономія изъ области общественныхъ дисциплинъ прежде всѣхъ приняла научную форму“, ибо „начальный шагъ на пути научнаго анализа (экономическихъ явленій) состоялъ въ томъ, чтобы укрѣпить въ убѣжденіи людей вѣру въ закономѣрность хозяйственныхъ явленій, выяснить съ полною очевидностью, что народное хозяйство не есть безсвязный матеріалъ, который можетъ принять ту или другую форму подъ рукой искуснаго зодчаго, что въ немъ дѣйствуютъ свои непоколебимые законы“ [1]). Первая школа политической экономіи (смитовская) и исходила изъ того взгляда, что „законы народнаго хозяйства, будучи основаны на постоянномъ отношеніи всегда себѣ равной экономической природы человѣка къ внѣшнимъ вещамъ, стоятъ выше пространства и времени и остаются неизмѣнными при всякой перемѣнѣ явленій“ [2]). Въ виду такого отношенія проф. Чупрова къ теоретической экономіи получаетъ важное значеніе опредѣленіе имъ общаго стремленія исторической школы. Одну изъ ея особенностей онъ видитъ въ стремленіи „доказать несостоятельность смитовской гипотезы о существованіи непреложныхъ, абсолютныхъ хозяйственныхъ законовъ“, ибо послѣдніе суть для нея „лишь тенденціи отдѣльныхъ силъ произвести извѣстныя слѣдствія,— тенденціи, которыя могутъ быть устранены вмѣшательствомъ разумной человѣческой воли, несущей поэтому отвѣтственность за данныя хозяйственныя состоянія“ [3]). Становясь на ту точку зрѣнія, что въ каждой изъ экономическихъ школъ есть доля истины, проф. Чупровъ защищаетъ дедуктивный методъ въ дѣлѣ изслѣдованія законовъ, управляющихъ экономическими явленіями. Поэтому онъ указываетъ, какъ на заслугу Адама Смита и его послѣдователей, на ихъ попытку научнаго изслѣдованія законовъ въ области хозяйственныхъ фактовъ. „Что бы ни говорила, продолжаетъ онъ, историческая школа объ измѣнчивости экономическихъ законовъ, но анализъ показываетъ, что въ ряду хозяйственныхъ явленій есть нѣкоторая доля содержанія, всегда и при всѣхъ условіяхъ остающаяся одной и тою же“, хотя бы и нельзя было отрицать при этомъ, что Ад. Смитъ „возвелъ на степень общихъ незыблемыхъ законовъ многія специфическія черты

---

[1]) *Чупровъ*. О современномъ значеніи и задачахъ политической экономіи. М. 1874. стр. 7—8.

[2]) Ibid., 9.

[3]) Ibid., 13

современнаго ему общества". Что касается до заслуги исторической школы, то проф. Чупровъ усматриваевъ ее въ „выясненіи роли второстепенныхъ факторовъ, лежащихъ въ промежуткѣ между общими законами и конкретными явленіями", т.-е. тѣхъ вліяній, которыя свойственны лишь извѣстнымъ родамъ хозяйственныхъ явленій, извѣстнымъ мѣстностямъ и эпохамъ [1]). Полнѣе всю свою мысль объ отношеніи между обоими направленіями почтенный ученый формулируетъ приблизительно такимъ образомъ: первая задача экономической науки—установить „рядъ законовъ, объясняющихъ основныя черты хозяйственной дѣятельности вообще, одинаково примѣнимыхъ ко всѣмъ отраслямъ хозяйства и ко всѣмъ ступенямъ историческаго, развитія", но затѣмъ она „должна прослѣдить, какимъ видоизмѣненіямъ подвергались ея законы въ теченіе исторической жизни человѣчества, въ силу тѣхъ особыхъ условій, которыя приносила съ собою каждая новая ступень развитія культуры" [2]).

Критическое разсмотрѣніе основныхъ посылокъ и методовъ теоретической и исторической школъ имѣетъ весьма важное значеніе для теоріи историческаго процесса по многимъ общимъ вопросамъ, которые затрогивались въ экономической методологіи. Въ бѣгломъ очеркѣ, какимъ является настоящая статья, я могу намѣтить лишь нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, и, конечно, наиболѣе удобнымъ будетъ коснуться тѣхъ, о которыхъ рѣчь шла на предыдущихъ страницахъ.

1. Первый вопросъ касается метода. Историческая школа, поставившая своею задачею открытіе законовъ экономическаго развитія, отнеслась отрицательно къ дедукціи классической школы. Поставленный ею вопросъ возбуждался и въ другихъ соціальныхъ наукахъ,—въ политикѣ и въ юриспруденціи,—но ни въ одной спеціальной дисциплинѣ онъ не осуждался такъ подробно, какъ въ политической экономіи, а это дѣлаетъ методологическую литературу названной науки весьма важной для теоріи историческаго процесса, такъ какъ и по отношенію къ послѣдней возникаетъ вопросъ, не должна ли бы была она строиться исключительно эмпирическимъ путемъ, т.-е. допустима ли въ ней дедукція. Защита послѣдней представителями теоретическаго направленія противъ нападенія со стороны экономистовъ исторической школы даетъ достаточное количество аргументовъ и противъ тѣхъ писателей, которые осуждаютъ всякую дедукцію въ историологіи [3]).

---

[1]) Ibid, 15.

[2]) Ibid., 16.

[3]) Ср. мнѣніе критиковъ о моихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи", разсматриваемыхъ съ этой стороны. Брошюра „Моимъ критикамъ". Варшава. 1884, стр. 22 и слѣд. Строить историологію эмпирическимъ путемъ совѣтуютъ косвенно и критики моей книги „Сущность историческаго процесса и роль

Я не касаюсь здѣсь того „историко-реалистическаго направленія“, которое, по моему мнѣнію, выходитъ уже изъ тѣсныхъ рамокъ политической экономіи и представляетъ собою одну изъ соціологическихъ школъ, разсматривающую общество, какъ организмъ, и пользующуся методомъ аналогіи. Имѣю здѣсь въ виду между прочимъ „Строеніе и жизнь общественнаго тѣла“ Шэффле, идеи коего я разсматривалъ въ 3 главѣ третьей книги своихъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“.

2. Въ методологическомъ отношеніи особое значеніе я приписываю книгѣ Менгера, которая, кромѣ того, содержитъ въ себѣ немало идейнаго матеріала и по другимъ вопросамъ, интереснымъ съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса. Къ ихъ числу относится вопросъ о существованіи особыхъ эволюціонныхъ законовъ, отличныхъ отъ законовъ каузальныхъ, который я до сихъ поръ считаю открытымъ [1]), ожидая его рѣшенія отъ спеціальныхъ наукъ, его ставившихъ въ той или другой формѣ. Возникалъ онъ, напр., и въ юриспруденціи [2]), но главнымъ образомъ именно въ политической экономіи было подчеркнуто эмпирическое происхожденіе такихъ законовъ, чтó приближаетъ насъ къ рѣшенію вопроса о ихъ научномъ достоинствѣ. Кромѣ того, эволюціонные законы „общественнаго тѣла“ выводятся часто по аналогіи съ законами развитія организмовъ, и по этому вопросу отсылаю къ разбору ученія экономиста Шэффле въ указанной моей книгѣ.

3. Методологическая литература въ области политической экономіи подвергла обстоятельному разсмотрѣнію и общій вопросъ о томъ, существуютъ ли законы, дѣйствіе коихъ не ограничено ни временемъ, ни мѣстомъ. Теорія историческаго процесса, изслѣдующая его сущность, т.-е. то, какъ онъ происходитъ вездѣ и всегда, можетъ имѣть смыслъ только исходя изъ идеи такихъ законовъ, и защита ихъ экономистами теоретическаго направленія съ этой точки зрѣнія представляетъ большой интересъ для теоріи исторіи.

4. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы политико-экономическая литература давала что-либо разработанное по вопросу о роли личности въ историческомъ процессѣ. Изъ научныхъ спеціальностей онъ подымался главнымъ образомъ только въ юриспруденціи и исторіи литературы [3]), но политическая экономія его обходила, хотя,

---

личности въ исторіи“, но я это считаю невозможнымъ. См. статью мою „Новые отвѣты критикамъ“ (Рус. Богат., 1890, сент., 120—121, 123).

[1]) См. Сущность историческаго процесса (стр. 419 и слѣд.), гдѣ я подробно разсматриваю этотъ вопросъ.

[2]) Юриспруденція и теорія историческаго процесса, стр. 269.

[3]) Сущность историческаго процесса, стр. 538.

наприм., классическая школа, положимъ, по характеристикѣ проф. Чупрова, должна была бы отнестись къ этой роли отрицательно, разъ народное хозяйство не можетъ измѣняться подъ рукой искусныхъ зодчихъ, тогда какъ реформаторскія стремленія представителей научнаго соціализма предполагаютъ признаніе возможности личнаго дѣйствія, какъ фактора, видоизмѣняющаго хозяйственный бытъ [1]). Что касается до исторической школы, то она въ отношеніи этого вопроса стоитъ, повидимому, на точкѣ зрѣнія теоріи, которую я называю теоріей безличной эволюціи. Желательно было бы, чтобы экономисты, разрабатывающіе философію своей науки, занялись разрѣшеніемъ вопроса о роли личности въ историческомъ процессѣ, взятомъ съ его экономической стороны. Говоря это, я отнюдь не отрицаю того, что экономическая литература заключаетъ въ себѣ массу соображеній, важныхъ для рѣшенія этого вопроса, и было бы очень интересно ихъ собрать, привести ихъ въ извѣстность, какъ соображенія, важныя именно съ указанной точки зрѣнія. Ихъ можно было бы найти главнымъ образомъ въ спорахъ о „laissez faire, laisser passer“ и о вмѣшательствѣ,—спорахъ, коимъ экономисты придавали большею частью практическую постановку, — объ естественности и искусственности экономическихъ явленій и т. п. [2]).

Вообще я былъ бы очень благодаренъ экономистамъ, которымъ попадетъ въ руки эта статья, за всякія критическія замѣчанія и литературныя указанія по поставленнымъ сейчасъ вопросамъ.

IV.

Отъ историзма въ политической экономіи перехожу къ экономизму въ исторіи, обозначая этимъ названіемъ направленіе, которое слишкомъ исключительно занимается хозяйственной стороной исторической жизни. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что изучать экономическую жизнь въ высшей степени важно, особенно съ средины XIX в., когда экономическіе вопросы, интересы и стремленія дали себя чувствовать съ особою силою [3]). Лично я первые два историческіе труда свои

[1]) Однако у Маркса признается эволюціонный законъ, въ силу котораго всѣ общества обречены, наприм., пройти черезъ капиталистическій строй.

[2]) Изъ извѣстныхъ мнѣ экономистовъ Шэффле, на котораго я смотрю, какъ на соціолога, главнымъ образомъ интересовался вопросомъ о роли „духовнаго начала“ (личнаго дѣйствія) въ эволюціи, что мною отмѣчалось раньше.

[3]) Самое возникновеніе и развитіе этого направленія произошло подъ вліяніемъ интересовъ и стремленій, начавшихъ управлять самою жизнью европейскихъ народовъ съ середины XIX в., такъ что, говоря вообще, до 1848 г.

посвятилъ предмету, въ которомъ на первомъ планѣ стоялъ экономическій интересъ: я говорю о своихъ книгахъ по исторіи французскаго крестьянства, въ коихъ, напр., постоянно упрекаю своихъ предшественниковъ за то, что, становясь на точку зрѣнія юридическую, они пренебрегаютъ экономической стороной предмета. Поэтому я сталъ бы возражать каждому, кто на основаніи дальнѣйшаго изложенія вздумалъ бы говорить, будто я отрицаю важность экономической исторіи. Съ другой стороны, я всегда стремился теоретически изслѣдовать историческую жизнь во всей ея полнотѣ, и было бы странно, если бы я сталъ игнорировать экономическіе элементы этой жизни. Но именно во имя упомянутой полноты и слѣдуетъ отмѣтить довольно часто проявляющіяся увлеченія историковъ однимъ экономизмомъ.

Если въ экономической литературѣ было много теоретическихъ споровъ, вызванныхъ примѣненіемъ къ политической экономіи историческаго метода, то, наоборотъ, въ исторической литературѣ возникновеніе и развитіе экономическаго направленія не отразилось замѣтнымъ образомъ въ области теоріи исторической науки. Не въ первый разъ мнѣ приходится отмѣчать поразительную неразработанность теоретическихъ вопросовъ нашей науки. Напр. въ новѣйшемъ (1889 г.) и весьма обширномъ (530 стр.) „Руководствѣ историческаго метода“ Бернгейма [1]) говорится по старой памяти объ отношеніи исторіи къ такимъ наукамъ, какъ палеографія, дипломатика, сфрагистика, геральдика, нумизматика и т. п., но не нашлось мѣста для разбора взаимныхъ отношеній между исторіей и политической экономіей. Историки экономическаго направленія въ свою очередь не даютъ себѣ труда обосновывать теоретически свое направленіе, и даже тогда, когда ихъ теорія слишкомъ ясно сводится къ положенію, по которому историческій процессъ по существу и въ основѣ своей есть процессъ экономическій, теорія эта только высказывается, но не доказывается. Исключеніе составляетъ, пожалуй, только одинъ Роджерсъ, авторъ „Экономическаго изъясненія исторіи“ [2]), но онъ, во-первыхъ, скорѣе доказываетъ вообще важность экономическаго изученія, чѣмъ убѣждаетъ насъ въ исключительномъ правѣ хозяйственныхъ фактовъ считаться основами исторіи, тѣмъ болѣе, во-вторыхъ, что подъ послѣдней онъ разумѣетъ главнымъ образомъ исторію только соціальную въ широкомъ смыслѣ

преобладало въ исторіи теченіе политическое, а послѣ 1848 г. получило преобладаніе соціальное. Ср. *П. Виноградовъ*. Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи. Спб. 1888. Стр. 1, 24, 32—33. Объ исторіи этого направленія я думаю писать особо, а потому и ограничиваюсь здѣсь лишь этимъ указаніемъ.

[1]) *E. Bernheim*. Lehrbuch der historischen Methode.

[2]) The economic interpretation of history. 1888. Это были лекціи, читанныя въ Оксфордѣ.

слова, а, наконецъ, и то имѣетъ значеніе, что Роджерсъ является не столько теоретикомъ, исходящимъ изъ общихъ началъ, сколько историкомъ-спеціалистомъ, высказывающимъ свои общіе взгляды только въ связи съ фактическимъ изученіемъ извѣстной сферы историческихъ фактовъ [1]). Въ основѣ всѣхъ историческихъ работъ съ идейнымъ содержаніемъ всегда лежитъ извѣстное представленіе о томъ, что такое исторія и въ чемъ она состоитъ, но достоинство науки требовало бы, чтобы такое представленіе не было простымъ предположеніемъ, принятымъ на вѣру, подобно догмату, а было такъ или иначе обоснова но дурно-ли—хорошо-ли доказано. Весьма благодарную работу представила бы изъ себя задача разобрать ходячія въ наше время основныя предположенія историческихъ работъ, разъ мы не имѣемъ опредѣленно формулированныхъ историческихъ теорій, и быть можетъ, особый интересъ представило бы изслѣдованіе экономической гипотезы. „Ученые всѣхъ категорій, говоритъ проф. Виноградовъ, собираютъ факты, толкуютъ и группируютъ ихъ, но при этомъ каждой категоріи свойственны способы, особенно ее отличающіе и содѣйствующіе тому, что задача разрѣшается извѣстнымъ образомъ. Относительное достоинство этихъ способовъ можно оцѣнить даже и не входя въ спеціальный разборъ результатовъ“ [2]). Именно, не входя въ спеціальный разборъ результатовъ, можно оцѣнивать и относительное достоинство тѣхъ предположеній, которыя дѣлаются при взглядахъ на исторію съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія.

Работая вообще надъ опредѣленіемъ общихъ воззрѣній современной исторіографіи, я, если можно такъ выразиться, пробовалъ вылущивать ихъ изъ историческихъ сочиненій разныхъ направленій и между прочимъ направленія экономическаго, расширяющагося, такъ сказать, иногда въ направленіе соціальное (противополагающее себя то политическому, то культурному). Поиски этого рода давали мнѣ вообще очень скудные результаты, и основной концепціи автора приводилось иногда добиваться на основаніи лишь нѣсколькихъ оброненныхъ замѣчаній [3]).

---

[1]) Роджерсъ заслуживаетъ особаго этюда, который и будетъ нами современемъ сдѣланъ, быть можетъ, въ связи съ исторіей всего направленія.

[2]) *П. Виноградовъ.* Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи. Спб. 1880, стр. 13.

[3]) Статья эта была уже окончена и сдана въ наборъ, когда я прочиталъ въ февр. кн. „Юрид. Вѣст.“ за 1891 г. некрологъ Роджерса, написанный проф. *И. В. Лучицкимъ.* Объ экономическомъ направленіи въ исторіи онъ говоритъ здѣсь, что оно „обѣщаетъ въ близкомъ будущемъ радикально измѣнить то, что называютъ научной исторіей“. Оно, продолжаетъ онъ, „впервые придало большую осмысленность спутаннымъ фразамъ: изученіе народа, народной жизни. Благодаря ему, на первый планъ выдвинуто изученіе важнѣйшаго изъ

Оставляя пока въ сторонѣ спеціальный разборъ всей относящейся сюда и мнѣ извѣстной литературы [1]), я остановлюсь только на двухъ-трехъ примѣрахъ изъ новѣйшаго времени.

Примѣромъ могутъ служить два солидныхъ изслѣдованія проф. П. Г. Виноградова по исторіи феодализаціи въ Италіи и Англіи, изъ коихъ второе прямо ставитъ себѣ задачу соціальной исторіи съ подкладкою въ экономическихъ отношеніяхъ. Указывая на такой характеръ работъ проф. Виноградова, я долженъ оговориться, что вовсе не думаю его обвинять вообще въ одностороннемъ увлеченіи экономизмомъ, но тѣмъ бо́льшій интересъ представляютъ собою тѣ его заявленія, въ коихъ высказывается мысль о томъ, что внутренняя сущность общественныхъ перемѣнъ сводится къ перемѣнамъ въ быту соціальномъ или экономическомъ. Напр., въ краткомъ очеркѣ литературы предмета, разматриваемаго П. Г. Виноградовымъ въ „Изслѣдованіяхъ по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка", онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что всѣ ученые до Маурера „исходили въ своихъ работахъ отъ политическихъ или культурныхъ вопросовъ", и что, „касаясь по необходимости земледѣлія и сословной системы, они разсматривали ихъ съ общеполитической точки зрѣнія. *Явленія хозяйства,* прибавляетъ авторъ, *которыя составляютъ какъ-бы внутреннюю сторону этихъ фактовъ*, остались за предѣлами изложенія". Въ особую поэтому заслугу Мауреру и ставится то, что „вмѣсто того, чтобы двигаться отъ цѣлаго къ частямъ, привлекать соціальную исторію только къ объясненію политической, онъ сосредоточиваетъ все вокругъ разбора владѣльческихъ и хозяйственныхъ отношеній простѣйшаго союза —марки" [2]). Еще подробнѣе мысль эту выразилъ авторъ въ другомъ

факторовъ жизни—экономическаго фактора, и вполнѣ ясно поставлено, какъ главная задача изученія, выясненія во всѣхъ деталяхъ процесса экономическихъ измѣненій, происходившихъ въ жизни какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ и всей Европы, но процесса не самого лишь въ себѣ (какъ то было раньше), а въ связи съ остальными явленіями и факторами жизни. Какое вліяніе оказывали экономическія явленія на ходъ событій, какое взаимодѣйствіе существовало между экономическими факторами и тѣмъ калейдоскопомъ событій и фактовъ, который составляетъ содержаніе того, что называютъ обыкновенно исторіей,—вотъ въ чемъ дѣятели этого новаго движенія въ историко-экономической наукѣ видятъ главное условіе для созданія научной исторіи". Стр. 172.

[1]) За всякія указанія, какія мнѣ въ этомъ отношеніи были бы сдѣланы моими товарищами по спеціальности, я былъ бы имъ весьма благодаренъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить благодарность А. И. Браудо, указавшему мнѣ по прочтеніи моего реферата на книгу (1888 г.) *Weisengrün*'a Die Entwickelungsgesetze der Menschheit, заключающую въ себѣ интересный матеріалъ.

[2]) Изслѣдованія, 23.

своемъ сочиненіи, гдѣ онъ также противополагаетъ ученымъ, изслѣдовавшимъ процессъ феодализаціи съ политической точки зрѣнія, школу, которая разбираетъ этотъ процессъ, какъ выражается самъ авторъ, „*съ внутренней*, такъ сказать, стороны", останавливаясь главнымъ образомъ „на выражающемся въ немъ (процессѣ) *измѣненіи экономическаго строя, отъ коего непосредственно зависятъ измѣненія въ правѣ землевладѣнія и затѣмъ въ правѣ государственномъ*" [1]). Само собою разумѣется, что въ данномъ отношеніи проф. Виноградовъ совершенно правъ, но едва-ли позволительно обобщать явленія подобнаго рода и видѣть въ соціальномъ процессѣ внутреннюю сторону и основу процесса историческаго, въ коемъ перемѣнамъ политическимъ и культурнымъ въ такомъ случаѣ будетъ принадлежать значеніе чего-то уже болѣе внѣшняго и поверхностнаго. Въ этомъ смыслѣ, однако, нашъ авторъ проговаривается неразъ, указывая, напр., на важность, какую имѣетъ для историка соціальный процессъ не только самъ по себѣ, но и по заключающемуся въ немъ объясненію многаго такого, „что происходитъ *надъ нимъ* въ исторіи государства и духовной культуры" [2]). Въ одномъ еще мѣстѣ своей второй книги проф. Виноградовъ также говоритъ о томъ „историческомъ матеріалѣ, который служитъ *прочною основою для всѣхъ измѣненій поверхности*, а самъ поддается только медленнымъ и постепеннымъ измѣненіямъ" [3]). Авторъ не указываетъ здѣсь, что́ же именно можно обозначать такимъ образомъ, но изъ дальнѣйшихъ словъ его о значеніи „исторіи римскаго права въ средніе вѣка", видно, что такимъ материкомъ онъ считаетъ „установившееся теченіе юридической и общественной жизни" [4]). Я могъ бы привести и другія брошенныя вскользь замѣчанія, свидѣтельствующія все о томъ же общемъ представленіи проф. Виноградова, но ограничусь только однимъ заявленіемъ, въ коемъ та же мысль представляется и въ нѣсколько иной формѣ. Отмѣчая именно тотъ фактъ, что въ Англіи „хозяйственная практика сохраняла и вырабатывала группировку силъ, интересовъ и обычныхъ отношеній, гораздо болѣе многообразную и жизненную, нежели искусственная группировка по правамъ, принятая въ судахъ", онъ прибавляетъ, что „*реакція этихъ послѣднихъ отношеній на поверхность* заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и *давленіе поверхности надъ собирающіеся подъ нею факты*" [5]). Въ сущности историкъ отмѣчаетъ здѣсь явленіе, которое весьма ча-

---

[1]) Происхожденіе, 10.
[2]) Изслѣдованія, предисловіе.
[3]) Изслѣдованія, 6.
[4]) Ibid., 7.
[5]) Ibid , 94.

сто приходится констатировать новымъ изслѣдованіямъ, обнаруживающимъ, что въ обществѣ нерѣдко наперекоръ образовавшемуся праву дѣйствуетъ теченіе фактическихъ отношеній, парализующее дѣйствіе юридическихъ опредѣленій и прокладывающее дорогу къ развитію ихъ на новыхъ началахъ [1]), но, съ нашей точки зрѣнія, нужно еще доказать предположеніе о томъ, что одно есть основа, а другое поверхность, что одно создается естественно, а другое искусственно. Между тѣмъ не только въ приведенномъ мѣстѣ, гдѣ на то было прямое основаніе, но и вообще проф. Виноградовъ противополагаетъ юридическую классификацію хозяйственной, какъ искусственную естественной [2]), хотя, по его собственному опредѣленію, цѣли общественной группировки людей всѣхъ сословій суть и хозяйственныя, и юридическія [3]), и хотя, прибавлю я еще, естественное и искусственнее, т.-е. безсознательно складывающееся и сознательно установляемое бываетъ и въ области хозяйства, и въ области права, такъ что экономическій процессъ въ сравненіи съ процессомъ юридическимъ преимущества особой естественности не имѣетъ [4]). Само собою разумѣется, что отрывочныя замѣчанія не заключаютъ въ себѣ всей теоріи: они составляютъ только намеки на нѣкоторую общую гипотезу историческаго процесса, въ которой, повидимому, доминируетъ экономическій факторъ.

Нѣсколько рельефнѣе высказана аналогичная мысль на первыхъ страницахъ „Исторіи реформаціи въ Польшѣ“ проф. Н. Н. Любовича [5]). „При изученіи религіозныхъ движеній, говоритъ онъ, источникъ ихъ происхожденія обыкновенно ищутъ въ религіозномъ настроеніи общества“, и онъ считаетъ „невозможнымъ не согласиться, что религіозное чувство играетъ дѣйствительно важную роль въ религіозныхъ движеніяхъ“. Но, по его мнѣнію, особое значеніе въ нихъ принадлежитъ „общественно-экономическимъ отношеніямъ“, и религія въ подобныхъ случаяхъ служитъ для движенія, вызваннаго ими, только знаменемъ. Подробнѣе развилъ проф. Любовичъ эту мысль въ брошюрѣ „Общественная роль религіозныхъ движеній“ [6]). Впрочемъ, историкъ польской реформаціи не сводитъ религіозныхъ движеній исключительно къ однимъ соціальнымъ причинамъ, скорѣе, только полемизируя съ мнѣніемъ, по коему вся реформація XVI в. была вызвана исключительно рели-

---

[1]) Примѣры см. у самого *проф. Виноградова.* Изслѣдованія, 59, 66, 74, 94, 105, 106.

[2]) Изслѣдованія, 105.

[3]) Ibid., 107.

[4]) См. мою книгу „Сущность историческаго процесса“, стр. 457.

[5]) Варшава. 1883.

[6]) Варшава. 1880. Это была вступительная лекція.

гіозными причинами и сама по себѣ была единственной причиной общественныхъ измѣненій. Онъ только, на мой взглядъ, слишкомъ выдвигаетъ впередъ общественно-экономическія отношенія, когда дѣло идетъ о явленіи, имѣющемъ прежде всего культурный характеръ.

Умѣренный и въ общемъ, такъ сказать, болѣе осторожный экономизмъ названныхъ русскихъ историковъ можетъ еще разсматриваться, какъ реакція противъ прежнихъ взглядовъ на феодализацію и реформацію, изъ коихъ одна объяснялась исключительно политически, вторая почти только изъ однихъ явленій культурнаго характера, безъ всякаго вниманія въ обоихъ случаяхъ къ фактору соціально-экономическому, но тѣ же самыя мысли уже въ болѣе рѣзкой формѣ высказываются, какъ прямое сведеніе всего историческаго процесса къ процессу экономическому. Въ иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ за послѣднее время стали появляться статьи Каутски (Kautsky), и нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ русскомъ переводѣ на страницахъ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1889 и 1890 гг. Одна изъ нихъ посвящена юбилею французской революціи, и дѣлая въ ней краткій обзоръ взглядовъ на это событіе, авторъ высказываетъ мнѣніе, что „конфликтъ коренился въ экономическихъ отношеніяхъ“: то, что прежніе историки признавали частнымъ эпизодомъ, является для него „движущей силой и не только всей революціи, но и всего общественнаго развитія“. Такое пониманіе исторіи онъ самъ прямо называетъ „матеріалистическимъ“ [1]). Другую свою работу, которая была напечатана въ томъ же журналѣ [2]), именно статью о „Вѣкѣ гуманизма и реформаціи“ онъ начинаетъ съ главъ экономическаго содержанія: I, возникновеніе капитализма и современнаго государства и II, землевладѣніе. Соотвѣтственно этому, говоря въ главѣ III (церковь) о необходимости и силѣ церкви въ средніе вѣка, онъ заявляетъ, что „необходимою церковь не только для отдѣльнаго лица и семьи, но и для государства дѣлало экономическое развитіе“ [3]), да и силу церкви онъ видитъ главнымъ образомъ въ ея экономическомъ могуществѣ [4]), а то, наприм., что Италія, Франція и Испанія остались католическими, онъ приписываетъ ихъ „сравнительно высшему экономическому развитію“. Приступая (въ главѣ IV) къ разсмотрѣнію гуманизма, онъ прямо такъ-таки и заявляетъ, что „новая форма производства требовала также новыхъ формъ мышленія и создала для него новое

---

[1]) См. въ означенной статьѣ стр. 116—117.
[2]) Кн. XI и XII за 1889 г. II за 1890.
[3]) 1890, II, 142.
[4]) Ibid., 145.

содержаніе“ [1]). „Торговля и эксплуатація, говоритъ онъ еще, были матеріальными основами гуманизма“ [2]).

То, что учеными спеціалистами высказывается съ нѣкоторою осторожностью, съ прямыми оговорками или недомолвками, въ популярной литературѣ выставляется уже съ полною рѣзкостью. Одинъ, къ сожалѣнію, оставшійся мнѣ неизвѣснымъ нѣмецкій писатель высказалъ недавно самые крайніе взгляды на роль экономическаго фактора въ историческомъ процессѣ, съ которыми я познакомился по изложенію въ одномъ русскомъ газетномъ фельетонѣ, озаглавленномъ: „Новое о геніальныхъ людяхъ“. Его авторъ ставитъ между прочимъ вопросъ, каково значеніе генія въ исторіи человѣчества и на сколько онъ можетъ вліять на развитіе и направленіе культуры,—и ссылается на рѣшеніе вопроса, данное въ статьѣ упомянутаго нѣмецкаго писателя. По его теоріи, „геній представляетъ собой необычайное развитіе органа мышленія, а историческое развитіе совершается постепенно. Ясно, что это постоянство историческаго развитія должно имѣть и свои постоянно дѣйствующія причины и не можетъ обусловливаться чѣмъ-нибудь такимъ, что, какъ геній, проявляется внезапно и неправильно. Въ дѣйствительности историческое развитіе въ концѣ-концовъ зависитъ отъ экономическихъ перемѣнъ, происходящихъ въ способахъ производства и въ распредѣленіи продуктовъ труда. Всѣ революціи въ исторіи, въ какой бы формѣ ни выступали онѣ, въ религіозной или политической, были результатомъ предшествовавшихъ совершавшихся въ тиши экономическихъ революцій, по отношенію къ которымъ первыя являлись лишь шумнымъ резонансомъ. Къ самымъ важнымъ революціямъ въ исторіи до сихъ поръ принадлежали собственно тѣ, которыя ознаменовались усовершенствованіями въ способахъ производства, и косвенно тѣ, которыя открыли законы природы и сдѣлали возможнымъ ихъ успѣшное примѣненіе къ машинамъ, сберегающимъ трудъ человѣка. Геній, не находящій благопріятныхъ условій для своей дѣятельности въ данную эпоху, непризнаваемый или даже преслѣдуемый, не можетъ достигнуть своего значенія. Виклифъ и Гусъ потерпѣли фіаско въ тѣхъ же самыхъ реформаторскихъ стремленіяхъ, которыя одержали побѣду позднѣе, при Лютерѣ, когда явились на лицо экономическія условія для ихъ успѣха“ [3]).

За такими воззрѣніями стоитъ, на нашъ взглядъ, односторонне-матеріалистическій взглядъ на исторію, который сводитъ все ея дви-

---

[1]) Ibid., 162.

[2]) Ibid., 170.

[3]) См. Новое Время, № 5139. Фамилія писателя, на котораго ссылается авторъ фельетона *г. Булкаковъ*, Доннатъ.

женіе къ основнымъ мотивамъ голода и холода. Недавно, наприм., онъ былъ высказанъ въ большомъ трудѣ Липперта „Культурная исторія человѣчества въ ея органическомъ построеніи“. Авторъ этой книги въ культурной исторіи видитъ какъ бы центральную дисциплину, около которой объединяются всѣ знанія, имѣющія отношенія къ человѣку и его судьбамъ [1]). Намъ нѣтъ здѣсь дѣла до того, какъ понимаетъ Липпертъ самую задачу культурной исторіи при нѣкоторой неопредѣленности термина, употребляющагося въ довольно различныхъ смыслахъ. Достаточно указать, что подъ культурою онъ разумѣетъ все, что хоть сколько-нибудь поднимаетъ насъ надъ нашею природною ограниченностью,—а такое пониманіе культуры можно назвать весьма широкимъ,—и вотъ основнымъ двигателемъ всей исторіи культуры, разсматриваемой съ этой точки зрѣнія, онъ признаетъ заботу о существованіи, „die Lebensfürsorge“ [2]). Не отрицая въ исторіи и духовнаго начала, онъ сводитъ его къ физическому источнику и совѣтуетъ не преувеличивать его значенія [3]). Авторъ статьи объ этой книгѣ въ „Русской Мысли“ за 1888 годъ основательно замѣчаетъ, что съ точки зрѣнія Липперта всѣ проявленія жизни человѣчества, даже самыя сложныя и идеальныя, „зависятъ отъ формъ экономически-общественныхъ организацій“, непрерывно развивающихся подъ вліяніемъ фактора, принимаемаго Липпертомъ за основной, а потому и ставитъ этого изслѣдователя „въ ряды такъ называемой матеріалистической школы исторіи, лозунгомъ которой стали извѣстныя слова К. Маркса: *экономическое строеніе общества есть реальное основаніе, на которомъ находятся юридическія и политическія надстройки и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы самознанія*“ [4]). Но заявленіе принципа, хотя бы онъ потомъ и проводился въ цѣлой массѣ историческихъ сочиненій въ примѣненіи къ конкретнымъ фактамъ, еще не составляетъ тео-

---

1) *Lippert*. Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau. Stuttgart. 1886. I, 1.

2) Ibid., I, 3.

3) Wenn es schon möglich wäre, den Prozess der Kulturentwickelung so weit zu zergliedern, dasz nur noch physikalische Kräfte als die letzten elementaren Faktoren zurückblieben, so dürfte man doch nie übersehen, dasz aus diesen Elementen Verbindungen zweiter und höherer Ordnung im Menschen selbst hervorgehen, welche dann selbst wieder gleich Naturgewalten in die Reihe der wirksamen Faktoren treten. Das ist das specifisch Menschliche oder, wenn wir es so lieber nennen, das Geistige in der Kulturgeschichte, dessen Bedeutung gar nicht überschätzen werden kann. Ibid., I, 21.

4) П. Н. Новая попытка органическаго построенія исторіи человѣческой культуры. Рус. М., 1888, V, 96—97.

ріи, которая прежде всего требуетъ доказательствъ, не могущихъ быть замѣненными простою провѣркою, такъ какъ этимъ путемъ легко подтвердить на одной категоріи фактовъ любую историческую гипотезу, хотя бы существовали разные иные факты, этой гипотезы не подтверждающіе и даже прямо ей противорѣчащіе. Съ другой стороны, никѣмъ не была опровергнута указанная мысль, такъ какъ и тутъ нужны доказательства, основанныя на анализѣ существа соціальной жизни и историческаго движенія, коихъ и быть не можетъ въ простомъ предъявленіи противоположнаго принципа. „Существенное содержаніе исторіи, говоритъ, напр., проф. В. И. Герье въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей, составляетъ идеи. Онѣ даютъ направленіе творческой дѣятельности историческихъ лицъ и управляютъ событіями. Въ послѣднее время, продолжаетъ онъ, историки стали обращать больше вниманія, чѣмъ прежде, на *интересы*: интересы экономическіе—и вызванные условіями, въ которыя поставлена хозяйственная жизнь народовъ; интересы соціальные, вызванные потребностями отдѣльныхъ слоевъ въ народѣ; но такое изученіе интересовъ не уменьшило значенія идей. Напротивъ, мы постоянно видимъ, что самые интересы становятся подъ знамя какой-нибудь идеи, стараются воспользоваться господствующими идеями, чтобы восторжествовать въ борьбѣ съ противоположными интересами“ [1]). Лично я держусь того мнѣнія, что истинная историческая теорія заключается не въ томъ или другомъ одностороннемъ принципѣ, а въ ихъ синтезѣ, и весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы опредѣлить ту долю истины, какая заключается въ томъ или другомъ исторіологическомъ ученіи, и установить взаимное отношеніе добытыхъ подобнымъ путемъ частныхъ истинъ: въ этомъ и должна заключаться задача теоріи историческаго процесса.

Сведеніе существеннаго содержанія исторіи къ соціальнымъ отношеніямъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, объясненіе этихъ отношеній при помощи изученія исключительно однихъ только явленій хозяйственнаго быта, возникающихъ на почвѣ заботы человѣка о средствахъ къ существованію и порождающихъ интересы, какъ двигатели историческаго процесса,—все это стоитъ въ связи съ извѣстной „посылкой эгоизма“, которую принимаетъ классическая школа ради цѣлей изслѣдованія, предполагая, что люди въ своихъ экономическихъ дѣйствіяхъ руководятся исключительно себялюбивыми мотивами. Извѣстно, что историческая школа напала на эту посылку теоретической экономіи, понявъ ее въ томъ смыслѣ, будто она равносильна признанію эгоизма единственнымъ мотивомъ человѣческой дѣятельности. Если

---

[1]) *В. Герье.* Средневѣковое міросозерцаніе, его возникновеніе и идеалъ. Вѣстн. Евр., 1891, февр., 753.

бы это было такъ, то, конечно, историческая школа была бы права, но разсмотрѣніе истиннаго смысла указанной посылки приводитъ къ тому, что теоретическая экономія въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей и не помышляла утверждать это [1]). Уже Адамъ Смитъ, авторъ цѣлой „Теоріи нравственныхъ чувствъ“, выставившій именно теорію симпатіи, т.-е. альтруизма, не могъ, конечно, думать, что человѣкъ вообще руководится однимъ эгоизмомъ, но такая посылка ему была нужна для теоретическихъ цѣлей совершенно такъ же, какъ механику нужно представленіе тѣла, движущагося въ безвоздушномъ пространствѣ и не испытывающаго никакого тренія: въ теоріи ему нужно было изучить изолированное дѣйствіе одного фактора, который въ дѣйствительности не играетъ исключительной роли, такъ какъ въ жизни людей рядомъ съ эгоизмомъ оказываютъ вліяніе на ихъ поведеніе и другіе мотивы. Но то, что примѣнимо въ наукѣ номологической и частной, не мыслимо въ исторіи, какъ наукѣ феноменологической и общей, изучающей явленія во всей имъ сложности. Насколько Марксъ формулировалъ основной тезисъ экономическаго направленія въ исторіи, настолько онъ въ сущности только примѣнялъ основную посылку классической школы къ области, которую эта школа вообще игнорировала. Само собою разумѣется, что здѣсь эта посылка получаетъ уже иной смыслъ, и на основномъ взглядѣ всего направленія отразился такимъ образомъ переживаемый нами историческій моментъ.

Историческое изученіе экономическихъ явленій въ сущности только-что начато, и нужно надѣяться, что современемъ оно дастъ матеріалъ для вѣрнаго и всесторонняго опредѣленія отношенія этихъ явленій къ другимъ соціальнымъ и культурнымъ явленіямъ, для коихъ они бываютъ и причинами, и слѣдствіями, и важными условіями, и побочными обстоятельствами и т. д. Съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса наибольшую важность имѣли бы, конечно, экономическія изслѣдованія, предпринятыя съ эволюціонной точки зрѣнія, при помощи сравнительнаго метода и на основаніи не одного историческаго, но и этнографическаго матеріала [2]). Важно также было бы, чтобы историки-экономисты почаще подводили теоретическіе итоги подъ своими изслѣдованіями и обстоятельнѣе формулировали свои теоретическія посылки: въ этихъ итогахъ накоплялся бы научно обработанный матеріалъ для теоріи историческаго процесса, эти посылки могли бы служить предметомъ исторіологической критики, поставленной, какъ мы видѣли, къ экономическому направленію въ исторіи въ худ-

---

[1]) См. у *Менгера* главу 7 первой книги (стр. 71 и слѣд.) и у проф. *Левитскаго* о томъ же главу 8 (стр. 197 и слѣд.).

[2]) Разработка теоретическихъ вопросовъ. „Историческое Обозрѣніе“, I, 21.

шія отношенія, нежели къ исторической школѣ въ экономической наукѣ, которая свои принципы формулировала. Во всякомъ случаѣ я предполагаю еще вернуться къ этому вопросу, и если мнѣ, какъ неспеціалисту въ области политической экономіи, трудно, а подчасъ и немыслимо высказываться рѣшительнымъ образомъ о взаимныхъ отношеніяхъ теоретизма и историзма въ частныхъ и техническихъ вопросахъ этой науки, то по отношенію къ вопросу объ экономическомъ направленіи въ исторической наукѣ я считаю своею прямою задачей разсмотрѣть болѣе подробнымъ образомъ исходный пунктъ, основную точку зрѣнія и частныя теоремы этого направленія [1]).

---

[1]) Въ упомянутой выше (стр. 105, прим. 1) книгѣ *Вейзенгрюна* спеціальный интересъ для нашей темы имѣетъ особенно глава III (стр. 76—157), трактующая объ „экономическомъ матеріализмѣ", формулу коего авторъ видитъ въ словахъ Фридриха Энгельса: „die Geschichte einer Epoche liegt nicht in der Philosophie, sondern in der Oekonomie derselben" (Einleitung, 10). О положеніи этого предмета Вейзенгрюнъ вполнѣ въ согласіи съ тѣмъ, что утверждаемъ и мы, говоритъ слѣдующее: „Philosophisch ausgebeutet wurde diese Richtung fast gar nicht... Gerade in der Volkswirthschaft... giebtes manche Forscher, die jedes allgemeinere Eindringen in den Gegenstand für unnöthig halten, стр. 77. Самый же вопросъ формулируется у него такимъ образомъ: Ob die Entwicklung der Menschheit mehr auf rein intellectueller oder auf ökonomischer Basis sich vollzieht; das heiszt also, ob die Revolutionen, Reformen, Reactionen, sociale Bewegungen aller Art Jahrhunderte hindurch, ob alles Streben bis jetzt hauptsächlich intellectuellen oder ökonomischen Ursprungs ist? стр. 23. Къ сожалѣнію, книга Вейзенгрюна написана крайне несистематично: c'est un livre décousu au plus haut dégré, сказали бы о ней французы.

Историческое общество лѣтописца Нестора въ Кіевѣ (1873—1890 гг.).

Л. И. Нестроева.

Восемнадцать лѣтъ прошло со дня открытія Историческаго общества въ Кіевѣ, и это — промежутокъ времени, достаточный для того, чтобы могли обозначиться характеръ общества и направленіе его дѣятельности, и проявиться тѣ или иные результаты его работъ. Въ настоящей замѣткѣ я попытаюсь, — насколько это возможно вообще относительно ученыхъ обществъ, гдѣ направленіе и качество работъ опредѣляется по преимуществу наличными силами и характеромъ этихъ силъ, а также условіями и мѣстной, и общей жизни,—дать посильную характеристику дѣятельности общества и его работъ, опираясь главнымъ образомъ на цифровыя данныя, какъ на наиболѣе безпристрастныхъ свидѣтелей.

Но прежде — нѣсколько словъ о возникновеніи его въ Кіевѣ и объ его организаціи.

Мысль объ основаніи въ Кіевѣ Историческаго общества—мысль не новая. Она существовала давно, и раза два были сдѣланы попытки образовать его, но оба раза безуспѣшно: получить утвержденіе его оказывалось невозможнымъ. Еще въ 1841 году, по иниціативѣ покойнаго М. Максимовича, образовался полуученый, полуоффиціальный кружокъ, выработавшій проектъ устава „Общества исторіи и древностей словено-русскихъ", сколокъ съ уставовъ историческихъ обществъ, существовавшихъ уже въ Москвѣ и Одессѣ. Генералъ-губернаторъ юго-западнаго края взялся провести проектъ въ Петербургѣ, но дѣло окончилось ничѣмъ. Вмѣсто общества создана была въ 1843 году „временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ", имѣвшая по харак-

теру своему и цѣлямъ мало общаго съ тѣмъ, что называютъ историческимъ обществомъ.

Двадцать семь лѣтъ спустя, въ 1867 году, по инициативѣ отчасти того же М. Максимовича, мысль объ основании общества возникла вновь. Образовался весьма разнородный по составу кружокъ [1]), занявшійся выработкою проекта устава „кіевскаго общества исторіи, древностей и литературы". Кружокъ имѣлъ въ виду преимущественное изслѣдованіе всего, что „можетъ служить къ подробному и полному разъясненію исторіи южнаго края" и въ то же время и всего, что можетъ содѣйствовать распространенію „возможно вѣрнаго знанія о Россіи". Планъ дѣятельности общества былъ задуманъ въ широкихъ размѣрахъ. Оно поставило цѣлію, въ виду малаго и ничтожнаго матеріала, собраннаго для изученія юга и крайней разбросанности его: 1) заботиться объ открытіи, собираніи и храненіи историческихъ памятниковъ всякаго рода, 2) подвергать ихъ научному изслѣдованію и 3) для распространенія познанія о нихъ читать публичныя лекціи. Отсюда и проектъ правъ общества, а именно права производить разысканія и археологическія и архивныя,—послѣднія во всѣхъ архивахъ и библіотекахъ Кіева и всего южнаго края.

Задуманное еще въ 1867 году общество это приступило къ мѣрамъ выполненія проекта лишь пять лѣтъ спустя, въ 1872 г., при посредствѣ совѣта университета, при которомъ оно, это общество, и должно было состоять по примѣру другихъ обществъ.

Но пока проектъ вырабатывался и раньше чѣмъ поступилъ онъ на утвержденіе, образовался и другой кружокъ, въ составъ котораго вошло и нѣсколько лицъ изъ перваго. Независимо отъ перваго и независимо отъ университета задумано было образованіе историческаго общества имени лѣтописца Нестора. Это общество должно было, по цѣли его, „содѣйствовать развитію русской исторической науки: исторіи политической и церковной, исторіи литературы и права, археологіи, нумизматики и проч., а равно и всеобщей исторіи, и всеобщей литературы, насколько онѣ находятся въ связи съ умственной жизнью русскаго народа [2]). Не касаясь вопроса о собираніи матеріаловъ для изученія исторіи и археологіи, проектъ новаго, третьяго, общества стремился лишь „противопоставить нѣкоторой слабости ученаго труда силу союза", соединить на нейтральной почвѣ и ученыхъ, и людей,

---

[1]) Въ составъ его вошли, кромѣ Максимовича, М. Юзефовичъ, Х. Бунге (тогда ректоръ университета), профессора А. Селинъ, В. Антоновичъ, В. Шульгинъ, И. Малышевскій, Ф. Терновскій и др.

[2]) Онъ состоялъ изъ доцента унив. И. П. Хрущова и профессоровъ Духовной Академіи В. Пѣвницкаго, Н. Петрова, П. Лошкарева, И. Малышевскаго, Ф. Терновскаго.

не принадлежащихъ къ ученымъ корпораціямъ, установить связь между учеными Кіева, занимающимися однородными науками и „дать каждому изъ нихъ возможность дѣлиться съ знатоками дѣла, научными выводами, открытіями, статьями“ и проч. (§ 2). Тѣ отчасти практическія цѣли, которыми руководились лица кружка 1867 г., были устранены. Новое общество ограничилось лишь заявленіемъ, что „юго-западный край заключаетъ въ себѣ богатыя данныя для археологіи“ и „представляетъ богатое поле для изслѣдованія и разъясненій топографическихъ, этнографическихъ и для изысканія древностей“.

Проектъ устава этого послѣдняго общества былъ утвержденъ окончательно 24 ноября 1872 г., и общество получило названіе „Общества лѣтописца Нестора“.

Въ виду этого, ходатайство, отправленное университетомъ въ декабрѣ 1872, объ утвержденіи проекта устава „кіевскаго общества исторіи, древностей и литературы“ и объ ассигнованіи ему, по примѣру общества естествоиспытателей, 2500 р. на расходы „по научнымъ изслѣдованіямъ, археологическимъ изысканіямъ и по изданію ученыхъ трудовъ общества“, было отклонено, такъ какъ, „за учрежденіемъ уже существующаго общества Нестора лѣтописца, въ другомъ подобномъ же обществѣ не можетъ предстоять необходимости“ (прот. совѣта 26 апр. 1874, Унив. Извѣстія № 6).

Результатомъ явилось стремленіе къ сліянію обоихъ обществъ. Члены уже дѣйствовавшаго общества Нестора 23 декабря 1873 г. заявили о своемъ желаніи „соединиться съ предполагаемымъ къ учрежденію при университетѣ обществомъ и составить одно историческое общество“ уже при университетѣ.

Желаніе это послѣ длинныхъ совѣщаній и споровъ было осуществлено, и въ 1874 году новое общество получило уже названіе „Общества лѣтописца Нестора, состоящаго *при университетѣ* Св. Владиміра, для разработки русской исторіи, археологіи и литературы“. Оно было въ такомъ видѣ и утверждено, но ходатайство университета объ ассигнованіи 2500 р. на нужды общества не было удовлетворено, и только въ 1889 г., благодаря ходатайству г. попечителя округа, В. В. Вельяминова-Зернова, ассигновано ежегодное пособіе обществу Нестора въ размѣрѣ 800 р.

Затрудненія, встрѣтившіяся при основаніи общества, борьба двухъ теченій не дала возможности развиться и сразу стать на ноги обществу. Число членовъ его было незначительно въ началѣ и слабо увеличивалось. Спеціальныхъ пожертвованій въ пользу общества сдѣлано не было, въ субсидіи было отказано, и всѣ свои скудныя средства общество добывало и могло добывать лишь путемъ членскихъ взносовъ. Естественно, что о широкой дѣятельности общества, объ

изданіи ихъ трудовъ, а тѣмъ болѣе матеріаловъ для мѣстной исторіи, не могло быть долгое время и рѣчи. Еще въ 1878 г. денежныя его средства не превышали 300 р. и только въ 1879 г., когда число членовъ достигло 45, а одинъ любитель изъ Москвы пожертвовалъ 50 р., можно было издать нѣкоторые труды общества за первыя 5 лѣтъ его существованія („Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца", т. I: 1873—77. Кіевъ 1879). Десять лѣтъ прошло, пока общество въ состояніи было издать второй томъ своихъ трудовъ, томъ, состоявшій по преимуществу изъ собранія протоколовъ засѣданій съ 1878 по 1887 г. и нѣсколькихъ статей, посвященныхъ 900-лѣтію крещенія Руси („Чтенія" т. 2. Кіевъ 1888), а вслѣдъ затѣмъ и небольшой третій томъ, часть котораго составило приложеніе уже раньше напечатаннаго при „Университетскихъ извѣстіяхъ" некролога А. Котляревскаго („Чтенія" т. 3 за 1888 г., Кіевъ 1889). Только съ прошлаго года полученная субсидія и затѣмъ членскіе взносы отъ 91 члена дали впервые возможность повести дѣло изданія трудовъ болѣе правильно и полнѣе, чѣмъ прежде, другими словами осуществить въ болѣе широкихъ размѣрахъ мысль, высказанную еще въ первые годы основанія общества объ ученомъ органѣ общества. Согласно плану, выработанному въ 1889 г. коммиссіей и утвержденному обществомъ „Чтенія" должны превратиться въ періодическо-правильное, ежегодное изданіе, выходящее два раза въ годъ. Объемъ и содержаніе „Чтеній" предположено увеличить и расширить. Не только протоколы и рефераты, но и отдѣльныя изслѣдованія и, что важнѣе всего, — историческіе матеріалы, главнымъ образомъ относящіеся къ южно-русской исторіи, должны входить въ составъ каждой книги „Чтеній". При выборѣ статей и матеріаловъ постановлено отдавать предпочтеніе непосредственно относящимся къ русской и „въ особенности" южно-русской исторіи, затѣмъ уже по исторіи славянъ. Сверхъ того, предположенъ и библіографическій отдѣлъ, состоящій какъ изъ отзывовъ объ отдѣльныхъ книгахъ, такъ и общихъ библіографическихъ очерковъ движенія наукъ, „разрабатываемыхъ" обществомъ. Для веденія дѣла изданія организованъ редакціонный комитетъ изъ членовъ общества, а именно: предсѣдателя, секретаря (редактора), казначея и 2 членовъ по выбору (проф. В. Иконникова и В. Антоновича). Уже въ слѣдующемъ году послѣ выработки организаціи изданія вышелъ новый томъ (четвертый) и вскорѣ появится и пятый.

Къ сожалѣнію, точной и строго опредѣленной программы состава книгъ, въ смыслѣ группировки статей и матеріала и размѣщенія ихъ по отдѣльнымъ книгамъ выработано не было, и, поэтому, матеріалы въ четвертой книгѣ оказываются и случайными, и скудными. Это—во-первыхъ катехизисъ 1600 года, занимающій болѣе половины всего

отдѣла, затѣмъ экстрактъ изъ журнала слѣдованія Неплюева изъ Кіева въ Константинополь въ 1746 г., т.-е. документы, относительно второстепеннаго характера, и наконецъ нѣсколько отрывочныхъ актовъ о землевладѣніи въ Малороссіи въ XVII в.

Организація общества за все время его дѣятельности основывалась на уставѣ, утвержденномъ еще въ 1872 г. Попытка общества, сдѣланная въ 1882 году, измѣнить нѣкоторые пункты этого устава соотвѣтственно встрѣтившимся практическимъ неудобствамъ не имѣла успѣха. Согласно этому уставу общество состоитъ изъ совѣта, направляющаго всѣми дѣлами общества, и затѣмъ изъ членовъ, какъ почетныхъ, такъ и дѣйствительныхъ, роль которыхъ заключается въ чтеніи ученыхъ статей, въ участіи въ рѣшеніи ученыхъ вопросовъ и въ выборѣ членовъ совѣта и общества и предсѣдателя общества (сверхъ того и изъ членовъ-посѣтителей). На совѣтъ, состоящій первое время изъ учредителей, а по выбытіи ихъ изъ членовъ общества, выбранныхъ обществомъ въ количествѣ 10 — 15, возложено веденіе всѣхъ дѣлъ общества, выборъ секретаря, его помощника и казначея, назначеніе собраній общества, наконецъ (согласно § 19), какъ обязанность, изданіе трудовъ общества. Выборъ въ члены совѣта обставленъ самымъ строгимъ образомъ: въ члены его должны избираться преимущественно лица, заявившія себя въ литературѣ, и кромѣ того на нихъ возложена *обязанность* непремѣнно *ежегодно* представлять обществу „какое-нибудь новое изслѣдованіе или статью, доставить ему матеріалы или оказать другого рода содѣйствіе“ (§ 8). Вѣроятно, что неисполненіе этой обязанности должно было повлечь за собою замѣну нерадиваго члена совѣта, хотя уставъ опредѣленно не говоритъ о томъ.

Что касается самого общества, то дѣятельность его выражена въ двоякомъ направленіи. Во-первыхъ, въ собраніяхъ, которыя должны составляться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, за исключеніемъ каникулярнаго времени. Собранія эти, посвященныя слушанію отчетовъ, выборамъ и чтенію статей и проч., раздѣлены на общія и частныя; въ послѣднихъ присутствуютъ лишь одни члены, въ общихъ могутъ быть приглашаемы и гости, т.-е. одни только общія собранія публичны. Во-вторыхъ, въ сношеніяхъ съ возможно бо́льшимъ числомъ лицъ края, для приведенія въ извѣстность драгоцѣнныхъ для археологіи, палеографіи и этнографіи данныхъ (§ 3).

Но общество далеко не въ силахъ было при наличномъ составѣ своемъ выполнить всѣ предначертанныя правила. Параграфъ 3 въ теченіе 18 лѣтъ оставался можно сказать мертвою буквою. Не было сдѣ-

лано серьезныхъ шаговъ въ этомъ отношеніи, и однажды сдѣланная попытка въ этомъ направленіи, именно предложеніе составить программу для собиранія данныхъ по землевладѣнію, сданное въ коммиссію, такъ и осталось въ коммиссіи: протоколы общества не говорятъ намъ, что сдѣлано было ею, какъ не говорятъ и о болѣе ранней попыткѣ составленія историческаго словаря. Съ другой стороны, не возможно было осуществить и требованій устава относительно роли и обязанностей совѣта. Руководящая роль, отведенная ему уставомъ, какъ видно изъ протоколовъ, была отчасти выполняема въ первые годы, а затѣмъ совѣтъ общества пересталъ играть въ послѣдующее время какую бы то ни было роль. О руководящей его дѣятельности мы ничего не узнаемъ изъ протоколовъ, и даже веденіе дѣла изданія „Чтеній" было возложено на особый редакціонный комитетъ. Я не говорю уже о непремѣнной обязанности членовъ совѣта дѣлать не менѣе, чѣмъ по одному сообщенію въ годъ. Принудительная сила § оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, не достаточно внушительною, для того, чтобы возбудить усиленную дѣятельность членовъ совѣта. Фактически руководящая роль по необходимости перешла къ одному предсѣдателю общества, но отразилась, вмѣстѣ со смѣной предсѣдателей, и на характерѣ, и на интенсивности дѣятельности общества.

Обращаемся теперь къ характеристикѣ дѣятельности общества въ теченіе 18-лѣтняго его существованія.

Возрастаніе общества количественно шло очень туго, и ежегодный приростъ числа членовъ былъ сравнительно незначителенъ. Въ 1873 г. общество открылось при 13 членахъ. Четыре года спустя число дѣйствительныхъ членовъ, правда, поднялось до 33, но изъ нихъ такихъ, которые могли принимать дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ, было всего 30, а дѣйствительно участвовали въ трудахъ общества за 4 года лишь 21, и именно: въ 1873—12, въ 1874—8, въ 1875—12, въ 1876—11. Съ 1877 по 1880 г. число дѣйствительныхъ членовъ увеличилось до 58, т.-е. на 25, но изъ нихъ въ Кіевѣ было всего 35, а участвовавшихъ въ сообщеніяхъ только 22: въ 1877—9, въ 1878—14, въ 1879—12, въ 1880—17. Съ 1881 по 1884 приращеніе нѣсколько увеличилось. Число членовъ достигло до 84 или увеличилось на 26. Участіе въ работахъ общества выразилось въ цифрѣ уже 26 членовъ: въ 1881—15, въ 1882—14, въ 1883—16. Въ слѣдующее 4-лѣтіе, по 1888 г., приростъ сильно падаетъ. Къ 1889 году общество увеличивается всего 7 новыми членами, и число всѣхъ членовъ доходитъ лишь до 91, изъ нихъ въ Кіевѣ 56, а принимающихъ участіе въ сообщеніяхъ всего 29: въ 1885—18 (максимальное число 30 во время существованія общества), въ 1886—12, въ 1887—10, въ

1888—12. Въ послѣдніе два года замѣтно нѣкоторое хотя и слабое повышеніе. Въ 1889 году число членовъ, сдѣлавшихъ свои сообщенія, поднялось до 14, а въ 1890 г. до 16.

За все время существованія общества всего 56 членовъ прочли свои рефераты въ обществѣ и изъ нихъ 19 лишь по одному. Вся работа общества лежала, такимъ образомъ, на 37 лицахъ, участіе которыхъ ясно будетъ видно изъ прилагаемой таблицы. Въ нее внесены сообщенія по извѣстнымъ вопросамъ и исключены сообщенія библіографическаго характера и некрологи. Послѣднія поставлены въ особую графу.

№	1873 [1].	1874.	1875.	1876.	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.	1882.	1883.	1884.	1885.	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.	Итого.	Число сообщ. библ.	Некрологовъ.
1	2	—	1	1	1	4	1	—	4	2	3	1	1	2	—	3	2	2	30	15	3
2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	3	1	2	1	—	1	2	2	15	2	3
3	1	—	2	—	—	1	2	—	2	—	—	—	2	—	—	1	—	1	12	2	—
4	—	—	—	—	—	*2*	—	1	—	1	1	1	1	1	1	—	—	3	12	—	—
5	—	—	—	—	1	1	—	2	—	2	3	1	—	1	—	—	—	—	10	11	1
6	—	—	2	—	1	1	1	2	—	1	—	—	—	—	—	1	—	1	10	1	—
7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*3*	—	1	1	2	1	—	2	10	—	—
8	—	—	—	—	*2*	2	2	1	*1*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	38	13
9	1	2	1	—	3	—	—	*1*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	2	—
10	—	—	—	—	—	—	—	—	*1*	1	1	1	—	1	—	1	—	1	8	—	—
11	—	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	2	1	—	7	27	—
12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*2*	1	2	1	1	7	—	—
13	1	1	—	1	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—
14	2	3	1	—	—	—	*1*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	2	—
15	2	1	1	—	*2*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	2	1
16	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	6	8	1
17	1	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	5	2	2
18	—	—	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	5	1	—

[1]) Курсивъ цифры означаетъ: годъ поступленія въ члены, а въ послѣдней графѣ прекращенія участія.

№	1873.	1874.	1875.	1876.	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.	1882.	1883.	1884.	1885.	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.	Итого.	Число сообщ. библ.	Некрологовъ.
19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*1*	2	*2*	—	—	—	—	—	5	—	—
20	—	—	—	—	—	*1*	—	1	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	5	—	—
21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*2*	3	—	—	—	—	—	—	—	5	9	—
22	1	—	1	1	—	*1*	—	—	*1*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—
23	—	—	—	—	—	—	—	—	*1*	1	1	—	*1*	—	—	—	—	—	4	—	—
24	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	4	—	—
25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*1*	—	1	—	—	—	—	2	4	3	2
26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*1*	3	—	—	4	—	—
27	—	—	2	—	—	*1*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	—
28	—	—	—	—	—	—	—	—	*2*	—	*1*	—	—	—	—	—	—	—	3	3	—
29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	3	3	2
30	1	1	*1*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	1
31	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
32	—	—	1	—	*1*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
33	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*1*	—	1	—	—	—	—	—	2	—	—
34	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*1*	—	—	1	—	—	—	—	—	2	—	—
35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*1*	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—
36	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	1	—
37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*1*	1	2	—	—

Изъ этой таблицы мы видимъ, какъ шла дѣятельность общества. Разсматриваемая по 4-лѣтіямъ, она представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ теченіе перваго, при крайне еще слабой дѣятельности общества, 7 членовъ были постоянными почти участниками въ засѣданіяхъ и 10 болѣе или менѣе случайными. Въ слѣдующее четырехлѣтіе (1877 — 1880) постоянныхъ участниковъ было всего 4, болѣе или менѣе случайныхъ—14, новыхъ дѣятельныхъ членовъ прибавилось 3. Съ 1881 по 1884 г. постоянныхъ участниковъ было 7, болѣе или менѣе случайныхъ 14, новыхъ дѣятелей прибавилось 7. Съ 1885 по 1888 г. постоянныхъ 4, болѣе или менѣе случайныхъ

11, новыхъ дѣятельныхъ членовъ прибавилось 2. Въ 1889 и 1890 гг. постоянныхъ было 4, болѣе или менѣе случайныхъ 8. За все же время существованія общества изъ членовъ его, начавшихъ дѣятельность съ перваго четырехлѣтія и продолжающихъ его до настоящаго времени, лишь одинъ былъ постояннымъ участникомъ въ дѣятельности общества.

Изъ вновь поступившихъ членовъ болѣе непрерывную дѣятельность обнаружили лишь 4 члена, изъ которыхъ одинъ короткое время (съ 1877 по 1881 г.). За первое четырехлѣтіе среднимъ числомъ по одному сообщенію въ годъ сдѣлано было 5 членами. Во второе болѣе, чѣмъ по одному—3, по одному—2. Въ третье—болѣе, чѣмъ по 2 сообщенія сдѣлано 1, болѣе, чѣмъ по 1—тремя и по одному—двумя. Въ четвертое—болѣе, чѣмъ по одному сообщенію—2, по одному—3. Въ два послѣдніе года по 2—два члена, болѣе, чѣмъ по 1—1, по одному—4. Если взять всю сумму сообщеній, т.-е. и библіографическія сообщенія и некрологи, то получится слѣдующая картина дѣятельности общества. Изъ членовъ, дѣйствовавшихъ въ теченіе всего существованія общества, среднимъ числомъ по 2 и по 3 сообщенія въ годъ сдѣлано было лишь однимъ, среднимъ числомъ по два—однимъ, болѣе чѣмъ по одному—двумя. Изъ вновь поступившихъ лишь однимъ сдѣлано было за шесть лѣтъ пребыванія его членомъ общества, по 9 и 10 сообщеній въ годъ и двумя (за 3 года и 5 л.), болѣе, чѣмъ по одному, всѣ остальные дали менѣе, чѣмъ по одному реферату.

Сравнительно небольшое число членовъ общества и медленное возрастаніе его съ 1873 года объясняютъ до нѣкоторой степени, почему дѣятельность его далеко не приняла еще нормальныхъ размѣровъ и носитъ, какъ мы видѣли, отчасти случайный характеръ. Правильныхъ и постоянныхъ, заранѣе опредѣленныхъ засѣданій нѣтъ и быть не могло. Число годовыхъ собраній общества подвергалось поэтому сильнымъ колебаніямъ: отъ 7 до 15 въ годъ, и самая дѣятельность совершалась по крайне неправильному расчету. Вотъ какое было число засѣданій общества:

Года	1873.	1874.	1875.	1876.	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.	1882.	1883.	1884 половина.	1885.	1886.	1887.	1888.	1889.	1899.
Число засѣданій	10	8	10	8	9	15	9	11	12	12	13	4 [1])	13	7	9	8	10	9
По 4-хъ лѣтіямъ	36				44				40				37				19	

[1]) Въ 1884 г. засѣданія общества происходили лишь въ первой половинѣ года. Во второмъ полугодіи засѣданій не было вслѣдствіе закрытія университета.

А оно ясно показываетъ, что послѣ сильныхъ колебаній въ первыя 7 лѣтъ, дѣятельность общества начала правильно повышаться лишь съ 1880 до 1885 г. включительно, а затѣмъ, упавши до 7 засѣданій, вновь повторила прежнія начальныя колебанія.

Эта неправильность ритма еще рѣзче проявляется, если мы обратимся къ суммѣ сдѣланныхъ сообщеній. За все время существованія общества прочтено было всякаго рода сообщеній 432, т.-е. среднимъ числомъ по 22 и 23 въ годъ. Но по годамъ они распредѣлялись такимъ образомъ: въ 1873—17, въ 1874—10, въ 1875—10, въ 1876—12, въ 1877—22, въ 1878—49, въ 1879—41, въ 1880—29, въ 1881—44, въ 1882—36, въ 1883—38, за полугодіе 1884—8, въ 1885—29, въ 1886—29, въ 1887—12, въ 1888—18, въ 1889—22, въ 1890—23. Другими словами, тѣже колебанія въ первый періодъ дѣятельности общества, тоже послѣдовательное увеличеніе интенсивности и въ дѣятельности его за время съ 1879 по 1885, паденіе ея въ 1887 году и возвратное движеніе къ прежнему повышенію въ послѣдніе 3 года. Если мы исключимъ сообщенія библіографическія и некрологи, то получимъ слѣдующую картину дѣятельности общества: въ 1873—15 сообщеній, въ 1874—9, въ 1875—8, въ 1876—7, въ 1877—12, въ 1878—23, въ 1879—16, въ 1880—9, въ 1881—19, въ 1882—18, въ 1883—31, за полугодіе 1884—6, въ 1885—26, въ 1886—15, въ 1887—11, въ 1888—18, въ 1889—14, въ 1890—21, или, по четырехлѣтіямъ: 39, 60, 74 и 70 сообщеній, т.-е. вновь и еще яснѣе и опредѣленнѣе тотъ же ритмъ. Сильное поднятіе дѣятельности характеризуетъ собою періодъ съ 1881 по 1885 г., причемъ 1883 годъ является, какъ годъ максимальной дѣятельности общества. Въ то время, какъ въ первое четырехлѣтіе среднее число сообщеній равнялось 9—10, во второе оно поднялось до 15, въ третье усилилось до 18—19 въ годъ, въ четвертое понизилось до 17—18 и осталось такимъ же въ послѣдніе два года. Отступленіе отъ средней годовой нормы, равняющейся при 274 сообщеніяхъ 15—16 въ годъ, выразится для перваго четырехлѣтія, какъ —6 и —5, для второго, какъ 0 и —1, для третьяго, какъ +3 и +4, для четвертаго, какъ +3 и +2.

Если уже разсматриваемая исключительно съ внѣшней стороны, дѣятельность общества представляется колеблющейся и далеко еще не выраженной во всей силѣ своей и энергіи, то, естественно, что того же можно уже ожидать и въ томъ случаѣ, когда мы обращаемся къ характеристикѣ, внутренняго содержанія этой дѣятельности.

Каково было направленіе дѣятельности общества, въ чемъ преимущественно выражалась она, въ какихъ отношеніяхъ стояли другъ къ другу тѣ различныя области изслѣдованія, которыя привлекали

къ себѣ вниманіе общества, какимъ измѣненіямъ подвергалось они въ теченіе 18 лѣтъ? Согласно уставу цѣль, поставленная обществомъ, охватываетъ собою самые разнообразные вопросы и стороны и исторіи, и литературы, и археологіи. Какъ были разрабатываемы эти вопросы, какова была степень вниманія къ нимъ или инымъ сторонамъ и политической, и умственной, и экономической исторіи?

Естественно, что уже въ силу того, что общество находится въ Кіевѣ, слѣдуетъ ожидать, что наибольшая доля вниманія неизбѣжно должна была сосредоточиться на мѣстной исторіи, на вопросахъ мѣстной жизни.

И дѣйствительно, изъ всей суммы сообщеній, прочитанныхъ въ обществѣ (т.-е. 432), 167 сообщеній, т.-е. около 39%, было посвящено исторіи, литературѣ, археологіи и т. п. Малороссіи и юга Россіи. Слѣдующая таблица покажетъ намъ взаимное отношеніе, существовавшее между различными вопросами, разрабатывавшимися въ обществѣ, и хронологическія колебанія въ нихъ [1]).

Сообщенія, кас. Малор. и Юга.	1873.	1874.	1875.	1876.	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.	1882.	1883.	1884.	1885	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.	Итого.
Древній періодъ до XVI в.	3	3	1	—	1	1	1	5	5	5	6	—	1	1	2	1	—	1	37
Ист. Малор. съ XVI в. .	2	—	2	—	1	3	—	2	3	5	3	3	4	1	2	2	3	6	42
Право, землевл. и общ. организація	—	—	1	—	—	3	—	1	1	2	6	2	2	—	—	1	2	2	23
Истор. геогр. Юга . . .	2	1	1	2	1	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Южно-русс. литература .	1	1	1	1	1	1	5	1	2	1	1	1	1	1	—	—	—	1	20
Археологія Юга.	1	—	1	1	2	5	—	—	1	—	2	—	1	4	1	4	4	2	29
Церковн. археол. Юга .	1	1	—	—	6	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	5[1])
Итого. . .	10	6	7	4	6	15	7	9	13	14	18	6	9	7	5	8	10	12	167
По 4-хлѣтіямъ	27				37				51				29				22		

Какъ мы видимъ, главную роль играли сообщенія, касающіяся исторіи Малороссіи съ XVI в. и исторіи ея права, землевладѣнія,

[1]) Существованіе съ 1882 г. церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи объясняетъ малое количество сообщеній по этому отдѣлу: члены этого общества состоятъ въ большинствѣ и членами общ. Нестора.

общественной организаціи. Въ общей сложности на 167 сообщеній, рефераты эти, числомъ 65, составляли около 39%. Затѣмъ, большое вниманіе было удѣлено древнему, удѣльно-вѣчевому періоду и времени XIV и XV вв. и наконецъ археологіи края (всего 34 сообщенія). Разсматривая таблицу по отдѣламъ хронологически, нельзя не замѣтить, что интересъ къ исторіи древняго періода былъ болѣе всего значителенъ въ первое четырехлѣтіе, сильно упалъ въ слѣдующее (до 1879), достигъ максимума съ 1880 по 83 г. и совершенно палъ въ слѣдующія 7 лѣтъ. Наоборотъ, исторія Малороссіи и исторія ея права и проч., привлекавшія лишь очень слабо вниманіе общества въ первыя пять лѣтъ существованія, сразу пріобрѣли значеніе въ 1878 г. и послѣ нѣкоторыхъ колебаній стали усиленно привлекать вниманіе, не теряя его и теперь. 1890 г. почти приравнялся въ этомъ отношеніи къ максимальному 1883 году. Съ археологіей произошло нѣчто совершенно противоположное. Сообщенія по ней совершенно почти упали въ максимальный періодъ дѣятельности общества (съ 1879 по 1885) и только съ 1886 г. начали получать все большее и большее значеніе. Что касается исторической географіи, то вопросы касающіеся ея и возбуждавшіе нѣкоторое и даже значительное вниманіе въ первыя шесть лѣтъ дѣятельности общества, перестали почти совершенно (за исключеніемъ 1881 и 1882 г.) служить предметомъ сообщеній.

Но разсматривая цифры этой таблицы въ общемъ, по 4-лѣтіямъ, нельзя не видѣть, что и въ отношеніи главнаго предмета сообщеній въ обществѣ, ритмъ былъ тотъ же, какъ и тотъ, который мы указали выше. Максимальнаго развитія дѣятельность общества достигла лишь въ періодъ до 1885 г., а затѣмъ сразу пала, вернувшись почти къ тому, что было въ первое четырехлѣтіе. Нѣкоторое замѣтное движеніе къ повышенію представляютъ лишь два послѣдніе года.

Переходимъ къ другой сторонѣ дѣятельности общества, уже по вопросамъ общаго характера. Дѣятельность здѣсь общества можетъ быть выражена слѣд. образомъ [1]):

Рефераты [1]) общаго характера.	1873.	1874.	1875.	1876.	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.	1882.	1883.	1884.	1885.	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.	Итого.
Исторія Россіи и Литвы.	1	3	—	—	2	2	—	—	2	1	1	—	1	1	1	5	2	2	24
Всеобщая исторія	1	—	—	1	--	2	3	—	—	1	1	1	1	2	1	—	—	—	14

[1]) Въ таблицу не внесены рефераты, касающіеся языка и вообще филологіи.

Рефераты общаго характера.	1873.	1874.	1875.	1876.	1877.	1878.	1879.	1880	1881.	1882.	1883.	1884.	1885.	1886	1887.	1888.	1889.	1890.	Итого.
Исторія русск. литер. . .	1	—	1	2	—	4	—	2	1	5	—	—	—	2	—	1	—	—	19
Славяновѣдѣніе	2	—	—	2	—	3	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	2	12
Археологія	1	—	—	—	—	1	—	—	2	—	1	—	—	1	1	—	1	—	8
Класс. археологія	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	4
Итого. . . .	7	3	1	5	3	12	3	2	5	7	4	1	3	7	3	6	3	6	81
По 4-хлѣтіямъ	10				20				17				19				9		

Библіографическія сообщенія и некрологи распредѣлялись по годамъ:

	1873.	1874.	1875.	1876.	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.	1882.	1883.	1884.	1885.	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.	Итого.
Библіографія [1])	2	—	2	1	8	26	19	16	16	16	7	3	5	3	1	—	1	2	128
Некрологи	—	—	1	4	2	1	3	1	4	1	2	—	8	2	—	1	1	1	32
Итого. . . .	2	—	3	5	10	27	22	17	20	17	9	3	13	5	1	1	2	3	160
По 4-хлѣтіямъ	10				76				49				20				5		

Очевидно, что послѣ вопросовъ, касающихся вообще юга Россіи, выдающеюся стороною дѣятельности общества была библіографія: она составляетъ около 29—30°/₀ всѣхъ сообщеній. Но и здѣсь интенсивность дѣятельности была крайне неравномѣрна. Ничтожная какъ въ первое четырехлѣтіе, такъ и въ періодъ времени съ 1883 по 1890 г., она проявляется во всей силѣ, главнымъ образомъ въ предсѣдательство покойнаго Котляревскаго (съ 1877 по 1881 г.), сохраняясь еще въ теченіе 1882 года. Сопоставляя цифры сообщеній за эти года по другимъ отраслямъ (исключая некролога), мы получаемъ: съ 1877 по 1881 включительно для исторіи юга 50 сообщеній, для осталь-

[1]) Числа означаютъ количество сочиненій, о которыхъ давались отчеты.

ныхъ вопросовъ 25 и для библіографіи (состоявшей нерѣдко въ указаніяхъ о вышедшихъ книгахъ) 85, т.-е на 10 сообщеній больше, чѣмъ сколько было прочитано рефератовъ по указаннымъ выше вопросамъ обоего рода.

Что касается вопросовъ общаго характера, то, какъ видно изъ таблицы, они составляли всего 19—20% всей суммы прочитанныхъ рефератовъ, и всѣ почти въ одинаковой степени привлекали вниманіе. Русская исторія (24 сообщ.), исторія русской литературы (19) и всеобщая исторія (14) играли главную роль. Отчасти то же можно сказать о славяновѣдѣніи (12). Здѣсь, очевидно, работа шла равномѣрнѣе, безъ рѣзко выраженныхъ колебаній изъ года въ годъ.

Если теперь мы начнемъ сравнивать отношеніе между указанными въ 3 таблицахъ отдѣлами по четырехлѣтіямъ, то увидимъ слѣдующее. Въ первое четырехлѣтіе мы имѣемъ 27 сообщеній по исторіи юга и 26 по вопросамъ общаго характера, библіографіи и т. д., т.-е. интересъ общества не выраженъ еще ясно и направленіе преобладающее работъ еще не выказалось. Въ слѣдующее четырехлѣтіе (до 1880 г.) 37 сообщеній по исторіи юга, 20 по общимъ вопросамъ и 69 по библіографіи. Общество, очевидно, направляетъ свою дѣятельность главнымъ образомъ въ сторону библіографіи, но уже, хотя и слабо обнаруживая стремленіе къ разработкѣ вопросовъ, касающихся юга Россіи. Въ третье четырехлѣтіе направленіе работъ обрисовывается яснѣе: 51 рефератъ посвященъ югу, только 20 общимъ вопросамъ и 42 библіографіи. Въ четвертое 29 рефератовъ по югу Россіи, 17 по общимъ вопросамъ и 9 по библіографіи. Въ два послѣдніе года на 22 сообщенія по исторіи юга приходится уже всего 9 сообщеній общаго характера и только 3 библіографическихъ. Преобладающее направленіе работъ общества совершается, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе въ сторону изученія вопросовъ мѣстной исторіи, археологіи и т. п., т.-е. въ ту сторону, къ которой естественно должно склоняться ученое общество, существующее въ Кіевѣ.

Изъ тѣхъ таблицъ, которыя составлены выше, ясно видно, насколько случайнымъ характеромъ отличаются сообщенія, прочитанныя въ обществѣ. О какой-нибудь систематической работѣ не можетъ быть и рѣчи, и это до нѣкоторой степени естественно, разъ дѣло идетъ объ ученомъ обществѣ, тѣмъ болѣе объ обществѣ, насчитывающемъ небольшое число и лѣтъ существованія, и дѣйствительныхъ членовъ. Понятно отсюда, что дать оцѣнку результатамъ, достигнутымъ обществомъ, почти нѣтъ возможности. Вопросовъ затрогивалось немало. За немногими исключеніями ихъ почти столько же, сколько и прочитанныхъ настоящихъ сообщеній. Далеко, съ другой стороны, не обнимаютъ они всѣхъ сторонъ жизни: не мало пробѣловъ можно насчи-

тать въ трудахъ общества, пробѣловъ, которые кажутся иногда нѣсколько странными въ виду громаднаго матеріала, собраннаго тутъ же въ архивѣ, откуда только изрѣдка извлекаются данныя для сообщеній. Но, несомнѣнно, что нѣкоторые шаги въ смыслѣ пополненія пробѣловъ дѣлаются въ послѣднія 9—10 лѣтъ и въ виду все яснѣе и яснѣе опредѣляющагося направленія трудовъ общества даютъ надежду на пополненіе ихъ въ будущемъ.

Мы ограничимся, поэтому, лишь указаніемъ самаго общаго характера на важнѣйшее изъ того, что сдѣлано было обществомъ.

Нѣкоторую полноту разработки мы находимъ въ томъ, что касается первобытной археологіи, затѣмъ общественной организаціи и землевладѣнія въ Малороссіи. Почти всѣ тѣ раскопки, которыя въ послѣдніе годы сдѣланы были на югѣ, служили предметомъ ряда почти непрерывныхъ сообщеній въ теченіе 18 лѣтъ, сдѣланныхъ главнымъ образомъ проф. В. Антоновичемъ (въ кіевской, волынской и подольской губ.), затѣмъ г. Мазараки (въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губ.), Каменскимъ (около Лубенъ), прот. П. Лебединцевымъ (въ Кіевѣ) и др. Съ другой стороны, все, что сдѣлано было по части изысканій въ ближайшихъ мѣстностяхъ, въ Бессарабіи (г. Кнецеромъ въ 1888—9) и Полѣсьѣ (г. Завитневичемъ, въ 1887, 1889 и 1890), было подробно изложено и демонстрировано [1]). Иногда сообщенія касались и другихъ мѣстностей: раскопокъ на Кавказѣ (проф. В. Антоновича въ 1879), раскопокъ въ муромскомъ уѣздѣ въ 1878 г. (его же), рефератовъ Вирхова относительно Кавказа (1883) и три—четыре сообщенія объ общихъ работахъ или объ открытіяхъ археологическихъ, сдѣланныхъ въ Галиціи и др. (библіографическія сообщенія гг. Антоновича, Котляревскаго и др.). Еще рѣже касались вопросовъ чисто антропологическихъ. Лишь два раза прочитаны были сообщенія, касающіяся измѣренія найденныхъ при раскопкахъ череповъ (одного изъ васильковскаго у. и нѣсколькихъ найденныхъ при раскопкахъ въ Бессарабіи, проф. И. Сикорскимъ). Но то были чисто случайныя сообщенія.

Далеко не были такъ полны сообщенія по другимъ вопросамъ. Исторія права, общественнаго строя и т. д. въ Малороссіи служила чаще всего предметомъ рефератовъ. Но по исторіи права со смертью члена общества, проф. Кистяковскаго, сдѣлавшаго сообщенія о малорусскомъ кодексѣ („Права, по которымъ судится малороссійскій народъ") въ 1875 и 1878 гг., никакихъ сообщеній дѣлаемо не было. Вопросомъ объ общественной организаціи, формахъ землевладѣнія и т. п. посчастливилось нѣсколько болѣе. Еще въ 1878 г. проф. В. Антоновичъ

---

[1]) Всѣ эти сообщенія напечатаны цѣликомъ или въ подробномъ изложеніи во 2, 3 и 4 томахъ „Чтеній" общества.

затронулъ вопросъ о томъ въ рефератѣ: „очеркъ общественнаго быта юго-западнаго края въ XVI и XVII вв.“, рефератѣ, возбудившемъ тогда оживленныя пренія, главнымъ образомъ въ видахъ опредѣленія того, что такое были въ Малороссіи сябры. Въ томъ же году, по поводу старѣйшей писцовой книги кіевскаго воеводства, проф. Владимірскій-Будановъ сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ объ организаціи сельскаго населенія въ концѣ XV в., данныхъ, которыя тогда привели къ выводамъ объ отношеніяхъ бояръ къ тогдашнему и будущему казачеству. Нѣсколько позже, въ 1888 г., оба указанныя сообщенія были пополнены проф. Лучицкимъ въ его рефератѣ о сябрахъ. О. Левицкій въ 1880 г. далъ новыя дополненія къ исторіи общественной организаціи своимъ сообщеніемъ, посвященнымъ семейному быту и брачному праву въ XVI в.; къ этой же группѣ сообщеній можно отнести рефератъ проф. Лучицкаго объ отношеніяхъ и договорахъ прихожанъ съ священниками въ XVIII в. (1883), дополненный проф. Голубевымъ, Ѳ. Лебединцевымъ, а затѣмъ проф. Антоновичемъ и Лучицкимъ, въ 1884 г., а также рефератъ Ѳ. Левицкаго о соборномъ устройствѣ западно-русской церкви въ XVI—XVII в. (1884). Организація городовъ и городскіе порядки были затронуты слабѣе и болѣе съ точки зрѣнія исторіи и личностей, чѣмъ организаціи и экономическаго состоянія ихъ. Нѣсколько коснулся этого г. А. Андріевскій въ сообщеніи объ отношеніяхъ между мѣщанами и казаками въ Кіевѣ XVIII в. (1885), отчасти г. И. Каманинъ въ своихъ сообщеніяхъ о послѣднихъ кіевскихъ войтахъ (1883 и 1884) и проф. Антоновичъ въ сообщеніи о ходыкахъ, кіевскихъ войтахъ XVII в. (1882). Исторіи формъ землевладѣнія въ Малороссіи былъ посвященъ рядъ сообщеній проф. Лучицкаго (1881, 1882, 1883, 1885, 1888), вопросу о заимкѣ и заимочной формѣ владѣнія сообщенія: г. Багалѣя (1883) и Лучицкаго (1883 и 1889). Къ сожалѣнію, вопросы объ административномъ финансовомъ строѣ не нашли пока еще отвѣтовъ въ обществѣ.

Исторія юга въ строгомъ смыслѣ слова была предметомъ самыхъ разнородныхъ сообщеній. Чаще всего касались вопроса объ уніи, главнымъ образомъ въ смыслѣ пополненія исторіи ея новыми данными (сообщеніе проф. И. Малышевскаго (1873), О. Левитскаго, Голубева и др.), затѣмъ исторіи кіевской академіи (рядъ сообщеній проф. С. Голубева) и отдѣльныхъ эпизодовъ исторіи какъ XVIII в. (проф. Антоновича, И. Лучицкаго, Каманина, Андріевскаго), такъ и XVII (О. Левицкаго, Антоновича, Ѳ. Лебединцева, И. Петрова и др.). Исторіи евреевъ на югѣ былъ посвященъ рядъ рефератовъ какъ проф. И. Малышевскаго (съ X по XII в., два сообщенія въ 1878 г.) и г. Каманина (о движеніи еврейскаго населенія съ 1765 по 1790 г.

въ ю.-з. краѣ въ 1881 г., статистическія данныя объ евреяхъ въ лѣво-бережной украйнѣ XVIII в. въ 1888 г. [1]).

Исторіи или, вѣрнѣе, учрежденіямъ сосѣдней мѣстности, учрежденіямъ, способнымъ пролить не малый свѣтъ на организацію отношеній въ Малороссіи. были посвящены сообщенія одного лишь проф. Владимірскаго-Буданова, почти исключительно реферировавшаго свои труды въ этой области. Имъ сдѣлано было три сообщенія: объ ордаляхъ въ XVII в. (1877 г.), о помѣстномъ правѣ и о чертахъ семейнаго права въ з. Россіи XVI в. (1889).

Сообщенія по обще-русской исторіи, а также и библіографіи, сюда относящіяся, были предметомъ сообщеній главнымъ образомъ проф В. Иконникова. Имъ прочтенъ былъ обширный рефератъ о Скопинѣ-Шуйскомъ въ 1874 г.; затѣмъ, по новымъ даннымъ, о митрополитѣ Конюскевичѣ въ 1878 г., наконецъ, въ 1888 г. о патріархѣ Никонѣ, о первомъ самозванцѣ и „къ исторіи X главы Екатерининскаго наказа"; послѣдній рефератъ представлялъ собою интересный очеркъ исторіи отмѣны пытки въ Россіи.

По всеобщей исторіи сообщенія были дѣлаемы проф. Фортинскимъ и Лучицкимъ, а по вопросамъ, касающимся древней исторіи, главнымъ образомъ въ связи съ исторіей юга Россіи, проф. Мищенко. Давая рядъ рефератовъ по исторіи древняго періода юга Россіи, проф. Фортинскій не рѣдко знакомилъ общество съ европейскими научными работами и съ выработкой пріемовъ научной исторической критики (его рефераты 1879 г.: о трудахъ Вайца, 1880, объ успѣхахъ дипломатической науки на западѣ, и др.), но въ двухъ засѣданіяхъ подробно охарактеризовалъ, на основаніи новыхъ документовъ, организацію и роль ордена тамплієровъ (въ 1878 г.). Проф. Лучицкій сообщилъ въ 1882 г. новыя данныя объ общинѣ въ Пиринеяхъ, въ 1885 г. о рабахъ во Флоренціи, въ 1886 о рабахъ въ Руссильонѣ и въ 1890 г. о крестьянахъ въ остзейскомъ краѣ съ XIII по XVII в. Проф. Мищенко, кромѣ ряда библіографическихъ сообщеній, прочелъ рефераты: о днѣпровскомъ пути древнихъ грековъ къ Балтійскому морю (въ 1879), о царскихъ скиѳахъ и о томъ, былъ ли Геродотъ въ Скиѳіи (1884 и 1886) и др.

Вопросамъ по славянской исторіи и вообще о славянахъ было посвящено сравнительно меньше вниманія, уже въ силу крайне ограниченнаго числа членовъ, ихъ изучающихъ. Въ первые годы нѣсколько сообщеній сдѣлано было покойными Н. Задерецкимъ и А. Вороновымъ; затѣмъ покойнымъ А. Котляревскимъ (съ 1877 по 81 г.),

[1]) Оба эти реферата заключаютъ въ себѣ, впрочемъ, иногда произвольные выводы, что было указываемо во время преній.

а теперь сообщенія дѣлаетъ лишь проф. Т. Флоринскій, которому принадлежатъ рядъ рефератовъ библіографическаго характера и сверхъ того сообщенія по исторіи южныхъ славянъ (греческій востокъ въ XIV в. въ 1883 г., о книгѣ сербскихъ царей въ 1886 г.), и нѣсколько рефератовъ по разнымъ вопросамъ славянства въ 1890 г.

Мы не будемъ касаться здѣсь дѣятельности общества по вопросамъ объ исторіи литературы (и южной, и русской), филологіи, археологіи классической и т. п., и остановимся нѣсколько на работахъ по древнему періоду исторіи юга Россіи и по исторической географіи.

Первыя изъ нихъ, за исключеніемъ болѣе систематически разрабатывавшагося вопроса о крещеніи Руси [1]), были случайными сообщеніями, т.-е. относились къ самымъ разнообразнымъ сторонамъ жизни древняго Юга. Сюда принадлежали рефераты проф. Дашкевича (объ общественномъ строѣ южной Руси XIII и XIV в.) въ 1877, о времени присоединенія Волыни и Кіева къ Литвѣ въ 1880, объ отношеніяхъ Даніила Галицкаго къ Риму въ 1882 г. и рядъ др.), проф. Малышевскаго, г. Истомина, г. Багалѣя и др.

Къ сожалѣнію, историческая географія все меньше и меньше привлекаетъ вниманіе общества. Послѣ ряда сообщеній, сдѣланныхъ по разнымъ вопросамъ этого отдѣла, проф. Антоновичемъ, П. Лебединцевымъ, проф. А. Розовымъ, проф. И. Малышевскимъ, въ періодъ времени съ 1873 по 1878 г., рефераты по исторической географіи юга, заключающей въ себѣ не мало темнаго и неразработаннаго, не представляются въ общество уже въ теченіе почти 8 лѣтъ, и въ этомъ нельзя не видѣть существеннаго пробѣла въ дѣятельности общества.

Таковы, въ общихъ чертахъ, направленіе, характеръ и результаты дѣятельности историческаго общества въ Кіевѣ. Несомнѣнно, что въ томъ, что касается перваго, то труды его успѣли уже за послѣднее время въ достаточной мѣрѣ выяснить его: это направленіе даетъ намъ теперь уже полное основаніе надѣяться на то, что разработка вопросовъ, касающихся исторіи Юга, будетъ и дальше идти впередъ и все съ бо́льшимъ успѣхомъ. Помѣщеніе матеріаловъ въ сборникѣ общества, въ особенности, если отдѣлъ этотъ будетъ вполнѣ организованъ, служитъ лучшимъ ручательствомъ тому.

Что же касается до результатовъ дѣятельности общества, то какъ ни была еще слаба и неопредѣленна дѣятельность общества, какъ ни были иногда случайны сообщенія, тѣмъ не менѣе, при сравнительно небольшомъ числѣ членовъ общества, при еще слабо выраженной ин-

---

[1]) Сообщенія проф. Фортинскаго, Соболевскаго, Завитневича и др.

тенсивности и энергіи общества, сдѣлано, какъ мы видѣли, не мало по нѣкоторымъ отдѣламъ и вопросамъ, во многихъ случаяхъ поставлены и намѣчены вопросы, требующіе разработки, и пути для этой разработки. А это не малый результатъ для общества, насчитывающаго лишь 18 лѣтъ своего существованія.

Программа историческаго курса въ русскихъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ гимназіяхъ [1]).

В. Н. Беркута.

Когда историческая секція, состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ знаній [2]), приступила къ своимъ занятіямъ, то сочла нелишнимъ предварительно ознакомиться съ постановкою историческаго курса въ гимназіяхъ различныхъ европейскихъ государствъ. На этомъ основаніи прочитаны были четыре реферата объ историческихъ программахъ въ австрійскихъ, французскихъ, русскихъ и прусскихъ гимназіяхъ. Такимъ образомъ то, что вы сегодня услышите отъ меня, есть сводъ тѣхъ свѣдѣній, которыя получены секціей изъ этихъ четырехъ рефератовъ.

Во всѣхъ перечисленныхъ странахъ дѣйствуютъ программы и объяснительныя къ нимъ записки очень недавняго происхожденія. Всюду за послѣдніе годы произведенъ былъ пересмотръ дѣйствующихъ программъ и сдѣланы были бóльшія или меньшія измѣненія либо въ характерѣ курсовъ, либо въ расположеніи преподаваемаго матеріала. Такъ въ прусскихъ гимназіяхъ послѣдній пересмотръ произведенъ въ 1882 г., но этотъ пересмотръ коснулся нашего предмета очень мало. Характеръ и форма историческаго курса въ прусскихъ гимназіяхъ остались тѣ же, что созданы были въ 1856 г. Перемѣны, введенныя въ историческую программу въ 1882 г., выразились въ прибавкѣ на уроки исторіи 3-хъ часовъ на весь курсъ—

---

[1]) Рефератъ, читанный въ годичномъ засѣданіи учебнаго отдѣла московскаго Общества распространенія техническихъ знаній 16 февраля 1891 г. и повторенный въ засѣданіи Историческаго Общества 28 марта 1891 г.

[2]) Свѣдѣнія объ этой секціи см. на стран. 267—270 перваго отдѣла I тома „Истор. Обозрѣнія“ и во II отдѣлѣ настоящаго выпуска.

по одному въ каждомъ изъ младшихъ классовъ. Изъ этого видно, что въ 1882 г. не произошло коренного пересмотра исторической программы, а прибавкой 3-хъ лишнихъ часовъ только облегчено прохожденіе нѣкоторыхъ частей стараго курса. Поэтому старая объяснительная записка, изданная въ 1859 г., остается въ силѣ и до сихъ поръ, и по ней мы можемъ судить о цѣли историческаго курса, какъ ее понимаетъ прусское правительство, — его характерѣ, построеніи и распредѣленіи матеріала. Въ этомъ отношеніи въ 1882 г. сдѣланы только два дополненія, мало измѣняющія сущность записки 1859 года.

Въ Австріи теперь дѣйствуетъ программа и объяснительная къ ней записка, введенныя въ маѣ 1884 г. послѣ всесторонняго пересмотра старыхъ программъ 1855 и 71 гг.

Самаго новаго происхожденія—программы и объясненія къ нимъ во Франціи и Россіи. И тамъ, и тутъ произведенъ былъ коренной пересмотръ многихъ сторонъ гимназической программы въ истекшемъ 1890 году [1]).

Ознакомленіе съ характеромъ историческихъ курсовъ въ различныхъ гимназіяхъ Европы я начну съ внѣшняго указанія на мѣсто, которое занимаетъ наша наука въ ряду другихъ предметовъ гимназическаго преподаванія, т.-е. приведу цифры, показывающія, сколько времени отдано исторіи. Абсолютно наибольшее число часовъ въ недѣлю для исторіи отмѣрено въ прусскихъ и австрійскихъ гимназіяхъ, именно 18 часовъ; затѣмъ слѣдуютъ французскіе лицеи съ 16-ти часовымъ курсомъ и наконецъ наши гимназіи съ 13-ти часовымъ курсомъ. Нѣсколько иная послѣдовательность получится, если мы обратимъ вниманіе на процентное отношеніе числа историческихъ уроковъ къ общему числу всѣхъ учебныхъ часовъ. На первомъ мѣстѣ получатся австрійскія гимназіи, гдѣ при восьмилѣтнемъ курсѣ всѣхъ учебныхъ часовъ въ недѣлю 194, а на исторію приходится изъ нихъ 18 часовъ, слѣд. $9^1/_4$%. Второе мѣсто занимаютъ французскіе лицеи, въ которыхъ при десятилѣтнемъ курсѣ всѣхъ учебныхъ часовъ 197, а изъ нихъ исторіи отдано 16 часовъ, что составитъ 8 съ небольшимъ %. Далѣе идутъ русскія гимназіи, которыя имѣютъ восьмилѣтній курсъ, 206 всѣхъ учебныхъ часовъ (я беру во вниманіе гимназистовъ, обучающихся только одному иностранному языку) и 13-ти часовой историческій курсъ,—выходитъ $6^1/_3$.%. И наконецъ послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ прусскія гимназія, гдѣ курсъ девятилѣтній, всѣхъ учебныхъ ча-

[1]) Во Франціи новыя программы утверждены въ январѣ, у насъ въ іюлѣ.

совъ 268 и на исторію опредѣлено 18 часовъ,—$6^1/_4{}^0/_0$. Любопытно еще одно наблюденіе. Какъ увидимъ далѣе, во всѣхъ занимающихъ насъ государствахъ историческій курсъ имѣетъ нѣсколько ступеней (двѣ или три). Систематическій курсъ исторіи, дающій окончательное общее историческое образованіе, конечно, приходится на старшую ступень. Любопытно, сколько часовъ выпадаетъ именно на этотъ главный для историческаго образованія систематическій курсъ въ разныхъ гимназіяхъ. Въ этомъ отношеніи русскія гимназіи занимаютъ первое мѣсто: изъ 13 всѣхъ историческихъ уроковъ на систематическій курсъ приходится около 11 часовъ (сюда включается повтореніе древней исторіи въ VIII классѣ съ дополненіями къ курсу IV класса). Далѣе идутъ французскіе лицеи, въ которыхъ изъ 16 всѣхъ историческихъ часовъ систематическому курсу отдано $11^1/_2$ ч., и на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ австрійскія и прусскія гимназіи, въ которыхъ изъ 18 историческихъ уроковъ 10 только отдается систематическому курсу. По только-что устраненной программѣ въ нашихъ гимназіяхъ полагалось всего 12 часовъ на исторію, изъ нихъ 8 отдавалось систематическому курсу. Такимъ образомъ теперь систематическому курсу отдано больше времени, чѣмъ прежде, и на первый взглядъ историческій курсъ вообще выигрываетъ. Но практики-педагоги высказываютъ опасеніе, какъ бы этотъ видимый выигрышъ не повлекъ за собою нѣкоторыхъ нежелательныхъ послѣдствій. Дѣло въ томъ, что при данныхъ условіяхъ систематизація курса передана возрасту еще слишкомъ мало подготовленному для подобной работы, и ходъ систематическаго курса придется прерывать такими разъясненіями, которыя прежде дѣлались въ приготовительномъ курсѣ.

Перехожу теперь къ характеристикѣ самаго содержанія программъ, выбору и распредѣленію въ нихъ историческаго матеріала.

Прежде всего, *какія цѣли* ставятся историческому курсу въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ важнѣйшихъ странъ Европы? Что должны, по мысли оффиціальныхъ представителей педагогики, дать учащимся историческіе курсы?

На исторію въ средней школѣ можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія и примѣнять къ ней двоякія требованія. Съ одной стороны, она можетъ быть сама себѣ цѣлью, а съ другой, она же можетъ служить педагогическимъ средствомъ. Въ первомъ отношеніи она представляетъ собою извѣстную сумму систематически изложенныхъ знаній, охватывающихъ опредѣленный кругъ явленій міровой жизни и необходимыхъ для всякаго считающаго себя образованнымъ человѣкомъ. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, исторія, какъ и всякая другая наука, не только знакомитъ съ фактами прошедшей жизни человѣчества, а содѣйствуетъ путемъ многосторонней переработки сообщеннаго ма-

теріала развитію и укрѣпленію умственныхъ силъ учащагося. Такого рода требованія влекутъ за собою обязательно: 1) безпристрастный, *не тенденціозный* выборъ основныхъ историческихъ фактовъ, удостовѣренныхъ и установленныхъ исторической наукой и 2) *не произвольную,* а правдивую (съ научной же точки зрѣнія) группировку ихъ. Уступки въ этомъ отношеніи допустимы только возрасту учащихся и степени ихъ развитія. Но по установившимся въ настоящее время воззрѣніямъ на исторію, высказаннымъ оффиціальнымъ путемъ, чрезъ посредство объяснительныхъ записокъ и инструкцій къ историческимъ программамъ, уклоненія отъ изложеннаго идеала допускаются не только по отношенію къ возрасту учащихся: къ исторіи предъявляется еще другое требованіе, значительно видоизмѣняющее и самый выборъ матеріала, и его группировку. Это требованіе нравственнаго воздѣйствія ея на учащагося. По этимъ взглядамъ, исторія должна не только учить юношу и развивать его умъ, но также и воспитывать чувство учащагося и даже сообщать ему извѣстный канонъ желательныхъ убѣжденій, въ истинность которыхъ онъ долженъ вѣрить, чувствовать ихъ въ себѣ какъ бы сросшимися съ нимъ и умѣть въ то же время историческими примѣрами и фактами подтвердить ихъ. Короче всего и выразительнѣе всего высказано такое воззрѣніе въ такъ-называемой вестфальской инструкціи для преподаванія исторіи 1859 г., считающейся руководящей для прусскихъ гимназій. Вотъ цѣликомъ относящееся сюда мѣсто изъ нея: „Цѣль преподаванія исторіи двоякая: *дидактическая* и *педагогическая* (этическая). Въ первомъ отношеніи задача его состоитъ въ томъ, чтобы запечатлѣть въ умѣ ученика хронологически обоснованный и систематическій обзоръ всего поля историческихъ явленій (des ganzen Feldes der Geschichte) и познакомить его съ ходомъ развитія важнѣйшихъ культурныхъ народовъ, *особенно греческаго, римскаго и нѣмецкаго,* а также съ значеніемъ израильскаго народа для религіознаго и культурнаго развитія человѣческаго рода“. Результатомъ такой постановки историческаго курса должна получиться способность пониманія важнѣйшихъ явленій настоящаго времени, а также и склонность и умѣніе расширять и углублять пріобрѣтенныя историческія знанія, вѣроятно, путемъ дальнѣйшаго чтенія. „Во второмъ отношеніи, продолжаетъ инструкція, преподаваніе исторіи должно стремиться къ тому, чтобы на почвѣ пріобрѣтеннаго знанія и пониманія облагородить нравственное чувство и склонности учащагося путемъ участливаго его отношенія ко всему, что проявлялось во всѣ времена добраго, истиннаго и прекраснаго; преподаваніе исторіи должно также питать вѣру учащагося въ Верховное руководительство въ дѣлѣ развитія человѣчества и возбудить сознательную лю-

бовь къ королю и отечеству". Два, хотя и краткія, но внушительныя и характерныя для современной Пруссіи ограничительныя дополненія къ этой инструкціи сдѣланы въ 1882 г. „Прежде всего нужно имѣть въ виду, говорится въ министерскомъ циркулярѣ, что исторія преподается *нѣмецкимъ* ученикамъ. Отсюда вытекаетъ, что курсъ древней исторіи долженъ быть посвященъ главнымъ образомъ тѣмъ народамъ, которые оказали самое рѣшительное и непосредственное вліяніе на государственный строй и образованность нашего отечества, т.-е. грекамъ и римлянамъ". Какъ видно, этимъ дополненіемъ наносится ущербъ исторіи Востока. Иначе оно излишне, такъ какъ и безъ того исторія грековъ и римлянъ занимала до сихъ поръ весьма почетное мѣсто въ курсѣ прусскихъ гимназій. Второй выводъ изъ вышеприведеннаго основного положенія относится къ курсу средней и новой исторіи, а именно для этихъ періодовъ центромъ исторической жизни человѣчества должна считаться сначала Германія, а потомъ Пруссія. Другое дополненіе таково: необходимо предупреждать раннее развитіе въ ученикахъ политическаго интереса и пониманія. „Преподаваніе исторіи можетъ считать свою задачу выполненною, если оно воспитаетъ въ ученикахъ глубокое уваженіе къ нравственному величію отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ и вызоветъ сознаніе того, какъ многаго еще имъ (т.-е. ученикамъ) не достаетъ для полнаго пониманія и безошибочнаго сужденія о вещахъ". Такимъ образомъ исторія должна служить наставницей въ скромности юноши.

Близко подходитъ къ изложеннымъ воззрѣніямъ и наша объяснительная записка къ курсу исторіи. Вотъ соотвѣтствующее мѣсто изъ нея. „Курсъ исторіи въ 5 старшихъ классахъ имѣетъ цѣлью сообщить ученикамъ въ прагматическомъ изложеніи событія изъ всеобщей и русской исторіи. Курсъ этотъ долженъ главнымъ образомъ развить въ ученикахъ способность къ пониманію связи между событіями, къ различенію причинъ и слѣдствій, побужденій и поводовъ, и подготовить ихъ настолько, чтобы они могли впослѣдствіи читать съ полнымъ пониманіемъ лучшія историческія произведенія отечественной и иностранныхъ литературъ. При этомъ необходимо привести учениковъ къ убѣжденію, что судьбы человѣчества постоянно улучшаются, хотя и медленно, что добрыя начинанія отдѣльныхъ лицъ, не смотря на всѣ встрѣчаемыя ими препятствія и противодѣйствія, никогда не остаются безъ благотворныхъ послѣдствій, и что въ ходѣ исторической жизни человѣчества проявляется дѣйствіе промысла Божія". И далѣе: „слѣдуетъ избѣгать всего, что можетъ произвести тяжелое впечатлѣніе на учениковъ или оскорбить ихъ нравственное чувство". И наконецъ, въ связи съ этимъ находится слѣдующее указаніе для

руководства при преподаваніи отечественной исторіи: „явленія и событія свѣтлыя излагать болѣе подробно“.

Гораздо болѣе широкія и солидныя требованія предъявляетъ къ гимназическому курсу исторіи въ первомъ, т.-е. выражаясь словами прусской инструкціи, дидактическомъ отношеніи австрійская инструкція 1884 г. Этой сторонѣ историческаго преподаванія въ австрійскихъ гимназіяхъ, несомнѣнно, отдается первенство, хотя этическій элементъ и здѣсь не забытъ. Однако, какъ сейчасъ увидимъ, онъ имѣетъ совершенно иную окраску и характеръ, чѣмъ въ Пруссіи и у насъ.

Цѣль историческаго курса, по словамъ инструкціи, вытекаетъ изъ задачъ гимназическаго образованія вообще и изъ самаго содержанія исторической науки и ея современнаго состоянія. Главная задача курса исторіи состоитъ въ томъ, чтобы поднять учащагося на высоту историческаго образованія, дать *научную* основу его историческимъ взглядамъ и приготовить его къ ученымъ занятіямъ исторической наукой. Сообразно съ этимъ слѣдуетъ возбудить въ умахъ юношей историческій интересъ, упрочить его и затѣмъ, на этой почвѣ, постепенно развить въ нихъ влеченіе и способность искать въ историческихъ явленіяхъ и улавливать въ нихъ причинную связь, а также усвоить идею непрерывности историческаго процесса.

Такимъ образомъ ясно, что главныя требованія, предъявляемыя въ Австріи къ историческому курсу, вытекаютъ изъ самой сущности исторической науки. Интересы чистаго историческаго знанія и воспитаніе ума при помощи историческаго матеріала—вотъ цѣли историческаго курса въ австрійскихъ гимназіяхъ. Какихъ важныхъ результатовъ ждетъ инструкція отъ исторіи въ гимназіи, показываютъ слѣдующія ея слова: „конечная цѣль преподаванія исторіи есть: 1) сообщеніе основаннаго на точныхъ географическихъ и хронологическихъ данныхъ обзора важнѣйшихъ въ политической и культурной исторіи событій и фактовъ и 2) пріобрѣтеніе учениками умѣнія оперировать съ полученнымъ такимъ путемъ матеріаломъ съ тѣмъ, чтобы въ концѣ возбудить въ нихъ интересъ къ уразумѣнію законовъ историческаго развитія“.

Я сказалъ, что воспитательный вообще и этическій въ частности результатъ преподаванія исторіи австрійской инструкціей не оставленъ безъ вниманія, но онъ предвидится не въ смыслѣ заранѣе намѣченныхъ убѣжденій и вѣрованій, а вытекаетъ, какъ естественное послѣдствіе, изъ самой сущности исторической науки и связанныхъ съ ея усвоеніемъ упражненій. Я приведу цѣликомъ это мѣсто, такъ какъ оно очень оригинально.

„Съ достиженіемъ (намѣченныхъ выше) цѣлей должна получиться та интеллектуальная и нравственная зрѣлость учащагося, которая

составляетъ идеалъ воспитывающаго обученія вообще.... Преподаваніе исторіи, которое вводитъ въ кругъ своихъ интересовъ всю совокупность духовно-жизненныхъ явленій, должно необходимо воздѣйствовать на всѣ способности духа ученика. Историческій интересъ возбуждаетъ дѣятельность памяти, даетъ пищу воображенію, на историческомъ курсѣ развиваются логическія способности путемъ навыка устанавливать причинную связь между явленіями, углубляется пониманіе явленій и расширяется кругозоръ. Но для уразумѣнія исторіи мало однѣхъ интеллектуальныхъ силъ: многое въ ней вызываетъ участіе сердца, вызываетъ аффекты, тотчасъ же просвѣтляетъ и очищаетъ ихъ и съ непреоборимой силой дѣйствуетъ на волю".

Мало-по-малу, въ инструкціи тонъ повышается, и она переходитъ въ какой-то восторженный диѳирамбъ исторической наукѣ: „историческое образованіе есть сила, содѣйствующая разцвѣту всѣхъ тѣхъ высокихъ качествъ души, которыя возбуждаютъ къ воодушевленному служенію человѣчеству и родинѣ, которыя дѣлаютъ молодое сердце воспріимчивымъ ко всему прекрасному и высокому. Хорошему преподаванію исторіи по преимуществу присуща сила нравственнаго воздѣйствія".

Итакъ, историческая наука, по австрійской инструкціи, воспитываетъ учащагося двояко: 1) ея содержаніе преимущественно передъ другими отраслями знанія вызываетъ къ дѣятельности *всѣ* душевныя способности человѣка, развиваетъ и укрѣпляетъ ихъ и 2) она своимъ содержаніемъ неизбѣжно и „съ непреоборимой силой" просвѣтляетъ умъ и облагораживаетъ волю учащагося. Такимъ образомъ мы не видимъ здѣсь тѣхъ тенденцій, которыя господствуютъ въ прусской и проглядываютъ въ русской инструкціяхъ. Если можно такъ выразиться, историческое преподаваніе, разносторонне дѣйствуя на молодое поколѣніе своимъ содержаніемъ, должно вліять на текущую жизнь, а не наоборотъ; современная житейская среда съ ея измѣняющимися потребностями не должна вторгаться въ школу и давить на преподаваніе исторіи. По мысли инструкціи, нравственныя идеи, такъ сказать, воплощены въ историческихъ образахъ и картинахъ, и хорошее преподаваніе неизбѣжно дастъ почуять ихъ ученику; искать ихъ не нужно, ихъ нужно только выяснять ему. Какія это идеи—это покажетъ сама историческая наука.

Однако, затрогивая этотъ вопросъ и восхваляя исторію, какъ преимущественную между другими науками воспитательницу юношества, австрійская инструкція, на мой взглядъ, ограничивается весьма лестными, но все же общими фразами. Она не показываетъ, какъ именно исторія совершаетъ этотъ почетный, но трудный подвигъ облагороженія молодого поколѣнія. Инструкція совершенно ясна тамъ,

гдѣ она говоритъ о процессѣ воздѣйствія исторической науки на разныя духовныя способности человѣка; ея мысль нерельефно выражена въ той части, гдѣ говорится о морализующемъ вліяніи исторіи.

Гораздо опредѣлительнѣе высказывается въ данномъ случаѣ последняя французская инструкція. Вообще она по основнымъ своимъ мыслямъ и положеніямъ гораздо ближе къ австрійской инструкціи, чѣмъ къ прусской. Однако, воспитательное значеніе историческаго преподаванія въ ней подчеркнуто особенно сильно. Вся послѣдняя реформа французскихъ лицеевъ вытекаетъ изъ сознанной потребности въ сокращеніи обилія фактическихъ знаній, дававшихся въ среднемъ образованіи до сихъ поръ, въ сокращеніи, необходимомъ въ интересахъ физическаго развитія учащихся и ихъ воспитанія. Вотъ слова министерскаго циркуляра, сопровождающаго новыя программы и инструкціи: „можно безъ преувеличенія сказать, что до сихъ поръ въ программахъ средняго образованія интересы знанія и пониманія, образованіе и воспитаніе находились какъ бы во взаимномъ противорѣчіи. Прежде программы составлялись по каждому отдѣлу учеными спеціалистами, изъ которыхъ каждый особенно покровительствовалъ своей спеціальности; поэтому въ результатѣ такой постановки дѣла явилось нагроможденіе массы самыхъ разнородныхъ знаній“. Такую постановку министерство не считаетъ правильной; оно говоритъ, что „опытъ показалъ, что наилучшимъ результатомъ средняго образованія должно считать не столько количество полученныхъ въ школѣ знаній, сколько пріобрѣтенную способность увеличивать ихъ, т.-е. интересъ къ занятіямъ, усвоеніе метода, способность пониманія, усвоенія и даже проницательности (la faculté de découvrir); мѣркой успѣха ученика при выходѣ изъ лицея должна служить не столько величина пройденнаго пространства, сколько пріобрѣтенная способность къ дальнѣйшему движенію... На основаніи этого принципа въ предлагаемыхъ программахъ выбранъ и расположенъ матеріалъ сообразно не съ абсолютною полезностью того или другого рода знаній, а сообразно съ его воспитательнымъ значеніемъ“.

Изъ этого видно, что воспитательное значеніе средней школы выдвинуто послѣдней французской реформой на первый планъ. И этотъ принципъ съ завидною послѣдовательностью проведенъ чрезъ программы всѣхъ предметовъ, въ томъ числѣ и чрезъ программу исторіи. Воспитательное значеніе исторіи понимается французскою инструкціей такъ же, какъ и въ австрійской инструкціи, въ двоякомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ воздѣйствія и на умъ, и на нравственность учениковъ. Способы воспитательнаго воздѣйствія исторической науки на умственныя способности излагаются почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ австрійской инструкціи: „исторія упражняетъ память, развиваетъ во-

ображеніе, пріучаетъ умъ къ процессу различенія, оцѣнки и сужденія“. Но въ вопросѣ о нравственно-воспитательномъ значеніи исторіи французская инструкція въ отличіе отъ австрійской прямо высказывается за точность опредѣленій, чтобы „не потеряться въ общихъ фразахъ“ (dans des lieux communs). А именно инструкція хочетъ отчетливо изобразить, какъ и какими своими сторонами исторія воспитываетъ нравственность юноши. Прежде всего она предостерегаетъ отъ намѣреннаго, хотя бы и съ хорошими побужденіями, нарушенія исторической правды. Нельзя, напр., заставить исторію доказывать, что „добродѣтель всегда награждается, а порокъ наказывается“. „Къ сожалѣнію, продолжаетъ инструкція, ложь и насиліе иногда увѣнчиваютъ свои дѣянія такимъ успѣхомъ, практическая цѣнность котораго не понижается отъ безнравственности средствъ“. „Нельзя также учить, что судьбы народовъ могутъ быть объясняемы и оправдываемы только ихъ доблестями или пороками, потому что въ созданіи могущества и счастія націи входятъ и другіе элементы“. Пусть исторія учитъ нравственности, но пусть это совершается правдивыми средствами. „Учитель долженъ быть всегда и прежде всего искрененъ и правдивъ“. „Пусть дѣти видятъ, что очень часто ошибки бываютъ вреднѣе преступленій и что онѣ не искупаются ни людьми, ни поколѣніями, допустившими ихъ“.

Далѣе, инструкція показываетъ точно путь нравственнаго воздѣйствія исторіи на учащагося. „Во-первыхъ, исторія есть изслѣдованіе истины; она старается засвидѣтельствовать ее (la prouver) и высказать безъ всякихъ умолчаній. Учитель исторіи есть безпристрастный судья фактовъ и доктринъ; его личныя вѣрованія и его патріотизмъ не должны перевѣшивать его абсолютной справедливости. Такое преподаваніе исторіи во всей его совокупности есть урокъ нравственности. Съ другой стороны, если историкамъ и случается высказывать неодинаковыя мнѣнія объ одной и той же личности, тѣмъ не менѣе, нѣтъ между ними людей, способныхъ складывать панегирики завѣдомо негоднымъ людямъ или гнуснымъ дѣламъ. Для сужденія о нравственномъ достоинствѣ людей или ихъ дѣйствій существуютъ общепризнанныя условныя основанія, весьма вѣскія, хотя бы метафизическіе базисы морали были и спорны“. „Учитель исторіи имѣетъ право и даже обязанъ быть моралистомъ. Онъ будетъ избѣгать догматизаціи, декламаціи, проповѣдничества, но онъ остановится передъ образами честныхъ людей, когда встрѣтитъ ихъ“.

Вотъ принципы нравственнаго вліянія историческаго курса, которые вытекаютъ прямо изъ самаго содержанія исторіи, какъ науки. Въ основу этого вліянія положена историческая правда, дающаяся научнымъ отношеніемъ къ нашей наукѣ. Нельзя, однако, сказать,

чтобы французская инструкція была совершенно чужда догматовъ, которые рекомендуется внушить ученику при преподаваніи исторіи, хотя инструкція предполагаетъ, что эти догматы присущи исторіи и неизбѣжны при ея изученіи. Такіе догматы необходимы потому, что, кромѣ умственнаго и общаго нравственнаго воспитанія, исторія даетъ нѣчто ей одной свойственное: воспитаніе гражданское. „Литература и точныя науки (les sciences) образуютъ честнаго культурнаго *человѣка*; исторія приготовляетъ юношу къ жизни въ извѣстную эпоху и при опредѣленныхъ условіяхъ". Поэтому учителю исторіи предлагается подмѣчать измѣняющіяся настроенія и свойства тѣхъ поколѣній, которыя проходятъ черезъ его руки, и имѣть ясное представленіе о тѣхъ обязанностяхъ, которыя лежатъ на каждомъ данномъ поколѣніи, съ тѣмъ, чтобы дать уразумѣть учащемуся наиболѣе практичныя средства для достиженія цѣлей, поставленныхъ будущимъ дѣятелямъ страны современностью. „Молодыя поколѣнія, говорится въ инструкціи, должны быть предохранены отъ индифферентизма, скептицизма, неувѣренности въ своихъ силахъ и опаснаго предразсудка, что отдѣльная личность имѣетъ мало значенія, и усилія одного человѣка не ведутъ ни къ чему. Нужно возбудить въ нихъ жажду къ дѣятельности. Страна, которая современемъ будетъ имъ принадлежать, ослаблена политическими и религіозными несогласіями; поэтому слѣдуетъ внушить молодымъ поколѣніямъ духъ терпимости; въ то же время нашей странѣ угрожаетъ опасность извнѣ, такъ слѣдуетъ развивать въ нихъ національное чувство. Учитель удостовѣритъ плодотворность человѣческихъ усилій, показывая, что въ разныя времена разные люди или группы людей силой своей воли вліяли на ходъ исторіи". Если учитель будетъ справедливъ и правдивъ въ своихъ характеристикахъ, онъ внушитъ терпимость. „И эту терпимость онъ заставитъ полюбить, какъ необходимую для человѣка добродѣтель, при помощи яркаго изображенія тѣхъ крайнихъ опасностей, которыя происходятъ отъ политическихъ и религіозныхъ раздоровъ и которыя можетъ устранить только одно лѣкарство—свобода".

Коснувшись развитія національнаго чувства молодыхъ поколѣній, инструкція предвидитъ при этомъ многія опасности и нѣкоторую скользкость этого пути. Но объ этомъ я скажу въ другомъ мѣстѣ. Теперь же закончу характеристику общихъ положеній французской инструкціи указаніемъ на тѣ конечные результаты, которыхъ можно ожидать, по ея мнѣнію, отъ правильной постановки историческаго курса. Историческій курсъ долженъ: „1) дать ученику точную идею послѣдовательности цивилизацій и прогресса, а также сообщить подробное знакомство съ ходомъ внѣшняго образованія и внутренняго развитія Франціи, 2) показать вліяніе окружающаго міра на нашу

страну, и наоборотъ, при этомъ необходимо пользоваться сравненіемъ нашей исторіи съ исторіей другихъ странъ, чтобы умѣть яснѣе судить о насъ самихъ, 3) научить отдавать должное всякому народу, 4) расширить умственный горизонтъ юноши и, наконецъ, 5) вмѣстѣ со знакомствомъ съ современнымъ состояніемъ собственной страны и всего міра дать ему ясное пониманіе своихъ обязанностей, какъ француза и какъ человѣка".

Итакъ, изъ всего мною изложеннаго можно сдѣлать тотъ выводъ, что на исторію въ гимназіяхъ всѣхъ интересующихъ насъ государствъ смотрятъ (является ли она образовательнымъ или воспитательнымъ орудіемъ), какъ на науку. Она всюду должна сообщить извѣстный комплектъ наукой установленныхъ и научно сгруппированныхъ фактовъ, чтобы содѣйствовать образованію подростающаго поколѣнія и въ извѣстную сторону расширять его кругозоръ. Словомъ, исторія разсматривается всѣми инструкціями, какъ наука съ самостоятельнымъ содержаніемъ и ей свойственнымъ методомъ. Слѣдовательно, ея курсъ и долженъ быть построенъ на научной почвѣ. Всѣ соображенія и тенденціи національнаго и политическаго свойства и вообще тѣ, которыя коренятся не въ самомъ свойствѣ исторіи, какъ науки, должны быть устранены при выборѣ, распредѣленіи и группировкѣ матеріала для преподаванія, а главное—особенно приходится заботиться, чтобы картина исторической жизни человѣчества получалась соотвѣтствующая дѣйствительности, правдивая, слѣдуетъ остерегаться, чтобы не было нарушено научное равновѣсіе частей курса. Какое же основное требованіе предъявляетъ къ преподавателю исторія, какъ наука? Требованіе это вытекаетъ изъ соображенія о томъ, что̀ составляетъ главный предметъ исторической науки. Главный предметъ ея—*человѣчество въ его всемірно-историческомъ развитіи*. Пониманіе хода всемірно-историческаго развитія человѣчества, важнѣйшихъ его моментовъ и факторовъ должно получиться, какъ самый существенный результатъ историческаго обученія въ гимназіи. Такъ понимаютъ дѣло составители всѣхъ разбираемыхъ нами программъ и инструкцій.

Но выразительнѣе всего это высказано въ прусской инструкціи. Тамъ прямо сказано, что систематическій курсъ долженъ познакомить ученика съ прогрессивнымъ ходомъ развитія всего человѣчества (der gesammten Menschheit), причемъ самый систематическій курсъ долженъ носить характеръ всемірно-историческій (Universalgeschichte). Но любопытнѣе всего то, что при практическомъ примѣненіи этого взгляда и осуществленіи этого идеала больше всего отступаютъ отъ такъ ясно высказаннаго положенія именно прусскія гимназіи. Систематическій курсъ въ нихъ проходится въ четырехъ старшихъ классахъ и составляетъ расширеніе того сжатаго курса исторіи, который пріобрѣтенъ

въ среднихъ классахъ, а въ среднихъ классахъ, гдѣ проходится приготовительный курсъ, изображается исторія грековъ, римлянъ и германцевъ, при чемъ такъ, что тамъ, гдѣ Германія перестаетъ быть центромъ исторической жизни Европы, центромъ ея становится бранденбургско-прусское государство. Расширеніе этого курса на высшей ступени совершается въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, въ кругъ изученія входятъ новые народы, которыхъ не касался предыдущій курсъ; во-вторыхъ, дается больше свѣдѣній культурнаго характера, чѣмъ давалось раньше. Я остановлюсь на расширеніи курса въ первомъ отношеніи. Выборъ новыхъ народовъ опредѣляется либо ихъ культурно-историческимъ значеніемъ, либо отношеніемъ къ отечественной исторіи. Когда я читалъ это мѣсто, то я, какъ историкъ, былъ удовлетворенъ, но тотчасъ же былъ принужденъ разочароваться. Первый критерій, оказывается, относится не ко всякому народу, имѣющему съ нашей, не прусской точки зрѣнія, культурно-историческое значеніе, а только къ народамъ древняго Востока, а при допущеніи въ историческій курсъ иныхъ, кромѣ нѣмецко-прусскаго, національныхъ элементовъ въ средневѣковую эпоху и въ новой исторіи примѣняется лишь второй критерій, т.-е. опредѣляется степень, въ которой они замѣшаны въ нѣмецкую исторію. Тотчасъ же инструкція и дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „главный матеріалъ и на этой ступени должна доставлять исторія классическихъ народовъ и нѣмцевъ". Для иллюстраціи этого положенія приведу слѣдующую справку. Учебникъ Гербста по средней исторіи, составленный примѣнительно къ потребностямъ прусскихъ гимназій, заключаетъ въ себѣ 112 страницъ. Изъ этого числа на долю Франціи со времени Капетинговъ приходится ровно 3 страницы, Англія получила въ свое распоряженіе 2 неполныхъ страницы, Италіи (за исключеніемъ папства, исторія котораго подробно излагается въ его отношеніяхъ къ германской имперіи) отведена 1 страница, Испанія занимаетъ полстраницы, а сѣверныя государства, куда попали и мы—русскіе, помѣщены на 4 неполныхъ *строчкахъ*, и обо всемъ этомъ говорится оскорбительнымъ мелкимъ шрифтомъ. Что касается насъ, русскихъ, то первое извѣстіе изъ русской исторіи ученики прусскихъ гимназій получаютъ еще въ средней исторіи, а именно подъ заголовкомъ „*Сѣверныя государства*"; мы поставлены тамъ въ скобки, и вообще обо всѣхъ насъ—сѣверныхъ народахъ—говорится одно, именно, что о насъ нечего сказать. Фигурировать мы начинаемъ, конечно, только съ Петра I, при чемъ Сѣверной войнѣ предпослана наша Vorgeschichte, которая изложена на полстраницѣ. Припомнимъ для окончательной характеристики то ограничительное положеніе, которое введено въ 1882 г. Это положеніе настаиваетъ на томъ, что и безъ того сильно проведено было въ программѣ и ин-

струкціи 1859 г. Отсюда я и дѣлаю выводъ, что послѣдній министерскій циркуляръ имѣетъ ограничительный относительно иностранцевъ въ исторіи характеръ.

Такимъ образомъ прусская программа на практикѣ не держится тѣхъ прекрасныхъ идей, которыя такъ рельефно запечатлѣны въ ея общихъ, такъ сказать, теоретическихъ положеніяхъ, и получается курсъ весьма односторонній, который, на мой взглядъ, не соотвѣтствуетъ ни научнымъ интересамъ, ни интересамъ общаго образованія, а въ воспитательномъ отношеніи безусловно вреденъ. Кромѣ того, я нахожу, что прусская программа непослѣдовательна еще и въ другомъ отношеніи или, лучше сказать, не достаточно послѣдовательна въ проведеніи того принципа, который ею овладѣлъ, когда она перешла отъ теоріи къ практикѣ. Почему мы проходимъ исторію классическихъ народовъ и считаемъ ее существенною частью курса? Потому что эти народы имѣли грандіозное культурно-историческое значеніе. Слѣдовательно, допуская ихъ въ кругъ нашего изученія, мы руководимся исключительно научно-историческими соображеніями, но разъ мы допустили восточные и классическіе народы въ нашъ курсъ, то мы обязательно принуждены сдѣлать то же самое по отношенію и къ остальнымъ народамъ. А разъ мы выбросимъ эти послѣдніе, то я не вижу резона сохранять и древнюю исторію.

Програмы Австріи, Франціи и Россіи отличаются бо́льшею последовательностью, единствомъ основной точки зрѣнія и соотвѣтственно съ этимъ бо́льшею научностью, равномѣрностью частей курса и бо́льшимъ безпристрастіемъ въ выборѣ изучаемаго въ историческихъ курсахъ матеріала. При этомъ австрійская инструкція не только намѣчаетъ въ этомъ духѣ выбранные факты и располагаетъ ихъ извѣстнымъ образомъ, а поднимаетъ именно теоретическій вопросъ о томъ, насколько допустима такая постановка историческаго курса, какую мы видѣли въ Пруссіи, съ здраво-теоретической точки зрѣнія. Вотъ что въ ней по этому поводу говорится. Обсуждая способъ построенія курса средневѣковой исторіи, инструкція находитъ неудобнымъ дѣлить курсъ по національностямъ 1) вслѣдствіе ихъ многочисленности и 2) вслѣдствіе того, что большею частью рѣшающими историческими факторами этой эпохи были великія событія и институты именно международнаго характера, какъ папство, имперія, крестовые походы, развитіе городскихъ общинъ и т. д. Поэтому и расчлененіе курса должно быть не территоріальнымъ, а предметнымъ, хотя и безъ особаго нарушенія хронологической послѣдовательности событій. Однако и въ мѣстныхъ территоріальныхъ рамкахъ иногда совершалось нѣчто, имѣвшее впослѣдствіи всемірно-историческое значеніе, и обходить молчаніемъ или бѣглымъ суммарнымъ способомъ перечислять такія

явленія, это значитъ создавать важное препятствіе къ ясному и полному уразумѣнію новой исторіи. Поэтому инструкція рекомендуетъ посвящать должную долю вниманія французской исторіи, правда—только процессу образованія абсолютистскаго объединеннаго государства, а также проходить и англійскую средневѣковую исторію, правда—только слѣдить за процессомъ усиленія парламентскихъ тенденцій и упроченія парламентскихъ учрежденій. Но вѣдь это и есть самое существенное во французской и англійской средневѣковой исторіи. Говоря о курсѣ новой исторіи, австрійская инструкція еще рѣшительнѣе ополчается противъ исключительно національнаго плана построенія этого курса. Вотъ ея слова:

„То обстоятельство, что должна быть усвоена прагматическая связь событій, влечетъ за собою необходимое слѣдствіе, чтобы новая исторія изображалась не какъ отечественная, а какъ всеобщая, потому что эта прагматическая связь не можетъ быть достигнута, если историческіе взгляды учащагося будутъ односторонне ограничены... Нужно дать (преподавателю) свободу переносить центръ тяжести изложенія то въ то, то въ другое государство, смотря по тому, откуда исходило то или иное всеобъемлющее всемірное движеніе... Прохожденіе всей новой исторіи по нити исторіи одного опредѣленнаго государства, хотя-бы австро-венгерскаго, давало бы невѣрное и неполное освѣщеніе важнѣйшимъ событіямъ“. Поэтому австрійская программа рекомендуетъ и новую исторію проходить на основѣ всемірно-историческихъ явленій и дѣлить ее на 3 періода: 1) періодъ реформаціи, 2) періодъ торжества абсолютной монархіи и 3) періодъ революціи.

Вообще систематическій курсъ проходится въ австрійскихъ гимназіяхъ въ V. VI и VII классахъ, при чемъ, какъ оригинальность— и завидную—австрійской программы можно отмѣтить то, что все число уроковъ, полагающихся для систематическаго, т.-е. самаго труднаго курса, сосредоточено только въ трехъ старшихъ классахъ и, стало быть, на долю каждаго приходится по-многу часовъ, именно: въ V—3, въ VI—4, въ VII—3. При этихъ условіяхъ систематическій курсъ проходится съ молодыми людьми приблизительно одинаковой степени развитія, и вниманіе ихъ сосредоточивается на предметѣ. Этого удобства нѣтъ, наприм., въ нашихъ гимназіяхъ, гдѣ систематическій курсъ тянется 4 года, начинается въ возрастѣ слишкомъ раннемъ для серьезной систематической работы и имѣетъ только по 2 часа въ недѣлю (исключая V классъ, гдѣ 3 часа), что дѣлаетъ затруднительнѣе сосредоточеніе вниманія. Слишкомъ ранняя систематизація древней исторіи (въ IV классѣ) вызываетъ подробное ея повтореніе въ VIII классѣ, съ дополненіями немыслимыми въ IV классѣ.

Еще бóльшая равномѣрность между отечественной и иноземной

исторіей соблюдена въ программахъ французскихъ и русскихъ. Во французскихъ лицеяхъ систематическій курсъ начинается съ VI кл. [1]) довольно обстоятельнымъ изложеніемъ исторіи древняго Востока (полтора часа въ недѣлю); въ V классѣ въ то же количество времени проходится только одна греческая исторія; въ IV—римская исторія до великаго переселенія; въ III—средневѣковая исторія до смерти Людовика IX. Начиная отсюда, мы и можемъ прослѣдить вышеуказанную равномѣрность. Вотъ рубрики средневѣковаго курса: Состояніе Римской имперіи въ концѣ IV вѣка. Варвары, ихъ передвиженіе и ближайшія послѣдствія его. Юстиніанъ Великій. Арабскій калифатъ и его цивилизація. Папство и отношенія его къ франкскимъ королямъ. Карлъ Великій и раздробленіе его владѣній. Феодализмъ. Саксонская, франконская и швабская династіи германскихъ государей. Крестовые походы. Капетинги (подробно только съ Людовика VI). Англія (при чемъ въ видѣ особаго заголовка: великая хартія и парламентъ). Во II классѣ идетъ исторія Европы и Франціи съ конца XIII вѣка до смерти Генриха IV Бурбона. Рубрики слѣдующія: Филиппъ IV. Столѣтняя война. Война розъ въ Англіи. Великій расколъ. Виклефъ и Гусъ. Междуцарствіе въ Германіи и первые Габсбурги, даже Ганза. Славяне и венгры. Московія. Разложеніе Византійской имперіи и основаніе Турецкой имперіи. Испанское королевство и т. д. Въ новѣйшей исторіи есть такая рубрика: Англія и Россія въ Азіи.

Этого достаточно, чтобы видѣть, какой равномѣрный интересъ отданъ отдѣльнымъ частямъ *всемірной* исторіи. Нельзя, конечно, не усмотрѣть, что французская исторія разсматривается нѣсколько подробнѣе. Но это всюду такъ и должно быть. Однако, отечественная исторія не замѣняетъ собою всемірной; Франція не поставлена центромъ міра—вотъ что важно.

Вотъ что говорится во французской инструкціи объ отношеніи курса отечественной исторіи къ курсу всемірной исторіи:

„Развитіе національнаго чувства—дѣло очень щекотливое. Слѣдуетъ прежде всего упрочить природную любовь къ родинѣ, а затѣмъ осмыслить этотъ инстинктъ и обратить его въ просвѣщенный взглядъ, но при этомъ мы не должны ни забывать человѣка въ гражданинѣ, ни съуживать ради мнимой выгоды нашей страны мѣсто, которое занимаетъ идея человѣчества. Хотя отечественная исторія должна

---

[1]) Во французскихъ лицеяхъ всего 10 классовъ, раздѣляющихся на три отдѣленія: первое, элементарное съ тремя классами—приготовительнымъ, 8-мъ и 7-мъ, второе, грамматическое съ тремя классами—6-мъ, 5-мъ и 4-мъ и третье, высшее съ четырьмя классами—3-мъ, 2-мъ, риторическимъ и философскимъ.

быть особенно подробно изучаема (particulièrement étudiée), однако и всемірная исторія должна быть предметомъ преподаванія (enseignée). Отечественная исторія всегда должна быть вставлена въ рамку всемірной. Методъ выдвиганія нашей родины на первый планъ и изображенія остального міра только въ отдаленной перспективѣ (en prolongement) влечетъ къ грубымъ предразсудкамъ... Никакая страна больше Франціи не подвергалась дѣйствію извнѣ... и, наоборотъ, никакая другая страна больше Франціи не дѣйствовала на міръ [1]). Мы никогда не были и не будемъ партикуляристами. Одну изъ особенностей французовъ составляетъ любовь къ человѣчеству и готовность ему служить. Поэтому знакомство со всемірной исторіей для насъ обязательно".

То же достоинство, т.-е. равномѣрность историческаго интереса отличаетъ и русскую программу. Въ ней тоже отечественная исторія по необходимости занимаетъ пропорціонально больше мѣста, нежели исторія другихъ странъ, но она не сдѣлана центромъ міровой жизни. Картина-то историческая дается правдивая.

До сихъ поръ я старался охарактеризовать только принципіальную основу систематическаго курса въ гимназіяхъ нашихъ четырехъ странъ. Теперь посмотримъ на практическую постановку его, чтобы имѣть возможность судить о чисто педагогическихъ удобствахъ при прохожденіи его. Что касается возраста, которому впервые предлагается систематическій курсъ, то самый ранній приходится на французскіе лицеи, въ которыхъ онъ начинается съ VI класса, гдѣ сидятъ мальчики 11—12 лѣтъ, а въ остальныхъ гимназіяхъ онъ начинается приблизительно въ одинаковомъ возрастѣ, т.-е. 13—15 лѣтъ. Повидимому, во Французскихъ лицеяхъ въ этомъ отношеніи дѣло поставлено наименѣе удовлетворительно, но сейчасъ мы увидимъ, что это неудобство значительно ослабляется самымъ распредѣленіемъ частей курса. Повторю, что во Франціи систематическій курсъ начинается съ VI класса и въ немъ проходится въ полтора часа въ недѣлю только одна исторія древняго Востока; въ Пруссіи систематическій курсъ начинается со II класса [2]) и въ 2½ часа въ недѣлю проходится краткая исторія Востока и исторія Греціи, кончая эпохой Діадоховъ; въ Австріи систематическій курсъ начинается съ V кл. [3])

---

[1]) Любопытно сопоставить этотъ взглядъ съ исключительно нѣмецкой окраской курса прусскихъ гимназій.

[2]) Въ прусскихъ гимназіяхъ всего 9 классовъ, расположенныхъ въ слѣдующей послѣдовательности: VI, V (низшій курсъ), IV, III^b, III^a (средняя ступень) и II^b, II^a, I^b, I^a (высшая ступень).

[3]) Устройство австрійскихъ гимназій и послѣдовательность классовъ та же, что у насъ въ Россіи.

и въ первый годъ при 3-хъ часахъ въ недѣлю проходится исторія древности, преимущественно исторія Греціи и Рима до завоеванія Италіи включительно. Исторія Востока проходится очень кратко. У насъ, въ русскихъ гимназіяхъ, систематическій курсъ начинается съ IV класса, гдѣ при 2 часахъ въ недѣлю проходится *вся* древняя исторія, но этотъ же періодъ подробно повторяется въ VIII классѣ. Затѣмъ, во французскихъ лицеяхъ исторіи Греціи посвящается особенный годъ съ 1½-часовымъ курсомъ, исторіи Рима также одинъ годъ съ тѣмъ же 1½-часовымъ курсомъ. Въ Пруссіи римская исторія проходится цѣлый годъ во IIª классѣ съ курсомъ въ 2½ часа въ недѣлю; въ Австріи римская исторія, начиная съ Пуническихъ войнъ, присоединяется къ средней исторіи, и на этотъ курсъ полагается одинъ годъ съ 4-мя часами въ недѣлю. За то въ VIII классѣ полагается полчаса (т.-е. 1 часъ въ полугодіе) на повтореніе важнѣйшихъ частей исторіи Греціи и Рима.

Такимъ образомъ Франція отводитъ древней исторіи 4¼ часа въ теченіе 3-хъ лѣтъ, Австрія—почти столько же въ 1 годъ съ небольшимъ, Пруссія—5 часовъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ и Россія—4 ч. въ теченіе 2-хъ лѣтъ, но только не подрядъ, а съ промежуткомъ въ 3 года.

Средняя исторія устроена такъ: во Франціи ей отдано въ распоряженіе полтора года и съ небольшимъ 2 часа въ недѣлю, въ Австріи—4 часовой курсъ въ теченіе неполнаго года, въ Пруссіи—неполный годъ съ курсомъ въ 2½ часа въ недѣлю и у насъ въ связи съ отечественной—3-хъ-часовой курсъ въ теченіе цѣлаго года (V кл.). Новая исторія до нашихъ дней во Франціи проходится въ 2½ года, а часовъ ей отдано въ общей сложности 4½, въ Пруссіи — почти полтора года съ курсомъ въ 2½ часа въ недѣлю, въ Австріи—1 г. съ 3-часовымъ курсомъ, у насъ, въ связи съ отечественной—2 года съ 4-мя часами въ общей сложности.

Изложивши теоретическія основанія и указавши на способъ практическаго исполненія систематическаго курса въ разбираемыхъ программахъ, перехожу къ краткой характеристикѣ курса приготовительной ступени. Въ связи съ этимъ вопросомъ я окончательно укажу мѣсто отечественной исторіи въ каждой изъ занимающихъ насъ программъ. Значеніе этого приготовительнаго курса весьма ясно. Онъ долженъ сообщить ученику свѣдѣнія о важнѣйшихъ личностяхъ и событіяхъ, вокругъ которыхъ будутъ группироваться въ систематическомъ курсѣ всѣ посредствующіе факты, личности и явленія. Приготовительный курсъ долженъ быть, такъ сказать, словесный альбомъ, каждый листъ котораго по срединѣ занятъ либо портретомъ, либо иллюстраціей, изображающей наиболѣе памятныя для человѣчества

событія, преимущественно такія, которыя легко завладѣваютъ воображеніемъ ученика. Эти портреты и иллюстраціи даны въ контурахъ и наиболѣе рѣзкихъ штрихахъ. Вокругъ этого изображенія остаются большія бѣлыя поля. Въ систематическомъ курсѣ этотъ альбомъ не теряетъ своего смысла, только поля заполняются объясненіями и другими иллюстраціями, а центральные образы тушуются и получаютъ окончательную обрисовку. Кромѣ того, этотъ курсъ даетъ возможность заинтересовать учениковъ исторіей, познакомить ихъ съ элементарными явленіями внѣшней и внутренней жизни народовъ, разъяснить чаще всего встрѣчающіеся въ историческомъ курсѣ термины и пріучить учениковъ къ связному и ясному изложенію, свойственному нашей и другимъ наукамъ. Но не вездѣ значеніе приготовительнаго курса понимается въ такомъ двоякомъ смыслѣ. Только Австрія и Пруссія построили приготовительный курсъ такъ полно, какъ мною изложено. И тамъ, и тутъ приготовительному курсу отданы всецѣло средніе классы. Австрійская программа удѣляетъ ему II, III и половину курса IV класса, всего 5¼ часовъ; прусская программа отдаетъ ему полныхъ 3 класса—IV и два III, всего 6 часовъ. При этомъ самыя программы не ограничены сравнительно съ программами старшаго курса въ смыслѣ пространства и времени, ими охватываемыхъ, а именно находятся въ отношеніи къ систематическому курсу, какъ низшая инстанція къ высшей. Такъ въ Пруссіи, гдѣ и систематическій курсъ односторонен, программа приготовительная ограничиваетъ выборъ матеріала тремя народами—греками, римлянами и нѣмцами. Въ Австріи и систематическій курсъ шире и разностороннѣе по матеріалу; поэтому и приготовительный курсъ отличается отъ прусскаго бо́льшею свободою въ выборѣ матеріала. Правда, если прочитать краткій планъ этого курса, то онъ какъ будто скопированъ съ прусскаго, при чемъ на мѣсто Бранденбургско-прусскаго государства поставлена Габсбургская монархія. Но подробное разъясненіе этого плана совершенно не соотвѣтствуетъ такой постановкѣ и не ограничиваетъ приготовительнаго курса только тремя народами. Такъ, наприм., въ новой исторіи фигурируютъ слѣдующія личности не нѣмецкаго происхожденія: Филиппъ II испанскій, Елисавета англійская, Генрихъ IV французскій, Петръ Великій и др.

Гораздо у́же, чѣмъ въ Пруссіи и Австріи, понимается значеніе приготовительнаго курса во Франціи и Россіи. Въ русскихъ гимназіяхъ приготовительному курсу отведено только 2 часа въ теченіе одного года, при чемъ онъ ограниченъ исключительно отечественной исторіей. Во Франціи также отечественная исторія составляетъ исключительное содержаніе приготовительнаго курса, но ему отведено 3 ч. въ теченіе двухъ лѣтъ.

Такимъ образомъ въ Пруссіи и Австріи приготовительные курсы являются какъ-бы зернами, изъ которыхъ потомъ выростаютъ систематическіе курсы: въ нихъ уже содержатся элементы систематическаго курса, а во Франціи и Россіи приготовительные курсы имѣютъ какъ-бы только техническое значеніе, т.-е. возбуждаютъ историческій интересъ и пріучаютъ къ историческому изложенію. Нужно замѣтить, что въ прусскихъ гимназіяхъ эту техническую работу выполняютъ на еще низшей ступени—въ двухъ младшихъ классахъ, гдѣ предназначено съ 1882 года по одному часу въ недѣлю для біографическаго курса и для знакомства съ важнѣйшими миѳами и легендами классической и германской древности. Впрочемъ, и во Франціи въ приготовительномъ классѣ исполняется та же работа, причемъ на нее назначено полтора часа въ недѣлю.

Теперь намъ станетъ окончательно ясно отношеніе отечественной исторіи ко всеобщей. Въ Пруссcіи на всѣхъ ступеняхъ гимназическаго курса отечественная исторія (вмѣстѣ съ классической) замѣняетъ собою всемірную. Во Франціи и Россіи на нее смотрятъ, какъ на наиболѣе подходящій матеріалъ для возбужденія историческаго интереса и выработки необходимыхъ для дальнѣйшаго воспринятія историческихъ знаній способностей ученика, а съ другой стороны, въ систематическомъ курсѣ она проходится въ связи со всеобщею и является такимъ образомъ равноправнымъ членомъ въ ряду обзоровъ исторіи другихъ культурныхъ народовъ съ необходимымъ ея первенствомъ въ смыслѣ бóльшей детальности безъ нарушенія, однако, исторической перспективы. Въ Австріи же отечественная исторія поставлена нѣсколько оригинально. Въ средневѣковой части приготовительнаго курса она совпадаетъ съ исторіей Германіи, въ отдѣлѣ новой исторіи она равнозначаща съ исторіей другихъ народовъ; въ систематическомъ курсѣ она имѣетъ мѣсто такое же, какъ въ приготовительномъ. За то по окончаніи курса всемірной исторіи, въ VIII кл. весь первый семестръ съ тремя часами въ недѣлю проходится спеціально исторія Австро-Венгерской монархіи.

Къ числу вопросовъ общеинтересныхъ при разсмотрѣніи историческихъ программъ можно отнести вопросъ объ отношеніи между политической и культурной стороной исторіи. Такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, наибольшее равновѣсіе и въ этомъ вопросѣ соблюдено въ австрійской программѣ [1]). Въ прусской программѣ

---

[1]) Интересующихся этимъ вопросомъ, какъ онъ поставленъ въ австрійскихъ гимназіяхъ, такъ же, какъ и вообще подробнымъ изложеніемъ австрійской исторической программы и инструкціи къ ней, отсылаю къ обстоятельной и прекрасной статьѣ на эту тему, помѣщенной въ „Педагогическомъ Сбор-

культурной сторонѣ тоже рекомендуется отдавать должное мѣсто. Однако, центръ изложенія лежитъ въ обѣихъ программахъ во внѣшней политической исторіи. Русская программа какъ-то робко относится къ этому вопросу. Такъ, наприм., объяснительная записка 1890 г. рекомендуетъ довольно обстоятельный очеркъ состоянія Римской имперіи до вторженія варваровъ; далѣе, эпоха Возрожденія, упадка католицизма въ концѣ среднихъ вѣковъ и гуманизма разработана въ послѣдней программѣ гораздо шире, чѣмъ въ прежней. А между тѣмъ при преподаваніи отечественной исторіи, по словамъ объяснительной записки, „надлежитъ обращать особое вниманіе на факты изъ внѣшней исторіи, а изъ бытовой исторіи вводить только самыя крупныя явленія“.

Но изобиліемъ фактовъ культурнаго характера поражаетъ новая французская программа. Тамъ культурное состояніе страны излагается не только въ видахъ выясненія причинъ внѣшнихъ фактовъ, но каждая эпоха заключается культурно-исторической картиной, характеристичной для данной эпохи. Наприм., для заключенія эпохи Карловинговъ особая рубрика требуетъ изображенія картины феодальнаго быта. Послѣдняя рубрика курса III класса (до 1270 г.) озаглавлена такъ: *Христіанская и феодальная цивилизація*. Церковь; ереси; походъ противъ альбигойцевъ; нищенствующіе ордена; инквизиція. Школы; парижскій университетъ. Литература: труверы, трубадуры, Виллъгардуенъ, Жуанвилль. Искусства: замокъ, романскій и готическій соборы.

До какой степени дробна въ этомъ отношеніи французская программа, показываетъ то, что въ курсѣ самаго старшаго (философскаго) класса программа выдѣляетъ въ особую главу умственное движеніе въ Европѣ, наполняя ее слѣдующими рубриками: Возрожденіе нѣмецкой и англійской литературъ. Характеръ французской литературы временъ имперіи. Иноземныя вліянія. Романтизмъ. Литературная критика. Развитіе эрудиціи. Обновленіе знаній о Востокѣ, классической древности, среднихъ вѣкахъ. Археологія и великія открытія. Исторія. Возрожденіе классическаго генія въ искусствѣ во время революціи и имперіи. Романтизмъ въ искусствѣ. Музыка симфоническая и драматическая. Развитіе точныхъ наукъ—физики и естествознанія. Приложенія ихъ къ промышленности: паръ, электричество. Въ преподаваніи исторіи XIX вѣка извѣстное мѣсто отведено обзору современныхъ конституцій, къ установленію которыхъ привели внутреннія политическія движенія. Программа предлагаетъ заканчивать курсъ изложе-

никѣ“, издаваемомъ при Главномъ Управленіи Военно-учебныхъ заведеній“, 1887, іюнь.

ніемъ результатовъ, полученныхъ человѣчествомъ отъ проведенія въ жизнь началъ 1789 г. Вотъ рубрики этой части курса: Успѣхи свободы политической. Успѣхи свободы религіозной. Успѣхи свободы гражданской. Развитіе демократическихъ идей и разработка соціальныхъ вопросовъ. Умственное движеніе. Успѣхи промышленности и торговли. Распространеніе европейской цивилизаціи въ другихъ частяхъ свѣта [1]).

И въ этомъ я вижу оригинальность французской программы, къ слову сказать, нѣсколько затрудняющую основательность ея усвоенія при условіи классной работы.

Но не въ одной французской программѣ есть оригинальность, затрудняющая преподавателя. Къ разряду такихъ оригинальностей австрійской программы я отношу то, что неизбѣжно подробное прохожденіе отечественной исторіи влечетъ за собою нарушеніе единства курса отечественной исторіи, которое (т.-е. единство) вполнѣ возможно соблюсти, наприм., у насъ въ Россіи и во Франціи. Тамъ рекомендуется и въ курсѣ всемірной исторіи, и въ спеціальномъ курсѣ отечественной исторіи, проходимомъ въ старшемъ классѣ, излагать подробно исторію трехъ важнѣйшихъ частей Австрійской монархіи, а, какъ извѣстно, судьба этихъ трехъ частей совершенно самобытная и не сходящаяся въ одно русло. Когда русская программа рекомендуетъ „не помѣщать исторіи славянъ на заднемъ планѣ и внѣ всякой связи съ ходомъ всемірной исторіи", что, между прочимъ, составляетъ ея оригинальность, то это совсѣмъ другое дѣло: помѣщеніемъ исторіи славянъ въ рамки всемірной исторіи дана уже извѣстная мѣра матеріала.

Въ заключеніе обращу ваше вниманіе на то, что сближаетъ всѣ программы между собою: это—необыкновенно почетное мѣсто, которое достается въ нихъ классическимъ народамъ. Во французскихъ лицеяхъ каждому изъ нихъ отдается по одному году. Въ прусскихъ гимназіяхъ классическая исторія встрѣчается на пути 3 раза: сначала въ видѣ біографическихъ очерковъ, затѣмъ въ видѣ обзора важнѣйшихъ фактовъ изъ внѣшней исторіи и, наконецъ, въ видѣ систематическаго курса, проходимаго въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ Австріи съ ними ученикъ встрѣчается тоже 3 раза т. е. въ приготовительномъ, систематическомъ и повторительномъ курсѣ, такъ что послѣднее впечатлѣніе

[1]) Такой широкій интересъ, который удѣленъ культурной исторіи, вызвалъ въ учебной французской литературѣ появленіе особаго вида учебныхъ пособій: цѣлой серіи такъ-называемыхъ Lectures Historiques. Это сжатые по формѣ, но полные по содержанію культурно-историческіе очерки, приноровленные къ рубрикамъ программы. Пока вышли три книги: 1) по исторіи Востока—Масперо, 2) по исторіи Греціи—Поля Гиро, и 3) по средн. вѣкамъ—Ланглуа.

ученика при выходѣ изъ гимназіи есть впечатлѣніе отъ классическаго міра. То же явленіе наблюдается и въ русскихъ гимназіяхъ, гдѣ классическій міръ изучается въ IV классѣ, и затѣмъ его исторія повторяется въ VIII, т.-е. послѣднемъ. Да и французская программа рекомендуетъ общій повторительный обзоръ исторіи древности по окончаніи всего курса, потому что, по ея словамъ, вполнѣ глубоко понять исторію грековъ и римлянъ не можетъ ученикъ V и IV классовъ, а также и потому, что будучи отдалена отъ конца курса, она рискуетъ быть забытой учениками. „Да и не будетъ ли это (повтореніе древней исторіи) естественнымъ завершеніемъ (couronnement) классическаго образованія?“ спрашиваетъ французская инструкція. Этими словами дана разгадка указаннаго мною почетнаго положенія исторіи классическаго міра и во всѣхъ странахъ: вѣдь вездѣ гимназіи—школы классическія.

Вотъ все, что, на мой взглядъ, имѣетъ *общій* интересъ въ историческихъ программахъ прусскихъ, австрійскихъ и русскихъ гимназій и французскихъ лицеевъ.

Историческая хроника.

Историко-литературные и историко-юридическіе курсы въ университетахъ.—Конкурсныя темы по исторіи и оставленные при университетахъ.—Вступительныя лекціи и диспуты въ университетахъ.—Публичныя лекціи по исторіи.—Ученыя общества.—Архивы и архивныя коммиссіи.—Разныя извѣстія и дополненія.

Историко-литературные и историко-юридическіе курсы въ университетахъ.

Въ хроникѣ I тома „Историческаго обозрѣнія“ нами были собраны свѣдѣнія объ историческихъ курсахъ, читавшихся въ русскихъ университетахъ въ 1890—91 академическомъ году. Кромѣ курсовъ по исторіи, въ собственномъ смыслѣ слова, читались еще въ обоихъ семестрахъ этого года слѣдующіе историко-литературные и историко-юридическіе курсы.

А. Курсы историко-литературные. С.-Петербургскій университетъ (1890—1891 акад. годъ). Исторія римской литературы. Общій курсъ проф. Помяловскаго (4 часа въ осеннемъ полугодіи). Исторія греческой литературы раздѣлена между проф. Никитинымъ, который читаетъ исторію греческой поэзіи (2 часа въ осен., 1 часъ въ весен. полугодіе) и проф. Ернштедтомъ, который взялъ на себя очеркъ исторіи греческой прозы (2 ч. въ осен., 1 ч. въ вес. пол.). Исторія русскаго языка. Общій курсъ проф. Соболевскаго (4 ч. въ весен. пол.) и спеціальный его же о судьбахъ церковно-славянскаго языка (2 ч. въ весен. пол.). По исторіи русской литературы объявлено два общихъ курса: проф. Незеленова (4 часа) и прив.-доц. Морозова (3 ч.). Спеціальные курсы по литературѣ Екатерининской эпохи (2 ч. въ весен. пол.) проф. Незеленова и по исторіи древней русской литературы (1 ч. въ оба полугодія) пр.-доц. Шляпкина. исторія славянскихъ

литературъ. Общій курсъ проф. Ламанскаго (3 часа) и спеціальный прив.-доц. Сырку: старинная сербская литература (3 час. въ вес. пол.). Всеобщая литература. Исторія литературы и ея теорія (3 ч.) проф. Веселовскаго. Боккачьо и его время (1 ч.) его же. Нѣмецкая поэзія XIV в. отъ Генриха Гейне до новѣйшаго времени пр.-доц. Вейнберга (2 ч.). Исторія французской литературы лек. Флери (2 час.) Англійская литература послѣ Байрона (2 час.) лект. Тернера. Дидактическая литература въ средніе вѣка приватъ-доц. Батюшкова (1 ч. въ осен. с.). Рыцарская эпика прив.-доц. Ланге (2 час. въ осен. сем.) и французская драма его же (1 ч. въ весен. сем.).

Московскій университетъ (1890—1891 академ. годъ). Исторія римской литературы. Общій курсъ (2 год. ч.) проф. Цвѣтаева. Исторія греческой литература. Общій курсъ (2 год. ч.). проф. Шварца. Исторія русской литературы. Общій курсъ (2 ч.) проф. Соколова и спеціальные: исторія русской литературы конца XVII и XVIII вѣка (2 ч.) его же; разборъ памятниковъ повѣствовательной литературы его же (2 час.) и исторія русской словесности XVIII и XIX вѣка (2 ч.) прив.-доц. Бѣльскаго. Исторія славянскихъ литературъ. Общій курсъ проф. Брандта (2 ч.). Исторія русскаго языка (2 ч.) прив.-доц. Шахматова. По всеобщей литературѣ читается два общихъ кусса: проф. Стороженкой (4 ч.) (Англійская лит. до конца 16-го вѣка и Нѣмецкая 18-го вѣка) и прив.-доц. Веселовскимъ (4 ч.).

Казанскій университетъ (осеннее полугодіе 1890 года). Исторія римской литературы. Общій курсъ (2 ч.) проф. Нагуевскаго. Исторія греческой литературы. Общій курсъ (2 ч.) проф. Мищенко. Исторія русской литературы. Общій курсъ (3 ч.) съ Петра Великаго до Пушкина читается проф. Архангельскимъ. Исторія всеобщей литературы. Общій курсъ прив.-доц. Берга (2 ч.) обнимаетъ исторію западно-европейскихъ литературъ въ средніе вѣка, а спеціальный—исторію средневѣковой драмы (2 ч.).

Харьковскій университетъ (осеннее полугодіе 1890 г.). Исторія греческой литературы. Общій курсъ (4 ч.) пр.-доц. Деревицкаго Исторія русской литературы. Общій курсъ проф. Сумцова и спеціальные его же. Литература въ царствованіе Александра I (1 ч.), древняя русская лѣтопись (2 ч.) его-же и русская литература XI—XV вѣковъ пр. доц. Халанскаго. Исторія славянскихъ литературъ. Общій курсъ (2 ч.) проф. Дринова. Исторія всеобщей литературы. Общій курсъ (4 ч.) прив.-доц. Шепелевича и спеціальные: лект. Ирмера исторія нѣмецкой литературы въ XII и XIII столѣтій (1 ч.) и лект. Соловьева исторія французской литературы XVIII вѣка (1 ч.).

Университетъ Св. Владиміра (1890—1891 акад. годъ). Исторія греческой литературы. Общій курсъ (3 год. ч.) проф. Сонни. Исторія

славянскихъ литературъ. Общій курсъ (4 год. ч.) проф. Флоринскаго. Исторія русской словесности. Общій курсъ (3 год. ч.) проф. Владимірова и его-же обозрѣніе памятниковъ старославянскаго языка (3 ч. въ ос. пол.). Литературная дѣятельность Тургенева, Гончарова прив. доц. Малинина (2 ч. въ ос. пол.) и его же литературная дѣятельность Достоевскаго (3 час. въ весен. полуг.).

Новороссійскій университетъ. Осеннее полугодіе 1890 г. Исторія римской литературы. Общій курсъ (2 ч.) проф. Модестова. Исторія греческой литературы. Общій курсъ (2 ч.) проф. Воеводскаго. Исторія и методологія классической филологіи, герменевтика и критика (въ первомъ полугодіи 3 ч., во второмъ 2 ч.) проф. Штерна. Исторія русской литературы. Общій курсъ (3 ч.), обнимающій исторію литературы отъ XI вѣка до Пушкина, читается проф. Некрасовымъ, а спеціальные, изъ которыхъ одинъ посвященъ исторіи русской словесности въ XVIII вѣкѣ (3 ч.), а другой исторіи русскаго романа и повѣсти (2 ч.), прив.-доц. Яковлевымъ. Исторія русскаго языка по памятникамъ отъ XI до XVI вѣка излагается прив. доц. Мочульскимъ (2 ч). Славянская этнографія и сербскій языкъ, исторія его литературы, курсъ (2 ч.) проф. Кочубинскаго. Исторія всеобщей литературы. Общій курсъ (3 ч.) проф. Кирпичникова посвященъ исторіи новой литературы (преимущественно драматической).

Дерптскій университетъ. Осеннее полугодіе 1890 г. Исторія русской литературы. Общій курсъ (4 ч.) проф. Висковатова. Исторія новой русской литературы и его-же исторія русскаго эпоса и народной пѣсни (4 часа). Исторія всеобщей литературы. Прив.-доц. Мазингъ читаетъ исторію драматической и прозаической литературы нѣмецкаго народа послѣ смерти Гете (4 ч.), а лекторъ языка эстовъ читаетъ исторію новой литература эстовъ (2 ч.).

Варшавскій университетъ (1890—1891 академ. годъ). Исторія церковно-славянскаго языка. Общій курсъ (2 ч.), проф. Будиловича. По исторіи русской литературы объявлено 2 курса проф. Смирнова. Первый (2 ч.), посвященный древнему и среднему періодамъ, слушается студентами 1 и 2 курсовъ, а второй (2 ч.) о новомъ періодѣ отъ Жуковскаго, предназначенъ для студентовъ 3 и 4 курсовъ русскаго отдѣла. По исторіи славянскихъ литературъ проф. Вержбовскій читаетъ исторію польской литературы (2 ч.) и проф. Гротъ по исторіи западно-славянскихъ литературъ 2 курса: одинъ общій (2 ч.), другой спеціальный (1 ч.). Исторія всеобщей литературы читается проф. Созоновичемъ. Его первый курсъ—исторія итальянской литературы (2 ч.), а второй—исторія византійской литературы (2 ч.).

В) Курсы историко-юридическіе. С.-Петербургскій университетъ (1890—1891 уч. годъ). Исторія римскаго права. Общій курсъ (6 ч.),

проф. Ефимова. Исторія русскаго права. Общій курсъ (4 ч.), и спеціальный: по исторіи древнѣйшихъ источниковъ права (1 ч.), проф. Сергѣевича. Общій курсъ внѣшней исторіи русскаго права и спеціальный: о дворянскихъ и городскихъ наказахъ 1767 года, проф. Латкина. Государственное право. Въ видѣ семинарія у пр.-д. Свѣшникова: обозрѣніе политической литературы XVIII и XIX вѣка (1 ч.) и обозрѣніе дѣятельности земскихъ учрежденій (1 ч.). Полицейское право. Исторія полиціи въ Россіи (1 ч.), проф. Ведрова. Политическая экономія. Исторія развитія экономическихъ ученій (2 ч.), проф. Вредена и исторія экономической литературы и системъ хозяйства (2 ч.), пр.-доц. Яроцкаго. Исторія философіи права (2 ч.), въ теченіе весенняго полугодія читается проф. Бершадскимъ.

Московскій университетъ (1890 — 1891 академическій годъ). Исторія римскаго права съ семинаріемъ (6 годовыхъ часовъ), проф. Боголѣпова, и исторія русскаго права до уложенія Алексѣя Михайловича (4 годовыхъ часа) и 2 часа семинарія, состоящаго въ разборѣ Русской Правды и Псковской судной граматы, проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, а исторія русскаго права отъ уложенія Алексѣя Михайловича до свода законовъ у пр.-доц. Филиппова (2 годовыхъ часа). Государственное право. Исторія политическихъ ученій, проф. Алексѣева (2 часа въ осеннее полугодіе). Политическая экономія. Семинарій, у проф. Чупрова (1 годовой часъ): изученіе избранныхъ главъ изъ сочиненій Рикардо и составленіе по нимъ рефератовъ.

Казанскій университетъ. Осеннее полугодіе (1890 г.). Исторія римскаго права (4 ч.), съ чтеніемъ и объясненіемъ Гая (1 ч.) и съ практическимъ ознакомленіемъ студентовъ, начинающихъ изученіе римскаго права съ источниками послѣдняго (1 ч.), у проф. Дормидонтова. Исторія русскаго права у проф. Загоскина (8 час.): шесть ч. удѣляется на удѣльный и московскій періоды и два на петербургскій.

Харьковскій университетъ (1890 — 1891 академическій годъ). Исторія римскаго права (6 часовъ), съ практическими занятіями, у проф. Стоянова. Исторія русскаго права (8 часовъ), у пр.-доц. Собѣстіанскаго, изъ нихъ два чтенія и толкованіе памятниковъ. Государственное право. Исторія англійскихъ государственныхъ учрежденій (2 часа въ весеннее полуг.), проф. Куплеваскаго. Политическая экономія. Исторія политической экономіи въ связи съ развитіемъ народнаго хозяйства въ Европѣ (4 часа въ осеннее полугодіе), съ двумя часами практическихъ упражненій. Исторія философіи права проф. Ярошa (3 год. ч.).

Кіевскій университетъ (1890 — 1891 уч. г.). Исторія римскаго права. Общій курсъ, проф. Казанцева, въ теченіе осенняго полугодія, по 4 часа въ недѣлю. Исторія русскаго государственнаго права. Общій

курсъ (по 3 часа въ недѣлю въ теченіе года), проф. Владимірскаго-Буданова и его же спеціальный курсъ въ осеннее полугодіе—исторія русскаго уголовнаго и гражданскаго права (2 ч.) и въ весеннее полугодіе исторія процесса (2 ч.). Исторія философіи права. Общій курсъ (1 ч. въ теченіе года), проф. Ренненкампфа.

Новороссійскій университетъ (осеннее полугодіе 1890 г.). Исторія римскаго права. Общій курсъ (4 ч.), у проф. Сокольскаго и практ. занятія у пр.-доц. Досновскаго (1 ч.): репетиторій по исторіи римскаго гражданскаго процесса въ связи съ чтеніемъ источниковъ. Исторія русскаго права. Общій курсъ (5 часовъ), проф. Леонтовичъ. Мѣстныя учрежденія Англіи, Франціи и Пруссіи (сп. курсъ, 1 ч.), проф. Сокольскій. Финансовое право. Исторія финансовъ Россіи, Англіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (2 ч.), пр.-доц. Иловайскаго. Исторія философіи права. Древняя, средневѣковая и новая исторія философіи права (2 ч.) проф. Чижова.

Дерптскій университетъ (осеннее полугодіе 1890 г.). Исторія русскаго государственнаго устройства до XIV столѣтія (4 ч.), русское государственное устройство и управленіе въ XVIII столѣтіи (2 ч.). Исторія русскаго гражданскаго права (2 ч.), проф. Дьяконова. Исторія философіи права (4 ч.), доц. Цачинскаго. Внутренняя исторія римскаго права (продолженіе и окончаніе при 4 ч.), исторія римскаго гражданскаго процесса (1 ч.), пр.-доц. Гримма.

Варшавскій Университетъ (1890—1891 уч. годъ). Исторія русскаго права. Общій курсъ (3 ч.) и экзегеза древнѣйшихъ памятниковъ (1 ч.) проф. Самоквасова. Исторія славянскихъ законодательствъ. Общій курсъ (4 ч.) проф. Зигеля. Исторія римскаго и византійскаго права проф. Дыдынскаго. (2 ч.).

Конкурсныя темы по исторіи.

Помѣщаемъ прежде всего тѣ свѣдѣнія о конкурсныхъ темахъ по исторіи, которыя намъ удалось собрать передъ отдачею въ наборъ настоящей хроники.

На актѣ 8 февраля 1891 г. въ петербургскомъ университетѣ объявлены между другими слѣдующія конкурсныя темы для студентовъ на текущій годъ. По историко-филологическому факультету. По классической филологіи: исправить и дополнить помпеянскую городскую хронику, составленную Нисеномъ, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій и раскопокъ. По русской исторіи: 1) Родъ князей Шуйскихъ въ XV—XVII в. и 2) землевладѣніе въ тверскомъ уѣздѣ въ

XVI вѣкѣ. По средней исторіи: 1) Хронографическое обозрѣніе царствованія Анастасія I. 2) Хронографическое обозрѣніе царствованія Василія I Македонянина. 3) Основаніе норманнскаго государства въ Южной Италіи (на два года). По новой исторіи: дворянскіе наказы (cahiers) 1789 года. По факультету юридическому отношеніе къ исторической наукѣ имѣютъ двѣ темы: по исторіи русскаго права—губныя и уставныя земскія граматы и по исторіи философіи права—ученіе Спинозы о правѣ и государствѣ. Наконецъ, на факультетѣ восточныхъ языковъ, предложена, кромѣ темы филологической по арабской словесности, историческая тема по каѳедрѣ китайской словесности: историко-географическое описаніе юго-восточной Монголіи по сочиненію „Мэнъ-гу-ю-му-цзи".

— Въ харьковскомъ университетѣ на 1891 г. предложены слѣдующія медальныя темы по историко-филологическому факультету:

a) По классической филологіи прив.-доц. А. Н. Деревицкій далъ тему: „Процессъ о посольствѣ въ Пеллу 346 г. по рѣчамъ Демосѳена и Эсхина";

b) По исторіи церкви (проф. А. С. Лебедевъ)—„Участіе византійскихъ императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ";

c) По каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій и славянской исторіи (проф. М. С. Дриновъ): „Извѣстія Прокопія, Маврикія, Льва и Константина Багрянороднаго о бытѣ и нравахъ славянъ"; требуется критическій разборъ этихъ извѣстій съ точнымъ ихъ переводомъ на русскій языкъ.

Кромѣ того, на юридич. фак. на премію имени заслужен. профессора А. И. Палюмбецкаго, по исторіи русскаго права, профессоромъ И. М. Собѣстіанскимъ предложена тема: „О судѣ и ссылкѣ въ московскомъ государствѣ" (о другихъ темахъ не упоминается, такъ какъ онѣ никакого отношенія къ исторіи не имѣютъ).

— Въ варшавскомъ университетѣ проф. Н. Н. Любовичемъ предложена тема: „Взаимныя отношенія Россіи и Пруссіи отъ 1741 года по 1750 годъ".

— Въ предшествующемъ выпускѣ „Историческаго Обозрѣнія" были перечислены темы, предложенныя за послѣдніе годы историко-филологическими факультетами на соисканіе наградъ, при чемъ были обѣщаны болѣе подробныя свѣдѣнія относительно сочиненій, ими вызванныхъ. Подобный обзоръ, опирающійся исключительно на профессорскія рецензіи, не только можетъ показать, въ какой степени подъ вліяніемъ этихъ темъ среди студентовъ пробуждается самостоятельная ученая дѣятельность, но и даетъ средство къ опредѣленію уровня ихъ историческихъ знаній и степени научной подготовки. Пока под-

робныя свѣдѣнія имѣются у насъ только для петербургскаго университета.

Въ петербургскомъ университетѣ на 1884 годъ первой предложенной по исторіи темой была „Африка подъ римскимъ владычествомъ на основаніи матеріаловъ, сообщаемыхъ VIII томомъ Corpus Jnscriptionum Latinarum“ (на 2 г.). Студентъ II курса Михаилъ Крашенинниковъ [1]) взявшійся за разработку этого вопроса, показалъ большую начитанность въ надписяхъ и древнихъ авторахъ, даръ историческаго изложенія, критическія способности и самостоятельность взглядовъ, въ виду чего, несмотря на нѣкоторую неполноту труда, и получилъ золотую медаль.

Объ „исторіи и организаціи мизенскаго флота по надписямъ X тома Corpus Jnscriptionum Latinarum“ писали студенты III к. Василій Кирьяновъ [2]) и Александръ Маннъ [3]), „оба съ одинаковымъ усердіемъ, но не съ одинаковымъ умѣньемъ и успѣхомъ“, что не помѣшало обоимъ получить по серебряной медали. Первый обнаружилъ стремленіе къ бо́льшей самостоятельности взглядовъ на тщательно и полно собранный матеріалъ, тогда какъ „наивность изложенія“ и научная „безпомощность“ второго искупается лишь его „прилежаніемъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ задачѣ и умѣньемъ избѣгнуть рѣзкихъ ошибокъ“.

О „риторахъ и риторическихъ школахъ первыхъ двухъ вѣковъ Римской Имперіи“ писалъ студентъ II курса Владиміръ Свадковскій [4]) (зол. мед.) „Оригинальность и вмѣстѣ основательность его взглядовъ“, „зрѣлая обдуманность“ всей работы, основательное знакомство съ источниками и пособіями составляютъ положительныя стороны его сочиненія, грѣшащаго только нѣкоторою односторонностію.

„Анна Комнина“ и „Обозрѣніе внѣшней исторіи Угріи, Чехіи, Польши и Руси до исхода XI в.“, темы, предложенныя на два года, не нашли себѣ изслѣдователей.

Въ томъ же 1884 году на тему, предложенную юридическимъ факультетомъ „Ученіе Гуго Гроція о правѣ и государствѣ“, написано было пять сочиненій. Первое, принадлежащее ст. III к. Исааку Гуревичу [5]) (зол. м.), всего болѣе удовлетворяетъ задачѣ, представляя посредствомъ „сложной и тонкой работы“ всестороннее изложе-

---

[1]) Его девизъ: Aemul, si qui potes nostros imitare labores.
[2]) Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.
[3]) Est quadam prodire temes, si non datur ultra.
[4]) Defendere reos, quam facere, vir bonus malet.
[5]) Forsan et haec olim meminisse juvabit.

ніе „всего существенно важнаго въ трудахъ Гроція". Второе сочиненіе ст. IV курса Василія Бермана [1]) (сер. м.) отличается выдающимися достоинствами во вводной части, посвященной литературѣ о Гроціи; но истиннаго понятія объ ученіи этого философа не даетъ, нерѣдко излагая его превратно. Авторъ третьяго сочиненія, студентъ III курса Владиміръ Струкговъ [2]) (сер. м.), хоть и подавленъ самымъ матеріаломъ доктрины Гуго Гроція, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ иногда удачныя попытки къ ея разъясненію или формулировкѣ. Четвертое сочиненіе задумано ст. III курса Эммануиломъ Пухеромъ [3]) (сер. м.) весьма оригинально. Доктрина Гроція излагается съ точки его зрѣнія на Божество, вопреки принятому мнѣнію, что этотъ философъ свелъ ученіе о правѣ съ теологической почвы. Неоконченность сочиненія и также ненаучный пріемъ изложенія не по первоисточникамъ отняли у этого труда право на высшую награду. Пятый соискатель ст. III кур. Иванъ Способный [4]) написалъ сочиненіе, мало исчерпывающее предметъ, и потому получилъ только почетный отзывъ.

На тему „церковное право по новелламъ Юстиніана I" представлено ст. III к. Сергѣемъ Энрольдомъ [5]) (зол. м.) сочиненіе, требовавшее отъ автора большой юридической подготовки, основательнаго знанія древнихъ языковъ, настойчиваго трудолюбія и ученой самостоятельности въ виду отсутствія литературныхъ пособій. „Неудовлетворительность общаго строенія диссертаціи и помѣщеніе въ однихъ отдѣлахъ того содержанія, которое правильно было бы ввести въ другіе", не могутъ повредить общимъ достоинствамъ этой работы, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести также „умѣніе сообщать матеріалу научно-юридическую конструкцію".

На 1885 годъ историко-филологическимъ факультетомъ первою предложенною темой было „Гай Азиній Полліонъ, какъ государственный дѣятель и литераторъ". За въ высшей степени удачное разрѣшеніе ея Михаилъ Крашенинниковъ [6]) получилъ золотую медаль во второй разъ. И по громадному внѣшнему объему, и по выдающимся „внутреннимъ достоинствамъ", его трудъ представляетъ явленіе, „въ ряду подобныхъ диссертацій столь необычайное", что факультетъ рѣшилъ ходатайствовать передъ министерствомъ о его напечатаніи, по-

[1]) Pectus est, quod fecit philosophum.

[2]) Hugo Grotius, immortalis vir serenissimuss princeps ingenii.

[3]) Principibus placuisse viris non ultima laus est.

[4]) Опытъ.

[5]) Для служенія Богу нѣтъ ни раба, ни свободнаго, ибо всѣ одно во Христѣ Іисусѣ.

[6]) „Sine ira et studio".

слѣ окончательной отдѣлки авторомъ. Широкое пониманіе темы, необыкновенно тщательное и полное собраніе матеріала, осторожное и умѣлое пользованіе имъ, „незаурядная начитанность“ „критическія дарованія“, „способность комбинаціи“, наконецъ, живость изложенія—вотъ достоинства этой работы, которой вредитъ только нѣкоторая парадоксальность и погоня за новизной съ внутренней стороны, а съ внѣшней—излишняя рѣзкость выраженій, неумѣстная въ научномъ трудѣ.

О „Зосимѣ, преимущественно какъ источникѣ времени Константина и Юліана Отступника“, писали студенты IV курса Викторъ Штюрмеръ [1]) и Василій Грефе [2]). Первый (сер. м.), обнаружившій „трудолюбіе и усердіе къ дѣлу въ связи съ значительной зрѣлостію критическихъ пріемовъ“, оказался слабымъ въ общихъ вопросахъ, вслѣдствіе отсутствія настоящаго историческаго „пониманія духа того времени“. Второй же награжденъ золотою медалью за „основательное знакомство съ современными научными требованіями и лучшими методами изслѣдованія, за умѣніе пользоваться ими, за правильность и осторожность въ сужденіяхъ, къ сожалѣнію, излагаемыхъ небрежнымъ языкомъ“.

Тема „Делосъ до времени Августа“ осталась неразработанною. Та же судьба постигла заданный на 1886 годъ историко-филологическимъ факультетомъ разборъ „Anecdota“ Прокопія. „Тимуръ и его время“ тема, одновременно предложенная восточнымъ факультетомъ, вызвала два сочиненія. Въ первомъ, принадлежащемъ окончив. курсъ Сергѣю Шабишеву [3]) (серебр. м.), не смотря на самостоятельность автора во взглядѣ на историческія событія, „личность Тимура не выяснена въ достаточной степени“ въ виду малаго количества источниковъ, положенныхъ въ основу работы. Авторъ второго сочиненія ст. VI сем. Павелъ Лыкошинъ [4]) получилъ только почетный отзывъ, такъ какъ „отрывочныя замѣтки о Тимурѣ потонули у него въ массѣ посторонняго матеріала“.

Въ 1887 году на тему по всеобщей исторіи „Воинская повинность и судебное устройство Франкскаго государства по капитуляріямъ Карла Великаго“ писало двое студентовъ историко-филологическаго факультета, Станиславъ Скрутковскій [5]) VIII сем. (зол. м.) и Алексѣй Горемыкинъ [6]) VI сем. (сер. м.). Первое сочиненіе обна-

---

[1]) Mitto tibi navem prora puppique carentem.

[2]) „Правда свѣтлѣе солнца“.

[3]) „Aut Caesar, aut nihil“.

[4]) „Попытка не пытка, а спросъ не бѣда“.

[5]) „Ἀγαθῇ τύχῃ“.

[6]) Ταῦτα γὰρ ἡμέτερά ἐστιν, οὐχ οἷα βούλεταί τις, ἀλλ' οἷα δύναται.

руживаетъ въ авторѣ „несомнѣнную“ даровитость и способность къ ученому труду. Опираясь на основательное знаніе источниковъ, г. Скрутковскій не только провѣрилъ существующія авторитетныя теоріи, но по нѣкоторымъ и притомъ очень важнымъ пунктамъ высказалъ самостоятельные взгляды, отличающіеся во всякомъ случаѣ большими формальными достоинствами, ясностію мысли, точнымъ знакомствомъ съ текстами и остроуміемъ въ ихъ интерпретаціи. Второе сочиненіе на ту же тему, хотя и не совершенно закончено и, потому не свободно отъ существенныхъ пробѣловъ, все же обличаетъ въ авторѣ усердіе и способность къ самостоятельнымъ ученымъ занятіямъ.

Объ „Осадѣ и взятіи Константинополя турками въ 1453 году“ писали Петръ Погодинъ [1]) VI сем. (зол. м.) и Борисъ Ординъ [2]) IV сем. (зол. м.). Первое сочиненіе показываетъ, что способность и умѣніе его автора писать хорошо, ясно и живо, такъ же мало подлежитъ сомнѣнію, какъ его умственная зрѣлость и серьезные задатки солиднаго ученаго направленія. Съ ученой точки зрѣнія, лучшее украшеніе диссертаціи представляетъ введеніе [3]), гдѣ съ надлежащимъ вниманіемъ, разумѣніемъ и методомъ разобраны источники, не исключая тѣхъ, которые должны считаться очень трудными и малодоступными для начинающаго. Благодаря своему удивительно обширному знакомству съ литературой предмета, по нѣкоторымъ критическимъ вопросамъ, авторъ сдѣлалъ не одно цѣнное замѣчаніе, что особенно можно сказать про повѣсть о разореніи Царьграда.

Второе сочиненіе о томъ же предметѣ удостоено высшей награды въ виду того, что удовлетворяетъ требованіямъ, выставленнымъ профессоромъ, при объясненіи темы, а это были самостоятельное изученіе главнѣйшихъ и преимущественно трехъ византійскихъ источниковъ, знакомство съ литературой предмета и литературное изложеніе.

Другая тема (двухлѣт.) того же 1887 года. „Разборъ основаній теорій Фальмерайера о происхожденіи современныхъ Грековъ съ переводомъ Монемвасійской хроники“ остался безъ изслѣдователя.

Въ 1888 году объ оракулахъ Асклипія и Амфіарая писало трое студентовъ VIII сем. Алексѣй Покровскій [4]) (зол. м.), Никита Александровскій [5]) (сер. м.) и Сергѣй Каффка [6]) (сер. м.). Первая диссертація представляетъ прекрасную работу, обширную и строго обду-

---

1) „Ἱστορίας μόνον χάριν“.

2) „Ἄρχουσα ἐν χώραις ἐγενήθη εἰς φόρον.

3) Напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за авг. 1889 г.

4) Его девизъ „Non omnia possumus omnes.

5) Τοῖς τῶν παλαιῶν ἀνδρῶν ὁμιλῆσαι γράμμασιν“.

6) Εἷς ἀνὴρ οὐ πανθ' ὁρᾷ.

манную въ общемъ и во всѣхъ подробностяхъ. Полнота собранія фактовъ, большая начитанность, самостоятельность взглядовъ, замѣчательная для начинающаго ученаго—вотъ достоинства этого труда. Неопытность автора второго сочиненія, г. Александровскаго, въ вопросахъ эпиграфики и археологіи искупается яснымъ и живымъ описаніемъ результатовъ эпидаврійскихъ раскопокъ [1]). Авторъ третьяго сочиненія, Сергѣй Каффка, положилъ на свою задачу много труда и успѣлъ сдѣлать многое, хотя въ его диссертаціи, написанной тяжелымъ, неправильнымъ языкомъ и встрѣчаются ошибки и недоразумѣнія.

„Критическое и прагматическое изложеніе политической дѣятельности Клодія и его отношеній къ тріумвирамъ, начиная съ 62-го года", представилъ студ. VI сем. Борисъ Тураевъ [2]) (зол. м.). Работа эта свидѣтельствуетъ о вполнѣ добросовѣстномъ отношеніи ея автора къ предмету и не лишена положительныхъ, новыхъ результатовъ, содержа въ себѣ единственное подробное, критическое и безпристрастное изложеніе процесса Клодія.

На темы изъ средней исторіи: „Правительственная дѣятельность имп. Констанція Хлора", „Вопросъ о происхожденіи лжеисидоровыхъ декреталій въ современной ученой литературѣ", „Отношеніе крестоносцевъ франковъ въ Іерусалимскомъ королевствѣ къ мѣстному населенію по ассизамъ и хроникамъ" сочиненій подано не было.

По новой исторіи о „крестьянскомъ вопросѣ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ" писали кандидатъ Венедиктъ Мякотинъ [3]) и студентъ ист.-фил. фак. Адамъ Гольдштейнъ [4]). Работа г. Мякотина, весьма значительная по объему [5]), представляетъ изъ себя систематическое изложеніе 1) состоянія крестьянъ въ Польшѣ въ XVIII в., 2) публицистики по крестьянскому вопросу въ эту эпоху и 3) какъ законодательныхъ, такъ и частныхъ мѣръ того времени по улучшенію быта крестьянъ, причемъ авторъ ясно и опредѣленно поставилъ главный свой вопросъ, разсмотрѣлъ труды своихъ предшественниковъ и привелъ въ извѣстность публицистическій матеріалъ по крестьянскому вопросу въ Польшѣ. Сочиненіе это признано было достойнымъ

---

[1]) Отдѣлъ этотъ подъ заглавіемъ „Раскопки эпидаврійскаго святилища Асклипія", напеч. въ Ж. М. Н. П. за 1890 г.

[2]) Его девизъ: „Man könnte ebenso gut ein Charivari auf Noten setzen, als die Geschichte dieses politischen Hexensabbaths schreiben wollen".

[3]) „Ищите истины".

[4]) „Non tamen adeo virtutum sterile saeculum, ut non et bona exempla prodiderit".

[5]) Она появилась въ видѣ отдѣльной книги въ 15 печ. листовъ въ 1889 г.

награжденія золотою медалью [1]). Второе сочиненіе страдаетъ отсутствіемъ плана и системы, и не всегда легко отличить въ немъ самостоятельную работу автора отъ простого компилированія. Въ виду того, однако, что авторомъ обнаружены трудолюбіе, начитанность, а мѣстами и весьма внимательное отношеніе къ подробностямъ, г. А. Гольдштейнъ удостоился за свою работу почетнаго отзыва.

По вопросу о личности Іосифа II на основаніи его переписки сочиненія на медаль представлено не было, но эту тему взялъ для кандидатской диссертаціи окончившій въ 1887 г. курсъ А. Ону [2]).

Въ томъ же году на юридическомъ факультетѣ „объ органической теоріи общества" писали Яковъ Юделевскій [3]), ст. VI сем. матем. факул., давшій „замѣчательно обработанный, ясно задуманный и стройно-выполненный критическій анализъ органической теоріи", Сергѣй Прутченко [4]) (ст. юр.), благодаря серьезному изученію вопроса и несомнѣнной способности къ научному труду „съумѣвшій сдѣлать тщательное сравненіе идеалистическаго и позитивнаго направленія органическаго ученія" (зол. м.), Абрамъ Залшупинъ [5]), (ст. юр.), написавшій полный историко-литературный очеркъ органической теоріи, большею частію на основаніи первоисточниковъ, но не выяснившій достаточно общій ходъ ея развитія (сер. м.), Генрихъ Мандельштамъ [6]) (поч. отз.), изложившій обстоятельно Шеффле, но оставившій неразработанной критическую часть.

По факультету восточныхъ языковъ „о христіанствѣ въ Средней Азіи" представлено пять диссертацій. Между всѣми соискателями „полнотою свѣдѣній, тщательной ихъ разработкой, ясностію изложенія, выдѣлился" ст. Александръ Миллеръ [7]) (зол. м.), тогда какъ Николай Распоповъ [8]) (окон. кур.), также удостоенный высшей награды, главное вниманіе сосредоточилъ „не на самомъ фактѣ существованія явленій, а главнымъ образомъ на ихъ причинахъ и значеніи". „Добросовѣстному, отчетливо исполненному" третьему сочиненію, принадлежащему Вильгельму Бартольду, только небольшіе пробѣлы помѣшали получить золотую медаль, но дали ему полное право на

---

[1]) Ср. отзывъ о книгѣ г. Мякотина въ X кн. Рус. Мысли за 1889 г.

[2]) Отрывокъ изъ этой работы печатается въ настоящемъ томѣ „Историч. Обозрѣнія"

[3]) Сѣйте разумное, доброе, вѣчное.

[4]) Initium salutis notitia peccati.

[5]) Comparaison n'est pas raison.

[6]) Πάντα ῥεῖ.

[7]) „Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней".

[8]) „Du choc des opinions jaillit la vérité".

серебряную, которая выдана была также студ. Николаю Колесову [1]), за его диссертацію, мѣстами не лишенную достоинствъ, и ст. Георгію Ефросу [2]), остроумно полемизирующему съ Ренаномъ и обнаружившему знаніе источниковъ за время монгольскаго владычества.

— Кромѣ того, у насъ имѣются краткія свѣдѣнія о награжденныхъ медалями въ 1890 г. въ харьковскомъ университетѣ.

Студентъ 6-го семестра историко-филологическаго факультета, Сергѣй Бобинъ, получилъ золотую медаль за сочиненіе по русской исторіи на тему, предложенную проф. Д. И. Багалѣемъ: „Историко-географическое направленіе въ русской исторіографіи".

Кромѣ того, въ истекшемъ 1890 г. предложены были темы на юридическомъ факультетѣ, имѣющія отношеніе и къ исторіи. Такъ, по церковному праву дана была тема „о княжескихъ церковныхъ уставахъ". За представленныя на эту тему сочиненія удостоены: студентъ Иванъ Ушаковъ золотой медали, Іосафъ Солнцевъ—серебряной, Петръ Мигулинъ—почетнаго отзыва. По энциклопедіи права предложена была тема: „Ученіе Р. Іеринга о сущности, происхожденіи и развитіи права". За сочиненія, представленныя на эту тему, студенты Владиміръ Аршеневскій и Юлій Говсѣевъ удостоены серебряной медали, а Николай Петровъ—почетнаго отзыва. — Бывшій студентъ Ястржембскій удостоенъ преміи имени покойнаго профессора международнаго права въ харьковскомъ университетѣ, Д. И. Каченовскаго, за сочиненіе: „Военное международное право въ русско-турецкую войну 1877—78 г. г."

Оставленные при университетахъ для приготовленія къ магистерскому экзамену по исторіи.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ по этому пункту, сообщеннымъ въ хроникѣ I тома, приводимъ указанія на печатныя работы готовящихся къ магистерскому экзамену В. А. Мякотина (Петербургъ) и В. Н. Сторожева (Москва).

Г. Мякотину принадлежатъ слѣдующія статьи и книги: 1) Къ вопросу о паденіи Польши (Н. Карѣевъ, Паденіе Польши въ исторической литературѣ). Русская Мысль, 1889. 2) Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ. Спб. 1889 (отдѣльная книга, представляющая изъ себя медальное сочиненіе). 3) Рецензіи въ Ист.

---

[1]) Iudex ergo cum sedebit, quidquid latet adparebit.

[2]) „Хотѣлось бы такъ, а коли шестъ берега не хватитъ, можно и иначе".

[3]) Людіе, сѣдящіе во тмѣ, видѣша свѣтъ велій и сѣдящимъ въ странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсія имъ.

Вѣстникѣ за 1890 г. — Генеральный планъ Имп. Воспитательнаго Дома. Спб. 1889. — Новгородскія Древности, Гаршина. Спб. 1890. — Файфъ, Исторія Европы XIX в., т. I и II. — Архивъ кн. Воронцова, кн. 36. — Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Кіевъ, 1889. — Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ, т. 5. — Булгаковъ, Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Спб. 1890. — Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ. Спб. 1890. — Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. 4. Кіевъ, 1890 и др. 4) Юридическій Вѣстникъ, 1890 г.—рецензія о книгѣ Чечулина, Города московскаго государства въ XVI в. 5) Сѣверный Вѣстникъ, 1889. О книгѣ г. Чечулина, 1890 г. и рецензія на книгу проф. Сергѣевича, Русскія юридическія древности. 6) А. Мицкевичъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1891 (Въ біографич. библіотекѣ Ф. Павленкова). 7) Въ „Кіевской Старинѣ“ за 1891 г. статья о „Дѣлахъ по исторіи крестьянъ въ лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. въ Кіевскомъ центр. архивѣ“.

— В. Н. Сторожевъ напечаталъ: 1) Рядъ мелкихъ библіографическихъ замѣтокъ и рецензій въ журналахъ „Другъ Женщинъ“ (1884 г.), „Книжный Вѣстникъ“ (1887—1891 г.), „Историческій Вѣстникъ“ (1889 г.), „Юридическій Вѣстникъ“ (1890 — 91 г.), „Библіографъ“ (1890—91 г.), „Этнографическое Обозрѣніе“ (1890—91 г.) и „Русскія Вѣдомости“ (1891 г.). 2) По поводу 26-й годовщины смерти книгопродавца-поэта (И. С. Никитина) въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 1887 г. № 21. 3) Указная книга Помѣстнаго Приказа въ VI томѣ „Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. Архивѣ Мин. Юстиціи“, Москва 1889, а также отдѣльнымъ изданіемъ. 4) Къ вопросу о системѣ библіографическаго указателя въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 1889 г. №№ 9 и 10. 5) Приговоръ Боярской Думы по дѣлу дьяка Томилы Луговскаго въ „Библіографѣ“ 1889 г. № 10—11. 6) Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка въ „Кіевской Старинѣ“ 1889 г. № 11. 7) Къ вопросу объ источникахъ Уложенія въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1889 г. № 12. 8) Дозорная книга города Твери 1616 года. Тверь 1890. 9) Дозорная книга Каменнаго городища въ „Библіографѣ“ 1890 г. № 3—4. 10) О земцахъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1890 г. № 5—6. 11) Десятни, какъ источникъ для изученія русскаго провинціальнаго дворянства въ XVI и XVII в. въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1890 г. № 3. 12) Третья глава въ „Памятной книжкѣ Моск. Архива Мин. Юстиціи“. Москва 1890. 13) Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 г. № 6, стр. 544, № 5, стр. 379 и № 9, стр. 497. 14) Новое изслѣдованіе по исторіи московскаго государственнаго хозяйства XVII вѣка

(по поводу книги А. С. Лаппо-Данилевскаго) въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1890 г. № 11. 15) Рязанскія засѣчныя книги. Рязань 1890. 16) Опись десятенъ XVI и XVII вѣковъ въ VII томѣ „Описанія документовъ и бумагъ, хран. въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи“. Москва 1890. 17) Четыре верстальныхъ десятни первой половины XVII вѣка въ „Библіографѣ“ 1890 г. № 12. 18) Сообщеніе о губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ для VII тома „Этнографическаго Обозрѣнія“ и II тома „Историческаго Обозрѣнія“. 19) Исторіографія и компиляція. По поводу III тома „Исторіи Россіи соч. Д. И. Иловайскаго въ „Вѣстникѣ Европы“ 1891 г. № 2. 20) Составъ тверского дворянства по десятнямъ XVII в. Выпускъ I. Тверь 1890 21) Десятни XVI вѣка (печатаются въ VIII т. „Описанія“ Архива Юстиціи). 22) Составъ рязанскаго и нижегородскаго дворянства по десятнямъ XVII в. (печатается въ трудахъ рязанской—1890 г. № 9 и слѣд.—и нижегородской архивныхъ коммиссій).

Вступительныя лекціи въ Петербургскомъ Университетѣ.

22 января 1891 г. началъ въ петербургскомъ университетѣ чтеніе спеціальнаго курса „Русскіе мемуары XVIII в.“ приватъ-доцентъ Н. Д. Чечулинъ. Вступительную свою лекцію онъ посвятилъ разбору значенія мемуаровъ для историческихъ изслѣдованій и указанію, какъ надо ими пользоваться, чтобы извлечь наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія. Онъ говорилъ, что въ настоящее время историки уже не ограничиваются пересказомъ (о томъ или другомъ событіи или времени) только словъ ихъ современниковъ, но стремятся черезъ самостоятельныя изслѣдованія узнать, какъ жили и каковы были люди прежде; поэтому главное значеніе при историческихъ изслѣдованіяхъ получили различные и многочисленные архивные матеріалы, и мемуарами, при изслѣдованіи прошлыхъ событій, теперь пользуются уже меньше. Но они сохранили все-таки въ наукѣ свое громадное значеніе, ибо для настоящаго пониманія исторіи совершенно необходимо знать, какъ смотрѣли на извѣстное событіе, какъ его понимали его современники; выяснить умственный и нравственный уровень общества каждой изучаемой эпохи совершенно необходимо, и для пониманія этого особенно важно изученіе мемуаровъ. Для правильнаго же уясненія себѣ умственнаго и нравственнаго склада общества мы не должны брать изъ мемуаровъ отдѣльные, самими авторами подчеркиваемые факты, ибо такіе факты были, очевидно, рѣдкими, не господствующими въ свое время, а должны стараться выяснить себѣ общій фонъ рисуемой авторами картины, уловить въ ихъ разсказахъ то, что представлялось

имъ наиболѣе простымъ, обычнымъ, естественнымъ, но что не считается уже таковымъ теперь, ибо именно совокупность такихъ фактовъ, такихъ чертъ и характеризуетъ эпоху.

— Въ четвергъ 24 января приватъ-доцентъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи А. Н. Щукаревъ читалъ вступительную лекцію къ объявленному имъ курсу „Обзоръ источниковъ греческой исторіи до-македонскаго періода". Лекція была посвящена главнымъ образомъ опредѣленію понятія историческаго источника. Въ началѣ лекторъ привелъ нѣкоторыя изъ опредѣленій, дававшихся учеными. *Ав. Беккъ* (въ „Энциклопедіи филологическихъ наукъ") считаетъ источниками все, что дошло отъ той или другой эпохи, причемъ письменные памятники являются главными источниками. *Дройзенъ* (въ „Историкѣ") раздѣляетъ матеріалъ подлежащей изученію историка, на 3 группы: 1) Остатки, 2) Памятники, 3) Источники, подраздѣляющіеся еще на два ряда: субъективный и прагматическій. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* понимаетъ подъ источникомъ почти тоже, что Дройзенъ, т. е. обработку фактовъ, дройзеновскіе же остатки и памятники соединяетъ въ одну категорію памятниковъ (Введеніе въ „Русскую исторію"). Во всѣхъ этихъ раздѣленіяхъ, однако, есть нѣкоторая неясность, главная причина которой, по мнѣнію лектора, та, что ихъ авторы не позаботились выяснить и формулировать коренную разницу между понятіемъ памятника и понятіемъ источника. Ее можно опредѣлить приблизительно такъ: *Памятникъ самъ по себѣ есть фактъ, объектъ изученія, источникъ — свидѣтельство о фактѣ, служащемъ объектомъ изученія.* Другими словами, *памятникъ мы изучаемъ ради познанія его самого или того цѣлаго, часть котораго онъ составляетъ или составлялъ; источникъ изучается ради тѣхъ фактовъ, которые имъ засвидѣтельствованы.* Разница устанавливается, слѣдовательно, не самой сущностью изучаемаго, но точкой зрѣнія изслѣдователя (Фризъ Парѳенона для историка искусства — памятникъ, для историка—источникъ свѣдѣній о панаѳинейской помпѣ. Сочиненіе Ѳукидида для историка литературы—памятникъ, для историка—источникъ по исторіи пелопоннезской войны и т. п.). Неизмѣримое цѣлое, служащее объектомъ изученія историка, есть прошлая жизнь народа или народовъ. Жизнь непрестанно движется, и это-то движеніе, измѣненіе и есть объектъ изученія историка. Онъ весь, по необходимости, лежитъ въ прошедшемъ. И такъ какъ никакая часть прошедшаго движенія, какъ таковаго, не можетъ оставаться и продолжать существованіе, какъ нѣчто конкретное, то и памятниковъ исторіи, какъ таковой, нѣтъ и быть не можетъ. Она имѣетъ только источники, т. е. свидѣтельства; источниками же служитъ все, что осталось, осѣло изъ матеріала, приводившагося въ движеніе, за-

стыло въ томъ или другомъ фазисѣ послѣдняго. Какъ памятниками, этими остатками занимаются другія дисциплины. Затѣмъ лекторъ перешелъ къ выясненію самаго понятія источника; строго говоря, всякое свидѣтельство о событіи—источникъ. Но передъ судомъ науки не всѣмъ свидѣтельствамъ одинаковая цѣна. Съ научной точки зрѣнія только то свидѣтельство заслуживаетъ названіе источника, которое является: 1) *оригинальнымъ* по своей современности или наивозможной близости къ событію и 2) *гарантированнымъ въ своей достовѣрности.* Въ заключеніе лекторъ предложилъ краткій обзоръ содержанія своего курса.

— 11 февраля въ петербургскомъ университетѣ читалъ въ качествѣ приватъ-доцента свою вступительную лекцію бывшій профессоръ новороссійскаго университета А. С. Трачевскій. Эта лекція цѣликомъ была напечатана въ № 53 газеты „Новости", подъ заглавіемъ „Современныя задачи исторической науки". Проф. Трачевскимъ былъ объявленъ курсъ по XVIII в.

Историческіе диспуты.

3-го февраля въ петербургскомъ университетѣ происходила защита диссертаціи кандидата правъ Э. Н. Берендтса, подъ названіемъ „Государственное хозяйство Швеціи" ч. 1-я (Исторія государственнаго хозяйства Швеціи до 1809 г.), представленной имъ для полученія степени магистра финансоваго права. Изъ прочитаннаго секретаремъ факультета curriculum vitae диспутанта видно, что онъ родился въ Петербургѣ въ 1860 г. и первоначальное образованіе получилъ въ евангелическо-лютеранскомъ училищѣ Св. Петра и Павла. Въ 1880 г. онъ поступилъ въ петербургскій университетъ на административный разрядъ юридическаго факультета, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1884 г., послѣ чего поступилъ на службу въ министерство финансовъ, въ департаментъ государственнаго казначейства, въ которомъ состоялъ на службѣ до 1887 г. Въ теченіе 1886 г. сотрудничалъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ, Торговли и Промышленности". Въ январѣ и февралѣ 1887 г. сдалъ экзаменъ на степень магистра финансоваго права и затѣмъ поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ съ откомандированіемъ въ комиссію для переустройства архива министерства. Въ 1888 г. напечаталъ: Volks und Staatwissenschaftliche Anschauungen in Russland auf der Grenzscheide des 18 u 19 Jahrhunderts. Въ 1889 г. перевелъ сочиненіе Бржескаго „Исторія госу-

дарственныхъ долговъ Россіи“ на нѣмецкій языкъ (часть этого перевода появилась въ Finanzarchiv'ѣ Шанца въ 1889 г.).

Свое вступительное слово г. Берендтсъ началъ съ выясненія причины выбора имъ своей темы, указавъ на то, что исторія финансовъ Швеціи до сихъ поръ еще очень мало изслѣдована, а потому представляетъ собой совершенно новую почву для изслѣдованія ихъ самихъ по себѣ и для построенія теоріи. Кромѣ того, исторія финансовъ этой стороны представляетъ интересъ по связи ея съ финансами Россіи. До сихъ поръ обыкновенно интересовались только финансовымъ развитіемъ крупныхъ государствъ, а между тѣмъ каждое государство есть своеобразно развивающееся органическое тѣло. Поэтому интересно прослѣдить особенности развитія финансовъ Швеціи въ связи съ основными факторами развитія каждой финансовой системы. Такими общими обусловливающими факторами слѣдуетъ признать слѣдующіе *пять*: 1) организацію правительственной власти. 2) строй поземельной собственности, 3) организацію мѣстнаго само, управленія, 4) національность и 5) физическія условія государственной территоріи. Разсмотрѣнная авторомъ 900-лѣтняя исторія Швеціи является лучшимъ подтвержденіемъ высказаннаго проф. Лоренцомъ Штейномъ положенія, что ни геніальность правителей, ни патріотизмъ и готовность къ самопожертвованію народа, не способны преодолѣть тѣ преграды или границы, которыя поставлены развитію государственнаго могущества экономическими силами, могущими быть затраченными для достиженія государственныхъ цѣлей. Исторія развитія Швеціи въ государственномъ и финансовомъ отношеніи представляется какъ бы развитіемъ цѣлой драмы, полной весьма трогательныхъ картинъ. На ряду со свѣтлыми картинами выступаютъ и темныя. Особенность развитія Швеціи заключается прежде всего въ томъ, что это государство глубоко консервативное. Другія государства получали совершенно новыя окраски вслѣдствіе пережитыхъ ими крупныхъ внутреннихъ переворотовъ. Даже въ Англіи, странѣ претерпѣвавшей меньше внезапныхъ ломокъ, все-таки совершенно порвана связь между старой и новой системой обложенія. Въ Швеціи же въ основныхъ чертахъ все почти сохранилось со временъ Густава-Вазы, Густава-Адольфа, Карла XI и др. Весьма типично это выражается въ сохранявшемся все время въ Швеціи участіи народа въ самоуправленіи, въ осуществленіи принципа подоходности въ обложеніи и въ непрерывной энергіи королевской власти. Всего только три государства не принесли въ жертву общему теченію времени самостоятельности мѣстнаго самоуправленія—это Швеція, Норвегія и Англія, а изъ нихъ въ особенности Норвегія. Послѣдняя никогда не знала чисто высшей центральной администраціи. Короли, далѣе, всегда являлись союзни-

ками крестьянскаго и городского сословія, поэтому только королямъ своимъ народъ этотъ обязанъ тѣмъ, что онъ не былъ чрезмѣрно обложенъ налогами. Всѣ почти государства проходили три послѣдовательныя ступени развитія: феодальный строй, эпоху абсолютизма королевской власти и конституціонный строй. Въ Швеціи же одновременно уживались принципы народной свободы и сильной королевской власти, никогда не злоупотреблявшей своимъ могуществомъ и уважавшей старинныя общественныя основы. Королямъ въ большинствѣ случаевъ принадлежала инициатива благихъ начинаній, поэтому справедливо утверждаетъ проф. Гейеръ, что исторія Швеціи есть исторія ея королей. Каждое царствованіе есть почти своеобразная эпоха. Были моменты развитія слѣпого подражанія англійскимъ и французскимъ государственнымъ образцамъ, но это подражаніе дорого обходилось народу. Три столѣтія велась борьба между системами меркантилизма и физіократизма. Борьба эта выражалась въ созданіи цѣлаго ряда несвязанныхъ другъ съ другомъ налоговъ поимущественныхъ, на капиталъ, таможенныхъ пошлинъ, игнорируя при этомъ нужды крестьянскаго сословія. Въ результатѣ этой борьбы теорій и въ особенности безразсуднаго пользованія государственнымъ кредитомъ 9 государствъ были банкротами. Подъ вліяніемъ всего этого шведскіе народные представители еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи относятся чрезвычайно недовѣрчиво ко всякой попыткѣ правительства увеличить государственные расходы; въ особенности эта бережливость олицетворяется въ нижней (второй) палатѣ представителей крестьянскаго элемента. Точно также бережливой династіи Бернадотовъ приходится расплачиваться за расточительность ихъ предшественниковъ. Вообще только въ Швеціи послѣдовало полное возвращеніе къ крестьянскому государству. Цвѣтущее положеніе финансовъ совпадало съ моментами упроченія земельной собственности. Въ Швеціи 13°/о населенія живетъ въ городахъ, откуда становится яснымъ преобладающее значеніе земельной собственности.

Первый оппонентъ, проф. фин. права В. А. Лебедевъ указалъ прежде всего на то, что г. Берендтсъ предпринялъ полезный трудъ—познакомить русскую читающую публику съ исторіей и современнымъ положеніемъ государственнаго и финансоваго хозяйства близкой нашей сосѣдки Швеціи, скромно назвавъ свой обширный трудъ даже не *томомъ*, а 1-ю частью задуманной работы. Если онъ въ такомъ же объемѣ выполнитъ остальныя 2 предположенныя части этой работы, то литература наша обогатится новымъ сочиненіемъ о государственномъ хозяйствѣ и финансахъ Швеціи, какого нѣтъ и въ шведской литературѣ. Нельзя, сказалъ проф. Лебедевъ, не отнестись сочувственно, какъ къ такому трудолюбію, такъ и къ цѣли автора—со-

общить много интереснаго о странѣ, составляющей до извѣстной степени terram incognitam, благодаря своему языку, мало кому извѣстному. Однако обширность работы свидѣтельствуетъ и о поспѣшности, съ которой она работалась. Если бы авторъ меньше спѣшилъ, то книга его вышла бы меньше, но зато и стройнѣе. Количество собраннаго матеріала подавило автора; дорожа имъ, онъ не подвергъ его надлежащей очисткѣ, и потому книга вышла больше, чѣмъ это желательно. Сверхъ того, удобству пользованія книгой препятствуетъ и самый способъ, или система изложенія: слѣдуя хронологическому порядку авторъ разсматриваетъ каждый предметъ, каждую отрасль экономическаго или финансоваго быта Швеціи, то и дѣло перескакивая съ одного предмета на другой; притомъ и рубрики не очень соотвѣтствуютъ содержанію. Существенное упущеніе указалъ оппонентъ въ отсутствіи списка и оцѣнки источниковъ. Поэтому у читателя относительно многихъ изъ указываемыхъ авторовъ остается сомнѣніе: каковы эти источники? всѣ ли они довольно доброкачественны? Вотъ тутъ-то и помогъ бы читателю обзоръ источниковъ, съ критической оцѣнкой—и притомъ нестолько личной—автора, сколько знатоковъ шведской литературы. Относительно самого содержанія, продолжалъ оппонентъ, прежде всего представляется вопросъ: что разумѣетъ авторъ подъ „государственнымъ хозяйствомъ Швеціи?“ Въ первыхъ строкахъ главы 1-й заявляется, что въ финансовой литературѣ очень много говорится о шведскомъ государственномъ хозяйствѣ; отсюда надо заключить, что подъ государственнымъ хозяйствомъ авторъ (подобно Л. Штейну) разумѣетъ финансовое хозяйство. Но изъ дальнѣйшаго изложенія и изъ всего содержанія книги выходитъ, что подъ названіемъ этимъ авторъ понимаетъ и экономическій бытъ государства: изложеніе финансовыхъ фактовъ переплетается съ изложеніемъ фактовъ дополнительныхъ, сверхъ того политико-историческихъ—настолько, что даже можно усомниться, составляла ли исторія финансовъ Швеціи главную задачу автора. Эти отступленія въ область народной экономіи и политической исторіи и исторіи государственнаго развитія Швеціи болѣе обширны, чѣмъ это, быть можетъ, нужно для разъясненія фактовъ финансовой исторіи. Далѣе, авторъ дѣлитъ свою исторію государственнаго хозяйства Швеціи (стр. 2) на 6 періодовъ и первые пять излагаетъ въ этой первой части. Дѣленіе это подсказано, конечно, изученіемъ предмета; но оно такъ и осталось только на 2-й и 3-й страницахъ. Въ текстѣ же явились главы, съ совсѣмъ иными заголовками и не совсѣмъ соотвѣтствующія этимъ періодамъ. Все это не способствуетъ стройности изложенія и дѣлаетъ чтеніе книги довольно затруднительнымъ, хотя самое изложеніе довольно гладко, если не придираться къ погрѣшностямъ противъ рус-

скаго языка. Но главное и существенное неудобство системы изложенія, принятой авторомъ, это крайняя трудность получить цѣльное представленіе о какомъ бы то ни было предметѣ изъ множества ихъ, вошедшихъ въ эту книгу,—и это именно вслѣдствіе упомянутой разбросанности изложенія; надо подбирать желаемое по отдѣльнымъ страницамъ, даже по отдѣльнымъ строчкамъ. Изъ повѣствованія автора видно, что развитіе государственныхъ доходовъ въ Швеціи шло тѣмъ же порядкомъ, что и въ другихъ странахъ: государственныя земли, служба съ нихъ, натуральныя повинности, наконецъ налоги. При этомъ существовало большое разнообразіе въ раскладкѣ налоговъ, взиманіи ихъ и въ отбываніи повинностей. Все это однако общеизвѣстные факты, однородные для всей Европы. Не этимъ подтвержденіемъ общеизвѣстнаго интересна для насъ исторія финансоваго хозяйства Швеціи: оно интересуетъ насъ собственно тѣмъ вліяніемъ, какое она имѣла на наше государственное управленіе и наши финансовые порядки. Авторъ на 1-й же страницѣ указываетъ на эту сторону значенія для насъ Швеціи; но никакихъ затѣмъ сопоставленій не дѣлаетъ. Правда, въ послѣднихъ 5 тезисахъ (XII—XVI) сдѣлано сопоставленіе Швеціи съ Россіей и между прочимъ подняты спорные вопросы о происхожденіи ямской повинности въ Россіи и о подушной подати; но тезисами все и закончено: въ книгѣ объ этомъ почти ничего нѣтъ. А вѣдь между тѣмъ весьма интересно было бы прослѣдить, напр., по указамъ Петра В., что именно взялъ онъ изъ Швеціи и, сличивъ съ шведскими образцами, выяснить, какія формы получили они въ Россіи? Указавъ на нѣкоторыя частныя погрѣшности и противорѣчія, оппонентъ сказалъ въ заключеніе приблизительно слѣдующее: „На пространствѣ 860 страницъ авторъ излагаетъ факты финансовой, экономической и (отчасти) политической исторіи Швеціи. Факты собираются, конечно, полностію и въ правильномъ освѣщеніи,—такъ что нападеніе на эту сторону работы г. Берендтса возможно, кажется, только при желаніи спорить во что бы то ни стало. Выводы, сдѣланные авторомъ, вполнѣ логичны и естественны. Въ общемъ они приводятъ къ той истинѣ, что каждое государство только путемъ продолжительнаго, цѣлые вѣка длящагося опыта, приходитъ къ сколько-нибудь сносной системѣ государственныхъ доходовъ и финансоваго хозяйства. На протяженіи шведской исторіи за болѣе чѣмъ 500 лѣтъ (а весь обзоръ обнимаетъ собою 900 лѣтъ) авторъ неустанно слѣдитъ за развитіемъ Швеціи въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи—и какой же результатъ? Довольно печальный: „только въ 1808 г. оказались зачатки, и только зачатки преуспѣянія народнаго хозяйства“! Значитъ вся исторія эта поучительна въ отрицательномъ смыслѣ. Такъ стоитъ ли писать такую большую книгу,

чтобы еще разъ подтвердить то, что уже подтверждено исторіей другихъ народовъ,—что до 19 стол. государственная жизнь во всѣхъ отношеніяхъ, за малыми исключеніями, прогрессировала весьма скудно? Нельзя однако отрицать интереса книги г. Берендтса. Трудно пользоваться ею; но она даетъ многое любознательному читателю, даетъ новый матеріалъ для историческихъ сопоставленій и еще разъ закрѣпляетъ ту истину, что хорошіе финансы и хорошая государственная политика—двѣ взаимодѣйствующія силы, безъ гармоніи которыхъ государственная жизнь не можетъ идти правильно и истинный прогрессъ немыслимъ. Остается пожелать, чтобы авторъ скорѣе докончилъ свою работу и познакомилъ насъ съ современнымъ финансовымъ строемъ Швеціи и съ ея экономической и финансовой литературой, о которой такъ много извѣстно".

Второй оффиціальный оппонентъ проф. полит. экон. П. И. Георгіевскій началъ свои возраженія съ того, что ему по существу придется многое повторить изъ того, что было уже сказано первымъ оппонентомъ. Такъ, онъ не можетъ не упрекнуть трудъ диспутанта главнымъ образомъ съ точки зрѣнія системы, которая въ немъ совершенно отсутствуетъ. Историческое изслѣдованіе цѣнно бываетъ только тогда, когда оно даетъ цѣлый рядъ картинъ и явленій; должны быть обрисованы въ немъ отдѣльные моменты. А трудъ г. Берендтса является какъ бы романомъ безъ героя, между тѣмъ какъ главнымъ героемъ здѣсь должно бы было быть финансовое хозяйство. Единственная цѣльная картина, сама по себѣ лучше другихъ исполненная,—это глава о городахъ; но она стоитъ внѣ всякой связи со всѣмъ остальнымъ изложеніемъ. Далѣе проф. Георгіевскій указалъ на то, что нѣтъ надобности устанавливать пять основныхъ взаимодѣйствующихъ факторовъ, какъ дѣлаетъ г. Берендтсъ, такъ какъ уже давно Книсъ и Вагнеръ указали на первенствующее вліяніе 3-хъ главнѣйшихъ элементовъ, а именно: правоваго порядка, элемента національнаго и физическаго, при чемъ послѣдній долженъ считаться основнымъ. По вопросу о ямской повинности г. Георгіевскій указалъ, что нельзя объяснять ея появленіе у насъ заимствованіемъ изъ Швеціи, такъ какъ она могла и самостоятельно возникать издревле, потому что была же она въ древнемъ Римѣ, въ Персіи, въ Египтѣ и т. д. Переходя къ частностямъ, оппонентъ указалъ на нѣкоторыя противорѣчія, а въ заключеніе и этотъ оппонентъ далъ въ общемъ благопріятный отзывъ о диссертаціи.

Изъ публики возражалъ недавно окончившій курсъ кандидатъ правъ Сыромятниковъ, остановившійся преимущественно на первыхъ главахъ, касающихся древнѣйшаго періода исторіи Швеціи. Здѣсь диспутантъ, по мнѣнію оппонента, не исполнилъ своей задачи—дать картину развитія шведскихъ общинъ. Слѣдовало бы болѣе обратить

вниманіе на уложеніе развитія земскихъ правъ. Историческія данныя для этого имѣются и они вовсе не такъ противорѣчатъ другъ другу, какъ думаетъ диспутантъ. Неправильно также его мнѣніе о сильномъ различіи двухъ основныхъ племенъ. Слѣдовало бы также прослѣдить постепенное превращеніе прежнихъ государственныхъ повинностей, имѣвшихъ форму жертвоприношеній, въ настоящіе свѣтскіе налоги по мѣрѣ постепеннаго перехода королей изъ верховныхъ жрецовъ въ конунги.

По заключеніи преній, во время которыхъ г. Берендтсъ отвѣчалъ на всѣ дѣлавшіяся ему возраженія и давалъ разъясненія по спорнымъ пунктамъ, онъ былъ провозглашенъ заслуживающимъ искомой имъ степени магистра финансоваго права.

— 17 марта 1891 г. въ актовомъ залѣ Петербургскаго Университета происходилъ магистерскій диспутъ по русской словесности: защищалъ диссертацію прив.-доц. И. А. Шляпкинъ. Изслѣдованіе г. Шляпкина посвящено „Св. Дмитрію Ростовскому и его времени“ (1651 — 1709 г.). Авторъ этой книги является не новичкомъ въ ученой литературѣ, въ которой онъ выступаетъ почти ежегодно съ какимъ-либо новымъ трудомъ. Судя по печатному списку его „ученыхъ работъ“ на 4 страницѣ обложки его диссертаціи, г. Шляпкинъ съ особенною охотою занимается изданіемъ памятниковъ старинной литературы и описаніемъ рукописей. Защитѣ своей диссертаціи магистрантъ предпослалъ рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Когда приступаютъ къ изученію какого-нибудь періода русской литературы, обыкновенно останавливаются на нѣсколькихъ выдающихся писателяхъ даннаго времени, указываютъ на умственную глубину или нравственную высоту проведенныхъ ими идей, стараются выяснить оригинальность или заимствованіе этихъ идей и сдѣлать заключеніе о высокомъ или низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго состоянія всего общества. Нисколько не отвергая важности подобнаго отношенія къ литературнымъ памятникамъ былой русской жизни, я позволю себѣ замѣтить, что при такомъ обзорѣ мы получаемъ картину умственнаго и нравственнаго развитія не *всего* народа, а только извѣстнаго класса общества или извѣстнаго кружка. Исторія же литературы, по нашему мнѣнію, должна захватывать и выяснять интересы всего общества, всей массы, должна представить намъ картину литературныхъ теченій и вкусовъ всего народа“. Пояснивъ эту общую мысль на примѣрахъ сочиненій Нила Сорскаго, съ одной стороны, и „Житія Василія Новаго“, съ другой, магистрантъ указалъ на необходимость „опредѣлить, насколько извѣстный памятникъ былъ фактически распространенъ, фактически извѣстенъ въ данное время. Большое число списковъ, изданій, историческія обстоятельства,

бытовая обстановка, данныя народной словесности покажутъ намъ, какой памятникъ считали важнымъ, какъ онъ распространился, какъ прижился въ народной массѣ, какъ сдѣлался излюбленнымъ чтеніемъ. Изучая условія, при которыхъ памятникъ появился, мы можемъ дойти и до причинъ, въ силу которыхъ онъ сдѣлался популярнымъ". Сославшись на частные примѣры, г. Шляпкинъ сталъ далѣе развивать ту мысль, что „писатели, излюбленные массами, являются еще болѣе интересными тогда, когда и съ точки зрѣнія такъ-называемаго интеллигентнаго читателя прошлаго времени, они представляются чѣмъ-то интереснымъ, выдающимся. Такіе именно авторы и являются показателями умственнаго и нравственнаго развитія народа, а не тѣ классическіе писатели, которые двигаютъ впередъ исключительно образованные классы. Совпаденія здѣсь бываютъ рѣдко: можно указать развѣ на нѣкоторыя произведенія Толстого, Достоевскаго, Некрасова, какъ это видно изъ извѣстной харьковской книги: „*Что читать народу?*". Этими соображеніями и руководился г. Шляпкинъ, выбирая тему для своихъ спеціальныхъ занятій. Приложивъ такую точку зрѣнія къ рукописной литературѣ XVII в., онъ нашелъ, что тогда самымъ сильнымъ было то теченіе въ этой литературѣ, которое выразилось въ переводческой дѣятельности (съ польскаго и латинскаго) и въ южно-русскомъ вліяніи. Все это подготовляло реформу. Среди писателей этой эпохи ни одинъ не пользовался такою любовью въ народѣ, какъ св. Димитрій Ростовскій, и ничьи сочиненія не были такъ распространены въ массѣ, какъ его творенія. По мнѣнію магистранта „изученіе такого писателя имѣетъ значеніе не только для ознакомленія съ его личными идеалами, но и съ идеалами русскаго народа въ періодъ петровскихъ реформъ". Но ранѣе нужно было изучить біографію ростовскаго святителя, и этимъ-то занялся магистрантъ въ своей диссертаціи. Конецъ рѣчи г. Шляпкина представлялъ собою краткій біографическій очеркъ и характеристику св. Димитрія.

Первые три тезиса г. Шляпкина касаются именно „статистическаго метода", который онъ рекомендуетъ примѣнить къ изученію русской литературы, и стоятъ въ связи съ первой половиной его рѣчи, но въ книгѣ имъ соотвѣтствуетъ только одно примѣчаніе на стр. 118, на что и было указано проф. А. И. Незеленовымъ. Въ 4 тезисѣ говорится о распространенности сочиненій св. Димитрія, а въ 5 авторъ объясняетъ, почему онъ предпосылаетъ изученію сочиненій св. Димитрія съ этой точки зрѣнія его біографію. Остальныя положенія приводимъ цѣликомъ. 6) „Св. Димитрій—одинъ изъ типичныхъ представителей новыхъ культурныхъ началъ, органически проявившихся въ жизни людей Московскаго Государства въ XVII вѣкѣ и

особенно усилившихся съ присоединеніемъ Малороссіи. 7) Жизнь святителя распадается на два отдѣла: малорусскій, приблизительно до 1701 года, и великорусскій, до смерти св. Димитрія въ 1709 году. Первый періодъ для св. Димитрія—время житейской и научной подготовки; для малорусскихъ духовныхъ—борьбы со старымъ московскимъ направленіемъ, къ которой не могъ безучастно отнестись и будущій святитель; для московскихъ людей—время реформаціонной дѣятельности царевны Софіи. Второй періодъ—время Петровскихъ реформъ, зрѣлости святителя и проведенія въ общественную и частную жизнь выработанныхъ имъ идеаловъ. 8) Внѣшняя дѣятельность св. Димитрія направлена къ просвѣщенію окружающихъ съ религіозно-нравственной и церковно-исторической стороны. Орудіемъ ея являются: Четьи-Минеи, проповѣди, посланія, Лѣтописецъ и Розыскъ. Сюда же относится и учрежденіе недолго впрочемъ существовавшей Ростовской школы. 9) Св. Димитрій стоитъ одинаково высоко, какъ общественный дѣятель и какъ частная личность. Онъ идеалъ православнаго ученаго пастыря и любимый народный писатель съ одной стороны, милосердный и высоконравственный человѣкъ съ другой".

Первымъ оппонентомъ выступилъ проф. А. И. Незеленовъ. Сущность его замѣчаній и возраженій сводится къ слѣдующему. Сочиненіе г. Шляпкина очень цѣнно, какъ обстоятельная и полная біографія св. Димитрія, основанная на изученіи множества книгъ и рукописей. Но, къ сожалѣнію, г. Шляпкинъ отказался въ своемъ трудѣ отъ изслѣдованія сочиненій святителя; оттого выводы его менѣе содержательны, чѣмъ можно было бы ожидать, и опредѣленіе значенія св. Димитрія неясно. Г. Шляпкинъ исходилъ изъ ложной мысли, что сочиненія надо изслѣдовать послѣ того, какъ изучена жизнь писателя; личность писателя онъ отдѣляетъ отъ его произведеній. Оставивъ безъ изслѣдованія сочиненія св. Димитрія, авторъ диссертаціи отрицаетъ безъ достаточныхъ основаній, что св. Димитрій былъ авторомъ драмъ, игранныхъ въ его ростовской школѣ. Предлагая свой особый методъ изслѣдованія литературныхъ произведеній, онъ не примѣнилъ его, однако, къ своему труду, не говоря уже о томъ, что самый методъ представляется очень спорнымъ, хотя и заключаетъ въ себѣ долю истины. По этимъ пунктамъ диспутантъ указывалъ главнымъ образомъ на то, что все это будетъ имъ сдѣлано въ слѣдующемъ трудѣ. Далѣе проф. Незеленовъ указалъ на то, что изложеніе г. Шляпкина отличается лѣтописнымъ характеромъ и страдаетъ несистематичностью. Это замѣтно и въ жизнеописаніи святителя (кромѣ разсказа о его ростовской школѣ) и въ перечисленіи книгъ, пришедшихъ въ Московскую Русь съ юго-запада. Кромѣ того, оппонентъ отмѣтилъ, что, не совсѣмъ сочув-

ственно относясь къ Петру Великому и его реформѣ, г. Шляпкинъ вслѣдствіе этого готовъ видѣть обличающіе намеки на Петра въ сочиненіяхъ св. Димитрія даже тамъ, гдѣ нѣтъ основанія подозрѣвать ихъ, какъ напр., въ проповѣди 26 августа 1707 года. Заключилъ свои замѣчанія проф. Незеленовъ указаніемъ на то, что языкъ и слогъ изслѣдованія г. Шляпкина вообще недурны, но что въ книгѣ попадается, однако, не мало неточныхъ выраженій и стилистическихъ промаховъ.

Вторымъ оппонентомъ былъ проф. А. И. Соболевскій, замѣчанія котораго отличались особенно фактическимъ характеромъ. Прежде всего оппонентъ указалъ на то, что масса матеріала, находящаяся въ диссертаціи, дѣлаетъ ее необходимою для каждаго занимающагося 2-ю половиною XVIII в., и что авторъ воспользовался огромнымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, начиная съ литературныхъ памятниковъ и кончая разнаго рода мелкими замѣтками въ рукописяхъ. Тѣмъ не менѣе авторъ воспользовался далеко не всѣми данными, находимыми въ источникахъ, вслѣдствіе чего въ однихъ случаяхъ получилась неполнота изслѣдованія, въ другихъ одностороннее освѣщеніе лицъ и событій.

Жизнь и дѣятельность самого Димитрія разработана достаточно полно, но авторъ упустилъ изъ виду лишь старшій и очень важный отзывъ о *Розыскѣ* въ „Пращицѣ" Питирима 1721 г. Время Димитрія и вообще XVII в. разработаны, наоборотъ, слабѣе. Авторъ опредѣляетъ отношеніе московскаго духовенства къ южно-русскимъ выходцамъ на основаніи осужденія и сожженія въ Москвѣ Учительнаго Ев. Кирилла Транквилліона. Но онъ упускаетъ изъ виду указаніе „Свитка укоризнена", что московское духовенство лишь повторяло осужденіе кіевскаго духовенства. Авторъ говоритъ, что южно-русскіе проповѣдники *послѣ*-могилинскаго времени подпали подъ польское вліяніе. Онъ забываетъ, что проповѣдники, дѣйствовавшіе до основанія Могилою академіи, также подражали полякамъ. Характеризуя патріарха Іоакима на основаніи показаній его враговъ, авторъ не принялъ въ расчетъ благопріятные отзывы о немъ въ Россійскомъ Виноградѣ, который, между прочимъ, нисколько не обвиняетъ Іоакима въ казняхъ раскольниковъ. Характеризуя монаха Евѳимія и его отношенія къ патр. Іоакиму и Адріану, авторъ воспользовался лишь показаніями Домецкаго, умолчавъ объ опроверженіи этихъ показаній Дамаскиномъ. При характеристикѣ южно-русскихъ ученыхъ, авторъ нашелъ у нихъ такія добродѣтели и достоинства, коихъ они никогда не имѣли. Онъ считаетъ ихъ учителями народа, проводившими въ жизнь христіанскую мораль, но ихъ сочиненія именно поучительнаго элемента и не имѣютъ. Онъ думаетъ, что они строго отличали до-

стоинство священнаго писанія отъ достоинства священнаго преданія, но одни изъ нихъ, современники св. Димитрія, Стефанъ Яворскій, въ Камнѣ Вѣры доказываетъ, что св. преданіе имѣетъ то же значеніе, что свящ. писаніе. Авторъ говоритъ, что они были вѣротерпимы, но тотъ же Яворскій въ Камнѣ Вѣры выставляетъ, какъ догматъ, наказаніе еретиковъ и требуетъ для нихъ, какъ единственнаго достойнаго возмездія—смертной казни.

Затѣмъ возражалъ б. проф. дух. акад. Н. И. Барсовъ, который защищалъ св. Димитрія отъ упрека въ мистицизмѣ, указывалъ на отсутствіе въ книгѣ литературнаго изслѣдованія (интересно было бы сравнить Четьи-Минеи съ Acta Sanctorum), и обратилъ вниманіе на вліяніе, какое имѣли проповѣди ростовскаго святителя на послѣдующихъ проповѣдниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ оппонентъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что въ петербургскій ист.-фил. факультетъ все чаще и чаще поступаютъ работы, интересныя и для представителей богословской науки.

Въ заключеніе нѣсколько мелкихъ замѣчаній сдѣлалъ г. Шляпкину одинъ частный оппонентъ.

Диспутъ длился болѣе двухъ съ половиною часовъ и прошелъ весьма оживленно. И. А. Шляпкинъ оказался диспутантомъ неуступчивымъ, и въ споръ его съ оппонентами по частнымъ вопросамъ нерѣдко вмѣшивались и другіе профессора, а публика аплодировала нѣсколько разъ. Диспутантъ получилъ искомую степень.

Диспуты въ Новороссійскомъ Университетѣ.

(Корреспонденція изъ Одессы).

Въ текущемъ 1890 — 1891 учебномъ году въ Новороссійскомъ Университетѣ не было на историко-филологическомъ факультетѣ ни одного диспута на ученую степень доктора или магистра. Лишь недавно прислано было для циркулированія между членами факультета сочиненіе пр.-доц. кіевскаго университета, магистра классической филологіи Вяч. Ив. Петра: Къ вопросу о латинской ороэпіи—въ качествѣ докторской диссертаціи, но диспутъ по ней, если и состоится, то во всякомъ случаѣ еще не скоро.

На юридическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета было зимою настоящаго года два очень оживленныхъ диспута на степени по государственному праву: доктора—экстр.-орд. профессора Новороссійскаго же университета по каѳедрѣ энциклопедіи права Н. Е. Чижова, и магистра—магистранта Кіевскаго университета Вл. Н. Ренненкампфа.

Н. Е. Чижовъ представилъ въ факультетъ обширный трудъ: „Право и его содержаніе по ученію Лоренца фонъ-Штейна“, къ которому напечаталъ еще особое приложеніе, съ исправленіемъ нѣкоторыхъ ошибокъ и опечатокъ. Замѣтимъ кстати, что Н. Е. Чижовъ ученикъ Л. Штейна. Оффиціальными оппонентами были орд. профессора: государственнаго права Вл. В. Сокольскій и политической экономіи Л. В. Федоровичъ, сдѣлавшіе много замѣчаній по частнымъ вопросамъ и, между прочимъ, указавшіе на нѣкоторые недосмотры въ сочиненіи при переводѣ юридическихъ терминовъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ. Гораздо рѣзче были возраженія частныхъ оппонентовъ, приватъ-доцентовъ того же университета: гражд. права П. М. Нечаева и философіи Н. Н. Ланге, указавшихъ на несоотвѣтствіе сочиненія его темѣ, неправильное пользованіе сочиненіями Л. Штейна, зависимость труда Н. Е. Чижова отъ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ сочиненій, напр. Чичерина, непониманіе политическаго ученія Гоббса и т. д. Впрочемъ всѣ возраженія гг. Нечаева и Ланге въ настоящее время уже напечатаны въ Юридическомъ Вѣстникѣ [1]). Диспутъ тянулся весьма долго, и диспутантъ былъ признанъ факультетомъ въ степени доктора.

Гораздо интереснѣе для историковъ былъ диспутъ Вл. Н. Ренненкампфа, сочиненіе котораго называется „Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка“. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, изъ коихъ два первые: историческій очеркъ конституціоннаго устройства и обозрѣніе основныхъ началъ конституціонно-представительнаго строя—хотя и занимаютъ половину книги, но имѣютъ характеръ введенія, и лишь вторая половина (третій отдѣлъ) посвящена политическимъ воззрѣніямъ кн. Бисмарка. Передъ началомъ диспута г. Ренненкампфъ произнесъ обычную рѣчь, въ которой указалъ на былое общее увлеченіе конституціоннымъ строемъ и совре-

---

[1]) Здѣсь разумѣется статья П. М. Нечаева и Н. Ланге „Русская книга о Лоренцѣ фонъ-Штейнѣ“ въ февр. кн. „Юрид. Вѣстн.“ за 1891 г., стр. 236—250. Авторы этой статьи доказываютъ, что г. Ч. „не только не изучилъ *всѣхъ* сочиненій Штейна, но не совсѣмъ ясно передалъ тѣ, которыми, очевидно, пользовался“ (237), находя, что г. Ч. изучалъ Штейна „не только не по всѣмъ, но даже и не по подлиннымъ сочиненіямъ Штейна“ (240), и свѣряя при этомъ изложеніе г. Ч. съ изложеніемъ проф. Тарасова и Андреевскаго, текстъ съ цитатами, переводъ съ подлинникомъ. Критики далѣе разбираютъ и взгляды автора на исторію философіи права, обнаруживая большіе промахи: наприм., Гоббсъ является у него „выразителемъ либеральныхъ идей“ (246). Наконецъ, отмѣчено, что есть случаи, гдѣ „г. Чижовъ буквально, фраза за фразой, списываетъ съ извѣстнаго сочиненія Чичерина (Исторія политическихъ ученій, *ни словомъ и никакимъ другимъ знакомъ не обозначая этихъ „заимствованій“* (249). Между тѣмъ задачу авторъ поставилъ себѣ очень широкую. *Прим. ред*

менныя въ немъ разочарованія, приписывая не малое значеніе въ этомъ вопросѣ политическимъ воззрѣніямъ и вообще дѣятельности кн. Бисмарка. Тезисы, которые защищалъ диспутантъ, были слѣдующіе:

1. Основная задача конституціонно-представительнаго развитія Зап. Европы заключалась въ примиреніи принциповъ единства государства, суверенитета государственной власти съ индивидуальною свободою и народными правами, охраняемыми представительствомъ. 2) Понятіе о прирожденныхъ личныхъ и политическихъ правахъ послужило основаніемъ началу народнаго суверенитета. 3) Дѣйствительныя политическія права возникаютъ изъ общественныхъ условій, опредѣляются общественною властью и должны соединяться съ общественными обязанностями. 4) Государственный порядокъ образуется не изъ договоровъ; каждый народъ находится въ условіяхъ того государственнаго порядка, къ которому наиболѣе способенъ, который выработалъ своею исторіею и для котораго имѣетъ требуемыя данныя. 5) Цивилизація, расширяя, облегчая и уравнивая способы дѣятельности, служитъ въ тоже время успѣхамъ личной энергіи, таланта, а потому увеличиваетъ разнообразіе личныхъ силъ и препятствуетъ установленію полнаго демократическаго уровня. 6) Раздѣленіе государственной власти въ подчиненныхъ органахъ, составляя необходимое условіе развитой государственной организаціи, не можетъ служить политическою гарантіею правильнаго соотношенія властей. 7) Представительство, какъ одинъ изъ органовъ государственнаго управленія, должно имѣть опредѣленный кругъ правъ, не должно пользоваться полновластіемъ, преобладаніемъ надъ другими органами государственной власти. 8) Ни одна изъ дѣйствующихъ выборныхъ системъ не оказалась удовлетворительною, достаточно охраняющею всѣ классы и группы общества. 9) Парламентарная система, не умѣряемая самостоятельностію другихъ факторовъ государственной власти, порождаетъ всемогущество представительнаго большинства, ставитъ правительство въ подчиненное положеніе и лишаетъ общество надлежащихъ гарантій. 10) Политическія воззрѣнія Бисмарка находятся въ ближайшей связи (положительной или отрицательной) съ тѣми политическими условіями и задачами, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ. 11) Основная черта всѣхъ политическихъ воззрѣній Бисмарка заключается въ защитѣ и возвышеніи государственнаго начала. 12) Измѣненія, колебанія и непослѣдовательность политическихъ воззрѣній Бисмарка въ частностяхъ объясняются слишкомъ рѣшительнымъ перевѣсомъ, который онъ давалъ интересамъ государства, не умѣряемымъ другими политическими и этическими началами.

Первый оппонентъ орд. проф. Вл. В. Сокольскій направилъ свои

возраженія преимущественно противъ 2-го отдѣла сочиненія, напр., указавъ на неточное изложеніе здѣсь начала англійской конституціи. Какъ проф. Сокольскому, такъ и слѣдующему оффиціальному оппоненту, экстр.-профессору международнаго права Игн. А. Ивановскому, когда онъ въ своихъ возраженіяхъ касался введенія, указывая напр. на приписываніе конституціонному строю такихъ чертъ, которыя вовсе не составляютъ его сущности, диспутантъ возражалъ въ томъ смыслѣ, что введеніе не представляетъ существенной части его труда, почему въ изложеніи затронутыхъ здѣсь вопросовъ онъ не могъ избѣгнуть извѣстной неполноты и неточности. Гораздо ожесточеннѣе былъ споръ между диспутантомъ и проф. Ивановскимъ о политическихъ воззрѣніяхъ кн. Бисмарка, составившій главную часть диспута вообще. Г. Ивановскій доказывалъ, что какъ ни велика была историческая роль кн. Бисмарка, въ наукѣ государственнаго права его теоретическіе взгляды не имѣютъ никакого значенія, почему и признавалъ самый выборъ темы для сочиненія не историческаго, а юридическаго, совершенно неудачнымъ. Какъ это всегда бываетъ, споръ перешелъ къ частностямъ и противники другъ друга не убѣдили; но проф. Ивановскій заявилъ, что онъ разсмотритъ затронутый имъ вопросъ о Бисмаркѣ въ особой рецензіи на трудъ г. Ренненкампфа.

Изъ частныхъ оппонентовъ, проф. Модестовъ, какъ онъ и самъ заявилъ, повторивъ замѣчанія проф. Ивановскаго о значеніи Бисмарка въ наукѣ государственнаго права, приводилъ въ примѣръ иныя стороны его дѣятельности; проф. Кочубинскій хотѣлъ узнать у диспутанта: дѣятельность Бисмарка въ какое именно время имѣла столь важное юридическое значеніе, такъ какъ извѣстно, что Бисмаркъ не разъ и въ своихъ рѣчахъ и въ своихъ дѣлахъ самъ себѣ противорѣчитъ? Конечно, на этотъ вопросъ диспутантъ отвѣта не далъ, такъ какъ и дать его нельзя. Та же участь, и по той же причинѣ постигла и запросъ послѣдняго оппонента, студента-юриста Панаіотова: откуда диспутантъ получилъ представленіе о поличическихъ воззрѣніяхъ Бисмарка? не изъ рѣчей ли его? Но гдѣ гарантія, что въ своихъ рѣчахъ Бисмаркъ непремѣнно выражалъ свои воззрѣнія, когда въ его интересахъ зачастую было ихъ маскировать? Диспутантъ, насколько могъ, парировалъ представляемые ему на разрѣшеніе столь трудные вопросы, и потому диспутъ шелъ очень оживленно, весьма интересуя собравшуюся многочисленную публику, награждавшую аплодисментами и диспутанта, и его оппонентовъ. Факультетъ призналъ Вл. Н. Ренненкампфа магистромъ государственнаго права.

Публичныя лекціи по исторіи.

16 и 21 февраля текущаго года проф. Н. И. Карѣевъ читалъ въ залѣ петербургской городской думы публичныя лекціи, сборъ съ которыхъ былъ назначенъ въ пользу „Общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“ (литературнаго фонда). Предметомъ лекцій была „исторія и философское значеніе идеи прогресса“, причемъ въ первый вечеръ лекторъ занялся общей постановкой вопроса и обзоромъ общихъ взглядовъ на исторію въ древности, въ средніе вѣка и новое время до конца XVIII в., а во второй сдѣлалъ очеркъ главнѣйшихъ относящихся къ предмету ученій XIX в. съ критикой основныхъ положеній этихъ ученій. Приводимъ здѣсь конспектъ лекцій, читать по которому дано было разрѣшеніе и который былъ отпечатанъ для слушателей.

„Историческая и философская разработка идеи прогресса принадлежитъ XIX в., но самая идея имѣетъ весьма старое происхожденіе. Ея исторіей занимались много, и тѣмъ не менѣе главные моменты этой исторіи не вполнѣ выяснены. Причина такого явленія въ томъ, что слѣдили за развитіемъ идеи безъ достаточнаго анализа того, какія разныя значенія можетъ имѣть сама эта идея въ зависимости отъ разныхъ способовъ ея происхожденія. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что она можетъ возникать двоякимъ путемъ: эмпирическимъ и идеалистическимъ, и съ этой стороны можно самыя теоріи прогресса раздѣлить на двѣ категоріи. Прилагая эту точку зрѣнія къ исторіи идеи прогресса, мы увидимъ, что античный міръ зналъ только эмпирическую идею прогресса. Характерныя особенности античнаго міросозерцанія заключаются въ идеѣ «золотого вѣка», въ идеализаціи естественнаго состоянія, въ признаніи одного научнаго или техническаго прогресса при нравственномъ упадкѣ, что иллюстрируется многими мѣстами изъ сочиненій классическихъ поэтовъ и философовъ и объясняется общими историческими условіями античнаго міра. Идеальное пониманіе прогресса начинается въ христіанскомъ мірѣ, ибо христіанство заявляетъ себя, какъ высшую ступень откровенія по отношенію въ ветхому завѣту, а человѣчеству ставится идеалъ, къ которому оно должно стремиться, и возникаетъ идея прогресса нравственнаго. У разныхъ писателей первыхъ вѣковъ нашей эры эта точка зрѣнія выдвигается на первый планъ. Особенно любопытно «хиліастическое» перенесеніе золотого вѣка язычниковъ въ будущее. На почвѣ такого пониманія прогресса впервые возникаетъ философія исторіи. Въ средневѣковой литературѣ мы встрѣчаемся со

всѣми идеями, которыя уже высказывались въ древности, какъ языческой, такъ и христіанской, т.-е. и эмпирическое и идеалистическое пониманіе идеи прогресса мы можемъ найти у схоластиковъ и мистиковъ. Эпоха Возрожденія, когда философскія воззрѣнія складывались главнымъ образомъ подъ вліяніемъ античныхъ писателей, характеризуется повтореніемъ тѣхъ идей, которыя высказывались въ греческой и римской литературѣ, но особенно любопытенъ „споръ между древними и новыми" въ XVII в., такъ какъ въ немъ ставится вопросъ о прогрессѣ вообще, хотя споръ и касался главнымъ образомъ только литературы. Въ исторіи идей XVIII в. мы должны различать писателей, игнорирующихъ идею прогресса или понимающихъ его только эмпирически, и писателей, у коихъ эта идея получаетъ первенствующее значеніе въ идеалистическомъ смыслѣ. Послѣднее направленіе возникаетъ только во второй половинѣ вѣка и даетъ начало современной философіи исторіи, какъ особой наукѣ. Тутъ главные писатели—Тюрго, Кондорсэ, Изелинъ, Лессингъ, Гердеръ и Кантъ. Съ этимъ характеромъ идея прогресса переходитъ въ XIX вѣкъ, въ которомъ она прилагается не только къ умственному и нравственному, но и къ общественному совершенствованію человѣчества, начало чему положили упомянутые мыслители. Кромѣ того, идеей этой овладѣваютъ историки и натуралисты. Но во второй половинѣ нашего столѣтія она претерпѣваетъ видоизмѣненіе: прогрессъ начинаетъ пониматься по типу естественнаго развитія, т.-е. у него отнимается идеальная цѣль, и изъ примѣненія этой идеи къ исторической жизни изъемлются понятія лучшаго и худшаго. Это, несомнѣнно, вноситъ нѣкоторое пониженіе въ идею, хотя и соединено съ постановкою вопроса о прогрессѣ на научную почву. Критикуя такую точку зрѣнія, мы должны имѣть въ виду двѣ стороны вопроса: роль субъективнаго элемента въ историческихъ наукахъ и роль личности въ исторической жизни. Эмпирическая идея прогресса возникла путемъ наблюденія успѣховъ человѣчества въ знаніяхъ и въ техникѣ; но идеалистическое пониманіе прогресса требуетъ приложенія къ исторіи—субъективной оцѣнки. Замѣна идеи прогресса понятіями „развитія", „эволюціи" сознательно устраняетъ этотъ послѣдній элементъ, и можно прослѣдить, какъ это происходитъ, причемъ обнаруживается неудовлетворительность такой точки зрѣнія. Отказываясь отъ идеалистическаго пониманія нашей идеи, объективное направленіе стремится представить прогрессъ, какъ нѣчто роковое, совершающее по „законамъ развитія" (évolution spontanée), органически, помимо и даже вопреки усиліямъ личностей въ ту или другую сторону. Но, спрашивается, можно ли процессъ историческій отождествлять съ процессомъ органическимъ? Мы отвѣчаемъ отрицательно и приписываемъ личному началу важное значеніе въ

исторіи. Весьма любопытно прослѣдить, какимъ образомъ идея безличной эволюціи стала вытѣснять изъ исторической философіи идею прогресса, совершаемаго усиліями личностей. Это тѣсно связано съ вѣрою въ прогрессъ, какъ въ міровой законъ (напр., у Гегеля) и съ попытками охватить одной формулой исторію физическаго міра и исторію человѣчества. Но одну отъ другой нужно отдѣлять, такъ какъ къ послѣдней приложима, кромѣ объективной точки зрѣнія, еще точка зрѣнія субъективная, идеалистическая. Въ древности представленіе объ общемъ направленіи исторія (идея упадка) тѣсно связано съ представленіемъ о неизбѣжномъ концѣ всѣхъ вещей, но въ новой философіи одно отъ другого отдѣляется, хотя у пессимистовъ XIX в. мы и наблюдаемъ возвращеніе къ древней концепціи". Въ заключеніе было сказано, что выработка философской теоріи прогресса есть одна изъ величайшихъ задачъ, какія могутъ совмѣстно себѣ поставить представители всѣхъ гуманитарныхъ наукъ.

— Въ петербургскомъ педагогическомъ музеѣ устроенъ новый отдѣлъ—научный, для систематической организаціи чтенія публичныхъ лекцій въ этомъ учрежденіи. Членами этого отдѣла могутъ быть только преподаватели (профессора и приватъ-доценты) высшихъ учебныхъ заведеній; имъ же, по правиламъ отдѣла, будетъ принадлежать исключительное право чтенія публичныхъ лекцій, причемъ къ этому съ согласія отдѣла, могутъ быть допускаемы и лица, хотя и не входящія въ вышеупомянутую категорію, но извѣстныя своими научными трудами въ области того предмета, который избирается ими для чтенія лекцій. Въ настоящее время научный отдѣлъ почти окончательно сформированъ (по крайней мѣрѣ, на 1891—92 учебный годъ) и членами его состоятъ слѣдующіе профессора и приватъ-доценты: по каѳедрѣ всеобщей исторіи—Карѣевъ и Трачевскій, русской исторіи—Платоновъ, В. И. Семевскій, М. И. Семевскій и Шмурло, всеобщей литературы—Вейнбергъ и Браунъ, русской литературы—Незеленовъ, уголовнаго права—Спасовичъ, политической экономіи—Исаевъ и нѣсколько профессоровъ-натуралистовъ. Предсѣдательствуетъ въ отдѣлѣ директоръ Музея ген.-лейт. Каховскій (по мысли и иниціативѣ котораго отдѣлъ организованъ); обязанности секретаря лежатъ на П. И. Вейнбергѣ. Начатые осенью 1890 г. историческіе курсы продолжались и въ первомъ семестрѣ 1891 г.

— Московскія публичныя лекціи по историческимъ предметамъ продолжались въ первомъ семестрѣ 1891 г. по программѣ осенняго семестра 1890 г.

— Въ Кіевѣ проф. И. В. Лучицкій долженъ былъ читать публичныя лекціи (числомъ 4) объ экономическихъ отношеніяхъ въ западной Европѣ въ XVI в., а проф. В. Б. Антоновичъ—о кургано-

вѣдѣнія (4 лекціи). Свѣдѣнія о самихъ лекціяхъ еще не получены, но мы надѣемся напечатать ихъ въ III томѣ.

— Въ Одессѣ также читаются профессорами университета публичныя лекціи, А. И. Маркевичемъ—о южной Руси при Петрѣ Великомъ, Ѳ. Е. Коршемъ—о новогреческой поэзіи, Н. Н. Ланге—о душѣ ребенка въ первые годы жизни, А. И. Кирпичниковымъ—о историко-литературномъ значеніи Байрона, Ѳ. И. Успенскимъ—о завоеваніи крестоносцами Константинополя и В. К. Надлеромъ—о борьбѣ эллиновъ за освобожденіе. Половина сбора была отчислена въ издательскій фондъ Историко-филологическаго общества.

— Въ Харьковѣ въ теченіе великаго поста (въ пользу харьковской общественной библіотеки) были объявлены публичныя лекціи: В. П. Бузескулъ, „Шлиманъ и его раскопки въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѳѣ"; Д. Н. Овсянико-Куликовскій, о поэтическомъ творчествѣ; В. П. Даневскій,—по международному праву (о борьбѣ противъ рабовладѣнія и негроторговлѣ); Л. Е. Владиміровъ, опытъ психологическаго анализа Шекспировскаго Гамлета; Л. Н. Загурскій, объ отцовской власти въ современномъ франц. законодательствѣ; П. О. Сумцовъ о пасхальныхъ писанкахъ.

Ученыя общества.

Заимствуемъ изъ отчетовъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при Московскомъ университетѣ, наиболѣе интересныя для историковъ свѣдѣнія [1]).

Въ обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и географіи дѣлались между прочимъ слѣдующія сообщенія: Анучинъ Д. Н. I. Изъ поѣздки къ истокамъ Волги и Днѣпра; II. Нѣсколько словъ о развитіи русскаго землевѣдѣнія и о задачахъ географическаго кружка въ Москвѣ; III. Рельефъ Европейской Россіи. Васильевъ М. К. Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа. Верещагинъ Г. Е. Воспитаніе дѣтей у вотяковъ. Ивановскій А. А. Религіозныя воззрѣнія чукчей и ихъ представленія о загробной жизни. Красновъ А. Н. Объ антропологическихъ особенностяхъ населенія Харьковскаго уѣзда. Ляцкій Е. А. Къ вопросу о демонологіи бѣлоруссовъ. Миллеръ В. Ѳ. Изъ изслѣдованій о русскомъ эпосѣ. Михайловскій В. М. I. Начало письма по этнографическимъ даннымъ; II. Ша-

---

[1]) Изъ „Рѣчей и отчета, читанныхъ въ торжественномъ собраніи Императорскаго московскаго университета 12 января 1891". Москва. 1891. Отчетъ петербургскаго университета еще не отпечатанъ.

манство у эскимосовъ; III. Шаманство у Австралійцевъ. Ткешеловъ М. И. Семейственное право у Грузинъ. Чупровъ А. И. Сибирская желѣзная дорога. Ядринцевъ Н. М. I. Къ вопросу о классификаціи монголовъ; II. Этнографическія наблюденія, произведенныя имъ во время его путешествій по Монголіи. Янжулъ И. И. Къ психологіи народовъ. Культурно-этнографическій очеркъ значенія времени и пространства въ народномъ хозяйствѣ (стр. 170—171).

За истекшій годъ обществомъ изданы, между прочимъ, дневникъ антропологическаго отдѣла, новое повременное изданіе отдѣла подъ редакціей секретаря отдѣла А. Н. Харузина при постоянномъ содѣйствіи Д. Н. Анучина, А. П. Богданова, Н. Л. Гондатти, Н. Ю. Зографа, Ѳ. Ѳ. Каврайскаго и А. П. Раздвѣтова. №№ 1—8; 20 п. л. съ двумя таблицами. Протоколы засѣданій антропологическаго отдѣла съ 4 декабря 1881 г. по 1886 г. вып. III 20 л. съ семью таблицами. Курганы Букеевской Орды, Алексѣя Николаевича Харузина, 7 листовъ. Этнографическое Обозрѣніе, издаваемое подъ редакціей секретаря этнографическаго отдѣла Н. А. Янчука III—VI книжки. 65 листовъ. Русскіе лопари (очерки прошлаго и современнаго быта), Николая Николаевича Харузина. 59 листовъ съ четырьмя таблицами. Матеріалы по этнографіи Вологодскаго Края. Николая Иваницкаго. 29 листовъ (стр. 177).

Желая, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать успѣхамъ русской этнографіи, Общество чрезъ свой этнографическій отдѣлъ приступило къ веденію періодическаго обзора этнографической литературы, въ которомъ отмѣчается все то, что появляется въ печати по части русской этнографіи, не исключая даже мелкихъ и случайныхъ замѣтокъ въ періодическихъ изданіяхъ: главная цѣль такого указателя—это дать лицамъ, занимающимся народовѣдѣніемъ возможность оріентироваться среди обширнаго и большею частью разбросаннаго матеріала и избавить ихъ отъ кропотливаго труда разыскиванія этого матеріала по разнымъ изданіямъ, обыкновенно мало доступнымъ. Составляемый такимъ образомъ библіографическій указатель помѣщается въ спеціально основанномъ при этнографическомъ отдѣлѣ Общества журналѣ „Этнографическое обозрѣніе". Съ этой цѣлью Общество обратилось во всѣ редакціи повременныхъ изданій съ просьбою высылать въ библіотеку Общества свои изданія. Просьба эта была уважена, и теперь Общество получаетъ болѣе 250 періодическихъ изданій; отсутствіе мѣста въ библіотекѣ заставило Общество обратиться въ Императорскій россійскій историческій музей взять себѣ получаемыя изданія. Музей съ радостью согласился и теперь два раза въ годъ въ Музей отправляется транспортъ газетъ и журналовъ самаго разнообразнаго харак-

тера. Члены Общества пользуются правомъ чтенія во всякое время (стр. 182).

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ минувшемъ 1890 году составъ должностныхъ лицъ былъ слѣдующій: предсѣдательствующій Ю. Д. Филимоновъ, секретарь Е. В. Барсовъ, библіотекарь Ю. Д. Филимоновъ; за смертію же казначея Г. Ѳ. Карпова на его мѣсто былъ избранъ единогласно дѣйствительный членъ С. А. Бѣлокуровъ. Всѣхъ засѣданій было шесть, изъ коихъ одно было торжественное (годовое) и одно чрезвычайное, посвященное памяти покойнаго казначея Г. Ѳ. Карпова, причемъ слово объ ученыхъ заслугахъ и дѣятельности покойнаго произнесено было дѣйствительнымъ членомъ В. О. Ключевскимъ. Ученая дѣятельность Общества какъ и въ предыдущіе годы выражалась главнымъ образомъ въ изданіи „Чтеній". Въ минувшемъ году выпущены въ свѣтъ 152, 153 и 154 книги „Чтеній". Въ составъ первой изъ нихъ входитъ изъ историческихъ матеріаловъ, „Регламентъ Вотчинной Коллегіи въ проектахъ 1723, 1732 и 1740 годовъ", Н. Н. Ардашева; изъ изслѣдованій, 1) Мангазейскій Чудотворецъ Василій, Н. Н. Оглоблина, 2) Русскія рукописи Стокгольмскаго Государственнаго Архива, К. И. Якубова, 3) Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, Д. В. Цвѣтаева (окончаніе). Во второй книгѣ помѣщены, въ отдѣлѣ историческомъ 1) Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи, сообщенные дѣйств. чл. полковникомъ Д. Ѳ. Масловскимъ; въ отдѣлѣ историко-литературномъ: 1) Два памятника древнерусской кіевской письменности XI — XIII в., сообщенные дѣйствительнымъ членомъ архимандритомъ Леонидомъ. 2) Новгородская исторія. Сочиненіе П. И. Сумарокова, сообщенная тѣмъ же дѣйствительнымъ членомъ; въ отдѣлѣ „изслѣдованій": 1) Елецкая явочная книга 1615—1616 гг. дѣйствительнаго члена Н. Н. Оглоблина. 2) Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по Малой Азіи. А. С. Хаханова. Въ „приложеніи" помѣщенъ: „Составъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ" 1) съ открытія Общества по 1-е мая 1890 г. и 2) къ 1 сентября 1890 г. Въ состатъ третьей книги входятъ, изъ матеріаловъ историческихъ: 1) Переписныя книги Ипатьевскаго монастыря 1595 г. Сообщилъ М. И. Соколовъ. 2) О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ въ 1648, 1662 и 1771 гг. дѣйств. члена А. Н. Зерцалова; изъ матеріаловъ историко-литературныхъ: 1) Новгородская исторія. Сочиненіе П. И. Сумарокова (ч. II-я); въ отдѣлѣ „изслѣдованій" помѣщены: „Библіографическія розысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX—X вв. Памятники сихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ XI—XVII вв. дѣйствит. члена архимандрита Леонида; въ отдѣлѣ „смѣси": 1) О переписныхъ

книгахъ города Москвы В. О. Эйнгорна. 2) Копія съ грамоты Ганзейскихъ городовъ въ Новгородъ. 1448 г. 3) Жалованная грамота царя Михаила Өедоровича Никифору Ивановичу Сверчкову 1627 г. 4) Письмо Петра I къ Карлу XII. Сообщены дѣйствит. членомъ А. Чуликовымъ.

Минувшій годъ ознаменовался слѣдующими, драгоцѣнными для Общества, приношеніями: 1) Фрейлина Ея Величества Дарья Өедоровна Тютчева принесла въ даръ Обществу всѣ бумаги покойнаго И. С. Аксакова, унаслѣдованныя ею отъ покойной сестры своей Анны Өедоровны Аксаковой, съ тѣмъ, чтобы, согласно Высочайшему повелѣнію, приступлено было къ печатанію ихъ лишь по истеченіи 10-ти лѣтъ отъ дня кончины И. С. Аксакова, испросивъ на то Высочайшее соизволеніе. 2) Вдова Анна Тимофеевна Карпова, супруга покойнаго казначея Геннадія Өедоровича Карпова, внесла въ Общество 11,500 рублей, съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ означенной суммы ежегодно выдавалась премія „имени Г. Ө. Карпова“ за лучшія историческія работы. Во изъявленіе своей признательности, какъ Анна Тимофеевна Карпова, такъ и фрейлина Дарья Өеодоровна Тютчева, Обществомъ единогласно признаны своими *„почетными членами“*. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ минувшемъ году Общество объявило „премію имени князя Голицына“, восходящую до 2,000 руб., за написаніе лучшаго сочиненія, на тему: „Градоначальствованіе въ Москвѣ князя Голицына“ (стр. 192—194).

Психологическое Общество. Бюро Общества въ истекшемъ году составляли: предсѣдатель Н. Я. Гротъ, товарищъ предсѣдателя Н. А. Звѣревъ, секретарь В. П. Преображенскій, товарищъ секретаря А. К. Вульфертъ, казначей Н. А. Абрикосовъ, кандидатъ казначея С. С. Корсаковъ, библіотекарь Л. М. Лопатинъ. Почетныхъ членовъ Общества было 10, дѣйствительныхъ 142, членовъ-корреспондентовъ 6, членовъ-соревнователей 37, итого 195. Въ теченіе года Общество имѣло 17 засѣданій, въ которыхъ были доложены между прочими и слѣдующіе рефераты: Н. Я. Гротомъ: „О задачахъ метафизики“. Н. А. Иванцовымъ: „Воспоминанія о воззрѣніяхъ С. А. Усова на искусство“. Н. А. Звѣревымъ: „Что такое философія“. Н. И. Тимковскимъ: „О прекрасномъ“. А. А. Токарскимъ: „О заклинаніяхъ со стрѣлою тибетскихъ ламъ“. Л. М. Лопатинымъ: „По поводу современнаго философскаго міросозерцанія“. Н. И. Карѣевымъ: „О свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса“. Л. М. Лопатинымъ: „По поводу гипотезы объ индуктивномъ происхожденіи математическихъ истинъ“. Л. М. Лопатинымъ: „Теорія математическихъ воззрѣній Канта“. Н. А. Иванцовымъ: „По поводу реферата Л. М. Лопатина объ индуктивномъ происхожденіи математическихъ истинъ“.

Е. А. Шмидтомъ: „По поводу реферата Л. М. Лопатина и сдѣланныхъ ему возраженій“. Н. Я. Гротомъ: „Самонаблюденіе—единственный источникъ познанія душевной жизни“. В. Р. Буцке: „По поводу сообщенія Н. Я. Грота—объ отношеніяхъ между психологіей и психіатріей“. Е. И. Челпановымъ: „Теорія апперцепціи и психическая активность въ современной психологіи“. Кромѣ того Общество посвятило 4 особыхъ засѣданія на обсужденіе тезисовъ В. Р. Буцке, Л. М. Лопатина, Н. Я. Грота и Е. И. Челпанова, а также Н. Я. Гротомъ былъ прочитанъ рефератъ посторонняго лица г. Вилькинса „О телепатіи“. Обществомъ изданъ въ текущемъ году IV выпускъ „Трудовъ“, именно избранныя философскія сочиненія Г. В. Лейбница съ портретомъ (переводъ членовъ Общества подъ редакціей В. П. Преображенскаго). Сверхъ того при участіи Общества продолжалось изданіе журнала „Вопросы философіи и психологіи“ подъ редакціей профессора Н. Я. Грота (стр. 201—203).

Московское юридическое Общество. Бюро Общества въ истекшемъ году состояло изъ предсѣдателя С. А. Муромцева, товарищей предсѣдателя: В. А. Гольцева и Ю. С. Гамбарова, секретаря Н. И. Ржондковскаго, его товарища А. В. Шилова, казначея М. Я. Шиллинга и библіотекаря А. Ф. Акулова. Органъ Общества „Юридическій Вѣстникъ“ издавался попрежнему подъ редакціей С. А. Муромцева и В. М. Пржевальскаго. Въ теченіе года были доложены слѣдующіе рефераты: М. И. Бруномъ: „Къ вопросу о порядкѣ вступленія въ пожизненное владѣніе (ст. 533, ч. I т. X)“. Имъ же: „Ученіе о государственномъ вмѣшательствѣ въ наукѣ гражданскаго права“. Графомъ Л. А. Камаровскимъ: „Международный съѣздъ 1889 г.“. Имъ же: „Рабочая конференція въ Берлинѣ 1890 г.“. Имъ же: „Труды А. Бульмеринга въ области международнаго права“. Имъ же: „Къ вопросу о вооруженіяхъ съ точки зрѣнія международнаго права“. Г. А. Джаншіевымъ: „Замѣчанія по поводу новой организаціи мѣстныхъ административно-судебныхъ учрежденій“. В. А. Гольцевымъ: „Новая книга П. Леруа-Болье: L'état moderne et ses fonctions“. Имъ же: „Памяти Лоренца фонъ-Штейна“. Н. И. Ржондковскимъ: „Замѣчанія на проектъ устава о несостоятельности 1888 г., составленный Н. А. Туромъ“. А. М. Фальковскимъ: „Замѣчанія на тотъ же проектъ“. Н. И. Карѣевымъ: „О юриспруденціи и теоріи историческаго процесса“. С. И. Викторскимъ: „О сферѣ примѣненія новыхъ законовъ объ обезпеченіи исковъ и о заочныхъ рѣшеніяхъ“. Д. А. Дрилемъ: „Положеніе русскаго ремесленнаго производства въ связи съ современнымъ русскимъ ремесленнымъ законодательствомъ“. Имъ же: „Тюремный міръ и его особенности“. Н. А. Каблуковымъ: „Очеркъ исторіи русскаго законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія“.

Бюро статистическаго отдѣленія состояло изъ предсѣдателя А. И. Чупрова, товарища предсѣдателя Н. А. Каблукова, секретаря Н. А. Карышева и товарища секретаря И. П. Боголѣпова. Въ отдѣленіи были доложены слѣдующіе рефераты: Г. А. Позняковымъ: „Значеніе коэффиціентовъ смертности". И. М. Красноперовымъ: „Формы крестьянскаго кредита въ самарской губерніи". Н. А. Карышевымъ: „Объ источникахъ внѣнадѣльной крестьянской аренды въ земской Россіи". Д. Е. Любченко: „Примѣръ крупной крестьянской семьи на югѣ Россіи". А. Ѳ. Фортунатовымъ: „Обзоръ основныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства за 20 лѣтъ". Д. Н. Жбанковымъ: „О городскихъ ремесленныхъ отхожихъ заработкахъ въ солигаличскомъ уѣздѣ костромской губерніи". И. И. Янжуломъ: „О женскомъ трудѣ въ Соединенныхъ Штатахъ по новымъ статистическимъ даннымъ". Е. М. Дементьевымъ: „Къ вопросу объ образованіи фабричнаго пролетаріата". Д. Н. Жбанковымъ: „Опыты общей программы для изученія отхожихъ промысловъ". В. Г. Бажаевымъ: „Объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ московской губерніи по новѣйшимъ наблюденіямъ". И. П. Боголѣповымъ: „Продовольственные хлѣбные запасы крестьянъ московской губерніи". А. Д. Соколовымъ: 1) „Методы и пріемы Нижегородскаго земско-статистическаго бюро при собираніи и обработкѣ матеріаловъ". 2) „Результаты работъ по макарьевскому уѣзду". А. В. Погожевымъ: „Къ вопросу о производствѣ общенародной переписи въ Россіи" (стр. 203—206).

— Въ Одессѣ существуетъ Императорское Общество исторіи и древностей, вступившее въ 52 годъ существованія. Изъ отчета общества за 1890 г. (съ 14 ноября 1889 г. по 14 ноября 1890 г.) мы узнаемъ, что въ составъ его входятъ 18 почетныхъ членовъ, 111 дѣйствительныхъ (13 изъ нихъ за-границей) и 37 корреспондентовъ и сотрудниковъ (изъ нихъ 10 за-границей). Въ отчетномъ году оно имѣло 7 засѣданій большею частью содержанія археологическаго. Издательскій комитетъ Общества приступилъ къ занятіямъ по разсмотрѣнію статей для XVI т. „Записокъ" Общества, который надѣется начать печатаніемъ въ 1891 г. Отчетъ перечисляетъ еще мѣры, принятыя Обществомъ къ сохраненію древнихъ памятниковъ, труды мѣстныхъ членовъ Общества и пріобрѣтенія по музею и библіотекѣ. Денежныя средства Общества достигаютъ 2,743 р. 40 к.

— Правленіе Историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ внесло въ публичное общее собраніе членовъ этого Общества, состоявшееся въ среду, 6 февраля, слѣдующее предложеніе: „§ 4 устава Историко-филологическаго общества говоритъ: „По мѣрѣ расширенія своей дѣятельности и увеличенія своихъ членовъ, общество можетъ дѣлиться на отдѣленія по

предметамъ своихъ занятій". Хотя наше молодое общество не можетъ похвалиться многочисленностью своихъ членовъ, однако, въ немъ имѣется довольно значительная группа лицъ, спеціально интересующихся исторіей и филологіей эллино-византійскаго міра. Едва-ли нужно много говорить о значеніи византологіи въ настоящее время, въ особенности для насъ, русскихъ; великая задача научнаго возстановленія византійской древности по всѣмъ правамъ должна принадлежать нашей молодой, свѣжей силами исторической наукѣ, которая именно въ этой области можетъ и должна занять подобающее ей мѣсто, какъ выразительница историческаго самосознанія великаго и сильнаго народа. Возстановить прошлое Византіи (а стало-быть, и связаннаго съ нею православнаго востока и славянства)—прямое дѣло нашихъ ученыхъ не только потому, что мы обязаны ей болѣе всѣхъ другихъ и что мы всѣхъ ближе къ ней и географически, и исторически, но и потому, что только при помощи данныхъ русской науки, монументальныхъ, письменныхъ и бытовыхъ памятниковъ русской старины можно дополнить недостающія звенья въ прошломъ новаго, христіанскаго Рима. Мачиха для западныхъ народовъ, Византія была доброю матерью для нашей младенческой цивилизаціи. Наши рукописныя коллекціи полны драгоцѣнными остатками византійской письменности, сохранившимися въ славянскихъ переводахъ и пересказахъ и на вѣки исчезнувшими въ оригиналахъ. Наши древнехранилища и музеи богаче византійскими древностями и воспроизведеніями ихъ, нежели какія-бы то ни было собранія Греціи и Востока; наша иконографія есть продолженіе византійской; да и вся древнерусская культура находится въ такой-же приблизительно связи съ Византіей, какъ культура западныхъ народовъ съ Римомъ. Отъ того западные ученые давно уже смотрятъ на изученіе Византіи, какъ на прямую обязанность русской науки, которая въ послѣднее время и не уклоняется отъ этой задачи. Одесса, основанная на территоріи древне-эллинскихъ колоній, ближайшій университетскій городъ къ бывшей столицѣ Византіи, по самому географическому положенію своему имѣетъ и настоятельную нравственную обязанность, и бо́льшую возможность создать центръ для русской византологіи. Сознавая, что для осуществленія столь важныхъ національно-научныхъ задачъ требуются несравненно большія силы и средства, чѣмъ тѣ, которыми располагаетъ наше Общество, но въ то-же время полагая, что дѣло начать лучше немедленно хотя бы и съ малаго, мы, нижеподписавшіеся, въ ознаменованіе нынѣ совершаемой памяти по патріархѣ Фотіи, всестороннемъ представителѣ византинизма, имѣемъ честь предложить правленію войти въ Общество съ ходатайствомъ объ открытіи особаго византійскаго отдѣленія. Такъ какъ изученіе Византіи во всей цѣльности и полнотѣ

своей немыслимо безъ изученія эллинскаго міра въ періодахъ до- и послѣ-византійскомъ, то названіемъ своимъ оно указывало бы лишь цѣль, къ которой должны въ немъ направляться изслѣдованія въ области классическаго и новѣйшаго эллинизма".

— Въ среду, 6 февраля вечеромъ, въ актовой залѣ Новороссійскаго университета, состоялось публичное засѣданіе одесскаго Историко-филологическаго общества, посвященное памяти тысячелѣтія со дня смерти патріарха Фотія. Профессоръ Ѳ. И. Успенскій представилъ характеристику дѣятельности патріарха Фотія въ связи съ исторической миссіей византинизма.

Въ дѣятельности Фотія преимущественно выдаются двѣ черты: во-первыхъ, это самый крупный представитель научнаго эллинизма въ средніе вѣка, поражавшій современниковъ и потомство необычайной литературною производительностью и глубокими знаніями; во-вторыхъ, это одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ реформаторовъ, какихъ только знаетъ церковная и политическая исторія. Такъ какъ оцѣнивать заслуги Фотія можно лишь съ точки зрѣнія византинизма, то референтъ и сдѣлалъ отступленіе для характеристики тѣхъ понятій, которыя разумѣются подъ историческимъ терминомъ „византинизмъ". Такая характеристика, по его мнѣнію, тѣмъ болѣе необходима, что господствующія у насъ воззрѣнія на византійскую исторію, литературу, вообще на всю духовную жизнь средневѣковаго эллинизма, крайне односторонни, а иногда и прямо превратны. Византійскимъ слѣдуетъ считать тотъ періодъ въ исторіи восточной имперіи, когда послѣдняя, порвавъ римскія преданія, стала давать преобладаніе эллинскимъ началамъ передъ римскими. Подъ византинизмомъ нельзя понимать средневѣковый эллинизмъ, ибо законодательство иконоборцевъ и иконоборческую эпоху нельзя представлять, какъ факты исключительно эллинскаго духа, напротивъ, это—факты борьбы съ эллинизмомъ чуждыхъ элементовъ. Когда эта борьба завершилась утвержденіемъ православія въ 842 г., наступаетъ періодъ вполнѣ сложившагося византинизма, когда уже не замѣчается упорной борьбы между разными народностями и когда справедливо занявшій господствующее положеніе эллинизмъ могъ проявить себя въ организаторской дѣятельности при новыхъ историческихъ условіяхъ. Лучшимъ проявленіемъ миссіи очищеннаго эллинизма, который долженъ былъ признать право на жизнь за другими народами, нужно признать возвращеніе къ старымъ классическимъ преданіямъ гуманности и внесенія свѣта и знанія въ среду варварскихъ народовъ. На этой почвѣ въ особенности выигрываетъ дѣятельность патріарха Фотія. Дѣятельность патріарха Фотія выдвигается къ тому времени, когда на очереди стоялъ важный вопросъ объ отношеніи восточной церкви къ западной, вопросъ,

оставленный иконоборческой эпохой въ наслѣдіе царямъ и патріархамъ 9-го вѣка.

Въ 867 году Фотій выступилъ въ первый разъ съ готовымъ планомъ борьбы противъ папы, поставивъ пререканія между восточной и западной церковью на почву интересовъ всего христіанства. Болгарскій вопросъ доставилъ ему главныя основанія, чтобы выступить съ торжественными обвиненіями противъ всего латинскаго Запада, сдѣлать обращеніе къ національному чувству византинизма и возбудить его противъ католицизма. Значеніе Фотія въ этомъ вопросѣ состоитъ въ томъ, что онъ собралъ матеріалъ, на которомъ строится принципъ отдѣленія восточной церкви отъ западной. Въ связи съ споромъ между папою и константинопольскимъ патріархомъ о томъ, кому должны принадлежать новообращенные болгаре въ церковномъ отношеніи, споромъ, практически рѣшеннымъ въ пользу византинизма,—выставленъ былъ Фотіемъ новый тезисъ о церковномъ приматѣ новаго Рима, т.-е. Константинополя.

Въ смыслѣ церковной организаціи византинизма Фотій является законоположникомъ и созидателемъ новой системы, которая легла въ основаніе византійскаго церковнаго устройства. Въ смыслѣ установленія примата Константинополя во вселенской церкви Фотій является жаркимъ бойцомъ и горячимъ антагонистомъ папъ. Собранныя имъ основанія противъ римской церкви, подборъ обрядовыхъ и частію догматическихъ отличій, вошедшихъ въ практику западной церкви, послужили матеріаломъ для его преемниковъ, которые всякій разъ въ борьбѣ съ Римомъ обращались къ оружію, приготовленному Фотіемъ. Такимъ образомъ, роль Фотія въ организаціи церковныхъ и политическихъ успѣховъ византинизма состоитъ въ томъ, что на Востокѣ онъ придалъ ему главенствующее положеніе, поставивъ его подъ защиту свѣтскихъ законовъ и каноническихъ правилъ, и оправдалъ его преобладаніе высшими культурными качествами эллинскаго образованія, философскаго развитія и гуманности. Въ отношеніи къ Западу онъ сталъ на сторонѣ политической и церковной независимости византинизма противъ латинства и сообщилъ первому основанія для его бытія и дальнѣйшаго развитія. Затѣмъ проф. Успенскій указалъ на значеніе Фотія для славянъ. Просвѣтители славянъ Кириллъ и Меѳодій были ближайшими учениками Фотія; во всѣхъ важнѣйшихъ миссіяхъ его времени они играли выдающуюся роль. Но результаты дѣятельности св. братьевъ могли быть и иные, если бы Фотій не руководствовался въ дѣлѣ обращенія нашихъ предковъ широкими и апостольскими цѣлями, а узкими и эгоистическими побужденіями въ интересахъ политической власти имперіи и патріархата. Очевидно, что введеніе народнаго языка въ богослуженіе, переводъ богослужеб-

ныхъ книгъ и приготовленіе клира изъ природныхъ славянъ внушены были высокимъ и гуманнымъ чувствомъ къ народному началу.

Фотій стоялъ выше узкихъ интересовъ эллинизма, онъ есть выразитель византинизма въ лучшемъ его значеніи. Кириллъ и Меѳодій, представители византійскаго клира времени патріарха Фотія, являются краснорѣчивыми истолкователями политическихъ и культурныхъ идей патріарха. Какъ человѣкъ, патріархъ Фотій представляется человѣкомъ необычайной энергіи, неуклонно шедшимъ къ разъ намѣченной цѣли и не щадившимъ тѣхъ, кто стоялъ ему на дорогѣ. До вступленія на патріаршій престолъ онъ былъ профессоромъ философіи и богословія,—отсюда начинаются тѣ близкія отношенія съ большинствомъ образованныхъ людей вѣка, которое составляло партію Фотія, оставалось ему вѣрнымъ и въ счастіи, и злосчастіи. Въ ближайшемъ и отдаленномъ потомствѣ, равно какъ въ исторической литературѣ, имя Фотія имѣетъ защитниковъ и порицателей. Иначе и не могло быть по отношенію къ дѣятелю, который пять разъ подвергался церковному отлученію и который въ одномъ изъ своихъ писемъ довольно ѣдко выражается на счетъ неосторожной раздачи анаѳемы церковною властью своимъ политическимъ противникамъ. Византійская церковь долго игнорировала имя Фотія, но оживленіе памяти Фотія на Востокѣ можетъ, однако, быть засвидѣтельствовано уже въ XI вѣкѣ. Титулъ святѣйшаго патріарха начинаетъ къ нему прилагаться въ оффиціальныхъ актахъ конца XI в. Съ XII в. имя его вносится въ святцы. Служба ему составлена въ 1848 г., а канонизація послѣдовала въ 1860 г.

Прямымъ дополненіемъ къ этой характеристикѣ является сообщеніе профессора Н. Ѳ. Красносельцева. „Патріархъ Фотій и византійская церковная обрядность его времени". Почтенный референтъ говорилъ о той видной роли, которую игралъ патріархъ Фотій въ дѣлѣ развитія церковнаго обряда, культа или православнаго богослуженія. Хотя эта сторона дѣятельности Фотія затѣнена дѣятельностью его въ другихъ сферахъ, однако, и немногіе извѣстные факты выставляютъ его и здѣсь человѣкомъ великаго ума и энергіи.

— Въ одномъ изъ засѣданій Историко-филологическаго Общества, состоящаго при Харьковскомъ университетѣ, проф. И. М. Собѣстіанскимъ прочитанъ былъ рефератъ, касающійся вліянія Руссо на ученіе объ общинномъ бытѣ славянъ въ польской литературѣ. Рефератъ вызвалъ продолжительныя пренія, въ которыхъ принимали участіе М. С. Дриновъ, Н. О. Куплеваскій, В. П. Бузескулъ и А. А. Русовъ. Въ воскресенье, 20 января, состоялось засѣданіе Историко-филологическаго общества, въ которомъ проф. В. П. Бузескулъ сдѣлалъ любопытное сообщеніе о дѣятельности недавно скончавшагося

знаменитаго археолога Шлимана. Матеріаломъ референту послужила автобіографія и труды Шлимана и работы, посвященныя обзору его раскопокъ. Слушатели вынесли ясное и отчетливое представленіе о значеніи въ наукѣ этого талантливаго самоучки, увлекшагося античнымъ міромъ и извлекшаго изъ нѣдръ земли множество замѣчательныхъ памятниковъ домашняго быта и искусства. — Въ четвергъ, 24 января, произошло новое собраніе членовъ Историко филологическаго общества, на которомъ прочитано было три реферата. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сдѣлалъ сообщеніе „о Мамунахъ“ и сродныхъ съ ними существахъ“. Указавъ на многочисленныя и разнообразныя польскія повѣрья и сказанія о демонахъ-женщинахъ, похищающихъ дѣтей, называемыхъ богинками, мамунами и сибелами, референтъ привелъ сходныя повѣрья малоруссовъ, великоруссовъ, чеховъ, сербовъ, литовцевъ, нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, грековъ, грузинъ и зулусовъ. Затѣмъ сдѣланъ былъ разборъ повѣрій о мамунахъ, именно о названіяхъ ихъ, числѣ, мѣстопребываніи, наружности, одеждѣ, сближеніи съ огнемъ, о дѣтяхъ ихъ и о нѣкоторыхъ связанныхъ съ ними литературныхъ мотивахъ.

А. А. Русовъ представилъ Обществу найденные имъ въ Харьковской палатѣ государственныхъ имуществъ акты Прилуцкаго Густынскаго монастыря (Полтавск. губ.), сообщилъ свѣдѣнія по исторіи этого монастыря, основываясь на лѣтописи его и актахъ, изд. Археографич. ком. и сдѣлалъ въ заключеніе характеристику этихъ матеріаловъ со стороны содержанія и формы. Все это—подлинники, дополняющіе коллекцію, изданную въ свое время Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ Московскаго Общ. исторіи и древностей“. Проф. Д. И. Багалѣй сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и дополненій по вопросу о причинахъ, вызвавшихъ переселеніе монаховъ въ московскіе предѣлы. М. М. Плохинскій замѣтилъ, что въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ есть также документы Густынскаго монастыря. Общество рѣшило напечатать акты, собранные А. А. Русовымъ, въ слѣдующемъ 4 томѣ своего „Сборника“ съ его предисловіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выразило желаніе, чтобы референтъ познакомился и съ документами, хранящимися въ мѣстномъ архивѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ о результатахъ своего „археографическаго путешествія въ Кіевъ“. Референтъ занятъ въ настоящее время вопросомъ о судьбѣ магдебургскаго права въ городахъ лѣвобережной Малороссіи. Недовольствуясь документами мѣстнаго историческаго архива, онъ рѣшился познакомиться со старопечатными изданіями нѣмецкаго городового права (Саксонскимъ Зерцаломъ и Порядкомъ) XVI—XVIII вв., а также съ рукописными переводами и передѣлками Саксона и Порядка, сдѣланными малороссійскими юристами

XVIII стол. Въ библіотекѣ покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго, Д. И. Багалѣй нашелъ цѣлую коллекцію рукописей, краткую характеристику которыхъ онъ и представилъ. Здѣсь хранятся экземпляры Литовскаго Статута, нѣсколько десятковъ цеховыхъ книгъ, сборникъ судебныхъ рѣшеній полтавской ратуши съ 1691 г., Экстрактъ малороссійскихъ правъ, составленный въ 1786 г. въ сенатѣ и многіе другіе. Въ университетской библіотекѣ Д. И. Багалѣй нашелъ рукопись, заключающую въ себѣ драгоцѣнные матеріалы по вопросу объ исторіи кодификаціи малороссійскаго права. Въ архивѣ А. М. Лазаревскаго референтъ сдѣлалъ для себя много извлеченій изъ рукописнаго сборника подъ заглавіемъ „Матеріалы для исторіи городскихъ поселеній въ Малороссіи". Въ кіевскомъ центральномъ архивѣ Д. И. Багалѣй ознакомился съ содержаніемъ старыхъ бумагъ кіевскаго губернскаго правленія; такимъ образомъ, поѣздка его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Въ засѣданіи Историко-филологическаго общества, состоящаго при Харьковскомъ Университетѣ, 17 февраля, проф. церковной исторіи, А. С. Лебедевъ, сдѣлалъ обстоятельное сообщеніе о жизни и дѣятельности патріарха Фотія. Особенно подробно референтъ остановился на отношеніяхъ Фотія къ Риму.

Въ засѣданіи того же Общества, 21 февраля, г-жа Салтыкова сдѣлала сообщеніе о путешествіи Гольденштедта по Харьковской губерніи. Сообщеніе это вмѣстѣ съ переводомъ той части описанія путешествія Гольденштедта, которая касается Харьковской губерніи, будетъ напечатано въ „Харьковскомъ Сборникѣ" (служащемъ прибавленіемъ къ харьковскому календарю, изд. статистическимъ комитетомъ).

Въ четвергъ, 14 марта, состоялось засѣданіе историко-филологическаго общества при Харьковскомъ университетѣ, на которомъ были сдѣланы два сообщенія. Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ выдержки изъ рукописной монографіи отсутствующаго члена общества П. П. Короленка „Объ Азовцахъ". Въ монографіи этой, основанной на печатныхъ и архивныхъ данныхъ, П. П. Короленко подробно разсказываетъ о судьбѣ Азовскаго казачьяго войска со времени выхода изъ за Дуная (подъ предводительствомъ О. Гладкаго) и до окончательнаго раскасированія въ прошлое царствованіе. Проф. И. М. Собѣстіанскій въ своемъ докладѣ „о происхожденіи ученія московскихъ славянофиловъ о древнерусской общинѣ" пытался установить сходство и связь между ученіемъ московскихъ славянофиловъ о древнерусской общинѣ и взглядами польской патріотической школы—Лелевеля и Мицкевича, на которыхъ въ свою очередь вліяли идеи Руссо.

По поводу этого реферата сдѣлали возраженія и замѣчанія

проф. М. С. Дриновъ, Н. О. Куплеваскій, Н. Ѳ. Сумцовъ и В. П. Бузескулъ.

Археологическій съѣздъ 1893 г. въ Вильнѣ.

Въ субботу, 5-го января, вечеромъ, и въ воскресенье, 6-го января, днемъ, съ 2 часовъ, въ помѣщеніи Археологическаго общества въ Москвѣ происходили засѣданія предварительнаго комитета по устройству IX-го археологическаго съѣзда въ 1893 г. въ г. Вильнѣ. Комитетъ составился изъ депутатовъ московскаго университета, московскаго археологическаго общества, московскихъ архивовъ (иностранныхъ дѣлъ и юстиціи), московской духовной академіи, общества любителей естествознанія, испытателей природы и другихъ ученыхъ учрежденій Москвы, изъ представителей сѣверо-западнаго края, именно предсѣдателя виленской коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ г. Крачковскаго и инспектора народныхъ училищъ витебской губ. г. Романова; изъ депутатовъ университетовъ: петербургскаго—г. Веселовскаго, св. Владиміра—г. Прахова, казанскаго—г. Айналова, новороссійскаго—г. Маркевича, дерптскаго—г. Висковатова, депутатовъ петербургскаго археологическаго института—гг. Бранденбурга и Покровскаго, академіи художествъ—г. Суслова, археографической коммиссіи—г. Павлова, губернскихъ архивныхъ коммиссій: тверской—г. Жизневскаго, рязанской—г. Селиванова, тамбовской—г. Пискарева и др. Предсѣдателемъ комитета была избрана графиня П. С. Уварова, секретаремъ — В. К. Трутовскій. Комитетъ занимался выработкою правилъ съѣзда и постановкою желательныхъ для обсужденія на съѣздѣ научныхъ вопросовъ. Время съѣзда опредѣлено съ 1-го по 14-е августа, включительно, 1893 года. Предварительному комитету поручено привести въ извѣстность памятники древности (курганы, городища, древніе валы, могильники, старинныя церкви, зàмки), имѣющіеся въ западныхъ губерніяхъ Россіи, нанести ихъ на карту, произвести, гдѣ окажется возможнымъ, раскопки и устроить, ко времени съѣзда, археологическую выставку, собравъ возможно болѣе коллекцій древностей Западной Россіи, изъ мѣстныхъ и, по возможности, заграничныхъ собраній. Съѣздъ предположено раздѣлить на 10 отдѣленій: 1) древности первобытныя; 2) древности историко-географическія и этнографическія; 3) памятники искусствъ и художествъ; 4) бытъ домашній, общественный, военный и юридическій; 5) древности церковныя; 6) памятники языка и письма; 7) древности классическія, византійскія и западно-европейскія; 8) древности славянскія и литовскія; 9) древности восточныя; 10) памятники

археологическіе. Выслушаны были записки объ изслѣдованіи древностей Сѣверо-западнаго края, гг. Кояловича, Покровскаго и Романова и принятъ рядъ археологическихъ вопросовъ и запросовъ, поставленныхъ въ виду съѣзда присутствующими членами и присланныхъ другими лицами и учрежденіями. Для содѣйствія московскому предварительному комитету, опредѣлено организовать мѣстные предварительные комитеты въ Вильнѣ и другихъ городахъ Западной Россіи, по сношеніи съ мѣстными властями, учрежденіями и лицами.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи (на Дѣвичьемъ Полѣ), Высочайше учрежденный 7 іюля 1852 года и находящійся въ настоящее время подъ управленіемъ засл. орд. проф. Н. А. Попова, составился изъ трехъ архивовъ, издавна существовавшихъ и сложившихся исторически, именно: 1) Разряднаго („Исторія разряднаго архива до 1812 года" А. А. Гоздаво-Голомбіевскаго въ V томѣ „Описанія документовъ и бумагъ, хран. въ М. А. М. Ю." стр. 1—152), 2) Вотчиннаго („Исторія вотчиннаго архива до 1812 года" Н. Н. Ардашева ib., стр. 153—397; его же „Дополненія къ исторіи вотчиннаго права въ XVIII столѣтіи" въ VI томѣ стр. 213—276) и 3) Старыхъ Дѣлъ („Архивъ старыхъ дѣлъ до 1812 года" И. И. Шимко и А. А. Гоздаво-Голомбіевскаго въ V томѣ, стр. 399—507). Указанные три архива вмѣстѣ съ архивомъ сенатскимъ до преобразованія 1852 года состояли при Московскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената („Московскіе департаменты сената и подвѣдомственные имъ архивы въ 1812—14 гг." И. И. Шимко въ VI томѣ, стр. 1—45; „Исторія московскихъ сенатскихъ архивовъ съ 1813 по 1835 г." Н. Я. Токарева ib., стр. 47—130; его же „Обзоръ дѣятельности московскихъ сенатскихъ архивовъ съ 1835 по 1843 годъ" ib., стр. 193—211) и послѣ московскаго разгрома 1812 года были слегка описаны особымъ комитетомъ 1835—1842 гг. („Очеркъ дѣятельности комитета, учрежденнаго въ 1835 г. для описанія московскихъ сенатскихъ архивовъ" И. И. Шимко въ VI т., стр. 131—191). Послѣ преобразованія 1852 г. вновь составившійся Архивъ Министерства Юстиціи („Исторія московскихъ сенатскихъ архивовъ и архива министерства юстиціи съ 1843 по 1888 годъ" В. В. Шереметевскаго въ VII томѣ „Описанія докум. и бум.", стр. 1—214) постоянно пополнялся приливомъ въ него документовъ какъ изъ центральныхъ, такъ и изъ провинціальныхъ и городскихъ архивовъ. Такъ по распоряженію Министерства Юстиціи отъ 3 декабря 1866 года въ Архивъ начали передаваться и продол-

жаютъ до сихъ поръ дѣла не позднѣе 1800 г. изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ судебною реформою 20 ноября 1864 г. (въ 1890 г. передавались въ Архивъ изъ прибалтійскихъ губерній дѣла, принадлежавшія упраздненнымъ нѣмецкимъ учрежденіямъ); указомъ отъ 15 октября 1872 года окончательно переданъ сюда архивъ закрытыхъ Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената вмѣстѣ съ дѣлопроизводствомъ бывшихъ сенатскихъ типографіи и казначейства, а указомъ отъ 15 іюня 1887 г.—архивъ Польско-Литовской Метрики, состоявшей при 3 департаментѣ Правительствующаго Сената. Наконецъ въ Архивъ же Министерства Юстиціи поступили дѣла московскаго городского управленія старыхъ лѣтъ. Такимъ образомъ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи принадлежитъ къ числу самыхъ обширныхъ русскихъ архивовъ, заключая въ себѣ главнымъ образомъ дѣла XVII и XVIII вв. и сравнительно немного дѣлъ XIV, XV, XVI и XIX вв. Приблизительная регистрація всѣхъ хранящихся въ Архивѣ книгъ съ дѣлами, столбцовъ, вязокъ и т. п. къ 1 января 1891 года выражается въ цифрѣ 2.419,084. Дѣятельность Архива преимущественно заключается: 1) въ пріисканіи справокъ и выдачѣ выписей изъ документовъ по прошеніямъ частныхъ лицъ и отношеніямъ присутственныхъ мѣстъ (на обязанности архиваріусовъ и ихъ помощниковъ) и 2) въ разборѣ, описаніи и обозрѣніи документовъ и подготовкѣ текста для его изданій (на обязанности редактора и его помощниковъ). Въ 1890 году Архивъ работалъ надъ 113 справками (изъ нихъ только 2 остались отъ 1889 года), большинство которыхъ касалось вопросовъ о дворянскомъ происхожденіи, службѣ и земельныхъ помѣстно-вотчинныхъ владѣніяхъ, а также о переходѣ недвижимыхъ имѣній. Что касается второго рода дѣятельности Архива, то она выразилась въ провѣркѣ прежнихъ описей дѣламъ Суднаго Приказа, въ составленіи новаго типа описей столбцамъ такъ-называемаго Московскаго Стола Разряда (сильно эксплуатированнаго для I тома „Актовъ Московскаго государства“), столбцамъ Помѣстнаго Приказа (на первый разъ былъ избранъ городъ Зубцовъ), десятнямъ XVI и XVII вв., въ подготовкѣ обозрѣній документовъ Сибирскаго Приказа, Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія лифляндскихъ дѣлъ, Патріаршаго Казеннаго Приказа и пр. Пользуясь подготовленнымъ матеріаломъ, Архивъ успѣлъ издать въ 1890 г. „Памятную книжку М. А. М. Ю.“ (in 8° стр. IV + 234 съ особымъ приложеніемъ 6 чертежей, изображающихъ зданіе Архива. Цѣна 2 руб.), седьмой томъ „Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю.“ (in 8° стр. XII + 214 + 414. Ц. 3 р.; см. о немъ „Книжный Вѣстникъ“ 1891 г. № 1, „Юридическій Вѣстникъ“ № 2, „Русская Мысль“ № 2) и первый томъ „Актовъ Московскаго Государства“

(послѣднее изданіе на средства Императорской Академіи Наукъ; in 8° т. стр. XLIV + 766. Ц. 5 руб.). „Памятная книжка“, состоящая изъ 2 отдѣловъ („составъ Архива“ и „управленіе Архивомъ“), имѣетъ большое значеніе для быстраго и всесторонняго ознакомленія съ документами Архива, съ его административными порядками и чинами. Это—первый опытъ непосредственнаго введенія читающей публики во всѣ тайники Архива. Седьмой томъ „Описанія“ заключаетъ въ себѣ окончаніе обширной исторіи Архива, начатой печатаніемъ еще въ V томѣ, матеріалы для исторіи русскаго провинціальнаго дворянства XVI и XVII вв. въ видѣ „Описи десятенъ XVI и XVII вв.“, составленной В. Н. Сторожевымъ и пр. Въ 1890 году Архивъ, кромѣ того, принималъ участіе въ VIII Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ: отъ Архива прочитанъ былъ рефератъ о новѣйшихъ его пріобрѣтеніяхъ, составившій 6-ю главу „Памятной книжки“. Кромѣ того изъ чиновниковъ Архива на Съѣздѣ читали рефераты В. Н. Сторожевъ и Н. Н. Ардашевъ. Первый прочелъ о „десятняхъ, какъ источникѣ для изученія исторіи русскаго провинціальнаго дворянства въ XVI и XVII вв.“ и о „засѣчныхъ книгахъ, какъ историко-географическомъ и археологическомъ источникѣ“ (съ демонстраціей карты засѣчной черты XVII в. въ мѣстностяхъ нынѣшнихъ калужской, рязанской, тульской и отчасти тамбовской губерній). Второй прочелъ „къ вопросу о коллегіальности приказовъ“. Въ 1890 г. въ Архивѣ занималось 46 постороннихъ лицъ, въ томъ числѣ слѣдующіе члены Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ: А. С. Лаппо-Данилевскій, В. Б. Антоновичъ, А. К. Кедровъ, П. Н. Милюковъ, А. С. Хахановъ, Е. Н. Щепкина, В. Е. Якушкинъ. Въ январѣ 1891 г. въ качествѣ депутатовъ отъ Архива принимали участіе въ засѣданіяхъ предварительнаго Комитета по устройству IX Археологическаго Съѣзда въ г. Вильнѣ В. И. Холмогоровъ и В. Н. Сторожевъ. Изъ чиновъ Архива дѣйствительными членами Историческаго Общества состоятъ управляющій Архивомъ Н. А. Поповъ и помощникъ редактора описей и изданій Архива В. Н. Сторожевъ. Что касается содержанія всѣхъ изданій Архива Министерства Юстиціи, кромѣ VII тома „Описанія“, то оно съ достаточною подробностью изложено на 199—211 стр. „Памятной книжки“. Въ теченіе текущаго 1891 г. Архивъ приступаетъ къ печатанію второго выпуска „Историко-юридическихъ матеріаловъ“, который будетъ заключать въ себѣ полные тексты десятенъ XVI вѣка съ небольшими замѣчаніями, облегчающими ихъ чтеніе, и восьмого тома „Описанія документовъ и бумагъ“.—Нельзя не отмѣтить также, что Архивъ Министерства Юстиціи находится въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ губернскими учеными архивными коммиссіями, доставляя

послѣднимъ (съ особаго разрѣшенія г. министра юстиціи) подлинные документы, либо справки и рефераты. Такъ по справкѣ, произведенной для Архива В. Н. Сторожевымъ, оказалось, что по 1 января 1891 г. разными чинами Архива сдѣлано коммиссіямъ до 40 сообщеній (указанная справка будетъ напечатана въ VIII томѣ „Описанія"). (Сообщено В. Н. Сторожевымъ).

Кіевскій центральный архивъ.

Кіевскій Центральный Архивъ учрежденъ въ 1852 г. для древнихъ актовъ губерній кіевской, подольской и волынской. При учрежденіи своемъ онъ присоединенъ былъ къ кіевскому университету и подчиненъ правленію его. Главное содержаніе Архива составляютъ древнія актовыя книги, собиравшіяся какъ изъ присутственныхъ мѣстъ, такъ и отъ частныхъ лицъ. Всѣхъ такихъ книгъ въ Архивѣ 5883. Изъ нихъ къ XVI в. относится 166; книгъ, въ которыхъ встрѣчаются акты XVI и XVII вв.—139; къ XVII в. относится 746; книгъ съ актами XVII и XVIII вв.—5; съ актами XVIII и XIX вв.—58, и только одна книга относится къ началу XIX вѣка. По языку онѣ распредѣляются такимъ образомъ: книгъ съ актами на одномъ русскомъ языкѣ—496; на русскомъ и польскомъ—543; на польскомъ—3169; на польскомъ и латинскомъ—763; на латинскомъ—868; на польскомъ и еврейскомъ—1; на русскомъ, польскомъ и латинскомъ—4; на русскомъ и латинскомъ—2; на польскомъ, латинскомъ и французскомъ—2; на русскомъ, польскомъ и французскомъ—1; на польскомъ и армянскомъ—6; на армянскомъ—26; на польскомъ и нѣмецкомъ—1; на нѣмецкомъ также 1. Отдѣльныхъ документовъ, писанныхъ на листахъ, полулистахъ, четвертушкахъ и осьмушкахъ, числится 454,979; между ними документы на польскомъ языкѣ преобладаютъ по числу надъ русскими и латинскими и XVIII вѣкъ—надъ XVII и XIX вв. Въ 1882 г. переданы въ Центральный Архивъ изъ кіевскаго окружнаго суда старыя дѣла (начиная съ 1742 г.) бывшей соединенной палаты уголовнаго и гражданскаго суда: дѣла гражданскія въ количествѣ 8512 и уголовныя — приблизительно около—25000. Въ 1883 г. передано изъ кіевской казенной палаты 300 связокъ дѣлъ, относящихся къ концу прошлаго вѣка. Въ 1886 г. въ Архивъ поступила часть архива старыхъ дѣлъ кіевскаго губернскаго правленія, относящихся къ XVIII и XIX вв. Всѣ эти дѣла разбираются въ архивѣ по содержанію и соотвѣтственно ему разносятся въ различныя рубрики.

Дѣятельность Архива заключается въ выдачѣ и засвидѣтель-

ствованіи выписей изъ актовыхъ книгъ и въ составленіи краткихъ описей и ученыхъ каталоговъ актовъ. Правильное веденіе описей началось съ 1866 г., причемъ сначала книги описывались по порядку №№ въ печатномъ каталогѣ Архива, но затѣмъ порядокъ этотъ былъ измѣненъ и принятъ порядокъ хронологическій, начиная съ древнѣйшихъ. Съ 1866 г. по 1883 г. составлено было 66 описей къ 66 актовымъ книгамъ.

Завѣдывающимъ Архивомъ въ настоящее время состоитъ библіотекарь Университета и бывшій профессоръ Нѣжинскаго лицея по каѳедрѣ гражданскаго права, К. А. Царевскій, помощникомъ его— кандидатъ историко-филологическаго факультета И. М. Каманинъ. (Свѣдѣнія эти заимствованы изъ записки помощн. завѣд. Архивомъ И. М. Каманина: „Кіевскій Центральный Архивъ").

Губернскія ученыя архивныя коммиссіи.

Губернскія ученыя архивныя коммиссіи (литература о нихъ собрана въ замѣткѣ А. У. Л., помѣщенной въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1891 г. № 2, стр. 600—608, гдѣ пропущено, впрочемъ, указаніе на замѣтку В. Н. Сторожева въ „Этнографическомъ Обозрѣніи", книга VII, стр. 195—197) возникли по ининціативѣ покойнаго директора Архива Министерства Юстиціи Н. В. Калачова. Въ настоящее время открыли свои занятія 12 коммиссій: 1) Орловская (съ 1884 г.), 2) Тамбовская (съ 12 іюня 1884 г.), 3) Рязанская (съ 15 іюня 1884 г.), 4) Тверская (съ 22 іюня 1884 г.), 5) Костромская (съ 1885 г.), 6) Саратовская (съ 12 дек. 1886 г.), 7) Таврическая (съ 24 янв. 1887 г.), 8) Нижегородская (съ 17 окт. 1887 г.), 9) Оренбургская (съ 1887 г.), 10) Пермская (съ 1888 г.), 11) Ярославская (съ 1889 г.) и 12) Калужская (съ 1890 г.). Ближайшая ихъ цѣль—собираніе, сохраненіе и описаніе мѣстныхъ архивныхъ документовъ. Скоро однако коммиссіи, пользуясь § 7 своего устава, значительно расширили свою дѣятельность; онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлались центрами, куда стала стекаться мѣстная интеллигенція, обнаружившая вообще большую любовь къ дѣлу, но зачастую очень слабую научную подготовку. Не всѣ коммиссіи работаютъ одинаково успѣшно, не всѣ слѣдуютъ одному и тому же плану въ своихъ дѣйствіяхъ, не всѣ выпускаютъ однообразныя изданія своихъ трудовъ, вообще пока распространенныхъ среди читающей публики очень мало. Орловская коммиссія издаетъ „Труды" отдѣльными выпусками по 3—4 печатныхъ листа каждый; за 1890 годъ такихъ выпусковъ издано пока три. Центральное мѣсто отведено описямъ документовъ орловскихъ духовной консисторіи, верхней рас-

правы и уголовной палаты и сѣвскихъ провинціальной канцеляріи, провинціальнаго магистрата и уѣзднаго суда, составленныхъ С. А. Блохинымъ. Ему же принадлежитъ любопытная статья „Сенаторская ревизія въ началѣ XIX в.“ (сен. Н. Е. Мясоѣдова), а также „О географическомъ и историческомъ описаніи г. Трубчевска по документамъ трубчевскаго городового магистрата“. Здѣсь же печатаются и протоколы засѣданій коммиссіи (при третьемъ выпускѣ протокола не находится).

Тамбовская коммиссія издаетъ „Извѣстія“ по 6—10 печатныхъ листовъ въ выпускѣ; за 1890 годъ издано пять выпусковъ (XXVI—XXX). Каждый выпускъ обязательно начинается сообщеніемъ предсѣдателя коммиссіи И. И. Дубасова; первый отдѣлъ вообще посвящается рефератамъ и статьямъ. Второй отдѣлъ обыкновенно занимаютъ описи документовъ, и третій отдѣлъ тексты нѣкоторыхъ документовъ. Архивъ тамбовской коммиссіи, повидимому, довольно обширенъ и интересенъ. Описи, напечатанныя въ 5 выпускахъ 1890 г., принадлежатъ членамъ коммиссіи П. А. Дьяконову, П. И. Пискареву, И. В. Знаменскому, И. В. Староградскому, М. Г. Розанову и Д. Ѳ. Богданову. Составленіе этихъ описей самая полезная работа, какую только могутъ сдѣлать мѣстные члены архивныхъ коммиссій. Въ III отдѣлѣ напечатаны тексты документовъ, извлеченныхъ какъ изъ тамбовскаго историческаго архива, такъ и изъ центральныхъ. Изъ рефератовъ, помѣщенныхъ въ I отдѣлѣ помимо протоколовъ, надо отмѣтить опытъ археологической карты тамбовской губерніи (съ объяснительной къ ней запиской), сдѣланной А. В. Проскурниковымъ и М. Г. Розановымъ (самое изданіе карты на отдѣльныхъ листкахъ литографскимъ путемъ слѣдуетъ признать безусловно неудачнымъ) и очеркъ Ив. В. Знаменскаго „Преподобный Макарій Жабынскій“, полузабытое лицо русской церкви конца XVI и начала XVII вв. Авторъ очерка пользуется многими неизданными источниками. Попытка тамбовской коммиссіи ввести въ своемъ изданіи разъ на всегда опредѣленныя рубрики заслуживаетъ особеннаго вниманія (I протоколы и рефераты; II описи; III тексты) по своей стройности.

Рязанская коммиссія печатаетъ „Труды“ выпусками in quarto по 2—3 печатныхъ листа каждый; въ 1890 г. ихъ выпущено было девять. Нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ этихъ выпускахъ, воспроизводятся въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ. Введенныя здѣсь общія рубрики (I Историческіе матеріалы и изслѣдованія; II протоколы; III замѣтки и смѣсь) нельзя признать удачными. Изъ восьми выпусковъ только въ трехъ (№№ 6—8) читаемъ описи дѣлъ рязанскаго историческаго архива. Изъ текстовъ въ №№ 4—5 напечатаны В. Н. Сторожевымъ „Рязанскія засѣчныя книги XVII вѣка“ и Н. А. Попо-

вымъ „Матеріалы для исторіи рязанской губернской гимназіи“ (№ 4). Среди рефератовъ нельзя не обратить вниманія прежде всего на „Участіе рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ“ (№ 5) и „Вольноотпущенные“ А. Д. Повалишина, затѣмъ на „Цифирную и архіерейскую школы въ Переяславлѣ-Рязанскомъ“ А. В. Селиванова. Редакція „Трудовъ“ не уклоняется и отъ перепечатокъ: такъ здѣсь перепечатаны „Школьные годы“ Я. П. Полонскаго изъ журнала „Русская Школа“ и № 489 письма изъ изданія „Письма и бумаги Петра Великаго“ т. II. Что касается тверской коммиссіи, то она вовсе не имѣетъ періодическаго изданія своихъ трудовъ. Она издаетъ отдѣльныя брошюры по мѣрѣ доставленія ея членами матеріала; протоколы же печатаются особыми листами. Въ 1890 г. коммиссія издала 7 книжекъ, не считая обстоятельнаго отчета: В. И. Колосовъ, Стерженскій и Лопастицкій Кресты въ связи съ древними водными путями въ верхнемъ Поволжьѣ, В. П. Успенскій, Краткій очеркъ жизни преосв. Аарона Еропкина (съ портретомъ); А. К. Жизневскій, Өедоръ Николаевичъ Глинка; Д. И. Скворцовъ, Діонисій Тобниковскій, его-же, Инокъсправщикъ Арсеній Глухой; В. Н. Сторожевъ, Дозорная книга города Твери 1616 года; его-же, Составъ тверского дворянства по десятнямъ XVII вѣка, Вып. I. Своихъ архивныхъ описей названная коммиссія пока не издаетъ, интересуясь особенно вопросомъ культурно-историческимъ. Ни одна изъ архивныхъ коммиссій не имѣетъ за то такого превосходнаго изданія, какъ „Описаніе Тверскаго Музея. Археологическій отдѣлъ“, исполненнаго Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Это обширное изданіе in quarto со множествомъ политипажей, снимковъ и т. д. можетъ служить прекраснымъ образцемъ для остальныхъ коммиссій.

Костромская коммиссія издала одинъ выпускъ „Костромской Старины“, гдѣ, помимо разнаго рода актовъ, напечатана статья И. В. Миловидова о двухъ дѣлахъ, послужившихъ А. Ө. Писемскому основнымъ мотивомъ для драмы „Горькая судьбина“.

Пермская коммиссія издала одинъ выпускъ „Пермской Старины“, занятый любопытной исторіей Перми съ древнѣйшихъ временъ до начала XVII вѣка. Оренбургская коммиссія издала одинъ выпускъ „Архива бывшаго оренбургскаго генералъ-губернаторскаго управленія“.

Ярославская коммиссія издаетъ „Труды“. Первый выпускъ (М. 1890) представляетъ очень опрятный in-octavo съ тремя заставками томъ, изданный на средства члена коммиссіи И. А. Вахрамѣева. Описей документовъ въ немъ нѣтъ. Изъ протоколовъ, помѣщенныхъ въ началѣ выпуска, видно, что предпринято на первый разъ описаніе дѣлъ Ростовскаго Духовнаго Правленія Г. Н. Преображенскимъ и А. А. Титовымъ. Выпускъ наполненъ главнымъ образомъ очеркомъ исторіи города

Углича и Угличскимъ лѣтописцемъ, имѣя юбилейный характеръ по связи съ 15 мая 1891 г., какъ днемъ, въ который исполнится 300 лѣтъ со дня гибели царевича Дмитрія, сына царя Ивана IV.

Таврическая коммиссія издаетъ по два, по три выпуска въ годъ „Извѣстій", листовъ по 9 каждый. Выпускъ обыкновенно состоитъ изъ двухъ частей: въ первой помѣщаются тексты документовъ и рефераты, во второй—описи документовъ, протоколы и отчеты. Таврическая коммиссія, какъ и слѣдовало ожидать, удѣляетъ не мало вниманія мѣстной археологіи. Работы въ этомъ направленіи, принадлежатъ (за 1890 годъ) А. И. Маркевичу, А. Х. Стевену, Х. П. Ящуржинскому, А. К. Романюку. Въ послѣднихъ (№№ 9—11) выпускахъ много мѣста удѣлено документамъ, извлеченнымъ Ѳ. Ѳ. Лашковымъ изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: „Памятники дипломатическихъ сношеній крымскаго ханства съ московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вв.". Въ двухъ выпускахъ (№№ 10 и 9) напечатаны описи дѣлъ таврическаго историческаго архива.

Саратовская коммиссія издаетъ „Труды" большими выпусками листовъ по 20 каждый. За 1890 годъ ихъ издано два (второй выпускъ еще не былъ полученъ во время составленія настоящаго обзора, кромѣ отдѣльнаго изданія объ „Укекѣ"). Саратовской коммиссіи, издающей свои труды очень опрятно, но безъ опредѣленнаго плана, принадлежитъ заслуга рѣзкой постановки вопроса объ архивномъ дѣлѣ. Въ первомъ выпускѣ за прошлый годъ читаемъ цѣлыхъ три статьи, такъ или иначе посвященныхъ указанному вопросу: 1) кн. Л. Л. Голицына „Архивы и порядокъ и ихъ разборы", 2) М. В. Готовицкій „Вопросъ объ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ на VIII Археологическомъ Съѣздѣ" и 3) С. А. Харизоменовъ, „Значеніе архивныхъ коммиссій для русской исторической науки и для русскаго общества". Въ томъ же выпускѣ читаемъ единственную опись документовъ, именно „Описаніе архива саратовской троицкой церкви". Съ значительнымъ интересомъ читаются затѣмъ „Воспоминанія ветерана 1813—1814 гг.", которыя по всей справедливости слѣдовало бы напечатать въ какомъ-нибудь изъ столичныхъ журналовъ.

Нижегородская коммиссія издаетъ выпусками in quarto свои „Дѣйствія". За 1890 г. выпущено въ свѣтъ уже девять выпусковъ. Вслѣдъ за протоколами слѣдуютъ такъ-называемыя приложенія, которыя собственно и составляютъ основу изданія. Среди нихъ читаемъ обстоятельныя описи дѣламъ арзамасскаго, васильевскаго и семеновскаго уѣздныхъ судовъ, составленныя В. И. Снѣжневскимъ.

Изъ предложеннаго обзора видно, что наибольшее количество описей документовъ печатаютъ тамбовская и нижегородская коммиссіи; наиболѣе удобный внѣшній типъ изданія принадлежитъ саратовской

коммиссіи, наиболѣе стройный планъ изданія выработанъ тамбовской коммиссіей, которое было бы вполнѣ образцовымъ, если бы коммиссія заботилась болѣе о приличной и удобной внѣшности изданія.

Изученіе изданій губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій приводитъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ.

Для коммиссій крайне полезно общеніе съ центральными архивами, представители которыхъ могутъ оказать коммиссіямъ существенныя услуги по части уясненія техники архивнаго дѣла и сообщенія необходимыхъ справокъ. Но это общеніе отнюдь не должно превращаться изъ пособія въ цѣль. Точно также крайне важно участіе коммиссій въ періодическихъ русскихъ археологическихъ съѣздахъ, которые способны поддерживать провинціальныхъ членовъ коммиссій въ курсѣ современныхъ научныхъ требованій въ области археографіи и археологіи. То же изученіе приводитъ къ слѣдующимъ desiderata. Желательно, чтобы коммиссіи, не увлекаясь въ сторону, преслѣдовали прежде всего главную свою задачу: изученіе и описаніе *мѣстныхъ* археологическихъ и археографическихъ памятниковъ. Крайне важно, чтобы коммиссіи болѣе тщательно выяснили себѣ наиболѣе желательный типъ описей, не гоняясь за излишнею подробностью и, наконецъ, выработали болѣе удобный и однообразный типъ изданія своихъ трудовъ: именно желательны крупные выпуски по два или три въ годъ съ планомъ, выработаннымъ тамбовской коммиссіею. Въ заключеніе нельзя не выразить изумленія, что въ нѣкоторыхъ важныхъ въ историческомъ отношеніи пунктахъ до сихъ поръ не основываются архивныя коммиссіи, напр., въ Тулѣ, Новгородѣ, Воронежѣ и др.

Ежегодные отчеты объ архивныхъ коммиссіяхъ печатаются проф. И. Е. Андреевскимъ въ „Русской Старинѣ“ (см. тамъ отчетъ за 1889 г. въ № 11, за 1890 г.). (Сообщено В. Н. Сторожевымъ).

Разныя извѣстія и дополненія.

— Въ приложеніи къ февральской книжкѣ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ опубликованы утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 10 дек. 1890 г. „Правила, требованія и програмы испытаній въ коммиссіи историко-филологической“. Историческія програмы (стр. 25—41) мало чѣмъ отличаются отъ изданныхъ раньше. Тамъ же опубликованы и юридическія „правила, требованія и програмы испытаній“.

— Недавно въ приложеніи къ февральской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ по распоряженію означеннаго

министерства опубликованъ былъ большой (116 стр.) „Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія". Каталогъ раздѣляется на четыре отдѣла: 1) учебники и учебныя пособія, 2) книги для ученическихъ библіотекъ, 3) книги для учительскихъ библіотекъ и 4) книги для публичныхъ народныхъ чтеній—съ подраздѣленіемъ на рубрики по предметамъ. Въ первомъ отдѣлѣ подъ рубрикой „исторія и географія" указаны руководства, назначенныя для городскихъ, уѣздныхъ и отчасти двухклассныхъ сельскихъ училищъ (около десяти названій). Въ отдѣлѣ второмъ „біографіи" (около 30 названій) отдѣлены отъ книгъ „историческаго содержанія" (коихъ названо почти 90). Въ отдѣлѣ книгъ для учительскихъ библіотекъ подъ рубрикой „исторія и географія" значится около десяти историческихъ книгъ, въ числѣ коихъ показаны даже историческій очеркъ г. Тобольска, исторія города Касимова или исторія Вятки [1]). Въ IV отдѣлѣ книгъ историческихъ отмѣчено около сорока и, кромѣ того, семь біографій.

— Въ петербургской духовной академіи читаются древняя общая исторія проф. А. П. Лопухинымъ, средняя и новая—проф. К. А. Скабалановичемъ, исторія древней и восточной церкви—проф. В. В. Болотовымъ, исторія русской церкви—проф. протоіереемъ П. Ѳ. Николаевскимъ и исторія западныхъ церквей—проф. И. Е. Троицкимъ. Всѣ названные профессора имѣютъ по двѣ лекціи въ недѣлю.

— Въ Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ въ Петербургѣ русская исторія читается А. С. Лаппо-Данилевскимъ, древняя—Ѳ. Ѳ. Соколовымъ, а средняя съ новой—пр. Н. А. Астафьевымъ.

— Въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, раздѣляющемся на старшіе классы съ университетскими курсами и на младшіе, въ коихъ проходятся гимназическіе предметы, преподаваніе исторіи раздѣлено между тремя преподавателями, изъ которыхъ одинъ (Е. А. Бѣловъ) ведетъ гимназическій курсъ, а двое читаютъ лекціи въ старшемъ курсѣ, причемъ предметомъ этихъ лекцій является только одна новая и новѣйшая исторія. Курсъ русской исторіи, обнимающій XVIII и XIX вѣка, читается въ III классѣ (первый въ старшемъ курсѣ) проф. университета С. Ѳ. Платоновымъ, а всеобщая исторія, читаемая проф. Н. И. Карѣевымъ, раздѣляется между III и II классами такимъ образомъ, что въ первомъ изъ нихъ проходится исторія XVI и XVII вв. при двухъ часахъ въ недѣлю, а во второмъ—исторія XVIII и XIX столѣтій при трехъ часахъ въ недѣлю. Въ стар-

[1]) Едва ли удачно въ отдѣлѣ II названа перепечатка газетной статьи „Открытое письмо ультрамонтана-католика къ редакторамъ русскихъ и польскихъ журналовъ", стр. 45.

шемъ курсѣ Училища правовѣдѣнія, имѣющемъ аналогичное съ лицеемъ устройство, историческихъ курсовъ не читается.

— Прив.-доц. петербургскаго университета И. М. Гревсъ находится въ заграничной командировкѣ, работая въ Италіи и Франціи надъ магистерской своей диссертаціей, предметомъ которой будутъ соціальная исторія римской имперіи.

— Прив.-доц. петербургскаго университета Е. Ф. Шмурло получилъ заграничную командировку на годъ. Цѣлью его поѣздки будетъ занятія въ итальянскихъ архивахъ по русской исторіи.

— Проф. П. Г. Виноградовъ командированъ съ ученою цѣлью заграницу на весенній семестръ и лѣтнее вакаціонное время 1891 г. Цѣлью его путешествія является собираніе матеріаловъ для англійской переработки его докторской диссертаціи, о чемъ см. „Истор. Обозрѣніе", т. I, стр. 313. Къ проф. Виноградову относится еще слѣдующее извѣстіе („Рус. Вѣд., № 69): По примѣру прошлаго года въ оксфордскомъ университетѣ состоятся и въ теченіе нынѣшняго лѣта чтенія, посвященныя спеціально русской исторіи. Согласно желанію устроителей этихъ чтеній, предметомъ ихъ будутъ нѣкоторые вопросы изъ исторіи недавняго нашего общественнаго движенія. Курсъ этотъ предложенъ профессору П. Г. Виноградову. Мы слышали, что представитель каѳедры всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ принялъ это предложеніе и въ маѣ мѣсяцѣ прочтетъ въ Оксфордѣ шесть лекцій о „Славянофилахъ и западникахъ" („Slavophilism and Western ideas in Russian culture").

— Проф. В. К. Надлеръ, преподававшій въ теченіе 26 лѣтъ въ харьковскомъ университетѣ всеобщую исторію (главнымъ образомъ—среднюю, въ послѣдніе годы, сверхъ того,—и новѣйшую), съ 1-го января 1891 г. назначенъ профессоромъ въ одесскій университетъ, гдѣ онъ является преемникомъ А. С. Трачевскаго. Въ Одессѣ онъ объявилъ курсъ по новѣйшей исторіи (съ вѣнскаго конгресса), раздѣленію коей на періоды съ ихъ характеристикою и была посвящена его вступительная лекція.

Корреспонденція изъ Дерпта [1]).

Въ 1 семестрѣ 1891 г. объявлены на историко-филологическомъ факультетѣ слѣдующіе историческіе курсы: 1) проф. Людв. Мендель-

---

[1]) Получивъ эту корреспонденцію послѣ того, какъ хроника была уже составлена и сдана въ наборъ, мы не имѣли возможности разнести сообщаемый матеріалъ по соотвѣтственнымъ рубрикамъ. *Ред.*

сонъ, римскія древности 4 ч.; 2) по средней исторіи проф. Рихардъ Гаусманъ, исторія государственнаго устройства (Verfassungsgeschichte) 3 ч. и исторія XIV ст. 1 ч.; 3) по новой исторіи проф. Отто Вальцъ, исторія реформаціи 4 ч. и новѣйшая исторіографія (Ueber neuere Geschichtsschreiber) 2 ч.; 4) по русской исторіи проф. А. Г. Брюкнеръ, исторія Россіи отъ 1725 по 1762 г. совмѣстно съ чтеніемъ источниковъ, 5 ч.; 5) наконецъ доцентъ исторіи русскаго языка и литературы Леонардъ Мазингъ назначилъ 1 часъ для разбора древнерусскихъ текстовъ, гдѣ онъ даетъ комментаріи текста договоровъ русскихъ съ греками; курсъ назначенъ для историковъ и юристовъ. Практическія занятія объявлены проф. Гаусманомъ (2 ч.) и проф. Брюкнеромъ (1 ч.).—На заданныя темы представлены слѣдующія сочиненія: 1) по русской исторіи: на тему „заслуги Бюшинга въ изученіи русской исторіи" представлено одно сочиненіе, удостоенное золотой медали; авторомъ его оказался студентъ историческаго отдѣла Алексѣй Горемыкинъ; 2) на тему о Радищевѣ, которая была продолжена на второй годъ за непредставленіемъ работъ, и 3) на тему: историко-статистическое описаніе пользованія землей въ одной изъ остзейскихъ губерній—не представлено вовсе сочиненій. На текущій годъ даны двѣ темы: 1) походъ аргонавтовъ по памятникамъ античнаго искусства и 2) о времени составленія Historia Augusta.—Ежегодно въ весеннемъ семестрѣ въ университетской залѣ читаются популярно-научныя лекціи съ благотворительною цѣлью. Въ настоящемъ семестрѣ историческія темы объявили: 1) доцентъ Леопольдъ ф.-Шредеръ—о сожженіи вдовъ у индусовъ; 2) проф. Натанаель Бонвечъ—„De civitate Dei" (Августина); 3) проф. И. Е. Энгельманъ—жизнь одной русской женщины въ началѣ XVIII в.—Въ декабрѣ 1890 г. состоялся на историко-филологическомъ факультетѣ диспутъ магистра Леонарда Мазинга, который представилъ сочиненіе „Zur Sprachlichen Beurtheilung der Macedonischen Slaven" на степень доктора сравнительнаго языкознанія.—Оффиціальными оппонентами были: доцентъ Л. фонъ-Шредеръ, проф. И. А. Бодуэнъ де-Куртенэ и проф. Л. Мейеръ. Всѣ оппоненты признали важнымъ значеніе этой диссертаціи, причемъ проф. Бодуэнъ де-Куртенэ сдѣлалъ нѣсколько спеціальныхъ возраженій. Диспутантъ былъ признанъ единогласно докторомъ сравнительнаго языкознанія.—Новые историческіе труды: 1) проф. А. Г. Брюкнеръ недавно издалъ IV-й томъ матеріаловъ для жизнеописанія гр. Н. П. Панина и готовитъ къ выпуску въ свѣтъ пятый томъ. Все изданіе (семь томовъ) уже готово въ рукописи. Кромѣ того, проф. Брюкнеръ приготовляетъ матеріалы для сочиненія по исторіи Россіи XVIII в. отъ смерти Петра до восшествія на престолъ Екатерины II; 2) помощникъ библіотекаря Б. Кордъ приготовилъ къ печати статью: Beiträge zu einer russisch-

niederländischen Bibliographie, заключающую обзоръ источниковъ и пособій по дипломатическимъ и торговымъ сношеніямъ Голландіи съ Россіей до конца XVII в. Эта статья появится въ голландскомъ Staats-Curant, какъ прибавленіе къ отчету д-ра Узенбека, который въ 1890 г. былъ командированъ своимъ правительствомъ для ознакомленія съ архивнымъ матеріаломъ по исторіи дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Голландіи съ Россіей. Отчетъ д-ра Узенбека о его занятіяхъ въ архивахъ м-ра иностранныхъ дѣлъ и морского обнимаетъ позднѣйшее время, съ XVIII в.; 3) бывшимъ помощникомъ библіотекаря Гассельблатомъ (недавно умершимъ) составлена статья по поводу напечатанныхъ въ Сб. Р. И. Общ. Наказовъ остзейскимъ депутатамъ въ Екатерининской коммиссіи. Статья уже по смерти автора напечатана въ Baltische Monatsschrift, Band. XXXVII, S. 668, 1890 г., подъ заглавіемъ: Die Instructionen der baltischen Ritterschaften für die Gesetzgebende Commission von 1767 [1]); 4) проф. Мендельсонъ приготовилъ къ изданію текстъ писемъ Цицерона съ филологическими и историческими примѣчаніями. Изданіе появится въ свѣтъ въ будущемъ году подъ заглавіемъ: „M. Tullii Ciceronis epistolarum libri sedecim edidit L. Mendelssohn. Leipzig. 1892; 5) проф. Р. Гаусманъ лѣтомъ 1890 г. произвелъ обширныя археологическія раскопки въ Лифляндіи и Эстляндіи, подробное описаніе которыхъ будетъ обнародовано въ текущемъ году.

---

[1]) Другая посмертная его статья появилась въ „Sitzungsberichte der Gelehrten estnischen Geselschaft за 1890 годъ подъ заглавіемъ: Ein Kaiserbesuch in Dorpat vor 100 Jahren, гдѣ рѣчь идетъ о посѣщеніи Дерпта Наслѣдникомъ Павломъ Петровичемъ въ 1782 г.

Мелкія замѣтки.

Неизданныя сочиненія Монтескье.

В. Ѳ. Дерюжинскаго.

Во Франціи ожидаютъ появленія крупной литературной новинки— неизданныхъ сочиненій Монтескье. Уже вскорѣ послѣ смерти великаго писателя (въ 1755 г.) сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ оставилъ послѣ себя большое количество рукописей. Въ концѣ XVIII вѣка ихъ считали погибшими, въ виду распространившагося слуха о томъ, что въ эпоху террора сынъ Монтескье уничтожилъ ихъ. Это однако оказалось невѣрнымъ: одинъ изъ біографовъ Монтескье, Валькенеръ, имѣлъ возможность лично убѣдиться въ томъ, что всѣ рукописи сохранились въ полной цѣлости. Доступъ къ коллекціи ихъ представлялся чрезвычайно затруднительнымъ, такъ что до самаго послѣдняго времени никому, кромѣ ближайшихъ потомковъ Монтескье, неизвѣстно было даже, чтó заключаютъ въ себѣ оставленныя имъ рукописи и въ какой мѣрѣ значителенъ представляемый имъ интересъ. Съ другой стороны, потомки великаго писателя оставались глухи къ появлявшимся въ печати пожеланіямъ о томъ, чтобы неизданныя рукописи его были опубликованы. Тщетно писалъ Сентъ-Бевъ въ 1852 г.: „будемъ надѣяться, что фамильное наслѣдіе Монтескье сохраняется и что имъ наконецъ воспользуются въ интересахъ всѣхъ, а также въ интересахъ славы знаменитаго писателя"; тщетнымъ оказалось и сдѣланное позднѣе воззваніе Эдуарда Лабулэ, издавшаго сочиненія Монтескье съ комментаріями и примѣчаніями: „Монтескье— говорилъ Лабулэ,—принадлежитъ Франціи, и всѣ тѣ, которые живутъ его мыслью, имѣютъ право требовать раскрытія оставленнаго имъ

наслѣдства". Разочарованіе ожидало и тѣхъ, которые думали, что потомки Монтескье воспользуются чествованіемъ двухсотлѣтней годовщины его рожденія (въ 1889 г.) и издадутъ по этому поводу оставленныя имъ рукописи. Какія соображенія побуждали откладывать до сихъ поръ изданіе этихъ рукописей, остается невыясненнымъ. Извѣстно лишь то, что теперь признано возможнымъ приступить къ постепенному изданію всего оставленнаго знаменитымъ писателемъ XVIII вѣка. Изъ свѣдѣній, проникшихъ въ печать по этому поводу, видно, что литературное наслѣдіе Монтескье представляется весьма значительнымъ: рукописи его будутъ изданы въ *восьми* томахъ, изъ которыхъ первый долженъ появиться въ самомъ непродолжительномъ времени подъ редакцій Раймона Селеста, съ предисловіемъ его, заключающимъ въ себѣ исторію рукописей Монтескье и біографическій его очеркъ. Что касается внутренняго интереса этихъ рукописей, то о немъ можно судить по списку ихъ, приведенному въ недавнемъ нумерѣ *Revue Bleue* въ статьѣ Шарля Биго. Въ числѣ ихъ находимъ: „Рѣчь о Цицеронѣ", „Похвала искренности", „Опытъ о причинахъ, могущихъ вліять на умы и характеры", этюдъ о томъ, что такое „истинная исторія" (histoire véritable), „Размышленія о политикѣ", „Размышленія о характерѣ нѣкоторыхъ государей", рядъ мемуаровъ по различнымъ политическимъ вопросамъ, „Замѣчанія на нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя лицомъ, переведшимъ на англійскій языкъ мое сочиненіе о римлянахъ", рядъ записокъ о путешествіяхъ Монтескье по Италіи, Германіи и Голландіи. Немалый интересъ представляютъ также три тома рукописей, заключающихъ въ себѣ „мысли и размышленія", записанныя Монтескье во время составленія его классическаго трактата „О духѣ законовъ". Авторъ упомянутой нами статьи, Шарль Биго, придаетъ большое значеніе опубликованію рукописей Монтескье, такъ какъ оно обѣщаетъ раскрыть многія мысли, которыя великій писатель, въ виду стѣснительныхъ условій печати во Франціи его времени, не могъ или не считалъ возможнымъ высказать въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ. „Монтескье,—говоритъ Биго,—не сказалъ ничего такого, чего бы онъ не думалъ; въ этомъ мы увѣрены. Но не все то, чтò онъ думалъ, сказалъ онъ при жизни своей. Вотъ это-то онъ и повѣдаетъ потомству теперь изъ глубины своей могилы".

Изъ области новѣйшей литературы о Колумбѣ.

Э. Ю. Петри.

Чѣмъ ближе мы подходимъ къ четырехсотлѣтію открытія Америки, тѣмъ необъятнѣе становится и безъ того уже весьма обширная

литература о Колумбѣ. Едва ли однако можно надѣяться на то, чтобы къ означенному юбилею выяснились, хотя бы даже приблизительно, всѣ спорные вопросы, касающіеся личности и заслугъ Колумба. По прежнему полемизируютъ другъ съ другомъ безусловные почитатели Колумба, добивающіеся его канонизаціи (*Rosely de Lorgues*, Christophe Colombe, Paris, Palmé, 1886, 577, новое изданіе этой пресловутой книги) и строгіе критики, обвиняющіе своего героя въ вымогательствахъ, разбоѣ, надувательствѣ, фанатизмѣ, презрѣніи къ наукѣ и т. д. (*Harrisse*, *Peragallo*, *Büdinger*, *Ruge* и др.). Многочисленны также попытки выдвинуть другихъ героевъ, открывшихъ Америку ранѣе Колумба. Болѣе всего посчастливилось въ данномъ случаѣ скандинавамъ. Среди многочисленныхъ работъ по этому вопросу особаго вниманія заслуживаетъ прекрасное изслѣдованіе *Шторма* о Винландѣ (*Dr. G. Storm*, Studier over Vinlandsreisern, Vinlands Geografi og Ethnografi, Kopenhagen, 1888, 80 стр. *Aarboeger for Nord. Oldkynd. og Hist. 1887*, того же: Studies on the Vineland voyages, (Christiania, Camermeger, 1889, 64 стр. въ которой онъ доказываетъ, что норманъ *Leiv Erikssoen* открылъ въ концѣ X столѣтія не Родъ-Эйландъ, какъ до сихъ поръ предполагали, а Новую Шотландію. Меньшую научную цѣну имѣютъ работы о буддистѣ *Hoei-Schin'a*, посѣтившемъ въ 458 году западный берегъ Сѣверной Америки (*Viring*, An inglorious Columbus, New-York, Appleton, 1885), о французѣ *Jean Cousin*'ѣ, открывшемъ будто бы Бразилію за четыре года до прибытія Колумба въ Америку (*P. Gaffarel*, Les découvreurs Français de XIV un XVI siècle, Paris, Challmel, 1888), о баскскихъ китоловахъ (*Winsor*, Narrative and critical history of America, Boston, Haughton, Mifflin et C° 1886, v. I), о финикійцахъ (*Onffroy de Thoron*, Les Phéniciens à l'île d'Haïti et sur le continent Américain, Louvin, Pecteis, 1889). Интересныя указанія на исторію открытія Америки собраны въ обширномъ трудѣ *Уинсора* и его сотоварищей (*Winsore* Narrative and critical history ef America, 8 томовъ). Для эпохи Колумба важны первый и второй томы этого изданія, хотя и компилятивнаго, но все-же цѣннаго по массѣ матеріала, по библіографическимъ свѣдѣніямъ и по множеству иллюстрацій и картъ. Главными источниками въ области «*Columbina*» являются однако по прежнему труды *Гаррисса и Перагалло*, продолжающихъ со всею страстностью истыхъ любителей разрабатывать архивныя свѣдѣнія о Колумбѣ и укорять другъ друга въ ошибкахъ. Неутомимый американецъ, адвокатъ Гарриссъ (*H. Harrisse*) дополнилъ свое знаменитое сочиненіе „Christophe Colomb, son origine, sa vie, sa famille et ses descendents“ (*Paris, 2 v. 1884—1885*) нѣкоторыми новыми изслѣдованіями: Chr. Colombe et Savone, Verzelino et ses mémoires 1887;

— Christopher Columbus and the Bank of H. George, New-York. 1888; — Christoforo Colombo e gli orientali, 1889. Въ первой изъ этихъ работъ Гаррисъ приходитъ къ тому выводу, что Колумбъ родился между 25 марта 1446 и 20 марта 1447 въ Генуѣ, а не въ Савонѣ (рожденіе Колумба относили къ 1436, 1446 и 1456 годамъ, 1446 обозначенъ былъ давшимъ толчокъ къ возникновенію обширной литературы о Колумбѣ *д'Авезакомъ* (d'Avezac. Bull. de la société géogr. Paris. 1871); упомянемъ здѣсь кстати, что среди многочисленныхъ городовъ и мѣстечекъ, претендующихъ на то, чтобы быть родиною Колумба, выступила и Кальви на Корсикѣ (см. *Peretti*, Christophe Colomb, Français, Corse et Calvais, Paris, Bastia, 1888): Авторъ этой совершенно ненаучной книги основывается на томъ же малодоказательномъ соображеніи, какъ и прочіе конкурренты его, а именно на томъ, что въ данномъ мѣстѣ встрѣчается, весьма обыденное впрочемъ, въ Италіи имя *Colombo*. Чрезвычайно интереснымъ вкладомъ въ литературу о Колумбѣ слѣдуетъ считать книгу лиссабонскаго патера *Перагалло* (*Prospero Peragallo*, Cristoforo Columbo e la sua famiglia, rivista generale degli errori del Sig. E. Harisse 1889, 336 стр.). Авторъ выступилъ уже въ 1884 году противъ Гаррисса и на защиту одного изъ основныхъ, хотя едва ли особенно надежныхъ источниковъ по вопросу о Колумбѣ, извѣстной Historie del Fèrnando Columbo. Источникъ этотъ появился недавно въ хорошемъ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: Christof Kolumbus Reisen, nach seinen eignen Briefen uud Berichten veröffentlich 1536 vom Bischof Las Casas und Fernando Kolumbus, veröffentlicht 1826 von Navarette, deutsch von Fr. Pr., Leipzig, Hinrisch, 1890. Предисловіе нѣмецкаго переводчика (12 стр.) довольно безсодержательно. Въ упомянутой книгѣ своей Перагалло, между прочимъ, сознается, что онъ лично былъ авторомъ бойкой полемической брошюры, напечатанной въ 1886 году въ Лиссабонѣ подъ псевдонимомъ *Celsus* и направленной противъ защитника Гаррисса, *Sejus'a* (*Revue historique* 1885, 316 p.; подъ этимъ псевдонимомъ скрывается, какъ сообщаетъ вѣнскій историкъ *Бюдингеръ*, графъ *Сегюръ*). Вниманія заслуживаютъ указанія Перагалло на семейныя отношенія и спеціально на жену Колумба, а также на его прежнія путешествія. На первую экспедицію Колумба испанскимъ правительствомъ дано было не 336,500 франковъ, какъ полагаетъ Гарриссъ, а всего 17,100 франковъ. Цѣнными комментаріями къ книгамъ Гаррисса и Перагалло являются критическія стати проф. *Макса Бюдингера* въ изданіяхъ Вѣнской академіи наукъ (1886 и 1887). Mittheilungen der Geograph. Gesellschaft in Wien, 1890, S. 397—416.

Исторія права въ юридическихъ журналахъ [1]).

В. Н. Сторожева.

Въ русской журнальной литературѣ нѣтъ органа, спеціально посвященнаго вопросамъ по общей исторіи и теоріи права. Всѣ подобныя статьи ютятся болѣе или менѣе случайно въ „толстыхъ" журналахъ, попадая также случайно и въ спеціальные юридическіе журналы, которыхъ у насъ три (не считая польской Biblioteka Umiejętności prawnych, издающейся съ 1872 г. въ Варшавѣ и Временника Демидовскаго Юридическаго лицея, издающагося съ 1871 г. въ Ярославлѣ и имѣющаго характеръ періодически выпускаемаго сборника). Старѣйшимъ изъ нихъ является органъ московскаго юридическаго общества „Юридическій Вѣстникъ" съ 1869 г., за нимъ слѣдуетъ органъ с.-петербургскаго юридическаго общества „Журналъ гражданскаго и уголовнаго права" съ 1871 г., и наконецъ съ прошлаго года начала выходить „Юридическая лѣтопись". Послѣдняя издается въ Петербургѣ подъ редакціей проф. Н. Д. Сергѣевскаго (при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ А. А. Исаева и Н. М. Коркунова, а также Н. Ѳ. Дерюжинскаго) въ объемѣ 12 книжекъ въ годъ по 5—6 печатныхъ листовъ каждая (цѣна 5 руб. съ пересылкой и доставкой; адресъ редакціи: Спб., Васильевскій островъ, 3-я линія, № 24). Къ вопросамъ по общей исторіи и теоріи права журналъ почти не имѣетъ никакого отношенія, такъ какъ посвященъ исключительно текущимъ вопросамъ право- и государствовѣдѣнія, касаясь примѣненія на практикѣ дѣйствующаго законодательства, недостатковъ послѣдняго, противорѣчій между закономъ и практикой и т. п. Значительное мѣсто въ журналѣ отводится хроникѣ, стремящейся держать читателя au courant новыхъ законоположеній и текущихъ юридическихъ казусовъ. Отъ рецензій журналъ принципіально воздерживается, давая ежемѣсячно лишь обширные классифицированные каталоги новѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ книгъ и журнальныхъ статей по всѣмъ отраслямъ права. Журналъ приводитъ только названія книгъ и статей по исторіи и теоріи права, касаясь слегка историче-

[1]) Замѣтка эта была составлена по нашей просьбѣ В. Н. Сторожевымъ и должна была служить составною частью предположеннаго обзора того, что дѣлается для исторіи вообще нашими общими и спеціальными журналами (историческими, педагогическими, богословскими и т. п.). Помѣщаемъ эту замѣтку, надѣясь, что намъ доставлены будутъ и другія подобныя замѣтки, которыя были намъ обязаны. *Ред.*

скихъ вопросовъ только тогда, когда разрѣшеніе какого-либо текущаго вопроса требуетъ исторической справки. Такъ въ № 3 за 1890 г. В. В. Ефимовъ напечаталъ статью „Наслѣдованіе римлянъ въ завѣщанномъ имуществѣ" главнымъ образомъ потому, что „конструктивные пріемы образцовой юриспруденціи не безъинтересны намъ особенно въ современную эпоху составленія русскаго гражданскаго уложенія" (стр. 184); въ № 4, Н. М. Коркуновъ напечаталъ историко-юридическую справку „Великое княжество Финляндское", вызванную раздутымъ нѣкоторой частью нашей прессы финляндскимъ вопросомъ. Въ общемъ, по исторіи и теоріи права „Юридическая Лѣтопись" статей, повидимому, помѣщать не будетъ.

„Журналъ гражданскаго и уголовнаго права" издается въ Петербургѣ подъ редакціей В. М. Володимірова и А. Х. Гольмстена въ объемѣ 10 книжекъ въ годъ, листовъ по 20 каждая (цѣна 8 руб. безъ доставки; адресъ редакціи: Спб., уголъ Мойки и Фонарнаго пер., д. 1, кв. 38). Журналъ имѣетъ главнымъ образомъ практическій интересъ, удѣляя бóльшую часть мѣста вопросамъ текущей юридической жизни и справочному отдѣлу (постановленія и распоряженія правительства, дѣятельность министерства юстиціи, проекты новыхъ законовъ и уставовъ, хроника и т. п.). Не задаваясь исключительно научными цѣлями, журналъ сравнительно мало отводитъ мѣста статьямъ по исторіи права. Такъ за весь 1890 г. онъ помѣстилъ только три мелкихъ историко-юридическихъ работы, именно: 1) Гр. Ав. Джаншіева Возникновеніе суда сословныхъ представителей (№ 8); 2) Н. Д. Сергѣевскаго — Смертная казнь при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; 3) В. Вороновскаго — Къ исторіи земскихъ ходатайствъ. Иногда, впрочемъ, „Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права" помѣщаетъ цѣлыя изслѣдованія по исторія права, каковы, напр., изслѣдованіе П. О. Покровскаго („Преступленія противъ чести по русскимъ законамъ до начала XVIII вѣка" въ 1889 г.). Понятно, впрочемъ, что сравнительно незначительное количество статей по исторіи права не можетъ быть поставлено въ упрекъ журналамъ, главная цѣль которыхъ текущее законодательство и текущая юридическая жизнь. Помѣщая изрѣдка статьи по исторіи права, они тѣмъ рѣзче подчеркиваютъ крайнюю и не отложную потребность въ спеціальномъ органѣ, посвященному общей исторіи и теоріи права.

Болѣе научнымъ и вмѣстѣ имѣющимъ большее отношеніе къ вопросамъ по исторіи права является „Юридическій Вѣстникъ", вступившій въ нынѣшнемъ году въ 23-й годъ своего существованія. Тотъ же журналъ надо признать и лучшимъ органомъ политической экономіи. „Юридическій Вѣстникъ" (его не надо смѣшивать съ „Юридическимъ Вѣстникомъ" Н. В. Калачова, издававшимся въ 1860—63 г.г.

и составлявшимъ приложеніе къ „Архиву историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ Спб.; въ его программѣ значилась, между прочимъ, рубрика „Статьи, касающіяся теоріи права вообще“) издается подъ редакціей С. А. Муромцева и В. М. Пржевальскаго (при непосредственномъ участіи въ редакціи Н. А. Каблукова) въ объемѣ 12 книжекъ въ годъ по 10 печатныхъ листовъ каждая (цѣна 7 руб., съ доставкою и пересылкою 8 руб.; адресъ редакціи: Москва, Скатертный переулокъ, домъ г-жи Муромцевой). Отнюдь не чуждаясь замѣтокъ практическаго характера, журналъ старается отводить значительное мѣсто статьямъ научнаго содержанія, ибо *научная* разработка права составляетъ главную его задачу, при чемъ „кругъ предметовъ правовѣдѣнія журналъ понимаетъ въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ этотъ послѣдній установленъ на юридическихъ факультетахъ русскихъ университетовъ.“ Въ виду своего небольшаго объема „Юридическій Вѣстникъ“ не можетъ однако удѣлять значительнаго мѣста исторіи права. Въ 1890 году въ журналѣ помѣщено было 9 историко-юридическихъ статей и мелкихъ замѣтокъ и одна статья по теоріи права. Таковы 1) И. В. Лучицкаго „Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи“ (стр. 391—424), 2) В. Н. Сторожева „Десятни, какъ источникъ для изученія исторіи русскаго провинціальнаго дворянства въ XVI и XVII вв.“ (стр. 487—497,) 3) А. А. Кизеветтера „Значеніе перехожихъ четвертей при мѣнѣ помѣстій въ XVII в.“ (стр. 381—383), 4) А. Н. Филиппова „О цѣляхъ наказанія по узаконеніямъ Петровскаго царствованія“ (стр. 3—41), 5) В. Н. Сторожева „О земцахъ“ (стр. 241—245), 6) Н. А. Каблукова „Очеркъ исторіи русскаго законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія“ (стр. 529—560), 7) П. Пусторослева „Историческій очеркъ покровительства освобожденнымъ изъ заключенія“ (стр. 561—578), 8) Н. Колюпанова „Административное и судебное устройство Царства Польскаго отъ конституціи 1815 года до реформы 1864 года“ (стр. 175—191, 335—358), 9) И. А. Линниченко „Брачные разводы въ древней Польшѣ и юго-западной Руси“ и 10) Н. И. Карѣева, Юриспруденція и теорія историческаго процесса (стр. 259—277) Кромѣ того „Юридическій Вѣстникъ“ помѣстилъ нѣсколько рецензій о книгахъ по исторіи права (о книгахъ В. Е. Якушкина, В. И. Сергѣевича, Н. П. Семенова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, Н. Д. Чечулина, Д. Ѳ. Масловскаго, М. М. Ковалевскаго) и замѣтокъ о статьяхъ по исторіи права въ журнальныхъ обозрѣніяхъ В. Н. С—ва (№ 9 за 1890 и №№ 1 и 4 за 1891 г.). Такимъ образомъ „Юридическій Вѣстникъ“ единственный органъ, въ которомъ исторія права болѣе или менѣе находитъ пріютъ.

Историческія новости.

Новооткрытый трактатъ Аристотеля объ аѳинской демократіи ('Αθηναίων Πολιτεία. Aristotle on the Constitution of Athens, edited by F. G. Kenyon... Second edition. Printed by order of the trustees of the British Museum, sold at the Museum etc. 1891).

В. П. Бузескула.

Подобно концу среднихъ и началу новыхъ вѣковъ, наше столѣтіе можетъ быть названо эпохой великихъ изобрѣтеній и великихъ открытій въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, и подобно тому, какъ въ вѣкъ гуманизма и возрожденія классической древности были находимы многочисленныя рукописи, содержавшія произведенія древнихъ авторовъ, и въ наши дни дѣлаются драгоцѣнныя находки въ этомъ же родѣ: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ разнеслась вѣсть о томъ, что найдены фрагменты Гомера, Демосѳена, Исократа, Гиперида, ямбы Герода (Ирода), отрывокъ изъ „Антіопы" Эврипида и, что̀ особенно поразило всѣхъ, какъ спеціалистовъ, такъ и вообще образованное общество, трактатъ Аристотеля объ аѳинскомъ государственномъ строѣ, составляющій часть его знаменитыхъ Πολιτεῖαι, трактатъ, на который такъ часто ссылались, напр., Плутархъ, лексикографы Поллуксъ и Гарпократіонъ, риторъ VI в. Сопатръ [1]) и который съ тѣхъ поръ былъ утраченъ, казалось, навсегда! Понятны послѣ этого слова одного восторженнаго нѣмецкаго филолога, писавшаго своему собрату французу, что онъ почитаетъ себя счастливымъ, что дожилъ до подобныхъ открытій [2]).

---

[1]) Kenyon, стр. VIII—IX.

[2]) См. статью H. Weil'я въ „Journal des Débats", 13 мая 1891.

Мѣстомъ, гдѣ хранились въ теченіе долгихъ вѣковъ названные выше памятники древнегреческой литературы, и посредникомъ между древностью и нашимъ міромъ является Египетъ: эти драгоцѣнныя находки сдѣланы среди папирусовъ, пріобрѣтенныхъ въ Египтѣ и теперь хранящихся въ Британскомъ Музеѣ. Конечно, во всѣхъ отношеніяхъ самая важная и интересная находка—трактатъ Аристотеля (папирусъ CXXXI). Въ самомъ началѣ текущаго года трактатъ этотъ появился въ свѣтъ въ изданіи *Кеніона* (Kenyon), ассистента въ отдѣленіи рукописей въ Британскомъ Музеѣ. Изданіе во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное: это изящная книга, дающая текстъ, снабженный обширнымъ введеніемъ и обширнымъ комментаріемъ, касающимся содержанія трактата. Всѣдъ за этимъ выходитъ въ свѣтъ и facsimile драгоцѣннаго для насъ памятника.

По словамъ „введенія", трактатъ Аристотеля написанъ 4 почерками на оборотной сторонѣ папируса, состоящаго изъ 4 кусковъ или свитковъ. Въ общемъ рукопись написана разборчиво и сохранилась довольно хорошо; только конецъ (7 послѣднихъ столбцовъ изъ 37) очень попорченъ, такъ что возстановить цѣликомъ его текстъ нѣтъ возможности. Начала трактата нѣтъ, но, по предположенію Кеніона, его въ данной рукописи и не было; въ началѣ перваго столбца оставлено пустое мѣсто: можетъ быть, та рукопись, съ которой списывали, была дефектною или же въ этомъ мѣстѣ неразборчивою. На лицевой сторонѣ папируса имѣется счетъ прихода и расхода какого-то управляющаго, относящійся къ одиннадцатому году царствованія Веспасіана, что соотвѣтствуетъ 78—79 г. нашей эры [1]). Это служитъ основаніемъ предполагать, что рукопись самаго трактата относится или къ концу I или къ началу II в. по Р. Х. [2]).

Что разсматриваемое нами произведеніе есть именно трактатъ Аристотеля объ аѳинскомъ государственномъ строѣ, Ἀθηναίων Πολιτεία, тому доказательствомъ служатъ, говоритъ Кеніонъ, извѣстные намъ фрагменты изъ Аристотелевой Ἀθηναίων Πολιτεία. Такихъ отрывковъ насчитывается 91, и изъ нихъ 78 встрѣчаются и въ только-что найденномъ трактатѣ, отсутствіе же остальныхъ, за исключеніемъ, быть можетъ, двухъ, легко объясняется: нѣкоторые изъ такихъ отрывковъ относятся къ началу трактата (котораго совсѣмъ нѣтъ въ найденной рукописи) или къ концу (который сильно попорченъ); нѣкоторые

---

[1]) Веспасіанъ былъ провозглашенъ императоромъ въ Александріи въ іюлѣ 69 г. по Р. Х., а новый годъ у египтянъ начинался съ мѣсяца Thouth, т.-е. съ конца августа, и значитъ, по обычному счету египтянъ, съ конца августа того же 69 г. пошелъ уже второй годъ царствованія Веспасіана. Kenyon, стр. XIV.

[2]) Kenyon, стр. XIV.

могли входить въ составъ другаго какого-либо произведенія Аристотеля, а не Ἀθηναίων Πολιτεία, и т. под. [1]). Наконецъ и извѣстные фрагменты берлинскаго папируса № 163, изученіемъ которыхъ занимались *Блассъ*, *Бергкъ*, *Гуго-Ландверъ* и *Дильсъ* [2]), находятся тоже и въ разсматриваемомъ трактатѣ. Такимъ образомъ, Кеніонъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что изданный имъ трактатъ есть Ἀθηναίων Πολιτεία Аристотеля. Правда, еще задолго до открытія рукописи, высказано было мнѣніе, что Ἀθηναίων Πολιτεία—произведеніе не Аристотеля, а какого-либо неизвѣстнаго лица, принадлежавшаго къ перипатетической школѣ (мнѣніе Rose, еще въ 1863 г.). Но Кеніонъ рѣшительно возстаетъ противъ подобнаго утвержденія, причемъ онъ указываетъ между прочимъ на самое время составленія трактата: послѣдній написанъ раньше 307 г., такъ какъ при описаніи аѳинскаго государственнаго строя, какимъ онъ былъ во времена автора, говорится о 10 филахъ, а не о 12 (число это является съ 307 г.); съ другой стороны, упоминается псефизма 329 года; говоря же о двухъ священныхъ корабляхъ, авторъ вмѣсто Саламиніи называетъ Аммоніаду, а такое названіе могло быть дано только послѣ посѣщенія Александромъ Македонскимъ храма Аммона. Такимъ образомъ трактатъ могъ быть написанъ или, по крайней мѣрѣ, просмотрѣнъ лишь между 329 и 307 гг., т.-е. или въ послѣднія 7 лѣтъ жизни Аристотеля (который умеръ въ 322 г.), или же вскорѣ послѣ его смерти, и все заставляетъ думать, говоритъ Кеніонъ, что самъ Аристотель былъ его авторомъ [3]).

Но можетъ возникнуть еще одинъ вопросъ, котораго не затрогиваетъ Кеніонъ: трактатъ *въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится теперь предъ нами*, есть ли *подлинное* произведеніе Аристотеля? Я разумѣю тутъ, конечно, не фальсификацію. Хотя, къ сожалѣнію, издатель не сообщаетъ намъ точныхъ указаній относительно того, какъ и гдѣ именно пріобрѣтенъ столь драгоцѣнный папирусъ, что многимъ, вѣроятно, покажется страннымъ, тѣмъ не менѣе о какой бы то ни было фальсификаціи не можетъ быть и рѣчи: помимо ужъ всего прочаго, помимо того, что рукопись изслѣдована и печатный текстъ сличенъ съ нею нѣсколькими компетентными лицами (см. preface), противъ возможности подобнаго подозрѣнія говоритъ самое содержаніе трактата: поразительная новость сообщаемыхъ имъ данныхъ, обиліе

---

[1]) Kenyon, стр. XV—XVI.

[2]) Которому принадлежитъ лучшее изданіе и изслѣдованіе этихъ фрагментовъ: „Ueber die Berliner Fragmente der Ἀθηναίων Πολιτεία des Aristoteles". Berlin. 1885 (Изъ „Abhandl. d. Berl. Ak. d. Wiss.").

[3]) Kenyon. стр. XVI—XVIII.

новыхъ хронологическихъ датъ, самыя противорѣчія, неточности и ошибки [1]), и въ этомъ смыслѣ подлинность трактата признана такими авторитетами, какъ *Дильсъ* [2]), *Блассъ* [3]) и проч., а H. Weil замѣчаетъ, въ успокоеніе скептиковъ, что если бы эллинисты всего свѣта напрягли весь свой умъ, пустили въ ходъ всѣ свои знанія и ученость, то и тогда бы имъ не удалось создать ничего подобнаго [4]). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду другой вопросъ: не есть ли разсматриваемый трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ,—и по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ—не подлинное произведеніе Аристотеля, а лишь извлеченіе, компиляція, составленная еще въ древности на основаніи труда великаго Стагирита? Такой вопросъ можетъ быть поднятъ въ виду нѣкоторыхъ противорѣчій, встрѣчаемыхъ въ трактатѣ [5]), непропорціональности его частей [6]) и исключительно фактическаго содержанія, такъ что мѣстами изложеніе переходитъ въ голый перечень фактовъ и тогда напоминаетъ какую-нибудь лѣтопись или хронику [7]). Но противъ такого предполо-

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что имя Мнасилоха (или Мнесилоха), бывшаго архонтомъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ во время олигархіи четырехсотъ, о которомъ раньше мы ничего не знали и о которомъ сообщаетъ намъ впервые трактатъ (гл. 33) встрѣчается (въ крайне испорченномъ видѣ) въ надписи, найденной въ самомъ началѣ текущаго года. См. Diels, въ „Deutsche Litteraturzeitung", 1891, № 7, стр. 240.

[2]) „Deutsche Litteraturzeitung", 1891, № 7.

[3]) „Literar. Centralblatt", 1891, № 10.

[4]) „Journal des Débats" 1891, 13 Mars.

[5]) Ср. о Драконтѣ у Аристотеля въ „Политикѣ", p. 1274 в. (впрочемъ, принадлежность этой главы Аристотелю подвергается сомнѣнію) и въ разсматриваемомъ трактатѣ (гл. 4). Ср. о дѣленіи гражданъ на классы по состоянію при Драконтѣ (гл. 4) и при Солонѣ (гл. 7), о способѣ избранія архонтовъ—гл. 4, 8, 22. О томъ, какъ примирить такія противорѣчія см. ниже, въ текстѣ статьи.

[6]) Особенно подробно говорится объ олигархической конституціи 411 г. и вообще о событіяхъ конца V в., какъ ближайшихъ ко времени автора. Немало сказано также в о Драконтѣ, Солонѣ, Писистратѣ, Клисѳенѣ. Напротивъ, въ чрезвычайно краткихъ, общихъ выраженіяхъ сообщается о дѣятельности Аристида, которой самъ авторъ придаетъ большое значеніе въ исторіи развитія аѳинской демократіи, и о сущности реформы ареопага, совершенной Эфіальтомъ (буквально нѣсколько словъ). Съ такою краткостью поразительный контрастъ составляетъ разсказъ объ олигархіи четырехсотъ; тутъ подробнѣйшимъ образомъ сообщается объ эфемерномъ созданіи олигарховъ и даже о томъ, что лишь было ими задумано, хотя бы и не осуществлено, приводится даже псефизма и т. д. Замѣчательно, что трактатъ говоритъ кратко именно о тѣхъ реформахъ которыя носили наиболѣе демократическій характеръ.

[7]) Я говорю не объ отсутствіи теоретическихъ разсужденій (которыя, какъ замѣчаетъ Кеніонъ, не входили въ программу разсматриваемаго труда

женія могутъ быть выставлены серьезные доводы, напр., хотя бы совпаденіе извѣстныхъ намъ фрагментовъ съ текстомъ трактата. Что же касается противорѣчій, то они, кажется, не таковы, чтобы ихъ нельзя было—хотя бы и съ трудомъ—объяснить и примирить, а краткость нѣкоторыхъ извѣстій, быть можетъ, объясняется скорѣе тенденціей автора и т. под. Впрочемъ, оставимъ область догадокъ и обратимся къ самому трактату, который сообщаетъ намъ много совершенно новаго для насъ и проливаетъ неожиданный свѣтъ на многіе моменты внутренней исторіи Аѳинъ.

Предполагая въ непродолжительномъ времени издать особый „Очеркъ исторіи аѳинской демократіи" на основаніи только-что найденнаго трактата и другихъ источниковъ, я здѣсь не буду останавливаться подробно на изложеніи содержанія Ἀθηναίων Πολιτεία и отмѣчу лишь то, что является въ ней особенно для насъ новымъ, что опрокидываетъ установившіеся взгляды и гипотезы и измѣняетъ обычное представленіе о ходѣ аѳинской исторіи, не входя при этомъ въ оцѣнку степени достовѣрности сообщеній Аристотеля.

Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ трактатъ начинается фразой, касающейся подавленія Килонова возстанія. Уже въ первыхъ строкахъ мы встрѣчаемъ то, что для насъ новость: по общепринятому взгляду, законодательство Драконта предшествовало возстанію Килона; по Аристотелю выходитъ наоборотъ—Килонова попытка предшествовала законодательству Драконта. Тутъ же Аристотель сообщаетъ объ Эпименидѣ Критянинѣ, очистившемъ городъ отъ скверны святотатства, тогда какъ до сихъ поръ полагали, что Эпименидъ призванъ былъ въ Аѳины Солономъ.

Но особенно интересно то, что сообщаетъ Аристотель о внутреннемъ строѣ Аѳинъ до Драконта, о томъ процессѣ, путемъ котораго совершился переходъ отъ монархіи къ аристократіи, къ архонтату (гл. 3) [1]. Такой переходъ къ аристократіи составляетъ общее явленіе греческой исторіи VIII—VII в.; но нигдѣ, казалось, не совершился онъ съ такою послѣдовательностью и постепеностью,

---

ихъ мѣсто должно было быть въ „Политикѣ"), а о самомъ объясненіи историческихъ фактовъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается отсутствіе, такъ сказать, всякой историко-философской подкладки; причины и связь явленій иногда не выяснены надлежащимъ образомъ. Напр., объ общихъ, основныхъ причинахъ паденія ареопага въ трактатѣ не сказано ничего; о самой сущности реформы, какъ упомянуто, сказано лишь нѣсколько словъ; зато много говорится о личныхъ мотивахъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ, сообщаются подробности—въ сущности анекдотическаго характера—о двуличной роли Ѳемистокла въ этомъ дѣлѣ. О вліяніи мѣръ Ѳемистокла на дальнѣйшій ходъ аѳинской исторіи ничего не сказано и т. д.

[1]) Обозначеніе главъ принадлежитъ издателю.

какъ именно въ Аѳинахъ. И съ этимъ какъ нельзя болѣе согласуется свидѣтельство Аристотеля. Подтверждается и мнѣніе Люгебиля [1]), доказывавшаго что по смерти Кодра отмѣны царской власти не было, что никакой разницы между царемъ и пожизненнымъ архонтомъ въ сущности нѣтъ, а что царская власть пала окончательно лишь тогда, когда учрежденъ былъ 10-лѣтній архонтатъ. По словамъ Аристотеля, древнѣйшей властью была власть βασιλεύς'а, царя; но такъ какъ нѣкоторые изъ царей, продолжаетъ Аристотель, стали невоинственными, то при нихъ возникла должность *полемарха*. Съ теченіемъ времени (при Медонтѣ или Акастѣ) рядомъ съ царемъ и полемархомъ появляется еще третье лицо—*архонтъ*, и этотъ-то архонтъ, первоначально сановникъ менѣе значительный, постепенно возвышается до положенія первенствующаго лица, становится выше не только полемарха, но и самого царя, простымъ совѣтникомъ котораго онъ сначала былъ, а βασιλεύς изъ монарха превращается во второстепеннаго сановника, второго архонта, завѣдующаго дѣлами, относящимися къ культу. Такое превращеніе слѣдуетъ, вѣроятно, пріурочить къ тому моменту, когда архонты стали избираться на 10 лѣтъ (о 10-лѣтнихъ архонтахъ упоминаетъ и Аристотель). Что же касается ѳесмоѳетовъ, то, и по словамъ Аристотеля, они являются тоже уже тогда, когда архонты стали избираться ежегодно. Архонты „назначались по знатности и богатству“ (τὰς δὲ ἀρχὰς ἵστασαν ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην, гл. 3) ареопагомъ (гл. 8), который уже въ ту пору являлся блюстителемъ законовъ, учрежденіемъ, облеченнымъ обширною властью и правомъ карать всѣхъ нарушителей установленнаго порядка (гл. 3, въ концѣ). Въ составъ ареопага уже въ то время, до Драконта и Солона, входили *бывшіе архонты*. А до сихъ поръ мы были увѣрены, что такой составъ ареопага былъ дѣломъ Солона.

Аристотель рисуетъ знакомую уже намъ изъ Плутарха картину тяжелаго положенія народной массы въ ту эпоху (гл. 2). Бѣдные, говоритъ онъ, находились въ тяжкой кабалѣ у богатыхъ, не только сами, но и ихъ жены и дѣти. Они обрабатывали за шестую долю поля богатыхъ; вся же земля была въ рукахъ немногихъ (ἡ δὲ πᾶσα γῆ δι'ὀλίγων ἦν). Въ случаяхъ неисправности, они лишались свободы, отдавались въ рабство кредиторамъ. Правленіе было олигархическое, и тяжело было большинству не принимать въ немъ никакого участія.

При такихъ-то обстоятельствахъ въ архонтство Аристэхма (къ сожалѣнію, годъ его намъ неизвѣстенъ) Драконтъ издалъ свои законы.

Дѣятельность Драконта, благодаря Аристотелю (гл. 4), является

[1]) „Истор.-филолог. изслѣдованія“. Спб. 1868 (и на нѣм. яз. „Zur Gesch. d. Staatsverfassung von Athen“, 5 Suppl. Band. d. „Jahrb. f. class. Philol.“, 1871).

теперь въ совершенно новомъ свѣтѣ. Мы считали его лишь уголовнымъ законодателемъ (основываясь на „Политикѣ“, p. 1274 b.); теперь онъ представляется намъ реформаторомъ *политическимъ*; объ его уголовныхъ законахъ Аристотель здѣсь ничего не сообщаетъ (онъ упоминаетъ о нихъ мелькомъ лишь въ началѣ 7 гл.). Оказывается, что многія основныя черты послѣдующаго аѳинскаго государственнаго строя ведутъ свое происхожденіе отъ Драконта, хотя Аристотель не его, а Солона называетъ основателемъ аѳинской демократіи. Мы узнаемъ, что Драконтъ предоставилъ участіе въ правленіи всѣмъ тѣмъ, кто могъ отправлять службу въ вооруженіи (ср. съ этимъ ту умѣренную демократію, которая введена была во время пелопоннесской войны, по низверженіи олигархіи четырехсотъ, и о которой такъ сочувственно отзывается Ѳукидидъ, VIII, 97). Они избирали архонтовъ и другихъ должностныхъ лицъ, въ числѣ коихъ у Аристотеля названы *стратеги* и гиппархи, тогда какъ предполагалось, что Клисѳенъ учредилъ должность стратеговъ. Мы узнаемъ, что для должностныхъ лицъ требовался извѣстный имущественный цензъ: для архонта — не менѣе 10 минъ, для стратега и гиппарха — не менѣе 100. Драконтъ учредилъ совѣтъ изъ 401, причемъ члены совѣта избирались по *жребію* и, подобно другимъ властямъ, изъ лицъ, имѣвшихъ отъ роду болѣе 30 лѣтъ. Встрѣчаемъ упоминаніе и о народномъ собраніи, экклесіи, при Драконтѣ. За непосѣщеніе совѣта и собранія, по словамъ Аристотеля, опредѣленъ былъ извѣстный штрафъ, смотря по состоянію гражданина, причемъ упоминаются *пентакосіомедимны*, *всадники* и *зевгиты*. Все это для насъ поразительныя новости: на основаніи Плутарха, учрежденіе совѣта (правда 400, а не 401) мы считали дѣломъ Солона; въ раздѣленіи гражданъ на классы по состоянію мы видѣли одну изъ коренныхъ солоновыхъ реформъ; о жребіи раньше Клисѳена находили возможнымъ говорить лишь немногіе [1]).

Но Драконтъ былъ реформаторомъ только въ области государственнаго устройства, а не въ сферѣ соціально-экономической. Его законы не улучшили положенія массы, не облегчили участи должниковъ; ἐπὶ δὲ τοῖς σώμασιν ἦσαν δεδεμένοι... καὶ ἡ χώρα δι' ὀλίγων ἦν, повторяетъ Аристотель (4 гл. въ концѣ). Отсюда новое броженіе, смуты и возстаніе демоса. Наконецъ, борящіяся партіи сообща избираютъ, къ качествѣ посредника и архонта, Солона (εἵλον κοινῇ διαλλακτὴν καὶ ἄρχοντα Σόλωνα, гл. 5; ср. Plut., „Sol.“, 14).

[1]) Ср. Фюстель де-Куланжъ (Gilbert, Handbuch d. griech. Staatsalt. 1881. Leipz., I, 147); Ѳ. Г. Мищенко, „Опытъ по исторіи раціонализма въ древней Греціи“, Кіевъ, 1881, стр. 159, 160, прим.

Аристотель, видимо, съ сочувствіемъ относится къ Солону. Онъ называетъ его первымъ предстателемъ и вождемъ демоса (гл. 2); отъ него онъ ведетъ начало аѳинской демократіи (гл. 41). Аристотель приводитъ большія выдержки изъ стихотвореній Солона и между этими выдержками есть неизвѣстныя намъ раньше. Въ общемъ, дѣятельность Солона и у Аристотеля носитъ такой же характеръ, какой обыкновенно ей придаютъ. Въ частностяхъ же мы узнаемъ много новаго.

Во-первыхъ, относительно *сисахѳіи*. Существовало до сихъ поръ два мнѣнія: одни, опираясь на Филохора, полагали, что она состояла въ совершенномъ уничтоженіи долговыхъ обязательствъ (Шеманнъ, Гильбертъ); другіе же, полагая, что такая слишкомъ ужъ радикальная мѣра была не въ духѣ Солона, и основываясь на свидѣтельствѣ Андротіона (у Плутарха), видѣли сущность сисахѳіи въ уменьшеніи процентовъ, въ измѣненіи монетной системы, въ запрещеніи обращать въ рабство за долги и т. п. (Германнъ, Курціусъ, Дункеръ, В. В. Латышевъ). Свидѣтельство Аристотеля рѣшаетъ споръ въ пользу перваго мнѣнія. По его словамъ Солонъ не только запретилъ займы подъ залогъ тѣла (употребляя выраженіе источниковъ), но и уничтожилъ долговыя обязательства какъ по отношенію къ частнымъ лицамъ, такъ и по отношенію къ государству, что и называютъ *сисахѳіей* (гл. 6). Что же касается измѣненія монетной системы, то съ точки зрѣнія Аристотеля мѣра эта, повидимому, ничего общаго съ сисахѳіей не имѣетъ: онъ говоритъ о ней отдѣльно, въ другомъ мѣстѣ (гл. 10), наряду съ сообщеніемъ объ измѣненіи мѣры и вѣсовъ; она является у него скорѣе преобразованіемъ, предпринятымъ въ интересахъ коммерческихъ, для облегченія торговыхъ сношеній съ Евбеей и съ мало-азіатскими городами [1]), а не для облегченія положенія должниковъ.

Аристотель говоритъ, что Солонъ раздѣлилъ гражданъ на четыре класса по состоянію. А между тѣмъ, такіе классы мы уже встрѣчали у Аристотеля при описаніи драконтова законодательства. Какъ примирить это противорѣчіе? Кеніонъ полагаетъ, что въ данномъ случаѣ слова Аристотеля нужно понимать въ томъ смыслѣ, что при Солонѣ дѣленіе гражданъ на классы по состоянію приведено было въ тѣсную связь съ самымъ государственнымъ строемъ: сообразно съ этимъ дѣленіемъ распредѣлены были и права гражданъ (стр. 17). Свидѣтельство Аристотеля рѣшаетъ спорный вопросъ относительно того, какой минимумъ дохода опредѣленъ былъ для третьяго класса, зевгитовъ; по Аристотелю, минимальный доходъ тутъ былъ

---

[1]) Kenyon, въ примѣч. къ данному мѣсту.

200 медимновъ, и такимъ образомъ подтверждается показаніе Плутарха (которому слѣдовалъ и Гротъ) и опровергаются соображенія Бека, доказывавшаго, что для зевгитовъ минимумъ дохода равнялся 150 медимнамъ (мнѣніе, принятое и Шеманномъ, Курціусомъ, Дункеромъ).

Какъ извѣстно, вопросъ о времени введенія жребія при избраніи архонтовъ принадлежитъ къ числу наиболѣе спорныхъ: одни приписываютъ введеніе жребія Клисѳену, другіе связываютъ введеніе такого способа избранія съ реформой Аристида или же Эфіальта. Гротъ считалъ тѣсно, неразрывно связанными три мѣры: 1) открытіе доступа къ должностямъ для всѣхъ гражданъ; 2) введеніе жребія; 3) ограниченіе сферы дѣятельности архонтовъ. Эта гипотеза, построенная на основаніи внутренней вѣроятности и, повидимому, столь убѣдительная, оказывается теперь невѣрной, равно какъ невѣрно и то мнѣніе, которое приписываетъ введеніе жребія Клисѳену. Трактатъ Аристотеля самымъ неожиданнымъ образомъ рѣшаетъ этотъ вопросъ. Оказывается (гл. 8), что Солонъ ввелъ сложную или смѣшанную систему выборовъ архонтовъ: каждая изъ тогдашнихъ 4 филъ избирала (голосованіемъ) по 10 лицъ, и уже изъ этихъ 40 кандидатовъ по *жребію* выбиралось 9 архонтовъ. Слѣды такой системы выборовъ Аристотель усматриваетъ въ томъ порядкѣ, который существовалъ еще и въ его время: каждая изъ 10 филъ избирала по *жребію* по 10 кандидатовъ, и изъ нихъ—тоже по *жребію*—выбирались уже архонты.

Аристотель упоминаетъ объ учрежденіи Солономъ совѣта 400, но ему, повидимому, ничего неизвѣстно о коренной реформѣ ареопага; напротивъ, онъ говоритъ, что ареопагъ и Солономъ поставленъ былъ блюстителемъ законовъ, *каковымъ онъ былъ и прежде*, что онъ облеченъ былъ правомъ высшаго надзора, суда и т. п. (гл. 8). Между тѣмъ, по общепринятому взгляду, именно Солонъ преобразовалъ ареопагъ, въ составъ котораго стали теперь вступать бывшіе архонты, а Филиппи, авторъ извѣстной монографіи: „Der Areopag und die Epheten“, выражался даже такъ, что „ареопагъ былъ созданъ вновь Солономъ“ [1]).

По свидѣтельству Аристотеля, уже при Солонѣ существовалъ народный судъ, τὸ δικαστήριον. Отмѣчая демократическія начала солоновыхъ установленій, Аристотель указываетъ между прочимъ на право аппелляціи въ „дикастерій“, „что, какъ говорятъ, больше всего способствовало усиленію демоса“: κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου κύριος γίνεται τῆς πολιτείας. Увеличенію значенія и вліянія народнаго

¹) „Der Areopag und die Epheten“. Berlin, 1874, стр. 200 сл.

суда много содѣйствовала неясность самыхъ законовъ (гл. 9; ср. Plut., Sol., 18).

Вскорѣ снова вспыхнула борьба. Она велась изъ-за архонтата, говоритъ Аристотель, и въ этомъ онъ видитъ доказательство большого значенія должности архонта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ тутъ же даетъ понять, что причины борьбы были болѣе глубокія—недовольство реформами Солона. Одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ этой борьбы —архонтство Дамасія, который, вопреки закону, занималъ должность болѣе 2 лѣтъ и лишился ея, уступивъ только силѣ, и послѣдовавшее затѣмъ соглашеніе между тремя партіями, вслѣдствіе котораго было избрано *десять* архонтовъ: 5 — изъ евпатридовъ, 3 — изъ геоморовъ (ἄποικοι или, по Кеніону, ἄγροικοι) и 2—изъ деміурговъ. Эпизодъ этотъ намъ извѣстенъ былъ уже изъ фрагментовъ, такъ-наз. берлинскаго папируса; но, во-первыхъ, сдѣланная въ изданіяхъ этихъ фрагментовъ вставка относительно числа архонтовъ (4 архонта изъ евпатридовъ) оказывается невѣрною; а, во-вторыхъ, не знали, къ какому времени отнести архонтство Дамасія — къ 683 г., или же къ 639/8, или, наконецъ, къ 586/5? Теперь, благодаря трактату Аристотеля, мы знаемъ навѣрное, что архонтство Дамасія не предшествовало, а слѣдовало за законодательствомъ Солона [1]), причемъ изъ словъ Аристотеля выходитъ, что Дамасій былъ архонтомъ не въ 586/5 г., а въ 582/1 (впрочемъ, текстъ въ данномъ мѣстѣ не совсѣмъ исправенъ).

Не будемъ подробно останавливаться на содержаніи тѣхъ главъ трактата Аристотеля, въ которыхъ рѣчь идетъ о борьбѣ педіеевъ, параліевъ и діакріевъ, о тираннiи Писистрата и его сыновей, такъ какъ тутъ сравнительно мало новаго. Замѣтимъ лишь, что Аристотель, подобно Геродоту, характеризуетъ Писистрата какъ благоразумнаго, умѣреннаго и гуманнаго правителя (διῴκει... τὴν πόλιν μετρίως καὶ μᾶλλον πολιτικῶς ἢ τυραννικῶς, гл. 16), при которомъ счастливо жилось народу (διὸ καὶ πολλάκις παρῳμιάζετο ὡς ἡ Πεισιστράτου τυραννὶς ὁ ἐπὶ Κρόνου βίος εἴη, гл. 16). Мы знали, что Писистратъ, будучи тиранномъ въ Аѳинахъ, владѣлъ серебряными рудниками на берегу Стримона. Послѣднее обстоятельство для насъ теперь выясняется, такъ какъ отъ Аристотеля мы узнаемъ, что во время своего второго

[1]) Такимъ образомъ, опровергается и гипотеза Гольцапфеля, силившагося доказать, что общепринятая дата солонова законодательства—594 г.—ни на чемъ не основана, что смуты, вызванныя Дамасіемъ (архонтство котораго онъ относитъ къ 586/5 г.), предшествовали этому законодательству и явились, такъ сказать, поводомъ къ нему, и что солоново законодательство слѣдуетъ отнести къ 584/3 или 583/2 г. Holzapfel, „Beiträge zur griech. Geschichte". Berlin. 1888, стр. 1 сл.

изгнанія Писистратъ жилъ у Ѳермейскаго залива и у Пангея, а оттуда уже отправился въ Эретрію (гл. 15).

Въ главахъ о клисѳеновыхъ реформахъ мы находимъ много новаго. Прежде всего, мы узнаемъ время главной реформы Клисѳена— учрежденія новыхъ 10 филъ. Эту реформу Аристотель относитъ къ году архонтства Исагора, т.-е. къ 508 г., между тѣмъ какъ прежде, за отсутствіемъ прямыхъ указаній, приходилось на этотъ счетъ лишь дѣлать предположенія, и напр., Курціусъ склонялся къ мысли, что новыя филы учреждены были Клисѳеномъ непосредственно вслѣдъ за паденіемъ тиранніи, раньше изгнанія Клеомена и полнаго торжества надъ Исагоромъ. По словамъ Аристотеля, Клеоменъ установилъ 10, а не 12 филъ съ тою цѣлью, чтобы избѣжать ихъ совпаденія съ прежними триттіями. Эти прежнія триттіи были теперь уничтожены. Въ замѣнъ ихъ введены были новыя 30 триттій, которыя по жребію распредѣлены были между 10 филами такимъ образомъ, что каждая фила состояла изъ 3 триттій, изъ коихъ одна находилась въ мѣстности педіеевъ, другая—по берегу (паралія), третья —въ мѣстности діакріевъ. Затѣмъ уже слѣдовало дѣленіе на демы. Дотолѣ существовавшія навкраріи были отмѣнены, а мѣсто навкраровъ заняли демархи.

Клисѳену обыкновенно приписываютъ учрежденіе должности стратеговъ. Но мы уже видѣли, что Аристотель называетъ стратеговъ, говоря о времени Драконта. Увеличеніе же числа стратеговъ до 10, по одному отъ каждой филы, онъ относитъ ко времени послѣ клисѳеновой реформы и замѣчаетъ при этомъ, что начальникомъ всего войска былъ полемархъ (гл. 22). Многіе приписываютъ Клисѳену введеніе жребія. Но и это совершенно противорѣчитъ тому, чтó говоритъ Аристотель: жребій, какъ мы видѣли, существовалъ еще при Драконтѣ (для членовъ совѣта 401); Солонъ ввелъ смѣшанную систему выборовъ, и такая система, по словамъ Аристотеля, возстановлена была въ архонтство Телесина, т.-е. въ 487 г., притомъ такимъ образомъ, что демоты (sic) избирали 500 кандидатовъ (по Кеніону, тутъ ошибка: вѣроятно, не 500, а 100), изъ коихъ—уже по *жребію*—выбирались архонты „по филамъ“ (κατὰ φυλάς); „прежніе же всѣ архонты“, вставляетъ при этомъ Аристотель, „были выборные“ (посредствомъ голосованья). Чтобы примирить это съ тѣмъ, что раньше имъ самимъ говорилось о способѣ избранія архонтовъ при Солонѣ, остается предположить, какъ дѣлаетъ это Кеніонъ, что со временъ тиранніи введенная Солономъ смѣшанная система замѣнена была простымъ избраніемъ посредствомъ голосованья, чтó такъ было и при Клисѳенѣ и что только послѣ уже Мараѳонской битвы аѳиняне снова возвратились къ смѣшанной системѣ, подобной солоновой.

Зато введеніе остракизма Аристотель приписываетъ Клисѳену (гл. 22). По его словамъ, законъ этотъ имѣлъ въ виду родственниковъ и сторонниковъ тиранновъ; но впервые примѣненъ онъ былъ лишь черезъ два года послѣ Мараѳонской битвы, когда подвергся остракизму Гиппархъ, сынъ Харма. До тѣхъ же поръ, замѣчаетъ Аристотель, аѳиняне не мѣшали друзьямъ тиранновъ жить въ городѣ, по свойственной демосу мягкости, χρώμενοι τῇ εἰωθυίᾳ τοῦ δήμου πραότητι,—замѣчаніе тѣмъ болѣе интересное, что Аристотеля нельзя заподозривать въ излишнемъ сочувствіи къ демократіи.

Говоря о лицахъ, подвергшихся остракизму, Аристотель тутъ же, держась хронологическаго порядка, сообщаетъ о предложеніи Ѳемистокла касательно постройки флота.

Извѣстно, въ какомъ подчасъ невыгодномъ свѣтѣ изображается Ѳемистоклъ у Геродота. Пытались объяснить это тѣмъ, что Геродотъ черпалъ свои свѣдѣнія относительно Ѳемистокла у лицъ, ему враждебныхъ, напр., у Алкмеонидовъ. То, что передаетъ о Ѳемистоклѣ Аристотель, вполнѣ совпадаетъ съ геродотовой характеристикой; у Аристотеля Ѳемистоклъ является двуличнымъ интриганомъ. О томъ вліяніи, какое должна была оказать его дѣятельность на внутреннее развитіе аѳинскаго государства, о связи между заведеніемъ флота и усиленіемъ демократіи, Аристотель ни слова не говоритъ.

Зато онъ придаетъ громадное значеніе Аристиду въ дѣлѣ развитія аѳинской демократіи. Мы привыкли оттѣнять контрастъ между Ѳемистокломъ и Аристидомъ; мы привыкли видѣть въ нихъ представителей двухъ различныхъ направленій—прогрессивнаго и консервативнаго. Борьба между ними, говоритъ, напр., Курціусъ, была борьбой двухъ противоположныхъ принциповъ, борьбой старыхъ и новыхъ Аѳинъ, партіи консервативной и партіи прогресса [1]). И что же? У Аристотеля Аристидъ является однимъ изъ главныхъ виновниковъ непомѣрнаго роста демократіи и паденія ареопага (гл. 23—24); по его выраженію, то, что Аристидъ началъ, Эфіальтъ довершилъ (гл. 41). По Аристотелю, именно Аристидъ привлекъ населеніе въ городъ, побудилъ его оставить поля; онъ же ввелъ тотъ порядокъ, что болѣе 20000 человѣкъ стали получать содержаніе отъ государства. При немъ же усилилась и власть аѳинянъ надъ союзниками (гл. 24). Тутъ кстати замѣтимъ, что отъ Аристотеля мы узнаемъ, въ какомъ году образовался делосско-аттическій союзъ,—именно въ 478 г. („на третій годъ послѣ Саламинской битвы, въ архонтство Тимосѳена", гл. 23). Зато Аристотель совсѣмъ не говоритъ о законѣ, приписываемомъ

---

[1]) „Griechische Geschichte". Berlin. II, 36 (5-te Aufl. 1879).

обыкновенно Аристиду и открывшемъ будто бы доступъ къ архонтату всѣмъ гражданамъ, безъ различія состоянія. Напротивъ, далѣе (гл. 26) онъ сообщаетъ, что лишь на шестой годъ по смерти Эфіальта, именно въ 457 г., въ первый разъ избранъ былъ архонтъ изъ зевгитовъ (Мнесиѳеидъ), тогда какъ до тѣхъ поръ архонты избирались только изъ пентакосіомедимновъ и всадниковъ, а зевгиты могли занимать лишь низшія должности. На основаніи словъ Аристотеля въ концѣ 7-й главы можно думать, что вообще такого закона, который бы открывалъ доступъ къ архонтству всѣмъ гражданамъ, и не было въ Аѳинахъ, что если архонтами и являлись лица не изъ высшихъ 2 классовъ, то это объясняется только тѣмъ, что на практикѣ законъ обходили (ср. гл. 47, относильно казначеевъ богини Аѳины).

Уже изъ „Политики" (p. 1304 a) мы знали, какъ во время борьбы съ персами возвысился авторитетъ ареопага, проявившаго тогда энергію и патріотизмъ, оказавшагося вполнѣ на высотѣ своего положенія. И въ лежащемъ предъ нами трактатѣ Аристотель подтверждаетъ это. Тѣ 17 лѣтъ, которыя, по его словамъ, протекли отъ отраженія персовъ до реформы Эфіальта, онъ называетъ временемъ господства ареопага. Эфіальтову реформу онъ относитъ не къ 460 г., а къ архонтству Конона, т.-е. къ 462 г. Отзывъ Аристотеля объ Эфіальтѣ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что мы уже знали объ этомъ дѣятелѣ. О самой сущности преобразованія ареопага Аристотель говоритъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ, именно, что у ареопага отняты были всѣ тѣ права, въ силу которыхъ онъ являлся стражемъ государственнаго строя, и что права эти перешли къ совѣту пятисотъ, частью къ демосу (т.-е. къ экклесіи) и дикастеріямъ (гл. 25). Но при этомъ онъ сообщаетъ подробности объ участіи Ѳемистокла въ преобразованіи ареопага. Именно онъ разсказываетъ слѣдующее (гл. 25). Ѳемистоклу, который былъ однимъ изъ ареопагитовъ, грозилъ судъ по обвиненію его въ сочувствіи персамъ (μηδισμός). Тогда, желая уничтожить ареопагъ и тѣмъ избѣгнуть суда, онъ сталъ увѣрять Эфіальта, что ареопагиты хотятъ его схватить, а ареопагитамъ сказалъ, что онъ укажетъ имъ заговорщиковъ, которые замышляютъ государственный переворотъ. Взявъ съ собой членовъ ареопага, онъ привелъ ихъ къ дому Эфіальта, какъ бы съ цѣлью показать имъ собравшихся тамъ заговорщиковъ, и дѣлалъ видъ, что горячо разсуждаетъ съ своими спутниками. Видя это и будучи увѣренъ, что ареопагиты явились съ тѣмъ, чтобы его схватить, какъ предостерегалъ Ѳемистоклъ, испуганный Эфіальтъ бросился искать спасенія у жертвенника, а потомъ въ совѣтъ 500, и въ народномъ собраніи онъ вмѣстѣ съ Ѳемистокломъ выступилъ съ обвиненіями про-

тивъ ареопага. Таковы были, по словамъ Аристотеля, ближайшіе поводы, ускорившіе паденіе ареопага [1]).

Разсказъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ Ѳемистокла (если только это не вымышленный анекдотъ) переворачиваетъ всѣ наши хронологическія опредѣленія, построенныя съ такимъ трудомъ, такъ какъ извѣстно, насколько и безъ того сбивчива хронологія, касающаяся періода отъ Платейской битвы и до начала пелопоннесской войны. Вѣдь мы полагали, что еще въ 471—470 г. Ѳемистоклъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ, что въ 467 г., послѣ процесса Павсанія, онъ бѣжалъ изъ Аргоса; мы имѣемъ свидѣтельство Ѳукидида (I, 137), что Ѳемистоклъ, на пути въ Персію, очутился было у береговъ Наксоса въ то время, когда тотъ осаждаемъ былъ аѳинянами, а эту осаду мы относили къ 467 или 466 г. И вдругъ теперь мы читаемъ, что Ѳемистоклъ участвовалъ въ преобразованіи ареопага и что, значитъ, въ 462 г. онъ былъ еще въ Аѳинахъ!

Сообщая о реформѣ ареопага, Аристотель не упоминаетъ о Кимонѣ. Онъ говоритъ, что послѣ того государственный порядокъ былъ расшатанъ; демагоги выступали смѣло, а аристократы въ то время не имѣли вождя. Во главѣ ихъ стоялъ Кимонъ, но онъ былъ сравнительно молодъ и поздно обратился къ политической дѣятельности. Къ тому же, по словамъ Аристотеля, и внѣшнія войны способствовали вырожденію умѣренной демократіи: онѣ уносили цвѣтъ населенія, лучшую и болѣе состоятельную часть его. Тогда-то впервые стали избирать архонтовъ и изъ зевгитовъ. Не говорится у Аристотеля и объ участіи Кимона въ организаціи делосско-аттическаго союза. Очевидно, по Аристотелю, дѣятельность Кимона слѣдуетъ отнести къ болѣе позднему періоду, нежели принято.

То же нужно сказать и о дѣятельности Перикла.

Аристотель о немъ говоритъ сравнительно мало. Дѣятель, котораго Ѳукидидъ окружилъ такимъ ореоломъ и съ именемъ котораго у насъ связывается представленіе о полномъ разцвѣтѣ аѳинской демократіи, у Аристотеля является довольно блѣдною личностью. Раздѣляя далѣе исторію аѳинскаго государственнаго строя на періоды (гл. 41), Аристотель не только не выдѣляетъ времени Перикла, какъ особую эпоху, но, называя тутъ Аристида и Эфіальта, не называетъ вовсе

---

[1]) Ср. съ этимъ неясный намекъ: Ἐφιάλτης. οὗτος ὑβρισθεὶς ἑαυτὸν τῆς βουλῆς ἀπεστέρησε, καταχρίνας αὐτήν (*Bekker*, „Anecdota graeca". Berol. 1814, I, 188) Теперь намъ понятно, почему въ „Hypoth." къ *Jsocrat.*, Areopag. (*Didot*, „Oratores attici", II, 484) говорится объ участіи Ѳемистокла въ пребразованіи ареопага (изъ-за личныхъ мотивовъ). Обыкновенно полагали, что тутъ Ѳемистоклъ названъ по ошибкѣ, вмѣсто Перикла. См. *В. П. Бузескулъ*, „Периклъ". Харьковъ 1889, стр, 106—7, прим.

Перикла. Вообще онъ отзывается о немъ крайне сдержанно. Повидимому, онъ признаетъ, что при Периклѣ состояніе государства было хорошо и только послѣ его смерти наступила перемѣна къ худшему. Но ясно, что Аристотель не сочувствуетъ развитію морскихъ силъ и дальнѣйшему усиленію демократическихъ началъ, которымъ характеризуется управленіе Перикла.

Объ участіи Перикла въ переворотѣ, совершенномъ Эфіальтомъ, Аристотель не говоритъ [1]). Онъ лишь замѣчаетъ (гл. 27), что Периклъ отнялъ нѣкоторыя права у ареопага; но это можно понимать такъ, что при Периклѣ, уже послѣ эфіальтовой реформы, сфера власти и вліянія ареопага еще болѣе были съужены (см. *Kenyon*, примѣч. къ данному мѣсту). Но зато Ἀθηναίων Πολιτεία повторяетъ слова „Политики", что первый Периклъ установилъ плату за участіе въ судѣ; сдѣлалъ онъ это, говоритъ Аристотель, по совѣту Дамонида въ виду соперничества съ богатымъ и щедрымъ Кимономъ. Вслѣдствіе введенія платы судъ сталъ хуже, судьями являлись теперь не лучшіе граждане, а кто попало, говоритъ Аристотель (гл. 27). Впослѣдствіи, съ конца V в., стали пускаться въ ходъ и подкупы.

Периклу приписываютъ введеніе θεωρικόν'а, въ сущности не столько на основаніи показаній источниковъ, довольно шаткихъ [2]), сколько на основаніи внутренней вѣроятности. Теперь это оказывается невѣрнымъ. Аристотель прямо говоритъ (гл. 28), что Клеофонтъ первый ввелъ *діоболію*, т.-е. θεωρικόν, въ размѣрѣ 2 оболовъ, а что Калликратъ увеличилъ эту плату до 3 оболовъ. Что касается введенія платы за посѣщеніе народнаго собранія, то уже раньше не разъ высказывалось мнѣніе, что нѣтъ основаній приписывать эту мѣру Периклу. Особенно убѣдительно доказалъ это Würz, и его мнѣніе было принято почти всѣми [3]). Указывали на Агиррія, какъ на того демагога, который, вѣроятно, первый ввелъ плату за посѣщеніе народнаго собранія. Все это теперь вполнѣ подтверждается категорическимъ свидѣтельствомъ Аристотеля. Еще одинъ спорный вопросъ; это—о перикловомъ законѣ, о которомъ сообщаетъ Плутархъ и въ силу котораго гражданиномъ

---

[1]) Въ „Polit.", p. 1274: καὶ τὴν μὲν ἐν Ἀρείῳ πάγῳ βουλὴν Ἐφιάλτης ἐκόλουσε καὶ Περικλῆς; послѣднія два слова *Онкенъ* („Athen und Hellas". Leipz. 1865, I, 161, n. 3) принимаетъ за глоссу. Противорѣчія между „Политикой" и разсматриваемымъ трактатомъ Аристотеля въ данномъ случаѣ можетъ и не быть: и въ этомъ трактатѣ Аристотель признаетъ, что Периклъ τῶν Ἀρεοπαγιτῶν ἔνια παρείλετο, что однако, какъ сказано въ текстѣ статьи, относится, вѣроятно, къ времени ужъ послѣ Эфіальта. На первый планъ въ дѣлѣ реформы ареопага выдвигаютъ Эфіальта *Онкенъ*, *Мюллеръ-Штрюбингъ* и въ особенности *Дункеръ*.

[2]) См. „Периклъ", стр. 224.

[3]) См. „Периклъ", стр. 223—4.

признавался лишь тотъ, кто происходилъ отъ аѳинянина и аѳинянки. Многіе находили свидѣтельство Плутарха неточнымъ; предполагали, что Периклъ лишь возобновилъ прежній, пришедшій было въ забвеніе законъ или же произвелъ только провѣрку списка гражданъ (διαψήφισις). Но Аристотель тоже говоритъ, что по предложенію Перикла „въ виду многочисленности гражданъ“ постановлено было, что право гражданства принадлежитъ лишь тѣмъ, кто происходитъ отъ аѳинянина и аѳинянки (гл. 26). Онъ называетъ даже того архонта, при которомъ изданъ былъ такой законъ (451 г.).

По смерти Перикла начинается, и по Аристотелю, господство демагоговъ (гл. 28). Аристотель относится къ нимъ съ явнымъ несочувствіемъ. Характеристика у него Клеона,—правда, очень краткая,—въ сущности та же, что́ и у Ѳукидида; его отзывъ о вождяхъ демоса, выступившихъ послѣ Перикла, напоминаетъ отзывъ Ѳукидида (II, 65). Зато, какъ мы знаемъ уже и изъ Плутарха („Nic.“, 2), Аристотель высоко ставитъ Никія, Ѳукидида Алопекскаго и Ѳерамена. Онъ защищаетъ послѣдняго отъ взводимыхъ на него обвиненій: по его словамъ, Ѳераменъ не ниспровергалъ всѣ существовавшія въ его время формы правленія, а старался привести ихъ къ тому, чтобы не преступались законы.

Объ олигархіи четырехсотъ (411 г.) Аристотель говоритъ чрезвычайно подробно, да и вообще его изложеніе тамъ, гдѣ онъ касается послѣднихъ годовъ V стол., отличается подробностью. Для этого періода мы имѣемъ Ѳукидида и Ксенофонта. Благодаря этому, является возможность сличить свидѣтельства Аристотеля съ свидѣтельствами названныхъ историковъ, сдѣлать сравнительную ихъ оцѣнку, а это въ свою очередь дастъ хотя нѣкоторую возможность заключать о степени точности и достовѣрности Аристотеля и по отношенію къ тому періоду, для котораго онъ является главнымъ или даже единственнымъ источникомъ. Но здѣсь мы не имѣемъ возможности останавливаться на этомъ, равно какъ и на довольно запутанномъ и сбивчивомъ, хотя и очень подробномъ разсказѣ Аристотеля о задуманной олигархами организаціи (411 г.). Упомянемъ лишь, что сочувственный отзывъ Аристотеля объ умѣренной демократіи, установленной по низверженіи четырехсотъ, совпадаетъ съ извѣстнымъ отзывомъ Ѳукидида (VIII, 97).—О гибели Ѳерамена Аристотель разсказываетъ иначе, нежели Ксенофонтъ: у него нѣтъ ни слова о той эффектной, драматической сценѣ, которая описывается у Ксенофонта.

Благодаря Аристотелю, мы узнаемъ, что учрежденная по низложеніи тридцати коллегія десяти въ свою очередь была низложена, такъ какъ оказалась слишкомъ преданною олигархамъ и не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ; она замѣнена была новою кол-

легіею тоже изъ десяти лицъ, и эта-то послѣдняя, съ Риномомъ во главѣ, успѣла наконецъ устроить примиреніе съ демократами. Объ условіяхъ этого примиренія и объ амнистіи у Аристотеля говорится обстоятельно. Онъ привѣтствуетъ гуманность и благородство вождей демократіи, съумѣвшихъ предать забвенію прошлое: ἅμα δοκοῦσιν κάλλιστα δὴ καὶ πολιτικώτατα ἁπάντων καὶ ἰδίᾳ καὶ κοινῇ χρήσασθαι ταῖς προγεγενημέναις συμφοραῖς (гл. 40). Уплочены были даже лакедемонянамъ деньги, занятыя у нихъ тридцатью на войну.

Возстановленіемъ демократіи въ 403 г. заканчивается первая часть трактата—собственно историческій очеркъ, въ заключеніе коего Аристотель отмѣчаетъ слѣдующіе періоды въ исторіи внутренняго строя Аѳинъ (гл. 41): 1) незначительное измѣненіе монархическаго строя при Тезеѣ; 2) законодательство Драконта; 3) Солонъ и начало демократіи; 4) тираннія Писистрата; 5) реформы Клисѳена въ болѣе демократическомъ духѣ; 6) періодъ послѣ отраженія персовъ—главенство ареопага; 7) реформы Аристида и Эфіальта, паденіе ареопага, господство демагоговъ и развитіе морскихъ силъ Аѳинъ (все это—въ одинъ періодъ, и о Периклѣ совсѣмъ не упомянуто); 8) олигархія четырехсотъ; 9) возстановленіе демократіи; 10) тираннія тридцати и десяти; 11) окончательное возстановленіе демократіи.

Вторая часть трактата представляетъ изъ себя описаніе самаго строя Аѳинъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ IV в., при Аристотелѣ. Тутъ подробнѣйшимъ образомъ говорится объ учрежденіяхъ и должностныхъ лицахъ, ихъ компетенціи, способѣ избранія и т. д. Отсюда-то главнымъ образомъ черпали матеріалъ лексикографы, Гарпократіонъ и Поллуксъ, и благодаря этому многое во второй части аристотелева трактата (по крайней мѣрѣ, самое существенное) представляется намъ уже извѣстнымъ. Но все-таки и эта часть важна: то, чтò у лексикографовъ является въ видѣ разрозненныхъ замѣчаній, отрывковъ, здѣсь находится въ связномъ изложеніи; да притомъ и тутъ въ деталяхъ мы узнаемъ и новое. Мы узнаемъ, напр., что было время, когда совѣтъ пользовался большими правами по части суда и наказаній; что должностныя лица въ Аѳинахъ, въ томъ числѣ и архонты, получали содержаніе (каждый архонтъ—по 4 обола въ день); свидѣтельство Аристотеля рѣшаетъ спорный вопросъ о времени избранія стратеговъ и объ отношеніи ихъ къ филамъ: сначала стратеги избирались по одному отъ каждой филы, а впослѣдствіи изъ всѣхъ и т. д.

Мы уже отчасти касались политическихъ взглядовъ Аристотеля, насколько они выражаются въ разсматриваемомъ трактатѣ. Аристотель далеко не былъ сторонникомъ неограниченной демократіи. Онъ сочувствовалъ Солону, даже Никію и Ѳерамену, но не сочувствовалъ Аристиду и Периклу, не говоря уже о послѣдующихъ демагогахъ.

Тѣмъ не менѣе Аристотель, какъ мы видѣли, не скрываетъ и свѣтлыхъ моментовъ въ исторіи аѳинской демократіи. Вспомнимъ его отзывы о „мягкости демоса“, о поведеніи возстановителей демократіи въ 403 г.; его отзывъ объ Эфіальтѣ и т. д.

Спрашивается: какими источниками пользовался Аристотель при составленіи своего трактата? Отвѣтить на этотъ вопросъ въ настоящее время, конечно, трудно. У Аристотеля есть ссылки на Геродота; очевидно, онъ пользовался и Ѳукидидомъ, и Ксенофонтомъ; пользовался онъ и стихотвореніями Солона, и народными постановленіями, и надписями на памятникахъ; отъ современныхъ ему порядковъ и обычаевъ дѣлалъ заключенія по отношенію ко временамъ болѣе отдаленнымъ и т. д.

Что касается степени достовѣрности свидѣтельствъ Аристотеля, то и тутъ нельзя еще ничего сказать опредѣленнаго. Конечно, какъ ни ослѣпляетъ насъ тотъ свѣтъ, который проливаетъ онъ на внутреннюю исторію Аѳинъ, нельзя однако поддаваться первому впечатлѣнію; необходимо и къ нему отнестись критически; врядъ ли можно игнорировать свидѣтельства и другихъ источниковъ, особенно такихъ, какъ Ѳукидидъ и Ксенофонтъ. Тутъ нужна строгая и тщательная провѣрка, и, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ прійдется отдать предпочтеніе прежнимъ нашимъ источникамъ. И теперь же, при первомъ взглядѣ, у Аристотеля можно отмѣтить противорѣчія и неточности. Какъ на примѣръ послѣднихъ укажу на его соображеніе относительно процесса полководцевъ-побѣдителей при Аргинусскихъ островахъ (гл. 34): извѣстно, что не всѣ 10 полководцевъ были преданы суду, какъ это утверждаетъ Аристотель.

Трудно оцѣнить всю важность новооткрытаго источника. Правда, общее направленіе, такъ сказать, тенденція внутренней исторіи Аѳинъ представляется намъ и теперь тою же, что́ и раньше, когда мы не знали трактата Аристотеля; но на самый ходъ событій, на отдѣльные моменты развитія аѳинской демократіи, на детали этотъ трактатъ проливаетъ новый, подчасъ неожиданный, поразительный свѣтъ. Во многихъ отношеніяхъ онъ опровергаетъ то, что было общепризнаннымъ, что казалось несомнѣннымъ и прочно установленнымъ, на сторонѣ чего были вѣроятность и внутреннее правдоподобіе. По вѣрному замѣчанію Diels'а [1]), приходится и здѣсь убѣдиться въ справедливости словъ самого же Аристотеля, что „правдоподобное не всегда есть истинное“. Многія остроумныя гипотезы, воздвигавшіяся подчасъ съ такимъ трудомъ, теперь падаютъ; многое прежде неясное или совсѣмъ

[1]) „Deutsche Litteraturzeitung“, 1891, № 7.

неизвѣстное теперь должно уясниться для насъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ открывается и новое поле для изслѣдованій, для догадокъ и соображеній; возникаютъ новыя проблемы... Словомъ, исторію аѳинской демократіи приходится теперь во многомъ передѣлывать, и въ такой передѣлкѣ нуждаются не только спеціальные, крупные труды, но даже и гимназическіе учебники... [1]).

---

[1]) О томъ же предметѣ см. *А. Н. Деревицкій*. О новомъ трактатѣ Аристотеля и его значеніе для исторіи аѳинской демократіи. Харьковъ. 1891— Статья была уже сверстана, когда авторъ доставилъ одну поправку и одно дополненіе. Именно: на стр. 224 (стр. 7 и слѣд. св.) вмѣсто: „не есть ли.... Стагирита", нужно читать: „дошедшая до насъ рукопись трактата не представляетъ ли текстъ, мѣстами подвергшійся урѣзкамъ, и посторроннимъ вставкамъ?" На стр. 233 къ 2 строкѣ сверху слѣдуетъ отнести примѣчаніе: „*Holm* во II томѣ Griech. Gesch. (Berlin. 1889) высказываетъ взглядъ на Аристида, близко подходящій къ тому, что мы узнаемъ теперь отъ Аристотеля: по Гольму, мнѣніе, будто Ѳемистоклъ—демократъ, а Аристидъ—аристократъ, есть вымыселъ; на самомъ дѣлѣ Аристидъ—демократъ, завершитель, начатой Клисѳеномъ демократизаціи Аѳинъ (стр. 42—43). Замѣтимъ еще, что о новомъ трактатѣ Аристотеля есть брошюра казанск. проф. *Бѣляева*, и что переводъ самаго трактата долженъ въ скоромъ времени появиться въ Журн. Мин. Нар. Просв.

Обзоръ литературы по русской исторіи за 1888 и 1889 годы.

А. И. Браудо.

То, что настоящій обзоръ начинается не ближайшимъ къ намъ 1890, а 1888—89 гг. объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не предназначался для русскихъ читателей, и что пишущій эти строки, взявъ на себя веденіе обзоровъ литературы русской исторіи въ Ежегодникѣ берлинскаго Историческаго Общества (Jahresberichte der Geschichtswissenschaft), началъ ихъ, по предложенію редакціи, именно 1888—89 гг. Этимъ-же обстоятельствомъ объясняется и характеръ обзора: желая дать нѣмецкимъ читателямъ, которымъ часто неизвѣстны и самые общіе факты русской исторіи, понятіе о томъ, что дѣлается у насъ для разработки ея, мы не могли вдаваться въ подробности, такъ какъ онѣ въ данномъ случаѣ оказались-бы совершенно безполезными. Насколько это было возможно, мы въ этомъ отношеніи подвергли обзоръ нѣкоторой переработкѣ. Вслѣдствіе того-же обстоятельства въ обзорѣ не разсмотрѣны произведенія провинціальной исторической литературы (извѣстія и труды архивныхъ коммисій и др.) и иностранныя сочиненія о Россіи. По превращеніи такихъ обзоровъ въ „годичные“ явится возможность ввести въ нихъ, не увеличивая объема, и то и другое. Въ обзоръ, вошли только болѣе обширныя работы; почему на него отнюдь не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на библіографическій; но и тутъ, конечно, найдется не мало пробѣловъ. Что касается рецензій, то мы приводили только наиболѣе интересныя; онѣ поставлены вездѣ въ скобкахъ послѣ названія сочиненія, къ которому относятся. Упомянувъ о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ общаго содержанія и выдѣливъ литературу исторіи южной и западной Россіи, мы остальной матеріалъ расположили на слѣд. группы: 1) время до 16-го вѣка, 2) 16 и

17 вв., 3) 18 в., и 4) 19 в. Выдержать однако строго хронологическій порядокъ намъ казалось невозможнымъ. Да и вообще по отношенію къ группировкѣ матеріала въ этомъ обзорѣ, какъ въ первомъ опытѣ, окажется не мало промаховъ.

I. Сочиненія общаго содержанія.

Приступая къ обозрѣнію литературы русской исторіи, мы прежде всего должны констатировать, не разъ уже впрочемъ замѣченное, почти полное отсутствіе сочиненій общаго характера, которыя обнимали бы если и не всю русскую исторію, то по крайней мѣрѣ отдѣльные ея періоды. За отсутствіемъ такихъ сочиненій мы укажемъ прежде всего на нѣкоторыя работы, заключающія въ себѣ общіе взгляды на характеръ русской исторіи, на отношеніе ея къ исторіи славянъ вообще и т. п. Сюда относится прежде всего не новая, какъ извѣстно, книга Н. Данилевскаго [1]), въ которой авторъ главнымъ образомъ проводитъ мысль не только о возможности, но и о необходимости новой совершенно особой славянской культуры. Взгляды Данилевскаго, которые нашли поддержку со стороны Н. Страхова и К. Бестужева-Рюмина [2]), вызвали возраженія Вл. Соловьева [3]—[6]), который въ цѣломъ рядѣ работъ даетъ намъ критику славянофильскихъ тенденцій; разбирая подробно извѣстную записку К. Аксакова о внутреннемъ состояніи Россіи, Соловьевъ старается опровергнуть то мнѣніе, что русскій народъ не государственный народъ, что онъ не стремился никогда къ государственной власти, и не желалъ для себя политическихъ правъ; далѣе онъ указываетъ на то, что бóльшую часть своихъ идей русскіе націоналисты заимствовали у Жозефъ-де-Местра; въ другой работѣ Соловьевъ доказываетъ, что реформа Петра имѣла глубоко-христіанскій характеръ, такъ какъ была основана на нравственномъ религіозномъ актѣ національнаго самоосужденія; особая статья посвящена критикѣ взглядовъ, проводившихся Данилевскимъ и полемикѣ съ Н. Страховымъ [7]—[9]). Интересный обзоръ процесса европеизаціи Россіи мы находимъ въ вышедшемъ на нѣм. яз. сочинени

---

[1]) Н. Данилевскій, Россія и Европа 3-е изданіе съ предисловіемъ Н. Страхова. Спб. 1888, XXXVIII+557. 3 р.—[2]) К. Бестужевъ-Рюминъ, Теорія культурно-историческихъ типовъ. Р. В. 1888, 5, 210—270. —[3]) В. Соловьевъ, Россія и Европа. В. Е. 1888, 2, 4.—[4]) В. Соловьевъ, Очерки изъ исторіи Русскаго сознанія.—[5]) В. Соловьевъ, О грѣхахъ и болѣзняхъ. В. Е. 1889, 1, 356—375.—[6]) В. Соловьевъ, Письмо въ редакцію. В. Е. 1889, 3, 431—432.—[7]) Н. Страховъ, Наша культура и всемірное единство. Р. В. 1888, 6, 200—256.—[8]) Н. Страховъ, Послѣдній отвѣтъ В. Соловьеву. Р. В. 1889, 2, 200—212.—[9]) Н. Страховъ, Споръ изъ за книгъ Н. Данилевскаго. Р. В. 1889, 12.

Брикнера [10]). Авторъ въ этомъ первомъ томѣ своего труда даетъ намъ рядъ монографій, посвященныхъ различнымъ предметамъ русской политической исторіи, общественныхъ отношеній, администраціи и быта, восходя хронологически въ самую глубину Московскаго государства и кончая фактами современности; въ этомъ обзорѣ цѣлаго ряда культурно-историческихъ явленій до и послѣ Петра, авторъ вездѣ старается доказать, что Петръ далъ только болѣе сильный толчекъ процессу европеизаціи Россіи, который самъ по себѣ онъ считаетъ неизбѣжнымъ. Ко взгляду Брикнера, который вызвалъ возраженія со стороны Бестужева-Рюмина [11]) (онъ находитъ, что Брикнеръ преувеличиваетъ значеніе запада для Россіи и благотворность его вліянія), въ общихъ чертахъ присоединился и А. Пыпинъ [12]), который въ той-же своей работѣ познакомилъ русскихъ читателей съ вышедшей уже въ 1886 г., но оставшейся незамѣченною книгѣ Брюггена [13]), посвященной тому-же вопросу. Брюггенъ крайне враждебно относится къ Петру, не раздѣляетъ увлеченія Петровской реформой и доказываетъ, что Россія вовсе не стала Европой. Изъ сочиненій, которыя освѣщаютъ въ томъ или иномъ отношеніи весь ходъ развитія русской культуры, укажемъ на трудъ Астафьева [14]), который старается прослѣдить исторію библіи въ Россіи и вліяніе ея на нравы, жизнь и просвѣщеніе русскаго народа; авторъ старается показать, какъ велико и благотворно было это вліяніе. Трудъ свой авторъ заканчиваетъ изложеніемъ исторіи Общества для распространенія Священнаго писанія въ Россіи. Данныя для исторіи развитія русскаго общества, русской исторической науки находимъ также въ трудахъ, посвященныхъ исторіи русскаго славяновѣдѣнія. А. Пыпинъ [15—16]) далъ намъ обозрѣніе того, что зналъ русскій народъ о славянствѣ въ прошедшіе вѣка и какъ шло въ нашемъ обществѣ изученіе славянства въ два последнія столѣтія (мы находимъ въ этой работѣ также и данныя для исторіи отношенія Россіи къ славянскимъ народамъ); особая работа посвящена обзору русскаго славяновѣдѣнія въ XIX столѣтіи. II-ой томъ сочиненія Первольфа [17]) о взаимныхъ отношеніяхъ славянъ посвященъ

---

[10]) A. Brückner. Die Europäisirung Russnds. Land und Volk. Gotha 1888. (В. Е. 1889, 1., Пыпинъ).—[11]) Бестужевъ-Рюминъ, Европеизированіе Россіи. Ж.М.Н. П. 1888, 8, 411—423.—[12]) А. Пыпинъ, Россія и Европа. В. Е. 1889, 1, 296—336.—[13]) Brüggen, Wie Russland Europäisch wurde.—[14]) Н. Астафьевъ Опытъ исторія библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами. С.-Петербургъ 1889, VI, 180. (Печаталось въ Ж. М. Н. П. 1888 г.).—[15]) А. Пыпинъ, Обзоръ русскихъ изученій славянства. В. Е. 1889, 4, 5.—[16]) А. Пыпинъ, Русское славяновѣдѣніе въ 19 стол. В. Е. 1889, 7, 8, 9.—[17]) Первольфъ, Взаимныя отношенія Славянъ. т. II. Славянская идея въ литературѣ съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII в. Варшава. 1888, 616 2 р. 50 к.

изслѣдованію того, какъ славянская идея выразилась въ литературѣ съ древнѣйшихъ временъ до конца 18-го в.; авторъ подробно разбираетъ историческую и филологическую литературу у Чеховъ, Поляковъ, южныхъ Славянъ и Русскихъ. Интересно также изслѣдованіе Урсина [18]) о славянофильствѣ и мессіанизмѣ, какъ называется у Поляковъ эта особенная форма преувеличеннаго мистическаго патріотизма. Упомянемъ наконецъ и о нѣкоторыхъ изданіяхъ, въ которыхъ занимающемуся вопросами русской исторіи можетъ встрѣтиться надобность. Такихъ изданій очень немного. Хорошей справочной книгой можетъ послужить *списокъ епархій и архіереевъ* [19]), который является какъ бы дополненіемъ къ такимъ же спискамъ Ю. Толстаго и П. Строева. Много данныхъ для библіографическихъ справокъ содержитъ изданный Русскимъ Историческимъ Обществомъ *азбучный указатель* [20]) именъ русскихъ дѣятелей для русскаго біографическаго словаря; для такихъ же справокъ можетъ оказаться полезнымъ текстъ къ извѣстному *словарю гравюръ* и портретовъ Д. Ровинскаго [21]), въ которомъ мы находимъ массу біографій и историческихъ объясненій. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ русской исторической науки находимъ въ 1-мъ томѣ словаря Венгерова [22]). Переходимъ затѣмъ къ обозрѣнію работъ, которыя посвящены отдѣльнымъ періодамъ и эпизодамъ русской исторіи.

II. Время до XVI вѣка.

Интересное освѣщеніе получили нѣкоторые вопросы первоначальной русской исторіи, благодаря работѣ В. Г. Васильевскаго [23]), пересмотрѣвшаго вновь всѣ данныя по вопросу о значеніи житія св. Стефана Сурожскаго, какъ историческаго источника. Извѣстно, къ какимъ разнообразнымъ выводамъ подало поводъ сообщенное этимъ памятникомъ извѣстіе о походѣ Руси на Сурожъ, пріурочивавшееся къ концу 7-го или началу 8-го вѣка, извѣстіе, устанавливающее

---

[18]) Урсинъ, М. Очерки изъ психологіи Славянскаго племени. Спб. 1888. (Ж. М. Н. Пр. 1888, 3. Филевичъ. В. Е. 1888, 3. И. В. 1888, 3). — [19]) Н. Д., Девятисотлѣтіе русской іерархіи: епархіи и архіереи 988—1888. Москва. 1888, 130, 2 р. 25. — [20]) Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для русскаго біографическаго словаря. С. Р. И. О. 60, 62. С.-Петербургъ. 1887/8 507, 823, 3 р. — [21]) Д. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. I—IV (Безъ портретовъ два тома). Спб. 1886—89. [22]) С. Венгеровъ, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ I т. А. Спб. 1888 XXII+1992, 5 р. — [23]) В. Г. Васильевскій, Житіе св. Стефана Сурожскаго. Ж. М. Н. Пр. 1889, 5, 6.

такимъ образомъ торжество русскаго имени еще до призванія варяговъ; оно заставило предполагать, что или варяги были призваны уже въ началѣ IX в., или Русь стала называться Русью помимо ихъ. В. Васильевскій послѣ подробнаго разбора всѣхъ данныхъ къ исторіи Сурожа и жизни Стефана Сурожскаго, далъ намъ русскій переводъ греческаго краткаго житія Стефана и изложеніе содержанія болѣе подробной славяно-русской редакціи того-же житія по рукописи XVI в. въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи. Далѣе авторъ, разбирая житіе, приходитъ къ выводу, что невѣрны въ немъ только подробности, заимствованныя изъ постороннихъ источниковъ (авторъ житія, какъ доказываетъ Васильевскій, широко пользовался житіемъ Іоанна Златоуста въ русскомъ переводѣ, изъ чего слѣдуетъ, что житіе не есть переводъ съ греческаго, и что оно составлено русскимъ человѣкомъ); среди же этихъ подробностей можно прослѣдить первоначальную, древнюю основу. Разсматривая вопросъ, слѣдуетъ ли упоминаніе о нападеніи Русскаго князя на Сурожъ отнести къ позднимъ, произвольнымъ и недостовѣрнымъ извѣстіямъ русскаго автора житія, или же поставить его въ связь съ тѣми слѣдами первоначальной основы, которые мы должны признать въ составѣ русскаго житія, Васильевскій приходитъ къ тому выводу, что эти извѣстія ведутъ свое начало отъ необходимо предполагаемаго древняго источника, и русскій списатель передалъ намъ то, что онъ нашелъ въ своемъ источникѣ. Пріурочивать фактъ нашествія русскаго князя Бравлина на Сурожъ, о которомъ разсказывается въ житіи, ко времени Владиміра, какъ нѣкоторые это дѣлали, нельзя; нашествіе это, по мнѣнію того автора, который первый сообщилъ о немъ, произошло именно въ началѣ IX стол., и авторъ этотъ жилъ самое позднее одновременно съ Владиміромъ. Разсказъ о нашествіи заключаетъ въ себѣ подлинную историческую основу и имѣетъ въ виду событіе, дѣйствительно происшедшее въ первой половинѣ девятаго вѣка. Принимая все это во вниманіе, а также и то, что житіе Георгія Амастридскаго, въ которомъ также встрѣчается имя Русь, написано ранѣе 842 г., Васильевскій допускаетъ, что имя Русь было извѣстно на берегахъ Чернаго моря ранѣе этого года, но изъ этого не слѣдуетъ, что Русь эта была Русь славянская. Далѣе Васильевскій доказываетъ, что всѣ эти и другія извѣстія о Руси и русскихъ до половины IX в. относятся къ тавроскиѳамъ и объясняются отождествленіемъ Руси съ тавроскиѳами и этихъ послѣднихъ съ готами, валанготами и готаланами. Въ первой половинѣ IX в. существовало нѣсколько пунктовъ, къ которымъ прикрѣплялось сначала греческое названіе тавроскиѳы, а затѣмъ въ томъ же столѣтіи распространившееся имя Руси. Такимъ образомъ возможна новая теорія происхож-

денія русскаго имени—готская. Кромѣ этой работы, мы имѣемъ и нѣсколько другихъ, касающихся этой же эпохи. Для характеристики распространенія византійскаго вліянія интересна работа Успенскаго [24]) о построеніи крѣпости Саркела. Слѣдуя указаніямъ Константина Багрянороднаго до сихъ поръ полагали, что крѣпость эта была построена Византійцами для хазаръ около 837 г. Успенскій же утверждаетъ, что Византійцы построили Саркелъ для себя, а не для хазаръ, и въ самомъ началѣ X в. (904 г.). Извѣстные отрывки Газе, которые Васильевскій относитъ ко времени Святослава Игоревича и къ событіямъ греко-русской борьбы за обладаніе Болгаріей, приводятся Успенскимъ въ связь съ построеніемъ Саркела; упоминаемое въ отрывкахъ лицо и есть будто бы строитель Саркела Петрона, возвращающійся домой черезъ владѣнія Печенѣговъ. Работа эта вызвала полемику между Успенскимъ [25—26]) и Васильевскимъ [27—28]), который остается при томъ мнѣніи, что ни о принадлежности Саркела Византійцамъ, ни вообще о какихъ-либо византійскихъ владѣніяхъ на сѣв. берегу Чернаго моря въ десятомъ вѣкѣ никакихъ данныхъ не существуетъ. Въ небольшой рѣчи, произнесенной по поводу 900-лѣтняго юбилея принятія христіанства, Успенскій [29]) представилъ интересную характеристику взаимныхъ отношеній Руси и Византіи въ X в. Авторъ признаетъ, что нельзя съ точностью сказать, кого подразумѣваютъ византійцы говоря о Руси—славянъ или Русь призванную изъ-за моря—скандинавскую? По этому поводу онъ приводитъ интересныя, неизвѣстныя до сихъ поръ византійскія загадки на слово Ρῶς (по рукописямъ Парижской національной библіотеки), изъ которыхъ видно, что „варваръ, скиѳъ и русскій народъ въ представленіи Византійцевъ X в. суть равнозначущіе термины". Подвергая скандинавское вліяніе сильнѣйшему сомнѣнію, авторъ превозноситъ культурное значеніе и миссію Византіи. Ольга и Святославъ были первыми, которые прорубили окно въ Европу; новостью является взглядъ на поѣздку Ольги въ Царьградъ, какъ на попытку скрѣпить коммерческіе интересы обѣихъ странъ; много и другихъ оригинальныхъ взглядовъ. О поѣздкахъ Ольги въ Царьградъ мы находимъ нѣсколько новыхъ сопоставленій въ замѣткѣ Лопарева [30]) по поводу изданнаго имъ новаго списка

[24]) Ѳ. Успенскій, Византійскія владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря въ IX и X вв. К. С. 1889, 5, 6.—[25]) Ѳ. Успенскій, Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. К. С. 1889, 12. 604—621. — [26]) Ѳ. Успенскій, О миражахъ, открытыхъ В. Г. Васильевскимъ. Ж. М. Н. Пр. 1889, 12, 550—554.— [27]) В. Г. Василевскій, О построеніи крѣпости Саркела. Ж. М. Н. Пр. 1889, 10, 273—290. — [28]) В. Васильевскій, Отвѣтъ на статью Ѳ. Успенскаго. Ж. М. Н. П. 1889, 12, 555—557—[29]) Ѳ. Успенскій, Русь и Византія въ 10 в. Одесса. 1888, 38. 50 к. — [30]) Лопаревъ, Новый списокъ описанія Цареграда Антонія Новгородскаго. Библіографъ, 1888, 380—392.

описанія Царьграда Антонія Новгородскаго. Авторъ доказываетъ, что Ольга была два раза въ Цареградѣ: въ 955 (или 957), крестилась же въ 959. А. Веселовскій [31]) сообщилъ включенный въ формѣ видѣнія въ житіе Василія Новаго разсказъ о походѣ Россовъ въ 941 г. на Византію (по рукописи Моск. Синод. Библіотеки); разсказъ этотъ (въ текстѣ изданномъ болландистами онъ выпущенъ) очень близко стоитъ къ нашей лѣтописи. Васильевскій въ работѣ о Стефанѣ Сурожскомъ высказалъ предположеніе, что даже лѣтописный византійскій разсказъ (у продолжателей Амартолы) объ этомъ нашествіи русскихъ при Игорѣ есть производный, заимствованный изъ житія Василія Новаго. Всѣ дошедшія до насъ извѣстія о торговыхъ сношеніяхъ южной Руси съ среднедунайскими областями Германіи пересмотрѣны Васильевскимъ [32]), каковая статья вызвала между прочимъ слѣдующее замѣчаніе Иловайскаго [33]): „выводъ этотъ (объ оживленной торговлѣ Руси), извлеченный главнымъ образомъ изъ Рафельштетенскаго таможеннаго устава начала X вѣка (гдѣ руссы называются ругами), подтверждается также показаніемъ еврейскаго путешественника Ибрагима-Ибнъ-Якуба, который около 865 г. писалъ о приходѣ русскихъ торговцевъ съ товарами черезъ польскій Краковъ въ Чешскую Прагу. А такъ какъ подобныя торговыя сношенія начались, конечно, раньше того времени, къ которому относится это извѣстіе, то отсюда слѣдуетъ, что Кіевская Русь также существовала давнымъ-давно и никакимъ образомъ не могла быть народомъ, пришедшимъ изъ Скандинавіи въ 862—865 гг.“. Сильное впечатлѣніе произвело предположеніе арх. Леонида [34]) о болгарскомъ происхожденіи княгини Ольги, основанное на сообщеніи найденнаго имъ Владимірскаго лѣтописца конца XV в.; по этой лѣтописи Ольга происходитъ не изъ русскаго Пскова, а изъ болгарскаго города тогоже имени. Русскій-же Псковъ основанъ былъ позже и названъ былъ такъ въ честь Ольги именемъ ея роднаго города; болгарское происхожденіе княгини даетъ лучшее объясненіе ея крещенію въ Византіи и позднѣйшимъ притязаніямъ Святослава на Болгарію. — Гипотеза эта, которую принялъ и Д. Иловайскій [35]), вызвала возраженіе Малышевскаго [36]), который доказывалъ, что

---

[31]) А. Н. Веселовскій, Видѣніе Василія Новаго о походѣ русскихъ на Византію въ 941 г. Ж. М. Н. Пр. 1889, 1, 80—93. — [32]) В. Васильевскій, Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ. Ж. М. Н. П. 1888, 7, 121—50.— [33]) Д. Иловайскій, Историко-критическія замѣтки. Р. В. 1888, 12, 3—18.— [34]) Леонидъ, Откуда родомъ была Св. Великая княгиня русская Ольга? Р. С. 1888, 215—24.—[35]) Д. Иловайскій, Историко-критическія замѣтки. Р. В. 1888, 12, 3—18.—[36]) Малышевскій, Происхожденіе русской великой княгини Ольги. Кіевъ. 1889, 71.

всѣ варіанты и дополненія, которые мы встрѣчаемъ у Владимірскаго лѣтописца, суть его собственныя измышленія, а не извѣстія, почерпнутыя изъ болѣе древнихъ источниковъ. Связанныя съ именемъ Ольги извѣстія о Плесковѣ имѣютъ значеніе прямаго свидѣтельства; Псковъ существовалъ такимъ образомъ много раньше, возможно еще до призванія князей. Ольга всю жизнь была язычницей, что было-бы немыслимо, если бы она была болгарской княжной; она была варяжка знатнаго рода и по всей вѣроятности въ родствѣ съ Игоремъ. Сообщеніе Владимірскаго лѣтописца является кромѣ того совершенно единичнымъ.—Въ отвѣтъ на это арх. Леонидъ [37]) старался доказать, что извѣстіе о происхожденіи Ольги изъ Пскова, и кіевское преданіе о южномъ ея происхожденіи по времени написанія очень недалеки другъ отъ друга. Первое извѣстіе не принадлежитъ первоначальной лѣтописи, а вставлено въ нее въ XIII в., какъ отголосокъ народныхъ сказаній новгородско-псковской области. Точно также и второе было уже послѣ 1237 г. (разгромъ Кіева) занесено во Владимірскую Русь и здѣсь кѣмъ-либо записано.—Цѣлый рядъ работъ, также большею частью полемическихъ, вызвало празднованіе 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. П. Л. [38]) посвятилъ особую работу опроверженію взглядовъ Голубинскаго, который начало христіанства въ Кіевѣ приписываетъ варягамъ, отдаетъ имъ же церковь св. Иліи, признаетъ далѣе Ольгу варяжкой и отрицаетъ ея путешествіе въ Константинополь и крещеніе тамъ. Вопросъ о годѣ крещенія Владиміра и Кіевлянъ повелъ къ полемикѣ между Соболевскимъ [39]) и Завитневичемъ [40]): первый принимаетъ 988 г., довѣряя показанію лѣтописца и основываясь между прочимъ на показаніи „Житія Владиміра“, что князь послѣ крещенія жилъ 28 лѣтъ († 1015), т.-е., какъ онъ понимаетъ, умеръ на 28-мъ. Завитневичъ же, понимая это сообщеніе такъ, что Владиміръ умеръ на 29-мъ году, приходитъ къ заключенію, что крещеніе произошло въ 987 г.; кромѣ того, лѣтописецъ подъ 988-мъ годомъ нагромождаетъ такую массу фактовъ, которые никакимъ образомъ не могли произойти въ один годъ; крещеніе Кіевлянъ Завитневичъ переноситъ поэтому на 990 г. Князь Голи-

---

[37]) Леонидъ, Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была св. княгиня Ольга“? К. С. 1889, 10, 1—7. — [38]) П. Л. О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при Св. Владимірѣ? К. С. 1886, 6, 265—83. — [39]). Соболевскій, Въ какомъ году крестился Св. Владиміръ? Ж. М. Н. П. 1888, 6, 396 — 403. (Тотъ же авторъ издалъ во II кн. Чт. въ общ. Нестора лѣтописца цѣлый рядъ памятниковъ древне-русской литературы, посвященныхъ Владиміру, и выяснилъ отношеніе между лѣтописью и этими памятниками).—[40]) Завитневичъ, О мѣстѣ и времени крещенія Св. Владиміра и о годѣ крещенія Кіевлянъ. Кіевъ 1888, 27.

цынъ [41]) сдѣлалъ расчетъ, что весь походъ Владиміра отъ Кіева до Херсона и обратно могъ быть совершенъ въ 4½—5 мѣсяца (апрѣль—сентябрь 988 г.), а крещеніе Кіевлянъ въ Днѣпрѣ еще прежде этого послѣдняго мѣсяца. Иловайскій [42]) относитъ крещеніе къ 989 году. П. Л. [43]) указываетъ на то, что нельзя считать доказаннымъ, что въ Херсонесскомъ Владимірскомъ храмѣ имѣются остатки той церкви, гдѣ крестился Владиміръ. Предъалтарная яма этой церкви, которая теперь называется купелью св. Владиміра, не есть крещальная купель, а могильная яма, которую и нужно закрыть. Фортинскій [44]) собралъ всѣ встрѣчающіяся въ западныхъ источникахъ извѣстія о крещеніи Руси. Между прочимъ онъ разбираетъ и вопросъ, чѣмъ была вызвана со стороны Ольги, только что получившей крещеніе въ Константинополѣ, просьба къ Оттону Великому о присылкѣ епископа и священника. Фортинскій полагаетъ, что Ольгѣ было повидимому отказано въ Константинополѣ въ какихъ-либо ея требованіяхъ и находитъ вообще возможнымъ, что новокрещеные славянскіе народы колебались еще тогда между Римомъ и Константинополемъ. Бережковъ [45]) собралъ свѣдѣнія о дѣятельности св. Владиміра по основанію городовъ и останавливается на болѣе подробныхъ извѣстіяхъ лѣтописи объ отдѣльныхъ, построенныхъ Владиміромъ на берегахъ Днѣпра городахъ. Завитневичъ [46]) далъ характеристику князя, какъ политическаго дѣятеля. Кирпичниковъ [47]) и Ящуржинскій [48]) сдѣлали попытку, охарактеризовать значеніе Херсонеса въ эпизодѣ крещенія Руси; послѣдній полагаетъ, что Владиміръ отправился въ Корсунь имѣя въ виду политическія цѣли, а не для принятія крещенія. Кромѣ этихъ работъ, 900-лѣтній юбилей вызвалъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе удачныхъ очерковъ. Мы указываемъ здѣсь на нѣкоторые изъ нихъ [49]—[52]). Переходя къ другимъ работамъ, остановимся на

---

[41]) Н. С. Голицынъ, Рѣчной и морской военный походъ В. К. Владиміра отъ Кіева до Херсонеса и обратно въ 988 г. Р. С. 1889, 10, 185—190.— [42]) Д. Иловайскій, По поводу девятисотлѣтія крещенія Руси. Р. В. 1888, 4, 203—250. [43]) П. Л., Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе. К. С. 1889, 4, 56—73.— [44]) Ѳ. Фортинскій, Крещеніе князя Владиміра и Руси, по западнымъ извѣстіямъ.— [45]) М. Бережковъ, Святой Владиміръ, строитель городовъ. Кіевъ. 1888.— [46]) Завитневичъ, Владиміръ Святой, какъ политическій дѣятель. Кіевъ. 1888, 211.— [47]) А. Кирпичниковъ, Очеркъ исторіи Херсонеса и его участіе въ крещеніи Руси. И. В. 1888, 602—14.— [48]) Х. Ящуржинскій, Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра. К. С. 1888, 7, 16—25.— [49]) П. Л., Св. Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный кн. Кіевскій. К. С. 1888, 7, 1—15.— [50]) Е. Де-Витте, Равноапостольный князь Владиміръ Святой. Ковно. 1888, 62.— [51]) И. Малышевскій, Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра. Спб. 1888.— [52]) Протопоповъ, Св. Владиміръ Равноапостольный, Великій князь кіевскій и всея Руси. Москва. 1888, 38.

тѣхъ, которыя касаются нашихъ лѣтописей. Между ними на первомъ планѣ стоитъ работа Сенигова [53]). Изслѣдуя вопросъ о первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода, авторъ старается опровергнуть мнѣніе Срезневскаго и Бестужева-Рюмина о существованіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ уже въ X вѣкѣ и относитъ ихъ къ первой половинѣ XI-го в.; онъ опровергаетъ мнѣніе, будто бы въ недошедшемъ до насъ началѣ первой Новгородской лѣтописи заключался обширный разсказъ о древнѣйшихъ событіяхъ Новгородской жизни. По разсмотрѣніи затѣмъ списковъ первой Новгородской лѣтописи, Сениговъ приходитъ къ выводу, что позднѣйшіе списки не искажены умышленно со стороны московскихъ переписчиковъ, какъ это полагаетъ Янишъ, и что ими можно по этому пользоваться „для возстановленія содержанія потеряннаго начала" Новгородской лѣтописи; онъ предполагаетъ, что въ этомъ утерянномъ началѣ была общеизвѣстная Повѣсть временныхъ лѣтъ. Составителемъ свода Сениговъ считаетъ монаха Порфирія, а временемъ составленія— начало XIII в. Археографическая коммиссія издала вновь *Новгородскую лѣтопись по синодальному списку* [54]) (подъ редакціей Савваитова); это новое изданіе приготовлено на основаніи 4-хъ списковъ; извѣстія, недостающія въ синодальномъ спискѣ восполнялись изъ другихъ, главное-же отличіе отъ перваго изданія состоитъ въ томъ, что такъ какъ въ синодальномъ спискѣ недостаетъ первыхъ тринадцати тетрадей, то начало лѣтописи напечатано по Толстовскому списку и другимъ,—напечатано такимъ образомъ и предисловіе, находящееся въ Толстовскомъ спискѣ; но предисловіе это, какъ доказываетъ Тихоміровъ [55]), не относится вовсе къ новгородскимъ лѣтописямъ. Далѣе Тихоміровъ указываетъ на то, что въ первоначальной лѣтописи, которая находилась въ недостающихъ тетрадяхъ синодальнаго списка, не было тѣхъ прибавленій, которыя находятся въ позднѣйшихъ спискахъ новгородской лѣтописи и что не слѣдовало поэтому помѣщать начала позднѣйшихъ списковъ передъ синодальнымъ. Синодальный списокъ принадлежалъ Новгородскому Юрьевскому монастырю, почему его вѣрнѣе можно-бы назвать Юрьевскимъ. Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ имѣется цѣлый рядъ извѣстій о поставленіи и преставленіи митрополитовъ и епископовъ; точность этихъ извѣстій заставила предположить,

---

[53]) Сениговъ, Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о русской исторіи Татищева. Москва. 1887, VIII, 435. (Ж. М. Н. П. 1888, 9. Линниченко. И. В. 1889, 6. Д. Корсаковъ. Библіографъ, 1888, С. Л.). — [54]) Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Спб. 1888, X, 40, XCVIII. (Ж. М. Н. Пр. 1889, 8. Тихоміровъ. Русск. Филолог. Вѣстн. 1889, 1. Соболевскій. 1889, 9. Савваитовъ.— [55]) Тихоміровъ, Ж. М. Н. П. 1889, 8, 380—386.

что онѣ извлечены изъ краткихъ записей, которыя велись въ городахъ послѣ утвержденія въ нихъ христіанства. Замысловскій [56]) въ небольшой замѣткѣ доказываетъ, что нѣкоторыя изъ такихъ записей, которыя Бестужевъ-Рюминъ и др. считаютъ владиміро-волынскими и полоцкими, должны быть на самомъ дѣлѣ отнесены къ Кіевскимъ. Тутъ-же можно упомянуть и о находкѣ Регеля въ греческомъ рукописномъ сборникѣ (XV в.) Ватиканской библіотеки 13 небольшихъ записей объ избраніи и поставленіи епископовъ на разныя русскія епископскія каѳедры. Записи эти будутъ изданы въ подлинникѣ Регелемъ. Пока-же Васильевскій [57]) подвергъ ихъ предварительному разсмотрѣнію. Записи эти носятъ характеръ оффиціальнаго протокола; онѣ относятся къ 1328—1347 гг., т.-е. ко времени митрополита Ѳеогноста, когда отмѣнены были постановленія объ отдѣленіи части южно-русской эпархіи для Галичской митрополіи. О происхожденіи ихъ ничего положительнаго неизвѣстно. Далѣе для исторіи Руси до 16 вѣка мы не имѣемъ выдающихся работъ. Какъ въ высшей степени полезное справочное пособіе, необходимо отмѣтить трудъ Экземплярскаго [58]), который далъ намъ рядъ біографическихъ очерковъ (родословныхъ таблицъ и хронологіи событій) великихъ князей и великокняжескихъ сыновей, не имѣвшихъ удѣловъ. Въ 1 томъ вошли біографіи князей Владимірскихъ и Владиміро-Московскихъ 16 и 17 вѣковъ. Упомянемъ о нѣкоторыхъ работахъ, посвященныхъ литературнымъ памятникамъ древней Руси. Нѣсколько работъ посвящено былинамъ. О. Миллеръ [59]) опровергаетъ тезисы Халанскаго, который выступилъ противъ предположенія о южно-русскомъ происхожденіи всѣхъ былинъ Владимірова цикла и который многія былины по времени сложенія относитъ къ Московскому періоду. Миллеръ находитъ возможнымъ признать только то, что Москвѣ, ея періоду принадлежитъ окончательное объединеніе нашего эпоса. Дашкевичъ [60]), придерживаясь мнѣнія объ исторической подкладкѣ нашихъ былинъ, доказываетъ, что Алеша Поповичъ есть ростовскій богатырь, участвовавшій въ Липецкой и Калкской битвахъ; точно также и основаніемъ къ сказанію о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси, послужили сказанія о Калкскомъ

---

[56]) Е. Замысловскій, Къ вопросу о составѣ повѣсти временныхъ лѣтъ. Ж. М. Н. П. 1889, 5, 47—54.—[57]) В. Васильевскій, Записки о поставленіи русскихъ епископовъ при Митрополитѣ Ѳеогностѣ въ Ватиканскомъ греч. сборникѣ. Ж. М. Н. П. 1888, 2, 445—463. — [58]) Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505, т. I. Спб. 1889. V, 474. 80 к. (Библіографъ, 1889, В. Б.). — [59]) О. Ѳ. Миллеръ, Опять къ вопросу о былинахъ. Ж. М. Н. Пр. 1888, 7, 175—192.— [60]) Н. Дашкевичъ, Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси. Чт. въ ист. О. Нестора Лѣтописца, кн. III. 1889. Кіевъ.

побоищѣ. А. Веселовскій [61]) продолжаетъ свои замѣтки къ былинамъ (золотыя врата въ Кіевѣ и Царьградѣ. Сумочка Микулы Селяниновича и византійская ἀκακία. Готы и Гунны и русская мѣстность Hervararsaga'и. Владиміръ богатырь. Кіевскія пещеры. Былина объ Иванѣ Годиновичѣ и разсказъ изъ житія Іосифа Волоцкаго. Жидовинъ богатырь. Къ Сербской легендѣ о Константинѣ Великомъ). Для опредѣленія области распространенія былинъ Владимірова цикла въ старое время интересна замѣтка Соболевскаго [62]), который въ одной статьѣ (начала XVI в.) Румянцевскаго сборника, написанной въ Бѣлоруссіи, нашелъ извѣстіе о „богатыряхъ" Владиміра. Извѣстіе это, по мнѣнію Соболевскаго, взято авторомъ статьи (статья озаглавлена „о начальстве русскыя земля") изъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ его времени. Далѣе авторъ указываетъ на разсказъ о тѣхъ-же богатыряхъ въ житіи Владиміра, написанномъ при Иванѣ Грозномъ (въ іюльской книгѣ Милютинскихъ Четіихъ-Миней, въ Московской синодальной библіотекѣ). Отмѣтимъ также и нѣкоторые изъ вновь изданныхъ памятниковъ древней русской письменности, важныхъ для изученія культуры древней Руси.

Нѣсколькими изданіями и изслѣдованіями мы обязаны архим. Леониду [63—65]). Въ Моск. архивѣ Мин. Иностранныхъ Дѣлъ онъ нашелъ рукопись XVI в., заключающую въ себѣ одну часть изборника Болгарскаго іеромонаха Григорія, въ который входило 4 отдѣльныхъ сочиненія и между ними сборникъ, извѣстный уже намъ подъ названіемъ „Изборника Святослава" 1073 г. Дошедшая до насъ часть рукописи заключаетъ въ себѣ хронографъ или „Еллинскій лѣтописецъ" болгарской редакціи, первообразъ древнѣйшаго хронографа русскаго, извѣстнаго у насъ подъ именемъ „Еллинскаго лѣтописца" русской редакціи. А. Поповъ, знавшій сборникъ по описанію Оболенскаго, не узнавъ въ этомъ сочиненіи болгарскаго лѣтописца, назвалъ его неполнымъ переводомъ хроники Іоанна Малалы Антіохійскаго съ вставками. Издавъ по рукописи XIV в. въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой Лавры „Посмертныя чудеса святителя Николая, архіепископа Миръ-Ликійскаго чудотворца", арх. Леонидъ въ предисловіи доказываетъ, что эта вторая издаваемая имъ часть житія святителя, заключающая въ себѣ чудеса, есть оригинальное произведеніе второй половины XI в. и что авторъ

---

[61]) А. Н. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ. Ж. М. Н. Пр. 1888, 5, 1889, 5, 74—91, 32—46.—[62]) А. И. Соболевскій, Къ исторіи русскихъ былинъ. Ж. М. Н. Пр. 1889, 7, 15—20.—[63]) Арх. Леонидъ, Древняя рукопись. Р. В. 1889, 4, 1—24.—[64]) Арх. Леонидъ, Посмертныя чудеса святителя Николая, архіепископа Мúръ Ликійскаго Чудотворца, Памятники Древней Письменности. Вып. 72. Спб. 1888. XV+74.—[65]) Арх. Леонидъ, Сказаніе о Св. Софіи Цареградской, Памятники Древней Письменности. Вып. 78, Спб. 1889:

его—Ефремъ, епископъ переяславскій. Въ другомъ трудѣ своемъ арх. Леонидъ, издавъ по рукописи Уваровской библіотеки „Сказаніе о св. Софіи Цареградской", доказываетъ, что произведеніе это, которое до сихъ поръ относимо было къ числу компилятивныхъ произведеній второй половины XV вѣка, написано во всякомъ случаѣ ранѣе 1204 г., т.-к. архіепископъ Антоній въ своемъ путешествіи въ Царьградъ пользовался этимъ сказаніемъ. Настоящій списокъ 14 в. отличается отъ другихъ списковъ сказанія своимъ окончаніемъ и исправляетъ искаженія позднѣйшихъ. Сказаніе составлено или самимъ архіепископомъ Антоніемъ, или кѣмъ-либо изъ его спутниковъ Новгородцевъ. *Описаніе Цареграда Антонія Новгородскаго*, о которомъ мы уже упоминали [66]), издано по новому списку (18 вѣка), который даетъ нѣкоторые варіанты. Цѣлый рядъ памятниковъ изъ бумагъ, которыя оставилъ А. Поповъ, изданъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, которое пріобрѣло всѣ бумаги Попова и намѣрено ихъ издать; изданіе началось печатаніемъ текстовъ, которые составляютъ продолженіе „Библіографическихъ Матеріаловъ" А. Попова. Изъ нихъ обратимъ вниманіе на описаніе четырехъ рукописей Чудова Монастыря, изъ которыхъ „первая содержитъ такъ-называемый Еллинскій лѣтописецъ 2-й редакціи, вторая—хронографъ 1-й редакціи, третья—также хронографъ, но 2-й редакціи распространенной и четвертая—сборникъ, куда вошли многія главы изъ хронографа 1-й редакціи"; описанія изданы М. Сперанскимъ [67]). М. Веневитиновъ [68]) далъ намъ описаніе пяти списковъ (16, 17 и 18 вв.) хожденія игумена Даніила изъ библіотеки Уварова; всѣ они имѣютъ нѣкоторыя особенности отъ другихъ списковъ. *Тотъ же ученый* [69]) познакомилъ насъ съ передѣлкой хожденія, которая важна для литературной исторіи памятника; передѣлыватель воспользовался памятникомъ для составленія спеціальнаго руководства на пользу паломниковъ, отправляющихся въ Палестину; передѣлка совершена не ранѣе конца 17 стол. (изъ сборника св. Димитрія Ростовскаго въ Московской Синодальной библіотекѣ). Укажемъ далѣе на новое изданіе Слова Даніила Заточника. Въ изданіи этомъ напечатанъ изводъ XII в. по 4 спискамъ: Толстаго, Копенгагенскому, Академическому и Морозовскому, изводъ XIII вѣка, по спискамъ Ундольскаго и библіотеки Чудова монастыря, третій изводъ по Соловецкой рукописи

[66]) См. № 30. — [77]) М. Сперанскій, Хронографы Чудова Монастыря. Ч. М. О. И. Д. 1889, 3, 1—72. — [68]) М. Веневитиновъ, Уваровскіе списки Даніилова хожденія. Древности. Труды Императ. Московск. Археологическаго Общ. т. XII, вып. 2-й. Москва, 1888.— [69]) М. Веневитиновъ, Передѣлка хожденія игумена Даніила въ Сборникѣ Св. Димитрія Ростовскаго. Ч. М. О. И. Д. 1889, 3,1—25.

16—17 в., и Слово Даніила Заточника въ передѣлкѣ 17 вѣка, по списку графа Д. Толстаго. Въ предисловіи издатель Шляпкинъ [70]), высказавъ мнѣніе, что въ основѣ слова лежитъ какое-либо дѣйствительное происшествіе, даетъ намъ подробный обзоръ литературы Слова. Для исторіи и характеристики нравственныхъ идей древней Руси интересна работа Пѣтухова [71]), который изслѣдовалъ жизнь и труды Серапіона Владимірскаго. Значительную часть работы авторъ посвятилъ разсмотрѣнію вопроса о томъ, кто былъ гуманнѣе, Серапіонъ или западно-европейскіе духовные и ученые даже 17 вѣка, и пришелъ къ убѣжденію, что Серапіонъ былъ несравненно гуманнѣе.

Прежде чѣмъ перейти къ литературѣ, касающейся событій русской исторіи 16 и 17 вѣковъ, укажемъ на работы Дьяконова [72]), которыя по содержанію относятся одинаково и къ древней русской исторіи, и къ 16 вѣку, уясняя намъ, подъ какими вліяніями создалось Московское государство—эта новая Русь. Занявшись вопросомъ о томъ, кто былъ первый великій князь „всея Руси", Дьяконовъ доказываетъ, что Ивана Калиту нельзя считать первымъ княземъ, который присвоилъ себѣ такой титулъ. Великимъ княземъ всея Руси называлъ себя еще Михаилъ Ярославичъ Тверской; какъ полагаетъ Дьяконовъ, онъ подражалъ при этомъ митрополиту, который въ первый моментъ борьбы Москвы съ Тверью былъ на сторонѣ послѣдней; когда затѣмъ каѳедра митрополита „всея Руси" упрочилась въ Москвѣ, Иванъ Калита принимаетъ титулъ великаго князя всея Руси, подражая въ этомъ примѣру Тверскаго князя. Такимъ образомъ оба вводятъ въ свой титулъ прибавку „всея Руси" только послѣ того, какъ имъ удается заручиться симпатіями митрополита „всея Руси". Въ другомъ изслѣдованіи Дьяконовъ [73]) задался цѣлью выяснить политическія идеи древней Руси и вліяніе на нихъ Византіи. Для этой цѣли онъ разсматриваетъ церковныя и политическія отношенія Византіи къ древней Руси, политическія темы древней русской письменности, впечатлѣніе, которое произвела на Руси Флорентійская Унія и паденіе Константинополя, и образованіе подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній новой національной теоріи власти. Далѣе авторъ разсматриваетъ способы вліянія византійскихъ государственныхъ теорій на Русь (черезъ посредство церкви) и „теорію власти"

[70]) И. А. Шляпкинъ, Слово Даніила Заточника, Памятники Древней Письмености. Вып. 81, Спб. 1889.—[71]). Ф. Пѣтуховъ, Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в. Спб. 1888, XI, 235; XI, 19. (К. С. 1888, 11. П. Голубовскій. И. В. 1888, 6, А. Бороздинъ).—[72]) М. Дьяконовъ, Кто былъ первый великій князь „всея Руси". Библіографъ, 1889, 10.—[73]) Дьяконовъ, Власть Московскихъ государей. Спб. 1889, VI, 224. 1 р. 50 к. (И. В. 1890, 2, В. Л—нъ. В. Е. 1889, 10. Р. М. 1889, 10, Ж. М. Н. П. 1889, 12, Бестужевъ-Рюминъ).

московскихъ государей, какъ она выразилась въ древней письменности, особенно духовной. Затѣмъ онъ даетъ характеристику практическаго приложенія этой теоріи въ сношеніяхъ съ иностранными государствами по отношенію къ служилому сословію. Изслѣдованіе это вызвало возраженіе, что Дьяконовъ слишкомъ большое значеніе приписываетъ византійскому вліянію. В. Л—нъ [74]) доказываетъ, что государственный и общественный бытъ Московскаго государства вовсе не были скроены по византійскому образцу. Онъ указываетъ на то, что Дьяконовъ обратилъ вниманіе лишь на произведенія представителей іосифлянской партіи, которые все повторяли византійскія идеи, и оставляетъ совершенно безъ вниманія произведенія противной партіи, въ которыхъ проводятся совершенно иные политическіе идеалы. Споръ этотъ продолжался и по поводу характеристики Ивана Грознаго, какъ перваго государя, который такъ рѣзко сталъ примѣнять свои идеи о власти на практикѣ. Съ нимъ мы переходимъ въ XVI вѣкъ.

III) XVI и XVII вв.

Взглядъ Дьяконова на Грознаго, какъ на государя, который послѣдовательно примѣнялъ на практикѣ византійскія идеи о власти, былъ поддержанъ Безобразовымъ [75]), который старается доказать поразительное сходство между дѣятельностью царя и византійскихъ императоровъ, причемъ сходство это мы не можемъ считать случайнымъ, такъ какъ намъ извѣстно знакомство Ивана съ византійской исторіей. Мѣропріятія Грознаго по отношенію къ боярамъ Безобразовъ сравниваетъ съ уничтоженіемъ византійскими императорами привилегіи аристократическихъ родовъ засѣдать въ Сенатѣ, уничтоженіе новгородскихъ вольностей—съ уничтоженіемъ муниципальнаго устройства городовъ византійской имперіи, столкновеніе царя съ митрополитомъ—съ такимъ же столкновеніемъ между Іеаакомъ Комниномъ съ патріархомъ Мих. Кирулларіемъ. Далѣе Безобразовъ находитъ, что всѣ разсказы о жестокостяхъ царя безъ сомнѣнія преувеличены, и что во всякомъ случаѣ страдали отъ жестокостей только бояре, народу же жилось не хуже, чѣмъ прежде. Того же мнѣнія относительно жестокостей царя придерживается и Бѣловъ [76]), который кромѣ того

---

[74]) В. Л—нъ, Рецензія соч. Дьяконова Власть Московскихъ Государей. И. В. 1890, 2. — [75]) П. Безобразовъ, Византійскій царь на Московскомъ престолѣ. И. В. 1889, 5, 305—21.—[76]) Е. Бѣловъ, Отвѣтъ моимъ критикамъ. Ж. М. Н. П. 1889, 3, 215—225.

считаетъ Ивана и дальновиднымъ политикомъ. Иловайскій [77—80]), напротивъ, старается доказать, что Иванъ лишенъ былъ всякихъ политическихъ способностей; онъ былъ всегда въ полнѣйшимъ невѣдѣніи относительно положенія своихъ противниковъ и не былъ поэтому даже въ состояніи воспользоваться обстоятельствами тогда, когда они были для него очень благопріятны; все это явно обнаружилось во время борьбы его за Ливонію, во время которой онъ всѣ свои надежды строилъ на помощи со стороны Запада и на посредничествѣ Поссевина. Объяснять эту борьбу дальновидными политическими планами со стороны Ивана Иловайскій также не находитъ возможнымъ. Много интересныхъ данныхъ для исторіи этой борьбы Ивана съ Баторіемъ мы находимъ въ работахъ Васильевскаго [81—82]), посвященныхъ разсмотрѣнію источниковъ, относящихся къ этой борьбѣ. Кромѣ обширнаго предисловія къ переводу извѣстныхъ „Commentarii de bello moscovitico“ Heidenstein'a (изданіе Археографической коммиссіи), Васильевскій подробно разобралъ современныя этой борьбѣ публицистическія произведенія польской и нѣмецкой печати (королевскіе манифесты, похвальныя слова, привѣтственныя рѣчи побѣдителямъ, реляціи иностранныхъ ученыхъ, сопровождавшихъ польскую армію, и такъ-называемыя „Polnische Zeitungen“; всего разобрано 23 такихъ брошюры). Для рѣшенія вопроса о личности Грознаго и значеніи его жестокостей интересно изслѣдованіе Ясинскаго [83]) о сочиненіяхъ князя Курбскаго. Авторъ старается доказать, что Курбскій былъ очень образованный человѣкъ, патріотъ и высоконравственная личность. Исторія Курбскаго написана имъ во время 1576—1578 г. Событія до 1564 года онъ описываетъ, какъ очевидецъ, остальныя же по разсказамъ. Разсмотрѣвъ первую часть труда Курбскаго, Ясинскій приходитъ къ заключенію, что всѣ ошибки и неточности, встрѣчающіяся въ немъ, сводятся къ неправильнымъ указаніямъ датъ. Расширеніе русской территоріи и войны Ивана описываются въ нѣсколькихъ статьяхъ Иловайскаго [84—85]) (изъ приготовлявшагося къ печати 3-го тома его исторіи); характеристику процесса заселенія Сибири далъ

---

[77]) Д. Иловайскій, Иванъ Грозный и Стефанъ Баторій въ борьбѣ за Ливонію. И. В. 1889, 2, 3.—[78]). Д. Иловайскій, Изъ царствованія Ивана Грознаго. Р. А. 1889, 1, 5—38.—[79]) Д. Иловайскій, Моимъ критикамъ. Р. А. 1889, 5, 129—137. — [80]) Д. Иловайскій, Историко-критическія замѣтки. Р. А. 1889, 2, 362—370.—[81]) Р. Гейденштейнъ, Записки о Московской войнѣ. 1578—82. Спб. 1889, LXXXVI, 309.—[82]) В. Васильевскій, Польская и нѣмецкая печать о войнѣ Баторія съ Іоанномъ Грознымъ. Ж. М. Н. П. 1889, 1, 2.—[83]) А. Ясинскій, Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ. К. У. И. 1889, 10, 11.—[84]) Д. Иловайскій, Покореніе Казани. Р. А. 1888, 12, 473—96.—[85]) Д. Иловайскій, Ермакъ и покореніе Сибири. Р. В. 1889, 9, 1—40.

Буцинскій [86]). (Въ I т. „Исторіи Сибири Андріевича“ исторія ея излагается съ самаго начала, о чемъ рѣчь ниже). Замысловскій [87]) въ небольшой замѣткѣ собралъ свѣдѣнія о попыткахъ Ивана добиться возможности безпрепятственныхъ сношеній съ западно-европейскимъ міромъ. Ясинскій [88]) доказываетъ, что извѣстное сочиненіе венеціанскаго посла Foscarini „Discorso della Moscovia“ (1557) не есть самостоятельное произведеніе, а лишь переработка сочиненія Павла Іовія. Е. Барсовъ [89]) издалъ найденный имъ и сдѣланный еще въ 18 столѣтіи переводъ путешествія въ Россію датскаго посла Ульфельда (1575). Ясинскій [90]) по даннымъ описи царскаго архива, помѣщенной въ I т. актовъ Археографической Экспедиціи, доказываетъ, что оффиціальная московская лѣтопись составлялась при этомъ архивѣ и просматривалась самимъ государемъ, и что велась она Алексѣемъ Адашевымъ, а послѣ паденія его въ 1560 г., печатникомъ Иваномъ Висковатымъ. Завѣдываніе архивомъ было соединено съ службой по дипломатической части и съ обязанностью составлять „списки, что писати въ лѣтописецъ“, т.-е. вести московскую оффиціальную лѣтопись. Изслѣдованіе Михайлова [91]) вновь возбудило старый споръ о Домостроѣ; авторъ, разбирая извѣстный трудъ Некрасова, старается доказать, что Домострой, во всѣхъ своихъ частяхъ, принадлежитъ одному и тому же, а не нѣсколькимъ авторамъ, что списокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ представляетъ позднѣйшую передѣлку Домостроя, что произведеніе это появилось въ литературѣ не ранѣе половины 16-го вѣка, что это не новгородскій, а московскій памятникъ и что Сильвестръ—его авторъ (приложеніе: описаніе двухъ списковъ изъ библіотеки А. Попова). Это изслѣдованіе вызвало возраженіе со стороны Некрасова [92]), который продолжаетъ доказывать, что весь полный Домострой составленъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ „вторая о мирскомъ строеніи и третья о домовномъ“ существовали раньше пространнаго извода Домостроя и были написаны вѣроятно въ Новгородѣ, въ первой четверти 16 в., Сильвестру же принадлежитъ только работа сокращенія полнаго извода. Далѣе мы имѣемъ нѣсколько работъ о разныхъ сто-

---

[86]) П. Буцинскій, Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Харьковъ. 1889.—[87]) Е. Замысловскій, О сношеніяхъ съ западомъ при Иванѣ Грозномъ. Р. В. 1889, 4, 123—7.—[88]) А. Ясинскій, Донесеніе о Московіи Марка Фоскарини. К. У. И. 1889, 6, 37—43.—[89]) Е. Барсовъ, Путешествіе въ Россію Датскаго посла Іакова Ульфельда въ 16 в. Москва. 1889, III, 61.—[90]) А. Ясинскій, Московскій государственный архивъ въ 16 в. К. У. И. 1889, 5, 23—36.—[91]) А. Михайловъ, Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи. Ж. М. Н. П. 1889, 2, 3.—[92]) И. Некрасовъ, Къ вопросу о Домостроѣ. Ж. М. Н. П. 1889, 6, 372—90.

ронахъ государственной жизни древней Руси, въ теченіе 16 в., таковы изслѣдованія о приказахъ, городахъ, о мѣстничествѣ и другія. Поставивъ себѣ цѣлью прослѣдить исторію возникновенія и сложенія приказовъ внѣшнимъ образомъ (по дьякамъ ихъ), Лихачевъ [93]) даетъ намъ пока внѣшнюю исторію Разряда и выясняетъ составъ его въ 16 и началѣ 17 вѣка; кромѣ того, онъ старается установить существованіе важнѣйшихъ приказовъ съ конца 15 вѣка и доказать, что приказная система корнями своими уходитъ глубоко въ 15 в. (доказываетъ существованіе уже въ это время коллегіальнаго начала); онъ подробно разбираетъ вопросъ о вліяніи дьяковъ на государственныя дѣла, и т. д. Это были, какъ доказываетъ авторъ, важные общественные дѣятели, званіе коихъ передавалось по наслѣдству.

Переходя затѣмъ спеціально къ исторіи Разряда, Лихачевъ доказываетъ существованіе его не только въ половинѣ, но и въ началѣ 16 в. (хотя первое точное свидѣтельство о немъ относится къ 1535 г.), устанавливая для этой цѣли фактъ существованія уже въ то время документовъ, которые характеризуютъ разрядную дѣятельность позднѣйшаго времени. Всѣ эти документы подробно разбираются имъ: разрядныя, боярскія книги, Государевъ Родословецъ (его составъ и отношеніе къ нему Бархатной книги), десятни, частныя родословныя записи и т. д. Разрядныя росписи велись еще въ княженіе Ивана III Начало веденія разрядныхъ подлинниковъ въ книгахъ должно быть относимо ко времени не позже начала 16 в. Тутъ собранъ богатый матеріалъ, весьма важный для исторіи русскихъ дворянскихъ родовъ и состава московскаго служилаго сословія вообще (авторъ, разбирая вопросъ о достовѣрности родословныхъ росписей, подававшихся въ Разрядъ, доказываетъ массу подлоговъ). Трудъ Лихачева вызвалъ указаніе на то, что авторъ ввелъ въ него слишкомъ много сыраго матеріала [94—95]). Частный же вопросъ о процессѣ составленія разрядныхъ книгъ былъ по поводу книги Лихачева вновь разобранъ Милюковымъ [96]). Востоковъ [97]) разобралъ вопросъ о томъ, какое значеніе имѣютъ десятни (1577—1608) для опредѣленія состава служилаго сословія,

---

[93]) Н. Лихачевъ, Разрядные дьяки 16 в. Спб. 1888, XIV, 559; 72, 101 VI, 5 р. (Ж. М. Н. П. 1889, 3. Козеко. И. В. 1889, 4. П. Полевой, Библіографъ, 1888, И. К.)—[94]) Корсаковъ, Московскій Разрядный приказъ и книга Лихачева о разрядныхъ дьякахъ 16 в. Ж. М. Н. П. 1889, 10, 290—325. — [95]) Н. Лихачевъ, Отвѣтъ суровому критику (Возраженіе Д. Корсакову). Москва. 1890, 86.—[96]) П. Милюковъ, Къ вопросу о составленіи разрядныхъ книгъ. Ж. М. Н. П. 1889, 5, 165—94.—[97]) Востоковъ, Русское служилое сословіе по десятнямъ. Ю. В. 1888, 6/7.

прохожденія службы, правъ и обязанностей. Десятни Востоковъ опредѣляетъ, какъ списки служилыхъ людей низшаго рязряда разныхъ наименованій, приписанныхъ къ какому-либо городу, кромѣ Москвы, съ указаніемъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ ихъ. Другому важному вопросу посвященъ трудъ Чечулина [98]), который разобралъ данныя писцовыхъ книгъ о городахъ Московскаго Государства въ 16 в. Авторъ даетъ намъ систематизированный пересказъ описей 40 городовъ (пригороды Новгородской области, Псковъ съ пригородами и др.). При этомъ затрагиваются и разбираются разные вопросы, касающіеся состава населенія и способа владѣнія, такъ напр., объясненіе особой общественной группы „своеземцевъ", которые встрѣчаются въ новгородскихъ пригородахъ, о тяглыхъ дворахъ, о передѣлахъ и др. Онъ же разобралъ собранныя имъ свѣдѣнія о переписяхъ [99]), возникновеніе которыхъ онъ относитъ ко времени Димитрія Донскаго: „Письменное счисленіе людей и обложеніе ихъ поголовною податью были впервые произведены у насъ татарами, оно обратилось потомъ въ описаніе земель и оцѣнку промысловъ и имущества и приняло окончательныя формы подъ вліяніемъ византійскихъ порядковъ этого дѣла". Въ 16 стол. онѣ становятся очень частыми; авторъ разсматриваетъ писцовыя книги, приправочныя, переписныя, окладныя, платежныя, перечневыя. Установить ясно сходство и различіе между ними невозможно, какъ полагаетъ авторъ.

Здѣсь же необходимо упомянуть о первыхъ главахъ обширнаго труда Маркевича [100]) о мѣстничествѣ. Авторъ начинаетъ подробнымъ изложеніемъ представленія о старшинствѣ въ древней (домосковской) Руси, а затѣмъ уже излагаетъ мѣстничество въ Московскомъ государствѣ XV—XVII вв., чему посвящены 4 главы: представленія о старшинствѣ и чести и возникновеніе служебно-родоваго мѣстничества въ Московскомъ государствѣ, исторія мѣстничества до начала 17 в., система мѣстническихъ отношеній, исторія мѣстничества въ 17 стол. и его оффиціальная отмѣна. Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщены приложенія: дѣло кн. В. Ю. Голицына съ кн. И. П. Шуйскимъ, описаніе Яковлевской разрядной и списокъ мѣстническихъ случаевъ. Общій взглядъ автора на мѣстничество — тотъ, что они „совмѣщаетъ въ себѣ такое представленіе о старшинствѣ, которое опи-

---

[98]) Н. Чечулинъ, Города Московскаго государства въ 16 в. Спб. 1889, V, 349.—[99]). Н. Чечулинъ, Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца 16 в. Библіографъ 1889.—[100]) А. Маркевичъ, Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ 15/17 стол. Одесса. 1888, X, 611, CXLIV, 3 р. 50. (Р. М. 1888, 7. Библіографъ, 1888).

рается на служебно-родовое или служебно-родословное основаніе". Мѣстничеству приписывалось до сихъ поръ, какъ полагаетъ авторъ, слишкомъ большое историческое значеніе. Оно было тѣмъ институтомъ, которымъ регулировалось старшинство въ служебныхъ сферахъ, подобно тому, какъ институтъ чиновъ регулировалъ старшинство въ XVIII в. Этимъ и исчерпывается вопросъ о прямомъ значеніи мѣстничества. Критика указывала на противорѣчивые выводы автора относительно вреда или пользы мѣстничества для правительственныхъ интересовъ, какъ и вообще на запутанность его выводовъ. Иконниковъ [101]) указалъ и на то, что недостаточно оцѣнена дѣятельность Ивана Грознаго, направленная къ ограниченію мѣстничества.

Переходя къ 17 вѣку, мы должны начать изслѣдованіемъ Платонова [102]), который разобралъ критически древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени. Авторъ указываетъ на то, что ни одинъ эпизодъ не вызвалъ такой обширной литературы, какъ событія смутнаго времени. Однихъ самостоятельныхъ произведеній мы имѣемъ 30. Разсмотрѣвъ ихъ, Платоновъ пришелъ къ заключенію, что всѣ онѣ составлялись съ какой-нибудь спеціально-узкой, часто партійной точки зрѣнія, что всѣ онѣ носятъ публицистическій характеръ и не заслуживаютъ особаго довѣрія. Иконниковъ [103]) отмѣтилъ особенное вліяніе, которое имѣлъ на бо̀льшую часть этихъ произведеній трудъ Палицына и указалъ на то, что слѣдовало бы обратить вниманіе на нѣкоторые оффиціальные акты и на оффиціальный колоритъ нѣкоторыхъ иностранныхъ извѣстій. Въ томъ же изслѣдованіи Иконниковъ излагаетъ раньше появившуюся уже работу (въ Христіанскомъ Чтеніи, 1885, 86 гг.). Левитскаго „Лже-Димитрій". Левитскій, какъ извѣстно, пришелъ къ тому же выводу относительно источниковъ смутнаго времени, что и Платоновъ, и доказывалъ, что Лже-Димитрій былъ скорѣе индифферентъ, чѣмъ ревностный католикъ. Въ біографическомъ очеркѣ М. Скопина-Шуйскаго Воробьевъ [104]) старается еще разъ окончательно установить, что воевода отравленъ былъ дядей своимъ Димитріемъ Шуйскимъ и его честолюбивой женой, которые опасались, что Скопинъ, какъ любимецъ народный, явится для нихъ опаснымъ конкурентомъ, когда будетъ рѣшаться вопросъ о томъ, кому быть на престолѣ. Форстенъ [105]) изслѣдуетъ вопросъ объ отношеніяхъ между

[101]) Иконниковъ, Рецензія на книгу Маркевича о мѣстничествѣ. К. У. И. 1888.—[102]) С. Платоновъ, Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени 17 в., какъ историческій источникъ. Спб. 1888, VI, 372. (И. В. 1888, 10, П. Полевой, В. Е. 1888, 8.—[103]) В. Иконниковъ, Новыя изслѣдованія по исторіи смутнаго времени Московскаго государства. К. У. И. 1889, 5, 7.—[104]) Г. Воробьевъ, Бояринъ и воевода князь М. Н. Скопинъ-Шуйскій. Р. А. 1889, 8, 465—516. — [105]) Г. Форстенъ, Политика Швеціи въ смутное время. Ж. М. Н. П. 1889, 2, 10, 11.

Россіей и Швеціей въ смутное время. На основаніи богатаго архивнаго матеріала (регистратура Карла IX въ Стокгольмскомъ архивѣ) авторъ описываетъ переговоры Карла IX съ Борисомъ Годуновымъ и отношеніе его къ самозванцамъ и Шуйскому; онъ показываетъ, какъ Швеція неуклонно, не останавливаясь ни передъ какими средствами, стремилась къ территоріальному расширенію на Востокѣ. Интересный матеріалъ издалъ тотъ же ученый для исторіи Балтійскаго вопроса какъ-разъ въ ту эпоху, когда онъ изъ скандинавскаго превращался въ обще-европейскій [106]). Въ изданіи этомъ мы находимъ переписку между датскимъ королемъ, императоромъ, шведскимъ и польскимъ королями, донесенія папскихъ нунціевъ, нѣсколько писемъ Поссевина и т. д. за время отъ 1544 до 1648 гг. О характерѣ сношеній Россіи съ Англіей за это же время (1556—1649) писалъ Александренко [107]), который доказываетъ, что Россія была въ это время важна для Англіи только въ коммерческомъ отношеніи, какъ хорошій рынокъ и удобный транзитный путь на Востокъ; онъ показываетъ, что всѣ усилія англійскаго Тайнаго Совѣта были направлены къ защитѣ англійскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Россіи. Упомянемъ тутъ же о сношеніяхъ нашихъ съ Кавказомъ и Индіей. Для исторіи первыхъ за время 1578—1613 гг. изданъ богатѣйшій матеріалъ изъ Моск. архива Мин. Иностр. Дѣлъ [108]). Матеріалъ этотъ важенъ не только въ историческомъ отношеніи, но и вообще для изученія Кавказа во всѣхъ отношеніяхъ, т.-к. кромѣ цѣлаго ряда статейныхъ списковъ, грамотъ мы находимъ тутъ обширныя описанія Грузіи, Кахетіи, Мингреліи и Имеретіи. До настоящаго изданія о сношеніяхъ этихъ почти ничего не было извѣстно. Издатель Бѣлокуровъ предпослалъ матеріаламъ очеркъ этихъ сношеній съ самаго ихъ возникновенія (со времени основанія Тмутараканскаго княжества). Интересный очеркъ сношеній нашихъ съ Индіей и Средней Азіей представилъ на основаніи документовъ того же архива Ульяницкій [109]). Описывая эти сношенія, которыя главнымъ образомъ развились въ царствованія Мих. Өедоровича и Алексѣя Михайловича (и особенно въ послѣднее), Ульяницкій даетъ характеристику политики этихъ государей и по отношенію къ конкуренціи, которую представляли въ этомъ отношеніи Англія и Голландія. Сношенія эти съ средне-азіатскими ханствами имѣли исключительно торговый характеръ, причемъ активная тор-

---

[106]) Г. Форстенъ, Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ 16 и 17 вв. Спб. 1889, VIII, 340, 2 р.— [107]) В. Александренко, Участіе Англійскаго Тайнаго Совѣта въ дипломатическихъ сношеніяхъ Англіи съ Россіей. Ж. М. Н. П. 1889, 12, 265—79.—[108]) С. Бѣлокуровъ, Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Ч. М. О. И. Д. 1888, 3, 1—XXIX, 1—584.—[109]) В. Ульяницкій, Сношенія Россіи съ Средней Азіей и Индіей. Ч. М. О. И. Д. 1888, 1, 1—62.

говля велась главнымъ образомъ азіатами, пріѣзжавшими въ Московское государство. Цвѣтаевъ [110]) сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ для исторіи сношеній Россіи съ Абиссиніей; онъ описываетъ попытки герцога Саксонскаго Эрнеста побудить Абиссинію при помощи русскаго правительства принять участіе въ общей войнѣ противъ Турціи; въ Россіи представителемъ герцога при этихъ переговорахъ былъ извѣстный Лаврентій Ринуберъ.

Платоновъ [111]) напечаталъ найденный имъ современный разсказъ о московскихъ волненіяхъ 1648. Разсказъ этотъ разрѣшаетъ, какъ говоритъ Платоновъ, всѣ спорные вопросы относительно этихъ волненій (вопросъ о днѣ этого событія) и особенно интересенъ тѣмъ, что является единственнымъ источникомъ, авторъ котораго, разсказывая объ уступкахъ народу, къ которымъ вынужденъ былъ царь, стоитъ вполнѣ на сторонѣ бунтовщиковъ. Вопросу объ источникахъ уложенія посвящено изслѣдованіе Верховскаго [112]). Высказавъ мнѣніе, что на уложеніе нельзя смотрѣть ни какъ на сводъ, ни какъ на кодексъ, а какъ на сводный кодексъ, авторъ опровергаетъ мнѣнія Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова. Онъ доказываетъ, что ссылки, которыя имѣются при многихъ статьяхъ уложенія въ подлинной рукописи, вопреки мнѣнію Сергѣевича, дѣйствительно указываютъ на источники уложенія; точно также и встрѣчающіяся въ текстѣ замѣчанія въ родѣ „а нынѣ государь указалъ“, или „впредь съ сего государева указу“. Далѣе, онъ опровергаетъ утвержденіе Буданова, что непосредственнаго заимствованія изъ литовскаго статута не было, а что „рецепція статей статута сдѣлана раньше составленія уложенія и предлежала готовой въ указныхъ книгахъ приказовъ“. Затѣмъ авторъ переходитъ къ подробному перечисленію статей уложенія съ указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ каждая статья заимствована. Сторожевъ [113]) въ небольшой замѣткѣ по поводу изслѣдованія Верховскаго, обращаетъ вниманіе на то, что изученіемъ столбцовъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, мы можемъ ознакомиться съ практическимъ примѣненіемъ законовъ и уяснить себѣ тайну отношенія составителей уложенія къ своимъ источникамъ: въ этихъ столбцахъ мы встрѣчаемъ часто копіи текстовъ недошедшихъ до насъ подлинныхъ указовъ и цѣлую массу челобитныхъ. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что уложеніе почему-то игнорировало нѣкоторые извѣстные въ его время юридическіе вопросы;

---

[110]) Цвѣтаевъ, Сношенія съ Абиссиніей въ 17 в. Р. А. 1888 2, 205—10.— [111]) С. Платоновъ, Московскія волненія 1648 года. Ж. М. Н. П. 1889, 6, 279—89.—[112]) Н. Верховской, Источники Уложенія Царя Алексѣя Михаиловича. Ю. В. 1889, 11, 369—388.—[113]) Н. Сторожевъ, Къ вопросу объ источникахъ уложенія. Ю. В. 1889, 12, 663—666.

такъ напр. оно ничего не говоритъ объ однодворцахъ (въ 17 в. однодворцы были, какъ доказываетъ Сторожевъ, дворяне). Изучить происхожденіе 16 и 17 гл. уложенія намъ даетъ возможность также указная книга помѣстнаго приказа, какъ утверждаетъ издатель ея Сторожевъ [114]). Указная книга является, говоритъ Сторожевъ, весьма важнымъ памятникамъ для исторіи нашего землевладѣнія и законодательства по землевладѣнію въ первой половинѣ 17 стол. Въ предисловіи авторъ даетъ обзоръ законодательства, предшествовавшаго „указной книгѣ". Кромѣ того, приложено перечисленіе извѣстныхъ донынѣ указовъ о поземельномъ владѣніи, начиная съ судебниковъ. Иконниковъ, [115]) познакомилъ насъ съ настоящимъ положеніемъ вопроса о дѣятельности и дѣлѣ патріарха Никона, причемъ остановился главнымъ образомъ на трудахъ Гюббенета, Макарія, Гейдена, прот. Николаевскаго, Бѣлокурова, Субботина и др. Реформаціонная дѣятельность Никона сравнивается съ дѣятельностью Петра; разница та, что Никонъ пользовался не западно-европейскими, а южнорусскимъ и греческимъ элементами. Иконниковъ указываетъ на значеніе этого послѣдняго элемента въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и на то, что всѣ, занимаясь исключительно „дѣломъ" Никона, оставляютъ совершенно въ сторонѣ его біографію и связанные съ ней вопросы о реформаторской дѣятельности Никона вообще. Изслѣдованіе Оглоблина [116]) о помѣрной избѣ хорошо характеризуетъ финансовую политику правительства и систему сборовъ XVII вѣка, покоившуюся на безвозмездной службѣ торговыхъ людей, которыхъ выбирало правительство. Помѣрная изба завѣдывала хлѣбной торговлей города Москвы и собирала „помѣрныя пошлины" съ привознаго хлѣба. Оглоблинъ описываетъ дѣятельность помѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ и способъ вознагражденія ихъ „государевымъ жалованіемъ" за приборъ,—интересныя данныя приводятся о состояніи хлѣбнаго рынка. Въ изданныхъ Замысловскимъ [117]) извлеченіяхъ изъ переписныхъ книгъ мы находимъ, кромѣ географическихъ и статистическихъ указаній, много свѣдѣній относительно права землевладѣнія, промышленности и торговли. Указывалось на то, что эти данныя доказываютъ существованіе мірского землевладѣнія въ то время, что по нимъ

---

[114]) Указная книга помѣстнаго приказа. 1-й вып. историко-юридическихъ матеріаловъ, издаваемыхъ Москов. Арх. Мин. Юстиціи. Москва. 1889, 212, 75 к. (помѣщено также въ VI т. описанія документовъ и бумагъ этого архива). — [115]) В. Иконниковъ, Новые матерьялы и труды о патріархѣ Никонѣ. К. У. И. 1888, 6, 27—102.—[116]) Оглоблинъ, Московская помѣрная изба. Ч. М. О. И. Д. 1, 2, 1889, 1—24. — [117]) Е. Замысловскій, Извлеченія изъ переписныхъ книгъ 1676—82. Спб. 1888, VI, 314. (Ж. М. Н. П. 1889, 7).

можно хорошо опредѣлить составъ сельскаго населенія на сѣверѣ. Въ предисловіи Замысловскій даетъ изслѣдованіе о ходѣ и значеніи переписей въ исходѣ 17 вѣка. Описано 13 гор. и 11 уѣздовъ (различныхъ мѣстностей Московскаго государства), названія которыхъ начинаются буквами А и Б. Всѣ данныя относятся къ царствованію Ѳедора Алексѣевича. Въ XI т. Русской исторической библіотеки напечатаны выписи изъ писцовыхъ книгъ города Ростова въ XVIII стол. Въ этомъ-же томѣ (продолженіе записныхъ книгъ московскаго стола) изданъ богатый матеріалъ для исторіи организаціи военнаго дѣла во второй половинѣ XVII вѣка, за 1664—1665 гг. („война царя Алексѣя съ Польшей" и „книга о полковыхъ дѣлахъ полку боярина Михаила Алегуковича Черкасскаго съ товарыщи" (за 1678—79 гг.) подробная исторія приготовленій московскаго правительства къ походу противъ турокъ [118]). Отношенія между Россіей съ одной стороны, а съ—другой съ Швеціей, Даніей и Польшей въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича изслѣдованы Замысловскимъ [119]—[120]) по рукописямъ Моск. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Авторъ показываетъ, какъ близко затрагивала борьба Швеціи за гегемонію на Балтійскомъ морѣ интересы русскаго правительства, и описываетъ попытки Швеціи и Даніи привлечь Россію на свою сторону. Описывая отношенія къ Польшѣ, Замысловскій указываетъ между прочимъ на политическую дальновидность Московскаго правительства, чрезвычайно осторожно относившагося къ предложеніямъ Польши, не довѣряя ея силамъ. Авторъ описываетъ переговоры 1676—1680 гг. (посольства Чаадаева и Украинцева, Чарторыжскаго и Сапѣги, Бутурлина, Пронищева, Желябужскаго и Протопопова). Въ краткомъ очеркѣ Стороженко [121]) характеризуетъ программу, которую поставило себѣ въ XVII вѣкѣ относительно просвѣщенія Московское правительство, прежде всего руководствовавшееся желаніемъ удовлетворить своимъ практическимъ потребностямъ. Относительно греко-латинской школы Арсенія Грека въ Москвѣ Бѣлорусовъ [122]), основываясь на второмъ изданіи Олеарія, доказываетъ, что школа эта была открыта не въ 1634 г. при патріархѣ Филаретѣ, а при Никонѣ, по всей вѣроятности, въ 1653 г.

---

[118]) Русская Историческая Библіотека т. XI. (Изданіе Археограф. Коммиссіей). Спб. 1889, 525 + 250, 192 3 р. 50 к. — [119]) Е. Замысловскій. Сношенія Россіи съ Швеціей и Даніей во время царствованія Ѳеодора Алексѣевича. Р. В. 1889, 1—36.—[120]) Е. Замысловскій Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Ж. М. Н. П. 1888, 1, 2, 3. — [121]) Н. Стороженко, Къ исторіи русскаго просвѣщенія. К. С. 1889, 11, 328—349. — [122]) С. Бѣлокуровъ, Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ Арсенія Грека въ Москвѣ въ 17 в. Москва. 1888, 43. (Изъ чт. Общ. Люб. Дух. Нрав. 1888, IV).

Гоздаво-Голомбіевскій [123]) далъ интересную характеристику картографической дѣятельности Моск. правительства, средствъ и пріемовъ, употреблявшихся при составленіи чертежей, и напечаталъ списокъ чертежей (около 250). Брикнеръ [124]), продолжая свой критическій обзоръ сочиненій Юрія Крижанича, излагаетъ его государственныя идеи, обращая вниманіе на то, что Крижаничъ уже въ то время указывалъ на необходимость познакомиться и съ законодательствами другихъ народовъ, необходимость для Россіи политическихъ реформъ и установленія правилъ престолонаслѣдія. Интересные очерки жизни стариннаго сословія боярскихъ дѣтей въ 16 и 17 вв.. характеристику хозяйства и военной жизни находимъ въ статьѣ Е. Щ. [125]); авторъ собралъ въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи свѣдѣнія о предкахъ извѣстнаго Болотова, начиная со второй половины 16 в. На основаніи данныхъ о Вл. Голицынѣ въ Розыскныхъ дѣлахъ о Ѳед. Шакловитомъ Опочининъ [126]) представилъ характеристику устройства дома знатнаго боярина 17 в. Съ жизнью монастырей 17-го вѣка знакомитъ насъ работа Доброклонскаго [127]), который привелъ въ порядокъ и разработалъ богатый матеріалъ въ архивѣ монастыря Солочи (въ 20 верстахъ отъ Рязани). Авторъ рисуетъ намъ организацію хозяйственной власти монастыря, объемъ судебной власти его, судопроизводство и т. д. Существенной заботой монастыря была матеріальная, финансовая сторона; на крестьянъ монастырь смотрѣлъ, только какъ на рабочую силу и доходную статью; цивилизаторская же его миссія была очень незначительна. Доброклонскій полагаетъ, что примѣромъ этимъ отчасти иллюстрируется то, что имѣло мѣсто въ хозяйствѣ, судѣ и управленіи всѣхъ большихъ монастырей 17-го вѣка. (Въ 6 вып. своихъ Матеріаловъ Холмогоровъ [128]) описываетъ Вохонскую десятину Московскаго уѣзда). Для исторіи сношеній съ Западомъ и вліянія Запада на Россію интересна обширная работа Цвѣтаева [129]) о протестантской колоніи въ Россіи. Въ вышедшихъ 4-хъ главахъ 1-го тома разсказывается на основаніи главнымъ образомъ богатаго архивнаго матеріала внѣшняя исторія протестантскихъ общинъ въ Россіи въ

[123]) Гоздаво-Голомбіевскій, Опись чертежей, хранившихся въ разрядѣ во второй половинѣ 17 в. (VI т. Описанія дѣлъ и бумагъ Арх. Мин. Юст.).— [124]) А. Брюкнеръ, О сочиненіяхъ Юрія Крижанича. Р. В. 1889, 6, 3—29.— [125]) Е. Щ., Каширскіе дворяне (семейная хроника 16 и 17 вв.). В. Е. 1889, 7, 170—204.—[126]) Опочининъ, Домъ боярина 17 вѣка. Р. В. 1888, 12.—[127]) А. Доброклонскій, Солочинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ 17 в. Ч. М. О. И. Д. 1888, 1, 1—129.—[128]) В. и Г. Холмогоровъ, Историческіе матерьялы о церквахъ и селахъ 17/8 столѣтій. Ч. М. О. И. Д. 1888, 4, 1—169.—[129]) Д. Цвѣтаевъ, Протестанты и протестанство въ Россіи до эпохи преобразованій. Ч. М. О. И. Д. 1889, 14, 1—329.

16 и 17 вв., характеризуется свобода совѣсти, которой онѣ пользовались, внутреннее церковное управленіе, ихъ жизнь, бытъ и сношенія между собой. Для бытовой исторіи интересны собранныя и классифицированныя Сергѣевскимъ [130]) свѣдѣнія о наказаніяхъ въ Россіи. Упомянемъ тутъ же о статьяхъ Дитятина [131]), который излагаетъ и комментируетъ вышедшую еще въ 1887 г. книгу Латкина о земскихъ соборахъ, и о послѣдней главѣ труда Маркевича, которая заключаетъ въ себѣ исторію мѣстничества въ XVII в. и въ которой мы можемъ прослѣдить интересную перемѣну во взглядахъ правительства и общества на этотъ институтъ въ теченіе XVII в. Въ упомянутой статьѣ Иконникова характеризуется этотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ и указывается на то, что Маркевичъ неосновательно приписываетъ объявленію „безмѣстія" такое исключительное значеніе въ исторіи отмѣны мѣстничества и что онъ слишкомъ большое значеніе приписываетъ вліянію Польши и польской образованности въ дѣлѣ тогдашнихъ реформъ (такъ авторъ готовъ подобное же происхожденіе приписать и проекту о старшинствѣ чиновъ царя Ѳедора Алексѣевича). Вредъ, который мѣстническіе счеты приносили въ войскѣ, характеризовалъ Бобровскій [132]); сознаніе необходимости нововведеній въ войскахъ, доказываетъ онъ, и послужило ближайшимъ поводомъ къ отмѣнѣ мѣстничества; съ паденіемъ его начинается возрожденіе русскаго войска. Съ литературой о Петровскомъ времени переходимъ къ XVIII в.

IV) XVIII в.

Критико-библіографическій обзоръ литературы, относящейся къ Петру, составленный Шмурло [133]), имѣетъ значеніе, не только какъ справочное пособіе; онъ показываетъ намъ, кромѣ того, какъ измѣнялись постоянно въ исторической литературѣ взгляды на Петра и его реформы. Въ III т. разыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ [134]) напечатанъ столбецъ о ссылкѣ князей Василія и Алексѣя Голицыныхъ въ Каргополь, а затѣмъ въ Яренскъ, дѣло о „пересылкѣ князя В. Голицына въ 1689 г. подъ Перекопомъ съ Крымскимъ ханомъ", о пересылкѣ Голицыныхъ изъ Яренска въ Пустозерскъ, данныя о смерти Голицына и объ освобожденіи вдовы и сына его изъ ссылки

---

[130]) Н. Сергѣевскій, Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в. Спб. 1888, XII+300, 2 р. (Библіографъ, 1889, Лп.-Дн.)—[131]) И. Дитятинъ, Къ исторіи русскаго законодательства 16/7 в. Р. М. 1888, 1, 3, 10, 11.—[132]) Бобровскій, Мѣстничество и преступленія противъ родовой чести въ русскомъ войскѣ до Петра I. Спб. 1888, 31.—[133]) Е. Шмурло, Петръ Великій въ русской литературѣ. Спб. 1889, 136. (Изъ Ж. М. Н. П. 1889, 7, 8).—[134]) Розыскныя дѣла о Ѳеодорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. (Изд. археограф. коммиссіи) III т. Спб. 1888, 1472, 3 р.

Востоковъ [135]) издалъ интересную переписку стольника Безобразова, казненнаго по обвиненію въ намѣреніи извести Петра. Напечатано 10 писемъ жены Безобразова, которая является человѣкомъ, вполнѣ понимающимъ и общественную жизнь, письма прикащиковъ Безобразова и др.

Записки Сильвестра Медвѣдева возстановляетъ во всей ихъ полнотѣ Шмурло [136]); онъ обращаетъ вниманіе на то, что списокъ напечатанный Туманскимъ въ его „Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій...", хотя разорванъ и въ безпорядкѣ распредѣленъ по VI части, но представляетъ полное сходство со спискомъ, напечатаннымъ у Сахарова. Далѣе Шмурло доказываетъ, что разныя статейки о стрѣлецкомъ бунтѣ, разбросанныя въ соч. Туманскаго, и напечатанныя въ IV т. Актовъ Археогр. Экспедиціи, также входили въ составъ записокъ Медвѣдева и что то, что̀ издатели Актовъ Археограф. Экспедиціи называютъ „Академической рукописью о стрѣлецкомъ бунтѣ", и есть записки Медвѣдева, состоящія въ сущности изъ массы документовъ, перемѣшанныхъ вставочными объясненіями, но изъ этой рукописи напечатано не все принадлежащее Медвѣдеву. Въ спискѣ же Григоровича находится еще цѣлая часть записокъ ненапечатанная. Такимъ образомъ представленіе, которое мы имѣли до сихъ поръ о запискахъ Медвѣдева далеко отъ истины. Авторъ указываетъ поэтому на необходимость ученаго изданья ихъ.

V-й т. описанія документовъ Моск. Архива Мин. Юстиціи знакомитъ насъ между прочимъ съ тремя учрежденіями, характеризующими переходное время; Востоковъ [137]) характеризовалъ дѣятельность Генеральнаго двора, который завѣдывалъ наборомъ новыхъ полковъ и разсматривалъ судебные, финансовые и другіе связанные съ этимъ дѣломъ вопросы, Токаревъ [138])—дѣятельность Ближней Канцеляріи, которой поручена была ревизія доходовъ и расходовъ, Голубевъ [139])—дѣятельность Расправной палаты—кассаціоннаго, высшаго судилища. Всѣ эти три учрежденія находились въ тѣсной связи отчасти съ Боярской думой, отчасти съ Сенатомъ, наполняя промежуточное время между ними.

---

[135]) А. Востоковъ, Переписка стольника Безобразова. Ч. М. О. И. Д. 1888, 1, 1—59.—[136]) Е. Шмурло, О запискахъ Сильвестра Медвѣдева. Ж. М. Н. П. 1889, 4, 335—69. — [137]) Востоковъ, О дѣлахъ Генеральнаго Двора. V-й томъ Описанія документовъ и бумагъ Арх. Мин. Юстиціи. — [138]) Токаревъ, Ближняя Канцелярія при Петрѣ Великомъ и ея дѣла. V-й т. Описанія документовъ и бумагъ Архива Министерства Юстиціи.—[139]) Голубевъ, Расправная палата приСенатѣ. V-й т. Описанія документовъ и бумагъ Архива Министерства Юстиціи.

Укажемъ тутъ-же на 4 т. „Докладовъ и приговоровъ, состоявшихся въ Сенатѣ“: этотъ томъ обнимаетъ только первую половину 1714 г. (издаются Акад. Наукъ подъ редакціей Дубровина) [140]).

Нѣсколько новыхъ данныхъ о Владимірѣ Атласовѣ, завоевателѣ Камчатки, сообщилъ Оглоблинъ [140]) изъ дѣлъ Сибирскаго Приказа, а именно о первомъ походѣ Атласова 1697—99 г., о поѣздкѣ его въ Москву и награжденіи, о приготовленіи ко второму походу; авторъ устанавливаетъ фактъ убійства Атласова, который до сихъ поръ не всѣ признавали. Много матеріала для исторіи Петровскаго царствованія въ XVIII стол. Графъ К. Толстой [141]) издалъ извѣстный до сихъ поръ только въ отрывкахъ девникъ путешествія стольника Толстова (по рукописи Казанскаго Университета); біографію другого сотрудника Петра Неплюева написалъ Витевскій [142]), который старается между прочимъ обѣлить Неплюева по поводу его участія въ дѣлѣ Волынскаго и доказываетъ, что Неплюевъ не получилъ ничего изъ имѣній Волынскаго послѣ его казни, какъ это полагали. Шереметевскій [143]) представилъ нѣсколько новыхъ данныхъ для біографіи кабинетъ-секретаря Петра Макарова.

Шубинскій [145]) по рукописямъ Бодлеанской библіотеки, которыя ему сообщилъ проф. Оксфордскаго Университета Морфиль, напечаталъ нѣсколько новыхъ данныхъ къ пребыванію Петра въ Англіи въ Дептфордѣ; заявленіе арендатора дома, гдѣ жилъ Петръ, объ убыткахъ, которые онъ понесъ, вслѣдствіе порчи помѣщенія, и распоряженіе правительства о возмѣщеніи убытковъ. Арсеньевъ [146]) напечаталъ подлиникъ (по содержанію уже и раньше извѣстный) донесенія Дальберга Карлу XII, въ которомъ онъ оправдываетъ свое поведеніе по поводу извѣстнаго столкновенія во время пребыванія Петра въ Ригѣ. Веневитиновъ [147]) описываетъ судостроеніе въ Воронежѣ и столкновенія которыя происходили при этомъ между русскими рабочими и иностранцами, завѣдывавшими работами.

---

[140]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. 3, 4, 1714. (ч. I. январь—іюль). Спб. 1888, 16, 600, 4.— [141]) Н. Оглоблинъ, Новыя данныя о Владимірѣ Атласовѣ. Ч. М. О. И. Д. 1888, 1, 1—30.— [142] Д. Толстой, Путешествіе стольника П. А. Толстова. Р. А. 1888, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.— [143]) В. Витевскій, Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758. Казань. 1888, XIV, 176, 1 р. 60 к. (Р. М. 1889, 5).— [144]) В. Шереметевскій, Дѣла слѣдственной о Кабинетъ - Секретарѣ Петра I Макаровѣ коммиссіи. VI т. Описанія докум. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи.— [145]) С. Н. Шубинскій, Петръ Великій въ Дептфордѣ. И. В. 1888, 11, 409—22.— [146]) С. Арсеньевъ, Донесеніе Рижскаго губернатора Дальберга Карлу XII. Р. А. 1889, 3, 385—91.— [147]) М. Веневитиновъ, Изъ областной старины. Воронежская старина. Р. В. 1889, 5, 1—32.

Въ той же статьѣ онъ описываетъ лѣсные пожары въ Воронежскомъ краѣ и мѣры посредствомъ которыхъ Петръ энергично боролся съ пожарами.

Очень интересны напечатанные Бѣлокуровымъ [148]) 13 подметныхъ писемъ; о нѣкоторыхъ до сихъ поръ не было ничего извѣстно (изъ Московск. Архива Министерства Иностран. Дѣлъ); въ письмахъ этихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя приписываются Посошкову, указывается на новые источники доходовъ, въ другихъ говорится о податяхъ, объ иконахъ, иконописцахъ, причемъ требуется большая простота въ этомъ отношеніи, о книгахъ, которыя должны бы быть дешевле; противъ роскоши въ платьѣ; въ другихъ помѣщены челобитныя людей боярскихъ о „свободствѣ"; разбираются причины пораженія русскихъ войскъ при Нарвѣ и т. д.

Много данныхъ для исторіи Сѣверной войны заключается въ 61-мъ томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества [149]) (подъ редакціей Половцева), въ которомъ напечатаны извлеченныя изъ Public Record office донесенія англійскихъ пословъ при русскомъ дворѣ. Англія предвидѣла усиленіе Россіи и тотчасъ же по окончаніи войны за испанское наслѣдство начинаетъ дипломатическую борьбу противъ насъ; болѣе всего она страшилась развитія русскаго флота и пыталась заставить возвратиться на родину всѣхъ англійскихъ матросовъ и рабочихъ, которые были на русской службѣ. Мы узнаемъ также о мѣрахъ противъ русскихъ матросовъ въ Англіи, а также получаемъ много данныхъ о состояніи войска, флота и т. п. Интересно, между прочимъ, предложеніе посла Джеффериса англійскому правительству послать суда къ Аландскимъ островамъ, чтобы захватить тамъ русскихъ и шведскихъ пословъ, которые вели переговоры о мирѣ. К. Я. Гротъ [150]) сообщилъ напечатанный въ шведскомъ журналѣ „Svensk Tidskrift" черновой подлинникъ перваго оффиціальнаго извѣщенія о Полтавской битвѣ, которое король прислалъ засѣдавшему въ Стокгольмѣ правительственному совѣту (въ двухъ редакціяхъ). Масловскій [151]) напечаталъ составленный Крюйсомъ проектъ плана кампаніи 1708 г. и оригиналъ ордера-де-баталіи подъ Лѣсной съ собственной резолюціей Петра В. И тутъ, какъ во всѣхъ послѣдующихъ работахъ, авторъ старается доказать, что не все въ русскомъ войскѣ было заимствовано съ Запада и что необходимость многихъ нововведеній была понята

---

[148]) С. Бѣлокуровъ, Подметныя письма. Ч. М. О. И. Д. 1888, 2, 1—80.—[149]) Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. С. Р. И. О. 61. Спб. 1888, XI, 610, 3 р.—[150]) Я. К. Гротъ, Карлъ XII о полтавскомъ погромѣ. Р. С. 1888, 12, 760—762—[151]). Д. Масловскій, Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Ч. М. О. И. Д. 1888, 3, 1—24.

Петромъ раньше Фридриха Великаго. Для непосредственно послѣпетровскаго времени мы имѣемъ много матеріала въ 63, 64, 66 и 69 томахъ Сборника Русскаго Историческаго Общества. Въ 66 томѣ [152]) напечатано продолженіе донесеній англійскихъ пословъ за 1728—33 годы; кромѣ нѣсколькихъ донесеній Ward'a, большинство принадлежитъ Рондо (къ лорду Гаррингтону), богатый матеріалъ для исторіи политическихъ и торговыхъ сношеній. (Тутъ же упомянемъ о томъ, что Александренко [153]) нашелъ разбросанными въ англійскихъ архивахъ Record Office и Бодлеанской библіотекѣ нѣкоторыя бумаги русскаго посла, извѣстнаго сатирика, князя Кантеміра). Особенно интересны напечатанныя въ 64 т. [154]) (подъ редакціей Штендмана, изъ Парижскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ) донесенія французскаго посла Кампредона и, оставленнаго въ Россіи послѣ отзыва Кампредона, повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна за 1725—27 гг. Главное содержаніе этихъ донесеній—исторія послѣднихъ переговоровъ по поводу несостоявшагося проекта союза между Россіей и Англіей и Франціей и по поводу союза Россіи съ Пруссіей и Австріей. Но и для внутренней Россіи за это время находимъ мы коечто интересное: такъ уже въ это время Кампредонъ указываетъ на развивающіяся стремленія верховниковъ ограничить самодержавную власть. Особенно богатый и разнообразный матеріалъ для исторіи внутренняго быта за это время находимъ въ изданныхъ подъ редакціей Дубровина протоколахъ и указахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта (изъ архивовъ государственнаго, сенатскаго и министерства иностранныхъ дѣлъ) за 1727 г. [155]). Во II-мъ томѣ Сенатскаго Архива [156]) напечатаны журналы и опредѣленія Правительствующаго Сената за 1732, 1735, 1737, 1738, 1739 (только за эти годы и сохранился матеріалъ въ Сенатскомъ архивѣ); интересныя свѣдѣнія о канцелярскихъ порядкахъ этого времени находимъ въ работѣ Ардашева [157]), о вотчинномъ архивѣ (архивная коммиссія стольника Милославскаго въ 1626—27, перевозка архива въ 1722 г. въ Москву, пожаръ 1737 и др.), точно также и образчикъ

---

[152]) Донесенія и другія бумаги англійскихъ пословъ при Русскомъ Дворѣ съ 1728—33. С. Р. И. О. 66. Спб. 1889, XIII, 681, 3 р.—[153]) В. Александренко, Первое и второе письмо изъ Лондона. 1732/8, Ж. М. Н. П. 1889, 8, 9. 32—40, 62—5. — [154]) Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона и повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна 1726/7. С. Р. И. О. 64. Спб. 1888, XV, 601, 3 р. — [155]) Протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта. 1726—30. Ч. III., янв. іюль 1727 ч.. IV, іюль—дек. 1727 С. Р. И. О. 63, 69. Спб. 1888/9, XXXVIII, 875, LVII, 967, 3 р. — [156]) Сенатскій Архивъ т. 2. Спб. 1889, 647, 70. — [157]) Н. Ардашевъ, Дополненія къ исторіи вотчиннаго архива въ 18 столѣтіи VI т. Описанія докум. и бумагъ Моск. Архива Мин. Юстиціи.

архивныхъ статистическихъ работъ въ первой половинѣ 18 вѣка). Изъ нея мы видимъ, что уже въ то время правительство считало этотъ архивъ важнѣйшимъ при разрѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ исторіей землевладѣнія въ Россіи. Далѣе отмѣтимъ изданныя Масловскимъ [158]) реляціи Миниха объ аттакѣ Данцига въ 1734 г. (изъ Московскаго отдѣленія архива главнаго штаба); Масловскій указываетъ важные и крупные промахи Миниха, которые объясняетъ тѣмъ, что Минихъ руководствовался не требованіями стратегіи, а своими личными политическими взглядами. Исторію Сибири до воцаренія Елизаветы мы имѣемъ въ 1 томѣ „Исторіи Сибири“ Андріевича [157 а]) (1 часть до 1660, вторая съ 1660 до воцаренія Елизаветы). Изслѣдованіе Ѳирсова [159]) о вступленіи на престолъ Елизаветы не даетъ новаго матеріала, но, благодаря группировкѣ матеріала, даетъ намъ хорошую картину тогдашняго общественнаго настроенія и состоянія Россіи. Якубовъ [160]) познакомилъ насъ съ сочиненіемъ „Journal du général J. Keith pendant la guerre en Finland 1741—43 (uitgegewen af. A. J. Hjelt, Helrinstos, 1887). Кейтъ былъ начальникомъ русскаго вспомогательнаго корпуса, который отправленъ былъ въ Шведію, чтобы защитить ее отъ нападеній Даніи. Дневникъ его можетъ служить дополненіемъ къ мемуарамъ Манштейна, которые до сихъ поръ были главнымъ источникомъ для исторіи войны 1741—43 гг. Участіе Россіи въ 7-лѣтней войнѣ продолжаетъ до сихъ поръ занимать вниманіе историковъ. Масловскій [161]) описываетъ походъ Фермора въ 1757—59 гг. въ восточныя провинціи Пруссіи и старается, какъ во всѣхъ своихъ работахъ, спасти честь русскаго войска и русскаго военнаго искусства. Онъ указываетъ на то, что дисциплина въ русскомъ войскѣ была очень строгая и что причиной неудачи многихъ предпріятій русскихъ полководцевъ была только нерѣшимость и неустойчивость Петербургской конференціи, которая вырабатывала планы. Въ замѣткѣ, приложенной къ изданнымъ письмамъ П. Панина [162]) (тутъ описано, между прочимъ, Пальцигское сраженіе 1759 г.), Масловскій обращаетъ вниманіе на отзывъ Панина о человѣколюбивомъ обращеніи нашихъ солдатъ и на то, что письмами этими опровергается сложившееся мнѣніе о неумѣлыхъ дѣйствіяхъ нашей

[157а]) Андріевичъ, Исторія Сибири, ч. I. Спб. 1889.—[158]) Д. Масловскій, Аттака Гданска Фельдмаршаломъ Графомъ Минихомъ въ 1734. Ч. М. О. И. Д. 1888, 2, 1—XXVI. 1—208. — [159]) Н. Ѳирсовъ, Вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны. Казань. 1882, 165.—[160]) Якубовъ, Дневникъ генерала Кейта. Ж. М. Н. П. 1888, 2, 517/8. — [161]) Масловскій, Русская армія въ 7-лѣтней войнѣ, II. 1757/9. Москва. 1888, 434, 32. — [161]) Письма П. Панина къ графу Н. Панину во время 7 л. войны и генералъ-губернаторства въ Восточной Пруссіи. Р. А. 1888, 5, 65—97.

конницы въ то время. Рѣпинскій [163]) составилъ біографію извѣстнаго участника этой войны, русскаго генерала графа Тотлебена, въ которой напечатано нѣсколько новыхъ его реляцій. Масловскій [164]) въ отвѣтъ на эту статью доказываетъ, что Тотлебенъ не имѣлъ права приписывать себѣ честь взятія Берлина, и что для этой цѣли онъ распространялъ реляціи, которымъ нельзя придавать вѣры; взятъ Берлинъ былъ корпусами Чернышева и Панина. Далѣе онъ доказываетъ, что Тотлебенъ заключилъ капитуляцію въ Берлинѣ, не будучи совершенно уполномоченнымъ на это. Въ 34 т. [165]) Воронцовскаго архива также имѣется матеріалъ для исторіи семилѣтней войны, а именно секретная записка о союзѣ противъ Англіи, представленная нашему кабинету маркизомъ Лопиталемъ, и экстракты и переводы писемъ Фридриха Великаго къ его генераламъ; письма эти у генерала Фуке были захвачены Австрійцами и въ копіяхъ сообщены нашему правительству. Далѣе отмѣтимъ интересныя данныя о распространеніи во второй и третьей четверти 18 столѣтія хлыстовъ, сообщенныя Нечаевымъ [166]). О первыхъ торговыхъ сношеніяхъ нашихъ съ Ташкентомъ (1741, 1742 гг.) писалъ Оглоблинъ [167]) (онъ напечаталъ, между прочимъ интересную, сохранившуюся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, „сказку" вятскаго татарина, Шубая Арасланова, о его путешествіи изъ Орска въ Ташкентъ). Для характеристики жизни и дѣятельности тогдашнихъ воеводъ во ввѣренныхъ имъ провинціяхъ и тогдашняго судопроизводства интересны данныя слѣдственнаго дѣла о пермскомъ воеводѣ Жуковѣ (1752—1756 гг.) [168]).

Нѣсколько интересныхъ замѣчаній вызвала вышедшая въ 1887 г. книга Латкина о законодательныхъ коммиссіяхъ въ 18-мъ вѣкѣ. Зерцаловъ [169]) опровергаетъ мнѣніе Латкина, что предпринятая кодификація была немыслима вслѣдствіе того, что для отысканія указовъ въ приказахъ не было никакихъ вспомогательныхъ средствъ, и указываетъ на: 1) Записныя книги а) челобитнымъ прописямъ вершеныхъ и невершеныхъ дѣлъ и б) указамъ и боярскимъ приговорамъ.

---

[163]) Рѣпинскій, Графъ Готлобъ Куртъ Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—63 гг. Р. С. 1888, 10; 1889, 6, 9, 10.—[164]) Д. Масловскій, Роль Графа Готлоба Тотлебена при взятіи русскими Берлина въ 1760 г. Воен. Сб. 1888, 11, 218—26.—[165]) Архивъ кн. Воронцова, т. XXXIV. Москва. 1888, XI, 504, 3 р.—[166]) Нечаевъ, Дѣла слѣдственныхъ о раскольникахъ коммиссій въ 18 в. (въ VI т. Описанія дѣлъ и бум. изъ Арх. Мин. Юст.).—[167]) Н. Оглоблинъ, Путешествіе русскихъ купцовъ въ Ташкентъ. Р. А. 1888, 8, 401—416.—[168]) Н. Неѣловъ, Слѣдственная коммиссія о злоупотребленіяхъ Пензенскаго воеводы Жукова (1752—1756). Ч. М. О. И. Д. 1—40.—[169]) А. Зерцаловъ, Замѣчанія на книгу „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII стол." В. Латкина. Ч. М. О. Д. И. 1888, 1—34.

2) Азбуки, т.-е. алфавиты разнымъ дѣламъ и 3) Записныя книги запросамъ разныхъ приказовъ, и утверждаетъ, что требуемыя справки выдавались очень скоро. Кромѣ того, онъ даетъ нѣкоторыя дополненія къ исторіи коммиссій 1700, 1714, 18, 23, 24 и малороссійской коммиссіи во время ея пребыванія въ Москвѣ въ 1735 г.

Владимірскій-Будановъ [170]) опровергаетъ мнѣніе Латкина объ индифферентномъ отношеніи общества къ призывамъ правительства. Какъ на причины неудачнаго результата созыва депутатовъ въ коммиссіи, онъ указываетъ на неудобные сроки явки, которые установлены были такъ, что во многихъ мѣстностяхъ узнавали о вызовѣ депутатовъ только тогда, когда они должны были уже быть въ Петербургѣ, на обширность избирательныхъ округовъ, неопредѣленность инструкціи о выборахъ и сословное начало: населеніе не было вовсе призываемо, а дворянства во многихъ мѣстностяхъ, откуда оно было призываемо, вовсе не было. Далѣе авторъ утверждаетъ, что выборные въ коммиссію (Елизаветинская коммиссія) очень усердно работали, и доказываетъ вліяніе ихъ сословныхъ идей на характеръ уложенія. Оглоблинъ [170а—170б]) доказываетъ, что историкъ Гергардъ Миллеръ не совсѣмъ добросовѣстно пользовался матеріалами, которые были у него въ рукахъ. На нѣсколькихъ примѣрахъ онъ показываетъ, что Миллеръ при обнародованіи документовъ позволялъ себѣ искажать текстъ. Переходимъ къ литературѣ по исторіи *Екатериненскаго времени*.

Личной, такъ сказать, исторіи Екатерины касаются изданныя Бартеневымъ [171]) 8 писемъ ея къ Польману, которому порученъ былъ надзоръ надъ поселенной въ замкѣ Лоде принцессой Августой, женой принца Фридриха Вертембергскаго. Екатерину, какъ извѣстно, обвиняли въ смерти принцессы. Другого непріятнаго для императрицы эпизода, дѣла Мировича, касается Бильбасовъ [172]); онъ доказываетъ (на основаніи „экстракта“ изъ дѣла о бунтѣ, которое подано было Екатеринѣ), что убійцы Іоанна Іоанновича не дѣйствовали на основаніи особой инструкціи, и полагаетъ, что предположеніе о существованіи такой инструкціи возникло вслѣдствіе того, что убійцы не только остались безнаказанными, но были даже награждены за свою вѣрность, что и было большой ошибкой со стороны императрицы.

---

[170]) Владимірскій-Будановъ, Важнѣйшія явленія въ литературѣ исторіи русскаго права за 1887 г. К. У. И. 1888, 1—26.— [170а]) Н. Оглоблинъ, Гергардъ Мюллеръ и его отношеніе къ первоисточникамъ. Библіографъ. 1889, 1, 1—11. — [170б]) Н. Оглоблинъ, Къ вопросу объ исторіографѣ Г. Ф. Миллерѣ. Библіографъ. 1889, 8/9, 161—6.— [171]) Бартеневъ, Письма Екатерины къ Польману. Р. А. 1888, 1, 1—16. — [172]) В. Бильбасовъ, Шлиссельбургская нелѣпа. И. В. 1888, 5, 265—301.

Разработанная И. Тимощукомъ [172]а) переписка Гримма съ его воспитанниками графами Н. и Е. Румянцевыми весьма характерна для отношенiй императрицы къ Гримму. Въ небольшой замѣткѣ по поводу приписаннаго Бартеневымъ Екатеринѣ II Житiя преподобнаго Сергiя, составленнаго будто-бы ею на основанiи разныхъ источниковъ, доказывается, что это вовсе не самостоятельное произведенiе, а выписка изъ Никоновской лѣтописи [173]).

Суворинъ [174]) изслѣдовалъ записки княгини Дашковой; авторъ пришелъ къ выводу, что записки эти, несмотря на то, что въ нихъ безъ сомнѣнiя много невѣрнаго, въ общемъ всетаки довольно искренни и близки къ истинѣ. Въ этой первой части труда изложенiе доведено лишь до событiй 1763 г. Катенинъ [175]) сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ къ бiографiи извѣстнаго Теплова, одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ Екатерины, на основанiи найденнаго имъ въ Харьковскомъ университетскомъ архивѣ духовнаго завѣщанiя Теплова. Къ исторiи раскола въ царствованiе Екатерины относятся главнымъ образомъ акты, изданные Е. Барсовымъ [176]): мысли о раскольникахъ по средствамъ къ обращенiю ихъ, представленныя императрицѣ Иваномъ Мелиссино, дѣло о возвращающихся изъ заграницы раскольникахъ, о раскольникахъ въ Тамбовской и Воронежской губернiяхъ, въ Казанской и Нижегородской. Матерiалъ для исторiи коммиссiи о составленiи Уложенiя, вошедшiй въ послѣднiя главы упомянутаго соч. Латкина, подробно разобранъ Дитятинымъ [177]). Дитятинъ опровергаетъ взглядъ Латкина на дворянство. Онъ обращаетъ вниманiе на нѣкоторыя требованiя въ наказахъ депутатамъ: такса на хлѣбъ и соль, охраненiе лѣсовъ, подъемъ нравственно-религiознаго просвѣщенiя (причемъ высказывается общее недовольство духовенствомъ) и т. д.; въ требованiяхъ этихъ часто проглядываетъ заботливость по отношенiю къ крестьянамъ. Дитятинъ указываетъ на голословность нѣкоторыхъ выводовъ Латкина (таково мнѣнiе, что дворянство, какъ видно изъ наказовъ, не поняло наказа императрицы, его гуманныхъ идей: на самомъ-же дѣлѣ оно не было даже знакомо съ содержанiемъ наказа). Далѣе Дитятинъ разбираетъ и городскiе наказы. Богатый матерiалъ находимъ въ наказахъ малороссiйскимъ депутатамъ (интересно между

---

[172] а) В. Тимощукъ, Корреспондентъ Императрицы Екатерины II, Фридрихъ Гриммъ. Р. С. 1889, 3, 435—58. — [173]) Императрица Екатерина II. Житiе преподобного Сергiя въ ея редакцiя. Р. С. 1888, 3, 751 — 756. — [174]) А. Суворинъ, Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, т. I. Спб. 1888, XVI, 193. (Не поступила въ продажу).—[175]) И. Каманинъ, Къ бiографiи Г. Н. Теплова. К. С. 1888, 11, 41. — [176]) Е. Барсовъ, Акты къ исторiи раскола въ 18 в. Москва. 1888. — [177]) Дитятинъ, Изъ исторiи русскаго законодательства въ XVII—XVIII вв. Р. М. 1888, 11.

прочимъ требованіе малороссіянъ объ учрежденіи университета), которые печатались въ приложеніи къ Кіевской Старинѣ [177а]). Характеристику тогдашняго положенія Сибири, этого темнаго царства, куда не проникалъ тогда ни одинъ лучъ свѣта, находимъ въ работѣ Головачева [177б]). Интересна работа Иконникова [178]) о Сенатѣ при Екатеринѣ; авторъ нашелъ въ госуд. архивѣ черновой набросокъ манифеста о внутреннихъ преобразованіяхъ (1795 г.), прерывающійся на словахъ: гл. I. О Сенатѣ. Иконниковъ характеризуетъ разногласія между императрицею и Сенатомъ, интересъ Екатерины къ экономической и политической литературѣ (вліяніе Блакстона). Далѣе Иконниковъ напечаталъ проектъ указа о Сенатѣ 1788 г. и указываетъ на необходимость вообще изданія всѣхъ бумагъ Екатерины о Сенатѣ изъ Архива Государственнаго Совѣта. Андреевскій [179]) на основаніи сохранившихся въ архивѣ приказа общественнаго призрѣнія первыхъ двухъ книгъ протоколовъ приказа (первое полугодіе 1780 г.), описываетъ открытіе его и дѣятельность. На основаніи новыхъ матеріаловъ изъ архива Морского Министерства [180]) Кротковъ [181]) составилъ исторію русскаго флота за время 1772—1783 гг. Для исторіи морского-же дѣла много интереснаго (и для до-Екатериненскаго времени) въ описаніи дѣлъ этого архива (дѣла коммиссіи, которая занималась устройствомъ флота, дѣла адмираловъ Головина, Мордвинова и графа Чернышева) [182]).

Продолженіе политической переписки Екатерины II весьма важно для исторіи отношеній Россіи къ Польшѣ, вопроса о диссидентахъ (переписка Н. Панина съ Репнинымъ, посломъ въ Варшавѣ) [183]). Карѣевъ [184]) излагаетъ исторію вопроса о раздѣлѣ Польши въ исторической литературѣ и указываетъ на то, что къ раздѣлу вела вся исторія польско-русскихъ отношеній. Раздѣлъ задуманъ былъ Фридрихомъ, но русская по-

---

[177 а]) Наказы Малороссійскихъ депутатовъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ. 1889, VI, 292, XX.—[177 б]) Головачевъ, Сибирь въ Екатерининской коммиссіи. Москва. 1889 127, 60 к.—[178]) В. Иконниковъ, Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Екатерины Великой. Р. А. 1888, 1, 17—42.—[179]) И. Андреевскій, О первыхъ шагахъ дѣятельности С.-Петербургскаго Приказа Общественнаго призрѣнія. Р. С. 1889, 8, 447—456.—[180]) Матерьялы къ исторіи русскаго флота. Спб. 1888, 778, 2 р.—[181]) А. Кротковъ, Русскій флотъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, 1772—83. Спб. 1889, VI, 340, 1 р. 50 к.—[182]) Описаніе дѣлъ архива Морскаго Министерства за время съ половины 17 до начала 19 стол. Спб. 1888, 1052.—[183]) Политическая переписка Императрицы Екатерины II. т. IV. 1767/7. С. Р. И. О. 67. Москва. 1889, XXI, 578, 3 р.—[184]) Карѣевъ, Н. „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ. Ж. М. Н. П. 1888, 1, 3, 5, 6, 9, 11, 12. Вышло и отдѣльное изданіе съ дополненіями. Спб. 1889. (*В. М.* Къ вопросу о паденіи Польши. Рус. Мысль. 1889).

литика всегда желала сохранить неприкосновенно всю польскую территорію подъ властію Россіи. Фридрихъ былъ противникомъ реформъ, которыя предпринимались въ Польшѣ, Екатерина же желала прекращенія польской анархіи, для того, чтобы сосѣдямъ не было повода вмѣшиваться. Екатерина смотрѣла на всю Польшу, какъ на свое достояніе, и только угрозы Фридриха заставили её принять часть Польши. Для Польши было болѣе выгоднымъ подчиненіе Россіи, но въ томъ, что соглашеніе съ этой стороны не могло состояться, виноваты поляки. Къ этимъ убѣжденіямъ приходятъ въ послѣднее время польскіе историки. Разбирая въ другой статьѣ значеніе послѣднихъ предъ раздѣломъ реформъ въ Польшѣ, Карѣевъ [185]) приходитъ къ заключенію, что реформы эти не могли помочь: нужна была болѣе радикальная реформа въ отношеніяхъ шляхты къ народу и мѣщанству. Для политической исторіи важна переписка между Репнинымъ, Панинымъ, Бретейлемъ, Ассебургомъ, Кауницемъ, Барятинскимъ, Голицынымъ и другими за время отъ іюня 1778 г. до мая 1779, которые всѣ касаются Тешенскаго конгресса и связанныхъ съ нимъ вопросовъ [186]).

Для исторіи Турецкой войны мы имѣемъ переписку братьевъ Паниныхъ [187]), для Шведскихъ походовъ 1788—89 записки адмирала Чичагова [188]а). Относительно Роченсальмскаго погрома (шведская кампанія 1790 г.), когда весь русскій флотъ подъ начальствомъ принца Нассау-зигенъ былъ уничтоженъ, Ординъ [188]) на основаніи архивныхъ документовъ доказываетъ, что обвиненія принцемъ русскихъ солдатъ въ трусости ложны и что виновато во всемъ легкомысліе самого принца. Гамазовъ [789]) перевелъ отрывокъ изъ большаго сочиненія „Исторія Турціи“ (нынѣшняго турецкаго министра юстиціи), которое отличается фанатической ненавистью къ русскимъ. Для исторіи Павла I интересны данныя изъ Сенатскаго архива [190]); напечатанные тутъ именные указы съ 1796 г. должны восполнить пробѣлъ, имѣющійся въ Полномъ Собраніи Законовъ; изъ указовъ этихъ мы знакомимся съ

---

[185]) Н. Карѣевъ, Польскія реформы 18 вѣка. В. Е. 1889, 5, 6. Вышло и отдѣльное изданіе съ значительными дополненіями. Спб. 1890. Стр. 233. Ц. 1 р. 25 к.—[186]) Дипломатическіе акты изъ архива князя Н. В. Рѣпнина, относящіеся до Тешенскаго конгресса 1779 г. С. Р. И. О. 65. Спб. 1888, VI, VI, XVI, 508, 3.—[187]) П. Панинъ, Письма П. И. Панина къ его брату Н. И. Панину во время первой турецкой войны. Р. А. 1888, 11, 297—363. — [187 а]) Записки адмирала П. В. Чичагова, перваго, по времени, морскаго министра. Р. С. 1888, 6, 7, 8, 9. 10.—[188]) Ординъ, Выборгская побѣда и Роченсалмскій погромъ. Ж. М. Н. П 1888, 1, 84—113. — [189]) Джевдетъ-Паша, Описаніе Кавказскихъ событій (1775—1784) Переводъ съ Турецкаго Гамазова. Р. А. 1888, 3, 369—392. — [190]) Сенатскій Архивъ. I. Именные указы Императора Павла. Спб. 1888, 746. (И. В. 1888, 6. К. Бороздинъ: къ характеристикѣ Императора Павла.)

безпрестанными совершенно немотивированными паденiями и возвышенiями разныхъ служебныхъ лицъ и съ колоссальной раздачей земель; данныя эти сгруппированы въ статьѣ Бороздина.

Бiографiя Марiи Ѳеодоровны (до 1781 г.), составленная Шумигорскимъ[191]) по матерiаламъ архива города Павловска, даетъ много данныхъ о воспитанiи Марiи Ѳеодоровны; но болѣе интересны нѣсколько писемъ, писанныхъ тайно изъ Петербурга къ матери; и тутъ мы узнаемъ о несчастномъ положенiи Павла. I-й т. матерiаловъ для бiографiи извѣстнаго дипломата Н. Панина[192]) заключаетъ въ себѣ также не мало интереснаго для характеристики отношенiй между Павломъ и Екатериной, отношенiй Павла къ супругѣ и къ Нелидовой. Матерiалы эти подъ редакцiей Брикнера издаются внучкой Панина княгиней Мещерской.

Е. Щепкина разсказываетъ намъ подробно исторiю корпуса французскихъ эмигрантовъ, которые подъ начальствомъ Конде должны были принять участiе въ походѣ 1799, а затѣмъ въ 1799 же году были распущены[193]).—Кой-какой матерiалъ къ исторiи этихъ эмигрантовъ см. также въ Русскомъ Архивѣ[194]): нѣсколько рескриптовъ Павла, и, между прочимъ внушенiе Конде, чтобы онъересталъ тревожить государя письмами. Уже къ концу этого XVIII в. начинаетъ сильно возрастать количество мемуаровъ, дневниковъ, переписокъ и т. д. 63, 64 и 65 главы страшно рѣзко написанныхъ записокъ Александра Тургенева[195]) касаются кончины Екатерины, вступленiя на престолъ Павла и его царствованiя. Напечатанъ вновь найденный отрывокъ изъ записокъ Болотова[196]) за 1799 и 1800 годъ. Далѣе можно отмѣтить записки Юрiя Владимiровича Долгорукаго[197]) который принималъ участiе въ войнахъ 1773—74 и 1787—1791 годовъ и въ особенности записки Толубѣева (1780—1809)[198]), которыя являются единственными въ своемъ родѣ: Толубѣевъ, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, помѣщикъ, даетъ намъ картину сельской жизни того времени; записки замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ видны любовь и хорошее отношенiе къ крестьянамъ. Въ письмахъ графини

---

[191]) Е. Шумигорскiй, Императрица Марiя Ѳеодоровна. Р. А. 1889, 9, 10, 12.—[192]) А. Брюкнеръ, Матерьялы для жизнеописанiя графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Спб. 1888, XVIII, 318, 3 р.—[193]) Е. Щепкина, Армiя роялистовъ въ Россiи. Ж. М. Н. П. 1889, 1, 36—79.—[194]) Французское войско на русскомъ содержанiи (Корпусъ принца Конде). Р. А. 1888, 7, 282—291. — [195]) Записки Александра Михайловича Тургенева. Р. С. 1889, 2, 4.—[196]) Болотовъ, Записки 1799—1802, 1805. Р. С. 1889, 6, 10. — [197]) Князь Юрiй Владимiровичъ Долгорукiй, Воспоминанiя. (1740—1830). Р. С. 1889, 9.—[198]) Записки Никиты Ивановича Толубѣева (1780—1809). Спб. 1889, VIII. 158 изданiе журнала Р. С. (Ж. М. Н. Пр. 1889, 5, Бестужевъ-Рюминъ).

Румянцевой къ мужу мы имѣемъ характеристику „вѣрной и покорной“ жены того времени, несчастной семейной женской жизни. [199]) Брикнеръ [200]) обратилъ вниманіе на характерныя письма нашего посла въ Лондонѣ, графа Воронцова, къ своему сыну, и на переписку братьевъ С. и В. Воронцовыхъ [201]) (авторъ утилизировалъ матеріалъ, разбросанный въ архивахъ князя Воронцова). Чечулинъ [202]) задался цѣлью доказать, что неправы тѣ ученые, которые слишкомъ мрачно смотрятъ на состояніе образованности и на нравы провинціальнаго русскаго общества того времени; онъ утверждаетъ, что къ такому выводу они неизбѣжно приходятъ, обращая вниманіе на отдѣльные эпизоды и теряя при этомъ изъ виду общій фонъ.

V) XIX вѣкъ.

Литература по исторіи XIX в. настолько обширна, что въ краткомъ обзорѣ мы можетъ указать только на небольшую часть ея; ввести въ обзоръ дневники, воспоминанія разныхъ дѣятелей 19-го вѣка мы не могли, т. к. одно перечисленіе ихъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Политика Александра I подверглась критикѣ со стороны Шильдера [203]), который доказываетъ, что Александръ руководствовался не интересами страны, какъ этого требовалъ Наполеонъ, а отвлеченными идеями; Александръ не понималъ реальныхъ выгодъ и виноватъ поэтому въ разрывѣ съ Франціей; союзъ съ Наполеономъ былъ наиболѣе выгоденъ для Россіи. Шильдеръ описываетъ между прочимъ тильзитское свиданіе и касается роковаго посольства Толстого, который ненавидѣлъ Наполеона и испортилъ окончательно всѣ плоды франко-русскаго соглашенія.—Политическія отношенія послѣ 1812 г., событія 1813—14 гг. до сдачи Парижа описываетъ Надлеръ [204]). Причину торжества русскихъ онъ видитъ въ религіозномъ чувствѣ народа

---

[199]) Д. Толстой, Письма графини Е. Румянцевой къ ея мужу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Спб. 1888, XVI, 259, 1 р. 50 к. (Ж. М. Н. П. 1888, 6. Бестужевъ-Рюминъ. Р. В. 1887, 7. К. С. 1888, 10. И. В. 1888, 7. П. П. Покорная и вѣрная жена).—[200]) А. Брюкнеръ, Письма графа С. Р. Воронцова къ сыну М. С. Воронцову 1798—1830. В. Е. 1888, 3, 231—245. — [201]) Брикнеръ, А. Вторая половина 18-го вѣка въ письмахъ братьевъ гр. С. и А. Воронцовыхъ. В. Е. 1888, 8, 119—548.—[202]) Н. Чечулинъ, Русское провинціальное общество во второй половинѣ 18 в. Спб. 1889, II, 115 (Р. М. 1889, 9. В. Е. 1889, 8). Изъ Ж. М. Н. П. 1889, 3, 4, 5, 6.—[203]) Н. Шильдеръ, Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе Александра I. Р. С. 1889, 1, 1—52.— [204]) В. Надлеръ, Императоръ Александръ I и идея священнаго союза. Рига. 1887/8, V, IV, 432, VI, 458. (Ж. М. Н. П., 1889, 9. Р. Д.).

и въ отношеніи подданныхъ къ царю. Цѣлью Александра было освобожденіе Европы. Надлеръ опровергаетъ мнѣніе Онкена, который главную заслугу въ низверженіи Наполеона приписываетъ Меттерниху. Далѣе онъ доказываетъ, что идея священнаго союза не принадлежала ни королю Прусскому, ни баронессѣ Криденеръ, ни Францу Баадеру, а самому Александру и возникла уже въ 1812 г. О событіяхъ 1812 г. въ Москвѣ мы имѣемъ нѣсколько работъ. Въ первый разъ изданы въ полномъ видѣ записки Ростопчина [205]) (въ русскомъ переводѣ съ французскаго оригинала), точно также впервые собраны Саитовымъ и изданы *Ростопчинскія афиши* [206]). Съ актами Верещагинскаго процесса (изъ архива мин. юстиціи) познакомилъ насъ Поповъ [207]); изъ этихъ актовъ видно, что Верещагинъ былъ приговоренъ только къ ссылкѣ и что Растопчинъ дѣйствовалъ совершенно незаконно, предавъ его на растерзаніе народу. Ужасы, которымъ подвергалось населеніе, характеризуются въ воспоминаніяхъ Шаховскаго [208]) и Золотухиной [209]). Въ статьѣ Шимко [210]) изложена исторія московскихъ архивовъ во время нашествія Наполеона. О походѣ 1812 г. интересны данныя въ воспоминаніяхъ Мирковича [211]), который былъ впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Киселева въ Молдавіи и Валахіи, а затѣмъ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ *Сборникѣ матеріаловъ изъ архива канцеляріи Его Величества* [212]), находимъ данныя о тогдашнемъ финансовомъ положеніи Россіи, о живомъ участіи Малороссіи въ образованіи ополченія и т. д. Очень важенъ для исторіи александровскихъ реформъ І-й томъ *журналовъ Комитета Министровъ* [213]). Журналу предпосланъ историческій очеркъ учрежденія комитета министровъ, и исторія его до 1826 г. Тутъ выясняется между прочимъ, что комитетъ этотъ сначала имѣлъ только высшую исполнительную власть и министры сначала подчинены были Сенату, но затѣмъ вскорѣ онъ пріобрѣлъ фактически первенствующее

---

[205]) 1812 годъ въ запискахъ графа Ф. Ростопчина. Р. С. 1889, 12, 643—725. — [206]) Ростопчинскія афиши 1812. Спб. 1889, 54, 3 р. — [207]) Н. Поповъ, Дѣло Верещагина въ Сенатѣ 1812/6 г. Ч. М. О. И. Д. 1888, 1, 1—16. — [208]) Князь Шаховской, Первые дни въ сожженной Москвѣ. Р. С. 1889, 10, 31—65. — [209]) А. Золотухина, 12-й годъ въ воспоминаніяхъ Анны Золотухиной. Р. С. 1889, 11, 1890, 1, 257—88, 1—20. — [210]) Шимко, Московскіе департаменты Сената и подвѣдомственные имъ архивы въ 1812—14 гг. (въ VI т. Описанія дѣлъ и бумагъ Арх. Мин. Юст.) — [211]) Ѳ. Я. Мирковичъ, Дневникъ 1812 г. Р. А. 1888, 1, 2 — [212]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Величества Канцеляріи. Спб. 1889, XXIV, 551. — [213]) Журналы Комитета Министровъ, Царствованіе Императора Александра I. 1802—26. Ч. I. 1802—10. Спб. 1888, V, 87; IV, 503, 3 р. (И. В. 1889, 5. Н. Др.).

значеніе. Его предполагалось по этому упразднить, но война 1812 г. помѣшала этому и еще болѣе усилила его значеніе. Тутъ же укажемъ на очень важные для исторіи русской исторіографіи труды Шмурло [214]) и Барсукова [215]), которые знакомятъ насъ съ первыми годами дѣятельности митрополита Евгенія и Погодина; въ обоихъ трудахъ мы находимъ очень много новаго матеріала. Барсуковъ пользовался бумагами Погодина, между которыми есть и дневникъ его. Изложеніе очень подробно, такъ что напр. II томъ соч. Барсукова обнимаетъ только 1826—30 годы въ жизни Погодина. Для исторіи же русской исторіографіи важна 2-я глава сочиненія Кочубинскаго [216]), гдѣ характеризуется дѣятельность канцлера Румянцева и его кружка. Цѣлую (полемическую) литературу вызвала исторія присоединенія Финляндіи:—полемика эта можетъ быть сведена къ вопросу о томъ, имѣемъ ли мы дѣло съ „присоединеніемъ" или договорнымъ соединеніемъ. Финляндцы, доказывая послѣднее, утверждаютъ, что такое соединеніе вовсе не было слѣдствіемъ идеально-настроеннаго характера императора, а вытекало естественно изъ всей исторіи отношеній между Финляндіей и Россіею [217—218]). Ординъ же [219—222]) въ цѣломъ рядѣ статей, которыя перешли и въ большой трудъ его „Покореніе Финляндіи", доказываетъ, что Финляндія, была, какъ „провинція, включена въ составъ русской имперіи". Далѣе отмѣтимъ біографію Вел. княгини Екатерины Павловны, составленную Божеряновымъ [223]), и письма ея (1810—1818) къ Карамзину, Оболенскому и др.; будучи еще раньше изданы въ разныхъ изданіяхъ, онѣ теперь собраны Е. Пушкинымъ [224]). Біографія Паскевича, написанная Щербатовымъ [224а]), даетъ много новаго, авторъ пользуется дневникомъ Паскевича. I-й т. доведенъ до 1826 г. Есть нѣсколько данныхъ о пребываніи въ Россіи въ 1817 г. принца Виль-

---

[214]) Шмурло, Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни 1767—1804. Спб. 1888, LXXXV, 454, 2 р. — [215]) Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. I, II. Спб. 1888/9, XV, 344; VIII, 420, 2 р. 50 к. (Ж. М. Н. П. 1888, 4; 1889, 4. Бестужевъ-Рюминъ. В. Е. 1888, 4).—[216]) А. Кочубинскій, Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ. Одесса. 1887—88. (Ж. М. Н. Пр. 1889, 1. Шмурло).—[217]) Е. Россія и Финляндія. 1721—1809. Р. С. 1888, 3, 655—72.—[218]) Мехелинъ, Отвѣтъ господину Ордину. В. Е. 1888, 3 383—390.—[219]) Л. Мехелинъ. Конституція Финляндіи (перев. К. Ордина). Спб. 1888. (Ж. М. Н. Пр. 1888, 3. Н. М—въ).—[220]) К. Ординъ, Къ исторіи Финляндіи. Р. В. 1888, 1, 263—88.—[221]) К. Ординъ, Финляндское посольство, 1808 г. Р. В. 1888, 4, 51—94.—[222]) К. Ординъ, Покореніе Финляндіи, т. I. II. Спб. 1889, XI, 460, IV, 122; VI, 498 и VI, 190, 7 р. [223]) Божеряновъ Великая княгиня Екатерина Павловна, королева Виртембергская. Спб. 1888, VII, 87.— [224]) Письма Великой княгини Екатерины Павловны. Тверь. 1888, 74.— [224 а]) Князь Щербатовъ, Генералъ-Фельдмаршалъ Паскевичъ. Спб. 1888, 396, 139 (Р. М. 1888, 7. И. В. 1889, 5. В. К. П. Карьера Паскевича).

гельма [225]), который сопровождалъ свою сестру, невѣсту Николая Павловича, о голландскомъ посланникѣ въ Россіи (1803—1805) Гогендорпѣ [225]), который долженъ былъ добиться посредничества Имп. Александра по вопросу о признаніи нейтралитета Голландіи въ войнѣ Франціи съ Англіей. Продолженіе труда Андріевича [226]) даетъ намъ исторію Сибири въ XIX в. (первые годы), которая, собственно говоря, есть только сводъ и классификація матеріала для будущей исторіи Сибири. Матеріалъ извлеченъ главнымъ образомъ изъ полнаго собранія законовъ, но есть и нѣкоторыя рукописныя данныя изъ Сибирскихъ архивовъ. Тутъ же необходимо упомянуть о работѣ Пыпина [227]), который знакомитъ насъ съ изслѣдованіями Сибири съ самыхъ древнихъ временъ; въ послѣдней главѣ авторъ говоритъ объ исторіографіи Сибири. Политическія отношенія Россіи къ Западной Европѣ въ царствованіе Николая ппродолжаютъ вызывать все новыя изслѣдованія и въ западно-европейской, и въ нашей литературѣ. Въ цѣломъ рядѣ работъ Татищевъ [228—230]) изслѣдуетъ отношенія Николая къ Пруссіи и показываетъ, какъ дружественно относился Николай всегда къ Гогенцоллернамъ (такъ, напр., онъ о прусской арміи заботился почти какъ о своей собственной); онъ опровергаетъ обвиненія нѣмецкихъ историковъ, утверждающихъ, что Николай руководился только честолюбіемъ и желаніемъ держать въ своихъ рукахъ слабаго сосѣда. Только подъ его защитой, доказываетъ Татищевъ, Пруссія могла такъ окрѣпнуть, что взяла потомъ на себя объединеніе Германіи. Допустить это объединеніе въ свое время Николай не могъ, такъ какъ онъ поставилъ себѣ задачей слѣдить за соблюденіемъ принциповъ Вѣнскаго Конгресса; поступая честно, онъ не могъ пожертвовать Габсбургами для Гогенцоллерновъ и наоборотъ. Всѣ работы Татищева полны нападокъ на русскую дипломатію, которая, будучи представлена лицами не-русскаго происхожденія, только по имени была „русской" и всегда направляла политику императора ко вреду русскихъ національныхъ интересовъ. Противъ этихъ нападокъ выступилъ Мартенсъ [231—232]); въ вступленіи къ 8-му тому своихъ „Трактатовъ",

---

[225]) Изъ записокъ графа Гогендорпа (Mémoires du general van Hogendorp.... La Haye, 1887) Р. А. 1888, 9, 108—119.—[226]) В. Андріевичъ, Сибирь въ 19 в. ч. I. Спб. 1889, XX, 298, 1 р. 50 к. [227]) А. Пыпинъ, Сибирь и изслѣдованія ея, В. Е. 1888, 4, 5.—[228]) С. Татищевъ, Императоръ Николай и прусскій дворъ. И. В. 1888, 2, 3, 4.—[229]) С. Татищевъ, Императоръ Николай и прусская армія. Р. В. 1888, 3, 4.—[230]) С. Татищевъ, Императоръ Николай и иностранные дворы. Спб. 1889, XXV, 459, 3 р. (В. Е. 1889, 4. Л. С.).—[231]) Ф. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Спб. 1888, V, 215, 2 р.—[232]) Ф. Мартенсъ, Россія и Пруссія въ эпоху раставраціи. Р. М. 1888, 1, 2.

въ который вошли трактаты съ Германіею за 1825—88 гг., и въ отдѣльной статьѣ онъ также указываетъ на искреннюю дружбу русскихъ императоровъ по отношенію къ Германіи и наоборотъ, но онъ въ тоже время доказываетъ, что русскіе императоры никогда не дѣйствовали подъ вліяніемъ своихъ дипломатовъ; онъ указываетъ на то, что всѣ наиболѣе важные акты писаны собственноручно государемъ. Изъ содержанія этого тома мы убѣждаемся еще разъ въ томъ, что императоръ Николай въ своей политикѣ руководствовался только желаніемъ защищать вездѣ консервативный элементъ, упуская при этомъ совершенно изъ виду свои собственные интересы. 8-му тому „Трактатовъ" посвящена статья Бильбасова [233]), который обращаетъ вниманіе на безусловную, рыцарскую вѣрность Россіи заключеннымъ трактатамъ („въ правду и безъ хитрости"), какой не встрѣчается ни у одной европейской державы. Авторъ отмѣчаетъ постоянную доброжелательность русской политики какъ по отношенію къ Австріи, такъ и по отношенію къ Пруссіи и стремленіе къ миру съ германскими сосѣдями. См. также объ этихъ отношеніяхъ воспоминанія Г. Вебера [234]), написанныя для „Русской Старины", статью Трачевскаго [235]) о прусской политикѣ въ Крымскую войну, написанную на основаніи и по поводу книги Rothan'a „La Prusse et son roi pendant la geurre de Crimée", Paris, 1889 и его же О политикѣ германскихъ государей въ Восточномъ вопросѣ и вообще по отношенію къ Россіи (Берлинскій конгрессъ и слѣдующіе годы) [235a]).

Характеристику эгоистической политики Австріи, игравшей по отношенію къ Россіи во время Крымской войны роль Дамоклова меча, далъ Петровъ [236]). Поставивъ вопросъ: хотѣла ли Австрія объявить войну Россіи, Петровъ рѣшаетъ его отрицательно: она хотѣла только демонстраціями побудить насъ къ уступкамъ и ускорить миръ. Въ изслѣдованіи этомъ разработано много новыхъ данныхъ изъ Архива Мин. Иностранныхъ дѣлъ. Изъ другихъ работъ отмѣтимъ описаніе Персидскаго посольства, прибывшаго въ 1829 г. для принесенія извиненій по поводу убійства Грибоѣдова. Авторъ (Розановъ) [237]) издалъ бумаги графа Сухтелена, который былъ прикомандированъ къ посольству (изъ архива Тамбовской Архивной Коммиссіи). О венгер-

[233]) Бильбасовъ, В. Международныя сношенія Россіи съ Германскими Государствами. И. В. 1889, 1, 66—85.—[234]) Г. Веберъ, Взаимныя отношенія между Россіей и Пруссіей въ былыя времена. Историческія воспоминанія Р. С. 1889, 8, 225—240.—[235]) А. Трачевскій, Пруссія въ Крымскую войну. И. В. 1888, 5, 7. — [235a]) Трачевскій, Нѣмецкій вопросъ въ русской обстановкѣ и восточный—въ нѣмецкой. И. В. 1888, 1, 64—97.—[236]) Петровъ, Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ. Р. С. 1888, 9, 10.—[237]) М. Розановъ, Персидское посольство въ Россіи 1829. Р. А. 1889, 2, 209—260.

ской кампаніи 1849 г. мы имѣемъ воспоминанія офицера Стренга [238]), состоявшаго при штабѣ 2-го пѣхотнаго корпуса, и нѣсколько писемъ Паскевича, Берга, имп. Николая, Адлерберга [239]), которыя хорошо рисуютъ непріятное положеніе Берга въ главной Австрійской квартирѣ и вражду къ нему Паскевича. Изъ другихъ работъ отмѣтимъ сообщеніе Романовича-Словатинскаго [240]) о матеріалахъ, найденныхъ имъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта: журналы чрезвычайныхъ собраній Государственнаго Совѣта, дѣла Комитета охраненія общественной безопасности, учрежденнаго въ 1807 г. и замѣненнаго затѣмъ въ 1826 г. III отд. Собств. Е. В. Канцеляріи, собраніе бумагъ Трощинскаго, Сперанскаго, А. И. Голицына, и особенно богатое—гр. Блудова; изъ документовъ нѣкоторые приведены въ выдержкахъ. Укажемъ также на біографію графа Литке (до 1832 г.), составленную Безобразовымъ [241]) по автобіографіи графа. Начало изслѣдованія о Сперанскомъ Филиппова [242]), который указываетъ на то, какъ рѣзко отразились обстоятельства личной жизни на общественной дѣятельности Сперанскаго. Авторъ разсматриваетъ, въ чемъ состояла сущность реформы Сперанскаго по отношенію къ Государственному Совѣту и Министерствамъ. Исторія Московскихъ Сенатскихъ Архивовъ изложена въ упомянутыхъ уже выше и въ другихъ статьяхъ Шимко [243]) и Токарева [244—245]). Очень много новыхъ данныхъ для исторіи раскола находимъ въ трудѣ Н. Соколова, который излагаетъ судьбу раскольничьей общины въ Саратовскомъ краѣ до разгрома иргизскихъ монастырей и вездѣ доказываетъ нецѣлесообразность гоненій. Цѣлая особая литература посвящена исторіи борьбы русскихъ за владычество на Кавказѣ, въ біографіяхъ и запискахъ ея дѣятелей; литература эта обнимаетъ такимъ образомъ почти шесть первыхъ десятилѣтій XIX в. Дубровинъ [246—247]) излагаетъ ходъ событій до

[238]) А. Стренгъ, Война противъ Венгерцевъ 1849 г. Р. С. 1889, 3, 459—78.—[239]) Русско-Венгерская война 1849 г. Р. С. 1888, 6, 583—595.—[240]) А. Романовичъ-Славатинскій, Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. К. С. 1888, 6, 239—258.—[241]) В. Безобразовъ, Графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке (1797—1832). Спб. 1888. (Ж. М. Н. П. 1888, 9. Б. Рюминъ).—[242]) Филипповъ, Значеніе Сперанскаго въ исторіи русскаго законадательства первой половины XIX вѣка. Р. М.—[243]) И. Шимко, Очеркъ дѣятельности комитета, учрежденнаго въ 1835 г. для описанія Московскихъ Сенатскихъ архивовъ (въ VI т. Опис. дѣлъ и бум. Арх. Мин. Юст.).—[244]) Н. Я. Токаревъ, Исторія Московскихъ Сенатскихъ архивовъ съ 1813—1835 (въ VI т. Описанія документовъ и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи).—[245]) Н. Токаревъ, Обзоръ дѣятельности Московскихъ Сенатскихъ архивовъ съ 1835—1843 г. (въ VI т. Опис. дѣлъ и бумагъ Москов. Арх. Мин. Юст.).—[246а]) Н. Соколовъ, Расколъ въ Саратовскомъ краѣ т. I. Саратовъ. 1888, XXIV+1480. 3 р.—[246]) Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. VI. Ртищевъ и Ермоловъ. Спб. 1888, XI, 756.—[247]) Н. Дубровинъ, Послѣдніе дни пребыванія Ермолова на Кавказѣ. Воен. Сбор. 1888, 1, 2, 3, 7, 8.

1827 г., т. е. то время, когда борьба велась Ермоловымъ. Хорошую характеристику Ермолова и всей его судьбы находимъ въ статьѣ Уманца [248]). Біографія его преемника Паскевича доведена, какъ мы видѣли, только до этого года. Въ воспоминаніяхъ Муравьева-Карскаго [249]) (который съ 1854 г. былъ намѣстникомъ Кавказскимъ) описываются событія 1821—27 гг., персидская война, служба подъ начальствомъ Ермолова и Паскевича. Въ біографіи князя Барятинскаго, написанной Зиссерманомъ [250]), мы находимъ дальнѣйшую исторію борьбы; Барятинскій съ 1835 г. дѣйствовалъ на Кавказѣ и окончилъ покореніе Кавказа. Николаи [251—252]) указалъ на то, что Зиссерманъ доказываетъ невозможное, утверждая, что Барятинскій въ три года (1857—59) покорилъ Кавказъ; онъ полагаетъ, что Барятинскій докончилъ лишь то, что было сдѣлано княземъ Воронцовымъ. Ореусъ [253]) составилъ (по матеріаламъ домашняго архива) біографію ближайшаго сотрудника Барятинскаго, графа Евдокимова (1804—78); ему и Барятинскому Россія, главнымъ образомъ, обязана не только покореніемъ, но и умиротвореніемъ и административнымъ устройствомъ покоренной страны. 11 т. (которымъ закончено все изданіе) матеріаловъ, издаваемыхъ Кавказской Археографической Коммиссіей, обнимаетъ событія 1854—56 гг. [254]). 1 т. соч. извѣстнаго генерала Фадѣева [255]) заключаетъ въ себѣ воспоминанія о 60-лѣтней борьбѣ на Кавказѣ. Очень много данныхъ для исторіи военныхъ событій находимъ въ дневникѣ Граббе [256]). Военнымъ событіямъ царствованія имп. Александра II также посвящено много работъ. Гродековъ [257]) описываетъ Хивинскій походъ 1873 г., и здѣсь, какъ и въ кавказскихъ войнахъ походъ интересенъ не только съ стратегической точки зрѣнія, но и по отношенію къ искусной административной и организаторской дѣятельности, которую долженъ былъ проявить полководецъ. Въ описаніи послѣднихъ экспедицій противъ Ахалъ-Тэкэ [258]) (1878—80) особенно выставляется на видъ дѣятельность Скобелева. Послѣдняя турецкая война естественно до сихъ поръ вызываетъ у

---

[248]) Уманецъ, Проконсулъ Кавказа. И. В. 1888, 8, 9.—[249]) Н. Муравьевъ-Карскій, Воспоминанія. Р. А. 1889, 2, 4, 8, 9, 11.—[250]) А. Зиссерманъ, Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій (1815—79). Москва. 1889, 392. (И. В. 1889, 6. К. Б.). — [251]) Николаи, Къ исторіи покоренія восточнаго Кавказа. Р. А. 1889, 8, 531—5.—[252]) А. Зиссерманъ, Еще нѣсколько словъ о покореніи восточнаго Кавказа. Р. А. 1889, 11, 415—6.—[253]) И. Ореусъ, Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ. Р. С. 1888, 4, 10, 1889, 3, 5, 6, 8, 11, 1890, 2. — [254]) Акты, собранные археографической коммиссіей. Тифлисъ. 1888, XI, 1020, 25 р. — [255]) Р. Фадѣевъ, Собраніе сочиненій т. I. Спб. 1889—90, 131, 208.—[256]) Граббе, Изъ дневника и записной книжки графа Граббе. Р. А. 1888, 4—12.—[257]) Н. Гродековъ, Хивинскій походъ 1873. Спб. 1888, IV, 343, 72.—[258]) В. П. Т. Очеркъ экспедицій въ Ахалъ-Тэкэ. 1879—81. В. С. 1888, 5, 6.

насъ рядъ статей, замѣтокъ, воспоминаній и т. п. Рудницкій [259]) доказываетъ, что не „хорошее" положеніе Плевны было причиной нашей неудачи, а только неумѣлое командованіе, вслѣдствіе котораго оказалось, что слабыя позиціи были атакованы большими силами и наоборотъ. Степановъ [260]) описываетъ дѣятельность рущукскаго отряда, который удержалъ на своихъ плечахъ армію 4-хъ угольника крѣпостей и этимъ далъ прочимъ войскамъ возможность пережить кризисъ. Упомянемъ затѣмъ о воспоминаніяхъ В. Верещагина [261—262]) и статьѣ Соболева [263]), которая вызвана была замѣчаніемъ Верещагина, будто бы онъ, Соболевъ, докладывая Государю о взятіи въ плѣнъ арміи Весселя-Паши, умышленно умалилъ заслуги Скобелева въ этомъ дѣлѣ. Переходъ Скобелева черезъ Балканы послѣ взятія Плевны описываетъ Куропаткинъ [264]), бой при Телишѣ — Дагаевъ [265]), дѣятельности лѣваго фланга кавказской арміи посвященъ цѣлый рядъ статей Колюбакина [266]). Войновъ [267]) выясняетъ причины неудачи боя подъ Зивиномъ: отсутствіе единства въ командованіи, невыясненность мѣстонахожденія Мухтара-паши и др. Вопросъ о составѣ и значеніи болгарскаго ополченія повелъ къ полемикѣ между Анучинымъ [268]) и Ивановымъ [269]). Характеристика князя Черкасскаго въ воспоминаніяхъ князя Дабижа [270]) вызвала возраженіе со стороны Анучина [271]), который является горячимъ защитникомъ Черкасскаго; ему возражалъ опять-таки въ небольшой замѣткѣ Палаузовъ [272]). О Берлинскомъ конгрессѣ мы имѣемъ небольшія воспоминанія прикомандированнаго къ гр. Шувалову Бобрикова [273]). Соболевъ [274]) доказываетъ необходимость соглашенія между Россіей и Англіей и возможность его только въ томъ случаѣ, если Россіи обезпечено будетъ владѣніе Чер-

[259]) А. Рудницкій, Вторая Плевна, Воен. Сбор. 1888, 10, 11.—[260]) М. П. Степановъ, Рущукскій отрядъ въ 1877/8 г. Р. С. 1888, 1, 2.—[261]) В. Верещагина воспоминанія. Р. С. 1889, 3, 5. — [262]) Воспоминанія художника В. В. Верещагина. Набѣгъ на Адріанополь въ 1877. Р. С. 1888, 11, 12.— [263]) Л. Соболевъ, Послѣдній бой за Шипку 1877/8. Р. С. 1889, 5. 411 — 50.— [264]) А. Куропаткинъ, Переходъ черезъ Балканы отряда генерала Скобелева и бой у деревни Шейново 28 дек. 1877 г. Воен. Сб. 1889, 6, 8. — [265]) С. Дагаевъ, Подъ Телишомъ въ 1887 г. Р. С. 1889. 12, 759—82. — [266]) В. Колюбакинъ, Эриванскій отрядъ въ кампанію 1877/8 г. В. С. 1888. 4, 5, 6, 9.—[267]) А. Войновъ, Бой подъ Зивиномъ въ Азіатской Турціи. Р. С. 1888, 7, 8, — [268]) Анучинъ, Къ вопросу о болгарскомъ ополченіи 1877/8 г. Р. С. 1889, 7, 195 — 202. — [269]) И. Ивановъ, Болгарское ополченіе и его сформированіе.—Р. С. 1889, 4, 135—59.—[270]) В. Д. Дабижа, Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г. Р. С. 1888. 2, 5, 6.—[271]) Д. Анучинъ, Владиміръ Александровичъ Черкасскій, какъ устроитель Болгаріи. Р. С. 1888, 7, 179—214.— [272]) Н. Д. Палаузовъ, Князь Вл. Ал. Черкасскій въ 1877 г. Р. С. 1889, 12, 763—765. [273]) Г. Бобриковъ, Воспоминаніе о Берлинскомъ конгресѣ. Р. В. 1889, 12, 3—43.—[274]) Л. Соболевъ, Россія и Англія на дальнемъ Востокѣ. Р. С. 1888, 5, 504—522.

нымъ моремъ. Упомянемъ тутъ же о статьяхъ Дубровина [275—276]), въ которыхъ излагается и содержаніе статей по военной исторіи, помѣщавшихся въ историческихъ журналахъ. По исторіи освобожденія крестьянъ мы имѣемъ два обширныхъ труда, которые заключаютъ въ себѣ громадный матеріалъ для исторіи русскаго общества. Трудъ В. Семевскаго [277]) даетъ намъ всю исторію этого вопроса въ 18 и первой половинѣ 19 столѣтія; авторъ исчерпалъ весь печатный матеріалъ и привелъ много рукописнаго неизвѣстнаго изъ разныхъ архивовъ: Вольно-Экономическаго Общества (относительно конца 18 и начала 19 в.), Министерства Государственныхъ Имуществъ, кодификаціоннаго отдѣла (здѣсь находятся дѣла Екатерининской коммиссіи и мн. другія). У автора были также очень важныя копіи съ дѣлопроизводства секретныхъ комитетовъ, которые учреждались нѣсколько разъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе Николая. Въ сочиненіи Семевскаго мы находимъ не только исторію учрежденія, но цѣлую картину политическаго быта и общественной культуры, и выясняются представленія власти о положеніи народной жизни, воззрѣнія помѣщичьяго сословія, настроеніе самого народа и роль правительства, общества и литературы съ разрѣшенія этого вопроса. Драгоцѣнный сырой матеріалъ мы имѣемъ въ трудѣ Н. Семенова [278]), издавшаго дневникъ засѣданій редакціонныхъ коммиссій, который онъ велъ по порученію Ростовцева. Онъ же напечаталъ записку Безобразова [279]) (одного изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ дворянскаго сословія) съ помѣтками государя.

VI. Западная и южная Россія.

На важность изученія западно-русской исторіи указалъ въ вступительной лекціи (въ Моск. Унив.) Линниченко [280]); изученіе это

[275]) Н. Дубровинъ. Русскіе историческіе журналы 1888 г. В. С. 1889, I, 3.— [276]) Н. Дубровинъ. Обзоръ историческихъ статей въ русскихъ журналахъ 1889 г. Воен. Сбор. 1890. 1, 2, 3.—[277]) В. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ 18 и первой половинѣ 19 столѣтія. Ч. 1/2. С.-Петербургъ, 1888. 517, 625, 6 р. (С. В. 1888, 1, 2. В. В. Бороздинъ. В. Е. 1888, 7. А. В—нъ). — [277 a]) В. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка (Изложеніе выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ въ своемъ большомъ трудѣ). Р. С. 1888, 5. 293—340). — [278]) Н. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. С.-Петербургъ, 1889. XII. 848.—[279]) Н. П. Семеновъ. О желаніяхъ русскаго дворянства во время освобожденія крестьянъ, съ запиской камергера М. А. Безобразова. Р. А. 1888, 12, 585—615. — [280]) Линниченко. Научное значеніе западно-русской исторіи. К. С. 1889, 1, 187—203.

указываетъ на поразительную живучесть русскаго духа, и оно необходимо для правильной оріентировки нашего національнаго самосознанія.

Въ трудѣ Брянцева [281]) мы имѣемъ, хотя не строго научный, но очень подробный, основанный на изученіи источниковъ, обзоръ исторіи Литовскаго Государства—первая попытка подобнаго рода на русскомъ языкѣ. На бóльшій кругъ читателей расчитана исторія Волыни, изданная подъ редакціей Батюшкова [282]); текстъ составленъ профессорами Петровымъ, Малышевскимъ и Городецкимъ.

Барбашевъ [283]) составилъ обзоръ русскихъ, литовскихъ, ливонскихъ, прусскихъ и польскихъ лѣтописныхъ источниковъ для исторіи Литвы въ Средніе вѣка. Владимірскій-Будановъ [284]) на основаніи актовъ Литовской метрики доказываетъ, что условность и ограниченность правъ на имущество въ древнемъ литовско-русскомъ государствѣ не есть результатъ мнимаго литовскаго завоеванія; тѣ же свойства нужно предположить и въ обще-русскомъ правѣ въ эпоху Русской Правды; процессъ возвышенія этихъ правъ со стороны частныхъ лицъ былъ ускоренъ въ Литвѣ сближеніемъ ея съ Польшей и задержанъ политическими условіями въ Московскомъ Государствѣ.

Иловайскій [285]) выясняетъ вопросъ, почему у юго-западной Руси, объединенной великими князьями Литовскими, не образовалось такого средоточія, какимъ была Москва для сѣверо-восточной Руси; причина лежитъ въ томъ, что при Ягеллонахъ Русь подпала польскому вліянію и лишена была тѣхъ условій, при которыхъ могъ бы выработаться крѣпкій государственный организмъ: однородности частей, вѣры и языка.

Филевичъ [286]) изслѣдовалъ характеръ и значеніе первой русско-польской борьбы; движеніе Казиміра на Русь составляетъ поворотный моментъ въ исторіи западной Руси, нарушивъ гармоническое сліяніе ея съ Москвой въ одно цѣлое и совершенно измѣнивъ ходъ ея жизни. Авторъ опровергаетъ сложившееся мнѣніе о присоединеніи галицкой

---

[281]) П. Брянцевъ. Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Вильна, 1889. 659. 4 р. (Ж. М. Н. П. 1889, 6, Бестужевъ-Рюминъ). — [282]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. С.-Петербургъ, 1888. XV, 288, 127. 1 р. 30 к. (К. С. 1888, 11, Каманинъ. И. В. 1888, 6. Кутейниковъ: Колыбель христіанства въ Россіи).— [283]) Барбашевъ. Лѣтописные источники для исторіи Литвы въ средніе вѣка. Библіографъ, 1888. — [284]) Владимірскій-Будановъ. Помѣстное право въ древнюю эпоху литовско-русскаго государства. Чт. въ Общ. Н. Л. кн. III.— [285]) Д. Иловайскій. Литовская Русь при Ягеллонахъ. Ж. М. Н. П. 1889, I. 1—35. — [286]) Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе. Ж. М. Н. П. 1889, 11, 12. 1890, 1, 2, 3.

Руси въ Польшѣ въ 1340 г. и утвержденія польскихъ историковъ о быстрыхъ и мирныхъ успѣхахъ полонизма въ галицкой землѣ.

Ясинскій [287]) изслѣдовалъ грамоты — „привилеи" (листы) Литовско-русскаго государства; онъ дѣлитъ ихъ на жалованныя, льготныя и на жалованныя грамоты охранительнаго характера; онъ останавливается на этихъ послѣднихъ, называя ихъ, если онѣ касаются всѣхъ сословій цѣлой области, земскими уставными грамотами; посредствомъ этихъ грамотъ-привилеевъ совершился переходъ изъ древняго обычнаго права къ статуту литовскому Ясинскій даетъ систематическій сводъ ихъ.

Въ 14 т. Актовъ Вил. Коммиссіи [288]) помѣщено продолженіе предпринятаго изданія писцовыхъ книгъ; но до сихъ поръ напечатаны были только описанія королевскихъ земель, въ настоящемъ же томѣ, изъ 94 документовъ, 76 (1555—1599) относятся къ имѣніямъ частныхъ владѣльцевъ (описи построекъ, перечни людей, живущихъ въ имѣніи, изложеніе повинностей). Тутъ же укажемъ на географическій словарь Спрогиса [289]), составленный по 40 актовымъ книгамъ Россіенскаго земскаго суда. Акты для исторіи отношеній между Россіей и Литвой за время 1533—1560 гг. напечаталъ Карповъ по посольскимъ книгамъ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ 59 т. Сб. О. Н. О. [290]) (продолженіе 35-го тома), главнымъ образомъ, исторія переговоровъ о перемиріи. Любовичъ [291]), на основаніи найденныхъ имъ въ Ватиканскомъ архивѣ писемъ іезуитовъ (главнымъ образомъ, за первую половину царствованія Стефана Баторія), доказываетъ, что главной ихъ задачей вовсе не была борьба съ протестантствомъ, а что они были призваны Стефаномъ Баторіемъ для окатоличенія Руси. Онъ же указываетъ на значеніе итальянскихъ архивовъ и библіотекъ для изученія русской исторіи. Въ обширномъ изслѣдованіи Архангельскій [291а]) знакомитъ насъ съ значеніемъ западно-русской литературы въ борьбѣ съ католичествомъ; онъ характеризуетъ успѣхи католичества и іезуитовъ послѣ Люблинской уніи и значеніе церков-

---

[287]) М. Ясинскій. Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства. Кіевъ. 1889, VI, 207. 1 р. 50 к. (К. С. 1889, 7. Каманинъ).—[288]) Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссіей. Ч. 14. Вильна, 1888, 24, 700. 2 р. (К. С. 1889, 5/6. Каманинъ). — [289]) И. Я. Спрогисъ. Географическій словарь древней Жомаітской (Жмудской) земли XVI в. Вильна 1888.—[290]) Дипломатическія сношенія Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ 1533—60. С. Р. И. О. 59. С.-Петербургъ, 1887, XV, 629. 3 р.—[291]) Н. Любовичъ, Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в. Варшава, 1888. — [291 а]) А. Архангельскій, Очерки изъ исторіи западно-русской литературы. Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца 16—перв. пол. 17 в. Ч. М. О. И. Д. 1888, 1—137 и 1—166 (приложенія).

ныхъ братствъ, школъ, кіевской коллегіи для защиты православія; онъ характеризуетъ сильное религіозное возбужденіе среди православной массы къ концу 16-го вѣка: западно-русская литература конца 16-го и первой половины 17-го вв. была отчасти спутницей, отчасти дальнѣйшимъ развитіемъ и результатомъ этого умственнаго религіознаго движенія; кромѣ того она важна тѣмъ, что послужила для Москвы соединяющимъ звѣномъ съ Западомъ и помогла подготовкѣ приближающихся реформъ. Архангельскій подробно разбираетъ дошедшія до насъ богослужебныя книги, книги св. Писанія, творенія отцевъ Церкви (здѣсь Архангельскій очень высоко ставитъ ученую дѣятельность князя Курбскаго, указываетъ на его образованность и патріотизмъ и въ приложеніяхъ печатаетъ нѣкоторые труды его); далѣе авторъ разбираетъ учебную литературу. *Во II т. Актовъ юго-зап. Россіи* [292]) Стороженко издалъ документы для исторіи сеймиковъ юго-западнаго края во второй половинѣ 17 в. (1655—1697). Издатель въ предисловіи указываетъ на то, что полонизація юго-западной Руси въ эпоху Люблинской уніи выдвинула дворянство изъ общей массы населенія и возвысила на счетъ другихъ сословій; западно-русское дворянство стало стремиться къ ассимиляціи съ польской шляхтой и, отступившись отъ своихъ національныхъ и религіозныхъ традицій, стало во враждебныя отношенія къ прочимъ классамъ населенія. Въ *декретахъ главнаго Литовскаго трибунала* [293]) напечатано 298 актовъ, которые всѣ почти касаются быта монастырей, церквей и духовенства (преимущественно уніатскаго). Тутъ напечатаны декреты по денежнымъ сдѣлкамъ между монастырями и разными лицами и декреты по дѣламъ уголовнымъ надъ личностью и имуществомъ духовныхъ лицъ. На основаніи документовъ первой группы, въ предисловіи высказывается мысль о не особенно почтенной дѣятельности нашихъ монастырей. Упомянемъ здѣсь же и о литературѣ, посвященной судьбамъ греко-уніатской церкви и исторіи возсоединенія ея съ православной (50-лѣтній юбилей этого возсоединенія праздновался въ 1889 году). Сапуновъ [294]) напечаталъ документы къ исторіи Полоцкой епархіи до 1772 г.—той мѣстности, гдѣ было положено начало возсоединенія бѣлорусскаго уніатства съ православіемъ (изъ архива Полоцкой духовной консисторіи). Авторъ напечаталъ 476 док. (изъ нихъ 89 вполнѣ), собравъ и все, что было напечатано раньше; поэтому онъ часто пе-

---

[292]) Архивъ юго-западной Россіи. Ч. II. Кіевъ, 1888, XLIX, 633, XXXVI. 2 р. (Ж. М. Н. П. 1888, 10, С. Бершадскій). — [293]) Акты, издаваемые Виленской археографической коммиссіей, т. XV. Вильна. 1888 XLIII—552, 2 р.— [294]) А. Сапуновъ. Витебская старина, V. Матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи. Т. 1. Витебскъ, 1889, 627, XX (И. В. 1889, 3. М. Г—цкій).

чатаетъ только оглавленіе документовъ; съ XVII-же вѣка по 1772 г. матеріалъ является совершенно новымъ и заключаетъ въ себѣ много данныхъ для характеристики бытовой жизни православной и уніатской церквей. Въ предпосланномъ изданію „краткомъ очеркѣ историческихъ судебъ полоцкой епархіи до 1839 г." авторъ указываетъ на живучесть православія и русской народности.

Матеріаламъ для исторіи церковной уніи посвященъ и XVI т. [295]) Актовъ Виленской Археогр. Коммиссіи, которымъ также предпосланъ очеркъ исторіи возсоединенія уніатовъ Ю. Крачковскаго [296]). Въ этомъ томѣ напечатаны правительственныя распоряженія, папскія буллы, переписка духовныхъ лицъ и т. д. Судьбы греко-уніатской церкви въ царствованіе Александра I описалъ Бобровскій [297—298]); онъ же составилъ біографію знаменитаго слависта, въ которой описывается дѣятельность Бобровскаго въ 20-хъ годахъ во время борьбы бѣлаго духовенства съ базиліанскимъ орденомъ и съ латино-богословской школой въ греко-славянской церкви. Далѣе идетъ цѣлый рядъ болѣе мелкихъ работъ. По поводу упомянутаго 50-лѣтняго юбилея Городецкій [299]) напоминаетъ проектъ Симашко и Батюшкова объ учрежденіи въ Вильнѣ духовной академіи для сѣверо-западнаго края и указываетъ на необходимость устройства таковой теперь. Въ другомъ изслѣдованіи о дѣятельности Симашко [300]) мы знакомимся съ отношеніями его къ Бибикову и Протасову. Лопатинскій [301]) познакомилъ насъ съ дѣятельностію Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера—польскій революціонеръ, ярый католикъ, затѣмъ уніатъ, ратующій о соединеніи церквей и, наконецъ, православный архимандритъ. Изъ другихъ очерковъ отмѣтимъ Наумовича [302]), Чистовича [303]), Филевича [304]) и Стрѣльбицкаго [305]).

---

[295]) Акты, издаваемые Виленской археографической коммиссіей, ч. 16. Вильна, 1889, CXLII, 704. 2 р. 50 к. — [296]) Ю. Крачковскій, Пятидесятилѣтіе возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью (1839—89).— [297]) П. Бобровскій. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Ж. М. Н. П. 1889, 6—11. — [298]) П. Бобровскій, Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій, 1784—1848. Р. С. 1888, 7, 11. 1889, 5, 6. — [299]) М. Городецкій, Полувѣковой юбилей возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православной церковью. И. В. 1889, 3. 693—700.—[300]) И. И. Литовскій митрополитъ Іосифъ Симашко въ 1839—44 г. Р. С. 1889, 5. 313—24.—[301]) Л. Лопатинскій, Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера. 1808—58. К. С. 1889. 7, 9.—[302]) И. Наумовичъ, 50-лѣтіе(1839—89) возсоединенія съ православной церковью западно-русскихъ уніатовъ. С.-Петербургъ. 1889. 62.—[303]) Чистовичъ, 50-лѣтіе (1839—89) возсоединенія съ православной церковью западно-русскихъ уніатовъ. С.-Петербургъ, 1889. 64.—[304]) И. Филевичъ, Къ 50-лѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ. Р. В. 1889. 7, 3—24.—[305]) И. Стрѣльбицкій, Уніатскіе церковные соборы съ конца XVI в. до возсоединенія уніатовъ съ православной церковью. Вильно, 1888 (И. В. 1889, 3, М. Г—цкій).

Въ литературѣ по исторіи южной Руси возбужденъ былъ снова старый споръ между Московской школой и историками-украинофилами по вопросу о присоединеніи Малороссіи. Въ Чтеніяхъ Москов. Общ. напечатано было обширное изслѣдованіе Кулиша [306]), извѣстнаго украинофила; Общество рѣшило, не смотря на тенденціозность сочиненія, напечатать его вслѣдствіе его талантливаго и блестящаго изложенія, но въ то же время Общество поручило г. Карпову [307]) разсмотрѣть сочиненіе Кулиша.

Не будучи уже въ состояніи доказать соединеніе Малороссіи съ Москвой по договору, Кулишъ въ своемъ изслѣдованіи обрушивается на Богдана Хмельницкаго, допустившаго подданство Россіи, доказывая, что онъ разбойникъ, предатель и измѣнникъ не только Малороссіи, но и Москвѣ. Карповъ указываетъ прежде всего на незнакомство Кулиша съ источниками; такъ, изъ 14 томовъ актовъ къ исторіи южной и западной Россіи ему извѣстенъ только третій, о монографіи Карпова „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго", вышедшей въ 1873 г., Кулишъ узналъ только по окончаніи своего труда. Карповъ въ своемъ возраженіи снова разбираетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ могло случиться, что въ III т. актовъ, издававшемся подъ редакціей Костомарова и Кулиша, выпущены именно акты за 1654 и 55 годы; затѣмъ онъ доказываетъ, что Богданъ Хмельницкій никогда не думалъ объ измѣнѣ московскому государю и о сношеніяхъ своихъ съ Турціей постоянно самъ извѣщалъ въ Москву. Въ послѣдней главѣ онъ разсматриваетъ обвиненія Богдана Хмельницкаго въ безвѣріи и безнравственности вообще.

Въ 14 т. актовъ по исторіи южно-западной Россіи [308]) изданы г. Карповымъ матеріалы для исторіи присоединенія Бѣлоруссіи (1654—55), какъ дополненіе къ III т., изданному Костомаровымъ. Въ предисловіи издатель указываетъ на то, что форма соединенія съ Москвой здѣсь была не та, что въ Малороссіи; здѣсь права и привилегіи были только пожалованы; у Бѣлоруссіи не было представителей, которые могли бы „договариваться", не было гетмана и митрополита.

Каманинъ [309]) указываетъ на хорошія отношенія между кіевлянами и Богданомъ, на преданность Кіева гетману и печатаетъ

---

[306]) Кулишъ, Отпаденіе Малороссіи отъ Польши, т. II, III. Ч. М. О. И. Д. 1888, 4, 1—396. 1889, 1, 1—416. — [307]) Г. Карповъ, Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Ч. М. О. И. Д. 1889, 1. 1—104 (И. В. 1890, 3. Н. Лихачевъ).— [308]) Акты, относящіеся до исторіи южной и западной Россіи. т. 14. С.-Петербургъ, 1889. V, 18, 896, 39. 2 р. (И. В. 1889, 6. К. С. 1889. 9. Ив. Н.).— [309]) И. Каманинъ, Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. К. С. 1888, 7, 67—78.

универсалы, которыми гетманъ даровалъ разныя льготы Кіеву. Онъ же напечаталъ нѣкоторыя письма Богдана къ воеводѣ Хилкову съ просьбой ходатайствовать передъ государемъ о помощи (1651 г.); въ 1656 г. Богданъ предупреждаетъ ближняго боярина Бор. Морозова о „ляцкихъ хитростяхъ", когда Польша хотѣла заключить миръ съ Россіей" [309a]). Шафрановъ [310]) доказываетъ, что послѣдняя редакція статей Богдана Хмельницкаго во время переговоровъ съ Москвой была 21 марта и въ 11-ти, а не въ 14-ти пунктахъ; они служили, однако, только дополненіемъ къ жалованнымъ грамотамъ государя, которыя были главными документами, утверждавшими права запорожцевъ. Редакція же въ 14-ти пунктахъ явилась уже позже, въ 1659 г. во время переговоровъ въ Переяславлѣ съ Юріемъ Хмельницкимъ. Въ Сборникѣ лѣтописей южной Руси [310a]) напечатаны нѣкоторые новые памятники изъ музея Оссолинскихъ въ Львовѣ: кіевская лѣтопись (1241—1621), лѣтопись львовскаго каноника Юзефовича (1624—1700) и др.; матеріалъ важенъ, главнымъ образомъ, для исторіи казачества съ 40-хъ годовъ 17-го вѣка; между прочимъ напечатано и нѣсколько писемъ Хмельницкаго 1655 г. Востоковъ [311]), по бумагамъ Московск. арх. Мин. Юстиціи въ дѣлахъ Сибирскаго Приказа, описываетъ борьбу партій послѣ измѣны русскому дѣлу со стороны Юрія Хмельницкаго, борьбу между гетманомъ запорожскаго войска Брюховецкимъ и переяславскимъ полковникомъ Сомкой, который затѣмъ обвиненъ былъ въ сношеніяхъ съ татарами и казненъ. Барсуковъ [312]) въ V томѣ своего труда описываетъ событія двухъ съ небольшимъ лѣтъ со времени выѣзда Шереметева изъ Москвы до отведенія его въ плѣнъ къ крымцамъ (5 мая 1658—25 октября 1661). Авторъ описываетъ тогдашнее положеніе Малороссіи, указываетъ на неправильную организацію войска, мѣстническіе счеты, характеризуетъ отношенія Шереметева къ Гизелю и др. дѣятелямъ; указываетъ, между прочимъ, на неудобство центральнаго управленія войсками изъ Москвы; въ книгѣ очень много новыхъ матеріаловъ. Владимірскій-Будановъ [313]) прослѣдилъ ходъ и результаты передвиженія южно-русскаго населенія

[309 a]) И. Каманинъ, Новые историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ. К. С. 1888, 7, 18—24. — [310]) П. Шафрановъ, О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. К. С. 1889. 11, 369—91. — [310 a]) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный Кіевской Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Предисловіе В. Антоновича. — [311]) А. Востоковъ, Нѣжинская рада 1663 г. К. С. 1888, 5. 125—139.—[312]) Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ. С.-Петербургъ, 1888. VII. 469. 4 р. (Ж. М. Н. П. 1888, 3, Бестужевъ-Рюминъ; К. С. 1889, 6, Каманинъ И. В. 1889, 7. Д. Корсаковъ.—[313]) М. Владимірскій-Будановъ, Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. К. С. 1888, 7, 79—116.

въ эпоху Богдана Хмельницкаго: масса народа передвинулась съ запада на востокъ (съ Волыни и Червонной Руси въ Днѣпровскую, Донскую и Бужскую Украйну); во время этого переселенія были устранены всѣ разнообразныя, чужеродныя этнографическія примѣси и уничтожены польскія соціальныя различія въ составѣ населенія. Западныя части южной Руси были страшно опустошены; поселившееся, затѣмъ бѣжавшее отсюда на Украйну населеніе вполнѣ понимало свою связь съ Россіей; ужасы борьбы повели только къ заселенію пустынь и подъему русскаго національнаго сознанія. Багалѣй [314—316]) въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины", вышедшихъ въ 1887 году, поставилъ себѣ задачей прослѣдить ходъ колонизаціи Малороссіи; въ колонизаціи этой онъ различаетъ два теченія: сѣверное (великорусское) и западное (малорусское), причемъ доказываетъ, что въ первой была преобладающей государственная колонизація, во второй—народная; онъ указываетъ на дѣятельность государства по устройству станицъ, городовъ, на сельско-хозяйственную культуру въ степяхъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ взглядъ этотъ опровергается и доказывается преобладаніе великорусской народной колонизаціи надъ государственной. Въ небольшомъ очеркѣ хода заселенія Харьковскаго края Багалѣй намѣчаетъ содержаніе II-го тома своего труда. Дополненіемъ къ труду Багалѣя служитъ изслѣдованіе Петрова [317]) относительно двухъ важныхъ пунктовъ русской колонизаціи—городовъ Чугуева и Изюма, на основаніи оффиціальныхъ документовъ (1639—1694 гг.) изъ археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи. Громадный матеріалъ для характеристики колонизаціи, землевладѣнія, управленія и сословныхъ отношеній собранъ въ трудѣ Лазаревскаго [318]): Описаніе Старой Малороссіи. Авторъ задумалъ дать описаніе 10 полковъ, на которые дѣлилась Гетманщина (лѣвобережная Украйна) 1654—1782 гг. Лучицкій [319]), разбирая трудъ Лазаревскаго, указалъ на то, что авторъ исключилъ совершенно данныя о

---

[314]) Д. Багалѣй, Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его развитія до открытія университета. Харьковъ. 1889. II, 43.4 р.—[315]) Д. Багалѣй, Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. К. С. 1889. 4, 5, 6.—[316]) Д. И. Багалѣй, Нѣсколько словъ о характерѣ колонизаціи южной степной окраины Московскаго Государства. Ж. М. Н. Пр. 1888. 8. 482—507 (Полемика между Багалѣемъ и Чечулинымъ въ Библіографѣ 1888 г. Рецензія Каманина въ К. С. 1889 г.—[317]) Н. Петровъ, Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. К. С. 1888, 4, 5.—[318]) Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи. Кіевъ. 1888/9. 1—289. 2 р. 289, 470, XXX 1 р. (Ж. Н. Н. П. 1888, 10. Багалѣй. Р. М. 1888, 5).—[319]) Лучицкій. Рецензія сочиненія Лазаревскаго, К. У. И. 1889, 12. 283—297.

казачьемъ и крестьянскомъ землевладѣніи, такъ что книгу его слѣдуетъ назвать описаніемъ не „старой“, а „владѣльческой“ Малороссіи. Далѣе онъ указываетъ на то, что Лазаревскій главнымъ своимъ источникомъ, книгой генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ, пользуется безъ всякой критики и что большинство свѣдѣній поэтому не полны и не точны. Богатый матеріалъ для исторіи быта и культуры собранъ Эварницкимъ [320—321]), который во время поѣздокъ по Малороссіи изучалъ памятники быта, надписи, производилъ раскопки, собиралъ народныя преданія, пѣсни и т. п. Относительно цѣнности собраннаго такимъ образомъ матеріала было указываемо на то, что его нельзя считать во всѣхъ отношеніяхъ достовѣрнымъ, такъ какъ авторъ пользуется имъ безъ всякой критики. Тотъ же авторъ издалъ Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ казаковъ (1748—89 гг.) [322]). Лилеевъ [323]) опровергаетъ сложившееся мнѣніе, что первымъ раскольничьимъ поселенцемъ въ стародубскихъ предѣлахъ былъ попъ Кузьма (1666—1667); онъ показываетъ затѣмъ, какъ раскольничье движеніе начало усиливаться при царевнѣ Софіи и продолжало усиливаться и въ 18-мъ вѣкѣ.

Отмѣтимъ, наконецъ, очерки Неймана [324]) о дѣятеляхъ Брацлавщины (восточная часть Подольской земли) и Лазаревскаго [325]) о людяхъ старой Малороссіи. Дружининъ [326]) описалъ (по дѣлопроизводству посольскаго приказа въ Моск. арх. Мин. Иностр. Дѣлъ) волненія, которыя возбуждены были на Дону бѣжавшими туда раскольниками; волненія эти кончились паденіемъ независимости Донского казачества, такъ какъ оно раздѣлилось на двѣ партіи: раскольничью и болѣе зажиточную, Московскую. Ефименко [327]) напечатала найденныя ею въ архивѣ Харьковскаго Университета 12 пунктовъ, въ которыхъ президентъ Малороссійской коллегіи (учрежденной въ 1722 г.) Вельяминовъ излагалъ свои столкновенія съ гетманомъ Полуботкомъ (малороссы надѣялись, что коллегія эта ограничится ролью

---

[320]) Д. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа I, II. С.-Петербургъ. 1888 (К. С. 1888, 11. Житецкій. В. Е. 1889, 1. И. В. 1888, 12. П. Полевой. Запорожское гнѣздо).—[321]) Д. Эварницкій; Очерки по исторіи Запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго Края. С.-Петербургъ, 1889. II, 195. 1 р. 50 к.—[322]) Д. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Запорожскихъ казаковъ. С.-Петербургъ, 1888. XIX, 248. 1 р. 50 к.—[323]) М. Лилеевъ, Изъ начальной исторіи раскола въ „Стародубьѣ“. К. С. 1889, 8. 9.—[324]) Ц. Нейманъ, Старая Брацлавщина и ея люди. К. С. 1889, 5/6, 10.—[325]) А. Лазаревскій, Люди Старой Малороссіи. К. С. 1888, 11 (Начало въ К. С. 1887 г.).—[326]) В. Дружининъ, Расколъ на Дону въ концѣ 17 в. С.-Петербургъ, 1889. IX, 335. 2. (К. С. 1889, 4. А. М. Библіографъ, 1889, 3. К. И. В. 1889, 6. С. Бестужевъ-Рюминъ. В. Е. 1889, 6). — [327]) А. Ефименко. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. К. С. 1888, 10. 162—182.

высшей апелляціонной инстанціи по отношенію къ Генеральному Суду, но Вельяминовъ хотѣлъ забрать все въ свои руки). Послѣ поѣздки Вельяминова съ этими пунктами въ Петербургъ, туда былъ вызванъ и Полуботокъ. Столкновенія происходили, главнымъ образомъ, изъ-за сборовъ, ихъ организаціи и изъ-за отношеній казацкой старшины къ нисшимъ классамъ, которые все больше и больше закрѣпощались. Наиболѣе интересной представляется работа Теличенко [328]), который излагаетъ исторію кодификаціи малороссійскаго права, исторію такъ-называемой малороссійской коммиссіи. Авторъ говоритъ прежде всего о персоналѣ коммиссіи, о невозможныхъ условіяхъ, которыми была обставлена дѣятельность ея, о книгахъ и пособіяхъ, бывшихъ въ коммиссіи при составленіи свода. Изслѣдуя вопросъ, въ какой редакціи употреблялся Статутъ въ малороссійскихъ судахъ, авторъ, вопреки мнѣнію Кистяковскаго, считаетъ употребленіе Статута въ спискахъ юго-западной редакціи въ малороссійскихъ судахъ первой половины 18-го вѣка несомнѣннымъ и доказываетъ, что новые списки его не суть переводы съ польскаго, а подновленіе стараго списка съ замѣной устарѣвшихъ словъ. Далѣе Теличенко излагаетъ дѣятельность коммиссіи съ 1729 по 1743 г., когда составленъ былъ сводъ—„Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“, и дальнѣйшую судьбу свода. Въ 1856 году Сенатъ передалъ его гетману Разумовскому, созвавшему коммиссію, въ которой произошла борьба между приверженцами Статута и сторонниками Свода; въ 1759 г. она была распущена и работа коммиссіи 1729—1743 гг. была окончательно забыта. Затѣмъ авторъ указываетъ на то, что при введеніи впослѣдствіи правительственнаго Свода законовъ, населеніе Малороссіи желало удержанія нѣкоторыхъ положеній Статута, получившихъ значеніе обычнаго права.

Владимірскій-Будановъ [329]) опубликовалъ проектъ Кіевской Канцеляріи 1754 г. Проектъ этотъ указываетъ на недостатки экономическаго быта и беретъ подъ свою защиту великороссійскихъ людей (гарнизоны, раскольники и купцы) отъ притѣсненій малороссовъ.

На основаніи нѣскольких сохранившихся, относящихся къ Кіеву вѣдомостей знаменитой Румянцевской описи Лучицкій [330]) далъ описаніе Кіева въ 1766 г. (топографія, составъ населенія, экономическое развитіе и экономическія отношенія). Но описаніе верх-

---

[328]) И. Теличенко, Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. К. С. 1888, 9, 10.—[329]) М. Владимірскій-Будановъ. Проекты кіевской губернской канцеляріи, представленные въ Елизаветинскую и Екатерининскую Законодательныя Коммиссіи. К. С. 1888, 5. 37—43.—[330]) И. Лучицкій, Кіевъ въ 1766 г. К. С. 1888 (1, 2, 3). 1—74.

наго Кіева не сохранилось. По протоколамъ городской думы Молчановскій [331]) описываетъ введеніе въ Кіевѣ городового положенія. Теличенко [332]) по документамъ Харьковскаго архива знакомитъ насъ съ протестомъ слободской старшины противъ реформы Екатерины II, которая превратила полки выборныхъ казаковъ въ гусарскіе, а области слободской Украйны превратила въ провинціи. Слободская старшина теряла свои привилегіи, а народъ тяготился новымъ видомъ военной службы, податей и повинностей. Бытовая сторона жизни Кіевской Духовной Академіи въ половинѣ XVIII вѣка характеризуется очеркомъ Голубева [333]), который описываетъ дѣло ректора Академіи Давида Нощинскаго и передаетъ поданную на него жалобу и его объяснительную записку (онъ будто бы круто обращался съ подчиненными). Теличенко [334]) излагаетъ (по дѣламъ южно-русскаго архива) исторію малороссійскаго архива (бывшій архивъ Войсковой Генер. Канцеляріи въ Глуховѣ, 1739 г.). Во время пожара въ Глуховѣ для вывоза архива понадобилось 100 п., слѣдовательно, дѣла архива, заключаетъ Теличенко, вѣсили около 2,500 п., а такъ какъ имѣющіяся теперь на-лицо дѣла вѣсятъ 600 п., то, слѣдовательно, $^3/_4$ архива исчезли безслѣдно.

Ефименко [335]) констатируетъ фактъ очень распространеннаго мѣстнаго желѣзнаго производства (въ эпоху Румянцевской описи). Производство это не было вполнѣ дѣломъ частной инициативы, оно было разрѣшаемо и находилось подъ контролемъ правительства. Въ концѣ прошлаго вѣка оно исчезло и отъ него остались только филологическіе слѣды въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ.

Закончимъ обзоръ обширнымъ изслѣдованіемъ Каманина [336]) о послѣднихъ годахъ самоуправленія въ Кіевѣ. По документамъ центральнаго университетскаго архива авторъ разсказываетъ о тѣхъ широкихъ злоупотребленіяхъ Кіевскаго Магистрата, которыя повлекли за собою отмѣну (въ 1835 году) Магдебургскаго права, дѣйствовавшаго въ Кіевѣ съ конца XV вѣка. Магистратомъ растрачено было много болѣе милліона рублей, т.-е. сумма, равнявшаяся въ 9 разъ увеличенному доходу города. Каманинъ говоритъ, что такія злоупо-

[331]) Н. Молчановскій, Кіевское городское управленіе въ 1786 г. К. С. 1889, 5, 6, 7.—[332]) И. Теличенко, Протестъ Слободской старшины и казаковъ противъ реформы 1765. К. С. 1888 (1, 2, 3). 244—270.—[333]) С. Т. Голубева. Очерки изъ исторіи кіевской духовной академіи за XVIII стол. К. С. 1889, 4. 1—26. — [334]) И. Теличенко, Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. К. С. 1889, 2. 445—458. — [335]) П. Ефименко, Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. І. Рудни въ Сѣверщинѣ. К. С. 1888, 4. 52—63.—[336]) И. Каманинъ, Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебургскому праву. 1888, 5. 8, 9.

требленія начались уже давно во всѣхъ городахъ, гдѣ было Магдебургское право. Въ 16 и 17 вѣкахъ былъ еще живъ вѣчевой духъ, жило еще общественное мнѣніе, которое не допускало злоупотребленій; но когда затѣмъ правящая каста выдѣлилась и Петръ I раздѣлилъ посполъство на „почтеннѣйшее общество“ и „подлыхъ людей“, тогда начались эти хищенія.

Указатель именъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ обзорѣ русской исторической литературы за 1888—89 г.

Цифра обозначаетъ № подстрочнаго примѣчанія. Что касается до сокращеній въ этихъ примѣчаніяхъ, то В. Е.=Вѣстникъ Европы, В. С.=Военный Сборникъ, Ж. М. Н. П.=Журналъ Мин. Нар. Просв., И. В.=Истор. Вѣст., К. У. И. = Кіевскія Университетскія Извѣстія, К. С. = Кіевская Старина, Р. А.=Русскій Архивъ, Р. В.=Русскій Вѣстникъ, Р. М.=Русская Мысль, Р. С.=Русская Старина, С. Р. И. О.=Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Ч. М. О. И. Д.=Чтенія въ Моск. Общ. Исторіи и Древностей, Ю. В.=Юридическій Вѣстникъ.

ОТДѢЛЪ II.

Протоколы засѣданій Историческаго Общества за конецъ 1890 и начало 1891 г. [1]

Протоколъ XII Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 7 ноября 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 18 членовъ.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ о вновь поступившихъ въ библіотеку общества пожертвованіяхъ: отъ Казанскаго Университета Ученыя записки Университета за 1890 г.; отъ Н. И. Карѣева — 16 его сочиненій и брошюръ, а также 33 сочиненія преимущественно по русской исторіи; отъ Е. Ф. Шмурло — его сочиненіе и 2 его-же брошюры; отъ В. Г. Дружинина и А. С. Лаппо-Данилевскаго по экземпляру ихъ сочиненій.

3. Г. предсѣдатель заявилъ, что печатаніе сборника научныхъ трудовъ Общества закончено будетъ въ половинѣ декабря и что самый сборникъ будетъ разосланъ тѣмъ изъ господъ членовъ, которые уплатили годовой взносъ.

4. Приступили къ баллотировкѣ кандидатовъ въ члены Общества, предложенныхъ въ прошломъ общемъ собраніи. Большинствомъ голосовъ избраны гг. Бартольдъ, Перетятковичъ и Чебышевъ. Остальные избраны единогласно.

5. Производились выборы въ члены ревизіонной коммиссіи. Кандидатами оказались: Е. А. Бѣловъ, С. Л. Степановъ, Н. М. Бубновъ, А. И. Покровскій, В. И. Семевскій, Х. М. Лопаревъ, А. М. Ону, Н. А. Бѣлозерская и А. К. Кедровъ. Избранными оказались гг. Бѣловъ и Степановъ; гг. Бубновъ и Покровскій

---

[1]) Протоколы первыхъ XI засѣданій помѣщены во второмъ отдѣлѣ I тома „Историческаго Обозрѣнія“ (стр. 16—49). Здѣсь печатаются протоколы трехъ послѣднихъ засѣданій за 1890 г. и тѣ за текущій годъ, которые были утверждены до отпечатанія настоящаго тома.

получили одинаковое число голосовъ; изъ нихъ послѣ перебаллотировки избранъ былъ г. Покровскій.

6. Е. Н. Щепкина сдѣлала сообщеніе «о Тульскомъ уѣздѣ въ XVI и XVII вѣкахъ» (см. приложеніе). Е. А. Бѣловъ замѣтилъ, что постройка и укрѣпленіе засѣки Тульскаго уѣзда въ XVII вѣкѣ хотя и производились, но уже не удовлетворяли насущнымъ потребностямъ, такъ какъ украинная линія отодвинулась въ это время далѣе на югъ. Е. А. Бѣловъ обратилъ также вниманіе на большіе размѣры жалованья, какіе получалъ одинъ изъ иностранныхъ инженеровъ при постройкѣ Тульскихъ укрѣпленій.

7. А. М. Ону прочелъ рефератъ объ историческомъ значеніи царствованія имп. Іосифа II [1]). Н. И. Карѣевъ обратилъ вниманіе референта на то, что онъ въ дѣятельности Іосифа II не разграничилъ двухъ сторонъ: одна— продолженіе старой политики государственности, примыкавшей въ этомъ отношеніи къ реформамъ Маріи-Терезіи, другая сторона—это дѣятельность, слагавшаяся подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII вѣка и въ этомъ смыслѣ родственная французскому революціонному движенію. По мнѣнію Е. А. Бѣлова, Іосифъ II не былъ только продолжателемъ политики Маріи-Терезіи, какъ доказывалъ г. Ону. Даже при закрытіи монастырей (сторонѣ церковной политики, въ которой наиболѣе замѣчается сходства между дѣятельностью Іосифа II и Маріей-Терезіей) Іосифъ II руководствовался не только экономическими расчетами, какъ Марія-Терезія, но имѣлъ въ виду и тотъ вредъ, какой приносили монахи, поддерживая невѣжество и суевѣріе. Ту же мысль г. Бѣловъ доказывалъ и разборомъ церковной политики и крестьянскихъ реформъ, неодинаково осуществленныхъ матерью и сыномъ. Г. Бѣловъ замѣтилъ при этомъ, что колебанія и неясность намѣченной цѣли нерѣдко приводили реформы Іосифа II къ неожиданнымъ результатамъ, какъ это было, напримѣръ, съ проектомъ всюду ввести нѣмецкій языкъ. Наконецъ г. Бѣловъ обратилъ вниманіе на сообщенный г. Ону приговоръ Венгерскаго дворянства надъ крестьянствомъ, приговоръ, который въ первой четверти XVI в. обрекалъ крестьянъ на вѣчное рабство. Если предположить, что Іосифъ и не зналъ объ этомъ приговорѣ, то во всякомъ случаѣ уже такое незнаніе показываетъ малую подготовку, какую имѣлъ Іосифъ для проведенія соціальной реформы. Впрочемъ, обвиненія, взведенныя на Іосифа, какъ на тиранна, гонителя свободы — несправедливы. Они возникли по поводу простыхъ безпорядковъ въ семинаріи при Лувенскомъ Университетѣ, которые представлены были, какъ бунтъ противъ верховной власти и были наказаны соотвѣтствующимъ образомъ. Вслѣдъ за г. Бѣловымъ, г. Шараповъ замѣтилъ референту, что онъ не занялся національными отношеніями эпохи. Г. Ону возразилъ, что вопросъ этотъ не входитъ въ предѣлы намѣченной темы.

---

[1]) Переработка этого реферата печатается въ настоящемъ выпускѣ „Историч. Обозрѣнія“.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Тульскій уѣздъ въ XVI-мъ и XVII-мъ вв.

Предлагая вниманію Историческаго Общества грубый набросокъ карты Тульскаго уѣзда въ XVI-мъ и XVII-мъ вв., считаю долгомъ замѣтить, что я избрала именно этотъ, а не другой уѣздъ, во-первыхъ, потому, что любопытны вообще судьбы сельскаго люда всей Тульской губ., какъ занявшей въ XVIII в первое мѣсто среди Великороссійскихъ губерній по многочисленности крѣпостнаго населенія; а затѣмъ потому, что обзоръ этого уѣзда непосредственно вытекаетъ изъ предыдущей работы на пространствѣ Каширскаго уѣзда.

Набросокъ составленъ по писцовымъ книгамъ 1587—9 гг. и переписнымъ 1646 и 1678 гг. Всѣ перечисленныя въ нихъ селенія, которыя нашлись на современной картѣ Тульской губ., я захватила въ границы стараго уѣзда.

Положеніе Тульскаго у. въ XVI-мъ в. вполнѣ зависѣло отъ его военно-стратегическаго значенія; старый уѣздъ длиннѣй и уже современнаго и растягивается съ востока на западъ по обѣ стороны Муравской дороги. Это же значеніе тѣсно связывало Тулу съ сосѣдними уѣздами — Веневскимъ, Дѣдиловскимъ, Соловскимъ, Епифанскимъ и частью Ливенскимъ. Тульскій уѣздъ въ указанную эпоху дѣлился на 8 становъ; шесть изъ нихъ примыкали къ засѣкамъ, два, смежные съ Алексинскимъ у., лежали въ болѣе спокойныхъ мѣстностяхъ.

Тульскія засѣки, числомъ семь, начинались за предѣлами уѣзда отъ Рязанской черты и тянулись извилистыми линіями до Липвинскихъ засѣкъ (въ Одоевскомъ у.). Всякая засѣка дѣлилась на звенья между близлежащими деревнями. Два стана почти вполнѣ замкнуты въ кольца засѣкъ. Гдѣ недоставало лѣсу, у береговъ рѣкъ, на полянахъ стояли надолобы, насыпались валы. Управленіе засѣками сосредоточивалось въ Тулѣ; но засѣчные головы, прикащики и помѣстные сторожа назначались какъ изъ тулянъ, такъ и изъ веневцевъ, и соловлянъ.

Четыре книги XVII в. (отъ 1646 и позже), хранящіяся въ Моск. Арх. Мин. Юст. въ числѣ писцовыхъ [1]), описываютъ мѣстность засѣкъ по звеньямъ между деревнями отъ Рязани до Козельска; а помѣщающіеся въ тѣхъ же книгахъ дозоры разныхъ лѣтъ описываютъ то, что попортилось и исправлялось на засѣкахъ, валахъ и въ островкахъ.

Ширина лѣсного вала различна въ разныхъ мѣстахъ, отъ 25 до 64 саж.; а можетъ быть и болѣе; одна засѣка по гущинѣ лѣса и обилію болотъ не нуждалась и въ завалѣ. На каждой засѣкѣ, за исключеніемъ одной, бывало

---

[1]) *Откизныя и отдѣльныя* по Рязани съ городами № 489, 390, 415 и 416. По нимъ В. Н. Сторожевъ набросалъ общую карту засѣкъ отъ Рязани до Козельска; съ которой и познакомилъ членовъ VIII Археол. съѣзда.

по нѣскольку воротъ, укрѣпляемыхъ въ XVII вѣкѣ острожками и земляными городками новаго западнаго образца. Такія укрѣпленія ставились, повидимому, и внѣ засѣкъ по важнымъ дорогамъ. Многія городища, описываемыя Сахаровымъ въ «Памятникахъ Тульской губ.», оказываются какъ разъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по дозорамъ были засѣчныя ворота и земляныя укрѣпленія XVIII в. Во время усиленныхъ земляныхъ работъ по Тульской чертѣ, къ засѣкамъ назначались особые воеводы и иногда новые головы изъ другихъ уѣздовъ, Калужскаго, напр. Эти работы тяжело ложились на населеніе. Самое грандіозное сооруженіе XVII в. въ уѣздѣ Завитаи-городъ; это высокій земляной валъ съ бастіонами, со многими воротами и острожками, построенный около 1638 г. Онъ огибалъ г. Тулу съ юга и тянулся почти на 14 верстъ по уѣзду до воротъ Щегловской засѣки къ самому Соловскому у.

Протоколъ XIII (экстреннаго) Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 29 ноября 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 24 члена.

1. Прочитанъ, утвержденъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. Е. Аѳанасьевъ сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: «Легенда о pacte de famine въ XVIII в.» [1]). Па рефератъ г. Аѳанасьева сдѣлали замѣчанія Е. А. Бѣловъ и Н. И. Карѣевъ. Е. А. Бѣловъ обратилъ вниманіе на то, что обвиненіе противъ королей въ скупкѣ хлѣба въ XVIII в. поднималось два раза: первый разъ въ 1709 г., когда оно признано было просто крикомъ голода и не вызвало преслѣдованій, второй разъ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка противъ Людовика XV, который далъ поводъ къ такого рода обвиненію, такъ какъ былъ крайне скупъ на свои частныя средства и, наоборотъ, весьма расточителенъ на казенныя. Одной дурной системой торговли нельзя объяснять происхожденіе слуховъ объ участіи правительства въ барышническихъ продѣлкахъ. Весьма естественно, что слѣдовъ такого участія въ архивныхъ документахъ можно и не найти. Происхожденіе самаго термина «pacte de famine» Е. А. Бѣловъ объяснялъ каламбуромъ на извѣстный pacte de famille 1761 г. Съ 1765 по 1789 г. всѣ хлѣбныя монополіи окрещивались названіемъ «pacte de famine». Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ нѣсколько частныхъ замѣчаній по поводу одного изъ участниковъ хлѣбной спекуляціи (Мирлаво) и по поводу контракта Малиссе, напечатаннаго въ «Монитерѣ».

[1]) Рефератъ этотъ, значительно расширенный, печатается въ настоящемъ выпускѣ „Историч. Обозрѣнія“.

3. Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ сообщеніе о новомъ предпріятіи въ области преподаванія исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ (см. прилож.). По поводу сообщенія Н. И. Карѣева нѣсколько замѣчаній сдѣлалъ Я. Г. Гуревичъ. Выразивъ сочувствіе предпріятію московской исторической секціи, онъ указалъ на то, что, къ сожалѣнію, подобной секціи не имѣется при Педагогическомъ музеѣ въ Петербургѣ, хотя и есть секціи по другимъ предметамъ и что желательно было бы восполнить этотъ пробѣлъ. Впрочемъ, по мнѣнію Я. Г. Гуревича, дѣло это не легкое. Тому доказательствомъ могутъ служить предшествовавшіе опыты. Въ министерство Сабурова при второй петербургской прогимназіи образована была особая коммиссія преподавателей для выработки програмы по исторіи. Но программа эта не была введена въ учебныя заведенія. Самую выработку такой програмы Я. Г. Гуревичъ считалъ неосуществимой, пока не будетъ установлено нормальнаго числа уроковъ по исторіи. Коллективная работа при составленіи учебника также едвали возможна, ибо мало способствовала бы цѣльности учебника, его внутреннему единству. Что же касается до тезисовъ, принятыхъ Московскимъ кружкомъ преподавателей, то обсужденіе ихъ мыслимо было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы членамъ Историческаго Общества извѣстны были самые рефераты, въ коихъ эти тезисы мотивировались.

На замѣчанія Я. Г. Гуревича Н. И. Карѣевъ возразилъ, что Историческое Общество при С.-Петербургскомъ Университетѣ, между прочимъ, имѣетъ цѣлью и обсужденіе вопросовъ по преподаванію исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и что выработка програмы преподаванія въ такихъ заведеніяхъ желательна помимо соображеній, будетъ ли она, напримѣръ, принята оффиціально. Оффиціальныя програмы даютъ только рамки. Эти рамки заполняются содержаніемъ лишь послѣ выработки мотивированнаго конспекта тѣхъ свѣдѣній, какія должны быть предложены ученикамъ. Московскіе преподаватели, повидимому, и разрабатываютъ практически тотъ вопросъ, который разсматривался теоретически самимъ Я. Г. Гуревичемъ въ его рефератѣ, читанномъ весною. Коллективная работа надъ учебникомъ возможна въ смыслѣ именно разработки матеріала, подлежащаго преподаванію. Вопросъ объ общей редакціи учебника, конечно, дѣло другое, непредрѣшенное тою постановкою, которую ему дали пока московскіе историки. За то составленіе христоматіи вполнѣ возможно путемъ коллективной работы. Въ заключеніе Н. И. Карѣевъ замѣтилъ, что онъ вовсе не приглашалъ Общество разбирать самые тезисы, выставленные московской секціей преподавателей; впрочемъ, желательно было бы сравнить ихъ съ положеніями, высказанными Я. Г. Гуревичемъ, въ виду ихъ разногласія, а также ознакомиться съ рефератами, читанными на собраніяхъ исторической секціи въ Москвѣ.

Вслѣдъ за Я. Г. Гуревичемъ нѣсколько замѣчаній сдѣлалъ Г. Е. Аѳанасьевъ. По мнѣнію Г. Е. Аѳанасьева, хотя вопросъ о програмиѣ по исторіи несомнѣнно находится въ зависимости отъ времени и отъ его рас-

предѣленія по классамъ, тѣмъ не менѣе вопросъ о нормальной программѣ можетъ быть обсуждаемъ безъ этихъ данныхъ; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ только установить нормальное число часовъ, нужное для преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и распредѣленіе этихъ часовъ по классамъ. На педагогическомъ съѣздѣ преподавателей одесскаго округа въ 1883 или 1884 году въ Одессѣ — преподаватели вмѣстѣ съ профессорами мѣстнаго университета съ этой точки зрѣнія обсуждали програму исторіи и сообщили съѣзду свои соображенія о желательной програмиѣ исторіи и о числѣ часовъ, которое нужно для ея выполненія.

Наконецъ, по поводу реферата Н. И. Карѣева С. Д. Ахшаруковъ указалъ на необходимость составленія учебной книги для преподавателей. Я. Г. Гуревичъ выразилъ несогласіе; по его мнѣнію, въ такомъ случаѣ у преподавателей будетъ слишкомъ мало самостоятельности въ дѣлѣ преподаванія. Г. Ахшаруковъ возразилъ, что такой самостоятельности нельзя и требовать отъ провинціальныхъ преподавателей, которымъ иногда крайне нужна бываетъ такая учебная книга. Г. Петерсъ замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ учебникахъ (напр. Ваксмута) есть библіографическія указанія для преподавателей. Въ виду затрудненій, какія могли бы встрѣтиться при составленіи такой учебной книги, г. Васильевъ предложилъ сдѣлать рядъ критическихъ замѣчаній и поправокъ къ учебнику, наиболѣе распространенному въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, къ руководству Д. И. Иловайскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Изъ сообщенія Н. И. Карѣева о московскомъ историко-педагогическомъ обществѣ.

Къ числу цѣлей, съ какими образовалось наше Историческое Общество, относится, по § 2 его устава, «обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ». Къ сожалѣнію, за первый годъ существованія Общества по этому предмету было сдѣлано очень мало. Первоначально одинъ изъ нашихъ сочленовъ, именно И. М. Гревсъ, предполагалъ въ pendant къ моему реферату о «разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки», читанному въ первомъ публичномъ засѣданіи Общества, представить на наше разсмотрѣніе свою програму вопросовъ, касающихся преподаванія исторіи, которые желательно было бы обсуждать въ нашихъ собраніяхъ, о чемъ мною и было сообщено въ рѣчи о задачахъ Историческаго Общества. Однако это не состоялось: сначала многочисленныя занятія, а потомъ отъѣздъ за границу помѣшали И. М. привести въ исполненіе свое намѣреніе. Затѣмъ въ первой половинѣ текущаго года два засѣданія были посвящены чтенію и обсужденію реферата Я. Г. Гуревича подъ заглавіемъ: «Наука, какъ исторія и какъ предметъ преподаванія». Рефератъ этотъ

возбудилъ массу вопросовъ, по поводу которыхъ происходили весьма оживленныя пренія, но наступили каникулы, и во второй половинѣ года никто изъ нашихъ членовъ не явился съ рефератомъ по какому-либо вопросу историческаго преподаванія. Не желая, чтобы это дѣло такъ и заглохло, я, если мнѣ позволитъ время, постараюсь въ первые мѣсяцы 1891 г. приготовить рефератъ тоже историко-педагогическаго содержанія, но было бы, конечно, желательнѣе, чтобы за это взялись лица ближе, нежели я, стоящія къ дѣлу обученія исторіи въ средней школѣ, въ которой я не преподаю уже около двѣнадцати лѣтъ. Съ этою же цѣлью сегодня я позволю себѣ познакомить гг. членовъ нашего Общества съ одной весьма интересной попыткой московскихъ преподавателей исторіи, относящейся именно къ области преподаванія исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ.

Резюмируя пренія, вызванныя рефератомъ Я. Г. Гуревича, я между прочимъ сослался, какъ на примѣръ, достойный подражанія, на образованіе въ Москвѣ особаго кружка преподавателей исторіи, поставившихъ себѣ задачей выработать нормальную программу исторіи для среднеучебныхъ заведеній. Тогда кружокъ этотъ только-что организовался, и мнѣ не задолго передъ тѣмъ пришлось видѣться съ нѣкоторыми его иниціаторами, со словъ которыхъ я и сообщилъ здѣсь эту новость. Уже весною настоящаго года небольшое историко-педагогическое Общество приступило къ своимъ занятіямъ, а въ данную минуту о его дѣятельности уже можно сдѣлать цѣлый весьма интересный отчетъ. Заинтересованный московскимъ предпріятіемъ, я просилъ нѣкоторыхъ его соучастниковъ, близко стоящихъ къ дѣлу, извѣстить меня о ходѣ ихъ работъ, а когда я объ этомъ получилъ отъ нихъ нѣсколько писемъ, у меня явилось желаніе на основаніи этого матеріала познакомить гг. членовъ нашего Общества съ московскимъ предпріятіемъ, на что и послѣдовало согласіе со стороны моихъ корреспондентовъ, причемъ ими было выражено желаніе и болѣе правильно обмѣниваться результатами обсужденія вопросовъ, имѣющихъ прикосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія гг. членовъ Историческаго Общества, я и позволяю себѣ познакомить ихъ подробнѣе съ предпріятіемъ московскихъ преподавателей по запискѣ, предназначенной, для включенія въ «хронику» печатающагося перваго тома нашего сборника. Въ запискѣ этой, составленной на основаніи упомянутыхъ писемъ, выясняется цѣль новаго Общества, перечисляются читанные въ его засѣданіяхъ рефераты, приводятся общія начала, коими руководствуются его члены въ своей общей работѣ надъ составленіемъ программы, и сообщаются нѣкоторыя другія подробности [1]).

Знакомя гг. членовъ Историческаго Общества съ этимъ предпріятіемъ, я имѣю въ виду именно необходимость систематизаціи занятій нашихъ историко-

---

[1]) См. томъ I Трудовъ Историческаго Общества, отд. I, стр. 267—270, гдѣ напечатана самая записка.

педагогическими вопросами и притомъ такой ихъ постановки, чтобы въ результатѣ нашихъ занятій получился не одинъ обмѣнъ мыслей, а что-либо, имѣющее болѣе практическое значеніе. Я не говорю, чтобы наши работы въ этой области были простымъ повтореніемъ того, что дѣлаетъ московская историческая «секція», но во всякомъ случаѣ предпріятіе это заслуживаетъ сочувствія и вниманія, и было бы весьма желательно, чтобы примѣръ московскихъ преподавателей исторіи, столь энергично взявшихся за такое трудное и сложное дѣло, оживилъ и въ нашемъ Историческомъ Обществѣ обсужденіе вопросовъ, касающихся преподаванія исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, и привлекъ къ этому дѣлу лицъ, для которыхъ эти вопросы должны быть наиболѣе близки.

Протоколъ XIV Общаго (годового) Собранія Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 12 декабря 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовалъ 31 членъ.

1. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ общаго собранія.

2. Секретаремъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности Историческаго Общества за истекшій 1890 г., предсѣдателемъ библіографической коммиссіи — отчетъ о ея работахъ.

3. Членъ ревизіонной коммиссіи Е. А. Бѣловъ прочиталъ отчетъ о произведенной ревизіи дѣлъ общества [1]).

4. Г. предсѣдатель заявилъ, что печатаніе сборника Историческаго Общества близится къ концу, и ознакомилъ собраніе съ оглавленіемъ сборника.

5. Заявлено о пожертвованіи А. Н. Щукаревымъ его книги о каталогѣ аѳинскихъ архонтовъ въ библіотеку Общества.

6. Принято предложеніе Комитета о томъ, чтобы взносъ годовой по прежнему оставить въ размѣрѣ 5 рублей; отъ взноса рѣшено освободить лишь однихъ иностранныхъ членовъ.

7. Приняты назначенные на будущія очередныя собранія дни: 23 января, 20 февраля, 20 марта, 24 апрѣля, 11 сентября, 9 октября, 13 ноября и 11 декабря (годовое).

8. Утверждена смѣта на 1891 годъ (См. приложеніе I).

9. Въ силу § 20 Устава производились выборы двухъ новыхъ членовъ комитета взамѣнъ выбывшихъ Е. Ф. Шмурло и В. Г. Дружинина. Изъ числа кандидатовъ, предложенныхъ Комитетомъ, а именно гг. Пташицкаго, Сиповскаго, Степанова и Шмурло, наибольшее число голосовъ получили Е. Ф. Шмурло (24) и С. Л. Степановъ (15).

[1]) Означенные въ пунктахъ 2 и 3 отчеты напечатаны въ I т. „Историч. Обозрѣнія“.

10. Производились выборы кандидатовъ, предложенныхъ въ члены Общества на прошломъ Общемъ Собраніи. Гг. Багалѣй и Цагарели избраны большинствомъ голосовъ, остальные единогласно.

11. Въ члены Общества предложены: М. Н. Бережковъ, П. О. Бобровскій, М. Ф. Владимірскій - Будановъ, А. П. Вороновъ, бар. Н. В. Дризенъ, А. А. Метцлеръ, Н. А. Орловъ, И. М. Собѣстьянскій. С. В. Соловьевъ, Е. Л. Старчевскій, С. Н. Южаковъ.

12. Е. Ф. Шмурло прочелъ рефератъ: «Извѣстія Тедальди о Россіи» (см. Приложеніе II), по поводу котораго сдѣланы были нѣкоторыя дополненія Е. А. Бѣловымъ и А. С. Лаппо-Данилевскимъ. Е А. Бѣловъ указывалъ на то, что характеристика Грознаго у иностранца Кельха полнѣе, чѣмъ у Тедальди. А. С. Лаппо-Данилевскій отмѣтилъ нѣкоторую неточность, какую допустилъ референтъ при изложеніи вопроса о томъ, какія выгоды получала казна въ XVI в. отъ продажи вина. А. С. Лаппо-Данилевскій ссылался также на явочную книгу Елецкую 1615 г., которая подтверждаетъ отчасти извѣстіе Тедальди о сравнительно небольшомъ потребленіи вина въ XVI в.

13. А. И. Покровскій прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Новыя явленія въ области разработки древнегреческой исторіи» [1]). На рефератъ г. Покровскаго сдѣланы были возраженія А. Н. Щукаревымъ По мнѣнію г. Щукарева, референтъ слишкомъ сильно и притомъ незаслуженно нападалъ на филологовъ и источниковѣдѣніе. Изслѣдованіе источниковъ и документовъ, необходимый премиссъ всякаго историческаго изслѣдованія, можетъ служить иногда прямой цѣлью таковаго. По словамъ г. Щукарева, весьма трудно разграничить область филологіи и исторіи. Порою изслѣдованіе чисто филологическое по методу и задачамъ даетъ, между прочимъ, и чисто историческіе результаты. Напр., греческая діалектологія приводитъ къ уразумѣнію племенного состава греческаго міра и распредѣленія въ немъ различныхъ этнографическихъ элементовъ. Г. Покровскій не отрицалъ значенія источниковѣдѣнія и ссылался на статьи Ниссена и г. Мищенки. По поводу преній, возникшихъ относительно различія филологіи и исторіи, Н. И. Карѣевъ высказалъ свои замѣчанія о принципіальномъ отличіи той и другой отраслей знанія, а Е. Ф. Шмурло—что онѣ разнятся между собой не по матеріалу, который можетъ быть однимъ и тѣмъ же для филолога и историка, а по точкамъ зрѣнія, съ какихъ разсматриваютъ этотъ матеріалъ. В. Д. Сиповскій замѣтилъ, что референтъ слишкомъ мало придаетъ значенія прежнимъ историкамъ Греціи, какъ Гротъ и Курціусъ, и не признавалъ особенно низкаго общаго развитія Греціи (Аѳинъ) во времена Перикла въ силу солидарности общественныхъ явленій, при которой нѣтъ возможности, на ряду съ развитіемъ греческой литературы и искусствомъ, представить себѣ малаго развитія другихъ проявленій греческой жизни.

---

[1]) Напечатанъ въ I томѣ „Историч. Обозрѣнія“.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Смѣта на 1891 г. [1]).

Приходъ:

Годовые взносы отъ членовъ	600 р. — к.
Остатокъ отъ 1890 г.	815 » 16 »
Итого	1415 р. 16 к.

Расходъ:

По сборнику 1890 г.	300 р. — к.
По сборнику 1891 г.	400 » — »
Печатаніе дипломовъ	20 » — »
Вознагражденіе за письменныя работы	50 » — »
Почтовые расходы съ разсылкою сборника	80 » — »
Расходы по библіотекѣ	30 » — »
Непредвидѣнные расходы	50 » — »
Итого	930 р. — к.

Въ остаткѣ на 1892 г. предполагается 485 р. 16 к., въ числѣ коихъ находятся 385 р., пожертвованныхъ на покрытіе расходовъ по изданію сборника 1890 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Résumé реферата Е. Ф. Шмурло

Предметомъ доклада послужила недавно напечатанная О. Пирлингомъ записка А. Поссевина о Россіи, составленная имъ на основаніи устныхъ сообщеній флорентинскаго купца Тедальди. Референтъ ознакомилъ съ общимъ содержаніемъ документа, давъ краткій анализъ его содержанія и попытавшись обрисовать личность Тедальди по тѣмъ немногимъ и разбросаннымъ даннымъ, какія ему удалось отыскать. Вниманіе записки главнымъ образомъ сосредоточено на тѣхъ сторонахъ русской жизни, которыя могли наиболѣе интересовать Поссевина въ предстоящей его поѣздкѣ къ Московскому государю. Свѣдѣнія Тедальди благопріятны Ивану Грозному и носятъ отчасти апологетическій характеръ. Не будучи источникомъ первостепеннаго значенія, разсматриваемый документъ тѣмъ не менѣе имѣетъ право на наше вниманіе уже по тѣмъ поправкамъ и дополненіямъ, какія онъ вноситъ въ извѣстія иностранцевъ-современниковъ объ Иванѣ IV, и по той цѣльности взгляда на личность русскаго государя, какой проведенъ черезъ все сочиненіе.

---

[1]) Эта смѣта была разослана петербургскимъ членамъ Общества при повѣсткѣ, приглашавшей ихъ на годовое собраніе 12 декабря 1890 г.

Протоколъ XV Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 23 января 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 22 члена.

1. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ о денежномъ пожертвованіи Д. А. Столыпина на изданія Общества 100 руб. и поступленіи отъ К. Т. Солдатенкова 100 руб. въ видѣ членскаго взноса на 1891 г.

3. Г. библіотекарь заявилъ о пожертвованіяхъ книгами, поступившихъ въ библіотеку Общества: отъ Архива Министерства Юстиціи, Д. А. Столыпина, Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отъ переводчиковъ «Греческихъ древностей» Бузольта, отъ Ѳ. Г. Мищенка, К. Т. Солдатенкова.

4. Г. Предсѣдатель заявилъ, что сборникъ трудовъ Историческаго Общества вышелъ въ свѣтъ въ числѣ 800 экземпляровъ. Изъ нихъ 50 Общество получило даромъ, 150—пріобрѣло за деньги для раздачи гг. членамъ Общества. На это истрачено 300 р., ассигнованныхъ по смѣтѣ; остается уплатить 534 р. 87 к. При этомъ даровыя объявленія о выходѣ въ свѣтъ сборника помѣстили слѣдующія изданія: Вѣстникъ Европы, Недѣля, Живописное Обозрѣніе, Сѣв. Вѣстникъ, Русская Школа, Юридическое Обозрѣніе, Русская Мысль, Русскія Вѣдомости, Юридическій Вѣстникъ, Харьковскія Губ. Вѣд., Южный Край, Русская Старина, Вопросы философіи и психологіи, Русское Богатство, Историческій Вѣстникъ, Новости, Новое Время, Биржевыя Вѣдомости, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Kraj.

5. Секретарь сообщилъ гг. членамъ Общаго Собранія постановленіе Комитета отъ 23 января 1891 г., которымъ редакція сборника («Историческаго Обозрѣнія») поручается единоличному редактору Н. И. Карѣеву до того времени, пока не представится возможности Историческое Обозрѣніе превратить въ журналъ (см. прил. I).

6. Г. предсѣдатель заявилъ, что проф. Мѣржинскій благодаритъ за избраніе его въ члены Общества.

7. Приступлено къ выборамъ кандидатовъ, предложенныхъ въ члены Общества на прошломъ Общемъ Собраніи. Всѣ оказались единогласно избранными.

8. Предложены въ члены Историческаго Общества слѣдующія лица: А. И. Аммонъ, Д. Н. Анучинъ, В. Н. Беркутъ, Р. Ю. Випперъ, Н. Я. Гротъ, А. А. Кизеветтеръ, А. И. Кудрявцевъ, Л. М. Лопатинъ, М. К. Любавскій, Д. Ѳ. Масловскій, С. П. Моравскій, В. П. Нечаевъ, А. Н. Поливановъ, В. И. Сизовъ, К. Т. Солдатенковъ, Д. А. Столыпинъ, С. Н. Сторожевскій, В. Н. Сторожевъ, А. А. Тураевъ, В. А. Ульяницкій, А. Н. Филипповъ, Н. К. Шильдеръ, А. Штернъ, Г. Ѳ. Шульцъ, Н. М. Ядринцевъ.

9. С. М. Середонинъ прочелъ рефератъ «Военныя силы Московскаго государства въ концѣ XVI в.» (см. прилож. II). Е. Н. Щепкина замѣтила г. Середонину, что при опредѣлении размѣра, помѣстныхъ окладовъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что законные ихъ размѣры поскольку мы знаемъ объ этомъ изъ десятенъ, далеко не соотвѣтствовали дѣйствительнымъ размѣрамъ поземельныхъ владѣній разныхъ лицъ. С. М. Середонинъ отвѣчалъ, что имѣлъ въ виду при опредѣленіи среднихъ размѣровъ помѣстнаго оклада сына боярскаго и писцовыя книги, въ которыхъ означаются дѣйствительные размѣры поземельныхъ владѣній служилаго люда. Е. А. Бѣловъ обратилъ вниманіе референта на то, что вообще свѣдѣнія иностранцевъ не отличаются точностью (напр. извѣстіе Флетчера о 800,000 погибшихъ во время нашествія татаръ), а также выразилъ желаніе точнѣе знать, какъ распредѣленъ былъ служилый людъ по уѣздамъ Московскаго государства. Г. Середонинъ замѣтилъ, что свѣдѣнія можно было бы найти въ десятняхъ, которыя однако до сихъ поръ остаются ненапечатанными. Д. Ѳ. Масловскій обратился къ референту съ вопросомъ о томъ, почему онъ считаетъ среднимъ числомъ по два человѣка за одними дѣтьми боярскими при вычисленіи размѣровъ войска. С. М. Середонинъ разъяснилъ, что онъ подъ дѣтьми боярскими разумѣлъ и дворянъ, которыхъ слишкомъ мало бывало для того, чтобы выдѣлять ихъ въ особую группу. Кромѣ того, Д. Ѳ. Масловскій указалъ на то, что дворяне дѣйствительно мало различались отъ дѣтей боярскихъ, но что слуги, по крайней мѣрѣ, въ походѣ Шеина, составляли особые отряды. Аналогичные случаи изъ бѣлгородскаго похода указаны были и Е. Н. Щепкиной. Д. Ѳ. Масловскій не соглашался также съ толкованіемъ термина «Гуляй Городъ», къ какому прибѣгалъ С. М. Середонинъ. Референтъ, опираясь на свидѣтельства Флетчера и Тимоѳеева, смѣшивалъ «Гуляй Городъ» съ обозомъ, тогда какъ, по мнѣнію Д. Ѳ. Масловскаго «Гуляй Городъ» представлялъ особое отъ обоза передвижное укрѣпленіе. Наконецъ, Д. Ѳ. Масловскій выразилъ сомнѣнія и относительно цифровыхъ данныхъ Полоцкаго разряда, данныхъ, которыя слишкомъ неопредѣленны для того, чтобы по нимъ опредѣлить съ точностью размѣры Московскаго войска.

10. Вслѣдъ за С. М. Середонинымъ П. А. Шафрановъ прочелъ сообщеніе: Азовское войско, эпизодъ изъ военной исторіи Россіи XIX вѣка (см. приложеніе III).

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Постановленіе Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, состоявшееся 23 января 1891 года.

1. Въ 1891 г. Историческое Общество будетъ продолжать начатое въ 1890 г. изданіе своего сборника по программѣ журнала и подъ заглавіемъ «Историческое Обозрѣніе».

2. Вмѣсто одного тома, какой былъ изданъ въ 1890 году, будутъ вы-

пущены два тома, листовъ въ 25—30 въ общей сложности, если не представится возможность расширить изданіе.

3. Сроками выхода въ свѣтъ этихъ томовъ будутъ конецъ весенняго и конецъ осенняго семестровъ 1891 г.

4. Матеріальная сторона изданія по прежнему остается за Комитетомъ Общества, который безъ разрѣшенія Общаго Собранія не имѣетъ права выйти изъ смѣтной суммы (400 р.) за исключеніемъ расходованія денегъ, поступающихъ въ кассу Общества съ спеціальнымъ назначеніемъ на изданія Общества.

Примѣчаніе. Упомянутые 400 р. отчисляются изъ членскихъ взносовъ.

5. Редакція сборника поручается Н. И. Карѣеву, который обязуется держаться програмы, утвержденной Общимъ Собраніемъ 14 февраля 1890 г.

6. Постановленіе это сохраняетъ силу и на будущее время, пока не представится возможность превратить «Историческое Обозрѣніе» въ журналъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Вооруженныя силы Московскаго государства въ концѣ XVI в. [1]).

По мнѣнію референта, въ нашей исторической литературѣ до сихъ поръ нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ, какова была численность Московскаго войска въ XVI в. Цифры, сообщаемыя по этому вопросу иностранцами, очевидно преувеличены; напротивъ того, разряды походовъ 1563 г., 1577 г. и 1578 г. даютъ вполнѣ надежныя свѣдѣнія о числѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, участвовавшихъ въ походахъ, равно какъ и о численности нѣкоторыхъ вспомогательныхъ отрядовъ: татаръ, стрѣльцевъ и казаковъ. Сопоставляя данныя этихъ разрядовъ съ показаніями наиболѣе свѣдующихъ и достовѣрныхъ иностранцевъ,—Флетчера и Маржерета,—референтъ пришелъ къ выводу, что русское войско конца XVI в. состояло: тысячъ изъ 80 русской конницы; тысячъ 10—татарской конницы и тысячъ 20 пѣхоты: стрѣльцевъ и иноземцевъ; всего 100—120 тысячъ человѣкъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

О водвореніи въ Россіи запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ Турціи въ 1828 году (или Азовское казачье войско) [2]).

Въ 1828 году, въ началѣ войны Россіи съ Турціей, большая часть запорожцевъ-казаковъ, жившихъ съ 1775 году за Дунаемъ въ предѣлахъ Турціи, перешла въ Россію подъ предводительствомъ кошеваго атамана Осипа Мих.

[1]) Рефератъ С. М. Середонина, помѣщенный въ № 2 „Библіографа“ за 1891 г., представляетъ собою отрывокъ изъ печатаемой имъ диссертаціи „Извѣстія Джильса Флетчера о Россіи, какъ историческій источникъ“.

[2]) Рефератъ П. А. Шафранова помѣщенъ въ I вып. „Сборника матеріаловъ, извлеченныхъ изъ министерства государственныхъ имуществъ“. Спб. 1891.

Гладкаго. Запорожцы небольшими группами переселялись въ Россію не разъ и раньше 1828 года. Центральная администрація, именно Мин—во Финансовъ, относилась подозрительно къ переселявшимся въ Россію запорожцамъ; она не давала имъ, напримѣръ, тѣхъ правъ, которыми пользовались колонисты всѣхъ другихъ націй изъ опасенія, что они воспользуются этими правами «для своихъ видовъ независимости».

Въ 1828 году запорожцы переселились въ Россію въ два пріема: сперва явился Гладкій съ 550 человѣками «бурлаковъ», т.-е. безсемейныхъ казаковъ, а вскорѣ за нимъ перешли 420 семействъ «райи», т.-е. семейныхъ казаковъ въ числѣ 1384 душъ и еще 374 «бурлака».

Запорожцевъ предполагалось сперва поселить на правахъ особаго казачьяго войска у устьевъ Дуная, но такъ какъ устье не осталось за нами послѣ войны, то рѣшено было избрать мѣстомъ ихъ поселенія земли, лежащія около города Анапы, на лѣвомъ берегу Кубани, въ сосѣдствѣ съ Черноморскимъ войскомъ. Но и тамъ не удалось ихъ поселить въ виду того, что горцы еще не были покорены и постоянно дѣлали нападенія на тотъ край. Были предположенія затѣмъ поселить казаковъ у Днѣпровскаго лимана, или около города Керчи въ Крыму, но остановились, наконецъ, на т.-н. Бердянской пустоши около гор. Маріуполя, Екатеринославской губерніи.

Гладкій представилъ Государю записку о правахъ и привилегіяхъ, которыхъ онъ желалъ для войска. Главнѣйшія при нихъ: 1) единовременное пособіе деньгами на церковь, госпиталь и проч.; 2) свободная продажа горячихъ напитковъ; 3) свободная ловля рыбы въ морѣ; 4) право получать безпошлинно соль; 5) 7-лѣтняя льгота отъ всѣхъ повинностей и 6) войсковой судъ по дѣламъ уголовнымъ, а по дѣламъ гражданскимъ — совмѣстный съ губернскимъ судомъ.

5-го августа 1831 года былъ Высочайше утвержденъ проектъ поселенія запорожцевъ на правахъ особаго Азовскаго казачьяго войска, на упомянутой Бердянской пустоши, заключавшей болѣе 43 тысячъ десятинъ земли.

Численность Азовскаго войска въ скоромъ времени увеличилась тысячи на двѣ душъ отъ присоединенія къ нему мѣщанъ Петровскаго посада и казенныхъ крестьянъ села Новоспасовскаго. Присоединеніе это вызвано было необходимостью устранить ссоры, могущія возникнуть у мѣщанъ и крестьянъ съ казаками, которымъ приходилось проѣзжать къ морю черезъ земли Новоспасовскихъ крестьянъ, а рыбачьи хижины—строить на земляхъ мѣщанъ Петровскаго посада. Интересно, что большая часть крестьянъ села Новоспасовскаго, именно 720 душъ были родственные запорожцамъ малороссійскіе казаки.

Въ 1839 году къ войску прибавилось еще 700 душъ Малороссійскихъ казаковъ, переселенныхъ изъ Черниговской губерніи. Поводомъ къ этому новому переселенію послужило то, что къ войсковымъ землямъ въ это время присоединенъ былъ казенный участокъ земли въ 10 тыс. десятинъ, называвшійся «Урзуфскимъ» или «Приморскимъ».

Въ новомъ составѣ войску пришлось пожить всего 20 съ небольшимъ лѣтъ, такъ какъ въ началѣ 60-хъ годовъ въ Военномъ Министерствѣ рѣшено было для колонизаціи западнаго склона Кавказскаго хребта переселить туда, между прочимъ, Азовское войско въ полномъ его составѣ. Съ этою цѣлью, начиная съ 1862 года по 1864 годъ выселено было на Кавказъ 1065 офицерскихъ и казачьихъ семействъ. Но такъ какъ въ 1864 году окончилась кавказская война, то миновала и необходимость въ усиленномъ заселеніи передовыхъ мѣстностей на Кавказѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ обязательномъ переселеніи туда всего Азовскаго войска. Послѣ этихъ выселеній Азовское войско, по малочисленности оставшихся на своихъ мѣстахъ казаковъ, не могло уже составлять самостоятельной военной общины, а потому дальнѣйшее существованіе его признано было безполезнымъ. Въ 1865 году былъ Высочайше утвержденъ проектъ положенія объ упраздненіи войска, населеніе котораго обращено было въ гражданское вѣдомство съ переименованіемъ офицеровъ въ дворянъ, а простыхъ казаковъ въ крестьянъ или отставныхъ солдатъ.

Какіе элементы войска переселились на Кавказъ, точно неизвѣстно, но можно думать, что скорѣе всего переселились туда бывшіе запорожскіе казаки, которымъ труднѣе было свыкнуться съ жизнью мирныхъ крестьянъ собственниковъ и которыхъ однихъ только и слѣдовало переселить туда по существовавшему раньше предположенію; между тѣмъ какъ новоспасовскіе мѣщане и петровскіе мѣщане, имѣя давнюю осѣдлость на своихъ мѣстахъ, едва-ли переселились бы по собственному вызову, а переселенные изъ Черниговской губерніи безземельные казаки нашли на новомъ мѣстѣ, въ Азовскомъ войскѣ, и безъ того хорошія условія сравнительно съ прежней своей родиной.

Такъ окончилось кратковременное самостоятельное существованіе бывшихъ задунайскихъ сѣчевиковъ: большая часть ихъ и ихъ дѣтей и внуковъ переселилась на Кавказъ, гдѣ слилась съ родственнымъ Кубанскимъ или Черноморскимъ войскомъ, часть, можетъ быть, осталась въ Азовскомъ войскѣ, и наконецъ часть ушла обратно за Дунай, и тамъ, подобно запорожцамъ, оставшимся за Дунаемъ еще послѣ ухода Гладкаго и разоренья Сѣчи, доживала свои дни въ одиночку, разбросанная по всей дельтѣ Дуная въ качествѣ мельниковъ, рыбаковъ и т. п.

Протоколъ XVI (экстреннаго) общаго собранія Членовъ Историческаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 13 февраля 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 23 члена.

1. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. Предсѣдатель заявилъ, что II-й томъ Историческаго Обозрѣнія начатъ печатаніемъ.

3. Г. Библіотекарь заявилъ, что въ библіотеку Общества поступили пожертвованія книгами: отъ гг. Левицкаго, Назимова, Кунскаго, Г. Е. Аѳанасьева, В. В. Латышева, Таврической ученой архивной коммиссіи, Н. И. Карѣева, Н. М. Бубнова и А. П. Сапунова,—всего 29 (книгъ и брошюръ) названій въ 32 томахъ.

4. Производилась баллотировка въ члены Общества кандидатовъ, предложенныхъ на прошломъ общемъ собраніи. Д. А. Столыпинъ и К. Т. Солдатенковъ избраны большинствомъ голосовъ; остальные единогласно.

5. Предложены въ члены общества: А. И. Введенскій и И. Н. Анонимовъ.

6. Н. И. Карѣевъ прочелъ рефератъ: «Политическая экономія и теорія историческаго процесса» (См. прил. I). По прочтеніи реферата [1]) В. Г. Яроцкій замѣтилъ референту, что онъ не обратилъ вниманія на историко-реалистическое и органическое направленіе въ политической экономіи. При этомъ г. Яроцкій указывалъ и на то, что политическая экономія не отрицаетъ сознательной дѣятельности. Н. И. Карѣевъ возражалъ, что обратилъ вниманіе лишь на крайнія направленія; однако, Н. И. Карѣевъ, по его словамъ, напрасно искалъ у экономистовъ разрѣшенія вопроса о вліяніи личности на формы экономическаго быта. Въ преніяхъ, кромѣ того, приняли участіе посторонніе посѣтители гг. Борткевичъ и Туганъ-Барановскій. Г. Борткевичъ не соглашался съ мнѣніемъ референта о томъ, что воззрѣніе проф. Левитскаго на теоретическую политическую экономію представляетъ изъ себя шагъ назадъ сравнительно со взглядомъ Менгера. Н. И. Карѣевъ обратилъ вниманіе оппонента на то, что при послѣдовательномъ проведеніи взгляда проф. Левитскаго пришлось бы признать особыя теоріи для Англіи, для Россіи, для Германіи и уничтожить общую теорію. Г. Туганъ-Барановскій выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы теорія историческаго процесса могла что-либо извлечь изъ политической экономіи. Динамическіе законы, по мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, должны быть предметомъ изслѣдованія не одной какой-либо соціологической дисциплины, а всей соціологіи. Референтъ съ этимъ не соглашался. Споръ перешелъ на почву вопроса о различіи между динамикой и статикой. Въ результатѣ оказалось, что оппонентъ, сославшись на Конта, въ началѣ своихъ возраженій, впослѣдствіи сталъ придерживаться терминологіи Д. С. Милля, тогда какъ референтъ оставался вѣренъ словоупотребленію О. Конта.

7. С. Ѳ. Платоновъ прочелъ сообщеніе о третьемъ томѣ Исторіи Россіи Д. И. Иловайскаго.

---

[1]) На время преній по реферату Н. И. Карѣева предсѣдательство принималъ на себя С. А. Бершадскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Рефератъ Н. И. Карѣева въ этомъ засѣданіи представлялъ изъ себя изложеніе главныхъ мыслей, развиваемыхъ въ статьѣ, которая печатается въ настоящемъ томѣ «Историческаго Обозрѣнія», причемъ референтъ цѣлью своего сообщенія поставилъ главнымъ образомъ обсужденіе тезисовъ, резюмирующихъ содержаніе статьи, а также вызовъ дополненій и разъясненій со стороны представителей исторической и экономической науки. Что касается до тезисовъ, которые были разосланы членамъ Общества вмѣстѣ съ пригласительной повѣсткой, то они приводятся здѣсь цѣликомъ.

1. Опредѣленныя отношенія между исторической наукой и политической экономіей стали устанавливаться только съ средины текущаго столѣтія, когда, съ одной стороны, возникла «историческая школа» во второй изъ названныхъ наукъ, а съ другой, зародилось экономическое направленіе къ исторіи.

2. Постановка экономическихъ вопросовъ на историческую почву и внесеніе въ содержаніе исторической науки экономическаго матеріала имѣли весьма важное вліяніе на дальнѣйшее развитіе обѣихъ наукъ, что не помѣшало, однако, возникновенію нѣкоторыхъ односторонностей и увлеченій, какъ у представителей исторической школы въ политической экономіи, такъ и у представителей экономическаго направленія въ исторіи.

3. При сближеніи между обѣими науками повторились въ сущности нѣкоторыя являнія, имѣвшія въ ученой литературѣ мѣсто и раньше, когда происходило сближеніе между исторіей, съ одной стороны, и изученіемъ права и литературы, съ другой, а именно отрицаніе теоріи во имя исключительно историческаго изученія и стремленіе свести чуть не всю исторію преимущественно къ одной какой-либо сторонѣ общественной жизни.

4. Изученіе отношеній, существующихъ между исторіей и политической экономіей, въ высшей степени важно, между прочимъ, для разработки теоріи историческаго процесса, ибо историческая школа въ экономической наукѣ формулировала свои принципы довольно подробно (гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ, наприм., историческая школа въ юриспруденціи). Къ сожалѣнію, совсѣмъ нельзя сказать то же самое относительно экономическаго направленія въ исторіи, представители коего не позаботились о разработкѣ исторіологіи съ своей точки зрѣнія, что, впрочемъ, относится одинаково ко всѣмъ школамъ въ исторіи.

5. Историческая школа въ политической экономіи дѣлаетъ большую ошибку, когда отрицаетъ право на существованіе за другими направленіями въ экономической наукѣ, а потому одною изъ важнѣйшихъ задачъ политико-экономической методологіи должно быть опредѣленіе отношеній между исто-

ріей и теоріей (По усвоенной референтомъ терминологіи, эта разница есть разница между феноменологіей и номологіей). Современная методологическая литература представляетъ, однако, не мало примѣровъ неправильнаго пониманія этихъ отношеній.

6. Среди историковъ, занимающихся экономическими явленіями, замѣчается иногда стремленіе сводить историческія событія и перемѣны исключительно къ однѣмъ экономическимъ причинамъ, но теоретическія основанія для такого сведенія никѣмъ изъ историковъ не были до сихъ поръ разработаны (ср. тезисъ 4), и для опредѣленія роли экономическаго фактора въ историческомъ процессѣ, отвлеченно взятомъ, въ наукѣ почти ничего не сдѣлано.

7. Съ этой точки зрѣнія было бы интересно подвергнуть анализу общіе взгляды и теоретическіе результаты историковъ экономическаго направленія, не говоря уже о желательности того, чтобы сами историки почаще формулировали свои исходныя точки зрѣнія и самые общіе выводы изъ своихъ наблюденій.

8. Для общей теоріи историческаго процесса историзмъ въ политической экономіи долженъ дать номологическую теорію послѣдовательности экономическихъ явленій, какъ одной изъ сторонъ этого процесса, тогда какъ отъ феноменологическаго изученія историками этихъ явленій нужно ожидать главнымъ образомъ теоретическаго опредѣленія отношенія послѣднихъ къ культурнымъ и соціальнымъ явленіямъ другихъ категорій, для коихъ они бываютъ причинами, условіями, побочными обстоятельствами, прямыми слѣдствіями, косвенными результатами и т. п.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

III томъ «Исторіи Россіи» Д. И. Иловайскаго. [1]).

Референтъ, кратко указавъ содержаніе новаго, III-го тома книги г. Иловайскаго, обратился къ выясненію общихъ задачъ разбираемаго труда, какъ онѣ опредѣляются самимъ авторомъ. Г. Иловайскій называетъ свою «Исторію Россіи» сочиненіемъ «исторіографическимъ», то-есть, долженствующимъ обнять всѣ тѣ вопросы, которые входятъ въ систему науки русской исторіи. Сочиненіе это, по представленію автора, совмѣщаетъ въ себѣ научное изслѣдованіе фактовъ и художественное ихъ воспроизведеніе въ цѣльной картинѣ народной исторической жизни. Съ такой точки зрѣнія является вполнѣ понятнымъ желаніе г. Иловайскаго причислить свой трудъ къ той же категоріи общихъ руководящихъ сочиненій по исторіи, къ какой причисляются Исторіи Карамзина и Соловьева.

---

[1]) Рефератъ С. Ѳ. Платонова помѣщенъ въ мартовской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Референтъ, однако, отказался придать такое важное исторiографическое значенiе разбираемой имъ книгѣ, находя, что книга г. Иловайскаго отличается нѣкоторой поспѣшностью и небрежностью исполненiя. Въ этомъ убѣждаютъ читателя погрѣшности въ изложенiи г. Иловайскаго, фактическiе промахи и неточности, которыхъ легко было бы избѣжать, и, наконецъ, отсутствiе оригинальности и даже послѣдовательности во взглядахъ автора на изображаемую эпоху. Произошло это, по мнѣнiю референта, отъ недостаточнаго вниманiя автора къ монографической литературѣ. Положенiя свои референтъ обосновалъ на разборѣ тѣхъ мѣстъ книги г. Иловайскаго, которыя посвящены объясненiю личности и дѣятельности царя Iоанна Грознаго. Эти мѣста не сотвѣтствуютъ современному состоянiю нашей исторiографiи, такъ какъ авторъ не воспользовался новѣйшими выводами и точками зрѣнiя, внесенными въ науку въ послѣднiе годы.

Но отрицательное отношенiе референта къ разбираемой книгѣ, какъ къ труду спецiально-ученому, не помѣшало ему отмѣтить достоинства книги, какъ труда популярнаго. Референтъ закончилъ свое сообщенiе признанiемъ, что трудъ г. Иловайскаго можетъ представить полезное чтенiе для людей, начинающихъ знакомство съ серьезною исторической литературою.

Протоколъ XVII Общаго Собранiя гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 20 февраля 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 15 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранiя.

2. Производилась баллотировка кандидатовъ, предложенныхъ на прошломъ Общемъ Собранiи, въ члены общества. И. Н. Анонимовъ избранъ единогласно, А. И. Введенскiй большинствомъ голосовъ.

3. В. Т. Судейкинъ прочиталъ рефератъ о дѣятельности Канкрина (см. прил.). По прочтенiи реферата сдѣланы были нѣкоторыя замѣчанiя В. А. Лебедевымъ, г. Никоновымъ и г. А. Залшупинымъ. В. А. Лебедевъ указалъ на нѣкоторыя обстоятельства, извинявшiя темныя стороны дѣятельности Канкрина: онъ способствовалъ увеличенiю количества нароставшихъ въ то время ассигнацiй, но едвали особенно полезно было и извлеченiе ассигнацiй изъ обращенiя. Канкринъ дѣйствительно не обратилъ достаточнаго вниманiя на банки, но слѣдуетъ помнить, что вся Россiя въ то время была въ застоѣ; желѣзныя дороги въ то же время и въ Западной Европѣ только-что начали возникать; слѣдовательно, нельзя слишкомъ обвинять Канкрина за его пренебреженiе къ нимъ. Съ другой стороны, Канкринъ имѣлъ въ виду проектъ объ улучшенiи быта казенныхъ крестьянъ и облегченiи подушной подати. Вообще Канкрину приходилось вести дѣло при тяжелыхъ обстоятельствахъ;

надо было давать средства на войско, когда промышленныхъ силъ было мало. Вообще, по мнѣнію проф. Лебедева, референту слѣдовало бы разсматривать дѣятельность Канкрина въ условіяхъ мѣста и времени; эта дѣятельность представлена г. докладчикомъ въ слишкомъ темныхъ краскахъ.—Г. Никоновъ замѣтилъ референту, что, судя по ему извѣстнымъ частнымъ слухамъ, серебряная валюта введена помимо и противъ воли Канкрина. В. Т. Судейкинъ, опираясь на документальныя свидѣтельства, отрицалъ достовѣрность этого слуха.—По мнѣнію третьяго оппонента г. Залшупина, референтъ не обратилъ вниманія на теоретическія положенія, высказанныя этимъ послѣднимъ въ его сочиненіи Staatscredit (Marb., 1840) и на тѣ политическія и общественныя условія, съ которыми приходилось бороться Канкрину. По этимъ причинамъ и дѣятельность Канкрина г. референтомъ изображена невѣрно. Г. Судейкинъ настаивалъ на томъ, что оцѣнка архивныхъ документовъ и печатныхъ данныхъ привели его къ противоположному взгляду на дѣятельность Канкрина. Кромѣ того Н. А. Орловъ обратилъ вниманіе референта на хорошее управленіе Канкринымъ хозяйственною частью войскъ, когда онъ былъ интендантомъ. Г. Судейкинъ не отрицалъ той пользы, какую принесъ Канкринъ въ этомъ отношеніи.

4. И. И. Васильевъ прочелъ сообщеніе о контурахъ географическихъ картъ и значеніи ихъ въ дѣлѣ преподаванія исторіи (см. прил. II). Е. А. Бѣловъ, возражая референту, указывалъ на то, что между географическими условіями и религіозными вѣрованіями нѣтъ того соотношенія, какое признавалъ референтъ. С. Л. Степановъ считалъ географическіе контуры удобными для поясненія измѣненій, происходившихъ въ территоріяхъ государствъ, для изображенія походовъ, но придавалъ этимъ геогр. контурамъ значеніе лишь какъ вспомогательныхъ средствъ, не исключающихъ обыкновенныхъ картъ изъ употребленія. Г. Васильевъ возражалъ, что на имъ предлагаемыхъ картахъ при черченіи штриховъ ученики лучше запоминаютъ факты, да и легче различаютъ историко-географическія данныя на картахъ съ контурами: здѣсь линіи между собой не скрещиваются. Г. Поддубный замѣтилъ, что на картахъ референта нѣтъ масштаба, нѣтъ достаточныхъ топографическихъ подробностей, которыми могъ бы руководствоваться историкъ при нанесеніи на карту историко-географическихъ данныхъ. Г. Кедровъ просилъ референта указать, какова система предлагаемыхъ имъ картъ; г. Васильевъ по этому поводу далъ нѣсколько поясненій.

5. И. И. Васильевъ былъ предложенъ въ члены Общества.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Изложеніе реферата В. Т. Судейкина о гр. Канкринѣ.

Графъ Е. Ф. Канкринъ представляется выдающимся лицомъ въ ряду государственныхъ дѣятелей царствованія императора Николая I. Ему не безъ

основанія приписываютъ крупныя заслуги въ дѣлѣ возстановленія денежнаго металлическаго обращенія, улучшенія финансоваго управленія, въ принятіи мѣръ къ укрѣпленію русской фабричной промышленности. Нѣкоторые сторонники его дѣятельности считаютъ его наилучшимъ министромъ финансовъ. Приведенные факты указываютъ, что государственная дѣятельность Канкрина, а также эпоха, въ которую онъ дѣйствовалъ, заслуживаетъ болѣе тщательнаго изученія. Для правильной оцѣнки его дѣятельности, необходимо указать, что сдѣлали его предшественники, и тогда будетъ видно, какія улучшенія имъ были внесены въ систему нашихъ финансовъ.

Въ виду этого докладчикъ предварительно остановился на изложеніи характерныхъ чертъ нашего финансоваго строя. Въ началѣ текущаго вѣка они заключались въ слѣдующемъ: главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ служили разныхъ видовъ налоги, при чемъ сравнительно съ ними частно-правовые источники доходовъ были ничтожны, прямые налоги носили сословный характеръ. Но доходовъ, благодаря веденію войнъ (шведская, турецкая, кампанія 1807, войны на Кавказѣ), не доставало для покрытія расходовъ, вслѣдствіе чего финансовыя вѣдомства обращались къ покрытію расходовъ выпускаемыми ассигнаціями, количество которыхъ съ 157 мил. руб. (1797 г.) возросло до 577 мил. р. въ 1810 г. Слѣдствіемъ столь быстраго роста неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ въ народномъ обращеніи явилось сильное паденіе цѣнности ассигнацій. Такой крупный фактъ, какъ паденіе ассигнаціоннаго рубля, отражался гибельнымъ образомъ на интересахъ не только финансоваго управленія, но и частныхъ лицъ, и вліялъ на ходъ экономической жизни страны. Въ виду столь неудовлетворительнаго положенія нашихъ финансовъ императоръ Александръ I поручилъ извѣстному государственному человѣку М. М. Сперанскому выработать планъ для поправленія финансовъ. Этотъ планъ, по словамъ докладчика, составляетъ новую эпоху въ области нашего финансоваго управленія. Не будучи проведенъ въ описываемое время въ практику вслѣдствіе паденія Сперанскаго, а также наступленія отечественной войны, планъ этотъ оказалъ сильное вліяніе на мѣры, принимавшіяся къ поправленію финансовъ съ 1815 года, такъ какъ сторонникомъ многихъ изъ мѣръ, предложенныхъ Сперанскимъ, былъ министръ финансовъ гр. Д. А. Гурьевъ, о которомъ вообще въ нашей литературѣ существуютъ довольно превратныя сужденія. Между тѣмъ это былъ человѣкъ образованный, умѣвшій выбирать и группировать вокругъ себя умныхъ людей. За все время управленія финансовымъ вѣдомствомъ онъ успѣлъ сдѣлать рядъ весьма существенныхъ измѣненій, не смотря на крайне тяжелое время, въ теченіе котораго ему пришлось управлять этимъ министерствомъ. Исходя изъ основнаго положенія, что причиною сильнаго паденія ассигнацій было увеличеніе ихъ количества, онъ принялъ мѣры къ изъятію излишка ассигнацій въ 249 мил. руб., довелъ всю ихъ сумму въ обращеніи до 595 мил. руб. и содѣйствовалъ совершенному прекращенію дальнѣйшаго выпуска ассигнацій.

Наконецъ, онъ ввелъ существенныя измѣненія въ систему казенныхъ кредитныхъ учрежденій. Не смотря на попытки улучшить финансовое положеніе, онъ не могъ свести смѣту безъ дефицита и даже не могъ представить смѣту доходовъ и расходовъ, такъ что Государственный Совѣтъ былъ лишенъ возможности знать дѣйствительное положеніе нашихъ финансовъ. Въ виду вызванныхъ имъ неудовольствій со стороны вліятельныхъ лицъ, въ 1823 году онъ оставилъ управленіе министерствомъ, и его мѣсто занялъ Е. Ф. Канкринъ. Прежде чѣмъ перейти къ обзору дѣятельности послѣдняго, докладчикъ сдѣлалъ біографическій очеркъ жизни и предшествующей дѣятельности Канкрина. Особенно онъ остановился на указаніи его работъ, касающихся военной экономики, которыя послужили поводомъ къ назначенію его интендантомъ главной арміи въ 1812 г. Въ теченіи войны онъ обнаружилъ большую находчивость и трудолюбіе. Благодаря этимъ качествамъ онъ, успѣлъ заслужить расположеніе главнокомандующихъ Кутузова и Барклая-де-Толли. Такая дѣятельность, какъ управленіе продовольствіемъ крупной арміи, въ значительной степени дала ему опытъ и познаніявъ столь обширномъ дѣлѣ, какъ военные расходы.

По окончаніи войны онъ имѣлъ непріятности, а затѣмъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ занялся политической экономіей и написалъ, по собственнымъ его словамъ, ein Büchlein «Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft.» Будучи лично извѣстенъ государю, онъ былъ на виду и въ 1820 году былъ взятъ Александромъ I въ Лайбахъ въ виду ожиданія войны; вскорѣ послѣ этого въ 1822 году былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту государственной экономіи, а въ 1823 году министромъ финансовъ.

Такимъ образомъ Канкринъ въ самомъ быстромъ времени сдѣлалъ блестящую карьеру. Разумѣется этимъ въ значительной мѣрѣ онъ былъ обязанъ себѣ, но помимо того его возвышенію не мало содѣйствовали его земляки нѣмцы (Пфуль, Вольцогенъ), рекомендовавшіе его государю. Разсматривая дѣятельность русскихъ министровъ финансовъ, надо быть очень осторожнымъ въ оцѣнкѣ послѣдней: ни въ одной странѣ ихъ дѣятельность не поставлена въ столь тяжелыя условія, ибо со всѣхъ сторонъ къ нимъ предъявляютъ требованія о расширеніи кредитовъ и нужно имѣть большой характеръ, чтобы гдѣ нужно отказать. Область дѣятельности министра финансовъ охватываетъ не только непосредственное удовлетвореніе финансовыхъ потребностей государства, но и касается также развитія народнаго хозяйства. Вступая въ управленіе министерствомъ финансовъ, Канкринъ видимо не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ представленій о дѣйствительныхъ нуждахъ и потребностяхъ страны, а равно и о ея финансовомъ устройствѣ. Взгляды его же, выразившіеся въ указанномъ выше небольшомъ сочиненіи, едва ли могли служить програмой его практической дѣятельности, хотя въ немъ. помимо полемическихъ нападокъ на дѣятельность гр. Гурьева по водворенію металли-

ческаго обращенія въ странѣ путемъ изъятія избытка ассигнацій изъ народнаге обращенія, былъ указанъ идеалъ экономическаго строя.

Первыми мѣрами Канкрина по вступленіи въ министерство было сведеніе бюджета безъ дефицита, цѣль, къ которой тщетно стремятся министры финансовъ. Вслѣдствіе этого ему приходилось дорожить каждою копѣйкою, а такъ какъ къ числу непроизводительныхъ расходовъ, по его мнѣнію, относилось погашеніе излишка ассигнацій, то благодаря прекращенію таковыхъ пріобрѣтенъ былъ излишекъ въ 30 мил. руб. Вообще первые годы дѣятельности Канкрина были временемъ его ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ. Изученіе послѣднихъ дало поводъ докладчику утверждать, что едва ли Канкринъ имѣлъ опредѣленную программу о необходимыхъ перемѣнахъ въ области экономической и финансовой нашей жизни. Впервые таковая была представлена императору Николаю Павловичу въ 1826 году. Это былъ, впрочемъ, набросокъ мыслей, ходившихъ въ тогдашнемъ обществѣ и не имѣлъ ничего общаго ни по содержанію, ни по формѣ съ планомъ Сперанскаго 1810 г.

Но все же этотъ обрывокъ иногда удачныхъ мыслей представляется чѣмъ-то болѣе связнымъ, болѣе широкимъ по взглядамъ, чѣмъ завѣтъ Канкрина его преемнику. Послѣдній указываетъ на скудость и бѣдность мысли стараго государственнаго дѣятеля.—Далѣе докладчикъ остановился на характеристикѣ главнѣйшихъ сторонъ въ дѣятельности гр. Канкрина.

1. Экономическая дѣятельность Канкрина.

Экономическая дѣятельность выражается въ поднятіи благосостоянія народа, чему служитъ внесеніе улучшеній не только путемъ измѣненія налоговъ, но и содѣйствіе крестьянамъ въ увеличеніи земельныхъ участковъ, устройствѣ переселеній (это было указано Канкринымъ въ его программѣ). Въ этомъ, однако, отношеніи имъ не только ничего не было сдѣлано, но по замѣчанію императора Николая онъ являлся тормазомъ къ внесенію улучшеній въ крестьянское дѣло (см. соч. «Графъ Киселевъ и его время», Десятовскаго-Заблоцкаго). Онъ обращалъ большее вниманіе на развитіе промышленности и для упроченія знаній учредилъ Технологическій институтъ и вообще принималъ мѣры къ развитію мануфактурной промышленности. Что же касается до земледѣлія, то для улучшенія послѣдняго имъ было сдѣлано мало, хотя къ этому сильно побуждалъ Канкрина одинъ изъ симпатичныхъ его современниковъ гр. Н. С. Мордвиновъ.

2. Финансовая политика выражается въ налоговой системѣ и ея организаціи и укрѣпленіи равновѣсія въ бюджетѣ.

Прямые налоги. Въ этой области Канкринъ за исключеніемъ расширенія ихъ примѣненія къ инородцамъ никакихъ улучшеній не внесъ, не смотря на то, что въ его время многіе изъ государственныхъ дѣятелей указывали на крупные недостатки существующей налоговой системы. Организація ихъ, заключающаяся въ распредѣленіи и взиманіи налоговъ, осталась прежней. Нѣсколько иной характеръ носятъ измѣненія въ системѣ косвенныхъ налоговъ:

въ этомъ случаѣ послѣдовали значительныя ухудшенія, такъ какъ Канкринъ ввелъ откупную систему, взамѣнъ казенной продажи вина. Мотивомъ такого крупнаго измѣненія были исключительныя финансовыя соображенія. Вообще налоговая система составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ финансовой системы Канкрина.

3. Мѣры къ огражденію народной промышленности—тарифъ и таможенная стража. Канкринъ стяжалъ себѣ репутацію создателя русской промышленности. Дѣйствительно въ продолженіе управленія министерствомъ финансовъ онъ держался покровительственнаго тарифа, подвергая ставки нѣкоторымъ измѣненіямъ въ 1833 и 1841 г. Недостатокъ принятыхъ въ его управленіе мѣръ заключается въ томъ, что, принимая тѣ или иныя мѣры, онъ осуществлялъ ихъ путемъ канцеляризма, какъ напр., тарифъ 1841 г., который былъ написанъ имъ собственноручно. Подобные факты, указывая на несомнѣнное трудолюбіе министра, въ тоже время свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ не могъ отрѣшиться отъ господствовавшаго въ его время узкаго взгляда на положеніе дѣлъ.

Разсматривая всѣ финансовыя иэкономическія мѣры гр. Канкрина въ совокупности, докладчикъ пришелъ къ тому выводу, что въ основаніи всѣхъ мѣръ Канкрина лежали не столько соображенія экономическаго характера или начала справедливости, сколько финансоваго—ему необходимо было сводить концы съ концами, а это представлялось весьма труднымъ благодаря войнамъ (персидской, турецкой, польскому возстанію), а также расширенію области государственной дѣятельности. Здѣсь надо различить формальную сторону: своевременное представленіе смѣты доходовъ и расходовъ. Въ этомъ случаѣ министръ, финансовъ дѣйствуя по указанію Государственнаго Совѣта, дѣлалъ своевременно представленія. Что же касается до самаго бездефицитнаго сведенія смѣты, то это ему не удалось, вслѣдствіе чего почти каждогодно приходилось обращаться къ какимъ-либо новымъ источникамъ покрытія дефицитовъ. Такимъ источникомъ служили позаимствованія изъ казенныхъ банковъ. Благодаря этому, имъ дано было неправильное направленіе, и то, что было сдѣлано при гр. Гурьевѣ, было извращено: кредитныя учрежденія затрачивали ихъ капиталъ въ несоотвѣтствующія помѣщенія, а это привело къ ихъ краху (симптомы кризиса 1840 г.). Совокупность всѣхъ данныхъ приводитъ къ убѣжденію, что гр. Канкринъ далеко не былъ такимъ выдающимся министромъ финансовъ и на него падаетъ большая отвѣтственность, что заботясь о настоящемъ, онъ, за продолжительный періодъ управленія министерствомъ финансовъ, не ввелъ ни въ экономическую жизнь, ни въ финансовомъ управленіи реформъ, которыя въ это время вводились въ другихъ европейскихъ государствахъ и такимъ образомъ оставилъ финансы въ томъ же незавидномъ положеніи, въ которомъ ихъ нашелъ

4. Возстановленіе металлическаго обращенія. Наибольшую славу стяжалъ Канкринъ возстановленіемъ металлическаго обращенія. Но это не было воз-

становленіемъ ассигнаціоннаго рубля до alpari (впрочемъ едвали это было бы удобно), а во вторыхъ, система денежнаго обращенія была построена на ложныхъ началахъ. Самымъ интереснымъ въ этомъ вопросѣ являются предварительныя мѣры, принятыя для водворенія звонкой монеты въ народномъ обращеніи путемъ разрѣшенія одновременнаго обращенія серебра и золота и пріемъ ихъ въ казну по установленному курсу [1]).

ПРИЛОЖЕНІЕ. II.

Тезисы къ реферату И. И. Васильева.

1. Твердое знаніе карты способствуетъ заучиванію историческихъ событій.

2. При изученіи исторіи какой-либо страны необходимо знать хорошо природу этой страны, потому что первая имѣетъ громадное вліяніе на развитіе исторической жизни обитателей этой страны.

3. Географическія свѣдѣнія, необходимыя при прохожденіи курса исторіи, гораздо скорѣе и основательнѣе усваиваются учащимися при помощи контуровъ, чѣмъ при помощи готовыхъ картъ и атласовъ.

Протоколъ XVIII Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 20 марта 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 23 члена.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. Библіотекарь заявилъ о пожертвованіяхъ книгами, поступившихъ отъ Н. И. Барсова, Н. М. Благовѣщенскаго, г. Довнара-Запольскаго, Н. И. Карѣева, В. В. Латышева, А. И. Маркевича, П. Д. Погодина, Д. А. Столыпина, А. А. Хомиховскаго и отъ Ярославской Архивной коммисіи.

3. Г. Предсѣдатель заявилъ, что за печатаніе перваго тома Историческаго Обозрѣніе въ типографію М. М. Стасюлевича все уплачено сполна. Второй томъ того же изданія печатается и выйдетъ въ размѣрѣ болѣе, чѣмъ 15 листовъ, около 1 мая.

4. Г. Предсѣдатель заявилъ, что гг. Масловскій и Сторожевъ выражаютъ свою признательность Обществу за выборъ ихъ въ члены Историческаго Общества.

5. Предложены кандидатами въ члены Историческаго Общества: М. М.

[1]) Докладчикъ коснулся этой крупной реформы мимоходомъ, отсылая интересующихся этимъ вопросомъ къ его статьѣ, помѣщенной въ Юрид. Вѣст. за 1891 г. № 2, 3, 4

Ковалевскій, проф. Д. А. Корсаковъ, Р. О. Ланге, проф. А. И. Маркевичъ, Н. В. Молчановскій, В. К. Пискорскій, Н. А. Рубакинъ и проф. И. Н. Смирновъ.

6. В. В. Лесевичъ прочелъ рефератъ о сочиненіи Trezza: Il pessimismo e l'evoluzione, Roma, 1890. (См. прил. II). По поводу реферата В. В. Лесевича, Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній. Н. И. Карѣевъ указалъ на два вида пессимизма, различаемые напр., Дюрингомъ, и на то, что въ античномъ мірѣ можно найти гораздо болѣе пессимизма, чѣмъ это кажется Трецца. Кромѣ того, Н. И. Карѣевъ отмѣтилъ существованіе въ литературѣ мнѣнія, которое выводитъ пессимизмъ между прочимъ изъ ученія объ эволюціи, какъ своего рода фатума, и освѣдомился, не касается ли Трецца этой стороны дѣла, на что получилъ отъ В. В. Лессевича отрицательный отвѣтъ.

7. Ю. Ю. Цвѣтковскій прочелъ рефератъ, о значеніи книги при изученіи исторіи въ школѣ (См. прил. II). По поводу реферата Ю. Ю. Цвѣтковскаго сдѣлали замѣчанія Я. Г. Гуревичъ, С. Л. Степановъ, Н. И. Марковинъ, И. И. Васильевъ, В. Д. Сиповскій, и г. И. Богословскій, Я. Г. Гуревичъ не считалъ возможнымъ замѣнять въ дѣлѣ преподаванія исторіи толковое, живое изложеніе книгою для чтенія; изложеніе книжное имѣетъ характеръ неизмѣнный, тогда какъ преподаватель можетъ сообразовать свое изложеніе съ индивидуальностью учащихся и болѣе или менѣе удачнымъ составомъ класса. Самый планъ и характеръ книги для историческаго чтенія, на которую возлагаетъ такія большія надежды референтъ, по мнѣнію Я. Г. Гуревича, очерчены неясно. Изъ существующихъ руководствъ по средней и новой исторіи Я. Г. Гуревичъ указалъ на книги Виталія Шульгина, какъ наиболѣе удовлетворительныя. Вообще толковое устное изложеніе, руководство по исторіи и хорошая книга для чтенія представляютъ, по словамъ г. Гуревича, три элемента взаимно дополняющіе другъ друга. Ю. Ю. Цвѣтковскій на замѣчанія Я. Г. Гуревича замѣтилъ, что живое слово несомнѣнно имѣетъ глубокое значеніе въ школѣ, но подвержено крайнимъ случайностямъ, а успѣшное преподаваніе исторіи, какъ и всякаго предмета должно быть построено на устойчивыхъ основаніяхъ. С. Л. Степановъ указывалъ на полноту историческихъ свѣдѣній, какой отличается учебникъ Шульгина; однако руководство это, по мнѣнію Ю. Ю. Цвѣтковскаго, является лучшимъ въ своемъ родѣ. С. Л. Степановъ усматривалъ нѣкоторое противорѣчіе этого взгляда съ высказаннымъ Ю. Ю. Цвѣтковскимъ требованіемъ не излагать историческаго курса въ среднеучебныхъ заведеніяхъ въ полномъ видѣ, а останавливаться только на важнѣйшемъ, на отдѣльныхъ картинахъ. На замѣчанія С. Л. Степанова Ю. Ю. Цвѣтковскій возражалъ, что руководство Шульгина, по его мнѣнію, лишь относительно хорошее, но что строить настоящій историческій курсъ по этому руководству было бы неправильно. Н. И. Марковинъ обратилъ вниманіе на то значеніе, какое изученіе исторіи имѣетъ на развитіе мыслительныхъ способностей учащихся. Это изученіе необходимо, въ виду громадныхъ размѣровъ фактическаго матеріала, преподавать въ систематическомъ видѣ.

Систематизація облегчаетъ ученику усвоеніе этого матеріала. Благодаря той-же систематизаціи, по мнѣнію г. Марковина, ученику возможно было бы въ 15—30 минутъ изложить въ главнѣйшихъ чертахъ весь курсъ древней, средней или новой исторіи. Вотъ почему Н. И. Марковинъ считалъ возможнымъ принять книгу, предлагаемую Ю. Ю. Цвѣтковскимъ, лишь какъ пособіе при прохожденіи курса. На замѣчанія Н. И. Марковина Ю. Ю. Цвѣтковскій возражалъ, что преподаватель исторіи долженъ дѣйствовать и на умъ и на сердце воспитанника, дѣйствуя на его воображеніе. Но сердце и умъ юноши могутъ работать только на основаніи близкаго знакомства съ фактами исторіи въ видѣ конкретныхъ представленій; отвлеченныя данныя слишкомъ мало даютъ пищи его уму и сердцу. И. И. Васильевъ настаивалъ на полнотѣ систематическаго курса, съ чѣмъ не соглашался Ю. Ю. Цвѣтковскій. В. Д. Сиповскій указывалъ на затрудненія, какія встрѣчаются при знакомствѣ учениковъ съ выдающимися историческими трудами, и выразилъ сомнѣніе въ возможности составленія книги желательной по мнѣнію Ю. Ю. Цвѣтковскаго въ дѣлѣ преподаванія исторіи. Ученому спеціалисту трудно написать такую книгу, снизойти на уровень интересовъ ученика. Ю. Ю. Цвѣтковскій, наоборотъ, полагалъ, что лишь человѣкъ, владѣющій предметомъ, и можетъ изложить его вполнѣ правильно. Г. Богословскій заявилъ, что предложеніе г. Цвѣтковскаго сводится къ изученію, вмѣсто исторіи, ея первоисточниковъ мертвой буквы, что имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы изъ учениковъ готовили ученыхъ исторіографовъ. Ю. Ю. Цвѣтковскій пояснилъ, что онъ вовсе не желаетъ вносить въ школу изученія первоисточниковъ, а только талантливыхъ, древнихъ или новыхъ историческихъ трудовъ. И въ такомъ случаѣ все же на долю преподавателя и его живаго слова осталось бы еще много работы.

3. Г. Предсѣдатель заявилъ, что В. Н. Беркутъ, товарищъ Предсѣдателя Московскаго Историко-педагогическаго кружка, нарочно пріѣдетъ въ Петербургъ для того, чтобы въ собраніи Общества, назначенныхъ на 28 марта, прочесть рефератъ о гимназической программѣ исторіи въ Россіи и заграницей.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Изложеніе реферата В. В. Лесевича по поводу сочиненія Trezza «Il pessimismo e l'evoluzione» (Roma, 1890).

1. Трецца считалъ пессимизмъ великимъ противорѣчіемъ нашего вѣка. Наука, принесшая уже столько благъ, выставляется иными какъ бы кающеюся и указывающею на самое себя, какъ на источникъ ученія о безнадежности и краеугольный камень предпочтенія освобожденнаго отъ страданій небытія преисполненной горя и муки жизни.

2. Онъ принимаетъ на себя трудъ выясненія ошибочности такого взгляда

и берется показать, что не науку, а мистическія и метафизическія ученія съ ихъ стремленіемъ къ объясненію дѣйствительности трансцендентными фикціями слѣдуетъ признать истиннымъ источникомъ пессимистическихъ доктринъ.

3. Обозрѣвая исторію развитія пессимистическихъ ученій, авторъ останавливается прежде всего на воззрѣніяхъ древнихъ и говоритъ о мифѣ Прометея и легендѣ Ахилла, въ которыхъ видитъ самыя яркія проявленія пессимизма, обусловленнаго характеромъ народныхъ вѣрованій.

4. Мимоходомъ онъ говоритъ и о сказаніи объ Іовѣ.

5. Переходя затѣмъ къ пессимизму новѣйшаго времени, авторъ разсматриваетъ роль романтизма въ процессѣ формированія мрачнаго взгляда на жизнь. Ложное міровоззрѣніе, какъ думаетъ онъ, порождаетъ и ложные идеалы. Особенныя условія нашей эпохи, какъ времени переходнаго, только усиливаютъ пессимистическія настроенія. Леопарди и Леконтъ де-Лиль не могутъ еще всецѣло установиться на новой точкѣ зрѣнія и обращаютъ свои жалобы къ тѣнямъ прошедшаго.

6. Метафизики — Шопенгауэръ, Гартманъ и др. — сводя пессимизмъ съ субъективной почвы, старались найти источникъ его въ самомъ мірозданіи; ихъ ученіе страдаетъ однакожъ внутреннимъ противорѣчіемъ, такъ какъ ихъ трансцендентныя начала могутъ мыслиться или совершенно оторванными отъ реальнаго бытія и обрѣтающимися поэтому внѣ причинной связи вещей, или такъ или иначе включенными въ эту связь и, слѣдовательно, теряющими приписываемое имъ значеніе.

7. Пессимизмъ Будды, по мнѣнію автора, слѣдуетъ считать болѣе глубокимъ, нежели проистекающія изъ него новѣйшія ученія. Средоточіемъ буддійскаго пессимизма является ученіе о «Кармѣ», ведущее къ безповоротному предпочтенію небытія —«Нирваны»—вѣчной смѣнѣ жизненныхъ формъ, преисполненныхъ нескончаемымъ горемъ и страданіями.

8. Выходомъ изъ пессимистической безнадежности авторъ считаетъ научное понятіе эволюціи, служащее основою образованія новыхъ, живыхъ и реальныхъ идеаловъ. Тотъ, кто составилъ себѣ правильное понятіе объ эволюціи, говоритъ авторъ въ заключеніи, долженъ принимать міръ такимъ, каковъ онъ есть, и не искать другихъ путей избавленія отъ зла и горя, кромѣ путей науки. Если же удалось бы доказать, что наука несостоятельна, а дѣйствительность обманчива, то въ такомъ только случаѣ пессимизмъ могъ бы считать побѣду свою упроченною навсегда.

Референтъ полагаетъ:

1. Трецца повредилъ своей аргументаціи тѣмъ, что не указалъ на различеніе разныхъ родовъ пессимизма и не выдѣлилъ тѣхъ изъ нихъ, которые должны быть сочтены не условными и поверхностными, а такими, которые всецѣло и глубоко установляютъ предпочтеніе небытія бытію.

2. Классификація пессимистическихъ ученій должна была показать, что послѣдняя изъ только-что указанныхъ категорій пессимизма является исклю-

чительно только какъ продуктъ чисто-метафизическихъ умозрѣній, тогда какъ всѣ другія смягченныя формы не представляются цѣльными и въ большей или меньшей степени ослаблены съ ними сплетающимися вѣрованіями.

3. Прослѣдивъ и понынѣ еще живыя въ средѣ буддистовъ легенды объ Авалокитешварѣ, референтъ показываетъ присутствіе оптимистическихъ теченій въ общемъ потокѣ буддійскихъ вѣрованій.

4. Указавъ затѣмъ на современныя изысканія по вопросу о воздѣйствіи буддійскихъ вѣрованій на міросозерцаніе Запада (Зейдель, Сильвенъ Леви, Франческо Пуллé), референтъ обращаетъ вниманіе на сопоставленіе двухъ началъ—созерцательнаго и дѣйствительнаго — у Данте и на полное торжество послѣдняго у Готе.

5. Выяснивъ далѣе, что противопоставленіе пессимизма оптимизму есть противопоставленіе гипотетическихъ цѣлей эволюціи — цѣлей неизбѣжно трансцендентныхъ, референтъ сводитъ это метафизическое противопоставленіе на реальное—противопоставленіе созерцанія и дѣйствія.

6. Находя, въ заключеніе, взглядъ Троицы на эволюцію недостаточно широкимъ, референтъ полагаетъ, что предубѣжденіе пессимистической безнадежности можетъ совершиться посредствомъ внесенія роли дѣйственнаго начала въ исторію,—задача, для рѣшенія которой ученіе о міровой скорби не имѣетъ никакого значенія.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Тезисы къ сообщенію Ю. Ю. Цвѣтковскаго „Значеніе книги при изученіи исторіи въ школѣ".

1. Успѣхъ преподаванія исторіи въ школѣ зиждется исключительно на возбужденіи въ юношествѣ интереса къ самому предмету. Лишенное этого интереса преподаваніе исторіи въ школѣ можетъ оказать только одинъ вредъ.

2. Если исторія, какъ наука, еще далека отъ желаемаго совершенства то въ смыслѣ науки—она и не можетъ быть преподаваема въ школѣ. Но постановка исторіи въ школѣ, какъ учебнаго предмета, безусловно возможна и необходима, благодаря особенностямъ самаго предмета: существующіе въ исторической литературѣ классическіе труды писателей, со вниманіемъ и любовью изучавшихъ судьбы человѣчества и съ общепризнаннымъ талантомъ изображавшихъ эти судьбы въ своихъ произведеніяхъ, вполнѣ обезпечиваютъ необходимый для школы историческій матеріалъ, который можетъ быть съ пользой изучаемъ юношествомъ.

3. Недостатки, а подчасъ и полная безуспѣшность современнаго школьнаго преподаванія исторіи, съ разнообразными ея методами и дидактическими пріемами, въ значительной степени объясняются тщетными стремленіями поставить исторію въ школѣ, какъ науку—во всемъ ея объемѣ.

4. Современные историческіе учебники стараются въ сжатыхъ очеркахъ, мало говорящихъ юношескому воображенію и сердцу, вмѣстить возможно больше историческихъ данныхъ, именъ и чиселъ, а потому представляютъ тяжелый баластъ, вредный въ дѣлѣ преподаванія исторіи.

5. Классное изложеніе предмета преподавателемъ, отъ котораго обыкновенно требуется всевозможныхъ достоинствъ и совершенствъ, именно тѣхъ, которыхъ недостаетъ учебнику, находится въ сильной зависимости отъ субъективныхъ особенностей самого преподавателя, а равно и отъ существующихъ программъ.

6. Существующія, подчасъ весьма блестящія по своей полнотѣ, программы обыкновенно забываютъ, что при изученіи исторіи въ школѣ особенно важно не количество, а качество матеріала,—не сумма свѣдѣній, а степень ихъ усвоенія.

7. Изученіе историческихъ трудовъ, отличающихся научными и художественными достоинствами и соотвѣтствующихъ притомъ развитію юношей, должно быть поставлено въ основу школьнаго преподаванія исторіи.

8. Преподаватель исторіи долженъ являться только толкователемъ и руководителемъ при изученіи историческихъ трудовъ въ школѣ.

9. Историческихъ трудовъ, вполнѣ пригодныхъ во всемъ своемъ объемѣ для изученія въ школѣ, почти не существуетъ. Многіе однако существующіе историческіе труды и памятники могли бы дать богатый матеріалъ для изученія въ школѣ. Разъ сознанная школой настоятельная потребность въ исторической книгѣ для класснаго изученія можетъ создать необходимую для школьнаго юношества историческую литературу.

10. Историческія христоматіи, по своей отрывочности и по своему калейдоскопическому характеру, служить вышеуказаннымъ цѣлямъ не могутъ.

11. Отъ историческихъ трудовъ, предназначаемыхъ для изученія въ школѣ, не требуется полнаго систематическаго изложенія исторіи во всемъ ея объемѣ. Труды могутъ быть посвящены какъ изображенію жизни отдѣльныхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ эпохъ. Труды могутъ отличаться разнообразіемъ и въ выборѣ матеріала, и въ группировкѣ его, и въ характерѣ изложенія, и на основаніи этого могутъ распредѣляться по классамъ согласно возрасту учениковъ. Циклъ изучаемыхъ трудовъ долженъ быть соразмѣренъ съ потребностями школы и силами учениковъ и въ то же время представлять въ концѣ-концовъ нѣчто стройное, упорядоченное.

12. Изученіе избранныхъ историческихъ трудовъ въ школѣ, возбуждая живой интересъ къ историческому знанію, можетъ служить лучшей подготовкой юношеству и для дальнѣйшихъ занятій этимъ предметомъ послѣ школы, и даже для занятій исторіей, какъ наукой.

Въ XIX засѣданіи Историческаго Общества 28 марта товарищъ предсѣдателя московскаго историко-педагогическаго кружка В. Н. Беркутъ доло-

жилъ свой рефератъ о «программѣ историческаго курса въ русскихъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ гимназіяхъ» (помѣщенный въ настоящемъ томѣ «Историческаго Обозрѣнія»). Въ обмѣнѣ мыслей по поводу этого реферата приняли участіе Е. А. Бѣловъ, Я. Г. Гуревичъ, Н. И. Марковинъ, В. Д. Сиповскій и Ю. Ю. Цвѣтковскій. Протоколъ этого засѣданія будетъ уже помѣщенъ въ III томѣ «Историческаго Обозрѣнія». Объявленный на это же засѣданіе рефератъ Н. И. Карѣева о систематизаціи занятій Общества вопросами, касающимися преподаванія исторіи, былъ отложенъ до слѣдующаго засѣданія по недостатку времени.

На XX засѣданіе Историческаго Общества (11 апрѣля), кромѣ отложеннаго реферата Н. И. Карѣева, былъ читанъ рефератъ В. Г. Яроцкаго «объ органическихъ теоріяхъ общественнаго развитія Шеффле и Спенсера».

Всѣ засѣданія, протоколы коихъ здѣсь печатаются, были публичныя и постоянно привлекали значительное число постороннихъ посѣтителей.

Библіотека Историческаго Общества.

Въ январѣ 1891 г. Историческое Общество получило отъ Правленія Университета шкафы для помѣщенія своихъ книгъ, и библіотекарь Общества Е. Ф. Шмурло могъ заняться устройствомъ библіотеки. Правила пользованія библіотекой будутъ въ непродолжительномъ времени выработаны Комитетомъ Общества и по утвержденіи ихъ Совѣтомъ Университета (§ 13 устава) войдутъ въ силу.

Библіотека состоитъ въ настоящее время (начало апрѣля 1891 г.) изъ 163 названія въ 215 томахъ, не считая журналовъ, и исключительно изъ пожертвованій. Приводимъ списокъ жертвователей съ обозначеніемъ количества пожертвованныхъ ими книгъ, причемъ Комитетъ Общества пользуется этимъ случаемъ, чтобы принести названнымъ лицамъ и учрежденіямъ благодарность отъ имени Общества.

A. Книги, брошюры и журнальные оттиски.

	Число сочиненій.	Томовъ.
1. А. (М+В)	1	1
2. Адамовичъ, В. И.	13	13
3. (Анонимъ)	1	1
4. Аѳанасьевъ, Г. Е.	1	1
5. Барсовъ, Н. И.	6	6
6. Благовѣщенскій, Н. М.	4	4
7. Бубновъ, Н. М.	1	3

		Число сочинений.	Томовъ.
8.	Бузескулъ, В. П.	2	2
9.	Вороновъ, Н. Г.	1	1
10.	Довнаръ-Запольскій, М.	1	1
11.	Дружининъ, В. Г. и Дьяконовъ, М. А.	2	2 [1])
12.	Карѣевъ, Н. И.	53	63 [2])
13.	Кумской, П.	1	1
14.	Латышевъ, В. В.	20	21
15.	Левитскій, В. Ф.	1	1
16.	Лопаревъ, Х. М.	1	1
17.	Маркевичъ, А. И.	1	1
18.	Назимовъ, А.	1	1
19.	Ольденбургъ, С. Ѳ.	1	1
20.	Погодинъ, П. Д.	1	4
21.	Полетаевъ, Н. И.	1	1
22.	Поповъ, Н. А.	4	5
23.	Сапуновъ, А. П.	9	11
24.	Семевскій, М. И.	6	7 [3])
25.	Солдатенковъ, К. Т.	8	32
26.	Столыпинъ, Д. А.	5	7 [4])
27.	Сторожевъ, В. Н.	1	1
28.	Шмурло, Е. Ф.	3	3
29.	Щукаревъ, А. Н.	1	1
30.	Архивъ (военно-ученый) Главнаго Штаба	1	1
31.	Архивъ (Московскій) Министер. Иностр. Дѣлъ	1	1
32.	Архивъ (Главный Московскій) Министер. Юстиціи.	3	9 [5])
33.	Библіотека (Александровская Публичная) въ Самарѣ.	5	5
34.	Департаментъ Общихъ Дѣлъ Министер. Государственныхъ Имуществъ	1	1
35.	Общество (Историко-филологическое) при Импер. Новороссійскомъ Университетѣ	1	1
	Итого	163	215 [6])

[1]) Одно сочиненіе совмѣстно издано гг. Дружининымъ и Дьяконовымъ и совмѣстно же пожертвовано въ библіотеку.

[2]) Въ томъ числѣ одинъ атласъ.

[3]) Въ томъ числѣ одинъ портретъ.

[4]) Въ числѣ пяти сочиненій два въ двойномъ числѣ экземпляровъ.

[5]) Кромѣ того, въ приложеніи къ одному изъ сочиненій одинъ пакетъ плановъ.

[6]) Собственно сто шестьдесятъ два сочиненія, ибо два лица пожертвовали по экземпляру одного и того же сочиненія.

Б. Журналы и сборники.

1. Карѣевъ, Н. И.	1	названіе	въ	12 №№
2. Мищенко, Ѳ. Г.	1	»	»	1 №
3. Муромцевъ, С. А.	1	»	»	12 №№ (въ 11 перепл.).
4. Семевскій, М. И.	1	»	»	26 томовъ.
5. Хомяховскій А. А.	1	»	»	2 №№
6. Комитетъ Нижегородскій статистическій	1	»	»	1 томъ
7. Коммиссія (ученая архивная) Таврическая	1	»	»	3 №№
8. Коммиссія (ученая архивная) Ярославская	1	»	»	1 томъ
9. Университетъ Казанскій . . .	1	»	»	12 №№ (въ 6 перепл.).

Добавочный списокъ членовъ Историческаго Общества.

Въ настоящемъ спискѣ значатся члены Общества, избранные съ декабря 1890 г. по мартъ (включительно) 1891 г., причемъ сохраняется нумерація, начатая въ первомъ спискѣ, помѣщен. въ II отдѣлѣ I т. «Истор. Обозрѣнія».

164. *Аммонъ,* Алексѣй Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив. Москва, Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

165. *Анонимовъ,* Иванъ Николаевичъ, препод. исторіи. С.-Петербургъ, Первое реальное училище.

166. *Анучинъ,* Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив. Москва, Дѣвичье-Поле, д. Морозовой.

167. *Ахрамовичъ,* Осипъ Васильевичъ, кандид. ист.-фил. фак. С.-Петербургская сторона, Мытнинская набережная, д. Яковлева.

168. *Багалѣй,* Дмитрій Ивановичъ, проф. харьк. университета.

169. *Бережковъ,* Михаилъ Николаевичъ, проф. Нѣжинскаго историко-филологическаго института.

170. *Беркутъ,* Владиміръ Николаевичъ, преп. ист. Москва, Большой Власьевскій пер., д. Скородумова.

171. *Бобровскій,* Павелъ Осиповичъ, директоръ Военно-Юридической Академіи. С.-Петербургъ, Мойка, Военно-юридическая академія.

172. *Васильевъ,* Иванъ Ивановичъ, препод. ист. С.-Петербургъ. Вас. островъ, 10 линія, д. № 17.

173. *Введенскій,* Александръ Ивановичъ, проф. Петерб. унив. С.Петербургъ. Петерб. сторона, Большая Гребецкая ул., д. 31, кв. 4.

174. *Випперъ,* Робертъ Юрьевичъ, магистрантъ моск. унив. Москва. Мясницкая, Чудовской пер., д. Бруханской.

175. *Владимірскій-Будановъ*, Михаилъ Флегонтовичъ, проф. унив. св. Владиміра. Кіевъ, университетъ.

176. *Вороновъ*, Андрей Петровичъ, преп. Археолог. института. С.-Петербургъ. Вас. островъ, 5 линія, д. 30.

177. *Гротъ*, Николай Яковлевичъ, проф. моск. унив. Москва. Новинскій бульваръ, д. Котлярова.

178. *Дризенъ*, баронъ Николай Васильевичъ. С.-Петербургъ, Ново-Исаакиевская, д. 23.

179. *Кизеветтеръ*, Александръ Александровичъ, преп. исторіи. Москва. Молчановка, Ржевскій пер., д. Чернявскаго.

180. *Ковалевскій*, Максимъ Максимовичъ, б. проф. унив. France. Beaulieu (Alpes maritimes), Villa Batava.

181. *Корсаковъ*, Дмитрій Александровичъ, проф. казанскаго унив. Казань, университетъ.

182. *Кудрявцевъ*, Александръ Алексѣевичъ, преп. ист. Москва. Арбатъ, Малый Песковскій пер., д. Фрауенфельдеръ.

183. *Кузнецовъ*, Григорій Александровичъ. Харьковъ. 2-я Женская Гимназія.

184. *Ланге*, Ричардъ Осиповичъ, прив.-доц. Петерб. унив. С.-Петербургъ. Набережная Мойки, д. 38.

185. *Лебедевъ*, Амфіанъ Степановичъ, проф. Харьк. унив. Харьковъ. Университетъ.

186. *Лопатинъ*, Левъ Михайловичъ, прив.-доц. Моск. унив. Москва. Гагаринскій пер., собственный домъ.

187. *Любавскій*, Матвѣй Кузьмичъ, преп. ист. Москва. Харитоньевскій пер., д. Морозовой.

188. *Маркевичъ*, Алексѣй Ивановичъ, проф. Новорос. унив. Одесса. Университетъ.

189. *Масловскій*, Дмитрій Ѳедоровичъ, проф. Академіи генер. штаба. С.-Петербургъ. Вас. Островъ, 9 линія, д. 39/42, кв. 5.

190. *Метцлеръ*, Адольфъ Адольфовичъ, канд. ист.-фил. фак. С.-Петербургъ. Казанская ул., д. 6, кв. 32.

191. *Молчановскій*, Никандръ Васильевичъ, канд. ист.-фил. фак. Кіевъ. Большая Жандармская, д. 29.

192. *Моравскій*, Сергѣй Павловичъ, препод. ист. Москва. Воздвиженка, д. Кубицкаго.

193. *Мржинскій*, Антонъ Ѳаддеевичъ, б. проф. варш. унив. Варшава. Смольная, собственный домъ.

194. *Нечаевъ*, Владиміръ Петровичъ, преп. ист. С.-Петербургъ. Большая Пушкарская, д. 11, кв. 4.

195. *Орловъ*, Николай Александровичъ, проф. Артил. Акад. С.-Петербургъ. Поварской пер., д. 17.

196. *Пискорскій*, Владиміръ Константиновичъ, канд. ист.-фил. фак. Кіевъ, Нестеровская, д. 28.

197. *Помивановъ*, Аполлонъ Николаевичъ, преп. ист. Москва. Старая Басманная, д. Гагена.

198. *Рубакинъ*, Николай Александровичъ, канд. унив. Уголъ Большой Подъяческой и Садовой, библіотека г. Рубакина.

199. *Савва*, Владиміръ Ивановичъ, препод. ист. Харьковъ. Каплуновская, д. 3.

200. *Сизовъ*, Владиміръ Ильичъ, ученый секрет. Истор. музея. Москва. Историческій Музей.

201. *Смирновъ*, Иванъ Николаевичъ, проф. казан. универ. Казань. Университ.

202. *Собѣстьянскій*, Иванъ Михайловичъ, проф. харьк. ун. Харьковъ. Университетъ.

203. *Солдатенковъ*, Кузьма Терентьевичъ, издатель истор. сочиненій. Москва. Мясницкая, собственный домъ.

204. *Соловьевъ*, Сергѣй Викторовичъ, прив.-доц. харьк. унив. Харьковъ. Университетъ.

205. *Старчевскій*, Евгеній Львовичъ, канд. правъ. Луцкъ, Волынской губ.

206. *Столыпинъ*, Дмитрій Аркадьевичъ, писатель. Москва, Тверская, гостинница Дрезденъ.

207. *Сторожевскій*, Сергѣй Николаевичъ, членъ правл. Харьк. Общ. Библіот. Харьковъ, Усовская ул., д. 3, кв. проф. Г. М. Цѣхановецкаго.

208. *Сторожевъ*, Василій Николаевичъ, пом. ред. изданій Моск. Арх. Мин. Юст. Москва, Архивъ Министерства Юстиціи.

209. *Тураевъ*, Алексѣй Александровичъ, канд. ист.-фил. фак. С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 7 линія, д. 40, кв. 8.

210. *Ульяницкій*, Владиміръ Антоновичъ, прив.-доц. моск. унив. Москва. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

211. *Филипповъ*, Александръ Никитичъ, прив.-доц. моск. ун. Москва. Казанская, д. Шмелькова.

212. *Цагарели*, Александръ Антоновичъ, проф. петерб. унив. С.-Петербургъ, Большая Морская, уголъ Гороховой, д. 25, кв. 27.

213. *Шильдеръ*, Николай Карловичъ, директоръ Военно-инжен. Академіи. С.-Петербургъ, Инженерный замокъ, кв. 1.

214. *Штернъ*, Альфредъ (*Stern*, *Alfred*), проф. исторіи. Цюрихъ. Политехникумъ.

215. *Шульцъ*, Георгій Өедоровичъ, проф. харьков. универ. Харьковъ, Университетъ.

216. *Южаковъ*, Сергѣй Николаевичъ, писатель. С.-Петербургъ. Саперный пер., д. 16, кв. 40.

217. *Ядринцевъ*, Николай Михайловичъ, писатель. С.-Петербургъ, Лиговка, Ковенскій пер., д. 9, кв. 12.

Отчетъ о засѣданіяхъ исторической секціи учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ за осенній семестръ 1890 года.

Въ хроникѣ I тома «Историческаго Обозрѣнія» было уже сообщено, что при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ съ весны 1890 года образовалась историческая секція, которая поставила себѣ цѣлью 1) составленіе нормальной программы (подробнаго конспекта и объяснительной записи) и на ея основѣ, буде возможно, нормальнаго учебника по исторіи и исторической христоматіи и 2) разработку вопросовъ по методикѣ исторіи въ средней школѣ.

Въ секцію эту вошло большинство преподавателей исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. «Имѣя въ виду, сказано было тамъ,—прежде всего взаимную помощь при подготовленіи и обработкѣ матеріала для преподаванія и сознавая, что постановка этого дѣла на научной основѣ можетъ быть достигнута лишь совмѣстной работой многихъ лицъ, спеціально занимающихся разными отдѣлами исторіи, члены секціи рѣшили прежде всего заняться составленіемъ подробной программы по всему курсу русской и всеобщей исторіи, причемъ такая программа должна дать комплектъ фактовъ, подлежащихъ сообщенію, и объяснительную записку къ различнымъ отдѣламъ его. Весною былъ подготовленъ планъ занятій, а осенью секція приступила къ дѣлу». Нами было уже сообщено, изъ кого состоитъ бюро секціи, каковъ принятый въ ней порядокъ занятій, какіе были въ ея засѣданіяхъ прочитаны рефераты, а также были приведены и шесть тезисовъ, положенные въ основу всей работы [1]). Историческое Общество черезъ своего предсѣдателя вступило въ

---

[1]) Считаемъ, впрочемъ, не лишнимъ ихъ здѣсь повторить.

I. Курсъ исторіи въ средней школѣ, при сохраненіи необходимой для достиженія общаго образованія связи съ другими предметами, предполагается, какъ нѣчто цѣльное, въ себѣ самомъ заключающее опредѣленныя задачи, помимо примѣненія сообщаемаго матеріала въ дальнѣйшихъ спеціальныхъ занятіяхъ.

сношенія съ секціей, и результатомъ этого было любезное согласіе секціи помѣщать отчеты о своихъ занятіяхъ на страницахъ «Историческаго Обозрѣнія». Въ настоящемъ его томѣ, кромѣ реферата В. Н. Беркута о «программѣ историческаго курса въ русскихъ и нѣкоторыхъ другихъ заграничныхъ гимназіяхъ», цѣликомъ печатаемаго въ первомъ отдѣлѣ тома, мы имѣемъ возможность напечатать общій отчетъ о засѣданіяхъ секціи за осенній семестръ 1890 г., составленный Р. Ю. Виппером (однимъ изъ секретарей секціи). Такой же отчетъ за весенній семестръ 1891 г. будетъ помѣщенъ въ III томѣ «Историческаго Обозрѣнія». *Ред.*

Въ осенній семестръ 1890 г. работы исторической секціи почти исключительно были посвящены составленію подробной программы для курса исторіи. По вопросамъ методики была прочитана лишь одна работа, А. Ѳ. Гартвига; доклады Е. Н. Щепкина, заключавшіе въ себѣ текстъ учебника по эпохѣ

II. Цѣль преподаванія исторіи въ средней школѣ—развитіе въ учащихся историческаго отношенія къ жизни, которое должно выразиться въ пониманіи процесса историческаго развитія и значенія важнѣйшихъ его моментовъ и результатовъ, причемъ не должны быть упускаемы изъ виду характеристики особенностей эпохъ, отдѣльныхъ національностей и личностей.

III. Что касается воспитанія моральнаго или политическаго посредствомъ историческаго преподаванія, то оно никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено цѣлью, хотя бы и второстепенною, а должно быть разсматриваемо, лишь какъ естественный результатъ всякаго разумнаго преподаванія исторіи.

IV. Указанная цѣль преподаванія исторіи дѣлаетъ единственно возможной всемірно-историческую точку зрѣнія при выборѣ и распредѣленіи матеріала. Въ изложеніи отечественной исторіи рядомъ съ всемірно-исторической точкой зрѣнія выступаетъ національная, требующая выдѣленія и такихъ сторонъ исторической жизни, которыя не имѣли культурнаго вліянія на другіе народы, но сказались важными послѣдствіями въ историческомъ развитіи народа русскаго.

V. Всемірно-историческая точка зрѣнія опредѣляетъ въ каждомъ частномъ случаѣ выборъ матеріала и выдѣленіе той или другой группы фактовъ: для одной эпохи или въ жизни одного народа будутъ выдвинуты на первый планъ явленія внѣшней или внутренней политической и соціальной жизни; для другого момента—явленія литературы и искусства, для третьяго — религіозныя движенія и т. д., смотря по тому, какія стороны жизни въ данную эпоху и у даннаго народа имѣли наибольшее значеніе съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

VI. Въ виду того, что преподаваніе исторіи должно по преимуществу развить въ учащихся пониманіе процесса историческаго развитія (§ 2), наилучшей канвой для группировки матеріала необходимо признать внѣшне-политическую исторію; характеристики религіозныхъ воззрѣній, политическихъ, философскихъ и другихъ ученій, политическаго, соціальнаго и экономическаго устройства и т. п. должны быть по возможности связаны съ выдающимися моментами внѣшней жизни и судьбой замѣчательныхъ личностей.

регентства, имѣли значеніе главнымъ образомъ иллюстраціи къ предложенному тѣмъ же референтомъ обстоятельному плану изложенія соотвѣтствующаго отдѣла въ классѣ и стояли въ тѣсной связи съ первой работой. Подобное же значеніе имѣлъ и другой докладъ, В. А. Фукса, который заключалъ въ себѣ классный разсказъ о системѣ и финансовыхъ учрежденіяхъ Ло и былъ вызванъ возникшими по поводу вышеназванной работы спорами о характерѣ и даже самой возможности изложенія этой трудной главы при помощи учебника и устнаго объясненія. Хотя въ собраніи и высказано было многими желаніе считать прочитанныя статьи частями будущаго учебника и исторической хрестоматіи, однако, въ обсужденіи ихъ собраніе руководилось главнымъ образомъ вопросомъ о выполнимости въ классѣ извѣстнаго отдѣла програмы, не предрѣшая вопросовъ о характерѣ учебника и хрестоматіи,

Дѣятельность секціи въ сентябрѣ 1890 г. началась обсужденіемъ и принятіемъ шести тезисовъ, которые были составлены О. П. Герасимовымъ и Р. Ю. Випперомъ и должны были лечь въ основу при составленіи програмы [1]). Слѣдовавшія затѣмъ работы по составленію програмы можно подраздѣлить на двѣ группы:

I. Рефераты, заключавшіе въ себѣ изложеніе и критику русскихъ и западно-европейскихъ програмъ историческаго курса и

II. Доклады по отдѣльнымъ частямъ програмы.

I. Къ первой группѣ относятся:

1) *Р. Ю. Виппера*: изложеніе и разборъ програмъ преподаванія исторіи и инструкціи къ нимъ (дѣйствующихъ съ 1885 г.) въ австрійскихъ классическихъ гимназіяхъ. Референтъ отмѣтилъ значительное количество часовъ, удѣленныхъ въ австрійскихъ гимназіяхъ на исторію, указалъ на широкую постановку общей цѣли преподаванія исторіи, на распредѣленіе матеріала въ двухъ концентрическихъ курсахъ; далѣе, по изложеніи въ деталяхъ самихъ програмъ, разъяснилъ систему и методъ преподаванія, характеръ пособій, классныхъ работъ и т. п. Въ заключеніе важнѣйшіе и наиболѣе поучительные, по мнѣнію референта, выводы изъ разобранной програмы были сведены къ слѣдующимъ тезисамъ: 1) главною цѣлью преподаванія исторіи ставится развитіе историческаго отношенія къ дѣйствительности: ученикъ долженъ въ концѣ-концовъ знать, какова современная культура въ широкомъ смыслѣ этого слова и какъ она сложилась; съ другой стороны, признано важнымъ, чтобы ученикъ понялъ характеръ историческаго процесса, его общія условія, факторы и законы развитія; 2) особенно важнымъ признано ознакомленіе съ политическими формами, и съ этою цѣлью рекомендовано основательное изученіе внутренней политической исторіи въ ея главныхъ типахъ; 3) преподаваніе исторіи поставлено въ тѣсную связь съ географіей; должно выяснить вліяніе естественныхъ условій на развитіе культурныхъ типовъ; 4) знаком-

[1]) Тезисы эти и приводятся выше въ подстрочномъ примѣчаніи.

ство съ ходомъ событій поставлено не какъ исключительная цѣль преподаванія исторіи; ознакомленіе съ извѣстными формами культуры признано другой важной цѣлью преподаванія исторіи, при достиженіи которой изображеніе выдающихся моментовъ историческаго процесса, т. е. знакомство съ личностями и событіями, является уже только средствомъ.

2) *М. К. Любавскаго*: изложеніе програмиъ преподаванія исторіи во французскихъ лицеяхъ и коллежахъ (изданы въ 1890 г.). Указавъ на распредѣленіе историческаго матеріала въ трехъ курсахъ, референтъ отмѣтилъ эпизодическое преподаваніе исторіи въ видѣ біографій въ первыхъ 3 классахъ (приготов., VIII и VII), имѣющее цѣлью пробудить интересъ, развить воображеніе и образовать рѣчь учащихся. Въ историческихъ курсахъ среднихъ и высшаго класса референтъ отмѣтилъ значительное мѣсто, отведенное культурной исторіи; въ програмиѣ классической исторіи замѣтно стремленіе дать ученикамъ знаніе того культурнаго наслѣдія, которое перешло къ новымъ народамъ отъ древняго міра. Далѣе, большое вниманіе обращено на изложеніе умственнаго движенія XVII и XVIII в. Эпоха революціи и исторія новѣйшаго времени проходятся съ особенною обстоятельностью. Отличительная черта французской програмы состоитъ въ стремленіи связать историческое изученіе съ изученіемъ современности. Общее впечатлѣніе, полученное отъ програмы, референтъ выразилъ такъ: въ современной французской школѣ исторія преподается не для упражненія только памяти и развитія похвальныхъ чувствъ, но и въ цѣляхъ чисто научнаго развитія и связаннаго съ нимъ трезваго гражданскаго воспитанія молодого поколѣнія.

3) *В. А. Михайловскаго*: сравнительный обзоръ министерскихъ плановъ гимназическаго курса по исторіи за 1877 и 1890 годы. Референтъ ограничился фактическимъ изложеніемъ отличій новой програмы отъ старой. Общее впечатлѣніе, получившееся отъ сравненія, было то, что послѣдняя програма вноситъ мало новыхъ фактовъ, а настаиваетъ преимущественно на новыхъ объясненіяхъ. Въ частности новая програма требуетъ болѣе внимательнаго изученія Византіи и славянъ. Въ отношеніи русской исторіи повторено требованіе о необходимости выдѣленія свѣтлыхъ сторонъ и умолчанія о темныхъ.

II. Ко второй группѣ относятся:

1) *В. А. Фукса*: нѣсколько замѣчаній къ предполагаемой програмѣ и учебнику по древней исторіи. Референтъ исходилъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, замѣчаемыхъ въ общепринятомъ въ большинствѣ учебниковъ выборѣ и распредѣленіи историческаго матеріала, и предлагалъ соотвѣтствующія перемѣны; между прочимъ, было указано на неправильное, по большей части, введеніе въ курсъ миѳовъ и легендъ, на затруднительность изученія подробныхъ географическихъ обзоровъ передъ знакомствомъ съ исторіей страны, на недостаточно связное и послѣдовательное изложеніе развитія древнихъ государствъ, на неточность раздѣленія на періоды и др.

2) *Е. Н. Щепкина:* изложеніе эпохи регентства въ гимназическомъ курсѣ исторіи.

Этой работѣ предшествовало постановленіе собранія, что разрабатываемая въ коммиссіи нормальная программа по своему внѣшнему виду должна состоять изъ подробнаго конспекта подлежащихъ сообщенію въ классѣ фактовъ и объяснительной записки къ нему.

Референтъ предложилъ свое сообщеніе, какъ пробу изложенія небольшой части програмны для того, чтобы выяснить, между прочимъ, желательный характеръ работъ. На выбранной эпохѣ онъ имѣлъ въ виду отмѣтить всѣ вопросы, относящіеся до исторіи Франціи въ XVIII в. вообще. Выборъ свой онъ мотивировалъ тѣмъ, что изложеніе эпохи регентства въ учебникахъ на русскомъ языкѣ не отвѣчаетъ не только требованіямъ науки, но и популярному изложенію французскихъ сочиненій. Въ основу изложенія были положены общія сочиненія по исторіи Франціи (Гизо, Дарестъ, Мартенъ, Дюрюи), нѣкоторыя монографіи (Лемонтей, Бабстъ) и два важнѣйшихъ источника (мемуары С. Симона и Дюкло). Работа отправлялась отъ разбора изложенія этой эпохи въ русскихъ учебникахъ (Трачевскаго, Шульгина и Иловайскаго); далѣе референтъ указалъ какія движенія должны быть параллельно или послѣдовательно прослѣжены черезъ царствованія Людовиковъ XIV. XV и XVI, не группируя ихъ пока по періодамъ; изложилъ затѣмъ, какія явленія, сообразно предложенному общему плану, должны быть отмѣчены для эпохи регентства. Въ этомъ изложеніи преобладала внѣшняя государственная исторія и главное вниманіе было обращено на систему и финансовыя учрежденія Ло. Референтъ настаивалъ на томъ, что послѣднія должны быть изложены подробно или вовсе опущены; что если вообще слѣдуетъ знакомить учениковъ съ возникновеніемъ и характеромъ банковыхъ учрежденій, то всего удобнѣе связать эти объясненія съ эпохой регентства.

Въ заключеніе было указано, какими источниками и какими сочиненіями всего удобнѣе можетъ пользоваться учитель для пополненія предложенныхъ референтомъ рубрикъ и для подготовки къ уроку по разбираемой эпохѣ.

Въ преніяхъ по реферату Е. Н. Щепкина оппонентами было указано 1) на чрезмѣрное обиліе фактовъ для эпохи, сравнительно мало значительной по своему историческому вліянію на судьбы, какъ Европы, такъ и Франціи; 2) на то, что общія теоретическія объясненія о кредитныхъ учрежденіяхъ не могутъ быть введены въ учебникъ, такъ какъ требуютъ значительнаго отступленія, и должны быть сдѣланы предметомъ особаго разсказа или статьи исторической хрестоматіи; 3) что представляется неясной группировка фактовъ, относящихся къ эпохѣ регентства и подлежащихъ, по мнѣнію референта, сообщенію въ классѣ. Референтъ отвѣчалъ, что представленная имъ программа заключаетъ въ себѣ maximum свѣдѣній, который всегда можетъ быть сокращенъ примѣнительно къ условіямъ преподаванія. Для устраненія недора-

зуждній относительно группировки онъ взялся представить текстъ учебника по эпохѣ регентства.

3) Примѣрному *тексту учебника по эпохѣ регентства* Е. Н. Щепкинъ предпослалъ рядъ общихъ замѣчаній о характерѣ учебника въ отношеніи формы изложенія, изображенія фактовъ и языка. Онъ находилъ, что въ учебникѣ отвлеченному способу изложенія должно быть отдано предпочтеніе передъ изложеніемъ въ чувственныхъ образахъ; личное отношеніе автора къ фактамъ также не должно проявляться въ учебникѣ; иллюстраціи, освѣщеніе и возбужденіе извѣстныхъ чувствъ въ отношеніи къ фактамъ—дѣло устнаго изложенія. Учебникъ долженъ вызывать разсудочную дѣятельность. Языкъ учебника долженъ быть сухъ и серьезенъ; далекій отъ поддѣлки подъ языкъ дѣтскій, онъ долженъ быть таковъ, чтобы его могли понять вступающіе въ университетъ. Предложенный Е. Н. текстъ чрезвычайно сжатый, заключалъ въ себѣ около $2^1/_2$ печатныхъ страницъ.

4) *В. А Фуксъ*, исходя отъ нѣкоторыхъ соображеній, высказанныхъ имъ въ преніяхъ, предложилъ *опытъ устнаго объясненія системы Джона Ло ученикамъ средней школы.*

Объясненію системы В. А. Фуксъ предпослалъ обстоятельный очеркъ экономическаго развитія въ Европѣ въ новое время. Прочитанный текстъ, вызвавшій общее одобреніе, большинство собранія признало болѣе подходящимъ для исторической хрестоматіи [1]).

III. По *Методикѣ* исторіи была прочитана только одна работа *А. Ѳ. Гартвига*: о нѣкоторыхъ методическихъ пріемахъ преподаванія исторіи въ младшихъ классахъ (III, IV и V). Исходя отъ желанія внести оживленіе въ преподаваніе, заставить работать весь классъ и добиться въ сравнительно короткое время твердаго усвоенія важнѣйшихъ фактовъ, референтъ предлагалъ: 1) перекрестный опросъ всего класса учителемъ; 2) употребленіе вопросника; 3) взаимный опросъ учениковъ; 4) составленіе учениками историческаго альбома и 5) свѣтовыя картины [2]).

Въ преніяхъ указывалось главнымъ образомъ на опасность злоупотребленія первыми тремя пріемами, которые легко могутъ, кромѣ того, сдѣлать преподаваніе слишкомъ формалистическимъ (особенно примѣненіе вопросника). Два послѣднія средства, съ извѣстными оговорками, были признаны полезными.

Отдѣльно стояла работа М. П. *Боголѣпова*, познакомившаго собраніе съ взглядами нѣмецкихъ педагоговъ на воспитательное значеніе историческаго преподаванія по статьѣ Maydorn'a въ Pädagog. Archiv (1890, № 4).

---

[1]) Съ самими работами Е. Н. Щепкина и В. А. Фукса мы надѣемся познакомить читателей въ III томѣ „Истор. Обозр". *Ред.*

[2]) *Г. Гартвигъ* проводитъ тѣ же взгляды въ брошюрѣ „Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ" Москва. 1891. *Ред.*

Исходя изъ общепризнанныхъ недостатковъ современнаго преподаванія исторіи (обиліе внѣшнихъ фактовъ, сухихъ и мало связанныхъ между собою), разбираемый авторъ предлагаетъ внести, въ качествѣ главнаго матеріала, въ преподаваніе культурныя и экономическія явленія. Такая постановка преподаванія дастъ общую нить для разъясненія всего историческаго развитія, подготовитъ къ пониманію современныхъ явленій и вызоветъ болѣе патріотическое и гуманное настроеніе.

Редакція «Историческаго Обозрѣнія» считаетъ себя счастливою, что имѣетъ возможность помѣщать отчеты о засѣданіяхъ московскаго историко-педагогическаго кружка въ сборникѣ петербургскаго Историческаго Общества, которое, между прочимъ, занимается и историко-педагогическими вопросами. Въ засѣданіяхъ нашего Общества нѣсколько разъ уже заходила рѣчь о почтенной дѣятельности московскихъ преподавателей исторіи; многіе изъ нихъ вступили въ число членовъ Историческаго Общества, а товарищъ предсѣдателя «Исторической секціи», В. Н. Беркутъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ для прочтенія въ засѣданіи 28 марта своего реферата о гимназической программѣ исторіи въ Австріи, Пруссіи, Россіи и Франціи; печатаніе на страницахъ «Историческаго Обозрѣнія» отчетовъ, обязательно составляемыхъ для него Р. Ю. Виппером, дастъ возможность членамъ Историческаго Общества слѣдить за работами московскихъ преподавателей исторіи.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
на 1891 годъ.

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются:

I. Въ **отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомондованные факультами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи**: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за-границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями **6 руб.**, съ пересылкою **7 руб.** Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по **1 р. 50 к.** Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ. **Ѳ. Мищенко.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ"

въ 1891 году (годъ второй).

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ» издается подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева и Н. М. Коркунова.** Задачею журнала поставляется, во-первыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни, во-вторыхъ, ознакомлененіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ» заключаетъ въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ права и государствовѣдѣнія; II. Хроники: законодательную, судебную и научную; III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ» выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ котороому прилагаетсо общее оглавленіе. Подписная цѣна **5 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Гг. **иногородные** благоволятъ обращаться *въ Главную контору* «ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ», С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, по 5 линіи, домъ № 28, *книжный складъ М. М. Стасюлевича.*

